

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Collin

13E7

Collar

13E7

INDEXED

*QCA

Digitized by Google

БИБЛИОТЕКА

ДЛЯ ЧТЕНІЯ,

ЖУРНАЛЬ

СЛОВЕСНОСТИ, НАУКЪ, ХУДОЖЕСТВЪ, ПРОМЫШЛЕН-
НОСТИ, НОВОСТЕЙ И МОДЪ.

=

*Ἐμοὶ δὲ τί αἰσχρὸν, τοῖς ἑτέροις μὴ δύνασθαι περὶ
ἐμοῦ τὰ δίκαια μῆτε γνῶναι μῆτε ποιῆσαι; Ὅρα
δ' ἔγωγε καὶ τὴν δόξαν των προγεγονότων ἀνθρώπων
ἐν τοῖς ἐπιγυρομένοις οὐχ ὁμοίαν καταλιπεμένην τῶν
τε ἀδικησάντων καὶ των ἀδικηθέντων.*

Socrat. apud Xenophont. iv, 8, 9.

=

ТОМЪ СЕМЬДЕСЯТЬ-ШЕСТОЙ.

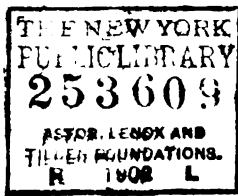
=

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФИИ КАРЛА КРАЙЯ.

1846.

Digitized by Google

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ упомянутое число экземпляровъ. Санктпетербургъ, 30 апрѣля, 1846.

Ценсоръ А. Никитенко.
Ценсоръ Н. Ивановскій.
Ценсоръ А. Очкинъ.

ОГЛАВЛЕНИЕ

СЕМЬДЕСЯТЬ-ШЕСТАГО ТОМА.

I.

РУССКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

СТИХОТВОРЕНИЯ.

Увядшая роза. <i>Гр. Перетца.</i>	5.
Незнакомецъ. <i>Его же.</i>	6.
Фонтанъ. <i>Его же.</i>	7.
Баянка. Три Ивана. <i>Д. Минаева.</i>	77.

ПРОЗА.

Петербургъ днемъ и ночью. <i>Е. Ковалевскаго.</i> Часть шестая и послѣдняя	9. ✓
Приключенія, потерпѣнутыя изъ моря житейскаго. <i>А. Волы- мана.</i>	81. ✓

II.

ИНОСТРАННАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

Шекельо Аллыага или Мавры при Филиппѣ-Третьемъ. Романъ Евгенія Скриба. Часть вторая.	1.
Тоже Часть третья.	69.

III.

НАУКИ И ХУДОЖЕСТВА.

Космос ꙗ (Мірозданіе). Барона Александра Гумбольдта.	1.
Статья пятая.	39.
Статья шестая	

IV.

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ И СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО.

Экономія (человѣческихъ обществъ и состояніе финансовъ.	
Сочиненіе графа Е. Ф. Канкринъ. Часть вторая	1.
Часть третья.	32.
Банкъ народнаго благосостоянія. Генераль-маіора Андрея Пашкова.	49.
Обработка пеньки, льна и подскони. М. А. Байкова	67.

V.

КРИТИКА.

Столѣтіе Россіи съ 1745 до 1845 года, или историческая картина достопамятныхъ событій въ Россіи за столѣть. П. Полеваго. А. В. Никитенко.	1.
Брынскій лѣсъ. Эпизодъ изъ первыхъ годовъ царствованія Петра-Великаго. Сочиненіе М. Загоскина. Его же.	35

VI.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

Май, 1846. Новыя книги	1.
— — Разныя извѣстія	34.
Іюнь, 1846. Новыя книги и брошюры.	35.
— — Разныя извѣстія	70.

VII.

СМѢСЬ.

МАЙ.

Электрическіе токи, производимые звуковыми вибраціями. Опытъ господъ Эрманна и Сулливена	1.
Теплота луннаго свѣту. Опыты господина Меллди	3.
Вліяніе почвы на здоровое количество растеній употребляемыхъ въ пищу. Опыты господина Бушарда	3.
Растительная слоновая кость	3.
Картонка подъ ланерою Д. Разказъ Теодора Урліака	4.
Юмористъ на Востокѣ. Разговоръ путешественника съ пашою. Милая шутка. Женщины. Встрѣча двухъ Англичанъ въ пустынѣ	17.
Птичка въ клеткѣ. Разказъ Леона Гозлана	28.
Французскій театръ въ Парижѣ	67.
Музыкальныя новости.	75.
Новыя французскія книги	79.
Новыя музыкальныя сочиненія	81.
Моды	83.

І Ю Н Ъ.

Пребываніе Китайскаго правительственнаго комиссара Кина въ Хонконгѣ, у Англичанъ.	86.
---	-----

Дворъ Мехмеда-Али. Паша вѣдинъ съ своимъ слугою.	
Приключеніе съ Клотъ-Беемъ. Гаремъ пашы. Золотыя розсыпи.	98.
Питомцы гвардіи.	112.
Французскій театръ въ Парижѣ.	116.
Музыкальныя новости.	119.
Новыя французскія книги.	120.
Новыя музыкальныя сочиненія.	121.
Меды.	123.

Послѣдній изъ Колобриеровъ, романъ госпожи Шарля Ребб.	
Часть вторая и послѣдняя.	1.
Герцогъ де-Гюизъ, романъ Фредерика Сулиѣ часть первая.	57.
Тоже, часть вторая.	129.

=

БИБЛИОТЕКА

ДЛЯ ЧТЕНІЯ.

I.

РУССКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

УВЯДШАЯ РОЗА.

Car le Seigneur nous retire
Les fruits à peine cueillis.
v. Hugo.

Цвѣтокъ завялъ, еще не распустившись....
Предъ нимъ стою исполненъ грустныхъ думъ;
Не такъ ли гаснетъ, часто не развившись,
Въ трудахъ науки не окрѣпшій умъ? f-

Онъ возрасталъ и былъ бы украшеньемъ
Родной семьи; но солнцемъ не согрѣтъ
Иль подточень, какъ червякомъ, сомнѣньемъ,
Онъ вянетъ, — гдѣ же этотъ пышный цвѣтъ?

Не такъ ли часто чувство замираетъ,
Какъ замеръ этотъ бѣдненькій цвѣтокъ?

Его ничто лучомъ не согрѣваетъ
И не разившись онъ уже поблекъ!

Не такъ ли часто мысль благая гложеть,
Когда въ душѣ нѣтъ силъ ее питать?
Цвѣтокъ растеть, но скоро онъ засохнетъ,
На немъ лежитъ ужъ тлѣнія печать!

Не такъ ли мы и сами умираемъ,
Какъ все еще незрѣлымъ гаснетъ въ насъ?
Живемъ, живемъ, но рѣдко достигаемъ
До полной жизни и въ предсмертный часъ!

Мы — какъ цвѣты! — Немногимъ раснустился
Даетъ возможность или силу рокъ,
Намъ суждено къ развитію стремиться,
Но часъ насталъ, — и пышный цвѣтъ поблекъ!

Но, человѣкъ! не ужасайся тлѣнья,
Ты не исчезнешь, такъ какъ слабый цвѣтъ!
Ты жизнь найдешь путемъ уничтоженья,
Нѣтъ солнца *здѣсь*, а *тамъ* — *тамъ* вѣчный свѣтъ!

ГР. ШЕРЕТЦЪ.

=

НЕЗНАКОМЕЦЪ.

=

Онъ былъ угрюмъ на видъ, глубокія морщины
На насмурномъ его челѣ проведены ;
Небрежно по лицу струмса волосъ длинный ,
Кругами синими глаза обведены.
На щеки впалыя лишь пятнами большими
Румянецъ изрѣдка багровый выступалъ
И рѣзкія черты отливами своими
И рѣдкой вспышкой сильнѣй обозначалъ.
И мнѣ казалось, что на лицѣ читаю
Я повѣсть длинную страданій и скорбей,
И что тѣмъ болѣе въ черты его вникаю,

Тѣмъ жизнь его душѣ становится яснѣй.
 Я видѣлъ въ немъ слѣды безропотныхъ лишений
 И добровольныхъ жертвъ для цѣли дней своихъ,
 Которые провелъ въ борьбѣ противъ сомнѣній,
 То покаясь имъ, то побуждая ихъ.
 Я постигалъ, какъ онъ, тоскою безпредметной,
 Томился межъ людей не находя любви,
 Какъ увлекался онъ идеєю завѣтной,
 Какъ отживалъ душой, какъ стынулъ жаръ въ крови.
 Я замѣчалъ слѣды борьбы ожесточенной
 Съ нуждою и съ людьми, съ страстями и съ судьбой,
 И видѣлъ съ ужасомъ, какъ всѣми побѣжденный
 Онъ руку заносилъ неволью надъ собой!...

ГР. ЦЕРЕТЦЪ.

=

ФОНТАНЪ.

=

Песокъ и небо, небо и песокъ,
 Ни человѣка, ни растенья.
 Казалось, Богъ въ уныніе облекъ
 Пустыню, мѣсто вдохновенья.
 Языкъ засохъ въ гортани огневой
 И жаждой пламенной томится;
 Потъ, выступая хладный, гробовой,
 По высохшей щекѣ катится.
 И степь кругомъ. — Конецъ ея далекъ,
 И нѣтъ отъ гибели спасенья!
 Песокъ и небо, небо и песокъ,
 Ни человѣка, ни растенья!

И вдругъ средь степи быстрый водометь,
 Какъ оживляющая манна
 Упалъ росю. Пальма возстаетъ
 Надъ русломъ каменнымъ фонтана,
 Раскинулось развѣсистымъ шатромъ
 Надъ степью Божье опахало,
 И, какъ наметь, густымъ своимъ перомъ

Фонтанъ отъ солнца охраняю.
 Знаю жизни только пальма подасть,
 Кругомъ природа бездыханна
 И среди степи быстрый водопадъ
 Какъ оживляющая манна.

И надпись есть на каменной доскѣ:
 « Молитесь, вѣрные, молитесь!
 « Мой прахъ зарыть подъ камнемъ снѣгъ въ песокъ,
 « Но вы могли не страшиться:
 « Она вамъ дастъ прохладу и покой,
 « Васъ пальма листьями прикроетъ,
 « Ключъ напоитъ студеною струей,
 « Дыханье вѣтра успокоитъ.
 « Но вспомните, найдя покой въ тоскѣ,
 « Что чрезъ меня вы насладитесь,
 « Что надпись есть на гробовой доскѣ:
 « Молитесь, вѣрные, молитесь!»

Но тщетно мертвый ждетъ молитвъ святыхъ:
 Объ немъ никто не вспоминаетъ,
 Хотя плоды трудовъ его благихъ
 Усталый путникъ принимаетъ.
 Такъ и поэтъ лучей своихъ вѣнцомъ
 Съ восторгомъ украшаетъ дѣву,
 Но гордая не дорожитъ пѣвцомъ,
 Чуть внемля страстному напѣву.
 И пораженъ презрѣньемъ чувствъ своихъ,
 Онъ одиноко умираетъ,
 Но тщетно мертвый ждетъ молитвъ святыхъ:
 Объ немъ никто не вспоминаетъ!

ГР. ШЕРЕТЦЪ.

=

ПЕТЕРБУРГЪ

ДНЕМЪ И НОЧЬЮ.

=

В. П. КОВАЛЕВСКАГО.

=

Часть шестая и послѣдняя.

=

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

ПЕТЕРБУРГЪ ЗИМОЙ.

Петербургъ зимою кипитъ и волнуется сильнѣй лѣтняго, несравненно сильнѣе. Лѣтомъ только Биржа дѣятельна: тутъ еще интересы многихъ напряжены; зимою Петербургъ весь оживаетъ какъ-бы на-перекоръ окружающей природѣ, которая послѣ краткой дремоты лѣта переходитъ въ глубокой сонъ. Сколько новыхъ элементовъ, новыхъ страстей, новыхъ фортувъ, новыхъ жизней прибываетъ зимою въ этотъ всеокрушительный водоворотъ! Балы, маскарады съ своими интригами, пикники со своею изъисканной простотой, театры — все это случается и лѣтомъ, но для полнаго своего развитія ждетъ зимы, ждетъ длинныхъ ночей, темныхъ или пышущихъ искусственнымъ свѣтомъ, нѣгой, напоенныхъ благоуханіемъ, согрѣтыхъ жаркими страстями, ждетъ привѣтливыхъ камельковъ будоара, ждетъ полусвѣта матовой лампы, ждетъ всеобщаго упоенія, потому что среди него легче

удивиться, скорѣ избѣжать любопытнаго взгляда, докучнаго слова.... А игра!.. конечно, всего болѣе страсти, всего болѣе жизни издерживается на игру.... Не мало также уходитъ на нее ума, интриги, восторгу, отчаянія.... игра на лѣто удаляется за границу или въ провинціи, вслѣдъ за другими ищущими пользы или удовольствія, представляя свои услуги на тотъ и другой предметъ.... это такая душеспасительная спутница!... Подобно ртути всасывается она въ общество, а какъ ртуть всего удобнѣе насыщается золотомъ, то умные люди и стараются улавливать эту амальгаму.

Есть домъ, гдѣ новидимому игра составляетъ совершенно побочное занятіе, такъ, — междудѣйствіе; домъ семейные, гдѣ танцуютъ, даже занимаются музыкой; холостые — гдѣ пируютъ, а между тѣмъ игроки тутъ-то именно и назначаютъ свиданіе себѣ и другимъ. Хозяева не обращаютъ на нихъ вниманія: какое имъ дѣло, что на ихъ простотѣ основываютъ свои расчеты другіе; а игрокамъ только то и нужно; они не могутъ иначе залучить въ свои сѣти простяковъ, предубѣжденныхъ противъ ихъ профессіи; а тутъ, кто станетъ подозрѣвать, чтобы въ домѣ добродушнаго хозяина, который не умѣетъ различить тройки отъ туза, совершались карточныя душегубства. Неразгадаю еще, однако, участвуютъ ли эти люди въ заговорѣ игроковъ. Основываясь на томъ, что свѣтъ крайне умудрился и подобное дѣтское невѣдѣніе трудно предполагать въ нашъ вѣкъ, да еще въ столицѣ, невольно становишься недобѣрчивымъ. Впрочемъ, такъ какъ въ дѣлахъ науки должно представлять одни факты, а не догадки, а тутъ рѣчь идетъ о великой наукѣ сердца человѣческаго, то мы оставляемъ подозрѣнія всторонѣ, и обращаемся къ своему разсказу.

Въ одномъ изъ подобныхъ домовъ, богатыхъ и изящныхъ, хотя отдѣланныхъ на холостую ногу, въ приемныхъ комнатахъ было нѣсколько человѣкъ молодежи. Бесѣда тянулась тихо, осторожно, какъ-будто въ сосѣдней комнатѣ, куда по временамъ входили и откуда опять выходили, то одинъ то другой, совершалось что-то таинственное, важное, какая-нибудь медицинская операція, какой-нибудь химическій опытъ. Время было уже гораздо за-полночь. Казалось нѣ-кого было ожидать, какъ вдругъ дверь съ шумомъ отворилась и цѣлая толпа молодежи ввалилась въ комнаты.

— Тсъ, тише.... сказалъ хозяинъ, идя на встрѣчу прибывшимъ: что, развѣ балъ кончился?

— Нѣтъ, въ полномъ разгарѣ. — Да что жъ тамъ у васъ?

— Бой на-жизнь и на-смерть.

— Ба!...

— Каковъ балъ?

— Скука смертная... Пусти же насъ поглядѣть: это интересно.

— Только развѣ поглядѣть, а ужъ играть тутъ нельзя.... Я не понимаю дѣла, а, кажется, этотъ Невскій сьумасшедшій.

Толпа тихонько прокралась въ кабинетъ и непримѣтно обступила сидѣвшихъ за зеленымъ столомъ, на которомъ дѣйствительно совершалось страшное таинство. Только двое принимали въ немъ живое участіе, двое другіе сидѣли какъ-будто для полноты картины; они ставили незначительные куши, для задержки тайн. Весь интересъ сосредоточивался на банкометѣ и одномъ понтерѣ: у послѣдняго шелъ кушъ, который бы могъ составить два независимыхъ состоянія и все это на одной картѣ; понтеръ былъ Невскій. Онъ сидѣлъ облокотившись и упираясь подбородкомъ на ладони рукъ; глаза его были устремлены на карту, но не изображали того нетерпѣливаго ожиданія, того судорожнаго трепета сердца, которое отражается или незапнымъ блескомъ, или отчаянною неподвижностью. Лицо было холодно. Лобъ не сморщень, губы не сжаты, какъ вообще бываетъ въ напряженномъ состояніи. Невскій былъ равнодушенъ или почти равнодушенъ, потому что трудно предположить искреннее, совершенное равнодушіе въ такой игрѣ, какую онъ теперь велъ. Правда, есть игроки, выдержавшіе всѣ менытанія судьбы, побѣдительно выступившіе изъ-подъ ея ударовъ, тѣ, подобно опытнымъ, обгорѣлымъ въ порохѣ воинамъ всегда хладнокровны, расчетливы въ дѣлѣ: они не измѣняютъ себѣ неосторожнымъ словомъ, ни движеніемъ нетерпѣнія, сидятъ вперивъ взоръ въ антагониста, проикая его насмехомъ и читая по напряженному лицу сокровенныя мысли его игры: эти люди идутъ почти всегда на вѣрную побѣду. Другіе играютъ только роль равнодушныхъ, между-тѣмъ внутри ихъ цѣлая буря страстей: эти опасны себѣ самимъ. Есть, наконецъ, люди, которые дѣйствительно хладнокровны къ выигрышу и къ проигрышу. Къ чему же они играютъ? спросите вы....—А такъ! потому что всѣ играютъ. Иногда желая испытать сильные ощущенія, забытья отъ однообразія ежедневной жизни и уйти отъ общества, которое надоѣло; иногда это бываетъ минутное увлеченіе, искушеніе, которымъ умѣютъ ловко воспользоваться другіе.... Къ первой категоріи игроковъ принадлежалъ нашъ банкометъ, къ послѣдней понтеръ...

Конечно, въ началѣ игры Невскій не оставилъ бы на карту всего своего состоянія, какъ ни увлечень былъ предшествовавшими обстоятельствами, — крайностью; очень вѣроятно, что и банкомѣтъ не сталъ бы метать противъ такого куша; но теперь, судя по испещренному столу, по длинному ряду цвѣрь, перочерченныхъ и возобновленныхъ, ясно было, что битва шла давно; бойцы, казалось, были выведены изъ терпѣнія нервностию игры, которая склонялась на сторону то одного, то другаго. Такъ два врага, изломавъ всё оружiя, рѣшаютъ бой пистолетами. Нельзя также не замѣтить, что между двумя игроками существовала взаимная, скрытая неприязнь; ее еще больше раздули нѣсколько неосторожныхъ словъ, сказанныхъ тѣмъ и другинѣ втеченіи вечера, нѣсколько колкихъ намековъ. Надо же было покончить: они сражались на-смерть. И странно и страшно было глядѣть на эту борьбу, совершавшуюся съ такимъ хладнокровіемъ, а между-тѣмъ она неминуемо должна была окончиться нравственною погибелю одного изъ антагонистовъ.

Окружавшіе ихъ выражали больше страху и сомнѣнія. Между ними былъ одинъ, который непременно обратилъ бы на себя вниманіе, если бы оно не было устремлено на играющихъ. Это молодой человѣкъ, повидимому едва вышедшій изъ юношескаго возраста, съ маленькими усиками, съ черными глазами, которые горѣли въ полномъ смыслѣ слова: онъ пришелъ поздно, вибѣтъ съ толпою молодыхъ людей и робко прокрадся въ комнату играющихъ. Тутъ онъ весь измѣнился, глаза его дотога впались въ Невскаго, что тотъ невольно обратилъ голову въ ту сторону, гдѣ стоялъ молодой человѣкъ, не замѣтивъ, конечно, ни его, ни стоявшихъ воокъ. Нѣкоторые, послѣ такого движенія одного изъ играющихъ, ушли, полагая что ихъ присутствие по чему-нибудь ему неприятно, зная по опыту, какими предразсудками одержимы играющіе и уважая ихъ въ себѣ, терпѣли въ другихъ; но молодой незнакомецъ оставался неподвижнымъ. Для него нечесъ весь свѣтъ съ его предубѣжденіями: существовалъ только одинъ человѣкъ, тотъ что такъ равнодушно глядѣлъ, какъ равнодушный взмахъ банкомѣта готовъ былъ въ одно мгновение уничтожить все его состояніе и его самого пустить съ сумой по-міру. Нѣсколько разъ молодой человѣкъ порывался подойти къ Невскому и остановить его, но неопытный въ игрѣ, онъ однако зналъ, что стараться остановить Невскаго въ какомъ бы ни было дѣлѣ, значило понудить его скорѣе къ исполненію. Онъ не зналъ на что ему рѣшиться. Въ глазахъ его Невскій походилъ

на лунатина, стоявшаго на краю крыши трехъ-этажнаго дому: разбудить его въ такую минуту, значило свергнуть съ высоты на каменную мостовую: оставалось глядѣть и ужасаться, ожидая помощи отъ одной судьбы. Молодой человѣкъ также поспрашивалъ на движешя банкомѣта, мѣрные, точныя, какъ взмахъ матишка, видимо ничего не понимая: онъ хотѣлъ угадать на лицахъ играющихъ судьбу игры, но, какъ мы замѣтили, лица были недвижны. Съ ужасомъ глядѣлъ онъ на страшную цифру, выставленную надъ картой и съ замирающимъ сердцемъ ожидалъ тѣмъ все это кончится. Еще взмахъ, другой.... банкомѣтъ вскрылъ карту лѣвой стороны.... и невольно двинулся на стулъ.... вскрылъ правую.... и выдохнулъ свободнѣе.... плад!... Много страстей промелькнуло въ сердцахъ присутствовавшихъ и отразилось на лицахъ ихъ; одинъ контеръ оставался равнодушнымъ. Не измѣняя своего положеня, не перемѣняя карты, онъ лѣниво произнесъ:

— Отъигрывался!

— Она же?

Контеръ утвердительно кивнулъ головою.

Началась прежняя борьба. Молодой человѣкъ, видя, что игра не прекратилась, понялъ, что не все еще было кончено, и не забывая о томъ, что на него могли обратить вниманіе, чего такъ избѣгалъ и такъ боялся вначалѣ, находясь между людьми совершенно ему чуждыми, онъ выставился совсѣмъ впередъ.

Послѣ нѣсколькихъ абзуговъ, банкомѣтъ остановился и молча указалъ на вскрытую карту.

— Вижу, отвѣчалъ Невскій на этотъ нѣмой вопросъ.

Судорожная дрожь какъ электрическая искра пробѣжала по обществу. Невскій проигралъ!... Дѣло шло къ расплатѣ.... Не зналъ какъ Невскій завернется при такомъ огромномъ проигрышѣ, присутствовавшіе, ницѣ нѣтъ деликатности, другіе нѣтъ соучастія къ несчастію, которое не чуждо игрокамъ, почти все ушли изъ комнаты.... Невскій, наклонившись надъ столомъ, машинально водилъ по немъ мѣломъ, какъ-будто повѣряя проигрышъ и сособрававъ платежи. Но по лицу видно было, что его заботила другая, болѣе существенная мысль. Банкомѣтъ, повернувшись къ нему въ пол-оборота и безпечно загнувъ руки за спинку стула, велъ разговоръ съ кѣмъ-то изъ оставшихся въ комнатѣ о томъ, весело ли было на балѣ? Хороша ли была та или другая?

Въ это время къ столу подошелъ человѣкъ почтенныхъ лѣтъ и вида, въ зеленыхъ очкахъ; наклонившись къ Невскому и облокотившись, такъ что совсѣмъ закрывалъ его собою, — онъ шеп-

нулъ нѣсколько словъ. Невскій видимо обрадовался; пожилой человѣкъ отошелъ и также довольный разговоромъ, оставилъ, непримѣтно для другихъ, въ рукахъ Невскаго банковый билетъ въ огромную сумму. Невскій отдалъ билетъ банкومتу.

— Здѣсь разница въ сотни рублей, недостающихъ или лиш-
нихъ, — хорошо не знаю: провѣрьте!

— Стоять ли говорить о такой бездѣлицѣ. Билетъ, вѣроятно, перейдетъ опять въ ваши руки, а я его отдамъ въ той же суммѣ, въ какой получилъ.

Невскій не слышалъ отвѣта. Онъ отошелъ къ письменному столу, стоявшему у окна и сталъ писать.

Молодой человѣкъ съ маленькими усиками и черными глазами едва держался на ногахъ, узнавъ о развязкѣ игры; онъ хотѣлъ-было подойти къ Невскому прежде чѣмъ пожилой человѣкъ вручилъ его, но изнеможеніе, страхъ обнаружить себя при другихъ, боязнь, что Невскій откажется отъ пособія, все это удерживало его на мѣстѣ; наконецъ, желая скрыть свое волненіе отъ другихъ, онъ имѣлъ столько присутствія духа, что отошелъ за драпиръ окна. У этого окна, стоя бокомъ къ нему, отдѣленный только шелковою матеріею отъ молодаго человѣка, Невскій писалъ. Незнакомецъ, отстранивъ занавѣсъ, легко могъ прочесть писанное; онъ не выдержалъ искушенія и прочелъ. Записка состояла въ слѣдующихъ немногихъ словахъ. «Третью свою часть въ золото-промышленной компаніи Смольнева и Ленина уступаю въ вѣчное и потомственное владѣніе Смольневу; въ чемъ и обязуюсь честнымъ словомъ заключить законный актъ.» Затѣмъ подписалъ.

Боже! Это послѣднее его достояніе: теперь онъ нищій, подумалъ молодой человѣкъ, и лицо его выразило страданіе, отчаяніе; но вскорѣ какая-то непонятная надежда оживила его. Чтѣ, если бь.... Надо дѣйствовать! прошепталъ онъ.... Господи, пособи мнѣ.... И онъ перешелъ въ другую комнату вслѣдъ за Невскимъ, въ полной увѣренности, что тотъ не останется ни минуты въ домѣ, куда вошелъ богачомъ и откуда выйдетъ нищимъ, и рѣшившись не упускать его изъ виду. Но Невскій вмѣстѣ съ другими садился за ужинъ. Шумъ, смѣхъ, общій говоръ, смѣлыя двусмысленности, оглушали, озадачили незнакомца; но онъ отваживался на все, и сѣлъ за ужинъ....

Невскій былъ бѣшено веселъ. Это была не принужденная, но какая-то судорожная веселость. Впрочемъ, во многихъ играхъ замѣтно, что они не чувствуютъ отчаянія своего положенія въ минуту самаго проигрыша и предаются веселости, сначала, мо-

жеть-быть, принужденной, потомъ искренней, какъ-будто желая воспользоваться въ послѣдній разъ предстоящимъ дольствомъ и весельемъ, котораго они навсегда лишились. Только на другой день постигаютъ они всю неизбѣжность гибели. Это своего рода ошьяненіе.

Въ обществѣ былъ и Ленинъ, но уже не тотъ льстивый, вкрадчивый Ленинъ, который заискивалъ протекціи у сильныхъ, пріязни у богатыхъ!... Нѣтъ! Ленинъ теперь дѣйствовалъ самъ, жилъ для себя и стоялъ за себя, а не за другихъ: говорилъ громко, рѣзко, дружески обращался съ знатною молодежью, иногда самъ принималъ тонъ прокровительства и уже имѣлъ свой кружокъ поклонниковъ. Дѣло объяснялось очень просто: Ленинъ былъ богатъ!... Но тѣмъ явственнѣе, тѣмъ рѣзче, выказывались его склонности, всосанныя съ молокомъ, вскормленные нуждой и обстоятельствами, развитыя себялюбивымъ тщеславіемъ, стремленіемъ къ преобладанію надъ другими. Ленинъ давно уже слѣдилъ Невского, желая улучшить время, когда тотъ проиграется; тогда Ленинъ могъ бы купить его часть въ золотопромышленной компаніи за что бы хотѣлъ.... Но въ то самое время, когда ожидаемая минута настала, когда онъ видѣлъ уже исполненіе своихъ преднамѣреній, и торжествующій ожидалъ появленія Невского въ другой комнатѣ, — онъ узналъ, что часть его продана. Ленинъ не могъ скрыть своего гнѣву; онъ уже не имѣлъ и надобности скрывать его передъ Невскимъ — нищимъ; напротивъ, ему очень хотѣлось выместить и свое прежнее ухаживаніе за нимъ и обманутую надежду. Только страхъ еще нѣсколько удерживалъ его; но въ такомъ случаѣ обыкновенно одна сошедшая съ рукъ смѣлая выходка развязываетъ языкъ, а Невскій былъ не въ томъ положеніи, чтобы замѣчать всякое слово.

Финскій былъ также тутъ.... но могъ ли онъ удержать своего друга? Законы игры основаны на какомъ-то мнимомъ понятіи о чести.... другъ, братъ, пускай замѣтитъ во время игры другому, что онъ проигрываетъ послѣднее достояніе, — тотъ обидится, вспыхнетъ: всякое постороннее вѣшательство онъ сочтетъ посягательствомъ на свою самостоятельность. Какъ-будто онъ ребенокъ, какъ-будто у него у самого нѣтъ характера! Финскій хорошо зналъ своего друга и потому молчалъ и терпѣлъ....

Во время ужина разговоръ быстро перебѣгаетъ съ предмета на предметъ.

— Сегодняшній балъ былъ очень глупъ, замѣтилъ кто-то.

— Глупъ, потому что не было княгини Вѣры.

— Кстати, слышали ли объ ея такъ-называемомъ мужѣ... о князѣ Алексѣѣ?

— А что?

— Это пренитересно! Ему наскучило жить затворникомъ и онъ открылъ-было свой домъ опять для тѣснаго кружка пріятелей. Обѣдали у него хорошо, и потому нашлись люди, которые стали посѣщать его. Но разъ какъ-то подслушалъ онъ тайный разговоръ своихъ гостей.

— Уфъ, какая скука, говорилъ одинъ изъ нихъ.

— Отиѣнная скука, продолжалъ другой.

— Надо слишкомъ вкусный обѣдъ и слишкомъ хорошее вино, чтобы выкупить жертву, которую мы приносимъ этому золотому тельцу.

— Золотому дракону, замѣтилъ кто-то.

— И то правда! Мало того, что скука, честь страждетъ, компрометируется репутація: на княжеской мантин этого человѣка столько черныхъ пятенъ, на гербахъ его столько ржавчины....

Князь все это слышалъ.... Можете вообразить его гнѣвъ, его ярость. Онъ удалился въ кабинетъ и выслалъ сказать собравшемуся у него обществу, что можетъ обойтись и безъ него.... Съ-тѣхъ-поръ онъ опять заперъ свой домъ, но уже не на одинъ замокъ, а на два. Известно, что милая и умная княгиня Вѣра презираетъ его; она избѣгаетъ самой встрѣчи съ нимъ, особенно послѣ смерти сына, когда ихъ ничто больше не связываетъ другъ съ другомъ. Княгиня никогда не обѣдаетъ съ мужемъ. У него нѣтъ аппетита, когда сидитъ за столомъ одинъ. Что жъ онъ придумалъ? началъ двоихъ выгнанныхъ изъ службы чиновниковъ, которые обязаны являться къ нему прямо къ обѣду, ѣсть много, для возбужденія аппетита его сіятельства и уходитъ немедленно послѣ обѣда.... Не правда ли, что веселая жизнь!...

Этотъ горькій анекдотъ былъ встрѣченъ общимъ смѣхомъ.

— Чортъ ли и въ богатствѣ послѣ этого?

— Ну, этого не говорите! Иначе ему не-зачто было бы на-кликать людей для возбужденія своего аппетита: у бѣдняковъ онъ является самъ собою.

— Вотъ и утѣшеніе для разорившихся, и потому не мудроно, что они не унываютъ, замѣтилъ Ленинъ, ѣскоса поглядывая на Невскаго, который впрочемъ не слышалъ его грубаго замѣчанія.

— Да вѣдъ и состояніе князя слишкомъ ноуменьшилось про-
играннымъ процессомъ, замѣтилъ кто-то.

— Пустое!... Онъ проигралъ деревню въ пятьсотъ душъ, остальное все спасъ переводомъ на имя жены....

— Вотъ чтò!... Такъ княгиня теперь чертовски богата.

— Говорятъ, однако, князь сдѣлалъ съ нею какія-то домашнія условія.

— Ну, на домашнія условія нельзя всегда полагаться. Княгиня женщина, все это правда; однако женщина не совѣтъ обыкновенная; притомъ же въ такихъ случаяхъ всегда найдутся люди, чтобъ подать благой совѣтъ.

— Да чтò это за процессъ князя, о которомъ столько говорили?

— Это умнѣйшая выдумка москѣ Финскаго, продолжалъ Ленскій. Въ молодости своей онъ не обратилъ вниманія, что по смерти дяди ему доставалась порядочная часть, которою завладѣлъ князь Андрей по праву сильного и смѣтливаго. Финскій возмужалъ, опомнился.... Но время ушло! Давность потеряна, поправить было нельзя. Онъ придумалъ какихъ-то дѣтей покойника, сиротъ, заброшенныхъ, гонимыхъ всѣмъ свѣтомъ; придалъ имъ интересъ романическій, успѣлъ возбудить общее участіе и во имя ихъ сталъ требовать наслѣдства покойника. Несмотря на то, что имѣлъ у себя такого сильного антагониста какъ князь Алексѣй, онъ успѣлъ вырвать у него хоть небольшой кусокъ того, чтò ему слѣдовало по праву. Дѣти, конечно, окажутся пухомъ, а имѣніе по праву наслѣдства останется за Финскимъ. Чтò, каковы наши! съ торжествомъ прибавилъ Ленинъ, какъ-бы отдавая всю справедливость находчивости своего товарища.

— Честь вымысла этой исторіи принадлежитъ вамъ, москѣ Ленинъ, и я возвращаю вамъ, по праву, всю восторженную похвалу. На моей сторонѣ одна дѣйствительность. Дѣти покойнаго дяди моего существуютъ, и я началъ процессъ тогда только, когда въ томъ убѣдился ясными доказательствами....

— Если не ясными, то блестящими, перебилъ Ленинъ.

— О, я знаю, что вы привыкли къ фактамъ юридическимъ: голословныя показанія, какъ у васъ обыкновенно выражаются, ничего не значать. Чтò бы вы, однако, сказали, если бы сдѣланныя показанія оправдались дѣйствительнымъ открытіемъ сиротъ.

— Я бы поздравилъ васъ съ пріобрѣтеніемъ новаго родства, поднятаго на улицѣ, и пожалѣлъ бы объ васъ.

— Взамѣнъ этого я посовѣтовалъ бы вамъ поискать тамъ же и своего и порадовался бы вашему открытію: видите ли, я снисходительнѣе васъ.

Ленинъ прикусилъ себѣ губу, такъ, что кровь выступила на

ней. Богъ знаетъ каковъ былъ бы его отвѣтъ, но въ это время общіе возгласы раздались по комнатѣ.

— Какъ! исторія подтверждается?... Дѣйствительно существуютъ эти дѣти, со дня рожденія заброшенные въ подземелье.... никогда не выдавшіе людей, одичавшіе?... Справедливо ли, будто они лишились дара слова, а только лаютъ какъ собаки?... Правда ли, что несчастные приходятъ въ бѣшенство когда дневной свѣтъ проникнетъ къ нимъ?... Они открыты, эти дѣти природы? Гдѣ они? какъ бы ихъ увидѣть?

Подобнымъ разспросамъ не было конца. Жители Петербурга хорошо знаютъ, какой превратности подвергается всякій анекдотъ, исторія, репутація, попавшіяся на крылья молвы или на зубокъ праздныхъ городскихъ вѣстовщицъ обоего пола.

— Господа, я не могу отвѣчать удовлетворительно на ваши вопросы, потому что еще не видалъ дѣтей. Сегодня отыскали женщину, которая содержала у себя этихъ страдальцевъ; она просила только увидѣться въ присутствіи полицейскаго чиновника со своимъ возлюбленнымъ сыномъ, а потомъ укажетъ мѣсто гдѣ они находятся. Впрочемъ, вы легко убѣдитесь собственными глазами въ нелѣпности слуховъ объ этихъ бѣдныхъ дѣтяхъ, потому что они будутъ жить у меня, какъ у ближайшаго своего родственника: я ни за что не допущу, чтобы ихъ отдали опять въ руки матери, которая отвергла своихъ собственныхъ дѣтей.

— Но я слышалъ, что она горько кается въ своемъ проступкѣ и всячески старается исправить его, замѣтила какая-то добрая душа.

— Проступокъ такъ маловаженъ, что его легко исправить.... всего какихъ-нибудь тринадцать, четырнадцать лѣтъ страданій, потомъ всякаго роду истязанія, пытка двухъ дѣтей, которыя по рожденію имѣютъ всѣ права на блестящую участь, отвѣчалъ съ горькой улыбкой Финскій.

— Но если она оставитъ имъ свое состояніе, умноженное еще, какъ мы сейчасъ слышали, огромнымъ имѣніемъ князя....

— Все это и безъ того достанется имъ по праву послѣ смерти матери.

— Вы ошибаетесь, замѣтилъ пожилой человѣкъ въ зеленыхъ очкахъ, тотъ самый, который вручилъ билетъ Невскому: имѣніе княгини наследственное; князь также объявилъ, что приобрѣлъ свое на деньги княгини. Слѣдовательно, и это составляетъ часть ея наследственнаго состоянія....

— Изъ этого слѣдуетъ прямой выводъ, что ея законное наслѣдство должно перейти къ ея дѣтямъ.

— А по-моему, изъ этого слѣдуетъ вопросъ: имѣеть ли право сама княгиня на наслѣдство, которымъ владѣть? •

Никто не ожидалъ такого оборота рѣчи.

— Вотъ прекрасно! кто жъ станетъ претендовать на ея родовое имѣнiе, когда эти дѣти остались одни отъ всего своего семейства.

— Вы говорите, молодой человѣкъ, такъ утвердительно, какъ-будто вы были при рожденiи княгини и при смерти всѣхъ ея родственниковъ, замѣтилъ человѣкъ въ зеленыхъ очкахъ.

— Но такъ говорятъ всѣ, такъ подтверждаетъ сущность самаго дѣла.

— Не вѣрьте тому, что другiе говорятъ. Самая видимость иногда обманываетъ.

— Но вы развѣ присутствовали при рожденiи княгини и при смерти ея родственниковъ?

Человѣкъ въ очкахъ отвѣчалъ утвердительно.

— Ну, такъ скажите намъ, что же послѣ этого она, когда не наслѣдница родоваго имѣнiя.

— Что она?... Человѣкъ въ зеленыхъ очкахъ лѣниво мѣлъ крошки хлѣба въ рукахъ, прибирая слова, какъ бы выразиться: — Теперь пока называется супругою князя Алексѣя.... Но вамъ извѣстно; что онъ двоюродный братъ ея перваго мужа и что такой бракъ легко расторгается....

— Чѣмъ же она тогда останется?

— Ни чѣмъ!

— Но она сохранить права и фамилiю, которыя получила по рожденiю.

— Она не получила ни какихъ правъ.... ни какой фамилiи....

— Милостивый государь.... вскрикнулъ сурово Невскiй: ваши шутки зашли слишкомъ далеко.

— Въ мои лѣта не шутятъ; а не нравятся вамъ мои слова, я замолчу. Я поставилъ себѣ правиломъ не дѣлать ничего, что не нравится другимъ.

И пожилой человѣкъ въ зеленыхъ очкахъ незамѣтно оставилъ общество.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

ВЫЗОВЪ.

— Зачѣмъ ты спугнулъ эту старую ворону? спросилъ Невского его сосѣдъ.

— Чтобъ не каркала надгробнымъ голосомъ во время веселаго пиру.

— Да, Невскому надобно на этотъ разъ быть слишкомъ суетвѣрнымъ, чтобы испугаться пророческаго голоса. Часъ его пробилъ, замѣтилъ Ленинъ.

Невскій былъ весь увлеченъ обаяніемъ пиру, а потому не слышалъ всѣхъ колкостей его; но Финскій сидѣлъ противъ Ленина. Молодой человѣкъ съ черными усиками, усѣвшійся съ намѣреніемъ возлѣ Финскаго, подъ защитой его кроткаго, тихаго характера, на этотъ разъ ошибся, потому что въ этомъ углу сшибки на словахъ слѣдовали одна за другою и должны были разразиться болѣе серіознымъ образомъ. Ленинъ не боялся Финскаго, который до-сихъ-поръ терпѣливо переносилъ его колкости. Но мы замѣтили, что Финскій былъ уже не тотъ, какимъ мы его встрѣтили въ первый разъ; ктому жъ онъ былъ озлобленъ противъ своего школьнаго товарища и тѣмъ еще, что былъ увѣренъ въ участіи его въ той засадѣ, которую здѣсь устроили для Невского; а, можетъ-быть, были и еще причины его негодованія, которыя глубже скрывались въ сердцѣ.

— Ленинъ считаетъ часы въ жизни — по деньгамъ, какъ докторъ узнаетъ по пульсу: медленный пульсъ, — человѣкъ страдаетъ; меньше денегъ, — человѣку меньше жить.

— И это очень справедливое опредѣленіе въ нынѣшнемъ свѣтѣ, замѣтилъ кто-то.

— Такъ справедливо, отвѣчалъ Ленинъ: что Финскій еще недавно испыталъ, всю справедливость его на себѣ.

— Я?

— Припомните недавнее событіе между нами, когда мы двое очутились на одной доскѣ, и слабый, робкій голосокъ, долженъ былъ произнести приговоръ надъ нами. Я не столько тщеславенъ, чтобъ приписать своимъ личнымъ качествамъ отличіе, которое сдѣлали мнѣ. Нѣтъ, я просто былъ богаче васъ: вотъ и все.

Надобно было имѣть всю твердость характера Финскаго, чтобы

выдержать пытку этихъ словъ. Во-первыхъ, Ленинъ злымъ духомъ умѣлъ угадать его тайну и публично изобличилъ ее, между-тѣмъ какъ Финскій не смѣлъ высказать ее и лучшему своему другу. Во-вторыхъ; онъ унижилъ существо, за которое бы Финскій отдалъ жизнь свою. Ленинъ даже не имѣлъ столько благородства, чтобы приписать своимъ достоинствамъ, предпочтеніе доброй и невинной дѣвушки, которая даже не имѣла понятія о богатствѣ двухъ соперниковъ; не имѣлъ столько деликатности, чтобъ пощадить свою невѣсту, чуть не на канунѣ свадьбы и самъ же грубо издѣвался надъ нею.

— Мы... съ вами на одной доскѣ... произнесъ съ наружнымъ хладнокровіемъ Финскій: не знаю, какъ мы могли сойтись такъ близко.... и потомъ разойтись.... Значитъ, надобно сократить еще и это разстояніе.... тогда одинъ изъ насъ непременно останется на мѣстѣ.

— Мосѣ Финскій, сказалъ сидѣвшій возлѣ него молодой человекъ: вы забываете, что не имѣете никакого права защищать молодую дѣвушку и противъ кого же.... противъ ея жениха.... что въ этой исторіи ея слава замѣшана пуще вашей.... вы компрометируете Мери. Будьте благоразумны, какъ были.... Вѣрьте, судьба заступится за васъ!

Финскій, легкимъ пожатіемъ руки изъявилъ благодарность молодому человеку. Но слово брошено и воротить его было нельзя. Ленинъ поблѣднѣлъ; но не возражалъ.

Шумъ усилился, то упалъ въ одномъ концѣ стола, то подымаясь, оглушительный, въ другомъ. До Невского дошли наконецъ вѣсти о размолвкѣ между Финскимъ и Ленинымъ, и онъ подошелъ къ первому изъ нихъ.

— Модестъ, сказалъ ему тихо Финскій: мы должны драться съ Ленинымъ.

— Съ Ленинымъ, пономаремъ....

— Что дѣлать!... Обида была велика.... Ты понимаешь, какой услуги я отъ тебя ожидаю?

— Очень понимаю, хотя признаюсь, сношенія такого рода съ этимъ дьячкомъ....

— Прошу только объ одномъ, выторгуй у него день, другой! Это мнѣ необходимо для нашихъ сиротокъ.

— О, на этотъ разъ Ленинъ, вѣрно, будетъ сговорчивъ и дастъ отсрочку хоть на нѣсколько вѣковъ.

— Я полагаюсь на твое благоразуміе. Прощай.

— Да и мнѣ пора! произнесъ Невскій, такъ равнодушно, какъ будто онъ проигралъ сто рублей, а не все состояніе.

Финскій уѣхалъ. Вслѣдъ затѣмъ вышелъ молодой человѣкъ съ черными усиками.

— Коляску Невскаго! закричалъ онъ.

Коляску подали.

— Поѣзжай домой, сказалъ онъ кучеру. Баринъ ѣдетъ со мной.

Кучерь, очень довольный, что его наконецъ отпустили, уѣхалъ. Незнакомецъ остановился у колонны подѣзда, кого-то поджидая. Вскорѣ вышелъ Невскій и позвалъ своего кучера.

— Уѣхалъ домой, отвѣчалъ швейцаръ.

Невскій произнесъ нѣсколько ругательствъ и послалъ швейцара вверхъ попросить у кого-нибудь изъ гостей или у хозяйна экипажъ.

— Моя коляска къ вашимъ услугамъ, сказалъ незнакомецъ, выходя изъ-за колонны. Угодно? Я васъ завезу домой.

Невскій и молодой человѣкъ отправились. Молчаніе длилось нѣсколько времени. Невскій задумался: его обдало свѣжимъ воздухомъ и чадъ пированья прошелъ. Молодой человѣкъ рѣшился наконецъ нарушить молчаніе.

— Вы сегодня очень несчастливо играли!

Это была одна изъ тѣхъ пошлыхъ фразъ, которыя чрезвычайно надоѣдаютъ людямъ играющимъ. Невскій отдѣлся какимъ-то невнятнымъ слогомъ вмѣсто отвѣту. Коляска быстро неслась впередъ. Молодой человѣкъ рѣшился не терять времени и приступилъ къ своей цѣли, несмотря на невнимательность спутника.

— Послушайте.... Вы можете возратить все, что проиграли, вы можете опять вступить въ свѣтъ блестящимъ и богатымъ, какимъ были.... опять та же толпа поклонниковъ обоюдо пона окружить васъ.... Не думайте, чтобъ отъ васъ потребовали за это какой-либо жертвы,—немного дружбы, за которую заплатятъ вамъ безпредѣльной преданностью.... и потомъ именемъ этой дружбы будутъ умолять васъ, чтобъ вы не играли въ карты.... Хотите безусловно быть богатымъ? Вы и этого достигнете.... только скажите мнѣ, будьте откровенны со мной....

И голосъ молодаго человѣка становился нѣжнѣе и нѣжнѣе по мѣрѣ-того, какъ онъ увлекался порывами сердца и взоръ его выражалъ мольбу. Невскій молчалъ, погруженный въ задумчивость или, можетъ-быть, не обращая вниманія на слова спутника.

— Подумайте, продолжалъ тотъ, что васъ ожидаетъ? Васъ,

ничаго, безъ надежды, безъ утѣшителя въ мірѣ.... да, безъ утѣшителя, потому что Финскій, несмотря на всю преданность къ вамъ, не можетъ вполне сочувствовать вашимъ кипящимъ страстямъ, вашему уму, жаждущему дѣятельности и простору.... Подумайте о томъ, что я съ такой откровенностью, съ такою охотою предлагаю вамъ.

Коляска остановилась у подъезда. Лакей откинулъ подножку.

— Молодой человекъ, сказалъ Невскій выходя изъ коляски: вы много прекрасныхъ вещей произнесли на вѣтеръ; простите, мнѣ, право, было не до нихъ.

— О, Модестъ, Модестъ, остановитесь.... два слова. Общайтесь мнѣ ничего не предпринимать.... день, два.... Помните, что у васъ есть другъ.... который готовъ всѣмъ пожертвовать для васъ и за васъ.... Другъ сильный и богатый, которымъ вы можете располагать, какъ своимъ орудіемъ.

— Послушайте, если вы шутите—шутки плохи; если вы говорите отъ души, что можно предположить по вашему увлеченію, то знайте, что я ищу силы и помощи только въ самомъ себѣ.... Теперь же мнѣ и эти средства не пужны, прибавилъ онъ съ нѣкоторою рѣшимостью, отъ которой морозная дрожь пробѣжала по жиламъ молодаго человека. Прощайте.

Разумѣется, весь этотъ разговоръ велся по-французски, и лакей ничего изъ него не понималъ. Коляска простояла нѣсколько времени у подъезду, какъ-будто чего-то выжидая. Вотъ мелькнули свѣчи въ окнахъ бель-этажа.... чья-то тѣнь приближалась къ окну.... Незнакомецъ махнулъ ей платкомъ, какъ бы говоря, до скорого свиданія и коляска понеслась.

— Куда прикажете? спросилъ кучеръ.

— Куда хочешь, только не домой.

Было уже около разсвѣта. Молодой человекъ досталъ изъ ящика коляски салопъ и дамскую шляпку, сорвалъ съ себя накладные черные усики и замѣнилъ свою верхнюю одежду женской.

— Теперь ступай къ Уманскимъ, сказала вновь преобразованная женщина.

Въ домѣ Уманскихъ едва прислуга поднималась отъ сна. Вновь прибывшую коротко здѣсь знали и пропустили прямо въ комнату Мери.

Мери спала сномъ праведницы, сномъ счастливицы. Рай сновидѣній ясныхъ, отрадныхъ, прелестныхъ, радужныхъ какъ рай-

скія птички, вился надъ ея кудрявой головкой и навѣвалъ сладкую улыбку на уста, легкій румянецъ на щечки, блаженство на все существо ея. Нежданная гостя нѣсколько времени глядѣла на Мери съ любовью, съ наслажденіемъ, не рѣшаясь извлечь ее изъ счастливаго сновидѣнія и горькою существенностью разбить все ея блаженство. Но чувства кипѣли въ этой женщинѣ, проведеншей такую тревожную ночь, взамѣнъ сладкихъ сновидѣній, которымъ наслаждались ея подруги. Она не заѣзжала домой, чтобъ не быть одной, ѣздила изъ одного конца города въ другой, пока отойдутъ домъ Уманскихъ, и вотъ, наконецъ, нашла существо, въ которое изольеть свое переполненное сердце. Она присѣла на конецъ кровати Мери, тихо взяла ея руку и поднесла къ своей взволнованной груди, какъ-бы ища успокоенія. Мери вдохнула и простерла другую руку, какъ-бы вслѣдъ за уносящимся сновидѣніемъ. Неожиданная гостя поверглась къ ней на грудь.

— Мери, милочка, Мери, какъ мы несчастны!...

Мери долго не могла прийти въ себя.

— Боже мой, это ты.... такъ рано!.... Откуда ты?....

— О, какъ мы несчастны, какъ мы несчастны, повторила Бронницына (это была она) и слезы, долго сдерживаемыя, хлынули изъ глазъ ея.

— Боже мой, что случилось?... Гдѣ рара, татап?...

— Не безпокойся о нихъ.... Они здоровы, въ домѣ все благополучно.... Но мужчины, эти изверги мужчины.... если бы ты знала ихъ, дружочекъ Мери!

— Я ручаюсь только за одного.... и прошу тебя сдѣлать для него исключеніе.

— О, этотъ еще хуже другихъ.... Мери, Мери, я плачу за себя.... а пуше за тебя: какое несчастіе ожидаетъ тебя!

— Милая Агнеса! Ты наводишь на меня ужасъ. Расскажи, ради Бога, что такое случилось?

Бронницына была годами десятью старѣе Мери; но ея пылкій, вѣчно дѣятельный, экзальтированный характеръ, а еще больше ея чрезмѣрная доброта, уничтожили эту разность лѣтъ между двумя подругами. Агнесу выдали замужъ противъ ея воли; но она терпѣливо, покорно несла возложенное на нея ярмо брака, пока смерть старика-мужа не освободила ее. Бронницына осталась вдовой, съ огромнымъ состояніемъ. Она вполне сохранила свою красоту и потому была окружена поклонниками; но она помнила тягость брака и потому не легко соглашалась подета-

вить шею свою подъ новое рабство. Женщинамъ богатымъ, вѣчно кажется, что мужчинамъ нравятся въ нихъ не онѣ сами, а ихъ деньги: можетъ-быть, онѣ отчасти и правы. Броницына была того же мнѣнія. Ктому же она любила Невскаго, который едва замѣчалъ ее. Можетъ-быть, потому именно она такъ и усиливалась добиться его вниманія. Невскій былъ хорошъ, но что особенно привлекало къ нему Броницыну, такъ это его жизнь, исполненная приключеній, отваги, геройскихъ подвиговъ; его характеръ пылкій, увлекающійся ко всему прекрасному, благородному, подобно ея характеру, не знавшему покоя, волнующемуся, кипящему. Самые недостатки его поражали Броницыну, самое утомленіе его жизнью, которое наводило бы тоску на другую женщину, Броницыной нравилось въ немъ, подстрекало ея надежду пробудить его опять къ благородной дѣятельности. Агнеса любила его первой, глубокой, возмужалой любовью и безвозмездно пожертвовала бы всѣмъ... только чтобы спасти его для жизни.

Эта восторженная женщина рассказала Мери на что рѣшилась она, чтобы лично убѣдиться въ положеніи дѣлъ Невскаго. Она раскрыла салонъ свой и показала мужской нарядъ. Мери вскрикнула отъ страху.

— И ты была въ обществѣ мужчинъ одна-одинёхонька! и ты не умерла отъ стыда и страху?....

— Признаюсь, моя милая, глядя на нихъ въ нашемъ обществѣ, я никакъ не могла себѣ вообразить, чтобы мужчины были такіе изверги, такіа чудовища, — иначе, я скорѣе бы рѣшилась провести вечеръ въ обществѣ волковъ, разумѣется, хорошенько огражденная отъ нихъ, чѣмъ въ обществѣ мужчинъ.

— Я это всегда знала: вотъ почему никогда не любила мужчинъ: они такіе гадкіе.

— Не любила... а между-тѣмъ избрала себѣ между ними жениха: онъ скоро будетъ твоимъ мужемъ, твоимъ тираномъ: я вѣдь знаю, что такое мужъ!....

— О, тотъ кого избрала я, тотъ не таковъ какъ другіе!

— Хуже другихъ, моя милая, во сто разъ хуже, и Броницына обливалась слезами.

— Боже мой, вскрикнула Мери, что жъ такое? Говори, не мучь меня! Неизвѣстность горче самой убійственной дѣятельности. Дружокъ, Агнеса, полно плакать, говори....

И Мери съ нетерпѣніемъ приподнялась въ постели и простер-

ла руку къ шеѣ Броницыной, чтобъ притянуть ее къ себѣ для тайной бесѣды; но вдругъ отшатнулась назадъ.

— Ты пугаешь меня своимъ нарядомъ; скорѣ сбрось его и надѣнь что-нибудь изъ моего платья.

— Да, ты права; насъ могутъ застать: тебя въ постели, меня въ мужскомъ платьѣ и мы переполюшимъ весь домъ.

Не безъ труда, при пособіи Мери, раскрасѣвшейся и сконфуженной, Броницына стащила съ себя непривычное платье и, переодѣвшись усѣлась на постели.

— Говори же, душенька, Агнеса, полно плакать.

— Ахъ, Мери, Мери, у меня нѣтъ довольно слезъ, чтобы оплакать нашъ женскій полъ, который вмѣсто «прекрасный», слѣдовало бы называть «несчастный»!... Бѣдныя, бѣдныя женщины! Между-тѣмъ какъ ты, здѣсь, промечтала гораздо за-полночь объ избранникѣ своего сердца, ему посвящала каждую мысль, каждое бѣніе своей жизни, онъ въ дикой вакхалѣн вспомнилъ объ тебѣ только длятого, чтобы профанировать твое чистое имя. Выслушай меня съ терпѣніемъ, съ мужествомъ.

И Броницына пересказала все случившееся при ней въ ту ночь. Когда рѣчь дошла до дуэли между Финскимъ и Ленинымъ, Мери вскрикнула, — по не отъ страха, отъ радости.

— Чему жъ ты обрадовалась? Не тому ли, что онъ при всѣхъ унижаетъ тебя, называетъ корыстолюбивой, когда ты даже не знаешь, есть ли у него состояніе или нѣтъ?

— Ахъ, милая Агнеса, это были только одни слова, чтобы вывести изъ терпѣнія бѣднаго Финскаго.... А, мосьѣ Финскій! такъ вы низойдете съ своей аристократической высоты, чтобы драться съ плебеємъ!

И Мери рассказала, что говорилъ ей Невскій о происхожденіи Ленина, прибавивъ, что только одна пролитая кровь можетъ смыть пятно этого происхожденія.

— Но ты забываешь, что вѣдь на дуэли дерутся не шутя: его легко могутъ убить, а нето онъ убьетъ своего противника.... Тогда все кончено....

— Убийство!... Боже мой, неужели эти люди рѣшились убить другъ друга!... Неужели это не можетъ кончиться иначе, какъ смертью одного изъ нихъ!... Это ужасно!... Что жъ они, звѣри, что ли?

— Я тебѣ говорю, что хуже!

— Въ такомъ случаѣ эту дуэль надобно разстроить, уничтожить во что бы ни стало.

— Ну, это будетъ сдѣлать не легко. Я знаю, что у нихъ называется понятіемъ о чести. Всего страннѣе то, что Финскій дерется за обиду хоть не прямо тебѣ нанесенную, но въ которой ния твое играетъ не послѣднюю ролю, и съ кѣмъ дерется? съ твоимъ женихомъ. Это просто компрометируетъ тебя.

— Сегодня они соберутся у насъ: Агнеса, помоги мнѣ примирить ихъ.

— А какъ благороденъ этотъ Финскій, какъ высоко стоитъ онъ надъ всѣми мужчинами!

— И надъ Модестомъ? лукаво замѣтила Мери.

— Нѣтъ, Мери, Невскаго я люблю за его недостатки, столько же, какъ и за его достоинства; Финскаго уважаю за его прекрасныя качества. Научись и ты уважать его.

— Слушаю-съ!

— Этотъ человѣкъ, съ презрѣніемъ глядѣвшій на то, когда у него отнимали его имѣніе, вступился какъ левъ за собственность сиротъ; этотъ человѣкъ, который бы не сошелъ со стула, если бы рѣчь шла о его собственномъ интересѣ, работалъ неутомимо, и день и ночь, чтобы открыть этихъ дѣтей, и, говорятъ, скоро успѣхъ увѣнчиваетъ его труды....

— Боже мой, съ какими энтузіазмомъ говоришь ты сегодня о Финскомъ.

— Это потому, что сегодня я вполне убѣдилась въ той разницѣ, которая существуетъ между нимъ и другими мужчинами.

— Да это просто измѣна Невскому.

— Нѣтъ, моя милая, есть заблужденія сердца, которыя въ наши лѣта не промѣняются ни на какія сокровища дѣйствительности: одно изъ такихъ заблужденій, моя безусловная, безграничная преданность судьбѣ Невскаго.... Это предопредѣленіе, которое ни отворотить, ни измѣнить нельзя. Надо покориться, хотя я напередъ знаю, какая ужасная участь ждетъ меня.

— Милая, сердечная Агнеса, успокойся, ты мучишь себя преждевременными опасеніями.

— Со мною все кончено, отвѣчала сквозь горькія всхлипыванія Броинцына.... Но ты, моя Мери?

— Что я?

— Неужели и послѣ всего этого ты не убѣдишься, что Ленинъ....

— Оставимъ это, пожалуйста! Я рѣшила и ничто не измѣнитъ моего рѣшенія. Послѣ-того что ты о немъ говорила, я еще болѣе уважаю его....

— Богъ съ тобою!...

Подруги еще долго говорили между собою. Напрасно потомъ Мери убѣждала Бронницину лечь въ постель и успокоиться послѣ тревожной ночи. Бѣдная страдалница не могла уснуть; сердце не давало ей покоя, то билось, то замирало; голова то-и-дѣло занята была мыслию, какъ бы спасти Невскаго отъ него самого. Лстывая мечта иногда забѣгала впередъ, но горькая существенность тотчасъ же разочаровывала ее.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

ЗАТОЧЕНІЕ.

Между-тѣмъ какъ полиція нашла на слѣды заточенія бѣдныхъ Оборвыша и Женни, отыскавъ наконецъ старую Мегеру, служившую имъ вмѣсто тюремщика, между-тѣмъ какъ Финскій такимъ блистательнымъ образомъ окончилъ ихъ процессъ и приготовилъ все нужное, чтобы ихъ принять у себя въ домѣ, бѣдные дѣти томилась невыразимо и поддерживая другъ друга въ христіанскомъ терпѣніи, ожидали конца своимъ страданіямъ. Ни они, никто изъ совершившихъ страшное похищеніе двухъ человѣческихъ душъ не зналъ ни причины, ни цѣли ихъ заточенія. Шайка негодяевъ, подъ началомъ Головы, держалась въ повиновеніи какого-то невидимаго существа и съ тайнымъ страхомъ, съ полною вѣрою исполняла его приказанія, передаваемые черезъ вторыя въ третьи руки. Богѣ прозорливые изъ шайки догадывались, что есть сила, невидимая для нихъ, страшная, вездѣ слѣдящая ихъ, всезнающая и карающая тихо, непримѣтно, но грозно, неизбежно. Часто пропадалъ тотъ или другой изъ негодяевъ и слѣдъ его исчезалъ на всю жизнь: это былъ всегда провинившійся въ чемъ-нибудь передъ своимъ незримымъ начальникомъ. Похищеніе дѣтей совершенно было подобно прочимъ преступленіямъ: слѣпо, бессознательно; Головъ передалъ приказаніе Охтинъ, тотъ его исполнилъ: вотъ и все. Богатая награда, доставшаяся за такой подвигъ, смѣлый и ловкій, показала, что имъ были довольны. Послѣ-того никто не зналъ что случилось съ похищенными, кромѣ старой Мегеры, которая была представлена къ нимъ. Но Мегера или, какъ ее обыкновенно звали — Марта, была взята полиціей и дѣти оставались одни.

Возлѣ извѣстной читателямъ харчевни Мысль-Доброй-Надежды, тянулись огороды, далѣе пустырь, трясины. Между этими огородами и пустыремъ стояла избушка, въ родѣ бани или сторожки при огородѣ, принадлежавшемъ къ Мысу-Доброй-Надежды. Тутъ-то томилась наша страдальца, послѣ приключенія, которое вѣрно припомнятъ наши читатели. Въ сыромъ чуланѣ, куда едва достигало столько тепла изъ сосѣдней комнаты, занимаемой Мартой, чтобъ поддерживать жалкое существованіе человѣка, сидѣлъ на полу Оборвышъ. Онъ былъ худъ, блѣденъ, съ впалыми глазами; но въ этихъ глазахъ сверкала отвага, какую трудно бы предположить въ пятнадцатилѣтнемъ мальчикѣ. Оборвышъ склонился надъ распростертымъ тѣломъ Женни, изнуренной нуждою и болѣзнями, и своимъ дыханіемъ согрѣвалъ ея окостенѣвшія руки. Онъ не зналъ кровной связи, существующей между нимъ и Женни, но видѣлъ въ ней, какъ-бы продолженіе существа Ольги и чтилъ какъ своего ангела-хранителя; заточеніе и совершенное отчужденіе отъ свѣта возвышали ее еще больше въ глазахъ страдальца. Въ длинные часы затворничества, Женни учила его всему чтò знала сама; она умѣла смягчить его дикій, необузданный нравъ; но тщетно старалась потушить въ немъ пламень мести, для которой, казалось, только и желалъ жить этотъ мальчикъ. По какому-то инстинкту онъ предполагалъ, что его враги, его мучители,—князь Алексѣй и его жена. Съ-тѣхъ-поръ какъ сталъ онъ себя помнить, эти люди, такъ отдѣленные отъ него по своему положенію въ свѣтѣ, преслѣдовали его какъ ожесточенная судьба. Оборвышъ не сомнѣвался, что карета, переѣхавшая его въ тотъ роковой день, когда Бенскія подвѣли его на улицѣ, принадлежала князю; онъ узналъ ее впоследствии по ливреѣ лакея; далѣе, роковой червонецъ, который ему дала княгиня Вѣра въ ту ночь, когда мы впервые встрѣтили Оборвыша, послужилъ для пагубы его отца. Не переведи онъ ея въ душный подвалъ, можетъ-быть отецъ бы еще жилъ, и во всякомъ случаѣ не встрѣтился бы съ губителемъ своего роду; Охтинъ ускорилъ его смерть, былъ причиною, что отецъ умеръ не какъ слѣдуетъ христіанину и не договорилъ ему тайны своей исповѣди. Далѣе, князь чуть не погубилъ его спасительницу, Ольгу. Соображая всѣ обстоятельства въ долгіе дни одиночества, Оборвышъ понялъ, что женщина, явившаяся къ Елкиной съ просьбой и угрозами, была княгиня Вѣра. Не зная другихъ личностей и отношеній, Оборвышъ былъ увѣренъ, что князь и княгиня, причиною всѣхъ бѣдъ его и бѣдной Женни; онъ грызъ себя у женщины.

чайниѣ пальцы, немощный въ настоящемъ положеніи отмстить своимъ врагамъ. Эти чувства, такъ рѣзко высказанныя. Оборвышемъ, что даже Женни, кроткая, добрая Женни начинала поддаваться вліянію ихъ, были, конечно, подслушаны Мартою и согласовались какъ-нельзя больше съ планами того, кто, незримый, руководилъ всѣмъ этимъ преступленіемъ; какъ демонъ зла. Эти чувства спасли несчастныхъ дѣтей, по-крайней-мѣрѣ на первый разъ отъ гибели, потому что демонъ зла былъ не кто иной, какъ самъ Смольневъ. Замысливъ свой утонченный планъ мести, онъ не спускалъ глазъ съ дѣтой, которыя были такъ-сказать выброшены на улицу почти со дня своего рожденія. На полоумнаго отца, заточеннаго въ больницѣ или въ богадѣльнѣ, онъ уже не разчитывалъ: съ нимъ все было кончено; но дѣти могли ему пригодиться. Когда же по смерти своего сына отъ втораго брака, княгиня Вѣра обратила взоры на Женни, которая совсѣмъ не такъ огрубѣла, какъ бы Смольневъ того желалъ для дочери княгини, когда возникъ процессъ въ пользу ея и брата, тогда злой мститель успѣшилъ выхватить ихъ изъ круга общества. Ему на всякій случай нужно было только получить отъ нихъ уполномочіе на часть имѣнія, которая доставалась имъ, потому что онъ еще не былъ увѣренъ, кто будетъ наследникомъ всего роду княгини Вѣры. Но мы видѣли, что Оборвышъ, несмотря на всѣ жестокости, отрекся подписать приготовленную на этотъ предметъ бумагу; Смольневъ хотѣлъ уже покончить съ дѣтьми, какъ-вдругъ узналъ, что они всю вину своихъ бѣдствій приписываютъ князю и княгинѣ. Это подавало ему блестящую мысль: развить въ нихъ до крайности чувства мести и приготовить для княгини Вѣры мстителей въ собственныхъ дѣтяхъ, если бы ево средства были къ тому недостаточны. Онъ держалъ ихъ въ самой тяжелой неволѣ, чтобы болѣе ожесточить ихъ противъ мнимыхъ виновниковъ своего заточенія, чтобы заглушить всѣ законы челоуѣчества, и потомъ, какъ двухъ дикихъ волчатъ, выпустить на собственную ихъ мать: идея, какъ видите, блестящая, достойная головы и сердца Смольнева.

— Женни, сказалъ Оборвышъ: видишь, свѣтъ дрожить у окна; ейчасъ заглянетъ къ намъ солнце; ты знаешь: оно не живетъ у насъ и четверти часа, и то только вонъ въ томъ углу: дай я перенесу тебя туда: солнце тебя пригрѣветъ и маленько облегчитъ недугъ.

И Оборвышъ присоединилъ непомовіе къ словамъ. Женни вѣжмогала. Съ судорожнымъ нетерпѣніемъ поглядывала она

наверхъ, гдѣ въ стѣнѣ было маленькое, створчатое оконечко, выходящее въ другую комнату.

— Ваня, вотъ уже другой день костлявая рука, что такъ пугала насъ, не показывалась въ этомъ оконкѣ съ обыкновенною нашею пищею; другой день намъ не давали ни хлѣба, ни воды. Что если Марта умерла? Что если насъ рѣшились уморить голодомъ?

И видя, что Оборвышь хранить мрачное молчаніе, она прибавила :

— Нѣтъ, Богъ не допуститъ до этого.

— Скажи мнѣ, Женни, если бы кто совершилъ надъ нами такое преступленіе, кара Божія была бы ужасна?

— О, конечно!

— А если бы это преступленіе совершила мать надъ своими собственными дѣтьми?

— О, это не можетъ быть.

— А если бы случилось?

— Тогда у правосудія Божія едва-ли достало бы наказанія, достойнаго подобнаго преступленія.

— Такъ, значить, оно предало бы преступницу суду ада, и тотъ бы ужъ выдумалъ, какъ наказать ее.... Жаль, что я не одинъ мученикъ здѣсь!

— А что?

— Я бы радовался смерти, потому что она повлекла бы за собою такую месть, какой мнѣ ни придумать, ни исполнить!

— Ваня, оставь эти черныя мысли.... И если намъ обоемъ суждено страдать, такъ неужели ты жалѣешь, что мы дѣлимъ страданія вмѣстѣ?

— О, моя Женни, безъ тебя я давно бы разбилъ свою голову о стѣну.... Кто жъ, какъ не ты спасла меня отъ отчаянія?... Самое затворничество, самыя муки ты обратила на пользу мнѣ. Ты научила меня всему, что знала сама; ты развила во мнѣ этотъ духъ пытливости, желаніе знанія, которое заставляетъ меня догадываться о томъ, чего еще не понимаю. Мнѣ было странно слышать, когда моя спасительница повторяла, чтобы я учился; я учился, чтобы угодить ей, а всѣ мысли мои были заняты свободой, играми съ ребятишками, успѣхами, приобретенными между ними. Слова моей госпожи пролетали мимо меня; а теперь они ложатся мнѣ на сердце. Не скажу, чтобы я тебя больше любилъ, Женни; нѣтъ! и за нее я готовъ бы положить голову свою на плаху.... можетъ-быть потому, что ты чаще мнѣ твер-

дишь одно и то же; ты больше занимаешься со мною; а у моей спасительницы были свои заботы, свое горе. Несчастье связало насъ съ тобой, какъ брата и сестру. Тутъ я только и живу, что для тебя, а тамъ, на свободѣ, и у меня были свои заботы.

— Послушай, Ваня, если ты опять попадешь на свободу, такъ и обо мнѣ забудешь?

— Нѣтъ, пусть Богъ забудетъ обо мнѣ, если я забуду о тебѣ....

И добрыя начала, посѣянная бѣдною дѣвочкой, видимо развились уединеніемъ, покорностью судьбѣ и имѣли благотельное влияние на воспримчивую душу Оборвыша. Между-тѣмъ лучъ солнца мелькнулъ, ярко, какъ-бы сжалившись надъ бѣдными узниками, мелькнулъ и исчезъ, оставивъ ихъ въ полу-мракѣ, въ холодѣ. Послѣдняя надежда оставила бѣдную дѣвочку. Она страдала сильно.

— Женни, ты хочешь кушать.... спросилъ робко Оборвышъ, не зная какъ удовлетворить ея желаніе.

— Жажда томитъ меня пуще голоду.

— Потерпи! этому можно пособить, и онъ съ легкостью кошки вскарабкался къ маленькому окошечку, устроенному почти подъ потолкомъ и загражденному частыми, желѣзными переплетами: это окно выходило на Неву. Онъ наскоблилъ ногтями морозной пыли, покрывавшей стекло и съ трудомъ сгребъ ее въ горсть. Оборвышъ хотѣлъ-было взглянуть въ окно на свѣтъ Божій, можетъ-быть съ надеждой выпросить у него помощи, но голова его не могла вмѣстаться между потолкомъ и окномъ, и взоръ едва уловлялъ только небо, мрачное и безответное къ его страданіямъ. Ваня спустился такъ же легко и скоро и далъ бѣдняжкѣ проглотить ледяную пыль, хотя самъ мучился не меньше ея жаждой. Извѣстно, что голодъ особенно возбуждаетъ къ жадѣ.

Въ чуланѣ смеркалось больше и больше. Ранняя и длинная ночь приближалась. Женни трепетала отъ голоду, стужи и страху. Какъ бы ни было отчаянно положеніе, оно становится еще страшнѣе ночью: таково въ человѣкѣ инстинктивное чувство ужаса къ мраку. Вдругъ, за перегородкой, въ комнатѣ Марты раздались шорохъ: Оборвышъ и Женни прислушивались къ нему съ трепетнымъ біеніемъ сердца; шорохъ становился явственнѣе; раздавался съ тѣмъ же шумомъ; еще....

— Видно Марта пришла, произнесла Женни: она, конечно, вспомнить объ насъ.

Стукъ и трескъ повторились нѣсколько разъ.... Наконецъ все стихло. Обѣрвышь и Женни ждали, поглядывая на перегородку; вотъ, вотъ откроется окно и обычная костлявая рука съ подачей явится въ немъ.... но ничто не шевелилось. Тишина могильная была кругомъ. Только они почувствовали, что въ чуланѣ становилось замѣтно холоднѣе и холоднѣе.

— Будь что будетъ! произнесъ Обѣрвышь съ видомъ совершенной рѣшимости, покидая Женни и идя къ перегородкѣ.

— Что ты хочешь дѣлать?

— Вскрабкаться къ окну, откуда подаютъ намъ пищу и попытаться высадить его.

— Боже мой! Но ты развѣ забылъ Марту: она растерзаетъ тебя на части, если ты увидишь, что дѣлается въ ея комнатѣ.

— Пускай терзаетъ меня одного. Хуже во сто разъ видѣть, какъ мучишься ты и не умѣть пособить.

— Ваня, остановись! Умоляю тебя....

Но Обѣрвышь примостился такъ, что могъ рукою схватиться за выдавшуюся доску, гдѣ было окно; почти вися вдоль стѣны, онъ наперѣ другою рукою въ ставень и высадилъ его. Холодъ пахнулъ въ чуланъ и охватилъ полуобнаженное тѣло Женни; она вскрикнула. Обѣрвышь засунулъ руки по локоть въ окно, приподнялся въ уровень къ нему всею головою.... и вскрикнулъ отъ ужасу.... Комната Марты была пуста.... Сундуки разбиты; хламъ разметанъ.... дверь на дворъ отперта.... Видно было, что тутъ никто больше не жилъ.... Обѣрвышь и Женни были одни въ уединенной избѣ.... Напрасно бы кричали они, звали на помощь: никто ихъ тутъ не услышитъ.... Окно было такъ мало, что едва рука могла пройти въ него: пролѣзть самому нечего было и думать.... Обѣрвышь чуть не лишился чувствъ отъ ужасу.... но онъ вспомнилъ объ Женни.... сорвалъ съ себя кое-какую одежду и закрылъ окно, чтобы сколько-нибудь предохранить свою подругу отъ холоду.... Потомъ спустился внизъ, тщетно стараясь успокоить ее и придумать какія-либо средства къ спасенію. Отчаяніе овладѣло обими.

Что жъ дѣлала Марта? Зачѣмъ вмѣстѣ съ нею не спѣшили на помощь страдальцамъ?

Въ то время, когда въ питейномъ домѣ схватили эту женщи-

ну, которую уже давно слѣдили, къ ней подвернулся какой-то нищій мальчикъ и успѣлъ шепнуть слѣдующія слова: «Потерпи, маленько. Все кончится благополучно». Вслѣдствіе этихъ словъ, слышанныхъ только одною Мартой, она просила два часа сроку и потомъ обѣщала все открыть. Напрасно стали бы ее допрашивать до назначеннаго ею времени: она рѣшилась ничего не говорить. Черезъ часъ тотъ же мальчикъ подалъ ей черезъ рѣшетку окна хлѣбъ и маленькій штофчикъ водки. Это мой сыншко, сказала Марта и просила позволенія подкрѣпить свои силы, а потомъ готова была вмѣстѣ съ другими идти къ мѣсту, гдѣ укрывались Оборвышъ и Женни. Черезъ полчаса пришли за Мартой. Она лежала на полу, багровая, съ глазами на выкатѣ, со стиснутыми зубами, безъ чувствъ. Призвали доктора, но его пособія оказались ненужными: Марта была мертва.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Величіе одного и гибель другаго.

Къ великолѣпному дому князя Алексѣя подъѣхала карета, запряженная четверней отличныхъ, породистыхъ лошадей. Богатые дивреи на людяхъ, гербы на дверцахъ и козлахъ кареты показывали, что она принадлежитъ кому-то изъ знатныхъ и богатыхъ, хотя особа, вышедшая изъ нея, по наружности своей, явно противорѣчила такому предположенію. Это былъ старикъ, сгорбленный, одѣтый въ старое до-вѣльза поношенное платье, съ жесткими, грубыми манерами, съ такими же чертами лица, на которомъ мелькала дявольская улыбка самодовольствія; онъ поминутно щурилъ глаза или прикрывалъ ихъ рукой, поглядывая вдоль улицы, какъ-бы кого-то выжидая. Дѣйствительно, вскорѣ подъѣхали сани: изъ нихъ вышли полицейскій чиновникъ и его секретарь. Всѣ трое отправились въ комнаты князя. Было около полудня. Люди князя со страхомъ глядѣли на неожиданныхъ посѣтителей, не смѣя доложить о нихъ. Наконецъ, рѣшительное настояніе служителя правосудія заставило выполнить его требованіе. Княгиня Вѣра надѣялась, что узнаетъ что-нибудь о дѣтяхъ, и, противъ ожиданія, вышла очень скоро къ гостямъ. Увидѣвъ старика, она невольно содрогнулась: смерть сына, и пророческое предвѣщаніе Невскаго живо промелькнули въ ея воспоминаніи; но зная, что онъ всё-еще былъ новѣрожденнымъ княземъ,

и, слѣдовательно, не могъ явиться въ ихъ домѣ, какъ лицо угрожающее, хотя при немъ находился исполнитель правосудія,—она успокоилась. Вскорѣ пришелъ и мужъ ея. Трудно было узнать князя и княгиню Вѣру: такъ измѣнились они въ короткое время. Лицо его было холодно-сурово; впалые глаза свѣтили тускло, густыя брови нависли надъ ними пуше прежняго и придавали имъ зловѣщее значеніе. Волосы пестрѣли сѣдиной. Княгиня очень похудѣла. Лицо ея было покрыто морщинами; кожа, еще недавно вѣжная, прозрачная, сквозь которую отражались голубоватыя жилки,—сѣжилась, сдѣлалась шероховатою; большіе, черные глаза, обведенные синеватыми кругами, какъ-то выдались, были болѣзненны, мутны, красноватыя струйки покрывали бѣлки ихъ. Такъ можетъ измѣниться только женщина.... женщина, страдающая одна, въ тиши, безъ соучастія, безъ друга, безъ раздѣла страданій, поглощая ихъ однимъ своимъ сердцемъ, слабымъ, робкимъ, непривычнымъ къ страданію. Черное платье еще болѣе выказывало эти развалины прекраснѣйшаго созданія въ мірѣ и невольно заставляли задуматься передъ ними.

Полицейскій чиновникъ, человекъ молодой и, повидимому, съ чувствомъ, былъ пораженъ видомъ этой четы, которую зналъ еще недавно цвѣтущею, роскошною, и, судя по наружности, счастливою; но вскорѣ онъ обратился къ своей обязанности, какъ ни тяжела она была на этотъ разъ. Онъ спѣшилъ разочаровать княгиню Вѣру въ ея надеждахъ и высказать какъ-можно осторожнѣе цѣль своего посѣщенія.

— Ваше сіятельство изволите помнить процессъ,—старинный, продолжительный, который возбудили о вашемъ родовомъ имѣніи; еще при жизни покойной матушки вашей....

— Какой процессъ?... Я ничего подобнаго не знаю. Боже, неужели намъ готовится новое несчастіе!... произнесла робко княгиня....

— Къ-несчастію, я не могу сказать вамъ ни одного успокояющаго слова.... Я бы смѣлъ только просить васъ собрать всѣ силы для выдержанія этого удара судьбы....

Княгиня пошатнулась.... и принуждена была опереться.... возлѣ стоялъ Смольневъ.... рука ея коснулась-было его плеча; но княгиня по инстинкту быстро отняла руку, какъ-бы прикоснулась къ слизистой гадитѣ. Рядъ страданій придалъ ей однако больше твердости, чѣмъ можно было ожидать: она собралась съ силами, съѣла и произнесла повелительно:

— Говорите все.... Теперь я все вытерплю, всякую пытку....

Князь никакъ не могъ понять въ чемъ дѣло и стоялъ въ какомъ-то странномъ недоумѣннн, не смѣя однако прибѣгнуть къ тѣмъ мѣрамъ насилія, которыя онъ нерѣдко употреблялъ въ порывахъ гнѣву: онъ имѣлъ случай горько убѣдиться, что и его двойственная сила денегъ и знатности можетъ быть поколеблена.... онъ только сквозь зубы пробормоталъ: — «Это еще что за глупая комедія!» Смольневъ дрожалъ отъ нетерпѣнн. Служитель правосудія сталъ говорить.

— Ваша покойная матушка вела процессъ съ своимъ сыномъ отъ перваго брака; бракъ былъ ей ненавистенъ, и, слѣдовательно, и сынъ не по-сердцу. Процессъ испыталъ всѣ превратности дѣлъ, запутанныхъ семейными, неразгаданными тайнами, давностию времени и неточностию прежняго судопроизводства. Онъ рѣшался то въ пользу матери, то въ пользу сына, переходилъ изъ инстанціи въ инстанцію и окончательно былъ утвержденъ въ пользу вашей матушки. Все ея имѣніе перешло къ дѣтямъ втораго брака. Изъ нихъ вы были старшею.... Братъ и сестры перемерли и вы остались единственною наследницею всего имѣнн, и вѣроятно, даже не совѣмъ знали о всѣхъ предшествовавшихъ обстоятельствахъ, по которымъ досталось въ родъ вашъ это огромное достояніе. Между-тѣмъ братъ вашъ не оставлялъ дѣла: сначала онъ велъ его вяло, слабо, вѣроятно за неимѣніемъ средствъ къ поддержанію процесса; но вдругъ, въ послѣднее время, взялся за него съ удивительною энергіей. Доказательства, представляемыя имъ о законности правъ своихъ на имѣніе матери, которое было наследственнымъ ея мужа, а его отца, и, слѣдовательно, не могло перейти въ родъ ея втораго брака, доказательства эти были такъ точны и ясны, что судьи единодушно признали его единственнымъ законнымъ наследникомъ всего родоваго имѣнн.

— Процессъ.... имѣніе.... братъ.... Я какъ во снѣ.... О какомъ братѣ вы говорите?... У меня нѣтъ больше брата.... У матушки не было сына отъ перваго брака....

— Княгиня, сказала Смольневъ, съ необыкновеннымъ дотого порывомъ сердца и смѣлостію: я долженъ прибѣгнуть на помощь вашей памяти. Не удивительно, что вамъ втеченіи можетъ-быть двадцати лѣтъ, ни разу не говорили о братѣ, но удивительно, что сердце ваше никогда не припоминало его вамъ.... а какъ часто былъ поводъ къ тому! Удивительно, что изъ памяти вашей изгладилась даже слѣды происшествія, которое бы должно было поразить васъ въ дѣтскомъ возрастѣ и которое кровавыми

буквами вытравилось въ душѣ бѣднаго вашего брата... но, впрочемъ, что же тутъ удивительнаго? Для него это было событіе, собственно касавшееся всѣхъ его вѣрованій, надеждъ.... для васъ это было постороннее, не больше какъ относящееся къ брату, гонимому вашей матерью и въ угодность ей всѣми окружающими ее.... Всѣ-таки меня удивляетъ, что вы совершенно все забыли, дѣтская память воспринчива....

— О, говорите, говорите скорѣе.... не терзайте меня такъ изъисканно....

— Вотъ видите.... это было давно, давно, когда вамъ еще не исполнилось тринадцати лѣтъ.... Погода была бурная, и бѣдный мальчикъ, уродливый, большой, прогнанный отсюду, стоялъ подъ плетнемъ саду, своего послѣдственнаго саду, и ждалъ, пока непогода пройдетъ. Дождь хлесталъ по лицу страдальца.... холодъ принималъ до костей, а онъ ждалъ съ нетерпѣніемъ, съ надеждой: ему нужно было не появленіе солнца, которое бы осушило и обогрѣло его, но появленіе сестры, которая бы спасла его отъ конечной потибели; бѣднякъ страшился всякую минуту, чтобъ его не увидали деревенскіе мальчишки, его собственные, послѣдственные крестьяне и не прогнали.... Только собаки не лаяли и не терзали бѣднаго сироту: привыкнувъ къ нему изъ-дѣтства, онъ одиѣ признавали его своимъ господиномъ на-перекорь общей волѣ.... Наконецъ тучи сбѣжали, небо прояснилось, показалось солнце и оживленные цвѣты и деревья приподняли свои вершинки, изматыя бурю. Было легко и весело окрестъ: ароматный воздухъ такъ и манилъ подышать имъ.... Мальчикъ всё ждалъ, прильнувъ къ изгороди.... Вотъ наконецъ мелькнуло бѣлое платице.... она.... его сестра, его послѣдняя надежда, его единственный ангель-хранитель на землѣ.... Оборванный мальчикъ перелѣзъ черезъ плетень, тихо, чтобъ не испугать дѣвочку; вотъ онъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нея и, бѣдный, трепещетъ, боится показаться передъ сестрою, которую такъ нѣжно любилъ, которую оставилъ дитятей и нашелъ тринадцати-лѣтней дѣвницей, прелестной, расцвѣтшей.... Дѣвочка была одна.... бѣгала и кричала, веселая и счастливая.... Сиротка долго любовался ею; можетъ-быть онъ думалъ, что и ему суждено было по рожденію весело наслаждаться жизнію объ руку съ этой дѣвочкой, съ гордостью называя себя ея братомъ, защитникомъ, но.... вышло иначе.... Наконецъ онъ показался изъ своей засады; дѣвочка испугалась, вскрикнула, хотѣла бѣжать.... но жалкій видъ нищаго, измокшее тряпье, которое валялось съ полу обнаженнаго тѣла, слова мольбы,

вырвавшись изъ его истомленной груди: все это тронуло дѣвочку: она остановилась....

— Боже мой, Боже! такъ это не былъ сонъ, который такъ часто потомъ посѣщалъ меня.... мучилъ какъ злой кошмаръ....

— Нѣтъ, это была горькая, ужасающая сущность, которую не могла терпѣть природа.... Видите ли, ваша память начинаетъ уже дѣйствовать, соображать, хотя боится еще совсѣмъ приподнять таинственную завѣсу прошедшаго.... Я помогу вашей памяти.... ободритесь, княгиня.... вѣдь мальчикъ же пережилъ тотъ страшный часъ.... а ему было тогда не легко, сказалъ Смольневъ съ улыбкой торжествующей злобы.... Такъ видите ли.... вы уже припомнили, что дѣвочка въ бѣломъ платьицѣ были вы.... Нищій мальчикъ былъ вашъ братъ. Онъ, старшій братъ, кинулся въ ногамъ сестры, цѣловалъ ея руки, обнималъ колѣни, выпрашивая одной милости, слишкомъ незначительной въ сравненіи съ тѣмъ, чтò отняли у него.... Выпрашивалъ угла въ своемъ наслѣдственномъ домѣ, выпрашивалъ насущнаго хлѣба за своимъ собственнымъ столомъ.... рѣшился быть слугою вашимъ, княгиня, для того только, чтобъ имѣть хоть одно существо въ мірѣ, которое, если бы не любило его, по-крайней-мѣрѣ сострадало его несчастію, было бы благодарно къ его услугамъ, неусыпной вѣрности и преданности.... Вы могли бы ему доставить это, княгиня; ваша матушка, которая пожертвовала сыномъ, чтобы отдать его богатство вамъ, она не отказала бы вамъ ни въ чемъ.... но вы съ презрѣніемъ, съ ужасомъ отвергли нищаго, когда онъ сказался вамъ братомъ.... вы....

— Не я, не я.... отъ него отказалась родная мать, отказывались люди, сама природа наложила на него неизгладимую печать отверженія.... Глаза, его глаза.... о, сколько ужасу внушали эти глаза!... Они принадлежали звѣрю, можетъ-быть демону и были вставлены въ лицо человѣка какъ-бы въ насмѣшку надъ человѣкомъ.... а можетъ-быть въ предостереженіе другимъ, потому что все чтò о немъ говорили, принадлежало скорѣе къ дѣламъ демона чѣмъ человѣка....

— Пусть такъ, а всё опъ вашъ братъ, всё-таки голосъ природы долженъ былъ отозваться въ сердцѣ, когда вы увидѣли его у ногъ своихъ, издыхающаго отъ стужи и голоду.... Пусть онъ демонъ, но у васъ вѣдь было человѣческое сердце, нѣжное, кроткое сердце тринадцатилѣтняго ребенка.... Впрочемъ, я это не для того говорю, чтобъ укорять васъ, княгиня.... Положимъ даже, что все это было въ порядкѣ вещей. Я коснулся прошед-

шаго, чтобы яснѣе было для васъ настоящее. Этотъ мальчикъ, отвергнутый вами, своею матерью, людьми, самою природою, какъ говорите вы, нищій, безобразный, полуживой, объявилъ борьбу всѣмъ этимъ соединившимся противъ него силамъ и умѣлъ выйти побѣдителемъ, благодаря своей желѣзной волѣ, закаленной въ страданіяхъ неизъяснимыхъ; ему нужно было только вынести эти страданія, а тамъ уже онъ ручался и за себя, и за свою цѣль и даже за свою жизнь.... И вотъ послѣ двадцати лѣтъ испытаній, онъ гордо является въ свой прародительскій домъ, и изгоняетъ изъ него тѣхъ, которые неправдою завладѣли чужимъ добромъ, какъ вороны, поселившіеся въ чужомъ гнѣздѣ.

Князь, слушавшій въ какомъ-то недоумѣніи, въ состояніи чело-вѣка, едва проснушагося и не повиняющаго во снѣ ли онъ или на яву все это видитъ и слышитъ, при послѣднихъ словахъ Смольнева судорожно схватился за стулъ и уже приподнялъ его, но полицейскій чиновникъ остановилъ его:

— Ради Бога, князь, удержитесь. Не навлекайте на себя новаго преслѣдованія закона: этотъ чело-вѣкъ не прощаетъ обиды.

Смольневъ не обратилъ вниманія на движеніе князя.

Въ томительной агоніи слушая этотъ голосъ, еще недавно робкій и покорный, теперь дерзкій, повелительный, княгиня въ ужасѣ вскрикнула:

— Кто ты, кто ты?...

Смольневъ захохоталъ своимъ дикимъ хохотомъ, выпрямился во весь ростъ, раскрылъ глаза, которыхъ дотога никто вполне не видѣлъ и торжествующій обратился къ княгинѣ....

Вѣра лишилась чувствъ.... Князь отшатнулся къ стѣнѣ.... упираясь въ нее всею тяжестію своего тѣла въ какомъ-то странномъ оцѣпенѣніи, съ раскрытыми глазами, съ открытымъ ртомъ, стоялъ онъ неподвиженъ, подъ вліяніемъ страшныхъ глазъ. Смольневъ, полицейскій чиновникъ и его секретарь отступили невольно нѣсколько шаговъ назадъ. Смольневъ стоялъ торжествующій, какъ духъ зла среди своихъ жертвъ. Дѣйствительно, ужасно, не описанно было вліяніе этихъ глазъ. Они составляли хотя не исключительное, но очень рѣдкое явленіе въ природѣ. Зрачки ихъ, вытянутые въ длину, какъ у кошки, блестя чуднымъ, яркимъ свѣтомъ, такъ же какъ у озлобленной кошки. Чтò было замѣчательно въ этомъ явленіи, такъ это особенно то, что подобнаго устройства глаза, случающіеся чрезвычайно рѣдко у людей, бываютъ болѣею частію неопредѣленнаго цвѣта, болѣзненнаго виду, тусклы.... У Смольнева они были ярко-чернаго,

бархатнаго цвѣта, двигались быстро и горѣли и искрились.... Вотъ почему Смольневъ никогда не открывалъ ихъ передъ людьми или мигалъ и шурлился такъ, что никто не подмѣтилъ ихъ. Иначе его бы сейчасъ узнали, преслѣдовали, уничтожили; иначе онъ не могъ бы втерѣться въ домъ князя, опутать его кознями, усыпить довѣренностію и достать отъ него документы, необходимые по имѣнію; иначе, онъ, нищій, безъ друзей и покровителей, сдѣлался бы посмѣшищемъ, баснею горола. Теперь, о, теперь другое дѣло! теперь не надо ему скрывать своихъ глазъ. Ихъ найдутъ очень оригинальными. Въ нихъ отыщутъ своего роду красоту, хотя втайнѣ неразъ съ невольнымъ ужасомъ отстранятся отъ нихъ. Условія красоты соблюдены какъ-нельзя лучше: Смольневъ, прибавивъ свои огромныя богатства къ имѣнію князя, сдѣлается однимъ изъ богатѣйшихъ людей въ свѣтѣ, такъ имѣй онъ хоть лягушечьи глаза, кому какое до нихъ дѣло!

Полицейскій не безъ успѣй убѣдилъ Смольнева оставить на время свои жертвы, которыхъ видъ такъ гѣшилъ его. Напрасно добрый человекъ звалъ на помощь прислугу.... Онъ послалъ своего помощника за докторомъ. Пришелъ докторъ, княгиню привели въ чувство. Но князь.... увы!... онъ былъ пораженъ параличомъ.... Княгиня въ отчаяніи стояла надъ этимъ полу-живымъ, недвижимымъ трупомъ человека, котораго она никогда не любила Что ей оставалось дѣлать одной, нищей.... а съ нимъ?... Покинуть его!... Нѣтъ, женщина изъ одной гордости, изъ тщеславія не сдѣлаетъ этого.... не говорю уже о томъ, что въ рѣдкой женщинѣ не найдется на столько добродѣтели, чтобы не покинуть мужа во время его несчастія.... Столько несчастій въ одну минуту, казалось, уничтожились одно другимъ.... Вѣра возстала тѣмъ, чѣмъ была по рожденію, гордою и непреклонною въ самомъ бѣдствіи....

— Скорѣе, отсюда.... скорѣе.... Но куда?... О, Боже, Боже....

И нравственные силы снова готовы были оставить ее.

— Успокойтесь, княгиня, сказалъ полицейскій чиновникъ: вамъ осталась ваша часть изъ имѣнія, принадлежавшаго собственно покойницѣ-матушкѣ.... часть ничтожная.... всего шестнадцать душъ и маленькая усадьба въ тридцати верстахъ отсюда.

— О, ради Бога, помогите мнѣ перевезти его скорѣе туда.... Не дайте этому чудовищу лишнюю минуту торжества надъ нашимъ бѣдствіемъ.... Богъ вознаградитъ васъ....

И черезъ часъ рогоженная повозка увезла съ княжескаго двора прежнихъ его владѣльцевъ, богатыхъ, знатныхъ, роскошныхъ....

Князь Алексѣй былъ безъ чувствъ.... Княгиня Вѣра сидѣла, закрывъ лицо руками, облокотясь себѣ на колѣна, подъ двойнымъ волею своей шляпки... Напротивъ ихъ сидѣла Чухонка—дѣвка, паятая добрымъ чиновникомъ, а можетъ-быть его собственная.... Она съ тупымъ вниманіемъ глядѣла на общее движеніе въ княжескомъ домѣ, на роскошь палаты и на нѣмую чету, которую сопровождала. Полицейскій чиновникъ провожалъ глазами отъѣзжающихъ.... крупная слеза катилась изъ глазъ, равнодушно видѣвшихъ столько человѣческихъ страданій.

Смерклося. Смольневъ ни минуты не отдыхалъ въ тотъ день и теперь въ судорожномъ волненіи ходилъ отъ одного края длинной анфилады комнатъ до другаго.... Мысли волновались и билась въ груди, такъ что ему нерѣдко захватывало духъ: онъ приостановился, прислонился къ стѣнѣ, но внутреннее волненіе не допускало его пріесть: онъ снова принимался ходить. Смольневъ былъ одинъ въ этихъ огромныхъ палатахъ, тускло освѣщенныхъ лампою подъ матовымъ колпакомъ. Всѣ люди, служившіе при князѣ, оставлены были при домѣ Смольневымъ, но ему не нужна была ихъ прислуга; она тяготила бы его, привыкшаго къ суровой жизни, доставшейся ему въ удѣлъ. Слуги должны были вести себя такъ, чтобъ онъ ихъ встрѣчалъ какъ можно рѣже: въ этомъ была ихъ заслуга.

Смольневъ родился въ этомъ домѣ.... жилъ въ немъ, пока мать не переѣхала въ деревню.... по воспоминанію представляло въ немъ одна черныя картины, душило его.... Впрочемъ, онъ осматривался кругомъ, какъ-бы желая найти знакомые предметы, свидѣтелей своего униженія: теперь, въ минуту его торжества, они были бы кстати. И вдругъ онъ остановился и затрепеталъ.... Съ высоты одной стѣны глядѣла на него женская фигура, словно живая: такъ магически дѣйствовалъ на нее свѣтъ, тихо колебавшійся и какъ-будто волновавшій черты лица, которымъ воображеніе придавало еще больше живости. То былъ портретъ его матери.... Смольневъ съ злобнымъ наслажденіемъ глядѣлъ на него.... «На тебя падаютъ слезы и кровь длиннаго ряда жертвъ, принесенныхъ мною мщению.... а вотъ портреты дѣтей твоихъ.... всѣ исчезли.... всѣ, кромѣ твоей любезной дочери, но и та плачетъ теперь, что ее не постигла участь семьи.... ты была виновнице всѣхъ.... всѣхъ! Ужасно!... видишь ли ты, до чего довела меня!... Я исполнилъ свои обѣщанія до послѣдняго.... Все племя истреблено съ корнемъ.... Вѣра еще жива.... но надобно за-живо отнять у нее все,—имя, которое носитъ теперь, которое носила по рожденію; надобно, чтобы

бракъ ея быль расторгнуть, какъ незаконный; надобно, чтобъ она была признана незаконнорожденной.... доказательства ясны!... Тогда легко отнять остальное имѣннице!... что сдѣлаетъ она тогда? она, гордая, непреклонная, въ своемъ уничиженіи.... Только Вѣра и осталась для терзаній.—Я слишкомъ поторопился; а жизнь еще кипитъ въ моихъ жилахъ.... Что еще остается дѣлать?—Всѣ бывшіе школьные товарищи исчезли съ поля дѣйствій различными путями. Невскій, который ребенкомъ еще мучилъ и терзалъ.... меня, уже взрослога юношу, живя въ сосѣдствѣ съ моею матерью.... онъ доведенъ до нищеты; все, что было близко семейству моей матери, дорого заплатило за свою пріязнь. Все что любило или было любимо, заплатило дорого за свою любовь.... которая превращалась въ ненависть для бѣднаго мальчика; все что топтало его въ грязь и ругалось надъ нимъ, горько поплатилось за оскорбленія.... А моя невѣста.... прекрасная невѣста.... Боже, до чего я низвелъ ея!... А сколько зла посѣяно черезъ посредство людей, подобныхъ Охтину.... Въ какомъ ничтожествѣ умѣлъ я отыскать Яжелбичина, Невзгодина.... Я всюду отыскивалъ людей для страшнаго служенія своей мести.... Вотъ что сдѣлалъ, до чего достигъ человекъ, изгнанный, проклятый тобой.... вотъ что ты сдѣлала, злая женщина, изъ своего собственнаго дѣтища!...

Было ли раскаяніе въ душѣ этого человека? въ ту минуту торжество его было слишкомъ велико, безгранично, чтобы дать мѣсто другому чувству въ сердцѣ.... Но Провидѣніе бодрствовало!... Въ несповѣдимыхъ законахъ своихъ оно допустило Каина убить своего брата.... Оно допустить злодѣя возвыситься до высоты не человѣческаго преступленія, вкусить плоды его, чтобы тѣмъ явственнѣе видѣли люди, для какихъ цѣлей оно готовитъ его.... Примѣръ князя Алексѣя могъ заставить затрепетать и пробудить совѣсть не у одного человека.

То, до чего возвысился Смольневъ, могло казаться въ глазахъ людей дѣйствительно вѣрхомъ земнаго счастья. Въѣсть съ родовымъ имѣніемъ, ему была возвращена и древняя фамилія его предковъ. Мы, однако, будемъ до конца повѣсти называть его Смольневымъ. Богатства его были огромны: два пая въ золотой компаніи съ Ленинымъ и его собственные золотые промыслы, которые уже начинали развиваться.... Одно это предпріятіе доставляло ему чрезвычайныя выгоды: по тогдашнимъ понятіямъ о золотой промышленности, это было почти баснословное богатство! Надобно знать, что тогда значила едва возраждавшаяся золотопромышленность въ понятіяхъ петербургскихъ жителей,

изъ которыхъ страсть къ золоту не одного пустила съ сумой по-миру взамѣнъ обогащенія немногихъ; но зато обогащенія дѣйствительно изумительны. Это мы увидимъ въ слѣдующей главѣ.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

ВЛІЯНІЕ ЗОЛОТА.

Сибирь всегда представляла тысячу средствъ обогащенія. Одна правильная торговля пушнымъ товаромъ спасла бы звѣрей отъ конечнаго истребленія или ухода въ недоступныя тундры океана и въ монгольскія степи и обогатила бы въ короткое время людей, предпринявшихъ ее; а фабрики и заводы!... Въ Петербургѣ вѣсть объ открытіи золота, какъ мы уже видѣли въ первой части нашей повѣсти, пробѣжала смутно, сбивчиво: иной слышалъ ее и не появлялъ; другой видѣлъ въ этомъ ученую, отвлеченную проблему, третій, просто пухъ!... А большая часть ничего не думала, пребывая въ сладостномъ невѣдѣніи обо всемъ что не касается до нея собственно. Наконецъ, не болѣе какъ втеченіи шести или семи лѣтъ, частный золотой промыселъ въ Сибири выросъ изъ зерна до нѣсколькихъ сотенъ пудовъ золота. Всѣ изумились. Многіе разочли, что сто пудовъ золота, за исключеніемъ полуторы десятины въ пользу правительства, стоятъ болѣе четырехъ милліоновъ рублей; если даже предположить половину этой суммы на расходы при добычѣ золота, то всё-таки компанія, добывшая сто пудовъ золота—а такія уже появлялись—получить два милліона чистаго дохода въ годъ или въ четырехъ мѣсячную лѣтнюю операцію!... Этотъ расчетъ возмутилъ всѣхъ... Каждый говорилъ: если втеченіи первыхъ лѣтъ золотая промышленность дала такіе результаты, то чего должно ожидать впослѣдствіи?... Мы, живущіе въ 1846 году, знаемъ, что золотопромышленность, вмѣсто сотенъ пудовъ даетъ уже тысячу, что нѣкоторые золотопромышленники сдѣлались первыми богачами въ Россіи; но тогда еще не знали этого, и уже по блестящимъ началамъ твердо были убѣждены въ послѣдствіяхъ. Воображеніе, нерѣдко забѣгающее впередъ, представляло виды еще роскошнѣе, еще заманчивѣе. Какъ бы то ни было, каждый изъ насъ былъ свидѣтелемъ съ какимъ увлеченіемъ составлялись компаніи для открытія и разработки золотосодержащихъ

розсыпей.... Путешествіе въ Америку представляло больше труда и опасности, чѣмъ нынче путешествіе въ Сибирь; тѣмъ не менѣе однако, слово Сибирь еще недавно звучало страшно въ ухахъ и въ сердцахъ Русскихъ. Теперь къ нему привыкли: свѣтъ ко всему привыкаетъ. Если въ Америкѣ золотонскатели должны были бороться съ туземцами, то въ Сибири предстояла имъ не менѣе отчаянная борьба съ природою. Они должны были пропикнуть въ лѣса, куда не заходилъ еще кочующій Тунгусъ или Татаринъ, увлекаемый промысломъ за пушинымъ звѣремъ; они исходили эти трущобы на пространствѣ многихъ тысячъ верстъ, прорубаясь сквозь нихъ, влеча за собою вьюки съ сухарями; нерѣдко мостили бревенчатый путь черезъ тундры или стлали насть изъ войлоковъ. А сколько разъ партія, руководимая какинъ-нибудь кочующимъ дикаремъ, терялась въ лѣсу! Въ такомъ случаѣ, первое движеніе несчастныхъ было выместить свои страданія на вожатомъ: но дикарь убѣгалъ и партія челоувѣкъ въ двадцать, въ тридцать, оставалась на произволъ судьбы, голода и непогоды. Приближеніе зимы, которая въ томъ краю нерѣдко падаетъ въ октябрь, грозитъ неминуемой гибелью людямъ и лошадямъ. Несчастные рѣшаются на послѣднее средство,—убивать лошадей, если еще не всё околѣли; въ противномъ случаѣ берутъ въ запасъ падалъ; сколачиваютъ изъ бревенъ плотъ и предаются теченію быстрыхъ горныхъ рѣкъ, въ надеждѣ встрѣтить на большихъ рѣкахъ населеніе. Легко вообразить, какинъ случайностямъ, какинъ опасностямъ подвергается такое плаваніе. Большую частію плотъ разбивается объ камни или крутыя прибрежья; оставшіеся въ живыхъ предаются новымъ бѣдствіямъ: днемъ идутъ, руководимые солнцемъ, если оно видно; ночью должны бодрствовать попеременно, чтобы не попасть въ когти медвѣдя. Рѣдко кому случается возвратиться и оставшіеся отъ всей партіи рассказываютъ такіа страсти, что, казалось бы, у каждаго отобьетъ охоту къ дальнѣйшимъ путешествіямъ въ тайгу; ни чуть-небывало! Съ наступленіемъ весны, лѣса и горы наполняются золотонскателями, и едва оправившіеся страдалецъ идетъ вмѣстѣ съ другими. Партіи, отправляемыя зимою, на лыжахъ, подвергаются еще большимъ опасностямъ, въ странѣ, гдѣ морозъ очень часто доходитъ до тридцати-пяти градусовъ.

Тѣмъ не менѣе, однако, многіе судорожно трепетали, волнующие демономъ золота. Они сдѣлались дѣятельны, неутомимы, отчаянны въ своихъ предпріятіяхъ. Сотни людей тратили безвозмездно весь свой капиталъ въ тайгахъ Сибири; другіе говорили:

«это дураки: они не понимаютъ дѣла!» и указывали на десятокъ обогатившихся. Къ общему соблазну явились, будто прѣхавшіе изъ Сибири, золотонскатели. Это—совершенно то же, что были въ Испаніи *chercheurs*, даже въ такомъ же размѣрѣ. Наши авантюристы говорили, что управляли подисковыми партіями такой-то компаніи, знаютъ пріиски и скрыли ихъ отъ своихъ хозяевъ на всякой случай, для людей болѣе благодарныхъ. Ихъ честнаи, входили съ ними въ условія, давали деньги за пріиски, въ которыхъ не сомнѣвались, потому что промышленники всегда дополняли свои слова образчиками золота, будто бы полученными изъ вновь открытыхъ розсыпей. Ловкій негодяй иногда успѣваетъ войти въ подобныя условія съ двумя капиталистами, получаетъ отъ нихъ суммы на разработку розсыпи; о собственномъ вознагражденіи онъ обыкновенно мало хлопочетъ: онъ довольствуется десятой частью чистыхъ прибылей. Дѣло такъ вѣрно, что не оставляетъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ прибыляхъ. Казалось бы, нашъ авантюристъ разыгралъ свою комедію вполне: онъ получилъ деньги и скроется: ни чуть не бывало; мы живемъ въ преуспѣвающемъ девятнадцатомъ вѣкѣ. Предпріимчивый негодяй хочетъ выйти изъ этого дѣла не только съ чужими деньгами, но съ именемъ честнаго и дѣятельнаго человѣка, которое ему необходимо для слѣдующихъ успѣховъ. Онъ немножко несчастенъ.... но это произошло главнѣйше отъ незнанія довѣрителя, отъ скупости его. Каждую осень авантюристъ-золотонскатель доноситъ о богатомъ открытіи, правда, имъ еще не совсѣмъ развѣдано—*за притокомъ воды* (выраженіе это горько далось всѣмъ занимающимся золотопромышленостью), но съ открытіемъ весны начнется и подробная развѣдка и разработка розсыпи. Когда довѣритель въ первый разъ получаетъ такое извѣстіе, онъ вполне вѣритъ ему; въ восторгѣ, онъ могъ бы тутъ же продать свое дѣло съ большими барышами, но онъ уже бредитъ о милліонахъ, ни за что не разстанется съ своей любимой мыслью; но вотъ проходитъ лѣто, а мечтанія его не осуществляютъ. Ему пишутъ изъ Сибири о процессѣ, о неудачахъ разнаго роду, объ ошибкахъ, неизбежныхъ въ новомъ дѣлѣ.... а къ концу лѣта опять радостное извѣстіе. Несчастный высылаетъ новую сумму денегъ: тѣ же продѣлки. Наконецъ, истощивъ свой капиталъ и терпѣніе, разоренный, измученный, онъ или гибнетъ въ толпѣ благороднаго населенія бѣдняковъ, которое жалче уличныхъ нищихъ, потому что не смѣетъ протянуть руки за подаваніемъ, или въ свою очередь

дѣлается золотопрокателемъ отъ какой-нибудь вновь образовавшейся компаніи.

Для дѣятельности Ленина открылось новое обширное поприще, гдѣ способности его развились широко, привольно. Онъ уже былъ самъ золотопромышленникъ третьей компаніи, которая теперь называлась Смольнева и Ленина. Смольневъ, какъ мы видѣли, вырвалъ изъ рукъ его часть Невскаго. Ленинъ, рожденный въ нищетѣ, всегда нуждавшійся въ копѣйкѣ, еще былъ робокъ въ дѣлахъ, не привыкъ къ обширнымъ денежнымъ оборотамъ. Но онъ успѣлъ вознаградить свою потерю, дѣйствуя иначе. Между-тѣмъ какъ Смольневъ, достигавшій всѣхъ своихъ цѣлей, становился вялымъ въ дѣйствіяхъ, съ презрѣніемъ глядѣлъ на людей, надъ которыми ему такъ легко стало выполнять свои планы, съ пренебреженіемъ на деньги, какъ вещь ему больше не нужную, Ленинъ, полный силы и надеждъ, работалъ неусыпно. Многіе ввѣрили ему свои капиталы и онъ употреблялъ ихъ не на правилахъ вышесказанной аферы. Нѣтъ, ему нужно было широкое поле, гдѣ бы онъ могъ явиться какъ побѣдитель, какъ благодѣтель другихъ, а не тѣсная жизнь мелкаго плутишки. Знакомый съ людьми всѣхъ слоевъ общества, какъ человекъ, вытянутый сквозь всѣ эти слои, изъ которыхъ въ каждомъ оставилъ онъ частицу себя самого, Ленинъ умѣлъ выбирать своихъ повѣренныхъ въ Сибири и сверхъ-того слѣдилъ за ними неусыпно, черезъ разныхъ агентовъ, обязанныхъ ему службой или деньгами. Словомъ, дѣла Ленина, хотя еще были въ началѣ, однако обѣщали блестящіе результаты. Тѣмъ не менѣе надменный и дерзкій съ другими, онъ сносилъ не только терпѣливо, но даже съ покорностью, сухое, холодное обращеніе Смольнева. Дѣло въ томъ, что старикъ былъ во всемъ величій своихъ миллионъ и никто не постигалъ ихъ обаятельной силы такъ какъ Ленинъ, который посвятилъ всю свою жизнь пріобрѣтенію денегъ и шелъ къ этой цѣли путемъ труда, униженія и, подчасъ, жестокихъ неудачъ. Ему, какъ человѣку коммерческому, Смольневъ всегда могъ быть полезенъ не только деньгами, но и кредитомъ; ктому же его связывали съ нимъ общія дѣла: въ-отношеніи ихъ онъ былъ въ явной зависимости отъ Смольнева, на деньги котораго теперь производилась добыча золота. По этимъ-то дѣламъ онъ теперь находился въ кабинетѣ Смольнева.

Въ ожиданіи отъ него наставленій или, правильнѣе, приказаній, онъ разсматривалъ четвертушку почтовой бумаги, на которой было всего написано строчекъ пять, преисполненныхъ цѣрь; но

Ленинъ не могъ оторвать взоръ отъ этихъ магическихъ чиселъ и съ видимымъ наслажденіемъ разсматривалъ ихъ, какъ смотритъ юноша на свою фамилію, впервые напечатанную въ какомъ-нибудь журналѣ, подъ заветными стихами «Къ ней». Рядъ цифръ, столь милыхъ Ленину, съ подписью внизу «управляющій, Чёрныхъ», представлялъ результаты отчета по компаніи его съ Смольневымъ. Несмотря на то, что золотые промыслы едва развивались, компаніоны получили по двѣсти пятидесяти тысячъ на пай чистой прибыли; изъ этихъ денегъ, правда, Ленинъ долженъ былъ часть заплатить Смольневу, другую употребить на разработку будущаго года, но зато чего должно было ожидать впоследствии отъ такого начала!

— Безцѣнный человекъ этотъ Чёрныхъ, воскликнулъ наконецъ Ленинъ, не умѣвшій скрыть восторга: его надобно прилично наградить.

Смольневъ медленно обратилъ къ нему голову.

— Вы слишкомъ щедры, произнесъ онъ сквозь зубы: кстати, однако, объ Чёрныхъ. Хорошо что вы навели меня на разговоръ. Я посылаю за вами именно для того, чтобы поручить вамъ отлестать управляющаго на наши золотые промыслы.

— А Чёрныхъ?

Смольневъ не отвѣчалъ ему на вопросъ, но подавъ письмо, прибавивъ:—Это отъ моего повѣреннаго въ дѣлахъ, Яжелбицына.

(Помнятъ ли читатели Яжелбицына, того бѣднаго чиновника, котораго они впервые встрѣтили у Уманскихъ и потомъ на свиной баркѣ?)

Письмо было слѣдующаго содержанія :

«Милостивый государь и благодѣтель!

Изъ послѣдняго нижайшаго раппорта моего вы усмотрѣть изволили объ открытіи богатой росыши по рѣчкѣ Караташаку. Опасаясь, чтобы кто не упредилъ меня заявить означеннаго прииска, я отправился самъ въ ближайшую волость, для огражденія своего открытія законными формами. На пути встрѣтилъ я партію людей, такъ же какъ и мы, на лыжахъ и узнавъ, что они принадлежали компаніи вашей съ Ленинымъ и Невскимъ (Яжелбицынъ еще не зналъ о приобрѣтеніи Смольневымъ части Невскаго), приостановился, потому что я никогда не упускалъ изъ виду приказанія вашего, слѣдить за дѣйствіями означенной компаніи. Тутъ я увидѣлъ своего милостивца, оказавшаго столько пособія нашимъ дѣйстви-

мать, вашего управляющаго компанію, но въ какомъ видѣ, Боже мой! больного, умирающаго, на свѣгу, въ лѣсу едва проходимомъ, окруженнаго десяткомъ ссыльныхъ людей. Я подошелъ къ Черныхъ, онъ еще узналъ меня.—Вы съ Караташаку? спросилъ онъ умирающимъ голосомъ.—Съ Караташаку, отвѣчалъ я.—Что партія Рябчикова... отъискала ли золото?—Нѣтъ, ничего не нашла. — Благодарю Тебя, Господи!.. Теперь я умираю спокойно... И будто только за этимъ стало дѣло.... Онъ вздохнулъ и умеръ... Благоволите дать нужныя наставленія и прочее».

— Какъ вы находите такую смерть? спросилъ Смольневъ.

— Ужасною.

— Отчего же ужасною! Черныхъ умеръ съ твердымъ убѣжденіемъ, что его усилія противъ Рябчикова удались вполне; что компанія, такъ жестоко обидѣвшая его, должна вскорѣ обнищать, разрушиться; что онъ отомщенъ вполне.... Но удивительно, что послѣ этого онъ умеръ спокойно.... Не правда ли, что мщеніе усладительное чувство?..

— Да... Я полагаю.... какъ всякая сильная страсть.

— Вы полагаете.... Будто не испытали, хоть въ нѣкоторой степени!.. Будто вамъ не хотѣлось уничтожить людей, которые именемъ чести ставятъ васъ противъ пистолетнаго дула? И когда же? Когда жизнь представляется вамъ во всемъ блескѣ, со всѣми приманками богатства....

И онъ изъ-подъ лобья слѣдилъ за всѣми движеніями Ленина.

— Да, я сознаюсь, что эта дуэль преглупая вещь...

— Они васъ компрометируютъ въ обществѣ. Кто захочетъ оставить свои капиталы въ рукахъ дуэлиста, котораго того и смотри убьютъ или засадятъ въ крѣпость.

— Но что жъ дѣлать? какъ избавиться?..

— Вы ли не найдете средствъ избавиться отъ дуэли или отъ дуэлиста! Обратитесь съ вопросомъ хоть къ Охтину... Но мы отклонились отъ разговора. — Надобно замѣнить Черныхъ достойнымъ человѣкомъ: это уже ваше дѣло. Кроме-того, я самъ напѣреваюсь отказаться отъ дѣла.... Они мнѣ наскучили.... Я хочу уполномочить васъ на управленіе какъ компанейскими, такъ и своими собственными дѣлами по золотопромышлености.

Ленинъ торжествовалъ.

— Только позаботьтесь чтобъ васъ не убили. Управленіе этими дѣлами дастъ вамъ до сотни тысячъ лишнихъ доходу.... и, кроме-того, перевѣсъ вліянія по другимъ дѣламъ....

— Я не знаю какъ благодарить васъ.

— Уфъ; какъ здѣсь холодно, произнесъ Смольневъ, кутаясь въ теплый плафрокъ.... какъ вы находите?

— Нѣтъ.... кажется довольно тепло....

Смольневъ не сидѣлъ минуты покойно, безпрестанно перемѣнялъ положеніе, волновался какъ человекъ въ лихорадкѣ или одолеваемый тоскою.

— Скажите, пожалуйста, началъ онъ, быстро обращаясь къ Ленину: когда вы сидите въ эластическомъ креслѣ, окруженные блескомъ и роскошью барскихъ комнатъ, приходитъ ли вамъ на мысль — такъ, для контрасту — бѣдная, крестьянская лачуга? Въ ней холодно и грязно; зима пробивается сквозь бумажныя оконницы, вшета стучится прямо въ дверь. Хозяйка-мать разослала босыхъ ребятшекъ кого за водой, кого за дровами; грудной ребенокъ вонитъ у ея изсохшей груди. Мать подѣла къ окну, пригорюнилась и высматриваетъ сквозь щели бумаги своего мужа, который вернется поздно, изъ кабака.... На улицѣ пусто.... женщина сквозь слезы мурлычитъ тоскливую пѣсенку.... за деревнею гряда темныхъ елей сливается съ горизонтомъ темнаго неба.... Только высокая колокольная разсѣкаетъ эту темень.... Странно, прервалъ Смольневъ самъ себя, поглядывая на Ленина съ невыразимо-злобною улыбкою: мнѣ холодно, а вы потѣте, какъ въ банѣ.... Такъ, скажите, пожалуйста, не представляется ли вамъ порою эта сельская картина и ваша игривая фантазія не ставитъ ли васъ самихъ на первомъ ея планѣ?

— Чтѣ за мысль пришла вамъ въ голову!...

— Странная мысль.... Но, если бы эта мысль осуществилась... если бы хотя во снѣ представилось вамъ, что вы членъ этой крестьянской семьи.... живете въ избѣ....

— Полноте, Агапій Агапѣвичъ! вы сегодня, кажется, рѣшились пугать самъ себя....

— И другихъ....

И Смольневъ торжествовалъ надъ смущеніемъ своего собесѣдника, но и это легкое торжество ему вскорѣ наскучило. Онъ всталъ и нѣсколько разъ скорыми шагами прошелся по комнатѣ.

— Да, вы правы, замѣтилъ онъ: здѣсь, точно, жарко.... очень жарко.... Я слышалъ, вы скоро женитесь.... то есть, если останетесь побѣдителемъ на дуэли, а если будете убиты, то на вашей повѣстѣ женится вашъ противникъ.... Вотъ турниръ, достойный

среднихъ вѣковъ! Вы хотите добыть себѣ невѣсту съ оружіемъ въ рукахъ; но сообразили ли вы всѣ шансы.... и стоитъ ли невѣста такой жертвы....

— Это премилая дѣвушка, прекрасной фамиліи....

— Все это хорошо! Но вы не подумали объ одномъ.... какъ бы это лучше объяснить.... Вы принимали въ соображеніе одно настоящее свое состояніе, а это, просто, самая ничтожная часть того, что ожидаетъ васъ....

Ленинъ трепеталъ отъ нетерпѣнія.— Неужели этотъ человекъ, уполномочивающій меня на управленіе всѣми своими дѣлами, хочетъ сдѣлать меня своимъ наследникомъ.... Что если бѣ? А почему же? У него нѣтъ наследниковъ. Онъ никого не любитъ.... Во мнѣ онъ признаетъ по-крайней-мѣрѣ качества, которыя уважаетъ.

— Да, продолжалъ Смольневъ: Уманская нищя сравнительно съ вами.... Вы подумайте объ этомъ хорошенько, и потомъ скажите мнѣ.... Я принимаю въ васъ живѣйшее участіе.

— Къ кому же мнѣ и прибѣгнуть за совѣтомъ, какъ не къ вамъ? Я не имѣю ни кого родныхъ, ни кого близкихъ.

— Точно, какъ и я.

— Въ васъ я имѣю своего благодѣтеля, друга, если позволите такъ выразиться.

— Я думаю, вы не много проиграете, если цѣною своей невѣсты отдѣляетесь отъ дуэли.

— Я постараюсь сообразить вашу волю съ законами чести....

— Постарайтесь.... Здѣсь въ-самомъ-дѣлѣ жарко.... какая тоска!... Прощайте.... Я не хочу васъ отнимать у вашихъ занятій, у вашей невѣсты.

Ленинъ вышелъ торжествующій. Дуэль смущала его, правда; но у него же выпросили отсрочки этой дуэли на нѣсколько дней, и, въ это время, онъ надѣялся, что обстоятельства сами собою отстранятъ ее. Когда мы ничего не можемъ придумать, чтобы спастись отъ угрожающей бѣды, то обыкновенно возлагаемъ свои надежды на время и обстоятельства; это случается съ самыми умными людьми.

Смольневъ, позабавившись нѣсколько времени надъ Ленинымъ, какъ забавляется кошка съ мышкой и возбудивъ въ немъ чувства, сообразныя съ своими намѣреніями, оставилъ его. Ленинъ ему наскучилъ. Смольневъ не зналъ что ему дѣлать съ собою, съ

жизнiю, отъ которой нечего было надѣяться, нечего ожидать. Что ему было въ борьбѣ, гдѣ онъ дѣлался побѣдителемъ почти безъ всякихъ усилiй!... Тоска овладѣла имъ....

Въ это время Смольневу доложили о приходѣ Охтина.

— Охтинъ! произнесъ онъ многозначительно: хорошо, пускай войдетъ!

Охтинъ былъ посвященъ въ большую часть тайнъ Смольнева; оставался онъ одинъ, котораго свидѣтельство могло быть пагубно этому незримому для другихъ духу зла. Охтинъ большею частiю служилъ передатчикомъ приказанiй своего патрона, посредникомъ между нимъ и тѣми, которые слѣпо покорялись замысламъ, иногда даже исполнителемъ его воли, если порученiе было ему по-силамъ. Какъ ни маскировалъ передъ нимъ свои намѣренiя Смольневъ, какъ ни прикрывалъ именемъ князя, отъ котораго будто бы дѣйствовалъ, Охтинъ, проницательный, лукавый, если не вполне проникъ тайну, то многое угадалъ, особенно теперь, когда старикъ основалъ свою славу на развалинахъ богатствъ князя Алексѣя. Смольневъ догадался зачѣмъ пришелъ Охтинъ; но желая, по привычкѣ, помучить это жалкое существо, онъ не обращалъ на него вниманiя, какъ тотъ ни разсыпался въ поздравленiяхъ, въ изъявленiи своихъ чувствъ, своей радости....

— А, это ты, Охтинъ? Я былъ увѣренъ, что ты теперь далеко отсюда.... у князя Алексѣя..... разделяешь скорбь своего благодѣтеля.

— Агапiй Агапiевичъ, вамъ извѣстно, кому я служилъ съ большимъ рвенiемъ?

— Тому кто дороже платилъ....

— Пусть такъ! обидчиво отвѣчалъ Охтинъ.—Этотъ жесткiй укоръ, отъ человѣка, которому онъ продалъ все свое нравственное достоянiе, задѣлъ даже его черствое сердце.— Пусть такъ.... Но вы меня знали прежде князя; знали не такимъ, каковъ я теперь.... Кто же причиною, что я дошелъ до своего настоящаго положенiя? Агапiй Агапiевичъ! Я не въ укоръ вамъ это говорю.... Но не вы ли первые привели въ искушенiе мою совѣсть.... Помните, когда проигравшись сидѣлъ я, тоскуя, у себя въ комнатѣ, не вы ли явились ко мнѣ съ блестящими предложенiями, если я успѣю разрушить мирное согласiе Б**, своего единственнаго друга, съ женою, нынѣшней княгиней Вѣрой... Не вы ли потѣмъ употребили меня оружиемъ его гибели; не вы ли вели меня отъ преступленiя къ преступленiю, такъ что я не успѣлъ и замѣтить куда увлекаюсь, не успѣлъ оглянуться назадъ, какъ очутился на

краю пропасти.... Вамъ все это пошло въ прокъ. Вотъ вы и богаты, и знатны.... Очень радъ! Я не ропщу на васъ.... Вамъ оно такъ и слѣдуетъ; вы умны, я — дуракъ! Но я полагаю.... я надѣялся.... что теперь могу кормиться крохами отъ вашего богатства, что теперь не пропаду съ голоду или не буду унижаться, протягивая чуть не каждому встрѣчному руку за помощью.... Я старѣюсь.... пора покаяться.... самъ чувствую.... ✦

— Покаяться!...

Смольневъ горько улыбнулся при этомъ словѣ. Онъ слишкомъ хорошо зналъ человѣческое сердце, чтобъ не очень вѣрить раскаянію человѣка, такъ далеко зашедшаго какъ Охтинъ; зашедшаго не по собственному увлеченію, а по волѣ другаго, слѣдовательно, только воля другаго могла бы его вывести на прямой путь; но кто займется судьбою Охтина! Пускай стремится куда влечетъ его злой рокъ....

— И ты не ошибся во мнѣ, внучекъ!...

— О, мой благодѣтель, я не сомнѣвался въ васъ.... Я знаю, что вы иногда любите подшутить надъ бѣднымъ человѣкомъ, чтобъ потомъ сильнѣе обрадовать его своею милостью.

— Впрочемъ, я былъ только твоимъ, и всѣхъ васъ, ходатаемъ у того незрямаго лица, которому вы служите, слѣдовательно, принимаю на половину благодарности. Вотъ записка, по которой ты получишь отъ моего кассира тридцать тысячъ рублей; изъ нихъ двадцать тысячъ собственно для тебя и десять отдашь Головѣ и его товарищамъ. Затѣмъ всѣ наши связи уничтожаются безвозвратно. Мы не знакомы, мы никогда не были знакомы другъ съ другомъ. Такъ скажи и прочишь.

Смольневъ не слушалъ униженной благодарности Охтина. Онъ отдалъ ему записку и ушелъ въ другую комнату. Затѣмъ распорядился такъ, чтобъ Голова предварительно узналъ, что Охтину поручено отдать ему и его товарищамъ *двадцать тысячъ рублей* и удержать себя только *десять*.

— Эта игра вѣрно удался! произнесъ Смольневъ: собаку надо травить собаками, а для того довольно спустить ихъ съ цѣпи и бросить кость.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

ИЗБАВЛЕНІЕ.

У Уманскихъ собрался тѣсный кружокъ людей, имъ близкихъ. Несмотря на то, какое-то принужденіе, уныніе господствовало

въ немъ. Всѣхъ тревожила мысль о Невскомъ, котораго тутъ не было. Теперь, болѣе чѣмъ когда-либо, убѣдился онъ въ страшномъ вліяніи судьбы надъ собою и надъ всѣмъ, что ему близко и дорого. Воображеніе, привыкшее съ дѣтства страшиться Смольнева, какъ существа высшаго, враждебнаго человѣческому роду, теперь представляло ему эту мысль, страшно осуществившуюся. Злое существо, разразившееся смѣхомъ при первой его горести, было тѣсно связано со всѣми бѣдствіями его жизни. Страшная катастрофа съ семействомъ князя Алексѣя, представляла его духомъ разрушенія, мести, противъ котораго воля человѣческая ничего не могла, развѣ раздражить ее. У Невскаго это была *idée fixe*, которая могла довести его до сумасшествія. Онъ, по своему обыкновенію, заперся у себя въ комнатѣ, и никого не принималъ. Финскій посѣтилъ домъ Уманскихъ въ послѣдній разъ, желая еще взглянуть на Мери, которая была такъ дорога его сердцу. И кому вѣрила она судьбу свою? челоуѣку, вполнѣ недостойному такого сокровища. Его также тревожила мысль о Невскомъ. Онъ думалъ его увлечь съ собою изъ Петербурга и до-сихъ-поръ не успѣлъ склонить къ тому. Невскій затѣвалъ что-то отчаянное. Но всего болѣе тяготила Финскаго судьба Обдрыша и Женни. Въ этой исторіи было скомпрометировано его собственное имя, потому что теперь многіе, подобно Ленину, готовы были думать, что Финскій выдумалъ всю эту исторію только для собственной выгоды.

Ленина заботила дуэль, отъ которой онъ рѣшился отдѣлаться во что бы ни стало и думалъ только о томъ, чтобы достигнуть этого съ самымъ меньшимъ ущербомъ своей чести. Кромѣ-того, мысль о богатствѣ, которое ему представилъ Смольневъ такимъ близкимъ, заставляла его сильно задумываться. Теперь партія съ Мери казалась ему невыгодною, тягостнымъ условіемъ, связавшимъ его въ дальнѣйшихъ предпріятіяхъ. Обращеніе его съ бѣдною дѣвушкой было холодно, и это приводило ее въ совершенное отчаяніе. А тутъ у нея на сердцѣ была еще другая забота: устранить дуэль между нимъ и Финскимъ и она не знала какъ приступить къ дѣлу, ожидая помощи отъ Бронницыной. Ольга Бенская только и жила подъ вліяніемъ магическаго для нея присутствія Невскаго; безъ него она походила на тѣ цвѣты, которые склоняютъ головки долу, закрываютъ свои чашечки, и увядаютъ когда нѣтъ солнца. Все существо ея было тѣсно связано съ существомъ Невскаго и въ отсутствіе его поддерживалось только мыслью о немъ. Пожилой челоуѣку въ черномъ

парикъ, и съ сѣдыми бакенбардами, который по обыкновенію говорилъ, мало обращая вниманіе на то слушаютъ ли его, отвѣчаютъ ли ему, теперь какъ-то сталъ неразговорчивъ, видимо увлеченъ общою грустію. Миллеръ былъ также тутъ.... связь и даже взаимная дружба со школьцымъ товарищемъ Финскимъ сблизила его съ Невскимъ и ввела въ домъ Уманскаго. Миллеръ разсѣянно чертилъ пальцомъ по столу, занятый обычною мыслью, увлекавшею все существо его.... Въ такомъ состояніи было общество, когда вошедшій слуга доложилъ что-то на-ухо Уманскому: тотъ посмотрѣлъ на него съ изумленіемъ, какъ-будто не довѣряя тому что слышалъ; слуга произнесъ еще что-то шопотомъ, и Уманскій вышелъ.

Всѣ были слишкомъ заняты своими мыслями и не замѣтили вновь пришедшихъ, какъ-вдругъ услышали крикъ:—Фрицъ, Фрицъ! Женни вырвалась изъ рукъ Уманскаго, съ крикомъ кинулась къ Миллеру, и повисла у него на шеѣ.

— Фрицъ, милый Фрицъ!... Ты ли это?... А, посмотри на меня, похожа ли я на твою Женни!...

— Женни, мое сокровище, мой ангелъ-хранитель!....

Онъ цѣловалъ ее съ увлеченіемъ, съ восторгомъ и слезы ихъ смѣшались, слова прѣрывались, не высказывая вполнѣ заветныхъ мыслей.

— Смотри, пожалуй, Фрицъ, въ какихъ ты палатахъ! какой на тебѣ хорошій нарядъ! Ужъ не сдѣлался ли ты знатнымъ баринкомъ? я помню какъ ты приказывалъ беречься знатныхъ.

— Нѣтъ, Женни, Я всё тотъ же бѣднякъ, у меня даже не было тебя для утѣшенія.

— А помнишь чердакъ, гдѣ ты жилъ?

— Куда приходила ты, моя свѣтлая радость.... и спасала меня отъ тоски, отъ отчаянія.

— Ахъ, Фрицъ, я никогда не забуду, какъ ты заложилъ свой единственный фракъ, чтобы спасти маменьку отъ голодной смерти во время ея болѣзни.

— Полно объ этомъ, Женничка.... станемъ лучше говорить о тебѣ, радоваться твоему возвращенію.

— Нѣтъ, говори мнѣ прежде о моей маменькѣ....

— Маменька.... то есть Настасья Ивановна. Она.... ничего.... тоскуеть по тебѣ.... ты ее скоро увидишь....

— Скорѣе, скорѣе, воскликнула Женни, и въ порывѣ радости не замѣчая смущенія Миллера.

— Скоро.... скоро.... Теперь она почиваетъ. А вотъ погоди....

— Ждать....

— Не много, сейчасъ.

— А что Невзгодивъ?...

— Объ этомъ не спрашивай....

— Неужели умеръ?

— Живъ, но Богъ съ нимъ.... Какъ же ты исхудала.... моя душечка!... Ахъ, какъ тяжело тебѣ было....

— Тяжело, Фрицъ, такъ тяжело, что я не знаю какъ я вынесла.... Но теперь я съ тобой, и все забыто.... Нѣтъ, Фрицъ! Мы ужъ не разстанемся.

— Бѣдненькая, Женни!... Ты вѣдь будешь богата.... Да! Я забылъ тебѣ стазать.... ты вѣдь богата.... Узнаешь это, такъ иначе заговоришь съ Фрицомъ, который всё такой же бѣднякъ, хоть ты его теперь и видишь въ чужихъ хоромахъ, сказалъ съ улыбкой Миллеръ.

— Богата.... У насъ будутъ деньги.... значить, Фрицъ, маменька не будетъ больше плакать о томъ, что намъ нечего кушать.... значить у тебя будутъ всегда и краски и холстъ.... Вѣдь это значить богатство?

— Это.... больше чѣмъ это!... Впрочемъ, я самъ хорошенько не могу изъяснить что такое богатство, потому что никогда не былъ богатъ....

Фрицъ и Женни не могли наговориться, не могли наглядѣться другъ на друга. Всѣ были увлечены этой сценой и совѣмъ забыли о мальчикѣ, который, прислонившись къ стѣнѣ, сумрачно глядѣлъ на ласки Женни челоуѣку, совѣмъ ему незнакому, на Женни, которая по-сю-пору ни разу даже не вспомнила о немъ, наконецъ увидѣли и его: это былъ Оборвышъ. Постоянныя страданія сгладили слишкомъ рѣзкія черты его, а заточеніе придало лицу, обыкновенно загорѣлому, смуглому, матовую бѣлизну, при которой блескъ черныхъ глазъ его отражался еще ярче.

Радость Ольги и старушки Бенской была не такъ выразительна, какъ радость Фрица и Женни; ласки ихъ были не такъ увлекательны, но тѣмъ не менѣе Валя сильно былъ взволнованъ свиданіемъ съ этими женщинами, единственными существами, которыя любили его, которыхъ любилъ онъ до своего заточенія. Кромѣ-того Оборвышъ не могъ забыть, что онѣ спасли жизнь ему, грязному уличному мальчишкѣ, до котораго никто не хотѣлъ дотронуться.

Трудно выразить то, что при таких сценах происходит.... Безпрерывныя восклицанія, слова, прерванныя слезами, слезы, осушенные поцѣлуями.... Все это скорѣе можно уловить сердцемъ, чѣмъ передать словами. Наконецъ, когда общее волненіе нѣсколько стихло, Уманскій позвалъ чиновника, который привезъ Оборвыша и Женни, и просилъ его объяснить, какимъ образомъ открыли бѣдныхъ страдальцевъ. Отъ нихъ же самихъ могли только узнать, что они уже простились было съ жизнью и въ объятіяхъ другъ друга ожидали страшной минуты смерти. Женни была безъ чувствъ, когда пришли освободители.

Чиновникъ началъ рассказъ.

— «Давно уже мы замѣтили, что въ харчевнѣ, извѣстной подъ названіемъ «Мысль-Доброй-Надежды», показываются подозрительныя лица; въ глубокую, ненастную ночь, часто мелькаетъ сомнительный огонѣкъ; то скроется, то опять засвѣтитъ, какъ-будто въ домѣ было особенное движеніе; часто приставали къ нему лодки, также ночью; наконецъ раза два видѣли тутъ лицо, которое по описанію слишкомъ походило на извѣстнаго негодяя Голову. Полиція не показывала виду, что замѣчаетъ все это; но между-тѣмъ зорко слѣдила за движеніями въ «Мысль-Доброй-Надежды» и рѣшилась накрыть это гнѣздо, тогда какъ оно будетъ въ полномъ сборѣ. Вслѣдствіе этого, двое изъ нашихъ людей, невидимые для другихъ, всегда караулили возлѣ. Въ ночь, на сегодняшній день, сторожевые замѣтили особое сборище въ Мысль-Доброй-Надежды и предварили насъ заранѣе.

«Мы скрыли засаду за сугробами, откуда видѣли всѣхъ проходящихъ мимо въ гостиницу.... Уже мы готовы были накрыть харчевню, какъ-вдругъ на самомъ берегу показались три человѣка, вышедшіе изъ харчевни; они были на-веселѣ и дружески разговаривали между собою; наконецъ двое изъ нихъ стали обнимать третьяго, низенькаго, худенькаго человѣка. Вдругъ раздался отчаянный вопль.... часть изъ нашихъ кинулась на этотъ голосъ, другая къ харчевнѣ.... Я былъ въ числѣ первыхъ.... Мы духомъ прибѣжали на мѣсто, но уже все было кончено.... Маленькій человѣкъ бился въ предсмертныхъ мукахъ.... Его убійцы кинулись къ лодкѣ.... Наши люди за ними.... одинъ изъ нашихъ метнулъ изъ-дала дубиной въ лодку, въ то время когда злодѣи сидѣли.... Вѣрно, онъ ловко попалъ, потому что мы видѣли, какъ человѣкъ опрокинулся черезъ бортъ.... маленькая лодочка покачулась и вскорѣ захлебнулась водой. Темець была страшная и трудно было видѣть, что случилось съ убійцами. За ними всюду

разсели лодки въ погоню, но всего вѣрнѣе, что посланные отыщутъ два труна.... Отъ несчастнаго, валявшагося въ крови, которая фонтаномъ била изъ двухъ ранъ въ груди, нанесенныхъ сильною и ловкою рукою, нечего было добиваться толку.... Мы старались только вывѣдать, не знаетъ ли онъ чего-нибудь объ участи похищенныхъ дѣтей, потому что не трудно было догадаться, что онъ принадлежалъ къ шайкѣ негодяевъ. Но онъ и тутъ насъ обманулъ... передъ самой смертию.... или, можетъ-быть, уже ничего не помнилъ.

— «Тамъ»... произнесъ онъ, указывая въ сторону, совсѣмъ противоположную тому мѣсту, гдѣ надо было искать дѣтей покойнаго Б***, и умеръ.

«На разсвѣтѣ мы разсмотрѣли мертвеца.... это былъ человѣкъ, который по рожденію и по образованію предназначенъ былъ къ лучшей участи, но мало-по-малу низшелъ на самыя низкія ступени общества. Полиція преслѣдовала его, но онъ скрывался подъ чужимъ именемъ, безпрестанно мѣняя свои паспорта, такъ что едва подмѣчали его подъ именемъ одного и преслѣдовали, онъ уже опять являлся съ другимъ именемъ и паспортомъ.... Теперь онъ отправился туда, гдѣ нуженъ иной паспортъ, которымъ онъ, конечно, не запасся на этомъ свѣтѣ. Этотъ несчастный былъ Охтинъ!»

— Охтинъ!.... воскликнулъ съ невольнымъ ужасомъ Миллеръ.

— Я видѣлъ его сегодня, тамъ, на берегу.... сказалъ съ грознымъ выраженіемъ лица Оборвышъ: и узналъ его... это тотъ самый, который явился передъ моимъ отцомъ въ минуту его кончины и не далъ ему спокойно умереть; отнял у сына послѣднее утѣшеніе, благословеніе умирающаго отца, потому что это благословеніе превратилось въ проклятіе и разразилось надъ несчастнымъ пришельцомъ.... Это тотъ, что былъ виною гибели всего роду нашего.... Я его вездѣ искалъ и нашелъ мертвымъ. О, зачѣмъ онъ не живъ еще!.... Я не могъ издѣваться, не могъ гнѣшиться надъ мертвецомъ.... а будь онъ живъ....

— Ваня, замѣтила по обыкновенію старушка Бенская, какъ будто она и теперь говорила съ нищимъ сиротою: ты оскорбляешь Бога милосердаго.... Надобно миловать и враговъ своихъ, а мщеніе страшный грѣхъ....

Но по сверкающимъ взорамъ Оборвыша видно было, что эти слова еще мало дѣйствовали на его душу, и что онъ не совсѣмъ

отказывался отъ чувства мести, которое должно было рухнуть на голову не менѣе преступную передъ семействомъ Б***, какъ и Охтинъ.

Финскій и Миллеръ обмѣнялись между собою взглядами.

— Какимъ же образомъ вы открыли слѣды нашихъ страдальцевъ, если, какъ вы сами говорите, указаніе Охтина вамъ ни къ чему не послужило? спросилъ Уманскій чиновника.

— «Нетолько ни къ чему не послужило, но даже сбило насъ. Я уже вамъ сказалъ, что часть нашихъ упала какъ снѣгъ на голову, на харчевню, служившую притономъ негодяевъ и переловила ихъ; только хозяинъ Мыса-Доброй-Надежды успѣлъ заранѣе ускользнуть подземнымъ ходомъ, который мы послѣ открыли. Многіе изъ пойманныхъ участвовали въ похищеніи дѣтей, и признались въ томъ; но всѣ единогласно показали, что дѣйствовали единственно по приказанію своего вачальника, Головы, одного изъ тѣхъ, который убилъ Охтина, и повидимому утонулъ. Голова же получалъ приказаніе отъ Охтина, но съ какою цѣлью они совершили это преступленіе, гдѣ заключены похищенные имъ дѣти,—этого рѣшительно никто не зналъ. Мы опрокинули вверхъ дномъ всю харчевню, обыскали всѣ мѣста въ той сторонѣ, куда указалъ Охтинъ,... и ничего не нашли.... Мы были въ совершенномъ отчаяніи. Съ достовѣрностью можно было заключить, что о заточеніи дѣтей знали только Охтинъ и Марта, которые мучили ихъ, но съ тѣмъ вмѣстѣ кормили, и что со смертью ихъ бѣдные страдальцы подвергнутся самой ужасной пыткѣ голода. Но чтѣ было дѣлать?... Ужъ вечерѣло, какъ-вдругъ, запыхавшись, прибѣжалъ на мѣсто нашихъ поисковъ человекъ, весьма сомнительной наружности; онъ былъ намъ извѣстенъ, по буйствамъ своимъ въ кабакахъ; но тутъ было не до разбирательства. Новоприбывшій объявилъ, что знаетъ гдѣ скрыты сироты, которыхъ мы съ такимъ трудомъ отыскивали и безусловно готовы намъ показать мѣсто ихъ заточенія. Я такъ обрадовался, что даже не спросилъ его какимъ образомъ онъ узналъ о томъ и теперь еще не знаю этого. Этотъ человекъ здѣсь съ нами, и если ваше превосходительство позволите, онъ самъ объяснитъ, какъ открылъ тайну, которую мы тщетно старались проникнуть.»

Уманскій и всѣ присутствовавшіе съ нетерпѣніемъ хотѣли видѣть спасителя двухъ страдальцевъ, и онъ явился. Это былъ нашъ старый знакомецъ—Оська, испитой, тощій, съ синяками подъ глазами, въ засаженной *поддѣвкѣ*. Миллеръ тотчасъ узналъ его и чуть не кинулся къ нему на шею.

— Смотрите, каковъ онъ ни есть, весь тутъ, самъ безъ куса хлѣба, а подобралъ меня, умирающаго, на улицѣ; между-тѣмъ какъ сотни людей проходили мимо и только съ любопытствомъ поглядывали въ лицо. Чтò жъ твоя Христюшка подбываетъ? За-чѣмъ вы не провѣдали прежде! Да какъ же ты постарѣлъ, сердечный Оська. Нужда! поди. Всѣ нужда! охъ ужъ эта мнѣ нужда!

Нѣкоторые изъ присутствующихъ съ улыбкой глядѣли на дружескую встрѣчу Миллера съ человѣкомъ весьма подозрительнаго вида, но Фрицъ не смущался и продолжалъ разспрашивать своего стараго знакомаго объ его участи. Оська отвѣчалъ коротко: «Гдѣ намъ!... Чтò за услуги.... Начтò изволишь много благодарить», и прочая. Наконецъ чиновникъ приказалъ Оськѣ рассказывать, какимъ образомъ онъ узналъ о мѣстопребываніи Обрывыша и Жеци.

— Все, чтò ли, говорить?

— Конечно все!

— Да вѣдь такъ-то выйдетъ длинная исторія.

— Нужды нѣтъ: говори.

Оська почесалъ затылокъ, какъ человѣкъ, котораго заставляютъ дѣлать то, чтò не по немъ, и послѣ нѣкоторой нерѣшительности, началъ:

— Я, знаете, давно мыкаюсь по свѣту какъ бездомная собака; самъ не знаю гдѣ утро встрѣчу, и гдѣ меня застанеть ночь. Вотъ такъ-то я-себѣ и шлялся, одинъ, безъ Христи; а ее ужъ Богъ знаетъ куда загнала нужда. Глядь, встрѣчу землякъ: человѣкъ хорошій; можетъ знаете, дядя Евлампій. — «Здорово!» — Здорово! — Ну, чтò? — «Да чтò, землякъ, бѣда! говорить дядя.» — (Ну, вѣрно же бѣда не малая, коли старикъ самъ обмолвился). — «Да чтò жъ за бѣда? али хлѣбушки нѣтъ?» — Себя бы прокормилъ, да вотъ Богъ послалъ еще племянницу, Тянюшу, знаешь? — «Какъ не знать!» — Да еще въ такихъ благословенныхъ обстоятельствахъ, разумѣешь?... — «Эва!... Чтò жъ станешь дѣлать?» — Самъ не знаю!... — «Ну, такъ пойдемъ въ харчевню, въ Мысль-Доброй-Надежды! Тамъ принятіе знатное: меня жъ знаютъ и въ долгъ повѣрятъ....» — Эхъ, ты, забулдыга, Оська! говорить дядя. Скоро ль ты уманься? — Да, вѣдь съ горя, дядя Евлампій, ей-же-ей съ горя! Была-не-была, пойдемъ. — Вотъ мы и пошли, да на-прямки, знаете, мимо мѣдной фабрики, почитай по заматамъ, идемъ-себѣ молча, и головы повѣсили. Благо еще, что набрали на тропинку.... Смотримъ, свѣтъ бойко

помнить.... Что за шутка: будто кто-то есть вблизи. Мы пошли еще тише.... чуть подвигаемся вперед.... ахъ человекъ!... Глядимъ еще, Федулка!... Коего чорта онъ тутъ дѣлаетъ! вѣрно не по-добру. Возлѣ него цѣлая куча тряпья.... я за-разъ призналъ кое-какія вещицы, что на Мартѣ видѣлъ. А дальше, смотрю....

Осека замолчалъ, потомъ обращаясь къ чиновнику, прибавилъ:

— Послушайте, ужъ я, такъ и быть, скажу сознательно все, только, зато что я спасъ вотъ ихъ, — не сдѣлайте меня несчастнымъ!

— Даю слово, что выпрошу тебѣ прощеніе. Развѣ ужъ преступленіе твое слишкомъ велико?

— Да какое преступленіе!... Велѣли съ другими итти словить вотъ этихъ ребятешекъ, я и пошелъ; да и дѣлалъ что другіе. Послѣ мучился какъ каторжникъ какой: ни сна, ни позыву на пищу.... Только испить маленько хочется и то не за-все, ей-же-ей, не за-все.... Теперь совсѣмъ отлегло изъ-подъ ложечки.

— Ну, такъ что жъ ты увидѣлъ у Федулки?

— Платишко, что было на парнишкѣ, когда мы его таскали, да еще простыньку, что прикрыли дѣвчоночку. Я, думаю-себѣ, плутишка Федулка: знаетъ же гдѣ раки зимуютъ. Поймай же! хвать его за горло, да и ну по-маленьку душить; то отпущу, знаете, чтобъ духъ перевелъ, то опять сдавлю, такъ что языкъ высунетъ: спасибо дядѣ, помогъ, а то царапается, чертѣнокъ, какъ кошка. Взымъ подъ-конецъ! — «Помилуй, все скажу, и гдѣ они и какъ добыть ихъ»....—Говори!... «Поклянись, что отпустишь....» — Ладно, чортъ съ тобою!... Только скажи, а то я и не умру спокойно.... Федулка все высказалъ. Я посылалъ дядю Евлампія провѣдать, правда ли, а самъ остался караулить пострѣльенка. Евлампій вернулся съ развѣдокъ и сказалъ, что все есть какъ по писанному. Федулкѣ дали добраго пивька, да затрепину на-придачу и отправили къ чорту, а самъ, узнавши, что вы со всѣмъ своимъ народомъ у Мыса-Доброй-Надежды, побѣжалъ къ вамъ, да и привелъ васъ прямо къ избѣ.... Вотъ тутъ и все: теперь судите меня, какъ знаете!

— Ты будешь прощенъ, за это я ручаюсь. Во-первыхъ, за важную услугу, которую ты оказалъ; во-вторыхъ, потому что есть еще надежда на твое исправленіе.

— Плоха надежда, ваше благородіе!

— Объ этомъ мы постараемся.

— Ужъ лучше не старайтесь: пускай останусь, какъ есть!

— Вы обѣщали ему неходатайствовать прощенье, сказалъ Финскій: а наша обязанность устроить судьбу его и позаботиться, чтобъ онъ воспользовался благодѣяніемъ правительства.

— Много благодаренъ вашей милости; да мнѣ всё сдается, что изъ меня ничего путнаго не будетъ. А вотъ коли хотите кому пособить, такъ не оставьте дядю Евлампія; нето, чтобъ его самого: онъ и безъ васъ промалчится на бѣломъ свѣтѣ, — а его племянницу. Сердечный совѣтъ смаялся съ нею. Ну, извѣстно, мужское дѣло: гдѣ ему знать женское обхожденіе, да еще, какъ дядя Евлампій по книжному говоритъ, «въ благословенныхъ обстоятельствахъ».

— Ужъ, конечно, не оставимъ и ихъ. Да гдѣ же, кстати, этотъ дядя Евлампій?

— Онъ тутъ и есть.

— Что жъ онъ чуждается насъ и не взойдетъ еюда? Зови его.

— Ни, ни! Онъ ни зачѣмъ не посмѣетъ.

— А почему бы это?

— Узналъ, что сыннишка его здѣсь, такъ боится вогнать его въ краску: извѣстно, наше дѣло мужицкое; господскаго обиходу не знаемъ. Ну, а сыннишка-то и прежде стыдился батьки, а теперь, говорятъ, онъ первымъ баринномъ въ Питерѣ; такъ ужъ старикъ и рукой махнулъ. Самъ я, говоритъ, былъ виноватъ, что послушался, записалъ сына въ школу; теперь вотъ и есть сынъ, да ибѣть его! Некому прокормить на старости. А дядя Евлампій былъ не изъ простыхъ, — пономарь!

— Да о какомъ же сынѣ ты говоришь? Гдѣ онъ?

— Вотъ, здѣсь!... Эва! смотри, только провиюхалъ, что старикъ въ сѣняхъ, такъ и далъ тягу: словно отъ проказы бѣжить.

Ленинъ дѣйствительно скрылся.

— Ну, теперь и дядя Евлампій покажется; онъ вѣдь обычнѣе меня съ господами. Умѣетъ по-книжному говорить.

— Не надо, не надо!... сказалъ торопливо Финскій, замѣтивъ, какое впечатлѣніе сдѣлали слова Оськи на Уманскихъ и особенно на Мери.

Потомъ съ нѣжною заботливостью онъ объяснилъ дѣтямъ, что для нихъ уже приготовлена квартира съ нимъ вмѣстѣ, и убѣдилъ Миллера переѣхать къ нему же, чтобы доставить утѣшеніе Женни.

— А маменька! встрѣчала Женни: будетъ съ нами?

— Завтра, завтра, сказалъ Финскій: но вы найдете у себя добрую старушку, которая будетъ любить васъ какъ мать.

Дѣло въ томъ, что Елкина не выдержала невидимыхъ преслѣдованій Смольнева и умерла. Рѣшились скрывать какъ можно долѣе смерть ея отъ Женни, которая была слишкомъ слаба для такого удара.

Оборвышъ отвелъ всторону Финскаго.

— Я васъ знаю давно.... когда вы спасли нашу бѣдную барышню. Я въ васъ вѣрую совершенно. Скажите мнѣ правду, святую правду, какъ-бы самъ Богъ слушалъ васъ въ это время. Кто былъ причиною нашихъ мукъ, нашихъ терзаній, кто съ такимъ варварскимъ терпѣніемъ преслѣдовалъ насъ чуть не отъ рожденія?....

— Ваня, ты долженъ забыть о немъ и только!

— О, никогда, никогда! Если не за себя, за нее отомщу.... Пусть она совѣмъ забыла меня, съ тѣхъ-поръ какъ увидѣла свѣтъ, и онъ сурово поглядывалъ на Женни, которая не переставала ласкаться къ Миллеру: но я не забуду ея мукъ.

— А если бы тотъ, кто преслѣдовалъ васъ, былъ слишкомъ близокъ вамъ..... по крови, по рожденію.

— Кто бы онъ ни былъ....

— Но довольно, довольно объ этомъ.... Ыдемъ.

— Еще слово. У Женни есть мать.... А у меня?...

— Женни называетъ матерью женщину ей чужую.... Но ея мать жива....

— Жива и покинула ее....

— У тебя то же есть мать....

— Боже мой, гдѣ же она?

— Ваня! Женни тебѣ родная сестра.... вотъ все, что я могу сказать. А объ матери не старайся узнать....

— Женни, Женни! Сюда.... Ты мнѣ родная сестра.... о, теперь никто не помѣшаетъ мнѣ любить тебя и защищать!

Финскій ясно видѣлъ, что Уманскимъ всего лучше остаться однимъ; что слова Оськи слишкомъ поразили ихъ и имъ было не до общества, а потому поспѣшилъ увлечь съ собою дѣтей и Миллера. Чиновникъ поѣхалъ къ нему для выполненія нѣкоторыхъ формъ. Оська побрелъ туда же, довольный, что на этотъ разъ у него будетъ ночлегъ, а Евлампію вѣрно было явиться на другой день рано съ племянницей. Пожилой человекъ въ черномъ парикѣ ушелъ съ горестію въ сердце, вида новый ударъ,

разразившійся надъ семействомъ Уманскимъ, къ которому онъ былъ привязанъ всею душой. Онъ зналъ правило отца, который самъ служилъ образцомъ семейныхъ добродѣтелей; зналъ также безусловную любовь его къ дочери, а потому заранѣе предвидѣлъ сколько усилій надо ему, чтобы согласовать эти два чувства. Бронницына и Ольга Бенская давно удалились въ спальню Мери. Старушка Бенская кутала дѣтей и дѣлала нужныя наставленія Финскому. Уманскіе остались одни съ дочерью.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

ТЩЕТНОЕ САМОПОЖЕРТВОВАНІЕ.

Мери, блѣдная, неподвижная какъ мраморъ, сидѣла въ углу дивана. Отецъ подошелъ къ ней и съ вѣжностью взялъ холодныя, какъ ледъ, руки ея.

— Мери! милая Мери!.... Полно сокрушаться.... Сердце обмануло тебя.... Всѣ мы ошиблись въ выборѣ.... Забудемъ его.

— Никогда!... отвѣчала рѣшительно Мери, приложивъ свою холодную руку къ воспаленному челу.

— Дитя мое, сказалъ твердымъ голосомъ Уманскій: я могъ согласиться на бракъ твой съ сыномъ пономаря.... потому что я дорожу твоимъ сердцемъ больше чѣмъ своей родословной.... Но выдать тебя за человѣка, съ презрѣніемъ оттолкнувшаго отъ своего порога отца роднаго!...

— О, не говорите о немъ худаго, умоляю васъ... онъ мой женихъ.....

— Но не будетъ твоимъ мужемъ.

— Будеть, будетъ, будетъ!

И какъ-бы умоляя о прощеніи за такое упорство, блѣдная дѣвушка въ слезахъ и рыданіяхъ кинулась на шею отца.

— Мери, ты съ ужасомъ слушала исторію княгини Вѣры, которая отторгла отъ себя дѣтей; но она увлекалась чувствомъ той же материнской любви къ сыну отъ втораго брака, она дѣйствовала единственно въ пользу его, желая все свое огромное состояніе передать ему одному.... А Ленинъ.... какимъ чувствомъ увлекался онъ, не признавая отца!.... Чувствомъ ложнаго стыда.... чувствомъ глубокаго эгонизма!.....

— О, кто бы онъ ни былъ, я не измѣню ему.... не измѣню данному слову.... и особенно теперь!

— Теперь.... когда ты его вполне узнала....

— Да, теперь!.... Когда онъ остался одинъ, безъ родныхъ, безъ друзей; когда поступокъ его съ отцомъ, поступокъ, который, конечно, скорѣ разнесется по всему городу, удалить его отъ всего общества....

— Ты не знаешь, Мери, ни Ленина, ни общество.... Друзей и родныхъ Ленину не надо... а въ обществѣ онъ, вѣрно, найдетъ людей, которые раздѣляютъ его чувства, его мнѣнія....

— Не будемте говорить больше объ этомъ, заклинаю васъ.... Ленинъ дорогъ моему сердцу по-прежнему и я не покину его.... А вы не захотите погубить своей Мери, которую вы такъ нѣжно любите....

И она цѣловала руки отца, обливала ихъ горячими слезами.

— Дай Богъ, чтобы ночь измѣнила твои мысли, сказалъ отецъ, и благословивъ свою дочь, отправился въ кабинетъ.... Мери кинулась въ свою спальню. Но тутъ ожидала ее новая сцена.

Ольга, обвинившись руками вкругъ шеи Броницыной, прижавшись къ груди ея, плакала горько, неутѣшно.... Крупныя слезы текли изъ прелестныхъ черныхъ глазъ Броницыной и она, напрасно отирая безпрестанные потоки слезъ бѣдной дѣвушки, едва могла справиться со своими. Добрая женщина съ нѣжностью цѣловала Ольгу и, казалось, вполне понимала и раздѣляла ея горе.

Мери, удивленная, остановилась на порогѣ. Броницына поняла ея нерѣшимость.

— Войди, Мери, ты тоже несчастна и поймешь ея слезы. Я давно замѣтила, что тяжкое горе давить сердце этой бѣдной дѣвушки и что она никому не смѣетъ повѣрить, ни у чьей груди не можетъ выплакать его. Я убѣдила мать оставить ее ночевать у тебя, тѣмъ болѣе, что ты также имѣешь нужду, если не въ утѣшеніи, то въ слезахъ друга. Бѣдная дѣвушка, оставшись одна со мной, кинулась ко мнѣ на шею и повѣрила свою безнадежную любовь. Я увѣрена, что ей теперь легче.

Ольга вздохнула глубоко, глубоко.... Всклипыванія ея прекратились; она приподняла свою головку, и глазами влажными, полными искренней признательности, глядѣла на Броницыну....

— Мери, ты еще не все знаешь. Невскій выпросилъ себѣ отчаянное порученіе въ ***. Благородный графъ Лавръ-Сокольникъ далъ ему ночь на размышленіе. Экспедиція его уже утверждена,

все рѣшено, если Модестъ не отдумаетъ, онъ завтра же уѣдетъ... и вѣрно никогда не вернется....

— Никогда! вскрикнула въ отчаяніи Ольга.

— Но еще осталась ночь.... Надо дѣйствовать. Молись, Ольга!.... Прощай, Меря!....

— Чтò ты хочешь дѣлать?....

— Вамъ не до сна, я знаю!... Можетъ-быть въ эту ночь еще увидимся. До свиданія.

Бронницина поспѣшно обняла своихъ юныхъ подругъ и уѣхала.

Безпорядокъ въ квартирѣ Невскаго, повсюду валявшіеся чемоданы и колясочныя вещи, ясно убѣждали въ намѣреніи Невскаго. Люди спали. Одинъ Невскій бодрствовалъ. Онъ покидалъ Петербургъ, чтобы скрыть стыдъ свой далеко, далеко отъ людей. Кидался на явную смерть, чтобы выкупить пошлую жизнь послѣднихъ годовъ. Онъ самъ себя стыдился, удивлялся, какимъ образомъ онъ, безстрашный въ самыхъ отчаянныхъ предпріятіяхъ, поддался съ такимъ слабодушіемъ увлеченію судьбы, которую онъ со своимъ пылкимъ воображеніемъ не представлялъ иначе, какъ олицетворенной въ Смольневѣ. Какимъ образомъ онъ не имѣлъ столько силы, чтобы по-крайней-мѣрѣ вступить съ нимъ въ открытый бой и если пасть, то пасть со славою. Свѣтъ увлекъ его, свѣтъ занялъ его, поглотилъ всего и ему некогда было подумать о себѣ, и онъ съ покорностью переносилъ удары судьбы. Не найдись благородный человѣкъ, который въ минуту опасности подалъ ему руку, который спасалъ славу его, подвергая опасности только жизнь, — и Невскій, можетъ-быть.... страшно подумать.... достигъ бы положенія Охтина!.... Но теперь все было рѣшено. Невскій не безъ стѣсненнаго сердца оставялъ Петербургъ, по которомъ всякій вздыхаетъ, и въ которомъ рѣдкій не плакалъ.

Раздавшійся у дверей звонъ колокольчика вывелъ его изъ задумчивости. Невскій, полагая что привезли какія-нибудь новыя распоряженія относящіяся къ экспедиціи, поспѣшилъ отпереть дверь. Каково же было его изумленіе: передъ нимъ стояла женщина.... Бронницина. Она поспѣшно заперла дверь и увлекла его въ кабинетъ.

— Вы.... въ такое время.... у меня въ квартирѣ!...

— Я сдѣлала больше. Я явилась переодѣтой въ общество, гдѣ рисковала ежeminутно быть открытой и навсегда компрометировать себя.... И всё для того, чтобы спасти васъ.... Вы помните

того молодого человѣка, который въ роковую для васъ ночь, въ коляскѣ предлагалъ вамъ все свое состояніе.

— Боже!... Такъ это были вы?

— Тогда, я точно боялась. Ваши товарищи такіе дикіе.... Теперь же я вѣрю свою честь вамъ, вамъ однимъ, — и потому покойна!... Я пріѣхала съ тѣми же предложеніями.... Нѣтъ, предложенія не могутъ дѣйствовать на васъ: я стану умолять васъ у ногъ вашихъ, Модестъ, вы можете еще быть счастливымъ.... здѣсь....

— Здѣсь.... никогда!

— Васъ любить.... любить первую всеильной любовью дѣвушка, которая искупитъ всѣ ваши страданія, которой одной достаточно для полного счастья человѣка.... Мы окружимъ васъ своею дружбой. Мы доставимъ вамъ довольство, богатство если нужно... Вамъ не будетъ ни заботы, ни горя въ жизни.... Вы станете думать только о своей славѣ, для которой, вѣрьте, нѣтъ поля обширнѣе какъ здѣсь, а вашей славы достанетъ для всѣхъ окружающихъ васъ. Только этого и прошу у васъ за все свое пожертвованіе.... Только дружбы вашей молю я.... Все остальное для васъ, для этого превосходнаго созданія, которое только и дышетъ и живетъ вами, которое завянетъ, умретъ черезъ нѣсколько времени послѣ вашего отъѣзда.

— Кто она? Не мучьте меня, говорите скорѣе, воскликнулъ Невскій съ напряженнымъ любопытствомъ, которое показывало, что есть еще дорогая связь въ мірѣ, которую трудно было разорвать ему.

— Ольга Бенская....

— Ольга Бенская! повторилъ Невскій, задумчиво, съ сокрушеніемъ неудовлетвореннаго желанія:— Да, я могъ замѣтить это... Бѣдная дѣвушка: это прибавитъ лишнее угрызеніе въ моей жизни.... Но я тутъ ни чѣмъ не виноватъ.

— Она и не обвиняетъ. Бѣдное дитя едва смѣетъ надѣяться.

— Все кончено.... Я не ожидалъ исхода ночи и послалъ согласіе: принимаю съ благодарностью возлагаемое на меня порученіе. Завтра утромъ я ѣду.

— О, Модестъ, Модестъ.... Подумайте.... Еще можно остановить.... Вашей бумагѣ, вѣрно, не успѣли дать ходу.... Я сама поѣду къ графу.... я готова кинуться къ ногамъ его.... Я скажу ему все....

— Поздно.... Все сдѣлано и вернуться къ прошедшему невозможно.

— Но бѣдная, несчастная Ольга....

— Агнеса, сказалъ Невскій, взявъ съ нѣжностью ея руки: Вы ангелъ доброты.... исполните мою просьбу и Богъ вознаградитъ васъ за доброе дѣло.

— О, говорите, приказывайте....

— Не оставьте Ольги.... У нея есть мать.... мать нѣжно любящая ее, но она не можетъ понять этого прекраснаго, этого высокаго созданія.... Будьте ей другомъ, ея утѣшительницей.... ея спасительницей. Вы общаете мнѣ, Агнеса....

— Клянусь вамъ....

— Еще просьба: вы простите, что я не умѣлъ понять, не умѣлъ оцѣнить вашей высокой, благородной дружбы; вы простите, что я отказался отъ вашихъ денежныхъ жертвъ: вѣрьте, что я это сдѣлалъ не изъ тщеславія, не изъ гордости, но потому, прибавилъ онъ съ кроткой улыбкой: что онѣ мнѣ теперь не нужны. Правительство дало мнѣ больше, чѣмъ сколько надо для потребностей въ томъ краю, куда ѣду.... Вы позволите мнѣ надѣяться, что я оставляю здѣсь друга, что могу писать вамъ о своихъ радостяхъ, своихъ горестяхъ, которыя, увы, слишкомъ постоянно преслѣдуютъ меня.... Вы все это сдѣлаете для меня...

И онъ съ благоговѣніемъ поцѣловалъ руки Агнесы.

Броницына молчала, крупныя слезы текли по щекамъ ея и падали на разгорѣвшееся лицо Невскаго.

— Завтра, прибавилъ Невскій: я заѣду къ Уминскимъ, проститься съ ними и съ вами.... И какъ-бы вспоминая объ этомъ прекрасномъ семействѣ, онъ прибавилъ:— О, я не совсѣмъ покинуть въ мірѣ на жертву неумолимой судьбы; у меня есть друзья....

— И какіе друзья!... Броницына нѣсколько времени глядѣла съ нѣжностью на человѣка, котораго она такъ глубоко любила и готова была пожертвовать имъ другой, по мнѣнію ея, болѣе достойной. Потомъ она прибавила тихо, голосомъ, заглушеннымъ рыданіями:— Прощай, Модестъ! И она обвила руками вокругъ его шеи и напечатлѣла на благородномъ, открытомъ челѣ его пламенный поцѣлуй, какъ-бы освятивъ имъ великую мысль самопожертвованія, которая родилась въ этой головѣ въ такую критическую минуту жизни.

Нельзя было не отдать полной справедливости благородству души Невскаго, который въ минуты глубокаго отчаянія искалъ

помощи и спасенія въ одномъ себѣ и тогда являлся во всей силѣ своего ума и характера, или вовсе не искалъ защиты отъ обстоятельствъ, какъ-бы ставя себя выше ихъ. Такъ и теперь: Невскій не увлекся счастливою будущиностью, которую представляла ему Броницына: нѣтъ! онъ былъ непоколебимъ въ своемъ рѣшеніи.

На другой день Мери получила отъ Ленина записку слѣдующаго содержанія:

«Дѣла мои въ Сибири требуютъ неизбѣжнаго, и, можетъ-быть, продолжительнаго руководства ими лично, на мѣстѣ. Сегодня же уѣзжаю изъ Петербурга. Обрекая себя на это добровольное изгнаніе, я утѣшаюсь мыслію, что сердце ваше избереетъ себѣ другаго, болѣе достойнаго васъ, болѣе способнаго доставить вамъ счастье въ этой жизни. Разлучаясь въ вами, я разлучаюсь со своею надеждой, со своимъ счастьемъ».

Въ тотъ же день Финскій получилъ отъ него также посланіе. Оно заключалось въ слѣдующихъ словахъ:

«Мери Уминская мнѣ и вамъ чужая по всѣмъ отношеніямъ. Драться за нее *намъ*, — значитъ навсегда скомпрометировать ее имя, которое мы оба слишкомъ уважаемъ. Если же обида моя касается лично васъ, то вы вѣрно извините стараго товарища, который предлагаетъ вамъ это удовлетвореніе со всею откровенностію благородной души».

— И этотъ негодяй смѣетъ говорить о благородствѣ! подумалъ Финскій.

Но что чувствовала въ это время Мери, — которая съ твердостью характера, съ энергіей, рѣдкой въ женщинѣ, выдержала всѣ искушенія любви и осталась неизмѣнною, вѣрною, избранныку сердца, — это трудно описать.

ГЛАВА ОСЬМАЯ.

СМЕРТЬ И БРАКИ.

Въ ясный лѣтній день, въ отдаленной части города, у небольшого, но опрятнаго домика, остановилась коляска, запряженная парюю добрыхъ лошадей. Финскій вышелъ изъ коляски, за нимъ выскочила Женни, которая развилась и расцвѣла быстро подымяніемъ обстоятельствъ, какъ видно, слишкомъ для нея благоприятныхъ; наконецъ очень неохотно переступая подножки, Ва-

ня Б**, извѣстный въ продолженіи всей повѣсти нашей, 'дохъ именовъ Оборвыша. Его трудно было узнать въ полудѣтскомъ, щегольскомъ нарядѣ, показывавшемъ, съ какою заботою Финскій пекся о своихъ питомцахъ, хотя состояніе ихъ было довольно ограничено. Только суровое выраженіе черныхъ, какъ смоль, глазъ Б**, напоминало прежняго Оборвыша, когда онъ грозился на кого-нибудь изъ своихъ уличныхъ товарищей. Въ передней этого домика Ваня остановился.

— Нѣтъ, сказалъ онъ рѣшительно, обращаясь къ Финскому: я готовъ принести для васъ всякую жертву, но не требуйте отъ меня невозможнаго: я не могу ее видѣть. Это выше человѣческихъ силъ.... выше меня....

Финскій обратился къ Женни, какъ-бы выпрашивая взоромъ подкрѣпленія себѣ.

— Женни, возразилъ Ваня: вспомни свое томленіе, свои муки въ кѣткѣ, въ которой держали насъ какъ дикихъ звѣрей....

— Но она въ этомъ невинна.... я не сомнѣваюсь.

— Невинна.... Пускай такъ! Но могло ли это случиться, если бѣ она не выбросила насъ на улицу изъ своихъ пышныхъ палатъ, въ которыхъ было мѣсто для сотни челядинцевъ и не было для собственныхъ дѣтей.

— Братъ!... Подумай, что она умираетъ.... что это ея послѣдняя, предсмертная просьба....

— Богъ съ нею.... я ее прощаю, но видѣть не могу.... Я употребилъ всѣ усилія.... Я даже рѣшился ѣхать.... Хотѣлъ войти въ домъ.... но чувствую, что рѣшимость оставляетъ меня въ минуту самаго исполненія.

Въ это время изъ внутреннихъ комнатъ выходилъ священникъ.

— Чтò? спросилъ Финскій.

— Она ни зачтò не рѣшается принести святую исповѣдь передъ Господомъ-Богомъ. Говорить, что не смѣетъ, не можетъ просить прощенія у Бога, когда ея собственныя дѣти не прощаютъ ее: такъ велико, такъ ужасно ея преступленіе!...

Финскій поглядѣлъ на Ваню, стоящаго въ нерѣшимости, и зоркими спрашивалъ его: еще ли онъ будетъ упорствовать? Женни, видя, что братъ колеблется, схватила его руку и увлекла за собою.

Въ комнатѣ, слабо освѣщенной пробивавшимися сквозь спущенныя шторы лучами, лежала на постелѣ женщина, тяжело страж-

душѣ, умирающая: это была прежняя княгиня Вѣра, разблеченная отъ своего имени, отъ своей знатности, отъ своего богатства. Возлѣ постели, въ широкихъ креслахъ, полулежалъ человекъ, опустившійся, обросшій бородою, пожилой. По неподвижности тусклыхъ, холодныхъ глазъ, по тупому, безмысленному вниманію, съ которыми онъ прислушивался къ стуку маятника висѣвшихъ близъ него часовъ, легко было догадаться, что этотъ человекъ былъ чуждъ всего происходившаго вокругъ него и, казалось, находился тутъ, какъ-будто для того, чтобы пополнить собою картину человѣческаго страданія. Бѣльшая часть членовъ его оставались неподвижными: это была масса человѣческой плоти, въ которой органическая система поддерживалась силою гальванизма. Неподвижное существо это, былъ — князь Алексѣй...

Вѣра по инстинкту угадала прибытіе дѣтей своихъ: она собрала остатокъ силъ своихъ и приподнявъ голову, простерла къ нимъ руки навстрѣчу: Женни и братъ ея припали на колѣни.... Вѣра опустила свои окоченѣвшія руки на головы дѣтей....

— Боже! благодарю Тебя! произнесла она. Потомъ едва могла прибавить: — Священника....

И черезъ нѣсколько минутъ она умерла какъ истинная христіанка!

Въ то же время, въ центрѣ города, въ великолѣпныхъ палатахъ умиралъ человекъ; но смерть его была иного роду. Смольневъ, кипѣвшій жизнію и дѣятельностью, когда цѣль, къ которой такъ пламенно стремился онъ, была еще впереди, но достиженіе ея впалъ въ глубокое уныніе, въ тоску всеогражающую; ему не оставалось ни надежды, ни желанія въ жизни. Вскорѣ воображеніе его, привыкшее къ дѣятельности, стало замѣнять картины существенности; ипохондрическое состояніе приняло другое, страшное направленіе. Смольневу представлялось, что его судили, пытали. Всѣ орудія ужасной пытки были тутъ, передъ нимъ. Его раздирающіе вопли ясно показывали, что онъ чувствовалъ всю боль отъ истязаній: это продолжалось до-тѣхъ-поръ, пока, обезсиленъ, онъ не лишился чувствъ. На другой день ему казалось, что у него вытягивали члены, ломали ихъ, тянули жилы; на лицѣ его являлись невыразимыя страданія. Комнаты съ утра до ночи оглашались криками и стономъ. Обмороки замѣняли ему сонъ. Лица онъ чуждался, потому что желалъ смерти. Нѣсколько разъ онъ хотѣлъ прибѣгнуть къ самоубійству, но его предупреждали, за нимъ смотрѣли, и ему казалось, что все это были уловки тюрем-

ныхъ стражей, и что все это должно кончиться такою казнью, которой ужаснется весь міръ. Въ послѣдній разъ ему вообразилось, что его жгутъ раскаленнымъ желѣзомъ; изнеможенный въ высшей степени, онъ не выдержалъ этой мнимой пытки; но мучился этотъ разъ недолго. Вскрикнулъ разъ, другой— и умеръ!...

Огромное состояніе Смольнева, ставившее его на ряду съ первыми богачами Россіи, перешло по наслѣдству дѣтямъ Б***, нашимъ старымъ знакомцамъ, Обѣрвышу и Женни. Обѣрвышъ при раздѣлѣ съ сестрой умѣлъ значительно увеличить ея законную часть, такъ, что состоянія ихъ были почти одинаковы. Женни достигала шестнадцати-лѣтняго возраста; она была хороша, богата, очень богата; о сокровищахъ души ея и не справлялись, а они были неоцѣненны. Послѣ всего этого неудивительно, что толпы искателей окружали ее. Но она смѣялась всякій разъ, когда ей говорили объ женихахъ, а между-тѣмъ съ нетерпѣніемъ ждала, когда ей совершится шестнадцать лѣтъ.

Въ день ея рожденія, у одного и того же наоя вѣнчались двѣ пары: Миллеръ и Женни; Финскій и Мери.... Это были двѣ счастливейшія четы подъ солнцемъ. Миллеръ, который умѣлъ отыскать хорошую сторону въ своемъ положеніи въ минуты совершеннаго отчаянія и тѣшился надъ этимъ положеніемъ, нашелъ темную точку и въ полнотѣ своего счастья: ни даже тѣни горести, повторялъ онъ своей прекрасной Женни, которая отъ души смѣялась такой философій... Имя Миллера сдѣлалось однимъ изъ извѣстнѣйшихъ именъ въ исторіи живописи. Въ то время, когда кончается наша исторія, Ваня Обѣрвышъ, какъ мы привыкли его называть, выходилъ на тревожное поприще жизни, съ душой кипящей дѣятельностью, страстями, съ умомъ энергическимъ, который успѣлъ воспользоваться своимъ позднимъ и короткимъ образованіемъ, наконецъ съ огромнымъ богатствомъ. Онъ готовъ былъ посвятить жизнь свою семейству Бенскихъ и особенно Ольгѣ, къ которой онъ ощущалъ чувство благоговѣйной благодарности. Но судьба распорядилась иначе.

Не забудемъ прибавить, что Оська мало-по-малу, дѣйствительно, привыкъ къ труду. Финскій внесъ за него деньги и поручительство въ артель и Оська сдѣлался однимъ изъ трудолюбивѣйшихъ и честнѣйшихъ артельщиковъ. Онъ живетъ съ Христой въ совершенномъ довольствѣ.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ И ПОСЛѢДНЯЯ.

СЪРЕНЬКІЙ ДОМИКЪ.

Помните ли этотъ сѣренскій домикъ, чистый, опрятный снаружи; порядокъ и симметрія въ немъ были педантскіе, а этотъ веселый садикъ, который ластился къ нему, а высокія березки, укрывавшія его отъ бурь и непогодъ; а эту семью мирную, благодатную! Счастливо текли дни ея въ безвѣстности, въ любви, которую она находила въ самой себѣ. Но увы! злая судьба втянула прекрасную, мирную семью Бенскихъ въ общій водоворотъ тревожной дѣятельности и чтò стало съ нею? чтò стало съ сѣренскимъ домикомъ!... Дворъ поросъ крапивой; ступеньки подгнили, обвалились; тесъ, которымъ былъ обшитъ домъ, во многихъ мѣстахъ сорвало и доски висѣли, какъ тряпье старой одежды; свѣтло-сѣрый цвѣтъ его превратился въ грязный! Внутри было пусто и сыро. Дождь во многихъ мѣстахъ пробивался сквозь крышу и длинныя полосы струились вдоль оборванныхъ обоевъ.... Какъ грустенъ этотъ видъ запустѣнія! Гдѣ же мирныя жильцы его?

Первый исчезъ Пирожковъ. Онъ оправдился отъ своей горячки; но мысль, что на старости лѣтъ предалъ себя публичному сраму, что онъ, уважаемый и чтимый своею милою Ольгой, явился въ глазахъ ея шуткомъ, съ котораго сорвали личину знанія,—а онъ самъ былъ увѣренъ до того въ своемъ знаніи,—эта мучительная мысль не давала ему покою. Напрасно Бенскія увѣряли, что уважаютъ его по-прежнему, что они вѣрятъ въ него больше, чѣмъ въ цѣлое собраніе ученыхъ: Пирожковъ стыдился самъ себя, не смѣя глядѣть имъ прямо въ глаза и, наконецъ, скрылся, такъ что не могли найти и слѣдовъ его.

Старушка Бенская не вынесла страданій своей сердечной Ольги. Бѣдная мать мучилась за нее и за себя, и слабое существо ея не выдержало этой двойной пытки. Она умерла, оставивъ дочь попеченію Броницыной и защитѣ Вани Б***. Ольга пережила смерть матери. Трудно вообразить, какія утраты, какія бѣдствія можетъ перенести человекъ.... Ее еще поддерживала надежда. Время отъ времени Броницына получала письма изъ дальней экспедиціи отъ Невскаго, и бѣдная дѣвушка надѣялась и молилась.... Съ-тѣхъ-поръ какъ они оставили сѣренской домикъ, никто не занималъ его, и вотъ почему дошелъ онъ до такого со-

стоянія. Только въ послѣднее время, сверху, гдѣ разрушеніе было еще разительнѣе, увидѣли ночью огонѣкъ, и догадывались, что тамъ наконецъ есть жилище.

Судьба преслѣдовала бѣдную дѣвушку и въ домѣ Броницыной, которая вопліѣ замѣнила ей нѣжную и заботливую мать. Въ одинъ изъ дней нетерпѣливаго ожиданія, которыми наполнены мѣсяцы ихъ жизни, прѣѣхалъ графъ Лавръ-Сокольникъ. Обѣ женщины кинулись къ нему на встрѣчу; но печальный видъ благороднаго графа оледенѣлъ ихъ.

— Что стало съ нимъ? Говорите скорѣе, ради Бога говорите, произнесла дрожащимъ голосомъ Броницына.

— Сейчасъ получилъ я донесеніе отъ помощника Невскаго. Вы догадываетесь.... продолжалъ онъ трепетнымъ, взволнованнымъ голосомъ: однимъ необыкновеннымъ человѣкомъ меньше!... Онъ погибъ, героемъ.... И по выраженію графа видно было, что онъ вопліѣ сочувствовалъ славному подвигу своего достойнаго друга. Сколько мукъ создано для сердца, исполненнаго одной неукротимой страсти, любви, и какъ сердце можетъ выдержать всѣ эти муки — непостижимо!

Ольга жила еще нѣсколько времени послѣ этого удара; но что это была за жизнь!

Броницына, желая отвлечь ее отъ всеокружительной мысли горести и направить дѣятельность къ предмету близкому ей кроткой, милосердой душѣ, побужденная также собственнымъ сердцемъ, для котораго міръ сдѣлался нуать и грустенъ, занималась только дѣлами христіанскаго милосердія. Она оказывала вспоможеніе бѣднымъ страждущимъ, которые не рѣшаются протянуть руки для подаванія. Сама она отъяскивала ихъ по чердакамъ и подваламъ, увлекая за собою Ольгу, которая была несчастнѣе всѣхъ, кому подавала помощь, и добрая Броницына вопліѣ постигала ея сердечныя муки. Ваня Б***, Финскій и Миллеръ явились дѣятельными ея помощниками. Разъ, Броницына узнала объ одномъ изъ нуждавшихся особенно въ пособіи и послѣшила къ нему. Ольга была съ нею. Карета неслась въ отдаленную часть города, гдѣ онѣ такъ часто показывались и у Волкова Поля, у домика, который мы прежде называли сѣренькимъ, и котораго цвѣтъ, какъ мы замѣтили, превратился въ грязный, Броницына и Ольга пошли наверхъ, куда велъ ихъ путеводитель, съ трудомъ перебираясь по гнилымъ ступенямъ. Ольга едва могла держаться на ногахъ и трепетала всѣмъ тѣломъ. Пришли.... Тутъ все дышало сыростію и запустѣ-

ниемъ, и Броницына съ удивленіемъ осматривалась кругомъ не замѣчая и слѣдовъ жилья. Вожатый замѣтилъ ея недоумѣніе.

— Сейчасъ прійдетъ, сказалъ онъ: видно, понесъ переписанныя тетрадки, а это тутъ, рядомъ. Видите ль, его достояніе здѣсь, и онъ указалъ на черепокъ, въ которомъ была чернильная гуща и ослоданное перо, истинное до-нѣльза.

Ольга изнемогла. Воспоминаніе душило ей грудь. Броницына раскаявалась, что предприняла эту поѣздку. Она приказала принести каретныя подушки и положить одну на другую, на полу, чтобы усадить на нихъ страждущую. Здѣсь! прошептала Ольга и помѣстилась на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ нѣкогда сидѣла у изголовья больнаго старика. Невскій былъ тогда возлѣ нея. Ольга рыдала какъ дитя: это облегчило ей грудь и, казалось, легкое видѣніе слетѣло къ ней.... Улыбка просіяла сквозь слезы, какъ радуга благодатная.—«Скоро, скоро.... моя ненаглядная маменька».... И она прижала къ губамъ своимъ руки Броницыной.

— Успокойся, дитя мое, чтѣ съ тобою?... ты вся горяшь! говорила Броницына, не понимая словъ ея.

— Ничего.... ничего.... теперь гораздо лучше....

Черезъ нѣсколько времени явился старичокъ въ поношенномъ до-нѣльза платьѣ, сгорбленный, сморщенный, совершенно плѣшивый: это былъ Пирожковъ!...

Вернемся нѣсколько назадъ. Пирожковъ оставилъ даже свое прежнее жилище, потому что стыдился стѣнъ, стыдился всего чтѣ знало его прежде, стыдился самъ себя. Невыразимо-горькую жизнь велъ старикъ, одинокій во всемъ обширномъ мірѣ, существовавшій только тѣмъ, что переписывалъ школьные уроки. Разъ пришелъ къ нему школьникъ за своими тетрадями и сталъ говорить о чудесной машинѣ, которою можно замѣнить и лошадей и людей на свѣтѣ, которая дѣлаетъ все и сама ничего не потребляетъ для своего существованія. Пирожковъ сначала слушалъ равнодушно, но мало-по-малу сталъ вникать въ смыслъ словъ его; онъ спросилъ о нѣкоторыхъ подробностяхъ, мальчикъ отвѣчалъ, что не помнитъ, а у него есть газета, гдѣ все это описано, и на другой день явился дѣйствительно съ обѣщанной газетой. Статья о новоизобрѣтенной машинѣ начиналась такъ: «Съ радостію извѣщаемъ всѣхъ кому дороги успѣхи наукъ и образованности что молодой ученый, Невзгодинъ, уже ознаменовавшій себя многими усовершенствованіями по части наукъ, изобрѣлъ машину, которая сдѣлаетъ имя его славнымъ въ Европѣ и

заслужить благодарность всего человечества; потому что она занимает его трудъ, тяжкій и унизительный для разумнаго существа». За тѣмъ слѣдуетъ описаніе машины, которое совершенно напомнило Пирожкову блестящее изложеніе его теорій, сдѣланное Невскимъ.

Взаключеніе было сказано: «Нашъ молодой ученый, открытъ признается, что онъ въ изобрѣтеніи своемъ многимъ обязанъ глубокимъ изслѣдованіямъ и вообще руководству знаменитаго въ Европѣ естествоиспытателя Перофилита». Тутъ же было прибавлено, что машину можно видѣть во всякое время, въ такомъ-то мѣстѣ. Пирожковъ побѣжалъ въ указанное мѣсто и увидѣлъ свою машину!... Только нѣкоторыя, ничтожныя части были измѣнены и тѣ въ ущербъ дѣйствующей силѣ; другія закрашены; арабскія имена замѣнены греческими. Пирожковъ былъ въ восторгѣ. Чтò ему за дѣло, чѣмъ яма выставлено на машинѣ, какъ изобрѣтателя, но его идеѣ отдала наконецъ справедливость, его теорію признали непреложной, его вычисленія, изслѣдованія, оказались точными! Онъ не ошибся, сознавая въ себѣ великость созданія; не ошиблся и тѣ, которые признавали его человѣкомъ гениальнымъ. Теперь онъ можетъ прямо смотрѣть въ глаза всему свѣту, то есть Бенскимъ и Невскому, въ лицѣ которыхъ для него сосредоточивался весь свѣтъ. Онъ побѣжалъ прямо къ Невскому, какъ виновнику появленія въ свѣтъ машины; но его давно уже не было въ Петербургѣ. При немъ, какъ при единственномъ свидѣлѣ трудовъ Пирожкова, конечно, Невгодинъ не рѣшился бы на такой поступокъ, какъ ни отважна молодость. Пирожковъ отправился въ сѣренькій домикъ, но увы! и тутъ никого не нашелъ. Грустно было старику, но уже тяжкое презрѣніе къ самому себѣ не угнетало его: онъ не боялся ничьего свидѣтельства, напротивъ, желалъ его. Вотъ какимъ образомъ онъ очутился опять въ прежнемъ своемъ жилищѣ, за которое, кажется, хозяинъ дома и платы не бралъ, ради нищеты жилья и совершеннаго запустѣнія и ветхости дома.

Назаръ Назаровичъ дѣйствительно скоро вернулся домой. Увидѣвъ у себя Ольгу, онъ остановился. Ему казалось, что онъ перенесенъ жизнью въ прежнее счастливое время и онъ улыбался глядя на свою питомицу, и, точно какъ прежде, Ольга кинулась къ нему и поцѣловала въ лобъ.

— Вы плачете, Ольга Петровна! Ужъ не случилось ли чего съ маленькой.... Да, вѣдь кажется.... маленька ваша.... Боже мой, я такой безпамятный... чтò жъ это? сонъ!... Теперешнее состояніе сонъ.... или то былъ сонъ....

И старикъ потиралъ лобъ, какъ-бы собирая разсѣянные мысли.

— Вы ли это, мой безцѣнный Назаръ Назаровичъ, вы ли?...

— Да, я... и сибѣю завѣрить, достойный вашего уваженія, вашей любви, которую цѣню выше всего на свѣтѣ... вотъ посмотрите.... И онъ читалъ и пояснялъ ей газету....

Ничего и говорить, что Назара Назаровича взяли съ собою. Это былъ для Ольги новый питомникъ воспоминаній, которые замѣнили ей существенную жизнь.... но увѣ, не надолго. На третій день послѣ посѣщенія сѣренькаго домика, Ольга слегла въ постель и черезъ три дня умерла!... Бронницына тогда поняла значеніе словъ, произнесенныхъ Ольгою въ сѣренькомъ домикѣ. Назаръ Назаровичъ переселился къ Ваиѣ Б***, но уже жилъ безсознательно. Его воспоминанія, его умственные способности, его внутренняя жизнь пробуждалась тогда только, когда говорили объ Ольгѣ. ♣

КОНЕЦЪ.

Б А Я Н К А .

VI

ТРИ ИВАНА.

=

Въ ночь изъ Кіева, старый пріѣхалъ Рустанъ,
Бьетъ съ коня его пѣна клубами,
Онъ его, у столба, привязалъ на арканъ;
Да съ дѣтьми обнялся, молодцами.

«Вотъ вамъ, дѣти, дары: не парчи, не ковры,
А привезъ византійскихъ два лука!
Да возьмите съ плеча два булатныхъ меча,
Это Русскаго Царства порука.

«Завтра съ свѣтомъ, Якушъ, отправляйся въ табушъ,
Двухъ коней приводи съ обротями,
Да корми ихъ зерномъ, мы поѣдемъ втроёмъ
Далеко за чужими рублями.

Хоть вашъ старый Рустаиъ, видитъ свѣтъ сквозь туманъ,
Хоть во мнѣ молодецкой вѣтъ мочи,
Но мой бердышъ широкъ, — пусть же вражій песокъ
На чужбинѣ закроетъ мнѣ очн.

Да! въ послѣднй набѣгъ; ни одинъ Печенѣгъ,
Отъ него на лугахъ легъ костями;
Заповѣдую вамъ, удалымъ молодцамъ,
Зарубить свою славу мечами.

«Наше солвышко-князь, затоптать хочетъ въ грязь
Всѣхъ Гречанъ на далекомъ поморьи.
По Днѣпру идетъ кличъ, упаси, Ругевичъ*!
Какъ собирается рать на Угорьи.

«Словно лѣсъ подъ грозой, разгудится порой:
Такъ по Кіеву шумъ, непогода;
Князь на черномъ конѣ, въ цареградской бронѣ
Собираетъ людей для похода.

Тамъ и жрецъ Богомилъ, небеса задымилъ
Чтобъ хранили насъ гнѣвные боги.
Русь, какъ слышно, кругомъ, съ богатырскимъ копьемъ
Поднялась ужъ на рѣзвыя ноги.

«Въ Уграхъ трубы гремятъ, въ Новѣградѣ звонятъ,
А на Сулѣ коней ужъ сѣдлаютъ;
Раѣ ясна какъ стекло, всѣ мечи на-голо,
По Днѣпру межъ шатровъ разъѣзжаютъ.

«Но ужъ краше кто тамъ, по плечамъ, по кудрямъ, —
Это Муромецъ, грозный-Илюша!
Ему шубу съ князей, изъ черныхъ соболей,
Подарила на память Малуша.

* Ругевичъ, богъ войны, которому поклонялся народъ Рюгенскій.

«И на бранный тотъ крикъ, отозвался старикъ!
У меня занялось ретивое.
И я ночи не зналъ, безъ дорогъ я скакалъ,
Чтобы въ путь 'мы отправились трое.

«Но ужъ, дѣти, пора, намъ идти со двора,
Вонъ *стожаръ* * ужъ стоитъ у заката;
Да, смотрите же, мать, въ ночь войной не пугать:
Пускай спитъ до утра паша хата.»

Черезъ три дня Рустапъ, выѣзжалъ на курганъ,
Съ нимъ его удалцы молодые!
За плечами щиты, за сѣдломъ топоры,
А у стремя мечи боевые.

Съ тѣхъ поръ у калитки старушка сидитъ,
И ждѣтъ не дождется, отца съ сыновьями:
И всё по дорогъ къ кургану глядитъ,
И думаетъ: вѣрно убиты врагами!

Вотъ роза, и липа, давно отцвѣла,
И собраны грозды, кругомъ, съ винограда,
А вѣсть объ родимыхъ, всё къ ней не пришла,
Всё други не ѣдутъ, изъ Кіева-града.

Однажды, какъ снѣгомъ луга занесло,
Какъ въ полѣ не стало примѣтъ, ни кургана,
Къ старушкѣ за полночь стучатся въ стекло, —
И входятъ въ dospѣхахъ. Да кто жъ: *три Ивана!*

«Что жъ ты, Лада моя, не узнала меня?
Видишь, въ гасахъ у насъ одnorядки!
Вотъ и крестъ на груди, что жъ ты, женка, поди;
Да послушай мои распорядки.

* Большая Медвѣдица (созвѣдіе) въ нашемъ народѣ называется *Стожаромъ*.

«Завтра, Лада, съ утра, бросимъ въ омутъ Диѣира,
И боговъ и старинную вѣру!
И зато, что добра, привезли короба! —
Заводнымъ конямъ только въ мѣру».

Засвѣтили огней, разсѣдали коней
И чтобъ было бы всѣмъ безъ обиды,
То, старикъ за столомъ, золоченымъ ковшомъ
Раздѣлялъ на три кучи солнды *.

Оренбургъ.

Д. МИНАЕВЪ.

=

* Того времени греческая золотая монета, величиною съ нынѣшній червонецъ.

ПРИКЛЮЧЕНИЯ,

ПОЧЕРПНУТЫЯ ИЗЪ МОРЯ ЖИТЕЙСКАГО.

=

У одного папеньки и у одной маменьки были двѣ дочки. Точка. Не объ нихъ дѣло. Читатель, можетъ-быть, встрѣчалъ гдѣ-нибудь Дмитрицкаго? Довольно статный мужчина, блѣдное лицо, зеленые глаза, весь въ крестахъ и знакахъ отличія, служить и тамъ и сямъ, былъ во всѣхъ войнахъ и походахъ, на сушѣ и на морѣ, во всѣхъ странахъ и земляхъ, всѣхъ знаетъ, со всѣми знакомъ.... Ничего не бывало! все это ложь! Раскроемъ на-удачу какую-нибудь страницу изъ его жизни. Вотъ онъ ѣдетъ въ столицу искать счастья — направо, налево — и сердится.

— И тутъ тройка не везетъ! да ну, пошолъ! погоняй, мужикъ-сипа!

— Мужикъ-сипа — ѣсть сыто, барниъ! отвѣчалъ извозчикъ.

— Животное! и тотъ упрекаетъ меня въ недостаткахъ! Пустяки, братъ, у насъ есть капиталъ.

И съ этимъ словомъ Дмитрицкій отправилъ одну изъ своихъ рукъ въ одинъ изъ своихъ кармановъ, пошарилъ въ немъ, потомъ перенесъ въ другой, въ третій, и, наконецъ вытащивъ изъ ядра бокового, кошелекъ, потрясъ надъ ухомъ.

— Гдѣ жъ онъ тутъ, собака?... а!

Вытряхнулъ на ладонь ключикъ , потомъ единственный червонецъ , и погладилъ его , какъ звѣрка , по шерсти .

— Ключъ отъ прошедшаго и будущаго богатства ; а это — вотъ онъ , настоящій червонный ! одинъ одинёхонекъ . Гдѣ жъ , братъ , твои товарищи ?... ушли ?... экіе какіе ! Ничего ! зато какой просторъ тебѣ на днѣ кошелька . Ты , душа моя , у меня завѣтный , на разживу ; ты не какая-нибудь послѣдняя копѣйка , которую дуракъ ставитъ ребромъ . Тебя я не выпущу изъ рукъ ; ты мой аттестатъ , мое золото , рычагъ , движущая сила : безъ тебя и этого осла не поворотить съ мѣста . Эй ! пошолъ ! да , ну же , погоняй !

— Да поговяю же , поговяю .

— Гони во всю пвановскую !

— Куда же еще гнать , баринъ ! Погоняй , да загоняй ; не на одинъ поѣздъ съ тобой куплены лошадейки ; кормильцевъ-то другихъ у меня нѣтъ !

— Гони , говорю ! А нето , видишь ? смотри !

Мужикъ обернулся ; Дмитрицкій показалъ ему кулакъ .

— Экая диковинка : у насъ у самихъ такихъ пара , баринъ !

— Ступай , говорю ; а нето я тебѣ дамъ !

— Чтѣ дашь , баринъ ? мы сдачи сдадимъ .

— А вотъ чтѣ ! показывая червонецъ : видѣлъ ?

— Видѣлъ . Эхъ вы.... соколики !

И мужикъ раскачнулся на облучкѣ , приударилъ легонько по вѣсѣмъ по-тремъ ; кони прибавили рыся .

— Ну , видѣлъ ? Червонный , цѣликомъ , безъ сдачи .

— Эхъ вы , золотые мои ! прикрикнулъ извозчикъ , замотавъ головой и приподнявъ пристяжныхъ на-вскачь .

— Скажи пожалуйста ! у него золотые кони ! Вѣрно не все то золото чтѣ блеститъ . Слышишь , червонный ! Ну , во всѣ лопатки на-пропалую !

— Сперва поторгуй , баринъ , тройку-то ; да на заговъ-то я еще и не продамъ .

— Скажи пожалуйста ! да онъ лучше нашего брата знаетъ цѣну золоту ! У насъ только то золото , чтѣ золото , будь оно чужое или свое ; а у него все золото , чтѣ его . А хороша у тебя жена ?

— Вѣстимо , что хороша .

— Молода ?

— Да не стара .

— Золото ?

- Золото-баба!
- Ну, а весело жить?
- Покуда весело.
- Золотые денъки выдаются?
- Слава Богу!
- Ну, а баринъ каковъ?
- Баринъ — ничего.
- Золотой человекъ?
- Золотой, золотой, и сказать нечего.
- Ну, а приказчикъ каковъ?
- Приказчикъ? Приказчикомъ-то онъ пообманулся.
- А что?
- Да такъ, ничего; про насъ хорошій человекъ.
- А не золото?
- Ужъ такое золото, что Боже упаси!
- Вотъ тебѣ разъ! поди съ нимъ! у него все золото; а я думалъ удивить его червонцемъ! Полѣзай, братъ, со стыда, въ карманъ; посмотримъ, какъ-то ты блеснешь въ городѣ.

Дмитрицкій уложилъ червонецъ въ кошелекъ, кошелекъ въ карманъ; а извозчикъ, затянувъ обычную пѣсню, поѣхалъ обычнымъ шагомъ; иногда только покачивается на облучкѣ, помотаетъ головой и погладитъ кнутомъ првстѣжныхъ, чтобъ натянули постромки.

Вотъ и городъ Москва заблестѣлъ на горизонтѣ золотыми маковками; у заставы извозчикъ приостановился.

- Пріѣхали, баринъ.
- Куда? спросилъ Дмитрицкій, очнувшись отъ дремоты.
- Да къ заставѣ.
- Неужели?... ахъ ты, скверность!... Ну, ступай, что жъ ты сталъ?
- Пожалуйте подорожную, сказалъ часовой.
- Какую подорожную? Вѣдь подорожную записали; сколько еще разъ записывать?
- Когда записали?
- А генераль-то проѣхалъ.
- Какой генералъ? Никакого генерала не проѣзжало.
- Вотъ тебѣ разъ! не можетъ быть! что ты это говоришь! Куда жъ онъ дѣвался? Я его камердинерь.... отсталъ.... бричка съехала генеральская; я тороплюсь догнать его.... Тутъ нечего разговаривать!... Ступай!
- Нѣтъ, мостой, я доложу дежурному.

— Я самъ пойду къ дежурному, сказалъ Дмитрицкій: посмотрю въ книгѣ; какъ это можно, чтобъ генералъ еще не проѣхалъ?

И Дмитрицкій, выскочивъ изъ повозки, пошелъ въ караульню.

— Да я тебѣ говорю, что никакого генерала не проѣзжало! твердилъ ефрейторъ, слѣдуя за нимъ.

— Позвольте, ваше благородіе, взглянуть въ книгу; вотъ, говорить; что не проѣзжалъ мой генералъ, а я знаю, что проѣхалъ....

— Какой генералъ? Какъ его зовутъ? спросилъ писарь.

— Да вотъ, извольте посмотрѣть, вчера или сегодня, продолжалъ Дмитрицкій взявъ книгу и просматривая фамиліи проѣзжихъ: бричка сломалась, починили-было, опять сломалась, пружинъ былъ панять телѣгу, да такія лошади попались.... а генералу что жъ безъ меня дѣлать.... мундиры всѣ со мной.... я думаю, ждетъ не дождется.... еще прибѣтъ, что я замедилъ.

— Да какъ фамилія твоего генерала? спросилъ офицеръ.

— Ну, вотъ, вотъ, вотъ генералъ отъ кавалеріи.... а тутъ говорятъ, что не проѣзжалъ. Я знаю, что проѣхалъ, вотъ съ будущимъ, а я будущій—его камердинеръ.... Сдѣлайте одолженіе, ваше благородіе, пожалуйста солдатика проводить меня къ нему для удостовѣренія, что я дѣйствительно его камердинеръ.

— Это для чего?

— Меня не пропускаютъ черезъ заставу; а его превосходительство, вѣрно, сказалъ на заставѣ, что я ѣду вслѣдъ за нимъ.

— Говорилъ генералъ? спросилъ офицеръ ефрейтора.

— А Богъ его знаетъ; вѣдь не мы были, ваше благородіе, въ караулѣ; а при смѣнѣ никто ничего не говорилъ.

— Такъ позвольте солдатика, ваше благородіе; я же и не знаю, гдѣ генералъ остановился.

— Можешь и самъ отыскать; Здѣсь караулъ не для разсылки.

— Нечего дѣлать! прощайте, ваше благородіе, сказалъ Дмитрицкій, выходя. Подавай тройку! крикнулъ онъ извозчику.

Заставу подняли, Дмитрицкій сѣлъ въ телѣгу, и на вопросъ извозчика: куда прикажете ѣхать? отвѣчалъ: ступай куда прямо!

— Наислу отдѣлался! продолжалъ онъ, про себя: спасибо тузу: при тузѣ и валетъ много значить; поставилъ темную и повезло.

Начавъ дѣло съ конца, всё-таки не уйдешь отъ начала; а по-

тому мы должны слегка хоть просмотрѣть первыя страницы жизни Дмитрицкаго.

Вслѣдствіе уроковъ своего наставника эмигранта, почтенный родитель его имѣлъ слѣдующія правила: что люди добрые — овцы, которыхъ умные стригутъ; люди честные — ослы, которые за умныхъ людей возятъ тяжести; а люди трудолюбивые — лошади, на которыхъ умные люди верхомъ ѣздятъ. Матушка его не имѣла ни какихъ правилъ, вслѣдствіе таковой природы или понятій супруга, что женщина съ правилами — дура, что любовь ли чтѣ иное какъ спиртъ, которымъ умные люди упоеваютъ дураковъ. Дмитрицкій въ домѣ родительскомъ былъ баловень; въ какой-то гимназіи или въ бурсѣ, шалунъ и лѣнтяй; на службѣ — разбитной-малый, сорви-голова. Служилъ онъ или, лучше сказать, служилъ-не-служилъ въ * * * уланскомъ полку корнетомъ. У него была совсѣмъ не служебная организація. Киверъ на бекрень, сабля при колѣнѣ, темлякъ до земли; онъ любилъ сначала побушевать; но истинное призваніе его было не въ одну сторону, а *направо-налѣво*. Съ первой попытки онъ такъ ловко держалъ въ горсти книгу судебъ, называемую колодой, такъ ловко, поюпитерски, металъ, что вся собратія подрывающихъ банкъ, восклицала: славно мечеть! чудно мечеть!

Эти возгласы заложили навсегда банкъ въ головѣ Дмитрицкаго. Для него просто была мука, когда отрывали его отъ *дѣла*, не только службой, но и глупымъ обычаемъ закусывать, обѣдать, пить чай и ужинать.

Бросая съ досадою карты, онъ всегда восклицалъ, вставая изъ за стола: «Только и думаютъ, что набивать пузо! точно голодные собаки бѣгутъ къ корму! какъ-будто нельзя тутъ же перекусить чего-нибудь!»

Счастье ли не везло Дмитрицкому, или бѣдовая страсть метать банкъ до-тѣхъ-поръ, покуда онъ не лопнетъ, только Дмитрицкій постоянно былъ оборванъ. Онъ не сердился на то, что жалованье его всегда было проиграно впередъ за третью; не горевалъ и о томъ, что въ гардеробѣ его оставался только старенькій мундиръ съ мишурными принадлежностями, годный только для мажежа; но онъ сердился, что явный недостатокъ въ деньгахъ прекращалъ игру и ему ничего не оставалось дѣлать, кромѣ какъ сказываться больнымъ и, завернувшись въ шинель, лежать растянувшись на одрѣ тоски. Сидѣть бездѣльникомъ подлѣ стола, смотрѣть, какъ играютъ другіе, и спокойно покуривать трубочку — на это Дмитрицкій былъ не способенъ. Когда онъ начиналъ жа-

ловаться на голову, то это значило, что у него на квартирѣ чистота и опрятность. На деревянномъ диванѣ разостланъ старый вальтрапъ; въ головахъ кожаная подушка, вылощенная головой; у стѣнки еловый столикъ, да сосновый стуликъ; на окнѣ продутая трубка, а подлѣ нее въ жестяной сахарницѣ табачная зола, какъ воспоминаніе счастливыхъ дней изобилія въ табакѣ. Тутъ уже нѣтъ ни чемодава, ни разбросаннаго платья, ни разсыпаннаго повсюду вахштафу, ни дыму, въ которомъ можно коптить ожорока, ни кухенрейтерскихъ пистолетовъ, ни солингенскихъ сабель, ни лазаринскаго ружья, ни охотничей собаки. Тутъ только Дмитрицкій, разслабленный душой и тѣломъ, наполняетъ собою пустоту; то положить руки подъ голову, глаза въ потолокъ; то вскочить, набить трубочной зола въ трубку, затянется, плюнетъ и снова заляжетъ. И въ самомъ дѣлѣ, возможно ли Дмитрицкому показываться на бѣлый свѣтъ, въ полномъ здоровьѣ и тишинѣ души: что сталь бы онъ отвѣчать на вопросъ: «Что жъ, братъ, банчишку?» Не отвѣчать же: «Что, братъ, денегъ нѣтъ!» Да это такой стыдъ, что ужасъ. Послѣ этого никуда глазъ не показывай, чтобъ не спросили съ сердечнымъ участіемъ: «Что, братъ, денегъ нѣтъ? что жъ, братъ, дудка есть.»

Къ полученію жалованья Дмитрицкій выздоравливалъ; но однажды, во время болѣзни своей, онъ надумался, и рѣшилъ, что глупое счастье надо замѣнить чѣмъ-нибудь умнымъ. И вотъ, все время болѣзни онъ сталъ посвящать на изученіе волшебной науки, по части превращеній *листовъ*. Эксперименты постоянного совершенствованія въ наукѣ онъ производилъ надъ помѣщиками; и, по пословицѣ: «бей сорокъ, бей воронъ, добьешься и до бѣлаго лебедя,» онъ зашибъ однажды изрядный кушъ у одного юнаго агронома. Деньги развиваютъ фантазію и въ прохладныхъ душахъ, съ ними неперемѣнно хочется летать. Ремонтѣрство прееоблазнительное порученіе для кавалериста: подорожная на всѣ четыре стороны, а главное—въ Бердичевъ. Отправился нашъ герой въ Бердичевъ. Счастливъ. Тамъ-то, въ Бердичевѣ, тѣма казначеевъ, тѣма ремонтѣровъ, тѣма понтѣровъ, тѣма Эстерокъ или Эсэрей, Лій, Рахмелей, которыхъ называютъ Рохлями, Жидовъ—Евреевъ—Иудеевъ—факторовъ, контрабандистовъ и талмудистовъ, пановъ, паниъ и нанёнокъ, шляхтянокъ и гардеробянокъ. Чудо! Корчмы, бильярдъ, карты, коханки, мазурки, панскія ренъчки и ножки, сто тысячъ дьябловъ, и что еще?—больше ничего не нужно, все есть. Дмитрицкій прибылъ благополучно; по обычаю остановился въ корчмѣ, потому что гдѣ живетъ Израиль, тамъ

вѣтъ домовъ, а есть корчмы: это ряды длинныхъ заѣзжихъ домовъ съ крытыми дворами, на пролетъ изъ грязной улицы въ вонючій переулокъ. Переднюю часть корчмы составляетъ комната для прїѣзда вельможныхъ пановъ. Здѣсь можно присѣсть на стулъ, прилечь на канапе, посмотрѣться въ зеркало, выглянуть на улицу, раскинуть ломберный столъ, побесѣдовать съ какой-нибудь Рифкой, угодливой хозяйкой въ жемчужныхъ мушкахъ, или Пейсой, съ сестрой или дочерью, съ распущенными кудрями до плечъ. И Рифка и Пейса смотрятъ въ глаза и неугомонно допрашиваютъ, не потребно ли чего-нибудь пану: «а можетъ-быть покушаетъ чего-нибудь? а можетъ-быть панъ чай будетъ пить?... Панъ съ ромомъ пьеть?... А можетъ-быть панъ желаетъ что кушать? Только-что панъ занкнудся, Пейса уже исчезла, прокричала въ востъ на дворъ: Хаймэ, Хаймэ! и еще что-то по-своему, и Жидокъ Хаймэ бѣжитъ въ ряды. Глядь, изъ какой-нибудь лавки крадется Хаймъ, а за Хаймомъ, изъ всѣхъ лавокъ бѣгутъ Хаймы, Мошки, Юски, Абрамки и Шлёмки съ узлами. Хаймъ въ двери и всѣ за нимъ. Напрасно и Рифка и Пейса заставовили двери, хотять припереть на крюкъ: Жиды ломаютъ, проталкиваются, кладутъ на полъ свои узлы, торопятся развязывать, и каждый бранясь, по-жидовски со всѣми прочими, и охудая чужіе товары, расхваливаетъ свои и суетъ ихъ въ руки панскіа.

Этой картины не только живой, но и писаной, не найдешь даже и въ Москвѣ, гдѣ нѣкогда, по татарскому обычаю, купцы держали при себѣ такихъ собакъ-сидѣльцевъ, которые тянули покупщиковъ къ лавкѣ за-воротъ.

Но мы еще не кончили описанія корчмы. Рядомъ съ прїемной мебелированной комнатою, *лежитъ* небольшая *штуба* хозяйская; здѣсь двѣ кровати, подлѣ окна столъ, въ углу печка, подлѣ печки лавка, въ другомъ углу шкафъ съ посудою, по стѣнамъ полки съ горшками и плошками. Подъ закорузылыми перинами ложе Рифки и Пейсы съ братьями и сестрами; на печкѣ ложе старой Жидовки, а на лавкѣ *наймочки*.

Все остальное протяженіе корчмы отъ улицы до переулка раздѣляется на отдѣленія для заѣзжихъ — входъ прямо со двора; каждое отдѣленіе раздѣлено на-двое печкой, которая такимъ образомъ и составляетъ стѣну, или перегородку, очень удобную для топки камышомъ и бурьяномъ. Втащутъ нѣсколько связокъ длиннаго камышу, разложутъ въ трубѣ огонѣкъ, воткнутъ одинъ конецъ связки, камышь вспыхнетъ, затрещитъ, и по-ишь-того, какъ огонь пожираетъ, камышь вдвигается въ печь. Проглотитъ

связокъ десять камышу, труба раскалится, какъ-нельзя лучше, и вы до самаго вечера имѣете полное право жаловаться на нестерпимый жаръ, духоту и, въ случаѣ слабой головы, на угаръ; а въ вечеру можете снова топить, или почивать въ прохладной комнатѣ.

На дворѣ корчмы постоянно мѣсиво грязи; это, въ одно и то же время, и конюшня и сарай, и хлѣвъ и курятникъ, и помойная яма.

Городъ, не столица обширнаго размѣра, и потому экипажи — лишняя вещь; можно не уставая ходить изъ конца въ конецъ пѣшкомъ; по сторонамъ улицъ грязь не такъ глубока, и всегда есть, вмѣсто тротуара, пробитая тропинка; затрудненіе встрѣчается только при переходѣ черезъ топъ улицы; но если вы смѣлый кавалеристъ, то можете осѣдлатъ какого-нибудь Жида и переѣхать на немъ черезъ топъ. Впрочемъ, въ каждой корчмѣ можно нанять пару клячъ въ бричкѣ съ дышломъ, и какой-нибудь Шлѣмка довезетъ васъ и на балъ и съ балу.

Жидовское мѣстечко — удивительная вещь: это шайка; но не разбойниковъ и не воровъ. Въ этомъ случаѣ каждый Жидъ честенъ какъ чортъ; какъ чортъ не убьетъ, не украдетъ; но какъ чортъ обманетъ, проведетъ, надуетъ, обморочитъ, соблазнитъ, раззадоритъ и вы почувствуете какую-то тяжесть въ карманѣ, и вы бросите изъ него всѣ деньги Жиду за дрянъ, какъ чорту душу за земныя наслажденія.

Кто не живалъ посреди Израиля, тотъ не понимаетъ достоинства картинъ *жидовской школы*.

Вотъ, на лавочкѣ у воротъ одной корчмы сидитъ офицеръ, въ шинелѣ и фуражкѣ; что-то очень смутенъ; облокотясь на колѣни, онъ запустилъ руки въ густыя кудри, и какъ-будто насильно похиливъ голову книзу, заставилъ ее устремить глаза въ землю. Сидитъ и молчитъ, не смотритъ даже на Пейсу, которая, накинувъ кашотникъ на одно плечо, стоитъ подлѣ.

— Вы сердитые такіе, не хотите говорить, — сказала она ему съ участіемъ.

Офицеръ молчитъ.

— Знаю я, панъ Желыньски обзыгралъ васъ; сказала я, что не играйте съ паномъ.

— Да поди прочь, пожалуйста!

— Зачѣмъ пойду прочь? я хочу здѣсь стоять.

— Ну, стой, да молчи.

— Я только жалѣю васъ, больше ничего, а вы сердитесь.

— Ахъ ты, Песька! ну, поди сюда!

— Какъ это можно!

— Ну, поди прочь!

— Гдѣ тутъ квартирная комиссія? крикнулъ уланъ, подъѣзжая къ сосѣдней корчмѣ.

— Уланъ! какого полка? спросилъ офицеръ.

— *** уланскаго, ваше благородіе, ремонтной команды.

— Кто офицеръ?

— Поручикъ Дмитричій; вотъ не допрошусь, гдѣ квартирная комиссія; заготовить надо квартиру его благородію.

— Пустяки, братъ, здѣсь и въ мѣсяцъ не добьешься порядочной квартиры; а твой офицеръ вѣрно не остановится въ мурьѣ.

— Какъ можно, ваше благородіе; онъ приказалъ, если не отвѣдутъ хорошей квартиры, такъ нанять.

— Такъ нечего и хлопотать, вотъ здѣсь есть квартира, лучше и не найдешь.

— Поди посмотри, прекрасная меблированная, съ зеркалами комната, сказала Пейса.

— Да ужъ вѣрно понравится его благородію, сказалъ уланъ, посматривая на Пейсу: такъ я поѣду, буду ждать его у заставы.

— Веди прямо сюда; да постой, служивой, ты посмотри, ты увидишь, какая прекрасная квартира, мы за постой дешево беремъ.

— Ну, посмотрю, сказалъ уланъ, въѣзжая на дворъ, и слѣзая съ коня.

— Видишь, какая квартира для твоего офицера.

— Славная, славная.

— На-ко выпей, съ дороги.

— И квартира славная и хозяйка славная; а ужъ мой офицеръ такой, что и квартиру ему подай славную и хозяйку славную.... охъ, да и водка какая славная! спасибо!

— Если понравилась, такъ выпей еще.... Смотри же, прямо къ намъ веди, не слушай другихъ....

— Небойсь; да закусить, братъ жидовочка, дай чѣмъ-нибудь.

— Сейчасъ, сейчасъ; вотъ два бублика.

— Довольно одного. Такъ прощайте же покуда.

— Офицеръ твой любитъ играть можетъ-быть въ карты, такъ мы ломберный столъ поставимъ, сказала Пейса.

— И играетъ, и гуляетъ, отвѣчалъ уланъ, моргнувъ глазомъ.

— Женатый или нѣтъ?

— Какой женатый!

— А богатый?

— Да сорить деньгой; куда ихъ беречь: и поигрываетъ, и вашу братью задариваетъ.... щедрый, нечего сказать! Ну, поѣду навстрѣчу.

— Прямо сюда, да не ошибись. Я пошлю фактора на заставу.... Хаймэ! гэ! брр, бръ, бръ!

Что-то пробормотала Пейса и Хаймэ побѣжалъ за уланомъ.

— Хвалить своего офицера, сказала Пейса, выходя за ворота: въ карты играетъ....

— Э!

— И богатъ; вотъ и играйте съ нимъ.

— Э!

— Да; съ своимъ братомъ офицеромъ лучше вамъ играть; а эти паны въ парикахъ—шулера.

— Э!

— Да, я вамъ говорила.

— Э! Сидоровъ, дай трубку.

— Трубку-то я подамъ, сударь, да пустую.

— Табаку нешто нѣтъ? Поди возьми у Соломона фунтъ.

— Поди возьми! бормоталъ косолапой кавалеристъ-деньщикъ про себя, отправляясь въ лавку: я пожалуй возьму; мнѣ что!... а поди, возьми, такъ самъ не будетъ отвѣчать.... Эй, давай фунтъ табаку, барину.

— Фуунтъ?

— Да, фунтъ! сказано, такъ фунтъ.

— У тебя карбованный, али сто?

— Да, сто! какъ бы не такъ!

— Давай деньги.

— Поди у барина возьми, онъ тебѣ дастъ.

— Дааастъ? а у барина деньги есть?

— А у кого жъ быть деньгамъ, какъ не у господъ? Ну, давай же, или самъ неси; баринъ велѣлъ фунтъ табаку принести; ну и ступай!

— Велѣлъ?

— Говорятъ велѣлъ; ступай, онъ чай расплатится съ тобой.

— Расплатится?

— Стало быть расплатится, когда велѣлъ цѣлый фунтъ приносить.

— Пойдемъ, пойдемъ.

— Пойдемъ.

Между-тѣмъ офицеръ, не дождавшись табаку, отправился по сосѣдству, корчемъ черезъ пять, къ пану Жельинскому.

Панъ Жельинскій былъ знатный игрокъ, старый пестъ въ ружемъ парикъ, съ преотвратительной наружностью. Всѣ знали его ремесло, говорили ему въ глаза: «Ты, панъ, шулеръ! съ тобой нельзя играть!» Онъ на это издавалъ звукъ: «Ха, ха, ха, ха!» садился за столъ, высыпалъ горсть червонцевъ, разламывалъ звучно обертку колоды, раскидывалъ ее какъ вѣреть, и пропустивъ съ трескомъ карту въ карту, клалъ тихо на столъ, и произносилъ: «Не угодноли?» На это магическое слово ничего нельзя было отвѣчать, кромѣ: — «Угодно!»

— Панъ, реванжъ за тобой, сказалъ офицеръ, входя въ квартиру пана, который игралъ въ это время на скрипкѣ вариацию Плейеля: отыгрываться я не хочу; а будемъ играть по-поламъ.

Жельинскій, положивъ скрипку, посмотрѣлъ вопросительно на офицера.

— Ну, панъ, хочешь виѣстѣ, идешь на половину?

Жельинскій отдулъ губы, и сдѣлалъ знакъ, что онъ не понимаетъ этихъ словъ.

— Послушай, панъ, ты со мной не церемонься; ты меня отдулъ, а я тебя отдую! мнѣ всё-равно; я проигралъ тебѣ чужія деньги! ты долженъ меня вывести изъ бѣды.

— На чужія деньги не должно было играть.

— Знаю я самъ это; да вѣдь ты, бѣсъ, попуталъ меня; такъ и распутывай.

— Но... съ кѣмъ же играть?...

— Съ кѣмъ?... э-гэ! колокольчикъ!...

Въ самомъ дѣлѣ колокольчикъ загремѣлъ, на улицѣ хлопанье бичей ближе и ближе.

Жельинскій и офицеръ бросились къ окну.

Дмитрицкій катилъ въ роскошной коляскѣ, прислонясь къ боку; бѣлая фуражка, по обычаю, на бекрень.

— Какая прекрасная вѣнская коляска! Кто это такой?

— Вотъ выигрывай, панъ, эту коляску.

— Хэ, хэ, хэ! не худо бы. Здѣсь, подѣ, остановился; надо бы узнать, кто такой—Яне! чей, Яне!

— Не безпокойся, это мой сосѣдъ. Хочешь съ нимъ познакомиться?

— Почему жъ, всякое новое *замѣчательное* лицо составляетъ особенно пріятное знакомство.

— Такъ приходи же ко мнѣ черезъ полчаса, слышишь?

Желынский кивнулъ головой въ знакъ утвержденія, а офицеръ отправился къ себѣ.

Дмитрицкій былъ уже встрѣченъ Пейсою, и охорашивался въ зеркаль.

— Какая ты миленькая Евречка! а?

— Правлюсь я вамъ?

— Да какъ же? чудо! что за глазки! а?

— Вамъ, можетъ-быть, чаю угодно? у насъ самый лучший чай.

— Чаю, чаю! о, какая хорошенькая! тебя какъ зовутъ?

— Пейса.

— Пейса!

— Позвольте, я сейчасъ принесу чай; какъ прикажете, съ самоваромъ подать или просто?

— Какъ хочешь.

И Пейса вышла торопливо въ свою комнату, собирать чай.

— Чудо Жидовочка! повторилъ Дмитрицкій, расхаживая по комнатѣ и крутя усы: а городишка кажется не лучше Могилева... а я думалъ чортъ знаетъ что!...

— Прикажете сливокъ и сухарей, или съ ромомъ будете пить? У насъ ромъ самый лучший, ямайской.

— Съ чѣмъ хочешь.... поди, поди сюда!

— Сейчасъ, я только приготовлю чай.

— Плутовка!... Сергѣй! эй! Сергѣй!

— Сейчасъ! Самоваръ ставлю, отвѣчалъ деньщикъ со двора.

— Скорѣй!

— Самоваръ ставлю!

— Кто тебя просилъ? дуракъ!

— Да сами же сказали, чтобъ сейчасъ же самоваръ былъ готовъ.

— Не нужно! здѣсь готовый есть чай.

— Не нужно! а я наставилъ.... Готовый! какой тутъ жидовскій чай—труха! а деньги дерутъ такія, что....

— Ну, молчи!

— Да зачѣмъ же изволили покупать самоваръ? Самы говорили, что отъ жидовскаго чаю съ души воротить.

— Молчать!

— А по-миѣ, что — меньше хлопотъ! не я его пить буду!

Пейса принесла чай, точно въ такомъ же видѣ, какъ подаютъ и въ русскихъ трактирахъ.

— Налей же, Пейса, сама, угощай меня!

— Вы сладко любите?

— Сладко, милочка; такъ сладко, какъ ты сама. Да ты сядь, хозяйничай какъ должно, а я сяду подлѣ тебя...

— Какъ это можно!

— Ну, я не буду пить; миѣ скучно одному пить.

— Пейса! Пейса! раздался голосъ подлѣ дверей.

— Позвольте! постоялецъ нашъ пришелъ, вѣрно требуетъ чаю....

— Кто такой постоялецъ?

— Драгунскій офицеръ. Ему здѣсь отведена квартира.

— Экой счастливецъ!

— Онъ скоро ѣдетъ; попросите его, чтобъ онъ передалъ вамъ свою квартиру.

— Въ самомъ дѣлѣ!

— Пейса! чаю давай! крикнулъ офицеръ, входя въ комнату, не обращая вниманія на Дмитрицкаго.

Надо сказать, что въ корчмахъ приемная комната то же, что въ гостиницахъ общая зала. Если въ корчмѣ есть какая-нибудь заманчивая Пейса, и никто изъ пріѣзжихъ не занимаетъ этой общей залы, то офицерство на прогулкахъ заходитъ въ нее и требуетъ у Пейсы чаю, кофе и поцѣлуевъ.

— Я вамъ пришлю чай въ вашу комнату, сказала Пейса: здѣсь они стоятъ...

— Ахъ, извините, сказалъ офицеръ Дмитрицкому: я не зналъ, что у меня есть сосѣдъ.

— Сдѣлайте одолженіе, радъ познакомиться, тѣмъ болѣе, что я имѣю къ вамъ просьбу. Миѣ, вотъ, Жидовочка сказала, что вы скоро поѣдете отсюда, и ваша квартира опростается. Я бы желалъ занять ее.

— И прекрасно! въ самомъ дѣлѣ, вамъ нечего хлопотать въ квартирной комиссіи; а признаюсь вамъ, это истинная комиссія добыть порядочную квартиру.

— Сдѣлайте одолженіе, не угодно ли вамъ чаю?.... Я церемоній не люблю; прошу и со мной безъ церемоній.....

— Это и прекрасно!

— Съ ромомъ изволите?

— Немножко.

— Можеть-быть, вы любите пунишъ?

— Э, всё-равно. Вы надолго прѣхали?

И такъ далѣе, обыкновенный офицерской разговоръ, который былъ прерванъ сперва приходомъ деньщика Сидорова съ Соломономъ и съ табакомъ.

— Вотъ, сударь, самъ принесъ табакъ, сказалъ Сидоровъ.

— Дуракъ! тебя кто просилъ сюда! не могъ подождать! Покажи табакъ! изрядный! Вотъ это изрядный табакъ! вѣрно новаго привозу; а то такой скверный отпустилъ, что я хотѣлъ тебя проучить, заставить сто разъ прійти за деньгами. Завтра принеси еще три фунта этого же самага, пошелъ!

— Васе благородіе!

— Ну, пошелъ, нечего оправдываться!

— Чтѣ жъ, васе-благородіе.....

Слова Жида были прерваны приходомъ Жельинскаго.

— Я думалъ, что пана Рацкаго дома нѣтъ, сказалъ онъ, обращаясь къ офицеру: я принесъ долгъ.... кажется пятьсотъ пятьдесятъ рублей; вотъ три двухсотныхъ.

— Чтѣ жъ это? пятьдесятъ рублей сдачи? Ну, я сдачи не люблю давать: штось, на двѣ карты — и конечно: четыреста или всѣ шестьсотъ; пойдите ко мнѣ; здѣсь ихъ квартира.

— Ахъ, извините, я не зналъ, сказалъ Жельинскій, обращаясь къ Дмитрицкому.

— Не угодно ли и вамъ ко мнѣ?

— Да для чего жъ, господа, переходить съ мѣста на мѣсто, сказалъ Дмитрицкій: я очень радъ, что имѣлъ удовольствіе познакомиться, прошу васъ какъ дома; если угодно, я велю подать карты.

— Нѣтъ, я играть не буду, сказалъ Жельинскій.

— Кто это такой? спросилъ Дмитрицкій тихо у Рацкаго.

— Помѣщикъ, богатъ каналья, я его немножко наказалъ..... Я самъ играть не хочу; но штось на квитъ, — не игра.

— На квитъ, пожалуй.

— Пейса, подай карты.

— Вы откуда изволили прѣхать? продолжалъ Жельинскій, обращаясь къ Дмитрицкому.

— Изъ-подъ Могилева.

— На Двѣпрѣ или на Двѣстрѣ?

— На Дибрѣ.

— Я тамъ не бывалъ.

— Маленькій городъ.

— Ну, панъ Жельинскій!

— Позвольте, я самъ мечу.

— Пожалуй! идетъ на квить.... ахъ, проклятая десятка!... идетъ на сто..... баста!

— Это ужасъ! вскричалъ Жельинскій, бросая карты: терпѣть не могу этотъ штось!

— Зачѣмъ дѣло стало,—банчишку!

— Нѣтъ! покорно благодарю! да еще противъ одного!....

— Извольте, я то же приставаю, сказалъ Дмитрицкій: надо же чтò-нибудь дѣлать: я смотрѣть не люблю.

— Охъ-хо! грѣши мои, грѣши! сказалъ вздыхая Жельинскій, высыпая на столъ изъ кошелька сотни двѣ червонцевъ. Новыя карты!

Началась игра; у Жельинскаго точно какъ-будто колода никогда въ рукахъ не бывала. Такъ глупо держитъ, что всѣ карты видны. Дмитрицкій думаетъ: такого олуха не трудно обыграть! подсмотреть карту,—аттанде! и поставитъ на хорошій кушъ, да еще примажетъ. Разгорѣлся, подымаетъ выше. Отвѣчаете? вскричалъ онъ наконецъ, поставивъ темпую.

— Отвѣчаю! съ досадою отвѣчалъ Жельинскій; отвѣчаю до десяти тысячъ!

— Аттанде! отвѣчаете?

— Отвѣчаю!

— На всѣ!

Жельинскій приостановился, казалось, струсилъ, руки задрожали....

— Мечите.

Направо, налѣво, направо, налѣво.... Ухъ! Дмитрицкій разбилъ кулакъ, ударивъ по проклятой картѣ, которая ему измѣнила; въ глазахъ затуманило.

— Позвольте сосчитаться, сказалъ Жельинскій, потирая руки и положивъ колоду на столъ.

— Это, чортъ знаетъ чтò! кричалъ Дмитрицкій: ахъ, дуракъ! самъ себя надулъ! такъ глупо ошибиться! прибавилъ Дмитрицкій про себя: это удивительно!

— Чтò жъ тутъ удивительнаго, что изъ пятидесяти картъ, которыя я вамъ далъ, выигрываю одну!

— Да эта одна стѣитъ тысячи! прибавилъ Рацкій.

— Нѣтъ, не тысячи, а осьми тысячь четырёхъ-сотъ, отвѣчалъ хладнокровно Жельинскій, сосчитавъ выигранные Дмитрицкиимъ тысяча шестьсотъ рублей, и вычитая ихъ изъ десяти тысячь. Разсчитаемся.

— Нѣтъ, мы будемъ играть еще! вскричалъ Дмитрицкій, потирая лобъ.

— Нѣтъ, баста! за вами осемь тысячь четыреста.

— Чтò жъ вы думаете, что у меня денегъ нѣтъ? сказалъ съ сердцемъ Дмитрицкій, схвативъ шкатулку и отпирая ее. Вотъ ваши деньги!

Для уплаты осьми тысячь, Дмитрицкій долженъ былъ прихватить сотни двѣ изъ ремонтной суммы. Дрожь проняла его.

— Отъ реванжа я не откажусь, сказалъ Жельинскій, взявъ деньги: но завтра.

— Завтра не играю! сказалъ Дмитрицкій.

— Какъ хотите, сегодня не могу, мнѣ въ голову ударило отъ удовольствія выиграть хоть одну порядочную карту; я такъ несчастливо играю. До свиданія.

— Прощайте!

— Животное! обрадовался, что выигралъ осемь тысячь! сказалъ Дмитрицкій, когда вышелъ Жельинскій.

— Хмъ! да! ужасная скотина!

-- Такъ глупо проиграть, какъ я проигралъ, ни на чтò не похоже! !Проиграть такому ослу — это, это ужасъ!.... Вы видѣли, какъ онъ держитъ карты?.... все виднѣхонько! Его можно бы было обобрать до нитки; но я не хотѣлъ пользоваться этимъ, въ доказательство проигрышъ мой.... чортъ знаетъ чтò!

— Да, да! отвѣчалъ Рацкій, зѣвая.

— Давайте по маленькой, отъ нечего дѣлать.

— Пожалуй, только мнѣ нужно сперва сходить въ дежурство.... я черезъ полчаса прійду.

Черезъ полчаса Рацкій дѣйствительно возвратился; сѣли играть по маленькой, играли за полночь, но у Дмитрицкаго тряслись руки, и пальцы не въ-состояннн были исполнять его требованій. Игра кончилась ни на чемъ.

Дмитрицкому не спалось; всю ночь продумалъ онъ о глупомъ тузѣ, который легъ вмѣсто лѣвой на правую сторону. На другой день онъ отправился отдать визитъ Рацкому и предложилъ ему пригласить олуха къ себѣ.

— Надо же отыграться!

— И пусть онъ опять мечетъ банкъ.

— Да, да, да, именно!

Жельинскій не замедилъ явиться; но начавъ игру, долго не распускалъ хвоста у колоды. Игра не клонилась ни на ту, ни на другую сторону.

— Славная у васъ коляска, сказалъ Жельинскій.

— Не дурна.

— Чтò заплатили?

— Три тысячи.

— О-го! но стòить этихъ денегъ, неподобная коляска!

— Хотите, выиграть въ четырехъ тысячахъ?

— Э, нѣтъ, въ трехъ съ половиною, пожалуй!

И Жельинскій, какъ-будто невзначай, выказалъ валета, третью карту снизу. Дмитрицкій не упустилъ замѣтить ее, позадержалъ талію ставками, и какъ только три валета выпали, крикнулъ: — «Атганде! мазу коляска!» Направо, налево....

— Чортъ знаетъ! вскричалъ Дмитрицкій, — вы, сударь, передегиваете!

— Съ вами играютъ, милостивый государь, благородные люди, вы забываетесь! Я съ вами давно уже играю, господинъ Рацкій: замѣтили вы, что я передегиваю?

— Полноте сердиться! Господинъ Дмитрицкій такъ только съ-горяча сказалъ; кому не досадно проиграть два такіе куша!

— Однако жъ я не выходилъ изъ себя, когда проигралъ вамъ третьяго дня двѣ тысячи.

— У васъ характеръ, у господина Дмитрицкаго другой.

Дмитрицкій изступленно ходилъ по комнатѣ. Коляска ему нужна была для представительности....

— Милостивый государь, я коляску вамъ не отдамъ, я плачу вамъ за нее тысячу рублей, то, чтò самъ заплатилъ.

— Это прекрасно! Вы заплатили за нее три тысячи, она шла въ трехъ съ половиною. Извольте, я за три тысячи отдаю назадъ, уступаю пятьсотъ рублей.

— Я у васъ покупаю ее.

— Она стòить мнѣ три тысячи пятьсотъ.

— Угодно тысячу двѣсти! Вамъ никто за нее больше не дастъ.

— Она не продажная; я самъ въ ней поѣду.

— Угодно полторы тысячи?

— Полторы тысячи деньгами, пенковую вашу трубку, да шка-тулку.

— Трубку? шкатулку? ни за чтò!

— Отдавай, панъ, за полторы тысячи, сказалъ Рацкій.

— Ну, такъ и быть.

Дмитрицкій со вздохомъ досталъ изъ шкатулки тысячу пять-сотъ рублей и бросилъ на столъ. Это уже былъ второй заемъ у казны, безъ процентовъ и безъ всякаго обезпеченія.

Но читателю вѣрно надоѣлъ Дмитрицкій. Оставимъ его, покуда, дѣлать чтò хочетъ; расскажемъ чтò-нибудь другое.

II.

У одного папеньки и у одной маменьки были двѣ дочки. Точка. Не дошелъ чередъ. Жиль-былъ старикъ со старухой, въ Москвѣ, древнепрестольномъ градѣ, въ которомъ житье старикамъ и старухамъ. Старикъ былъ отставной капитанъ, слѣдовательно, старуха была отставная капитанша. Жили они со временъ екатерининскихъ пенсіономъ, состоящимъ изъ двухсотъ рублей. Въ первые годы отставки старикъ и старуха считали себя обезпеченными на вѣкъ.

— Слава Богу, говорила старуха, въ 1789 году: двумя стами рублей можно пожить въ довольствѣ и роскоши: двадцать пять рубликовъ въ годъ квартирка, рублей по десяти въ годъ намъ на одѣжу, пять рублей въ мѣсяцъ можно имѣть сытный столъ.... Сколько это, батюшка, составить? Считай.

— Сколько ты, матушка, сказала?

— Экой какой! клади двадцать пять за квартиру.

— Постой, счета возьму. Ну, двадцать пять за квартиру.

— Десять, да десять, на одѣжу.

— Куда жъ мнѣ, матушка, десять! Мундиръ мнѣ прослужить еще лѣтъ пять; четыре рубахи въ годъ не износишь — рубль шесть гривенъ; пара сапоговъ рубль — вотъ и все: два рубля шесть гривенъ; тебѣ — другое дѣло, мало ли — пара платья, салопа, чепчикъ....

— Пара платья! довольно и одного, новенькаго, въ годъ. Ситцевое, напримѣръ, или коленкоровое: пять аршинъ, ну, хоть шесть, въ четыре полотнища, по шести гривенъ аршинъ — три рубля шесть гривенъ; а по-нарядиѣе, флоранской тафты — пять рублей. Салопа не многимъ чѣмъ дороже; да зато ужъ лѣтъ на десять; сошьешь хорошую вещь — жаль носить....

— Ну, положимъ, намъ обонимъ двадцать рублей на платье. Еще чтò?

— По пяти въ мѣсяцъ на столъ.

— Шестьдесятъ. Всего сто пять рублей.

— Кухаркѣ въ годъ осемь рублей.

— Осемь.

— Чаю и сахару въ годъ много на пятнадцать рублей.

— Не много! Одинъ Иванъ Тихоновичъ выпьетъ рублей на пять, да и Матрена Карповна, придетъ въ гости, вторую не покроетъ!

— Ахъ, батюшка! жаль стало; да что жъ бы мы стали дѣлать, кабы добрые люди къ намъ не жаловали, хоть на чашку чаю!

— Ахъ, матушка, слово молвится не въ упрекъ! — Все?

— А сколько всего-то?

— Сто двадцать осемь; смотрака-ка ты!

— А на говѣнье-то, священникъ съ крестомъ придетъ — положилъ?

— Да ты, матушка, не сказала.

— О, охъ, Иванъ Леонтьевичъ, ты словно не христианинъ! Клади смѣло десять рублей.

Вотъ такимъ-то образомъ разсчитывали старикъ со старухой пятьдесятъ лѣтъ назадъ.

Квартирка у нихъ была такая пріютная, что чудо! Такъ все установилось и улеглось въ ней къ мѣсту! Какъ войдешь — кухня, все въ исправности, горшки, ухваты, уполовники, чашки, посуда столовая; на печкѣ спальня кухарки; изъ кухни въ гостиную; въ гостиной коммодъ съ шкафами — тутъ чайная посуда, серебро, чайныя ложечки, счетомъ двѣнадцать, вставлены въ мѣстахъ на верхней полкѣ. Тутъ канапе, и дюжина стульевъ, обтянутыхъ кожей. Въ переднемъ углу образъ, надъ нимъ паникадыло. Стѣны оклеены зелеными обоями; по стѣнамъ въ черныхъ рамкахъ картины: царь Иванъ Васильевичъ Грозный, четыре времени года, и разныя птицы, выдѣланныя изъ перьевъ, наклеенныхъ на бумагу; у стѣнъ большой сундукъ, ломберный столикъ, надъ столикомъ круглое зеркало; въ двухъ окнахъ кѣтки съ чижамъ, по сторонамъ коленкоровыя съ плетеной бахромой занавѣсы.

Изъ гостиной, спальня; общее ложе старика со старухой подъ коленкоровыми занавѣсами; тутъ же лежанка, на которой сохнетъ запасная голова сахару; подлѣ кровати, на гвоздяхъ, платья, сапоги и прочее, покрыты простыней; бѣлье въ коммодѣ, а шубы въ сундукъ, обвернуты также въ простыни и переложены отъ запаха табакомъ. Подлѣ окна столикъ овальный съ вырѣзомъ и

бронзовой окранный, передь столикомъ креслы Мавры Ивановны, въ которыхъ она обыкновенно сидитъ и вяжетъ чулокъ, или передь праздникомъ, надѣвъ очки, читаетъ священныя книги, а въ праздникъ, если никого нѣтъ, раскладываетъ пасьянсъ.

Далеко они не распространяютъ свое знакомство; но со всѣми сосѣдями знакомы, не пренебрегаютъ никѣмъ; Мавру Ивановну навѣщаетъ и попадья и дьяковица, и купчиха Акулина Гавриловна, и гамазейная приставша и нныя; она ихъ угощаетъ и чайкомъ, и орѣшками, и яблочками; за то и ей у нихъ почетъ и угощенье всѣмъ чѣмъ Богъ послалъ. У Ивана Леонтьевича также не безъ знакомыхъ, то самъ въ гости пѣхтуромъ, то вмѣстѣ съ сожительницей. Къ обѣдни, къ вечернѣ, къ всенощной, къ заутренѣ, — смотришь и нѣтъ времени на скуку.

Надо знать, что Мавру Ивановну знала и старая княгиня-сосѣдка, и часто въ церкви выговаривала ей, что рѣдко у нея бываетъ. А когда приходила Мавра Ивановна къ княгинѣ, то, какъ свой человѣкъ, засидится у нея за-полночь, и ее отвезутъ домой въ княжеской каретѣ.

Такимъ образомъ старикъ со старухой жили не горюя ни о чемъ до новаго столѣтія. Съ новымъ столѣтіемъ какъ-будто что-то перемѣнилось въ ихъ жизни, какъ-будто стало недоставать двухъ сотъ рублей на годъ. Старый дьячокъ, у котораго нанимали квартиру, умеръ; а новый дьячокъ говоритъ, что времена уже не тѣ, и нельзя отдавать трехъ покоевъ въ годъ за двадцать пять рублей, что де-скать ему даютъ пятьдесятъ рублей. Куда ни обернись — деньги какъ-будто поусохли и рубль отошаль, а на копѣчку и на грошикъ никто и смотрѣть не хочетъ, подай, говоритъ, пятачокъ. Сосѣди повымерли, а новые сосѣди, какъ-будто и не сосѣди. Съ старухой и старикомъ никто слова не промолвить. Дотянули кое-какъ до двѣнадцатаго года — съ нимъ кончилось и благоденствіе старика и старухи. Французы идутъ! Народъ бѣжитъ изъ Москвы; побѣжали и они за народомъ. Гдѣ люди оставаются, тутъ и старики. Пенсіи не откуда получать, денегъ нѣтъ: что вынесли на плечахъ,—пораспродали. Пробились кое-какъ два мѣсяца. Воротились въ Москву, и ни у кого такъ не плакалась душа по Москвѣ, какъ у нихъ.

Ужъ Богъ только вѣдаетъ, какъ прожили они до тѣхъ поръ, покуда все поустроилось, и Иванъ Леонтьевичъ получалъ сперва вспомошествованіе, а потомъ и пенсію. Да что жъ, почти половину подай за уголь; бывало, не далеки времена — копѣчнаго калача и на сегодня и на завтра, да и на послѣзавтра доставеть, а тутъ

вдуръ съ девятью копѣйками съ денежкой и къ лотку не подходит. Все во время нужды и бѣды выросло; а ужъ что выросло, того вѣрно не понизить. Съ дешева на дорого — нужда велить; а съ дорого на дешево никто не велить.

— Ну, матушка, доносишь мундиръ, въ которомъ родился, — пора въ чистую, сказалъ наконецъ Иванъ Леонтьевичъ, умаявшись жизнію, и отправился на тотъ свѣтъ.

Оплакала, похоронила его старушка, да еще какъ похоронила! по сю пору рассказываютъ, какъ безъ копѣчки похоронила своего сожителя и какъ, по милости Божіей, живетъ половиною мужниной пенсіи. Какъ бы, кажется, прожить ста рублями цѣлый годъ въ довольствѣ, не нуждаясь въ людяхъ? Живетъ. Приходите въ гости къ Маврѣ Ивановнѣ, она еще васъ и чаемъ напоить, своимъ собственнымъ, купленнымъ изъ ста рублей пенсіи. На эту же пенсію она содержитъ у себя и кота-Ваську. Коть-Васька — не пустая вещь, съ нимъ также подъ часъ можно провести время и побесѣдовать. Маврѣ Ивановнѣ какъ-то веселѣе, когда Васька лежитъ у нее на колѣняхъ и курнычетъ или, проголодавшись, вскочить, вытянется верблюдомъ и мурлычетъ, ластится, трѣтся около Мавры Ивановны, толкаетъ ее подъ руку и не даетъ вязать чулокъ, или сядетъ на окно, начнетъ обмываться и захрапѣтъ пѣсню.

— Для кого это ты моешься, Васенька?... а?... гости будутъ, что ли?... Да кому быть-то?... развѣ Степанида Герасимовна?... Гдѣ жъ ей быть въ такую погоду... Видишь, распѣлся, и горя себѣ мало!.. Ну, ну, ну, брысь! Не люблю, какъ ты начнешь толкать подъ руку, когда я чай пью!... того и гляди обварю кипяткомъ, и, избави Богъ, еще и чашку выбьешь изъ рукъ. Чашка-то покойнаго Ивана Леонтьевича!... только и осталось памяти!... о-хо, хо! отъ цѣлой дюжины одна-одинёхонька!... Что, не думаешь ли, что молочка дамъ, какъ бывало?... Нѣтъ, Вася! молочные ужъ повысохли!... погулять захотѣлъ? ну, ступай, ступай!... чу! мяучить! Нагулялся? охъ ты, проказникъ! Одно-то ты у меня утѣшеніе осталось; поди, я тебѣ щецъ налью. Не хочешь? Честь приложена, ну, отъ убытку Богъ избавилъ.

Мавру Ивановну можно было назвать молодецкой старушкой. На плечахъ глѣтъ осемьдесятъ, а она легко ихъ носила, какъ-будто это долгое время совсѣмъ ничего не вѣсило. То ли дѣло въ-старину! Какое доброе чувство лежало на сердцѣ, даже къ окружающимъ вещамъ, не только что къ людямъ. Языкъ еще не грубянилъ, промозгелъ: какой выдался нынче денечекъ; подвинь-ка, Ду-

нюшка (Дунюшкѣ лѣтъ шестьдесятъ), стуликъ-та ко мнѣ; подай, голубушка, ложечку. Дай-ка стаканчикъ—водицы испить хочется.... Не лучше ли кваску, матушка? Нѣтъ, ужъ лучше чайку чашечку.

Такимъ-то образомъ Мавра Ивановна проводила день, если какая-нибудь старушка Гавриловна не навѣщала ее, или если Саломея Петровна не присылала за ней. Иногда только она вяжетъ на-обумъ чулокъ, да и задумается.... да ужъ не объ себѣ, а объ Саломеѣ Петровнѣ, или Катеринѣ Петровнѣ, или объ матушкѣ ихъ, или объ Гавриловнѣ: какъ это ей Богъ послалъ купить три кочия капусты на грошникъ?... и объ другихъ добрыхъ знакомыхъ; о добрыхъ умершихъ она не задумывается: они въ царствѣ небесномъ,—жалѣть объ нихъ нечего. О худыхъ людяхъ она и вспоминать боится, чтобъ не помянуть недобрымъ словомъ.

Сто рублей она аккуратно распредѣляла на годъ. Нанимаетъ у Гавриловны уголокъ за двадцать рублей; шесть рублей заплотить за фунтикъ чайку, да купить фунтика три въ полгода сахарку; а ежедневныхъ расходовъ у нея нѣтъ. Въ-время запасетъ она грибокъ рублика на три, капустки соленой, да крупки рубликовъ на пять. Два фунта говядины достаетъ ей на всѣ скоромные дни недѣли, а полфунта сняточковъ на постные; полтора фунта хлѣба на три дни. Такимъ образомъ у нее остается еще около двадцати пяти рублей; изъ нихъ десять рублей на говѣнье, на свѣчи, на просвиры, на панихиды; а пятнадцать на всякой случай, на приправку, на маслицо, да на пироги въ праздникъ.

Одежда на ней ужъ не носится, не трется и не старѣетъ.

Мы уже сказали, что у одного папеньки и у одной маменьки были двѣ дочки: эти дочки назывались Саломеей Петровной и Катериной Петровной. Ихъ папенька и маменька ни чѣмъ не отличались отъ тѣхъ, которые не знаютъ, что такое значить, папенька и маменька:

Катенька, меньшая дочка, была больше ничего, какъ миленькая дѣвушка, которую очень пріятно любить, и которую всѣ любятъ такъ, какъ-будто бы ни зашто, ни прѣшто; старшая же сестрица ея была—Саломея Петровна — не иначе. Красавица въ формѣ, съ сознаниемъ собственного достоинства; истинный доблестный мужъ, въ полдюжинѣ юбокъ; настоящій юный чиновникъ министерства, пріѣхавшій изъ европейской столицы въ азиатскую, со всѣмъ запасомъ важности, горделивости въ походкѣ, въ посадкѣ, въ приемахъ, въ движеніяхъ, въ рѣчахъ, во взглядѣ, въ

чувствахъ и даже помышленіяхъ. Словомъ , это было существо великодушное, презирающее всѣхъ малодушныхъ, слабодушныхъ, тщедушныхъ и радушныхъ. Въ дополненіе ко всѣмъ этимъ достоинствамъ, она пѣла. Такъ какъ голосъ есть выраженіе души, а душа Саломеи была мужественна, то голосъ ея былъ яко гласъ трубный, не семейный, а, соответственно современному требованію, публичный. Она пѣла сои fuoco, какъ поетъ на сценѣ какой-нибудь Mahometo, съ выраженіемъ въ лицѣ игры страстей, со всѣми уклоненіями, возвышеніями, пониженіями, потрясеніемъ головы, то съ наморщеннымъ челомъ, то съ закатившимся, умирающимъ взоромъ и съ сладчайшей конфетной улыбкой. Всѣ люди вѣка, вздутые, пузырьные и бурчащіе какъ пѣна, словомъ, дрожжи, подыавшіеся наверхъ, кричали разсѣянно: bravo, bravo, удивительно! Похвала имѣеть цѣну не на устахъ, а въ ушахъ! Это знаютъ люди вѣка. Папенька былъ статскій совѣтникъ; маменька, разумѣется, также статская совѣтница,—больше объ нихъ нельзя ничего сказать. Они были очень обыкновенные супруги. Имущества у нихъ было не черезъ край. Для двухъ дочерей; слѣдовало бы по-крайней-мѣрѣ скопить приданое; но оно не скоплялось; а между-тѣмъ старшая уже гадала о томъ великомъ мужѣ, который будетъ ея собственнымъ мужемъ. Онъ воображался ей чѣмъ-то въ родѣ Телемака, и поэтому всѣ имѣющіе честь называться молодыми людьми, мужчинами, и въ мундирахъ и во фракахъ, и вообще въ одеждѣ съ куцимъ и длиннымъ хвостомъ, казались ей сволочью, не стоящею вниманія. Какъ ни покушались нѣкоторые изъ нихъ составить съ ней свое счастье, но она была неприступна какъ Телемахиды. На Катеньку никто не обращалъ вниманія, потому ли, что она еще была молода, или потому, что передъ Саломеей Петровной Катенька была просто—ничто. «Катенька! подай мнѣ скамейку подъ ноги!» Катенька и подаетъ. Послѣ этого какъ же можно было какому-нибудь кавалеру предложить руку и сердце такому послушному ребенку? Но вдругъ отыскался нѣкто Федоръ Петровичъ Яликовъ.... Объ немъ однако же послѣ.

Саломея Петровна ѣздила съ маменькой къ обѣднѣ, иначе какъ въ *шереметевскую*. Но однажды, противъ обыкновенія, отправилась въ приходскую церковь, къ празднику, потому что служба была архіерейская.

Церковь была навротивъ дома; но пѣшкомъ было неприлично итти; въ четверомѣстной каретѣ переѣхали онѣ черезъ улицу.

Человѣкъ въ ливреѣ протолкалъ народъ, до мѣстъ, обитыхъ сукномъ. Саломея Петровна нашла себѣ мѣсто, двинувшись на возвышеніе со взглядомъ, который говорилъ: «Прочь!» Она принудила отодвинуться отъ себя нѣсколькихъ купчихекъ; но маменька принуждена была остаться у подножія своей дщери, не видѣть ничего за толпою и изъяслять свою досаду жалобой на эту ужасную толпу.

— Не угодно ли вамъ, сударыня, стать на мое мѣсто? сказала ей одна древняя старушка, занимавшая мѣсто на возвышеніи подлѣ стѣнки.

— Ахъ, милая, какъ ты меня одолжила!

Старушка уступила свое мѣсто, и встала подлѣ, у подножія.

Софья Васильевна осмотрѣла ее съ ногъ до головы—старушка какъ старушка: бѣлый какъ снѣгъ коленкоровый чепчикъ, съ накрахмаленной складкой, тафтяный салопецъ съ коротенькимъ воротничкомъ, самой древнѣйшей формы, наживной горбикъ, лицо также очень давнее, но предоброе; словомъ — почтенная старушка.

Когда обѣдня кончилась, Софья Васильевна подошла къ старушкѣ поблагодарить ее.

— Чѣмъ могу служить вамъ съ своей стороны, моя милая? спросила она ее.

— Благодарю, матушка, что Богъ послалъ, тѣмъ довольна, ничего не нужно мнѣ.

— У васъ есть семья?

— Э, нѣтъ! живу одна-одинѣхонька, пенсіей послѣ мужа.

— А вашъ мужъ гдѣ служилъ?

— Въ военной службѣ, сударыня; капитаномъ вышелъ въ отставку; государь пожаловалъ ему пенсію, двѣсти рублей въ годъ.

— А теперь чѣмъ же вы живете?

— Пенсіей же; сто рублей въ годъ получаю; съ меня довольно и предовольно.

— Чтѣ жъ это мы стоимъ? Всѣ вышли изъ церкви, сказала съ нетерпѣніемъ Саломея Петровна.

— Какъ васъ зовутъ, моя милая?

— Мавра Ивановна.

— Прошу навѣстить меня, Мавра Ивановна, мнѣ очень пріятно было бы чѣмъ-нибудь и вамъ угодить. Вѣдь вы, я думаю, здѣшняго прихода?

— Какъ же, матушка, здѣшняго.

— Такъ вы, я думаю, знаете домъ статской совѣтницы Кауриной?

— Софья Васильевна? какъ же, сударыня, какъ не знать: слухомъ земля полнится; а это не дочка ли ваша, Катерина Петровна?

— Нѣтъ, не Катерина, моя милая, ошиблась! отвѣчала Саломея Петровна, вся вспыхнувъ. Насъ ждетъ карета! прибавила она, и пошла вонъ изъ церкви.

— Такъ прошу, Мавра Ивановна.

— Непременно, матушка.

— Лучше всего, завтра поутру я пришлю экипажъ за вами.

— И.... к чему, к чему! у меня, слава Богу, ноги еще служатъ.

Софья Васильевна сначала думала только обласкать Мавру Ивановну своимъ приглашеніемъ; но когда Мавра Ивановна проговорила, что въ числѣ слуховъ, которыми полнится земля, не забыто и имя статской совѣтницы Софьи Васильевны Кауриной, — о, тогда Мавра Ивановна превратилась въ листокъ газеты, въ которомъ кое-что напечатано и *объ насъ*.

— Для чего же вы, маменька, всякую дрянъ зовете къ себѣ? сказала Саломея Петровна матери, когда она сѣла въ карету.

— Прошу меня не учить, сударыня: молода еще дѣлать матери замѣчанія и паставленія!

— Конечно дрянъ, нищая, точно такая же, какъ Василиса Савишна.

— Молчи!

— Я съ вами и безъ приказаній, кажется, всегда молчу, произнесла Саломея Петровна, *фыркая*, какъ говорится по-русски.

Софья Васильевна непременно сказала бы на это еще кое-что; но карета остановилась уже у подъѣзда, дверцы отворились и Саломея Петровна, не ожидая отвѣту, выскочила и ушла въ свою комнату. Никогда самолюбіе ея не было такъ раздражено, какъ теперь: объ ея дрянной сестрѣнкѣ говорятъ, а объ ней ни слова!.... Каковъ свѣтъ! каковы люди! Изъ двухъ сестеръ, различныхъ между собою какъ двѣ крайности, не умѣли выбрать лучшей по красотѣ, по душѣ, по образованію, короче сказать по всему, не умѣли отличить дня отъ ночи!.... О, да это ночныя вѣтницы; для нихъ тамъ и свѣтъ, гдѣ тьма!.... Катю называютъ Катериной Петровной, обратили вниманіе на мякушку, на бѣленькую, смиренную овечку, и тутъ же, подлѣ, не замѣтили

существа высокопарнаго, высокомернаго, словомъ, исполненнаго всѣми высокими достоинствами!

Нашей старушкѣ Маврѣ Ивановнѣ совсѣмъ не хотѣлось забираться въ высокія хоромы, да нельзя: зовутъ, просятъ, какъ можно отказаться? — Вѣдь это неучтиво: люди дѣлаютъ честь, не слѣдуетъ отказываться.

«Такъ и быть, пойду въ воскресенье», думаетъ Мавра Ивановна, пересматривая свой бѣлый коленкоровый капотецъ, который надѣвается только къ причастію, въ Свѣтло-Христово Воскресенье, да въ именины. Но Софья Васильевна сдержала слово: на другой же день прислала за ней дрожки. Нечего дѣлать, пришлось въ будни надѣть праздничный чепчикъ и капоть.

Мавра Ивановна съ-роду не знала такого почету себѣ. Софья Васильевна ласкова, а Саломея Петровна просто очаровываетъ ее своимъ вниманіемъ и предупредительностью: усаживаетъ ее по-мягче, спрашиваетъ, сладокъ ли кофе, не прибавить ли сливокъ; ахаетъ, слушая ея рассказы о походахъ съ мужемъ; только что не плачетъ, слушая рассказъ, какъ она похоронила его безъ копѣчки.

Старушка виѣ себя, готова схватить руку Саломеи Петровны и расцѣловать.

«О, я дамъ тебѣ понятіе, моя милая, объ истинной добротѣ и великодушіи, думаетъ Саломея Петровна, видя, что Мавра Ивановна совершенно уже въ восторгѣ отъ нея: ты узнаешь разницу между мною и сестрой, которую такъ тебѣ расхвалили!»

Есть какое-то особенное удовольствіе въ семейномъ женскомъ быту, имѣть подь-часъ подлѣ себя собесѣдницу-старушку говорунью. Это живая книга былыхъ повѣстей и рассказовъ. Софья Васильевна особенно полюбила съ нѣкотораго времени подобнаго роду старушекъ. Вскорѣ появилась въ домѣ ея и нѣкая Василіса Савишна. Василіса Савишна жила также одна на квартирѣ; несиѣ не получала послѣ мужа, но также имѣла старую служанку, которую она звала дѣвкой и которая не смѣла иначе называть ее какъ барыней. Когда Василіса Савишна кричала: дѣвка! то дѣвка обязана была тотчасъ же откликнуться: — «Что прикажете, сударыня?» и немедленно предстать предъ ней; а иначе: со двора долой! безъ всякихъ оправданій. Что было дѣлать старой дѣвкѣ, которую, по душѣ, не принимали на казенные хлѣбы, а по наружности въ порядочный домъ. Она же привыкла съ малолѣтства и къ лохмотьямъ и къ грязи, и къ черствому куску хлѣба съ колодезною водою, и къ послушанію и къ побо-

ягъ ни зачѣ, ни про чтѣ, и утвердилась уже въ мнѣніи, что, вѣрно, все господа такovy: на нихъ никто не угодитъ!

Не получая послѣ мужа неясн, надо же было чѣмъ-нибудь жить Василисѣ Савишнѣ. Чѣмъ она жила? трудно и рѣшить, тѣмъ болѣе что Василиса Савишина была не изъ того роду старушекъ, которыя промышляютъ жалобами и слезами на судьбу и людей, и для которыхъ благодѣтельныя барыни не щадятъ ни старой подкладки, ни обрѣзковъ отъ домашняго шитья, ни изношенныхъ башмаковъ, которые прослужили года два и тулями, ни протѣртыхъ чулковъ, которыхъ нельзя уже подвязывать, ни запасу прогорѣлаго масла, ни прозглыхъ огурчиковъ, ни протухшей дичинки, ветчины и тому подобнаго. Василиса Савишина не собиралась такимъ образомъ; она искала по городу не богомольныхъ, жалостливыхъ и благодѣтельныхъ старушекъ, которыя любятъ слушать патетическіе рассказы о грѣхахъ человѣческихъ, — она искала по Замоскворѣчью, во-первыхъ, товару, который продается съ руками и съ ногами; а во-вторыхъ, купцовъ на этотъ товаръ. Такимъ образомъ она жила, сочетавая судьбу двухъ существъ. Чуть гдѣ явится судьба, готовая къ сочетанію съ другой, Василиса Савишина тутъ-какъ-тутъ. Такимъ ли образомъ и какимъ образомъ она явилась въ домѣ Софьи Васильевны, это неизвѣстно. Саломей Петровнѣ былъ уже (между нами сказать) двадцать-осьмой годокъ; Катенькѣ пятнадцатый, и слѣдовательно объ ней ни слова. Кажется, мы уже говорили, что Саломей Петровна, мечтая всегда о великомъ мужѣ, никакъ не могла представить его себѣ обыкновеннымъ человѣкомъ, за котораго можетъ выйти замужъ и каждая обыкновенная дѣвушка. Покуда цвѣтуша была молодость Саломей Петровны, наворачивались искатели цвѣтушей молодости; покуда цвѣтуше было благосостояніе Петра Григорьевича, наворачивались искатели благосостоянія; но когда молодость испарилась до капли, какъ розовое масло, а благосостояніе ушло на свѣтскія приличія, тогда искатели какъ вѣтры подули въ другую сторону.

Бѣды начались для Саломей Петровны совершенно неожиданно: она являлась въ свѣтъ невѣстой миллионщицей, и вдругъ, въ одинъ пасмурный день, когда должно было отдавать шить новое платье къ великолѣпному балу, маменька говоритъ ей плачевно: — Другъ мой, надо обойтись безъ золотыхъ кружевъ. — Какъ! безъ модныхъ золотыхъ кружевъ? У папеньки недостало денегъ для дочери на какіе-нибудь двѣнадцать аршинъ кружевъ, но пятидесяти или много по семидесяти-пяти рублей аршинъ

Да это просто варварство!» Въ самомъ дѣлѣ варварство: не простыми же нитяными кружевами рублей въ двѣнадцать аршинъ обшивать платье, когда на всѣхъ порядочныхъ вѣротахъ и подолахъ должно быть непремѣнно чистое золото.

Бхать на балъ нельзя, не можно, невозможно; и это былъ первый невылѣдъ на балъ.

Вслѣдъ за этимъ насталъ день рожденія Саломеи Петровны. По обычаю, этотъ день, ознаменованный появленіемъ на свѣтъ перваго залога любви Петра Григорьевича и Софьи Васильевны, праздновался на весь міръ родства и знакомства, годъ-отъ-году пышнѣе и торжественнѣе. Двадцать осемь разъ уже Саломея Петровна совершила путь вокругъ солнца. Всякій разъ въ первый день своего новаго года, она осыпалась подарками и желаніями; украшала собой великолѣпный обѣдъ, была царицей этикетнаго бала, съ присутствіемъ полиціи для порядка пріѣзда и разѣзда. И вдругъ папешка объявляетъ маменькѣ, что бала никакъ нельзя дать, потому что нѣтъ денегъ.

— Помилуй, что ты это! Ты погубишь дочь! вскричала маменька: это срамъ для насъ! За нее никто не посватается! Намъ нельзя переимѣнить образа жизни, покуда Саломэ не выйдетъ замуж!

— Помилуй, матушка, да я десять лѣтъ тяну канитель въ этомъ ожиданіи! Имѣніе заложено, перезаложено; долговъ тѣма, платить нечѣмъ, все прожито на пиры, да на балы! Кончено!

Сначала Софья Васильевна вспылала.

— Позвольте узнать, на какіе балы? вскричала она: на пиры, можетъ-быть; это дѣло другое: у васъ шампанское лилось рѣвой!... Обѣдъ стоитъ пятьдесятъ рублей, а вишь вы вынете на пятьсотъ. Каждую недѣлю обѣдъ, пятьдесятъ обѣдовъ въ годъ — вотъ вамъ и двадцать-пять тысячъ; — а въ карты вы сколько проиграли? Ежедневно проигрышъ — положите хоть по двадцати пяти рублей — вотъ вамъ и десять тысячъ въ годъ, вотъ вамъ и ежегодный нашъ доходъ! Балы! какихъ-нибудь двѣ, три тысячи на гардеробъ мнѣ и дочери, вотъ вамъ и весь бальный расходъ!

— Ты хочешь, душа моя, доказать, что прожилъ все я? Положимъ что и такъ; я слѣдовательно все прожилъ и проигралъ; ну, проигралъ такъ проигралъ, проигралъ такъ проигралъ; а все-таки наше имѣніе продадутъ съ торгу, домъ въ залогъ, денегъ нѣтъ, а занять не у кого.

— Вотъ до чего вы довели меня! вскричала Софья Васильев-

на: Боже мой, какой срамъ! Бѣдная Саломея! Чтò съ ней будетъ! На ней никто не женится!

— Да, я надѣялся на ея замужство; да гдѣ! разборчивая невѣста! тотъ не по-насъ, другой не по-насъ! одинъ не суженый, другой не ряженный! Позвольте спросить, сколько ихъ проѣхало мимо?

— Кто это, кто, сударь? откуда? какіе женихи? Этотъ грибъ, чтò ли?

— Какой грибъ? Платонъ Васильевичъ? Хоть онъ старъ, но не худо бы, если бъ за него вышла Саломея: пять тысячъ душъ! Она бы просто царствовала.

— Во-первыхъ, онъ еще не сватался; а во-вторыхъ — это смѣшно и говорить. Еще какіе же женихи: этотъ твой любезный человѣкъ, пѣтухъ, генералъ, или эта простокваша?

— Какая простокваша?

— Также твой любезный человѣкъ, Горлицынь, или....

— Довольно и одного изъ этихъ двухъ; именно прекрасные люди: у одного осемьсотъ душъ, другой наследникъ тысячи.

— Прекрасно! вы влюбитесь въ какого-нибудь любезнаго человѣка, который необходимъ для вашего вѣста; а дочь выходи за него замужъ!

— А Стрѣшниковъ? игралъ въ карты?

— Этого я ужъ и не знаю, почему вы называете любезнымъ человѣкомъ.

— А потому, что за него вышла замужъ Вѣрочка Кубинская, которая по-лучше и по-умнѣе и по-богаче Саломеи.

— Для тебя свое дѣтище, я вижу, хуже послѣдней дѣвчонки! Нѣтъ, я не такъ думаю! Для меня дочь дороже, ближе всѣхъ! Для счастья дочери я готова пожертвовать жизнью!... а для тебя всё-равно, существуетъ она на свѣтѣ или нѣтъ; счастлива, или изнывается въ своей коморкѣ, какъ въ тюрьмѣ!... Она же виновата, что родилась на свѣтѣ съ чувствующей душой, съ сознаниемъ своего достоинства и не въ-состояніи пожертвовать собою противъ сердца, отдать руку безъ разбору первому, кто бы вздумалъ ангажировать ее на супружество. Это не кадиль-съ!

— А вотъ потому-то что не кадиль, я и думалъ, что не на балахъ надо искать пары.

— А позвольте узнать, гдѣ же? Гдѣ дѣвушка можетъ позвать себя?

— Поминется, что ты показалась мнѣ у себя дома.

Этотъ супружескій комплиментъ смутилъ нѣсколько Софью Ва-

силъевну; она припомнила, какъ ея суженый прошелъ мимо окна, взглянулъ и — дѣло кончено.

— Теперь уже не тѣ времена, сказала она вздохнувъ: суженыхъ не высидишь и не заманишь черезъ окно.

— Да, именно теперь, и именно Саломей, ужъ не только высиждѣтъ, да и не выѣздитъ на паркетѣ въ галопѣ челоуѣка по сердцу, сказалъ Петръ Григорьевичъ вздохнувъ: — Вотъ ужъ десять лѣтъ какъ она высматриваетъ не въ окно, а въ лорнетъ, да никого не видитъ. Вотъ ужъ года съ два какъ понадобилась приправа къ дѣвической красотѣ.

— Какъ тебѣ не стыдно!... Лучше бы ты думалъ, какъ поправить наше дѣло. Какъ хочешь, въ имения Саломей надо дать багъ.... нѣкоторые почти ужъ званы.... объ немъ ужъ говорить....

— Пусть говорятъ.

— Помилуй! я знаю, что почти всѣ мои знакомыя готовятъ уже варяды.

— Пусть готовятъ.

— Это срамъ! У Саломей есть надежды на князя....

— Не договаривай! пустяки!

— Отчего пустяки?

— Ну, чтѣ говорить, когда ты сама это знаешь.

— Боже мой! чтѣ жъ мы будемъ дѣлать!

— Ничего; не дадимъ бала, и кончено.

— Какъ это можно!

— Не звать — и кончено!

— Какъ это можно! Многіе пріѣдутъ и незваные.

— Запереть ворота!

— Помилуй! тебѣ кажется все это забава.

— Нисколько. Кто пріѣдетъ — отказать.

— Безъ причины!

— Сказать, что кто-нибудь боленъ.

— Я этого на себя не возьму, ни на себя, ни на Саломей! Я не хочу накликалъ болѣзни.

— Сказать, что я боленъ; я, пожалуй, залагу въ постель и пошлю за докторомъ.

— Нѣтъ! я не въ силахъ этого перенести! я продамъ всѣ свои брилліанты и жемчугъ, и непременно дамъ багъ.

— Неси послѣднее со двора! вскричалъ Петръ Григорьевичъ съ досадой: и пойдѣмъ по-миру!... Говорю тебѣ коротко и ясно, что если я не употреблю всѣхъ послѣднихъ средствъ на уплату

долга въ опекунскій совѣтъ, то — мы нищіе! Три года неурожай, вмѣсто тридцати тысячъ доходу имѣнье съѣло меня, а всё-таки одна на него надежда поправить свои обстоятельства. Теперь разсуди какъ хочешь, что лучше: сберечь ли имѣніе, или доканать его.

— Но неужели нѣтъ никакихъ средствъ на эту зиму? Я тебѣ ручаюсь, у Саломеи непременно будетъ женихъ, прекрасный человекъ, съ состояніемъ....

— Я тебѣ говорю, выбирай: прожить послѣднія средства и долетѣть на крыльяхъ до нищеты, или сложить крылья и сидѣть у моря, да ждать погоды.

— Я тебѣ говорю, что Саломея будетъ замужемъ, сказала перѣшительно Софья Васильевна: по-крайней-мѣрѣ я буду знать, что она пристроена.

— Хмъ! а если такъ не случится, тогда что будетъ? У насъ не одна Саломея; надо подумать и объ Катенькѣ. Для одной все, а для другой ничего.

— Катенькѣ? ахъ, Боже мой, да я ей найду тотчасъ жениха, — сказала Софья Васильевна, обрадовавшись этой мысли. За ней дѣло не станетъ. Разумѣется, такой партіи она не можетъ сдѣлать, какъ Саломея; но лишь бы человекъ съ состояніемъ, который могъ бы и насъ поддержать.

— О-хо-хо! на Катю у меня больше надежды. Но всё-таки званнаго бала у насъ не будетъ.

— Ну, хорошо, я сдѣлаю маленькой вечеръ.

Петръ Григорьевичъ согласился. Но когда Софья Васильевна объявила Саломею, что въ ея именины будетъ *маленькій вечеръ*, а не *grand bal paré*....

— Ah! comme c'est mesquin! Какое мѣщанство! вскричала она.

— C'est pour varier ma chère, для разнообразія; вѣдь это тотъ же балъ, но безъ особенныхъ требованій.

— Покорно васъ благодарю! лучше не нужно ничего.

— Но, милая моя, мы не можемъ давать теперь баловъ, наши обстоятельства въ самомъ худомъ положеніи. Мы прожили послѣднее, въ надеждѣ, что ты выйдешь замужъ за человека съ состояніемъ, и это поддержитъ насъ.

— Въ первый разъ слышу, сказала Саломея съ пренебреженіемъ: жаль, что давно не сказали этого и не прискакали мнѣ жениха необходимаго для васъ.... во мнѣ достало бы столько ве-

ликодушія, чтобъ пожертвовать собою для благосостоянія родителей.

— Но чтѣ жъ дѣлать, милая?

— Чтѣ вамъ угодно, то и дѣлайте!... на первый разъ хоть маленькій вечеръ!

Софья Васильевна какъ-то не умѣла оскорбляться дерзкими словами Саломеи; въ отношеніи ея она была *дѣтская раба*; неудовольствія свои на Саломею она вымѣщала на Катенькѣ. Боясь не угодить возлюбленной дочери, Софья Васильевна облекла маленькій вечеръ въ надлежащую помпу. Все пошло по-прежнему; но она стала заботиться о судьбѣ Катеньки, избрала для этого старый, вѣрный обычай.

Въ это-то время и явилась въ домъ Василиса Савишна, *очень милая и добрая женщина*, какъ выражалась Софья Васильевна, въ отвѣтъ на вопросы Саломеи, откуда она выписала такую пошлую дуру, и чтѣ за знакомство съ чиновницами-потаскушками? Вскорѣ вслѣдъ за Василисой Савишной явился въ домъ Федоръ Петровичъ Яликовъ, о которомъ и будемъ мы имѣть честь вслѣдъ за этимъ держать рѣчь.

III.

Федоръ Петровичъ Яликовъ имѣлъ бѣднаго, но, какъ говорится, благороднаго родителя, потому что Петръ Федоровичъ, произведя на свѣтъ сына, былъ уже коллежскимъ регистраторомъ и служилъ въ одномъ изъ судилищъ С... губерніи. Лишившись первой жены, онъ женился вторично на какомъ-то случаѣ, по которому сынишко Фединька былъ записанъ въ корпусъ, а самъ онъ получилъ мѣсто исправника гдѣ-то въ другой губерніи и забылъ въ служебныхъ и семейныхъ заботахъ не только свою родную губернію, но и роднаго сына. Какъ попугай, сперва прислушался онъ къ словамъ жены, а потомъ самъ началъ говорить: Богъ съ нимъ, пусть его учится; а черезъ нѣсколько лѣтъ,—теперь онъ, чай, уже на службѣ; Богъ съ нимъ, пусть его служитъ, пробиваетъ себѣ дорогу, какъ отецъ! Вотъ, дѣло другое—дочь!

Между-тѣмъ какъ почтенный родитель, не любившій бесполезной переписки съ сыномъ, оперялся на счетъ ближняго и далекаго, Фединька, одаренный отъ природы тупыми понятіями, никакъ не могъ изострить ихъ науками. Несмотря на это, за прилежаніе и благонравіе выпущенъ былъ въ офицеры въ пѣхотный полкъ, и долгое время служилъ съ рвеніемъ и усердіемъ; съ ро-

ду не отличался, но зато также съ роду ничего не пилъ, съ роду картъ въ руки не бралъ, съ роду не гуливалъ, и въ этомъ случаѣ часто ставился въ примѣръ другимъ. Несмотря на то, что Яликовъ былъ примѣромъ *готовности, неуклончивости* и *ни малѣйшихъ отговорокъ*, товарищи любили его за готовность идти безъ малѣйшихъ отговорокъ вмѣсто каждаго въ карауль. Полкъ, въ которомъ Ѳедоръ Петровичъ проходилъ чины прапорщика, подпоручика, поручика и, наконецъ, штабсъ-капитана, во все время его службы стоялъ то на границѣ, по пикетамъ; то близъ границы, по деревнямъ. Только и свѣту было для него, что балъ подлѣ жидовской корчмы. Когда, несмотря на постоянныя занятія по службѣ, успѣло сердце Ѳедора Петровича для любви, ничто такъ не улаждало его, какъ пляска очаровательныхъ Русначекъ съ льняными волосами, съ курносенькими носами, ножки въ чеботкахъ. Одна такъ приглянулась ему, что онъ рѣшился сказать ей:

— А що, Донечко, любишь ты меня?

— А що, паночко, женись на мни, такъ и буду любить, отвѣчала она.

Ѳедоръ Петровичъ и задумался. И, чего добраго, быть бы *веселью*, да судьба готовила великаго мужа, для великой жены.

Былъ же анекдотъ, что одинъ *любезный другъ* одного *добраго пріятеля*, котораго онъ приучилъ въ дружбѣ не отказывать ему, на «нѣтъ ли, братъ, у тебя, чего-нибудь, серебра, или какой-нибудь мелкой бумажки?» — узнавъ, что его доброму пріятелю выходитъ огромное неожиданное наслѣдство.

— А что, любезный другъ, сказалъ онъ ему: если бъ ты получилъ вдругъ огромное наслѣдство, тысячь двѣсти или триста, подѣлился бы ты со мной?

— Двѣсти тысячь! можно подѣлиться.

— Честное слово?

— Хоть два.

— Добрый человекъ! Вотъ какъ: я получу наслѣдство съ тобой по-поламъ; ты получишь со мной по-поламъ, руку!

— Это что называется: что есть,—то вмѣстѣ, чего нѣтъ — по-поламъ.

— Чѣмъ чортъ не шутить: давай руку! будетъ или не будетъ, а всё-таки двѣ надежды лучше чѣмъ одна.

Сегодня сдѣлано условіе, а завтра добрый пріятель получаетъ извѣстіе о наслѣдствѣ, и отъ мысли, что ни съ того, ни съ сего, а надо дѣлиться съ любезнымъ другомъ, стали у него волосы

дыбомъ. И очень естественно; потому что пословица: «что есть, — то вмѣстѣ, чего нѣтъ — по-поламъ», необыкновенно какъ умна. Въ ней именно говорится: что есть и что будетъ, то вмѣстѣ, а не по-поламъ. По-поламъ только то, чего нѣтъ и чего не будетъ.

Самъ полковой адъютантъ прискакалъ къ Яликову съ извѣстіемъ, что ему вышло огромное наслѣдство.

— Любезный другъ, сказалъ онъ ему, входя въ хату: во-первыхъ, здорово, а во-вторыхъ, убирайся въ отставку!

— Что такое, Василій Петровичъ? спросилъ Яликовъ, поблѣднѣвъ.

— Больше ничего, пиши прошеніе въ отставку по семейнымъ обстоятельствамъ.

— Что жъ такое я сдѣлалъ, Василій Петровичъ? проговорилъ съ ужасомъ Яликовъ.

— Что сдѣлалъ? каковъ гусь! какъ-будто не знаетъ!

— Ей Богу ничего не знаю.... Я.... право, ничего!

— Говори, говори! ничего! полковнику и всему штабу извѣстно; а онъ ничего не знаетъ!

— Господи! что такое я сдѣлалъ? проговорилъ Яликовъ сквозь слезы: я поѣду къ полковнику.... Скажите, Василій Петровичъ, что такое?

— Я говорю, что подавай въ отставку; тутъ другаго ничего не можетъ быть.

— Это какая-нибудь клевета! Я ни въ чемъ ни душой ни тѣломъ не виноватъ, вотъ вамъ Христосъ!

— Какъ клевета? позвольте васъ спросить: это вы мнѣ говорите, что клевета?

— Нѣтъ, Василій Петровичъ, я сказалъ такъ, не касаясь васъ; а потому что кто-нибудь, можетъ-быть, несправедливый какой-нибудь доносъ сдѣлалъ на меня....

— Доносъ? Нѣтъ-съ, формальное отношеніе, за номеромъ.

— Это просто несчастіе.... Да отъ кого же отношеніе?

— Изъ суда.

— Я, Василій Петровичъ, никакого преступленія не сдѣлалъ, Богъ свидѣтель!

— Нѣтъ-съ, тамъ сказано именно: Федоръ, Петровъ сынъ, Яликовъ.

— А чортъ знаетъ, вѣрно какой-нибудь другой есть Федоръ, Петровъ сынъ, Яликовъ.

— А какъ вашего отца зовутъ?

— Зовутъ? Петромъ, сказалъ Яликъ боязливо.

— Ну-съ! надо знать имя и отчество.

— Отчество?... да я родителя своего съ малолѣтства и въ глаза не видалъ.

— Такъ вы, стало быть, отрекаетесь отъ своего отца? Очень хорошо, такъ я такъ полковнику и донесу.

— Извольте донести, что я никакихъ сношеній съ нимъ не имѣлъ и не знаю, гдѣ онъ обрѣтается; а потому по его дѣламъ суду не причастенъ.

— Непричастны?

— Непричастенъ.

— Очень хорошо-съ; а знаете ли вы, что онъ умеръ?

— Умеръ?

— А! что, поблѣднѣлъ?

— Никакъ нѣтъ-съ; что жъ, не я въ этомъ виноватъ....

— Точно не виноватъ?

— Ей-ей!

— Ну, а онъ оставилъ духовную, которая представлена въ судъ; такъ теперъ и извольте съ ней раздѣливаться!

— Да за что жъ я буду раздѣливаться, Василій Петровичъ? Если бъ я былъ прикосновенъ къ какому-нибудь дѣлу....

— Да по духовной онъ васъ сдѣлалъ прикосновеннымъ.

— Ей Богу грѣхъ батюшкѣ, за то, что онъ дѣлаетъ сына своего несчастнымъ!

Федоръ Петровичъ такую сдѣлалъ горестную мину, что полковой адъютантъ не въ-состояніи уже былъ удержаться отъ хохоту.

— Смѣйтесь, Василій Петровичъ; если бы вамъ случилось такъ.... посмотрѣлъ бы я!

— Нѣтъ, братъ, со мной этого не случится!

— Богъ знаетъ!

— Мой отецъ умеръ и ничего мнѣ не оставилъ.

— Счастье ваше!

— Сдѣлай одолженіе, возьми это счастье въ карманъ, а мнѣ уступи несчастье, которое навязываетъ тебѣ на шею отецъ. Хочешь?

— Говорить-то легко!

— Клянусь, давай только довѣренность, что предоставляешь мнѣ получить по духовной все наслѣдіе и распорядиться имъ какъ угодно.

— Какое же наслѣдіе, Василій Петровичъ?

— Какое бы ни было; не твое дѣло; ты оставайся служить, а я выхожу въ отставку.

— Такъ батюшка наслѣдіе мнѣ оставилъ?

— Это ужъ не твое дѣло, ты служи-себѣ, а я поѣду.

— Какъ можно, Василій Петровичъ; батюшка оставилъ мнѣ наслѣдіе, а вы поѣдете.

— А не самъ ли ты отрекся отъ отца?

— Какъ можно отречься отъ отца; я говорилъ только, что не причастенъ ни къ какому дѣлу.

— Ну да, да; а дѣло-то и состояло въ наслѣдіи.

— Нѣтъ, отъ наслѣдія я не отрекался.

— Э, братъ! губа-то у тебя не дура! А знаешь ты пословицу, что такому сыну какъ ты, не въ помощь богатство.

— Ужъ очень въ помощь: не всё же такъ жить.... ахъ, чудо! теперь я женюсь!

— Женись, да женись на какой-нибудь дурѣ.

— Это для чего?

— А для того, чтобъ дѣти были умны.

— Это почему?

— Ты учился математикѣ?

— Учился.

— Ну, такъ долженъ знать, что и минусъ на минусъ даетъ плюсъ.

— Не понимаю; математика давно ужъ изъ головы вышла.

Яликовъ разгулялся: — Эй, Курдюковъ! крикнулъ онъ.

— Чяво изволите? спросилъ вошедшій деньщикъ.

— Вели-ко, тово... сказалъ Яликовъ, ходя по комнатѣ и потирая руки.

— Чяво?

— Вели-ка тово.... повторилъ онъ.

— Чяво? повторилъ деньщикъ.

— Ну, какъ оно?... тово....

Деньщикъ стоялъ въ ожиданіи рѣшенія, чего потребуетъ его благородіе.

— Баринъ твой съума сошелъ, сказалъ полевой адъютантъ: покуда придетъ въ себя, дай мнѣ чаю.

— Да! чаю! сказалъ Яликовъ.

— Насилу надувался!

Яликовъ былъ вѣкъ себя. Въ первый разъ воображеніе его вырвалось изъ-подъ снуда привычныхъ служебныхъ понятій и начало строить ему міръ вѣкъ службы; не такъ какъ итереріаловъ

для этой постройки въ головѣ Федора Петровича было очень недостаточно; то на первый случай материалы были заняты изъ связочнаго міра. Федору Петровичу мерещилось, что онъ ведетъ Дою въ свои волшебныя палаты.

— А? Доя, каково?

И Доя дывиться, говорить: ой-то квартирочка! якій на нанѣ червонный жупанъ!

— Що, Доя, хочешь грошей? хочешь медвѣны? хочешь музыку слухать?—Гей! вскрикивалъ Яликовъ во все горло.

— Чтò ты кричишь во все горло? прерывалъ мечты полковой адъютантъ; а денщикъ вбѣгалъ и спрашивалъ: чяво крикажете?

— Вели-ко.... тово, говорилъ Яликовъ, очнувшись отъ бреда.

— Чяво? повторалъ денщикъ.

— Чяво! вылей ему ведро на голову! Ну, братъ, ты спятилъ, Яликовъ.

— Да я всё думаю, Федоръ Петровичъ, какимъ образомъ подавать въ отставку? Я никогда не подавалъ, не знаю, какъ это дѣлается.

— Верховаго коня подарить? такъ я тебя выпровожу, сперва въ отпускъ на двадцать осемь дней съ отсрочкой, а потомъ въ отставку.

— Подарю, ей-Богу подарю!

— Ну, ладно.

Полковой адъютантъ устроилъ все какъ слѣдуетъ, и чрезъ нѣсколько дней Федоръ Петровичъ Яликовъ отправился въ путь.

Самъ бы онъ не умѣлъ принять и наслѣдства; но нашлись добрые люди, которые ему помогли въ этомъ. За исключеніемъ разныхъ расходовъ, Федору Петровичу очистилось болѣе двухсотъ тысячъ наличныхъ, да имѣньице душъ въ триста. Деньги лежали въ опекуновомъ совѣтѣ; и вотъ онъ отправляется благополучно въ Москву.

Въѣзжая въ Москву, Федоръ Петровичъ невольно смутился; чтò-то страшно стало: ему казалось, что онъ прѣхалъ въ какой-то яновсннзій городъ, въ тридесятое царство; а денщикъ его, Иванъ, дивясь на огромные дома, поиниутно вскрикивалъ: — Э! Федоръ Петровичъ, извольте-ко посмотреть, какия казармы! Э! еще больше! Э! колдеса-то, словно полковничьи!... Народу-то, народу-то! А чтò, братъ, почтарь, яромона что ан эдѣсь? а?

Эвона! нашъ братъ, солдатикъ!... А чтò , братъ, служивый, здѣсь полковая квартира, чтò ль?

— А гдѣ жъ баринъ остановится - то? спросилъ ямщикъ Ивана.

— Разумѣется на постояломъ дворѣ; гдѣ жъ барину останавливаться-то, какъ не на постояломъ дворѣ.

— Вѣстимо, у насъ славный постоялый дворъ.

Прокативъ черезъ всю Москву, ямщикъ и привезъ Федора Петровича на постоялый дворъ, на другомъ краю Москвы.

Федоръ Петровичъ молчалъ отъ недоумѣнія, куда онъ заѣхалъ; а Иванъ дивился вслухъ: — Вотъ ужъ штабъ-квартира, такъ штабъ-квартира! Ъхали, ъхали! Да скажи жъ, братъ, кто жъ это живетъ въ большихъ казармахъ-то? неужто все штабные?

— Въ казармахъ полковые живутъ.

— А вотъ въ той, чтò со столбами-то? Да, да, и позабылъ: вѣдь ты ужъ говорилъ, что тамъ конская скачка, манежъ, то есть. Э! Федоръ Петровичъ! смотрите-ко, кони завезли на крышу зарядный ящикъ! Постой, постой! Федоръ Петровичъ, смотрите-ко!

— Да это Кіатеръ, не настоящія лошади, сказалъ извозчикъ.

— Да чтò жъ это править-то не солдатикъ, а трубочистъ? Кчему жъ это туда завезли? а?

— А кто жъ ихъ знаетъ? чай выѣска, дескать: здѣсь на коняхъ скачку производить.

— Вотъ чтò!

На постояломъ дворѣ Федора Петровича угостили по-русски, чтѣмъ Богъ послалъ: сперва чайкомъ съ московскими калачами, а потомъ предложили поужинать щецъ, да жареной говядинки. Это всё-еще было намъ съ руки и привычно; но на-утро предстояло Федору Петровичу отправиться въ опекунскій совѣтъ, отыскать тамъ рекомендованнаго ему чиновника, и при помощи его получить по билету часть денегъ.

Федоръ Петровичъ былъ внѣ себя, собирался въ этотъ походъ.

— Да не прикажете ли, сударь, извозчика, спросилъ хозяинъ: пѣшкомъ до города далеко; дрожки, или колясочку? у насъ здѣсь славные извозчики.

Сначала Федоръ Петровичъ испугался - было предложени ко-
ляски: ему и на дрожкахъ еще не случалось ѣздить; а въ коля-

скѣ ѣздитъ только полковой командиръ; но потомъ одумался: эка бѣда, мы и сами въ коляскѣ поѣдемъ!

— Коляску!

— Какъ же, сударь, прикажете мнѣ сзади ѣхать? спросилъ Иванъ.

— Конечно ужъ; кто жъ въ коляскѣ безъ человѣка ѣздитъ.

Вотъ и поѣхали. Деньщикъ не привыкъ на запяткахъ стоять, вѣдь это не во фронтѣ: обѣими руками онъ впѣпился въ задокъ коляски, и налегъ на него бокомъ. Ему хотѣлось подвигнуться вслухъ на всѣ необычайныя встрѣчи; но онъ боялся разинуть ротъ, чтобъ не слетѣть. Только разъ не вытерпѣлъ, толкнулъ Федора Петровича сзади, вытянулся, чтобъ сказать ему на-ухо: Генералъ, сударь, какой-то ѣдетъ!... да чуть-было не ввалился въ коляску. Федоръ Петровичъ былъ объятъ какимъ-то страхомъ. Ему казалось, что все на него смотритъ, и кто-нибудь встрѣтитъ, да крикнетъ: — А! это вы, сударь! я вамъ дамъ развѣзжать въ коляскахъ!

Подѣхавъ къ опекунскому совѣту, Федоръ Петровичъ съ тайнымъ трепетомъ въ душѣ вышелъ изъ коляски. Войдя въ залу, прежде всей толпы народу онъ увидѣлъ генеральскія эполеты, вздрогнулъ и остановился у входа. Онъ не пришелъ въ себя до-тѣхъ-поръ, покуда не выбыли изъ толпы страшныя тины, и не остались только ходячіе и сидячіе фраки, кафтаны, бороды, салопницы и иное бабье.

— Вамъ чтѣ угодно? спросилъ его одинъ чиновникъ.

— Петра Кузьмича, отвѣчалъ Федоръ Петровичъ: письмо къ нему-съ.

— Пожалуйте сюда.

Петръ Кузьмичъ явился, прочелъ письмо, очень обрадовался, что можетъ служить Федору Петровичу, взялъ отъ него билетъ, и черезъ нѣсколько минутъ Федоръ Петровичъ, въ потѣ лица, трясущимися руками считалъ огромную сумму денегъ.

— Да ужъ я вѣрю-съ! повторялъ онъ, останавливаясь считать.

— Нѣтъ-съ, лучше сосчитайте, чтобъ не было недоразумѣній.

— Точно такъ-съ, сказалъ наконецъ Федоръ Петровичъ, и набилъ деньгами всѣ карманы.

Петръ Кузьмичъ былъ добрый человѣкъ и угодливый; узнавъ, что Федоръ Петровичъ первый разъ въ Москвѣ и совершенно не имѣетъ знакомыхъ, просилъ его къ себѣ.

— Вы долго намѣрены здѣсь пробывать?

— Право, не знаю; надо подождать отставки; а потомъ поѣду въ деревню.

— Вамъ надо непременно познакомиться съ Москвой, сказалъ Петръ Кузьмичъ, и вслѣдствіе этого вызвался быть руководителемъ его.

Прежде всего повезъ онъ Федора Петровича позавтракать въ московскій трактиръ, угостилъ шампанскимъ; но Федоръ Петровичъ не позволилъ ему расплачиваться. — Нѣтъ ужъ, позвольте! сказалъ онъ: не приходится такъ, и вытащивъ изъ кармана пучокъ бумажекъ, отдалъ одну и бросилъ на столъ. Потомъ Иванъ Кузьмичъ повезъ его къ себѣ на чай, познакомилъ съ женой и дочерью, и узнавъ, что московскій гость остановился на постояломъ дворѣ, съ ужасомъ вскричалъ: — Какъ это можно, васта тамъ оберуть! Перебѣжайте въ гостинницу, вотъ рядомъ со мною, тутъ прекрасный номеръ, столъ, всё удобства. Пошлите своего доньщика тотчасъ же перевезти вещи; а мы между-тѣмъ сыиграемъ въ четверомъ по маленькой въ вистъ.

Какъ сказано, такъ и сдѣлано. Петръ Кузьмичъ самъ сбѣгалъ въ гостинницу, выбралъ номеръ, послалъ Ивана за вещами, а Федора Петровича усадилъ играть по маленькой въ вистъ, о которомъ онъ въ полку получалъ нѣкоторое понятіе; потому что часто своя братія, за меньшимъ четвертаго, сажала его.

Федоръ Петровичъ со дня созданія своего не вкушалъ еще такого радушія, какими обаяли его Петръ Кузьмичъ, Аграфена Ивановна и Дашенька.

Петръ Кузьмичъ поминутно повторялъ: — Будьте съ нами, почтеннѣйшій, безъ церемоній, какъ свой; а Аграфена Ивановна поминутно повторяла: не прикажете ли еще вареньица? а Дашенька влюбилась въ мундиръ, и повторяла, что нѣтъ лучше и благородѣе армейскаго мундира. Когда же Федоръ Петровичъ, при сдѣлѣ, подавалъ ей каждую карту въ руки, она принимала ее съ приличной этой учтивости сладостной ужимкой.

Угостивъ ужиномъ, Петръ Кузьмичъ самъ проводилъ московскаго гостя на новоселье.

Федору Петровичу не спалось отъ пріятнаго чувства, которыми онъ унылся.

На другой день Петръ Кузьмичъ явился къ нему, пожалеть добраго утра, и напомнить, чтобъ онъ и не издерживался на трактирный обѣдъ.

— Обѣдаемъ у меня; по возвращеніи отъ должности я забыту

къ вамъ. А если вамъ скучно покажется, такъ милости прошу къ жень; она дома: будьте съ нами безъ церемоній, какъ свой.

Федоръ Петровичъ поблагодарилъ; но къ Аграфенѣ Ивановнѣ не пошелъ. Не зная что дѣлать, онъ зѣвалъ въ ожиданіи обѣденнаго времени.

Вдругъ въ двери какой-то усачъ въ военномъ сюртукѣ, безъ зполеть.

— Мое почтеніе-съ, честь имѣю рекомендоваться: маіоръ Куриковъ; кажется, не ошибаюсь: Федоръ Петровичъ?

— Точно такъ-съ, сказалъ Федоръ Петровичъ, смутясь: прошу извиненія, что я въ халатѣ.

— Ничего-съ, сказалъ маіоръ, сдѣлайте одолженіе не безпокойтесь, что за церемоніи между военными. Мы-съ вами свой братъ; я потому-то и адресовался.

— Просту покорно-съ, я сейчасъ....

— Нѣтъ, нѣтъ, сдѣлайте одолженіе, вѣдь я самъ къ вамъ пришелъ по-просту.

— Не прикажете ли трубочку?

— Вотъ это такъ; почему же; да впрочемъ не закусивши, я какъ-то не привыкъ; на-тощакъ, какъ-то, горечь на языкѣ очень чувствительна.

— Да вотъ сейчасъ, придетъ деньщикъ.

— Э, к чему большую закуску; рюмку водки, да такъ чего-нибудь.... Вы давно изволите находиться въ службѣ?

— Давно-съ, отвѣчалъ Федоръ Петровичъ, и началъ читать наизусть свой послужной списокъ.

— Довольно послужили; по времени вамъ бы надо быть ужъ по-крайней-мѣрѣ маіоромъ. Ей Богу, какъ пріятно, какъ встрѣтиться съ своимъ братомъ военнымъ. Я вѣдь здѣсь, надо вамъ сказать, пенсію получаю. На-дняхъ получать, а у меня вышли деньги; я и обращаюсь къ одному знакомому, къ чпovníннику, въ казенной палатѣ служить; думаю, вѣдь всё-таки человекъ же и еще съ достаткомъ, вѣрно такихъ пустяковъ не откажетъ: всего-то красненькую.... Что жъ вы думаете?

Съ этимъ словомъ маіоръ хлопнулъ рукой по столу.

— Далъ или нѣтъ?

— Ужъ конечно-съ, какъ же отказать; сказалъ Федоръ Петровичъ.

— Нѣтъ-съ! А вамъ вѣдь, чаю, извѣстно, каково честному и благородному человеку слышать отказъ въ десяти рубляхъ, а? согласитесь сами.

— Да-съ, это ужасно.

— Какъ же не ужасно; я просто плюнулъ ему въ глаза, да и пришелъ къ вамъ: свой братъ, военный, не то что кто-нибудь!... Мнѣ вѣдь только на три дня, до полученія пенсін.

— Съ величайшимъ удовольствіемъ; вотъ сейчасъ придетъ Иванъ, я пошлю его размѣнять бумажку.

— Да у васъ чтò?

— Двадцати-пяти-рублевая.

— Пожалуйста, я самъ принесу вамъ сдачи. Помилуйте, платить еще за размѣнъ собакъ-лавочнику! Мнѣ при покупкѣ размѣняютъ. До свиданія! Право, такіе мерзавцы эти пріятели, у меня изъ головы не выходитъ. Эхъ, кажется, дожжичекъ накрапываетъ; а мой человѣкъ чортъ знаетъ куда со двора ушелъ и ключъ съ собой унесъ.... Нѣтъ ли у васъ какой-нибудь шинели, я только въ городъ съѣзжу, сказалъ маіоръ, увидя въ передней шинель. Вотъ эту можно взять?

— Сдѣлайте одолженіе, сказалъ Ѳеодоръ Петровичъ: вотъ я позову человѣка.

— Э, не беспокойтесь, я самъ.

Маіоръ накинулъ на плеча шинель, сказалъ до свиданія, и исчезъ.

Не прошло двухъ минутъ, вдругъ Ѳеодоръ Петровичъ слышитъ: — Пойдемъ, пойдемъ! ты не смѣй говорить, что я укралъ!... пойдемъ!

Дверь отворилась, и самозванца-маіора ввели-за-шиворотъ двое трактирныхъ прислужниковъ и деньщикъ Иванъ.

— Ѳеодоръ Петровичъ! вскричалъ онъ, вѣдь вы сами мнѣ дали своей шинели съѣздить въ городъ.... Эти мошенники остановили меня и говорятъ, что я укралъ! представьте себѣ!...

— Я самъ далъ шинель, сказалъ Ѳеодоръ Петровичъ.

— Чтò, видите, канальи! Я сейчасъ иду къ квартальному! Какъ вы смѣете обижать честнаго и благороднаго человѣка!

И съ этимъ словомъ маіоръ рванулся, шинель осталась въ рукахъ Ивана и двухъ прислужниковъ, а онъ въ двери и исчезъ.

— А! собака, ушелъ! сказалъ одинъ изъ прислужниковъ. Вѣдь это, сударь, мошенникъ.

— Какъ ты смѣешь называть маіора мошенникомъ?

— Маіоръ? знаемъ мы его! Ходитъ по домамъ, да проситъ то на похороны жены, то на родины. Чтò день, то родитъ или умретъ. Экой маіоръ! Зачѣмъ вы шинель ему дали? Google

— Онъ у меня выпросилъ десять рублей взаймы, да красной бумажки не было, такъ онъ взялся самъ сходить размѣнять.

— И деньги еще взялъ? ахъ онъ собака! Ну, хорошо, что шнелъ отстояли; а то бы и ей быть въ кабакъ.

Вскорѣ явился Петръ Кузмичъ, и увелъ Ѳедора Петровича къ себѣ; и на слѣдующій день къ себѣ: Аграфена Ивановна просить къ себѣ на утренній кофе; послѣ кофе Дашенька просить поддержать мотокъ шерсти; потомъ помочь перетянуть пяльцы. Потомъ Аграфена Ивановна посадить съ собой играть въ пикетъ. Потомъ придетъ изъ совѣта Петръ Кузмичъ: — Не выпить-ли передъ обѣдомъ настоечки, Ѳедоръ Петровичъ, а? какъ вы думаете? — День пройдетъ, а завтра опять то же, да не то.

Однажды, послѣ обѣда, Аграфена Ивановна стала подробно описывать Ѳедору Петровичу счастье семейной жизни и «блаженство обладать благовоспитанной, доброй супругой»; вдругъ откуда ни возьмись, влетѣла въ комнату Василиса Савишна.

— Здравствуйте, матушка, Аграфена Ивановна.

— Ахъ, здравствуйте, Василиса Савишна, отвѣчала нѣсколько смутясь Аграфена Ивановна.

— А гдѣ жъ.... Дарья Петровна? спросила Василиса Савишна, всматриваясь зорко въ Ѳедора Петровича: а я ей пріятную вѣсточку принесла.

— Пойдемъ, пойдемъ, Василиса Савишна, ко мнѣ въ комнату. Извините, Ѳедоръ Петровичъ.

— Что-й-то, матушка, за офицеръ?

— Пріѣзжій, изъ полку; привезъ письмо Петру Кузмичу отъ одного знакомаго.

— А, вотъ-чтò. Ну-съ, могу поздравить, дѣло слажено! Онъ сказалъ, что ему Дарья Петровна уже и не знать какъ по-сердцу пришлась, и что согласенъ на полное приданое, да три тысячи рублей деньгами; только просить, чтобъ серебра прибавили: видите, говоритъ, у меня случится столъ и на двадцать человѣкъ, такъ дюжины ложекъ мало, не занимать же стать.

— Вотъ тебѣ разъ! сказала Аграфена Ивановна: пустяки! дюжина ложекъ — ужъ такъ водится; и по-чуще его — да больше не дають.

— Чтò вы это, Аграфена Ивановна, не въ первый разъ мнѣ свадьбу править; случалось отпускать и пудикъ серебра, не то что дюжину столовыхъ, да полдюжины чайныхъ.

— Ну, можетъ искать невясту богаче!

— Что жъ это вы, матушка Аграфена Ивановна, хулить стали нашего жениха? Не поправились бы Дарья Петровна, пяти тысячъ бы не взялъ!

— Даша не на придачу идетъ къ тысячѣ! Не тому, такъ другому понравится.

— Дай ей Богъ вашими устами медь пить; да не о томъ дѣло: стѣбитъ ли того, чтобъ изъ полдюжины ложекъ разводить дѣло! Я же отъ вашего имени просила его сегодня къ вамъ на чашку чаю.

— Не могу принять, насъ не будетъ дома, сегодня мы званы на вечеръ въ гости.

Василиса Савишна посмотрѣла ѣкоса на Аграфену Ивановну, на лицѣ которой выражалось уже нетерпѣніе скорѣе выжить отъ себя сваху.

— Такъ это что жъ такое значить, сударыня?

— Надоѣло мнѣ, мать моя, торговаться. Да что тутъ долго говорить: не по нутру мнѣ этотъ женихъ.

— Вотъ какъ! Нѣтъ ужъ, сударыня, такъ не водится. Я къ вамъ въ свахи не навязывалась! поставила вамъ жениха не съ *вольнаго мѣста*, не съ площади!

— Такъ и его навязывать нечего!

— На то былъ, сударыня, смотръ,—не понравился —и въ домъ бы не приглашать. Не завязывать дѣла, не ставить бы меня....

— Довольно, довольно!....

— Нѣтъ-съ, позвольте, я не дура вамъ досталась, скакать всякой день, то отъ васъ къ нему, то отъ него къ вамъ, да трагиться на извозчика.

— За извозчика мы платимъ.

— Полтинникъ-то пожаловали одинъ разъ? покорно васъ благодарю! а время и слово-то мнѣ дороже вашихъ денегъ: я обманщицей прослыть не хочу! Нѣтъ, ужъ такъ не водится, Аграфена Ивановна.

Василиса Савишна такъ громко начала причитывать, что Аграфена Ивановна, при всей охотѣ побраниться, не надѣясь на стѣну, которая раздѣляла ея комнату съ гостиной, гдѣ Федоръ Петровичъ игралъ въ свои козыри съ Дашенькой, не рѣшилась на крупный разговоръ.

— Извини, Василиса Савишна, у насъ гость, да и пора мнѣ одѣваться; приходи какъ-нибудь на-дняхъ.

— Покорно благодарю! отвѣчала злобно Василиса Савишна.

Аграфена Ивановна вышла въ гостиную, а Василиса Савишна въ дѣвичью, гдѣ также имѣла кой-какія дѣлшки.

На другой день, только-что Федоръ Петровичъ всталъ, дешикъ Иванъ доложилъ ему: — Къ вамъ, сударь, пришла какая-то барыня, говорить, что ей дѣло до васъ.

— Какая барыня?

— Въ чепцѣ.

«Не Аграфена ли Ивановна? подумалъ Федоръ Петровичъ: — ахъ, Господи, а я еще не одѣтъ; давай одѣваться!»

Иванъ бросился за платьемъ; но дверь уже пріотворилась — показался чепецъ.

— Извините! вскричалъ Федоръ Петровичъ, выбѣжавъ въ другую комнату: я сейчас! покорнѣйше прошу садиться.

Надѣвъ на-скоро *все и сверхъ всего*, Федоръ Петровичъ вышелъ, и ему представилась почтенная Василиса Савишна въ чепцѣ и салопѣ.

— Извините, ваше высокоблагородіе, сказала она, что я васъ потревожила. Вы, я думаю, признали меня?... Вчера у Аграфены Ивановны, вы изволили быть и я пріѣзжала къ ней въ гости.

— Ахъ, точно такъ-съ; покорно прошу садиться.

— У меня до васъ маленькое дѣльцо; только ужъ сдѣлайте одолженіе, между нами.... Извольте ли видѣть: одинъ родственникъ мой, регистраторъ въ судѣ, по знакомству видался часто съ дочкой Аграфены Ивановны, Дарьей Петровной, и склонилъ ее на любовь къ себѣ. Вотъ, какъ водится, по родственнымъ связямъ, я взялась хлопотать, посватала; дѣло пошло на ладъ; Петръ Кузьмичъ и Аграфена Ивановна съ радостью приняли предложеніе, объ Дарьѣ Петровнѣ и говорить нечего — чай вамъ извѣстно: человекъ по сердцу, половина вѣнца. Сладили о приданомъ. Ужъ, конечно, небольшое, да и родственникъ-то мой небольшой человекъ; напимѣръ, вашему бы высокоблагородію и стыдно было взять за себя какую-нибудь секретарскую дочь въ ситцевомъ платьишкѣ — люди бы стали пальцомъ указывать; ну, а ему ничего: по Сенькѣ и шапка. Такъ вотъ какъ я ужъ вамъ докладывала, оставалось благословить, да и къ вѣнцу. Пріѣзжаю вчера, смотрю, Аграфена Ивановна оглобли воротить. Чтѣ, думаю, такое значить? чтѣ-нибудь да не даромъ. И точно, сама Дашенька прислала мнѣ сказать черезъ дѣвку, какъ вы думаете, ваше высокоблагородіе, чтѣ бы такое?

— Право не знаю, отвѣчалъ Федоръ Петровичъ.

— Не знаете?

— Ей-ей, ничего не знаю!

— Ну, слава Богу, что еще недалеко ушли замыслы Аграфены Ивановны! Позвольте узнать, какимъ образомъ вы познакомились съ Петромъ Кузьмичомъ?

— Да я бралъ деньги въ Совѣтъ.

— Собственныя?

— Собственныя.

— Ну, такъ, такъ! чай, большая сумма?

— Нѣтъ, я часть только взялъ: тысячь двадцать пять.

— О-го-го, да чего жъ ему больше! Вы, чай, въ первый разъ въ Москвѣ?

— Въ первый.

— Ну, такъ! онъ чай вамъ и квартирку предложилъ подлѣ себя; чай такъ и ухаживаетъ около васъ. Знаемъ! такъ вотъ оно чтò! оно, то есть, ничего: вздумалъ выдать дочь за высокоблагороднаго.

Лицо Федора Петровича сравнялось цвѣтомъ съ воротникомъ; онъ откашлянулъ и отеръ градины рукой.

— Какъ узнала я причину, такъ и бросаюсь къ вамъ; перепугалась: думала, что ужъ Аграфена Ивановна обошла васъ кругомъ: у, у, у, хитрая баба! да какъ взглянула я на васъ, такъ и поуспокоилась: нѣтъ, этого человѣка не приманишь мокрой курицей; и по красотѣ и по высокому званію и по великому состоянію, ему подавай бѣлую лебядь. А Дашенька, правду сказать, мокрая курица, я было и родственника отговаривала, да ужъ, вѣрно, пришлись другъ другу по-сердцу.... Такъ вотъ какія дѣла, ваше высокоблагородіе здѣсь у насъ подь-частую губятъ людей. Заведутъ, умаслятъ, упоютъ, да и женятъ, да ужъ и не спрашивай на комъ.

— Скажите пожалуйста! проговорилъ Федоръ Петровичъ.

— Ей-ей, такъ! Пронюхаютъ у человѣка деньги, тотчасъ и съ головой его въ кошель..... Я ужъ одной милости буду просить у вашего высокоблагородія.... дайте мнѣ честное слово....

— Сдѣлайте одолженіе, чтò такое?

— Только одной: не разстронвать свадьбу Дашеньки съ моимъ родственникомъ.

— Да у меня, ей Богу, и въ головѣ не было.

— Э, сударь, нальютъ въ горло, бросится въ голову; приворожать.

— Слыхалъ я.

— Да такія ли еще вещи бывають! Одного, также богатаго

человѣка, завелъ, напоил шампанскимъ съ какими-то зельемъ, кѣрно съ дурманомъ, да и женили чортъ знаетъ на комъ; да мало этого: пьяному дамъ подписать бумагу, что все имѣніе отзывается женѣ, обобрали, да и изъ дому выгнали. Ходитъ теперь по улицамъ, да проситъ милостыню.

Федоръ Петровичъ вытаращилъ отъ ужаса глаза.

— Сдѣлайте милость, прекратите это знакомство; не по вѣщъ оно, ваше высокоблагородіе: унизительно, да и къ добру не поведетъ: Аграфена Исаковна настойчивая женщина, чтò задумаетъ—изъ-подъ земли выроетъ. Себя погубите, да еще и свадьбу разстроите—грѣхъ. Послушайтесь моего совѣту.

— Да я... позвольте узнать имя и отчество?

— Васильса Савишна.

— Я, Василиса Савишна, и не думалъ; чтò мнѣ, Богъ съ нами! Да и Дарья... какъ-бишь....

— Петровна.

— Мнѣ Богъ съ ней! И ягагу въ домъ не сдѣлаю.

— Вотъ благороднаго-то человѣка и видно. Да позвольте ужъ доложить, что по авалію вашему неприлично и стоять-то въ этой гостиницѣ. Вездѣ, здѣсь, въ Замоскворѣчьи, всякой сбродъ останавливается. Здѣсь какъ-разъ мошенники оберуть.

— Правду сказать, третьяго дня одинъ стаянулъ у меня двадцать пять рублей, да еще шинель въ придачу.

— Извольте ли видѣть. Право, тотчасъ же переѣзжайте въ гостиницу, гдѣ останавливаются одни господа. Лучше всего къ Шевалдышеву на Тверской. Чай, вы здѣсь знакомство сдѣлаете, такъ чтобъ не стыдно и принять къ себѣ.

— Какъ вы изволили сказать?

— Къ Шевалдышеву.

— Позвольте записать.

— Или итѣть, лучше къ Печкину. Какіе тамъ органы музыку играютъ, чудо! Противъ Кремлевскаго Саду.

— Противъ Кремлевскаго Саду?

— Ужъ я вамъ столько благодарна, что и сказать нельзя! Изъ благодарности сама буду хлопотать о невѣстѣ. Есть у меня на-примѣтъ: вотъ бы парочка. Молоденькая, первая красавица въ Москвѣ, ей-ей! Съ большимъ состояніемъ, свой огромный домъ въ Москвѣ, имѣнье въ московской губерніи; отецъ и мать знатные люди; а какіе добрые! Вотъ имъ такой бы зять по-сердцу.

— Помилуйте-съ, чтò жъ особеннаго? сказалъ Федоръ Петровичъ.

— Какъ что? Въ Москвѣ, сударь, такихъ жениховъ не много. Да вотъ, если бѣ только Богъ далъ вы увидѣли. Я ужъ найду случай показать вамъ. Изъ благодарности все сдѣлаю!

— Покорнѣйше благодарю, Василиса Савишна.

— Впередъ не благодарите. Тамъ заводить не будутъ: то сами благородные люди, сами денежки-то считаютъ тысячами. Какъ живутъ!... Да сами, Богъ дастъ, увидите. Пора ужъ мнѣ: я вамъ совѣтую скорѣе съѣзжать отсюда, да еще и не сказывать жуда; а то Петръ Кузьмичъ.... Не извольте ничего пить, чѣмъ шддчивать будутъ, прибавила Василиса Савишна шопотомъ.

— Нѣтъ! отвѣчалъ Федоръ Петровичъ: я сейчасъ же расплачусь и уѣду отсюда.

— И лучше всего! Прощайте, ваше высокоблагородіе. Такъ вы ужъ къ Печкину переѣдете?

— Къ Печкину.

— Я буду непременно къ вамъ, если позволите, завтра же, съ хлѣбомъ-солью, съ кренделемъ: ужъ такъ водится.

— Очень много буду обязанъ.

— Ужъ какъ вы меня обязали, что и себя и другихъ въ грѣхъ не ввели. А всё деньги, деньги! Не будь у васъ ихъ, Петръ Кузьмичъ и Аграфена Ивановна и на чинъ бы не посмотрили. Прощайте, батюшка!

Василиса Савишна, послѣ десяти прощаній, отправилась. Федоръ Петровичъ задумался.

— Каковы штуки задумали! сказалъ онъ наконецъ. Меня женить на своей шлюхѣ-дочкѣ! Ужъ я бы скорѣе женился на Донь.... будь она не просто мужичка, ей-Богу повѣхалъ бы, да и женился!... Вотъ, посмотримъ, что за невѣсту предлагаетъ Василиса Савишна?... Эй! Иванъ!... найми извозчика переѣзжать отсюда, да кликни хозяина.

Иванъ вышелъ и тотчасъ же опять воротился.

— Дѣвка пришла. Петръ Кузьмичъ и Аграфена Ивановна, говорятъ, кланяться приказали и звать къ себѣ кофе пить.

— Скажи, что я уѣхалъ.

— А если спросятъ куда?

— Скажи просто, что не знаю.

— Да вѣдь я ужъ сказалъ, что дома.

— Э, дуракъ, зачѣмъ ты сказалъ?

— Да кто жъ ихъ знаетъ?

— Ну, скажи, что мнѣ некогда; сейчасъ ѣду, по службѣ. Эхъ! северно! Петръ Кузьмичъ самъ прибѣжитъ.

— Ну, а я скажу ему, что баринъ уѣхалъ.

— Будетъ онъ смотрѣть на тебя! прямо сюда придетъ.

— Такъ вы извольте пойти покуда въ трактиръ, гдѣ чай пьютъ.

— Въ самомъ дѣлѣ. Приведи же скорѣе извозчика, да укладывайся.

Федоръ Петровичъ одѣлся и вышелъ въ бильярдную. Иванъ исполнилъ его приказаніе, передалъ отвѣтъ дѣвкѣ, сбѣжалъ внизъ, наваялъ извозчика, и, воротившись, началъ укладываться. Петръ Козмичъ дѣйствительно прибѣжалъ самъ.

— Гдѣ баринъ?

— Уѣхалъ-съ.

— Куда?

— А Богъ его знаетъ, по службѣ.

— А ты для чего укладываешься?

— Да ѣдемъ.

— Куда?

— А Богъ его знаетъ, вѣрно въ полкъ.

— Какъ въ полкъ! Да вѣдь Федоръ Петровичъ ожидаетъ здѣсь отставки?

— Нѣтъ, отвѣчалъ равнодушно Иванъ.

— Ай-ай-ай! Скоро воротится?

— Откуда?

— Да я не знаю, куда баринъ твой уѣхалъ.

— И я не знаю: пошелъ, да сказалъ: укладывайся скорѣй!

— Какъ воротится, попроси его, пожалуйста, ко мнѣ хоть проститься.

— Скажу.

— Не забудь же.

— Скажу непременно.

Петръ Козмичъ ушелъ, повторяя про себя: — Чтò за чудеса!

Между-тѣмъ Федоръ Петровичъ расплатился съ хозяиномъ, Иванъ всталилъ чемоданъ на дрожки, и отправился вслѣдъ за барининомъ, который велѣлъ своему извозчику ѣхать къ Печкину.

Федоръ Петровичъ получилъ уже нѣкоторое понятіе о трактирной жизни. Занявъ номеръ въ пять рублей въ сутки, онъ вышелъ въ общую залу обѣдать и слушать, какъ органы музыку играютъ.

Когда Петръ Козмичъ, прибѣжавъ домой, рассказалъ Аграфенѣ Ивановнѣ о неожиданномъ отъѣздѣ Федора Петровича, она пришла въ ужасъ.

— Да ты, мой батюшка, вѣрно навралъ, что у него свои собственные деньги. Вѣрно онъ казенныя принималъ.... да еще какой-нибудь игрокъ, гуляка.

— Помилуй, какія казенныя, его собственные, наслѣдство, на двѣсти тысячъ билетовъ.

— Ужъ что-нибудь да не такъ; тутъ какое-нибудь плутовство!

— Что за чортъ! надо посмотрѣть, не фальшивые ли билеты... Что, какъ фальшивые! вѣдь я самъ хлопоталъ о выдачѣ.... Да нѣтъ, онъ у меня не уйдетъ! Я самъ пойду караулить его!

И Петръ Козмичъ побѣжалъ опять въ гостиницу. Но номеръ уже былъ пустъ.

— Гдѣ офицеръ, который здѣсь стоялъ?

— Уѣхалъ-съ.

Петръ Козмичъ воротился, запыхавшись, домой.

— Что?

— Какое-нибудь плутовство! Просто, тайно уѣхалъ! чортъ знаетъ: сегодня заперто присутствіе!... Ахъ, я дуракъ! вѣрно фальшивые билеты!... Пропалъ!... Постой, гдѣ письмо?... вѣдь Григорій Карповичъ рекомендовалъ мнѣ его.... вѣрно подложное... вотъ.... читай!... вѣрно подложное!... Чортъ ее знаетъ, какъ повѣрить руку!...

— Вотъ тебѣ, сударь, и женихъ-богачъ!... Хороша и я, ни съ того ни съ сего, повѣрь словамъ твоимъ, что на дурака напала, протурила отъ себя Василису Савишну.

А Василиса Савишна легка на поминѣ.

— Здравствуйте, матушка Аграфена Ивановна!

— Ахъ, Василиса Савишна! а я только-что съ мужемъ говорила о вчерашнемъ. Онъ согласенъ.

— Поздно уже, сударыня; вотъ ваша роспись приданому, теперь ужъ этотъ листъ не нуженъ.

— Послушайте, Василиса Савишна, съ чего вы это взяли разводитъ дѣло?

— Я? разводитъ дѣло? что вы это, Аграфена Ивановна! Сами вы изволили сказать, что вамъ не по нутру женихъ; да еще и ни во что поставили мои хлопоты. Вотъ вамъ, сударыня, извольте.

— Полноте, Василиса Савишна, совѣмъ не такъ было. Я подсадила только на твое требованіе. Да послѣ одумалась: конечно, стѣнитъ ли расходиться за какую-нибудь дюжину ложекъ серебряныхъ; пожалуй хоть и двѣ можно прибавить.

— Теперь ужь хоть три прибавляйте.

— Гдѣ жъ взять, Василиса Савишна, рады бы въ рай, да грѣхи не пускаютъ; и то послѣднее отдаемъ; легко ли: поинтъ приданое, отсчитать три тысячки, да вамъ, за хлопоты, рублей сто; а свадьба-то чтѣ станеть?

— Извините, пяти-сотъ не возьму начать снова дѣло.

— Да чѣмъ же начинать снова, Василиса Савишна?

— Какъ чѣмъ? Просивши отъ вашего имени пожаловать на вечеръ, да вдругъ обмануть? Вѣдь я сама хотѣла заѣхать за нимъ; а онъ напрасно прождалъ. Да чтѣ жъ я ему скажу?

— Ахъ, матушка, да скажи, что заболѣла, не могла быть.

— Покорно благодарю, болѣзнь на себя наговорить! Да и въ такомъ-то случаѣ, слѣдовало бы послать сказать.

— Вижу, Василиса Савишна, ты думаешь, что ужъ тебѣ и за труды ничего не будетъ? Нѣтъ, не такіе мы люди: послѣднее продамъ, а въ долгу не буду. Чтобы ты не сомнѣвалась, вотъ тебѣ задатокъ двадцать пять рублей.

— Покорно благодарю! мотала хвосты по вашимъ дѣламъ, да упустила не сотню какую-нибудь. Вчера прислала за мной Арина Карповна Кубикова, а я, съ-дуру: некогда теперь, завтра поутру буду. Пришла сегодня, анъ ужъ нашлись дѣльцы.

— Ужъ повѣрь, что не обижу, Василиса Савишна: вотъ тебѣ двадцать пять на извозчика, не въ счетъ благодарности.

— Нѣтъ, сударыня, Аграфена Ивановна, этимъ ужъ дѣла не поправишь! не стѣить и хлопотать.

— Да чтѣ жъ тебѣ, Василиса Савишна?

— Черезъ васъ потеряла я по малой мѣрѣ триста.

— Гдѣ жъ взять намъ такихъ денегъ?... мы сами жалованьемъ живемъ.

— Чтѣ жъ дѣлать! Была охота — даромъ готова была все дѣлать для васъ; охоту отбили — такъ извините.

— Не обижайте же и насъ, Василиса Савишна.

— Самы себя обидѣли: угодно двѣсти пятьдесятъ рублей, такъ и быть, пойду, хоть побом перенесу.

— Чтѣ ты это, Василиса Савишна, побойся Бога!

— Да ужъ такъ, сударыня, вѣдь вы же говорили сейчасъ, что и двѣ дюжины ложекъ ничего не стѣить прибавить вамъ. Такъ подюжинки, въ приданое, а за полторы-то мнѣ сверхъ ста рублей. Ваши же слова; вамъ всё-равно, туда или сюда отдавать.

— Такъ зови сегодня на чай Бориса Игнатьича; а я ужъ поговорю съ мужемъ; можетъ-быть онъ согласится.

— Съ нимъ когда угодно раздѣлывайтесь, а со мной теперь же кончимъ счеты.

— Да неужели ты не вѣришь?

— Для чего жъ не вѣрить! Теперь вы пожалуйста мнѣ сто рублей, а послѣ сговора остальные полтора ста.

— Какъ это можно, впередъ сто рублей! Богъ знаетъ, выйдетъ ли дѣло.

— Ужъ объ этомъ не беспокойтесь.

— Ну, такъ и быть, сказала наконецъ Аграфена Ивановна, долго жавшись. Разъ десять пересчитывала она четыре бѣленькія бумажки, щупала и терла ихъ, какъ-будто колдовала, чтобъ распластать каждую надвое.

IV.

Устроивъ одно дѣло, Василиса Савишна положила деньги въ карманъ, и—себѣ на умѣ—отправилась устраивать судьбу двухъ другихъ существъ.

— Терять времени нечего, думала она, по дорогѣ завернула въ хлѣбню, купила большой крендель, усаженный изюмомъ и осыпанный мивдалемъ, и — прямо къ Печкину.

Между-тѣмъ Федоръ Петровичъ на новосельѣ накушался дысьта, наслушался органа вдоволь, пошелъ въ свой номеръ и ничего лучше не придумалъ, какъ успокоиться послѣ дневныхъ заботъ. Но такъ какъ сонъ не вдругъ принялъ его въ свои объятія, то Федоръ Петровичъ долго осматривалъ комнату, въ которую привела его судьба.

— Иванъ!

— Чяво изволите?

— А вѣдь здѣсь, братъ, по-лучше.

— Да хоть бы и въ казармахъ такая фатера, сказалъ Иванъ, стоя въ дверяхъ.

— Мебель-то не хуже полковницкой.

— Мебель знатная!

— Знатная, нечего сказать, проговорилъ Федоръ Петровичъ, рассматривая молча и съ удовольствіемъ мебель. Глаза его наконецъ остановились на одномъ изъ стульевъ, мысли куда-то отправились. Иванъ постоялъ у дверей и также отправился въ переднюю, присѣлъ на диванчикъ. Скука ужасная взяла Ивана:

— То ли дѣло въ полку, въ деревнѣ!

Прилежь со скуки и не хуже барина захрапѣлъ.

Вдругъ, стукъ-стукъ въ двери.

— Кто тамъ? крикнулъ Иванъ съ просонковъ.

— Пожалуйте, отоприте.

— Къ полковнику, что ль?

— Къ полковнику.

Иванъ вскочилъ, трѣтъ глаза, которые совсѣмъ слиплись, кинулся въ комнату къ барину.

— Ваше благородіе! а ваше благородіе!

— Уфъ! что такое? спросилъ Федоръ Петровичъ съ испугомъ.

— Къ полковнику пожалуйста, вѣстовой пришелъ.

— Давай скорѣе одѣваться!

Иванъ бросился за мундпромъ; а Федоръ Петровичъ вскочилъ съ дивана, смотрѣлъ вокругъ себя какъ помѣшанный и не понималъ, что это все значить: ему казалось, что онъ въ полковничьихъ комнатахъ.

Между-тѣмъ стукнули опять въ двери.

— Кто тамъ опять? повторилъ Иванъ и съ досадою отперъ двери.

— Здравствуй, мой любезный, сказала Василиса Савишна, входя въ комнату.

— А я думалъ, что вѣстовой, проговорилъ Иванъ.

— Не почиваетъ баринъ?

— Нѣтъ-съ.

Федоръ Петровичъ не успѣлъ еще прійти въ себя, вдругъ слышитъ женскій голосъ.

— Полковница! подумалъ онъ съ ужасомъ; бросился въ двери, столкнулся съ Василисой Савишной и сталъ въ пень.

— Добрый знакъ, сударь, Федоръ Петровичъ, жить вмѣстѣ!

— Ахъ, это вы.... извините!

— Нѣтъ, ужъ прошу покорно, оставайтесь такъ какъ есть: со мной не дѣячего церемониться.... честь имѣю поздравить на новосельѣ.... прошу принять хлѣбъ-соль.

— Покорнѣйше благодарю!

— Съ чайкомъ вамъ очень хорошо.... свѣженькой....

— Такъ вотъ, кстати, не прикажете ли чаю.... Иванъ! чаю спроси.

— Есть кого угощать! экую харю! пробормоталъ про-себя Иванъ.

Василиса Савишна не хуже какого-нибудь краниолога ценила людей, знала, кому съ какой пѣсни начинать и чѣмъ кончать.

— Извините, Ѳеодоръ Петровичъ, что я такъ къ вамъ поторопилась; во-первыхъ съ радости: представьте себѣ, какъ-только Аграфена Ивановна потеряла васъ изъ виду, тотчасъ образумилась.

— Ну, слава Богу! я очень радъ.

— Всѣмъ обязана вамъ. Другой бы на зло разстроилъ дѣло, а вы—благороднѣйшая душа. Ну-съ, во-вторыхъ, я ѣду сегодня къ господамъ, о которыхъ я вамъ говорила; мнѣ хотѣлось имъ чтѣ-нибудь по-обстоятельнѣе объ васъ сказать. Такъ мнѣ нужно было бы знать, въ чемъ все ваше состояніе заключается: въ душахъ ли, въ капиталѣ ли....

— Да вотъ, можно видѣть изъ бумагъ послѣ покойнаго родителя.

Ѳеодоръ Петровичъ досталъ изъ чайнаго ларца, замѣнявшаго у него шкатулку, бумаги.

— Не угодно ли прочесть?

— Потрудитесь ужъ сами, я вѣдь плохо грамотѣ знаю.

Ѳеодоръ Петровичъ прочелъ копію съ духовной, отъ которой разгорѣлось лицо у Василисы Савишны.

— Тутъ будетъ пожива! думала она.

— Билеты я получилъ, а въ имѣніи еще не былъ.

— Я какъ отгадала, что вы ровня по состоянію съ своей суженой. Ей Богу! впередъ говорю, что этому дѣлу быть. Чтѣ за ангель, суженая ваша! Да вотъ, Богъ-дасть, увидите. Только ужъ когда пойдетъ все на ладъ, позвольте мнѣ, Ѳеодоръ Петровичъ, на вашъ счетъ колясочку нанять; потому что состоянія я не имѣю, а просто на дрожкахъ отъ вашего имени, ѣздить мнѣ въ домъ не пристойно.

— Такъ вотъ, не угодно ли на расходы, какіе случатся, двѣсти рублей.

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! Какъ это можно! ни съ того, ни съ сего, да за деньги, какъ-будто наговорилась: вы Богъ знаетъ чтѣ подумаете!

— Сдѣлайте одолженіе!

— Нечего дѣлать; оно, конечно, всё-равно, теперь или послѣ; нельзя же безъ маленькихъ расходовъ. Такъ я ужъ медлить не буду, сегодня же легкой донь; ѣду туда. Завтра въ эту пору извѣщу обо всемъ. Прощайте, Ѳеодоръ Петровичъ!

Когда Василиса Савишна ушла, Федоръ Петровичъ долго ходилъ по комнатѣ, потирая руки, поглядывая на диванъ съ божищою прмечъ на него, чтобъ опять не испугалъ деньщикъ внезапнымъ требованіемъ къ полковнику. Въ ную минуту онъ готовъ былъ раздать всѣ свои деньги, чтобъ только увѣриться, что они дѣйствительно ему принадлежатъ; но вдругъ находило на него сомнѣніе: «Чортъ знаетъ, не полковныя ли это деньги, и не требуютъ ли въ нихъ отчета? Постой-ка, сколько я истратилъ?»

И начать считать; но бумажки такъ и липнутъ другъ къ другу, — толку не доберешься.

Очень естественно, что Василиса Савишна не медлила явиться запыхавшись и къ Софѣ Васильевнѣ.

— Ну, матушка-сударыня, Софья Васильевна, кладъ вамъ Богъ присылаетъ!

Надо вамъ сказать, что Софья Васильевна рѣшительно принялась за попеченіе поправить дѣла свои выдачей которой-нибудь изъ дочерей замужъ. Она Василисѣ Савишнѣ прямо сказала:

— Послушай, мать моя, тысячу рублей и ежегодно пенсія хозяйственными припасами: муки, крупъ, капусты, грибовъ, всего вдоволь, только скорѣе отъѣхни жениха съ хорошимъ состояніемъ.

Василиса Савишна поняла по-своему, въ чемъ дѣло.

— Кто жъ онъ такой? какъ же его видѣть? спросила торпливо и Софья Васильевна, на радостное извѣщеніе о кладѣ.

— Полковой, сударыня, чиномъ высокоблагородный, молодецъ собою, только-что получилъ въ наслѣдство триста душъ, да чистыми деньгами, матушка, двѣсти пятьдесятъ тысячъ!

— Какъ же бы на него посмотреть?

— Да прямо у васъ въ домѣ, чего жъ лучше? Мы устроимъ такъ дѣло: нѣтъ ли у васъ чего-нибудь продажнаго въ домѣ?

— Продажнаго.... право, не знаю.

— Экипажей, лошадей, или чего-нибудь, лишь бы была причина прѣхать въ домъ, какъ-будто для покупки.

— Ахъ, въ самомъ дѣлѣ! Петръ Григорьевичъ думалъ продать дорожную коляску, да пару лишнихъ лошадей.

— Ну, вотъ вамъ и казусъ.

— Когда жъ?

— Безъ отлагательства, завтра же; это такой человекъ, что мѣшкать нельзя. Да-позвольте же узнать, которую дочку вы прочтете впередъ выдать?

— Да если таковъ онъ, какъ ты описываешь, такъ старшую.

— Ну, конечно, ужъ, сударыня, старшую, сказала Василиса

Самшила, значительно: ей слѣдъ выходить замужъ. Меньшая ваша дочка еще ребенокъ, пусть себѣ еще повагулется, да понаѣшится.

— Въ которое же время? я думаю передъ самымъ обѣдомъ.

— Конечно, кстати можно пригласить и обѣдать. Пожалуйте же мнѣ записочку, что вотъ тамъ-то и тамъ, у такихъ-то господъ продается коляска и лошади.

Софья Васильевна пошла къ Петру Григорьевичу въ кабинетъ.

— Ты хотѣлъ продавать коляску и пару лошадей; я нашла купца; напиши только адресъ; завтра онъ будетъ.

— Я и свою карету бы кстати продалъ, и все лишнее.

— Ну, тѣмъ лучше; но сперва напиши только, что продается хоть коляска; а потомъ, смотря по купцу, увидишь, что можно сбыть ему съ рукъ.

На другой день около обѣда, Петръ Григорьевичъ и Софья Васильевна похаживали вдоль по комнатамъ и посматривали въ окна вдоль по улицѣ. Только-что какой-нибудь офицеръ несется въ экипажѣ, то или Петръ Григорьевичъ, или Софья Васильевна, кто прежде вскрикнетъ: не это ли онъ?

— Да это не можетъ быть! повторялъ между прочимъ Петръ Григорьевичъ.

— Отъ чего не можетъ быть?

— Да оттого, что пустяки! Ну, возможно ли, чтобъ человекъ съ такимъ состояніемъ... вотъ ѣдетъ!... Ну, именно, дрянъ какалято, въ скверной шинелишкѣ, въ взмятой шляпѣ, виѣсто султана дохлая курица воткнута. Эй!... вонъ прѣхалъ офицеръ, такъ проси!...

Вотъ явился Ѳеодоръ Петровичъ налицо. Воротникъ какъ петля задушилъ его, такъ что глаза выкатились; мундиръ перетянуть въ рюмочку. Но Ѳеодоръ Петровичъ простъ, а не робокъ. Шаркнулъ поклонъ.

— Покорно просимъ! сказалъ Петръ Григорьевичъ довольно сухо. Гдѣ жъ мужчпнѣ повинать людей. Софья Васильевна, напротивъ, очень прнвѣтливо повторила: покорно просимъ!

Ѳеодоръ Петровичъ прнсѣлъ на кончикъ стула, вынулъ прежде всего платокъ и обтеръ лицо.

— Вамъ угодно купить коляску и лошадей? спросилъ, опять сухо, Петръ Григорьевичъ.

— Такъ точно-съ, имѣю желаніе.

— Такъ можно посмотреть.

— Вы вѣрно недавно здѣсь? спросила привѣтливо Софья Васильевна.

— Такъ точно-съ, по дѣламъ.

— По дѣламъ службы?

— Такъ точно-съ. Нѣтъ-съ, виновать, я прѣхалъ по наследству-съ.

— Вѣроятно, тяжба.

— Никакъ нѣтъ-съ, слѣдовало получить деньги.

— Изъ Совѣта?

— Такъ точно-съ.

— И не встрѣтили затрудненій? Кажется, большія суммы, на нѣкоторое время приостановлено выдавать.

— Точно такъ-съ. Выдали покуда двадцать пять тысячъ; вдругъ, сказали, нельзя такой большой суммы выдавать.

— Вы намѣрены продолжать службу или останетесь жить въ Москвѣ?

— Ожидаю отставки-съ.

— Да, здѣсь можно домкомъ завестись, сказалъ улыбаясь Петръ Григорьевичъ.

— Такъ точно-съ, думаю и домъ купить-съ.

— А вотъ, нравится ли вамъ этотъ домъ?

— Очень-съ, прекрасный домъ.

— Да, домъ не дурень, барской домъ, я бы его продалъ.

— Ей-Богу-съ?

— Полно, Петръ Григорьевичъ, что это ты шутишь; затѣмъ намъ продавать домъ.

— Ахъ, матушка, за тѣмъ, чтобъ другой купить. Я бы его дешево отдалъ.

— А какъ-съ, позвольте узнать.

— Да за пятьдесятъ тысячъ, со всею мебелью.

— Что жъ, если позволите, я куплю.

— Очень радъ, что нашелъ такого скорого покупщика; остается вамъ осмотрѣть его.

Софья Васильевна просто пришла въ отчаяніе, и готова была вѣшиться въ мужа; въ ней кипѣло какое-то чувство ревности, какъ у купца, у котораго отбиваютъ покупщика: она пригласила человѣка, чтобъ сбить ему которую-нибудь изъ дочерей; а Петръ Григорьевичъ воспользовался случаемъ, и сбываетъ ему въ тридорога, домъ.

Извольте, господа, рѣшать тяжбу между Софьей Васильевной и Петромъ Григорьевичемъ. Вопросъ: имѣетъ ли право такъ по-

отушать Петръ Григорьевичъ съ Ѳедоромъ Петровичемъ? Но прежде надо опредѣлить, подъ какимъ именемъ вызвать Петра Григорьевича къ суду: какъ хозяина дома, или какъ отца дочери, которая могла выйти замужъ за Ѳедора Петровича.

Вывоземъ, какъ того такъ и другаго.

«Извольте, Софья Васильевна, отвѣчать: для какой цѣли вы пригласили въ домъ Ѳедора Петровича?»

— Какъ человѣка, который могъ составить партію моей дочери, какъ жениха.

— Хорошо-съ; теперь вы, Петръ Григорьевичъ, отвѣчайте: съ какой же стати вмѣсто жениха вы приняли его за купца?

— А съ такой стати, что онъ пріѣхалъ въ домъ надъ видомъ купца, а не жениха, торговать коляску и лошадей. Кстати началась рѣчь о покупке дома, я и предложилъ ему купить мой домъ. Онъ съ радостью согласился; а жена, только-что въ волосы мнѣ не вѣщиалась, и разстроила дѣло.

— Слышите, Софья Васильевна? Какое жъ право вы имѣли выйти изъ себя и разстроить дѣло?

— Слышите! человѣкъ обираетъ будущаго своего зятя, а я молчу! Отецъ будетъ пить кровь своихъ дѣтей, а мать—молчи!

— Чтò вы скажете на это, Петръ Григорьевичъ?

— А то, что онъ мнѣ не зять.

— Но онъ могъ быть зятемъ, а ты разстроилъ дѣло; у тебя въ головѣ были только свои собственные выгоды, а не счастье дочери!

— Какъ хозяинъ дома, я и долженъ былъ заботиться, прежде объ общемъ благѣ, а не о счастьи одной дочери.

— Прежде всего надо быть отцомъ, а потомъ хозяиномъ дома!

— Гмъ! если бъ ты была кромѣ доброй матери и хорошей хозяйкой, мнѣ бы не нужно было думать о продажѣ дома.

— Гмъ! если бъ ты былъ вмѣсто дряннаго хозяина добрый отецъ....

Софья Васильевна не договорила, слезы хлынули градомъ, она зарыдала.

Тѣмъ и судъ кончился. Судьи пожалы только плечами. Петръ Григорьевичъ и Софья Васильевна воротились домой и сѣли за столъ. Петръ Григорьевичъ былъ очень доволенъ собою, а Софья Васильевна нѣсколько сердита. Но чтобъ успокоить читателей, и увѣрить, что продажа дома не развела дѣла, затѣяннаго Софьей Васильевной, — дорогой гость, кунецъ, и вмѣстѣ женихъ, Ѳедоръ

Петровичъ, сидѣлъ за столомъ на почетномъ мѣстѣ; подлѣ него сидѣлъ хозяинъ проданнаго дома, напротивъ—Саломея и Катенька, двѣ невѣсты, на выборъ, или какую Богъ пошлетъ.

V.

Когда ухаживаютъ за деньгами, такъ глядятъ и мѣшомъ, который заключаетъ ихъ въ себя. Не удивительно, что и Феодоръ Петровичъ, который былъ чрезвычайно мѣшиковать, показался Петру Григорьевичу и Софьѣ Васильевнѣ оригинальнымъ чело-вѣкомъ, съ своими собственными манерами, съ своими причудами казаться простижкомъ и необразованнымъ, и даже съ своимъ собственнымъ нарѣчьемъ. Катенька не разсуждала кто таковъ; но смиренно и внимательно слушала, чтѣ говорятъ паненька, мамешка и чтѣ отвѣчаетъ имъ гость. Саломея Петровна, напротивъ, не слушала ни паненьки, ни маменьки; но прищурясь, съ сухою усмѣшкою осматривала предсѣдающаго гостя, и иногда только прерывала русскою разговоръ французскимъ вопросомъ у матери: чтѣ это за чело-вѣкъ? Это какой-то медвѣдь; откуда онъ прѣѣхалъ? Или приказывала сестрѣ налить себѣ воды.

Когда зашелъ разговоръ о баштанахъ и огородахъ, она спросила по-руески шепелявымъ языкомъ на манеръ французскаго.

— А изъ чего дѣлаются огородныя тучелы?

Софья Васильевна покосилась на дочь, хотѣла замять ея вопросъ какимъ-нибудь другимъ вопросомъ; но Феодоръ Петровичъ, какъ учтивый кавалеръ и знающій чтѣ такое тучело, не упустилъ отвѣчать:

— Огородныя тучелы разныя бываютъ-съ: ворону дохлую вѣшаютъ, или каштанъ распялють на палкѣ.

Безъ Софьи Васильевны, положеніе Феодора Петровича было бы затруднительно. Саломея Петровна загоняла бы его; Петръ Григорьевичъ, какъ мужчина, своими разсужденіями поставилъ бы его въ тупикъ, и Феодора Петровича не заманить бы впередъ и назадъ; но Софья Васильевна такъ умѣла ловко спрашивать, подкалывать отвѣты, а иногда и отвѣчать вмѣсто гостя; такъ умѣла внушить въ него довѣренность, что онъ милъ, любезенъ, уменъ, остеръ; такъ умѣла поджечь душевное довольствіе самимъ собой и всемъ окружающимъ, что Феодоръ Петровичъ разгуто-рился, разговорился и такъ легко себя чувствовалъ, какъ-будто въ обществѣ своей собратія оенцеровъ. О, это совсѣмъ не то, чтѣ у Петра Кузмича, гдѣ онъ сидѣлъ какъ связанный, но знаа

что говорить съ Аграфеной Ивановной и съ ея жеманной дочкой. Тамъ ему все какъ-будто стыдно было, неловко, все хотѣлось уйти домой, да не пускаютъ. Только Саломея Петровна какъ то мѣшаетъ ему: онъ на нее и смотрѣть боится, смотреть только на Катеньку. Послѣ обѣда предложили Федору Петровичу сѣсть въ вистъ. Катенька сѣла подлѣ маменьки. Саломея Петровна ушла въ свою комнату, и занялась бесѣдой съ Маврой Ивановной, которую, вы помните, она рѣшилась очаровать своимъ умомъ, добротой и великодушiемъ, чтобъ доказать ей, какъ глупы люди, которые хвалили дочку Софiи Васильевны, Катеньку, а не Саломею. Это чувство ревности къ слухамъ глубоко затронуло ее, и она умасливала старушку своимъ ласками и вниманиемъ до-нельзя, затерла въ глазахъ ея Катеньку, не дасть Катенькѣ слова промолвить съ старушкой, не только, что чѣмъ-нибудь угодить ей. Подобная предупредительность, при которой всѣ другiе остаются назадъ, имѣла свое влiянiе. Катенька передъ Саломеей Петровной казалась дѣвочкой самой обыкновенной, только что не деревенской. А Саломея Петровна, осыпая то ласками, то подарками, поневолѣ вызывала восклицанiе: «Какой ангель!»

Какъ ни удивлялась старушка Мавра Ивановна добротѣ Саломеи, какъ ни прiятна ей была, сначала, эта доброта, въ которой она видѣла уваженiе къ своей старости; но вскорѣ что-то тяжелы стали Маврѣ Ивановнѣ ласки Саломеи Петровны; точно какъ-будто бы старушка становилась рабой прихотливой дѣвочки: хочется смертельно домой отдохнуть, — нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, не пушу васъ, Мавра Ивановна! — Мавра Ивановна и оставайся. Мавра Ивановна и ночуй, когда то угодно Саломеѣ Петровнѣ.

— Матушка, мнѣ надо завтра рано вставать, къ заутренѣ; а вы долго изволите почивать: чтобъ не потревожить васъ. — Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! Я сама рано встану! — И уложить Мавру Ивановну подлѣ себя, проговорить съ ней цѣлую ночь и уснуть передъ заутреней. Мавра Ивановна и слышитъ колоколъ, да встать не смѣетъ, чтобъ не потревожить сладкаго сна Саломеи Петровны.

Все это такъ тяжело Маврѣ Ивановнѣ; да что будешь дѣлать: за оказываемыя ей ласки нечѣмъ платить кромѣ повиновенiя. Иногда Мавра Ивановна утомитя, сходявъ къ празднику къ обѣдин, рада бы соеунуть; да Саломея Петровна карету прислала, проситъ къ себѣ пожаловать и поѣзжай! Совѣстно: какъ можно, чтобъ даромъ карета прокатилась!

На другой же день Василiса Савишнина успѣла побывать у *объѣзжъ сторонъ.*

— Ну, что, сударыня Софья Васильевна, какъ вамъ понравилась?

— Богъ знаетъ, милая, какъ тебѣ и сказать. Только ужъ во всякомъ случаѣ это не женихъ Саломеѣ. Катенькѣ—дѣло другое.

— Не понимаю, а кажется кавалеръ на рѣдкость.

— Да не для Саломеи; ей избави Богъ и сказать объ этомъ; она скорѣе умретъ.

— Вотъ, сударыня, Софья Васильевна, затрудненіе! Сами вы говорили, что старшую напередъ отдадите; я такъ и дѣло вела; о Катеринѣ Петровнѣ и слова не было. Ужъ знать бы, такъ Саломею Петровну и не показывать на первый разъ. Катерина Петровна красавица, нечего сказать, да очень молода, и не видается въ глаза.

— Ты, Василиса Савишна, переверни какъ-нибудь дѣло.

— Право, сударыня, я ужъ и отчаиваюсь, ужъ знаю впередъ, что такой человекъ какъ Федоръ Петровичъ прельстился Саломеей Петровной; и какъ заберетъ въ голову, такъ не скоро выбьешь.

— Гмъ! грустно произнесла Софья Васильевна: правда твоя,—при Саломеѣ Катя не замѣтнись. Я же ее по сю пору ребенкомъ держу.

— Вотъ то-то и есть! Поѣду, узнаю, что и какъ.

— Поѣзжай, да тотчасъ же пріѣзжай сказать мнѣ.

— Не буду медлить. На всякой случай придумаю какую-нибудь штучку, чтобъ отклонить его отъ Саломеи Петровны.

— Зови его сегодня на вечеръ къ намъ; я Саломею куда-нибудь отправлю.

— Ужъ, конечно, матушка: нѣтъ солнца и мѣсяцъ свѣтѣлъ. Прощайте покуда, сударыня.

Федоръ Петровичъ мечталъ, расхаживая по комнатѣ, когда Василиса Савишна явилась къ нему.

— Здравствуйте, батюшка, Федоръ Петровичъ! По лицу вижу, что вы веселы и радостны. Какъ изволили ночевать, не было ли чего въ думкѣ; не приснился ли кто-нибудь? Довольны ли, сударь, знакомствомъ?

— Очень-съ! Не прикажете ли чайку?

— Не лишнее. Ну-съ, какъ же вы провели время?

— Очень, очень хорошо-съ, прекрасные люди! Ужъ видно, что знатные.

— Что жъ вамъ особенно-то понравилось, Федоръ Петровичъ?

— Все поправилось! Признательно сказать, что уж тут похулить нечего.

— Да особенно-то что?

— И дочка поправилась! такая мишенькая! Не поправилась только мнѣ Француженка, гувернантка, что-ли.

— Какая Француженка?

— Да всё по-французски говорила: мадамъ Саломэ, кажется.

— Мадамъ? Что вы это, Федоръ Петровичъ, это старшая дочка.

— Неужели? Такъ которая жъ невѣста-то?

— Обѣ невѣсты, да вамъ Богъ вѣрно судилъ и само сердце избрало меньшую.

— Меньшую? Катеньку? славная дѣвочка! а правду сказать и та хороша, на видъ еще авантажиѣе. Ну! какого же я промаху далъ! думалъ, что она Француженка.

— Э, ничего, Федоръ Петровичъ, что за бѣда такая.

— Какъ что за бѣда! какъ-то стыдно.

— Вѣдь я не перескажу.

— Пожалуйста не сказывайте; а то я въ глаза не взгляну, право!

— Не бойтесь. Такъ дѣло рѣшеное. Софья Васильевна проситъ васъ сегодня на чашку чаю.

— Да какъ же, Василиса Савишна, за которую вы будете меня сватать?

« Вотъ тебѣ разъ! подумала Василиса Савишна, ужъ я знала, что онъ привяжется къ Саломѣ Петровнѣ!... » — Помилуйте, Федоръ Петровичъ, не на обѣихъ же вамъ жениться! Вѣдь вамъ поправилась Катерина Петровна; чай вы ужъ и присматривались въ нее....

— Оно такъ, да та по-виднѣе, и голосъ-то какой! уахъ!

Федоръ Петровичъ совершенно смутилъ этими словами Василису Савишну; она боялась противорѣчить ему и отклонять его воображеніе отъ *по-виднѣе*. Совѣтъ ни к чему не велъ съ такимъ человѣкомъ, а начать хулить Саломею и расхваливать Катеньку, также не удобно; подумаетъ, что хотятъ Катеньку насильно навязать на шею.

— Насчетъ выбора невѣсты, Федоръ Петровичъ.... Не мы выбираемъ, а сердце, говорю вамъ.

— Оно такъ, Василиса Савишна, да какъ узнать-то: кто ее знаетъ, которая лучше приходится.... нечего сказать, Катенька хороша, да не такъ видна.

— Молода еще, молода; посмотрите-ка, какъ она выправится, какъ выйдетъ замужъ!

— Дожидай, куда выправится; а та ужъ выправилась — царицей! а голосъ-то какой: ухъ!

— Чтò правда, то правда, отвѣчала Вислиса Савишна, которая видѣла, что плохо дѣло; зато разсматривайте сами: одной семнадцатый годокъ, только-что расцвѣла; а другой, Софья Васильевна говоритъ, двадцать-пятый, анъ и всѣ двадцать осемь. По годамъ-то можетъ-быть и старенька ужъ для васъ. Вамъ сколько лѣтъ?

— Тридцать пять.

— Вотъ видите ли! десятокъ еще пройдетъ, вы-то будете во всей красѣ женщина; а супруга-то ваша, въ сорокъ-то лѣтъ, бабій вѣкъ кончить.

— Гмъ! произнесъ Федоръ Петровичъ; задумавшись сѣлъ онъ и началъ гладить затылокъ.

— Лучше всего положимся на Божию волю; вотъ побываете еще разика два, три, увидите сами; чему быть, тому не миновать: увидите, которой и вы поправилась. Нельзя же жениться безъ обоюдной любви.

— Такъ!... да чортъ знаетъ, какъ же замѣтить, которой изъ нихъ поправилась? А если и той и другой?

— Этого не бываетъ.

— Какъ не бываетъ! вскричалъ Федоръ Петровичъ: да у насъ въ полку было: въ прапорщика Душкова влюбилась двѣ сестры. Да еще какъ подрались-то за него!

— Ахъ, батюшки, казусъ какой!... Ну, вѣрно ужъ это случилось гдѣ-нибудь на городкѣ.

— На городкѣ! нѣтъ, не на городкѣ! а въ помѣстьѣ.

— Этого, Федоръ Петровичъ, здѣсь не случится: надо вамъ и ту правду сказать, что старшая-то дочка Саломея Петровна, кажется, и не расположена замужъ выходить, потому что двумъ женихамъ ужъ отказала.

— Вотъ видите ли! сказалъ Федоръ Петровичъ, чтò жъ за охота свататься; а какъ она и мнѣ откажетъ?

— Катерина Петровна не откажетъ.

— Это все ужъ не то; на-вѣрняка, не такъ забирательно.

— Вотъ, опять не то; ну, увидимъ, какъ будетъ, сказала Вислиса Савишна, чтобъ скорѣе отдѣлаться отъ нерѣшительности Федора Петровича: въ семь часовъ васъ ждутъ, ровнохонько въ семь часовъ. Пожалуйста не промѣшкайте; въ такомъ случаѣ не

годится промѣннать. А теперь съѣздите-ко къ Иверской, да отслужите молебень, такъ дѣло-то будетъ лучше. Или ужъ позволите, я за васъ отслужу.

— Сдѣлайте одоженіе, Василиса Савишна!

— Да не скупитесь, сударь, всякой разъ, какъ пріѣдете въ домъ, жалуйте людямъ на чай, — лучше прислуживать вамъ будутъ.

Василиса Савишна, не распространяя вдалѣ разговора, поспекала съ вѣстями къ Софѣ Васильевнѣ, и напугала ее.

— Я Саломею отправлю на вечеръ къ тѣткѣ, сказала она. И всякой разъ, когда буду приглашать его, Саломей не будетъ въ домъ, чтобъ онъ изъ головы ее выкинулъ; а Катю принарядимъ; наложу ей локоны, чтобъ не казалась слишкомъ молода.

Какъ сказано, такъ и сдѣлано. Когда Ѳеодоръ Петровичъ явился, его засадили тотчасъ же за вѣсть, и въ продолженіи цѣлаго вечера онъ не видалъ *мадамъ Саломэ*, а Катенька, въ накладныхъ огромныхъ локонахъ, но разумяившись живымъ румянцемъ молодости, просидѣла весь вечеръ подлѣ матери, просмотрѣла отъ нечего дѣлать весь вечеръ на гостя, не зная того, что онъ ей суженый.

Нѣсколько уже вечеровъ Ѳеодоръ Петровичъ провелъ въ домъ, не видя Саломей Петровны и не заботясь о ней, потому что Катенька такъ показалась ему хороша въ локонахъ, что ужъ лучше нельзя быть.

— Что жъ это вы мало говорите съ невѣстой? повторяла ему Василиса Савишна.

— Да какъ-то всё-еще не пришлось; сегодня непременно пушусь въ разговоръ съ ней.

— Пора рѣшить дѣло; Софѣ Васильевнѣ неловко начинать самой; сперва покажите ваше вниманіе дочери; а потомъ и къ маменькѣ подсядете, да безъ большихъ церемоній, Ѳеодоръ Петровичъ: отказа не будетъ.

— Да что жъ это старшая-то, какъ бишь ее?

— Объ ней нечего и говорить. Между нами сказать, Софья Васильевна объявила сначала ей, что вотъ Богъ посылаетъ жениха—она и слышать не хотѣла, и не хотеть показываться на глаза.

— Э, да что она мнѣ! я такъ, изъ любопытства.

— Такъ вы просто скажите Софѣ Васильевнѣ, что-де скать вамъ извѣстно, Софья Васильевна, мое желаніе, — она ужъ пойметъ.

— Я долго не буду откладывать, сказалъ Федоръ Петровичъ : тѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше!

Такъ бы и сдѣлалось, да не сдѣлалось такъ.

Сперва домашняя челядь между собою шу, шу, шу, шу! потому спальные дѣвушки напугали Мавръ Ивановичъ, что-де-скать у насъ, сударыня, въ домѣ женихъ; хоть не взраченъ, да очень богатъ. Всякой разъ какъ пріѣдетъ въ домъ, бросить въ передней двадцать пять рублей. За него прочтутъ Катерину Петровну; потому что Саломея Петровна отказалась, и видѣть его не хочетъ; какъ пріѣзжать ему, такъ она и изъ дому.

Мавра Ивановна, при первомъ же случаѣ, оставшись ночевать у Саломеи Петровны, проговорила ей.

Саломеѣ Петровнѣ спать не хотѣлось.

— Расскажите что-нибудь, Мавра Ивановна.

— Да что жъ рассказать-то вамъ, сударыня моя?

— Ну, хоть какъ вы замужъ вышли.

— Что жъ тутъ рассказывать-то, вышла да и вышла; а вотъ вы-то не выходите.

— Это не такъ легко, Мавра Ивановна.

— Да что жъ тутъ и труднаго-то; вотъ меньшая-то сестрица выйдетъ замужъ, а вы опять будете сидѣть въ-дѣвкахъ, сударыня! э-хе-хе! разборчивы очеена!

— Нисколько не разборчива; да слава Богу и выбирать не изъ чего.

— Полно те говорить, Саломея Петровна! къ вамъ небойсь никто не присватывался?

— Присватывался! произнесла съ презрительной усмѣшкой Саломея Петровна.

— Ну, вотъ видите ли, зачѣмъ же отказываться отъ того, что Богъ посылаетъ? Вотъ сестрица-то вѣрно не откажется: невзраченъ, да зато очень богатъ.

— Кто? спросила съ удивленіемъ Саломея Петровна.

— Чай, вамъ лучше извѣстно.

Этихъ словъ достаточно было для Саломеи Петровны, чтобы понять, въ чемъ дѣло.

— А! такъ это женихъ Катя! подумала она съ чувствомъ озлобленія: отъ меня скрываютъ!... чтобы я не помѣшала!... Хорошо! Миѣ въ десять лѣтъ не нашли жениха.... а любимая дочка, только что изъ пеленокъ, ужъ ей и женихъ готовъ!... Вамъ кто сказалъ, Мавра Ивановна, что онъ очень богатъ?

— Кто жь скажетъ какъ не люди; говорить, такъ и сыплетъ деньгами.

— Счастье Катѣ: не всякой удастся выходить замужъ безъ приданого.

— А домъ-то, сударыня, немного не приданое, да сорокъ тысячъ деньгами.

— О, такъ вы все знаете! проговорила Саломея Петровна дрожащимъ отъ досады голосомъ.

— И, сударыня, что отъ людей укроется: при нихъ вѣдъ водили по всему дому и показывали все углы.

— Покойной ночи, сказала Саломея Петровна Мавръ Ивановичъ.

Въ душѣ ея громовыя тучи ходили, вся внутренность бушевала.

— Вотъ какъ! для меня нѣтъ ничего, а для Кати домъ въ приданое, и деньги нашлись!

Злоба сосала сердце Саломеи; она безпокойно проворочалась на постелѣ остатокъ ночи. Все утро просидѣла она въ своей комнатѣ, жалуясь на головную боль; вышла къ обѣду, и какъ-будто нѣтъ чѣмъ не бывала.

— У княгини сегодня вечеръ; такъ ты, душа моя, поѣзжай опять съ теткой и извинись, что сама я никакъ не могу быть; скажи, что съ недѣлю мнѣ очень нездоровится.

— Да не лучше ли и мнѣ дома остаться?

— Что тебѣ дѣлать дома, будешь скучать; поѣзжай, поѣзжай, другъ мой!

— Хорошо, я поѣду! сказала Саломея.

И точно, поѣхала.

Часовъ въ семь явился Федоръ Петровичъ; Катенька, разряженная, ожидала уже его съ трепещущимъ сердцемъ: маменька объявила ей уже, что Федоръ Петровичъ женихъ ея; и потому она должна принять его какъ-можно ласковѣе, говорить съ нимъ какъ-можно привѣтливѣе, а если онъ объявитъ ей желаніе свое, то сказать, что это зависитъ отъ папеньки и маменьки, и что съ своей стороны она готова принять съ удовольствіемъ предложеніе.

Сердце и разумокъ Катеньки не умѣли прекословить волѣ родительской.

Федоръ Петровичъ явился. Дверь въ залу распахнулась передъ нимъ, съ возгласомъ: «Пожалуйте». Федоръ Петровичъ вошелъ тихонько въ гостиную; въ гостиной только Катенька сидитъ

удивленно съ книгой въ рукахъ, разряжена, въ локонахъ, только-что не при пудрѣ; вся вспыхнувъ, она встала и съ трудомъ проговорила:

— Маменька скоро войдетъ, покорнѣйше прошу.

Федоръ Петровичъ сѣлъ, откашлянувшись, хотѣлъ говорить, да чувствовалъ, что надо обождать немножко, потому что вся кровь вступила въ лицо и совсѣмъ задушила — слова нельзя сказать не откашлянувшись.

— Жаркое время, сказала Катенька.

— Очень-съ, отвѣчалъ Федоръ Петровичъ.

— Сегодня, кажется, въ воксалѣ балъ?

— Не могу знать.... навѣрно-съ.

Послѣ этого краткаго вступленія въ разговоръ, пролетѣлъ, какъ говорится по-русски, *тихий ангелъ*.

— Вы видѣли эти картинки? спросила снова Катенька, взявъ со стола тетрадку видовъ Рейна.

— Нѣтъ-съ, не видалъ, отвѣчалъ Федоръ Петровичъ, взявъ тетрадку въ руки.

— Прекрасныя картинки.

— Кто это дѣлалъ-съ?

— Это въ Англии гравировано.

— Въ Англии-съ? Это удивительно!

— Безподобная гравировка!

— А позвольте узнать, что онѣ представляютъ?

— Разные виды.

— Виды-съ? сказалъ Федоръ Петровичъ значительно: въ первый разъ вижу-съ, безподобно!

Но Федоръ Петровичъ смотрѣлъ и ничего не видалъ; наконецъ положивъ книгу какъ вещь, которая была не по его части, уставилъ снова глаза на Катеньку и снова сталъ откашливаться; а Катенька снова потупила стыдливый взоръ въ землю. Живой румянецъ игралъ на ея щекахъ; она была очень мила.

Отъ головы Федора Петровича приливъ отхлынулъ, онъ сталъ смѣлѣе осматривать смущенную Катеньку, и наконецъ собрался съ духомъ.

— Вы, я думаю, также изволите пѣть? началъ онъ.

— Да, я пою немножко, отвѣчала Катенька.

— Чудный голосъ у сестрицы вашей, такой звонкой, что.... какъ бы это сказать-съ....

— Да-съ, отвѣчала Катенька.

— Вы, я думаю, слышали, Катерина Петровна, началъ слова Федоръ Петровичъ, помолчавъ немного и откашлянувшись.

— Какъ сестрица поеть? Какъ же не слышать, сказала Катенька простодушно, не винкая въ вопросъ.

— Слышали-съ?... Да я не то хотѣлъ сказать, Катерина Петровна, я хотѣлъ сказать, изволили ли вы слышать, вотъ насчетъ того-съ....

— Насчетъ чего? спросила Катенька.

— Насчетъ того-съ, что вотъ я-съ.... если бъ былъ столько счастливъ....

Вдругъ послышалось, что въ залу кто-то вошелъ, зашумѣло платье.

Федоръ Петровичъ смутился, взглянулъ.... Саломея Петровна уже въ гостиной.

— Ахъ, сестрица! вскричала Катенька.

— А ты меня не ожидала? отвѣчала Саломея, кланяясь Федору Петровичу, который всталъ съ мѣста и расшаркался.

— Ты, Катя, кажется, куда-то собралась?

— Нѣтъ, никуда, сестрица!

— Къ чему жъ это ты такъ разряжена? Что-то такое въ тебѣ странное! Ахъ, Боже мой, накладные локоны!... Ахъ, какъ ты смѣшна въ нихъ!... Что это маменькѣ вздумалось позволить тебѣ нарядиться шутихой?... Вы давно ужъ у насъ?

— Сейчасъ только-съ, отвѣчалъ Федоръ Петровичъ.

— Очень пріятно! Сдѣлайте одолженіе, садитесь!... Катя, подай, милая, мнѣ скамеечку подъ ноги!... Какъ вамъ нравится Москва?

— Очень нравится-съ.... Нельзя не понравиться-съ, такой городъ....

— Не удивляюсь, здѣсь очень пріятно можно проводить время, особенно у кого есть состояніе. Вы, я думаю, уже осмотрѣли всѣ рѣдкости Москвы?

— Признаюсь, времени не было-съ.... все ѣздилъ по дѣламъ съ.... переѣзжалъ съ квартиры на квартиру-съ....

— Ахъ, пожалуйста, осмотрите, здѣсь столько любопытнаго, столько интереснаго!

— Непремѣнно-съ! при первомъ же случаѣ....

— Непремѣнно осмотрите, это стоить вашего вниманія. Вы здѣсь на-время или проѣздомъ?

— Нѣтъ-съ, я хочу выйти въ отставку-съ.... хочу пристроиться.... такъ чтобы ужъ.... основаться, то есть, здѣсь....

— Ахъ, какъ умно вы дѣлаете; ну, что служба! я думаю, вамъ надоѣла?

— Да-съ, немножко, нельзя сказать чтобъ.... ужъ, конечно, служба все не то-съ....

— О, я вѣрю вамъ; прослуживши, надо испытать и удовольствія жизни, посвятить себя семейству, не правда ли? спросила съ вѣжливой улыбкой Саломея.

— Совершенно такъ-съ, отвѣчалъ Федоръ Петровичъ, подтянувъ галстухъ по-выше.

— О, я съ вами согласна. Куда ты, Катя?

— Я сейчасъ приѣду, сестрица.

— Васъ, я думаю, не заняла сестра, промолчала все время?

— Ахъ, вѣтъ-съ, онѣ изволили говорить со мной.

— Говорила? вотъ чудо! отъ нее слова не добьешься! Почти двадцать лѣтъ, а по-сію-пору смотритъ ребенкомъ, не правда ли?

— Да-съ, онѣ очень молоды.

— Но въ эти годы стыдно уже быть ребенкомъ. И вамъ не жалко будетъ разстаться съ мундиромъ?

— Что жъ дѣлать-съ, конечно, привычка вторая натура — да что жъ дѣлать-съ!....

— Именно. Я откровенность очень люблю. Вы не повѣрите, какъ мало откровенныхъ мужчинъ!

— Неужели-съ?

— Увѣрю васъ; а потому разговоръ съ ними такъ связанъ, такъ скученъ. Мнѣ кажется, военные люди всегда прямѣе, откровеннѣе и безцеремоннѣе статскихъ.

— Это точно такъ-съ, истинная правда! сказалъ Федоръ Петровичъ, и невольно приосанился.

— Очень рада, что сошлась съ вами въ мнѣніи; я ужасно какъ не люблю церемоній, люблю говорить и дѣйствовать прямо.... Я думаю и вы также?

— Вы угадали-съ.

— Кажется, маменька идетъ.... Очень жаль, что нашъ откровенный разговоръ прерывается.

— Ахъ, Саломея, ты ужъ воротилась? какими это образомъ?.... Очень приятно, что вы пожаловали къ намъ, сказала Софья Васильевна, обращаясь къ Федору Петровичу съ принужденной улыбкой, между-тѣмъ, какъ досада, что Саломея воротилась очень не кстати домой, ясно выражалась у нея на лицѣ.

— А гдѣ же папенька?

— Его нѣтъ дома, мой другъ. Что жъ ты не поѣхала на вечеръ къ княгинѣ?

— Ахъ, скука какая эти вечера, шаташ; я пріятнѣе проведу время дома. Вотъ, можетъ-быть, мы сядемъ въ вистъ: я буду играть за папеньку, сказала Саломея, обращаясь къ Ѳедору Петровичу.

— Очень пріятно-съ, отвѣчалъ Ѳедоръ Петровичъ: съ великимъ удовольствіемъ-съ, если угодно, я всегда готовъ-съ.

Хоть это было очень непріятно Софѣ Васильевнѣ, но нечего было дѣлать, гость изъявилъ свое согласіе играть. Впрочемъ, думала она: лучше заняться игрой, нежели разговоромъ.

Столъ поставленъ. Сѣли. Играютъ; но Софья Васильевна не замѣчаетъ, что дѣлаетъ Саломея. Взгляды ея на Ѳедора Петровича не просты. Ѳедоръ Петровичъ съ-роду не чувствовалъ такого вліянія глазъ. Эти глаза вызываютъ его на вистъ. Онъ бы навѣрное проигралъ, но Саломея Петровна съ намѣреніемъ втрое проигрываетъ. Наконецъ игра кончена—считаются. Саломеѣ слѣдуетъ платить.

— Заплатите за меня, маменька, говоритъ она матери по-французски.

Софья Васильевна идетъ за деньгами.

— Позвольте за вами оставить до другаго разу, говоритъ учтивый Ѳедоръ Петровичъ.

— Ахъ, Боже мой, да удастся ли мнѣ съ вами играть? отвѣчала она грустно.

— Почему же-съ.

— Когда вы у насъ будете?

— Какъ прикажете-съ.

— Завтра будете? Завтра папеньки опять не будетъ дома и я буду играть вмѣсто его.

— Съ особеннымъ удовольствіемъ.

Саломея Петровна знала, что назавтра взять уже билетъ въ концертъ и никого не будетъ дома.

Путру Василиса Савишна явилась къ Ѳедору Петровичу, чтобъ узнать, чѣмъ рѣшилось дѣло; но Ѳедора Петровича не было уже дома, онъ отправился на почту, справиться, нѣтъ ли извѣстій изъ полка. Потомъ, исполняя данное слово Саломеѣ Петровнѣ, отправился осмотрѣть московскія рѣдкости.

— Гдѣ тутъ московскія рѣдкости? спросилъ онъ извозчика: ступай туда!

— Рѣдкости? какія же, ваше благородіе?

— А почему я знаю, я ихъ еще не видалъ.

— А! понимаю! пушка большая, да колоколь?

— Что жъ тутъ удивительнаго въ пушкѣ? пушки я видалъ и осадныя.

— А такую видали—съ домъ?

— Нѣтъ.

— И Ивана-великаго не видали, ваше благородіе?

— Кто такой Иванъ-великой?

— А колокольная-то въ Кремлѣ.

— Да отчего жъ она Иванъ?

— Какъ отчего? оттого что диковника. На ней, чай, два ста колоколовъ. Какъ во всѣ ударить, такъ по всей землѣ слышно; да указомъ запрещено. Какъ были здѣсь Французы, да и ударили-было во всѣ, чтобъ, видишь, дать знать въ свою землю, что имъ плохо приходится; анъ всѣ стѣны такъ и посыпались, словно песчаныя, и Палевона-то задавили-было. А про большой колоколъ и говорить нечего. Какъ вылили его, повѣсили, да легонько раскачали языкъ, какъ заревѣлъ: земля такъ и заходила. Всѣ перепугались, и не приведи Господи, какъ! Да три лѣта гудѣлъ, пока совсѣмъ утихъ.

Нельзя было Ѳедору Петровичу не повѣрить этимъ рассказамъ, когда онъ увидѣлъ Ивана-великаго, большой колоколъ и царь-пушку. Съ двѣнадцати часовъ до вечеренъ смотрѣлъ на нихъ Ѳедоръ Петровичъ и дивился. Въ дополненіе рассказовъ своихъ извозчикъ прибавилъ, что и часовой подлѣ пушки стоитъ длятого, чтобъ изъ нея никто не стрѣлялъ.

Между-тѣмъ какъ Ѳедоръ Петровичъ разсматривалъ рѣдкости Москвы, Василиса Савишна снова пріѣхала къ нему въ обѣденное время,—Ѳедора Петровича нѣтъ какъ нѣтъ. Долго ждала его съ безпокойствомъ, но не вытерпѣла; любопытство какъ и что происходило, повлекло къ Софѣ Васильевнѣ. Софья Васильевна рассказала ей, какъ Саломея помѣшала переговору съ Ѳедоромъ Петровичемъ, и велѣла просить его завтра на вечеръ.

— Медлить нечего, я вижу, что онъ внѣ себя отъ Кати, и сама вложу ему въ уста что говорить; потому что онъ не ленокъ и долго не соберется съ духомъ высказать свое предложеніе.

— И лучше, сказала Василиса Савишна: онъ простая душа, съ нимъ нечего церемониться.

Отъ Софьи Петровны Василиса Савишна заѣхала кой-куда, также по важнымъ дѣлишкамъ; а часу въ осьмомъ вечера ду-

мала навѣрно застать Ѳедора Петровича дома. Но Ѳедоръ Петровичъ скакалъ уже на званый вечеръ.

Саломея Петровна, сказавшись не такъ здоровой, и отправивъ папеньку, маменьку и сестру въ театръ, отдала приказъ по передней, что если кто-нибудь прѣдетъ, не отказывать.

Ѳедоръ Петровичъ не долго заставилъ себя ждать. По обычаю, въ передней ему сказали: «Пожалуйте!» Саломея Петровна пѣла, когда онъ вошелъ.

— Ахъ, это вы? сказала она, оставляя ройаль: папенька и маменька скоро возвратятся, покорно прошу! Какъ вы провели время со вчерашняго дня?

— Очень пріятно-съ, смотрѣлъ рѣдкости московскія.

— И, вѣроятно, нашли много достопримѣчательнаго.

— Удивительныя вещи: пушка особенно!

— Ахъ, вамъ понравилась большая пушка! сказала Саломея улыбаясь: да вѣдь она не годится ни на какое употребленіе.

— Какъ-съ, вѣдь изъ нее, говорятъ, стрѣляютъ.

— О, нѣтъ! гдѣ жъ столько взять пороху.

— Пороху-съ? чтѣ жъ такое: почему же... порохъ—ничего-съ.

— Впрочемъ не знаю, вамъ это лучше извѣстно.... Были вы въ театрѣ?

— Нѣтъ-съ, не былъ, все какъ-то еще не пришлось быть.

— О, такъ вамъ еще многое предстоитъ осмотрѣть въ Москвѣ: театръ, благородное собраніе.... Здѣсь часто бываютъ концерты, маскарады; время проходитъ очень пріятно; вы увидите, какой рай Москва, и не разстанетесь съ ея удовольствіями. Лѣтомъ на дачу, или въ деревню, прогулки, верховая ѣзда, катанье на лодкахъ, бѣганье, игры.... Ахъ, какая у насъ деревня! и недалеко отъ Москвы....

Саломея Петровна насчитала столько удовольствій, предстоящихъ Ѳедору Петровичу, что у него проявилась жажда скорѣе ими воспользоваться; она выспросила у него всѣ его вкусы, все чтѣ ему нравится, и привела его въ совершенный восторгъ восклицаніями: ахъ, это и мой вкусъ! ахъ, и я ужасно какъ это люблю! ахъ, я совершенно согласна съ вами!

— У васъ живы еще родители?

— Нѣтъ-съ, волею Божіею скончались.

— Такъ вы совершенно располагаете собою? Вѣроятно, у васъ много родныхъ?

— Ни одного человѣка-съ.

— Ахъ, Боже мой, какъ вамъ должно быть скучно! произнесла Саломея Петровна, измѣнивъ вдругъ мажоръ голоса на миноръ: не имѣть никого, кто бы привязывалъ васъ къ жизни! Чтò можетъ замѣнить сладость семейной жизни: въ ней только и живутъ удовольствiя. Вѣрно, этотъ недостатокъ очень чувствителенъ для васъ.

— Очень-съ, очень-съ! сказалъ Федоръ Петровичъ, проникнутый до глубины сердца этимъ недостаткомъ, котораго онъ досихъ-поръ и не чувствовалъ.

— Ахъ, я понимаю, какъ это должно быть для васъ горько; своя семья—это такое счастье!... Взаимная любовь! о, я не удивляюсь теперь, что вы еще не пользовались удовольствiями Москвы. Вы вѣрно и посреди людей чувствуете свое одиночество, не правда ли?

— Совершенно такъ-съ! произнесъ растроганный Федоръ Петровичъ. — Никто еще въ жизни не говорилъ съ нимъ такъ сладко и съ такимъ участiемъ: — Я несчастный человекъ-съ! прибавилъ онъ.

— Отчего жъ вы несчастливы? Вы располагаете сами собою; вѣдь ваша судьба вполнѣ отъ васъ зависитъ. Дѣвушка, совѣмъ другое: дѣвушка не можетъ собою располагать.

— Отчего же, Саломея Петровна?

— Очень натурально; напрямѣръ, вы, какъ свободный человекъ, можете составить свое счастье по желанiю, можете жениться на той, которую выберетъ ваше сердце; а не на той, которую бы стали вамъ навязывать на шею, — неправда ли?

— Совершенно такъ! могу сказать! Нѣтъ, ужъ мнѣ не навязуютъ-съ!

Въ мысляхъ Федора Петровича родилось подозрѣнiе, что ему хотять навязать Катеньку.—Нѣтъ-съ, если ужъ жениться, такъ по выбору.

— О, безъ-сомнѣнiя, благородный человекъ такъ и думаетъ. Представьте себѣ несчастiе: навязутъ какую-нибудь безсловесную дурочку, у которой нѣтъ ни сердца, ни души: цѣлый вѣкъ прожить съ такимъ существомъ! это ужасно!

Федору Петровичу опять представилась Катенька, стыдливая, скромная и молчаливая Катенька.

Онъ задумался, откашлянулся, проговорилъ: совершенно такъ-съ! и опять замолчалъ.

Саломея Петровна поняла эту безпокойную задумчивость, и въ душѣ радовалась успѣху своего замысла.

— Вы задумались; какъ бы я желала знать о чемъ? сказала она очень нѣжнымъ голосомъ, но съ улыбкою, которую полагъ по-своему Ѳеодоръ Петровичъ.

— Я-съ...., началъ Ѳеодоръ Петровичъ, но не могъ продолжать; вынулъ изъ шляпы платокъ и отеръ лицо.

— Я люблю откровенность, сказала простодушнымъ голосомъ Саломея.

— Позвольте узнать, Саломея Петровна, правда ли, что вы никогда не выйдете за мужъ?

— Это кто вамъ сказалъ? спросила съ удивленіемъ Саломея.

— Сказали-съ....

— Я прошу васъ сказать мнѣ, кто и по какому случаю, — вы вѣрно отъ меня не скроете, потому что вы благородный человекъ!

— Саломея Петровна! отвѣчалъ робко Ѳеодоръ Петровичъ: дѣйствительно, не могу скрыть отъ васъ.... потому что....

Ѳеодоръ Петровичъ остановился и не смѣлъ продолжать. Но Саломея Петровна поддержала его.

— Говорите, пожалуйста, прямо, сказала она: вы можете быть увѣрены, что все, что вы скажете, останется между нами.

Ѳеодоръ Петровичъ откашлянулся, снова отерся какъ утомившійся до поту лица и принимающійся снова за тяжкую работу. Онъ придумывалъ, какъ бы краснорѣчивѣе выразиться и встать въ свою рѣчь судьбу.

— Потому что судьба-съ, началъ онъ, когда я увидѣлъ васъ, зависеть отъ этого.... я тотчасъ же.... но мнѣ сказали, что вамъ и слышать не угодно....

Саломея Петровна поняла.

— Вамъ это сказали? вскричала она, какая низость!

— Сказали и предложили вашу сестрицу....

— А, теперь я понимаю! Васъ хотѣли женить на моей сестрѣ, и потому-то находили предлоги удалить меня изъ дому, когда вы пріѣзжали къ намъ.... какъ вамъ это нравится?

— Помилуйте-съ, какъ можно, чтобъ это нравилось; я желаю получить вашу руку, Саломея Петровна, а не сестрицы вашей.... если смѣю надѣяться.... Что жъ мнѣ сестрица!...

— Что-съ? сказала Саломея съ взволнованнымъ чувствомъ самолюбія; простодушное предпочтеніе оказанное ей, пріятно по-

льстиво ее: онъ не такъ глупъ, какъ я себѣ воображала, подумала она: онъ богатъ, его можно образовать.

— Получить вашу руку! повторилъ тихонько Федоръ Петровичъ.

Саломею Петровну, казалось, смутило неожиданное предложеніе: но сердце ея прыгало отъ самодовольствія; въ мысляхъ вертѣлось: да, да, я выйду за него.... меня хотѣли провести; но я скорѣе проведу васъ!... да мнѣ же и надоѣли эти четыре стѣны, и эта вѣчная зависимость!... еще, чего добраго, обвиняемъ.... поѣдемъ на заточеніе въ деревню!... нѣтъ, лучше быть за уродомъ.... и мало ли мужей дураковъ: сколькихъ я ни знаю, всѣ дураки.... а онъ очень сносенъ; не свѣтскій человѣкъ — экая бѣда! я его образую! Да! и пусть всѣ думаютъ, что я вышла по страстной любви! не иначе! Не умѣли цѣнить меня, — пусть жалѣютъ!...

Федоръ Петровичъ ждалъ съ трепетомъ отвѣта.

— Вы мнѣ сдѣлали честь, сказала она, я отъ нее не отказываюсь; вы мнѣ нравитесь....

— Саломея Петровна! вскричалъ было Федоръ Петровичъ.

— Ахъ, тише!... Я васъ прошу не говорить объ моемъ согласіи маленькѣ: это все разстроить. Вы когда опять будете къ намъ?

— Завтра же, если позволите.

— Вамъ назначили время?

— Нѣтъ, не назначили.

— Такъ сдѣлайте такъ, какъ я вамъ скажу. Когда васъ позвуютъ на вечеръ, можетъ-быть и завтра, потому что вѣрно торопятся навязать вамъ на шею мою сестрицу. Вы пріѣдете.... Да, нѣтъ, это не годится; я знаю, что меня за васъ по доброй волѣ не выдадутъ....

— Отчего же, Саломея Петровна?

— Отчего? оттого, что отъ меня требуютъ, чтобъ я вышла за другаго, а я лучше убѣгу изъ дому!... я не могу противъ желанія выйти замужъ!...

Саломея Петровна непремѣнно хотѣлось по-крайней-мѣрѣ кончить дѣвическое поприще романтическимъ образомъ. Если бъ она была Елена и явился вторично Парисъ, готовый ее похитить, она бѣжала бы съ нимъ только длятого, чтобъ снова возгорѣлась Троянская Война, и она имѣла право сказать: Я причиною этой войны».

— Да! мнѣ только остается бѣжать изъ дому съ тѣмъ, кого люблю! другаго средства нѣтъ! прибавила она голосомъ томнаго отчаянія.

Федоръ Петровичъ былъ хоть и не изъ числа героевъ, но онъ слышалъ, что страстными любовникамъ почти всегда случается увозить своихъ милыхъ.

— Что жъ, Саломея Петровна, я васъ увезу, если позволите, сказалъ онъ расхрабрысь.

— О, я на все согласна! Но куда мы бѣжимъ?

— Куда угодно-сь.

Саломея Петровну, казалось, затруднилъ этотъ вопросъ и она задумчиво спросила: ваше имѣніе далеко отсюда?

— Близѣхонько, верстъ сто съ небольшимъ; у меня тамъ и домъ, и все есть, и церковь, и все-сь.... сдѣлайте одолженіе, Саломея Петровна... сказалъ Федоръ Петровичъ, кланяясь.

— Я рѣшилась.... но, какимъ же образомъ?

— Ужъ это какъ прикажете, отвѣчалъ Федоръ Петровичъ, не зная самъ, какимъ образомъ увозять.

Но это покорное предоставленіе права распоряжаться было въ духѣ Саломеи Петровны; она подумала, и сказала: — Медлить нельзя; завтра въ шесть часовъ вечера я пріѣду въ голицынскую галерею; экипажу своему велите остановиться со стороны театра, и ждите меня у входа. Только пріѣзжайте въ крытомъ экипажѣ, чтобъ меня не узнали.

— Непремѣнно-сь, въ шесть часовъ подлѣ театра.

— Подлѣ голицынской галереи.

— Непремѣнно-сь! повторилъ Федоръ Петровичъ, и не зная, что ему дальше говорить.

— Теперь намъ должно разстаться: я думаю, маменька скоро возвратится, сказала Саломея Петровна, вставая и подавая руку.

Федоръ Петровичъ не умѣлъ пользоваться правами героевъ романа, и не смѣлъ выйти изъ границъ форменнаго поцѣлованія руки; поцѣловалъ, шаркнулъ, поклонился и отправился.

Быть героемъ, хоть и не настоящимъ, а романическимъ, очень пріятно. Федоръ Петровичъ, несмотря на неопытность свою по части приключеній любовныхъ, чувствовалъ, однако же, наслажденіе и какую-то торопливую дѣятельность во всѣхъ членахъ. Впродолженіи всей ночи передъ нимъ развивался сказочный міръ, похищеніе царевенъ. Рано поутру озабочился онъ о наймѣ кареты въ четыре лошади рядомъ и приказалъ деньщику укладываться.

— Вчера три раза прибѣгала, вотъ эта, какъ ее.... Василка Савишна; по часу сидѣла, ждала васъ, хотѣла сегодня поутру опять прійти.

— Не пускай ее, скажи, что дома нѣтъ.

— Да она ворвется, сударь, въ комнату; скажетъ, что подожду!

— Ну, не пускай, да и только! вотъ тебѣ разъ!

— Ужъ если вы приказали, такъ не пушу!... Чу, вотъ прилетѣла, стучить.

Федоръ Петровичъ молча присѣлъ въ уголъ, а Иванъ подошелъ къ двери и спросилъ:

— Кто тамъ?

Отвѣта нѣтъ, а въ дверь кто-то постучиваетъ.

— Чтò за чортъ, кто тамъ? спросилъ Иванъ, пріотворивъ дверь.

— Я, Иванушка, проговорила Василиса Савишна, и сунулась въ дверь.

— Позвольте-съ, дома нѣтъ!

— Какъ дома нѣтъ?

— Изволилъ уѣхать.

— Съ кѣмъ же ты тутъ разговаривалъ?

— Съ кѣмъ разговаривалъ, я ни съ кѣмъ не разговаривалъ.

— Вотъ прекрасно, я вѣдь слышала.

— Чтò жъ что слышала? Я бранился на деревянную ногу, что изъ сапога вонъ не лѣзеть; вотъ и все!

— Такъ я подожду.

— Нѣтъ, ужъ извините, мнѣ надо идти, я запру.

— Ну, хорошо, я послѣ прійду; позволь мнѣ только поправиться передъ зеркаломъ.

— Нѣтъ-съ, позвольте.

Иванъ торопливо приперъ двери изъ передней въ комнату. Василиса Савишна удивилась; но ей ни какъ не пришло на мысль, что ее выживають.

— Ну, ну, не буду мѣшать. Вѣрно гости? прибавила она шопотомъ, усмѣхаясь. Я приду часа черезъ два.

Она ушла.

— Чтò?

— Опять хотѣла прійти.

— Чортъ какой, неотвязчивый! Давай одѣваться; я поѣду на почту; какъ придетъ эта баба, такъ скажи ей, что въ шесть часовъ я буду ждать ее.

Федоръ Петровичъ отправился; Василисѣ Савишнѣ переданы были его слова. Она прибѣжала въ третій разъ; но и слѣдъ Федора Петровича уже простылъ. Въ пять часовъ сѣлъ онъ въ дорожную карету, и приказалъ ѣхать въ голицыскую. Его

привезли въ голицынскую больницу. Это театр? спросилъ онъ, выходя изъ кареты.

— Какой театр, сударь; это голицынская больница.

— Да гдѣ жь театр? вѣдь подлѣ театра голицынская, какъ-бишь ее....

— Такъ это галерея, сударь; такъ бы и сказали; эхъ, барянь, сколько мы лишняго пути сдѣлали!

Это однако же не помѣшало Ѳедору Петровичу пріѣхать въ-время на назначенное мѣсто; потому что героиня романа любила во всякомъ случаѣ заставить себя ждать. Какъ удивился Иванъ, когда великолѣпно разодѣтая дама, въ роскошномъ манти, въ шляпкѣ съ перомъ, вышла изъ галереи, подала руку Ѳедору Петровичу, сѣла съ нимъ въ карету, и поѣхала.

Между-тѣмъ Василиса Савишна прибѣжала въ шесть часовъ вечера въ гостиницу, стукнула въ дверь номера, занимаемаго Ѳедоромъ Петровичемъ: никто не отвѣчаетъ. Приложила ухо къ двери, посмотрѣла въ замочную скважину, — никого нѣтъ!

— Опять нѣтъ! чтѣ за чудеса!

Поскакала къ Софѣ Васильевнѣ.

— Не у васъ?

— Нѣтъ еще.

— Чтѣ за диво такое, всё дома нѣтъ, да дома нѣтъ! сейчасъ была, самъ велѣлъ сказать мнѣ, что будетъ ожидать меня въ шесть часовъ.

— Чтѣ это? моя карета ѣдетъ! сказала Софья Васильевна: Саломея воротилась домой! Опять помѣха! И лучше, если онъ не будетъ сегодня!

Вошелъ слуга.

— Чтѣ ты? А гдѣ же Саломея Петровна?

— Въ голицынской галереѣ-съ; приказали ѣхать домой и сказать, чтобъ ее не дожидали-съ.

— Какъ не дожидали? съ кѣмъ же она поѣхала?

— Не могу знать-съ! какъ пріѣхали къ голицынской галереѣ, онѣ изволили выйти изъ кареты, а мнѣ велѣли ѣхать домой, да изволили сказать: скажи маменькѣ, чтобъ меня не дождала.

— Съ кѣмъ же она поѣхала?

— Не могу знать-съ.

— Не дождала! Куда не дождала? ты, вѣрно, перевралъ.

— Никакъ нѣтъ-съ; какъ приказано сказать, такъ я и докладываю.

— Не можетъ быть! вѣрно кто-нибудь тамъ былъ изъ знакомыхъ.

Часовъ до двухъ за-полночь безпокою Софью Петровну только недоумѣніе: съ жѣмъ поѣхала Саломея? Пробило два, пробило три, началась суматоха: Саломеи нѣтъ, а не знаютъ, куда послать за Саломеей. Призываютъ опять лакея, переспрашиваютъ, бранятъ, что онъ, вѣроятно, перевралъ, и что вѣрно Саломея Петровна велѣла куда-нибудь пріѣзжать за собой. Онъ божится, что нѣтъ. Призвали кучера, не слышалъ ли онъ, что приказывала Саломея Петровна? Онъ подтвердилъ слова Игната, а больше ничего не слышалъ.

— Она вѣрно принуждена была гдѣ-нибудь остаться ночевать! Теперь ужъ и посылать поздно, да и куда посылать!...

Чѣмъ свѣтъ карета отправилась по вѣсѣмъ роднымъ и знакомымъ, и возвратилась домой, съ извѣстіемъ, что Саломея Петровна нигдѣ нѣтъ.

Софья Васильевна въ отчаяніи и въ слезахъ; а Петръ Григорьевичъ ходитъ по комнатамъ, ломаетъ себѣ руки и гремитъ на весь домъ:

— Прекрасно! прекрасно! достойная дочь заботливой, разумной матушки! Осрамили, зарѣзали, убили! Это ни на что не похоже, это ужасъ! это поношеніе! Турусинъ звалъ на вечеръ, я далъ слово: на Турусина всѣ мои надежды.... О, да я знаю, что это вы съ намѣреніемъ, чтобы... это чортъ! она не скажетъ просто: «я бы не желала»; она выкинетъ на зло какую-нибудь штуку.... насмѣется надъ отцомъ, поставитъ его въ дураки! Эй! кто тамъ! скотина, что ты нейдешь когда тебя зовутъ! Пошелъ къ Платону Васильевичу Турусину, кланяйся и скажи, что Саломея Петровна заболѣла, и что мы не можемъ быть у него на вечерѣ.... Ну, что жъ ты стоишь?.... Постой! скажи, что я очень-очень сожалею.... слышишь?.....

Отправивъ челоуѣка къ Турусину, Петръ Григорьевичъ снова началъ ходить по комнатамъ и гремѣть.

А между-тѣмъ Василиса Савишна и не подозреваетъ, что у Софьи Васильевны пропала дочь. Ранѣеюно она торопится въ гостиницу Печкина, провѣдать о Феодорѣ Петровичѣ, опять постучивается въ дверь, прикладываетъ ухо и смотритъ въ скважину, — никого нѣтъ.

— Кого тебѣ, матушка? спрашиваетъ ее прислужникъ, проходя по корридору.

— Да вотъ мнѣ нужно видѣть господина, который здѣсь стоять.

— Это пустой номеръ, здѣсь никто не стоять.

— Какъ пустой? Не правда, здѣсь стоять военный.

— Вчера уѣхалъ.

Василису Савишну какъ водой обдало. Она всплеснула руками.

— Уѣхалъ? ну!

— А что?

— Гусёкъ!

— А что?

— Что ужъ и говорить! надулъ!

— Чѣмъ надулъ?

— Ну, да ужъ..... тьфу!

И Василиса Савишна побѣжала вонъ изъ корридора; но къ Софѣ Васильевнѣ побоялась итти провѣдать о Федорѣ Петровичѣ.

А. ВЕЛЬТМАНЪ.

=

II.

ИНОСТРАННАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

=

ПИКИЛЬО АЛЛЫАГА,

ИЛИ

МАВРЫ ПРИ ФИЛИПШЪ-ТРЕТЬЕМЪ.

=

РОМАНЪ ЕВГЕНІА СКРИБА.

=

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

=

Виродолженіи двухъ лѣтъ, которыя Пикильо провелъ въ гостинницѣ Доброй Помощи, въ обществѣ Карало и достойнаго капитана Бальсейро, въ Испаніи тоже происходили не менѣе важныя событія и мы попросимъ у читателей позволенія вернуться немножко назадъ.

Филиппъ-Второй завѣщалъ своему сыну, Филиппу-Третьему, войну съ Англіею, и графъ Лерма, которому хотѣлось ознаменовать первые дни своего министерства блестящею побѣдой, вооружилъ пятьдесятъ кораблей и поручилъ Мартину Падильѣ сдѣлать высадку на берега Британіи.

Испанскія морскія экспедиціи никогда не отличались большимъ счастьемъ. Флотъ графа Лермы постигла та же участь, какъ и знаменитую непобѣдимую Армаду. Едва корабли вышли въ море, буря разметала ихъ и принудила воротиться во-свояси, не давши непріятеля.

Для утѣшенія въ этой неудачѣ, министръ могъ сказать, какъ сказалъ Филиппъ-Второй: «Я посылаю мои корабли воевать съ людьми, а не стихіями». Но графъ Лерма не намѣренъ былъ покориться судьбѣ. Онъ надѣялся побѣдить ее настойчивостью и при первомъ удобномъ случаѣ вознаградить себя за убытки. Случай этотъ представился, какъ ему казалось.

Ирландія взбунтовалась противъ Елисаветы Англійской и министръ Филиппа-Третьяго, подъ предлогомъ вспомошествованія инсургентамъ, вздумалъ завладѣть этимъ островомъ и, утвердившись тамъ, отбить у Англичанъ и Голландцевъ владычество надъ морями.

Старые совѣтники Филиппа-Второго, опытные генералы, и между-прочимъ донъ Хуанъ д'Агиларъ, котораго также хотѣли послать въ эту экспедицію, всѣ утверждали, что расчетъ ошибоченъ; что отнять Ирландію у законной ея владычицы не такъ легко; что Ирландія и сама не захочетъ отложиться отъ Англіи, чтобы покориться Испаніи, и что для борьбы со всѣми силами Великобританіи недостаточно шести тысячъ человекъ.

На все это графъ Лерма отвѣчалъ, что финансы Испаніи въ эту минуту не позволяютъ вооружить армію болѣе значительную; что достоинство замѣнить число, и что, если донъ Хуанъ д'Агиларъ труситъ, то найдутся другіе, готовые защищать честь испанскаго оружія.

Послѣ этого кастильская гордость не позволяла д'Агилару долѣе прекословить. Онъ самъ вызвался командовать флотомъ, котораго уже нельзя было поручить Мартину Падильѣ, и отправился.

Плаваніе совершилось счастливо. Генералъ вышелъ на берегъ въ канальскомъ портѣ съ четырьмя тысячами солдатъ, овладѣлъ городомъ и укрѣпился. Въ то же время одинъ изъ его полковниковъ, Оккампо, вступилъ съ своею арміею въ Балтимору, и оба пошли далѣе, какъ-вдругъ узнали, что намѣстникъ ирландскій разбилъ и разбѣжалъ инсургентовъ; что отъ всей ихъ силы осталось тысяча четыре обезкураженныхъ и дурно вооруженныхъ мужиковъ, тогда какъ быстро преслѣдующій непріятель имѣетъ тридцать тысячъ превосходнаго войска.

— Я превидѣлъ это! сказалъ д'Агиларъ: но всё-равно! Пойдемъ выручать Ирландцевъ!

И онъ пошелъ впередъ.

Между-тѣмъ графъ Лерма выбиралъ изъ своихъ приближенныхъ вицерея для новой испанской провинціи, Ирландіи. Онъ затруднялся только, кому отдать предпочтеніе, своему дядѣ, графу Борхе, или зятю, графу де-Лемосу, которому не хотѣлось оставаться въ Наваррѣ. Во всякомъ случаѣ, однако жъ, его кровные имѣли первыя и неоспоримыя права на такое мѣсто, потому что самъ министръ смотрѣлъ на испанскую монархію, какъ на свое семейство, котораго онъ — голова.

На этомъ же основаніи онъ и брата своего, Бернарда Сандовалья, сдѣлалъ архіепископомъ Толедскимъ и вмѣстѣ великимъ инквизиторомъ.

Бернардъ Сандоваль, при двухъ такихъ должностяхъ, изъ которыхъ одна давала ему большой вѣсъ у духовенства, а другая страшную силу въ государствѣ, былъ въ главѣ правительства еще опаснѣе своего брата, перваго министра. Графъ Лерма, легкомысленный, безпечный, легко мѣнявшій идеи и правила, смотря по обстоятельствамъ, не имѣлъ собственно ни какого характера. Братъ его, Бернардъ-и-Ройасъ-де-Сандоваль, напротивъ, воображалъ, что имѣетъ характеръ. У него была одна совершенно испанская добродѣтель, которую онъ, въ качествѣ государственнаго человѣка, величалъ твердостью и которая въ сущности была не чтò иное какъ упрямство, глупее и часто дикое упрямство. Въ самомъ дѣлѣ, онъ никогда не отступалъ отъ мысли, которая однажды пришла ему въ голову, а хорошія рѣдко приходили.

— Я переломлюсь, но не согнуусь! говорилъ онъ.

— А я гнусь, чтобы не переломиться, отвѣчалъ графъ Лерма.

Впрочемъ, надобно сознаться, у обоихъ были и добрыя качества этихъ пороковъ. Легкомысленность графа Лермы не исключала ни добросердечія, ни милосердія, ни щедрости. Онъ былъ ангеломъ для всей своей семьи, легко прощалъ обиды, закидывалъ подарками, осыпалъ золотомъ даже тѣхъ, кого сеаживалъ съ мѣсто. Однако жъ и за эту щедрость и за великолѣпіе его ненавидѣлъ испанскій народъ, которому приходилось вынимать изъ своего кармана то, чтò первый министръ очень естественно считалъ своею собственностью.

У Бернарда Сандовалья, напротивъ, суровость права породила строгіе обычаи и чрезвычайно правильный образъ жизни. Онъ столько же отличался бережливостью, сколько братъ его расточи-

тельностью; онъ былъ чистъ; онъ былъ цѣломудренъ и никто не знавалъ за нимъ ни малѣйшей слабости. Онъ никого не любилъ, ни кому не уступалъ, ни кому не прощалъ, между-тѣмъ былъ очень уважаемъ, какъ епископъ и какъ инквизиторъ.

Ему первому, еще при Филиппъ-Второмъ, пришла великая идея изгнать Мавровъ изъ Испаніи. Онъ подѣлился этою идеей съ графомъ Лермой, который теперь уже смотрѣлъ на нее, какъ на свою собственную, и надѣялся осуществленіемъ ея прославить свое правленіе и на вѣки вѣковъ упрочить католичество.

Мавры, болѣею частію оставаясь въ душѣ магометанами, въ самомъ дѣлѣ только для вѣду исполняли обряды христіанскаго богослуженія. Они ходили въ церковь только за тѣмъ, чтобы избѣжать наказанія за нехождение. Они давали монахамъ крестить своихъ дѣтей, но потомъ купали ихъ въ теплой водѣ, чтобы смыть слѣды этого крещенія. Они вѣщались въ католической церкви, но, воротившись домой, запирали ворота и двери и снова праздновали свое торжество по-своему. Постоянно питая надежду на будущее освобожденіе, они долгое время поддерживали тайныя сношенія съ Турками и африканскими Маврамп. Когда алжирскіе корсары производили высадки на берега Андалузій, прибрежные жители изъ Мавровъ никогда не грабили и не жгли жилищъ своихъ соплеменниковъ и увлекали въ неволю однихъ христіанъ. Все это давно уже возбуждало подозрѣнія и вооружало мщеніе Филиппа-Второго. Онъ рѣшился совершенно истребить ихъ вѣру, обычаи, языкъ и даже одежду. Маврамъ подъ смертною казнью запретили носить оружіе и говорить на своемъ языкѣ. Дома повелѣно было отворить и женщинамъ являться безъ покрывала. Эти два повелѣнія въ-особенности породили большое неудовольствіе между магометанами, у которыхъ затворничество такъ тѣсно связано съ существенными постановленіями вѣры. Сверхъ-того имъ запретили всякія собранія, музыку, пѣнія и всѣ празднества, несогласныя съ мрачнымъ духомъ фанатизма, который тогда господствовалъ въ Испаніи.

Мавры, въ отчаяніи, взяли за оружіе и въ горахъ альпухар-расскихъ защищались такъ упорно, что усмиреніе ихъ стоило жизни шестидесяти тысячъ отборнаго испанскаго войска, которымъ начальствовалъ братъ короля, донъ Хуанъ Австрійскій. Кровь съ обѣихъ сторонъ лилась рѣками, куда побѣдители не стали менѣе строгими, а побѣжденные менѣе отважными.

Такимъ образомъ Мавры, бывшіе завоеватели и въ продолженіи сѣмьи съ тѣхъ лѣтъ владѣтели Испаніи, которую они просвѣтили,

обогащали и образовали, мало-по-малу утратили свою независимость, свою религію, свои права и обычаи. Подъ конецъ царствованія Филиппа-Второго у нихъ оставалась только родная земля, которую они удобрили своимъ потомъ и кровью, однако жъ они по-прежнему продолжали обогащать себя и своихъ притѣснителей плодами земледѣлія, торговли и промышленности, которыя процвѣтали въ ихъ рукахъ въ эпохи мира, и за огромныя подати и тяжкіе налоги, за обогащеніе и возвеличеніе городовъ Толеды, Гренады, Кордовы и Севильи, за обширную торговлю съ Африкой, Турціей и Левантомъ требовали только спокойствія и безопасности своихъ семействъ.

Но этого великій инквизиторъ Бернардъ-и-Ройасъ-де-Сандоваль и первый министръ, графъ Лерма, не могли уступить невѣрнымъ еретикамъ. Они выставили противъ нихъ донъ-Хуанъ Риберу, патріарха антиохійскаго и архіепископа валенсійскаго, извѣстнаго своею ненавистью ко всякой ереси, и этотъ фаворитъ представилъ слабому Филиппу-Третьему тайную записку, въ которой убѣждалъ совершенно изгнать изъ государства всѣхъ невѣрныхъ, оставивъ только дѣтей моложе семи лѣтъ, для воспитанія въ христіанской вѣрѣ, а изъ взрослыхъ только пужное число для работъ на галерахъ и въ рудокопняхъ.

Король сообщилъ эту записку своему министру и великому инквизитору. Министръ полагалъ, что нужно еще подождать болѣе удобнаго случая. Инквизиторъ утверждалъ, что это дѣло нужно кончить, чѣмъ скорѣй, тѣмъ лучше; но только находилъ мѣры валенсійскаго архіепископа слишкомъ кроткими и неудовлетворительными. Онъ видѣлъ единственное спасеніе въ совершенномъ истребленіи Мавровъ и предлагалъ вырѣзать всѣхъ, отъ стараго до малаго, чтобы положить одинъ конецъ навсегда.

Но исполненіе такого человѣколюбиваго проекта требовало большой осторожности и развитія большой военной силы, а въ ту минуту самыя отборныя испанскія войска находились въ Нидерландахъ и въ Ирландіи.

Рѣшились сохранить проектъ въ тайнѣ. Инквизиторъ и министръ понимали необходимость этой осторожности, но трудно было убѣдить въ томъ же архіепископа валенсійскаго, который принималъ свое изуверство за божественное вдохновеніе и считалъ всякое промедленіе тяжкимъ грѣхомъ. Однако жъ наконецъ и ему успѣли доказать, что при первой вѣсти о такой политической мѣрѣ, Мавры, разсѣянные по всему государству, вдругъ возстанутъ и будетъ худо. Ктому же король собирался жениться,

а такую эпоху милостей неудобно было бы праздновать иърами изгнанія и истребленія. Согласились въ королевской консултѣ говорить только о предстоящей свадьбѣ Филиппа-Третьяго.

Въ королевскую консулту, или тайный совѣтъ, который собирався въ собственныхъ покояхъ государя, при всѣхъ обыкновенныхъ государственныхъ обстоятельствахъ допускались сверхъ перваго министра только великій инквизиторъ, королевскій духовникъ и нѣсколько любимцевъ, которые изъ усердія принимали на себя трудъ за короля думать о благѣ отечества. Но въ такомъ необыкновенно важномъ случаѣ, какъ женитьба, рѣшились допустить къ совѣщанію и многихъ другихъ тайныхъ совѣтниковъ и даже нѣкоторыхъ молодыхъ людей, которые по рожденію уже были градами Испаніи и имѣли право на честь засѣдать въ королевскомъ кабинетѣ.

Въ этотъ день графъ Лерма, пожалованный за будущія заслуги государству въ герцоги, представилъ королю своего сына, графа Уседу, а маркизъ Миранда, старшій въ родѣ Сунника, испросилъ той же чести для своего родственника, донъ-Фернандо д'Альбайды, одного изъ первыхъ бароновъ королевства Валенсіи.

Донъ-Фернандъ, съ обыкновеннымъ ощущеніемъ скромнаго молодаго человѣка, краснѣя, поклонился своему монарху и верховному совѣту, о величій и важности котораго заранѣе составилъ себѣ очень высокое понятіе.

Многіе члены разсуждали между собою о цвѣтѣ костюмовъ, какіе надѣнутъ въ депъ вѣзду королевы.

Великій инквизиторъ перебиралъ зерна своихъ четокъ. Первый министръ на оборотѣ какого-то королевскаго повелѣнія чертилъ карандашомъ герцогскую корону, а Филиппъ-Третій, опрокинувъ голову на спинку, считалъ на потолкѣ золоченыя розетки. Одинъ только архіепископъ валенсіійскій, донъ-Хуанъ Рибейра, казалось, былъ погруженъ въ глубокую думу и не принималъ никакого участія въ томъ, чтѣ происходило около него.

Молодой графъ Уседа, гордый своимъ званіемъ и заслугами своего отца, съ самоувѣренностью поглядывалъ вокругъ и не разъ съ презрѣніемъ останавливалъ взоръ на донъ-Фернандѣ, который осмѣливался раздѣлять почести, слѣдовавшую по всѣмъ правамъ одному сыну перваго министра.

Герцогъ Лерма, съ позволенія короля, открылъ засѣданіе и торжественно объявилъ собранію, что новый союзъ наконецъ положительнo рѣшенъ и нынѣ еще тѣснѣе и прочтѣе соединить потомковъ Карла-Пятаго, — его католическое величество всту-

насть въ бракъ съ дочерью эрцъ-герцога Карла, Маргаритою Австрійскою. Министръ прибавилъ, что принцесса уже выѣхала изъ Германіи въ Италію и прибыла въ Геную.

Потомъ начались совѣщанія о церемоніалахъ и устройствѣ празднествъ. Предложенія министра дѣлали честь его вкусу и изобрѣтательности. Правда, что роскошь его должна была стоить милліона червонцевъ, но онъ описалъ королю и совѣту состояніе финансовъ Испаніи такими красками, что нельзя было не согласиться съ его намѣреніемъ, праздновать бракосочетаніе перваго короля въ христіанствѣ самымъ достойнымъ образомъ и соразмѣрно съ неисчерпаемыми богатствами государства.

Когда первый министръ кончилъ свою рѣчь, король милостиво кивнулъ головой, въ знакъ согласія, и прочимъ совѣтникамъ оставалось только послѣдовать примѣру. Такъ дѣлалось почти всегда. Но на этотъ разъ министръ самъ желалъ доставить своему сыну случай блеснуть въ совѣтѣ и съ обязательною улыбкой обратился къ молодымъ членамъ, только-что получившимъ право голоса въ королевскомъ присутствіи.

— Чтò вы думаете, гранды и господа, баронъ Фернандъ д'Альбайда и графъ Уседа? Скажите ваше мнѣніе. Я увѣренъ, что его величеству пріятно будетъ выслушать.

Король кивнулъ въ знакъ согласія головою, и министръ далъ сыну знакъ, чтобы начиналъ.

Уседа началъ импровизировать рѣчь, которая давно была приготовлена и просмотрѣна батюшкой; обратился къ королю съ изящнымъ и лестнымъ привѣтствіемъ касательно предстоящаго союза, славилъ высокія достоинства монарха и глубокой, проникательный разумъ въ управленіи дѣлами и въ выборѣ достойныхъ людей. Отсюда, натурально, слѣдовала похвала первому министру и полное одобреніе всѣхъ его предложеній, и ораторъ кончилъ восхитительною картиною настоящаго и будущаго благосостоянія всѣхъ Испаній и Индій.

За эту рѣчью послѣдовалъ всеобщій гòворъ одобренія.

Дошла очередь до Фернанда. Онъ началъ съ скромныхъ извиненій своей молодости и неопытности, но передъ государемъ и великимъ совѣтомъ, удостоившимъ его вопросу, считалъ священной обязанностью говорить правду, по мѣрѣ силъ ума и сердечнаго убѣжденія. Потомъ онъ съ совершенно кастильскимъ благородствомъ и откровенностью приступилъ къ самому дѣлу, признался, что съ удовольствіемъ повѣрилъ бы въ действительность картины, которую развернулъ графъ Уседа, если бы не

видѣлъ, что и графъ Уседа и министръ явно введены въ заблужденіе тѣми, отъ кого они получаютъ свѣдѣнія. Затѣмъ онъ ясно, отчетливо описалъ состояніе Валенсіи, въ которой имѣлъ большія помѣстья и почитался однимъ изъ богатѣйшихъ бароновъ; доказалъ, что города и села обременены налогами; что подати не только уже забраны за два года впередъ, но что по случаю предстоящей свадьбы потребованы подати впередъ за третій годъ и тѣмъ возбуждено неудовольствіе всего населенія по такому поводу, который долженъ бы былъ распространять только радость и удовольствіе. Этого факта король и министръ, конечно, не знаютъ. Иначе они не могли бы поступить столь не политически и несправедливо, чтобы для покрытія издержекъ на торжество, такъ обременить и притѣснить одну Валенсію, тогда какъ всѣ другія провинціи, по свѣдѣтельству совѣта, наслаждаются богатствомъ и благоденствіемъ.

Эта рѣчь, произнесенная съ твердостью, привела герцога Лерму и весь совѣтъ въ несказанное замѣшательство, которое еще увеличилось, когда король обратился къ министру и сказалъ:

— Этотъ молодой человекъ правъ. Надобно, чтобы наши вѣрныя подданные королевства Валенсіи пользовались тѣми же благами, какими подъ вашимъ управленіемъ наслаждаются всѣ другія провинціи Испаніи. Объявите имъ, что они по случаю нашей свадьбы на два года совершенно избавляются отъ всякихъ податей и налоговъ.

Но изумленный глубокимъ молчаніемъ, которое царствовало вокругъ него, король испугался, не слишкомъ ли далеко зашелъ, и нерѣшительно обращаясь къ герцогу Лермѣ спросилъ:

— Какъ вы думаете, гранды и господа?

Герцогъ Лерма бросилъ на Фернанда бѣшенный взглядъ и отвѣчалъ королю съ легкою насмѣшливою улыбкой.

— Если сеньоръ Фернандъ д'Альбайда, первый баронъ королевства Валенсіи, знаетъ средства къ управленію финансами и пополненію кассъ вашего величества безъ налоговъ, которыхъ мы требуемъ въ эту минуту, то онъ очень обяжетъ насъ, сообщивъ эти средства.

— Я готовъ, герцогъ, смѣло отвѣчалъ Фернандъ: я знаю средство, которое можно употребить въ Валенсіи.... Я только Валенсію знаю. Но и въ одной этой провинціи въ нѣсколько дней можно добыть по-крайней-мѣрѣ четверть той суммы, которую вы требуете на предстоящее торжество.

Министръ съ изумленіемъ посмотрѣлъ на Фернанда, не шутить ли онъ. Но тотъ очень важно продолжалъ :

— Мало этого. Тѣ, которые принесутъ вамъ требуемыя деньги, будутъ сами умолять, чтобы ихъ приняли; поблагодарятъ, когда пріймете, и отъ Валенсіи до Мадрита станутъ провожать короля и королеву съ криками радости и съ благословеніями.

Король и всѣ совѣтники вскричали :

— Говорите! говорите!

Наступила тишина. Графъ Уседа въ досадѣ стиснулъ зубы. Фернадъ съ минуту собирался съ мыслями.

— Ваше величество, сказалъ онъ потомъ: у васъ есть народъ, преданный вамъ и промышленный, который въ эту минуту обогащаетъ королевства Валенсію и Гренаду. Мы, бароны и помѣщики въ тѣхъ краяхъ, хорошо знаемъ, что значитъ этотъ народъ. Если онъ удалится, поля наши останутся невоздѣланными, фабрики опустѣютъ, мѣсто богатства заступитъ нищета. Я говорю объ испанскихъ Маврахъ.

Донъ-Сандоваль и герцогъ Лерма вздрогнули. Рибейра, который дотога времени не принималъ ни какого участія въ разсужденіяхъ, привскочилъ на стулъ и, несмотря на знаки инквизитора, не могъ скрыть своего нетерпѣнія. Фернадъ продолжалъ:

— Съ нѣкотораго времени, неизвѣстно изъ какого источника и на какомъ основаніи, носятя разные тревожные слухи и темные толки....

Тутъ инквизиторъ съ укоризной взглянулъ на Рибейру.

— И, несмотря на свою невѣроятность, эти слухи уже успѣли посѣять недобѣрчивость и ужасъ въ народѣ, который дотолѣ спокойно и мирно занимался воздѣлываніемъ полей и распространеніемъ торговли. Страхъ, безъ сомнѣнія, нелѣпый, овладѣлъ всѣми Маврами. Недобѣрля будущему и безпокойные въ настоящемъ, они покинули работы и ждутъ, что будетъ. Всѣ промышленности остановились и угрожаютъ совершеннымъ паденіемъ. Но я убѣжденъ, ваше величество, что по одному вашему королевскому слову все опять оживится. Вашему величеству стонѣтъ только обнародовать манифестъ, что никто изъ живущихъ въ Испаніи Мавровъ не будетъ ни оскорбленъ, ни потревоженъ, ни лично, ни въ достояніи своемъ, и всѣ суммы, которыхъ требуетъ министръ, будутъ вамъ принесены не какъ подать или налогъ, а какъ добровольное приношеніе, какъ свободный пода-

рокъ высокой невѣстѣ вашего величества. За это ручаюсь я, Фернандъ д'Альбайда.

— Такъ вы, сеньоръ Фернандъ д'Альбайда, другъ и покровитель Мавровъ! вскричалъ Рибейра: вмѣсто того, чтобъ вамъ обращать Филистимлянъ, они васъ обратили!... Вы слышите, ваше величество? Зараза распространяется въ Израиль!

— Никто не совратитъ меня и не заставитъ забыть, чѣмъ я обязанъ Богу и государю, съ твердостью возразилъ молодой человѣкъ: но ни Богъ, ни государь не повелѣваютъ мнѣ измѣнять истинѣ и я высказываю ее вполне. Между Маврами въ Валенсіи я видѣлъ только любовь къ порядку и труду, находилъ только вѣрныхъ и честныхъ подданныхъ...

— Которыхъ однако жъ должно опасаться, прибавилъ Рибейра, потому что они скоро завладѣютъ всѣми богатствами государства. Вся промышленность и вся торговля и то уже въ ихъ рукахъ. Они лишены чести служить въ нашихъ арміяхъ, лишены счастья имѣть монастыри. Число ихъ съ каждымъ днемъ увеличивается; число нашихъ въ той же мѣрѣ уменьшается. Они имѣютъ средства сдѣлаться и богаче и образованнѣе насъ...

— Вы говорите имъ похвальное слово, преосвященнѣйшій, почтительно замѣтилъ д'Альбайда.

— Нѣтъ! возразилъ съ живостью прелатъ: но я хочу и я долженъ предупредить его величество и высокій совѣтъ насчетъ злоупотребленій, которыхъ орудіемъ духъ тьмы набралъ Мавровъ на погубель Испаніи.

— Такъ проектъ, о которомъ носятъ слухи, не басня! вскричалъ д'Альбайда съ ужасомъ: такъ въ самомъ дѣлѣ Мавровъ хотятъ изгнать?

— Нѣтъ, нѣтъ! съ живостью возразилъ инквизиторъ, испуганный крутымъ поворотомъ дѣла: никто объ этомъ не думаетъ здѣсь кромѣ васъ, молодой человѣкъ.

— Никто кромѣ меня? отвѣчалъ Фернандъ, успокоившись: неужели вы думаете, что я могъ когда-нибудь заниматься такимъ варварскимъ и нелѣпымъ проектомъ?

— Нелѣпымъ? вскричалъ архіепископъ валенсійскій, уязвленный въ самой дорогой своей мысли: нелѣпымъ!... И вы, ваше величество, позволяете не только богохульствовать въ вашемъ присутствіи, позволяете еретикамъ и безпокойнымъ мятежникамъ не только отвергать слово Божіе, но и обращать его въ посмѣшище! Горе! горе всѣмъ намъ! Горе Испаніи! Богъ, вдохновившій меня, указываетъ мнѣ: великій ужасъ и страхъ угрожаетъ

Испанія. Рука Всевышняго покидаетъ ее. Нечестіе уже торжествуетъ и увлекаетъ народъ Божій въ бездну вѣчной гибели!

— Боже мой, что же я сдѣлалъ? съ испугомъ спросилъ себя Фернандъ.

Король, оглушенный фанатическими угрозами епископа, задавалъ себѣ почти тотъ же вопросъ. Но герцогъ Лерма шеннулъ ему два слова на-ухо и онъ вскричалъ:

— Успокойтесь, почтеннѣйшій отецъ, и вы, сеньоръ д'Альбайда, успокойтесь. Мы въ свое время разсудимъ, что должно дѣлать.

— Но теперь, прибавилъ министръ, его величеству угодно, чтобы этотъ разговоръ былъ прекращенъ.... Намъ нужно читать депешн.

Въ эту минуту курьеръ въ самомъ дѣлѣ принесъ большой пакетъ за черною печатью.

Министръ распечаталъ и предварительно прочиталъ бумагу про себя. Вѣсти были такъ неожиданно худы, что онъ не могъ скрыть своего волненія и то краснѣлъ, то блѣднѣлъ.

— Достойный епископъ правъ, сказалъ онъ съ важностью: десница Божія въ самомъ дѣлѣ тяжело поражаетъ Испанію. Преландская экспедиція не удалась: Англичане побѣдили.

— Мой дядя убитъ! вскричалъ д'Альбайда съ отчаяніемъ.

— Наша армія уничтожена? спросилъ Садоваль.

— Хуже! еще хуже и ужаснѣе для чести испанскаго оружія, отвѣчалъ министръ склонивъ голову: донъ-Хуанъ д'Агиларъ со всею арміей сдался безъ бою.

— Это неправда! Это невозможно! вскричалъ Фернандъ: д'Агиларъ невиненъ! На д'Агилара клеветуютъ!

Министръ передалъ письмо королю и холодно сказалъ:

— Это отъ графа де-Лемоса.

— Графъ ошибся! графъ непременно ошибся! продолжалъ Фернандъ съ жаромъ.

— Мой дядя, графъ де-Лемосъ, не можетъ ошибиться въ такомъ важномъ дѣлѣ, гордо замѣтилъ графъ Уседа: я за него ручаюсь.

— А я ручаюсь за честь всѣхъ д'Агиларовъ! возразилъ Фернандъ: д'Агиларъ не могъ сдаться безъ бою. Кто утверждаетъ это, и кто вѣритъ этому, тотъ самъ способенъ къ такой низости.

— Но я уже сказалъ, что я вѣрю! вскричалъ Уседа, блѣднѣя.

— А я стою на моемъ словѣ! отвѣчалъ Фернандъ, ударивъ по эфесу шпаги.

— Въ присутствіи короля? вскричалъ герцогъ Лерма съ негодованіемъ.

Король и всѣ совѣтники поднялись съ мѣстъ.

— Виновать, ваше величество, виновать! вскричалъ Фернандъ, преклоняя колѣно передъ монархомъ.

Король знакомъ приказалъ ему выйти.

Фернандъ поклонился и пошелъ къ двери. Дорогою онъ шепнулъ графу Уседѣ:

— Я одинъ выйду, графъ?

Уседа повернулся, чтобы послѣдовать за нимъ, но Лерма остановилъ его взглядомъ и Фернандъ вышелъ одинъ, въ бѣшенствѣ и отчаяніи.

У себя дома онъ нашелъ своего друга и товарища дѣтства, Іесида д'Альберика. Іесидъ былъ сынъ Алами Деласкара д'Альберика, перваго богача изъ Мавровъ Валенсіи и Гренады. Іесидъ происходилъ отъ роду Абенсерраговъ и изъ царской крови. Онъ воспитывался съ Фернандомъ въ Кордовѣ. Потомъ оба воротились въ Валенсію, Фернандъ въ свой наслѣдственный замокъ, Іесидъ въ богатый домъ своего отца. Фернандъ въ качествѣ испанскаго дворянина вступилъ въ военную службу. Іесидъ, которому эта дорога была заграждена, какъ Мавру, посвятилъ себя наукамъ и искусствамъ, которыя процвѣтали въ рукахъ его предковъ.

Благодаря богатству отца, жизнь Іесида была обезпечена. Трудъ и наука дѣлали эту жизнь полезною. Потомъ явилась дружба и сдѣлала ее счастливою. Фернандъ замѣнялъ ему брата. Фернандъ любилъ всѣ Мавры въ Валенсіи, потому что благородный Испанецъ былъ другъ Іесиду, котораго всѣ они обожали какъ своего идола, потому что въ жилахъ его струилась кровь Абдеррахмана и Альмансора.

Въ эту минуту Іесидъ находился вмѣстѣ съ другомъ своимъ, въ Мадридѣ. Онъ получилъ черезъ отца письмо на имя Фернандъ и пришелъ къ нему въ то самое время, когда тотъ, взволнованный и встревоженный, воротился изъ тайнаго совѣта. Фернандъ въ короткихъ словахъ разсказалъ другу, что случилось, и распечаталъ письмо. Оно было отъ донъ-Хуана д'Агилара и заключало въ себѣ только слѣдующія строки:

« Я въ Испаніи и скрываюсь въ безопасномъ мѣстѣ. Мнѣ надобно оправдаться, надобно изобличить моихъ враговъ, а это невозможно, если я попадусь къ нимъ въ руки. Великодушный другъ, который за меня самъ подвергается опасности и черезъ котораго ты получишь это письмо, одинъ знаетъ мое убѣжище. Спиши къ нему. »

— Поѣдемъ, сказалъ Иесидъ.

Фернандъ съ признательностью пожалъ ему руку, но вдругъ опомнился и сказалъ :

— А Уседа, котораго я вызвалъ? Я не могу уѣхать, не раздѣлавшись съ нимъ. Чтò дѣлать?...

Въ эту минуту кто-то сильно постучался на подъѣздѣ.

— Вѣрно, Уседа! сказалъ Иесидъ.

— Тѣмъ лучше! Кстати. Скорѣй кончимъ и поѣдемъ.

Дверь отворилась и вошелъ офицеръ съ нѣсколькими солдатами придворной стражи. Офицеръ съ важностью снялъ шляпу и спросилъ :

— Кто изъ васъ, господа, баронъ Фернандъ д'Альбайда?

— Я. Чтò вамъ угодно?

— Именемъ короля, пожалуйста вашу шпагу и слѣдуйте за мною.... Всякое сопротивленіе будетъ бесполезно, прибавилъ онъ, указывая на солдатъ, когда Фернандъ въ перѣшимости и съ отчаяніемъ взглянулъ на своего друга.

Тотъ понялъ его и сказалъ :

— Я поѣду за тебя, братъ, и сдѣлаю все, чтò ты самъ сдѣлалъ бы, клянусь тебѣ.

— Я готовъ слѣдовать за вами, сказалъ Фернандъ, обращаясь къ офицеру : но скажите, не слышали ли вы чего-нибудь о донъ Хуанѣ д'Агиларѣ, который командовалъ нашею арміею въ Ирландіи?

— Носятся слухи, да кто ихъ знаетъ, вѣрны ли.

— Чтò же говорятъ?

— Говорятъ, генералъ осужденъ на смерть и имѣніе его конфисковано.

Друзья молча крѣпко обнялись. Потомъ Иесидъ шепнулъ :

— Пока я живъ, полагайся на меня и не отчаявайся.

Фернандъ, окруженный солдатами, вышелъ изъ дому. Офицеръ сѣлъ съ нимъ въ карету и они поѣхали къ валадолидской темницѣ. Иесидъ и слуга его Гассанъ въ ту же минуту сѣли на коней и поскакали по дорогѣ въ Валенсію.

Старикъ Аламиръ Деласкаръ сидѣлъ въ самомъ потаенномъ

покоѣ своего жилища. Это была подземная пещера, въ которую звалъ входъ только онъ, да сынъ его, Иесидъ. Съ нимъ сидѣлъ благородный сѣдой старикъ, который, склонивъ голову на руку, погрузился въ мрачную думу.

— Гость мой; другъ мой! говорилъ Аламиръ Деласкаръ: неужели мнѣ не удастся укротить вашу горестъ и подать вамъ надежду? Скоро вашъ племянникъ прїдетъ. Вы съ нимъ найдете средство оправдаться передъ королемъ. Надобно же, чтобы Филиппъ хоть разъ въ жизни услышалъ правду.

— Трудно, трудно!

— Пусть хоть невозможно! Если для побѣжденія этой невозможности нужно чудо, Богъ и чудо совершитъ. Вы достойны того. Если не сейчасъ, такъ послѣ, современемъ. Потерпите немножко. Здѣсь у меня, вы въ безопасности по-крайней-мѣрѣ.

— Я въ безопасности, а вы, мой другъ? Вы скрываете изгнанника, осужденнаго! За это вамъ и самимъ и всѣмъ вашимъ грозить также изгнаніе, быть-можетъ даже смерть.

— Такъ что жъ? Пусть грозить. Что бы ни случилось, мы не покинемъ васъ, мы раздѣлимъ вашу судьбу. Ваши враги — наши враги. Они преслѣдуютъ васъ, вотъ вамъ убѣжище. Они лишили васъ имущества, возьмите все имущество Альберика, котораго вы въ горахъ Альпухарраса вырвали изъ рукъ кровожадныхъ солдатовъ донъ-Хуана Австрійскаго. Или я не знаю моего сына Иесиды, или и онъ то же скажетъ: возьмите, возьмите все мое достояніе, — оно ваше, потому что вы спасли жизнь моего отца.

— Благодарю, благодарю! говорилъ старій солдатъ, стараясь скрыть свое волненіе: но что станетъ съ моею дочерью, съ моею Карменъ?

— Она будетъ нашею прїемною дочерью. Я выдамъ ее замужъ.... я дамъ ей приданое.

— А можете вы возвратить ей честь, которую отняли у ея отца?

— Не отнять! чести у васъ не отнять! Невинность ваша докажетъся. Вамъ возвратить почести, васъ должны будутъ награждать, какъ вы заслуживаете. Неужели же въ Мадридѣ вовсе нѣтъ правосудія?

— Судьи слѣпы.

— Имъ откроютъ глаза.

— Они всѣ подкуплены.

— Такъ мы заплатимъ имъ вдвое дороже, чѣмъ герцогъ Лерма.

— Пожалуй, можно. Но я не этого хочу.

— Чего же вы хотите?

— Я хочу видѣть моего племянника.... Я хочу говорить съ Фернандомъ.

— Чу!... Слышите, у насъ надъ головами конскій топоть?... Вотъ, лошадь заржала.... Я узнаю ее.... Это Каледъ, это конь моего сына. Иесидъ пріѣхалъ; Фернацъ, конечно, съ нимъ. Ободритесь!

Дверь отворилась, Иесидъ вошелъ. Онъ былъ одинъ. Онъ разсказалъ старикамъ что случилось. Онъ не могъ скрыть Фернандова ареста, котораго настоящую причину не трудно было угадать. Но онъ и самъ полагалъ, что арестъ этотъ временный. Онъ не зналъ, что Фернанда бросили въ валладолидскую темницу безъ всякаго объясненія и безъ всякой надежды на освобожденіе, потому что онъ казался опаснымъ министру.

— Онъ скоро освободится и пріѣдетъ, прибавилъ Иесидъ; но покуда скажите мнѣ, чего вы хотите отъ него, потому что я тотъ же онъ, а онъ — я. Говорите, сеньоръ.

Д'Агиларъ посмотрѣлъ на молодого человѣка съ улыбкою стариннаго друга. Старый Аламиръ Деласкаръ понялъ этотъ взглядъ и вскричалъ:

— Неправда ли? вѣдь я говорилъ вамъ, что невозможно не полюбить Иесида! Говорите теперь: мы слушаемъ васъ.

Д'Агиларъ описалъ имъ всѣ происшествія съ той минуты, какъ присоединился съ своею четырехъ-тысячною арміею къ ирландскимъ инсургентамъ. Съ этимъ слабымъ отрядомъ онъ не побоялся атаковать подъ Бальтиморой тридцати-тысячный корпусъ Англичанъ, которыми командовалъ вице-король ирландскій. Испанцы дрались съ обыкновеннымъ своимъ мужествомъ и долго побѣда оставалась нерѣшеною. Но наконецъ Ирландцы струсили, покинули д'Агилара. Онъ принужденъ былъ ретироваться и бросился въ Кипсалъ и Бальтимору, два города, которые уже и прежде были въ его власти. Но Ирландцы, устрешенные грозою англійской силы и опасаясь мщенія Елисаветы, совершенно оставили своихъ союзниковъ на произволъ судьбы. Съ той же минуты достигнуть цѣли экспедиціи оказалось невозможнымъ. Д'Агиларъ хотѣлъ по-крайней-мѣрѣ сохранить королю армію, которая находилась въ самомъ отчаянномъ положеніи. Тѣснимымъ съ суши большою арміею и съ моря многочисленнымъ флотомъ, Испанцамъ оставалось только похоронить себя подъ развалинами занятыхъ городовъ. Д'Агиларъ велѣлъ сказать англійскому главнокомандующему, лорду Монжою, что если Испанія лишится

своей арміи, то и Англія лишится своихъ городовъ, если онъ не хочетъ спасти и ту другіе. Лордъ Монжой, человекъ благородный и великодушный, предложилъ капитуляцію, которой условія предоставлялъ ему самому опредѣлить и д'Агиларъ потребовалъ, чтобы испанскому войску отдана была должная честь, чтобы его перевезли въ Испанію на англійскихъ корабляхъ, съ артиллеріею и со всѣмъ багажомъ. Сверхъ-того, не желая подвергать гнѣву побѣдителя союзниковъ, которые оставили его, д'Агиларъ требовалъ всеобщаго прощенія всѣмъ жителямъ Балтимора и Капсаля. Англичане на все согласились.

— И вотъ, вскричалъ старый генералъ съ негодованіемъ: вотъ поступокъ, который они называютъ малодушною измѣной! Они сказали всѣ обстоятельства дѣла! Но, главное, они обвиняютъ меня за то, что я договаривался съ еретиками, съ отступниками, и хотятъ выслушать тогда только, когда отдамся въ руки инквизиціи. А кто услышитъ мой голосъ изъ глубины инквизиціонной темницы? Они заглушаютъ этотъ голосъ, они обнародуютъ подложное признаніе, распустятъ по свѣту ложь, которой мнѣ невозможно будетъ опровергнуть, и имя мое покроется позоромъ. Но я составилъ записку. Вотъ она. Я хочу, чтобы ее прочиталъ не герцогъ Лерма, а самъ король. Я хотѣлъ, чтобы Фернандъ подалъ ее королю, потому что онъ теперь имѣетъ право присутствовать въ совѣтѣ. Никто кромѣ его теперь уже не рѣшится на это, ни даже маркизъ Миранда, потому что это значило бы нажить вражду и мщеніе Лермы. Кто нынче въ Испаніи отважится на это!

— Вы ошибаетесь, возразилъ Исидъ: въ Испаніи еще есть люди, которые для друга жертвуютъ всѣмъ, но только они не при дворѣ.

— Я только это и хотѣлъ сказать, отвѣчалъ д'Агиларъ съ горечью.

— Имъ не позволено приближаться къ королю, продолжалъ Исидъ: но есть другія средства. Я надѣюсь достигнуть цѣли. Довѣрьте мнѣ эту записку и недѣли въ двѣ, можетъ-быть, она будетъ подана. До-тѣхъ-поръ не выходите изъ этого тайнаго убѣжища и будьте спокойны.

Исидъ не объяснялъ своего плана, потому что хотѣлъ одинъ отвѣчать за всю опасность, и въ ту же ночь отправился.

Между-тѣмъ при дворѣ и во всѣхъ важнѣйшихъ городахъ королевства справлялись празднества, давались балы по случаю пріѣзда и свадьбы молодой королевы.

Маргарита Австрійская, младшая изъ трехъ дочерей эрцгерцога Карла, была не красавица, но отличалась прелестью, откровенностью и свободой въ обращеніи, а пріѣхала царствовать въ странѣ, гдѣ все было и дѣлалось очень важно, очень торжественно и очень лицемѣрно. Никогда не бывало королевы, менѣе соотвѣтственной Испаніи. Ея нѣжный, пылкій, мечтательный и откровенный характеръ не могъ быть понятъ въ новомъ кругу, въ который она вступала и въ которомъ все было противоположно ей.

Бракосочетаніе короля совершалось въ Валенсіи. Маргариту Валенсія Прекрасная мало восхитила. Ей казалось, что узкія, кривыя, изрытыя улицы, не стѣютъ такого прозванія. Встрѣтившій ее тамъ, блестящій дворъ, также не очень понравился ей, потому что въ толпѣ дамъ, среди которыхъ ей предстояло провести жизнь, ни одна не внушала столько довѣрія, чтобы можно было ожидать сочувствія. Она не рѣшалась ни къ одной обратиться съ вопросомъ, между-тѣмъ ей такъ много нужно было знать!

На другой день долженъ былъ пріѣхать король, будущій мужъ ея; на другой день она вступить въ союзъ, а она еще не знала объ этомъ король ничего, кромѣ его портрета. Ей сказали только, что Филиппъ давно избралъ, давно любитъ ее; что бракъ этотъ былъ условленъ и рѣшенъ еще при жизни покойнаго короля; а въ Германіи идея «женихъ и невѣста», союзъ опредѣленный и записанный на небесахъ прежде осуществленія своего на землѣ, всегда бываетъ окружена глубокимъ уваженіемъ и востыческою прелестью.

— Я уже принадлежу ему, говорила Маргарита: я его невѣста! я его избранная!

И одна эта мысль уже наполняла ее сердце, если не нѣжностью, такъ по-крайней-мѣрѣ признательностью къ царственному жениху. Она отдала бы все на свѣтѣ, чтобы вызнать его характеръ, его привычки и образъ мыслей. Но къ кому было обратиться за этимъ при дворѣ, и еще при такомъ дворѣ, въ которомъ ни одна физиономія не внушала довѣрія? Кто скажетъ ей, корольвѣ, правду?

Насталъ вечеръ. Дамы давно удалились. Маргарита не спала, не могла спать. Она отворила стеклянную дверь въ обширный дворцовый садъ. Прекрасная ночь, теплый, благоуханный воздухъ, густая тѣнь деревь и глубокая тишина, сманили ее пройтъ

тись по аллеѣ. Она пошла, изъ одной аллеи поворотила въ другую, которая казалась еще привлекательнѣе, и, ступивъ нѣскольکو шаговъ, услышала голоса разговаривавшихъ въ закрытой бесѣдкѣ. Маргарита хотѣла воротиться, но кто-то поманулъ ея нмя и короля. Любопытство одолѣло. Она остановилась за густою куртшиной лимонныхъ и гранатовыхъ деревьевъ и стала прислушиваться. То были двѣ придворныя дамы.

— Наконецъ-то эта свадьба устроилась!... Не безъ труда, кажется, говорила одна.

— Вы ошибаетесь, маркиза, возразила другая: женить короля вовсе было не трудно.... напротивъ....

— Напротивъ, говорите вы, графиня? Объясните мнѣ это.

— Развѣ вы не знаете, какъ состоялось это сватовство?... Это любопытная исторія.... Герцогъ Лерма.... неблагодарный!... Ничего отъ него ничего не узнаешь, а прежде онъ, бывало, все доверялъ мнѣ.... Онъ мнѣ въ тотъ же вечеръ рассказалъ, какъ это было; но рассказалъ подъ клятвою хранить въ тайнѣ.... Онъ ужасно боялся покойнаго короля!

— Какъ и всѣ, кажется.

— Да, начиная съ сына и наследника, котораго покорность и слабость выходила изъ всякихъ границъ. Филиппъ-Второй всегда боялся, чтобы инфантъ не слишкомъ поумнѣлъ.... Какъ онъ подстерегалъ его умъ въ самыхъ малѣйшихъ поступкахъ!

— Чтò вы!

— Да, вы тогда не были при дворѣ, но вы знаете, какъ онъ былъ недоверчивъ. По глубокому политическому или, лучше сказать, эгонстическому расчету, онъ рѣшился сдѣлать сына слабымъ. Онъ въ жизнь свою дѣлывалъ вещи и по-труднѣе. Онъ успѣлъ и въ этомъ, но послѣ и самъ увидѣлъ, что успѣхъ превзошелъ его ожиданія.

— Полноте!

— Я васъ увѣряю.... Но послушайте, какъ они выбрали невѣсту. Отецъ призвалъ сына и объявилъ, что позволяетъ ему выбрать себѣ невѣсту.... изъ трехъ дочерей Карла Австрійскаго и указалъ на три портрета въ великолѣпныхъ рамахъ. Выборъ небольшой, но все-таки выборъ. Какъ вы думаете, чтò сдѣлалъ инфантъ?

— Выбралъ всѣхъ трехъ?

— Такъ, можетъ-быть, сдѣлалъ бы его батюшка, при всей

строгости своихъ нравовъ. Но сынъ отвѣчалъ, что совершенно полагается въ этомъ важномъ дѣлѣ на выборъ его величества.

— Кто же наконецъ рѣшилъ этотъ вопросъ? графъ Лерма?

— Нѣтъ, нѣкто по-силѣе перваго министра и даже по-силѣе покойнаго короля. Смерть, которая взяла обѣихъ сестеръ Маргариты, такъ, что она по-неволѣ предпочтена.

— Счастье для нея!

— Да, больше чѣмъ для его величества. Не напрасно онъ такъ долго медилъ.... А, кстати, какъ вы находите нашу новую королеву, графиня?

— Я нахожу, что она ужасная Нѣмка, маркиза.

— Такая мѣшковатая!

— Я то и хотѣла сказать....

Маргарита едва разслышала послѣднія слова. Она и безъ того уже слышала довольно и, тихонько отошедши, поспѣшила назадъ въ свои покои, чтобы никто не примѣтилъ ея ночной прогулки.

— Его избранная! твердила она: его избранная!... Вотъ, какимъ образомъ онъ избралъ меня!... О, Боже мой, Боже мой!...

Очарованіе бѣдной Маргариты, союзъ, записанный на небесахъ, мечты любви и нѣжности, все вдругъ исчезло и когда король пріѣхалъ, когда онъ, волнуемый совершенно новымъ для него чувствомъ, подошелъ къ своей невѣстѣ, одно пріятное слово, одна одобрительная улыбка могла бы перемѣнить его участь и сдѣлать Филиппа другимъ человѣкомъ. Все вліяніе, все владычество герцога Лермы легко могло бы перейти къ женщинѣ, которую бы Филиппъ впервые полюбилъ.

Но Маргарита приняла его съ ледовитою холодностью, и когда Филиппъ, удивленный и смущенный, попытался сказать нѣсколько лестныхъ привѣтствій, на губахъ невѣсты показалась презрительная улыбка. Маргарита вспомнила всепокорнѣйшую сыновнюю фразу, которою Филиппъ-Третій, по-видимому, всегда отвѣчалъ Филиппу-Второму. Когда король, наскучивъ безсвязною и неловкою бесѣдой, наконецъ вздумалъ спросить, который часъ, Маргарита, полагая что онъ обращается къ ней, въ разсѣянности отвѣчала:

— Какъ вашему величеству будетъ угодно.

Король принялъ эту фразу за глупость, но то была только насмѣшка.

Что касается до придворныхъ дамъ, то Маргарита очень затруднилась бы, если бъ ей пришлось сказать, которую она находитъ несноснѣе всѣхъ.

Утромъ, при первыхъ словахъ униженной лести, которую услышала, Маргарита вздрогнула. Она узнала, не по чертамъ, а по голосу, двухъ дамъ, которыя наканунѣ разговаривали въ бесѣдкѣ.

Одна изъ нихъ была дама очень зрѣлыхъ лѣтъ, камериера-майоръ, маркиза Гандя; другая, по-моложе, но уже отцвѣтшая красавица, графиня д'Альтамира, бывшая союзница, нынѣ врагъ герцога Лермы. Несмотря на это, она держалась при дворѣ силою, которую мы современемъ объяснимъ. Такъ какъ она, по-видимому, не исправляла никакой особенной должности, то королева спросила у перваго министра о назначеніи графини д'Альтамира.

Герцогъ Лерма съ важностью отвѣчалъ:

— Графиня опредѣлена въ качествѣ гувернантки, при дѣтяхъ вашего величества.

— Ужѣ! вскричала Маргарита и поморщилась.

Мы не станемъ описывать празднествъ, баловъ, турнировъ, каруселей, иллюминацій и великолѣпныхъ спектаклей, которыми сопровождалась свадьба. Милліона червонныхъ, которые собралъ герцогъ Лерма, не стало на издержки и, если исключить представленія первыхъ произведеній Кальдерона де-ла-Барки, выступившаго при этомъ случаѣ на драматическое поприще, то, конечно, нельзя уже было дороже купить скуку, товаръ, который такъ легко можно имѣть даромъ, особенно при дворѣ.

Насытившись удовольствіями и почестями, утомившись отъ празднествъ и большихъ выходовъ, королева объявила желаніе отправиться въ Мадридъ безъ большой свиты, инкогнито, небольшими переѣздами, черезъ королевство Валенсію, съ красотами котораго хотѣла ближе познакомиться прежде вступленія въ Новую-Кастилію.

Король желалъ бы сопровождать ее, но его духовникъ, доминиканскій монахъ Кордова, взявъ съ него торжественное обѣщаніе отправиться на девять дней, на поклоненіе къ Святому Іакову Компостельскому. Такого слова благочестивый король не могъ нарушить, притомъ герцогъ Лерма не допустилъ бы его до этого. Онъ черезъ своего клеветы Кордову посылалъ короля

молятся. Въ этомъ онъ видѣлъ единственное средство разрушить сближеніе, которое естественно должно было родиться между супругами въ первые дни брака. Ему нужно было уничтожить вліяніе королевы, которое всего легче могло подѣйствовать именно въ первые дни и могло упрочить ея власть.

И такъ король съ своимъ министромъ и съ большею частію двора отправился въ Галицію, а королева, только съ самою необходимою свитой, поѣхала черезъ Валенсію. Путешествіе ея совершалось медленно, частію по причинѣ знойной поры, частію потому, что королева каждую минуту останавливалась, чтобы полюбоваться на прелестные виды.

Они давно уже ѣхали по живописнымъ берегамъ Гвадалквивира. Время шло къ вечеру; солнце закатывалось. Вдругъ Маргарита вскрикнула отъ восхищенія и снова приказала остановиться.

Передъ нею открылась долина или, лучше сказать, эдемъ, гдѣ соединялись всѣ чудеса растительности, все, что было лучшаго въ Европѣ и всѣ произведенія странъ тропическихъ. Здѣсь зрѣли на вольномъ воздухѣ бананы и фисташки, цвѣли мирты и сезамы; тамъ благоухали апельсинныя и лимонныя рощи; тамъ серебристый ручей орошалъ поля, покрытыя сахарнымъ тростникомъ. Это было волшебство, очарованіе; это была *Валь-парайсо* долина рай!

На краю этой долины возвышалось жилище, какого королева никогда еще не видывала.

Это было зданіе арабской архитектуры, которое по легкости, изящности и прозрачности походило на мраморное кружево. Оно стояло посреди восхитительнаго сада, въ цвѣтахъ. Мѣстами были фонтаны въ бѣлыхъ мраморныхъ бассейнахъ.

Этотъ дворецъ, это царское жилище принадлежало фермеру. Сквозь боковыя колоннады можно было видѣть многочисленныя стада, которыя возвращались съ поля. Колокольчики и бубенчики коровъ и барановъ гармонически перезванивая, вмѣстѣ съ пѣснями пастуховъ разносили по долинѣ очаровательную музыку.

Королева спросила, кому принадлежитъ этотъ великолѣпный сельскій домъ.

— Самому богатому сельскому хозяину въ Валенсіи, Аламиру Деласкару д'Альберку.

Вечерѣло. Королева еще разъ взглянула на прелестное жили-

ще и объявила, что не хочет продолжать пути до Туэзара, гдѣ былъ назначенъ ночлегъ, а хочетъ остаться на этой фермѣ.

— Позвольте замѣтить, ваше величество, что это невозможно, сказала камеріера-маіоръ, маркиза Гандія.

— Отчего?

— Ваше величество ожидаютъ въ Туэзарѣ сегодня вечеромъ.

— А если бы я была нездорова, если бы я не могла ѣхать дагбѣ?

— Тогда, конечно.... Но, слава Богу, ваше величество совсѣмъ здоровы.

— Ну, предположите, что небо послало мнѣ такую благополучную болѣзнь.... потому что я въ самомъ дѣлѣ страдаю: у меня нервное раздраженіе.

— Я надѣюсь, что этого нѣтъ, ваше величество.

— Есть. Я больна. Я всегда бываю больна, когда со мною спорять.

Камеріера-маіоръ поклонилась.

— Пошлите въ Туэзаръ сказать, что мы прибудемъ туда завтра, продолжала королева.

— Но, ваше величество....

— Чтò еще?

— Гдѣ же вашему величеству угодно провести ночь?

— Я хочу попросить гостепримства у д'Альберика. Вы думаете, что онъ откажетъ намъ?

— Конечно, нѣтъ. Но.... удостойтъ его такого счастья.... Это невозможно!

— Отчего же?

— Этотъ д'Альберикъ — Мавръ.

— Развѣ Мавры не такіе же подданные наши, какъ и другіе жители Испаніи?

— Конечно, ваше величество.

— Такъ отчего же мнѣ не остановиться подъ кровлей д'Альберика, точно такъ же, какъ въ домѣ туэзарскаго корректора?

— Я сомнѣваюсь, одобритъ ли его католическое величество это намѣреніе.

— Вы думаете, что нужно послать курьера на галиційскую дорогу, чтобы увѣдомить короля и чтобы тайный совѣтъ рѣшилъ, гдѣ намъ провести ночь?

— Нѣтъ, ваше величество, но я увѣрена, что его свѣтлость герцогъ де-Лерма формально воспротивился бы этому....

Королева взглянула такъ презрительно и съ такимъ негодованіемъ, что камеріера-маіоръ остановилась на половинѣ фразы.

— Графъ, сказала королева, обращаясь къ одному изъ кавалеровъ: потрудитесь спросить Мавра д'Альберника, согласенъ ли онъ принять въ своемъ домѣ королеву испанскую.

Кавалеръ поспѣшилъ исполнить приказаніе. Королева обратилась къ маркизу Гандіа и сказала нѣсколько снисходительнѣе:

— Я не принуждаю васъ, маркиза, подвергаться гнѣву короля и въ-особенности гнѣву герцога Лермы. Вы можете не входить съ нами въ этотъ домъ. А мнѣ, *mesdames*, продолжала она весело обращаясь къ другимъ: мнѣ чрезвычайно хочется посмотрѣть на внутренность этого необыкновеннаго жилища и, я надѣюсь, что мы будемъ приняты здѣсь не хуже чѣмъ у тухарскаго корректора.

Она едва кончила, какъ подошелъ съдой почтенный старикъ и почтительно преклонилъ колѣно.

— Ваше величество, сказалъ онъ: я никогда не смѣлъ надѣяться на такое счастье для моего дому. Но Маргарита Австрійская начинаетъ свое царствованіе съ созданія счастливцевъ и въ этомъ домѣ ея имя ежедневно будетъ повторяться съ благоговѣніемъ и признательностью.

Потомъ онъ всталъ и съ взглядомъ, въ которомъ свѣтились лучи величія мавританскихъ царей, прибавилъ:

— Другіе поднесутъ вамъ ключи своихъ городовъ и крѣостей. У насъ, ваше величество, во всемъ нашемъ имуществѣ и въ насъ самихъ, нѣтъ ничего достойнаго того, что бы поднести вамъ. Но, говорятъ, благословеніе старика приноситъ счастье. Позвольте мнѣ призвать на васъ благословеніе неба. Будь благословенна, о, королева! Да будетъ тебѣ лежокъ скипетръ твой! Да будутъ благополучны дни твои!

Маргарита впервые, съ-тѣхъ-поръ какъ находилась въ Испаніи, слышала рѣчь, которая доходила до сердца, которую она понимала и на которую отвѣтствовали тайныя чувствованія.

Между-тѣмъ какъ придворные въ нерѣшимости поглядывали другъ на друга и не знали, одобрить ли или порицать дерзость Мавра, королева подала ему руку и сказала:

— Сынъ Абенсерраговъ, мы довѣряемся твоему гостепримству. Войдите, господа!

Въ домѣ Маргарита нашла все, что только могла придумать мавританская роскошь и изящный вкусъ. Она удивлялась, восхищалась и забыла, что была испанскою королевой: ей казалось,

что она просто путешественница, странствующая во времена мавританских царей.

На ночь Адамиръ отвелъ ей лучший и самый удобный покой въ цѣломъ домѣ, тотъ, который обыкновенно занималъ самъ.

Оставшись одна и избавившись отъ пошехоній своихъ женщинъ, Маргарита предалась мечтамъ о томъ, что видѣла. Въ Испаніи нельзя полюбоваться на кордовскую мечеть, на севильскій алькасаръ, на гренадскую альхамбру безъ того, чтобы они не пробудили въ воображеніи старинныхъ романтическихъ воспоминаній. Маргарита испытывала то же самое, что испытываютъ всѣ путешественники, можетъ-быть даже больше всякаго другаго. Воображеніе перенесло ее въ другой міръ, въ міръ фантастическихъ и героическихъ преданій, среди которыхъ она и уснула.

На зарѣ она встала и открыла окно, чтобы полюбоваться восходомъ солнца надъ прекраснѣйшею изъ долинъ Валенсіи. Это было уже счастье. Но сверхъ-того она могла часа три, четыре провести одна. Официально ей надлежало встать въ девять часовъ, а до того времени никто не смѣлъ входить къ ней.

Въ домѣ Мавра всѣ еще спали, всѣ кромѣ ея одной. Она надѣвала легкую мантилію сверхъ утренняго пеньюара, какъ-вдругъ услышала въ стѣнѣ шорохъ и вздрогнула. Что-то скрипнуло и, прямо противъ нея, золоченая «илленга, освѣщенная первыми лучами солнца, повернулась. Черезъ потайную дверь съ живостію вошелъ молодой человѣкъ.

Поразительна изумленіемъ и ужасомъ, Маргарита не нашла силъ даже вскрикнуть. Колѣни у нея подкосились. Она оперлась на богатый туалетъ и притаялась за шелковымъ завѣсомъ.

— Батюшка! батюшка! вскричалъ молодой человѣкъ: проснитесь! Это я. Я сейчасъ пріѣхалъ. Миѣ нужно поговорить съ вами.

Онъ подошелъ къ алькову и откинулъ завѣсъ. Постель была пуста.

— Уже всталъ! вскричалъ онъ и, обернувшись, увидѣлъ молодую прелестную женщину въ утреннемъ костюмѣ и въ замѣшательствѣ.

— Изъ двухъ словъ, которыя сказалъ молодой человѣкъ, Маргарита все поняла, но только еще не рѣшалась, наказать ли или простить за случайность, въ которой никто не былъ виновенъ, но которая между-тѣмъ ставила ее въ странное и затруднительное положеніе. Скоро она однако жъ рассудила, что

единственная опасность могла быть тогда, когда она поднимет тревогу и что повредить ей может не этот молодой человек, а те, которые стерегут ее. И она решилась.

Исидь смотрел на нее с изумлением. Она предупредила его вопрос.

— Я твоя королева, сказала она с достоинством: я остановилась на ночлег в гостеприимном доме твоего отца.

Исидь упал на колѣна.

— Виноватъ, ваше величество! вскричалъ онъ: простите!

Королева сдѣлала ему знакъ, чтобы говорилъ тише, и спросила:

— Какимъ образомъ ты попалъ сюда?

— Я сейчасъ только-что пріѣхалъ изъ Кадиса, и хотѣлъ увидѣть отца прежде всѣхъ другихъ, поэтому и прошелъ черезъ потаенный ходъ, который извѣстенъ только мнѣ и отцу.

— Куда же этотъ ходъ ведетъ?

— Это тайна нашего дому. Отецъ сказалъ мнѣ: не открывай ее никому кромѣ Бога и его ангеловъ....

Онъ остановился, взглянулъ на королеву съ почтительнымъ восхищеніемъ и прибавилъ:

— Вашему величеству, я, кажется, могу открыть.

— Такъ открой! сказала Маргарита съ любопытствомъ.

— Этотъ ходъ ведетъ въ мѣсто, гдѣ хранятся сокровища нашихъ предковъ, сокровища, которыя и мы стараемся умножить тѣмъ, что можемъ сберечь, чтобы помочь нашимъ братьямъ, если ихъ когда-нибудь постигнетъ несчастіе. Это ихъ будущность, ихъ существованіе и опора на случай бѣдствія. И это я открылъ вашему величеству. Но я не раскаиваюсь. Богъ не накажетъ меня, за то, что я довѣрился моей государынѣ.

— Конечно, нѣтъ, будь увѣренъ. И, если эта тайна никому не извѣстна кромѣ тебя и твоего отца, то я клянусь тебѣ, что она останется между нами трини. Никогда, даже супругъ мой не узнаетъ объ ней. Но, скажи мнѣ....

И она остановилась. Ее волновало чувство, которое довольно трудно было бы опредѣлить и объяснить въ королевѣ, если бы королева не была также женщина.

— Скажи.... можно мнѣ видѣть, посмотрѣть на это сокровище?

— Вамъ! вскричалъ Исидь съ удивленіемъ.

— Да... мнѣ бы хотѣлось, отвѣчала королева простоудшно.

— Пойдемте, пойдемте, ваше величество, если вы удостоите довериться Исиду д'Альберрику.

— А! Исидъ д'Альберрикъ.... Это твое имя?

— Точно такъ, ваше величество.

— Такъ, кажется, звали одного изъ Абенсераговъ?

— Да, такъ назывался тотъ, котораго перваго повлекли по приказанію Боабдила въ львиный ровъ и котораго голова первая покатила на помость Альхамбры. Но, успокойтесь, ваше величество, продолжалъ онъ примѣтивъ сильное впечатлѣніе, которое произвели его слова: здѣсь мы въ домѣ моего отца и время нынче не такое, какъ было тогда. А въ подземельѣ, въ которое я васъ поведу, нѣтъ ни какой опасности.

— О! возразила Маргарита, разсмѣявшись: не худо бы, если бъ немножко и было. Я люблю, гдѣ немножко опасно.

— При всемъ усердномъ моемъ желаніи сдѣлать угодное вашему величеству, опасности не могу обѣщать.

— Ну, нѣтъ такъ нечего дѣлать. Пойдемъ, Исидъ д'Альберрикъ.

Исидъ пошелъ въ потаенный ходъ. Маргарита послѣдовала за нимъ. Ступивъ нѣсколько шаговъ, она пріостановилась и въ первый разъ подумала о безразсудствѣ своего поступка. Но въ ту же минуту разсудила и обрадовалась, что уже поздно разсуждать. Ктому же, воротиться, значило оскорбить потомка Абенсераговъ который доверился ей. Она успѣшно пошла далѣе.

Исидъ сказалъ правду. На пути, по которому онъ велъ королеву, не было ничего страшнаго. Они шли по мелкому мягкому песку, какъ по шелковому ковру. Это была небольшая закрытая галерея, которая повидимому не имѣла ни какого выхода. Въ одно открытое окно сверху, которымъ галерея освѣщалась, висѣли пучками гранатовые цвѣты. Маргарита любовалась на роскошную красоту этихъ цвѣтовъ. Исидъ сорвалъ одинъ и почтительно поднесъ ей. Потомъ уперся въ край стѣны, которая въ концѣ галереи заграждала имъ дорогу. Стѣна повернулась и открыла входъ въ подземелье. Тутъ уже было такъ темно, что Маргарита оперлась на руку Исиды.... королева! При дворѣ Филиппа это была бы величайшая честь, какой человѣкъ можетъ удостоиться. Только извѣстныя фамиліи первыхъ классовъ имѣли право на такое отличіе и то при торжественныхъ случаяхъ, когда весь дворъ могъ завидовать имъ. Исидъ былъ счастливъ, а королева и не думала объ этомъ.

Черезъ минуту они вошли въ просторную храмину, освѣщенную нѣсколькими серебряными лампадами. Сводъ поддерживали осемь колоннъ изъ чернаго мрамору.

У испанскаго народа и до-сихъ-порѣ ходятъ преданія о сокровищахъ, схороненныхъ Маврами, и это очень естественно. Гренадскіе Мавры, во времена Фернанда и Изабаллы, были убѣждены, что рано или поздно опять воротятъ господство надъ страной, которую завоевали въ дикомъ состояніи и которую у нихъ отняли въ цвѣтущемъ. Поэтому они почти всѣ, передъ отъѣздомъ, схоронили свои драгоценности въ землю.

Многіе изъ этихъ кладовъ были найдены, другіе укрылись отъ жадности Испанцевъ. Въ числѣ послѣднихъ остались и сокровища рода д'Альберикова.

Драгоценности, золото и каменья, которые увидѣла въ д'Альбериковой сокровищницѣ Маргарита, напомнили ей рассказы Шехеразады объ Абуль-Каземѣ. И въ самомъ дѣлѣ, тутъ были осуществлены всѣ мечты арабскихъ сказочниковъ. Между колоннами, въ мраморныхъ бассейнахъ, были насыпаны золотыя монеты съ чеканомъ первыхъ халифовъ Кордовы и царей Гренады. Въ ящикахъ кедроваго дерева блестяи заняты, ожерелья и оружія, осыпанныя драгоценными каменьями. По угламъ лежали кѣтънами и грудями слитки серебра и золота. Наконецъ, въ чашахъ изъ горнаго хрусталу сіяли неоправленные алмазы, изумруды и яхонты.

Маргарита смотрѣла на все это въ глубокомъ молчаніи и не смѣла ступить, не смѣла говорить, чтобы шорохъ шаговъ или звукъ голоса не уничтожилъ чудснаго видѣнія. Она тихо опустилась на мраморную скамью. Исидъ почтительно преклонилъ передъ нею колѣно.

— Окажете ли, ваше величество, послѣднюю, величайшую милость вашему вѣроподданному слугѣ?

— Говори, Исидъ.

— Я никогда не забуду этого дня, самаго сладостнаго и самаго прекраснаго въ моей жизни, продолжалъ молодой человѣкъ: и ничто не сравнилось бы съ моимъ счастіемъ, если бъ я смѣлъ надѣяться, что и вы, ваше величество, сохраните объ немъ воспоминаніе.

— Я общаю тебѣ это, Исидъ.

— Такъ докажете, ваше величество, и не оскорбитесь моею дерзостью.

Говоря это онъ взялъ одну хрустальную чашу и, опрокинувъ, высыпалъ королевѣ на колѣни цѣлую груду алмазовъ и другіихъ дорогихъ каменьевъ.

Маргарита хотѣла принять строгій видъ, но въ глазахъ Іесиды отражалось столько преданности и почтенія и столько уваженія за свою смѣлость, что у нея не достало духу довести его до отчаянія.

Изъ всей груды дорогихъ каменьевъ, сіявшихъ у нея на колѣняхъ, она выбрала самый ничтожный, бирюзовый камень, на которомъ была вырѣзана какая-то надпись.

— Видишь, что я прощаю, сказала она.

Іесидъ затрепеталъ отъ радости, страхнулъ мантилью королевы и бросилъ всѣ другіе каменья на землю.

— Но нельзя же, чтобы королева испанская взяла что-нибудь даромъ у Мавра Іесиды. Что я могу сдѣлать для тебя?

Іесидъ молчалъ.

— Неужели ты такъ счастливъ, что ничего не имѣешь пожелать отъ своихъ государей?

— Для себя мнѣ нечего пожелать, но.... для другаго — много!

— Для кого же? говори.

— Для друга.... для друга моего отца, для благороднаго и заслуженнаго человѣка, у котораго хотятъ отнять единственное его достояніе, его честь!

— И ты за него просишь?

— Да, ваше величество, прошу правосудія.

— И получишь. Говори, говори, Іесидъ.

И Іесидъ рассказалъ всю исторію донъ Хуана д'Агилара, который не имѣлъ ни какого средства дойти до короля, чтобы оправдаться и доказать свою невинность. Рассказалъ и свои напрасныя попытки достигнуть этой цѣли черезъ своихъ знакомцевъ.

— Я сама отдамъ, сказала Маргарита принимая записку, которую подалъ ей Іесидъ: я сама прочту королю. Но ты храни это въ тайнѣ, не говори ни слова даже своему отцу.

— Клянусь, ваше величество. Бываетъ счастье, котораго не хочется ни съ кѣмъ раздѣлить, а я такъ счастливъ, что у меня есть тайна съ вашимъ величествомъ.

— И не одна еще, а двѣ! сказала королева, разсмѣявшись: но мы еще не по квитались. Ты просилъ меня за д'Агилара

и я сдѣлаю, что могу. Но я хочу сдѣлать что-нибудь и для тебя, Исидъ.

— Ахъ!... если бъ я смѣлъ.... я попросилъ бы....

— Говори!

— Я попросилъ бы, чтобы вы возвратили мнѣ товарища дѣтства, моего друга, моего брата, донъ-Фернандо д'Альбайду, заключеннаго въ валадолидскую темницу, за то, что онъ вступился за честь и безпорочность своего дяди, за благородный поступокъ, на который никто другой при дворѣ не рѣшился. Возвратите ему свободу, ваше величество, и онъ употребитъ ее на то, чтобы всю жизнь служить вамъ.

— Хорошо, хорошо, сказала королева съ улыбкой: все за другихъ и ничего для себя! Я вижу, королева испанская не властна сдѣлать тебѣ одолженіе.

— Счастье, котораго я сегодня удостоился, совершенно наполняетъ мою душу и не даетъ мѣста никакому желанію.

— Но впередъ, что-нибудь можетъ понадобится.

— Впередъ у меня воспоминанія объ этомъ счастьи.

Королева встала. Исидъ проводилъ ее тою же дорожкой въ покой. До галереи они шли молча. Тутъ королева, взглянувъ на выбранный бирюзовый камень, спросила:

— Что значить эта надпись? Не талисманъ ли это какой-нибудь? Нѣтъ ли тутъ какаго колдовства?

— Клянусь, нѣтъ колдовства, ваше величество! отвѣчалъ Исидъ.

— Что же значить эта надпись?

— Это арабское слово. Оно значить — *Всегда!*

— А! это по-арабски! сказала королева и раскалалась, что спросила.

У входу въ свой покой она остановилась и сказала:

— Прощай, Исидъ. Быть-можетъ, мы уже не увидимся, но ты *всегда* можешь полагаться на покровительство королевы испанской, которая съ своей стороны полагается на твою преданность и скромность.

— Всегда! отвѣчалъ Исидъ.

Филейта затворилась. Мавръ исчезъ.

Черезъ два часа потомъ камеріера-маіоръ вошла въ комнату королевы, которая еще лежала въ постелѣ. Потомъ собрались къ отъезду. Аламиръ Деласкаръ со всѣми своими людьми, со всѣми домогъ, дождался выхода королевы въ садъ. Всѣмъ ра-

бочимъ данъ былъ праздникъ въ этотъ день и всѣ они собрались въ живописныхъ своихъ мавританскихъ костюмахъ, чтѣ ео ставило любопытную картину.

Когда королева явилась, Аламиръ Деласкаръ представилъ всѣхъ мастеровъ, которые управляли его фабриками; они поднесли Маргаритѣ и дамамъ ея свиты разныхъ шелковыхъ и шерстяныхъ тканей, въ которыхъ изящество рисунковъ и красокъ равнялось только удивительной тонкости и многоцѣнности товара. Потому Аламиръ взялъ за руку прекраснаго молодаго человѣка, съ благородною и открытою фizioноміей, и сказалъ:

— Это мой сынъ, Іесидъ, ваше величество. Онъ только-что воротился съ дороги и желаетъ поблагодарить свою государыню, за счастье, котораго удостоился домъ отца его.

При видѣ Іесиды, между дамами свиты послышался лестный гдворъ.

— Эти Мавры были не такъ дурны, сказала вполголоса графиня д'Альтамира одной изъ своихъ подругъ: не даромъ Филиппъ-Второй запретилъ имъ носить этотъ изящный національный костюмъ. Онъ немножко по-привлекательнѣе грузнаго камзола, торчащаго воротника и массивнаго плаща нашихъ кавалеровъ, которые по легкости своей походятъ на каменныхъ истукановъ.

— Правда, отвѣчала маркиза Медина: особенно у этого Мавра въ наружности есть чтд-то воинственное, рыцарское, романтическое.

— Нѣтъ, рыцарскіе романы довольно скучны, а этотъ Мавръ интересенъ.

Дамы продолжали разговаривать. Королева не слышала. Она привѣтливо кивнула Іесиду и продолжала съ Аламиромъ разговоръ о промышленности и объ его мануфактурахъ.

Между-тѣмъ подали королевскій экипажъ. Арагонскихъ муловъ, которые были выражены наканунѣ, Аламиръ замѣнилъ шестеркою дорогихъ арабскихъ коней. Длинные гривы были убраны цвѣтами, сбруя камнями. Подарокъ былъ царскій.

— Вотъ мавританское гостепрѣимство! вскричала королева съ изумленіемъ: но, я вижу, намъ бы не слѣдовало прибѣгать къ нему, прибавила она съ улыбкой: нашъ хозяинъ разоряется для своихъ гостей. Надѣюсь, по-крайней-мѣрѣ, что донъ-Альберикъ Деласкаръ....

Это словечко *донъ*, однажды произнесенное королевою, давало

Альберкку право навсегда удержать его за собою и впередъ вмѣстѣ съ потомками своими считаться въ дворянахъ.

— Надѣюсь, что донъ-Альберикъ Деласкаръ навѣститъ насъ въ нашемъ дворцѣ въ Эскуріалѣ или въ Аранхузѣ, чтобы мы могли отплатить ему гостепрѣнствомъ за гостепрѣнство. Но я и теперь всё-таки не хочу выйти изъ этого дому, не оказавъ какой-нибудь милости. Проси, донъ-Альберикъ.

Тронутый старикъ взглянулъ на сына, чтобы посовѣтоваться. Молодой человекъ вполголоса отвѣчалъ однимъ арабскимъ словомъ.

У королевы на груди былъ приколотъ алый гранатовый цвѣтокъ, — тотъ самый, который Исидъ утромъ сорвалъ для нея въ галереѣ.

— Пожалуйте намъ этотъ гранатовый цвѣтокъ, ваше величество, сказалъ Деласкаръ.

Всѣ изумились. Королева смутилась. Потомъ она отколола прекрасный цвѣтокъ и, слегка покраснѣвъ, подала старику.

Ему ли она отдавала?

Черезъ минуту потомъ шестерка арабскихъ коней помчала королеву въ Новую-Кастилію.

Маргарита прѣехала въ Мадридъ гораздо прежде своего царственного супруга. Но наконецъ и онъ воротился съ герцогомъ Лермой и со всѣмъ дворомъ.

Во все продолженіе этого путешествія никто не говорилъ ему о женѣ. Герцогъ Лерма старался удалить всякое воспоминаніе объ ней и Филиппъ, при своемъ характерѣ, легко могъ бы забыть, что онъ женатъ.

Видъ Маргариты напомнилъ ему объ этомъ.

Она показалась ему болѣе живою, болѣе привлекательною чѣмъ въ Валенсіи. Въ чертахъ лица и въ глазахъ ея было больше выраженія. Филиппъ примѣтилъ множество вещей, которыхъ прежде не находилъ. Онъ примѣтилъ, что у Маргариты великолѣпные светло-русые волосы, ослѣпительно бѣлая кожа, маленькій, прелестный ротикъ, который восхитительно улыбается. Дотогѣ Маргарита была такъ важна и строга, что эффекту этого послѣдняго обстоятельства невозможно было предвидѣть.

Посмотрѣвъ на нее нѣсколько времени молча, Филиппъ подошелъ и сказалъ съ нѣкоторымъ замѣшательствомъ:

— Ахъ, еслибъ вы знали, милая Маргарита, какъ вы во время нашей разлуки похорошѣли!....

— Въ самомъ дѣлѣ? Въ такомъ случаѣ вамъ для моей пользы слѣдовало бы по-долѣе оставаться въ Галиціи.

— Можно ли было оставаться долѣе? Я васъ такъ люблю!

— Это, конечно, со времени вашего путешествія, потому что прежде я этого что-то не примѣчала.

— Я давно люблю васъ, Маргарита.

— Нѣтъ, ваше величество, я очень хорошо вижу, что Святому Іакову Компостельскому обязана вниманіемъ, котораго сегодня удостоиваюсь. Но жаль, что вы провели у него только девять дней. Осьмнадцать было бы лучше.

— И вы можете такъ шутить, Маргарита?

— Я не шучу, ваше величество. Напротивъ, я прошу, чтобы вы рассказали мнѣ о вашемъ путешествіи.

— Во всякое другое время, извольте, но теперь.... Я не люблю путешествій.... напротивъ! Ктому же это было очень скучное.

— А! вы, сами, ваше величество, говорите дурно о Іаковѣ Компостельскомъ.

— Совсѣмъ нѣтъ.... Но я не то хотѣлъ вамъ сказать....

— Послѣ, послѣ.... когда вы мнѣ расскажете какъ провели время нашей разлуки; изо дня въ день. Начнемте съ перваго.

— Нѣтъ, вскричалъ король въ нетерпѣніи: это невозможно! Отъ этого можно умереть со скуки.

— Это будетъ эпитимія. Вѣдь вы затѣмъ и путешествовали? Я должна же раздѣлить съ вами эту эпитимію.

— Но на все есть свое время! Настоящее мое наказаніе заключалось въ разлукѣ съ вами. Теперь оно кончено; теперь, когда небо дозволило мнѣ приблизиться къ тому, что я люблю больше всего на свѣтѣ....

— Приблизиться! сказала королева отодвигаясь: такъ ваше величество въ самомъ дѣлѣ любите меня?.... Такъ это правда?

— Клянусь вамъ! вскричалъ Филиппъ съ жаромъ: клянусь вамъ всѣми святыми....

— О, конечно! перебила Маргарита: столькимъ свидѣтелямъ я не могу не повѣрить. Но мнѣ прежде всего хотѣлось бы повѣрить вамъ самимъ. И вамъ легко было бы убѣдить меня. Есть слова, которыя имѣютъ гораздо болѣе вліянія нежели клятвы.

— Что вы хотите сказать?

— Что тому, кого любятъ, ни въ чемъ не отказываютъ.

— И вы это говорите! вы, которой холодность леденитъ меня! которая отказываетъ мнѣ во всемъ!

— Все зависитъ отъ средствъ къ побѣжденію холодности, весело возразила Маргарита.

— Что же мнѣ дѣлать? Говорите..... Хотите, чтобы я умеръ у вашихъ ногъ? Вы непреклонны къ моимъ мольбамъ!.... Вы немилосерды.

— Совсѣмъ нѣтъ. Напротивъ, я милосерда и такъ же какъ вы, ваше величество, имѣю право мловать, но только я не хочу одна пользоваться этимъ правомъ.

— Что это значитъ? спросилъ король съ изумленіемъ.

— То, что я также имѣю просьбу до вашего величества.

— Почему же вы не говорите?... Я готовъ исполнить.

— Непремѣнно?

— Непремѣнно исполню..... Я такъ хочу, я, — король.

— А если герцогъ де-Лерма не захочетъ?

— Какое дѣло герцогу Лермѣ до васъ?

— Я тоже такъ думаю. Но всё-таки мнѣ нужно, чтобы вы поклялись мнѣ исполнить мою просьбу, понравится ли она или не понравится вашему министру.

— Что же это такое? спросилъ король, испугавшись.

— Исполните или нѣтъ?

— Увидимъ.... посмотримъ.... Скажите мнѣ.... Я посоветуюсь съ Лермой, уговорю его.....

— Нѣтъ, это не нужно, ваше величество. Вы исполните мою просьбу и это останется между нами.

— Но это невозможно!.... Не могу же я.... безъ министра...

— Какъ вамъ угодно, ваше величество, сказала Маргарита вставая.

— Маргарита!.... ради Бога! вскричалъ Филиппъ, удерживая ее за руку.

— Вѣдь вы ничего не можете сдѣлать, не посоветовавшись съ министромъ!

— Выслушайте меня, Маргарита!

— Это невозможно, ваше величество. У меня тоже есть свой совѣтъ, консульта королевы. Я предложу ей ваши желанія, когда вамъ угодно будетъ объявить ихъ мнѣ, и мы, въ совѣтъ, по надлежащемъ совѣщаніи, рѣшимъ исполнить или не исполнить.

Королева пошла къ двери.

Филиппъ, у котораго при встрѣчѣ съ такимъ сопротивленіемъ въ первый разъ въ жизни пробудилась живость и энергія собственной воли, вскоцилъ и самыми нѣжными, самыми пламенными выраженіями убѣждалъ Маргариту остаться.

— Такъ вы общаете мнѣ слушаться вашего сердца, а не герцога Лермы? спросила она.

— Клянусь вамъ!

— Вы ничего не скажете ему о моей просьбѣ?

— Клянусь!.... Говорите, говорите скорѣе, что я долженъ дѣлать.

— Вы должны выслушать записку, которую я прочту вамъ.

— Записку! вскричалъ король съ ужасомъ: возможно ли?

— Да, вотъ эту записку.

— Это!.... Да тутъ четыре страницы мелкаго писема!

— Такъ что жъ, что мелко? Вѣдь я буду читать.

— Но это никогда не кончится!.... Какъ можно это читать теперь?.... Послѣ, послѣ прочтемъ.

— Нѣтъ, ваше величество, нужно теперь.

— Но на это цѣлая вѣчность пойдетъ!

— Я буду читать какъ-можно скорѣе.

— Нѣтъ, я теперь слишкомъ взволнованъ.... Я не могу внимательно слушать.

— Успокойтесь и выслушаете.

— О! вскричалъ Филиппъ почти съ яростью: вы рѣшились довести меня сегодня до отчаянiя!

— Нѣтъ, ваше величество, я рѣшилась сдѣлать васъ счастливымъ.

— Счастливымъ!

— Да, принудивъ васъ сдѣлать доброе дѣло, за которое вы послѣ будете благодарить меня и за которое ваши подданные благословятъ васъ.

Филиппъ въ эту минуту вовсе не думалъ о своихъ подданныхъ; но дѣлать было нечего, онъ принужденъ былъ выслушать. Маргарита медленно, важно, однако съ жаромъ прочитала записку доиъ-Хуана д'Агилара, которою доказывалось, что самъ лордъ Монжой, непрiятельскiй военачальникъ, отдавалъ испанскому генералу справедливость, въ которой ему отказывало отечество. Маргарита не только прочитала, но и объяснила, какимъ образомъ д'Агиларъ, обвиненный въ предательствѣ, сохранилъ своему королю армию, которая безъ его твердости и благоразумiя неминуемо должна была погибнуть. Она доказала, что д'Агилара слѣдовало не суду предать за договоръ съ еретиками, а наградить за вѣрную службу его католическому величеству. На томъ же точно основанiи слѣдовало освободить Фернандо д'Альбайду, котораго все преступленiе состоитъ въ томъ, что онъ

вступился за безвинно осужденнаго и оклеветаннаго дядю. Преступленіе это можно простить: оно такъ рѣдко, что заразительности его опасаться нечего.

У Филиппа сердце было доброе и справедливое и онъ всегда понималъ дѣло, когда ему растолкуютъ, особенно, когда растолкуетъ прекрасная женщина, которую онъ любитъ.

— Вы правы, Маргарита, вы правы, сказалъ онъ: дочь Хуанъ д'Агиларъ вѣрный и добрый слуга, котораго нужно наградить. Что прикажете сдѣлать для него?

— Благоволите написать, ваше величество.

Король сѣлъ, взялъ перо, взглянулъ на жену и написалъ подъ ея диктовку :

« Въ награду за вѣрную службу, за труды понесенные въ Ирландіи, за поддержаніе чести испанскаго оружія противъ превосходныхъ непріятельскихъ силъ и за спасеніе нашей арміи отъ вѣрной гибели, мы назначаемъ нашего генерала донъ Хуана д'Агилара вице-роемъ королевства Наварры....

Король остановился.

— Не много ли этого будетъ? Такое важное мѣсто....

— Да, именно потому, что мѣсто важное и что оно давно уже вакантно, говорятъ, съ-тѣхъ-поръ какъ было занято графомъ де-Лемосомъ. Назначивъ д'Агилара, вы наградите достойнаго человѣка и облагодѣтельствуете провинцію.

Король написалъ и спросилъ :

— Ну, довольны ли вы?

— Нѣтъ еще.

И она продолжала диктовать :

« А его племянника, донъ-Фернандо д'Альбайду мы назначаемъ въ полкъ ея величества королевы.

« Давъ въ нашемъ дворцѣ, въ Мадридѣ, 24 сентября 1599.

« Yo el Rey. »

Королева сложила приказъ, спрятала и на-утро отправила къ исполненію.

На-утро же Филиппъ, прохладившись отъ жару, который придавалъ ему столько отважности, сдѣлался самымъ несчастнымъ и самымъ испуганнымъ изъ людей. Онъ отказалъ собраніе совѣта и цѣлыхъ два дня не принималъ герцога Лерму, потому что не смѣлъ показаться ему на глаза. Онъ понималъ однако жъ, что тѣмъ болѣе будетъ медлить, тѣмъ болѣе дѣло запутается, и, наконецъ, какъ провинившійся школьникъ передъ

учителемъ, явился передъ своимъ министромъ. Между-тѣмъ, герцогъ Лерма съ своей стороны тоже трепеталъ не меньше.

Узнавъ о повелѣніи, отданномъ безъ его вѣдома, онъ тотчасъ побѣжалъ къ брату Сандовалу и они стали совѣщаться о мѣрахъ, какія нужно принять.

Опасность была велика и легко могла возобновиться.

Въ королевѣ они увидѣли соперницу тѣмъ болѣе опасную, что ее сдвинуть было невозможно, если она займетъ мѣсто любимцевъ.

По долгомъ совѣщаніи великій инквизиторъ явился къ королю съ фра-Кордовой. Оба подошли съ печальными, блѣдными лицами и съ потупленными глазами.

— Чтѣ съ вами, отцы мои? Отчего вы такъ печальны?

— Мы опечалены не за себя, ваше величество, а за васъ, отвѣчалъ Сандоваль: мы опечалены за всю Испанію, потому что лучший изъ королей, справедливѣйшій изъ государей, ведетъ свое царство къ гибели.

— И губить душу свою, прибавилъ духовникъ.

— Какъ-такъ? вскричалъ король въ испугѣ: чтѣ же я сдѣлалъ, отцы мои? Какой грѣхъ я совершилъ?

— Одинъ изъ величайшихъ грѣховъ, для короля: нарушили волю Божию, отвѣчалъ инквизиторъ.

— Вѣдь вы помазанникъ Божій, прибавилъ духовникъ.

— На вашу голову Богъ возложилъ корону испанскую....

— А не на голову Маргариты Австрійской.

— Мы не отрицаемъ вѣжности вашего величества къ особѣ королевы.

— Мы вѣрные слуги и подданные августѣйшей супруги вашего величества.

— Супруги, которая заслуживаетъ всей любви вашего величества.

— Небо соединило васъ и земля да не разлучитъ того, чтѣ Богъ соединилъ.

— Но и вы, ваше величество, и вы не должны соединять того, чтѣ Богъ разлучилъ.

— Какъ-такъ, отцы мои? спросилъ король, болѣе и болѣе смущенный торжественнымъ тономъ монаховъ.

— У короля испанскаго есть свои обязанности, у супруга королевы Маргариты свои.

— Смѣшивать ихъ, значитъ не исполнять ни тѣхъ ни дру-

— Это значить, вдвойнѣ навлечь на себя гнѣвъ небесный.

— Отдать въвѣренный вамъ скипетръ въ руки королевы, значить отвѣчать Богу не только за свои грѣхи....

— Но и за грѣхи, которые могутъ быть совершены именемъ вашимъ.

— Такъ по-крайней-мѣрѣ полагаетъ вашъ духовникъ.

— Такъ думаетъ и святая инквизиція, которая поручила мнѣ сдѣлать представленіе вашему католическому величеству, прежде нежели пойдѣмъ за отеческимъ совѣтомъ къ престолу римскому.

Это разсужденіе, которое довольно легко можно было бы обратить противъ всѣхъ фаворитовъ вообще и противъ герцога Лермы въ-особенности, произвело на короля такое дѣйствіе, что онъ съ ужасомъ воображалъ уже, что слышитъ грома ватиканскіе и смиренно, робко просилъ совѣта, какъ впередъ вести себя. Съ него взяли клятву, что онъ ни въ какомъ случаѣ не будетъ говорить съ королевою о государственныхъ дѣлахъ. Онъ сдержалъ эту клятву.

Когда, черезъ нѣсколько дней потомъ, д'Агиларъ и д'Альбайда пришли благодарить короля за возвращеніе милости, ихъ очень удивило и огорчило замѣшательство, съ которымъ ихъ приняли. Не понимая причины, они поняли однако жъ, что ихъ присутствіе въ тягость слабому монарху. Одинъ отправился въ свою провинцію, другой въ полкъ. Они даже не узнали, что настоящая ихъ благодѣтельница была королева.

Герцогъ Лерма также никогда не могъ объяснить себѣ настоящей причины этого происшествія. Онъ и не догадывался, что оно имѣетъ связь съ пребываніемъ королевы у Деласкара д'Альберика. Напрасно онъ гонялъ своихъ шпионовъ во всѣ концы, тайна осталась тайной. Но Лерма былъ убѣжденъ, что встрѣтитъ въ королевѣ сильную противницу и тому предпріятію, которое онъ обдумывалъ съ Сандовалемъ и Рибейрой противъ Марровъ и для исполненія котораго они выжидали только благоприятнаго случая. •

Со времени своего назначенія вицероемъ наваррскимъ, донъ Хуанъ д'Агиларъ постоянно жилъ въ Пампелунѣ. Но однажды ему нужно было съѣздить въ Мадридъ, къ своей сестрѣ, графинѣ д'Альтамира. Чтобы не разлучаться съ Карменъ, онъ взялъ съ собою, а Карменъ въ свою очередь не хотѣла разстаться съ своею подругой, Анхой. Вотъ какимъ образомъ старикъ съ двумя дѣвушками находился на дорогѣ между Сьерра-Окой и

Сиерра-Монкайо, когда их остановилъ бандитъ Карало и когда Пикильо на помощь къ нимъ ушалъ съ дерева.

По приѣздѣ въ Пампелуну вицеерой тотчасъ приказалъ одѣть своего новаго пажа, который болѣе чѣмъ когда-либо стыдился за свое грязное рубище, хотя господа, особенно дѣвницы, вовсе не обращали на это вниманія и впродолженіи всей дороги ласково и весело болтали съ нимъ.

Потомъ пажа отдали подъ надзоръ и начальство маршалу домоправителю, сеньору Пабло Сиенфуэгосу, съ приказаніемъ образовать его для домашней службы и съ увѣщаніемъ употреблять для этого мѣры кротости и умѣренности. Но это условіе прежде всего забывается. Пабло Сиенфуэгосъ забылъ тѣмъ скорѣе, что появленіе Пикильо разстроило у него давнишнее предположеніе опредѣлить на это мѣсто мальчика, котораго онъ называлъ своимъ крестникомъ, но который, говорятъ, былъ ему по-ближе съ-родни. Это обстоятельство не убавило обыкновенной его суровости. Другіе слуги въ домѣ также были оскорблены въ своемъ достоинствѣ, когда увидѣли, что пажомъ сдѣланъ бродяга, оборванный нищій, найденный гдѣ-то въ лѣсу, на деревѣ!... Всѣ въ новоприбывшемъ не только не хотѣли видѣть почетнаго слугу высшаго, благороднѣйшаго класса, но, напротивъ, всячески старались поработить его себѣ, такъ, что Пикильо въ нѣсколько дней сдѣлался лакеемъ всѣхъ лакеевъ. Это съ одной стороны оскорбляло его гордость, а съ другой надоѣдало ему, потому что онъ у прежнихъ своихъ воспитателей не привыкъ къ труду. Потому онъ пользовался всякимъ удобнымъ случаемъ вырваться изъ дому, чтобы подышать свободнымъ воздухомъ на улицѣ.

Онъ на первыхъ же дняхъ бѣгалъ въ гостиницу Золотаго Солнца, чтобы отыскать нерваго своего друга, Педралье; но его тамъ уже не было и никто не зналъ, что съ нимъ случилось. Ему посчастливилось только встрѣтить и узнать нѣсколькихъ бывшихъ солдатъ своей арміи, которою онъ командовалъ будучи союзникомъ пампелунскихъ инсургентовъ. И ихъ общество показалось ему болѣе почетнымъ и занимательнымъ чѣмъ общество слугъ въ домѣ вицеероя.

Часто, по возвращеніи Пикильо, сеньоръ Пабло строго выговаривалъ ему за отлучку и даже употреблялъ болѣе рѣшительныя средства, которыя однако жъ всѣ оставались неэффективными. Напротивъ, Пикильо возмущался болѣе и болѣе противъ этого тиранства и вовсе не хотѣлъ признавать его законнымъ. Наконецъ сеньоръ Пабло составилъ докладъ, въ которомъ легше дни

доказалъ, что непокорный и склонный къ бродяжничеству пажъ Пикильо совершенно не способенъ къ службѣ и что его слѣдуетъ выгнать.

Вицерой съ своимъ семействомъ сидѣлъ за завтракомъ, когда маршалъ-домоправитель явился съ этимъ докладомъ.

— Ну, что вы скажете, дѣти? спросилъ онъ, выслушавъ.

— Нужно выслушать и обвиненнаго.

Позвонили. Но погода была такая прекрасная, солнце свѣтило такъ ярко. Молодой пажъ не выдержалъ, пошелъ прогуляться по берегамъ Арги.

Сеньоръ Пабло взглянулъ на судей съ торжествующимъ видомъ. Лучшаго доказательства было не нужно. Когда Пикильо воротился, ему сказали, что его спрашивали. Онъ побѣднѣлъ и побѣжалъ наверхъ дожидаться у дверей, пока выйдутъ.

Прошло болѣе часу.

Наконецъ Анха позвонила. Она писала, когда Пикильо вошелъ, и, взглянувъ на него, продолжала свое дѣло.

Пикильо стоялъ въ трехъ шагахъ, ждалъ приказанія и не смѣлъдохнуть. Вдругъ его какъ отъ сна пробудилъ грозный голосъ донъ-Хуана д'Агилара, который вошелъ, опираясь на руку дочери. Гроза это быстро усиливалась, дотого, что легко могъ бы послѣдовать и ударъ: палка была уже занесена, но Карменъ вступилась и умоля схватила отца за руку.

Анха не произнесла ни одного слова.

Пикильо упалъ на колѣни передъ разгнѣваннымъ старикомъ и вскричалъ :

— Накажите меня! Я прогнѣвилъ васъ.... но всё-таки не я одинъ виноватъ.

И онъ въ немногихъ словахъ рассказалъ всѣ несправедливости и притѣсненія, которыя побуждали его къ возмущенію.

— Батюшка, простите его, умоляю васъ! говорила Карменъ.

Анха ничего не сказала.

— Простите! повторяла Карменъ : онъ впередъ будетъ умнѣе.

— Клянусь вамъ, клянусь! вскричалъ Пикильо съ выраженіемъ искренней правдивости.

Старикъ согласился, погрозилъ еще, на случай будущаго преступленія и вышелъ. Пикильо остался одинъ съ Анхой.

— Вы не удостоили замолвить за меня слово, сеньорита? робко сказалъ онъ: вы даже не сердитесь на меня!

— К чему? отвѣчала Анха холодно: прежде я надѣялась на тебя. Теперь я вижу, что ошиблась.

— Какъ же такъ, сеньорита?

— Я полагала, что ты преданъ мнѣ и Карменъ.

— На жизнь и на смерть! клянусь вамъ!

— Однако жъ ты проводишь по цѣлымъ днямъ на улицахъ какъ бродяга. Тебя никогда нѣтъ дома. Если же съ нами случится что-нибудь, какая-нибудь бѣда, мы принуждены будемъ прибѣгнуть къ помощи Пабло.

— Никогда! никогда! вскричалъ Пикильо, упавъ къ ногамъ дѣвушки.

Съ этого дня Пикильо уже не выходилъ изъ дому д'Агилара. Онъ отказался отъ своей страсти къ прогулкамъ, отъ общества уличныхъ мальчишекъ; сдѣлался порядочнымъ, исправнымъ, и отъ времени до времени даже повиновался сеньору Пабло Сиенфуэгосу. Но ничто не могло сравниться съ рвеніемъ и усердіемъ его къ службѣ барышень. Онъ въ глазахъ читалъ у нихъ всѣ желанія, чтобы предупредить приказанія.

Но однажды, несмотря на все усердіе, съ нимъ случилось большое несчастіе. Былъ какой-то торжественный день. Д'Агиларъ намѣревался дать большой балъ. Домъ былъ довольно великъ, но всё-таки не могъ бы вмѣстить всѣхъ, которые считали себя въ правѣ получить приглашеніе вицерея. Нужно было сдѣлать выборъ, который требовалъ большаго такту и умѣнья. Д'Агиларъ не безъ труда уладилъ дѣло въ общемъ засѣданіи съ Карменъ и Анхой. Списокъ составили и билеты подписали. Пикильо поручено разнести и онъ надѣлалъ самыхъ грубыхъ, самыхъ непростительныхъ ошибокъ, такъ что не только до крайности взбѣсилъ вицерея, но и возмутилъ всю Пампелуну. Многія важныя особы стояли на спискѣ и не получили своихъ билетовъ; многіе неприглашенныя старушки изъ чужихъ билетовъ увидѣли, что ихъ обошли. Тревога произошла страшная. Этихъ ошибокъ многіе въ жизнь свою не могли простить вицерю, который тѣмъ доказалъ свою неспособность къ своей важной государственной должности. А между-тѣмъ вся бѣда случилась просто оттого, что Пикильо, по незнанію грамоты, обратился за совѣтомъ къ сеньору Пабло Сиенфуэгосу, который и растолковалъ ему адреса, въ надеждѣ выжить наконецъ пажу изъ дому и помѣстить своего крестника.

Д'Агиларъ не прогналъ пажу, потому что за него на этотъ разъ вступились обѣ барышни, но, для избѣжанія впредь такихъ

недоразумѣній, приказалъ Пикильо выучиться грамотѣ и далъ сроку одинъ мѣсяцъ. Если въ мѣсяцъ не будетъ умѣть читать, грозился непременно прогнать.

На другой же день явился очень важный, тощій господинъ съ постною физиономіей, котораго Пикильо принялъ за гробовщика. Это былъ сеньоръ Герундіо, одинъ изъ первыхъ литераторовъ нампелунскихъ, авторъ пятнадцати поэмъ и двухъ сотъ трагедій, преподававшій въ то же время грамматику по пятидесяти мараведисовъ за урокъ. И въ то время уже геніевъ содержали худо.

Пикильо видѣлъ много горя въ жизни, но ни какое терзаніе не могло сравниться съ тѣмъ, какое онъ испытывалъ въ рукахъ сеньора Герундіо, который стоялъ слишкомъ высоко, на то чтобы снизойти къ своему ученику; онъ непременно хотѣлъ съ перваго же дня поднять его до уровня своей мудрости и принялся объяснять ему тонкости испанскаго языка и теорію изящнаго слога, когда слѣдовало еще напередъ познакомиться съ буквами.

Пикильо напрасно напрягалъ свой мозгъ до боли въ головѣ: онъ ничего не могъ понять. Чѣмъ болѣе онъ ошущью подвигался впередъ въ надеждѣ найти свѣтъ, тѣмъ непроницаемѣе становился мракъ. Съ ума надо было сойти. Роковой срокъ приближался, а Пикильо не только ничему не научился, но съ отчаяніемъ увидѣлъ, что принялся за совершенно невозможное, неисполнимое.

— И меня прогонять! прогонять безъ пощады, несмотря на мое усердіе и преданность! Я долженъ буду оставить этотъ домъ, и Карменъ и Анху.... зато, что не могу разобрать этихъ проклятыхъ каракуль, ни понять стараго колдуна, который взялся растолковать мнѣ ихъ!

И Пикильо, однажды, въ припадкѣ ярости, схватилъ сеньора Герундіо за горло, придушилъ до половины и вытолкалъ, съ угрозою непременно докончить, если еще разъ осмѣлится носъ показать. Пикильо очень могъ исполнить эту угрозу, потому что былъ уже мальчикъ взрослый и сильный. Сеньоръ Герундіо, радъ пользѣ нампелунской литературы, рѣшился остаться дома.

Но Пикильо отъ этого всё было не легче. Какъ оправдаться передъ покровителями въ этомъ новомъ возмущеніи? Какъ по прошествіи мѣсяца оправдать нечѣжество, въ которое погрязъ глубже чѣмъ когда-либо?

Никогда еще, ни даже на испытаніи у капитана Бальсейро, Пикильо не бывалъ столько несчастенъ.

Однажды вечеромъ Карменъ и Анха, взявшись подъ руки, про-

гуливались по саду, мечтали и разсуждали о настоящемъ и будущемъ, обо всемъ, о чемъ обыкновенно разсуждаютъ дѣвушки, какъ-вдругъ, зашедши въ отдаленную часть сада, увидѣли огонекъ въ небольшомъ домикѣ подлѣ оранжерей. Домикъ этотъ, сколько имъ было извѣстно, обыкновенно служилъ садовнику вмѣсто чулана. Жить въ немъ никто не могъ. Кто же былъ тамъ съ огнемъ, въ такую позднюю пору? Чтò за тайна? чтò за приключеніе?

Карменъ оробѣла и хотѣла уйти. Аиха, напротивъ, ступила шагъ впередъ.

— Погоди, сестрица, сказала она: я посмотрю чтò тамъ такое.

— Нѣтъ, если ты идешь, и я съ тобой.

И обѣ, прижавшись другъ къ другу крѣпче, пошли прямо на огонекъ, который мелькалъ между зеленью деревьевъ.

Приближаясь къ опасному мѣсту, онѣ сдержали дыханіе и тихонько, на цыпочкахъ, подкрались къ единственному окну домика. Чтò жъ они увидѣли?

Пикильо, который устроилъ въ этомъ чуланѣ свой кабинетъ, чтобы учиться безъ помѣхи, Пикильо, въ отчаяніи, рвалъ на себѣ волосы, рвалъ въ клочки и топталъ ногами испанскую грамматику, и наконецъ, въ изнеможеніи, со слезами на глазахъ, упалъ на скамью.

Аиха толкнула незапертое окно и, просунувъ прекрасную головку въ хижину, нѣжнымъ голосомъ сказала:

— Пикильо!

Пажу показалось, что ангелъ небесный услышалъ его отчаяніе и поспѣшилъ на помощь. Онъ вздрогнулъ, протянулъ руки къ окну и сказалъ:

— Это вы, сеньорита?

— Да, мы обѣ здѣсь! вскричала Карменъ.

— Чтò ты здѣсь дѣлаешь?

— Учусь.

— И съ большимъ рвеніемъ, какъ я вижу.

— Чтò съ тобой, Пикильо? Отчего ты въ такомъ отчаяніи?

И Пикильо разсказалъ все свое горе, разсказалъ, отчего и какъ обошелся съ своимъ наставникомъ и съ грамматикой, и клялся, чтò поступитъ съ самимъ собою точно такъ же, потому что не переживетъ стыда, если принужденъ будетъ оставить домъ своихъ благодѣлательницъ; убьетъ себя, если къ концу мѣсяца не выучится читать.

— Однако жъ грамота сама собою не дается, сколько ни грози, **замѣтила Анха:** нужно побѣдить трудности.

— Не могу, отвѣчалъ Пикильо: мнѣ легче убить себя нежели выучиться читать. Это слишкомъ трудно.

— Однако жъ мы выучились же.

— А у тебя, Пикильо, есть умъ, ты понятливъ.

— Отчего жъ тебѣ не выучиться, когда мы выучились?

— О! вы! вы можете все, что захотите.

— Стало-быть, мы сможемъ также выучить и тебя, если захотимъ.

— Вы шутите, сеньорита?

— Вовсе нѣтъ. Хочешь, мы будемъ учить тебя?

— Въ самомъ дѣлѣ! Хочешь, Пикильо?

— Вы! да какъ это можно?

— Такъ же, вмѣсто сеньора Герундіо.

— Ты не задушишь насъ, какъ его?

— Да какъ же это можно?... И гдѣ жъ мнѣ выучиться, когда это такъ трудно!

— Съ терпѣніемъ и мужествомъ все возможно, ты увидишь, съ важною сказала Анха.

— Только смотри никому не сказывай, прибавила Карменъ.

Можно судить, общалъ ли Пикильо хранить тайну.

На другой же день подруги принялись за образованіе своего наха. Каждое утро и каждый вечеръ онѣ давали ему по уроку и Пикильо изумился ясности и простотѣ предмета, который былъ такъ чудовищно теменъ и рогать въ устахъ мудраго сеньора Герундіо. Анха вѣрно оцѣнила Пикильо: онъ былъ одаренъ понятливымъ, живымъ, проинпательнымъ умомъ, которому нужно было только дать нишу и направленіе, и онъ могъ развиваться до высокой степени совершенства. Въ нѣсколько дней Пикильо сталъ уже бѣгло читать и самъ испугался своихъ усѣховъ: онъ опасался, что его найдутъ слишкомъ ученымъ и прекратятъ уроки. Но опасеніе было напрасное. Наставницы не думали такъ скоро покинуть свое дѣло: онѣ намѣревались довести своего воспитанника до всего того окончательнаго совершенства, къ какому находили его способнымъ. Карменъ, правда, не выдерживала долго роли наставницы и часто прерывала урокъ, чтобы поболтать и посмѣяться; но Анха, всегда строгая и важная, неутомимо занималась дѣломъ и нерѣдко колотила своего ученика по пальцамъ, если онъ заирался или становился разсѣяннымъ.

Наступилъ назначенный д'Агилларомъ срокъ, къ которому Пи-

кильо долженъ былъ или знать грамоту или отправиться въ изгнаніе. Коварный сеньоръ Пабло Сіен-уэгосъ ждалъ этого дня какъ торжества и, во время завтрака, напомнилъ объ немъ вице-рою, рассказавъ съ намѣреніемъ скрытый до того времени поступокъ пажа съ учителемъ. Д'Агиларъ вспылилъ и приказалъ позвать виновнаго.

Пикильо явился.

— Правда это, что вы изволили отпустить своего учителя? спросилъ д'Агиларъ строго.

— Правда, тихо отвѣчалъ Пикильо.

— А почему такъ, если смѣю спросить?

Пикильо молчалъ.

— Потому что учитель оказался не нужнымъ, со смѣхомъ отвѣчала за него Анха.

— А! сеньоръ Пикильо сталъ слишкомъ ученъ!

— Нѣтъ, не слишкомъ, скромно отвѣчалъ Пикильо.

— Однако жъ достаточно, подхватила Карменъ.

— Я не тебя спрашиваю, Карменъ, важно возразилъ вице-рою: если же Пикильо можетъ уже обойтись безъ учителя, если онъ въ одинъ мѣсяцъ проглотилъ всю книжную мудрость, такъ мы въ этомъ тотчасъ можемъ удостовѣриться.... дать ему книгу.

— Вотъ книга! сказала Анха вынувъ изъ кармана и подавая пажу открытую книгу.

— Читай! сказалъ д'Агиларъ, развалившись въ креслахъ: читай громко!

Всѣ, начиная съ сеньора Пабло Сіен-уэгоса, стали слушать со вниманіемъ и Пикильо принялся не только бѣгло, но и твердымъ, выразительнымъ голосомъ читать стихи, которыми Квеведо посвящалъ свою книгу покровителю. Вотъ смыслъ этихъ стиховъ:

«Я хотѣлъ бы, но не знаю, какъ доказать мою признательность

«Тому, которому такъ много обязанъ!

«Но я сказалъ себѣ: Кчему?

«Солнце разсѣиваетъ свои благодѣтельные лучи;

«Жатва, вливающая ихъ, не говоритъ: Спасибо!

«Однако жъ зрѣтья!...

«Только этого и нужно солнцу.»

— Чтò это значить? вскричалъ удивленный старикъ,

— То, что Пикильо жатва, отвѣчала Анха.

— И что онъ созрѣлъ, благодаря вамъ, прибавила Карменъ:
вѣдь вамъ только этого и нужно, батюшка!

— Позвольте! позвольте! сказалъ д'Агиларъ, поглядывая то на Пикильо, то на книгу: можетъ-быть, тутъ кроется обманъ.... Можетъ-быть эти барышни.... отъ нихъ станется!... можетъ-быть онѣ заставили его выучить наизусть эти стихи или эту лезть, которую онѣ изволятъ мнѣ наболтать.

Дѣвушки разсмѣялись.

— Увидимъ! увидимъ! продолжалъ д'Агиларъ и вынулъ изъ своего бумажника клочокъ бумаги и карандашъ: увидимъ, прочтаетъ ли написанное, если умѣетъ читать печатное.

Онѣ написали и подали. Пикильо съ волненіемъ прочиталъ:

«Я даю Пикильо пятьдесятъ червонныхъ въ годъ жалованья и назначаю его исключительно на службу при Карменъ и при Анхѣ.»

Съ этого дня Пикильо уже ничего не оставалось желать и прошедшіе за тѣмъ два года были, можетъ-быть, самые счастливые въ его жизни.

Исполнивъ свои обязанности при барышняхъ, обязанности не слишкомъ трудныя, онѣ сажился за книгу. Въ книгахъ онѣ сталъ находить высочайшее свое наслажденіе. Въ началѣ онѣ совѣтовался насчетъ выбора чтенія съ Анхой, но скоро библіотека дѣвицъ была перебрана. Пикильо обратился къ библіотекѣ вице-роя, библіотекѣ богатой, составленной изъ лучшихъ авторовъ. И тѣмъ болѣе Пикильо читалъ, тѣмъ болѣе возрастала его жажда знанія. Сперва онѣ предпочиталъ исторію, потомъ обратился и къ наукамъ. Сперва занимался только днемъ, потомъ нашелъ нужнымъ употребить и часть ночей. Книги обогатили его умъ знаніемъ, а непрерывное обращеніе съ двумя умными дѣвушками, удивительно изощрили его, такъ, что онѣ приобрѣлъ чрезвычайно вѣрный и проницательный взглядъ на вещи и на человеческое сердце.

Въ сердцѣ Карменъ не было ни одной мысли, которой бы дружба не могла прочесть. Но Анха была не такова. У нея была какая-то мысль, какое-то воспоминаніе, которое отъ времени до времени занимало ее, и тогда на устахъ ея показывалась грустная улыбка. Анха предавалась безмолвнымъ мечтамъ. О чемъ она мечтала, этого Пикильо не могъ разгадать. Анха хранила свою тайну какъ долгъ, а долгу она никогда не измѣняла ни въ малѣйшей бездѣлицѣ. Карменъ была добра до всѣхъ, Анха выбирала: съ тѣми кого не любила, она обращалась гордо и холодно. Зато съ тѣми, кого уважала или любила, всегда была ласкова, предупредительна и очаровательна. Пикильо принадле-

лежалъ къ послѣднему разряду. Онъ вообще, особенно съ-тѣхъ-поръ какъ становился образованнѣе, почитался у своихъ барышень болѣе другомъ чѣмъ слугой.

Наступалъ день Святой Карменъ. Видерой намѣревалась праздновать именины своей дочери, въ этотъ годъ великолѣпнѣе чѣмъ прежде, потому что Карменъ изъ хорошенькой дѣвушки стала уже красавицей-негѣстой.

Между прочимъ д'Агиларъ купилъ дочери въ подарокъ прекрасную вазу изъ китайскаго фарфора, самую изящную и самую рѣдкую, какую когда-либо видывали въ Пампелунѣ. У продавца этихъ вазъ было двѣ. Д'Агиларъ охотно купилъ бы пару, но дѣло шло о тысячѣ червонныхъ. Этого видерой не могъ истратить на игрушку, потому что кромѣ своего жалованья имѣлъ очень не много. Онъ заплатилъ пятьсотъ и взялъ одну, чтобъ было въ чемъ послать дочери цѣты. До времени онъ поручилъ эту вазу Пикильо, который спряталъ ее въ библіотекѣ.

Но этого было мало. Анха съ своей стороны также готовила подругѣ сюрпризы и вообще распорядилась подробностями праздника. Тайнымъ совѣтникомъ ея, разумѣется, былъ Пикильо. Они, по долгомъ и зрѣломъ совѣщаніи, придумали между прочимъ составить нѣчто въ родѣ историческаго кадрили, которые впоследствии были въ такой большой модѣ при дворахъ Филиппа-Четвертаго и Людовика-Четырнадцатаго. Пикильо, помогалъ своей новеллительницѣ, являлъ необычайное усердіе и дѣятельность, бѣгалъ по лавкамъ, къ портнымъ и швеямъ, дѣлалъ закупки и заказы. Анха набрала для себя и для Карменъ мавританскіе костюмы и сама приготавливала для этого рисунки. Но опасаясь за историческую вѣрность, она вспомнила, что Пикильо когда-то говорилъ о старинной книгѣ съ гравюрами, которая хранилась въ библіотекѣ, и велѣла принести. Пикильо тотчасъ побѣжалъ исполнить и черезъ минуту воротился, но съ блѣднымъ лицомъ, въ отчаяніи, котораго невозможно описать.

— Боже мой! Пикильо, что съ тобой?

— Бѣда!... несчастье!... величайшее несчастье! Мнѣ остается только утопиться!

— Накануиѣ бала!... Какъ это можно! Но что же такое случилось? Авось, поправимъ.

— Нѣтъ, это невозможно!... Никто не можетъ поправить такой бѣды!... Прекрасная китайская ваза, которую монсеньоръ купилъ!...

— Что же съ этою вазой?

— За которую онъ заплатилъ пятьсотъ червонныхъ....

— Что жъ съ нею?

— Ея нѣтъ!... она разбита.... уничтожена!

— Кто же разбилъ?

— Я.

— Какимъ образомъ?

— Я влѣзъ на лѣстницу, чтобы достать съ верхней полки шкафа фоліантъ съ рисунками.... Лѣстница покачнулася, фоліантъ вырвался у меня изъ рукъ, упалъ на вазу и она разлетѣлась въ дребезги.

Анха вскрикнула.

— Ужъ лучше бы я самъ упалъ и разбился въ дребезги, до смерти, продолжалъ Пикнльо съ отчаяніемъ: какъ я теперь покажусь на глаза монсеньору?... Ужъ вѣрно мнѣ судьба шортить въѣ его праздники.... Что мнѣ теперь дѣлать?

— Ну, полно, успокойся! сказала Анха, хотя сама приходила въ отчаяніе при мысли о томъ, какъ д'Ангиларъ приметъ это извѣстіе.

— Нѣтъ, сеньора! мнѣ, видно, ужъ не жить въ этомъ домѣ: я здѣсь только причина бѣды и досады.... Ужъ лучше же скорѣе ее съѣта долой!...

— Полно! погоди, еще есть средство....

— Ни какого! ни какого, сеньора! Какъ возможно! Вы знаете, какъ дорого монсеньоръ заплатилъ за эту вазу, какъ онъ восхищается мыслью, что самъ завтра поднесетъ ее своей дочери съ цвѣтами!.... Что онъ скажетъ?... Я погибъ.... я погибъ совершенно!

— Постой же, говорятъ тебѣ! Выслушай. Ты ѣдиль съ монсеньоромъ покупать вазу. Ты говоришь, что тамъ были двѣ совершенно одинаковыя?

— Да, были. Но что жъ изъ этого? Если бы я продался въ рабство, такъ и тогда не выручилъ бы столько денегъ. Въ долгъ взять? Гдѣ я возьму? Да и въ цѣлую жизнь мнѣ не заработать такой суммы. Кто мнѣ поможетъ? кто захочетъ мнѣ помочь. Вы, сеньора, вы мой добрый ангелъ, но и вы не въ состояніи этого сдѣлать.

— Почему знать, можетъ-быть и могу, спокойно отвѣчала Анха и подошла къ маленькой конторкѣ изъ розоваго дерева, выдвинула ящикъ, вынула пять свертковъ, положила въ кошелекъ и подала цажу.

— Бѣги скорѣе къ купцу, возьми другую вазу, пока мож-

сеньоръ не узналъ, сказала она съ улыбкой: тутъ ровно пятьсотъ червонныхъ.

Пикильо разинулъ ротъ и выпучилъ глаза. Онъ не вѣрилъ даже своимъ рукамъ, въ которыхъ между-тѣмъ лежала значительная тяжесть, вовсе не похожая на призракъ.

— У васъ, сеньора... у васъ такая большая сумма!

— Не тревожься, она принадлежитъ мнѣ: это мои собственные деньги.

— Но тогда это должно быть все ваше имѣніе! Я не хочу... я не могу принять...

— Не бойся, у меня есть еще. Посмотри!

И она снова выдвинула ящикъ, въ которомъ лежало довольно значительное количество точно такихъ же свѣртковъ.

— Ты видишь, у меня много денегъ, продолжала она: мнѣ здѣсь вовсе не на что тратить ихъ... кромѣ того, что иногда немножко помогаю бѣднымъ... Я въ восхищеніи, что моя подруга, сама того не зная, получить отъ меня подарокъ. Этимъ удовольствіемъ я буду обязана тебѣ, Пикильо... Кому же, развѣ ничего не значитъ одолжить друга, удержать его отъ самоубійства и избавить отъ отчаянія? Я надѣюсь, что ты теперь не захочешь оставить этотъ домъ, Пикильо; не захочешь умереть, неправда ли? Вѣдь теперь у насъ два праздника: одинъ Карменъ, другой мой!

На эти добрыя, великодушныя слова, на это ласковое и дѣтски безопасное выраженіе, которымъ Анха старалась уменьшить важность своей услуги, Пикильо ничего не могъ отвѣчать. Онъ не умѣлъ дать себѣ отчету въ чувствованіяхъ, которыя испытывалъ. Это, конечно, были признательность и почтеніе. Онъ упалъ на колѣни и поцѣловалъ руку Анхи, которая сказала съ важностью:

— Никто не долженъ знать того, что я довѣряю Пикильо; никто! ни даже Карменъ.

Пикильо взглянулъ на нее съ изумленіемъ. Она пальчикомъ зажала ему ротъ и прибавила:

— Пикильо долженъ слушать, что я говорю, и не спрашивать.

— Слушаю, сеньора. Но я... продолжалъ онъ со вздохомъ: я считалъ васъ бѣдною сиротой, а вы богаты!

— Такъ что жъ? возразила Анха, удивленная его печальнымъ выраженіемъ: развѣ ты зато только былъ преданъ мнѣ?

— Нѣтъ, конечно, нѣтъ!

— Ну, такъ что же? продолжала она, подавая ему руку: мои деньги не мѣшаютъ тебѣ любить меня по-прежнему. Но теперь ступай скорѣе, покуда никто не знаетъ, что случилось.

И она весело принялась за нарядъ.

Пикильо вышелъ въ сплномъ волненіи и самъ не понималъ, отчего къ его радости, къ восторгу, примѣшивались и страхъ и сожалѣніе.

Онъ проворно шелъ по улицѣ Святой Изабеллы, гдѣ находилась фарфоровая лавка, какъ-вдругъ какой-то голосъ попросилъ у него подавнія. Занятый своими мыслями, Пикильо не слышалъ. Голосъ преслѣдовалъ его и произнесъ:

— Такъ!... Ни въ комъ нѣтъ состраданія!

Пикильо оглянулся и увидѣлъ старуху съ загорѣвшимъ, морщинистымъ лицомъ, съ растрепанными сѣдыми волосами, съ блуждающимъ, мрачнымъ взоромъ. Она протягивала судорожно дрожащую руку. Пикильо вспомнилъ день, когда самъ такимъ образомъ ходилъ по улицамъ Пампелуны и когда Хуанита спасла его отъ голодной смерти.

Онъ не обратилъ вниманія на болѣе грозный чѣмъ умоляющій видъ старухи и отдалъ ей все, что имѣлъ при себѣ своихъ денегъ. Это было полчервонца.

— Полчервонца! вскричала нищая, затрепетавъ отъ радости: благодарю, сеньоръ, благодарю!

Но вдругъ она опять въ уныніи опустила руки и прибавила:

— Но всё-равно! Этого мало!... это не спасетъ ее!

— О комъ ты говоришь, старушка?

— О комъ? вскричала нищая, какъ-будто въ горячемъ бреду: о комъ? разужбѣтся, объ ней... о моей дочери... которую убиваетъ лихорадка... а между-тѣмъ насъ гонять изъ послѣдняго угла... и дочь моя умретъ на улицѣ!... Несмотря на это, она не хотѣла просить... Это я ужъ сама тихонько ушла... Нечего дѣлать... Ужь, вѣрно, правда, что я сама виновата!... Я всему причиною, а между-тѣмъ... Богъ свидѣтель, какъ я люблю дочь мою!...

Пикильо хотѣлъ разспросить далѣе, но старуха захохотала какъ безумная и вскричала:

— Полчервонца!... полчервонца!... мнѣ, которая горстѣми сыпала червонцы!... Полчервонца!... Намъ!... когда намъ нужно десять червонцевъ! Ну, есть ли тутъ правосудіе?... есть ли тутъ справедливость?

— У меня теперь больше нѣтъ, возразилъ Пиккильо: но завтра или послѣзавтра я обѣщаю вамъ доставить, сколько могу. Гдѣ вы живете?

— Гдѣ мы живемъ?... Да, правда, нужно поспѣшить сказать, гдѣ наша квартира, потому что завтра у насъ уже не будетъ квартиры.

— Гдѣ же вы живете? Говори скорѣе, мнѣ некогда.

— Въ Фиговой улицѣ, въ домѣ жида Саломона.

— Ваше имя?

— Имя?... На что же вамъ имя?

— Какъ же я васъ найду? какъ васъ зовутъ?

— Аллиага, отвѣчала старуха и скрылась.

Пиккильо пошелъ своей дорѣгой, взявъ у купца вазу и принесть на-мѣсто первой въ библіотеку.

На другой день утромъ Карменъ была въ восхищеніи отъ великолѣпныхъ подарковъ и сюрпризовъ. Д'Агиларъ тоже. Анха тоже. Только Пиккильо оставался немножко задумчивъ.

Во весь день Пиккильо былъ занятъ хлопотами и распоряженіями насчетъ праздника. Вечеромъ, во время самаго разгару бала, онъ стоялъ зрителемъ въ дверяхъ передней. Карменъ, царица бала, была очаровательна и затмила всю блестящую золотомъ и алмазами толпу, всѣхъ красавицъ, кромѣ своей подруги. Анха была тоже прекрасна въ своемъ изящномъ мавританскомъ костюмѣ и еще болѣе отъ удовольствія, отъ счастья, и отъ сознанія, что совершенно заслуживаетъ ту дань удивленія, которую ей подносила толпа молодыхъ кавалеровъ. Всѣ были отъ нея въ восторгѣ. Только Пиккильо не восхищался. Въ душѣ его происходило что-то непонятное, непостижимое. Его волновали чувства, которыхъ онъ не умѣлъ выразить; его грызла тоска, въ которой онъ не могъ отдать себѣ отчету.

Въ заѣтъ продолжались танцы. Карменъ танцевала съ какимъ-то красивымъ молодымъ мужчиной. Пиккильо спросилъ у сеньора Пабло, какъ зовутъ этого кавалера. То былъ донъ-Карлосъ, цеманникъ донъ-Бальтасара де-Сунниги, посланника въ Вѣнѣ.

— Онъ знатный? спросилъ Пиккильо.

— Разуѣетсяя.

— А этотъ, съ золотомъ цѣпью на груди и съ брилліантовой бляхой.... вотъ, что танцуетъ съ сеньорой Анхой?

— Это сынъ герцога Оссуны, вице-роя неаполитанскаго.... прекрасный мужчина!

— Онъ богатъ?

— Очень богатъ.

— И знатенъ?

— Герцогъ, чего жъ еще!

— Всѣ знатны, богаты.... всѣ сыновья герцоговъ и бароновъ! подумалъ Пикильо съ горечью въ сердцѣ: а я!... У меня нѣтъ ни роду ни племени.... нѣтъ даже имени! Кто знаетъ, мое ли это имя — Пикильо?... Всѣ они ходятъ объ руку съ прекрасными и благородными дамами и съ нашими барышнями.... всѣ они въ залѣ, а я — въ передней!... всѣ они блестятъ, а я принужденъ прятаться!...

Сердце его сжалось; ему стало дурно. Онъ поспѣшно вышелъ изъ передней и побѣжалъ въ паркъ. Пребывавъ нѣсколько аллей, онъ очутился подлѣ домика, въ которомъ Карменъ и Анха некогда спасли его отъ отчаянiя. Онъ вошелъ туда, упалъ, какъ и тогда, на скамейку и залился слезами.

Безумецъ!... Онъ любилъ, онъ любилъ всѣми силами своей души или, лучше сказать, въ этой любви состояла вся его жизнь, все его существованiе. Онъ и не примѣтилъ, что во всю жизнь свою ничего не дѣлалъ, какъ только любилъ Анху: чтобы угодить ей, онъ оставался въ домѣ д'Агилара; чтобы угодить ей, онъ учился.

Пикильо, конечно, зналъ свѣтъ большею частью только изъ книгъ, однако жъ онъ легко сообразилъ все безумiе своей страсти, когда наконецъ понялъ ее. Онъ легко измѣрилъ всю пропасть, которая отдѣляла его отъ Анхи и отъ блестящихъ молодыхъ людей, которые имѣли право стоять съ нею въ одной парѣ.

— Безнадежно! безнадежно! твердилъ онъ въ отчаянiи.

Это, конечно, была истина. Но въ любви истина не доказательство. Если она подавляетъ своею очевидностью, ны отворачиваемся и хватаемся за первое заблужденiе, за первую нелѣпость, которая болѣе способна утѣшить насъ.

Впродолженiи всей ночи Пикильо повторялъ себѣ, что Анха должна быть знатнаго происхожденiя. Но зачѣмъ же это происхожденiе скрываютъ? Зачѣмъ Анха слыветъ бѣдною сиротой? К чему эта тайна? Она богата. Онъ самъ видѣлъ доказательства. Если она знатная, такъ нѣтъ никакой надежды. Если же она только богата, такъ почему жъ и ему не разбогатѣть современемъ? Въ книгахъ онъ читалъ много исторiй счастливыхъ, которые изъ низшаго званiя достигли высокихъ степеней, и почестей и богатства. Развѣ это не можетъ случиться и съ нимъ?

Сама Анха сказала, что съ терпѣніемъ и мужествомъ до всего можно дойти. †

Тогда онъ вставалъ и быстро ходилъ взадъ и впередъ и въ воображеніи его расцвѣтали пышныя мечты, которыя черезъ минуту опять разсыпались и исчезали.

Такъ прошла вся ночь.

На-утро послѣ праздника всѣ въ домѣ спали долго. Пикильо увидѣлъ Анху позже обыкновеннаго. Встрѣтивъ его, она испугалась: такъ онъ перемѣнился. Она и Кармень съ вечера уже знали, что Пикильо казался нездоровымъ и ушелъ. Когда же нашли его, блѣднаго и очевидно страждущаго, то обѣ съ нѣжною заботливостью сестеръ старались облегчить болѣзнь и придумывали всѣ средства къ утѣшенію.

Пикильо очень хорошо понималъ, что для него дѣлаютъ въ тысячу разъ болѣе нежели должны. Тронутый до слезъ, онъ упрекалъ себя въ неблагодарности, но это не мѣшало ему чувствовать желѣзныя клещи, которыя сжимали его сердце. Онъ скорѣе согласился бы умереть чѣмъ открыть тайну, въ которой едва признавался самъ себѣ. Онъ рѣшился побѣдить себя и по-крайней-мѣрѣ скрыть свою безумную страсть. Старался улыбаться и шутить надъ своею болѣзнию.

Кармень ничего не примѣтила. Но Анху, одаренную слишкомъ ясновидящимъ инстинктомъ, трудно было обмануть.

— Пикильо что-то скрываетъ отъ своихъ друзей! сказала она, положивъ руку ему на плечо и глядя пристально ему въ глаза.

Отъ этого нѣжнаго голоса, отъ этого взгляду, всѣ жилки у блѣднаго молодаго человѣка затрепетали. Вся твердость оставила его. Онъ забылъ свое намѣреніе сохранить тайну и залился слезами.

— Что съ тобой? что съ тобой? вскричали дѣвушки.

— Вы еще спрашиваете! вскричалъ онъ: вы, которыя доброю своею сдѣлали меня самымъ несчастливѣйшимъ изъ людей! Вы, которыя своею дружбой, своими благородными чувствованіями подняли меня и почти уравнили съ собою, тогда какъ я по состоянію долженъ стоять ниже всѣхъ! Вы, которыя образовали, просвѣтили меня только для того, чтобы я лучше могъ видѣть мой стыдъ, мою нищету, которыхъ я, можетъ-быть, никогда не бы понялъ!.....

На эти неожиданныя, но довольно справедливыя упреки, Кармень въ замѣшательствѣ и скорби не нашла отвѣта. Анха подумала и сказала:

— Это правда, сестрица, это правда! Пикильо правъ. Мы виноваты, мы же должны и поправить ошибку или докончить начатое. Но я и теперь скажу, какъ прежде говорила: Пикильо самъ долженъ помочь намъ. Пикильо, продолжала она съ живостью: не унывай, иди впередъ. Не смотри, откуда, смотри, куда идешь, смотри на цѣль и ты достигнешь цѣль.... достигнешь, я тебѣ ручаюсь! Испанія нынче не такъ богата даровитыми людьми, чтобы тебѣ не нашлось мѣста.... можетъ-быть, даже въ первыхъ рядахъ! Если бы ты былъ дворяниномъ, я сказала бы тебѣ, ступай въ военную службу. Но если эта дорога тебѣ закрыта, ступай по другой, на которой ты можешь и долженъ успѣть, потому что ты болѣе знаешь и болѣе способенъ чѣмъ многіе другіе. Благородные графы и бароны, съ которыми я вчера разговаривала, лучше тебя самого доказали мнѣ, что у тебя есть достоинства и большія!

Ахъ, конечно, исполнѣ не знала, какое великое благодѣяніе оказываетъ бѣдному Пикильо. Слова ея пропли въ его душу столько свѣту, надежды и силы, что онъ въ самомъ дѣлѣ съ этой минуты могъ достигнуть до всего.

Если что можетъ создать намъ будущность, такъ это — слово женщины, которую мы любимъ.

— Хорошо! хорошо! продолжала она, видя въ глазахъ Пикильо выраженіе радости и восторженности, вмѣсто слезъ унынія: хорошо! Теперь наше дѣло поставитъ тебя на дорогу, и поставитъ. Подожди меня немножко.

И она побѣжала въ покой вице-роя, не разсуждая, что онъ можетъ-быть еще не всталъ.

Но д'Агиларъ давно уже всталъ. Его разбудилъ неожиданный, но дорогой гость, племянникъ Фернандъ д'Альбайда.

— Давно мы съ тобой не видались! Какой ты сталъ молодецъ!.... право, молодецъ! твердилъ старикъ, любуясь на племянника: откуда Богъ привелъ?

— Изъ Нидерландовъ. Всѣ-еще деремся.

— Вижу, вижу! сказалъ д'Агиларъ съ гордымъ удовольствіемъ, взглянувъ на легкій шрамъ на загорѣвшемъ лбѣ молодаго человѣка: и долковникъ! Дѣлю, дѣлю! Молодецъ, Фернандъ. Но что бы тебѣ вчера пріѣхать! Былъ бы у насъ на балѣ.... Посмотрилъ бы на Карменъ, танцевалъ бы съ нею.... Ты не узнаешь ее, такъ она хороша стала. Вообрази....

И онъ хотѣлъ уже пуститься въ описаніе наряда, оно, вѣро-

ятно, за незнаніемъ техническихъ терминовъ покинулъ эту мысль и быстро перешелъ къ другой.

— Полковникъ!.... Дѣло! Значить дѣла наши хорошо идутъ въ Нидерландахъ?

— Нѣтъ, дядюшка, печально отвѣчалъ молодой человѣкъ: вы видѣли еще время, когда испанскія арміи торжествовали, когда онѣ дрались по-крайней-мѣрѣ за правыя дѣла. Но нынче не то... Нынче все противъ насъ. И генераловъ уже нѣтъ.... Одинъ Сминола еще полководецъ....

— Да! За то Лерма и не любитъ его.

— Только онъ и воротилъ у насъ дисциплину, воротитъ и побѣду. Онъ взялъ Остенде и кончилъ кампанію въ нашу пользу. Я пользуюсь у него нѣкоторымъ вниманіемъ и получилъ порученіе отъезди въ Мадридъ извѣстіе объ этой побѣдѣ. Но несмотря на нашу побѣду, море еще не свободно. Я долженъ былъ ѣхать черезъ Францію и Пиреней и вотъ, какимъ образомъ я попалъ въ Пампелуну, къ вамъ на завтракъ.

— Милости просимъ.... Но ты вѣдъ пробудешь у насъ этотъ день?

— Нѣтъ, дядюшка, только до полудня. Надобно спѣшить въ Мадридъ.

— Жаль. Ты едва успѣешь взглянуть на Кармень.

— О! я скоро ворочусь и тогда постараюсь навестить пронуценнос. Впрочемъ, я всегда вижу ее мысленно.

— Хорошо, хорошо. Но теперь пора ужъ и къ рукамъ прибратъ, нето смотри, отобьютъ!... замѣтилъ старикъ съ значительною улыбкой: вѣдъ у меня ее ужъ сватаютъ! Родриго Васкесъ, сынъ бывшаго статсъ-секретаря.... а вчера, у насъ на балѣ, племянникъ Бальтасара де-Суниги.... Но ты знаешь, мое единственное желаніе, мою единственную надежду, Фернандъ. Мнѣ ужъ недолго жить осталось, но я умру спокойно, потому что оставляю Кармень на твоихъ рукахъ. Ты знаешь, продолжалъ онъ, взявъ молодаго человѣка за руки: я отдаю ее тебѣ, не потому что ты богатъ, что ты храбръ, что ты красавецъ, но потому что тутъ (въ груди) у тебя есть сокровище правдивости и доброты, которое мнѣ давно извѣстно. Ты никогда не измѣнялъ своему слову и я повѣрю тебѣ, если ты поклянешся мнѣ сдѣлать мою Кармень счастливою.

— Клянусь, дядюшка! клянусь! вскричалъ молодой человѣкъ и если я когда-нибудь измѣню этой клятвѣ....

Дверь отворилась. Фернандъ не кончилъ фразы. Вошла Анха.

Никогда она не была такъ прекрасна какъ тутъ, въ утрен-

немъ полунарядѣ. Она была жива, весела, одушевлена надеждою сдѣлать доброе дѣло. Она полагала, что найдетъ д'Агилара одного, и, увидѣвъ чужаго, молодого человѣка, военного.... оставившись, въ смущеніи потушила глаза и щеки ея покрылись румянцомъ, отъ котораго она еще болѣе похорошѣла.

Фернандъ меньше тѣмъ когда-нибудь былъ въ состояніи докончить свою оборванную фразу. Онъ остолбенѣлъ отъ изумленія и восхищенія, такъ, что его смущеніе воротило бодрость дѣвушкѣ. Она осмѣлилась поднять глаза. Въ молодомъ человѣкѣ не было ни пошлаго обезьянства, ни глупаго тщеславія тѣхъ блестящихъ кавалеровъ, надъ которыми она смѣялась наканунѣ. Его высокій, стройный станъ, широкая грудь, загорѣлое лицо, благородный шрамъ на лбу, красивые усы и шпага, на которой было видно, что она не галантерейное украшеніе,—все это было такъ противоположно даже умному, но худенькому, скромному, слезливому Пикильо.

— Это мой племянникъ, весело сказалъ д'Агиларъ: довь-Фернандъ д'Альбайда.

Аиха вздрогнула при этомъ имени, какъ-будто оно чтѣ-то напомнило ей. Она посмотрѣла на молодого человѣка съ чувствомъ любопытства, котораго прежде не испытывала.

— Это моя воспитанница, моя приѣмная дочь, Аиха, продолжалъ д'Агиларъ: когда-нибудь мы расскажемъ тебѣ ея исторію,—когда будетъ можно. Теперь еще нельзя. Но всё-равно: это моя вторая дочь, сестра Карменъ.... Ты находишь ее недурною, какъ я вижу....

— Прелестною! тихо проговорилъ Фернандъ, почтительно кланяясь.

— Тѣмъ лучше! тѣмъ лучше! вскричалъ старикъ и прибавилъ шопотомъ на-ухо: тѣмъ лучше, потому что Карменъ еще прелестнѣе.... увидишь!

Отецъ говорилъ правду.... Онъ говорилъ по убѣжденію.

— Ну, чтѣ, дитя мое? продолжалъ онъ, весело обращаясь къ Аихѣ: ты пришла сказать или спросить чтѣ-нибудь? Племянникъ не мѣшаетъ. Говори. Мы здѣсь всё свои. Ктому же онъ даритъ намъ только нѣсколько часовъ и я не хочу терять ни одной минуты.

Аиха въ немногихъ словахъ рассказала отчаяніе Пикильо, который, по несчастію, нашелъ въ себѣ силы и способности быть тѣмъ-нибудь по-лучше и не имѣетъ возможности употребить эти силы.

— Правда, правда. Что же намъ сдѣлать для него?

— Надобно возвысить его прежде всего. въ глазахъ вашего двора.... Назначьте его вашимъ секретаремъ.

— Ты хочешь, такъ быть посему.

— Ну, вотъ ему и мѣсто и званіе! Что касается до состоянія, прибавила она съ смущеніемъ: я бы хотѣла.... если вы позволите.... но только такъ, чтобы онъ этого не зналъ.... я бы хотѣла тоже прибавить что-нибудь отъ себя. Вы знаете, батюшка, что я часто дѣлаю издержки совсѣмъ бесполезныя.... не нужныя.

— Хорошо, хорошо! Это твоя воля. А послѣ мы увидимъ, что можно будетъ сдѣлать для твоего кліента.

— Располагайте мною, съ живостью сказалъ Фернандъ подходя: все мое вліяніе, всѣхъ моихъ друзей въ Мадридѣ я готовъ употребить въ пользу человѣка, въ которомъ вы принимаете участіе.... вы, дядюшка, и сеньора.

— Благодарю васъ, сеньоръ Фернандъ, отвѣчала Анха съ радостью: вы достойный членъ семейства. Двоюродный братъ Карменъ долженъ быть добръ и великодушенъ какъ она. И вотъ, нашъ бѣдный Пикильо уже имѣетъ сильнаго покровителя.]

Вицерой уже позвонилъ и приказалъ позвать пажа. Пикильо явился.

— Ты мой секретарь, сказалъ ему д'Агиларъ: ты будешь получать двѣсти червонцевъ жалованья и, сверхъ-того, получишь въ видѣ награды годовое жалованье.

Говоря послѣднія слова, д'Агиларъ взглянулъ на Анху и та слегка кивнула.

— А я, сказалъ Фернандъ, я надѣюсь черезъ вліяніе нашего родственника, президента королевскаго совѣта, вскорѣ доставить вамъ мѣсто, которое, судя потому что я слышалъ о вашихъ дарованіяхъ, будетъ занято достойнымъ образомъ.

Анха и Пикильо переглянулись, одна съ восхищеніемъ, другой съ признательностью.

— Ну, и прекрасно! вскричалъ д'Агиларъ: но я думаю, Карменъ ужъ встала и одѣлась. Господинъ секретарь, потрудитесь попросить ее сюда, да прикажите подать намъ завтракъ.

Пикильо побѣжалъ исполнить приказаніе. Потомъ уже, оставшись одинъ, онъ вполнѣ измѣрилъ свое счастье и оно огушило его своею неожиданностью. Потомъ первая ему пришла мысль:

— Я не одинъ воспользуюсь этимъ счастьемъ.

Онъ вспомнилъ о нищей, которой обѣщалъ помощь, и побѣжалъ въ Фиговую уллицу.

Домъ жидъ Саломона былъ черенъ, грязенъ и гадокъ.

— Здѣсь живетъ семейство Алъяга?

— Здѣсь.

— Въ которомъ этажѣ?

— На чердакѣ.

Пикильо побѣжалъ на верхъ.

На половинѣ лѣстницы онъ услышалъ шумъ, крикъ смѣшанныхъ голосовъ и брань, происходившую на верху. Добравшись до чердака, онъ легко нашелъ дверь: она стояла настежь. Въ каморкѣ Пикильо прежде всего увидѣлъ троихъ мужчинъ въ черныхъ плащахъ, со шляпами на головахъ, съ длинными шпагами и суровыми, грубыми лицами; не трудно было узнать альгуасиловъ.

Съ ними спорила и бранилась сѣдая старуха, которая останавливала его на улицѣ. Только тутъ она была еще страшнѣе. Позади ихъ, въ углу, на жалкой койкѣ, сидѣла другая женщина, едва прикрытая изорваннымъ одѣяломъ и распушенной, по обнаженнымъ плечамъ, длинною черною косой. Она съ умоляющимъ видомъ и со слезами на глазахъ простирала къ альгуасиламъ руки.

Вдругъ весь шумъ какъ отрѣзало. Старуха замолчала и альгуасилы отступили.

— Чтò это значить, господа? строго спросилъ Пикильо: за чтò вы обижаете этихъ бѣдныхъ женщинъ?

— Мы ихъ не обижаемъ. Онѣ должны хозяину дома десять червонныхъ и не отдають, такъ мы, по приказанію коррекхидора сеньора Педро Діаса, хотимъ или забрать имущество или ихъ въ тюрьму вести.

— Во-первыхъ, проклятый Жидъ насчитываетъ лишку! вскричала опять старуха съ гнѣвомъ: за чтò онъ деретъ съ насъ десять червонныхъ!... Видано ли это?... Слыхано ли это?... собака онъ, окаянная! Во-вторыхъ, у насъ нѣтъ уже ни какого имущества... мы уже все продали и заложили тому же грязному Жиду.... У насъ только и остались двѣ вещи, которыхъ Саломону, конечно, очень хочется, но которыхъ мы не продадимъ, во чтò бы то ни стало.... дочь моя не отдастъ.

— Никогда! никогда! Я поклялась! вскричала другая женщина съ отчаяніемъ.

— Мало ли бы въ чемъ вы поклялись. Наше дѣло служба. Подайте ваши вещи, чтò есть, нето сами пойдете въ тюрьму. А вы, сеньоръ кавалеръ, не извольте мѣшаться не въ свое дѣло.

— Напротивъ, вы позволите мнѣ вмѣшаться, возразилъ Пиккильо съ твердостью: и я вамъ скажу, что вы оставите этихъ женщинъ въ покоѣ, покуда я не доложу его превосходительству донь-Хуану д'Агилару, вице-рою наваррскому, у котораго я имѣю честь служить секретаремъ.

При этомъ имени альгуасилы почтительно поклонились и отступили.

— Вмѣстѣ съ тѣмъ, однако жъ, я не хочу, чтобы онѣ оставались въ долгу у хозяина дому, продолжалъ Пиккильо: вотъ слѣдующіе ему десять червонныхъ, а вотъ и одиннадцатый вамъ за труды.

Альгуасилы, получивъ деньги, еще почтительнѣе раскланялись и вышли. Старуха подбѣжала и захлопнула дверь, потомъ проворно предложила секретарю единственный неизломанный стулъ.

Пиккильо самъ себя казался въ эту минуту чрезвычайно важною особой. Онъ впервые становился покровителемъ другихъ, онъ, который до того всегда самъ нуждался въ покровительствѣ. Назначенный полчаса назадъ секретаремъ сильнаго человѣка, онъ уже успѣлъ сдѣлать доброе дѣло, защитить притѣсненныхъ, нашелъ счастье, котораго многіе случайные люди не находятъ въ продолженіи всей своей жизни.

— Ужъ если этотъ благородный кавалеръ намѣренъ быть нашимъ благодѣтелемъ и покровителемъ, сказала старуха, обращаясь къ дочери: такъ надобно рассказать ему все. Расскажи ему, Гиральда, о нашемъ богатствѣ, о нашей славѣ, о почестяхъ, которыми мы пользовались.... Все, все расскажи, чтобы онъ зналъ....

Пиккильо всё-еще не могъ понять, у кого онъ. Эти рѣчи о богатствѣ и славѣ странно противорѣчили съ окружающею грязью и нищетой. Одна изъ женщинъ, очевидно, была когда-то прекрасна и преждевременно увяла и постарѣла, такъ, что лѣтъ ея почти невозможно было опредѣлить. Ея несчастье внушило молодому человѣку тайное состраданіе. Другая, грязная и грубая, возбуждала неодолимое отвращеніе.

— Да, конечно, благородному кавалеру нужно знать, кому онъ помогаетъ! сказала Гиральда, со вздохомъ прикрывая грудь, и приготовилась рассказывать. Мой отецъ, Абенъ-Альбага, былъ Мавръ. Онъ вмѣстѣ съ братьями нашими дрался въ горахъ Альпухараса за вѣру и свободу, противъ Филиппа-Второго и убить въ тотъ самый день, когда донь-Хуанъ Австрійскій одержалъ надъ нами первую побѣду. Во время этой войны, въ горахъ я родилась....

— Да, да! подхватила старуха и когда мужа моего убил, я сбѣжала въ Гренаду, а потомъ въ Севилью, гдѣ и воспитала свою дочку, какъ могла.

— То есть, вовсе не воспитала, продолжала дочь: по пятому и шестому году я съ матерью ходила по-миру. Цѣлый день мы бродили по улицамъ, а вечеромъ возвращались домой, чтобы поужинать, если было что, а нѣтъ такъ и такъ ложились спать.

— Это мнѣ знакомо! подумалъ Пикильо.

— Потомъ, когда я стала по-старше, лѣтъ девяти и десяти, мы нашли, что у меня есть голосъ....

— И какой еще голосъ!... чудесный, рѣдкій голосъ! подхватила старуха, и какая она сама тогда уже была хорошенькая!... просто красавица!... Всѣ прохожіе на нее любовались, даромъ-что была дурно одѣта. А голосъ, голосъ! сокровище, богатство цѣлое нашли мы въ этомъ голосѣ. Зато съ той же минуты деньги градомъ на насъ посыпались.

— Мы перестали просить милостыни, продолжала Гиральда: я стала пѣть на улицахъ и въ самомъ дѣлѣ пѣла не дурно для дѣвочки, которую ровню ни чему не учили. Однажды въ толпѣ моихъ слушателей остановился сеньоръ Эстебанъ Андреію, капельмейстеръ большого театра. Ему показалось, что я могу имѣть успѣхъ на сценѣ. Онъ взялъ меня и воспитать, выучилъ музыкѣ и танцамъ. Наконецъ я дебютировала....

— Я какъ теперь вижу! вскричала старуха въ восхищеніи: когда моя дочь вышла на сцену, я чуть не упала въ обморокъ. Вотъ ужъ ни словечка-то не могла бы произнести, ни одной ноты не пропѣла бы....

— Къ-счастію, не вы дебютировали, замѣтилъ Пикильо.

— Конечно, не я, а дочь моя, мое дитя, которое я вспомла и вскормила и которое въ одинъ часъ заплатило мнѣ за труды и заботы цѣлой жизни.... Какой былъ успѣхъ, когда бы вы посмотрѣли!... Какое торжество!... Я думала, что театръ развалится отъ грома рукоплесканій.

— Да, да! вскричала Гиральда: я была очарована, упоена. И какъ было бѣдной дѣвушкѣ не сойти съ ума отъ такой бури похвалъ и лести?

— Въ тотъ же вечеръ, продолжала старуха съ гордостью: всѣ графы, герцоги, знатные господа и самъ директоръ театра перебывали въ моей ложѣ и засыпали меня поздравленіями. Всѣ были бы у моихъ ногъ, если бы я захотѣла. И съ того же дня Гиральдѣ положили великолѣпное жалованье. Жизнь сношло чу-

десное. Представьте себѣ.... большая квартира, богатая мебель, карета, горничная, негръ....

— Да, все это было хорошо; перебила Гиральда: во въ то же время и Эстебанъ Андравио, котораго попеченія и доброту я долгое время считала безкорыстными, сталъ требовать награды.... Я была ему, конечно, очень признательна, однако жъ не могла принять его предложенія....

— И глупо сдѣлала, ужъ нечего хвастать! замѣтила старуха: Эстебанъ Андравио былъ человекъ хорошій и могъ быть тебѣ очень полезенъ при театрѣ. Сама не захотѣла и нажила смертельнаго врага. Вотъ, то-то и есть, молодость!.... Чтѣ дѣлать, сеньоръ, вѣдь ей тогда было всего пятнадцать лѣтъ.

Пикильо смотрѣлъ на старуху съ изумленіемъ и уже не понималъ, о чемъ она говоритъ. Ему, привыкшему къ чистымъ, невиннымъ чувствованіямъ и мыслямъ Карменъ и Анхи, картина правовъ и обычаевъ, которую передъ нимъ развертывали, казалась такою странною, что онъ хотѣлъ удостовѣриться, шутить ли старуха или въ-правду говоритъ.

Сеньора Уррака, — какъ звали старуху, — не шутила: матери актрисъ большею частію принадлежать къ особенной породѣ матерей и потому понимаютъ и свой долгъ и нравственность, совершенно особеннымъ образомъ. На Пикильо это открытіе произвѣло странное впечатлѣніе; однако жъ онъ продолжалъ слушать съ любопытствомъ.

— Но все это еще можно бы было поправить, продолжала добродѣтельная мать: все бы это еще ничего, если бы она не сдѣлала еще ужаснѣйшей глупости..... Вообразите, влюбилась!.... страстно влюбилась! Охъ ужъ, горька мнѣ была эта любовь! День и ночь я плакала.... Я видѣла, какъ моя Гиральда сама бѣжитъ на свою гибель....

— Такъ вы хотѣли спасти ее? спросилъ Пикильо, возвращая старухѣ часть уваженія.

— Разумѣется! Какъ же мнѣ не хотѣть? Вѣдь она мнѣ дочь! Сколько разъ я ей повторяла: «Смотри, Гиральда, на театрѣ все счастье зависитъ отъ перваго любовника, какого изберешь. Вся будущность въ этомъ.... По этому объ насъ судить станутъ!» И чтѣ жъ! Посмотрѣли бы вы, кого она выбрала!....

— Я любила его! вскричала Гиральда, и глаза ея заблестали и щеки на мгновеніе покрылись румянцемъ: да, я любила его! И это была моя первая, моя единственная любовь. Онъ былъ

отъ крови моихъ предковъ, отъ крови моего отца, той крови, которая течетъ въ моихъ жилахъ.....

— Да, да, конечно! сказала старуха съ нетерпѣніемъ: онъ былъ Мавръ и былъ богатъ, да что толку, когда мы ничего не хотѣли принять отъ него!

— Я приняла отъ него только гитару, съ которою повторяла его арабскія пѣсни, и зеркало, въ которомъ онъ находилъ меня красавицей.

— И вообразите! продолжала опять старуха: онъ непременно хотѣлъ, чтобы она сошла со сцены!....

— Да, печально сказала Гиральда: можетъ-быть, мнѣ слѣдовало послушаться его. Но когда отвѣдаешь однажды упоенія успѣху на сценѣ; насладишься трепетомъ, который порождаетъ; испытаетъ счастье держать безчисленную толпу какъ-будто повисшую на твоихъ губахъ; когда, распаленная страстью и жаромъ своей роли, услышавъ крики радости и удивленія; когда выйдешь собирать громъ рукоплесканій, изстунленные крики восторгу и градъ цвѣтовъ..... тогда этого уже невозможно забыть: эти ощущенія становятся необходимою потребностью; тогда уже надобно жить этою жизнью или умереть.

И Гиральда, говоря это, почти снова стала прекрасна. Голосъ ея становился громче и звучнѣе по-мѣрѣ-того какъ она говорила; движенія освобожденныхъ полунагихъ рукъ были благородны и величественны; глаза искрились вдохновеніемъ.

Но вдругъ она остановилась, посмотрѣла на голыя, грязныя стѣны, на свое рубище, на негодную койку, и не вынесши противоположности воспоминаній съ настоящею дѣйствительностью, закрыла лицо руками и зарыдала.

Видя слезы дочери, старуха тоже расплакалась. Матери сценическихъ талантовъ по преимуществу склонны къ чувствительности.

— Да, было у насъ счастье, да не умѣли удержать! говорила она всхлипывая: а кто виноватъ? Если бы слушалась моихъ совѣтовъ, такъ не были бы мы теперь въ такомъ положеніи....

— Полноте, матушка! Какъ вамъ не стыдно? вскричала Гиральда: я не о богатствѣ жалѣю. Я жалѣю о моей молодости, о моемъ талантѣ, которые погнбли ни за что!.... Если бъ можно было воротить, я иначе употребила бы ихъ. Не стала бы тратить времени на бесполезныя интриги и закулисныя сплетни....

— Какъ! ты не стала бы защищаться, когда на тебя нападутъ! вскричала Уррака: да, конечно, тебя и тогда ужъ загрыз-

ли бы, собаки, если бы не я.... Вообразите, сеньоръ! Покуда Гиральда мечтала о своемъ Маврѣ, въ Севилью прѣѣхала новая дебютанка, маленькая Ласарилья. Вы слышали о ней, сеньоръ?

— Нѣтъ, не слышалъ, съ важностью отвѣчалъ Пикильо.

— Ничтожество! посредственность!.... Прѣсто ничего не стоить! вскричала старуха съ возрастающимъ жаромъ: только смазливое личико, да тѣма дерзости, а таланту ни на грошъ! И вотъ, кому вздумали составить репутацію. Вы понимаете, что это была только штука противъ насъ: это Эстебанъ Амдреніо устроилъ интригу, чтобы отмстить намъ за отказъ. Дѣло пошло на роли. Хотѣли дать новую піесу. Роль была такая, которая можетъ навсегда упрочить и славу и состояніе, роль, за которую не дорого заплатить всѣмъ на свѣтѣ. И эту роль хотѣла подцѣпить Ласарилья. И завладѣла бы, если бы мы, съ нашей стороны, не приняли своихъ мѣръ.... Одинъ молодой человекъ, тогдашній главный директоръ театровъ....

— О! вскричала Гиральда, стиснувъ кулаки, я во всю жизнь свою не перестану упрекать себя за это!

— Напрасно, душа моя. Это была законная оборона. Противъ насъ интриговали. Мы старались защищаться, вотъ и все....

— Довольно! довольно! вскричала Гиральда, очевидно страдая отъ этихъ подробностей: на что рассказывать все это? Довольно того, что я провела пять лѣтъ въ чадѣ, въ упоеніи и торжествѣ. Все улыбалось, все удавалось мнѣ.... до того дня, когда я примѣтила, что у меня есть честолюбіе.... Я не обвиняю васъ, маменька! сказала она старухѣ, которая готова была зарыдать; но...

И Гиральда остановилась, обративъ глаза къ небу.

— Что съ вами? спросилъ Пикильо, примѣтивъ, что губы ея блѣднѣютъ и дрожатъ.

— Не отчаивайся, Гиральда! сказала старуха: ты вѣдь ни въ чемъ не виновата. Богъ проститъ тебя, потому что ты всегда была добра до своей матери. Ты и въ счастьи и въ нищетѣ никогда не покидала своей старухи.

— А мое дитя! вскричала Гиральда раздрающимъ голосомъ: если Богъ спроситъ что я съ нимъ сдѣлала, какой я дамъ отвѣтъ? какой вы дадите отвѣтъ? Вѣдь я вамъ поручила его!...

— Ну, молчи, молчи...! полно! перебила Уррака.

— Нѣтъ, я не хочу молчать.... Я обѣщала все сказать и это будетъ мое наказаніе, возразила Гиральда и, обращаясь къ Пикильо, продолжала: да, я была доброю дочерью, но сдѣлалась недостойною матерью. Богъ далъ мнѣ сына, чтобы и у меня былъ

кто-нибудь, кто бы могъ простить и утѣшить меня. Онъ, правда, не назывался моимъ сыномъ, но по-крайней-мѣрѣ оставался при мнѣ, въ Севильѣ и въ Толедѣ.... я каждый часъ видѣла его. До пяти лѣтъ онъ былъ со мною.... Но потомъ....

Гиральда опять зарыдала.

— Я, я сама все разскажу вамъ, сеньоръ! подхватила Уррака: я вамъ разскажу и вы сами посудите. Когда по успѣхамъ нашимъ въ провинціи насъ вызвали въ Мадридъ, тамъ одинъ молодой человекъ, очень знатной фамилии, — родня князьямъ Эболи, — донъ Альваръ, раздраженный нашими отказами, вдругъ воспламенился такою страстью, что непременно рѣшился жениться.... И это очень натурально. Во все время нашего пребыванія въ Мадридѣ, несмотря на всѣ наши успѣхи, несмотря на всю славу нашего таланта и красоты, объ насъ ничего нельзя было сказать.... ничего! Напротивъ, мы отвергали самыя блестящія предложенія. Это доставило намъ въ свѣтѣ славу добродѣтельной, а на театрѣ новыхъ враговъ. Но, благодаря сватовству донъ-Альвара, мы ни на что не смотрѣли.... Вы можете судить о моей радости, сеньоръ: я наконецъ могла пристроить свою дочь и пристроить уже самымъ отличнымъ образомъ!... Мы могли соединиться съ княжескою фамиліей.... Гиральда была бы герцогиней, а я, я могла бы быть бабушкой принца Эболи!... Это было бы неслыханно, изумительно, почти невозможно. Зато я и поклялась, что это будетъ. Донъ-Альваръ не слушалъ друзей и родственниковъ, которые хотѣли остановить его, и твердо рѣшился поставить на-своемъ. Ни что не могло остановить его. Только одно обстоятельство приводило меня въ трепетъ. Донъ-Альваръ могъ узнать, что пятилѣтній мальчикъ нашъ, не племянникъ, а сынъ. Этого открытія можно было ожидать каждую минуту и тогда — прощай женихъ! Я рѣшилась, взяла мальчика, увезла изъ Мадрида и оставила на порогѣ одного монастыря....

— Вотъ! вотъ гдѣ наше преступленіе! вскричала Гиральда.

— Мое, только мое! я одна виновата, возразила старуха: но я сдѣлала это для пользы моей дочери. Если бъ наша свадьба состоялась, мы имѣли бы подъ рукою средства вывести нашего сына въ люди.... Но, по несчастію, донъ-Альваръ, стумасшедшій, въ ту самую минуту, когда все уже было устроено, когда и родственники, утомившись продолжительнымъ споромъ, наконецъ согласились, донъ-Альваръ вызвалъ на дуэль одного офицера, который тоже вздумалъ приволакиваться за нами, и.... его убили! Всѣ наши

надежды погибли.... Дочь моя, будущая герцогиня Эболи, овдовѣла до замужства. Все величіе дома Алльбага рушилось.

— Чтѣ жъ сталося съ мальчикомъ? спросилъ Пикильо.

— Съ мальчикомъ? Онъ остался въ монастырѣ. Я долго не говорила дочери, куда отдала его, потому что она всё хотѣла воротить его, между-тѣмъ какъ могъ же вѣдь представиться и другой такой случай, какъ съ донъ-Альваромъ: тогда опять снова хлопочи. Но Гиральда не давала мнѣ покою. Наконецъ, черезъ нѣсколько лѣтъ, я призналась. Поѣхали въ монастырь, но не нашли мальчика. Его ужъ не было. Ушелъ!

— Вотъ въ этомъ я уже могла бы укорять васъ, потому что въ этомъ вы одни виноваты! вскричала Гиральда: но чтѣ пользы? Всѣ-таки въ главномъ виновата я сама. Зато Богъ и наказалъ меня. Съ того дня какъ я покинула сына, все для меня погнбло, одно за другимъ: богатство мое разсѣялось, счастье измѣнилось, красота моя пропала и талантъ погибъ и здоровье утратилось. Мнѣ остались только отчаяніе, стыдъ и нищета. И Бога я оставила, потому что боюсь молиться. И объ отцѣ не смѣю вспоминать, потому что онъ на томъ свѣтѣ проклялъ меня!... Слѣтъхъ-поръ, вотъ уже сколько лѣтъ! я странствую изъ города въ городъ и нигдѣ не найду себѣ пріюта.... вы видите, до чего мы дошли! Последнее, чтѣ у меня было, все распродано.... Я больна и намъ угрожаетъ голодная смерть. Есть у меня еще двѣ вещи, которыя я храню какъ воспоминаніе о лучшихъ дняхъ моей жизни и которыя не хочу продать.... хочу умереть съ ними. Маменька, принесите; куда вы спрятали?

— Сейчасъ привесу. Я отдала сосѣдкѣ, спрятать. Вѣдь здѣсь альгуасилы, пожалуй, стали бы обыскивать, окаянные!

Старуха вышла. Пикильо стало легче. Видъ этой женщины былъ ему въ тягость и подавлялъ въ душѣ его чувство состраданія, которое неразъ уже было готово излиться. Оставшись одинъ съ Гиральдой, онъ взялъ ее за руку и сказалъ:

— Успокойтесь, ободритесь. Голодной смерти вамъ нечего бояться. Все, чтѣ я могу сдѣлать для васъ, будетъ сдѣлано. Вы заслуживаете состраданіе. Если я понимаю, чтѣ происходитъ въ вашемъ сердцѣ.... величайшее ваше страданіе состоитъ въ потерѣ сына....

— Да! величайшее страданіе мое — раскаяніе, терзанія совѣсти!

— Но, послушайте, можетъ-быть я черезъ вѣщераю могу узнать чтѣ-нибудь о вашемъ сынѣ.

Лучъ радости мгновенно блеснулъ въ глазахъ несчастной женщины. Она протянула къ Пикильо руки, но только на мгновение.

— Невозможно! невозможно! вскричала она: какимъ образомъ найти его?

— Не знаю. Для того я и хотѣлъ бы васъ разспросить.

— Съ тѣхъ поръ прошло уже такъ много времени... болѣе тринадцати лѣтъ!...

— Да, въ такомъ случаѣ, конечно, трудно. Но гдѣ этотъ монастырь, въ которомъ его оставилъ?

— Здѣсь! адѣсь, въ этомъ городѣ!...

— Здѣсь! въ Пампелунѣ? Въ которомъ же монастырѣ?

— Въ Францисканскомъ.

— Въ Францисканскомъ!... Это, что ходятъ всѣ въ бѣломъ?

— Да.

— И въ этомъ монастырѣ, при входѣ направо есть большая вишня?

— Не знаю... но почему вы объ этомъ спрашиваете?

Пикильо не отвѣчалъ на вопросъ, но сказалъ громко про себя:

— Я увѣренъ, что тамъ по-крайней мѣрѣ прежде стояла большая вишня!

— Можетъ-быть.... Но какъ вы блѣдны, сеньоръ кавалеръ!...

Видя, что молодой человекъ шатался, Гиральда хотѣла поддержать его и съ ужасомъ вскрикнула:

— Ахъ! какъ ваши руки холодны!

Въ эту минуту вошла сеньора Уррака. Пикильо не видѣлъ ея и не слышалъ, что она говорила. Въ глазахъ у него было темно, въ ухахъ авенѣло.

Потомъ онъ увидѣлъ въ рукахъ Гиральды небольшое овальное зеркало на ножкѣ и вздрогнулъ. Ему казалось, что онъ не въ первый разъ видитъ его. Тысячи смутныхъ, безотчетныхъ мыслей какъ-будто зашевелились у него въ мозгу.

Вдругъ онъ вскрикнулъ, схватилъ зеркало, прижалъ край ножки и оттуда выскочилъ потасенный ящичекъ. Пикильо виѣ себя задрожалъ и упалъ на край постели.

Изумленные женщины долго смотрѣли на него молча. Потомъ Уррака спросила:

— Почему вы знали, что тутъ есть потасенный ящичекъ?

— Какъ вы угадали это? прибавила Гиральда.

Пикильо ничего не угадалъ: онъ вспомнилъ!...

Когда ему было четыре года, величайшее его наслажденіе со-

стояло въ этой игрушкѣ, тѣмъ болѣе, что въ ящичкѣ онъ каждый разъ находилъ конфеты.

— Чтѣ съ вами, сеньоръ? Вамъ дурно? спросила старуха, пригнѣвъ его блѣдность.

Пиккильо не могъ отвѣчать. Прошедшее и настоящее совершенно задушали его своимъ гнетомъ. Онъ, который, полный жару и надеждъ, мечталъ уже о средствахъ сдѣлаться достойнымъ Анхи, онъ увидѣлъ себя дальше отъ нея тѣмъ когда-нибудь, съ тѣхъ поръ какъ нашелъ свою мать и въ-особенности бабуку!

Въ первомъ отчаяніи онъ хотѣлъ-было бѣжать и убить себя, ничего не сказавъ этимъ женщинамъ, которыя покинули его при жизни и, конечно, не станутъ заботиться о смерти.... Онъ уже всталъ съ этимъ намѣреніемъ, но-взглянулъ на ту, въ которой узналъ свою мать.... Она была бѣдна, несчастна, покинута всѣми! Онъ вспомнилъ, что она плакала о своемъ сынѣ и.... остался.

— Вамъ жаль вашего покинутого сына? сказалъ онъ, подойдя къ ней.

— О! это единственное мое горе! единственное мое несчастіе! И я никогда не перестану плакать объ немъ.

— Я обѣщалъ вамъ возвратить его.

— Ахъ! если бы я могла увидѣть его хоть одинъ разъ передъ смертью! вскричала Гиральда, всплеснувъ руками: пусть бы онъ явился мнѣ хоть судьей и карателемъ.... пусть бы онъ объявлялъ мнѣ мой смертный приговоръ, но только бы я увидѣла его!

— Онъ прійдетъ! Я обѣщаю вамъ.

— Такъ вы его знаете?... Онъ живъ?

— Живъ. И онъ принесетъ вамъ не кару, а утѣшеніе и забвеніе.

— Прійдетъ?... Прійдетъ!... Такъ вы знаете его?

— Знаю.

— И вы увѣрены, что онъ не проклянетъ свою мать?

— Онъ уже простилъ вамъ, маменька! сказалъ Пиккильо, подавая ей руку.

Гиральда вскрикнула отъ ужасу и Пиккильо простеръ руку надъ преступницей, которая передъ нимъ склонила голову и закрыла лицо.

— Дочь честнаго и храбраго солдата Альиаги, ты теперь можешь вспомнить объ отцѣ. Я ручаюсь, что онъ уже не клянетъ тебя. И Богъ простилъ. Ты можешь молиться.

— О! теперь я буду.... буду молиться!...

— А сынъ твой ничего не будетъ знать о прошедшемъ. Онъ

не вспомнить того, что слышал чужой человек.... Онъ будетъ помнить только, что ты его мать.

Гиральда, взволнованная, восторженная, видъ себя, бросилась съ постели, упала къ ногамъ сына, обняла его колѣни и зарыдала.

— Сынъ мой!... сынъ мой!...

Больше она не могла выговорить.

Потомъ, когда онъ поднялъ се и посадилъ опять на постель, она не выпускала его рукъ, не могла насмотрѣться на его лицо и всё твердила:

— Сынъ мой!... Сынъ мой простилъ меня! Теперь я могу умереть спокойно: я видѣла моего сына!

— А меня? прстить ли онъ меня? робко спросила Уррака, которая между-тѣмъ притаилась въ отдаленномъ углу.

— Простить, бабушка! ласково отвѣчалъ Пиккильо.

При этомъ имени старуха затрепетала отъ радости. Ея безпечность и веселость вмгъ воротились и она начала восхищаться красавцемъ-внучкомъ. Гиральда ничего не говорила. Она смотрѣла на сына.

— Но скажите же мнѣ, кто мой отецъ? спросилъ вдругъ Пиккильо.

Этотъ простой и естественный вопросъ такъ поразилъ обѣихъ женщинъ, что онѣ смутнились и потупили глаза.

— Кто бы онъ ни былъ, я хочу знать его. Говорите! повторилъ Пиккильо твердымъ голосомъ: говорите, кто мой отецъ?

Гиральда отъ стыда не смѣла поднять глазъ, склонила голову и тихо прошептала:

— Не знаю!

И она закрыла лицо руками и зарыдала.

— Я вамъ скажу, я вамъ скажу всю правду! вскричала Уррака: это было въ то время, когда она любила своего Мавра.... Тогда она, чтобы выдержать интригу Ласарильи, согласилась на предложеніе главнаго директора театровъ.... Это онъ!...

— Молчите! молчите! вскричала Гиральда: не заставляйте меня укорить васъ. Довольно того, что я уже приняла на себя все бремя вины.... я виновата, затѣмъ послушалась вашихъ совѣтовъ!... Наказаніе не миновало: хоть поздно, однако жъ пришло!... И я не думаю, чтобы можно было изобрѣсти вытку, подобную той, которую я теперь выдерживаю.... Мать!... мать должна открыть свой позоръ передъ сыномъ.... Но успокойся, продолжала она обращаясь къ Пиккильо: я чувствую, что я не переживу этого.... Это послѣдній ударъ!... Я умру. Это все, это единственное благо-

дѣяніе, которое я могу оказать тебѣ. Но если бы продолжала она какъ-будто вдохновенная: если бы Богъ помиловалъ меня!... если бы онъ просвѣтилъ, вразумилъ меня!...

И Гиральда со вниманіемъ стала вглядываться въ сына, старалась прочесть истину въ его глазахъ, разгадать черты, изучить малѣйшія движенія. Потомъ, въ нерѣшимости, въ отчаяніи, не находя выхода изъ страшнаго сомнѣнія, снова вскричала:

— Нѣтъ! нѣтъ! я не хочу обманывать его! Я ничего не знаю!... Проклинай меня, сынъ мой! проклинай меня! Но я не могу сказать тебѣ, чья кровь течетъ въ твоихъ жилахъ. Одно только выслушай. Тотъ, который меньше будетъ презирать твою мать.... тотъ, который не отвергнетъ тебя.... у кого найдется для тебя сердце и дружба отца.... у того спроси, тому повѣрь, а не мнѣ.... того люби и уважай!... Маленька! маленька! дайте мнѣ бумаги и чернила.

— Что ты хочешь дѣлать?

— Давайте! давайте скорѣе!

И, схвативъ поданное перо и бумагу, она со слезами на глазахъ, въ волненіи, задыхаясь написала записку.

— Вотъ, сынъ мой, сказала она потомъ: возьми это, и Богъ укажетъ тебѣ дорогу.... вотъ все, что я могу сдѣлать для тебя. Ты, можешь-быть, найдешь его, найдешь покровителя. Ты долженъ ѣхать въ Мадридъ. Но какъ-можно скорѣе. Я хочу знать отвѣтъ, а жить мнѣ осталось не долго.... я это чувствую.... Ты общаешь мнѣ скоро воротиться?

— Непремѣнно! непременно!... Но до отъѣзду я еще увижу васъ.... Я позабочусь, чтобы въ мое отсутствіе вамъ было спокойно и хорошо.

— Ахъ! мнѣ ничего не нужно! Но ты прійди.... прійдешь, поцѣлуешь меня?

— Прійду! прійду, непременно!

И, вырвавшись изъ объятій матери, Пикнльо вышелъ оглушенный тѣмъ, что видѣлъ и слышалъ. Онъ всё-еще не могъ рѣшить, дѣйствительность или тягостный сонъ окружаетъ его.

Вышедши на улицу, онъ взглянулъ на адресъ записки, которую отдала ему Гиральда. Было написано:

«Его свѣтлости, герцогу Уседѣ. Въ Мадридѣ.»

ПИКИЛЬО АЛЪБАГА,

ИЛИ

МАВРЫ ПРИ ФИЛИППЪ-ТРЕТЬЕМЪ.

=

РОМАНЪ ЕВГЕНІЯ СКРИБА.

=

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

=

Во дворцѣ вицероя, при входѣ въ залу, гдѣ сидѣли Анха и Карменъ, Пикильо какъ-будто снова дохнулъ чистымъ, легкимъ воздухомъ, который освѣжилъ его стѣсненную грудь. Ему казалось, что онъ возрождается.

Воспоминанія и тягостныя впечатлѣнія, вынесенныя съ чердака, разсѣялись передъ живою, привлекательною картиною. Карменъ сидѣла между отцомъ и двоюроднымъ братомъ и смотрѣла на молодаго челоуѣка съ выраженіемъ удовольствія, котораго вовсе не старалась скрывать. Донъ-Хуанъ, еще болѣе счастливый говорилъ племяннику:

— Ну, что? что ты скажешь о своей невѣстѣ? Похвасталъ

ли я, когда говорилъ, что она у меня первая красавица во всей Наваррѣ?... Смотри же, я до-сихъ-поръ берегъ ее для тебя. Но теперь посоветуй Лермѣ по-скорѣй заключить миръ съ Нидерландами, чтобы тебѣ не нужно было туда возвращаться, да привѣжай скорѣй свадьбу справлять, нето наши пампелунскіе женихи отобьютъ ее у тебя!

Фернандъ съ откровенною искренностью отвѣчалъ на шумное восклицаніе старика и на вѣжные, робкіе взгляды кузины, однако жъ ловкій или заинтересованный наблюдатель примѣтилъ бы, что молодой женихъ отъ времени до времени, даже разговаривая съ Карменъ, поглядывалъ всторону, и всё въ одно мѣсто, къ окну, гдѣ Анха сидѣла за пальцами.

Въ это время вошелъ Пикилью.

— А! господинъ секретарь! вскричала Анха съ улыбкой: какъ это званіе уже успѣло придать ему важности! Узнать нельзя!

Но потомъ инстинктъ дружбы тотчасъ же указалъ ей, что важность Пикилью происходила отъ печали и взглядъ ея спросилъ: — Что съ тобою?

— Монсеньоръ, сказалъ Пикилью поклонившись вперерою: вы, конечно, найдете, что я неблагодарный, но я не могу иначе: я долженъ просить у васъ отпускъ на недѣлю, прежде нежели займу свою новую должность. Мнѣ нужно съѣздить въ Мадридъ.

— Вы ѣдете въ Мадридъ, Пикилью? съ удивленіемъ вскричали дѣвушки.

— Это зачѣмъ? спросилъ д'Агиларъ.

— По весьма важному дѣлу, которое не меня одного касается и о которомъ, поэтому, позвольте умолчать. Но, умоляю васъ, спустите меня на недѣлю.

— Изволь, коть на двѣ. Когда же ты хочешь ѣхать?

— Какъ-можно скорѣе.

— А! такъ не хотите ли ѣхать со мною? сказалъ Фернандъ: секретарю моего дядюшки будетъ мѣсто въ моей каретѣ.

Пикилью съ радостію и смущеніемъ старался высказать благодарность.

— Пожалуйста, не благодарите! возразилъ Фернандъ съ простодушною живостію: вы здѣсь въ домѣ свой человѣкъ, вы почти принадлежите къ семейству. Мы съ вами будемъ дорогою бесѣдовать о дядюшкѣ, о кузинѣ, обо всемъ, что я люблю, и мнѣ будетъ казаться, что я вовсе не выѣзжалъ отсюда. Намъ будетъ весело.

Донъ-Хуанъ пожалъ Фернанду руку. Карменъ поблагодарила его улыбкой.

— Но я могу вамъ дать теперь не больше часу времени на приготовленіе, продолжалъ д'Альбайда: въ двѣнадцать часовъ мы ѣдемъ.

— Буду готовъ, отвѣчалъ Пикильо съ поклономъ.

Д'Агиларъ съ дочерью и племянникомъ вышелъ.

Анха, оставшись одна съ Пикильо, еще не открывала рта, но глаза ея уже давно спрашивали, что это значитъ? Пикильо успѣшилъ отвѣчать.

— Не спрашивайте меня! Это единственная тайна, которую я буду имѣть отъ васъ. Если мое предпріятіе удастся, вы все узнаете; если же нѣтъ, позвольте мнѣ умолчать.... ради моего самолюбія. Вѣрьте только, что я никогда не забуду вашихъ соѣтовъ и.... что бы ни случилось.... останусь достоинъ вашей дружбы.

— Я не настаиваю, я не хочу знать вашей тайны, сказала Анха: но это путешествіе.... Не подвергаетесь ли вы опасности?

— Съ донъ-Фернандомъ?... Никакой.

— Донъ-Фернандъ не все будетъ съ вами. Если бы я знала, съ кѣмъ вы будете имѣть дѣло.... если бы я могла посоветовать....

— Вы знаете это имя? спросилъ Пикильо, показывая ей адресъ записки, которую написала Хиральда.

— Какъ! вскричала Анха съ улыбкой: вы, Пикильо, уже имѣете дѣла съ герцогомъ Уседой.... съ сыномъ перваго министра?

— Неужели? вскричалъ Пикильо съ изумленіемъ: это сынъ перваго министра?... Онъ былъ когда-нибудь главнымъ директоромъ театровъ?

— И теперь. Это — мѣсто, на которомъ ровно нечего дѣлать и на которомъ онъ, говорятъ, очень занятъ.

— И этотъ герцогъ Уседа сынъ перваго министра? вскричалъ Пикильо съ чувствомъ радости и надежды.

— Да; это всѣмъ извѣстно, кромѣ васъ, можетъ-быть.

— А сколько лѣтъ герцогу Уседѣ?

— Лѣтъ подь сорокъ, я думаю.

— А первому министру?

— Шестьдесятъ пять.

— Такъ, такъ!... думалъ Пиккльо: стало-быть, я внукъ герцога Лермы, перваго министра!...

Эта мысль такъ сильно взволновала его, что онъ измѣнился въ лицѣ. Но надобно отдать справедливость бѣдному Пиккльо: въ душѣ его не было ни порошинки тщеславія: онъ думалъ только объ Алхѣ.

— Такъ вы отправляетесь ко двору? спросила она.

— Можетъ-быть.... если удастся.... не знаю.

— О вашей тайнѣ я не спрашиваю. Я только хочу сказать, что кому нужно явиться ко двору, тотъ долженъ показаться пристойнымъ образомъ. На это вамъ пригодятся двѣсти червонныхъ, которые д'Агиларъ поручилъ мнѣ передать вамъ.... Возьмите же!

И она подала ему своей работы вышитый кошелекъ съ золотомъ.

— Поблагодарите его за меня, сеньора! Я не счумѣю!...

— Хорошо, хорошо! Но поторопитесь же теперь купить все, что вамъ нужно въ дорогѣ. Не забудьте, вы ѣдете съ донъ-Фернандомъ д'Альбайдой, однимъ изъ первыхъ бароновъ Валенсіа.... Какъ онъ вамъ нравится?

— Онъ премилый и прелюбезный человѣкъ!

— Я его очень мало знаю.... Но вы поѣдете съ нимъ, вы будете видѣть его вблизи; для пользы нашей Карменъ, изучите его и пишите намъ, что вы думаете.

— Вы позволите мнѣ писать къ вамъ?

— Кажется, я ужъ просила васъ!

— Такъ вы и въ отдаленіи не покидасте вашихъ друзей?

— Напротивъ, въ отдаленіи меньше чѣмъ когда-нибудь.

И она подала ему руку, которую онъ прижалъ къ своимъ губамъ.

Въ восторгѣ отъ надеждъ и любви, Пиккльо бросился готовиться въ дорогу.

Прежде всего онъ побѣжалъ въ одну изъ ближайшихъ улицъ, гдѣ недавно примѣтилъ порожнюю квартиру. Это были три сухія, свѣтлыя комнаты во второмъ этажѣ небольшого домика, принадлежавшаго почтенной вдовѣ какого-то капитана. Квартира была совсѣмъ меблирована, просто, но удобно и со вкусомъ. Окна выходили на поддень, такъ, что лучи солнца могли оживлять изнуренное тѣло и веселить больную душу. Пиккльо нанялъ

эту квартиру отъ имени сеньоры Хиральды Алъбага и заплатилъ впередъ. Потомъ поспѣшилъ въ домъ жида Саломона.

— Матушка! сказалъ онъ, входя на чердакъ, который теперь оказался ему еще чернѣе и грязнѣе: я ѣду, чтобы исполнить ваше порученіе. Но и вамъ нельзя оставаться здѣсь. Пойдемте, я нанялъ для васъ квартиру, по-удобнѣе этой.

Они пошли. Бѣдная мать была счастлива и гордилась тѣмъ, что опиралась на руку сына.

— Вы у себя дома, сказалъ онъ, введя ее въ прекрасные покои, гдѣ уже былъ разведенъ огонь въ каминѣ.

Хиральда осмотрѣлась кругомъ и при видѣ всѣхъ удобствъ и даже роскоши, которой она такъ давно уже лишилась, въ глазахъ ея блеснулъ лучъ радости. Но скоро лицо опять омрачилось.

— Онъ даетъ намъ пріютъ! прошептала она: онъ, котораго мы выбросили на улицу! Онъ развелъ для насъ этотъ отраднѣйшій огонь, для насъ, которые покинули его на холоду подъ открытымъ небомъ!... Прости! прости, сынъ мой!...

И она упала на колѣни.

— Полноте, матушка! О чемъ вы думаете? Прошедшее прошло. Будемъ думать о настоящемъ. Какова бы ни была впередъ наша судьба, мы раздѣлимъ ее. Вотъ теперь покуда все мое состояніе, двѣсти червонныхъ. Половина — ваша.

И несмотря ни на какія возраженія и просьбы Хиральды, онъ положилъ сто червонцевъ на столъ, поцѣловалъ мать, вырвался и убѣжалъ.

Когда Пикильо воротился домой, карета уже стояла у крыльца. Распростылись и поѣхали.

Трудно было не любить Фернанда д'Альбайду. Знакомство съ нимъ заводилось въ нѣсколько минутъ, а познакомившись, нельзя было не восхищаться его откровеннымъ, добрымъ и веселымъ нравомъ. При огромномъ богатствѣ въ немъ не было ни малѣйшей надменности; при всей знатности ни малѣйшаго тщеслія. Онъ не спускался къ стоявшимъ ниже его, но, напротивъ, каждый поднималъ къ себѣ.

Пикильо вначалѣ только скромно отвѣчалъ на вопросы Фернанда, но вскорѣ понялъ, что почтеніе и скромность не должна мѣшать человеку быть любезнымъ и разговорчивымъ, когда знаешь о чемъ поговорить. А Пикильо зналъ не мало. Черезъ часъ времени, Фернандъ, восхищенный его бесѣдой, вскричалъ:

— Скажите, пожалуйста, правда ли это, говорят, вы никогда не выходили из дому моего дяди д'Агилара?... Мы, военные, къ несчастію, не много знаемъ, а въ качествѣ знатныхъ бароновъ— и того меньше. Дядюшка д'Агиларъ отличный генералъ, но не далекій ученый. Гдѣ же вы набрались такой учености?... Да съ вами трудно и бенедиктинцу тягаться!

Пикильо улыбулся и со всею скромностію и откровенностію своей души, разсказалъ, какимъ пришелъ въ домъ д'Агилара и какимъ выходитъ теперь, благодаря пощечинамъ и покровительству Карменъ и Анхи. Фернандъ съ наслажденіемъ выслушивалъ эти подробности, и это очень натурально: это былъ {прекрасный случай поговорить о Карменъ и между прочимъ объ Анхѣ.

Пикильо, попавъ на этотъ предметъ, не уставалъ разсказывать, Фернандъ не уставалъ слушать. День пролетѣлъ незамѣтно и бесѣда прекратилась уже поздно ночью. Въ горахъ, когда экипажъ подвигался медленно, путешественники заснули, убаюканные однообразною пѣснью погонщика и качаясь въ удобномъ экипажѣ. На зарѣ погонщикъ, выбравшись на ровную дорогу, погналъ муловъ скорѣе.

Пикильо проснулся, но не вѣрилъ своему пробужденію и хватался за глаза: страшный сонъ отбросилъ его на шесть мн на семь лѣтъ жизни назадъ. Холодная дрожь пробѣжала по всему его тѣлу. Онъ отбѣгнулъ отъ ужасу.

Впереди, на краю дороги, стояло страшное, огромное чудовище, черное, костлявое, и постепенно приближаясь простирало къ нему длинныя руки, — хотѣло схватить его за горло. То былъ дубъ, снизу до половинны обгорѣвшій, сверху лишенный листьевъ и засохшій. Пикильо не могъ оторвать глазъ отъ этого зрѣлища, а самъ между-тѣмъ задыхался. Дерево подходило всё ближе и ближе и, вмѣстѣ съ нимъ, казалось, подходилъ кровожадный бандитъ Карало, съ прищеленною винтовкой, и неустовый капитанъ Бальсейро. Пикильо ждалъ смерти. Это была минута, но минута ужасная.

Экипажъ промчался мимо обгорѣвшаго дуба. Погонщикъ затянулъ новую пѣсню. Пикильо опомнился, отеръ холодный потъ со лба и усердно помолился Богу. Утромъ онъ ропталъ на свою судьбу, даже хотѣлъ лишиться себя жизни, когда открылъ свое происхожденіе, и нашелъ родныхъ. Но теперь онъ сталъ снова

сравнивать свое прошедшее съ настоящимъ, подумалъ, чѣмъ могъ быть и чѣмъ сталъ, и находилъ, что можетъ только благодарить и благословлять Провидѣніе.

Потомъ, рѣшаясь отыскать герцога Уседу больше для того, чтобы исполнить волю матери, онъ мало-по-малу обольстился надеждою найти такого отца, который бы своею знатностью могъ уравнивать его положеніе между двумя крайними ступенями общества и составить ему еще довольно почетное званіе. А потомъ онъ самъ могъ бы идти дальше, чтобы современемъ сдѣлаться достойнымъ Аихи. И Пикильо предался мечтамъ, пустился строить воздушные замки.

На третій день утромъ они прибыли въ Мадридъ. Дорогою уже рѣшено было, что Пикильо остановится въ домѣ Фернандъ. Предложеніе было такъ сдѣлано, что никто бы не могъ отказать.

Тотчасъ по приѣздѣ, Фернандъ собрался къ герцогу Лермѣ, чтобы исполнить порученіе маркиза Спинолы.

— Еще слово! сказалъ онъ разставаясь съ Пикильо: моя кузина, сеньора Аиха и самъ дядюшка д'Агиларъ называютъ васъ Пикильо. Это—имя дружеское, которое и я, конечно, уже имѣю право употреблять; но для другихъ, которые будутъ слышать насъ, я желалъ бы знать вашу фамилію.

Пикильо никогда еще не думалъ объ этомъ простомъ вопросѣ. Между-тѣмъ нужно же было отвѣчать. Онъ не могъ назваться отраслю дома Уседы. Съ этой стороны усыновленіе покуда было еще сомнительно. Но по-крайней-мѣрѣ онъ былъ увѣренъ, что знаетъ свою мать, и вспомнивъ объ ея отцѣ, храбромъ и честномъ Маврѣ, отвѣчалъ:

— Алъяга.

— Такъ, до свиданія, сеньоръ Пикильо Алъяга, сказалъ Фернандъ, подавая ему руку: всегда и вездѣ полагайтесь на мою дружбу.

Фернандъ поѣхалъ къ министру. Пикильо пошелъ отыскивать домъ герцога Уседы.

Домъ онъ нашелъ скоро, но не легко было найти хозяина.

— Его свѣтлости нѣтъ дома, сухо отвѣчалъ вышитый галунами швейцаръ, къ которому Пикильо обратился съ скромнымъ и учтивымъ вопросомъ.

Черезъ часъ Пикильо пошелъ опять и увидѣлъ какъ блестящій экипажъ съ герцогскими гербами въѣхалъ во дворъ. Онъ опять смиренно подошелъ къ гордому швейцару. Всѣ тотъ же отвѣтъ:

- Дома нѣтъ.
- Но я сейчасъ видѣлъ, какъ герцогъ пріѣхалъ!
- Всѣ-равно, его свѣтлость не изволятъ принимать.
- Когда же онъ будетъ принимать?
- Завтра.

Пикильо пришелъ на другой день. То же самое: или дома нѣтъ или не изволятъ принимать. Бѣдный молодой человекъ былъ близокъ къ отчаянію, но помнилъ увѣщаніе Анхи и рѣшился терпѣніемъ и постоянствомъ одолѣть препятствіе, рѣшился ходить до-тѣхъ-поръ пока не застанетъ герцога.

Между-тѣмъ бродя отъ бездѣлья по улицамъ и заглядывая въ разныя лавки, онъ увидѣлъ на одной вывѣскѣ имя — «*Андреа Касолета*, придворный его католическаго величества парфюмеръ». На эту вывѣску нельзя было не обратить вниманія; благоуханія духовъ и помады разносились изъ-подъ нея на три улицы. Имя показалось Пикилью знакомымъ, но только онъ никакъ не могъ припомнить, гдѣ встрѣчалъ его.

Вдругъ, въ нѣсколькихъ шагахъ оттуда, за угломъ, въ переулкѣ, ему бросилась въ глаза другая вывѣска — «*Цирюльникъ Абенъ-Абу Гонгарельо*».

Пикильо несказанно обрадовался, что найдетъ стариннаго знакомаго и въ-особенности племянницу его, Хуаниту, съ которою ему было очень пріятно повидаться. Но лавка была заперта, несмотря на будній день. Подошедъ поближе, Пикильо разглядѣлъ, что она даже давно должна быть заперта, потому что науки успѣли уже заткать всѣ углы, и замокъ заржавѣлъ.

Пикильо обратился къ сосѣднему зеленщику и спросилъ, гдѣ найти Гонгарельо.

- Не знаю, отвѣчалъ зеленщикъ.
- Вѣдь онъ былъ вашъ сосѣдъ!
- Былъ, да выѣхалъ.
- Давно ли?
- Да года три будетъ.
- Куда же онъ переѣхалъ?

Зеленщикъ соинительно посмотрѣлъ на него и отвѣчалъ:

— Не знаю.

— Но отчего же лавка его не нанята?

— Оттого что есть люди, которые приносятъ бѣду всякому дому, гдѣ поселятся.

— Какимъ это образомъ?

— А почему я знаю!... Я вообще вовсе не знаю этого Гонгарельо.... Угодно вамъ зелени?... Угодно плодовъ? Апельсины есть хорошіе.

Больше Пикильо ничего не могъ выпытать изъ зеленщика. Но вдругъ ему блеснула мысль.... Касолета! Гонгарельо говорилъ, что ѣдетъ въ Мадритъ, съ тѣмъ чтобы поселиться тамъ, подъ покровительствомъ своего родственника, придворнаго парфюмера, Андреа Касолета.

Черезъ минуту Пикильо былъ уже въ благоуханной лавкѣ.

Маленькій старичокъ, съ круглыми глазами, съ острымъ, крючковатымъ носомъ, предлагалъ ему духи, помаду, мыло, перчатки, и безпрестанно повторялъ:

— Что прикажете, сеньоръ кавалеръ?

— Я желалъ бы узнать что-нибудь о вашемъ родственникѣ Гонгарельо.

— Мой родственникъ!... Гонгарельо!... вскричалъ старикъ, уронивъ кипу перчатокъ: какой онъ мнѣ родственникъ?... Онъ родственникъ моей жены, и то дальній!

— Мнѣ всё-равно, лишь бы вы знали его. Я ему другъ.

— Другъ?... въ самомъ дѣлѣ?

— Божусь вамъ! меня зовутъ Пикильо. Я тотъ самый, который спасъ его и его племянницу Хуаниту отъ бандитовъ въ Сиера-Окъ.

— А! это та исторія, о которой онъ такъ часто рассказывалъ намъ съ женою! сказалъ старикъ, успокоиваясь: такъ это вы, сеньоръ кавалеръ! Вы другъ и спаситель Гонгарельо! Извините, я принялъ васъ за альгуасиля.

— Я никогда не прощу моему лицу, что оно подало вамъ такую мысль обо мнѣ. Но скажите же мнѣ....

— По-тише, по-тише, сеньоръ кавалеръ!... Пожалуйста, по-тише! Я очень любилъ Гонгарельо: славный былъ малый, но.... рассказывать объ немъ, право, не хочется....

— Я вамъ расскажу, сказала сеньора Касолета, толстая супруга придворнаго парфюмера.

— Смотри, жена, не нажить бы бѣды! возразилъ мужъ.

— Не бойся. Никто вѣдь не узнаетъ. Да, сеньоръ кавалеръ, Гонгарельо мнѣ двоюродный братъ. Я тоже Мавританка....

— Крещеная, крещеная, сеньоръ! вскричалъ мужъ: это всё-равно, что рожденная христіанка.

— Такъ чтò жъ? спросилъ Пиккльо: это до меня не касается.

— Но до меня касается!... Для меня это чрезвычайно важно, потому что я придворный его католическаго величества парфюмеръ и поставляю духи и помаду на всю фамилію перваго министра, свѣтлѣйшаго герцога де-Лермы, и даже на великаго инквизитора! Безъ этого.... если бы не мѣсто потерять.... я бы никого не боялся! Я даже сталъ бы просить за Гонгарельо, потому что я его очень люблю: онъ такой добрый малый!

— Чтò же съ нимъ случилось?

— Неизвѣстно! отвѣчала сеньора Касолета: дѣла его сначала пошли-было такъ хорошо! Его всё полюбили. Онъ былъ мастеръ своего дѣла и мастеръ рассказывать. За новостями, бывало, ужъ никуда не ходи, кромѣ Гонгарельо!... И имѣнье сталъ наживать такъ, что его племянница Хуанита могла бы современемъ составить хорошую партію. Вдругъ, однажды утромъ.... сосѣди видѣли.... въ цирюльню вошелъ какой-то господинъ, черный, страшный; кто говорить съ длинною бородою, кто говорить просто необритый. Чтò онъ дѣлалъ въ лавкѣ, о чемъ онъ говорилъ съ Гонгарельо, никто не знаетъ. Только съ того же дня Гонгарельо и съ племянницей пропалъ безъ вѣсти, такъ, что никогда и слуху потомъ не было.

— Никогда! таинственно повторилъ придворный парфюмеръ.

— Въ кварталѣ у насъ, продолжала жена, поговаривали, что заходилъ въ лавку или инквизиціонный служитель или переодѣтый альгуасиль.

— Вотъ отчего и страшно! прибавилъ Касолета.

— Да кто ихъ знаетъ? Иные говорятъ даже, будто это чортъ приходилъ, а другіе опять утверждаютъ, что самъ великій инквизиторъ.

— И Гонгарельо такъ и пропалъ?

— Такъ и пропалъ. Да никто и спрашивать объ немъ не смѣетъ.

Пиккльо вздохнулъ. Ему было жаль цирюльника, а еще больше первой своей благодѣтельницы, Хуаниты.

Прошло нѣсколько дней. Попытки проникнуть до герцога оставались тщетными. Наконецъ Пикильо вышелъ изъ терпѣнія и рѣшился, хоть силою, но ворваться, и пришедши съ этимъ твердымъ намѣреніемъ, ужь не смиренно, а строго спросилъ у швейцара:

- Дема его свѣтлость?
- Вчера изволили уѣхать.
- Какъ, вчера? куда?
- Въ Валладолидъ. Тамъ теперь весь дворъ.

Пикильо чуть не упалъ въ обморокъ. Цѣлую недѣлю онъ уже провелъ въ Мадридѣ и вотъ до чего добился! Чтѣ теперь дѣлать? Прежде онъ не говорилъ донъ-Фернанду д'Альбайдѣ о своихъ дѣлахъ. Теперь же готовъ былъ посоветоваться, но Фернанда уже не было: онъ также куда-то уѣхалъ.

Пикильо зашелъ въ лавку придворнаго парфюмеръ, чтобы хоть съ кѣмъ-нибудь подѣлиться своимъ горемъ.

— Поѣзжайте въ Валладолидъ, говорила ему добрая и услужливая сеньора Касолета, къ которой Пикильо уже нѣсколько разъ на пути заходилъ побесѣдовать о цирюльничкѣ Гонгарельо.

- Еще сорокъ миль проѣхать!
- Чтѣ жъ дѣлать? Сюда дворъ теперь не скоро воротится.
- Да я бы охотно поѣхалъ, если бы надѣялся на успѣхъ! Но найти въ Валладолидѣ тѣ же самыя препятствія.... Какъ добратся до герцога при дворѣ, когда это такъ трудно здѣсь, въ его домѣ? Между-тѣмъ мнѣ непременно нужно видѣть его, во чтѣ бы то ни стало.

— Погодите, есть средство! сказала, подумавши, сеньора Касолета.

— Какое? какое? Говорите!

— Мы поставляемъ герцогу Уседѣ, такъ же какъ и многимъ другимъ придворнымъ господамъ, духи и разныя косметическія вещи. Вотъ и вчера герцогъ прислалъ заказъ: велитъ доставить ему въ Валладолидъ разныхъ туалетныхъ вещей. Это обыкновенно отдается ему прямо въ руки. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что посланный отъ насъ съ этимъ ящичкомъ будетъ допущенъ къ нему прямо въ кабинетъ.... Вы понимаете?

— А! вскричалъ Пикильо, которому не хотѣлось такимъ образомъ явиться въ первый разъ передъ своимъ свѣтлѣйшимъ отцомъ: нѣтъ ли у васъ другаго средства, сеньора Касолета?

— Другаго ни какаго не знаю. Но я васъ увѣряю, что съ этимъ личикомъ вы непременно дойдете до его свѣтлости сразу, потому что тутъ есть особенно одна бабочка, которую онъ не показываетъ никому на свѣтъ.

— Какая же это бабочка?

— У его свѣтлости прекрасные черные волосы, попотомъ отъѣчала сеньора Касолета: но только они не всегда бываютъ черны. Мы одни знаемъ эту тайну. Оттого нашего посланнаго всегда принимаютъ безъ свидѣтелей. Если угодно, я дамъ вамъ личичекъ, повѣжайте.

Пиккльо долго не рѣшался. Онъ находилъ даже невозможнымъ проникать въ туалетныя тайны своего отца. Но не было другаго средства проникнуть къ знатному и могущественному вельможѣ. Ктому же, узнавъ всю истину, отецъ не могъ не простить этой хитрости. Пиккльо рѣшился.

— Благодарю васъ, сеньора, сказалъ онъ. Дайте мнѣ вашу посылку. И если я успѣю въ моемъ предпріятіи, какъ надѣюсь, то, будьте увѣрены, никогда не забуду вашей услуги. Надѣюсь даже, что самъ герцогъ Уседа будетъ вамъ благодаренъ.

Сеньора Касолета отдала ему драгоценный личичекъ, снабдила нужными инструкціями и Пиккльо въ тотъ же день отправился въ Валладолидъ.

Въ большомъ, великолѣпно убранномъ кабинетѣ, передъ столомъ заваленнымъ книгами и бумагами, въ широкихъ, мягкихъ креслахъ сидитъ знатный баринъ и чиститъ ногти. Это герцогъ Уседа.

Дверь отворается, входитъ слуга и докладываетъ:

— Герцогъ Медина-Чели желаетъ видѣть вашу свѣтлость.

— Скажи, что я принялъ бы герцога, если бъ былъ заранѣе увѣдомленъ объ его посѣщеніи. Мнѣ было бы очень пріятно. Но теперь не могу.... Я занятъ.

— Въ пріемной очень много просителей, которымъ ваша свѣтлость изволили назначить аудіенцію.

— Скажи, что не могу, — занятъ.

Лажей вышелъ. Герцогъ снова принялся чистить ногти.

Потомъ онъ всталъ, прошелся нѣсколько разъ по кабинету и остановился передъ зеркаломъ; осмотрѣлъ зубы, осмотрѣлъ во-

лось. Зубы были прекрасны, но волосы казались не такъ черны какъ обыкновенно: около корней они начинали рыжѣть.

Онъ опять прошелся нѣсколько разъ изъ угла въ уголъ, но уже нетерпѣливѣе прежняго и, наконецъ, схвативъ спурокъ колокольчика, позвонилъ такъ сильно, что чуть не оборвалъ. Въ приемной, просители, у которыхъ стало терпѣнія и послѣ отказу выжидать возможнаго свиданія, вздрогнули и тихонько другъ другу замѣтили:

— Вѣрно, какое-нибудь важное дѣло совершается у его свѣтлости!

Лакей прибѣжалъ.

— Я не понимаю, что это значитъ! сказалъ герцогъ: отчего такъ долго нѣтъ отвѣта изъ Мадрита?... Отъ Касолетты еще нѣтъ посылки?

— Никакъ нѣтъ-съ, ваша свѣтлость.

— Когда придетъ, въ ту же минуту доложи, слышишь?

— Слушаю-съ, ваша свѣтлость.

Лакей вышелъ. Герцогъ полюбовался еще нѣсколько минутъ на свой стройный станъ, на соразмѣрную и изящно отформованную ногу и на прочія, дѣйствительно, цѣнныя красоты своей особы, потомъ, сдѣлавъ надъ собою усміе и какъ-будто упрекая себя за потерянное время, поспѣшно подошелъ къ столу, сѣлъ, раздвинулъ бумаги и принялся чинить перья.

На третьемъ перѣ ему помѣшалъ легкій стукъ въ потайную дверь, скрытую драпировкой подлѣ камня. Герцогъ вскопчилъ съ досадою челоуѣка, котораго отрываютъ отъ важнаго дѣла, отворилъ дверь и съ привѣтливою улыбкой вскричалъ:

— Графиня д'Альтамира!

Графиня д'Альтамира была женщина уже не очень молодая, — не по своей винѣ, конечно, — но зато все-таки еще прекрасная. И она дала клятву быть прекрасною доколѣ будетъ возможно. Это частію еще было въ ея власти. Сколько время ни старалось, усмія его оставались почти совершенно безуспѣшными противъ искуснаго и неутомимаго сопротивленія графини.

Читатели, можетъ-быть, помнятъ эту даму съ того времени какъ видѣли ее въ Валенсіи, въ дворцовомъ саду и при королевѣ Маргаритѣ, при которой она тогда же вступила въ должность гувернантки будущихъ инфантовъ. Она же сестра донъ-Хуана д'Агилара.

Донъ-Хуанъ имѣлъ двухъ сестеръ, гораздо по-моложе его, и обѣ были въ свое время хорошо пристроены.

Изабелла д'Агиларъ, добрая, кроткая и любящая дѣвушка, вышла замужъ за Алонсо д'Альбайду, одного изъ первыхъ бароновъ королевства Валенсіи. Отъ этого брака родился Фернандъ д'Альбайда, который рано лишился обохъ родителей.

Меньшая сестра д'Агилара, Флоринда, рѣдкая красавица, но гордая, надменная, холодная и себялюбивая, вышла за графа д'Альтамира, перваго конюшаго короля Филиппа-Второго. Что она была умѣе своего мужа, это еще не рѣдкость и вовсе не удивительно. Но у нея было неизмѣримое честолюбіе, страшная дерзость и отчаянная страсть къ интригѣ. Она не могла жить безъ дѣятельности, безъ занятія, а въ интригѣ для нея заключались и дѣятельность и жизнь.

При Филиппѣ-Второмъ, который не жаловалъ этого роду дѣятельности у своихъ придворныхъ, графиня, тогда еще очень молодая и неопытная, раза два или три запутывала своего мужа въ предпріятія, которыя едва не погубили его. Къ-счастью для графа, грудная водяная во-время избавила его отъ новыхъ рисковъ попасть въ опалу.

Оставшись одна, графиня Флоринда продолжала интриговать на свой собственный счетъ, но уже съ ловкостью и осторожностью зрѣлой опытности.

Мы видѣли, что Филиппъ-Второй, опасаясь найти въ своемъ наследникѣ слишкомъ много ума и дарованій, принялъ всѣ мѣры къ огражденію сына отъ такой напасти. Успѣхъ почти вполне увѣнчалъ отеческія старанія.

Но нельзя же было заключить инфанта въ совершенномъ уединеніи. Филиппъ принужденъ былъ оставить при немъ бывшую его гувернантку, маркизу де-Вальо, одного камергера, Мюриеля, и Ройяса-Сандовая, произведеннаго потомъ въ графы и герцоги.

Графиня д'Альтамира, не находя ничего прочаго въ настоящемъ, рѣшилась приготовить себѣ будущее, привязалась всѣмъ сердцемъ къ маркизѣ де-Вальо и такимъ образомъ сама почти причислилась ко двору инфанта. Обязанность этого двора состояла ни больше ни меньше какъ въ томъ, чтобы придумывать забавы для наследника престола всѣхъ Испаній и Индій.

Тогда уже въ умѣ графини д'Альтамира родилась идея управлять Филиппомъ-Третьимъ въ качествѣ фаворитки, такъ, какъ управлялъ потомъ Лерма въ качествѣ фаворита; но возможно

ли было приступить къ выполнению подобнаго проекта при Филиппѣ-Второмъ, который такъ зорко смотрѣлъ и такъ ясно все видѣлъ; при Сандовалѣ, который, можетъ-быть, донесъ бы на нее, съ прицемъ такимъ робкимъ и покорнымъ, который не осмѣлился бы влюбиться не спросясь у батюшки!

Графиня рѣшилась пожертвовать собою и служить видамъ Сандовала, вмѣсто-того чтобы поперечить имъ. Это было по-честіе, но больше ничего не оставалось дѣлать.

Всѣ четверо, маркиза де-Вальо, графиня д'Альтамира, Мюриель и Сандоваль, дружно усердствовали въ приобрѣтеніи благосклонности инфанта, съ тѣмъ чтобы воспользоваться его силой, когда онъ будетъ королемъ.

Между-тѣмъ они и тогда уже чувствовали себя слишкомъ безсильными, искали опоры, помощи какой-нибудь. Надѣялись на королевскаго духовника, но напрасно: духовникъ былъ доминиканецъ, однако жъ ни онъ, ни инквизиція не имѣли сильнаго вліянія на Филиппа-Второго.

Только езуитъ Хероме-Флорентинъ, даровитый проповѣдникъ, тайно предложилъ Сандовалу помощь своего ордена, который ненавидѣлъ инквизицію и доминиканцевъ и надѣялся по смерти Филиппа-Второго управлять совѣстью короля испанскаго, достигнуть предмета самыхъ пламенныхъ своихъ желаній.

Сандоваль обѣщалъ, что духовникъ Филиппа-Третьяго будетъ избранъ изъ ордена езуитовъ, а орденъ доставлялъ Сандовалу подъ расписку суммы, потребныя на особенные расходы инфанта, которому отецъ не давалъ денегъ.

Когда же Филиппъ-Второй умеръ и Филиппъ-Третій вступилъ на престолъ, Сандоваль графъ де-Лерма самъ изумился своей силѣ: съ первыхъ же дней король сдалъ ему на руки всю власть, и все окружающее, разумѣется, преклонилось передъ могущественнымъ министромъ. Даже инквизиція покорилась ему и онъ своего брата сдѣлалъ великимъ инквизиторомъ.

Отецъ Хероме напомнилъ Лермѣ обѣщаніе и хотѣлъ сдѣлаться королевскимъ духовникомъ, по великій инквизиторъ и антиохійскій патриархъ Рибейра, отъявленные враги братства Лойолы, требовали, чтобы духовникъ былъ доминиканецъ.

У Лермы не ставало ни столько силъ, ни столько искусства, чтобы твердою рукой удержать въ равновѣсіи двѣ такія важныя партіи, чтобы противопоставить ихъ одну другой и обѣ заставить дѣйствовать въ свою пользу. На это нужно бы кардинала Ришліе, но Ришліе тогда еще не былъ на сценѣ. Лерма,

какъ всѣ слабые люди, принялъ среднюю мѣру. Не смѣя удовлетворить исполнѣ ни одну партію, онъ возбудилъ неудовольствіе въ обѣихъ.

Онъ выбралъ королю духовника ни изъ езуитовъ, ни изъ доминиканцевъ, а изъ францисканцевъ, именно Гаспара де-Кордову, который былъ тѣмъ хорошъ, что казался совершенно неспособнымъ къ искательству политическаго вліянія.

Маркиза де-Вальо и Мюріель оказались министру уже не нужными и онъ пересталъ объ нихъ думать. Но графиня д'Альтамбра не позволила забыть о себѣ. Чтобы успокоить честолюбивую женщину, Лерма далъ ей мѣсто статсъ-дамы, потомъ мѣсто гувернантки будущихъ инфантовъ. Но этого для нея было мал о.

Она требовала власти, она требовала своей доли въ правительствѣ и притязанія ея возрасли до того, что Лерма разсудилъ такъ: Невозможно, чтобы мы когда-нибудь не поссорились. Такъ поссоримся же лучше сейчасъ: я сберегу такимъ образомъ все то, что до времени долженъ буду уступить ей.

Сказано, сдѣлано. Съ того же дня кабинетъ министра заперся для графини д'Альтамбра и бывшіе друзья сдѣлались смертельными врагами.

Графиня съ яростью въ душѣ клялась отомстить, свергнуть неблагодарнаго министра, которому сама помогала возвыситься, и это сдѣлалось единственною цѣлью ея жизни.

Она готова была интриговать ни за что: какъ же было не интриговать въ такомъ великомъ и праведномъ дѣлѣ!

Она обратилась сперва къ королевѣ, въ которой примѣтила неблаговоленіе къ временщику; но Маргарита приняла ея услужливыя предложенія съ достоинствомъ, съ холодностью и даже съ презрѣніемъ, непостижимымъ для графини, и онѣ навсегда отдалились другъ отъ друга.

Маргарита не забыла разговору, который подслушала въ дворцовомъ саду, наканунѣ своей свадьбы. Маргарита довѣрля откровенности и дружбѣ и не могла довѣриться графинѣ д'Альтамбра.

Тогда графиня воротилась къ стариннымъ своимъ друзьямъ, къ езуитамъ, взбѣшеннымъ, такъ же какъ и она, противъ министра, который обманулъ ихъ. Они сложили свою жажду мщенія, свои средства и свой умъ. У отца Хероме и у графини ума было много, но они приняли еще человѣка, у котораго его было по-крайней-мѣрѣ столько же, сколько у нихъ обонхъ вмѣстѣ.

То былъ духовникъ графини, бѣдный монахъ, тогда еще неидеальный, но потомъ прославившійся своими сочиненіями, Антонио Эскобаръ-и-Мендоса.

Ему было тогда лѣтъ тридцать. Съ пятнадцати-лѣтняго возраста онъ принадлежалъ къ ордену езуитовъ. Первое его сочиненіе была латинская поэма въ честь святаго Игнатія Лойолы, основателя братства езуитовъ. Благодаря отцу Хероме, у котораго воспитывался, Эскобаръ скоро отличился и въ качествѣ проповѣдника.

Онъ обладалъ краснорѣчіемъ до такой степени гибкимъ, что нередко въ одинъ день два раза всходилъ на кафедру и рассуждалъ объ одномъ и томъ же предметѣ за и противъ, съ одинаковою силой убѣжденія. Славу своего ордена онъ любилъ столько же сколько Рибейра былъ привязанъ къ своему.

Эскобаръ сжегъ бы половину Испаніи въ честь Лойолы, Рибейра сжегъ бы другую половину въ честь Святаго Доминика.

Но какимъ образомъ сломить герцога Лерму, могущественнаго любимца, болѣе могущественнаго чѣмъ самъ король, защищеннаго и огражденнаго инквизиціей и слабостью Филиппа Третьяго?

Трудно было подвести подкопъ подъ герцога Лерму, но графиня д'Альтамира нашла мѣсто гдѣ подвести, и мѣсто такое, что дѣло могло бы показаться совершенно невѣроятнымъ, если бы не было достоверной исторіи, подтверждающей этотъ несомнѣнный фактъ. Орудіемъ графини служилъ родной сынъ герцога Лермы, герцогъ Уседа.

Уседа, конечно, сначала не помышлялъ свергнуть своего отца, а надѣялся только по наслѣдству занять мѣсто любимца, но графиня д'Альтамира умѣла разжечь его нетерпѣніе, такъ, что онъ мало-по-малу совершенно усвоилъ себѣ ея идеи.

Уседа былъ человекъ не злой, но дуракъ, дуракъ самый привлекательный, самый блестящій, самый довольный собою, какой когда-либо расцвѣталъ при дворѣ; а дуракъ при хорошихъ руководителяхъ далеко можетъ уйти, — какъ далеко, это въ точности еще не опредѣлено.

Уседа былъ въ хорошихъ рукахъ. На него партія возложила всѣ свои надежды.

Герцогъ Лерма, какъ добрый отецъ, съ тѣмъ и воспитывалъ, съ тѣмъ и выводилъ своего сына въ люди, чтобы оставить ему свое мѣсто. Но Уседа, по ограниченности и крайней мелочности

ети своего ума и, сверхъ-того, по лѣности, разумѣется не могъ принимать участія въ дѣлахъ, хотя перѣдко былъ къ тому почти принуждаемъ. А графиня д'Альтамира, достаточно настроивъ его предварительно, умѣла объяснить ему, что отецъ и дядя, великій инквизиторъ, не хотять допустить его къ участию въ дѣлахъ правительства. Ударъ былъ разсчитанъ очень ловко: самолюбивый глупецъ до крайности оскорбился. Послѣ этого, отъ слѣдствія къ слѣдствію, Уседу уже легко было привести къ заключенію, что герцогъ Лерма для блага Испаніи долженъ оставить свое мѣсто.

Въ такомъ положеніи были дѣла, когда графиня д'Альтамира печальнымъ приходомъ помѣшала герцогу Уседѣ заниматься въ кабинетѣ.

— Вы, графиня! вскричалъ Уседа съ восхищеніемъ: такъ рано!

— Я ѣду... въ дорогу... по семейнымъ дѣламъ.

— Вы уѣзжаете?... И я останусь одинъ въ Валадолидѣ!... Но гдѣ я умру со скуки!!

— Для чего вы пріѣхали?

— Во-первыхъ, для васъ, графиня, а во-вторыхъ.... какъ же оставаться въ Мадридѣ, когда весь дворъ здѣсь?... Подумаютъ будто нигдѣ не нуженъ.

— Такъ васъ не просили пріѣхать?

— Нѣтъ.

— Значитъ придворная газета сказала правду.

— Она сказала это по моему приказанію.

— А! это хорошо. Въ этомъ я узнаю вашъ умъ, вашъ тактъ.

— Но скажите, пожалуйста, графиня, для чего дворъ здѣсь?... съ какою цѣлю?....

— Вы не знаете?

— Нѣтъ. Развѣ мнѣ нынче говорятъ что-нибудь?

— Правда. Васъ слишкомъ опасаются.

— Да, я вижу. Но.... потерпимъ, увидимъ.... Такъ вы говорите, графиня, вы знаете?....

— Да, черезъ королеву или, лучше сказать, черезъ ея неувольствія, потому что сама она тоже ничего не говоритъ.

— Весь дворъ нѣмъ какъ рыба.

— И скученъ какъ тюрьма.... особенно когда васъ нѣтъ, герцогъ: вы по-крайней-мѣрѣ иногда забавляете короля вашимъ остроуміемъ.

— Да чѣмъ же ему, Сѣдному, позабавиться, когда своего гнѣть!

— Продолжайте, продолжайте, герцога. Намъ нужно забыть и забывать короля: отъ этого зависитъ весь нашъ успѣхъ.

— Я знаю и стараюсь, сколько могу. Но вы говорили, что королева.....

— Да, королева недовольна и королева и министры, который сначала испугался-было, чтобы она не взяла власти надъ мужемъ, но она уже ни во что не вмѣшивается.

— Стало-быть, министр можетъ быть спокоенъ.

— Не советѣмъ. Маргарита очень дружна съ вдовствующею императрицею австрійскою, сестрою Филиппа-Второго.

— Такъ что жъ?

— Развѣ вы не знаете, что министр опасается, чтобы эти австрійскія родственницы не составили заговора противъ него? Онъ уже формальнымъ королевскимъ повелѣниемъ запретилъ имъ видѣться наединѣ и говорить по-нѣмецки. Но королева не послушалась и для этого Лерма перевезъ дворъ въ Валадолидъ. Онъ хотѣлъ только разлучить родственницъ.

— Неужели для этого?

— Конечно, это почти невѣроятно. Все это такъ мелко! весь этотъ народъ такъ трусливъ! Нѣтъ никакого достоинства, нѣтъ обширныхъ видовъ! Ничего нѣтъ такого, что было бы у васъ, герцога, если бы вы стояли на своемъ мѣстѣ.

— Можетъ-быть, отвѣчалъ Уседа съ значительною улыбкой: но что жъ дѣлать! Надо подождать: авось, достигнемъ.

— И мы уже ближе къ цѣли, чѣмъ вы думаете.

— Какъ такъ?

— Благодаря королеви, которая, сама того не зная, помогаетъ намъ. Но..... смотрите, не подслушалъ бы кто-нибудь!....

Уседа пошелъ, заперъ главную дверь на задвижку и, воротившись, съ таинственнымъ видомъ сѣлъ подлѣ графини д'Альтамира.

— Нѣсколько лѣтъ назадъ, продолжала графиня вполголоса: лѣтъ шесть или семь..... вскорѣ послѣ свадьбы.... по возвращеніи изъ Валенсіи, между королевою и королевой произошла странная сцена.... Маргарита воспользовалась могуществомъ молодой жены, чтобы у любви мужа выудить милость человеку, который навлекъ на себя гнѣвъ министра....

— А! знаю! знаю! донъ-Хуану д'Агилару.

— Вы знаете?.... Это мой братъ.

— Да, и тогда же попалъ въ милость вѣнъ князявннкъ, донъ Фернандъ д'Альбада, который.... не знаю за что.... сидѣлъ въ тюрьмѣ.

Уседа совѣтно было признаться, что онъ самъ просилъ засадить его.

— Ну, такъ вы знаете, продолжала графиня: только, конечно, ни вы и никто до-сихъ-поръ не узналъ, какииъ образомъ мои родственники удостоились такихъ милостей королевы. Даже сами они не знаютъ. Вслѣдствіе этого происшествія....

— Знаю, знаю!.... Вслѣдствіе этого министръ и великій инквизиторъ, испуганные вліаніемъ, какое королева можетъ имѣть въ некоторыхъ минуты, вынуждены инквизиціи и римскаго престола вынудили у короля клятву никогда ни въ какомъ случаѣ не говорить съ женою о государственныхъ дѣлахъ, особенно же не касаться этого предмета касней съ нею.

Флоринда расхохоталась, да такъ громко, что Уседа смутился и вслѣдски старался унять ее.

— Графиня!... графиня!... Полноте! что, если услышатъ.

— Что жъ? развѣ ужъ нельзя и пошлѣваться?

— Въ кабинетъ государственнаго человѣка?... Пожалуйте!

— Ну, хорошо, хорошо. Продолжайте. Вы знаете также, что отвѣчала королева, когда ей объявили это условіе.

— Да, Маргарита гордо отвѣчала, что послѣдняя ибѣжанка въ ея королевствѣ имѣетъ право принимать участіе въ дѣлахъ мужа; что безъ этого дѣлїя имѣть соказа; что она отнынѣ счтаетъ себя уже независимую и позволяетъ супругу запереться въ своемъ кабинетѣ, но зато предоставляетъ себѣ право такъ же уединенно запереться въ своей спальнѣ. И она, кажется, исполнила свое слово:

— Конечно, отвѣчала Флоринда. Теперь слушайте же: мы пришли къ тому мѣсту, которое намъ нужно. Маргарита въ самомъ дѣлѣ одержала слово. Это я знаю.

— Ноужели она и въ самомъ дѣлѣ такъ долго можетъ пошлѣваться?

— Нѣтъ, она исполняетъ это вовсе безъ глѣзу. Она совершенно спокойна и равнодушна. Это ей ничего не стѣбитъ. Ипритивъ, можно сказать, что она съ радостью воспользовалась жеманннмъ случаемъ. Если бы она захотѣла власти, она очень легко могла бы прибрать Филиппа къ рукамъ.

— Стало-быть, она совершенно безчувственна и равнодушна во всему?

— Ну, не думаю. Чѣмъ болѣе я наблюдаю и изучаю ее, тѣмъ болѣе прихожу, что она не честолюбива, не зла, не ревнива и вовсе не кокетка. У этой женщины должна быть какая-нибудь страсть.

— Полноте!

— Отчего жъ нѣтъ? У всякой женщины можетъ быть страсть... бываетъ и больше одной. Маргарита — женщина, слѣдовательно, отчего же ей не имѣть страсти.

— Но къ кому жъ?

— Если бы я это знала, такъ я была бы королевой, а не она. Но я, можетъ-быть, еще узнаю. А между-тѣмъ вотъ что, мнѣ кажется, вѣроятно. Его католическое величество, король всѣхъ Испаній и Индій, нетерпѣливо переноситъ свое вдовство и вашъ дядюшка, Сандоваль, воображая совершить государственный подвигъ, сдѣлалъ огромную глупость, когда разлучилъ его съ женою. Не инквизиція ничего не смыслитъ въ этихъ дѣлахъ. Маргарита, сколько я знаю ея характеръ, никогда не захотѣла бы управлять мужемъ, тогда какъ другая на ея мѣстѣ....

— Вы думаете?...

— Да разумѣется! съ живостью вскричала графиня: въ такомъ положеніи, въ какомъ теперь находится король, женщина довольно молодая, довольно хорошенькая и ловкая, какъ-разъ взяла бы надъ нимъ такую власть, противъ которой въ минуту сокрушилось бы могущество всѣхъ фаворитовъ и инквизиторовъ.

— О! да это мысль!... это мысль удивительная! вскричалъ герцогъ съ такимъ довольнымъ видомъ, какъ-будто мысль была его собственная.

— Да, но мысль опасная, которая можетъ обратиться противъ насъ самихъ, если фаворитка не будетъ тѣсно связана съ нами....

— Справедливо! сказалъ Уседа съ глубокомысленнымъ выраженіемъ.

— Если она не будетъ введена, поддержана и управляема нами, то есть, нами, герцогъ.

— Справедливо, справедливо! Надобно, чтобы она была привязана ко мнѣ, чтобы она любила меня....

И Уседа несколько взглянулъ на графиню. Она обомлѣла се, какъ въ первый день любви, потому что она постоянно была въ восхищеніи отъ его ума и необыкновенныхъ дарованій. Но для человека сѣдлаго честолюбиваго, нѣтъ другихъ страстей. Уседа готовъ былъ пожертвовать своею любовью.

Грация показала его взглядъ. Она могла бы отвѣчать: я такъ и думаю. Она была слишкомъ хитра для такой откровенности. Она бросила на герцога къшншнй, отчаянный взглядъ и вскричала:

— Неблагодарный!...

Въ одномъ словѣ заключалась цѣлая бездна выраженія, — и укоризна, и скорбь, и любовь.

— Неблагодарный!... такъ-то ты платишь за мою любовь!

Усудъ невозможно было не упасть къ ея ногамъ.

— Ну, хорошо, можетъ-быть, сказала она потомъ: я подумаю... Я такъ люблю васъ, что пожертвую собой.... А вы между-тѣмъ.... Вѣдь вы по цѣлымъ вечерамъ проводите съ королемъ.... Вамъ позволяютъ это безъ всякаго опасенія, потому что не подозреваютъ еще всей глубины вашихъ соображеній и всей тонкости вашего ума.

— Я нарочно не показываю! вскричалъ Уседа съ таинственнымъ видомъ.

— Продолжайте такъ, продолжайте. Вы можете искуснымъ образомъ завести рѣчь....

— Объ этомъ предметѣ?

— Нѣтъ, не говорите ничего отъ себя, но заставьте короля поговорить съ отцомъ Хероме, съ обыкновеннымъ его проповѣдникомъ. У короля есть страсти, но онъ святоша и потому нужно сперва успокоить его совѣсть. Это главное. Послѣ этого святоша готовъ на что угодно. О! если бы Эскобаръ былъ его духовникомъ вмѣсто этого глупаго фра-Кордова....

— Мы завтра же одержали бы побѣду!

— Сегодня же! Но всё-таки и отецъ Хероме пользуется вниманіемъ его величества. Хероме человекъ съ талантомъ. Въ воскресенье онъ будетъ въ домашней церкви говорить проповѣдь. Это — поводъ предварительно поговорить съ королемъ. Когда онъ поговоритъ, когда устранить первыя сомнѣнія, тогда вы начните и поддерживайте у его величества мысль.... увѣряйте его, что онъ будетъ виноватъ, и королева.... однимъ словомъ, увѣрьте его, что онъ въ самомъ дѣлѣ вдовецъ.... Какъ же съ нимъ иначе? Вѣдь онъ такой странный!

— Хорошо, хорошо. А потомъ?

— Потомъ я вамъ помогу, когда воротюсь изъ Мадрита.... Можетъ-быть мнѣ еще придется ѣхать въ Пампелуну... если моему брату д'Агилару будетъ хуже. Я вчера получила извѣстіе, что онъ очень боленъ.

Въ эту минуту кто-то тихонько постучался въ главную дверь. Герцогъ пошелъ отворить задвижку. Лакей почтительно подошелъ и шепнулъ барину:

— Ящикъ принесли, ваша свѣтлость.

— Что это такое? спросила Флоринда, примѣтивъ смущеніе герцога.

— Ничего.... божусь вамъ!... Пустое дѣло.... проситель.

Графиня д'Альтамира, подозрительная какъ всѣ люди, которые чувствуютъ, что другіе имѣютъ право недовѣрять имъ, нахмурила брови и сказала съ важностью:

— Герцогъ! между нами необходима откровенность. Мы не имѣемъ тайнъ отъ васъ, вы не должны имѣть ихъ отъ насъ.

— У меня и нѣтъ ни какой тайны, увѣрю васъ!

— Кто же эта особа, которую вы принимаете, когда кабинетъ вашъ запертъ для всѣхъ другихъ? Я слышу, вамъ принесли какой-то ящикъ.... Что это такое?

— Я бы не желалъ вамъ сказать....

— Если же я требую?

— Тогда, конечно, нечего дѣлать! Этотъ ящикъ мнѣ прислажалъ....

— Кто?

— Сеньоръ Касолетта.

— А! вскричала графиня: это другое дѣло! Эти тайны я уважаю. Прощайте, герцогъ; до свиданія. Я скоро ворочусь.

Графиня д'Альтамира исчезла черезъ потаенную дверь, а лакей черезъ главную впустилъ Пикильо Алльягу съ ящикомъ отъ сеньора Касолетта.

Когда видишь въ первый разъ автора книги, которую хорошо знаешь или которая очень занимала, и тогда нельзя удержаться отъ нѣкотораго волненія и чувства особеннаго любопытства. Съ какимъ же чувствомъ должно встрѣтиться въ первый разъ лицомъ къ лицу съ виновникомъ своихъ дней, съ человѣкомъ, въ которомъ, основательно ли, нѣтъ ли, но подозрѣваешь своего отца?

Пикильо дотога смутился, что въ глазахъ у него потемнѣло и ноги подкосились.

— Осторожнѣе!... съ живостью вскричалъ герцогъ и доспѣшилъ поддержать его.

Эта внимательность тронула Пикильо.

— Уронишь ящикъ и все перебьешь! прибавилъ герцогъ.

Эта прибавка немножко прохладила молодого человѣка, котораго

дней уже готовъ былъ расчувствоваться. Онъ поставилъ ящикъ на столъ.

— Хорошо, сказалъ герцогъ, поспѣшно отворить и со вниманіемъ разсматривая посылку.

Пиккльо воспользовался этимъ временемъ, чтобы такъ же внимательно высмотрѣть своего отца и познакомиться съ его фантоміей.

Сходства не было ни какого, но Пиккльо вообразилъ себя, что сходства очень много.

— Моя бабушка, сенюра Уррака, не ошиблась, думалъ Пиккльо: это онъ!

Герцогъ продолжалъ разбирать посылки.

— Персидское мыло для рукъ.... хорошо. Духи à la reine.... хорошо. Серальская вода для ногтей.... хорошо. Миндальныя сливки для бритья.... это что-то новое? Это изобрѣтеніе сенюра Касолетта?

— Вѣроятно.

— А!... вотъ стеклянка!... Капиллярный эликсиръ.... хорошо. Но въ послѣдній разъ я, вѣроятно, перелилъ нѣсколько капель. Цвѣтъ вышелъ слишкомъ густъ, чернота стала матовая, волосы не имѣли той мягкости и лоску. Затѣмъ я и просилъ Касолетту прислать мнѣ кого-нибудь. Ты мнѣ скажешь, сколько именно нужно взять или, еще лучше, я при тебѣ вытру голову...

— Я долженъ сказать вамъ правду, герцогъ....

— Я понимаю. Цѣна набавлена. Хорошо, хорошо.

— Нѣтъ, ваша свѣтлость.

— Нѣтъ? Ну, тѣмъ лучше. Каково поживаетъ сенюра Касолетта?

— Вы очень милостивы, ваша свѣтлость.

— Она не дурна, эта женщина!.... Прекрасно сохранилась.... И не удивительно! Вѣдь она сидитъ у источника живой воды.... Прислала ли она мнѣ притирание?... А! вотъ оно.

— Мнѣ нужно поговорить съ вами о другомъ, ваша свѣтлость, съ смущеніемъ сказалъ Пиккльо.

— О чемъ же? Говори.

И герцогъ впервые взглянулъ на Пиккльо.

— А! вотъ молодецъ.... довольно пріятная наружность для сидѣльца въ косметической лавкѣ!... У сенюры Касолетта не дурной вкусъ, я вижу. Что жъ она тебѣ поручила сказать?

— Нѣтъ, ваша свѣтлость, мнѣ отъ себя нужно поговорить съ вами.

— А! прескатель, который пользуется удобнымъ случаемъ! подумалъ герцога.

И лицо его вишь приняло холодное, бурное выраженіе.

У Пиккьо кровь застыла при видѣ этой перешивки, но онъ старался воротить свое мужество, вынулъ письмо Хиральды и дрожащею рукою подалъ.

— Вашей свѣтлости знакомъ этотъ почеркъ?

— Нѣтъ, не знакомъ.

— Это отъ особы, которая поручаетъ меня вашему покровительству.

— Рекомендательное письмо... хорошо, и прочту... послѣ.

Онъ бросилъ письмо на столъ, на груду другихъ бумагъ, и съ скучающимъ видомъ прибавилъ:

— Расскажи мнѣ твое дѣло. Это будетъ короче и скорѣе. Чего тебѣ нужно? Чего ты просишь? Говори.... Я слушаю.

Герцога подошелъ къ зеркалу и наложилъ на губы тонкій слой коралловой помады.

Невозможно было придумать положенія болѣе невыгоднаго для перваго объясненія сына съ отцомъ. Пиккьо отеръ потъ со лба и, заппнаясь, проговорилъ:

— Ваша свѣтлость.... конечно, не забыли.... женщину.... которую вѣкогда.... въ Севильѣ.... любили....

— Которую? Ихъ было много!

— Сеньору Альиага.

— Альиага? Я не знаю этого имени.

— Можетъ-быть. Это имя честное и благородное. Но вы знали другое, менѣе почтенное.... Хиральда!

— Хиральда?... А! помню, помню! Прекрасный талантъ!... Дикая баба! Мы всѣ сума сходили по ней въ Севильѣ.... Что она, еще существуетъ?

— Это она пишетъ къ вашей свѣтлости.

— Понимаю. Помощи просить.... или мѣста въ придворной труппѣ. Но она теперь, конечно, можетъ играть только матерей.

Пиккьо вздрогнулъ.

— Что она, очень постарѣла?

— Она моложе вашей свѣтлости.

— Въ самомъ дѣлѣ! вскричалъ герцога, задѣтый за живое: въ такомъ случаѣ скажи ей, любезный, что я увижу.... я прочитаю ея письмо.

— Нѣтъ, ваша свѣтлость, вы теперь потрудитесь прочитать, отвѣчалъ Пиккьо съ твердостью.

— Эх, какъ задрожать вскричалъ герцогъ, когда оборотились.

— Вы прочтаете это письмо не для Хиральды, а для васъ самихъ, потому что оно до васъ касается.

Герцогъ взглянулъ на молодого человѣка съ изумленіемъ и некоторымъ безпокойствомъ, и взялъ брошенное письмо.

— Я не выйду отсюда, покуда вы не прочтаете, прибавилъ Пикильо.

Герцогъ нетерпѣливо распечаталъ письмо и, читая, то краснѣлъ, то блѣднѣлъ. Неудовольствіе, гнѣвъ просвѣчивались въ каждой чертѣ лица. Однако жъ онъ овладѣлъ собою, презрительно улыбулся и, бросивъ на Пикильо ледовитый взглядъ, насмѣшливо сказалъ:

— Такъ вотъ порученіе, которое вы имѣли честь принять на себя, сеньоръ кавалеръ!

— Тутъ чести такъ же мало для меня, какъ и для васъ, герцогъ, сухо отвѣчалъ Пикильо: я повиновался только жестокой необходимости. Но я вижу, что мы оба унижены и пристыжены: вы тѣмъ, что встрѣчаете во мнѣ сына, а я тѣмъ, что нахожу въ вашей свѣтлости отца.

— О! успокойся, любезный другъ! возразилъ герцогъ съ яростнымъ взглядомъ: благодаря Бога, мы не такая близкая родня. Люди въ моемъ положеніи довольно часто принуждены выслушивать подобныя притязанія. Эта спекуляція стоитъ всякой другой.

— Спекуляція! вскричалъ Пикильо съ негодованіемъ.

— Согласись, любезный другъ, что, если бы я не былъ богатъ и знатенъ, ты не пришелъ бы ко мнѣ и твоя матушка Хиральда кого-нибудь другаго, по-богаче и по-знатнѣй, почтила бы подаркомъ, котораго я не приму и не признаю, потому что слишкомъ многіе могли бы оспорить его у меня, а я не люблю тягаться.

— А! такъ-то! вскричалъ Аллиага въ себя: счастье ваше, что я самъ еще принужденъ сомнѣваться.... Иначе вы бы окончили бы этой рѣчи.... вы не вышли бы изъ этой комнаты, клянусь вамъ!

Герцогъ, испуганный яростью, которая сверкала въ глазахъ молодого человѣка, бросился къ колокольчику и сильно позвонилъ.

— Да! продолжалъ Пикильо: докажите мнѣ только, что вы мнѣ чужой! Я теперь только этого и жажду. Тогда я по-край-

нашъ герцогъ ману отомстить вамъ за обиду. Какъ бы вѣстимъ вамъ ни были, вы дадите мнѣ отвѣтъ.

— Сейчасъ, сейчасъ! я не заставляю тебя долго ждать! отвѣчалъ герцогъ, совершенно спокойно, когда увидѣлъ двоихъ вѣдущихъ лакеевъ. И, обратившись къ нимъ, онъ прибавилъ съ достоинствомъ :

— Вытолкать этого господина!

Пиккльо, въ ярости, хотѣлъ броситься на герцога, но лакеи уже схватили его и, несмотря на отчаянное сопротивленіе, вытаскивали за дверь.

— Помните этотъ день!... Помните этотъ день, герцогъ! кричалъ Пиккльо, задыхаясь.

Больше лакеи не дали ему выговорить.

Герцогъ, оставшись одинъ, на минуту почувствовалъ неудовольствіе, которое казалось ему новымъ и непонятнымъ. Но у него не было времени вдаваться въ такія мелочи: его ожидало важное дѣло.

Онъ принялся за капиллярный эликсиръ. Вечеромъ нужно было отправиться къ королю.

Пиккльо, оскорбленный, униженный, выгнанный изъ дому, съ яростью въ сердцѣ, съ мечтами о мщеніи въ головѣ, бродилъ по улицамъ Валадолида и не зналъ, на чемъ остановиться, что начать.

Всѣ надежды его рухнули, всѣ планы опрокинулись, вся будущность казалась уничтоженною.

Какъ призваться Аихѣ въ низости своего рожденія, въ стыдѣ своей матери, въ униженіи отверженнаго и изгнаннаго отцомъ, выброшеннаго на улицу лакеями!... Нѣтъ, нѣтъ! ни Аиха и никто не узнаетъ настоящаго его положенія, куда онъ не найдетъ средствъ выйти изъ него и возвыситься въ глазахъ другихъ и въ своихъ собственныхъ.

Погруженный въ эти размышленія, онъ шелъ безъ всякой цѣли, пока не наткнулся печально на камердинера дона Фернандо д'Альбайды. Мгновенно у Пиккльо родилась мысль во всемъ открыться Фернанду и у него искать помощи и совѣта.

Не оказалось, что Фернандъ на другой же день по прибытіи изъ Мадрита ко двору въ Валадолидъ, отправился съ королевскимъ порученіемъ обратно къ своему генералу въ Нидерланды.

Весь міръ, очевидно, былъ въ заговорѣ противъ бѣднаго Пиккльо: случайный отъездъ Фернандо, на котораго онъ возлагалъ

было послѣднюю надежду, даже доказывалъ ему, что онъ уже ни въ чемъ на свѣтѣ не можетъ нѣтъ утѣху.

Голова у него была въ жару, кожа высохла, когда онъ воротился въ плохую гостиницу, въ которой остановился въ Валладолидѣ. Онъ потребовалъ погешника мулозъ и хотѣлъ тотчасъ же или, по-крайней-мѣрѣ, на другой день отправиться обратно въ Мадридъ и оттуда въ Пампелуну, чтобы рассказать хоть матери свое горе и униженіе. Ей одной онъ могъ открыться въ этомъ, передъ нею одною онъ могъ крикнуть и плакать.

Но отправиться не было возможности. Волненіе, утомленіе отъ пути и въ-особенности огорченіе, которое нужно было скрыть въ себѣ, все это истощило его силы. У него обнаружилась горячка.

Безъ родныхъ, безъ друзей, на чужихъ рукахъ, бѣдный молодой человекъ двѣ недѣли пролежалъ на краю гроба.

Трактирщикъ и жена его, по счастью, были люди честные и добрые. Они приглядѣли за больнымъ. По счастью также, докторъ, который его пользовалъ, былъ человекъ съ дарованіемъ, не лечилъ больного, далъ волю природѣ и Пикильо, благодаря своей молодости, скоро миновалъ опасности. Черезъ три недѣли онъ былъ здоровъ.

Этого нельзя было сказать объ его карманѣ, который отошелъ до крайности. Но въ два-три дня, которые провелъ въ мечтахъ о новой дорогѣ жизни, Пикильо еще не успѣлъ сдѣлаться совершеннымъ знатнымъ барономъ. Онъ вооружился посохомъ и пошелъ изъ Валладолида пѣшкомъ, дорогою останавливался въ самыхъ скромныхъ *посадахъ*, питался по-испански, то есть, коркою хлѣба, парюю плодовъ и нѣсколькими глотками воды, такъ, что прійдя въ Мадридъ еще имѣлъ нѣсколько мѣдныхъ денегъ въ карманѣ.

Въ домѣ Фернанда д'Альбайды, гдѣ его приняли точно такъ же услужливо, какъ-будто бы онъ прійхалъ въ экипажѣ, ему подали письмо, которое лежало уже больше недѣли.

Пикильо узналъ потеркъ, дрожащими руками распечаталъ и прочелъ:

« Мы въ Мадридѣ. Какъ только получите это, съѣзьте къ намъ. Мы очень несчастны и нуждаемся въ вашихъ друзьяхъ. Мы ждемъ васъ.

Вашу приписка :

« Анка. »

идеть въ Мадридъ, чтобы разлучить съ мѣстомъ, которое про-
буждало тягостныя воспоминанія.

Графиня не знала, кто такова была Анха, и уже въ Мадридѣ,
при удобномъ случаѣ, спросила у Карменъ.

— Моя сестра, простодушно отвѣчала Карменъ.

— Но кто же она?

— Не знаю.

— Кто ея родители? откуда она?

— Мнѣ никогда объ этомъ не говорили.

— Но неужели у нея нѣтъ никого родныхъ?

— На что же ей еще родные, когда она моя сестра?

Графиня не удовольствовалась этимъ и обратилась къ Анхѣ съ
самымъ пріятливѣйшимъ взглядомъ, съ самымъ ласковымъ гово-
ромъ, съ видными знаками участія.

— Скажите, кто вы?

— Сестра сеньоры Карменъ, дочь донъ-Хуана д'Агилару.

— А ваша фамилія?

— Одинъ д'Агиларъ зналъ ее.

— Такъ вы не знаете вашихъ родныхъ?

— Я знаю только, что они любятъ меня.

— Почему же вы это знаете?

— Потому что они доверили мена донъ-Хуану д'Агилару.

— А мнѣ доверять?

— Я не думаю, чтобы они захотѣли теперь разлучить меня
съ Карменъ; если захотятъ, такъ прикажутъ.

— Такъ вы уже просили этого приказанія?

— Нѣтъ; они сами пришлютъ.

— Какимъ образомъ?

— Не знаю, но я получу. Я знаю только, что меня бере-
гутъ.

Больше она не узнала и рѣшилась подождать, пока случай и
искусство помогутъ разрѣшить любопытный вопросъ. Графиня
д'Альтампра была очень любопытна.

Анха и Карменъ жили въ совершенномъ уединеніи, которое
графиня д'Альтампра уважала тѣмъ охотнѣе, что сама была очень
занята при дворѣ и своими дѣлами. Дѣвушки были ей очень
благодарны за это и болѣе ничего не желали: онѣ хотѣли только
остаться вмѣстѣ и, когда пріѣхалъ Пикильо, рѣшили, что онъ
долженъ также остаться въ Мадридѣ, въ гостепріимномъ домѣ
Фернанда, съ тѣмъ, чтобы каждый день посѣщать ихъ. Съ нимъ
только онѣ могли раздѣлить свое горе, съ нимъ только онѣ могли

поговорить о покойномъ отцѣ и покровителѣ. Мъ Пикильо, вѣж-
ный, умный и внимательный, всегда умѣлъ найти именно тотъ
предметъ бесѣды, который всего скорѣе разсѣивалъ тоску Кар-
менъ.

Онъ каждый день говорилъ ей о Фернадѣ, и говорилъ съ та-
кимъ восхищеніемъ, что Карменъ сама приходила въ восхищеніе
и благодарила его взоромъ и улыбкой.

Анха только слушала.

На другой же день по прибытіи въ Мадридъ, Пикильо полу-
чилъ черезъ Анху двѣсти пистолей, которые ему отказалъ въ
забвѣніи донъ-Хуанъ д'Агиларъ.

Пикильо послалъ часть этихъ денегъ къ матери съ письмомъ,
въ которомъ разсказалъ, какъ былъ принятъ герцогомъ Уседой,
и приглашалъ пріѣхать въ Мадридъ, гдѣ надѣялся получить ка-
кое-нибудь мѣсто, какъ-скоро пріѣдетъ Фернадъ д'Альбайда.

Исполнивъ первыя обязанности добраго сына, Пикильо могъ
спокойно дожидаться этого возвращенія и до времени посвящать
весь свой досугъ дочерямъ д'Агилара.

Однажды отправляясь къ нимъ, онъ принужденъ былъ остано-
виться въ улицѣ Санто-Доминго, передъ палатами инквизиціи,
гдѣ собралась непроходимая толпа. Народъ о чемъ-то разсуждалъ
очень горячо и съ неудовольствіемъ.

— Это ужасъ! это, просто, ни на что не похоже! говорили
одни.

— Такимъ образомъ насъ никогда еще не водили здѣсь!
подтверждали другіе.

Пикильо спросилъ у ближайшаго сосѣда, въ чемъ дѣло.

— Развѣ вы не знаете, что черезъ три дня у насъ въ Мад-
ридѣ должно быть ауто-да-фѣ. Сегодня слѣдовало осужденныхъ
на сожженіе перевести изъ темницъ инквизиціи на три дня въ
капеллу покаянія. Процессія назначена въ полдень, а теперь уже
третій часъ!... Шутка ли! я стою здѣсь съ двѣнадцатаго часу!

— А я съ одиннадцатаго! прибавилъ другой, какой-то ремес-
ленникъ.

— А я-то! вскричала торговка: я съ девятого часу забралась!...
Боялась, что мѣста не найду.

Пикильо онѣмѣлъ.

— А говорили, что церемонія хороша будетъ! замѣтилъ праз-
дный погонщикъ муловъ: осужденныхъ, говорятъ, двадцать чело-
вѣкъ.

— Нѣтъ, пятнадцать! вскричала торговка.

— Дебнадцать, дебнадцать! подтвердила другая: я знаю каэфривое. У меня кунъ слушать въ инквизиціи сторожежь.... Ты знаешь его, сосѣда.... Онъ мнѣ подробно сказывалъ, что дебнадцать.... семь еретиковъ такъ, просто, изъ крещенныхъ; три Жиды, да двѣ Мауританки.

— Чтò же, чтò еще еще разсказывалъ?

— Да мало ли чтò!... Есть иныя, говорятъ, которые лѣтъ пять сидятъ въ темницахъ инквизиціи, на цѣпи, на хлѣбѣ, да на водѣ.

— Неужели?

— Да.... а по воскресеньямъ ѣдятъ. И всё-таки не обрадуются!

— Этакіе ожесточенныя!... Этакіе звѣри!

— Не хотятъ креститься! не хотятъ душу спасти, хоть ты чтò хочешь дѣлай съ ними!

— Да это, просто, оттого что съ ними ничто слишкомъ кротко обращаются!

— Мало жгутъ.

— Вотъ первое ауто-да-фе при вышннемъ королѣ.

— А при елтонѣ королѣ Филиппѣ Второмъ недѣли не проводило, чтобы не жгли кого-нибудь!... Вотъ-то были процессіи! чудно чтò за зрѣлища!...

— Да! И никогда, не бойсь, не приходилось дожидаться....

— Ужь это, какъ, бывало, назначуть часъ, такъ и будетъ....

— А иногда и раньше!

— Да, да! прибавилъ одинъ старикъ: я въ то время видѣлъ, какъ въ одинъ день девяносто человекъ Мауровъ сожгли.... А ничто чтò?...

— Да и вышнній инквизиторъ и архіепископъ Рибейра тоже не дали бы потачки, но герцогъ Лерма, говорятъ, бонется.... Говорятъ, и это ауто-да-фе, чтò назначено на вторникъ, определено противъ его воли....

Тутъ галва вдругъ забушевала и заволновалась.

— Вотъ! вотъ они идутъ! закричали съ радостію многіе голоса.

Въ самомъ дѣлѣ, ворота инквизиціонныхъ палатъ отворились. Вышелъ отрядъ вооруженной стражи и толпа раздѣлилась надвое, чтобы дать проходъ. Пикиль давно уже хотѣлъ уйти, но не могъ прорваться сквозь плотную массу народа и принужденъ былъ выслушать весь тягостный и отвратительный для него разговоръ. А теперь случай поставилъ его, хотя немилосердо слав-

леннаго, однако жъ такъ близко къ проходу у воротъ, что онъ остался уже изъ любопытства.

Вслѣдъ за стражею вышли осужденные, связанные по-парно. За ними несли хоругвь святаго судилища, а за хоругвью слѣдовали инквизиторы.

Пикильо, блѣдный и трепещущій столько же, сколько и осужденные, съ нѣмымъ ужасомъ смотрѣлъ на эту страшную процессію и не вѣрилъ своимъ глазамъ.... Ему казалось, что онъ видитъ сонъ, мечту горячки.... Ему казалось, что онъ видитъ знакомыя лица.... Лицо дѣвушки.... черты, конечно, очень измѣнились, однако жъ Пикильо не могъ не узнать той, которая нѣкогда была его благодѣтельницей; Пикильо не могъ не узнать Хуаниты.

— Нѣтъ! говорилъ онъ самъ себѣ: нѣтъ, это невозможно! глаза мои помутнились и обманываютъ меня!... Это призракъ, это призракъ!...

Но вдругъ онъ пронзительно вскрикнулъ. Къ счастью, его окружающіе не поняли этого крику, заглушеннаго впрочемъ пѣніемъ монаховъ и шумомъ любопытныхъ зрителей.

Пикильо видѣлъ не призракъ, а страшную дѣйствительность. Подгѣ дѣвушки подвигалось нѣкогда столь веселое, теперь блѣдное и исхудавшее лицо бѣднаго цирюльника Абенъ-Абу Гонгарельо. Если бы у Пикильо и оставалось еще сомнѣніе, то оно необходимо должно было разсѣяться при крикахъ толпы, которая указывала на несчастныхъ пальцами и повторяла:

— Мавры! Мавры!... вотъ они!... эти двое!

И женщины, матери, поднимали дѣтей себѣ на плеча и говорили:

— Смотри! смотри!... видишь?

Процессія мало-по-малу прошла. Толпа повалила слѣдомъ, чтобы проводить до капеллы. Ворота инквизиціи затворились. Пикильо остался одинъ на улицѣ. Пикильо не примѣтилъ, какъ это случилось. Негодованіе, ужасъ и бѣшенство такъ быстро сѣменялись въ его душѣ, что онъ долго не могъ прийти въ себя.

— Нѣтъ! вскричалъ онъ потомъ: это не люди, это дикіе звѣри! это дьяволы!... Надо бѣжать изъ этого аду!

И онъ побѣжалъ въ свой эдежь, къ своимъ ангеламъ, которые испугались блѣдности его лица и беспорядка одежды.

— Чтѣ съ вами? чтѣ случилось?

Пикильо упалъ въ кресло и не могъ слова сказать.

— Говорите же, ради Бога! Говорите!

Т. LXXVI.— Отд. II.

Собравшись съ силами, Пиккильо разсказалъ, что видѣлъ и слышалъ и въ-особенности свое отчаяніе о судьбѣ Гонгарельо и Хуаниты.

— Чудовища! вскричала Анха: жечь бѣдныхъ людей за то только, что они воспитаны въ другой вѣрѣ!

Карменъ съ ужасомъ и изумленіемъ схватила сестру за руки. Они были судорожно сжаты какъ въ первомъ припадкѣ. Все тѣло трепетало.

Но скоро Анха опомнилась и, побѣждая свое волненіе, сказала:

— А вы, Пиккильо, что думаете объ этомъ?

— Я, сеньора?... Я спасу Хуаниту и Гонгарельо, или умру съ ними на кострѣ.

— Это нехорошо! вскричала Карменъ: какъ можно!

— Да, это нехорошо, повторила Анха, однако жъ хорошо.

И въ выраженіи ея было что-то, что говорило: Я сама то же сдѣлала бы на твоёмъ мѣстѣ.

— Но какъ спасти ихъ? спросилъ Пиккильо.

— Фернандъ одинъ могъ бы помочь намъ, сказала Карменъ, но онъ еще не скоро пріѣдетъ.

— Нѣтъ, тутъ и сеньоръ Фернандъ не поможетъ, возразилъ Пиккильо: въ Испаніи нѣтъ власти, которая бы могла бороться съ инквизиціей.

— Однако жъ, отвѣчала Карменъ, если бы король захотѣлъ...

— Который? спросила Анха: Филиппъ или Лерма? Филиппъ едва-ли можетъ.

— А герцогъ Лерма не посмѣетъ, прибавилъ Пиккильо.

— Погодите! вскричала Карменъ: я поговорю съ тѣтушкой графиней д'Альтамира. Она лучше насъ знаетъ дворъ. Она добра. Она намъ поможетъ, если знаетъ средство. Подождите меня, а сейчасъ ворочусь.

Она вышла.

Пиккильо въ волненіи, молча ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ.

— Вы надѣетесь на эту попытку? спросилъ онъ Анху, вдругъ остановившись.

— Ни сколько.

— Такъ бѣдные Мавры погибнутъ!

— Вѣроятно. Но по-крайней-мѣрѣ и я попытаюсь спасти ихъ. Горе тому, кто не хочетъ помочь своимъ братьямъ!

Когда Никильо посмотрѣлъ на нее съ удивленіемъ и тихо повторилъ: — Своимъ братьямъ!

Она прибавила:

— Да, они твои братья, я знаю. Въ твоихъ жилахъ течетъ мавританская кровь.

— Кто вамъ сказалъ?

— Никто. Но я знаю съ того дня какъ мы съ тобой встрѣтились въ лѣсу, когда ты съ дерева упалъ къ намъ на помощь. Платье твое было оборвано и плечо обнажено, а на плечѣ у тебя есть арабскій знакъ.

— И вы никогда не говорили объ этомъ!

— Начтѣ? Для твоей же пользы ты самъ долженъ лучше скрывать это... особенно теперь. Ты видишь, какъ обращаются съ Маврами. Но цирюльника и его племянницу мы, можетъ-быть, еще спасемъ. Слушай, вѣдь я могу положиться на тебя, Никильо?

— Вы въ этомъ не сомнѣваетесь, сеньора.

— Хорошо. Мнѣ нужно только, чтобы ты ни въ какомъ случаѣ, будетъ ли удача или нѣтъ, никому не говоришь, что я тебѣ поручу.

Никильо посмотрѣлъ на нее съ удивленіемъ и сказалъ:

— Клянусь!

— Такъ погоди же.

Анха сѣла за столъ, поспѣшно написала письмо и разорвала. Написала другое и также разорвала. Третье наконецъ удалось. Оно заключало въ себѣ только нѣсколько строкъ. Запечатала, надписавъ адресъ и отдавая его, Анха успѣла только сказать:

— Больше я не могу сдѣлать, не могу указать средства, но нужно чтобы письмо отдано было прямо въ руки, по адресу, и тайно, чтобы никто не видалъ....

Послышались шаги Карменъ.

— Спрячьте по-скорѣй! шепнула Анха.

Никильо поспѣшно сунулъ письмо въ карманъ.

Карменъ пришла съ отвѣтомъ отъ тѣтки. Графиня д'Альтамира, разумѣется, очень рада была бы сдѣлать все на свѣтѣ, чтобы угодить своей милой и дорогѣй племянницѣ и ея друзьямъ, и чрезвычайно сожалѣла, что ничѣмъ не можетъ помочь горю, потому что имѣетъ слишкомъ мало вліянія при дворѣ, особенно когда дѣло идетъ о такомъ важномъ случаѣ и о борьбѣ съ все-сильной инквизиціей.

Воротившись въ свою комнату, въ домѣ д'Альбайды, Пиккильо поспѣшно вынулъ письмо изъ кармана и сталъ протирать глаза, когда посмотрѣлъ на адресъ. Онъ не могъ прійти въ себя отъ изумленія. Письмо было адресовано къ «ея величеству королевы испанской.»

Пиккильо напрасно старался объяснить себѣ, какими образомъ Анка, бѣдная сирота, воспитанная въ отдаленной провинціи, за недѣлю прибывшая въ Мадридъ и незнакомая ни съ кѣмъ при дворѣ, осмѣливалась писать прямо къ королевы. Это низпровергало всё его понятія и вводило въ такой таинственный кругъ, гдѣ его собственнаго здраваго разсудка было уже недостаточно для руководства. Между-тѣмъ онъ не могъ и подумать, чтобы Анка сдѣлала это по глупости, а сама она сказала, что больше сдѣлать не можетъ и что самъ онъ долженъ найти средство до-ставить письмо по назначенію.

Какъ теперь проникнуть во дворецъ? какъ дойти до королевы, когда такъ трудно и опасно добираться даже до какого-нибудь герцога Уседы?

Однако жъ Пиккильо рѣшился исполнить порученіе, во что бы ни стало. Онъ перебиралъ въ головѣ тысячи плановъ, одинъ нелѣпѣе другаго, и ни на одномъ не могъ остановиться. Между-тѣмъ день уже склонялся къ ночи. Минуты и часы летѣли, а письмо всё-еще было у него въ рукахъ; цирюльнику и его племянницѣ оставалось жить уже только два дня.

Пиккильо, въ отчаяніи, выбѣжалъ на улицу, потому что ему стало душно въ комнатѣ. Онъ пошелъ бродить около Буэнь-Ретиро, гдѣ тогда находился дворъ, только-что возвратившійся изъ Валадолида. Пиккильо надѣялся, что, можетъ-быть, видъ дворца внушитъ ему какую-нибудь новую мысль, какой-нибудь планъ, болѣе исполнимый. Но и это было напрасно. Долго онъ стоялъ и думалъ глядя на часовыхъ:

«Если бы надобно было прорваться только сквозь эту стражу, я не побоялся бы ружей и сабель! Но это ни к чему не послужитъ».

Между-тѣмъ настала совершенная ночь. Пиккильо въ тѣжкомъ раздумьѣ медленно пошелъ опять домой. На улицахъ было всё-всѣмъ темно. Только изъ одной лавки разливался яркій свѣтъ. То-была лавка сеньора Касолетты. Этотъ свѣтъ какъ-будто озарилъ и душу Пиккильо.

— Ахъ! вотъ мысль! вскричалъ онъ: мнѣ само небо посылаетъ ее!

И онъ бросился въ лавку.

Сеньора Касильда сидѣла одна посерединѣ своихъ стѣлянокъ и очень обрадовалась гостю. Неблагодарный со времени возвращенія въ Мадридъ не показывался ей на глаза, тогда какъ она получила за него страшный выговоръ отъ взбѣшеннаго герцога Уседы и мужъ ея чуть-чуть не лишился мѣста придворнаго поставщика. Но сеньора Касильда была великодушна: она не упрекнула молодого человѣка ни однимъ словомъ и даже не напомнила ему о валадолидской комиссiи. Но онъ самъ заговорилъ объ этомъ и сказалъ, что былъ худо принятъ герцогомъ, оттого что просилъ за бѣднаго Гонгарельо.

— Такъ вы знаете, чѣмъ съ нимъ случилось?

— Онъ пять лѣтъ сидитъ въ темницѣ инквизицiи.

— Ну, я такъ и думала! Гонгарельо не можетъ не болтать: такая ужъ у него натура. Онъ встрѣчному и поперечному рассказывалъ свою исторiю, а намъ, бѣднымъ Маврамъ, слѣдуетъ молчать. Я съ моими покупателями не говорю ни о чемъ, кромѣ духовъ и помады, а онъ..... вѣроятно у него сорвалось съ языка какое-нибудь слово противъ инквизитора: этого и довольно!

— Да, и черезъ два дня онъ съ племянницею погибнетъ страшною смертію на кострѣ.

— Чѣмъ вы! вскричала сеньора Касильда съ ужасомъ: неужели ихъ сожгутъ?

Пикильо яркими красками описалъ все, чѣмъ видѣлъ у воротъ инквизицiи. Сеньора Касильда слушала съ нѣмымъ страхомъ.

— Но отъ васъ, можетъ-быть, еще зависитъ спасти ихъ, прибавилъ Пикильо.

— Какимъ образомъ? Говорите! Я готова сдѣлать все на свѣтѣ, но только мужу не смѣю сказать.

— Я и самъ буду говорить съ вами съ уловіемъ, чтобы никто кромѣ насъ двоихъ не зналъ.

— Хорошо, хорошо. Такъ пойдемте же въ мою комнату. Я запру лавку, чтобы никто не помѣшалъ намъ. Мужъ мой сегодня не воротится: онъ въ отлучкѣ на цѣлую недѣлю.

Сеньора Касильда заперла лавку и увела гостя въ комнату.

— Говорите, сказала она, усѣвшись противъ него.

— Кто изъ васъ, мужъ или вы, относите духи ко двору королевы?

— Къ королю ходитъ мужъ, къ королевѣ я.

— Вы видите королеву?

— Какъ же! всегда.

— И можете идти въ такой день, въ какой захотите?

— Могу, если у меня есть что-нибудь новое, какъ напримеръ теперь.... Я завтра хочу идти, чтобы поднести ея величеству новозобрѣтенные духи.

— Въ самомъ цѣлѣ! вскричалъ Пиккльо, вскочилъ, въ восторгѣ обнялъ и поцѣловалъ изумленную супругу придворнаго парфюмера.

— Что вы это! что вы, сеньоръ Аллиага! Ну, если кто-нибудь подсмотреть и скажетъ мужу?

— Не бойтесь, никто не подсмотреть..... вѣдь вы приняли мѣры предосторожности.... Но говорите, говорите! Вы завтра пойдете къ ея величеству?

— Непремѣнно.

— Что вы ей понесете?

— Духи, перчатки и подушечки съ травами.

— Такъ слушайте же. У меня есть прошеніе за бѣднаго Гонгарельо и его племянницу. Если королева прочтаетъ это прошеніе, они спасены навѣрное.

— Неужели? вскричала Касильда съ радостью.

— Непремѣнно, подтвердилъ Пиккльо: только смотрите, нужно, чтобы никто кромѣ королевы не видалъ этого прошенія.

— Чтобы никто кромѣ королевы не видалъ!.... Но при ней всегда бываютъ по-крайней-мѣрѣ двѣ придворныя дамы.

— Вотъ бѣда!... Что же дѣлать?.... Нужно непременно, чтобы объ этомъ прошеніи никто не узналъ, иначе все пропало!....

— Постоите, постоите! перебила сеньора Касильда: много мѣста займетъ это прошеніе?

— Нѣтъ, это обыкновенная записка.

— Ну, такъ я вложу ее въ перчатку. Можетъ-быть мнѣ удастся подать прямо въ руки королевы.

— А если кто-нибудь изъ дамъ возьметъ?

— Тогда я подамъ другія. Но мнѣ не разъ случалось подносить прямо самой королевы.

Пиккльо, въ восхищеніи, не находилъ словъ, чтобы достаточно отблагодарить услужливую сеньору Касильду, и отдалъ ей записку, которую она тутъ же вложила въ раздушенную перчатку.

На другой день, послѣ обѣдни, во дворцѣ случилось происшествіе, которое взволновало весь дворъ и раскрыло мадритскимъ политикамъ широкое поле для предположеній и догадокъ. Они разсуждали объ этомъ цѣлую недѣлю во всѣхъ гостиныхъ и во всѣхъ кофейняхъ.

Королева, которая со времени своего вступленія на престолъ, никогда не имѣла никакихъ сношеній съ первымъ министромъ, вдругъ приказала просить герцога Лерму къ себѣ. Герцогъ, изумленный и почти испуганный такою неожиданною милостію, не могъ понять, что это значить. Однако жъ немедленно явился. Маргарита приняла его одна, въ своемъ кабинетѣ.

— Герцогъ, сказала она спокойнымъ и кроткимъ тономъ: вы уже много лѣтъ наслаждаетесь въ Испаніи самымъ неограниченнымъ и неоспоримымъ владычествомъ.

Изумленный такимъ открытымъ нападеніемъ, министръ въ смущеніи всталъ и хотѣлъ возражать, но королева звѣкомъ велѣла ему остаться на мѣстѣ и продолжала съ прежнимъ спокойствіемъ:

— Я васъ не упрекаю въ этомъ: это воля моего супруга. Онъ царствуетъ по милости Божіей, а вы царствуете по милости короля, вмѣсто его. Можно бы было править лучше, можно править и хуже. Пусть другіе потребуютъ у васъ отчету за ваше управленіе. Я въ это не мѣшаюся. Но засѣдая въ совѣтѣ, управляя финансами и арміею, опредѣляя миръ и войну, вы полагаете, что я, разлученная съ мужемъ, удаленная отъ всякой власти и вліянія, ограниченная вашими соглядатаями даже въ моихъ личныхъ сношеніяхъ съ родными, я, такъ же какъ и всѣ, покоряюсь вашему могуществу, уступаю вашей искусной политикѣ. Вы такъ думаете, герцогъ. Разочаруйтесь и повѣрьте, что всѣмъ этимъ вы обязаны вовсе не вашей ловкости, а просто — моему равнодушію, потому что я сама нисколько не забочусь о мнимыхъ моихъ лишеніяхъ.

Герцогъ хотѣлъ что-то сказать, но Маргарита не дала ему выговорить.

— Вы считаете себя сильнымъ, потому что я позволяю вамъ пользоваться слабостію вашего государя. Вы считаете себя прощательнымъ, потому что я смотрю сквозь пальцы. Вы могущественны, потому что я не хотѣла мѣшать вамъ. Но слушайте теперь, что я вамъ скажу, герцогъ.... и вы повѣрите мнѣ, потому что вы знаете короля столько же какъ я сама.... Съ нынѣшняго же вечера, если я захочу, если я скажу одно слово, дверь этой комнаты будетъ отворена для короля, а завтра его дверь затворится для васъ.

Герцогъ затрепеталъ.

— Цѣлую недѣлю вы не увидите его, а черезъ полторы вы будете въ отставкѣ.

Герцогу поблѣднѣлъ.

— Филиппъ, который такъ любитъ васъ, который безъ васъ теперь жить не можетъ, черезъ полторы недѣли забудетъ ваше имя.

Холодный потъ выступилъ на лбу у герцога. При каждомъ словѣ Маргариты онъ въ душѣ повторялъ себѣ: «Правда! правда! Она хорошо знаетъ Филиппа!»

— Ваше величество позволите мнѣ теперь отвѣчать? спросилъ онъ, стараясь скрыть свое смятеніе.

У Лермы не было недостатку въ ловкости и догадливости. Онъ тотчасъ же понялъ свое положеніе и рѣшился самъ предложить все, что отъ него могли потребовать.

— Все, что вашему величеству угодно было сказать, все это правда. Но обвиняя меня, вы сами же и оправдываете обвиненнаго. Если характеръ короля таковъ, какъ вы изобразили, то не долгъ ли, не обязанность ли вѣрнаго подданнаго, нести за него бремя правленія и разравнивать передъ нимъ дорогу? Я согласенъ съ вами, ваше величество, что помощникомъ государя въ дѣлѣ правленія могъ бы быть человѣкъ болѣе свѣдущій, болѣе искусный и болѣе твердый. Но зачѣмъ же этотъ свѣтлый и возвышенный умъ до-сихъ-поръ уклонялся отъ взоровъ монарха? Зачѣмъ онъ не выступилъ раньше и не возвѣстилъ себя намъ, вѣрнымъ подданнымъ испанскаго престола? Мы были бы счастливы тѣмъ, что могли бы содѣйствовать ему въ прославленіи и возвеличеніи Испаніи.

— Я понимаю, куда вы мѣтите, возразила Маргарита: я понимаю. Вы предлагаете мнѣ раздѣлить власть. Вы соглашаетесь уступить половину, чтобы не лишиться всего. Но и это плохой расчетъ. Если я прийму, значить, я честолюбива. Если же я честолюбива, такъ я скоро захочу забрать всю власть одна. Но успокойтесь, прибавила она съ улыбкой: мнѣ ничего не нужно.

Герцогъ вздохнулъ свободнѣе. Королева продолжала:

— Мнѣ не нужно власти. Напротивъ, она обременила бы меня. Я слабая женщина и не хочу принять на себя такой тяжелой отвѣтственности. Сохрани меня Богъ. Я оставляю вамъ всю власть, герцогъ, и желаю, чтобы она никогда не сдѣлалась для васъ бѣдственною. Но, уклоняясь отъ всякаго владычества и уступая вамъ всѣ права короны, я предоставляю себѣ одно право: всегда дѣлать добро и, иногда, препятствовать злу... по-крайней-мѣрѣ въ такихъ случаяхъ, когда увижу къ тому возможность.

— Ваше величество имѣете поручить мнѣ какого-нибудь несчастнаго? спросилъ Лерма съ самымъ любезнымъ выраженіемъ, къ какому былъ способенъ: извольте приказать.

— Да, герцогъ, отвѣчала королева съ важною: и такъ какъ мы уже заговорили съ вами о политикѣ, въ первый и, вѣроятно, въ послѣдній разъ, то я однажды навсегда выскажу вамъ мое мнѣніе объ одномъ государственномъ дѣлѣ, — объ единственномъ, въ какое я намѣрена вмѣшиваться. Я говорю о Маврахъ.

— А! вскричалъ герцогъ, снова смущенный тономъ и взглядомъ Маргариты: ваше величество, какъ видно, извольте принять большое участіе въ Маврахъ.

— Да, и вы сами тому причиною. Черезъ нѣсколько дней послѣ моего бракосочетанія, проѣзжая черезъ Валенсію, я пользовалась гостепримствомъ Мавра Деласкара д'Альберика и когда я потомъ, по обѣщанію, хотѣла оказать ему такое же гостепримство въ Эскуриалѣ или въ Аранхуэсѣ, вы этому воспротивились.

— Но.... помилуйте, ваше величество.... такая великая и такая явная милость была бы несообразна съ идеями.... и съ планами, которые уже приняты въ королевскомъ совѣтѣ.

— Объ этихъ идеяхъ и планахъ мы сейчасъ поговоримъ. Но не мнѣ вѣрно и то, что вы съ королевскимъ совѣтомъ не дали испанской королевѣ исполнить свое обѣщаніе, сдержать королевское слово. Я осталась въ долгу у Мавра Деласкара д'Альберика и у его соплеменниковъ. Вотъ, отчего я намѣрена оказывать имъ покровительство всякій разъ, когда найду къ тому случай.

— Мнѣ кажется, что ваше величество уже довольно сдѣлали. Вы, въ бытность свою въ Валенсіи, пожаловали Мавру Деласкару дворянскій титулъ.

— Дворянскій титулъ? Чтò значить дворянскій титулъ? Это пустое слово, которое я, просто, уронила. Не этого заслуживаютъ Мавры, которые ежедневно обогащаютъ и украшаютъ Испанію.

— Вашему величеству угодно называть титулъ пустымъ словомъ, однако жъ изъ поступковъ д'Альберика и его сына видно, что они не такъ думаютъ. Напротивъ, этотъ титулъ далъ имъ смѣлость обнаружить свои древнія притязанія на родство съ бывшими царями Гренады. Они въ новомъ своемъ гербѣ помѣстили гранатовый цвѣтокъ на лазоревомъ полѣ.

— Гранатовый цвѣтокъ! вскричала королева, слегка покраснѣвъ: впрочемъ, продолжала она оправившись: чтò жъ это доказываетъ? Деласкаръ въ самомъ дѣлѣ происходитъ отъ гренад-

слихъ царей, однако жъ онъ тѣмъ не менѣе вѣрный подданный испанскаго престола.

Сказавъ это, Маргарита невольно взглянула на простой бирюзовый камень въ перстнѣ, который всегда носила. И этотъ видъ какъ-будто придалъ ей новыя силы. Она съ твердостью продолжала:

— Но, кажется, что мое покровительство вовсе не приноситъ мнѣ счастья. Королевѣ испанской довольно было принять въ нихъ участіе для того, чтобы подвергнуть ихъ новымъ гоненіямъ.

— Какъ!... чтò вы хотите сказать, ваше величество?

— Я хочу сказать, что давно уже въ тишинѣ и тайнѣ обдумывается мѣра, которая будетъ разореніемъ Испаніи и стыдомъ нашего царствованія.... или, лучше сказать, вашего, герцога Лерма. Но выслушайте, чтò я вамъ скажу. Мавры останутся въ Испаніи. Вы не изгоните ихъ, пока я жива.

Герцогъ не могъ скрыть своего волненія.

— Это слово очень смѣлое, продолжала Маргарита: я знаю. Оно можетъ даже сократить и дни мои: я это тоже знаю....

— О, Боже мой! вскричалъ министръ поблѣдивъ: неужели ваше величество считаете меня способнымъ къ такой мысли, къ такому преступленію?

— Нѣтъ, нѣтъ!... Вѣдь это не преступленіемъ и называется, возразила Маргарита насмѣшливо: эти вещи называются политикой. Но это относится не къ вамъ, герцогъ. Я васъ не подозреваю. Однако жъ у васъ есть друзья, которые такъ усердно служатъ небу, что считаютъ для себя все позволительнымъ на землѣ. Всѣ-равно, я не боюсь ихъ. Я даю вамъ полную власть пересказать инквизиціи все, чтò теперь говорю.

— Но разсудите, ваше величество.... вы сами увидите....

— Что это имъ будетъ немножко непріятно? что это принудитъ ихъ отложить на-время свои замыслы? Тѣмъ лучше.

— Ваше величество, удостойте выслушать.... прошу васъ.... ради васъ самихъ....

— Ради меня? Такъ вы уже полагаете, что мнѣ угрожаетъ желѣзо, ядъ, костеръ?... Не за тѣмъ ли костры уже сложены для вторника? Торжество уже начинается? Но я объявляю вамъ, герцогъ, я, королева, говорю вамъ, что эти костры не будутъ зажжены.

— Это невозможно, ваше величество! Ауто-да-ѳэ торжественно объявлено. Народъ будетъ роптать.

— Пусть вашъ братъ, великій инквизиторъ, успокоитъ народъ.

Это его дѣло. Тотъ кто умѣетъ возбудить такой ропоть, тотъ долженъ умѣть и успокоить его. Римскій дворъ не скупъ на юбилей и индульгенцій. Слава Богу, можно купить сколько угодно и усмирить всякій ропоть. Впрочемъ, это не мое дѣло; а ваше и вашего брата, великаго инквизитора. Я все сказала. И вы, конечно, не забыли начала нашего разговора?

— Клянусь вамъ, ваше величество! если бы это зависѣло только отъ меня....

— Какъ! данной вамъ королевской власти недостаточно? Вы всесильный министръ и позволете управлять собою такимъ образомъ? Вы до такой степени исправляете должность короля?... О! это ужъ слишкомъ!

Въ голосѣ Маргариты было столько насмѣшки, столько презрѣнiя, что герцогъ Лерма не зналъ, куда дѣвать глаза.

— Если вы не смѣете воспротивиться вашему брату, Сандовалю, продолжала королева: то я, конечно, ужъ сама принуждена буду выполнить мою волю. Нынче же, вечеромъ, я мирюсь съ Филиппомъ и завтра прошу вашей отставки. О вашемъ братцѣ мы тоже подумаемъ.

Маргарита говорила такъ твердо и рѣшительно, ея угрозу такъ легко было исполнить, что всякая другая на ея мѣстѣ во все не стала бы говорить, а прямо приступила бы къ дѣйствию.

Герцогъ, мало привычный къ встрѣчамъ съ твердою волею, отращился всѣхъ, кто осмѣливался имѣть ее. Плавая всегда безопасно въ открытомъ морѣ, онъ испугался первой скалы, лишь только завидѣлъ ее. Онъ трепеталъ за крушенiе ладьи своего счастья и съ униженнымъ поклономъ общалъ все, чего требовала Маргарита, а она, съ своей стороны, въ награду общала не вмѣшиваться болѣе ни въ какiя государственныя дѣла.

Въ тотъ же день приказано было освободить цирюльника Гюгарелью и его племянницу Хуаниту.

Великiй инквизиторъ Ройасъ-Сандоваль, упрямѣйшiй безумецъ въ мирѣ, разумѣется, не хотѣлъ согласиться, не хотѣлъ уступить своихъ правъ и правъ инквизицiи; но Лерма, вѣроятно, нашелъ довольно краснорѣчивыхъ доводовъ, чтобы убѣдить его. Аутода-фѣ сперва отложили, а потомъ, за другими дѣлами, какъ-будто забыли.

Вечеромъ того достопримѣчательнаго дня, когда министръ имѣлъ свиданiе съ королевой, Пикильо сидѣлъ въ своей комнатѣ передъ каминномъ и думалъ крѣпкую думу; къ нему вошелъ одинъ

изъ слугъ донъ-Фернандо и доложилъ, что какая-то дама желаетъ видѣть сеньора Аллыагу.

Пиккильо хотя жилъ почти хозяиномъ въ домѣ знатнаго барона, однако жъ не гордился этимъ, не заставилъ посѣтительницу ждать. Сеньора Касильда, съ сіяющимъ лицомъ, поспѣшно вошла и шепнула :

— Вы можете ихъ принять?... Они тамъ, внизу..... на улицѣ.

— Кто, они?

— Тамъ, подѣ окнами!

— Но кто же тамъ?

— Наши друзья.... тѣ, которые вторично обязаны вамъ спасеніемъ жизни. Гонгарельо съ племянницей!

Пиккильо вскрикнулъ отъ изумленія и радости.

— Зовите! зовите!... Пусть войдутъ скорѣе!

Сеньора Касильда отворила окно и махнула рукой; черезъ минуту Гонгарельо и Хуанита лежали у ногъ Пиккильо.

— Молчите! молчите, ради Бога! говорилъ Пиккильо, унимая восторженную благодарность цирюльника : это вовсе не я васъ спасъ.... Я только передалъ записку, которую получилъ, самъ не знаю, отъ кого.... Не рассказывайте объ этомъ, или.... вы опять будете въ темницѣ инквизиціи.

— Я нѣмъ!... Я нѣмъ, какъ рыба! отвѣчалъ Гонгарельо : ни слова не скажу, право, ни кому ни слова не скажу!...

— И вы тоже, сеньора Касильда, ради вашей безопасности, молчите.

— Не бойтесь, ничего не скажу.

— Вы напрасно уже сказали нѣтъ, прибавилъ Пиккильо, указывая на избавленныхъ.

— Ахъ! помилуйте!... Да нѣтъ-то какъ же не знать, кому они обязаны своимъ спасеніемъ?... Но, не безпокойтесь, они никому не скажутъ.... А ужъ я то, право, никому словечка не скажу. Ужъ я и то натрусилась, когда подавала королевѣ перчатки съ запиской!... Я улучила минуту, когда бывшія при ней двѣ дамы, графиня д'Альтамира и еще другая, отвернулись.... подаю перчатки и смотрю съ умоляющимъ видомъ на королеву, а сама вотъ такъ и дрожу всѣмъ тѣломъ. Королева посмотрѣла на меня, взяла перчатки, ошупала записку и тотчасъ смяла ее въ рукѣ.... Ну, слава Богу! у меня отлегло. Съ радости я чуть-чуть не бросилась въ ноги.

— А я-то какъ обрадовался, можете себѣ представить, когда

миѣ объявили свободу! вскричалъ цирюльникъ: мы съ племянницей вчера совсѣмъ уже Богу душу поручили.... Жить-то, правда, мы давно уже не жили: какая жизнь въ инквизиціонной темницѣ, можете себѣ представить!... Ужась! просто адъ.... хуже чортъ знаетъ чего!... хуже...

Касильда и Хуанита со страхомъ подняли руки. Цирюльникъ оробѣлъ, осмотрѣлся кругомъ и громко прибавилъ :

— Правда.... все это только такъ кажется, когда сидишь тамъ... Надобно признаться, что содержаніе тамъ лучше чѣмъ во многихъ другихъ темницахъ....

— Перестаньте, перестаньте говорить объ этомъ, сказалъ Пикильо : скажите лучше, что вы теперь намѣрены дѣлать ?

— Я ? робко и тихо отвѣчалъ Гонгарельо : миѣ не приказано только жить въ Мадридѣ. Я намѣренъ поселиться въ Бенаресѣ. Это недалеко отсюда.... Впрочемъ, бороды есть вездѣ и бритва моя гулять не устаетъ.... Кстати, продолжалъ онъ весело улыбувшись : когда вы, сеньоръ, спасли меня отъ бандитовъ, я не могъ вамъ даже бороды обрить, чтобы доказать вамъ мою благодарность, а теперь, право, можно бы опредѣлиться къ вамъ въ бородобрѣи!... Какой вы стали бравый мужчина!... Совсѣмъ перемѣнились!

— Нѣтъ, возразила Хуанита: сердце осталось всё то же.

— Да это-то само собою разумѣется ! Я только про ростъ и про паружность говорю!

— И ваша племянница тоже похорошѣла, замѣтилъ Пикильо.

— Нѣтъ, сеньоръ, возразилъ Гонгарельо со вздохомъ: въ тѣни розы не цвѣтутъ. Но.... баста! все забывается, и Хуанита опять авось похорошѣетъ. Вотъ, увидимъ, когда она черезъ полгодика прїѣдетъ ко миѣ въ гости....

— Развѣ она не съ вами остается ?

— Нѣтъ.... Неужели вы не знаете ?

— Ничего не знаю.

— Какъ ! А я думалъ, что мы и этимъ счастьемъ обязаны вамъ !

— Какимъ же счастьемъ ?

— Да какъ же ! Хуанита опредѣлена ко двору!... Горничною при королевѣ!

Пикильо изумился.

— Да, сеньоръ, продолжалъ Гонгарельо: мы получили королев-

сий приказъ. Да!... дайте намъ только немножко попериться.... Племянница моя будетъ жить при королевѣ, тогда что мнѣ сдѣлаютъ!... Но что съ вами, сеньоръ Алдыага? вы такъ задумчивы и безмолвны!...

— А вы, братецъ Гонгарельо, слишкомъ много болгаете, возразила сеньора Касильда : уберите-ка по-скорѣе изъ Мадрита: лучше будетъ.

Гонгарельо схватилъ себя за усы и торжественно поклонился, что больше ни слова не скажетъ.

На-утро Пикильо засталъ Анху одну и отдалъ отчетъ въ исполненіи порученія. Анха съ признательностью возвела глаза къ небу и сказала :

— Да благословитъ Богъ королеву и да пошлетъ ей счастье!

Пикильо долго не рѣшался, но, наконецъ, не выдержавъ и спросилъ :

— Вы знаете королеву лично?

— Нѣтъ, Пикильо.

— Вы видѣли ее когда-нибудь?

— Никогда.

— Но по-крайней-мѣрѣ она васъ знаетъ?

— Нѣтъ, она никогда не видѣла меня. Я не могу явиться ко двору, потому что я не знатная, Пикильо. Я проста, бѣдная дѣвушка.

Пикильо затрепеталъ отъ радости.

Анха подала ему руку и сказала съ обворожительной улыбкой :

— Если я не открываю вамъ моей участи, вѣрный и лучший другъ мой, то это потому, что тайна принадлежитъ не мнѣ одной... Но современемъ, можетъ-быть, вы узнаете.

— Я не хочу! [вскричалъ Пикильо въ восторгѣ: я ничего не хочу!.... Я хочу только служить вамъ!]

— А я уже слишкомъ большой опасности подвергала васъ въ этомъ дѣлѣ. Благодаря Богу и добротѣ королевы, все кончилось благополучно. Но могло бы случиться иначе, особенно, если бы открылось, кто вы. Говорятъ, гоненіе на Мавровъ будетъ скоро еще жесточе чѣмъ прежде.

— Боже мой! Но съ какою цѣлью дѣлаются эти притѣсненія?

— Затѣмъ, чтобы обратить Мавровъ въ католическую вѣру. И къ этому инквизиція всякое средство считаетъ позволитель-

нынѣ. Казнить, жгутъ и терзаютъ всѣхъ, кто не хочетъ креститься.

— Какой ужасъ!

— А вы, Пикильо? спросила Анха боязливо: вы крещены?

— Нѣтъ, кажется.

— Вы согласитесь креститься?

— Если сердце и умъ будутъ убѣждены, почему же нѣтъ, но.... если стануть принуждать — никогда!

— Хорошо, Пикильо.

— Лучше пусть терзаютъ, пусть жгутъ! Не соглашусь.

Анха устремила на молодого человѣка взглядъ, въ которомъ отражалось гордое восхищеніе, и пожавъ ему руку повторила:

— Хорошо, Пикильо.

Пикильо не могъ хорошенько дать себѣ отчету въ своемъ счастьи, но онъ былъ счастливъ и веселъ.

Пришла Карменъ. Ей рассказали объ избавленіи цирюльника и его племянницы, какъ о вещи непонятной и необъяснимой. Карменъ была сердечно рада и вовсе не любопытствовала знать причины. Она желала только познакомиться съ Хуанитой и нашла случай попросить объ этомъ графиню д'Альтагирю, которая не безъ труда, однако жъ, исполнила просьбу.

Карменъ и Анха приняли дочь цирюльника съ такимъ радушіемъ, что знакомство свелось безъ труда. Когда же Хуанита узнала, что самъ Пикильо не имѣлъ другаго покровительства кромѣ двухъ сестеръ, признательность и преданность ея къ нимъ не находила вредѣловъ. Сердце говорило ей, что имъ она обязана и своимъ послѣднимъ избавленіемъ. Но объ этомъ она принуждена была молчать и молчала.

Пикильо, по вечерамъ, провожая Хуаниту обратно во дворецъ, припоминалъ съ нею прошедшее, первую встрѣчу подъ окнами гостиницы Золотаго Солнца, ужинъ, которымъ она угостила его въ погребѣ, и при первомъ же случаѣ спросилъ о Педральни.

— Не знаю! отвѣчала дѣвушка и покраснѣла.

— А ты всё-еще помнишь объ немъ?

— Какъ же не помнить? Чтò жъ мнѣ было больше дѣлать въ темницѣ? Но онъ.... онъ, вѣрно, думаетъ, что я умерла и, можетъ-быть, уже давно забытъ.... А онъ любилъ меня.... Вѣдь онъ затѣмъ только и опредѣлился мальчикомъ въ трактиръ у Хинесъ-Переса, чтобъ быть со мною. Сколько онъ, бывало, переносилъ и труда и даже побоевъ, а не хотѣлъ покинуть хозяй-

на, чтобы не разставаться со мной. Надобно было видѣть, въ какое онъ пришелъ отчаяніе, когда дядушка, изгнанный преслѣдованіями изъ Пампелуны, взялъ меня и отправился въ дорогу! Какъ тогда бѣдный Педральви жалѣлъ, что не научился прежде никакому ремеслу и не имѣлъ ничего своего! Онъ не могъ идти съ нами. Но тогда же поклялся мнѣ, что будетъ учиться и работать, чтобы наверстать потерянное время. Онъ хотѣлъ составить себѣ состояніе, нажать что-нибудь и тогда отыскать насъ и жениться на мнѣ.... Можетъ-быть, онъ и отыскивалъ, пока мы сидѣли въ темницѣ....

И Хуанита заплакала. Пикильо стояло большого труда успокоить ее, потому что не находилъ никакихъ достаточныхъ доказательствъ. Онъ обѣщалъ ей однако жъ, по возвращеніи донъ-Фернанда д'Альбайды, употребить всѣ старанія, чтобы отыскать Педральви, и Хуанита утѣшилась новою надеждою.

Такимъ образомъ у Пикильо оказалось три друга, три дѣвушки, которыя всѣ почти одинаково были привязаны къ нему, такъ, что жизнь его протекала мирно и пріятно въ кругу нѣжной дружбы. Онъ былъ счастливъ и безпокоился только о томъ, что долго не получалъ никакихъ извѣстій отъ матери.

Но однажды утромъ ему принесли письмо съ почты. Въ конвертѣ было два письма и одна безграмотная, открытая записка, въ которой сеньора Уррака съ прискорбіемъ извѣщала своего внука, что Хиральды уже нѣтъ на свѣтѣ.

Хиральда была уже очень больна и слаба, когда получила письмо отъ сына. Вѣсть объ униженіи, которое онъ претерпѣлъ у герцога Уседы, нанесла ей послѣдній, смертельный ударъ.

У бѣдной Хиральды было нѣжное и доброе сердце. Безъ матери, которая старалась подавить въ ней всякое чувство женской скромности и чистой нравственности, она была бы честною дѣвушкой и хорошею женою. Если бы въ ней поощрили и развили благородныя наклонности, она была бы женщиной достойною всякаго уваженія. Мы почти всегда перенимаемъ отъ другихъ наши добродѣтели и наши пороки, и тѣ люди, которые всѣмъ обязаны самимъ себѣ, какъ въ хорошемъ такъ и въ дурномъ, почти всегда становятся исключеніями изъ общаго порядка.

Хиральда на смертномъ одрѣ еще разъ умоляла сына о прощеніи, благодарила, благословляла его и просила непремѣнно испытать еще послѣднее средство къ отысканію отца, отнести приложенное, второе, письмо по адресу. Одна только мысль,

что Пикильо всё-таки будетъ признанъ и принятъ, услаждала послѣднія минуты несчастной.

Пикильо, несмотря на отвращеніе, какое получалъ при первомъ поискѣ, поклялся исполнить волю матерн.

Письмо ко второму отцу было адресовано: «Деласкару д'Альбернку, сельскому хозяину и фабриканту, въ Валенсію».

Но подумавъ хорошенько и представивъ себѣ всё подробности пріему у герцога Уседа, Пикильо содрогнулся. Онъ въ отчаяніи тысячу разъ повторялъ себѣ, что сельскій хозяинъ и фабрикантъ, конечно, не лучше знатнаго барина приметъ сына, который черезъ двадцать лѣтъ упадетъ къ нему въ домъ, Богъ знаетъ, какъ и откуда.

Потомъ ему больно и тяжело было разстаться со своими друзьями.... Но слово дано.... дано матери, которой уже нѣтъ, которая уже не можетъ возвратитъ его, а Пикильо никогда не измѣнялъ своему слову. Но прежде всего Пикильо позаботился о томъ, чтобы обезпечитъ состояніе сеньоры Урраки, которую хотъ не по душѣ, однако жъ долженъ былъ признатъ своею бабкой. Благодаря щедрости вицероя и Анхи, онъ имѣлъ возможность пристроитъ осиротѣвшую старуху и доставитъ ей безбѣдное состояніе. Потомъ онъ приступилъ къ выполненію наказа матерн.

Мало было надежды, но много сожалѣнія и тоски въ стѣсненномъ сердцѣ молодаго человѣка, когда онъ покидалъ Мадридъ. Онъ думалъ не о томъ, что ожидало его, но о томъ, что оставалъ, что терялъ, хотя и на-время. На этотъ разъ ни одна честолюбивая мысль, ни одна надежда на возможное богатство и силу не сокращали ему скуки въ дорогѣ. И самая дорога, по которой онъ ѣхалъ, какъ-нельзя болѣе согласовалась съ состояніемъ его духа. Нѣтъ ничего печальнѣе окрестностей Мадрида и большей части Новой-Кастиліи. Страна казалась необитаемою, такъ мало Пикильо видѣлъ дѣятельности и движенія въ лѣсныхъ и безпечныхъ жителяхъ.

Но на третій день, при вѣздѣ въ Валенсію, ему показалось, что волшебникъ какой-нибудь магическимъ жезломъ вдругъ разбудилъ цѣлый народъ и повсюду закипѣла жизнь, работа, промышленность и торговля. Вступивъ въ безиредѣльный садъ, цвѣтушій и благоухающій всевозможными плодами, отъ апельсина и малины до манса и пшеницы; на тучныя поля, покрытыя многочисленными стадами; въ села, въ которыхъ дымилась и стучали заводы, Пикильо забылъ свой страхъ и сомнѣніе и тоску. Пикильо былъ въ восхищеніи сколько отъ роскошной, никогда до-

тогда невиданной природы, столько же и отъ новой для ^{въ ит} картины дѣятельности и всеобщаго довольства. ^{пре}

Солнце сіяло великолѣпно и знойно. Пикильо остановил ^{коро} ^{ка} ^г ^{пре} ^{отдох} ^{мог} ^{проче} первой попавшейся гостинницѣ, чтобы утолить голодь и ^{пре} ^{отдох} ^{мог} ^{проче} нуть. Гостинница Золотаго-Фазана, такъ же какъ и все въ этомъ краѣ, не походила на обыкновенныя испанскія гостинницы и постоялыя дворы. Въ ней было все чисто, опрятно и даже роскошно. Изъ кухни распространялся обольстительный для голодныхъ запахъ разныхъ жаркихъ. Въ просторной и свѣтлой комнатѣ за разными столами сидѣли порядочные люди, болѣею частію путешествующіе промышленники и купцы. Только одинъ гость произвелъ на Пикильо неприятое впечатлѣніе. Это былъ человѣкъ въ черной одеждѣ альгюасила. Онъ расплачивался съ хозяиномъ и уходилъ въ то самое время когда нашъ путешественникъ вошелъ. Лица Пикильо хорошенько не видѣлъ, но по росту, по сложенію и по ухваткамъ этотъ человѣкъ казался ему знакомцемъ и по жиламъ его пробѣжалъ невольный трепеть, въ которомъ онъ не могъ дать себѣ отчету. Ему казалось, что онъ прошелъ мимо смертельнаго врага; ему казалось, что онъ узнаеть проклятаго капитана Хуана-Батисту Бальсейро.

Но какъ предположить, чтобы Бальсейро сдѣлался альгюасиломъ, перешелъ на сторону естественныхъ своихъ непріятелей? Ничто не могло казаться невѣроятіе этого. Но, какъ бы то ни было, незнакомъ-цъ, конечно, не могъ узнать Пикильо, который довольно значительно перемѣнился со времени своего пребыванія въ гостинницѣ Доброй-Помощи.

Однако жъ тревожимый неотвязною мыслью, Пикильо спросилъ трактирщика, который по званію своему обязанъ былъ знать все на свѣтѣ, но и сеньоръ Мануэло отвѣчалъ, что видѣлъ этого альгюасила въ первый и, вѣроятно, въ послѣдній разъ. Зналъ же объ немъ изъ собственныхъ его словъ только то, что онъ по казенной надобности ѣдетъ въ городъ Валенсію, гдѣ сядетъ на корабль и отправится куда-то далѣе.

Пикильо вздохнулъ свободнѣе, однако пожалѣлъ, что въ такомъ прекрасномъ краѣ, какъ королевство Валенсія, есть альгюасилы. Видъ такого, который притомъ похожъ на Бальсейро, совсѣмъ испортилъ ему пейзажъ.

Но мало-по-малу спокойствіе и веселость воротились. Пикильо принялся за поданный обѣдъ. Въ это самое время подъ открытымъ окномъ, у котораго онъ сидѣлъ, остановилась цѣлая семья странствующихъ бѣдняковъ, — мать, отецъ и семоро дѣтей, изъ

которыхъ старшему было лѣтъ пятнадцать, — всѣ въ рубищахъ, худые, блѣдные, изнуренные. Они ничего не просили. Они, по-видимому, только остановились отдохнуть и изрѣдка поглядывали на объдающихъ въ трактирѣ. Они, конечно, были голодны.

Пикильо подносилъ ко рту крыло жареной куропатки, когда примѣтилъ ихъ. Это былъ первый кусокъ, который онъ готовился съѣсть, но онъ положилъ его назадъ на тарелку.... Онъ живо представилъ себѣ ту минуту, когда нѣсколько лѣтъ назадъ, самъ сидѣлъ въ такомъ положеніи подъ окномъ чужаго дома и страдалъ отъ голоду. Встрѣча съ альгуасиломъ, похожимъ на Бальсейро, еще болѣе оживила это воспоминаніе.

— Сеньоръ Мануэло! вскричалъ онъ: изготовьте-ка по-скорѣй семейную миску похлебки, да добрую порцію олла-потриды для этихъ добрыхъ людей. Они ничего не просятъ, но, я надѣюсь, примутъ обѣдъ отъ дружеской руки? прибавилъ онъ, выглядывая за окно.

Мать семейства взглянула на него съ признательностью и ступила шагъ впередъ. Отецъ стоялъ неподвижно, и, по-видимому, не рѣшался. Пикильо угадалъ, что происходило въ сердцѣ странника. Это былъ несчастный, котораго недавняя нужда еще не пріучила подавлять гордость. Пикильо протянулъ къ нему руку и прибавилъ :

— Вы можете принять предложеніе друга, который прежде и самъ былъ въ вашемъ состояніи, однако жъ отъ этого не крадѣть.

При этихъ словахъ, сказанныхъ благородно и непринужденно, всѣ объдавшіе въ гостинницѣ обратили глаза на молодаго путешественника и отовсюду послышался говоръ одобренія. Бѣднякъ, сердечно, обѣими руками пожалъ поданную руку, потомъ по приглашенію трактирщика вошелъ съ семьей въ комнату и усѣлся за указанный столъ. Кромѣ заказанныхъ блюдъ Пикильо приказалъ подать своихъ гостямъ вина, блага хлѣба и плодовъ и тогда уже принялся за свой обѣдъ.

Сиди-Сагалъ, по происхожденію былъ Мавръ и жилъ прежде въ Новой-Кастиліи, близъ Куэнсы, гдѣ за дорогую плату нанималъ довольно неплодную землю у нѣкоего маркиза де-Побара. Своими трудами и усердіемъ Сиди-Сагалъ удобрилъ неблагоприятную почву, удвоилъ цѣнность имѣнія и начиналъ уже наслаждаться плодами своего терпѣнія, сталъ разживаться, какъ-вдругъ вслѣдствіе новыхъ мѣръ, принятыхъ инквизиціею и архіеписко-

помъ Рибейрой, былъ схваченъ и со всѣмъ семействомъ заключенъ въ темницу, за то, что оказался некрещенымъ.

Несчастный Мавръ былъ въ отчаяніи за своихъ дѣтей и жену, однако жъ не хотѣлъ покориться притѣснителямъ, не хотѣлъ принять католической вѣры. Его цѣлый годъ продержали въ темницѣ и тогда уже просьбы жены и дѣтей, томившихся въ душной темницѣ, склонили его на то, на что не могли склонить пытки и угрозы фанатическихъ монаховъ. Сиди-Сагалъ со всею семьей окрестился.

Епископъ города Куэнсы надѣлалъ много шуму по поводу этого обращенія. Великій инквизиторъ Сандоваль торжественно поздравлялъ его съ этимъ подвигомъ, а валенсійскій архіепископъ Рибейра тайно досадовалъ и завидовалъ, потому что всѣ духовные сановники тогда соперничали, кто кого больше заблудшихъ обратить на путь истинный.

Новообращеннаго христіанина Сиди-Сагала освободили; но состояніе его погнбло. Когда онъ послѣ годовой неволи воротился на свою ферму, все было въ запустѣніи, а владѣлецъ, маркизь де-Побаръ, требовалъ платы за прошедшій годъ и хотѣлъ непременно набавить цѣну за наемъ на будущій, потому что имѣніе стало дороже: можно было вдвое выгодыѣ отдать ее другому арендатору. Несчастный Сиди-Сагалъ не могъ уплатить долгу. Маркизь захватилъ у него скотину, орудія и всю утварь, обобралъ и разорилъ въ-конецъ. Зажиточный Мавръ сдѣлался нищимъ и принужденъ былъ покинуть Куэнсу, чтобы искать пропитанія гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ.

Когда Сиди-Сагалъ оканчивалъ этотъ рассказъ, никого изъ постороннихъ путешественниковъ уже не было въ трактирѣ: всѣ одинъ за другимъ кончили свой обѣдъ, разсчитались съ хозяиномъ и отправились въ путь. Пикильо тоже собрался.

— Что вы теперь намѣрены дѣлать? спросилъ онъ Мавра.

— Да ищу работы. Въ Валенсіи много нашихъ. Есть и богатые. Они охотно даютъ работу своимъ соплеменникамъ и не выскиваютъ за то, что крещеные: они знаютъ, что неволей приходится мѣнять вѣру отцовъ на чужую....

Въ эту минуту къ крыльцу подѣхало нѣсколько телѣжекъ. Новые гости вошли въ трактиръ съ шумомъ, соразмѣрнымъ важности, которую они себѣ придавали. Шумъ былъ странный.

— Эй! хозяинъ! хорошій обѣдъ! хорошаго вина!... да самаго лучшаго, смотри!

— Слушаю-съ, извольте-съ! почтительно отвѣчалъ трактирщикъ.

— Кто эти господа? шопотомъ спросилъ Пикильо.

— Этотъ толстый господинъ... это королевскій сборщикъ податей, донъ-Лопесъ д'Оривела, а это его подчиненные.

Пикильо поклонился донъ-Лопесу д'Оривелю.

У толстаго господина, вѣроятно, руки были такъ коротки, что не могъ достать шляпы: онъ не отвѣчалъ на поклонъ и даже не взглянулъ на Пикильо.

— Это чтò за народъ? спросилъ онъ съ презрѣніемъ, указывая тростью на Сиди-Сагала и его семью.

— Это Мавры или, лучше сказать, новые христіане, отвѣчалъ трактирщикъ: они изъ Новой-Кастиліи идутъ въ Валенсію.

— А заплатили они за право переселенія?

— Это чтò значить? спросилъ Пикильо.

Донъ-Лопесъ д'Оривела не обратилъ вниманія на вопросъ и продолжалъ, обращаясь къ Маврамъ:

— Развѣ вы не знаете, что Мавры, не включая и новообращенныхъ, не могутъ переселяться изъ одной провинціи въ другую, не заплативши положенную подать правительству?

— Какое варварство! какое притѣсненіе! вскричалъ Пикильо, которому трактирщикъ напрасно дѣлалъ знаки, чтобы молчалъ.

— А?... Это чтò? Кто здѣсь говорить? вскричалъ толстый господинъ. Подать, какъ извѣстно, составляетъ три червонца съ души. Васъ девять человекъ. Итого двадцать семь червонцевъ. Подавайте сюда. Я королевскій сборщикъ податей.

И онъ протянулъ руку.

— Но развѣ вы не видите, сеньоръ, что у этихъ несчастныхъ нѣтъ и мараведиса? сказалъ Пикильо.

— А мнѣ какое дѣло! возразилъ сборщикъ: если не могутъ заплатить подати, такъ пусть-себѣ возвращаются, откуда пришли.

— Но если они обратятся къ вашему великодушію?

— Я отвѣчу только одно слово: я не плательщикъ, а сборщикъ податей. Я и то довольно дорого заплатилъ за свое мѣсто. Вотъ мой секретарь, Мурвiedo, скажетъ, въ какихъ я самъ тѣсныхъ обстоятельствахъ. Герцогъ Лерма всё требуетъ, чтобы мы впередъ вносили деньги.

— Да, замѣтилъ секретарь, а ваша милость въ долгу за прошлый годъ....

— Молчать!... Кто тебя объ этомъ спрашиваетъ? Кому какое дѣло до моего долгу?... У меня, слава Богу, есть кредитъ.

— Вы не шадите бѣдныхъ людей, сказалъ Пиккильо: смотрите, можетъ случиться, что и ваши кредиторы не пощадятъ васъ!

— Это что значить? Кто это говоритъ? вскричалъ сборщикъ податей съ гнѣвомъ: кто смѣетъ мнѣ грозить? Развѣ я нуждаюсь въ комъ-нибудь?... Я ни въ комъ не нуждаюсь....

— Кто знаетъ! подхватилъ громкій и звучный голосъ изъ противоположнаго угла комнаты.

Всѣ обратились въ ту сторону и увидѣли статнаго молодого человѣка, лѣтъ двадцати-осьми, который нѣсколько времени тому назадъ вошелъ и никѣмъ не примѣченный стоялъ, прислонясь къ стѣнѣ.

Голосъ новаго гостя произвелъ удивительное впечатлѣніе на донъ-Лопеса д'Оривелу. Онъ забылъ объ обѣдѣ, который ужъ подавали на столъ, и, что еще удивительнѣе, руки его вдругъ выросли: онъ снялъ шляпу и поклонился такъ низко, какъ-нельзя было ожидать отъ его тучности.

— Сеньоръ Исидъ! вскричалъ онъ.

— Онъ самъ, сеньоръ донъ-Лопесъ д'Оривела. Накройтесь и не студите вашего обѣда изъ-за меня. Вы, кажется, требуете по три червонца съ этихъ людей, съ каждаго ребенка.... Это много!

— Конечно.... Я не примѣтилъ, что.... это дѣти.

— Ну, всё-равно. Никто больше насъ не уважаетъ правъ короля и казны. Должно отдавать кесарево кесарю.

И онъ бросилъ двадцать семь червонцевъ на столъ.

— Какъ! вы, сеньоръ Исидъ!... вы хотите заплатить за нихъ!... Ну, стоить ли заботиться о такихъ пустякахъ.... Притомъ вашего слова было бы довольно.... Мы могли бы это покончить завтра. Я вѣдь и безъ того отправляюсь къ вамъ.

— Не трудитесь напрасно. Ни мой отецъ, ни я уже не будемъ имѣть дѣла съ вами.

— Какъ!... А кредитъ, который... а деньги, которыя вы хотѣли мнѣ одолжить?...

— Этотъ молодой кавалеръ сказалъ правду, возразилъ Исидъ, указывая на Пиккильо: за что же другіе будутъ шадить васъ, когда вы никого не шадите? Мы попросимъ васъ на этой же недѣлѣ уплатить намъ весь долгъ. Мы уже довольно долго терпѣли.

— Помилуйте!... гдѣ жъ мнѣ взять?... Вѣдь я такимъ образомъ потеряю мѣсто!

— Такъ что жъ! его заступитъ другой, который, можетъ-быть, будетъ обращаться съ бѣдными людьми по-справедливѣе.

Иесидъ обратился къ Сиди-Сагалу и заговорилъ съ нимъ по-арабски. Сборщикъ податей между-тѣмъ попеременно краснѣлъ и блѣднѣлъ, хотѣлъ и не рѣшался упросить непреклоннаго Иесида. Онъ готовъ былъ броситься ему въ ноги и бросился бы, если бъ не было постороннихъ.

Пикильо съ своей стороны напрасно старался собрать свои воспоминанія. Лицо Иесида и въ-особенности голосъ, приводили его въ невыразимое волненіе. Онъ не въ первый разъ видѣлъ эту благородную и поразительную фзіономію; не въ первый разъ слышалъ звучный голосъ, проникающій въ сокровенныя глубины сердца. Ему хотѣлось броситься къ нему и спросить: «Кто ты? Отчего мое сердце такъ бьется, когда я смотрю на тебя?» Но Иесидъ, сказавъ Сиди-Сагалу нѣсколько ласковыхъ словъ и въ пожатіи руки оставивъ ему кошелекъ, поспѣшно вышелъ, сѣлъ на коня и ускакалъ прежде нежели тронутый бѣднякъ успѣлъ поблагодарить. Тутъ только, увидѣвъ молодаго Мавра, скачущаго на лошади, Пикильо вспомнилъ, когда и гдѣ видѣлъ его.

— Это онъ! это мой благодѣтель! вскричалъ Пикильо и обратившись къ вошедшему трактирщику спросилъ: вы знаете этого господина? Кто онъ?

— Безъ-сомнѣнія знаю! Какъ же не знать!...

— Говорите же! говорите! Какъ его зовутъ?

— Спросите у всѣхъ бѣдныхъ, у всѣхъ несчастныхъ: всякій вамъ скажетъ....

— Да, точно! вскричалъ Сиди-Сагалъ со слезами на глазахъ: это благородный, великодушный Иесидъ д'Альберикъ.

— Д'Альберикъ! вскричалъ Пикильо.

— Да. Онъ сказалъ намъ: прійдите всѣ, и отецъ мой прійметъ васъ. Вы найдете у него и работы и хлѣба и друзей.

— Онъ сказалъ это? вскричалъ Пикильо, вспомнивъ эти же немногія слова, которыми его утѣшилъ молодой незнакомецъ въ лѣсу между Сиерра-Окой и Сиерра-Монкайо: онъ сказалъ это?

— Да, и онъ еще больше сдѣлалъ: онъ далъ мнѣ средство удобно кончить путешествіе.... Посмотрите, какой кошелекъ онъ мнѣ далъ! Теперь, жена моя, дѣти.... теперь намъ уже нечего

Боятся нищеты и гора: Исидъ д'Альберикъ нашъ покровитель.

— Исидъ д'Альберикъ, говорите вы? спросилъ Пикильо.

— Да. Это сынъ Аламира Деласкара д'Альберика.

— Деласкаръ! вскричалъ Пикильо.

— Чтò съ вами, сеньоръ? съ удивленіемъ спросилъ Сиди-Сагалъ, примѣтивъ, что молодой путешественникъ поблѣднѣлъ и зашатался.

— Ничего, ничего, друзья мои.... Прощайте. Я надѣюсь, что мы скоро увидимся.

И Пикильо пустился въ дорогу въ сильномъ волненіи и со множествомъ новыхъ думъ.

Такъ этотъ благородный и великодушный молодой человѣкъ, который первый пробудилъ въ немъ чувство чести и добродѣтели; который помирилъ его съ судьбою и самимъ собой; который ободрилъ его надеждой, что и онъ можетъ сдѣлаться честнымъ человѣкомъ; тотъ, котораго онъ полюбилъ въ первую минуту встрѣчи.... Исидъ д'Альберикъ — его братъ!... Эта мысль наполнила душу Пикильо восторгомъ.

Послѣ всего, чтò зналъ уже объ Исидѣ, Пикильо могъ надѣяться, что и Деласкаръ приметъ его не такъ какъ герцогъ Уседа. Однако жъ по мѣрѣ приближенія къ Вальпарайсо, гдѣ находилось имѣніе Деласкара, сердцемъ Пикильо начинала овладѣвать робость, тысячи различныхъ возраженій сомнѣнія встревожили его, дотога что онъ, будучи уже у самой цѣли своего путешествія, готовъ былъ воротиться.

Чтобы собраться съ духомъ, Пикильо остановился неподалеку отъ владѣній Деласкара въ гостинницѣ. Она называлась Цвѣточною-Корзинкой и въ самомъ дѣлѣ совершенно соответствовала своей вывѣскѣ, чтò, конечно, случается рѣдко. Она стояла между двумя холмами въ чудесномъ саду, который далеко по окрестности разливалъ благоуханія цвѣтовъ и привлекалъ путешественниковъ подъ прохладную тѣнь роскошныхъ деревъ. Пикильо сѣлъ въ открытомъ окнѣ небольшого прелестнаго домика, восхищался окрестными видами и, погружаясь въ мечты, тихо шепталъ имя Анхи.

Вдругъ вниманіе его привлекъ новый и совершенно противоположный предметъ. Въ нѣсколькихъ шагахъ передъ окномъ, на дорогѣ, остановился человѣкъ въ черной одеждѣ альгуасила, тотъ самый, котораго онъ уже видѣлъ въ гостинницѣ Золотаго-Фазана.

Бальсейро это или нѣтъ? Въ этомъ нужно убѣдиться. Пикильо съ своей стороны устремилъ на незнакомца такой твердый и рѣшительный взглядъ, что тотъ, несмотря на свою дерзость, очевидно смутился.

Встрѣтивъ этого человѣка въ первый разъ, Пикильо не могъ побѣдить невольнаго трепету, съ которымъ пробудились страшныя воспоминанія дѣтства. Но потомъ онъ краснѣлъ за эту робость и разсудилъ, что не ему, а капитану слѣдуетъ страшиться новой встрѣчи, и тотчасъ вышелъ, чтобы удостовѣриться, кто этотъ мнимый альгуасилъ.

Но альгуасила уже не было. Одного взгляду было достаточно, чтобы заставить его скрыться. Пикильо воротился въ гостиницу и принялся за поданный завтракъ, какъ-вдругъ, черезъ нѣсколько минутъ, позади его громкій, рѣзкій голосъ явственно произнесъ:

— Пикильо!

Пикильо вскочилъ и увидѣлъ, какъ мнимый альгуасилъ отошелъ отъ отвореннаго окна, сказавъ:

— Такъ и есть! это онъ!...

Теперь уже не оставалось ни какого сомнѣнiя, что альгуасилъ былъ капитанъ Бальсейро.

Пикильо подбѣжалъ къ окну и видѣлъ еще, какъ бандитъ поспѣшно уходилъ черезъ небольшую поляну и исчезъ за лимонною рощей.

Въ первую минуту Пикильо думалъ-было пуститься за нимъ въ погоню, поднять тревогу, чтобы схватить бандита, но потомъ разсудилъ, что это бесполезно и ему самому можетъ служить дурною рекомендацiей на первый случай у родни, которую отъискивалъ. Лучше было молчать. Въ комнатѣ, гдѣ онъ обѣдалъ, въ то время никого не было, слѣдовательно, люди въ трактирѣ не могли знать объ этой встрѣчѣ и Пикильо ничего не сказалъ. Расплатился и продолжалъ свой путь.

Пикильо не былъ ни малодушенъ, ни суевѣренъ, однако жъ не могъ отбиться отъ мысли, что эта встрѣча съ капитаномъ Бальсейро, съ гонителемъ и злымъ демономъ его дѣтства, предвѣщаетъ бѣду и предпрiятiе его кончится несчастливо.

Занятый этими мыслями, онъ ничего не видѣлъ дорогою, по которой шелъ пѣшкомъ отъ гостиницы Цвѣточной-Корзинки, и когда подошелъ къ фериѣ или, лучше сказать, дворцу Деласкара д'Альберика, сталъ протирать глаза, какъ человѣкъ, который только-что проснулся.

Ему показалось, что онъ перенесетъ туда ударомъ волшебнаго жезла. Видъ великолѣпнаго дому дотого очаровалъ его, что онъ въ нѣмомъ удивленіи цѣлый часъ простоялъ передъ нимъ, не спускающая глазъ, потомъ отошелъ далѣе, побродилъ по окрестностямъ и воротился уже при наступленіи вечера. Въ этомъ у него было намѣреніе: онъ хотѣлъ, чтобы по-крайней-мѣрѣ никто не видалъ его стыда, если его выгонять изъ дому, который казался ему настоящимъ раемъ.

Наконецъ, послѣ долгой нерѣшимости, онъ съ трепетомъ пошелъ и дрожащею рукой поднялъ полированное желѣзное кольцо.

Черезъ минуту подошелъ статный, живой и ловкій молодой человѣкъ, съ загорѣлымъ, но цвѣтущимъ лицомъ и черными блестящими глазами.

— Кто тутъ?

— Путешественникъ, ищетъ пристанища.

— Милости просимъ! Въ этомъ Деласкаръ д'Альберикъ никому не отказываетъ.

И рѣшетчатая калитка отворилась.

— Можно видѣть его? робко спросилъ Пикильо.

— Теперь онъ на молитвѣ; но когда кончится, тогда можно будетъ. Впрочемъ, если вы ищете только ночлега, такъ и видѣться не нужно. Войдите. Ужинъ и постель у насъ всегда есть.

— Какъ!... и не спросивши, кому даете?

— Объ этомъ скажете завтра, уходя, если хотите, а сегодня вы гость Деласкара д'Альберика.

Говоря такимъ образомъ, молодой Мавръ проводилъ Пикильо въ небольшую, изящно и даже роскошно убранную комнату и указалъ диванъ, на которомъ путешественникъ могъ дать отдыхъ утомленнымъ членамъ. На мраморномъ столѣ стояла хрустальная посуда съ освѣжительнымъ питьемъ. Мавръ налилъ кубокъ и поднесъ гостю.

— Это чаша гостепримства, сказалъ онъ: когда прикоснешься къ ней губами, ты сдѣлаешься для насъ священнымъ.

Пикильо взялъ кубокъ, всмотрѣлся въ Мавра и рука его задрожала.

— Чтò съ тобой? вскричалъ Мавръ: развѣ ты недобрый человѣкъ? развѣ ты измѣнникъ? Такъ пей скорѣе, пей! Тогда тебѣ нечего будетъ опасаться. Мы первые защитимъ тебя.

Но Пикильо поставилъ кубокъ на столъ и, опершись одною рукою, другую протянулъ къ Мавру и съ невыразимымъ волнениемъ, со слезами на глазахъ вскричалъ :

— Братъ! братъ! если я ошибаюсь, не отвѣчай мнѣ.

— Отчего?

— Оттого что, если я ошибся.... мнѣ будетъ больно!

Онъ схватилъ Мавра за руку, еще разъ пристально посмотрѣлъ ему въ лицо и вскричалъ :

— Педральви!

— Я Педральви. Кто тебѣ сказалъ мое имя?

— Сердце сказало! мое сердце, которое не измѣнилось такъ какъ лицо. Педральви! развѣ ты забылъ друга, для котораго перелѣзь черезъ заборъ гостинницы Золотаго-Солнца?

— Пикильо! вскричалъ молодой Мавръ въ свою очередь и бросился въ объятія друга.

Оба усьлись на диванѣ и рассказы посыпались градомъ, такъ, что не скоро взаимные рассказы пришли въ нѣкоторый порядокъ. Пикильо рассказалъ всю свою исторію, не забывъ, и Хуаниты.... Впрочемъ, Педральви самъ первый вспомнилъ и спросилъ объ ней. Собственная же его исторія была не долга: послѣ-того какъ разстался съ товарищемъ, сѣдя верхомъ на заборѣ гостинницы Золотаго-Солнца, онъ вступилъ въ службу къ Хипесь-Пересу, чтобъ не разставаться съ Хуанитой. Черезъ два года потомъ, когда Гонгарельо увезъ свою племянницу, онъ рѣшился проложить себѣ какую-нибудь дорогу къ безбѣдному состоянію, хотѣлъ опредѣлиться въ полкъ или въ матросы, но это оказалось неисполнимымъ, потому что Мавровъ въ военную службу не принимали. Педральви опредѣлился юнгой на купеческій корабль и, къ счастью своему, попалъ на корабль, принадлежащій Деласкару д'Альберрику. Иесидъ скоро отличилъ бойкаго мальчика, за расторопность и усердіе взялъ его на свое попеченіе, образовалъ, полюбилъ и почтилъ даже своимъ довѣріемъ. Педральви съ своей стороны такъ привязался къ д'Альберрикамъ, что не задумавшись бросился бы для нихъ въ огонь и воду.

Окончивъ молитву, Деласкаръ сѣлъ за ужинъ съ сыномъ и съ мастерами и управителями своихъ фабрикъ, какъ патріархъ съ членами своего семейства. Сидѣть за его столомъ почиталось во всемъ Вальпарайсо великою честью; быть исключеннымъ послѣ приему равнялось строжайшему наказанію. У Деласкара сохранялись еще всѣ обычаи, которые заслуживали названіе благородныхъ и почтенныхъ, и поддерживались они единственно уваже-

нiемъ, которое питали къ Деласкару всѣ окружающiе, потому что онъ для всѣхъ домашнихъ и подчиненныхъ былъ истиннымъ отцомъ, какъ для всѣхъ соплеменниковъ оставался почти единственнымъ покровителемъ.

— Хозяинъ! сказалъ Педральви, подводя къ нему Пикильо: вотъ путешественникъ, который просить у тебя ночлега и который кромѣ-того имѣетъ дѣло до тебя.

— Добро пожаловать! ласково отвѣчалъ Деласкаръ: милости просимъ прежде всего хлѣба откушать.

— Ахъ! да это не чужой! вскричалъ Исидъ: это знакомецъ. Третьяго дня, въ гостиницѣ у Мануэло, онъ вступился за бѣднаго Сиди-Сагала, о которомъ я говорилъ тебѣ, батюшка.

— А! онъ вступился за одного изъ нашихъ братьевъ!

— За своего!... за своего брата! вскричалъ Пикильо съ гордостью: я тоже Мавръ.

— Такъ зачѣмъ же ты еще просишь гостепрiимства, когда ты у себя дома! Садись сюда, братъ мой!... вотъ, сюда, между мною и сыномъ моимъ.

Пикильо сѣлъ и ужинъ начался. Вкусныя яства были приготовлены дружескою бесѣдой, въ которой Пикильо, не погрѣшая противъ скромности, выказалъ столько ума и обширныхъ познаний, что чрезвычайно занялъ старика Деласкара и Исиды, и до крайности изумилъ Педральви, который гордился своимъ другомъ и, слушая его умныя рѣчи, часто забывалъ по своей должности услужить ему.

Кончивъ ужинъ, Деласкаръ, Исидъ и Пикильо перешли въ другую комнату.

— Ну, теперь, другъ, скажи, какое у тебя дѣло до меня? спросилъ Деласкаръ.

Исидъ, изъ скромности, хотѣлъ выйти, но Пикильо съ жаромъ просилъ его остаться.

— Чтò мы можемъ сдѣлать для тебя? ласково сказалъ старикъ: говори, братъ.

Пикильо хотѣлъ чтò-то сказать, но не могъ, отъ волненiя.

— Кто ты и какъ тебя зовутъ? продолжалъ Деласкаръ: теперь мы уже можемъ спросить объ этомъ нашего гостя.

— Меня зовутъ Аллыага, тихо отвѣчалъ Пикильо.

— Али-Ага! вскричалъ старикъ: я зналъ одного Али-Агу.... Храбрый былъ воинъ и честный человекъ.... Онъ погибъ, бѣдный, въ горахъ Альпухарраса.

— Да, это онъ самый!... Я отъ его крови. Digitized by Google

— А! такъ ты его родственникъ? сказалъ Деласкаръ, взявъ Письмо за руку: стало-быть ты зналъ и дочь его?

— Зналъ.

— Бѣдная дѣвушка! вскричалъ Деласкаръ печально: помнишь, Иесидъ, я рассказывалъ тебѣ объ ней.... Да, я тогда былъ свободенъ и она любила меня.... По-крайней-мѣрѣ я такъ думалъ.... Но тщеславіе, безумное славолюбіе и въ-особенности родная мать погубили ее. Я долженъ былъ покинуть ее, потому что она измѣнила мнѣ. И съ-тѣхъ-поръ я уже не зналъ, что съ нею стало. Ты знаешь, гдѣ она? спросилъ онъ, обращаясь къ Письмо.

— Знаю....

— Гдѣ же, гдѣ она? Что она дѣлаетъ? Не нуждается ли она въ чемъ?

— Нѣтъ.... она ни въ чемъ не нуждается.

— Однако жъ она жива?... Гдѣ она?

— Нѣтъ, ея ужъ нѣтъ на свѣтѣ.

— О!... Бѣдная Хиральда!

Старикъ нѣсколько времени хранилъ молчаніе и, казалось, погружался въ воспоминанія. Двѣ слезы прокатились по его морщинистымъ щекамъ и упали на сѣдую бороду.

— Такъ ты не для нея пришелъ? спросилъ онъ потомъ.

— Напротивъ.... для нея... изъ повиновенія къ ней. Я исполняю ея приказаніе.... Мнѣ самому.... мнѣ ничего не нужно.... Я ничего не прошу, ничего не хочу. Она только поручила мнѣ отдать это письмо.

— Письмо!... отъ Хиральды? Давай, давай!

Старикъ поспѣшно распечаталъ письмо и сталъ читать. Письмо онустилъ голову и не смѣлъ взглянуть на него.

Прочитавъ письмо съ волненіемъ, котораго не старался даже скрыть, Деласкаръ подалъ бумагу Иесиду и сказалъ:

— Прочитай, сынъ мой. У меня нѣтъ тайны отъ тебя.

Иесидъ въ свою очередь сталъ читать, а Деласкаръ подошелъ къ Письмо, который всё-еще стоялъ, опустивъ голову и съ трепетомъ ожидалъ приговору.

— Будь ты не больше какъ сынъ Али-Аги, сказалъ Деласкаръ, положивъ руку на плечо молодому человѣку: и тогда....

Но благородный Иесидъ не далъ ему кончить, бросился къ Письмо на шею и вскричалъ:

— Братъ мой! братъ мой! Я признаю тебя за брата!... И вы, батюшка, конечно, не запретите мнѣ?

— Нѣтъ, конечно, нѣтъ. Я принялъ бы и усыновилъ бы сына Али-Аги; какъ же мнѣ отвергнуть того, котораго ты называешь братомъ!

Пикильо упалъ къ ногамъ Деласкара и Иесиды; цѣловалъ, и обливалъ слезами ихъ руки.

— Здравствуй, сынъ мой! сказалъ Деласкаръ: если случай и обманываетъ насъ, такъ по-крайней-мѣрѣ сердце твое не обманеть. Люби Иесиду какъ твоего брата, потому что онъ благороднѣйшій и добрѣйшій изъ людей.

— Я знаю! я знаю! вскричалъ Пикильо.

— Поклонись мнѣ уважать его, какъ старшаго, какъ главу семейства, защищать его и умереть за него, если нужно.

— Клянусь! клянусь!

— Это твой долгъ, сынъ мой.

— И я исполню этотъ долгъ, клянусь передъ Богомъ и передъ вами! Клянусь честью! клянусь священнымъ именемъ, которыми вы позволяете мнѣ называть васъ и... котораго я всё-еще не осмѣливаюсь произнести...

— И котораго я жду, съ улыбкой прибавилъ старикъ.

— Отецъ мой! вскричалъ Пикильо.

Деласкаръ принялъ его въ объятія.

И съ той минуты Пикильо сталъ своимъ въ домъ д'Альбериковъ, не такъ какъ принятый и усыновленный пришлецъ, а какъ сынъ и братъ, который воротился съ дороги.

— Ну, братъ, расскажи же, что съ тобой было во время нашей разлуки, сказалъ Иесидъ.

Пикильо понялъ всю нѣжность Иесидова сердца и, съ благороднымъ чувствомъ пожавъ ему руку, началъ рассказывать свою исторію во всей подробности, съ-тѣхъ-поръ какъ помнилъ себя; рассказалъ и то, какимъ образомъ не могъ воспользоваться великодушною помощію, которую ему оказалъ Иесидъ при первой встрѣчѣ въ Сьерра-Монкайо.

— А! теперь и я понимаю! вскричалъ Иесидъ: вы помните, батюшка, какъ тотъ морякъ принесъ мнѣ мою записную книжку и рассказалъ сказку о мальчикѣ, похищенномъ будто-бы нашими африканскими братьями?

— Да! и мы еще дали ему тысячу червонцевъ на выкупъ и на воспитаніе этого мальчика!

— О!... Такъ вотъ какъ васъ ограбили изъ-за меня! вскричалъ Пикильо.

— Ничего. Пикильо, возразилъ Иесидъ : ты видишь, это было въ-лучшему.

Пикильо продолжалъ рассказъ о томъ, какимъ образомъ спасъ донъ-Хуана д'Агилара, какъ былъ принятъ и образованъ при помощи нѣжныхъ и добрыхъ сестеръ, Карменъ и Анхи, какъ снискалъ покровительство донъ-Фернанда д'Альбайды и какъ нашелъ свою мать.

Впродолженіи этого рассказа Иесидъ нѣсколько разъ порывался что-то сказать, но Деласкаръ всегда останавливалъ его взглядомъ.

Было уже поздно, когда рассказъ кончился. Деласкаръ кликнулъ слугъ и Педральви, всегда прежде всѣхъ готовый исполнить приказаніе своихъ господъ, въ ту же минуту явился.

— Позаботься, чтобы сеньоръ Алльяга нашелъ здѣсь въ домѣ всё удобства, сказалъ ему Деласкаръ : это твой новый господинъ. Но, куда, ты одинъ только долженъ знать эту тайну : онъ мой сынъ.

Педральви остолебѣлъ и полагалъ, что худо разслышалъ.

— Да, это мой братъ, подтвердилъ Иесидъ.

Тогда Педральви вѣ себя отъ радости запрыгалъ.

— Настоящее не заставитъ меня забыть прошедшаго, сказалъ Пикильо, подавая руку бывшему товарищу.

Педральви проводилъ его въ назначенную комнату. Иесидъ тоже хотѣлъ идти, но Деласкаръ остановилъ его.

— Безразсудный! сказалъ старикъ съ улыбкой.

— Что же я сдѣлалъ, батюшка?

— Ты, по обыкновенію, хотѣлъ послушаться только одного сердца. По всему, конечно, видно, что Алльяга благородный и честный молодой человекъ, который заслуживаетъ все, что мы для него дѣлаемъ, но мы еще не знаемъ ни его благоразумія, ни его осторожности; а ты въ увлеченіи откровенности уже хотѣлъ было....

— Все сказать ему! Правда. Я хотѣлъ ему довѣрить все, какъ брату.... наши предположенія, наши тайны, наши надежды и средства....

— Погоди, сынъ мой, погоди еще. Дай намъ узнать его хорошенько. Я вѣрю въ его честность, но въ такія лѣта можетъ ли человекъ хранить важную тайну? Ктому же эта тайна принадлежитъ не намъ однимъ.

— Правда, батюшка. Простите, я въ самомъ дѣлѣ былъ безразсуденъ.

Иесидъ пожелалъ отцу покойнаго сна и ушелъ.

Пикильо, конечно, еще болѣе королевы испанской долженъ былъ подивиться роскоши убранства въ домѣ Деласкара д'Альберика. Онъ едва осмѣливался ступить на шелковистый коверъ, на которомъ мастерски сотканные цвѣты, казалось, только что расцвѣтали и благоухали. Пикильо смотрѣлъ на нихъ и молчалъ.

— О чемъ ты думаешь.... господинъ мой? спросилъ Педральви, быстро переходя отъ свободнаго дружескаго къ почтительному тону.

— Я думаю о томъ времени, когда мы оба сидѣли на мостовой въ Пампелунѣ и глодали выѣденныя корки, отвѣчалъ Пикильо и, взявъ Педральви за руку, усадилъ подлѣ себя на диванѣ.

И долго еще друзья бесѣдовали о прошедшемъ и о будущемъ, которое теперь раскрывалось передъ ними такъ свѣтло и радостно.

Когда же Пикильо уснулъ, сновидѣнія ему явились еще очаровательнѣе и сладостнѣе чѣмъ въ лѣсу послѣ первой встрѣчи съ Иесидомъ, и проснувшись онъ увидѣлъ не страшное лицо капитана Бальсейро, а почтенныя черты Деласкара д'Альберика, который сказалъ ему :

— Здравствуй, сынъ мой!

Отъ этого слова сердце Пикильо затрепетало до самой сокровенной глубины и въ глазахъ засвѣтилось счастье и признательность, а Деласкаръ съ умысломъ повторялъ его чаще, чтобы вознаградить сироту за прежнее лишеніе.

— Сынъ мой, сказалъ Деласкаръ, я всю ночь думалъ о твоей будущности. Ты пришелъ къ намъ въ пору испытанія и несчастья. Намъ угрожаютъ гоненія и если сильная рука, которая еще поддерживаетъ насъ, вдругъ уклонится, я не знаю, что будетъ съ нами.

— Такъ, значитъ, я пришелъ въ-время! вскричалъ Алмиага: ваша участь будетъ моею.

— Хорошо. Можетъ-быть наступитъ день, когда и ты въ-стояніи будешь помочь намъ.

— Ты будешь защищать насъ, прибавилъ Иесидъ.

— Я по-крайней-мѣрѣ могу умереть съ вами, отвѣчалъ Пикильо.

— Хорошо, сынъ мой, хорошо. Но теперь, покуда, для собственной твоей пользы, будемъ хранить тайну твоего рожденія отъ всѣхъ кромѣ нашего вѣрнаго слуги, Педральви, и надежнаго

друга, Фернанда д'Альбайда. Каковъ бы ни былъ путь, куда тебѣ призываютъ твои дарованія и образованіе, твое происхожденіе всегда будетъ приносить тебѣ больше вреда, нежели пользы при министерствѣ герцога Лермы.

— Чтѣ за бѣда! Пусть!

— Та бѣда, мой сынъ, возразилъ старикъ съ важностью: что не должно кидаться въ бесполезную опасность. Можетъ случиться много и такихъ, которыя трудно будетъ избѣжать. Пусть Фернандъ доставитъ тебѣ мѣсто, на которомъ ты можешь быть полезенъ и себѣ и намъ.... Это послѣднее обстоятельство, можетъ-быть, заставитъ тебя послушаться меня.... Если достигнешь какого-нибудь вліянія, ты можешь со временемъ употребить его въ пользу нашихъ братьевъ. Въ столицѣ, при министерствѣ или при дворѣ, ты можешь быть намъ полезнѣе чѣмъ здѣсь, при нашихъ земледѣльческихъ или фабричныхъ работахъ. Трудолюбивыхъ и искусныхъ рукъ у насъ довольно, мало только знающихъ головъ изъ нашихъ въ высшихъ классахъ общества, мало людей, которые бы могли защищать насъ словомъ и перомъ. Поѣзжай, сынъ мой. Будь честолюбивъ, если не для себя, такъ для насъ. Помышляй только о своемъ повышеніи, а о состояніи не безпокойся. Мы каждый годъ....

— Нѣтъ, нѣтъ! перебилъ Исидъ: зачѣмъ назначать ежегодное содержаніе? Пусть онъ беретъ всегда, сколько ему нужно, такъ же какъ я! Вѣдь онъ мой братъ.

— Правда. Берн у меня или у Исиды столько денегъ, сколько тебѣ будетъ нужно не только на твои потребности, на твое счастье, но и на прихоти, потому что нельзя же человѣку жить безъ прихотей....

— О!... это слишкомъ, слишкомъ много! вскричалъ Альбага, не находя выраженій для своей признательности.

Норъшили, чтобы черезъ три или четыре дня Альбага воротился въ Мадридъ, куда и Фернандъ къ тому времени уже долженъ былъ прибыть. Счастливый Альбага легко согласился, потому что нетерпѣливо желалъ увидѣть Анху. Въ этомъ онъ однако жъ ни кому не сознавался, потому что при всей откровенности съ отцомъ и братомъ, не довѣрилъ имъ своей нечты о любви.

Деласкаръ д'Альберничъ не могъ отпустить сына безъ слуги, и Педральни вызвался на эту службу, конечно, не безъ умыслу. Ему хотѣлось увидѣться въ Мадридѣ съ Хуанитой.

И такъ Пикильо, напутствуемый благословеніями отца и брата, съ наполненными золотомъ карманами и со слезами на глазахъ, сѣлъ на коня, Педральви на другаго и слуга и господинъ по названію, друзья по сердцу, отправились.

Можно себѣ представить, скучали ли они дорогой.

Было недалеко до вечера, когда они проѣзжали небольшой городокъ Мадрилехось и разсуждали, оставаться ли тутъ на ночлегъ или продолжать путь до Толедо. Рѣшились на послѣднее и выѣхали за городъ, не спѣша, по-тихоньку, потому что надѣялись, въ случаѣ надобности, найти пріютъ и въ сельскомъ трактирѣ.

Неподалеку отъ города друзья увидѣли толпу альгуасиловъ, которые шли по одному съ ними направленію. Педральви былъ въ духѣ разговорчивомъ и пустился разспрашивать, куда и зачѣмъ идутъ. Альгуасилы не прочь отъ бесѣды, обружили молодыхъ людей и, слово-за-слово, вдругъ схватили лошадей подъ уздцы, стащили сѣдочковъ наземъ и связали, несмотря на ихъ отчаянное сопротивленіе и крикъ.

Работавшіе въ полѣ поселяне хотѣли-было поспѣшить на помощь, но одинъ альгуасилъ прозвонилъ:

— Именемъ короля!

И всѣ отступили.

На всѣ вопросы и требованія объясненій, Пикильо и Педральви получали одинъ отвѣтъ:

— Послѣ узнаешь!

— Это, вѣрно, какое-нибудь недоразумѣніе! говорилъ себѣ и другу въ утѣшеніе Педральви: у перваго же коррехидора дѣло объяснится и глупыхъ альгуасиловъ накажутъ, за то, что не умѣютъ исполнять своего дѣла и хватаютъ тѣхъ, кого не слѣдуетъ.

Но альгуасилы держали путь не въ городъ, а, напротивъ, поворотили къ толедскимъ горамъ. Это встревожило молодыхъ людей. Между-тѣмъ становилось темно.

Педральви наклонился къ Пикильо и шепнулъ:

— Чтò ты думаешь объ этихъ людяхъ?

— Я боюсь, что это не настоящіе альгуасилы.

— Почему?

— Потому что они обокрали меня.

— И меня тоже... но это еще не причина...

— Какъ можно!... Альгуасилы!...

— Отчего же вѣтъ?... Будто они не воруютъ?...

Тутъ одинъ изъ альгуасиловъ двинулся между молодыми людьми и прервалъ разговоръ. Этотъ былъ на-глухо закутанъ въ плащъ, скрывалъ лицо подъ нахлобученною шляпою и дотого времени не говорилъ еще ни слова, но ни на минуту не спускалъ глазъ съ арестантовъ. Пикильо взглянулъ на него и содрогнулся, когда вспомнилъ встрѣчи въ Золотомъ-Фазанѣ и въ Цвѣточной-Корзинкѣ.

Таинственный альгуасилъ былъ не кто иной какъ капитанъ Хуанъ-Батиста Бальсейро.

— Пикильо! сказалъ Бальсейро голосомъ, котораго нельзя было не узнать, и глядя на своего плѣнника съ сатанинскою, насмѣшливою улыбкою: Пикильо нынче богаче чѣмъ былъ въ то время, когда мы вмѣстѣ работали. Пикильо нынче путешествуетъ бариномъ, на арабскихъ лошадяхъ.... съ полными карманами! прибавилъ онъ, потрепавъ по своимъ карманамъ, куда уже переселилось Деласкарово золото.

— Разбойникъ! чего жъ тебѣ еще? вскричалъ Пикильо съ негодованіемъ.

— Чего? Я желаю побесѣдовать съ стариннымъ товарищемъ, чтобы усладить скуку ночи въ дорогѣ; хочу узнать у тебя тайну, какъ наживать состояніе. Ты не можешь же не открыть мнѣ этого: вѣдь ты мой воспитанникъ! Видишь, ты сталъ богатымъ бариномъ, а бывшій твой благодѣтель и наставникъ дотого обвинялъ, что принужденъ идти въ альгуасилы!

— Какая подлость!

— Именно! И я то же говорю: преподаю ремесло. Наше прежнее было гораздо почетнѣе. Но что жъ дѣлать, коли честному человѣку другаго средства не остается! Впрочемъ, успокойся, другъ: я, правда, перебѣжалъ въ непріятельскіе ряды, принялъ ихъ цвѣтъ, прибавилъ бандитъ указывая на свой плащъ: однако жъ сердце и правила у меня всё тѣ же.

Пикильо не отвѣчалъ, нашелъ ли въ этомъ утѣшеніе.

— А поминишь ли, Пикильо, продолжалъ Бальсейро: теперь лѣтъ семь или осемь будетъ, но я ничего не забываю!... Поминишь ли ты Сиерра-Моннайо и тотъ дубъ, у дороги, на которомъ я тебя оставилъ?... Жарко, я думаю, было?

Пикильо не отвѣчалъ.

— Поминишь, какъ ты тогда объявилъ мнѣ войну?... войну на смерть? Я принялъ вызовъ и долгое время думалъ, что выиграю сраженіе.

— Богъ помогъ мнѣ тогда, Богъ поможетъ и теперь! сказалъ Пиккльо.

— Не думаю! насмѣшливо возразилъ Бальсейро: Богъ не станетъ вмешиваться въ наше дѣло и, я думаю, ты на этотъ разъ проиграешь. Видишь ущелье, въ которое мы идемъ? Тамъ я избавлюсь отъ бывшего моего воспитанника, который можетъ не кстати проболтаться и похвастать вещами, которыя повредили бы мнѣ въ моемъ новомъ званіи; а это званіе такое, въ которое нужно вступить съ честью, потому что, вступивши, уже не много ее наживешь.

Пиккльо посмотрѣлъ на него съ презрѣніемъ и продолжалъ хранить молчаніе.

Не такъ разсчитывалъ Бальсейро. На этотъ разъ онъ рѣшительно намѣренъ былъ убить бывшего своего воспитанника, но напередъ хотѣлъ заставить его говорить.

— Однако жъ, продолжалъ онъ: если Пиккльо захочетъ, онъ можетъ еще спасти свою жизнь.... и жизнь своего товарища.

— Дьяволъ! сказалъ Пиккльо.

Потомъ у него содрогнулось сердце: онъ вспомнилъ объ Анхѣ и ему захотѣлось жить.

— Хочешь? продолжалъ Бальсейро: для этого стоятъ только объяснить, въ какихъ Пиккльо находится связяхъ съ Деласкаромъ д'Альберикомъ, и дать мнѣ средство проникнуть въ домъ этого Мавра, гдѣ, говорятъ, лежатъ горы золота.

— Если нѣтъ другаго средства, такъ ты можешь убить меня хоть сейчасъ, всё равно.

— Отчего?

— Оттого, что я ни слова не скажу.

— Ну, воля твоя. Если ужъ мнѣ нельзя поживиться арабскимъ золотомъ, такъ по-крайней-мѣрѣ отомщу смертельному врагу. И это утѣшеніе.

Въ эту минуту изъ-за поворота дороги вдругъ показался красноватый свѣтъ многихъ факеловъ, который освѣтилъ противоположныя деревья и скалы, и въ то же время послышался людской говоръ, лошадиный топотъ и звонъ оружія.

— Помогите! помогите! закричалъ Педральви во все горло.

— Помогите! спасите! закричалъ Пиккльо.

— Проклятые! воскричалъ съ яростью Бальсейро: надобно было заткнуть имъ глотку.... Вотъ видъ, всего не предусмотрѣли!

— Да задушить и конецъ! сказалъ другой альгуасиль.

Но прежде нежели эту угрозу могли исполнить, показались двѣ кареты, окруженныя толпою вооруженныхъ людей съ факелами. Минимымъ альгуасиламъ не оставалось никакой возможности, ни бѣжать, ни миновать встрѣчи въ узкомъ ущельѣ. Педральви между тѣмъ продолжалъ кричать :

— Кто бы вы ни были, господа! избавьте насъ отъ этихъ разбойниковъ, которые называютъ себя альгуасилами.... Они ни зачѣмъ ни прочѣмъ схватили насъ и ограбили, противъ всякихъ законовъ божескихъ и человѣческихъ!

— Чтѣ это такое? Чтѣ это значить? сердито вскричалъ черный господинъ, сидѣвшій въ первой каретѣ.

Онъ разсердился, зачѣмъ его разбудили.

— Посмотрите, викарій, чтѣ тамъ такое? продолжалъ онъ, обращаясь къ другому черному челоуѣку, который сидѣлъ передъ нимъ на противоположной скамьѣ: опустите стекло, да только одно.... Ночь холодная.... У меня и безъ того насморкъ.

Викарій опустилъ стекло и высунулъ голову за дверцы.

— Его высокопреосвященство, донъ-Рибейра, патриархъ антиохійскій и архіепископъ валенсійскій, приказалъ спросить, чтѣ вы за люди и зачѣмъ вы кричите?

Педральви объяснилъ дѣло въ двухъ словахъ и просилъ только свободы и возвращенія денегъ и лошадей.

— А вы чтѣ скажете на это? спросилъ викарій, обращаясь къ минимымъ альгуасиламъ.

Бальсейро вспомнилъ, чтѣ слышалъ о фанатизмѣ Рибейры и о соровнованіи его съ другими епископами въ обращеніи Мавровъ, и тотчасъ извертелся.

— Ваше высокопреосвященство! вскричалъ онъ: эти молодцы Мавры некрещеные!

При одномъ этомъ словѣ Рибейра всрыгнулъ на оныхъ подушкахъ.

— Согласно съ объявленіемъ, и приказомъ его преосвященства донъ-Сандовалъ-Ройаса и святой инквизиціи, я схватилъ этихъ еретиковъ для препровожденія, куда слѣдуетъ.

— Хорошо! сказалъ Рибейра въ глубинѣ своей кареты.

— Отобралъ у нихъ деньги и оружіе, которыхъ они, нечестые, не имѣютъ права держать при себѣ....

— Хорошо! похвально!

— И веду ихъ теперь въ темницу святой инквизиціи....

— Цѣль! вскричалъ Рибейра: этого же нужно. Нужно сперва обратить ихъ, а потомъ можно наказывать. Это я беру на себя

— Позвольте, ваше высокопреосвященство, возразилъ Бальсейро, которому не понравилось это распоряженіе: позвольте.....

— Молчать!... Викарій, оканчивайте по-скорѣе допросъ и поѣдемъ. Холодно. Я опять простужусь.

— Такъ ты Мавръ? спросилъ викарій, обращаясь къ Педральви.

— Да.

— И ты не крещенъ?

— Напротивъ, крещенъ два раза, но только на послѣднее крещеніе имѣю свидѣтельство.

— Гдѣ же оно?

— Если развяжутъ руки, покажу.

— Развязать ему руки! приказалъ викарій.

И освобожденный Педральви предъявилъ бумагу, безъ которой никогда не выходилъ изъ дому, чтобы не креститься въ третій разъ. Бумага была засвидѣтельствована, кѣмъ слѣдуетъ, что онъ, Педральви, семь лѣтъ тому назадъ получилъ святое крещеніе въ валенсійскомъ соборѣ отъ рукъ самого архіепископа Рибейры.

— Такъ чего же меня понапрасну беспокоятъ! вскричалъ Рибейра съ досадою: отнустить его и пошли прочь съ дороги!

— А моего товарища? вскричалъ Педральви.

— Онъ тоже крещенъ? Есть у него свидѣтельство?

Альиага молчалъ.

— Есть, есть! отвѣчалъ Педральви: только у него не съ собою.... дома оставилъ.

— Ну, поклянись, что есть.

— Клянусь, есть! смѣло вскричалъ Педральви.

— А ты что жъ не клянешься? спросилъ викарій у Альиаги.

Пикильо молчалъ.

— Ты не христіанинъ? ты не крещенъ?

— Нѣтъ.

— Ну, вотъ! вскричалъ Бальсейро: вѣдь я говорилъ, что онъ еретикъ!

— Такъ взять его! вскричалъ Рибейра: взять и сегодня, который во лжи клянется.

Альгусилъ и архіепископская стража хотѣли схватить Пе-

дральви, но тотъ, примѣтивъ что Пикильо не намѣренъ под-
держать его лжи, уже увернулся и пропалъ. Онъ надѣялся,
что будетъ другу полезнѣе, когда успѣетъ сохранить свою сво-
боду.

Пикильо, связаннаго, приказано было посадить въ другую ка-
рету, гдѣ находились два или три монаха изъ прислужниковъ ар-
хіепископа.

— Видишь, что я еще не проигралъ! шепнулъ Алъяга капи-
тану Бальсейро.

— Да едва-ли и выигралъ! отвѣчалъ тотъ насмѣшливо и еще
тише: ты попалъ въ добрыя руки. Будь здоровъ!

— Я выигралъ по-крайней-мѣрѣ то, что изболнчу тебя,
разбойникъ, и доведу до висѣлицы! вскричалъ Пикильо.

— Чтò это значитъ? спросилъ викарій, снова высунувшись изъ
кареты.

— Этотъ еретикъ поноситъ честныхъ христіанъ, отвѣчалъ Баль-
сейро: и еще грозитъ оклеветать!

— Не бойся, не бойся, сынъ мой, отвѣчалъ Рибейра: слѣдуй
со своими людьми за нами. Завтра, прибудемъ въ Толедо, ты
получишь должную награду за поимку этого Мавра. Сверхъ-того
я поговорю о тебѣ толедскому коррехидору, донъ-Хосе-Кальсадо
де-Ласъ-Тальбасу.... Затворяйте стекло, викарій.

— Да, ужъ пора, ваше высокопреосвященство. Я боюсь, не
простудились ли вы.

— Не буду сожалѣть! отвѣчалъ Рибейра восторженно: Богъ
послалъ мнѣ случай обратить невѣрнаго на путь истинный или,
если не удастся, принести небу жертву искупленія.

Пикильо усадили въ другую карету между монахами и поѣздъ
двинулся. Бальсейро пошелъ слѣдомъ, но не надолго. Онъ раз-
судилъ, что уже достаточно наградилъ себя за поимку ерети-
ковъ, а съ толедскимъ коррехидоромъ вовсе не располагалъ ко-
ротко знакомиться. Ему только было досадно, что не успѣлъ
отомстить врагу смертью, но и въ этомъ утѣшился, вспоминая
упорство Пикильо, который не хотѣлъ солгать и зато отправи-
лся въ темницу инквизиціи.

Герцогъ Лерма, успокоенный со стороны королевы, которая
сдержала ему слово и не старалась сблизиться съ королемъ,

взялъ надъ своимъ повелителемъ такую власть, что ничто уже, казалось, впередъ не могло поколебать его могущества.

Однако жъ графиня д'Альтамира со своимъ тайнымъ совѣтомъ думала иначе. Отецъ Хероме, Эскобаръ и герцогъ Уседа также признали, что силу любимца могутъ уравнивоѣсить и перетянуть только оболъщеніе и могущество любимицы.

Передъ постомъ король имѣлъ нѣсколько совѣщаній съ придворнымъ проповѣдникомъ и намѣки отца Хероме произвели желанное дѣйствіе: они сначала изумили Филиппа, но нельзя сказать, чтобы не понравились ему. Онъ не сказалъ объ нихъ ни герцогу Лермѣ, ни своему духовнику Фра-Кордовѣ. Это былъ уже добрый знакъ. У короля оказалась тайна отъ тайныхъ совѣтниковъ, и тайна, которую онъ хранилъ съ удовольствіемъ. Зато ему нечего было опасаться герцога Уседы и ему онъ въ тотъ же вечеръ рассказалъ весь свой разговоръ съ проповѣдникомъ и всѣ мысли отца Хероме. Мыслей у самого Филиппа было мало, но у него были страсти, которыя стоило пробудить, чтобы повести и къ мыслямъ. Нѣсколько вечеровъ къ-ряду это составляло единственныи предметъ ихъ бесѣды и король находилъ въ немъ столько удовольствія, что заговорщики выводили для себя самыя лестныя заключенія.

Оставалось однако жъ нѣсколько сомнѣній, которыя слѣдовало устранить, но не было больше поводу поговорить съ проповѣдникомъ, не возбудивъ общаго вниманія. Однажды, вечеромъ, король инкогнито съ герцогомъ Уседой прогуливался по саду въ Ласъ-Делсиасъ и довѣрялъ новому наперснику свою тревогу, свои сомнѣнія и опасенія.

— Да вотъ, ваше величество, какой-то монахъ идетъ къ намъ на встрѣчу. Вы знаете его?

— Нѣтъ.

— Ну, и онъ, конечно, не знаетъ ни васъ ни меня. Предложимъ ему вопросъ.... подъ вымышленными именами, разуйѣтся... Пусть онъ разрѣшитъ.

— Прекрасно! Предложимъ.

Герцогъ Уседа растолковалъ монаху, въ чемъ дѣло и затрудненіе, и просилъ разрѣшенія по совѣсти.

Монахъ былъ — Эскобаръ.

Искусный казуистъ разобралъ дѣло такъ, что король былъ въ вѣдѣніи отъ строгости его правды и отъ тонкости остроумныхъ выводовъ. Всѣ сомнѣнія были устранены.

Главная статья вопроса была рѣшена. Графиня д'Альтамира торжествовала. По характеру короля, очевидно было, что онъ мигомъ воспламенится отъ первой хорошенькой женщины, которую встрѣтитъ какимъ-нибудь нечаяннымъ образомъ. Затрудненіе состояло только въ выборѣ фаворитки. Графиня д'Альтамира прежде мѣтила сама, но потомъ отказалась отъ этой мысли, за невозможностью выполнить всѣ условія. Между-тѣмъ нужно было найти молоденькую, хорошенькую женщину, и умную, но только не очень: такую, которая была бы совершенно предана и покорна волѣ графини д'Альтамира.

Графиня не могла пріискать ничего лучше своей племянницы Карменъ.

Ее не останавливала мысль, что поступить такъ, значитъ предать безчестію дочь своего брата, невинную дѣвушку, которую умирающій довѣрилъ ей на сохраненіе какъ драгоценнѣйшее свое сокровище. Будь это родная дочь, графиня д'Альтамира не задумалась бы. У нея были свои понятія о вещахъ. Ставя племянницу почти на степень королевы испанской, она рассчитывала еще на ея признательность.

Герцогъ Уседа нашель, что эта мысль удивительная. Карменъ невѣста его врага, Фернанда д'Альбайды. Это радовало его еще болѣе. Отцу Хероме и Эскобару до выбору не было ни какого дѣла. Имъ нужно было только возвышеніе своего ордена, низверженіе герцога Лермы и униженіе инквизиціи. Чтобы достигнуть этого, они соглашались на всѣ средства.

Въ такомъ заговорѣ всего важнѣе была быстрота исполненія. Нужно было нанести ударъ прежде нежели герцогъ Лерма и Сандоваль нападутъ на подозрѣніе. Но Лерма не могъ никого подозрѣвать, когда единственнымъ собесѣдникомъ короля былъ его сынъ, Уседа. Нужно было показать Карменъ королю, разумѣется, такъ, чтобы сама она того не знала. Но Карменъ еще носила трауръ по отцѣ и ко двору ѣхать не могла. Придумывали и выжидали другаго, особеннаго случая.

Между-тѣмъ пріѣхалъ донъ-Фернандъ д'Альбайда. Это обрадовало всю Испанію, потому что д'Альбайда привезъ отъ генерала Спинолы вѣсть о двѣнадцати-лѣтнемъ перемиріи съ Нидерландами, и нѣсколько встревожило графиню д'Альтамиру и ея тайный советъ, потому что прибавляло новую помѣху предпріятію.

Карменъ и Анха были на сторонѣ тѣхъ, которые радовались:

Карменъ, потому что свидится съ женихомъ; Анха потому веселилась счастьемъ сестры.

Фернандъ сдалъ бумаги и черезъ минуту явился въ гостиной графини д'Альтамира и молодые люди еще разъ оплакали смерть благороднаго д'Агилара. Но въ слезахъ Карменъ уже не было такой горечи, какъ прежде: съ нею плакалъ Фернандъ.

На другой день онъ опять пришелъ, на третій тоже, и такъ всякій день. Напрасно при дворѣ давались блестящіе праздники и балы: ничто не привлекало Фернанда столько какъ спокойная бесѣда съ двумя сестрами въ домѣ графини д'Альтамира. И это очень натурально: Карменъ его невѣста, которую онъ любитъ и которая его обожаетъ. Онъ уже не могъ жить безъ нея. Однако жъ, когда Анха была занята чѣмъ-нибудь или не выходила изъ своей комнаты по нездоровью, въ гостиной всё чего-то недоставало. Карменъ, правда, сама была менѣе разговорчива въ отсутствіи подруги и Фернандъ становился осторожнѣе и холоднѣе, но этого требовали приличія. Поэтому Карменъ всегда желала, чтобы Анха была съ ними. Фернандъ былъ того же мнѣнія. Анха возвращалась и вечеръ проводили восхитительно.

Однажды вечеромъ, Карменъ еще не выходила и Анха была одна въ гостиной, когда пришелъ Фернандъ. Она держала въ рукахъ письмо, которое успѣшила скрыть, такъ же какъ и свое волненіе.

— Ахъ, Боже мой! сеньора, что случилось? вскричалъ Фернандъ.

— Ничего. Не пугайтесь. Карменъ сейчасъ придетъ. Она здорова.

— А вы?...

— Я... Ничего.

— Нѣтъ, кажется... Извините мою нескромность... но вы получили непріятное извѣстіе.

— А! отвѣчала Анха холодно: это письмо... да. Благодарю васъ, сеньоръ Фернандъ. Но успокойтесь, это ничего. Это дѣловая записка.

Фернандъ не былъ доволенъ объясненіемъ, но не смѣлъ настаивать. Анха совершенно воротила спокойное расположеніе духа и принялась за свое рукодѣлье. Наступило минутное молчаніе.

— Какая удивительная работа! сказалъ потомъ Фернандъ, указывая на рукодѣлье.

Анха съ изумленіемъ подняла голову. Очевидно было, что

Фернандъ не видѣлъ того, на что смотрѣлъ. Удивительная работа была простая голубая лента, изъ которой Анха связывала бантъ.

— Я не нахожу, чтобы эта пустая вещица стоила удивленія, отвѣчала Анха съ улыбкой.

— Я знаю, продолжалъ Фернандъ съ волненіемъ: я знаю, что есть люди, для которыхъ она имѣетъ большую цѣну.

— Для кого же, напримѣръ?

— Да хоть бы.... хоть бы для того кавалера, которому она назначается.

— Этотъ кавалеръ — Карменъ, ваша невѣста! отвѣчала Анха, разсмѣявшись.

— Карменъ! вскричалъ Фернандъ!

— Да; надобно же заняться ея уборамн, къ тому времени, когда она оставитъ трауръ и пойдетъ съ вами къ вѣнцу.

Наступило опять молчаніе, которое оба не знали, какъ прервать. Къ счастью, пришла Карменъ. Разговоръ завязался.

Анха была мила, какъ обыкновенно. Фернандъ по-временамъ задумывался и иногда становился даже непостижимо раздражительнымъ, отвѣчалъ рѣзко и колко, особенно Анхѣ. Карменъ хохотала и старалась помирить спорщиковъ.

На другой день Фернандъ пришелъ совѣмъ въ иномъ духѣ. Онъ, очевидно, раскаялся въ своемъ поведеніи и употреблялъ всѣ усилія, чтобы загладить вину. Онъ былъ любезнѣе чѣмъ когда-нибудь, однако жъ и тутъ Карменъ подмѣтила у него отѣнокъ задумчивости и, по уходѣ его, сообщила подругѣ свои замѣчанія. Анха старалась успокоить ее.

— Вѣроятно, онъ имѣлъ какую-нибудь несприятность при дворѣ.

— Ты думаешь?

— Очень можетъ-быть. Вѣдь герцогъ Уседа ему врагъ.

— Правда.... однако жъ, герцогъ въ то же время очень хорошъ съ тѣтушкой.

— Что жъ изъ этого!... Гдѣ же разобратъ всѣ придворныя дружбы и вражды! Но успокойся, милая Карменъ. Какое тебѣ дѣло до герцога Уседы и до всего двора....

— Лишь бы Фернандъ любилъ меня, не правда ли?

— Конечно. И, я надѣюсь, ты въ этомъ ни сколько не сомнѣваешься?

— О! гдѣтъ! Онъ только и счастливъ, что здѣсь. Онъ недавно еще говорилъ мнѣ это. И во всѣхъ его поступкахъ, въ каж-

домъ взглядѣ, въ каждомъ словѣ столько привязанности, столько нѣжности....

— Тѣмъ лучше! тѣмъ лучше! вскричала Анха отъ души.

— Сегодня.... вообрази себѣ!... Я тебѣ расскажу случай, который очень тронулъ меня.

— Говори, говори!

— Оно бездѣлица.... ребячество.... но мнѣ кажется, что любовь обнаруживается именно въ этихъ мелочахъ. Сегодня, ты знаешь, мы замѣшкались. Фернадъ пошелъ отъискивать насъ и пришелъ въ мою комнату, отворилъ дверь, и вдругъ опять съ извиненіемъ затворилъ.

— Ничего, ничего! говоря я: войдите, я готова.

Тоалетъ мой въ самомъ дѣлѣ уже оканчивался. Дожидаюсь, Фернадъ ходилъ позади меня изъ угла въ уголь. Я сидѣла передъ зеркаломъ и все видѣла. Вдругъ онъ остановился передъ столикомъ, на которомъ у меня лежатъ разные уборы, взялъ одинъ бантикъ.... изъ тѣхъ, которые ты мнѣ сдѣлала.... украдкой поцѣловалъ его и спряталъ у себя на груди. Не знаю, почему мнѣ стало страшно, чтобы горничная не увидѣла этого, и сама я такъ взволновалась, что покраснѣла.... покраснѣла.... точно, какъ ты теперь!... Чтѣ съ тобой, Анха?

— Ничего.... Здѣсь такъ несносно жарко! отвѣчала Анха, взявъ себя за лобъ: надобно отворить окно.

И отворила окно.

На другой день, когда явился Фернадъ, Анха не вышла. Она была нездорова.

— Здѣсь вчера вечеромъ было такъ жарко, сказала Кармень: мы отворили окно и она, бѣдняжка, простудилась.

На третій день Анха тоже не выходила, и встревоженный Фернадъ освѣдомлялся объ ней съ такимъ живымъ участіемъ, что Кармень отъ души благодарила его и восхищалась добрымъ сердцемъ своего жениха.

На четвертый день Анха наконецъ явилась. Но она была блѣдна и такъ измѣнилась, что на себя не походила.

— Чтѣ съ тобой, сестрица? вскричала Кармень въ испугѣ.

— Большое горе.... большое безпокойство, которое ты раздѣлишь и донъ Фернадъ, конечно, то же, потому что оно касается нашего друга.

— Чтѣ такое? чтѣ такое? Говори! повторила Кармень.

— У меня сейчасъ была Хуанита, отвѣчала Анха: она черезъ

какого-то Педральви получила извѣстіе, что Пикильо Алльяга, на возвратномъ пути изъ Валенсін, задержанъ по повелѣнію Ри-Бейры и отправленъ въ темницу инквизиціи.

— Ахъ, Боже мой! вскричала Кармень съ ужасомъ.

— По какому же праву?... Въ чемъ его обвиняютъ? съ жаромъ спросилъ Фернадъ.

— Онъ, по происхожденію, Мавръ и не получилъ крещенія.

— Такъ что же? Можетъ-быть онъ еще не успѣлъ. Теперь приметъ крещеніе, по примѣру многихъ своихъ братій и освободится.

— Онъ не прийметъ! вскричала Анха съ отчаяніемъ.

— Отчего же?

— Оттого, что я знаю его!... Оттого, что онъ поклялся мнѣ не принимать крещенія насильно!

— Вамъ поклялся? спросилъ Фернадъ, поблѣднѣвъ.

— Да, онъ поклялся и.... бѣдный Пикильо не измѣняетъ своимъ клятвамъ.

— Это правда! подтвердила Кармень.

— Онъ скорѣе умретъ, чѣмъ отступится отъ даннаго слова, отъ того, что почитаетъ своимъ долгомъ, своею честью. Его истерзаютъ, замучаютъ, но онъ не сдастся.... Можетъ-быть, его ужъ и нѣтъ на свѣтѣ!... Донъ Фернадъ, помогите намъ.... У насъ одна надежда.... на васъ!

— На меня! вскричалъ Фернадъ.

Онъ пристально посмотрѣлъ на Анху, на ея волненіе, на ея трепетъ, на ея блѣдность; вспомнилъ восторгъ, съ какимъ Пикильо говорилъ объ Анхѣ, и судорожный трепетъ пробѣжалъ по всѣмъ его членамъ, кровь закипѣла въ жилахъ, между-тѣмъ какъ въ сердце вонзилось холодное жало. «Они любятъ другъ друга... она любитъ его!» подумалъ онъ, и вскрикнулъ отъ бѣшенства, такъ, что дѣвушки перепугались.

Но скоро благородный молодой человекъ побѣдилъ свои страсти. Онъ взглянулъ на Кармень, которая протягивала къ нему руку, вспомнилъ о д'Агиларѣ, и гнѣвъ его утихъ.

Онъ взялъ обѣихъ дѣвушекъ за руки и еще дрожащимъ отъ волненія голосомъ сказалъ:

— Что я могу сдѣлать, сеньора?... Говорите, располагайте мною.... Пикильо мнѣ другъ, потому что онъ вамъ другъ.

— Да? вскричала Анха.

— Клянусь! отвѣчалъ Фернадъ съ гордостью: вы увидите, что не одинъ Алльяга умѣетъ держать свои клятвы.

Аиха, вѣроятно, угадала, что происходило въ душѣ Фернанда. Блѣдныя щеки ея вдругъ оживились, въ глазахъ блеснулъ небесный лучъ. Она, подобно ангелу, который послѣ испытанія приноситъ награду, въ свою очередь взяла Фернанда за руку и сказала:

— Хорошо, хорошо, Фернандъ! Я уважаю васъ.

На другой день послѣ этого дворъ отправлялся въ Валадолидъ. Графиня д'Альтамира, по службѣ своей, принуждена была слѣдовать за дворомъ и, разумѣется, взяла съ собою Карменъ и Аиху. Фернандъ охотно также послѣдовалъ бы за ними, но онъ далъ Аихѣ слово употребить всѣ свои средства къ отысканію Пиккльо, и потому долженъ былъ остаться въ Мадридѣ.

=

III.

НАУКИ И ХУДОЖЕСТВА.

=

KOSMOS.

(МИРОЗДАНИЕ.)

=

Разсмотрѣвъ такимъ образомъ три формы образованія горныхъ породъ, извергаемыхъ, осажденныхъ и превращенныхъ намъ остается еще обозрѣть четвертый классъ, именно формацию *аггломератовъ* или обломочныхъ породъ. Самое названіе ихъ указываетъ уже на разрушенія, происходившія на земной поверхности, и на процессы цементованія (скрѣпленія), которыми болѣе или менѣе округленные части были вновь связаны между собою посредствомъ желѣзняка и глинистыхъ и известковыхъ цементовъ. Аггломераты и обломочныя породы, въ обширнѣйшемъ смыслѣ этихъ словъ, показываютъ, что происхождение ихъ совершилось двумя способами. Матеріалы, изъ которыхъ онѣ механически составлены, принесены не только морскими волнами или прѣсною водою; есть аггломераты, въ образованіи которыхъ стремленіе воды не принимало ни какого участія. Слѣдствіемъ тренія, которое необходимо должно было имѣть мѣсто въ то время, когда

базальтовые острова или трахитовыя горы, поднимались сквозь трещины земной коры, было то, что базальтъ и трахитъ окружили себя аггломератами своей же собственной породы. Зерна, изъ которыхъ состоитъ песчанникъ многихъ формаций, приведены въ этотъ мелкій видъ болѣе треніемъ поднимавшейся (вулканической и плутонической) горной породы, нежели движеніемъ сосѣдняго моря. Присутствіе такихъ аггломератовъ, образовавшихся чрезъ треніе (которыхъ огромныя массы находятся въ обонхъ полушаріяхъ), доказываетъ чрезвычайную силу, съ какою изверженныя породы были выброшены на поверхность земли, во время изверженія ихъ изъ внутренности планеты. Тогда вода овладѣла зернами, между которыми не было уже ни какой связи и распространила ихъ пластами на тѣхъ самыхъ мѣстахъ, которыя они теперь покрываютъ ⁽⁶⁶⁾. Песчанники встрѣчаются между всѣми пластами, начиная съ силлюрійскихъ переходныхъ породъ, до мѣла третичной формации. Мы находимъ ихъ на окраинахъ огромныхъ равнинъ Новаго Свѣта, между тропиковъ и внѣ ихъ; возвышаясь наподобіе стѣпъ, они означаютъ древніе берега, объ которые разбивались огромныя волны.

Разсматривая географическое распредѣленіе горныхъ породъ и ихъ размѣщеніе въ пространствѣ той части земной коры, которая доступна нашимъ наблюденіямъ, мы видимъ, что наиболѣе распространенное химическое вещество есть кремнистая кислота, по болѣе части непрозрачная и различнаго цвѣту. За твердую кремнистую кислоту слѣдуетъ углекислая известь; потомъ идутъ соединенія кремнистой кислоты съ глиноземомъ, поташемъ и содою, съ известью, магнезією и желѣзною окисью. Если тѣла, которыя мы называемъ горными породами—извѣстное сочетаніе немногихъ минераловъ, къ которымъ случайно присоединяются немногіе другіе, но всегда извѣстные, минералы, если существенный характеръ изверженной породы составляетъ соединеніе кварца (кремнистой кислоты) съ полевымъ шпатомъ и слюдою, то эти самыя минералы находимъ мы размѣщенными по одинакѣ или по-парно во многихъ другихъ пластахъ. Чтобы доказать примѣромъ, что различіе между полевымъ шпатомъ и слюдою состоитъ единственно въ количественномъ содержаніи ихъ элементарныхъ частицъ, я скажу только, что если (по Ми-черлиху) прибавить къ полемому шпату втрое больше глинозему и одной четвертью больше кремнезему, нежели сколько онъ ихъ въ себѣ содержитъ, то получится — слюда. Какъ въ полевымъ шпатѣ, такъ и въ слюдѣ содержится много поташу, вещества, кото-

рое, во многихъ горныхъ породахъ, вѣроятно существовало уже въ то время, когда на землѣ растительность еще и не началась.

Порядокъ образованія и вмѣстѣ съ тѣмъ относительная древность формаций узнается по взаимному расположенію осадковъ превращенныхъ породъ и аггломератовъ, по свойству пластовъ, до которыхъ поднимаются извергнутыя породы, по вѣрнѣе всего, по присутствію органическихъ остатковъ и по различію ихъ строенія. Открытіе способа опредѣлять древность горныхъ породъ, по ботаническимъ или зоологическимъ признакамъ, то есть, хронометрика земной коры, которую предугадывалъ уже гений Гука, составляетъ одну изъ самыхъ блестящихъ эпохъ въ новейшей геогнозис. Палеонтологическія изысканія сдѣлали науку о твердыхъ тѣлахъ земли пріятною и многостороннею.

Въ пластахъ, содержащихъ въ себѣ окаменѣлости, сохранились какъ въ моголахъ, флоры и фауны исчезнувшихъ тысячелѣтій. Мы вызываемъ прошедшее, спускаясь съ пласта на пластъ и изслѣдуя ихъ пространственныя отношенія. Давно исчезнувшія породы растений и животныхъ вновь предстаютъ глазамъ нашимъ. Въ переворотахъ совершившихся на землѣ, въ поднятіяхъ горныхъ хребтовъ, которыхъ относительную древность намъ можно опредѣлить, мы читаемъ исторію истребленія первобытныхъ организмовъ и появленія новыхъ. Небольшое число нѣкогда существовавшихъ организмовъ является еще между новыми. По причинѣ ограниченности нашихъ познаній о способѣ происхожденія естественныхъ тѣлъ, мы называемъ новыми созданіями то, что въ дѣйствительности — только историческое явленіе, замѣненіе однихъ организмовъ другими и перемѣна въ отношеніи обитанія организмовъ въ первобытныхъ водахъ и на поднятыхъ материкахъ. Иногда эти вымершія органическія созданія представляются совершенно сохранившимися до самыхъ тончайшихъ тканей и раздѣленныхъ на члены частей; иногда отъ животнаго, двигавшагося въ мокрой глинѣ остались только слѣды, въ копролитахъ — остатки непереваренной пищи. Въ нижнемъ слою Юры (въ мергелѣ Лимъ и Режи) такъ хорошо сохранился чернильный мѣшечекъ⁽⁶⁷⁾ сепин, что тоже вещество, которое за нѣсколько тысячъ лѣтъ могло служить животному для спасенія своего отъ враговъ, составляетъ краску, которою рисуется его фигура. Въ нѣкоторыхъ пластахъ мы часто находимъ только слабый отпечатокъ раковины; но достаточно одной этой раковины, привезенной путешественникомъ изъ отдаленной страны, чтобы пока-

зять (⁶⁸), какая формація встрѣчается въ той странѣ, съ какими другими органическими остатками она находилась вмѣстѣ. Она рассказываетъ исторію страны.

Анатомическое изслѣдованіе первобытной растительной и животной жизни имѣетъ двойное направленіе. Одно чисто морфологическое, занимающееся описаніемъ и физиологіею организмовъ; чрезъ него промежутки въ ряду нынѣ живущихъ видовъ пополняются видами уже исчезнувшими. Второе — направленіе геогностическое, которое разсматриваетъ окаменѣлости въ ихъ связи съ относительною древностію и съ расположеніемъ осадковъ. Первое направленіе долго преобладало въ наукѣ. Поверхностное, неосновательное сравненіе окаменѣлостей съ организмами, нынѣ существующими, породило множество ошибокъ, которыхъ слѣды замѣтны еще и теперь въ странныхъ названіяхъ нѣкоторыхъ предметовъ. Во всѣхъ исчезнувшихъ видахъ, хотѣли непременно видѣть виды, нынѣ живущіе, точно такъ же какъ въ шестнадцатомъ столѣтіи смѣшали животныхъ древняго и новаго свѣта. Петру Камперу, Земмерингу и Блюменбаху принадлежитъ честь объясненія посредствомъ сравнительной остеологической части палеонтологіи (археологіи органической жизни); но настоящимъ, геогностическимъ взглядомъ на науку объ окаменѣлостяхъ, счастливымъ сближеніемъ зоологическаго характера съ древностію и расположеніемъ пластовъ, мы обязаны безсмертнымъ трудамъ Жоржа Кювье и Александра Бронньяра.

Органическіе остатки, содержащіеся въ древнѣйшихъ осадочныхъ формаціяхъ переходныхъ пластовъ, представляютъ смѣсь видовъ, которые въ ряду усовершенствующагося развитія занимаютъ очень различныя мѣста. Въ верхнихъ силлюрійскихъ пластахъ, правда, изъ растений они содержатъ въ себѣ только водорасли, плауныя породы, бывшія можетъ-быть деревьями, хвощи и тропическіе папоротники; но изъ животныхъ организмовъ мы находимъ странное смѣшеніе черепокожныхъ (трилобитовъ съ сѣтчатыми глазами и калмень), брахиоподовъ (*Spirifer*, *Otrhis*) красивыхъ сферонитовъ, которые близко подходятъ къ криноидамъ (⁶⁹), ортоцератитовъ изъ разряда головоногихъ, кораллы и вмѣстѣ съ этими низшими организмами рыбъ страннаго виду. Черепопанцyrное семейство кефаласпидовъ, изъ которыхъ остатки *Pterichtys* долго считались за трилобитовъ, исключительно принадлежатъ къ девонской формаціи (*old red*); по Агассису въ ряду рыбъ эти животныя занимаютъ такое мѣсто, какое между пресмыкающимися — ихтиосауры и плезиосауры (⁷⁰). Изъ

группы аммонитовъ гониатиты начинаютъ появляться уже въ переходномъ известнякѣ и въ грауваккѣ девонскихъ пластовъ, и даже въ послѣднихъ спилурійскихъ.

Связь между физиологическою постепенностью развитія организмовъ и относительною древностью формаціи, которая доселѣ была мало изслѣдована въ отношеніи положенія безпозвоночныхъ животныхъ (72), обнаруживается чрезвычайно ясно въ самыхъ позвоночныхъ. Самыя древнія изъ позвоночныхъ животныхъ, какъ мы сейчасъ видѣли, — рыбы; за ними слѣдуютъ по порядку формаціи, начиная съ низкихъ до верхнихъ, пресмыкающіяся и млекопитающія. Первое пресмыкающееся (по Кювие, мониторъ, принадлежащій къ породѣ ящеровъ), уже обратившее на себя вниманіе Лейбница, появляется въ слояхъ мѣднаго сланца турингскаго цехштейна; одинаковой древности съ нимъ, по Мурчисону, — палосауры и бристольскій текодонтосауръ. Ящеры становятся многочисленнѣе въ раковинномъ известнякѣ (74), въ кейперѣ и въ юрской формаціи, гдѣ они достигаютъ своего maximum. Во время образованія этой формаціи, на землѣ жили: плезиосауры, которыхъ шея имѣла тридцать позвонковъ, мегалосауръ, чудовищное животное, похожее на крокодила, имѣвшее до сорока-пяти футовъ длины, снабженное бедренными костями, какъ самое тяжелое млекопитающее, живущее на сушѣ. Осемь породъ ихтисауровъ, геосауръ или *Laserta gigantea* Земмеринга; наконецъ, семь отвратительно-чудовищныхъ птеродактиловъ (75) или ящеровъ съ летательною перепонкою. Въ мѣлу число крокодило-образныхъ ящеровъ уже уменьшается; однако жъ отличительный характеръ этой эпохи составляетъ такъ-называемый мастрихтскій крокодилъ (мозосауръ) и огромное, можетъ быть травоядное, животное игуандонъ. Кювие видѣлъ, что животныя, принадлежащія къ породѣ нынѣшнихъ крокодиловъ, доходятъ до третичной формаціи. Даже допотопный человѣкъ Шейхера (*homo deluvii testis*), огромная саламандра, близко подходящая къ аксолотлю, (*Siredon pisciformis*), котораго я вывезъ изъ озеръ Мексики, принадлежитъ къ новѣйшей намывной формаціи, Эпиггенской.

Опредѣленіе относительной древности организмовъ по положенію пластовъ горныхъ породъ, повело къ важнымъ открытіямъ отношеній, которыя находятся между исчезнувшими и еще живущими породами и видами (между видами въ маломъ числѣ). Старыя и новыя наблюденія доказываютъ, что растенія и животныя тѣмъ болѣе отличаются отъ нынѣшнихъ растеній и животныхъ, тѣмъ ниже лежитъ осадочная формація, то есть, тѣмъ она древ-

нѣе. Численные отношенія, которыя намъ представляетъ это великое, впервые Кювиѣ (76) изслѣдованное явленіе въ органической жизни, привели насъ, благодаря трудамъ Дега и Лейеля, къ положительнымъ результатамъ, особенно въ отношеніи различныхъ группъ третичныхъ формаций, которыя содержатъ въ себѣ значительное количество окаменѣlostей, изслѣдованныхъ съ большимъ стараніемъ. Агассисъ, который изслѣдовалъ тысяча семьсотъ породъ окаменѣлыхъ рыбъ и который полагаетъ, что число живыхъ породъ, уже описанныхъ или сохраняемыхъ въ музеяхъ, простирается до осьми тысячъ, утвердительно говоритъ въ своемъ превосходномъ сочиненіи: «Что онъ, за исключеніемъ одной, маленькой окаменѣлой рыбы, свойственной глинистымъ формациямъ Гренландіи, не нашелъ во всѣхъ переходныхъ, флечовыхъ и третичныхъ пластахъ ни одного животнаго, принадлежащаго къ этому классу, которое бы имѣло существенныя сходства хоть съ одною изъ нынѣ живущихъ рыбъ;» онъ даже дѣлаетъ важное замѣчаніе, что треть окаменѣлыхъ рыбъ, попадающихся въ нижнихъ третичныхъ пластахъ, напримѣръ, въ грубомъ известнякѣ и въ такъ-называемомъ London Clay, принадлежитъ къ породамъ, совершенно вымершимъ; что въ мѣлу не находится ни одной изъ рыбьихъ породъ нынѣшняго времени и что удивительное семейство «ящероподобныхъ» (рыбъ съ чешуею, отливающею различными цвѣтами, которыя по своей организаціи походятъ на пресмыкающихся, и простираются отъ угольныхъ формаций, гдѣ попадаются самыя большія породы, до мѣлу) паходятся въ такомъ же отношеніи къ двумъ породамъ (*Lepidosteus* и *Polypterus*) населяющимъ воды Нила и американскихъ рѣкъ, въ какомъ наши нынѣшніе слоны и тапиры состоятъ къ мастодонтамъ и анаплотеріямъ допотопнаго міра.

Но мѣловые пласты, въ которыхъ находятся еще двѣ породы этихъ ящероподобныхъ рыбъ, исполненія пресмыкающіяся, и цѣлый міръ исчезнувшихъ коралловъ и раковинъ (благодаря прекрасному открытію Эренберга), составлены изъ микроскопическихъ политаламій, изъ которыхъ многіе виды существуютъ еще и теперь въ нашихъ моряхъ, и именно въ среднихъ широтахъ, въ Пѣмецкомъ и Балтійскомъ Морѣ. Слѣдовательно, первый пластъ третичныхъ формаций надъ мѣломъ, пластъ, который обыкновенно означаютъ именемъ пласта эоцескаго періода, по-настоящему, не заслуживаетъ этого названія потому что заря окружающей насъ природы, гораздо далѣе углубляется въ исторію землн, нежели какъ доселѣ думали.»

Подобно тому, какъ рыбы, самыя древнія изъ всѣхъ позвоночныхъ животныхъ, появляются уже въ сплюрійскихъ переходныхъ пластахъ и потомъ непрерывно проходятъ черезъ всѣ формациі до третичныхъ пластовъ, ящеры впервые появляются въ цехштейнѣ; точно такъ же первые млекопитающіе (*Thylacotherium Prevostii* и *T. Bucklandi*, по Валапсіену, близко подходящіе къ двуутробкамъ) начинаютъ показываться въ Юрской формациі (въ такъ-называемомъ стонфилдскомъ сланцѣ), а первая птица—въ древнѣйшихъ мѣловыхъ формаціяхъ. Вотъ, сколько теперь извѣстно, самыя нижніе предѣлы рыбъ, гдѣ начинаютъ появляться ящеры, млекопитающіе и птицы.

Но если въ древнѣйшихъ формаціяхъ паходятся окаменѣлыя остатки безпозвоночныхъ животныхъ, каменные кораллы и серпулиты на ряду съ весьма развитыми кефалоподами и черепокожными животными, то есть, если въ нихъ смѣшаны самыя различныя породы, то въ-отношеніи размѣщенія многихъ отдѣльныхъ группъ тѣхъ же породъ, открыто существованіе весьма опредѣленныхъ законовъ. Окаменѣлыя раковины одной и той же породы, гоніатиты, трилобиты и пуммулиты образуютъ цѣлыя горы. Въ мѣстахъ, гдѣ смѣшаны различныя породы, замѣчено только существованіе извѣстнаго порядка въ размѣщеніи организмовъ, по положенію формациі, но также открыто, что каждый слой въ пластахъ одной и той же формациі, содержитъ въ себѣ только извѣстные роды и виды. На основаніи остроумно открытаго закона, Леопольдъ фонъ-Бухъ раздѣлилъ множество аммонитовъ на рѣзко отдѣльныя семейства, и доказалъ, что цератиты принадлежатъ раковинному известняку, *Argiotes* — черному мергелю, гоніатиты — переходному известняку и грауваккѣ. Иппій предѣлъ белемнитовъ — породы покрываемыя юрскимъ известнякомъ, верхній — мѣлъ.

Воды странъ, отдаленныхъ другъ отъ друга, были въ то время населены черепкожными, которые, по-крайней-мѣрѣ, частію, какъ теперь достовѣрно доказано, совершенно сходны съ окаменѣлыми видами Европы. Леопольдъ фонъ-Бухъ нашелъ въ южномъ полушаріи (волкашъ Махно въ Хили) эсогировъ и тригоній; д'Орбиньи въ Гиммалайскихъ горахъ и въ индійскихъ равнинахъ въ Кучѣ, — саммонитовъ и грифеевъ, которые по своей породѣ совершенно сходны съ тѣми, которыя во Франціи и Германіи осѣли изъ древняго юрскаго моря.

Горныя породы, которымъ свойственны извѣстные виды окаменѣлостей или извѣстные минералы, составляютъ геогностиче-

скій горизонтъ, которымъ геогность можетъ всегда руководствоваться въ сомнительныхъ случаяхъ и котораго изслѣдованіе, вѣрно объясняетъ тождественность или относительный вѣкъ формаций, періодическое проявленіе извѣстныхъ слоевъ, ихъ параллелизмъ или ихъ совершенное исчезновеніе.

1) Такъ-называемая переходная формация, состоящая изъ двухъ отдѣленій: нижней и верхней сѣрой вакки (силлюрійскихъ и девонскихъ пластовъ); послѣдняя была извѣстна прежде подъ именемъ древняго, краснаго песчаника.

2) Нижній пластъ кейперу, нижняя триада, какъ то: горный известнякъ, каменно-угольная формация съ мертвою породою и цехштейнъ.

3) Верхній пластъ кейперу, верхняя триада, песчаникъ, раковинный известнякъ и кейперъ.

4) Юрскій известнякъ (черный мергель и оолиты).

5) Песчаникъ, верхній и нижній мѣль, послѣдній изъ флещовыхъ пластовъ, начинающихся горнымъ известнякомъ.

6) Третичныя формации въ трехъ отдѣленіяхъ, которыя называются грубымъ известнякомъ, сѣрымъ углемъ, ниже-апеллинскимъ известнякомъ.

Потомъ въ обломочномъ пласту этихъ породъ идутъ исполинскіе остовы допотопныхъ млекопитающихъ; мастодонты, динотеріи, миссуріи и мегатеріи, между которыми похожій на лѣннвца мастодонтъ достигаетъ величины одинадцати футовъ. Къ этимъ допотопнымъ породамъ присоединяются окаменѣлые остатки еще теперь существующихъ животныхъ: слонъ, носорогъ, быкъ, лошадь и олень. Поле около Боготы, (Campo di Gigantos), наполненное костями мастодонтовъ, въ которомъ я производилъ тщательныя раскапыванія, находится въ осьми тысячахъ футахъ надъ поверхностью моря; кости, найденныя на плоскихъ возвышенностяхъ Мексики, принадлежатъ къ породѣ настоящихъ слонопъ. Точно такъ же, какъ на андскомъ хребтѣ, поднявшемся въ различныя эпохи, отрасли Гималаи (Севаликскіе холмы, которые подробно изслѣдованы капитаномъ Котли и докторомъ Фалькорпомъ) кромѣ множества мастодонтовъ сватеріевъ, и огромныхъ земляныхъ черепахъ (*colossochelys*) имѣющихъ въ длину двѣнадцать, въ высоту шесть футовъ, содержитъ въ себѣ остовы породъ нашего времени: слонопъ, носороговъ, и жирафовъ, и, что очень замѣчательно, все это—въ такомъ поясѣ, гдѣ теперь господствуетъ еще тотъ же тропическій климатъ, который, по всему вѣроятію былъ тамъ во времена существованія мастодонтовъ.

Изобразивъ такимъ образомъ соотношенія неорганическихъ образованій земной коры съ животными остатками, которые въ нихъ хранятся, мы должны еще коснуться другой части исторіи органической жизни: именно, эпохъ растительности, флоръ, которыя измѣнялись по мѣрѣ увеличиванія суши и перемѣвъ совершившихся въ атмосферѣ. Въ древнѣйшихъ переходныхъ пластахъ, какъ уже выше замѣчено, содержатся только клѣтчатые водоросли морей. Не ранѣе какъ въ пластахъ девонскихъ образованій, появляются изъ сосудныхъ растеній нѣкоторыя тайнобрачныя растенія⁽⁸⁷⁾ (каламнты). Кажется, ничто не доказываетъ, чтобы изъ теоретическихъ заключеній о простотѣ первыхъ формъ жизни можно было вывести заключеніе, что на землѣ жизнь растительная появилась прежде животной, и чтобы послѣдняя составляла условіе первой. Существованіе людей въ снѣговыхъ странахъ сѣвернаго холоднаго пояса, питающихся только рыбою и моржами, доказываетъ намъ, что жизнь возможна безъ всякой растительности. За девонскими пластами и горнымъ известнякомъ слѣдуетъ образованіе, котораго ботаническое изслѣдованіе въ новѣйшее время сдѣлало такіе блестящіе успѣхи⁽⁸⁸⁾. Въ каменно-угольной формаціи мы находимъ не только тайнобрачныя растенія, подобныя папоротникамъ и явнобрачныя однодольныя растенія (злаки, юкко-образныя лиліи и пальмы), но и голосемянныя двудольныя прозябенія, хвойныя растенія и цикадіи). Въ каменно-угольной формаціи открыто теперь около четырехъ сотъ растительныхъ видовъ. Я назову здѣсь только древовидныя каламнты, плауны, чешучайные леннододендры, сигилларіи шестидесяти футовой длины и иногда почти вертикально стояція, отличающіяся двойною сосудною системою; кактусообразныя стигмаріи, множество папоротниковъ, представляющихся частію въ видѣ пней, частію въ видѣ сучьевъ, и которыхъ многочисленность показываетъ, что суша, гдѣ они росли имѣли видъ острова⁽⁸⁹⁾, цинаден⁽⁹⁰⁾ и особенно пальмы⁽⁹¹⁾ въ маломъ количествѣ, астерофиллиты съ звѣздообразными листьями, сродные съ наядами, хвойныя⁽⁹²⁾, подобныя араукаріямъ со слабыми признаками ежегодно нарастающихъ слоевъ. Растительность, которая пышно развивалась на сухихъ приподнятыхъ частяхъ древняго краснаго песчаника, удерживаетъ свой характеръ, отличающійся отъ растительности нынѣшняго времени, и въ позднѣйшіе періоды прозябенія, до послѣднихъ пластовъ мѣлу; однако жъ, несмотря на такое различіе формъ своихъ, каменноугольная флора представляетъ замѣчательное явленіе — поразитель-

тельно-однообразное ⁽⁹³⁾ распространение однихъ и тѣхъ же породъ (хотя и не всегда однихъ и тѣхъ же видовъ) по всѣмъ частямъ поверхности тогдашней суши: въ новой Голландіи, Канадѣ, Гренландіи и на островѣ Мельвилля.

Главную часть видовъ растительности допотопнаго міра составляютъ такія растенія, которыя, своимъ родствомъ съ вѣкоторыми семействами нынѣшней флоры, ясно показываютъ, что вмѣстѣ съ ними исчезли многіе средніе члены въ прогрессіи органическаго развитія. Такимъ образомъ я приведу только два примѣра—лепидодендры составляютъ, по Линдеу, среднее семейство между хвойными растеніями и плауниками, между-тѣмъ какъ въ соединеніи сосудныхъ пучковъ гильской сосны и пинитовъ есть что-то чуждое. Разсматривая только растительность нынѣшняго міра, мы увидимъ, что нахождение цикадидъ и хвойныхъ растеній въ древней, каменноугольной флорѣ вмѣстѣ съ саггенаріями и лепидодендрами, имѣетъ важное значеніе. Хвойныя растенія не только сродны съ купулиферами и бетулиніями, около которыхъ мы ихъ встрѣчаемъ въ слояхъ сѣраго каменнаго угля; но они сродны также съ плауниками. Семейство сагообразныхъ цикадидъ по вѣншему виду сходно съ пальмами, между-тѣмъ по цвѣтку и семенамъ они существенно сходны съ хвойными ⁽⁹⁵⁾. Тамъ, гдѣ нѣсколько слоевъ каменнаго угля лежатъ одинъ на другомъ, породы и виды не всегда бываютъ перемѣшаны, но обыкновенно раздѣлены по родамъ: плауники, напримѣръ, и нѣкоторыя породы папортниковъ находятся только въ одномъ слое, стигмаріи и сигилларіи въ другомъ. Чтобы составить себѣ понятіе о богатствѣ растительности и о массахъ памывныхъ растеній, обращенныхъ въ уголь, вѣроятно ⁽⁹⁶⁾ при содѣйствіи воды, нужно только вспомнить, что въ саарбрюкскихъ каменноугольныхъ копяхъ сто двадцать слоевъ лежатъ другъ на другѣ, не считая множества тѣхъ, которые тоньше одного фута; вспомнить, что есть пласты, которые имѣютъ въ толщину тридцать, а въ Джонстонѣ (въ Шотландіи) и въ Крѣзо (въ Бургундіи) до пятидесяти футовъ, между-тѣмъ какъ потребовалось бы цѣлое столѣтіе для того чтобы уголь, содержимый растеніями лѣсныхъ странъ нашего умѣреннаго пояса, въ данномъ пространствѣ, покрылъ бы такое же пространство слоемъ толщиной только въ семь линий ⁽⁹⁷⁾. Огромныя количества наноснаго лѣсу, находящіяся въ устьяхъ Миссисипи и въ такъ-называемыхъ дровяныхъ горахъ, которые адмиралъ Врангель видѣлъ на сибирскихъ берегахъ Ледовитаго Моря, и которые собраны въ эти огромныя кучи теченіями моря и

рѣкъ, объясняютъ намъ происхожденіе каменнаго угля въ озерахъ и бухтахъ, окруженныхъ островами. Сверхъ-того надобно замѣтить, что эти массы образовались не столько изъ большихъ стволовъ, какъ изъ маленькихъ травъ и низкихъ тайнобрачныхъ растеній.

Пальмы и хвойныя растенія, о чемъ мы намегнули говоря о формаціяхъ каменнаго угля, продолжаютъ являться вмѣстѣ почти во всѣхъ формаціяхъ до самыхъ третичныхъ пластовъ. Въ нынѣшнемъ мірѣ они, кажется, скорѣе избѣгаютъ другъ друга. Хотя безъ всякаго основанія мы привыкли однако жъ считать всѣ хвойныя растенія достояніемъ сѣвера, такъ что я самъ, подымаясь съ береговъ Тихаго Океана въ Хильпанзиго и на плоскую возвышенность Мексики, былъ чрезвычайно удивленъ, увидѣвъ, что густой лѣсъ, между Venta de la Mojonera и Alto de los Sacones (три тысячъ осемь сотъ футовъ надъ поверхностью моря) чрезъ который я ѣхалъ цѣлый день, состоитъ изъ *Pinus orientalis*, хвойнаго дерева, столь похожаго на нашу сосну и зонтичныхъ пальмъ ⁽⁹⁸⁾ (*Corypha dullis*) покрытыхъ разноцвѣтными попугаями. Въ Южной Америкѣ встрѣчаются дубы, но нѣтъ ни одного деревца изъ породы сосенъ; первую знакомую форму ели я увидѣлъ въ странномъ сосѣдствѣ съ зонтичной пальмою. Во время своего перваго путешествія, Христофоръ Колумбъ также видѣлъ на сѣверо-восточной оконечности острова Кубы ⁽⁹⁹⁾, между тропиками, но на мѣстѣ мало возвышенномъ надъ поверхностью моря, хвойныя растенія на ряду съ пальмами. Этотъ великій мужъ, обращавшій вниманіе на все, въ своемъ путевоомъ журналѣ отмѣтилъ это явленіе какъ рѣдкость, и другъ его, Ангеера, секретарь Фердинанда-Католическаго, говоритъ съ удивленіемъ, что «во вновь открытой странѣ можно найти рядомъ, *palmeta* и *pineta*.» Для геологін очень важно, сравнить нынѣшнее раздѣленіе растеній на поверхности земли, съ тѣмъ, которое обнаруживаютъ намъ флоры допотопнаго міра. Умѣренный поясъ южнаго полушарія, богатаго островами и морями, гдѣ тропическія формы удивительно перемѣшаны съ формами холодныхъ странъ, прекраснымъ, преисполненнымъ жизни описаніемъ которыхъ мы обязаны Дарвину ⁽¹⁰⁰⁾, доставляетъ намъ лучшіе примѣры для нынѣшней и допотопной растительной географіи. Допотопная географія въ настоящемъ смыслѣ слова есть часть исторіи прозябенія.

Цикаден, которые по числу своихъ видовъ играли въ допотопномъ мірѣ гораздо болѣе важную роль, нежели какую играютъ теперь, находятся вмѣстѣ съ близкими къ нимъ хвойными деревьями и въ пла-

стахъ каменнаго угля. Ихъ почти совершенно нѣтъ въ пестромъ песчаникѣ, образовавшемся въ то время, когда росли рѣдкаго виду хвойныя растенія (*Voltzia*, *Haidingera*, *Albertia*); самое большое количество цикадїи находится въ пластахъ кейпера и мергеля, гдѣ встрѣчаются около двадцати различныхъ видовъ этого растенія. Въ мѣлу преобладаютъ морскія растенія и наяды. Лѣса цикадїи исчезаютъ въ юрской формаци и даже въ древнѣйшихъ третичныхъ пластахъ онѣ далеко отстаютъ отъ пальмъ и хвойныхъ.

Самые древніе слои лигнита (сѣраго каменнаго угля), существующіе во всѣхъ отдѣлахъ третичныхъ пластовъ, состоятъ изъ тайнобрачныхъ растеній, нѣкоторыхъ пальмъ и многихъ хвойныхъ растеній съ ясно сохранившимися годовыми кружками древесины и лиственныхъ деревьевъ, имѣющихъ болѣе или менѣе тропическій характеръ. Въ среднихъ третичныхъ пластахъ замѣтно совершенное уничтоженіе пальмъ и цикадїи; послѣдніе, наконецъ, имѣютъ большое сходство съ нынѣшней флорою. Тутъ вдругъ и въ большомъ количествѣ появляются наши сосны и ели, купулиферы, кленъ и тополи. Древесные стволы лигнита отличаются иногда своею огромною толщиной и долговѣчностью. Около Бопна былъ найденъ стволъ, въ которомъ Пеггератъ нашелъ семьсотъ двадцатьдевять годовыхъ кружковъ (2). Въ сѣверной Франціи около Изѣ (*Yseux*) (недалеко отъ Аббвилля), въ болотахъ Соммы, были найдены дубы, которыхъ діаметръ имѣетъ четырнадцать футовъ, — толщина необыкновенная для стараго свѣта, внѣ тропиковъ. По глубоководнымъ розысканіямъ Генперта, «весь балтійскій янтарь—произведеніе хвойныхъ растеній» которыя, какъ доказываютъ остатки дерева и коры, различныхъ періодовъ, были очень похожи на наши бѣлыя и красныя сосны; но составляютъ особенную породу. Дюпотопное янтарное дерево (*Pinites succifer*) заключало въ себѣ такія количества смолистыхъ частей, какихъ мы не находимъ ни въ одномъ изъ нынѣшнихъ хвойныхъ растеній: потому что не только въ корѣ, но и въ древеснѣ, по направленію лучей сердцевины, которые такъ же какъ и древесныя ячейки только замѣтны подъ микроскопомъ, проявляются между древесными кружками большія массы янтарю, иногда въ одно время желтаго и бѣлаго цвѣту. Между растеніями, которыя бывають заключены въ кускахъ янтаря, находятся мужскіе и женскіе цвѣты нашихъ хвойныхъ деревъ и купулиферъ; но остатки *Thujae*, *Suppressi*, *Ephedrae* и *Castaniae vescae* съ можжевельникомъ и соснами, показываютъ, что на бе-

регахъ Балтійскаго Моря или вообще балтійской равнины, находилась растительность, которая теперь ей уже несвойственна.

Въ геологической части картины природы мы теперь обозрѣли весь рядъ образованій, начиная съ древнѣйшихъ изверженныхъ породъ и еще древнѣйшихъ осадочныхъ пластовъ до намывныхъ пластовъ, на которыхъ лежатъ огромные эрратическіе камни. Причина распространенія этихъ эрратическихкихъ камней долгое время будутъ еще предметомъ споровъ; мы однако жъ охотнѣе приписываемъ ее прорывамъ и низверженіямъ удержанныхъ въ огромныхъ массахъ водъ во время поднятія горныхъ хребтовъ, нежели переносу посредствомъ льдинъ. Древнѣйшее образование переходной формациі, которая намъ извѣстна, есть сланецъ и граувакка, въ которыхъ заключаются нѣкоторые остатки водораслей Силлюрійскаго, нѣкогда Камбрійскаго моря. На чемъ лежала эта древнѣйшая формациа, если принять гнейсъ и слюдястый сланецъ, только за измѣненные осадочные пласты? Можно ли созидать гипотезу о томъ, что не можетъ быть геогностически изслѣдовано. Въ Индейской міеологіи слонъ носитъ на хребтѣ своемъ землю, самъ же онъ, чтобы не упасть, опирается на исполинскую черепаху. На чемъ поконятъ черепаха, этого не позволено спрашивать върующему брамину. Мы приступаемъ здѣсь къ подобной задачѣ, хотя и ожидая за рѣшеніе порицанія. Мы уже доказали, въ астрономической части нашей картины природы, что при первомъ образованіи планеты въроятно газообразные круги, обращавшіеся вокругъ Солнца склубились и приняли видъ шаровъ, которые мало-по-малу застыли, начиная съ поверхности. То, что мы называемъ древнѣйшими силлюрійскими пластами, есть только верхняя часть земной коры. Изверженные горныя породы поднимаются изъ недоступной глубины, проламывая и поднимая верхніе пласты; подъ силлюрійскими пластами существуетъ, слѣдовательно, соединеніе минералловъ, которые какъ-скоро они явятся наружу, мы называемъ гранитомъ, авгитомъ или кварцовымъ порфиромъ. Основываясь на аналогіи, мы можемъ допустить, что породы, наподобіе жила, наполняющія широкія трещины и проламывающія осадочные пласты, — только отрасль нижняго гнѣзда. Еще горящіе вулканы дѣйствуютъ въ величайшей глубинѣ. Судя по рѣдкимъ остаткамъ, которые я находилъ въ различныхъ странахъ заключенными въ лавѣ, я думаю, что первобытный гранитъ есть основаніе (*), на которомъ лежатъ многочисленныя пласты, наполненные органическими остатками. Если базальтъ, содержащій въ себѣ оливинъ, показывае-

не ранѣе какъ въ мѣлу, а трахитъ даже позже, то, напротивъ, ерженія гранита, какъ-то доказываютъ продукты метаморфоза, юсятся къ эпохѣ древнѣйшихъ осадочныхъ пластовъ пересыльных формаций. Гдѣ знаніе не можетъ имѣть основаніемъ остаго чувственнаго воспріятія, тамъ нѣтъ причины воспретъ основывать гипотезу, которая возвращаетъ граниту часть лѣтнихъ у него правъ и славу первобытности.

Успѣхи, сдѣланные въ повѣйшее время геогнозіею, именно, пробныя изслѣдованія геогностическихъ эпохъ, которыхъ отличительный характеръ основывается на минералогическомъ разліи горныхъ породъ, на особенностяхъ и послѣдовательности люченныхъ въ нихъ организмовъ, на расположеніи пластовъ, перпендикулярномъ, или неизмѣнно горизонтальномъ, даютъ намъ возможность, преслѣдуя причинную связь между явленіями, переходя къ разсмотрѣнію распредѣленія въ пространствѣ твердыхъ жидкихъ частей, изъ которыхъ состоитъ поверхность нашей планеты, то есть, материковъ и морей. Я указываю этимъ на науку, которая связываетъ историческую геогнозію съ географическою, то есть, съ общимъ взглядомъ на видъ и дѣленіе материковъ. Жидкое ограничивало твердое иначе; отношенія между поверхностями суши и морей были чрезвычайно различны въ разные геологическія эпохи; напримѣръ, когда пласты каменнаго угля улеглись горизонтально на отвѣсно-поднятыхъ пластахъ южной извести и древняго краснаго песчаника; когда черныи уголь и юрскій известнякъ прилегли на отлогіе пласты кейра и раковиннаго известняку; когда мѣлъ пластообразно осѣлъ на скатахъ зеленаго песчаника и юрской извести. Если, вмѣстѣ съ Эли-де-Бомономъ, назовемъ мѣловымъ и юрскимъ моремъ, тѣ воды, изъ которыхъ мѣлъ и юрскій известнякъ осѣли подобно тивѣ, то очертаніе этихъ двухъ формаций, называвшихся въ двѣ различныя эпохи, покажутъ намъ границу, которая раздѣляла океанъ, творившій горную породу, отъ осушавшагося уже материка. Нѣкоторые остроумные геологи напечатали карты для этой части древней географіи; и въ этихъ работахъ, можетъ-быть, болѣе вѣрности чѣмъ въ разсказахъ о путешествіяхъ Гомера или въ гомерической географіи. Въ послѣдствіи мы находимъ только предположенія, многи:—первыя факты положительнаго ученія о напластованіяхъ.

Результатъ изслѣдованій пространственныхъ отношеній суши и моря, что въ древности, въ эпоху образованія силурійскихъ и девонскихъ переходныхъ формаций, въ эпоху образованія флесто-

выхъ породъ до появленія кейпера, материкъ, на которомъ существовала растительность, состоялъ изъ однихъ острововъ; что въ позднѣйшіе періоды эти острова соединились другъ съ другомъ, и заключили въ себѣ множество озеръ, вдоль заливовъ глубоко вѣзавшихся въ берега; что, наконецъ, когда появился Пиреней, Карпаты и Аппенццы, то есть во времена образованія третичныхъ пластовъ, большіе материкки имѣли уже почти нынѣшнюю свою величину. Весьма вѣроятно, что въ сплюриійскую эпоху, во время существованія громаднаго числа цикадій и огромныхъ ящеровъ, на поверхности Земнаго Шара было гораздо менѣ суши, нежели сколько ее находится теперь въ Индійскомъ и Южномъ Океанахъ. Мы послѣ увидимъ, какимъ образомъ эта преобладающая масса воды, въ совокупности съ другими причинами возвысила температуру атмосферы и сдѣлала климатъ равномѣрнымъ. Обращаясь къ разсмотрѣнію постепеннаго увеличенія (*Agglutination*) поднятой суши, намъ должно только замѣтить, что незадолго до переворотовъ, которые черезъ болѣе или менѣе долгій промежутокъ времени въ потопномъ періодѣ, внезапно погубили множество огромныхъ позвоночныхъ животныхъ, нѣкоторые изъ нынѣшнихъ материковъ были совершенно отдѣлены другъ отъ друга. Въ Южной Америкѣ и въ Австраліи между животными, живущими тамъ въ наше время и животными исчезнувшими, очень много сходства. Въ Новой-Голландіи открыты окаменѣлыя кости огромной птицы, похожей на страуса (*Dinornis Oweni*) которая имѣетъ болѣе сходства съ теперешнимъ безкрылымъ (*apteryx australis*), нежели съ исчезнувшимъ въ позднѣйшія времена дрономъ, *didus inertus*, жившимъ на островѣ Родриго.

Нынѣшнимъ видомъ своимъ, образовавшимся чрезъ поднятіе слоевъ земли надъ поверхностію водъ, материкки обязаны силамъ извергнувшимся кварцевые порфиры; изверженію, которое произвело огромный переворотъ въ первобытной флорѣ, этомъ матеріалѣ нынѣ существующихъ каменно-угольныхъ горъ. То, что мы называемъ равнинами, — не что иное, какъ сплошныя возвышенности горныхъ кражей, которыхъ подошва находится въ глубинѣ моря. Каждая равнина, въ отношеніи къ морю — плоская возвышенность; неровности, которыя мы на ней находимъ, образовались чрезъ осажденіе горныхъ породъ въ горизонтальномъ направленіи, и чрезъ намывы.

Изображая общія черты картины природы, мы прежде всего должны обратить вниманіе на количество суши, ^{изъ} приподнятой и

выдающейся надъ поверхностью водъ; за опредѣленіемъ величины пространства, намъ слѣдуетъ разсмотрѣть индивидуальныя формы материковъ въ горизонтальномъ направленіи (дѣленіе ихъ на части), и въ вертикальномъ (гипсометрическія отношенія горныхъ хребтовъ). Наша планета имѣетъ два покрова: общій—атмосферу—составленный изъ упругой жидкости; и частный, занимающій извѣстныя мѣста, и отъ котораго зависитъ форма послѣдней— море. Обѣ эти оболочки Земли, воздухъ и вода, составляютъ цѣлое, отъ котораго, смотря по относительному пространству моря и земли, по раздѣленію суши, направленію и высотѣ горъ зависятъ различіе климатовъ на земной поверхности. Изслѣдованіе такой взаимной зависимости воздуха, воды и суши, показываетъ, что безъ геогностическихъ наблюденій невозможно понять причины великихъ метеорологическихъ явленій. Метеорологія, географія растений и животныхъ только тогда стали дѣлать нѣкоторыя успѣхи, когда ученые убѣдились во взаимной зависимости изслѣдуемыхъ нами явленій. Правда, слово климатъ, въ обыкновенномъ смыслѣ, означаетъ специфическое состояніе атмосферы; но это состояніе зависитъ отъ безпрестаннаго дѣйствія другъ на друга поверхности моря, находящейся въ непрерывномъ движеніи, пересѣкаемой множествомъ теченій, чрезвычайно различной температуры, и излучающей теплоту суши, которая дѣлится чрезвычайно разнообразно, приподнята на различныя высоты, въ однихъ мѣстахъ покрыта лѣсами и травами, въ другихъ совершенно обнажена.

Въ настоящемъ положеніи нашей планеты, поверхность суши относится къ поверхности водъ какъ 1 къ $2\frac{4}{5}$ (по Ригу (5) какъ 100 : 270). Острова составляютъ теперь едва $\frac{1}{23}$ всего материка. Материкъ раздѣленъ очень неровно; на сѣверномъ полушаріи находится втрое больше суши, нежели на южномъ. Въ южномъ полушаріи океанъ, слѣдовательно, беретъ перевѣсъ. Начиная отъ 40° южной широты до южнаго полюса, земная кора почти всюду покрыта водою. Жидкая стихія преобладаетъ также между восточнымъ берегомъ Стараго и западнымъ Новаго Свѣта. На этомъ огромномъ пространствѣ она только, кое-гдѣ прерывается островами. Ученый гидрографъ Флерье справедливо назвалъ это громадное скопленіе воды великимъ океаномъ, чтобъ отличить его отъ всѣхъ другихъ морей. Между тропиками вода занимаетъ пространство въ 145 градусовъ долготы. Южное и западное полушарія, считая къ западу отъ меридіана Тенерифа, слѣдовательно, самыя богатая водами части Земнаго Шара.

Вотъ самые важные моменты изслѣдованія относительнаго количества суши и морей. Отношеніе это имѣеть чрезвычайно важное вліяніе на распредѣленіе температуры, на различное давленіе атмосферы, на направленіе вѣтровъ и на количество атмосферической влаги, отъ которой такъ много зависитъ сила растительности. Когда представимъ себѣ, что почти три четверти (6) земной поверхности покрыты водою, то для насъ не будетъ удивительно, почему метеорологія почти не существовала до начала этого столѣтія, эпохи, когда впервые были собраны и сравнены между собою точныя наблюденія надъ температурою моря, подъ различными широтами и въ разныя времена года.

Горизонтальный видъ суши въ ея общихъ пространственныхъ размѣрахъ былъ предметомъ остроумныхъ изслѣдованій уже во времена греческой древности. Древніе предполагали, что Земля имѣеть наибольшее протяженіе въ направленіи отъ востока къ западу; Дицearхъ, по свидѣтельству Агаомера, полагалъ, что оно находится подъ широтою Родосса въ направленіи отъ Столбовъ Геркулеса до Фины. Вотъ линія, которую они называли параллелью діафрагматы Дицearха. Астрономическая вѣрность ея, изслѣдованная мною на другомъ мѣстѣ, изумительна (7). Страбонъ, вѣроятно слѣдуя Эратосѣну, былъ по-видимому совершенно убѣжденъ въ томъ, что причина наибольшаго протяженія извѣстной ему тогда Земли, подъ параллелью тридцати-шести градусовъ, зависѣла отъ устройства земли; и потому онъ смѣло говорилъ, что предполагаемый имъ въ сѣверномъ полушаріи материкъ, между Иберіею и берегомъ Фины, находится подъ тѣмъ же градусомъ (8) широты.

Если, какъ мы уже замѣтили, на одномъ полушаріи нашей планеты (всѣ-равно, раздѣлимъ ли мы ее экваторомъ или темерисскимъ меридіаномъ) надъ поверхностью моря поднялось гораздо больше земли нежели на противоположномъ, то обѣ эти массы—настоящіе острова, окруженные со всѣхъ сторонъ океаномъ, которые мы называемъ восточнымъ и западнымъ материкомъ, Старымъ и Новымъ Свѣтомъ, не говоря о разительной противоположности въ ихъ общемъ видѣ или, лучше сказать, въ направленіи ихъ наибольшихъ осей, имѣютъ въ нѣкоторыхъ частностяхъ очерковъ, особенно въ пространственныхъ отношеніяхъ между своими противоположными берегами, много сходства. Въ восточномъ материкѣ наибольшая ось идетъ въ направленіи отъ востока къ западу (вѣрнѣе, отъ юго-запада къ сѣверо-востоку); въ западномъ полушаріи, напротивъ, ось идетъ съ юга на сѣверъ,

по направленію меридіана (вѣрнѣе съ SSO къ NNW). Оба материка на сѣверѣ — какъ-бы обрѣзаны по направленію одного градуса широты (семидесятаго); на югѣ тотъ и другой оканчиваются пирамидальными остроконечіями, которыя продолжаются подъ водою въ острова и мели. Это доказываютъ Архипелагъ Tierro del fuego, мель Лахульясъ, къ югу отъ Мыса Доброй Надежды, Фанъ-Дименова-Земля отдѣленная отъ Новой-Голландіи Бассовымъ Пролливомъ. Сѣверный берегъ Азіи переходитъ параллель, о которой было говорено выше, около Таймурскаго Мыса (по Крузенштерну $78^{\circ} 16'$), между-тѣмъ какъ начиная отъ устья большой Чукотской рѣки къ востоку до Берингова Пролива онъ, около самаго восточнаго мыса Азіи, доходитъ только до $66^{\circ} 3'$ по Биче ⁽⁹⁾. Сѣверный берегъ Новаго Свѣта тянется довольно правильно по направленію семидесятаго градуса, потому что всѣ земли къ югу и къ востоку отъ Баррова Пролива, начиная съ *Woothia felix* и *Victoria*, состоятъ изъ однихъ острововъ.

Пирамидальный видъ всѣхъ южныхъ оконечностей материковъ принадлежитъ къ *similitudines physicae in configuratione mundi*, о которыхъ упоминаетъ Бэконъ Веруламскій въ своемъ *Novum organon*, и къ которымъ Рейнгольдъ Форстеръ, товарищъ Кука на второмъ его путешествіи вокругъ Свѣта, присовокупилъ очень остроумныя замѣчанія. Если отъ меридіана Тенерифа обратиться на востокъ, то оконечности трехъ материковъ, то есть оконечность Африки (предѣла Стараго Свѣта), Австраліи и Америки постепенно приближаются къ южному полюсу. Новая Зеландія, имѣющая въ длину цѣлыхъ двѣнадцать градусовъ широты, составляетъ средній членъ между Австраліею и Южною Америкою, также кончалась островомъ (Нью-Линстеръ). Очень замѣчательно также, что почти подъ тѣми же меридіанами, подъ которыми въ Старомъ Свѣтѣ показывается самое большое распространеніе на югъ, проявляется и величайшее приближеніе сѣверныхъ береговъ къ полюсу. Это видно изъ сравненія Мыса Доброй Надежды и мели Лахульясъ, съ европейскимъ Сѣвернымъ Мысомъ; полуострова Малакки съ сибирскимъ мысомъ Таймурой ⁽¹⁰⁾. Окружены ли полюсы твердою землею или ихъ обтекаютъ ледовитыя моря, покрыты ли они вѣщами льду, — этого мы не знаемъ. Къ сѣверному полюсу мы приблизились до $82^{\circ} 55'$ широты, къ южному только до $78^{\circ} 10'$.

Пирамидальное окончаніе огромныхъ массъ земли, повторяется и въ малыхъ массахъ: не только въ Индійскомъ Океанѣ (полуострова: Аравія, Декашъ и Малакка) но, какъ уже замѣтили Эра-

тос-енъ и Полибій, и въ Средиземномъ Морѣ, гдѣ они сравнивали очень остроумно, Иберійскій, Италійскій и Эллискій полуострова (11). Европа, которой поверхность въ пятеро меньше поверхности Азии, составляетъ, такъ сказать, только западный полуостровъ мало раздѣленнаго азіатскаго материка. Климатическія отношенія Европы, доказываютъ также, что она находится въ томъ же отношеніи къ Азии, какъ полуостровъ Бретань къ остальной Франціи (12). Уже Страбонъ (13) замѣтилъ, что раздѣленіе материка, развитіе его формы, оказываетъ вліяніе на образованность и вообще на нравственное состояніе народовъ, и потому онъ отдаетъ предпочтеніе «раздѣленному виду» нашего маленькаго материка передъ другими. Африка и Южная Америка, которыя и безъ того такъ сходны по своей формѣ, изъ всѣхъ большихъ материковъ, имѣютъ самый простой очеркъ. Только восточное побережье Азии, какъ-будто избитое восточнымъ теченіемъ моря (15) (*fractas ex aequore terras*), имѣетъ видъ изрѣзанный и разнообразный. Полуострова и острова смѣняются одинъ другимъ, начиная отъ экватора до 60° широты.

Нашъ Атлантическій Океанъ носитъ на себѣ всѣ признаки долины. Кажется, что въ немъ теченіе водъ имѣло сначала направленіе къ сѣверо-востоку, потомъ къ сѣверо-западу и наконецъ воротилось опять къ сѣверо-востоку. Параллелизмъ береговъ съ десятого градуса южной широты къ сѣверу, вдающіеся углы, выпуклость Бразиліи противъ Гвинейскаго Залива, выпуклость Африки подъ широтою Антильскаго Залива, говорятъ въ пользу этого отважнаго мнѣнія (16). Въ атлантической долинѣ, какъ почти во всѣхъ большихъ массахъ земли, противъ изрѣзанныхъ и усѣянныхъ островами береговъ находятся гладкіе и однообразные. Я уже давно сдѣлалъ замѣчаніе, какъ важно въ геогностическомъ отношеніи сравненіе заключенныхъ между тропиками западныхъ береговъ Африки, съ берегами Южной Америки. Заливообразное вогнутіе африканскаго берега около Фернандель По (14½° сѣверной широты) повторяется на берегу Южнаго Океана, подъ осьмнадцатымъ съ четвертью градусомъ южной широты около Арики, гдѣ (между Valle de Agica и Moigo de Juan Diaz) перуанскій берегъ сѣверное направленіе свое измѣняетъ въ сѣверо-западное. Эта перемѣна направленія простирается также и на высокій Андскій Хребетъ, раздѣленный на двѣ вѣтви: не только вблизи отъ берега (17), но и на восточный хребетъ, гдѣ впервые развилась образованность человѣческаго роду въ Южной Америкѣ, гдѣ маленькое горное море

Титикака, ограничивается гордыми колоссами Сорота и Иллиманн. Далѣе къ югу, начиная отъ Вальдивин и Чили (40° — 42° южной широты) черезъ Архивелагъ de los Сьорос до Огненной Земли, снова повторяется рѣдкая форма фюрдовъ (узкихъ, глубоко вдающихся заливовъ) составляющая характеристическую принадлежность западныхъ береговъ Норвегии и Шотландии.

Вотъ самые общіе результаты изслѣдованія нынѣшняго вида материковъ (распространенія суши въ горизонтальномъ направленіи), основанные на обзорѣни поверхности нашей планеты. Сравненные нами здѣсь факты, аналогіи въ формѣ отдаленныхъ другъ отъ друга земель, не могутъ быть однако жъ названы законами формы. Наблюдая поднятіе небольшихъ участковъ земли — явленіе довольно нерѣдко происходящее вблизи еще дѣйствующихъ вулкановъ, напримѣръ вблизи Везувія, гдѣ нѣкоторыя части почвы во время изверженія, или послѣ него, измѣняютъ свое положеніе на нѣсколько футовъ и образуютъ хребты похожіе на плоскія возвышенности, путешественникъ убѣждается, что эта или другая форма, которую принимаетъ приподнятая часть, зависитъ отъ очень маловажныхъ условій силы дѣйствія подземныхъ паровъ и отъ противодѣйствія, которое имъ приходится побѣдить. Точно такъ же незначительныя неправильности въ равновѣсіи во внутренности нашей планеты, легко могли произвести то, что поднимающія упругія силы болѣе подѣйствовали на сѣверное нежели на южное полушаріа: подняли материкъ восточнаго полушарія въ видѣ широкой массы, которой ось параллельна съ экваторомъ, въ западномъ же болѣе параллельно меридіану.

Эмпирически трудно постигнуть причинную связь между великими происшествіями, предшествовавшими образованію материковъ, причину сходства и противоположности ихъ вида. Мы знаемъ только то, что дѣйствующая причина — подземная; что суша приобрѣла нынѣшній видъ свой не вдругъ, но что она увеличилась постепенно, начиная съ эпохи силлурійской формации (пелитуническій осадокъ) до эпохи образованія третичныхъ пластовъ, послѣ прекращенія различно колебавшихся поднятій и изверженій почвы и что они составились изъ нѣсколькихъ маленькихъ материковъ. Нынѣшній видъ материковъ — произведеніе двухъ причинъ, которыя дѣйствовали одна послѣ другой: во-первыхъ, причины подземной, чья силу и направленіе мы назовемъ случайными, потому что не можемъ опредѣлить ихъ, какъ необходимое слѣдствіе другихъ причинъ; во-вторыхъ, силы дѣйство-

завшія на поверхности Земли, между которыми главную роль играли землетрясенія, изверженія вулкановъ, образованіе горныхъ хребтовъ и морскія теченія. Температура Земли и вмѣстѣ съ нею состояніе растительности, земледѣлія и человѣческаго общества, были бы совершенно иныя, если бы главная ось Новаго Свѣта имѣла одинаковое направленіе съ осью Стараго; если бы Андскій Хребетъ, вмѣсто-того чтобы тянуться по направленію меридіана, шелъ съ востока на западъ; если бы къ югу отъ Европы не находился излучающій теплоту тропическій материкъ (Африка); если бы Средиземное Море, нѣкогда соединенное съ Аравійскимъ и Каспійскимъ морями, способствовавшее такимъ образомъ развитію образованности народовъ, вовсе не существовало; если бы дно его было поднято на одинаковую высоту съ ломбардскою и пиринейскою равнинами.

Измѣненія во взаимномъ отношеніи высотъ твердыхъ и жидкихъ частей земной поверхности (измѣненія, опредѣляющія въ одно время очерки материка, покрывающія водою или иссушающія низменности) должно приписывать различнымъ причинамъ, дѣйствовавшимъ не въ одно время. Самыя сильныя изъ нихъ, безъ сомнѣнія: упругость паровъ, заключенныхъ во внутренности Земли; внезапныя перемены температуры ⁽¹⁹⁾ толстыхъ пластовъ; неравномѣрная потеря въ продолженіи вѣковъ корою земли и ея ядромъ, теплорода, отчего на земной поверхности образовались складки, мѣстныя измѣненія притягательной силы ⁽¹⁹⁾ и происходящія отъ этого измѣненія кривизны поверхности жидкой стихіи. Что поднятіе материковъ—явленіе дѣйствительное, а не кажущееся и зависитъ отъ виду поверхности моря, въ этомъ убѣдились всѣ геогности долговременнымъ наблюденіемъ собранныхъ фактовъ, аналогіями между важными вулканическими явленіями. Честь этой мысли также принадлежитъ Леопольду фонъ-Буху, который изложилъ ее въ своемъ знаменитомъ «Путешествіи по Норвегіи и Швеціи ⁽²⁰⁾ въ 1806 и 1807 годахъ», откуда она въ послѣдствіи перешла въ науку. Между тѣмъ какъ весь шведскій и финляндскій берегъ, начиная отъ Сельвицборга черезъ Гемле до Торнео и отъ Торнео до Або, поднимается (въ сто лѣтъ до четырехъ футовъ), южная Швеція, по увѣренію Нильсона ⁽²¹⁾, опускается. Кажется, что наибольшая поднимающая сила находится въ Сѣверной Лапландіи. Она уменьшается мало-помалу на югъ до Кальмара и Сельвицборга. Линіи древняго морскаго горизонта означены раковинными пластами по всей Норвегіи ⁽²²⁾, начиная отъ мыса Линдеснеса до Сѣвернаго Мыса. Эти

длинн были недавно еще вымѣрены самымъ тщательнымъ образомъ господиномъ Браве, во время его продолжительной зимовки въ Бозекопѣ. Онѣ лежатъ около шести сотъ футовъ выше нынѣшней средней поверхности моря и повторяются, по увѣренію Кенльгау и Евгенія Робера противъ Сѣвернаго Мыса (къ NNO) на берегахъ Шпицбергена. Леопольдъ фонъ-Бухъ, который прежде всѣхъ обратилъ вниманіе на огромную раковинную банку, находящуюся около Тромзе (69° 40') доказалъ, что поднятія материковъ, происходившія въ древности, въ сѣверныхъ моряхъ составляютъ совершенно другой разрядъ явленій, нежели медленное (не внезапное или постепенное) возвышеніе шведскаго прибрежья въ Ботническомъ Заливѣ. Не должно также смѣшивать послѣдняго явленія, доказаннаго историческими памятниками, съ измѣненіями вышины почвы, происходящими при землетрясеніяхъ (напримѣръ, на берегахъ Чили и Куча). Оно подало поводъ къ подобнымъ наблюденіямъ въ другихъ странахъ. Возвышенію иногда соответствуетъ пониженіе почвы, вслѣдствіе искривленія земныхъ пластовъ, какъ въ западной Гренландіи (по Пингелю и Гра); въ Далмаціи и въ Шоненѣ.

Если допустить, что во время юности нашей планеты, колеблющееся движеніе почвы, возвышеніе и пониженіе поверхности, совершалось съ гораздо большею силою нежели теперь, то вовсе не удивительно, если во внутренности материковъ мы находимъ части земной поверхности, которыя лежатъ ниже теперешней поверхности моря. Примѣры такого рода составляютъ щелочныя озера, описанныя генераломъ Андреосси, маленькія горькія озера на Суэцкомъ Перешейкѣ, Каспійское Море, Тверицкое Озеро, и особенно, Мертвое Море (23). Горизонтъ воды въ двухъ послѣднихъ лежитъ шестьюстами двадцатью пятью и тысячу двумястами тридцатью футами ниже уровня Средиземнаго Моря. Если бы можно было снять намывные пласты, покрывающіе горныя породы въ столь многихъ равнинныхъ странахъ, то мы удостовѣрились бы, что и теперь еще многія части каменной земной коры лежатъ ниже морскаго уровня. Периодическое, хотя и неправильное, повышеніе и пониженіе воды въ Каспійскомъ Морѣ, явственныя слѣды которыхъ я самъ видѣлъ въ сѣверной части этого водовмѣстителя (24), и наблюденія Дарвина въ коралловыхъ моряхъ (25), составляютъ, кажется, доказательство, что земная поверхность безъ помощи землетрясеній способна и въ наше время къ этимъ незамѣтнымъ, постоянно продолжающимся колебаніямъ, которыя

были очень обыкновенны въ допотопныя времена, когда земная кора была тоньше, нежели нынѣ.

Явленія, на которыя мы здѣсь обращаемъ вниманіе читателей, показываютъ, что настоящій порядокъ вещей непостояненъ, что очеркъ и видъ материковъ чрезъ долгіе промежутки времени подвергаются перемѣнамъ. Незамѣтное для немногихъ человѣческихъ поколѣній скопляется въ періоды, для измѣренія которыхъ намъ служатъ движенія отдаленныхъ небѣсныхъ тѣлъ. Втеченіе осьми тысячъ лѣтъ восточный берегъ Скандинавіи поднялся, можетъ-быть, на триста двадцать футовъ; черезъ двѣнадцать тысячъ лѣтъ, если движеніе останется равномернымъ, выдвпнется на поверхность моря и высохнутъ такія части морскаго дна, которыя находятся недалеко отъ берега полуострова и теперь покрыты слоемъ воды въ пятьдесятъ брассовъ. Какъ кратковременны эти періоды въ сравненіи съ продолжительностью геогностическихъ періодовъ, которые обнаруживаютъ намъ послѣдовательность напластованій формаций, и громадныя кладбища пещзнувшихъ, совершенно различныхъ организмовъ! Неоспоримые факты доказываютъ также, что цѣлыя страны понижаются и опускаются. Средняя высота непокрытой горами части Франціи простирается едва до четырехъ сотъ осьмидесяти футовъ. Если представить себѣ, какія ужасныя перемѣны должны были происходить на Землѣ во время древнихъ геогностическихъ эпохъ, то вѣроятно очень немного времени прошло съ-тѣхъ-поръ, когда значительная часть сѣверо-западной Европы находилась подъ водою и имѣла видъ совершенно отличнаго отъ нынѣшняго.

Возвышеніе и пониженіе водъ или суши, явленія, до того противоположныя въ своихъ одностороннихъ дѣйствіяхъ, что при возвышеніи одного происходитъ кажущееся пониженіе другаго,—составляютъ причину всѣхъ перемѣнъ въ видѣ материковъ. Чтобъ избѣгнуть упрека въ односторонности, при разборѣ явленій, намъ необходимо, въ изображеніи общей картины природы, по-крайней-мѣрѣ упомянуть о возможности уменьшенія количества жидкой стихіи, и о дѣйствительномъ пониженіи морскаго уровня. Вѣроятно, никто не станетъ сомнѣваться въ томъ, что въ то время, когда земля имѣла температуру чрезвычайно высокую, когда на ея поверхности пахотилось гораздо большее число трещинъ, которыми поглощалась вода, когда атмосфера имѣла совершенно яныя свойства, что въ то время уровень моря подвергался чрезвычайно важнымъ перемѣнамъ, которыя зависѣли отъ умноженія или уменьшенія количества капельно-жидкихъ тѣлъ

на поверхности земли. При настоящемъ состояніи нашей планеты мы не имѣемъ прямыхъ доказательствъ, чтобы море дѣйствительно и постоянно понижалось; ни что не показываетъ также, чтобы въ средней высотѣ барометра на поверхности моря въ однихъ и тѣхъ же точкахъ наблюденія, происходила какая-нибудь постоянно возрастающая перемѣна.

По опытамъ Досси и Антоніо Нобили, достаточно было бы для пониженія морскаго уровня одного возвышенія барометрическаго столба и безъ утраты жидкости. Но какъ среднее давленіе атмосферы, при уровнѣ моря, по причинѣ метеорологическихъ условій, направленія вѣтровъ и влажности не одно и то же во всѣхъ широтахъ, то одинъ барометръ не могъ бы служить вѣрнымъ мѣриломъ измѣненій уровня моря. Замѣчательныя наблюденія, сдѣланныя въ началѣ нынѣшняго столѣтія, что нѣкоторыя гавани Средиземнаго Моря неоднократно высыхали на нѣсколько часовъ, доказываютъ, повидимому, что слѣдствіемъ перемѣнъ въ направленіи и силѣ морскихъ теченій можетъ быть мѣстное пониженіе уровня моря и высыханіе близъ береговъ морскаго дна, безъ дѣйствительнаго уменьшенія массы водъ. Вообще должно съ большою осторожностью дѣлать выводы изъ свѣдѣній, которыя мы въ новѣйшее время получаемъ объ этихъ столь запутанныхъ явленіяхъ, потому что мы легко можемъ приписать одной изъ древнихъ стихій — водѣ, то, что на самомъ дѣлѣ есть результатъ дѣйствій двухъ другихъ стихій, земли и воздуха.

Подобно тому, какъ видъ материковъ, въ его горизонтальномъ направленіи, черезъ свои извилистые берега оказываетъ чрезвычайно благотѣльное вліяніе на климатъ, торговлю и успѣхи образованности, точно такъ же и внутреннее устройство суши, перпендикулярное возвышеніе почвы (горныя хребты и сплошныя возвышенности) имѣетъ слѣдствія не менѣе важныя. Все что измѣняетъ форму земли, жилища человѣческаго роду (подлѣ горъ мы видимъ озера, степи, даже пустыни окруженныя лѣсами), даетъ особый характеръ жизни народовъ. Горы, покрытыя снѣгами, мѣшаютъ сообщеніямъ, но смѣшеніе низкихъ отдѣльныхъ горъ ⁽²⁶⁾, какъ напримѣръ въ юго-западной Европѣ, разнообразитъ число метеорологическихъ процессовъ и произведеній царства прозябаемаго; оно производитъ нужды, пробуждающія дѣятельность жителей, потому что всѣ страны, хотя бы онѣ находились подъ одною широтою, имѣютъ свои произведенія. Ужасные перевороты, которые, вслѣдствіе дѣйствія внутренности планеты на свою поверхность, чрезъ внезапное обрушеніе нѣкоторой ча-

сти окисленной земной поверхности, подняли вверхъ огромные горные хребты, въ то же время дали материкамъ обонхъ полушарій ихъ роскошный индивидуальный характеръ и по-крайней-мѣрѣ, уничтожили то однообразіе, которое дѣйствуетъ пагубно на физическія и нравственныя силы человѣчества.

По мнѣнію Эли де-Бомона, каждая система (27) этихъ хребтовъ имѣетъ свою доказанную, относительную древность, такъ что возвышеніе хребта непременно происходило въ промежуткахъ времени осадка пластовъ, нынѣ поднятыхъ, простирающихся горизонтально до подошвы горъ. Складки земной коры (возвышеніе пластовъ), которыя имѣютъ одинаковый геогностическій возрастъ, кажется, идутъ даже въ одномъ направленіи. Но направленіе поднятыхъ пластовъ не всегда бываетъ параллельно оси хребтовъ; иногда оно ее пересѣкаетъ. По моему мнѣнію это доказываетъ (28), что возвышеніе пластовъ, явленіе, повторяющееся и въ сосѣднихъ равнинахъ, происходило гораздо прежде поднятія хребта. Главное направленіе цѣлаго материка Европы (съ юго-запада на сѣверо-востокъ) противоположно направленію большихъ трещинъ земли, которыя простираются (съ сѣверо-запада на юго-востокъ) отъ устьевъ Рейна и Эльбы чрезъ Адриатическое и Красное моря и горную систему Пучи Ко въ Луристанъ до Персидскаго Залива и Индійскаго Океана. Такое, почти прямоугольное, пересѣченіе геодезическихъ линій, имѣло замѣтное вліяніе на торговыя сношенія Европы съ Азіею и Африкою и съ ходомъ просвѣщенія на нѣкогда счастливыхъ берегахъ Средиземнаго Моря (29).

Огромныя и высокіе хребты, эти свидѣтели великихъ переворотовъ, совершившихся на Землѣ, границы раздѣленія климатовъ, проводники водъ, питомцы другой растительности, производятъ сильное впечатлѣніе на нашу воображеніе; поэтому необходимо показать, вѣрнымъ исчисленіемъ ихъ объема, какъ незначительно количество приподнятыхъ массъ въ сравненіи съ массою цѣлыхъ материковъ. Масса Пирепеевъ, хребта, котораго средняя высота и основаніе измѣрены очень точно, будучи разсыпана на поверхности всей Франціи, возвысила бы ее только на сто осемь футовъ. Масса восточнаго и западнаго Альпійскаго Хребта, возвысила бы всю Европу не болѣе какъ на двадцать футовъ. Посредствомъ утомительнаго труда (30), который однако жъ по своей сущности даетъ въ результатъ только верхній предѣлъ, то есть, показываетъ, что число можетъ быть меньше, но отнюдь не больше, я нашелъ, что центръ тяжести земель, въ настоящее

время находящихся надъ поверхностью моря, въ нынѣшней Европѣ и Сѣверной Америкѣ лежитъ въ шести-стахъ-тридцати и семи-сотъ-двухъ, а въ Азін и Южной Америкѣ въ тысячу шестидесяти-двухъ и тысячу-осмидесяти футахъ надъ уровнемъ моря. Эти исчисленія доказываютъ низменность сѣверныхъ странъ: безпредѣльные степи низменной Сибири вознаграждаются огромною возвышенностью почвы между $28\frac{1}{2}$ и 40° параллелями, между Гиммалаемъ, сѣвернымъ тибетскимъ Куенъ-Линемъ и Тянь-Шанемъ. Представленные числа показываютъ гдѣ именно сильнѣе всего подѣйствовали силы внутренности земли при возвышеніи материковыхъ массъ.

Ничто не доказываетъ, чтобы втеченіе будущихъ вѣковъ, плутоическія силы къ существующимъ, исчисленнымъ Эли де-Бомономъ, горнымъ системамъ, не прибавилъ новыхъ системъ. Зачѣмъ предполагать, что земля утратила способность образовывать складки? Горныя системы Альповъ и Андовъ, появившіяся послѣ прочихъ, произвели Монбланъ и Монте-Роза, Сората, Нилманн и Шимборазо, колоссы которые отнюдь не служатъ доказательствомъ ослабленія энергій внутреннихъ силъ. Всѣ геогностическія явленія доказываютъ, что на Землѣ дѣятельность и спокойствіе смѣнялись періодически ⁽³¹⁾. Спокойствіе, которымъ мы наслаждаемся, только мнимое. Землетрясенія потрясающія поверхность земли во всѣхъ поясахъ и проявляющіеся во всѣхъ горныхъ породахъ, возвышеніе Швеціи, происхожденіе новыхъ острововъ, не говорятъ въ пользу совершенною успокоенія планеты.

Объ оболочкѣ твердой поверхности нашей планеты, капельно-жидкая и воздушная, совершенно противоположныя по своему виду и упругости, очень сходны однако жъ другъ съ другомъ по подвижности ихъ частичекъ, теченіямъ и температурнымъ отношеніямъ. Глубина океана и высота атмосферы намъ неизвѣстны. Въ океанѣ на нѣкоторыхъ точкахъ между тропиками, на глубинѣ двадцати-пяти тысячъ трехъ-сотъ футовъ (болѣе одной географической мили) дна не было найдено. Судя по явленіямъ сумерекъ, высота атмосферы, если она ограничена и, слѣдовательно, способна волноваться, какъ хотѣлъ доказать Воластонъ, должна быть въ девять разъ глубже этого. Атмосфера опирается частію на твердую землю, гдѣ горныя хребты и сплошныя возвышенности образуютъ, какъ мы уже замѣтили выше, мели, покрытыя зеленью и лѣсами; частію — на океанъ; и его поверхность образуетъ по-

движное основаніе, на которое опираются нижніе слои воздуха, насыщенные влагою.

Кверху и книзу, начиная от границы разделяющей атмосферу от океана, температура слоевъ воды и воздуха уменьшается по известнымъ законамъ. Въ атмосферѣ это уменьшеніе происходитъ гораздо медленнѣе, нежели въ океанѣ. Верхніе слои океана, близкіе къ воздуху, во всѣхъ поясахъ, стремятся сохранить температуру, равную съ температурою атмосферы, потому что охлажденные части воды, какъ тяжелѣйшія, опускаются внизъ. Рядъ точныхъ наблюдений надъ температурою доказываетъ, что океанъ отъ экватора до сорокъ-осьмого градуса южной и сѣверной широтъ, при обыкновенномъ, нормальномъ состояніи своей поверхности, немногимъ теплѣе ближайшихъ слоевъ воздуха. По причинѣ постепеннаго уменьшенія температуры, рыбы и другіе обитатели морскихъ водъ, у которыхъ дыханіе совершается посредствомъ жабръ и кожи, и которые, можетъ-быть, поэтому предпочитаютъ глубину, даже подъ тропиками находятъ низкую температуру и холодный климатъ, благопріятствующіе ихъ организаціи въ высшихъ широтахъ умѣреннаго и холоднаго пояса. Такое постепенное пониженіе температуры, подобно умѣренному и даже холодному горному воздуху плоскихъ возвышенностей жаркаго пояса, оказываетъ большое вліяніе на странствованіе и географическое раздѣленіе животныхъ. Глубина, въ которой живутъ рыбы, черезъ тяжесть воды измѣняетъ постепенно ихъ кожное испареніе и количество азоту и кислороду въ дыхательномъ пузырьѣ.

Такъ какъ прѣсная и соленая вода достигаютъ наибольшей плотности не при одинаковой температурѣ и какъ отъ присутствія соли морская вода остается жидкою при болѣе низкой температурѣ нежели прѣсная, то Коцебу и Дюпюи-Туаръ во время своихъ путешествій доставали изъ глубины океана воду, которая имѣла температуру 2° 8 и 2° 5. Такая ледяная температура господствуетъ даже и въ глубинахъ тропическихъ морей; она обнаружила существованіе нижнихъ полярныхъ теченій, которыя вдутъ отъ обонхъ полюсовъ къ экватору. Безъ нижнихъ теченій тропическія моря имѣли бы въ этихъ безднахъ температуру, равную наибольшему холоду, который приобрѣтаютъ водяныя частички около поверхности океана, прохладенной прикосновеніемъ воздуха. Въ Средиземномъ Морѣ (какъ остроумно замѣчаетъ Араго) нижніе слои воды потому только не имѣютъ очень низкой температуры, что притоку туда глубокаго полярнаго теченія

через Гибралтарскій Проливъ, гдѣ на поверхности, Атлантическое Море стремится въ Средиземное отъ востока къ западу, препятствуетъ восточно-западное противотеченіе Средиземнаго Моря въ Атлантическій Океанъ.

Капельножидкая оболочка нашей планеты, уравнивающая и дѣлающая умѣренными климаты, тамъ гдѣ ее перерѣзываютъ потоки теплыхъ и холодныхъ морскихъ рѣкъ, вдали отъ береговъ, въ странахъ тропическихъ, особенно между десятими градусами южной и сѣверной широтъ, обнаруживаетъ удивительное однообразіе и постоянство температуры, на пространствахъ нѣсколькихъ тысячъ квадратныхъ миль (23). Поэтому было справедливо замѣчено (24), что точное и продолжительное наблюдение надъ термическимъ состояніемъ тропическихъ морей, проще всего можетъ рѣшить важный и спорный вопросъ о постоянствѣ климатовъ и о земной теплотѣ. Большіе перевороты, происходящіе на Солнцѣ, если бы они были продолжительны, отразились бы, слѣдовательно, въ измѣненіяхъ средней температурѣ морей, вѣрнѣе нежели въ средней температурѣ материковъ. Поясы, гдѣ вода имѣетъ наибольшую плотность (насыщеніе солями) и температуру, не совпадаютъ съ экваторомъ. Наибольшая плотность и наибольшая температура отдѣлены другъ отъ друга; самыя теплыя воды образуютъ двѣ, не совсѣмъ параллельныя, ленты къ югу и сѣверу отъ географическаго экватора. Лентъ нашель, что наибольшее насыщеніе морскихъ водъ солями находится въ Тихомъ Океанѣ, между 22° сѣверной и 17° южной широты. Въ нѣсколькихъ градусахъ къ югу отъ экватора, находится даже minimum насыщенія. Въ безвѣтряныхъ областяхъ, теплота солнца не много способствуетъ испаренію, потому что тамъ атмосфера, насыщенная соляными парами, стоитъ неподвижно надъ поверхностью моря.

Разсматривая поверхность морей, имѣющихъ между собою сообщеніе, въ отношеніи ихъ средней высоты, можно допустить, что они находятся въ одномъ уровнѣ. Постоянное, хотя и незначительное возвышеніе уровня въ нѣкоторыхъ глубоко врѣзавшихся въ землю заливахъ, напримѣръ въ Черномъ Морѣ, зависитъ отъ мѣстныхъ причинъ (вѣроятнѣе отъ вѣтровъ и теченій). Въ различное время дня, море около Суэзкаго Перешейка, бываетъ отъ двадцати-четырехъ до тридцати футовъ выше уровня Средиземнаго Моря. Этому замѣчательному, постоянному возвышенію уровня Чернаго Моря, что было извѣстно уже древнимъ, кажется способствуетъ форма канала (Бабъ-эль-Мандебъ), черезъ который воды Индійскаго Океана удобнѣе втекаютъ туда, не-

жени исходятъ (25). Превосходныя геодезическія измѣренія Корабё (Coraboeuf) и Декрô (Delegon) не обнаружили замѣтной разницы въ уровняхъ Океана и Средиземнаго Моря.

Нарушеніе равновѣсія, и происходящія отъ этого движенія воды бываютъ частію неправильныя и непостоянныя и образуютъ волны, которыя во время бури и вдали отъ береговъ достигаютъ до тридцати-пяти футовъ вышины; частію правильныя и періодическія, производимыя положеніемъ и притяженіемъ Солнца и Луны (приливы и отливы); частію постоянныя, но различный силы, морскія теченія. Явленія прилива и отлива, свойственныя всѣмъ морямъ (исключая слишкомъ малыхъ и окруженныхъ землею, гдѣ притокъ воды не бываетъ замѣтенъ) совершенно объяснены физикою Ньютона, то есть, «введены въ кругъ необходимости». Каждое изъ этихъ періодическихъ колебаній воды продолжается не много болѣе шести часовъ. Въ открытомъ океанѣ приливъ едва достигаетъ высоты нѣсколькихъ футовъ; напротивъ-того, около береговъ, которые противодѣйствуютъ притоку, онъ возвышается, напримѣръ у Санъ-Мало, на пятьдесятъ и около Акадіи отъ шестидесяти-пяти до семидесяти футовъ.

Лапласъ аналитически доказалъ, что если предположить, что глубина Океана составляетъ значительную частицу радіуса земли, то для сохраненія постоянного равновѣсія въ морѣ необходимо, чтобы плотность водъ его была менѣе средней плотности земли. Въ самомъ дѣлѣ плотность земли впятеро болѣе плотности воды. Слѣдовательно, возвышенныя страны никогда не могли быть наводнены, и остатки морскихъ животныхъ, попадающіеся на вершинахъ горъ, не могли ни въ какомъ случаѣ быть принесены туда сильными приливами (слѣдствіемъ ннаго невелика теперь положенія Солнца и Луны) (27). Не маловажное достоинство анализа, которымъ такъ презираютъ необразованные люди, состоитъ въ томъ, что, на основаніи дополненной нынче теоріи Лапласа мы имѣемъ способъ предсказывать высоту приливовъ во всякое полнолуніе и новолуніе и такимъ образомъ обращать вниманіе прибрежныхъ жителей на грозящую имъ опасность, особенно во время близости Луны.

Океаническія теченія, которыя имѣютъ такое важное вліяніе на сообщенія народовъ и климатъ береговъ, зависятъ отъ множества очень различныхъ, частію важныхъ, частію повидному, ничтожныхъ, причинъ. Сюда относятся: время появленія отлива и прилива, бывающихъ на всей землѣ; продолжительность и сила господствующихъ вѣтровъ; удѣльный вѣсъ и плотность воды,

которые бывают различны въ различныхъ широтахъ и глубинахъ, смотря по ея температурѣ и еодержанію солей ⁽³⁸⁾; ежечасныя переиѣны въ давленіи атмосферы, слѣдующія одиѣ за другими въ направленіи отъ востока къ западу, чрезвычайно правильныя между тропиками. Теченія представляютъ чрезвычайно замѣчательное зрѣлище: въ извѣстныхъ широтахъ они образуютъ въ океанахъ рѣки, которыхъ берега составлены изъ неподвижныхъ слоевъ воды. Эта разница между подвижными и покойными частями океана особенно ясно видна тамъ, гдѣ длинныя массы морскаго льду представляютъ возможность измѣрять быстроту теченія. Въ нижнихъ слояхъ атмосферы, во время бури, бываетъ иногда замѣтно подобное же явленіе ограниченнаго теченія воздуха: среди густаго лѣсу буря опрокидываетъ деревья только на узкомъ пространствѣ.

Общее движеніе воды между тропиками отъ востока къ западу (экваторіальное или круговое теченіе), многіе принимаютъ за слѣдствіе переиѣн прилива и отлива, и пассатныхъ вѣтровъ. Оно измѣняетъ свое направленіе по причинѣ противодѣйствія, которое оказываютъ на него выдающіеся восточныя берега материковъ. Результатъ, выведенный Досси изъ движенія нарочно выброшенныхъ путешественниками бутылокъ, согласенъ до $\frac{1}{18}$ со скоростью движенія, которую я вывелъ изъ сравненія прежнихъ наблюденій ⁽³⁹⁾ (десять французскихъ морскихъ миль, въ десять сотъ пятьдесятъ тоазовъ, въ сутки). Колумбъ въ путевыхъ запискахъ третьяго своего путешествія (перваго, когда онъ подъ меридіаномъ Канарскихъ Острововъ держался къ тропикамъ), говоритъ: я навѣрное полагаю, что морская вода имѣетъ движеніе отъ востока къ западу (*las aguas van con los cielos*) то есть, такъ же, какъ мнимое движеніе Солнца, Луны и всѣхъ звѣздъ.

Узкіе потоки, настоящія океаническія рѣки, прорѣзываютъ океаны, приводятъ теплыя воды въ холодныя широты и холодныя въ теплыя. Къ первому классу относится знаменитое атлантическое заливное теченіе, изслѣдованное Ангieroю ⁽⁴⁰⁾ и особенно Гомери Жильбертомъ ⁽⁴¹⁾ уже въ шестнадцатомъ столѣтіи. Начала и источника этого теченія должно искать къ югу отъ мыса Доброй-Надежды; устье его находится въ Антильскомъ Морѣ и Мексиканскомъ Заливѣ, куда оно проходитъ черезъ Багамскій Каналъ; принявъ потомъ направленіе отъ юго-юго-запада къ сѣверо-сѣверо-востоку, оно удаляется все болѣе и болѣе отъ Соединенныхъ Штатовъ и, обращаясь около Нью-Фондленда къ востоку, часто выбрасываетъ на берегъ Ир-

ландіи, Гебридовъ и Норвегіи, тропическія растенія (*Mimosa scandens*, *Giulandina bonduc*, *Dolichos urens*). Его сѣверо-восточный рукавъ очень много помогаетъ согрѣванію воды и воздуха у самаго сѣвернаго мыса Скандинавскаго Полуострова. Тамъ гдѣ теплое заливное теченіе заворачивается около Нью-Фондленда къ востоку, начинается другой рукавъ, текущій къ Азорскимъ Островамъ, на югъ. Въ этомъ мѣстѣ находится Саргассо, огромная мель, покрытая водорослями, которая такъ сильно занимала воображеніе Колумба и которую Овiedo назвалъ морскимъ лугомъ (*praderias de yerba*). Безчисленное множество маленькихъ морскихъ животныхъ населяетъ эти всегда зеленыя массы *fici natantis*, одного изъ самыхъ обыкновенныхъ морскихъ растений.

Противоположность этому теченію между Африкою, Америкою и Европой, помѣщенному почти совершенно въ сѣверномъ полушаріи, составляетъ теченіе въ Южномъ Океанѣ, котораго низкую температуру, оказывающую вліяніе на климатъ береговъ, я впервые опредѣлилъ осенью 1802 года. Это теченіе, приносящее холодную воду южнаго Ледовитаго Моря къ берегамъ Чили, идетъ по направленію ихъ и по направленію береговъ Перу сначала отъ юга на сѣверъ, потомъ (начиная отъ залива Арика) отъ юго-юго-востока къ сѣверо-сѣверо-западу. Между тропиками, въ извѣстныя времена года, температура этого холоднаго морскаго теченія доходитъ до $15^{\circ}6$ ($12\frac{1}{2}^{\circ}$ по Реомюру), между тѣмъ какъ вода въ его имѣетъ температуру отъ $27^{\circ}5$ до $28^{\circ}7$ (22 — 23° по Реомюру). Тамъ гдѣ берегъ Южной Америки, къ югу отъ Пахты, наиболее уклоняется къ западу, это теченіе направляется отъ запада къ востоку, такъ, что плывя далѣе къ сѣверу, вдругъ попадаетъ изъ холодной воды въ теплую.

Неизвѣстно какую глубину имѣютъ эти холодныя и теплыя теченія. Судя по извороту, который южно-африканское теченіе дѣлаетъ около мели Лахульеъ, имѣющей отъ семидесяти до осьмидесяти брассовъ глубины, должно думать, что и самое теченіе имѣетъ такую же глубину. Мели, находящіяся въ теченіи, можно узнать, какъ это открылъ великій Веніаминъ Франклинъ, по холоду воды, находящейся надъ ними. Такое положеніе температуры, мнѣ кажется, зависитъ отъ того, что при распространеніи движенія моря, вода находившаяся въ глубинѣ у береговъ мели, поднимается и смѣшивается съ верхними слоями воды. Сэръ Гомфри Девіи приписывалъ причину этого явленія, которымъ бы очень хорошо могли пользоваться мореходцы для обезопасенія

своихъ судовъ, погруженію частичекъ воды прохладившихся ночью. Эти прохладившіяся частички остаются близъ поверхности, потому что мелъ мѣшаетъ имъ погрузиться въ глубину. Такимъ образомъ Франклинъ термометръ обращаетъ въ лотъ *. Надъ мѣлями часто образуются туманы, потому что холодъ воды осаждастъ пары изъ атмосферы. Такіе туманы, изображающіе очерки мелей, я видѣлъ на югѣ отъ Ямайки и въ Тихомъ Океанѣ. Въ нихъ, какъ въ зеркалѣ, отражается изображеніе морскаго дна. Другое, очень замѣчательное, дѣйствіе мелей охлаждающихъ воду состоитъ въ томъ, что онѣ, подобно низкимъ коралловымъ или намывнымъ островамъ, оказываютъ замѣтное вліяніе на высшіе слои воздуха. Вдали отъ всѣхъ береговъ, въ срединѣ океана, въ очень ясную погоду, надъ тѣми мѣстами, гдѣ находятся мели, иногда собираются тучи. По этимъ тучамъ, съ помощію компаса можно опредѣлить направленіе мели, точно такъ же какъ опредѣляется направленіе высокаго хребта или отдѣльной горы.

Не имѣя, снаружи, такого богатства формъ, какъ поверхность суши, океанъ, при точнѣйшемъ изслѣдованіи его внутренности, представляетъ намъ гораздо большее разнообразіе органической жизни нежели какая бы то ни была страна на материкахъ. Дарвинъ въ своихъ путевыхъ запискахъ справедливо замѣчаетъ, что наши лѣса не имѣютъ такого изобилія въ животныхъ, какъ низкіе океаническіе лѣса, гдѣ видрившіяся въ дно мели мохъ, или колеблемые теченіемъ или волнами и плавущіе по водѣ стебли *fuci*, развиваютъ свои нѣжные листья. Жизнь, которою наполненъ океанъ, производитъ еще болѣе глубокое впечатлѣніе, если употребить въ дѣло микроскопъ. Въ глубинахъ, превышающихъ высоту нашихъ высочайшихъ горъ, всякій слой воды оживленъ многожелудочными наливочными морскими животными, цилиндрами и офидіями. Здѣсь движутся безчисленные фосфорическіе животныя, обращающія всякую волну въ потокъ свѣту и привлекаемые къ поверхности моря извѣстными состояніями погоды, маммаріи изъ рода акалефовъ, черепокожныя, перидини и кружащіяся неренды.

Количество этихъ маленькихъ животныхъ и животной матеріи, которая образуется изъ ихъ труновъ, до такой степени неизмѣримо, что морская вода для многихъ большихъ морскихъ животныхъ превращается въ питательную жидкость. Богатство живыхъ формъ, безчисленность чрезвычайно разнообразныхъ ми-

* Посредствомъ лота измѣряется глубина и свойство почвы на днѣ моря.

кроскопическихъ, очень развитыхъ, организмовъ пріятно занимаетъ фантазію; но еще болѣе и можно сказать глубже, поражаетъ воображеніе зрѣлище безконечности и неизмѣримости, которое доставляетъ всякое морское путешествіе. Въ человѣкѣ, дѣятельномъ умомъ, создающемъ въ глубинѣ души своей новыя міры, зрѣлище открытаго моря пробуждаетъ идею о безконечности. Его взоръ приковывается къ отдаленному горизонту, гдѣ сливаются вода и воздухъ, куда и откуда движутся звѣзды надъ головою путешественника. Прибавьте сюда, еще то чувство унылаго упоенія, которое въ человѣкѣ примѣшивается къ чувству радости.

Только особенное пристрастіе къ морю, благодарное воспоминаніе о тѣхъ впечатлѣніяхъ, которыя между тропиками производила во мнѣ подвижная стихія, то въ спокойной ночной тишинѣ, то въ борьбѣ природы, только эти чувства могли побудить меня упомянуть объ индивидуальномъ наслажденіи, которое доставляетъ океанъ, прежде нежели я изобразилъ благотворное вліяніе, которое знакомство съ моремъ оказываетъ на умственную образованность и характеры народовъ, на умноженіе связей, которыя нѣкогда соединять все человѣчество, на возможность узнать видъ земли, наконецъ на усовершенствованіе астрономіи и всѣхъ математическихъ и естественныхъ наукъ. Часть этого вліянія сначала ограничивалась Средиземнымъ Моремъ и берегами юго-западной Азіи; но съ шестнадцатаго столѣтія оно распространилось гораздо далѣе и сдѣлалось ощутительнымъ для народовъ, живущихъ въ самой срединѣ материковъ. Съ-тѣхъ-поръ какъ Колумбъ былъ отправленъ «снять съ океана окоя» (такъ взывалъ къ нему невѣдомый голосъ во снѣ, когда онъ лежалъ больной на берегахъ рѣки Белема), духъ человѣческій, сдѣлавшись свободнѣе, началъ отважно стремиться въ отдаленныя страны.

Вторая, самая вѣдншая и всюду распространенная оболочка нашей планеты,—атмосфера, на днѣ и меляхъ которой (сплошныя возвышенности и горы) мы строимъ свои жилища, представляетъ намъ шесть родовъ естественныхъ явленій, находящихся въ самой тѣсной связи между собою, и зависящихъ отъ химическаго состава атмосферы, отъ измѣненій ея прозрачности, поляризація, плотности или давленія, отъ температуры, влажности и электричества. Кромѣ содержанія кислорода—главнаго элемента физической, животной жизни, воздухъ обладаетъ другимъ благотворнымъ свойствомъ болѣе высшаго роду. Онъ

«производитъ звукъ», слѣдовательно и рѣчь—сообщеніе идей, взаимныхъ отношеній между людьми. Если бы Земля, подобно Лунѣ не имѣла атмосферы—она была бы беззвучною пустынею. Отношеніе между началами, находящимися въ доступныхъ намъ слояхъ воздуху, было съ начала девятнадцатаго столѣтія предметомъ изслѣдованій, въ которыхъ Ге-Люссакъ и я принимали значительное участіе. Химическій анализъ атмосферы, благодаря превосходнымъ трудамъ Дюма и Буссенго достигъ высокой степени совершенства. Этотъ анализъ показываетъ, что сухой воздухъ содержитъ въ себѣ, по объему 20,8 кислорода и 79,2 азота; въ томъ числѣ отъ 0,0002, до 0,0005 углекислоты, ничтожное количество угле-водороду ⁽⁴⁵⁾ и, по опытамъ Соссюра и Либига, едва замѣтны слѣды паровъ амміаку ⁽⁴⁶⁾, изъ которыхъ растенія заимствуютъ свой азотъ. Нѣкоторыя наблюденія Леви дѣлаютъ вѣроятнымъ, что въ различныя времена года, и въ различныхъ мѣстахъ на морѣ и на сушѣ количество кислорода, содержащагося въ воздухѣ, хотя незамѣтнымъ образомъ, но измѣняется. Повидно, что измѣненія въ количественномъ содержаніи кислорода въ водѣ, производимыя микроскопическими организмами, могутъ произвести перемѣны въ слояхъ воздуха, которые непосредственно находятся надъ водою ⁽⁴⁷⁾. На высотѣ осьми тысячъ двухъ-сотъ двадцати-шести футовъ (Фаульгорнгъ), воздухъ, собранный Мертенсомъ, содержалъ въ себѣ такое же количество кислорода какъ и воздухъ въ Парижѣ ⁽⁴⁸⁾.

Примѣсь углекислаго амміаку въ атмосферѣ произошла, вѣроятно, прежде нежели на поверхности земли началось существованіе животныхъ. Источники угле-кислоты ⁽⁴⁹⁾, находящейся въ атмосферѣ, очень различны. Первый источникъ — дыханіе животныхъ, которыя принимаютъ въ себя выдыхаемый ими углеродъ вмѣстѣ съ растительною пищею; такъ же какъ растенія—изъ воздуха; далѣе слѣдуютъ внутренность земли, вблизи погасшихъ вулкановъ и теплые источники: совершающееся въ атмосферѣ разложеніе небольшой примѣси углеводорода, чрезъ электрическое разряженіе тучъ, столь частыхъ въ тропическихъ странахъ. Кромѣ началъ, находимыхъ въ воздухѣ во всѣхъ доступныхъ намъ высотахъ, въ немъ, особенно вблизи отъ поверхности земли, встрѣчаются случайныя примѣси, вредно дѣйствующія на животныя организмы, въ видѣ миазмовъ и газообразныхъ заразъ. Ихъ химическія свойства намъ покуда еще неизвѣстны; судя однако жъ по процессамъ гніенія, которое безпрестанно совершается на поверхности нашей планеты, покрытой расти-

тельными и животными организмами, и по нѣкоторымъ даннымъ патологій, можно допустить существованіе такихъ вредныхъ примѣсей. Аммоніакальные и другіе пары, содержащіе въ себѣ азотъ, сѣрно-водородная кислота и соединенія, которыя подобны многосложнымъ (тройнымъ и четвернымъ) соединеніямъ царства растительнаго (50), могутъ образовать міазмы, главную причину трехдневной лихорадки и тифа (и не только въ болотистыхъ странахъ или на морскихъ берегахъ, покрытыхъ гниющими моллюсками и невысокимъ кустарникомъ *Rizophora mangle* и авиценіями). Туманы, распространяющіе особый запахъ, въ извѣстныя времена года увѣдомляютъ насъ о такихъ случайныхъ примѣсяхъ въ нижнихъ слояхъ атмосферы. Вѣтры и теченіе воздуха снизу вверхъ, происходящее отъ нагрѣванія земли, поднимаетъ на значительную высоту, даже твердыя тѣла, распавшіяся однако въ мелкую пыль. Пыль, затемняющая воздухъ на большомъ пространствѣ, падающая около Острововъ Зеленаго Мыса, на которую Дарвинъ обратилъ вниманіе, содержитъ въ себѣ, по изслѣдованіямъ Эренберга, множество кремнисто-панцирныхъ инфузорій.

Главные черты въ общей картинѣ атмосферы составляютъ: 1) измѣненія давленія воздуха, правильныя, между тропиками ясно замѣтныя, часовыя колебанія, родъ приливовъ и отливовъ, происходящихъ въ атмосферѣ, причину которыхъ нельзя однако жъ приписать притягательной силѣ Луны (51) и которые бываютъ различны смотря по географической широтѣ, временамъ года и высотѣ мѣстъ надъ поверхностью моря; 2) климатическое распределеніе теплоты, дѣйствіе относительнаго положенія прозрачныхъ и непрозрачныхъ массъ (поверхности жидкихъ и твердыхъ тѣлъ) гипсометрическое очертаніе материковъ, обстоятельства, опредѣляющія географическое положеніе и искривленія изотермическихъ линій (линій одинаковой, средней, годовой температуры) въ горизонтальномъ и вертикальномъ направленіи въ равнинахъ или въ слояхъ воздуха лежащихъ одинъ на другомъ; 3) распределеніе влажности въ воздухѣ, количественное содержаніе поверхностей суши и моря, отдаленія мѣста отъ экватора и отъ уровня моря, формы осаждающихся водяныхъ паровъ и причинная связь между этими осѣвшими парами и измѣненіями температуры и направленіемъ и послѣдовательностью вѣтровъ; 4) отношеніе атмосфернаго электричества, котораго первоначальный источникъ, при ясномъ состояніи воздуха, составляетъ спорный предметъ; отношеніе поднимающихся паровъ къ электриче-

скому зарядженію и формѣ тучъ въ извѣстныхъ времена дня и года въ холодномъ и тепломъ поясахъ, неизменностямъ и сплошнымъ возвышенностямъ; частое и рѣдкое явленіе грозъ; ихъ періодическое появленіе и развитіе зимой и лѣтомъ; причинную связь между электричествомъ и столь рѣдкимъ ночнымъ паденіемъ града, и съ тифонами (водяными и песочными столбами) столь остроумно изслѣдованными господиномъ Пельтиѣ.

Часовыя колебанія барометра, гдѣ высота ртутнаго столба подъ тропиками достигаетъ, дважды, своего maximum (въ 9 или $9\frac{1}{2}$ часовъ утромъ и въ $10\frac{1}{2}$ или $10\frac{1}{4}$ вечера) и дважды до своего minimum (въ 4 или $4\frac{1}{4}$ часа по полудни и въ 4 часа утра, слѣдовательно въ самое жаркое и въ самое холодное время дня), долго были для меня предметомъ самыхъ тщательныхъ наблюдений днемъ и ночью (52). Колебанія эти такъ правильны, что, особенно днемъ, по высотѣ ртутнаго столба, можно опредѣлить время дня не ошибаясь, среднимъ числомъ, болѣе пятнадцати или семнадцати минутъ. Въ жаркомъ поясѣ Новаго Свѣта, какъ на берегу моря такъ и на высотѣ 12,000 футовъ надъ его поверхностью, гдѣ средняя температура понижается до 7° , я нашелъ, что правильность прилива и отлива атмосферы не измѣняется ни во время бури, ни грозою, ни дождемъ, ни землетрясеніями. Величина дневныхъ колебаній, въ направленіи отъ экватора до 70° сѣверной широты (гдѣ Браве въ Бозекопѣ (53) произвелъ множество точныхъ наблюдений) отъ 1,32 до 0,18 линій.

Изъ наблюдений Парри, произведенныхъ въ гавани Бовенѣ ($73^{\circ}14'$), отнюдь нельзя заключить, чтобы въ ближайшемъ разстояніи отъ полюса, средняя высота барометра, въ 10 часовъ утра дѣйствительно была меньше чѣмъ въ 4 часа по полудни, такъ что часы поворота взаимно мѣняютъ свое вліяніе.

Средняя высота барометра, по причинѣ подниманія вверхъ воздушнаго потока, подъ экваторомъ и вообще подъ поворотными кругами, нѣсколько меньше (54), нежели въ умѣренномъ поясѣ; она, повидному, достигаетъ высшей точки въ западной Европѣ между 40° и 45° сѣверной широты. Если вмѣстѣ съ Кемпомъ соединить мѣста, въ которыхъ средняя разность между мѣсячными крайностями барометра, бываетъ одна и та же съ *изобарометрическими* линіями, то образуются кривыя, которыхъ географическое положеніе и изгибанія приводятъ къ важнымъ результатамъ относительно вліянія оказываемаго видомъ материковъ и распределеніемъ моря на колебанія атмосферы. Въ Индуставѣ съ его высокими горными цѣпами и трехъугольными островами, въ

восточномъ берегу Нового Свѣта, въ томъ мѣстѣ, гдѣ струи теплаго заливнаго теченія при Нью-Фондлендѣ, поворачиваются на востокъ, мы находимъ гораздо большія изобарометрическія колебанія, нежели на Антильскихъ Островахъ и въ западной Европѣ. Господствующіе вѣтры оказываютъ самое главное вліяніе на уменьшеніе давленія воздуха; а вмѣстѣ съ уменьшеніемъ давленія увеличивается (65) по наблюденіямъ Досси, какъ мы уже упомянули выше, и средняя высота моря.

Какъ главныя причины важнѣйшихъ измѣненій воздушнаго давленія, и правильно повторяющихся въ извѣстные часы дня и извѣстныя времена года, и случайныхъ, часто сильныхъ и опасныхъ и всѣхъ такъ-называемыхъ явленій грозъ, составляетъ теплота солнечныхъ лучей, то поэтому многіе метеорологи, согласно предложенію Ламбера, давно уже сравнили направленія вѣтровъ съ высотами барометра, измѣненіями температуры, увеличеніемъ и уменьшеніемъ влажности въ воздухѣ. Таблицы воздушнаго давленія, при различныхъ вѣтрахъ, такъ называемыя *барометрическія розы вѣтровъ*, обнаруживаютъ глубокую связь (67) между метеорологическими явленіями. Остроумный Доссе нашелъ въ открытомъ имъ законѣ *измѣняющагося направленія вѣтровъ* въ обоихъ полушаріяхъ, причину многихъ великихъ перемѣнъ (процессовъ) совершающихся въ воздушномъ океанѣ (68). Разность температуръ въ странахъ, лежащихъ близъ полюса и близъ экватора, образуетъ два противоположныхъ теченія: одно въ верхнихъ областяхъ атмосферы, другое при земной поверхности. По причинѣ различіи скорости, съ которою точки ближайшія къ полюсу и близкія къ экватору, обращаются около оси, воздухъ притекающій отъ полюса, направляется къ востоку, а стремящійся отъ экватора — къ западу. Отъ столкновенія двухъ этихъ токовъ, отъ мѣста гдѣ спускается внизъ вышній потокъ, отъ взаимнаго вытѣсненія одного потока другимъ, зависятъ величайшіе основныя явленія воздушнаго давленія, согрѣванія и охлажденія воздушныхъ слоевъ, осажденія водяныхъ паровъ и даже, какъ это доказалъ Доссе, образованіе облаковъ и самый ихъ видъ. Фигура облаковъ провозвѣщаетъ то, что происходитъ въ верхнихъ областяхъ воздуха; и даже во время безвѣтрія, въ знойную лѣтнюю пору, образуетъ проекцію земли изливающей теплоту.

Гдѣ это вліяніе излученія теплоты находится подъ вліяніемъ относительнаго положенія большихъ *материковыхъ* и *океаническихъ* поверхностей, напримѣръ между восточнымъ берегомъ Африки и западнымъ берегомъ Индійскаго Полуострова, такъ

это периодически съ закатомъ солнца измѣняющееся направленіе вѣтру въ индѣйскихъ *монсунахъ* (59), въ *Гиппалосъ* греческихъ моряковъ, вѣроятно, весьма давно сдѣлалось извѣстнымъ. Знанія монсунныхъ, господствующихъ въ восточномъ, арабскомъ и западномъ Малайскомъ моряхъ, сдѣлавшееся извѣстнымъ въ Индустанѣ и Китаѣ, конечно, за нѣсколько тысячелѣтій тому назадъ и еще болѣе древніе и общее познаніе *материковыхъ* и *морскихъ вѣтровъ*, было зародышемъ нашей выѣшней метеорологіи. Длинный рядъ *магнетическихъ обсерваторій* между Москвою и Пекиномъ, идущій чрезъ всю сѣверную Азію, доставитъ важные результаты въ отношеніи *закона вѣтровъ*, независимо отъ изслѣдованія другихъ метеорологическихъ вопросовъ. Сравненіе мѣстъ наблюденія, удаленныхъ одно отъ другаго на многія сотни миль, рѣшить, на примѣръ, вопросъ, «отъ пустынной сплошной возвышенности Коби до внутренности Россіи дуетъ ли одинъ и тотъ же восточный вѣтеръ или воздушный токъ начинается въ среднихъ цѣпи магнитныхъ станцій чрезъ опусканіе воздуха изъ высшихъ областей атмосферы». Тогда мы узнаемъ въ собственномъ значеніи слова, *откуда* выходитъ вѣтеръ. Если удовольствоваться результатами наблюденій только такихъ мѣстъ, гдѣ направленія вѣтра были замѣчаемы болѣе двадцати лѣтъ сряду, то мы увидимъ (по новѣйшему и точному вычисленію Вильгельма Мальмана), что подъ средними широтами умѣренныхъ поясовъ въ обомъ материкахъ *господствующій* вѣтеръ — западно-юго-западный.

Мы получили болѣе ясныя понятія о *распредѣленіи теплоты* въ атмосферѣ съ тѣхъ-поръ какъ точки, на которыхъ среднія температуры года, лѣта и зимы, были изслѣдованы въ точности и соединены линіями. Система *изотермовъ*, *изотермовъ* и *максимума*, изображенная мною впервые въ 1817 году, можетъ-быть составить главное основаніе для *сравнительной климатологіи*, если физики будутъ постоянно ее совершенствовать. Исслѣдованіе земнаго магнетизма приняло научную форму потому только, что разсѣянные частные результаты были приведены графически въ линіи *равнаго отклоненія*, *равнаго наклоненія* и *равной напряженности*.

KOSMOS.

(МИРОЗДАНИЕ.)

=

Подъ словомъ *климатъ* въ самомъ обыкновенномъ смыслѣ разумѣются всѣ измѣненія атмосферы, ощутительно поражающія наши органы: температура, сырость, перемѣны барометрическаго давленія, спокойное состоянiе воздуха или дѣйствiя неравноименныхъ вѣтровъ, величина электрической напряженности, чистота атмосферы, или ея смѣшенiе съ болѣе или менѣе вредными газообразными испаренiями, наконецъ степень обыкновенной прозрачности и ясности неба, которая важна не только потому, что увеличиваетъ залученiе теплоты почвою земли, и служитъ для органическаго развитiя растенiй и созрѣванiя плодовъ, но также и потому, что оказываетъ важное влiянiе на чувствованiя и все душевное настроенiе человѣка.

Если бы поверхность Земли состояла изъ однородной жидкой массы или изъ однородныхъ каменныхъ пластовъ, которые имѣ-

ли бы одинаковый цвѣтъ, одинаковую плотность, одинаковую гладкость, одинаковую способность поглощать солнечные лучи и одинаковымъ образомъ отражали бы ихъ сквозь атмосферу въ пространство вселенной, то направление изотермовъ, изотермовъ и изохименовъ было бы параллельно экватору. При такомъ гипотетическомъ состояніи земной поверхности, способность поглощать и отражать свѣтъ и теплоту, была бы подъ одинаковыми широтами одна и та же. На этомъ среднемъ и первобытномъ состояніи, не исключаемъ ни излученія теплоты во внутренности и въ покровъ земнаго сфероида, ни распространенія теплоты воздушными теченіями, основывается математическій взглядъ на климаты. Все, что измѣняетъ способность поглощенія и излученія въ нѣкоторыхъ частяхъ земной поверхности, находящихся подъ одинаковыми широтами, все это производитъ искривленія въ изотермахъ. Свойства этихъ кривизнъ, уголъ, подъ которымъ изотермы, изотеры и изохимены перерѣзываютъ круги, положеніе *выпуклостей* или *вогнутостей* въ отношеніи къ полюсу равноименнаго полушарія — слѣдствія причинъ возбуждающихъ теплоту или холодъ, причинъ, которыя подъ различными географическими долготами имѣютъ большую или меньшую силу.

Успѣхамъ *климатологіи* удивительнымъ образомъ благопріятствовало то, что европейская образованность распространилась на двухъ, одинъ другому противоположныхъ, берегахъ; что она отъ нашего западнаго берега перешла на восточный, находящійся по ту сторону атлантической океанической долины. Когда Бритты, послѣ временныхъ переселеній изъ Исландіи и Гренландіи, основали первыя прочныя поселенія на берегу Соединенныхъ Штатовъ Сѣверной Америки, когда преслѣдованія за религію, евангелизмъ и любовь къ свободѣ увеличили народонаселеніе колоній, — новые поселенцы (начиная отъ Сѣверной Каролины и Виргиніи до рѣки Святаго Лаврентія), вѣроятно были изумлены, встрѣтивъ сильную стужу въ такихъ мѣстахъ, которыя находятся подъ одними широтами съ Италією, Францією и Шотландією. Такого роду взглядъ на сущность климата, принесъ плоды тогда только, когда былъ основанъ на численныхъ результатахъ *средней теплоты года*. Сравнивая Нантъ на Лабораторскомъ Берегу съ Готенбургомъ, Гамбургъ съ Бордо, Нью-Йоркъ съ Неаполемъ, Санъ-Августинъ въ Флоридѣ съ Кавромъ, мѣста лежащія между 58° и 30° сѣверной широты, мы находимъ, что подъ одинаковыми градусами широты разницы средней температуры

года въ восточной Америкѣ и западной Европѣ въ направленіи отъ сѣвера къ югу увеличиваются: $11^{\circ}5$; $7^{\circ}7$; $3^{\circ}8$ и почти доходятъ до 0° . Постепенное уменьшеніе разностей въ ряду этихъ двадцати-осьми градусовъ широты — разительно. Далѣе къ югу, подъ самыми тропиками, изотермическія мѣста въ обѣихъ частяхъ Свѣта всюду параллельны экватору. Изъ приведенныхъ примѣровъ видно, что такъ часто повторяемые въ обществахъ вопросы: на сколько градусовъ Америка (не дѣлая различія между восточнымъ и западнымъ берегомъ) холоднѣе Европы; на сколько градусовъ среднія теплоты года въ Канадѣ и въ Соединенныхъ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ ниже, чѣмъ въ Европѣ подъ тѣми же широтами — рѣшительно не имѣетъ смысла. Разница подъ каждымъ параллельнымъ кругомъ яная; безъ спеціальнаго сравненія зимней и лѣтней температуры на противоположащихъ берегахъ; нельзя составить себѣ яснаго понятія о дѣйствительныхъ климатическихъ условіяхъ, о томъ, какое вліяніе имѣютъ они на земледѣліе, промышленность и на благорастворенность или неблагоприятность климата.

Причины, отъ которыхъ происходятъ неправильности въ видѣ изотермовъ, я раздѣляю на причины *возвышающія температуру* и на причины *понижающія ея*. Къ первому классу принадлежатъ: сосѣдство западнаго берега въ умѣренномъ поясѣ; раздѣленіе материка на полуостровы, глубоко вдающіеся въ него заливы и внутреннія моря; направленіе, то есть, мѣстное отношеніе известной части материка, либо къ непокрытому льдомъ морю, которое простирается за полярный кругъ, либо къ значительнаго протяженія массѣ материковой земли, находящейся между тѣми же меридіанами подъ экваторомъ или по-крайней-мѣрѣ въ части тропическаго пояса; далѣе, преобладаніе южныхъ и западныхъ вѣтровъ на западной границѣ материка въ умѣренномъ сѣверномъ поясѣ; горныя цѣпи, составляющія оборонительныя стѣны противъ наслія вѣтровъ, прилетающихъ изъ холодныхъ странъ; почти совершенное отсутствіе болотъ, остающихся подъ ледянымъ покровомъ весною и въ началѣ лѣта, и недостатокъ въ лѣсахъ на сухой песчаной почвѣ; наконецъ, постоянно ясная погода втеченіи лѣтнихъ мѣсяцевъ и близость морскаго теченія, если это теченіе приноситъ воды высшей температуры, въ сравненіи съ температурою водъ сосѣдняго моря.

Къ причинамъ, измѣняющимъ среднюю температуру года посредствомъ *холода*, я отношу возвышенность мѣста надъ уров-

немъ моря, не разумѣя подъ этимъ значительныхъ плоскихъ возвышенностей; близость восточнаго берега подъ высшими и средними широтами; массообразное (сплошное) устройство материка, не имѣющаго береговъ изрытыхъ заливами; протяженія материковъ до полюсовъ, гдѣ господствуютъ вѣчные льды (если внутри этихъ материковъ на зиму моря не покрываются льдомъ); положеніе географической долготы, когда море лежитъ близъ экватора и около тропиковъ, то есть, когда между тѣми же меридіанами, подъ которыми лежитъ изслѣдуемая земля, не имѣется твердаго, сильно нагрѣвающагося, и столь же сильно излучающаго теплоту тропическаго материка; горныя цѣпи, своимъ направлениемъ и стѣноподобнымъ видомъ мѣшающіе притоку теплыхъ вѣтровъ, или близость уединенныхъ вершинъ, которыя бываютъ причиною холодныхъ теченій воздуха, по ихъ отвѣсамъ; обширные лѣса, препятствующіе высыханію почвы, отправленіями своихъ листьевъ помогающія испаренію жидкостей, распространениемъ въ ширину этихъ органовъ, образующіе охлаждающую поверхность, слѣдовательно, дѣйствующія тройнымъ образомъ: посредствомъ прохладенія тѣнью, испаренія и излученія; большое количество болотъ, образующихъ въ сѣверныхъ странахъ на равнинахъ до средины лѣта родъ подземныхъ ледянковъ; въ лѣтнюю пору туманы, которые ослабляютъ дѣйствіе проходящихъ сквозь нихъ солнечныхъ лучей; наконецъ, зимою, очень ясную погоду, благопріятствующую ⁽⁶⁰⁾ излученію теплоты.

Искривленіе изотермическихъ линій, начертанныхъ на поверхности земли, есть слѣдствіе одновременнаго дѣйствія согрѣвающихъ и охлаждающихъ причинъ (особенно отношеній между пространствомъ и видомъ, непрозрачныхъ материковыхъ и жидкихъ океаническихъ массъ). Эти нарушенія составляютъ причину выпуклостей и вогнутостей вершинъ изотермическихъ кривыхъ линій. Но есть нарушающія причины различныхъ родовъ: каждая изъ нихъ должна сначала быть разсматриваема отдѣльно; впоследствии, чтобъ получить сумму ихъ вліаній на направленіе, мѣстную кривизну изотермическихъ линій, должно опредѣлить, какія изъ нихъ, соединяясь, взаимно уничтожаются, измѣняются, усиливаются, какъ это замѣчается въ небольшихъ встрѣчающихся и пересѣкающихся колебаніяхъ. Вотъ сущность метода, которая дастъ намъ нѣкогда, какъ я надѣюсь, средства связать эмпирически, нумерически выраженными законами безконечные ряды, повиди-

тому совершенно изолированных фактовъ и доказать необходимость ихъ взаимной зависимости.

Такъ вслѣдствіе противодѣйствія пассатныхъ вѣтровъ (восточныхъ вѣтровъ между тропиками) западный и западно-юго-западный вѣтры господствующіе вѣтры въ умеренныхъ поясахъ и какъ они для западныхъ береговъ — морскіе, а для восточныхъ — береговые вѣтры (то есть въ первомъ случаѣ проходятъ по плоскости, которая по причинѣ своей массы и по причинѣ погруженія прохладенныхъ частичекъ не способна слишкомъ прохладиться), то тамъ, гдѣ океаническія теченія не оказываютъ вліянія на побережье, восточные берега материковъ холоднѣе западныхъ. Остроумный, юный спутникъ Кука, во время втораго его путешествія вокругъ Свѣта, Джоржъ Форстеръ первый обратилъ вниманіе на различіе температуры, существующее между восточными и западными берегами обоихъ материковъ и на сходство по температурѣ между западными берегами Америки въ среднихъ широтахъ и берегами западной Европы (61).

Точныя наблюденія показываютъ даже, что въ сѣверныхъ широтахъ между среднею годовою температурою восточнаго и западнаго берега Америки находится ощутительная разница. Средняя годовая температура въ Нанѣ и Лабрадорѣ ($57^{\circ} 10'$ широты) равняется $3^{\circ} 8'$, между-тѣмъ какъ въ Ново-Архангельскѣ на сѣверо-западномъ берегу въ Россійско-Американскихъ владѣніяхъ она составляетъ еще $6^{\circ} 9'$. Въ Нанѣ средняя температура лѣтомъ едва достигаетъ до $6^{\circ} 2'$, между-тѣмъ какъ въ Новоархангельскѣ она доходитъ до $13^{\circ} 8'$. Средняя ($11^{\circ} 3'$) температура Пекина ($39^{\circ} 54'$) на восточномъ берегу Азіи пятью градусами ниже средней температуры Неаполя, лежащаго нѣсколько сѣвернѣе. Средняя зимняя температура Пекина по-крайней-мѣрѣ — 3° , между-тѣмъ какъ въ западной Европѣ, даже въ Парижѣ ($48^{\circ} 50'$) она составляетъ $-1^{\circ} 3'$. Поэтому зимняя температура Пекина двумя съ половиною градусами ниже температуры Копенгагена, находящагося семнадцатью градусами ближе къ сѣверу.

Мы уже говорили о медленности, съ которою воды океана слѣдуютъ за измѣненіями температуры и о томъ, что море по этой причинѣ уравниваетъ температуру. Оно уиѣряетъ холодъ зимою и жаръ лѣтомъ. Отсюда возникаетъ новая важная противоположность: противоположность между климатомъ острововъ

и береговъ, который господствуетъ на изрытыхъ заливахъ материкахъ и полуостровахъ, и климатомъ внутреннихъ земель большихъ массъ твердой земли. Леопольдъ фонъ-Бухъ первый изслѣдовалъ эту замѣчательную противоположность въ-отношеніи ея различныхъ явленій, ея вліянія на растительность и усовершенствованіе земледѣлія, на прозрачность неба, излученіе теплоты поверхностью земли и на высоту снѣговой линіи. Во внутренности материка Азіи, въ Тобольскѣ, Барнаулѣ, на Оби и Иркутскѣ лѣто такое же какъ въ Берлинѣ, Мюнстерѣ и Шербургѣ въ Нормандіи; но за этимъ лѣтомъ слѣдуетъ зима, въ которой средняя температура самага холоднаго мѣсяца—18 до 20°; лѣтомъ напротивъ, термометръ по нѣскольکو недѣль сряду стоитъ на +30 и 31°. Бюффонъ, этотъ опытный математикъ и физикъ, справедливо называетъ эти материковые климаты неумѣренными *excessifs*; обитатели этихъ неумѣренныхъ климатовъ, кажется, осуждены, какъ говоритъ Данте въ *Purgatorio*:

A soffrir tormenti caldi e geli.

Ни въ одной странѣ, даже и на Канарскихъ Островахъ или въ Испаніи и Южной Франціи, я не видалъ такихъ прекрасныхъ овощей, особенно же винограду, какъ въ Астрахани, недалеко отъ береговъ Каспійскаго Моря (46° 21'). При средней годовой температурѣ, равняющейся девяти градусамъ, средняя лѣтняя температура доходитъ здѣсь до 21°2', какъ около Бордо; между-тѣмъ какъ не только въ Астрахани, но даже южнѣе, въ Кизлярѣ, при устьѣ Терека (въ широтахъ Авиньона и Римни), термометръ опускается зимою до двадцати-пяти и тридцати градусовъ.

Ирландія, Гвернси и Джерси, полуостровъ Бретань, берега Ирландіи и Южной Англіи составляютъ, по умѣренности своихъ зимъ, низкой температурѣ и туманности неба лѣтомъ, самую разительную противоположность съ материковымъ климатомъ восточной Европы. Въ сѣверо-восточной части Ирландіи (54° 58') подъ одинаковою широтою съ Кёнигсбергомъ, растутъ такіе же пышные марты, какъ въ Португаліи; въ Венгріи средняя температура августа + 21°; въ Дублинѣ (находящемся на одной и той же изотермической линіи (9½°) она составляетъ только 16°; средняя зимняя температура въ Оксѣ до 2°4', въ Дублинѣ (при незначительной годовой температурѣ 9°5')

она + 403', то есть, еще два градуса выше, чѣмъ въ Миланѣ, Павіи, Падуѣ и во всей Ломбардіи, гдѣ средняя годовая температура равняется 207'. На Оркадскихъ Островахъ (Стромнесъ), которые на полградуса южнѣе Стокгольма, зимой температура — четыре градуса, слѣдовательно, тамъ теплѣе чѣмъ въ Парижѣ, и почти такъ же тепло какъ въ Лондонѣ. Даже на Ферое, лежащемъ подъ 62° широты, находящемся подъ благотворнымъ вліяніемъ западныхъ вѣтровъ и моря, внутреннія воды никогда не замерзаютъ. На прелестныхъ берегахъ Дивона, гдѣ гавань Селькомъ, получившая по причинѣ своего умѣренного климата, названіе Сѣвернаго Монпелье, агаве мекіана цвѣтетъ на открытомъ воздухѣ, а померанцы, защищаемые отъ зимняго холода только рогожами, приносили зрѣлые плоды. Тамъ, такъ же какъ на берегахъ Нормандіи, въ Пенсасѣ, Госпорѣ и Шербурѣ средняя зимняя температура доходитъ до 5°5'; то есть, только 1°3' ниже зимней температуры Монпелье и Флоренціи⁽⁶²⁾. Приводимые нами факты показываютъ, какъ важно для растительности, для земледѣлія и для нашихъ чувствъ такое различное распредѣленіе средней годовой температуры въ различныя времена года.

Линіи, которыя я называю изохименами и изотерами (линіи одинаковой зимней и лѣтней температуры) не параллельны линіямъ изотермическимъ (одинаковой средней годовой температуры). Если въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ растутъ дикіе мирты, гдѣ земля никогда постоянно не покрывается снѣгомъ, температура лѣта и осени едва способна доводить до совершенной зрѣлости яблоки; если виноградъ, изъ котораго выходитъ хорошее вино, не растетъ у береговъ (даже западныхъ) и на островахъ, то причина этому не одна меньшая теплота лѣта на побережьяхъ, какъ то показываютъ намъ термометры, поставленные въ тѣни; она заключается въ различіи, на которое столь мало обращаютъ вниманіе, но котораго вліяніе обнаруживается столь сильно въ другихъ явленіяхъ (въ воспламененіи смѣси хлора и водорода) между дѣйствіемъ прямаго и разсѣяннаго свѣта, при ясномъ или туманномъ небѣ. Я давно уже⁽⁶⁴⁾ старался обратить вниманіе физиковъ и физиологовъ на это различіе, на мѣстное развитіе теплоты подъ вліяніемъ прямыхъ лучей свѣта въ оживленной растительной ячейкѣ.

Если въ термическомъ ряду воздѣлываемыхъ растений⁽⁶⁵⁾ мы

начнемъ разсматривать сначала тѣ, которыя требуютъ самаго знойнаго климату, то есть, ваниль, какао, пизангъ и кокосовую пальму, и постепенно перейдемъ къ ананасамъ, сахарному тростнику, кофе, финиковымъ деревьямъ, хлопчатой бумагѣ, лимонамъ, масличному дереву, каштанамъ, винограду; то точное географическое изслѣдованіе предѣловъ земледѣлія на равнинахъ и около подошвы горъ, покажетъ намъ, что здѣсь дѣйствуютъ другія климатическія условія, нежели средняя годовая температура. Возьмемъ въ примѣръ виноградъ: для того, чтобъ изъ него вышло посредственное вино, необходимо, чтобъ средняя температура была выше $+ 9^{\circ}5'$; чтобы за зиму, которой температура равна $0^{\circ}5'$, слѣдовало лѣто, котораго средняя температура была бы 18° . Въ ложбинѣ Гаронны около Бордо ($44^{\circ} 50'$) годовая, зимняя, весенняя, лѣтняя и осенняя температуры — $13^{\circ}8'$; $6^{\circ}2'$; $21^{\circ}7'$; $14^{\circ}4'$. Въ балтійской равнинѣ ($52 \frac{1}{2}^{\circ}$ широты) гдѣ выдѣлываются плохія вины, средняя температура этихъ временъ года $8^{\circ}6'$; $0,07'$; $17^{\circ}6'$ и $8^{\circ}6'$. Кажущаяся странность, что такое важное различіе, обнаруживаемое винодѣліемъ, не проявляется еще яснѣе въ нашихъ термометрахъ, теряетъ свою значительность, если мы примемъ въ соображеніе то, что термометръ, помѣщенный въ тѣни и почти совершенно защищенный отъ дѣйствій прямыхъ солнечныхъ лучей и ночнаго излученія, при періодическомъ измѣненіи температуры не показываетъ во все время года истинной, поверхностной температуры почвы, на которую солнечныя лучи падаютъ прямо.

Умѣренный, равномѣрный береговой климатъ полуострова Бретани, находится въ точно такомъ же отношеніи къ болѣе холодному зимою и болѣе жаркому лѣтомъ климату остальной массы Франціи, въ какомъ Европа находится къ огромному матеріку Азіи, котораго она составляетъ полуостровъ. Своимъ болѣе умѣреннымъ климатомъ Европа обязана существованію и положенію Африки, составляющей въ тропическомъ поясѣ огромное протяженіе твердой земли, излучающей теплоту и тѣмъ поддерживающей восходящее теченіе воздуха, между-тѣмъ какъ къ югу отъ Азіи въ тропическомъ поясѣ находится только океанъ; изрѣзанности своихъ береговъ и близости моря къ западнымъ берегамъ древняго матеріка; морю непокрытому льдами, тамъ гдѣ она простирается на сѣверъ. Европа сдѣлалась бы холоднѣе, если бы Африка погрузилась въ волны Оксана; если бы снова явилась баснословная Атлантида и соединила Европу съ сѣвер-

ною Африкою; если бы заливное течение не называлось въ сѣверныхъ моряхъ, или если бы вулканическія причины подняли другой материкъ между Скандинавскимъ Полуостровомъ и Шпицбергеромъ. Причина пониженія годовыхъ температуръ, по мѣрѣ удаленія нашего, по направленію одной широты отъ Атлантическаго Океана, черезъ Францію, Германію, Польшу и Россію къ Уральскому Хребту, то есть, въ направленіи отъ запада къ востоку, заключается въ томъ, что форма материка, мало-по-малу становится однообразнѣе, плотнѣе и шире, и въ постепенно ослабляющемся вліяніи западныхъ вѣтровъ. По ту сторону Урала западные вѣтры дѣлаются холодными вѣтрами; когда проходятъ черезъ равнины, покрытыя льдомъ и снѣгами, слѣдовательно, холодъ, господствующій въ Западной Сибири, завнентъ отъ фигуры материка и отъ теченія воздуха, а не отъ ⁽⁶⁸⁾ возвышенности почвы надъ поверхностью моря, какъ предполагали уже Гиппократъ, Трогъ Помпей и многіе знаменитые путешественники осьмнадцатаго столѣтія.

Если теперь отъ разсмотрѣнія различій въ температурѣ, представляющихся на равнинахъ, мы перейдемъ къ разсмотрѣнію различія этого явленія на неровностяхъ нашей планеты; то намъ должно разсматривать горные хребты либо въ ихъ вліяніи на климатъ сосѣднихъ съ ними низменностей, либо въ дѣйствіяхъ, оказываемыхъ (вслѣдствіе гипсометрическихъ условій) ихъ вершинами, принимающими часто видъ сплошныхъ возвышенностей. Группировка горъ въ горныхъ цѣпяхъ раздѣляетъ поверхность земли на различныя доловины, на кругообразныя долины, часто окруженныя кругообразныя котловины, которыя (напримѣръ въ Греціи и части Малой Азіи) даютъ климату мѣстный индивидуальный характеръ въ отношеніи теплоты и влажности, чистоты воздуха, частаго повторенія вѣтровъ и грозъ. Эти обстоятельства искони оказывали большое вліяніе на земледѣіе, обычаи, гражданское устройство и взаимное отвращеніе сосѣднихъ племенъ. Характеръ географической индивидуальности доходитъ до своего maximum тамъ, гдѣ разность образованія почвы въ вертикальномъ и горизонтальномъ направленіи, въ рельефъ и изрѣзанности очерковъ доходитъ до высшей степени. На все это имѣютъ самое неблагоприятное вліяніе степи сѣверной Азіи, луговыя равнины (саванны, льяносы и пампасы) Новаго Свѣта, степи (ericeta) Европы, песчаныя и каменистыя пустыни Африки.

Законъ уменьшенія теплоты по мѣрѣ приближенія къ полюсамъ, подъ различными широтами—одинъ изъ важнѣйшихъ предметовъ для метеорологин, для ботанической географин, для теорин земнаго преломленія лучей свѣта и для различныхъ гипотезъ, относительно опредѣленія высоты атмосферы. Главною цѣлью всѣхъ моихъ путешествій по горамъ, подъ тропиками и внѣ ихъ, было опредѣленіе этого закона (66).

Съ тѣхъ-поръ, какъ намъ сдѣлались точнѣе извѣстны законы распредѣленія теплоты на поверхности земли, то есть, съ тѣхъ-поръ какъ мы нашли кривизны изотермическихъ и изотерическихъ теченій и открыли неравенство разстояній между ними въ различныхъ восточныхъ и западныхъ температурныхъ системахъ Азін, средней Европы и сѣверной Африки, нельзя уже спрашивать вообще, какая доля средней годовой или лѣтней теплоты приходится на каждый градусъ географической широты одного и того же меридіана. Во всякой системѣ одинаковыхъ кривизнъ изотермическихъ линій господствуетъ тѣсная и необходимая связь между тремя слѣдующими началами: между пониженіемъ температуры въ вертикальномъ направленіи снизу кверху; измѣненіемъ температуры съ каждымъ градусомъ географической широты, равенствомъ средней температуры горной станціи и разстояніемъ отъ полюсовъ какой-нибудь точки, находящейся на поверхности моря.

Въ восточно-американской системѣ, средняя годовая температура, начиная отъ береговъ Лабрадора до Бостона возвышается съ каждымъ градусомъ широты на $0^{\circ}88'$, отъ Бостона до Чарлстона на $0^{\circ}95'$, отъ Чарлстона, до тропика въ Кубѣ, это повышеніе становится медленнѣе: оно тутъ составляетъ на каждый градусъ — только $0^{\circ}66'$. Между самыми тропиками это измѣненіе становится такъ медленно, что разность въ температурѣ на каждый градусъ отъ Гаванны до Куманы составляетъ не болѣе $0^{\circ}20'$.

Совершенно иное замѣчаемъ мы въ системѣ изотермическихъ линій средней Европы. Между 38 и 71° широты я замѣлъ, что температуры съ каждымъ градусомъ широты измѣняются почти вездѣ $0^{\circ}5'$. Но какъ въ средней Европѣ температура въ вертикальномъ направленіи понижается на одинъ градусъ съ каждою 80 до 87 товами (отъ четырехъ сотъ осьмидесяти до пятисотъ двадцати двухъ футовъ), то ясно, что 40—44 товами вертикальной высоты (250 — 264) соответствуютъ одному гра-

дуеу широты. Средняя температура монастыря Святаго Бернарда, находящагося подъ $45^{\circ}30'$ широты, въ тысячу двухъ стахъ семидесяти осьми тоазахъ (7668 футахъ) надъ поверхностью моря, слѣдовательно, при поверхности моря соотвѣтствовала бы $75^{\circ}50'$ широты.

Наблюденія, произведенныя мною на высотѣ осьмнадцати тысячъ футовъ, показали, что въ той части Андскаго Хребта, которая находится между тропиками, температура понижается на одинъ градусъ, съ каждымъ девяносто шестью тоазами (576 футами). Буссенго, тридцатью годами послѣ меня, нашелъ, что температура понижается на одинъ градусъ среднимъ числомъ на каждыя десятисто тоазахъ (540 футахъ). Сравнивая мѣста, которыя находятся на одинаковой высотѣ надъ поверхностью моря, на склонѣ горъ или на сплошной возвышенности, я замѣтилъ, что въ послѣднихъ температура выше на $1\frac{1}{2}^{\circ}$ до $2^{\circ}3'$. Безъ участія потери теплоты ночью, различіе было бы еще болѣе. Такъ какъ различныя климаты расположены слоеобразно, начиная отъ низовыхъ пальмовыхъ лѣсовъ до вѣчныхъ снѣговъ и какъ въ жаркомъ полѣ теплота мало измѣняется во все продолженіе года, то можно составить себѣ довольно точное понятіе о температурѣ, въ которой живутъ обитатели большихъ городовъ на Андахъ, сравнивая ее съ температурою извѣстныхъ мѣсяцевъ въ равнинахъ Франціи и Италіи. Между тѣмъ какъ въ лѣсахъ на берегахъ Ориноко ежедневно господствуетъ зной, котораго температура превышаетъ температуру августа въ Палермо четырьмя градусами; поднимаясь на Анды, въ Понайанѣ (девятьсотъ одиннадцать тоазовъ) мы встрѣчаемъ температуру трехъ лѣтнихъ мѣсяцевъ Марсея; въ Кито (тысячу четыреста девяносто два тоаза) конецъ парижскаго мая, и на такъ называемыхъ Рагатовъ (тысяча осемь сотъ тоазовъ) покрытыхъ тошнью, но цвѣтущимъ кустарникомъ, начало парижскаго апрѣля.

Остроумный Петръ Мартиръ де-Ангіера, одинъ изъ друзей Колумба, кажется, первый догадался (послѣ экспедиціи Родрига Эрика Колменареса, предпринятой въ сентябрѣ 1510 года), что линія вѣчныхъ снѣговъ возвышается по мѣрѣ приближенія къ экватору. Въ прекрасномъ сочиненіи *De rebus Oceanicis* (*) сказано: «рѣка Гайра стекаетъ съ горы (въ Сьеррѣ Невадѣ де-Санта-Марта), которая по свидѣтельству сопоставившей Колменареса выше всѣхъ доселѣ открытыхъ горъ. Она должна быть выше, потому что въ широтѣ, отстоящей отъ экватора только на десять градусовъ,

сохраняет свой сложный покров». Нижний предѣлъ вѣчныхъ снѣговъ въ данной широтѣ — лѣтній предѣлъ снѣговой линіи, то есть максимумъ высоты, до котораго возвышается снѣговая линія втеченіи года. Надобно отличать отъ этой высоты три другія явленія: годовое колебаніе предѣла вѣчныхъ снѣговъ, спорадическое (случайное) паденіе снѣгу, и паденія ледниковъ, которые свойственны, кажется, только холодному и умѣренному поясу и о которыхъ, послѣ безсмертнаго сочиненія Соссюра объ Альпахъ, самыя новыя свѣдѣнія въ послѣдніе годы доставили намъ Венець, Шарпантье и Агассисъ.

Намъ извѣстенъ только нижній, но не верхній предѣлъ вѣчнаго снѣгу. Горы сами не поднимаются до той эврипо-олимпійской высоты, до тѣхъ тонкихъ, сухихъ воздушныхъ слоевъ, гдѣ, по мнѣнію Буге (Bouguer) шарики водяныхъ паровъ, обращенные въ ледяные кристаллы, уже неразличимы для глаза. Но нижняя снѣговая линія не функція географической широты или средней годовой температуры; не подѣ экваторомъ, и даже не между тропиками, какъ прежде утверждали, предѣлы снѣговой линіи начинаются на наибольшей высотѣ надъ поверхностью моря. Явленіе, о которомъ мы говоримъ — явленіе очень сложное, зависящее вообще отъ состоянія температуры, отъ влажности воздуха и формы горъ. Подвергнувъ эти условія болѣе специальному анализу, множеству новыхъ нумерическихкихъ изслѣдованій, мы найдемъ, что причины такого явленія: различныя температуры въ различныя времена года; направленіе господствующихъ вѣтровъ и ихъ соприкосновеніе съ моремъ и съ сушею; степень сухости или влажности верхнихъ слоевъ воздуха; безусловная величина (глубина) упавшихъ и накопившихся снѣжныхъ массъ; отношеніе высоты снѣговой линіи къ цѣлой высотѣ горы, относительное положеніе горы въ цѣломъ хребтѣ; крутизна отлогостей горы; близость другихъ, также покрытыхъ вѣчными снѣгами вершинъ; пространство, положеніе и высота равнины, на которой находится гора, отдѣльно ли она стоитъ или составляетъ часть цѣлой группы (хребта), эта группа есть ли берегъ моря или внутренняя часть материка, покрыта ли гора лѣсами или покрыта травой, песчана, суха и покрыта голыми утесами или топкими болотомъ.

Между-тѣмъ какъ въ Южной Америкѣ снѣговая линія доходитъ до высоты, превышающей вершины Монблана въ Альпахъ, и спускается въ высшихъ частяхъ Мексики къ северному тропику

на девятьсотъ шестьдесятъ футовъ; она подымается на двѣ тысячи пятьсотъ футовъ выше чѣмъ подъ экваторомъ не на восточной, но въ западной прибрежной части Андскаго Хребта около Кито, на Шимборазѣ, Котопаки и Аптизанѣ. Докторъ Жиллисъ утверждаетъ даже, что снѣговая линія на отлогости волкана Реучиенес (33° южной широты) находится на высотѣ двухъ тысячъ двухъсотъ семидесяти и двухъ тысячъ трехъсотъ пятидесяти тоазовъ. Испареніе снѣга при радіаціи къ яскому небу во время постоянно-сухой лѣтней погоды такъ сильно, что волканъ Аконкагуа къ сѣверо-востоку отъ Вальпарайзо (широты $32^{\circ}\frac{1}{2}$) который по изслѣдованіямъ экспедиціи Бигля тысячу четырьмястами футами выше Шимборазо (⁷²), однажды былъ видимъ непокрытый снѣгомъ.

На южномъ склонѣ Гималая почти въ той же сѣверной шротѣ ($30^{\circ}\frac{3}{4}$ — 31°), снѣговая линія находится на высотѣ 2030 т. (или 12,180 ф.), гдѣ и должно было предполагать ее по сравненію съ другими хребтами; но на сѣверномъ склонѣ снѣговая линія, находясь подъ вліяніемъ сплошной тибетской возвышенности, которой средняя высота, кажется, доходитъ до тысячи осмисотъ туазовъ (10,800 футовъ), начинается въ двухъ тысячахъ шестистахъ тоазахъ надъ поверхностью моря. Это явленіе, которому не вѣрили многіе въ Европѣ и въ Индіи, и о причинахъ котораго я изложилъ свое мнѣніе въ 1820 году (⁷³), интересно не въ одномъ физическомъ отношеніи; оно имѣетъ важное вліяніе на жизнь многочисленныхъ племенъ. Метеорологическіе процессы дѣлають страну способною или не способною къ земледѣлію.

Какъ по мѣрѣ возвышенія температуры воздухъ наполняется всё болѣе и болѣе водяными парами, то это столь важная для жизни органической стихія бываетъ различна смотря по часамъ дня, по временамъ года, по шротѣ мѣста и возвышенности его надъ поверхностью моря. Принятое теперь всѣми физиками правило, опредѣлять относительное количество содержанія паровъ или влажность атмосферы черезъ разность точки таянія и теплоты воздуха, очень много способствовало къ увеличенію нашихъ познаній о гигрометрическихъ состояніяхъ земной поверхности. Температура, давленіе воздуха и направленіе вѣтровъ находятся въ самой тѣсной связи съ живительною влажностью слоевъ воздуха. Это живительное качество влажности зависитъ однако жъ

не столько отъ поглощаемыхъ въ различныхъ поясахъ паровъ, сколько отъ того, какъ часто и въ какомъ видѣ осаждающіеся пары намачиваютъ почву въ видѣ ли росы, тумана, дождя или снѣгу. По закону круговращенія, открытому Дофе и по мнѣнію этого отличнаго физика (79), въ нашемъ сѣверномъ поясѣ упругость паровъ увеличивается при юго-западномъ и уменьшается при сѣверо-восточномъ вѣтрѣ. На западѣ розы вѣтровъ оно убываетъ и прибываетъ на востокъ, потому что на западѣ холодное, тяжелое, сухое теченіе воздуху уничтожаетъ дѣйствіе тепла, легкаго влажнаго восточнаго вѣтру: между-тѣмъ какъ на востокъ это происходитъ на-оборотъ. Юго-западное теченіе есть прорвавшееся экваторіальное теченіе, сѣверо-восточное же единственно полярное теченіе.

Пріятная свѣжесть зелени многихъ деревьевъ, замѣчаемая въ тѣхъ тропическихъ странахъ, гдѣ втеченіи пяти или семи мѣсяцевъ не видно ни одной тучи, гдѣ въ это время не падаетъ ни дождя ни росы, доказываетъ, что листья имѣютъ способность извлекать изъ атмосферы влагу посредствомъ особеннаго жизненнаго процесса, который не есть только слѣдствіе излученія, производящаго холодъ. Въ противоположность сухимъ равнинамъ Куманы, Соро и Цеара (въ сѣверной Бразиліи), огромныя количества дождя выпадаютъ въ другихъ тропическихъ странахъ; на примѣръ въ Гаваннѣ, по шестилѣтнимъ наблюденіямъ Рамона де ла-Сагра, ежегодно среднимъ числомъ выпадаетъ дождя сто два парижскихъ дюйма, то есть, вчетверо или впятеро болѣе нежели въ Парижѣ или въ Женевѣ (75). На склонѣ Андовъ по мѣрѣ возвышенія уменьшается и температура и количество дождя (76). Кальдасъ, товарищъ мой въ путешествіяхъ по Южной Америкѣ, нашелъ, что въ Санта-Фе де-Богота, на высотѣ осми тысячъ футовъ дождя выпадаетъ не болѣе 37 дюймовъ, то есть, не многимъ болѣе нежели на западныхъ берегахъ Европы. Въ Кито, при температурѣ 12° — 13° Буссенгъ замѣтилъ, что гигрометръ Сосюра опускался до 26°. Гелюссакъ нашелъ, что въ слоѣ воздуху на высотѣ шести тысячъ шести сотъ футовъ надъ поверхностью моря, влажность составляла 25° 3', по тому же гигрометру. Величайшая сухость, замѣченная на низменностяхъ земли, безъсомнѣнія та, которую наблюдали Густавъ Розе, Эренбергъ и я въ сѣверной Азии между ложбинами Иртыша и Оби. Мы нашли, послѣ долговременныхъ юго-западныхъ материковыхъ вѣтровъ, что точка таянія находится 4°,3' ниже 0 при температурѣ 23°,7'. Воздухъ содержитъ въ себѣ

только $\frac{16}{100}$ водяныхъ паровъ (77). Въ послѣднее время Кемпъ, Браве и Мартенъ не совсѣмъ стали вѣрить, чтобы горная атмосфера была до такой степени суха, какъ показываютъ гигрометрическія наблюденія, произведенныя Соссюромъ и мною на Альпахъ и Кордильерахъ. Сравнивши слои воздуха въ Цюрихѣ съ слоями находящимися на Фаульгоріѣ, который конечно можетъ назваться высокимъ только въ сравненіи съ горами Европы (78). Сырость, которою питаются великоцвѣтныя миртообразныя горныя растенія въ тропической области, Парамось (невдалекѣ отъ того мѣста, гдѣ начинается уже падать снѣгъ, между 11,000 и 12,000 футами надъ поверхностью моря), вовсе не доказательство, чтобы на этой высотѣ воздухъ содержалъ въ себѣ большое количество паровъ. Эта сырость, подобно частымъ туманамъ въ прекрасной сплошной возвышенности Боготы, доказываетъ только, что тутъ водяныя пары часто осаждаются. Слой тумановъ образуются и исчезаютъ на этой высотѣ по нѣскольку разъ въ часъ. Такія же скорыя переменныя характеризуютъ и сплошныя возвышенности парамоса Андовъ.

Атмосферическое электричество, будемъ ли мы разсматривать его въ нижнихъ слояхъ воздуха или въ высоко плывущихъ тучахъ, въ его проблематически тихомъ періодическомъ ежедневномъ измѣненіи или разряжающемся въ перекатахъ грозы, находится въ тѣсной связи со всѣми явленіями размѣщенія теплоты, давленія атмосферы и ея нарушенія, гигрометеоровъ и, вѣроятно, съ магнетизмомъ вѣнцовой земной коры. Оно оказываетъ сильное дѣйствіе на весь животный и растительный міръ, не только метеорологическими процессами, осажденіемъ водяныхъ паровъ и кислотъ или аммоніакальныхъ соединеній, имъ образуемыхъ, но и непосредственно какъ электрическая сила (раздражающая нервы или способствующая кругообращенію соковъ). Здѣсь не мѣсто возобновлять споръ о настоящемъ источникѣ воздушнаго электричества, въ ясную погоду, причиною котораго одни считаютъ испареніе изъ чистыхъ жидкостей (насыщенныхъ солями или землями) (79), другіе—ростъ прозябаемыхъ (80) или другія химическія разложенія, происходящія на поверхности земли; третьи различное размѣщеніе теплоты въ воздушныхъ слояхъ (81); четвертые наконецъ, основываясь на остроумныхъ изслѣдованіяхъ Пельтье (82), дѣйствіе постоянной отрицательной заряженности Земнаго Шара. Ограничиваясь результатами электрическихъ наблюденій, производимыхъ посредствомъ электро-магнетическаго прибора Кол-

ладоца, физическая космографія обязана только указать на усиленіе общаго положительнаго атмосфернаго электричества (⁸³) безспорно увеличивающагося по мѣрѣ возвышенія мѣста наблюденія, и уменьшенія числа окружающихъ деревьевъ; на приливъ и отливъ атмосфернаго электричества (которыя по наблюденіямъ Кларка въ Дублинѣ, повторяются въ гораздо болѣе запутанные періоды, нежели опредѣлили я и Соссюръ), на различіе времени года, на разстояніе отъ экватора, отъ материковыхъ и океаническихъ поверхностей.

Если равновѣсіе въ электричествѣ вообще менѣе нарушается тамъ, гдѣ воздушное море опирается на жидкое дно, нежели тамъ гдѣ оно опирается на сушу, то тѣмъ страннѣе, что среди океана маленькіе острова имѣютъ вліяніе на состояніе атмосферы и образованіе грозъ. Длинный рядъ опытовъ показалъ мнѣ, что во время тумана и при началѣ паденія снѣгу, дотога постоянное стеклянное электричество переходило въ смоляное и на-оборотъ не только на равнинахъ холоднаго поясу, но и между тропиками въ парамосахъ кордильерскихъ, между десятью тысячами и четырнадцатю тысячами футовъ высоты. Этотъ переходъ одного электричества въ другое совершенно соотвѣтствовалъ измѣненіямъ, которыя незадолго до грозы и во время ея показывалъ электрометръ (⁸⁴). Когда сгущенные пары образуютъ тучи съ опредѣленными границами, то по мѣрѣ сгущенія ихъ увеличивается электрическое разряженіе внѣшней оболочки или поверхности (⁸⁵), на которую переходитъ электричество въ пузырькахъ пару. По опытамъ Пельтье произведеннымъ въ Парижѣ, сѣроватыя тучи имѣютъ смолистое, а бѣлыя, розовый и оранжевыя стеклянное электричество. Громовыя тучи окружаютъ не только высочайшія вершины Андовъ (я самъ видѣлъ примѣръ тому, что молнія остекловала нѣкоторыя частицы поверхности огромныхъ скалъ, которыя на высотѣ четырнадцати тысячъ трехъ сотъ футовъ, господствуютъ надъ жерломъ волкана Тоуки); громовыя тучи въ вертикальной высотѣ двадцати пяти тысячъ футовъ, были замѣчены также надъ низменностями умѣреннаго пояса (⁸⁶). Иногда гремящее облако находится не болѣе какъ въ пяти тысячахъ и даже трехъ тысячахъ футахъ надъ равниною.

По изслѣдованіямъ Араго, самымъ обширнымъ какія только были произведены въ этой трудной части метеорологіи, молнія бываетъ троякаго роду: извилистая, рѣзко ограниченная; молнія, которая освѣщаетъ цѣлое, такъ сказать, отверзтое облако; мол-

нiя въ видѣ огненныхъ шаровъ (87). Два первые рода молнiи продолжаются едва $\frac{1}{1000}$ секунды; шарообразныя молнiи, напротивъ движутся гораздо медленнѣе; онѣ продолжаются по нѣсколь- ку секундъ. Иногда изолированныя тучи свѣтятся нѣсколько вре- мени безъ грома и другихъ признаковъ грозы, (новѣйшiя наблю- денiя подтверждаютъ дѣйствительность явленiя описаннаго уже Нихольсономъ и Беккариемъ); замѣчены были также свѣтящiеся зерна граду, капли дождя и снѣгу, появленiю которыхъ не пред- шествовали раскаты грома. Въ-отношенiи географическаго распре- дѣленiя грозъ, перуанское побережье, гдѣ никогда ихъ не быва- етъ, составляетъ разительнѣйшую противоположность съ осталь- нымъ тропическимъ поясомъ, гдѣ въ извѣстное время года гро- зы бываютъ почти ежедневно, отъ четырехъ до пяти часовъ по полудни. По свидѣтельству многихъ мореплавателей (Скорзби, Парри, Росса, Франклина), нѣтъ сомнѣнiя, что электрическiя вспышки (молнiи) очень рѣдки между 70 и 75° широты.

Метеорологическая часть картины природы, которую мы здѣсь кончаемъ, доказываетъ, что всѣ процессы поглощенiя свѣту, освобожденiя теплоты, измѣненiя упругости, гигрометрическаго состоянiя и электрическаго заряженiя, происходящiя въ атмо- сферѣ, такъ тѣсно связаны между собою, что каждый метеоро- логическiй процессъ измѣняется другимъ, происходящимъ съ нимъ въ одно время. Подобное разнообразiе нарушающихъ условiй, не- вольно напоминающихъ о тѣхъ, которымъ въ небесномъ про- странствѣ подвержены близкiя между собою небесныя тѣла и особенно меньшiя изъ нихъ (спутники, кометы, падающiя звѣз- ды) во время своего кругообращенiя, дѣлаетъ чрезвычайно за- труднительнымъ разгадку запутанныхъ метеорологическихъ яв- ленiй; при такомъ множествѣ условiй почти невозможно пред- сказывать атмосферическiя перемѣны, что было бы важно для земледѣлiя, мореплаванiя и для общенiя вообще. Тѣ, ко- торыя полагаютъ, будто достоинство метеорологiн заключается не въ знанiи явленiй, но въ предугадыванiи ихъ, вполне убѣж- дены, что эта часть физики, для которой было предпринято столь- ко путешествiй въ чужеземныя гористыя страны, не можемъ похвалиться большими успѣхами. Своею довѣренностью, въ кото- рой отказываютъ естествоиспытателямъ, они удостоиваютъ измѣ- ненiя фазисовъ Луны и извѣстные календари.

Рѣдко случается, чтобы большiя уклоненiя отъ средней тем- пературы ограничивались только извѣстными мѣстами; обыкно-

венно они распространяются на большія протяженія. Наибольшіе отклоненіе всегда происходитъ въ известномъ мѣстѣ, и уменьшается въ направленіи отъ центра къ окружности. За этимъ предѣломъ обнаруживаются уже наибольшія отклоненія въ противномъ смыслѣ. Одинаковое состояніе погоды чаще замѣчается въ направленіи отъ юга на сѣверъ, нежели съ запада на востокъ. Въ концѣ 1829-го года наибольшій холодъ былъ замѣченъ въ Берлинѣ, между-тѣмъ какъ въ Сѣверной Америкѣ была обыкновенно теплая погода. Совершенно произвольно мнѣніе будто за холодною зимою всегда слѣдуетъ жаркое лѣто, за теплою зимою—прохладное лѣто. Такія противоположныя состоянія погоды въ двухъ сосѣднихъ странахъ или въ двухъ земледѣльческихъ материкахъ, производятъ благотворное уравненіе цѣнъ на многія произведенія земледѣлія или винодѣлія. Справедливо замѣчено, что барометръ показываетъ намъ измѣненіе въ давленіи атмосферы, происходящее надъ мѣстомъ наблюденія въ высшихъ слояхъ, между-тѣмъ какъ термометръ и гигрометръ означаютъ мѣстную теплоту и влажность нижнихъ слоевъ воздуха близкихъ къ землѣ.

Въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ для непосредственныхъ наблюденій надъ термическими и гигрометрическими перемѣнами въ высшихъ слояхъ атмосферы, мы не имѣемъ ни горъ ни воздушныхъ шаровъ, свои заключенія объ этомъ предметѣ мы выводимъ изъ гипотетическихъ соображеній, потому что посредствомъ барометра можно также измѣрять и температуру и влажность всякаго мѣста. Причины важныхъ перемѣнъ въ погодѣ не находятся на мѣстѣ наблюденія; эти перемѣны — слѣдствія происшествій совершихся вдали, чрезъ нарушеніе равновѣсія въ воздушныхъ поясахъ, въ большей части случаевъ не при поверхности земли, а въ высочайшихъ областяхъ атмосферы, нарушеніе, которое направляетъ въ ту или другую сторону холодный или теплый, сухой или влажный воздухъ, увеличиваетъ или уменьшаетъ прозрачность воздуха, перемѣняетъ огромныя тучи въ легкія облака. Я всегда былъ того мнѣнія, что корень метеорологіи долженъ быть въ жаркомъ поясѣ; въ тѣхъ счастливыхъ странахъ, гдѣ вѣетъ всё одинъ вѣтеръ, гдѣ приливы и отливы воздушнаго океана, гидрометеорологическія явленія, электрическіе взрывы, повторяются періодически: въ нашемъ климатѣ, къ запутанности и многочисленности нарушеній присоединяются еще неполнота и несовершенство самыхъ явленій.

Изобразивъ такимъ образомъ всю область неорганической жизни нашей планеты, ея видъ, внутреннюю теплоту, электро-магнитическое заряженіе, свѣтовой процессъ, совершающійся при полюсахъ, противодѣйствіе внутренности на отвердѣлую кору, извѣстное подъ именемъ вулканизма, наконецъ явленія происходящія въ ея двоякой внѣшней оболочкѣ (океанѣ и атмосферѣ); можно бы картину природу считать оконченною, если физическое землеописаніе принять въ древнемъ значеніи этого слова. Но для человѣка, отыскивающаго высшую точку зрѣнія для взгляда на міръ, эта картина была бы лишена главной своей прелести, если бы не представляла въ то же время сферу органической жизни во всѣхъ отбѣнкахъ ея развитія. Понятіе о жизни такъ тѣсно связано съ понятіемъ о существованіи безпрестанно дѣйствующихъ и творящихъ силъ природы, которыя постоянно проявляются въ земномъ шарѣ, что въ древнѣйшихъ мифахъ пародовъ, эти силы считаются причинами происхожденія растений и животныхъ, и то, что время безжизненности было временемъ борьбы хаотическихъ силъ. Тайнственные и неразгаданныя проблемы происходящаго, не относятся къ эмпирической области объективнаго чувственнаго воззрѣнія, описанія уже происшедшаго, настоящаго состоянія нашей планеты.

Міроописаніе, связанное съ вещественностью, не по робости, а по сущности своего содержанія и границъ чуждается темныхъ началъ исторіи организмовъ⁽⁹⁰⁾, если слово исторія будетъ принято здѣсь въ обширнѣйшемъ его значеніи. Со всѣмъ тѣмъ въ міроописаніи должно быть упомянуто о томъ, что въ неорганической земной корѣ находятся тѣ же основные элементы, изъ которыхъ составлена основа животныхъ и растительныхъ органовъ. Оно показываетъ, что въ неорганическихъ и въ органическихъ тѣлахъ, дѣйствуютъ тѣ же самыя силы, которыя соединяютъ и разлагаютъ простыя тѣла, которыя образуютъ органическія ткани; съ тою разницею, что въ послѣднемъ случаѣ онѣ дѣйствуютъ подъ вліяніемъ условій, которыя не будучи еще изслѣдованы, на основаніи болѣе или менѣе счастливой аналогіи — собраны въ группы подъ очень неопредѣленнымъ названіемъ жизненныхъ силъ. Поэтому пытливый духъ человѣка чувствуетъ необходимость преслѣдовать на землѣ физическія явленія до ихъ крайняго предѣла, то есть, до развитія формъ въ растеніяхъ и до самобытнаго движенія въ животномъ организмѣ. Такимъ образомъ, географія организмовъ

примыкаетъ къ описанію неорганическихъ естественныхъ явленій земнаго шара.

Не вдаваясь въ изслѣдованія труднаго вопроса о произвольномъ движеніи, то есть, въ изслѣдованіе различія между растительною и животною жизнію, мы должны только замѣтить, что царство прозябевій не представляло бы намъ зрѣлища той неподвижности и спокойствія, въ которомъ оно является теперь нашему взору, если бы природа одарила насъ микроскопическою силою зрѣнія, и если бы покровы растеній были прозрачныѣ. Внутреннія ячейки органовъ безпрестанно оживлены различными потоками жидкостей: каковы напримѣръ? круговращательные токи, которые идутъ вверхъ и опускаются внизъ, раздѣляются на вѣтви, измѣняютъ свое направленіе и проявляются въ движеніи зернистой слизи, въ водяныхъ растеніяхъ (рдѣстовыхъ (najaеae), лучицъ (chara) лягушниковъ (Hydrocharides) и въ волоскахъ тайнобрачныхъ растеній; открытое Робертомъ Брауномъ молекулярное движеніе, которое правда обнаруживается и внѣ органовъ при раздѣленіи матеріи; круговое теченіе шариковъ млечнаго соку (cyclosis), происходящее въ системѣ собственныхъ трубочекъ; наконецъ странное движеніе въ растягивающихся питеобразныхъ спиральныхъ сосудахъ въ антеридяхъ, лучицахъ и въ дѣтородныхъ органахъ печеночниковъ и танговъ (vaгесk), въ которыхъ Мейетъ, слишкомъ рано скончавшійся для науки, думалъ найти аналогію съ семяными инфузоріями царства животныхъ. Если мы причислимъ сюда явленія эндосмоса, процесса питанія и рашенія, внутреннее движеніе воздуха, то получимъ изображеніе силъ, которыя, будучи намъ почти неизвѣстны, дѣйствуютъ постоянно въ тихой жизни растеній.

Со времени появленія въ свѣтъ моихъ «Взглядовъ на природу», гдѣ я изобразилъ всеоживленіе земной поверхности, распространеніе органическихъ формъ въ отношеніи къ глубинамъ и высотѣ, свѣдѣнія наши и въ этомъ направленіи приняли изумительные размѣры, благодаря блистательнымъ открытіямъ сдѣланнымъ Эренбергомъ о распространеніи микроскопической жизни въ водахъ океана и льдахъ полярныхъ странъ; открытіемъ основаннымъ не на выводахъ умозрѣнія, а на самыхъ точныхъ наблюденіяхъ. Границы сферы жизни, можно сказать горизонта жизни, расширились предъ нашими глазами. Безконечно-малая, микроскопическая, непрерывно дѣятельная жизнь не только проявляется вблизи обонхъ полюсовъ, гдѣ жизнь въ большихъ раз-

мѣрахъ уже исчезаетъ, — формы микроскопической жизни морей южнаго полюса, собранныя капитаномъ Джемсомъ Россомъ, во время его антарктическаго путешествія, представляютъ собою особенное, доселѣ неизвѣстное, богатство очень красивыхъ созданий. Даже въ остаткахъ растаявшаго льда, плавающего круглыми кусками, подъ широтою 78° 10' найдено около пятидесяти породъ многожелудочныхъ кремне-панцирныхъ инфузорій, даже коцинодисковъ, съ зелеными яичниками, следовательно, существа безопасно живущія въ ужасной стужѣ. Въ заливѣ Эребусъ изъ глубины тысячи двухъ-сотъ сорока двухъ до тысячи шестисотъ двадцати футовъ, посредствомъ лота было извлечено шестьдесятъ осемь породъ кремнепанцирныхъ многожелудочныхъ инфузорій, фитолитарій, и вмѣстѣ съ ними только одна известково-панцирная политалямія.

Большую часть изъ открытых до-сихъ-поръ океаническихъ микроскопическихъ формъ, составляютъ кремнисто-панцирныя инфузоріи, несмотря на то, что разложеніе морской воды не обнаруживаетъ въ ней присутствія кремнезѣму, какъ главной составной части (можно предполагать однакоже, что кремнистая земля, въ чрезвычайпо измельченномъ видѣ плаваетъ въ морской водѣ). Не только на извѣстныхъ точкахъ, вблизи отъ береговъ, океанъ населенъ невидимыми, то есть перазличными безъ помощи микроскопа жизненными атомами; а судя по образчикамъ воды, почерпнутымъ въ океанѣ Шайеромъ, во время его возвращенія изъ Вандименовой-Земли (къ югу отъ мыса Доброй-Надежды подъ 57° широты, равно какъ и между тропками въ Атлантическомъ Океанѣ), можно принять за достовѣрное, что океаническія воды, въ своемъ обыкновенномъ состояніи, почти неокрашенныя, свободныя отъ примѣси частичекъ моху, подобнаго живонитникамъ нашихъ прѣсныхъ водъ, безъ слѣдовъ нитчатокъ изъ породы *chaetoceros*, будучи чрезвычайно прозрачны, содержатъ въ себѣ множество микроскопическихъ самобытныхъ организмовъ. Кажется, что нѣкоторые многожелудки съ Кокборнскихъ Острововъ, смѣшанные съ изверженіями пингвиновъ и пескомъ, распространены по всей землѣ; другіе свойственны только обимъ полюсамъ (21).

Изъ этого слѣдуетъ, и новѣйшія изслѣдованія подтверждаютъ такое положеніе, что въ вѣчной ночи океанической глубины преобладаетъ животная жизнь, между-тѣмъ какъ на сушѣ болѣе рас-

пространена жизнь растительная, для которой необходимо периодическое раздражение солнечными лучами.

Массою растительный организм на землѣ, беретъ перевѣсъ надъ животнымъ. Какъ ничтожно число огромныхъ китообразныхъ и толстокожихъ животныхъ въ сравненіи съ массою исполненныхъ деревь, отъ осьми до двѣнадцати футовой толщины, наполняющихъ лѣсныя пространства въ тропическомъ поясѣ южной Америки между Ориноко, Мараньѡпомъ и Рио-да-Мадейра! Хотя характеръ различныхъ странъ зависитъ отъ суммы всѣхъ внѣшнихъ условій, хотя очерки горъ, фізіономія растений и животныхъ, синева неба, видъ облаковъ и прозрачность атмосферы, производятъ общее впечатлѣніе, однако жъ нельзя отрицать, чтобы и растительный покровъ земли не придавалъ этому впечатлѣнію особенной опредѣлительности. Масса животныхъ организмовъ слишкомъ ничтожна; подвижность недѣлимыхъ часто увлекаетъ ихъ изъ области нашего зрѣнія. Растительность дѣйствуетъ на наше воображеніе постоянствомъ своей величины; возрастъ растений опредѣляется его массою; только въ прозябаемыхъ соединены возрастъ и выраженіе безпрестанно возобновляющейся силы (92). Въ царствѣ животномъ напротивъ-того (этотъ взглядъ — результатъ открытій Эренберга), наибольшую массу составляютъ организмы, которые мы называемъ бесконечно-малыми и которые своею дѣлимостью и быстрымъ размноженіемъ представляютъ удивительные размѣры массъ (93). Мельчайшія инфузоріи, монады, имѣютъ въ діаметрѣ не болѣе $\frac{1}{3000}$ линіи, и несмотря на это, кремне-панцирные организмы образуютъ въ сырыхъ странахъ подземные живые пласты, толщиной въ нѣсколько горныхъ сажени.

Глубокое и благодѣтельное впечатлѣніе, производимое всеоживленностью природы на чувства человѣка, возбуждается во всякомъ поясѣ: оно становится сильнѣе вблизи экватора, въ области пальмы, бамбука и древовидныхъ папоротниковъ, тамъ гдѣ начинающая отъ морскаго, богатаго моллюсками и кораллами берега, почва постепенно возвышается до линіи вѣчныхъ снѣговъ. Растенія и животныя мы находимъ на всѣхъ высотахъ и во всѣхъ глубинахъ. Органическія формы спускаются во внутренность земли; не только тамъ, гдѣ труды рудокопа образовали огромныя пустоты, но и въ естественныхъ пещерахъ, куда метеорическая вода могла проникнуть единственно черезъ трещины, находилъ я

бѣлыя сталактитовыя стѣны, покрытыя нѣжнымъ мхомъ изъ породы *Uvnea Podurellæ* проникаютъ въ ледовитыя трубы ледниковъ на Монте-Розѣ, въ Гриндельвальдѣ и верхнемъ аарскомъ ледникѣ; *Chloæa aganeoides*, описанная Дальманомъ и микроскопическая *Discoclea nivalis* (нѣкогда *Protococcus*) прозябаютъ на снѣгахъ полярныхъ странъ, и на снѣгахъ нашихъ высокихъ горъ. О красномъ цвѣтѣ стараго снѣга зналъ уже Аристотель, вѣроятно по снѣгамъ македонскихъ горъ (24). Между-тѣмъ какъ на вершинахъ швейцарскихъ Альповъ свободные отъ снѣгу каменные породы покрыты разноцвѣтными, но рѣдкими лецидіями, дармеліями и умбиликаріями; въ тропической области Андовъ, на высотѣ четырнадцать тысячъ и четырнадцать тысячъ четырехсотъ футовъ, цвѣтутъ еще красивыя тайнобрачныя растенія, покрытыя волною *Culcitium rufescens*, *Sida pichiarchensis* и *Saxifraga Boussingaulti*. Горячіе источники содержатъ въ себѣ маленькихъ насѣкомыхъ (*Hydrogorgus thermalis*) галіонелгъ, осцилляторій и конфервы; они сами питаютъ корешки тайнобрачныхъ растеній. Подобно землѣ, воздуху и водѣ, оживленныхъ при различныхъ температурахъ, и внутренность различныхъ частей животныхъ тѣлъ составляетъ вмѣстелище жизни. Кровяныя животныя находятся и въ лягушкахъ и въ лососяхъ; по увѣренію Нордманна, часто всѣ влаги рыбныхъ глазъ бывають наполнены глистомъ (*Diplostomum*); въ жабрахъ *Leucisei*, живетъ удивительное двойное животное (*Diplozoon paradoxum*), похожее на крестъ, имѣющее двѣ головы и два хвоста.

Хотя существованіе такъ-называемыхъ метеорическихъ инфузорій довольно сомнительно, однако жъ нельзя отрицать, чтобы маленькія инфузоріи, поднятыя водяными парами не могли нѣсколько времени держаться на воздухѣ (25), подобно ежегодно падающей изъ воздуха пыли сосновыхъ цвѣтовъ. Это обстоятельство чрезвычайно важно въ-отношеніи вопроса о произвольномъ зароженіи (26), (*generatio spontanea*): тѣмъ-болѣе, что какъ уже выше замѣчено, Эренбергъ открылъ, что пыльный дождь, часто покрывающій мореходцевъ вблизи Зеленаго-Мыса, въ трехстахъ-осемьдесяти миляхъ отъ африканскаго берега, содержитъ въ себѣ остатки осемнадцати породъ кремне-панцирныхъ многожелудочныхъ инфузорій.

Многочисленность органическихъ формъ, которыхъ размѣщеніе въ пространствѣ составляетъ предметъ *географіи животныихъ*

и растений, рассматривается либо въ-отношеніи различія и типовъ, слѣдовательно, въ-отношеніи главныхъ родовъ и видовъ, или по числу недѣлимыхъ, принадлежащихъ каждой породѣ на данномъ пространствѣ. Въ географіи растений и животныхъ очень важное условіе — живетъ ли данный организмъ отдѣльно или въ обществѣ со многими другими организмами своего виду? Виды, которые я называлъ *общежительными растениями* (97), покрываютъ однообразно весьма большія пространства земли. Сюда относятся многіе виды танговъ (*vacca*), кладоніи и мхи, растущія въ пустынныхъ низменностяхъ сѣверной Азіи, злаки и кактусъ, авиценціи, пушистая манглія въ тропическомъ мірѣ, лѣса хвойныхъ деревьевъ и березъ въ балтійскихъ и сибирскихъ равнинахъ. Такое географическое распределеніе растений, ихъ наружный видъ и величина, формы ихъ цвѣтовъ и листьевъ даютъ опредѣлительный физиономическій характеръ (98) извѣстной странѣ. Непостоянная картина животной жизни, какъ бы она ни была разнообразна и прелестна, какое бы чувство отвращенія или привязанности она въ насъ ни возбуждала, никогда не придастъ данной странѣ физиономіи, или по-крайней-мѣрѣ принимаетъ въ ней очень слабое участіе. Земледѣльческіе народы искусственнымъ образомъ увеличиваютъ число общественныхъ растений и такимъ образомъ во многихъ мѣстахъ умѣреннаго и холоднаго пояса уничтожаютъ однообразіе природы; они истребляютъ дикія растенія и безмѣрно-много разводятъ другихъ, которыя слѣдуютъ за человекомъ во всѣхъ его странствованіяхъ. Пышная растительность тропическаго міра упорнѣе сопротивляется этимъ силамъ.

Тѣ наблюдатели природы, которые въ короткое время осмотрѣли большія пространства земли, поднимались на высокіе горные хребты, гдѣ климаты пластами помѣщены одинъ надъ другимъ, вѣроятно давно уже убѣдились въ существованіи закона распределенія растений. Они собирали грубые матеріалы для науки, которой имя въ то время не было еще найдено. На Арабатѣ Турнефоръ нашелъ тѣ же поясы (области) растений, которыя въ шестнадцатомъ столѣтіи кардиналъ Бембо (99), будучи еще юношею, описалъ на Этнѣ. Турнефоръ остроумно сравнилъ горную флору съ флорою равнинъ, лежащихъ подъ различными широтами; онъ первый замѣтилъ, что возвышенность почвы надъ поверхностью моря оказываетъ вліяніе на распределеніе растений, такъ же какъ на равнинѣ, — отдаленіе отъ полюсовъ. Менцель, въ недав-

ной японской флорѣ, случайно употребилъ слово «географія растений». Это названіе мы встрѣчаемъ вновь у Бернардевъ де-Сенъ-Пьера въ его фантастическихъ, но прелестныхъ взглядахъ на природу. Изученіе этого предмета приняло науковое направленіе съ тѣхъ-поръ только, когда географія растений была поставлена въ тѣсную связь съ наукою о распредѣленіи теплоты на землѣ, когда ботаника указала средства привести растенія въ естественныя семейства и, такимъ образомъ, нумерически показать, какія именно формы становятся многочисленнѣе или рѣже на поверхности земли въ направленіи и отъ экватора къ полюсамъ, въ какомъ численномъ отношеніи находится во всякой странѣ каждое семейство къ цѣлой массѣ явнотрачныхъ растеній. Счастливъ былъ я, что въ то время, когда я почти исключительно занимался ботаникою, зрѣлище великолѣпной природы съ ея климатическими противоположностями, заставило меня обратиться къ этому предмету.

Наука о географическомъ распредѣленіи животныхъ формъ, о которомъ Бюффонъ первый далъ общія и по большей части вѣрныя понятія, въ новѣйшее время сдѣлала большіе успѣхи, благодаря успѣхамъ растительной географіи. Кривизны изотермическихъ линій, особенно изохимены, проявляются въ предѣлахъ, за которые рѣдко переступаютъ извѣстныя породы растеній и недалеко переселяющихся животныхъ, какъ въ направленіи къ полюсамъ, такъ и въ направленіи къ вершинамъ горъ, покрытыхъ снѣгами. Лось живетъ въ Скандинавіи почти 10° сѣвернѣе чѣмъ въ Сибири, гдѣ линія одинаковой зимней температуры образуетъ чрезвычайно большую кривизну. Растенія странствуютъ въ семьяхъ. Семья многихъ растеній снабжены особыми органами для дальнихъ переселеній. Пустивши однажды корень, они начинаютъ зависѣть отъ почвы и окружающаго ихъ климата. Животныя по произволу увеличиваютъ кругъ своего обиталища отъ экватора къ полюсамъ: особенно тамъ, гдѣ изотермическія линіи дѣлаются выпуклыми и гдѣ за холодною зимою слѣдуетъ жаркое лѣто. Королевскіе тигры, которые ничѣмъ не отличаются отъ остъ-индскихъ, каждое лѣто проникаютъ въ сѣверной Азіи до широты, подъ которою лежитъ Гамбургъ и Берлинъ, что доказано мною и Эренбергомъ (100).

Въ законѣ группированія и сочетанія растеній, что мы привыкли называть флорами (областями растительности) мнѣ кажется, не замѣтно, чтобы извѣстныя семейства въ данныхъ мѣ-

стахъ брали перевѣсъ надъ другими, въ такой степени, которая допускала бы географически царства зонтичныхъ, *Solidago*, *Labiatae* или *Scitamineae*. Мое мнѣнiе въ этомъ отношенiи, не согласно съ мнѣнiями многихъ извѣстнѣйшихъ германскихъ ботаниковъ. Характеръ флоры на сплошныхъ возвышенностяхъ Мексики, Новой-Гренады, и Кито, Европейской Россiи и сѣверной Азии, заключается, мнѣ кажется, не въ относительно большемъ количествѣ видовъ, которые составляютъ одно или два семейства; но въ гораздо сложнѣйшихъ отношенiяхъ, — *сочетаемости* (*associatio*) *многихъ семействъ* и численнаго количества ихъ видовъ. Конечно, въ степяхъ преобладаютъ злаки и кипренныя растенiя; въ нашихъ сѣверныхъ лѣсахъ хвойныя деревья, купушеры, бетуленiя; но это преобладанiе формы только кажущееся. Сѣверъ Европы и Сибири, въ поясъ, лежащемъ къ сѣверу отъ Алтая, также мало заслуживаетъ названiя царства злаковъ и хвойныхъ деревьевъ, какъ и безконечныя луговыя степи между Ориноко и горнымъ хребтомъ Каракаса или хвойныя лѣса Мексики. Общее впечатлѣнiе роскоши и разнообразiя, бѣдности или однообразiя растительной природы зависитъ отъ современнаго существованiя на извѣстномъ пространствѣ формъ, которыя частью замѣняютъ другъ друга, отъ ихъ относительнаго количества и группировки.

Въ этомъ отрывочномъ взглядѣ на *явленiя организмовъ*, я перешелъ отъ простѣйшихъ ячеекъ (1), такъ сказать, съ перваго дыханiя жизни къ высшимъ формамъ. Скопленiе слизистыхъ зернышекъ, для образованiя цитобласта, около котораго въ видѣ пузырька образуется оболочка, — закрытая ячейка, зависитъ или отъ прежде существовавшей ячейки, такъ что ячейка происходитъ отъ ячейки (2), или процессъ образованiя ячеекъ скрытъ во мракѣ химическаго процесса, какъ при такъ называемыхъ грибахъ броженiя.

Мы можемъ здѣсь только мимоходомъ упомянуть о таинственномъ процессѣ, происхожденiя организмовъ. Географiя организмовъ (растений и животныхъ) занимается только уже развитыми зародышами, ихъ произвольнымъ или непроизвольнымъ переселенiемъ, ихъ взаимнымъ отношенiемъ, ихъ размѣщенiемъ по земному шару.

Картина природы, которую я старался начертать, была бы неполна, если бъ я не дерзнулъ изобразить человѣческаго рода во всѣхъ степеняхъ его физической природы, въ географическомъ

распространеніи его типовъ , во вліяніи, которое оказываютъ на него силы земли и которое онъ, хотя слабѣе, оказываетъ на природу. Завися, хотя и въ меньшей степени нежели растенія и животныя, отъ почвы и метеорологическихъ процессовъ атмосферы, но будучи одаренъ умомъ и чудесною способностью приспособляться ко всеѣмъ климатамъ, человѣческій родъ принимаетъ большое участіе въ жизни природы. Въ этомъ отношеніи, слѣдовательно, темная и спорная задача о возможности происхожденія людей отъ одного корня принадлежитъ къ кругу идей, которыя объемлютъ физическое міроописаніе. Изслѣдованіе этой проблемы будетъ, если можно такъ выразиться, благороднѣйшею, достойнѣйшею цѣлью, послѣднимъ предѣломъ моего труда. Пензмѣрная область изысканій языковъ, въ различномъ устройствѣ которыхъ отражается судьба народовъ, находится въ самой тѣсной связи съ областью сродства поколѣній. Какое важное вліяніе имѣетъ и малѣйшее различіе поколѣній—показываетъ намъ цвѣтущее состояніе духовной образованности греческаго міра. Важнѣйшіе вопросы относительно исторіи образованности человѣчества, тѣсно связаны съ понятіями о происхожденіи, общности языка, неизмѣнчивости въ первоначальномъ направленіи ума и нравовъ.

Пока ученые останавливались только на крайностяхъ, представляемыхъ различіями цвѣта и формы и увлекались живостью первыхъ чувственныхъ впечатленій, дотогѣ они могли разсматривать различныя племена, не какъ простые видоизмѣненія, но какъ особенныя племена, первоначально различныя другъ отъ друга. Постоянство извѣстныхъ типовъ (3), посреди самыхъ непріязненныхъ вліяній внѣшнихъ, въ-особенности климатическихъ, силь, повидимому благопріятствовало такому взгляду, несмотря на то, что періоды, которые намъ исторически извѣстны, очень коротки. По моему мнѣнію, единство человѣческаго роду гораздо болѣе доказывается многими посредствующими степенями (4) цвѣта кожи и устройствомъ черепа, которыя показала намъ географія нашего времени; аналогія видоизмѣненій въ другихъ домашнихъ и дикихъ животныхъ, точныя наблюденія надъ предѣлами плодовитости ублюдочныхъ зачатій. Большая часть противоположностей, которыя прежнія естествонаблюдатели находили между племенами, исчезли изъ науки, благодаря трудамъ Тидемана о мозгѣ Негровъ и Европейцевъ и анатомическимъ изысканіямъ Вролика и Вебера надъ устройствомъ таза. Сравнивая въ массѣ темноцвѣтные африканскіе народы, о которыхъ глубокомыслен-

ный Притчардъ сообщалъ намъ столько свѣдѣній, съ племенами южно-индійскаго и западно-австральнаго архипелаговъ, мы ясно видимъ, что черный цвѣтъ кожи не всегда бываетъ соединенъ съ шерстовидностію волосъ и негрообразностію фizioноміи (6). Покуда западные народы знали только малую часть Земнаго Шара, до-тѣхъ-поръ, естественно, они должны были имѣть одностороннія понятія объ этомъ предметѣ. Зной тропическаго солнца и черный цвѣтъ тѣла считались нераздѣльными. «Богъ Свѣта, говоритъ древній трагикъ Теодектъ Фазелійскій» (7), на пути своемъ, окрашиваетъ кожу Эііоновъ темнымъ цвѣтомъ сажн; солнечный зной курчавитъ волоса ихъ». Только со временъ походовъ Александра Великаго, которые породили столько правильныхъ понятій о физической географіи, начался споръ о сомнительномъ вліяніи климата на человѣческія племена. Одинъ изъ величайшихъ анатомовъ нашего времени, Іоаннъ Мюллеръ, въ своей всеобъемлющей фizioлогіи человѣка, говоритъ: «Породы животныхъ и растений измѣняются во время своего распространенія на землѣ, и не выходятъ изъ предѣловъ, предназначенныхъ породамъ и видамъ». Они распространяются, какъ типы различій видовъ. Изъ совокупнаго дѣйствія различныхъ, внутреннихъ и вѣшнихъ условій, которыхъ нѣтъ возможности вычислить по одиначкѣ, произошли нынѣшнія племена животныхъ; самыя разительныя отклоненія отъ главнаго типа встрѣчаются у тѣхъ изъ нихъ, которыя способны къ самому большому распространенію по землѣ. Племена человѣка — формы одного вида, которыя могутъ распространиться чрезъ плодотворное совокупленіе между собою: еслибъ они были видами одной породы, въ такомъ случаѣ, ублюдки ихъ не были бы плодотворны. Происходятъ ли данныя человѣческія племена отъ нѣсколькихъ паръ или отъ одной первобытной пары, этого нельзя рѣшить опытомъ (8).

Географическія изслѣдованія древняго мѣстопребыванія людей, такъ-называемой колыбели человѣчества, на самомъ дѣлѣ имѣютъ чисто баснословный характеръ. Въ одномъ еще не изданномъ сочиненіи о различіи народовъ и языковъ Вильгельмъ Гумбольдтъ говоритъ: «ни исторіи, ни преданія не опредѣляютъ ни одной эпохи, когда бы человѣческій родъ не былъ раздѣленъ на народы. Слѣдовательно, исторически невозможно рѣшить, есть ли это состояніе — первобытное или оно образовалось впоследствии. Отдѣльныя преданія, повторяющіяся безъ всякой видимой связи между собою въ различныхъ частяхъ земли, отрицаютъ первыя

предположенія и допускаютъ, что весь человѣческій родъ произошелъ отъ одной четы. Далекое распространеніе такого преданія заставляло многихъ эту гипотезу принять за воспоминаніе человѣчества о своемъ первобытномъ состояніи. Но именно это самое и доказываетъ, что оно не основывается ни на какомъ историческомъ происшествіи и что слѣдствіемъ одинаковости человѣческаго мышленія было одинакое истолкованіе явленія; точно такъ же какъ многіе мифы, вѣроятно, произошли вслѣдствіе одинакаго способа человѣческаго размышленія, и фантазій, безъ всякой исторической связи. Это преданіе носить на себѣ всѣ признаки человѣческой выдумки, вотъ еще почему: явленіе перваго происхожденія человѣчества, лежащее внѣ всякой повѣрки извѣстными въ настоящее время средствами, по объясненію этого преданія произошло точно такъ, какъ населеніе пустыннаго острова или долины, отдѣленной отъ остальнаго міра цѣпами горъ, въ то время, когда человѣчество существовало уже нѣсколько тысячелѣтій. Напрасно умъ нашъ старался бы рѣшить загадку о первомъ происхожденіи человѣческаго роду: человѣкъ такъ привязанъ къ своему роду и времени, что мы не можемъ представить его себѣ уединеннымъ и безъ предковъ. Безъ помощи другой науки, филологія сама собою не можетъ опредѣлить, было ли состояніе, которое извѣстно намъ изъ преданій, состояніемъ историческимъ, населило ли человѣчество землю при самомъ своемъ началѣ, раздѣленное на племена.

Раздѣленіе человѣчества—только раздѣленіе по видоизмѣненіямъ, которыя мы называемъ неопредѣленнымъ именовъ племень. Мнѣ кажется, что точно такъ же, какъ въ царствѣ растений, въ естественной исторіи птицъ и рыбъ, дѣленіе на многочисленныя, но небольшія семейства вѣрнѣе, чѣмъ дѣленіе ихъ на немногія группы, которыя объемлютъ большія массы; при опредѣленіи племень, должно предпочитать дѣленіе на мелкія народныя семейства. Примемъ ли мы вмѣстѣ съ Блуменбахомъ пять племень (кавказское, монгольское, американское, эіопское и малайское) или съ Притчардомъ семь^(*) (иранское, туранское, американское, готтентотское и бушманское, негритянское, папуасское и Афуру); мы ни въ томъ ни въ другомъ не найдемъ рѣзкихъ типическихъ отдѣловъ, никакого основанія, для дѣленія человѣчества на эти группы. Они отдѣляютъ то, что составляетъ, такъ-сказать, крайности цвѣта и формы, не заботясь о племенахъ, которыхъ нельзя причестъ ни къ одному изъ упомяну-

тыхъ, и которые зовутъ скинскими или аллофильскими. Конечно, называть европейскіе народы — иранскимъ племенемъ, приличіе нежелан кавказскимъ; но вообще должно сказать, что географическія названія восточныхъ пунктовъ племени очень неопредѣлительны, если страна, отъ которой племя заимствуетъ свое имя, какъ на примѣръ Туранъ (Мавераннаръ) была въ различные времена ⁽¹⁰⁾ населена различными народами — индо-германскаго и финскаго, но не монгольскаго происхожденія.

Языки, какъ духовныя произведенія человѣчества, тѣсно связанные съ духовнымъ его развитіемъ, дѣлаются выраженіемъ національности, имѣютъ важное значеніе въ изслѣдованіяхъ о сходствѣ или различіи племенъ. Они важны, потому что единство происхожденія ведетъ въ таинственный лабиринтъ, въ которомъ проявляется въ многообразныхъ, различныхъ видахъ совокупленіе физическихъ (тѣлесныхъ) условій съ духовными. Блистательные успѣхи, которые сдѣлала въ Германіи философическая филологія въ послѣдніе пятьдесятъ лѣтъ, облегчаютъ изслѣдованія національнаго характера языковъ, то есть, тѣхъ отличій языковъ, которыя зависятъ отъ самаго происхожденія. Но, какъ и во всѣхъ областяхъ умозрѣнія и здѣсь на ряду съ надеждою на вѣрные результаты, находится опасность заблужденія.

Положительныя этнографическія изслѣдованія, подкрѣпленныя основательнымъ знаніемъ исторіи, научаютъ, что должно быть очень осторожнымъ въ этомъ сравненіи народовъ и языковъ, употребляемыхъ ими въ различное время. Долговременное плѣненіе, долгое сожитіе съ другими народами, вліяніе чужой религіи, смѣшеніе племенъ, хотя даже при небольшомъ числѣ пришельцевъ, но могущественнѣйшихъ и образованнѣйшихъ, произвели явленіе равновѣрно повторяющееся въ обѣихъ материкахъ, то есть, что у народовъ весьма различнаго происхожденія встрѣчаются нарѣчія одного и того же языка; а у народовъ одинаковаго происхожденія совершенно различныя нарѣчія. Азіатскіе завоеватели болѣе всего дѣйствовали въ пользу такого явленія.

Но языкъ есть часть естественной исторіи духа; свобода, съ которою духъ человѣческой стремится къ избранной имъ цѣли, среди самыхъ разнообразныхъ физическихъ условій. не освобождаетъ однако жъ языка совершенно отъ вліянія силъ природы. Всегда остается замѣтнымъ вліяніе племени, климата, ясности неба или мрачной туманной атмосферы острововъ. Такъ какъ богатство и пріятность языка развивается изъ мысли, этого сама-

го нѣжнаго духовнаго цвѣтка, то мы не хотимъ, чтобы при тѣсной связи, между физическою и духовною сферой, наша картина природы была лишена пріятнаго свѣта и того колориту, которыя могутъ придать ей изслѣдованія отношеній между происхожденіями племенъ и языкомъ, отношенія, о которыхъ мы, разумѣется, можемъ сказать только нѣсколько словъ.

Допуская единство человѣческаго рода, мы этимъ самымъ необходимо возстаемъ противъ гипотезы о дѣленіи человѣческаго рода на высшія и низшія племена (12). На землѣ находятся племена болѣе образованныя, болѣе облагороженныя, но не благороднѣйшія другихъ. Всѣ они одинаково назначены наслаждаться свободою, которая въ дикомъ состояніи составляетъ принадлежность недѣльимаго; въ образованномъ обществѣ—наслаждающагося политической самостоятельностью—цѣлому народу. «Идея, которая господствуетъ во всей исторіи, и которая по нашему мнѣнію болѣе всего доказываетъ усовершенствованіе всего человѣческаго рода—идея челоуѣчества: стремленіе уничтожить границы, которыми предрасудки и односторонне обращаемыя взгляды раздѣляютъ людей и смотрѣть на все челоуѣчество, не обращая вниманія на религіи, народы, цвѣтъ, какъ на одно великое родственное племя, братское цѣлое, соединившееся для достиженія одной цѣли, *свободнаго развитія внутренней силы*. Вотъ послѣдняя цѣль соединенія людей въ общества, и въ то же время направленіе, данное челоуѣку самою природою, для расширенія предѣловъ своего существованія. Челоуѣкъ разсматриваетъ землю до тѣхъ предѣловъ, куда онъ можетъ достигнуть, небо, въ тѣхъ границахъ, въ какихъ онъ видитъ его, освѣщенное свѣтлыми, какъ свое достояніе, какъ предметы, для своего созерцанія и дѣятельности. Уже дитя стремится изъ предѣловъ родины; но оно же стремится и къ ней обратно: самое трогательное и самое прекрасное въ челоуѣкѣ то, что стремленіе къ желаемому и къ потерянному не допускаетъ его жить только для настоящаго. Вкорененный такъ сильно во внутренней природѣ челоуѣка и въ то же время благопріятствуемый его собственнымъ стремленіемъ, этотъ истинно челоуѣческій союзъ всего челоуѣческаго рода дѣлается одною изъ главныхъ господствующихъ идей въ исторіи челоуѣчества».

Да будетъ же позволено брату кончить общее изображеніе явленій природы во всемірномъ пространствѣ этими словами, которыхъ прелесть почерпнута изъ глубины чувствъ. Начавъ съ

самыхъ отдаленныхъ туманныхъ пятенъ и съ двойныхъ звѣздъ, мы спустились къ малѣйшимъ организмамъ животнаго міра, пространеннаго въ водѣ и на сушѣ, и къ нѣжнымъ началамъ растеній, покрывающихъ голые утесы на склонахъ ледовитыхъ горъ. Всѣ эти явленія мы изобразили въ порядкѣ, основываясь на принятыхъ законахъ. Но законы другаго, возвышеннѣйшаго разряда, властвуютъ въ высшихъ кругахъ органическаго міра: въ кругахъ человѣчества, различно организованнаго, одареннаго самодѣятельною духовною силою и языкомъ. Физическая картина означаетъ предѣлъ, гдѣ начинается сфера разума и гдѣ проницательному взору открывается другой міръ. Здѣсь лежитъ граница, за которую физическая картина природы не переступаетъ.

=

IV.

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ И СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО.

=

ЭКОНОМІЯ

ЧЕЛОВѢЧЕСКИХЪ ОБЩЕСТВЪ

И

СОСТОЯНІЕ ФИНАНСОВЪ.

=

СОЧИНЕНІЕ

БЫВШАГО МИНИСТРА ФИНАНСОВЪ.

=

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

СПЕЦІАЛЬНОЕ ИЗЛОЖЕНІЕ.

Для яснѣйшаго обозрѣнія основныхъ истинъ политической экономіи, мы помѣстили многое, какъ это было сказано выше, въ особенной ея части, и вотъ ея изложеніе.

Точка нашего воззрѣнія на предметъ есть слѣдующая: *первое*, что при изложеніи общихъ положеній, тотчасъ должно привести и тѣ измѣненія, которыя имѣютъ мѣсто въ дѣйствительности;

второе, что при производствѣ богатствъ, вся жизнь общественная и частная, равно какъ и ея нравственность, приходитъ въ соотношеніе; во вмѣстѣ, *третье*, мы не допускаемъ, чтобы цѣлю общества была возможно-большая производительность и чистая прибыль, но только общее, хотя бы и среднее благосостояніе большей его части; *четвертое*, и поэтому не приписываемъ безусловнымъ образомъ слишкомъ прославляемую образованность, не только идеальную, но и такую, какою она быть можетъ; потому что даже и та имѣетъ свои недостатки.

Накопецъ замѣтимъ, что положенія общественной экономіи сталкиваются и перемѣшиваются столь многообразно, что въ специальной ея части очень трудно представить стройный систематическій порядокъ и избѣжать повтореній. Поэтому мы не слишкомъ заботились, въ этомъ специальномъ изложеніи, чтобы не упоминать нѣсколько разъ объ одномъ и томъ же предметѣ; потому что иначе и быть не можетъ, а отчасти это полезно даже для читателя, для легчайшаго удержанія предмета въ памяти. Вообще мы имѣли въ виду сдѣлать нашу науку доступною для начинающихъ.

IX. О БОГАТСТВѢ ВООБЩЕ.

Мы уже замѣтили въ первой части, что *чистое природное богатство* весьма ограничено; но даже и *производимое*, не упомяная о машинахъ, о лошадяхъ, о которыхъ будемъ говорить впоследствии, — основывается на болѣе или менѣе благопріятствующихъ силахъ природы, и требуетъ болѣе или менѣе сложной и утонченной работы. Сила почвы превосходитъ въ нѣкоторыхъ странахъ всякое ожиданіе; *рыбная ловля* приносятъ въ извѣстныхъ мѣстахъ огромные доходы, — какое великое различіе находится между работою поденщика и работою художника! Однако же обо всемъ этомъ мы должны говорить впоследствии, по мѣрѣ надобности.

X. О СПЛѢ ПРИРОДЫ.

Прямая сила природы могутъ быть усугублены весьма значительно посредствомъ человеческого труда и дарованія, и въ болѣе благоустроенныхъ странахъ сила почвы очевидно увеличилась впродолженіи времени отъ унавоженія, перемѣнчиванія и обработки. Видѣтъ съ тѣмъ, однако жъ, эта сила почвы,

достигнувъ известной степени улучшенія, не можетъ быть болѣе усилена, соразмѣрно употребленному капиталу и работѣ.

Много зависитъ отъ того, какъ проявляется сила природы. Въ Египтѣ и нѣкоторыхъ другихъ странахъ она зависитъ отъ наводненій. Въ Персїи и иныхъ странахъ Азіи все производится посредствомъ искусственнаго орошенія; и только возлѣ рѣкъ и на оазисахъ обрабатываютъ почву. Въ Англіи огромные капиталы употребляются собственно для улучшенія плохой почвы; въ черноморскихъ степяхъ Россіи пашутъ черную, глубокую и вязкую почву осмью парами воловъ, и оставляютъ ее, послѣ трехъ или четырехъ жатвъ, подъ пастбище; и такимъ образомъ пользуются, при достаточномъ количествѣ земли, чрезвычайною силою природы. Все это обусловливаетъ важныя перемены въ быту народа.

Мы сказали выше, что поземельный доходъ есть прямой даръ силы природы, которою обладаетъ землевладѣлецъ. Эти доходы, однако жъ, бываютъ болѣе и меньше, смотря по качеству почвы, по труду и капиталу, какіе на нее употребляются. Арендная плата должна быть выручена посредствомъ цѣнности вещей; иначе арендаторъ не могъ бы существовать. Въ странахъ, гдѣ количество земли превышаетъ количество обитателей, и гдѣ, такимъ образомъ, сила человѣка имѣетъ болѣе значенія, тамъ, естественно, поземельный доходъ долженъ быть весьма умѣренный; тамъ же, гдѣ земля очень дорога, доходы большіе, даже огромные.

Мы удержали выраженіе *поземельный доходъ*, хотя онъ заключается въ себѣ и проценты отъ капиталовъ, употребленныхъ на покупку земель, потому что этотъ доходъ можетъ быть выше или ниже употребленныхъ процентовъ; тѣмъ болѣе, что въ прежнія времена много собственности было приобретено гораздо дешевле нынѣшней цѣны. И если проценты и упали, то не вездѣ въ одинаковой пропорціи.

Мы займемся изложеніемъ силы машинъ въ надлежачей связи и въ своемъ мѣстѣ. Здѣсь же замѣтимъ только, что косвенныя силы природы, несмотря на ихъ производительность, не приносятъ наконецъ болѣе прибыли, чѣмъ ручная работа; потому что соперничество понижаетъ цѣны.

Неразъ уже говорено было объ духовныхъ силахъ природы, и мы будемъ еще нѣтъ много случаетъ говорить о нихъ; здѣсь

мы не входимъ въ подробности; прибавимъ только то, что мы полагаемъ духовныя силы природы существенно различными отъ силъ физическихъ, потому что нѣтъ возможности положить имъ предѣлы; но всё же онѣ остаются силами человѣческими.

XI. О СИЛАХЪ И ТРУДАХЪ ЧЕЛОВѢЧЕСКИХЪ.

Мы напоминаемъ здѣсь только то, что уже прежде было сказано, что силы человѣческія состоятъ: изъ простыхъ физическихъ, изъ физическихъ болѣе или менѣе утонченныхъ и изъ духовныхъ и гениальныхъ силъ. Ихъ приложеніе столь многосторонно, что нельзя даже подуматъ исчерпать этотъ предметъ, и мы должны довольствоваться указаніемъ на главнѣйшее.

Свободный трудъ есть тотъ, когда человѣкъ употребляетъ свои силы для себя, или по своей волѣ, для другихъ, такъ какъ ему угодно и на то что онъ можетъ сдѣлать. Въ дѣйствительности, однако жъ, свобода эта многоразлично ограничивается. Обстоятельства людей иногда не позволяютъ имъ дѣлать выбора; сельскій поденщикъ прикованъ по большей части къ глубѣ земли, на которой живетъ; только ремесленникъ болѣе свободенъ. Но иногда тоже различныя административныя, устройственныя и полицейскія предписанія и учрежденія стѣсняютъ эту свободу, частию въ пользу, частию безъ пользы, а частию и во вредъ. Сюда принадлежатъ ограниченія различнаго рода: *гильдіи, корпораціи, цехи, ограниченная конкуренція, монополіи, паспорта* и тому подобное, о чемъ мы будемъ говорить въ своемъ мѣстѣ.

Не должно упускать изъ виду существеннаго различія между рабствомъ и крѣпостнымъ состояніемъ. У древнихъ существовали домашнія работы и сельскіе; ихъ положеніе, какъ видно изъ исторіи, было сноснѣе нежели положеніе нынѣшнихъ негровъ; потому что послѣдніе употребляются только на спеціальныя, въ-особенности тяжкія работы. Крѣпостное состояніе напротивъ, далеко не бѣдственно; потому что всякой крѣпостной въ селеніи есть вольный работникъ въ тѣ дни когда не исправляетъ барщины. Въ иномъ положеніи находится домашняя крѣпостная прислуга; между-тѣмъ съ этимъ состояніемъ сопряжена беззаботность, которая у большей части людей этого состоянія не допускаетъ сильнаго желанія переменъ; въ Россіи, крѣпостная дворовая челядь ставитъ себя выше простаго мужика. Вооб-

еще всякое состояніе должно быть сносно нѣкоторымъ образомъ, если оно назначено имѣть продолжительность; и, нимаю не желая оправдывать существованія неволи, нельзя однако жъ утаить того, что крѣпостное состояніе, конечно, не самое бѣдственнее, въ какое можетъ впасть человѣкъ. Русскій крѣпостной мужикъ находится въ несравненно лучшемъ положеніи нежели мелкій ирландскій арендаторъ.

Есть тоже состоявія, которыя можно назвать полу-свободными. Сюда принадлежатъ домашняя служба, при которой домослужителямъ не остается свободнаго времени; состояніе гавселеровъ въ нѣкоторыхъ государствахъ, напримѣръ въ Пруссіи, когда человѣку даютъ хижину, огородъ, право пастбища, иногда поле для засыва картофедемъ, за то, чтобы онъ по востребованію работалъ за опредѣленную поденную плату; иногда даже отъ него получаютъ небольшую денежную подать.

Таково и состояніе мызниковъ (*metayers*) въ полуденной Франціи, и состояніе въ разныхъ мѣстахъ свободныхъ крестьянъ, которые несутъ барщину и имѣютъ свою собственность.

Нѣтъ сомнѣнія, что свободный трудъ частныхъ лицъ болѣе всего приноситъ и производитъ; но и тутъ много праздности. Трудъ Негровъ производитъ гораздо болѣе чѣмъ произвела бы свободная работа.

Черные, получившіе свободу, не произведутъ столько же: эти люди, по своему характеру предпочитаютъ праздную бѣдность трудолюбію. Барщинники склонны сдѣлать въ сутки сколь возможно менше; но въ нѣкоторыхъ странахъ существуютъ постановленія или обычаи, опредѣляющіе количество суточной работы, напримѣръ, сколько вспахать, сколько скосить и тому подобное. Такимъ образомъ произошла поштучная работа; натурально, что она, чтобъ сдѣлаться дешевою и для всѣхъ возможною, должна быть опредѣлена умѣренно; такимъ образомъ вольный работникъ или, по-крайней мѣрѣ, масса вольныхъ работниковъ могутъ произвести болѣе. Если сообразить все это, то окажется, что при земледѣліи, о которомъ идетъ здѣсь рѣчь исключительно, различіе между свободною и не свободною работою гораздо будетъ менше, нежели какъ можно было бы предполагать.

Свободный трудъ можетъ, кромѣ-того, существовать при вольномъ или ограниченномъ ремеслѣ. Было время, когда только первое принимали безусловно; но въ новѣйшія времена возникли важныя сомнѣнія насчетъ пользы неограниченной свободы ре-

мелъ. Такъ много было предпринимаемо и столь много не удается; работа, говорятъ, становится хуже; народонаселеніе городовъ слишкомъ быстро возрастаетъ; женатыя работники, которые вмѣсто подмастерьевъ работаютъ для мастеровъ и промышленниковъ, впадаютъ весьма легко въ совершенную нищету; слишкомъ много дѣятельности въ ремесленномъ народонаселеніи, — и много еще дальнѣйшихъ доказательствъ. Разрѣшеніе этого вопроса подобно предоставить времени; возвратиться совершенно къ старинѣ было бы и невозможно и не разуудительно; но тамъ, гдѣ сохранились еще какія-нибудь ограниченія, хорошо будетъ уничтожить ихъ, только съ предосторожностью. Къ сожалѣнію, человѣческія дѣла всегда имѣютъ двѣ стороны и мы всегда должны взирать ту, которая сопровождается меньшимъ зломъ.

Земледѣльскія работы имѣютъ особенный характеръ. Однѣ весьма тягостны, другія легче, третьи едва можно назвать работами, въ-особенности тѣ, которыя производятся въ зимнее время и такія, которыя занимаютъ только одну часть дня. Женщины принимаютъ въ нихъ существенное участіе, исправляя между-тѣмъ и домашнія работы; вообще для работъ земледѣльческихъ требуется много рукъ. Работы эти идутъ по эпохамъ своей чередой, но зависятъ много отъ погоды. Земледѣльскія занятія суть счастливѣйшія для людей и во всѣ времена земледѣльцы были въ большомъ уваженіи, и состояніе богатаго помѣщика считалось почетнѣйшимъ. Основаніемъ этому служить отчасти безусловная необходимость и важность хлѣбопашества, отъ части же его спокойный и безмятежный характеръ; оно есть основаніе общества; утверждено прочно, и съ нимъ менѣе связаны страсти прибыли, барышничества и пользы отъ обмана. Къ-сожалѣнію, почетъ этотъ уменьшается въ нынѣшній денежный вѣкъ.

Употребленіе машинъ въ повѣйшія времена примѣнено къ земледѣлію, а земледѣльскія орудія чрезвычайно улучшились. Даже въ глубокомъ сѣверѣ молотильныя машины и машины для кошения весьма уважаются; между-тѣмъ изобрѣтенія въ этомъ отношеніи ограничиваются самою природою сельскихъ работъ, и это можно почитать счастіемъ.

По производству, земледѣліе раздѣляется на большое и малое воздѣлываніе; изъ малаго въ нѣкоторыхъ случаяхъ можетъ состояться большое, посредствомъ товарищества мелкихъ владѣльцевъ. Ближайшимъ разсмотрѣніемъ этого предмета мы займемся въ слѣдствіи.

По методу, хозяйство бывает двух, трех, четырехпольное, плодо-переменное; — многие роды специального хозяйства, хозяйство посредством орошения почвы в странах где без воды ничего не произрастает, и тоже выгонное хозяйство, там где слишком много земли и обрабатывают часть почвы два, три года, и потом оставляют ее под пастбище. Это применяется тоже к хозяйству основанному на пожогѣ лѣсу. Подробности принадлежат агрономіи; желательнo только, чтобы эта занимательная наука не была одностороннею, но всегда паходилась под контролем практики.

Прибыли отъ хлѣбопашества и избраніе лучшей и возможной методы зависятъ отъ многообразныхъ мѣстныхъ обстоятельствъ и отношеній; и кто бы на степяхъ полуденной Россіи, где, на весьма разумныхъ основаніяхъ, существуетъ выгонное хозяйство, хотѣлъ завести четырехъ-польное, тотъ обанкротилъ бы ея какъ безразсудный!

Съ земледѣліемъ необходимо связано скотоводство. Оно раздѣляется на домашнее, полудомашнее, полудикое и дикое.

Домашнее скотоводство основывается, или на содержаніи скота единственно въ стойлахъ, или же, при меньшемъ развитіи, съ употребленіемъ выгона. Это еще зависитъ отъ обстоятельствъ и степени развитія земледѣлія. Пастбище, собственно, потеря смѣлы природы, — а выигрываетъ въ трудѣ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ домашнее скотоводство производится, такъ сказать, фабричнымъ образомъ; на примѣръ: коннозаводство, большое овцеводство, скотокормленіе при винокуренныхъ заводахъ.

Полудомашнее скотоводство существуетъ въ селеніяхъ Россіи, Венгріи и такъ дагдѣ. Скотъ большую часть года ходитъ на пастбища, и по большой части остается днемъ и ночью въ полѣ, однако же, на самое суровое время зимы притопливается сѣно и имѣются огороженные мѣста, куда скотъ загоняютъ въ слишкомъ дурную погоду, въ мятель и тому подобное; для овецъ строятъ и хлѣва. Какъ это хозяйство менѣе извѣстно, то представляю его образчикъ изъ дѣйствительности. Въ одномъ имѣніи, въ нижней части екатеринославской губерніи, содержащемъ, — въ двухъ огромныхъ пространствахъ почвы, почти 132,000 гектаровъ степнаго чернозему, — и въ томъ числѣ 32,000 гектаровъ, наводняемыхъ весной, дѣлпровскихъ низменностей, малыя озера, тростники, луга и немногo лѣсу, — помѣщикъ содержитъ сорокъ тысячъ меринoвъ, четыреста ангорскихъ козъ, конскій заводъ въ пятьсотъ лоша-

дей, осемь сотъ рабочихъ воловъ, около четырехъ сотъ штукъ разнаго роду рогатаго скота и множество пастушескихъ собакъ. Народонаселеніе состоитъ изъ 2,500 душъ мужскаго пола и имѣетъ свое особенное хозяйство, кромѣ пастуховъ при стадахъ. Рогатый скотъ и овцы ходятъ большую часть года на пастбищахъ, зимою отчасти въ тростниковыхъ низменностяхъ, которыя тамъ имѣютъ всегда большую цѣну. Для мериносовъ дѣлаются въ хлѣвахъ весьма пушистая подстилка; для жеребцовъ высокой породы и для части лошадей устроены конюшни, которыя находятся въ весьма хорошемъ состояніи.

Впрочемъ, когда нужно, скотъ загоняется въ огороженныя мѣста и въ самые суровые зимніе мѣсяцы его кормятъ сѣномъ. Овцы въ-особенности держатся старательнѣе, и по этому къ нимъ приставлено достаточное количество людей. При этомъ производится и хлѣбопашество; сѣютъ рожь, озимую пшеницу, арнаутку или яровую пшеницу, овесъ, ячмень и такъ далѣе. Послѣ трехъ-лѣтней обработки вспаханную землю оставляютъ на выгонъ, а большими плугами, въ которые запрягаются волю, поднимаютъ новую почву. Тростникъ доставляетъ скоту покровъ, служить топливомъ даже для винокуренныхъ заводовъ, употребляется на покрывку и стѣны домовъ, конюшенъ и огородъ. Въ хорошіе годы готовится сѣна сколько можно болѣе въ запасъ, потому что въ пные годы сѣнокосъ бываетъ скудный; и такимъ образомъ въ 1843 году скошено почти девятнадцать миліоновъ килограммовъ, то есть около четырехъ сотъ тысячъ прусскихъ центнеровъ сѣна,—при значительномъ запасѣ отъ прежнихъ лѣтъ. Но шерсть весьма дешева, равно какъ и заводскія ремонтныя лошади; хлѣбъ въ этомъ году далъ: — рожь семнадцатое, — пшеница десятое зерно; однако же цѣны стоятъ теперь четыре франка, — то есть, почти пятая часть парижской цѣны; а притомъ въ продолженіи цѣлыхъ годовъ не стѣяетъ продавать, такъ что запасъ долженъ лежать безъ всякаго употребленія; и такимъ образомъ въ этомъ мѣстѣ находится шестьдесятъ четыре тысячи гектолитровъ разнаго хлѣба, никому не нужнаго. Но если наступилъ худой годъ и неурожай, какъ это случается, — тогда цѣны возвышаются вчетверо и впятеро. Мелкимъ владѣльцамъ, не могущимъ выжидать, не выгодно жить въ такихъ странахъ. Земля тамъ не уваживается, но навозъ (кизякъ) обращается на топливо, если недостаточно тростнику, — который обыкновенно доставляется въ ближайшее мѣстечко.

Полудикое скотоводство имѣетъ мѣсто у кочующихъ народовъ.

Скотъ круглый годъ ходитъ на пастбища; и даже на киргизскихъ степяхъ, гдѣ случается большая стужа, скотъ разрываетъ снѣгъ и кормится длинною, сухою травою. Но въ жестокия зимы, при гололедицѣ, падаетъ весьма много скота.

Для верблюдовъ, которыхъ зашиваютъ въ войлоки, сгребаютъ съ травы снѣгъ, чтобы доставить имъ подножный кормъ и мѣсто для ночлега.

Между-тѣмъ кочующій скотъ не остается безъ всякаго попеченія; его стерегутъ вооруженные всадники, которые сверхъ-того имѣютъ нѣкоторую заботу о молодомъ скотѣ. Сѣна не готовятъ, развѣ только въ видѣ рѣдкихъ исключеній. Зимой скотъ держутъ въ низменныхъ мѣстахъ, въ побольшомъ лѣсѣ, на берегахъ рѣкъ или между песчаными холмами. Люди живутъ въ палаткахъ изъ войлока; навозъ служитъ топливомъ; молоко и сыръ даютъ скудное пропитаніе. Киргизы вымѣниваютъ отъ русскихъ скотъ на муку, и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ видны начатки хлѣбопашества; но оно не удобно при кочующей жизни, при свободныхъ пастбищахъ, и болѣею частію при сухой почвѣ киргизскихъ степей. Кочующіе народы подвергаются измѣняющемуся вліянію климата, но, въ главномъ основаніи, полудикое скотоводство остается то же самое. Овцеводство въ Испаніи представляетъ нѣчто подобное.

Говорятъ, будто человекъ сперва былъ охотникомъ, послѣ пастухомъ, и, наконецъ, сдѣлался хлѣбопашцемъ. Это нелѣпая выдумка; этого нельзя доказать исторически, а все зависитъ отъ качества почвы. Самоѣдъ живетъ стадами своихъ оленей и не инымъ образомъ. Въ различныхъ странахъ Азіи видимъ, что въ оазисахъ, по берегамъ рѣкъ и по берегамъ *дельтъ* садоводство и хлѣбопашество находится въ цвѣтущемъ состояніи; но между этими мѣстами живутъ только Номады, Курды и тому подобныя, потому что тамъ почва способна только для кочующаго скотоводства. Состояніе кочующихъ народовъ дѣлаетъ производящими такіе участки земли, которые безъ нихъ оставались бы совершенно бесполезными. Остякъ, туземный житель Сибири, охотится на пушныхъ звѣрей въ недоступныхъ сѣверо-восточныхъ лѣсахъ азіатской Россіи, гдѣ по климату ничего другаго предпринять нельзя; а еще далѣе ѣздятъ на собакахъ, потому что пропитаніе составляетъ тамъ только сушеная рыба. Сѣверо-амери-

кавказскій дикарь кормится отъ охоты на дикихъ и пушныхъ звѣрей; и во многихъ странахъ опъ не могъ бы отыскать для себя другаго промысла. Напротивъ, хлѣбопашество въ странахъ удобныхъ явилось вмѣстѣ съ человѣкомъ; и басня, будто древнiе Германцы жили по большей части охотою, опровергается самими римскими писателями. Впрочемъ, такой вымыселъ можно допустить нѣкоторымъ образомъ для обозначенiя степеней образа жизни человѣчества.

Собственно дикимъ скотоводствомъ пазывается то, когда скотъ совершенно предоставленъ самъ себѣ и когда на рогатый скотъ охотятся; лошадей же ловятъ арканами и выѣзжаютъ самымъ насильственнымъ и даже жестокимъ образомъ, какъ въ Буэнос-Айресѣ.

Полезнѣйшее для народнаго богатства употребленiе почвы, очевидно, то, которое наилучше соответствуетъ общимъ и особеннымъ качествамъ почвы. Особенности качества бывають иногда такого рода, что въ нихъ нельзя себѣ дать точнаго отчета; потому что климатическiя, мѣстныя и химическiя условiя перемѣшиваются между собою. Извлечь изъ почвы не то, къ чему она способна, можно только при особенныхъ обстоятельствахъ, и такимъ образомъ въ Англiи, по причинѣ законовъ о хлѣбѣ, много плохихъ пастбищныхъ мѣстъ съ большими издержками обращено подъ заѣвы.

Весьма желательно было бы, чтобы государство было независимо, по-крайней-мѣрѣ, въ нужнѣйшихъ полевыхъ произведенiяхъ и въ-особенности потому, что войны и неурожаи въ чужихъ краяхъ могутъ затруднить привозъ. Въ такомъ случаѣ принужденiе есть мѣра неудобная. Въ странахъ, гдѣ народонаселенiе велико и значительно усиливается, послѣдствiя могутъ быть весьма вредны, если значительныя массы лучшей земли отнимаются у воздѣлыванiя необходимыхъ произведенiй, — хлѣба, зелени, корму, а обращаются на производство колонiальныхъ продуктовъ, напримѣръ сахару. Трудно однако же опредѣлить, какъ воспрепятствовать этому. Во Францiи этотъ вопросъ соединился съ вопросомъ о колонiяхъ. Но такому направленiю никогда не должно бы покровительствовать.

Есть продукты, которыхъ производство запрещено или дозволено съ большими ограниченiями; какъ напримѣръ, табакъ во Францiи и Англiи. Но какъ это есть слѣдствiе финансовыхъ

учрежденій, то мы будемъ объ этомъ говорить въ третьей части нашей книги.

Въ ближайшей связи съ земледѣлемъ, въ-особенности въ нѣкоторыхъ краяхъ, гдѣ бывають жестокия зимы, находится *развозъ по сухому пути*.

Поселянинъ, который для полевыхъ работъ долженъ имѣть упряжь, доволень — когда можетъ впродолженіи зимы, хотя бы не совершенно, заработать на свое собѣтвенное содержаніе и на содержаніе своихъ лошадей. Поэтому въ Россіи зимній развозъ весьма дешевъ. На югѣ, напротивъ, и лѣтомъ перевозка производится на степяхъ посредствомъ воловъ, и такимъ образомъ развозчикъ приближается уже болѣе къ исключительному занятію. Въ другихъ краяхъ развозчикъ по болѣе части составляетъ особое состояніе, живетъ въ малыхъ мѣстечкахъ, или же въ селеніяхъ, обрабатывая тоже и участокъ земли; но развозъ остается, однако жъ, его главнымъ занятіемъ во всякое время года.

Эти различія должны быть принимаемы въ соображеніе, при разсмотрѣніи народнаго богатства какого-либо государства, которое принадлежитъ къ той или другой системѣ развоза. Посредствомъ дешевизны крестьянскихъ развозовъ пріобрѣтается возможность развозить много и на большія разстоянія къ рѣчнымъ и морскимъ пристаямъ, что отчасти вознаграждаетъ зимнее время, обыкновенно мертвое для работы, и поэтому исключительное состояніе развозчика было бы излишнимъ. Большія государства, какъ Россія, не могли бы обойтись безъ этого состоянія. И на желѣзную дорогу тоже разница эта имѣеть существенное вліяніе. Разумѣется, что мы здѣсь говоримъ о развозѣ грузовъ, потому что необходимый развозъ по окрестностямъ и на рынки дѣлается посредствомъ крестьянскихъ или помѣщичьихъ подводъ.

Судоходное ремесло, для внутренняго судоходства, образуетъ по болѣе части особое состояніе, однако жъ во многихъ сѣверо-западныхъ странахъ оно есть занятіе крестьянъ. Иначе и быть не можетъ, потому что главные транспорты, при весеннемъ разливѣ, производятся на большихъ плоскодонныхъ баркахъ, которыя потомъ разламываются. Такъ, ширингъ, зимою доставляется на саняхъ партія желѣза на мѣсто нагрузки на рѣкѣ Чусовой близъ отлогостей Уральскаго Хребта. Нагруженный караванъ барокъ плыветъ съ множествомъ людей внизъ по

теченію до Камы, а по ней такъ же быстро въ Волгу. Тогда уже барки должны подниматься вверхъ по Волгѣ, посредствомъ особенныхъ машинъ и при помощи большого числа работниковъ; потому что пароходы мало приносятъ пользы на быстрыхъ и мелкихъ мѣстахъ средней и верхней Волги и обошлись бы слишкомъ дорого. Потомъ транспорты входятъ въ разныя системы водяныхъ сообщеній, которыя, посредствомъ рѣкъ и каналовъ, ведутъ къ Петербургу, Москвѣ и другихъ мѣстамъ, гдѣ при быстротѣ водъ, требуется много людей для управленія барками, менѣе же на каналахъ, гдѣ барки тянутся бечевою. Изъ этого видно, что, съ одной стороны, особое состояніе судовщиковъ должно было бы оставаться празднымъ большую часть года, потому что на одинъ рейсъ нужно четыре или пять мѣсяцевъ; съ другой стороны, что стеченіе работниковъ изъ крестьянъ при этой посторонней работѣ, конечно, лишаетъ земледѣліе многихъ силъ; несмотря на то, что работники нанимаются только по дистанціямъ. Но къ чему бы послужило умноженіе сыраго продукта, если бы нельзя было его перевозить?

Впрочемъ, и въ другихъ краяхъ, крестьянинъ занимается рѣчнымъ и озернымъ развозомъ.

Такъ какъ развозъ, — хотя онъ также составляетъ существенную часть производительности, — не долженъ быть покровительствуемъ большими издержками, чѣмъ самая производительность; и такъ какъ искусственное умноженіе линий сообщенія, хотя оно и полезно, имѣетъ свои предѣлы; — такъ какъ и большая издержка на провозъ болѣе грузнаго матеріала, по крайней мѣрѣ въ этомъ отношеніи, не должна ничего отнимать у коренной производительности, то проекты новыхъ каналовъ, путей и тому подобныя, всегда должны быть разсматриваемы съ этой точки зрѣнія. Мнѣ самому кто-то однажды представилъ безсмысленный проектъ, соединить посредствомъ канала Волгу съ рѣкою Ураломъ, а эту послѣднюю такимъ же образомъ съ Аральскимъ Моремъ, чтобы можно было пробраться по Аму-Дарьѣ (*Шигонъ, Оксусъ*) или другими путями въ Остъ-Индію. Проектъ водянаго сообщенія на Панамскомъ Перешейкѣ для кораблей могъ казаться тоже нѣсколько преувеличеннымъ; и, какъ кажется, отъ чрезмѣрнаго размноженія желѣзныхъ дорогъ — болѣе перевозится предметовъ роскоши, нежели чѣмъ въ какой мѣрѣ это полезно для необходимой производительности.

Въ Сѣверной Америкѣ, а можетъ-быть и во Франціи, въ отно-

шеніи къ устройству каналовъ поступали, кажется, не вездѣ своевременно и слишкомъ поспѣшно.

Многимъ, можетъ-быть, покажется страннымъ, что мы говоримъ о военномъ трудѣ, то есть, ученьяхъ, эзерциціяхъ, парадахъ, караулахъ и тому подобномъ; однако жъ это безъ всякаго сомнѣнія коственно производящія и притомъ не легкіе труды, особенно во время войны.

Мореплаваніе составляетъ во многихъ странахъ особое состояніе, тѣмъ болѣе, что предполагаетъ свѣдѣнія, которыми въ-особенности капитаны судовъ должны обладать въ довольно значительной степени, что къ сожалѣнію, не всегда случается. Правда, что плаваніе около береговъ и плаваніе въ открытомъ морѣ, имѣетъ различный характеръ, но это не принадлежитъ къ нашей наукѣ. Мореплаваніе служитъ собственно не только для развоза, но въ-особенности и для большой рыбной ловли,—важность его не требуетъ никакихъ доказательствъ: кому не извѣстно, что Голландія первоначальнымъ своимъ возвышеніемъ обязана ловлѣ сельдей! Какая-нибудь постоянная, выгодная, даже и незначительная отрасль промышленности можетъ иногда сдѣлаться первымъ жизненнымъ источникомъ города или части страны, а потомъ уже разрастается, распространяется, часто обнимаетъ другія вѣтви пропитанія, и удерживается даже тогда, когда сдѣлалась незначительною. То же самое можетъ произвести благоприятное, часто, повидимому, не важное обстоятельство мѣстоположенія или извѣстные отношенія. Первоначальнымъ зародышемъ Москвы была, кажется, удобная для постройки возвышенность Кремля. Римъ служилъ убѣжищемъ изгнанникамъ, посреди бесплодной, никому незавидной, Кампаніи; Ерусалимъ, городъ святыни, окруженъ дикою почвою, и обязанъ, вѣроятно, происхожденіемъ своимъ источнику Силуамскому.

Для мореплаванія необходимы различныя учредительныя постановленія, и, намъ кажется, что они нужны тоже и для рыбной ловли, въ извѣстной только степени и для извѣстной цѣли. Специальное развитіе этого вопроса принадлежитъ наукѣ рыболовства и не можетъ быть предметомъ этого сочиненія, равно какъ и постановленія о мореплаваніи.

Военный флотъ соединяется естественнымъ образомъ съ частнымъ мореплаваніемъ; и не покажется неосновательнымъ, когда мы занятіе служащихъ на флотѣ назовемъ трудомъ, но только

не прямо производящимъ; потому что они защищаютъ производительность, какъ солдаты, а для колоній необходимы.

Впрочемъ полагать, что хорошей флотъ можетъ только существовать при огромномъ количествѣ вооруженныхъ кораблей, было бы предразсудкомъ; потому что при долговременной службѣ можно и изъ простаго рекрута образовать равно хорошаго и даже лучшаго военнаго матроса, чѣмъ на купеческомъ кораблѣ.

Строительные рабочіе, какъ то: каменщики, камнетѣсы, плотники, штукатуры и тому подобныя, даже кораблестроители, имѣютъ отличительнымъ характеромъ то, что они по большей части, во многихъ странахъ, могутъ работать только въ хорошее время года; въ остальное же время занимаются чѣмъ-нибудь другимъ, или вовсе не имѣютъ работы. Притомъ же и многіе поселеніе занимаются этими работами; — а ихъ подраздѣленіе не возможно: въ столярной работѣ напримѣръ, одинъ и тотъ же человѣкъ долженъ и сверлить и вколачивать гвозди. Изъ рабочихъ, остающихся зимою безъ работы, происходятъ часто пролетаріи, не имѣющіе насущнаго хлѣба, также опасные люди. Между-тѣмъ лѣтомъ иногда работаютъ такъ много, что зимою необходимо отдохновеніе; и поэтому самому въ производительности не происходитъ остановки.

Въ Россіи, рабочіека этого рода происходятъ почти исключительно изъ крестьянъ болѣе населенныхъ полосъ; искусство ихъ еще грубо. Старикъ и женщины занимаются между-тѣмъ хлѣбопашествомъ.

Обыкновеннымъ руководѣлемъ называемъ мы работу подешичка, или временно ваятаго рабочника, который не производитъ собственно ничего мастеракаго: копать, нагружать или выгружать, строгать доски, мести улицы, аажигать дачны, быть дворникомъ, и тому подобное. Сюда принадлежать въ нѣкоторой степени догковой и домовоы извозчикъ въ городахъ. Эти работы будущею частью также не допускаютъ подраздѣленія; — и мы видимъ изъ предъидущаго, что подраздѣленіе труда не можетъ быть общимъ правиломъ. Эти занятія бываютъ и прямо, и косвенно производящія; въ нѣкоторыхъ же случаяхъ, при трудѣ произвола, бываютъ разрушительны. Число тѣхъ, которые занимаются этою работою, не считая хлѣбопашцевъ, значительно, и рождаетъ, такъ называемыя, раирегіме, нищенство.

Ремесленныя и утонченныя, не художественныя, работы требуютъ особаго обученія, и въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже

посредственныхъ и высшихъ познаний, особенно въ наше время, когда химія и механика, физика и другія науки произвели такъ много великаго и глубокомысленнаго въ техническихъ работахъ, весьма многочисленны; всѣ онѣ могутъ быть подведены подъ слѣдующія категоріи:

Въ отношеніи искусства: низшее, среднее и высшее ремесло, или простое, уточненное и изящное. Весьма большая разница между сапожникомъ, часовымъ мастеромъ, оптикомъ и механикомъ. По потребленію эти работы раздѣляются на ремесла необходимыя, средней и высокой роскоши, напримѣръ: булочникъ, модистка, ювелиръ. Подробнѣйшее раздѣленіе этихъ работъ заключается въ томъ, работаютъ-ли въ-особенности на заказывающее отдѣльное лицо, или же оптомъ для всѣхъ вообще. Отсюда происходитъ различіе между работою въ мастерской и на фабрикѣ. Правда, что мастера работаютъ и впередъ для распродажи, но это не общее правило. Слишкомъ подробное раздѣленіе работъ въ мастерской системѣ не возможно; но иногда она принимаетъ большіе размѣры и такимъ образомъ приближается къ фабрикѣ.

Собственно фабрикою называется заведеніе, гдѣ съ помощію машинъ, при возможномъ подраздѣленіи работы, производится, хотя не въ огромномъ, но по-крайней-мѣрѣ въ значительномъ количествѣ. Подраздѣленіе работы, въ особенности при работахъ металлическихъ, бываетъ часто весьма великое; такъ что иногда одному работнику приходится сдѣлать нѣсколько ударовъ молотомъ, или два, три раза провести пилою. Натурально, такая работа дѣлаетъ работника безмысленнымъ; мы не вѣримъ, чтобы слишкомъ большое раздѣленіе работы приносило вполнѣ столь прославленную выгоду. Впрочемъ плюсъ и минусъ, въ этомъ отношеніи, опредѣляются свойствомъ труда и чаще обстоятельствами.

Сельская фабричная промышленность, или промышленность семейства, образуютъ особый классъ, когда въ ремеслѣ принимаютъ участіе иногда отдѣльные члены, а иногда и цѣлыя семейства. Въ нѣкоторыхъ селеніяхъ Россіи изготовляются наилучшимъ образомъ, кожи, которыя, по свидѣтельству самихъ же Англичанъ, мало уступаютъ козамъ, выдѣланнымъ въ Англіи, или равняются съ ними въ добротѣ. Въ селѣ *Ивановъ* находится двадцать паровыхъ машинъ.

Болѣе обыкновенный родъ семейной фабричной промышленности имѣетъ мѣсто въ странахъ мало устроенныхъ, гдѣ крестья-

няя большую часть производятъ самъ предметы своихъ потребностей, — свое сукно, полотно и такъ далѣе. Это выгодно тамъ, гдѣ зима продолжительна; и состояніе это можетъ измѣниться и быть замѣнено раздѣленіемъ труда только весьма медленно.

Работникъ въ семейной промышленности находится, безъ сомнѣнія, въ самомъ счастливомъ положеніи, — мастерская фабрикація даетъ обществу всего болѣе опоры; фабричная же промышленность производитъ наиболѣе, но и порождаетъ величайшую нищету.

Когда въ Европѣ существовало почти исключительно мастерское производство, когда въ самомъ Аугсбургѣ жили тридцать тысячъ ткачей, тогда союзъ мастеровъ съ подмастерьями представлялъ весьма полезную самостоятельность семействъ, каждый могъ надѣяться быть мастеромъ и основать постоянное семейство, имѣющее по-крайней-мѣрѣ надежныя средства къ существованію. Государство имѣло поруку противъ приращенія пролетаріевъ и нищихъ; между трудящимися состояніями господствовало какое-то добронравіе, приличіе, высокое самосознаніе, взаимное попеченіе влучаѣ болѣзни и несчастія, взаимное наблюденіе за собою. Но все это измѣнилось съ того времени, когда фабричное производство поглотило столь многое и распространилось въ ужасающихъ размѣрахъ. На фабрикѣ самостоятеленъ одинъ только ея хозяинъ, но часто и самъ онъ не въ состояніи поддержать свое заведеніе; нѣсколько приказчиковъ и надсмотрщиковъ получаютъ довольно значительное жалованье, но зато масса работниковъ не имѣетъ упроченнаго состоянія, живетъ со дня на день въ отвратительныхъ ямахъ и умираетъ съ голоду, если только заболѣетъ. Фабричное производство порождаетъ въ низшемъ классѣ безнравственность, униженіе, тупость, бунты, домогательство высшей платы; въ высшемъ же классѣ производитъ часто презрѣніе къ испорченной породѣ людей. Хозяинъ фабрики, тѣсный слишкомъ большимъ соперничествомъ и застоємъ въ сбытѣ, старается, напротивъ, уменьшить плату работникамъ: благороднѣйшій изъ нихъ желалъ бы помочь, но не можетъ. Страшно посмотрѣть, до чего дошло зло въ нѣкоторыхъ вѣтвяхъ фабрикъ у различныхъ народовъ, а еще страшнѣе подумать до какой степени оно еще можетъ дойти. Правда, что еще не вездѣ, и не во всѣхъ случаяхъ одинаково худо; но и такъ довольно бѣдствій!

Здѣсь открывается обширное поле для размышленія: какъ помочь злу, какъ его облегчить? Къ-сожалѣнію, бѣдствіе не умень-

иметь числа пролетаріевъ, ограниченіе фабрикаціи его увеличивать; новыя пути быта почти невозможны; добровольная женская помощь не приноситъ большой пользы, и такимъ образомъ всё средства оказываются слабыми и притомъ только временными. Но оставимъ этотъ печальный-предметъ.

Много говорено было о казенныхъ фабрикахъ; но даже такія, въ которыхъ государство не нуждается, необходимы въ нѣсколькихъ благоустроенныхъ странахъ, чтобы ввести новыя вѣтви промышленности и учредить образцовыя заведенія, хотя бы онѣ причиняли убытки. Но административная мудрость требуетъ, чтобы такія фабрики въ приличное время были уничтожены и попоществованіе частнымъ лицамъ прекращено; иначе правительство убиваетъ вообще всё частныя предпріятія, а заведенія вспомошествоуемыя имъ разоряютъ заведенія самостоятельныя.

Иначе должно смотрѣть на фабрики, служащія собственно для государства. Пока частная промышленность вѣрно и вполне удовлетворяетъ потребностямъ государства, все должно быть ей предоставлено. Но такъ какъ государство должно быть независимо и обезпечено въ различныхъ потребностяхъ военного дѣла, и рѣдко, а можетъ-быть и никогда, нельзя исключительно положиться въ этомъ отношеніи на частную промышленность, то государству необходимо имѣть собственные литейныя и пороховыя заводы, оружейныя фабрики и отчасти чугуныя заводы, верки и тому подобное.

Безъ сомнѣнія, казенныя фабричныя произведенія могутъ обойтись дороже нежели на частныхъ заводахъ; но зато все болѣе обезпечено, можно въ чрезвычайномъ случаѣ усилить трудъ, избѣгнуть затрудненій отъ частныхъ промышленниковъ, когда предстятъ нужда, равно и возможныхъ подмоговъ поставщиковъ и шрёмщиковъ.

Поэтому-то казенныя фабрики такого роду существуютъ вездѣ, равно какъ и горныя промыслы, чтобы обезпечить себя въ самомъ матеріалѣ.

Но далѣе, какъ уже было сказано, казенныя фабрики не должны бы простирались.

Распредѣленіе труда представляетъ двоякое видоизмѣненіе: первое, когда земледѣльческая масса народа перестаетъ удовлетворять по-большей части сама своимъ потребностямъ, когда ея производство распадается на принадлежащія, частныя ремесла,

и когда возрастает потребленіе вещей не собственнаго издѣлія; вторая, когда для каждаго отдѣленія труда работаютъ приуготовительно въ другихъ подраздѣленіяхъ, о чемъ отчасти мы уже говорили.

Первое, или большое подраздѣленіе труда можетъ быть только слѣдствіемъ времени и образованности, но быстро движется впередъ когда дойдетъ до известной точки. Притомъ нѣтъ сомнѣній, что при частно распределенномъ трудѣ, количество производимаго чрезвычайно увеличивается, а качество его чрезвычайно улучшается.

Дальнѣйшее распределеніе или подраздѣленіе труда, есть слѣдствіе успѣховъ промышленности; оно имѣетъ такое же вліяніе на качество и количество производимаго и порождаетъ дешевизну. Но мы уже замѣтили, что пониженіе цѣнъ посредствомъ конкуренціи причиняетъ большой вредъ, не увеличиваетъ соразмѣрнаго народнаго богатства, а только доставляетъ богатымъ болѣе наслажденій.

Послѣ того, что мы въ разныхъ мѣстахъ уже говорили о машинахъ, остается намъ сдѣлать только выводы: первое, что не производящія сами собою силы природы, пары, огонь, вода, пустое пространство и тому подобное, приводятся въ дѣйствіе творческою силою человѣческаго духа; второе, что эти изобрѣтенія произвели дешевизну и увеличили потребленіе, не давъ собственно людямъ ни болѣе богатства, ни болѣе счастія; третье, что онѣ вспомошествоуютъ избытку производительности, и четвертое, дѣлаютъ не вѣрнымъ существованіе трудящагося класса, а часто повергаютъ его въ бѣдствіе. Но нельзя положить предѣловъ успѣхамъ человѣческаго духа и промышленности, и необходимо довольствоваться тѣмъ, что приноситъ время, будетъ ли это добро или зло.

Быть-можетъ, мы до-сихъ-поръ слишкомъ увлеклись подробностями; что покажется лишнимъ; но ближайшее изложеніе характера трудовъ поясняетъ многое въ политической экономіи.

Духовные труды, которые производятся безъ приложенія физическихъ силъ или только съ ихъ помощію, какъ-то: писать, считать, говорить, учить, дѣлать опыты, также управлять, произносить судебные приговоры, защищать передъ судомъ, уже помянуты. Если бы мы пожелали распространиться въ этомъ отношеніи, то только напрасно увеличили бы объемъ этого сочи-

женія; они узнаются особеннымъ учениемъ. Однако жъ надобно замѣтить, что эти занятія въ продолженіи времени распространились чрезвычайно и едва-ли съдѣлались сложными, а потому соразмерно увеличилось и ученое состояніе, такъ, что число живущихъ трудящихся другихъ, несоразмерно превышаетъ число производящихъ. Это есть необходимое послѣдствіе идущей впередъ цивилизаціи, и если многочисленный классъ писцовъ, счетчиковъ и бухгалтеровъ, едва-ли приносятъ вполне ожидаемую пользу, то всё же люди, однажды вступившіе въ эти занятія, имѣютъ право жить на счетъ общества; а уменьшеніе штатовъ, какъ извѣстно автору этого сочиненія на опытѣ, весьма неудобно; однако жъ ему удалось уничтожить много лишняго.

Теперь главная задача правленія — дѣлать возможное и приличное, чтобы поставить преграды дальнѣйшему развитію тунельныхъ растений.

Къ разряду духовныхъ трудовъ принадлежатъ, естественно, и беллетрическія занятія. Они не только доставляютъ человѣку отдохновеніе, въ которомъ онъ необходимо нуждается и которое возобновляетъ его производительность, но и различнымъ образомъ дѣйствуютъ на его образованіе, нравственность и эстетическое чувство.

Драматическій артистъ, музыкантъ, тоже принадлежатъ къ этому разряду, и хотя древніе считали званіе гистріона униженнымъ, хотя природное пренебреженіе къ людямъ, выставляющимъ себя публично, глубоко укоренено въ человѣкѣ, однако жъ новыя времена имѣютъ лучшее объ нихъ понятіе и удивляются, превозносятъ и ласкаютъ талантъ и искусство въ отдѣльныхъ лицахъ.

Безплодные искусства, какъ фокусничество, волтижерство и тому подобное, которыя болѣе или менѣе пренебрегаются, вообще служатъ для увеселенія. Не говоря уже о болѣе предосудительныхъ промыслахъ, остается еще сказать о художествахъ, о живописи, ваяніи и тому подобномъ, причемъ, конечно, главное дѣло составляетъ геній, но для которыхъ также необходимы познанія и дѣйствительный физическій трудъ. Искусства заслуживаютъ и по праву награждаются столь высокимъ уваженіемъ, что мы охотно номѣщаемъ ихъ здѣсь; хотя они собственно принадлежатъ къ промышленности, составляя высшую и благороднѣйшую ея степень.

XII. О НАРОДОНАСЕЛЕНИИ.

Было время, когда все поднимали общинъ примѣннѣ, и думали посредствомъ ихъ стать выше всякаго опыта. Тамъ образъ полагали, что величайшее благо для края есть увеличеніе его народонаселенія. Теперь, когда стараются примѣнить правило теоріи къ историческому ходу вещей и къ фактическимъ проявленіямъ жизни общественной, думаютъ совсѣмъ иначе.

Нельзя не сознаться, что для народонаселенія существуютъ границы; что если оно, умножаясь, переходитъ за нихъ, то приносятъ болѣе вреда чѣмъ пользы. Предѣлы эти могутъ быть опредѣлены теоретически, но въ дѣйствительности удержать ихъ невозможно; самое ихъ опредѣленіе дѣлается приблизительно.

Когда сила природы въ извѣстной странѣ столько развита и употреблена во всѣхъ отрасляхъ, что уже существуетъ значительная степень культуры, но однако жъ на всякое отдѣльное лицо приходится довольно большая часть природной силы, тогда народонаселеніе достигло уже своего предѣла. Правда, что если народонаселеніе увеличится въ значительной степени, то и силу природы можно еще очень возвысить посредствомъ капитала, труда, дарованій; но, какъ мы уже замѣтили выше, воздѣйствія издержки не могутъ уже приносить такой же выгоды какъ прежнія. Участіе отдѣльныхъ лицъ въ силахъ природы, главный источникъ всякой производительности и всякаго дохода, будетъ по причинѣ преувеличеннаго народонаселенія, все менѣе и менѣе; возродится то страдальческое исканіе средствъ существованія, которое мы замѣчаемъ въ чрезвычайно населенныхъ странахъ; увеличивается число пролетаріевъ, нищихъ, отчужденныхъ, преступниковъ. Безъ сомнѣнія, число людей ищущихъ работы умножится; но они будутъ слабѣе духомъ и тѣломъ; потому что даже физическая сила упадетъ и родъ человѣческій дѣлается хилѣе. Легко понять, что это не можетъ простирався ни на всѣ классы ни на всѣхъ недѣлимыхъ члѣнѣ класса; но страшная пронасть, между наслаждающимися и умирающими почти голодною смертію, всё будетъ разверзаться шире и шире. Если одна часть народа можетъ жить на счетъ иностранныхъ государствъ, тогда положеніе сноснѣе; но это очень нѣтко и рождаетъ новыя затрудненія.

Къ счастью, ни одно еще государство не дошло до такого бѣд-

отвѣтсвеннаго помолвима; но нѣкоторые отецъ близи къ нему. Неосмысленный путешественникъ легко впадаетъ въ заблужденіе: въ Англии, напримеръ, онъ до такой степени ослѣпляется всею блистательностью, всемогуществомъ и уютченностью, что въ своемъ воспоминаніи не въ состояніи дать себѣ яснаго отчету въ основныхъ недугахъ и въ бѣдствіяхъ, во всею его объемъ.

Ни одно правительство не въ силахъ положить предѣлы народонаселенію; и даже, какъ уже сказано, границы его не могутъ быть практически обозначены; онѣ въ разныхъ государствахъ различны, и обусловливаются степенью природной силы, климатомъ и разнородными обстоятельствами.

Народонаселеніе имѣетъ естественное стремленіе къ увеличенію и безъ него не было бы народовъ; однако жъ высшіе классы умножаются несравненно болѣе высшихъ: древніе высокіе роды вымираютъ, а на мѣсто ихъ возвышаются другіе, изъ высшихъ классовъ, потому что высокая цивилизація разслабляетъ породу. Какъ мало въ Римѣ въ позднѣйшія времена оставалось потомковъ древнихъ знаменитыхъ родовъ! Гдѣ тотъ сонмъ нѣкогда славныхъ рыцарскихъ семействъ, которыхъ замки лежатъ нынѣ въ развалинахъ? Развѣ не вымерли древніе, именитые роды горожанъ?

Однако жъ мы не можемъ согласиться съ положеніемъ Мальтуса, что народонаселеніе стремится превзойти средства существованія, потому что послѣднія возрастаютъ въ образованныхъ странахъ вмѣстѣ съ народонаселеніемъ; только у дикихъ и полудикихъ народовъ бываетъ голодъ, и то по временамъ, отъ истиннаго недостатка. То только правда, что трудность поддержанія жизни и нецѣнность средствъ существованія, увеличиваются; что стремленіе къ нимъ иногда бываетъ тщетно, и вообще, если такъ можно выразиться, ломти хлѣба уменьшаются по мѣрѣ того какъ уменьшается количество основной силы природы, приходящейся на каждаго отдѣльнаго человѣка; и что даже нѣкоторые, несмотря на ихъ трудъ не имѣютъ въ видѣхъ никакого участія. Естественно, что зло главнымъ образомъ падетъ на бѣдныхъ; неизмѣримое богатство и нищета, могутъ и должны стоять другъ возлѣ друга.

Въ духѣ отвлеченныхъ положеній, можно бы сказать, что неограниченное увеличеніе народонаселенія падетъ свои предѣлы въ самомъ себѣ; потому что умноженіе людей должно прекратиться,

когда нѣтъ болѣе ни клѣба, ни мѣста. Несмотря на то, на дѣйствительности бываетъ иначе. Бѣдные не переживаютъ жажущаго частію необдуманно, но часто и съ разчетомъ; потому что осмысленный человѣкъ, которому жена и дѣти помогаютъ работать, гораздо легче перебивается въ жизни. Правда, что дѣти живутъ въ крайнемъ бѣдствіи, но многіе выносятъ, потому что, увѣ, человѣкъ можетъ вынести много! Впрочемъ, можно бы согласиться съ вышеприведеннымъ положеніемъ въ той мѣрѣ, въ какой оно полагаетъ предѣлы слишкомъ усиленному народонаселенію, но никогда въ той степени, которая нужна для возстановленія равновѣсія. Притомъ же возрастающая промышленность даетъ всегда новый поводъ къ приращенію народонаселенія; и не думаю, чтобы въ образованномъ состояніи можно было замѣтить недостатковъ жизненныхъ средствахъ, если бы даже недоставало средствъ на ихъ покупку. Развѣ только въ странахъ, которыя сами собою производятъ слишкомъ мало для пропитанія собственныхъ жителей, и которыя должны покупать эти средства на своихъ фабрики и торговые барыши, и то только тогда, если сбытъ остановится, какъ на примѣръ, въ Швейцаріи, Нидерландахъ, гдѣ бы это могло случиться, но едва-ли случилось. Естественно, что здѣсь не говорится о неурожаяхъ.

Изъ всего этого явствуетъ, что не надобно слишкомъ вѣрить положенію, будто если одна вещь не имѣетъ сбыта, то можно заняться производствомъ чего-нибудь другаго. Избытокъ народонаселенія производитъ хотя и временную, всё же вынужденную праздность; и дѣйствительно, не легко прибѣгнуть къ другой отрасли промышленности, потому что и эти уже всё преисполнены. Въ частности работникъ можетъ чѣмъ-нибудь другимъ заняться, но съ величайшею трудностью: во-первыхъ, онъ не учился другой работѣ, потомъ ему не представляется удобнаго случая, сила привычки отнимаетъ у него охоту къ иному занятію, онъ иногда не можетъ оставить свое мѣстопробываніе и тому подобное. И такъ это положеніе справедливо только для продолжительныхъ эпохъ, но не отвращаетъ зла въ минуту нужды.

XIII. О ПРЕДѢЛАХЪ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТИ.

Здѣсь считаемъ приличнымъ сказать нѣсколько словъ о предѣлахъ производительности. Можно принять за аксиому, что про-

неодительность какого-либо государства тогда находится въ сѣрашрности, когда хлѣбошашество и промышленность приносятъ столько, сколько по среднему выводу нѣсколькихъ лѣтъ нужно для внутреннего потребленія, и сверхъ-того необходимый плюсъ для вымѣна изъ-за границы предметовъ, которыхъ оно не въ состояннн производить. Работаютъ для другихъ народовъ не для того, чтобы вымѣнивать истинныя потребности существованія народа, но чтобы излишнюю часть своего народонаселенія кормить на чужой счетъ. Переселеніе къ намъ цѣлыхъ иностран-ныхъ городовъ, не есть еще само-по-себѣ великое зло, если бы при этомъ можно было избѣгнуть конкуренціи и разныхъ обстоя-тельствъ, производящихъ застои и недостатокъ приобрѣтенія.

Совершенно въ другомъ положеннн находится народъ, произ-водящій болѣе суровыхъ матеріаловъ, нежели сколько нужно для вымѣна своихъ потребностей; излишекъ служитъ къ увеличенію капитала, въ которомъ новые народы нуждаются въ столь вы-сокой степени. Не споримъ, что уменьшеніе вывоза тоже произ-водитъ застои, но убытокъ отъ этого падаетъ не на одинъ толь-ко классъ народа, который лишился работы, но распадается на многихъ, изъ которыхъ большая часть можетъ выжидать счаст-ливѣйшихъ временъ.

XIV. О недвижныхъ имѣніяхъ.

Недвижныя имѣнія раздѣляются на два существенно различ-ные рода :

Первое, на *поземельную собственность* или *помѣстье*, состоя-щее изъ садовъ, виноградниковъ, пахатныхъ земель, выгоновъ, луговъ, степей, саваннъ, лѣсовъ, кустарниковъ, шлюзовъ, прудовъ, проселочныхъ дорогъ, плотинъ и тому подобнаго.

Второе, другой родъ недвижнаго имущества составляютъ до-ма, дворы, конюшни, амбары, мельницы, фабрики и тому по-добное, также публичныя строенія различнаго роду и устрой-ства, какъ-то : пристани, каналы, публичныя дороги, и тому подобнаго. Мы назовемъ ихъ общимъ именемъ *построекъ*.

Существенное различіе разнородныхъ помѣстій основывается на силѣ природы, находящейся въ почвѣ. Напротивъ-того, *строе-нія* принадлежать или къ земледѣлію, и сами-по-себѣ ничего не приносятъ ; или къ фабрикамъ и составляютъ ихъ необходимое

условіе; или поддежать найму, какъ дома въ городахъ, — рѣше въ саленникъ; или удовлетворяютъ собственнымъ потребностямъ, или же облегаютъ перевозы, какъ пристань, каналы; или служатъ опорой противъ враговъ и такъ да-лѣе, и такимъ образомъ служатъ вспомогательными средствами для производительности.

Поземельная собственность, хотя въ частности не всегда не своей денежной цѣны есть самая важная, необходима какъ условіе общественнаго быта, и прежде всего нужно рассмотреть: первое, ея количественное распредѣленіе между владѣльцами; второе, ея свойство: принадлежитъ ли она общинѣ или частному лицу, и только составляетъ предметъ пользованія, равно какъ и способъ ея продажи, отчужденія или перехода по наслѣдству и ихъ ограниченіе; третье, свойство воздѣлыванія.

По отношенію къ количественному распредѣленію, земля бываетъ непременно или государственною собственностью, или принадлежитъ частнымъ лицамъ. Государственная собственность имѣетъ мѣсто преимущественно въ разныхъ виѣ европейскихъ краяхъ: такъ въ Турціи, исключая нѣкоторыя провинціи и страны обитаемыя кочующими народами, совсѣмъ нѣтъ частной собственности поземельной, а только государственная и церковная, предоставленная частнымъ лицамъ въ пользованіе. Не будемъ здѣсь распространяться объ этомъ, потому что это не касается Европы; но замѣтимъ, что подобное состояніе поземельной собственности можетъ быть благоустроено и существовать безъ вреда.

Въ Европѣ существуютъ только государственныя имущества, которыя имѣютъ вообще характеръ частной поземельной собственности.

Въ нынѣшнемъ состояніи Европы, владѣніе землею можно раздѣлить на *большое, среднее, однодворческое, на малое* и даже *весьма малое*. Впрочемъ на это раздѣленіе должно смотрѣть по обстоятельствамъ каждаго государства; если же примемъ масштабомъ одно только протяженіе, тогда можетъ случиться, что большое владѣніе въ Англіи нужно будетъ причислить къ среднимъ и даже малымъ въ Россіи. И такъ раздѣленіе это зависитъ главнымъ образомъ отъ качества производимаго, отъ его цѣнности, и отъ продажной цѣны почвы.

Большая обработка, по существу своему, свойственна великому землевладѣнію; однако же оно можетъ раздробиться и на малыя арендныя владѣнія, какъ напримѣръ въ Ирландіи. Большая обра-

ботка земли, даже при наименьшем потреблении, приносит самыя большіе, чистые доходы; но большія землевладѣнія могутъ быть скорѣе запущены и прісмотрѣ за ними труднѣе.

Среднее землевладѣніе имѣетъ большія преимущества. Владѣтель можетъ единственно имъ заняться; большая обработка не находитъ въ немъ препятствій; даже самъ его владѣтель имѣетъ болѣе стремленія къ улучшеніямъ. Среднимъ землевладѣніемъ мы называемъ такое, гдѣ владѣтель не самъ работаетъ и которое заключаетъ въ себѣ нѣсколько значительныхъ фермъ.

Однодворческимъ владѣніемъ называемъ крестьянское имѣніе, гдѣ, по-крайней-мѣрѣ, содержится пара воловъ, или лошадь для полевыхъ работъ. Оно допускаетъ только малую обработку.

Малое и самое малое землевладѣніе вообще состоитъ изъ хижины, садика, маленькаго поля, которое обрабатывается только заступомъ или лопатою; гдѣ даже нельзя содержать одной коровы. Такому роду землевладѣній свойственна маленькая, специальная обработка, какъ-то: картофель, зелень, частью торговья растенія, требующія много заботъ и тому подобное. Сильнѣйшая обработка при навозѣ увеличиваетъ доходъ.

Въ Европѣ слышно много жалобъ на раздробленіе земель, которое всё болѣе и болѣе распространяется; нѣкоторые напротивъ считаютъ полезными только малыя землевладѣнія.

Между-тѣмъ благосостояніе общества требуетъ конкуренціи всѣхъ родовъ землевладѣній. Если бы не было большихъ и среднихъ владѣтелей, то малыя, будучи не въ состояніи выжидать распродажи, до такой степени понизили бы цѣну предметовъ, что наконецъ сами бы обѣдѣли. Если бы недоставало малыя владѣтелей, то большіе могли бы слишкомъ поддерживать и увеличивать цѣну; когда же не будетъ весьма малыя владѣтелей, то откроется недостатокъ во многихъ предметахъ потребления, потому что тѣ, которые могутъ употребить силы свои, лучше не станутъ ихъ воздѣлывать. Притомъ же большая обработка необходима для продовольствія городовъ.

Утверждаютъ, и не безъ основанія, что весьма малыя землевладѣнія ввели чрезвычайно большую потребность, несообразную производительность, такъ какъ человѣкъ находитъ въ маломъ землевладѣніи слишкомъ немного работы, чтобъ быть вполнѣ занятымъ. Между-тѣмъ зато почва обрабатываемая заступомъ или лопатою производитъ болѣе; мелкопомѣстный владѣлецъ занимается притомъ и поденною работою, или чѣмъ-нибудь

другимъ: а наконецъ, какъ уже было замѣчено, возможно большой доходъ не есть исключительная цѣль человѣческаго общества.

Не споримъ, что въ нѣкоторыхъ государствахъ малыя владѣнія значительно умножаются при безпрестанныхъ подраздѣленіяхъ почвы и при возрастающемъ народонаселеніи, и что совершенное раздробленіе земли можетъ произвести великій вредъ для продовольствія городовъ, уничтожая большое воздѣлываніе. Однако жъ, кажется, что такое направленіе можетъ только достигнуть известной степени, а потомъ начнется опять соединеніе отдѣльныхъ участковъ.

Есть даже страны въ Европѣ, гдѣ бы скорѣе можно было жаловаться на то, что богатые владѣльцы покупаютъ мало-помалу у мелкихъ владѣльцевъ ихъ участки и такимъ образомъ обращаютъ ихъ въ поденщиковъ. Какъ должно поступать правительство въ этихъ обѣихъ случаяхъ — это мы укажемъ впоследствии.

До сихъ-поръ мы говорили о землевладѣніи вообще, не обращая вниманія на его различные виды. Въ этомъ отношеніи земля составляетъ или полную собственность, или только отданную въ пользованіе. Первая принадлежитъ или государству, или общинамъ, богоугоднымъ заведеніямъ и тому подобное, или частнымъ лицамъ. Собственность перваго рода для краткости назовемъ публичною. Собственность же частная по большей части обрабатывается весьма старательно и представляетъ наилучшій родъ собственности; иногда то же самое случается въ государственныхъ имуществвахъ, о которыхъ будемъ говорить въ третьей части. Иногда же земля отдается въ пользованіе. То же происходитъ въ наследственномъ, большомъ и маломъ арендномъ владѣніи, на болѣе или менѣе продолжительное время, или за известныя повинности, какъ это бываетъ у гауслеровъ и у другихъ людей разныхъ наименованій.

Особый родъ пользованія находится тамъ, гдѣ существуетъ вѣчное право, и землевладѣтель позволяетъ обрабатывать свою землю за известныя повинности. Повинности эти нынѣ, конечно, вездѣ опредѣлены, или по величинѣ земли, отданной на пользованіе, или же по числу лицъ, составляющихъ семью. Такъ въ западной Россіи повинности крестьянъ опредѣлены по величинѣ земли имъ отданной, въ восточной же или великой Россіи,

гдѣ челоуѣкъ отправляетъ барщину отъ двухъ до трехъ дней въ недѣлю по числу работниковъ; однако жъ большая часть находится на денежномъ оброкѣ.

Вознагражденіе трудомъ за пользованіе землею составляетъ естественный и даже единственный способъ въ нѣкоторыхъ государствахъ; однако жъ барщина должна переходить постепенно въ аренду за деньги или за естественныя произведенія, и, наконецъ, смѣниться совершенно, какъ это теперь вездѣ видимъ. Притомъ отнюдь не должно упускать изъ виду, чтобы крестьянинъ получалъ землю въ собственность, или, по крайней мѣрѣ, въ наследственное пользованіе; опытъ уже доказалъ, что освобожденіе безъ предоставленія собственности, а только соединенное съ кратковременною арендою, гораздо вреднѣе нежели крѣпость: иначе освобожденіе такого рода можно назвать птичьею свободою.

Публичное землевладѣніе управляется вообще менѣе продуктивно, нежели частное; но это не необходимость: оно можетъ быть отдано въ аренду какъ частное имѣніе, которое тоже только отчасти можетъ быть управляемо. Въ публичномъ землевладѣніи скорѣе можно опасаться нерадѣнія начальниковъ; по какимъ другимъ образомъ можно было бы положить твердое основаніе богоугоднымъ и тому подобнымъ заведеніямъ, приносящимъ возрастающій доходъ?

Въ западной Европѣ мало осталось сельскихъ мірскихъ имуществъ, развѣ только не много пастбищъ, а въ-особенности лѣсовъ, которые однако жъ состоятъ подъ надзоромъ правительства; совершенно противное тому видимъ въ Восточной Европѣ. Великороссійскіе государственные крестьяне пользуются только мірскою землею, которая собственно принадлежитъ государству, но которую они считаютъ своею собственностію, между тѣмъ какъ она, безъ-сомнѣнія, предоставлена имъ только въ пользованіе. Каждое семейство обрабатываетъ участокъ такой земли; а при каждой новой ревизіи, то есть, каждые двадцать лѣтъ, мірская земля раздѣляется на такое число участковъ, сколько находится въ наличности душъ мужескаго полу, платящихъ подати; подушная же, или поземельная, подать распределяется по количеству земли, предоставленной въ пользованіе каждому семейству; тамъ, гдѣ мало взрослыхъ людей въ семьѣ, крестьянинъ получаетъ меньшій участокъ, — а по-больше тогда, когда въ семействѣ много работниковъ. Это простирается только на новину и пастбища: въ новѣйшее время однако жъ по-

становлено, что крестьянинъ, обработавшій участокъ пшеницы, получаетъ его въ исключительное пользованіе на нѣсколько лѣтъ.

Изъ этого явствуетъ, что крестьянинъ скорѣе употребитъ свой капиталъ и трудъ на торговлю или промыселъ, чѣмъ на дорого стоющее улучшеніе почвы. Съ другой стороны происходитъ та великая польза, что нѣтъ бобылей, пролетаріевъ и вообще нищихъ. Такъ-то всегда дѣла человѣческія имѣютъ различную сторону; часто трудно рѣшить, которая изъ нихъ лучше и необходимо держаться въ главномъ существующаго. Вообще почти невозможно, безъ опаснаго потрясенія, произвести значительныя перемѣны въ-отношеніи поземельной собственности. Только продолжительное время можетъ переобразовать собственность общинъ въ частную.

Учрежденіе *мызничковъ*, которые обрабатываютъ землю за половину доходовъ, удержалось во Франціи еще отъ римскихъ колоній и существуетъ также въ Азіи. Оно допускаетъ только малую обработку; но мы его не знаемъ достаточно, чтобы объ немъ подробнѣе распространиться.

Частная собственность нигдѣ не находится въ неограниченномъ распоряженіи владѣльца, и встрѣчаетъ два главныхъ ограниченія: первое,—касательно отчужденія и перехода по наследству; второе,—контроль правительства.

Въ первомъ отношеніи имѣнія бываютъ или свободно отчуждаемыя, или нѣтъ; раздѣльныя и нераздѣльныя.

Свободное отчужденіе раздѣльнаго имѣнія можетъ происходить въ цѣломъ его составѣ или по частямъ, нераздѣльное же имѣніе продается только въ цѣломъ составѣ, или совсѣмъ не можетъ быть продано; отказывается также въ цѣломъ составѣ. Различныя роды субституцій и маіоратовъ не могутъ быть отчуждаемы, а переходятъ по наследству въ полномъ своемъ составѣ. Такого же свойства нѣкоторыя ленныя мызы; а при наследственной арендѣ требуется для продажи по большей части согласіе землевладѣльцевъ. Есть еще имѣнія, занимающія средину между этими двумя видами землевладѣній,—имѣнія находящіяся въ свободномъ распоряженіи, которыя могутъ продаваться по частямъ съ большою выгодною для земледѣльца, но не для общества.

Естественно, что въ маіоратахъ и нераздѣльныхъ наследственныхъ имѣніяхъ, наследникомъ всегда бываетъ старшій сынъ;

но бываютъ исключенія и предметъ этотъ часто бываетъ сложный, что уже болѣе принадлежитъ къ юриспруденціи.

Нераздѣльныя имѣнія, которыя только въ цѣломъ составѣ своемъ могутъ быть отчуждаемы, въ-особенности крестьянскія, а даже отчасти и имѣнія неотчуждаемыя, приносятъ ту пользу, что земля не можетъ быть раздробляема и что всегда остается значительное количество дворовыхъ владѣльцевъ, которые доставляютъ государству и обществу болѣе опоры противъ пролетаріевъ и неимущихъ, и предупреждаютъ войну богатыхъ съ бѣдными. Надобно тоже замѣтить, что производительность дѣлается болѣе правильною, и послѣ бѣдствій войны, чему примѣромъ Германія; поселянинъ поправляется скорѣе, когда подъ залогъ своей земли можетъ занимать и уплачивать заемъ мало по малу; что однако же относится вообще и ко всякому поземельному имуществу.

Между-тѣмъ не должно забывать, что при маіоратахъ и нераздѣльныхъ имѣніяхъ, младшіе члены фамиліи должны же получить что-нибудь и поэтому на этихъ имѣніяхъ съ рода въ родъ все болѣе и болѣе накопляется долговъ; та же ограниченность свободнаго распоряженія часто препятствуетъ предпріятіямъ владѣльца, въ-особенности хорошаго хозяина, между-тѣмъ какъ наслѣдникъ получаетъ запущенное и обремененное долгами наслѣдство; потому что только въ однихъ маіоратахъ обыкновенно опредѣляется сумма дозволенныхъ долговъ.

Сообразивъ все вмѣстѣ, вопросъ этотъ столь многосторонень, что не можетъ быть удовлетворительно рѣшенъ ни теоретически ни практически, и всего лучше остаться при существующемъ. Однако жъ желательно было бы, чтобы по обстоятельствамъ законъ положилъ извѣстныя границы раздѣлу наслѣдства.

Поземельное наслѣдство съ древнихъ временъ вообще во всѣхъ государствахъ опредѣлено весьма нетвердо. Право первородства господствуетъ въ маіоратахъ, ленныхъ имѣніяхъ, и даже въ нѣкоторыхъ странахъ простирается на крестьянскіе дворы; дочери получаютъ приданое. Иногда наслѣдство раздѣляется всѣмъ дѣтямъ по-ровну; иногда сыновья имѣютъ преимущества. Въ собственной Россіи имѣнія мѣщанъ, равно какъ и городскія имѣнія дворянъ, раздѣляются по-ровну между сыновьями и дочерьми; дворянскія сельскія имѣнія, по особенному расчету, раздѣляются такъ, что каждая дочь получаетъ четырнадцатую долю, что производитъ великое раздробленіе имѣній, особенно потому, что вдо-

вещь и вдова получают седьмую часть съ правомъ отчужденія. Западныя и остъ-зейскія провинціи пользуются особенными правами по этому предмету.

Трудно сдѣлать значительныя перемѣны въ подобныхъ, освященныхъ вѣками понятіяхъ, не разрушая вмѣстѣ съ тѣмъ семейныхъ отношеній и не обманывая справедливыхъ ожиданій. Однако жъ то и другое можетъ быть исправлено. Правда, что политическая экономія, какъ уже было сказано, принимаетъ теоретически общиннъ правиломъ полную свободу распоряженія имѣніемъ; но все до-сихъ-поръ изложенное опровергаетъ безошибочность этого положенія. По нашему мнѣнію всё-равно, какой бы ни былъ способъ наследственнаго раздѣла, только чтобы онъ не способствовалъ прямо раздробленію земель.

=

ЭКОНОМІЯ

ЧЕЛОВѢЧЕСКИХЪ ОБЩЕСТВЪ

И

СОСТОЯНІЕ ФИНАНСОВЪ.

=

СОЧИНЕНІЕ

БЫВШАГО МИНИСТРА ФИНАНСОВЪ.

=

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЙ КОНТРОЛЬ.

Теперь представляется къ рассмотренію другой родъ ограниченія собственности, именно правительственный контроль (надзоръ).

Говорятъ, и не безъ основанія, что самъ владѣлецъ знаетъ лучше всѣхъ, какъ воспользоваться своею собственностью. Конечно, это правда по отношенію къ выгодамъ владѣльца; но будетъ ли это справедливо по отношенію къ выгодамъ общественнымъ, къ которымъ однако жъ должна быть принаровлена всякая частная собственность; потому что при этомъ только условіи, она можетъ быть допущена.

Основнымъ положеніемъ правительственнаго контроля должно быть то, чтобы издавать только изрѣдка приказы и запрещенія и когда этого необходимо требуетъ благо общественное; при томъ съ возможно-малыми ограниченіями для владѣльцевъ.

Между-тѣмъ, противъ этого положенія неоднократно дѣлались большія ошибки. Разъ — приказывали обрабатывать то или другое; другой разъ (во Франціи), запретили разводить виноградники безъ особаго позволенія; а разведеніе это и теперь само собою запрещается нынѣшнюю податною системою. Однимъ словомъ, такія ограниченія повторялись вездѣ и весьма часто; напримѣръ, англійскій парламентъ запретилъ нѣкогда употребленіе каменнаго угля.

Теперь подобныя ошибки случаются уже не столь часто, и надзоръ правительства надъ собственностію частныхъ лицъ ограничивается главнымъ образомъ нѣкоторыми только предметами, гдѣ онъ именно, по самому существу дѣла, еще необходимъ, не упоминая о рѣдкихъ ошибкахъ его.

Лѣсъ по преимуществу долженъ подлежать правительственному надзору. Законы повелѣваютъ сохранять лѣса и обрабатывать ихъ подѣ надзоромъ, по мѣрѣ надобности и величины ихъ; а корабельный лѣсъ сохранять до распоряженія самаго правительства. Такой правительственный надзоръ введенъ почти вездѣ, и только въ Россіи, по различнымъ причинамъ, освобождаются отъ него лѣса, принадлежащіе дворянскому сословію. Контроль этотъ самый естественный, потому что здѣсь выгоды частнаго владѣльца весьма легко могутъ находиться въ прямомъ противорѣчій съ выгодами общества. Не одинъ владѣлецъ прельщается мыслию совершенной вырубкѣ лѣсу, чтобы составить вдругъ огромный капиталъ на покупку имѣній, на уплату долговъ или, въ крайнемъ случаѣ, чтобы получить пахатное поле. Но лѣсъ послѣ такой вырубкѣ растетъ весьма медленно; а превращенный въ пахатное поле не возобновляется уже никогда. Непомѣрная вырубка лѣсовъ порождаетъ дешевизну лѣсу и непомѣрное его потребленіе; а дешевизна эта часто можетъ считаться благомъ въ нѣкоторомъ отношеніи; эта же вырубка производитъ то, что запасы въ топливѣ будутъ дѣлаться самыя незначительныя для домовъ и фабрикъ; и, наконецъ, дошло бы дотого, что было бы нужно истреблять капиталъ лѣсу вмѣсто его процентовъ, то есть, ежегоднаго прироста. Можно тоже замѣтить, что вырубка лѣсовъ имѣетъ вредное вліяніе на климатъ, на водяное царство рѣкъ, и отнимаетъ всякую защиту у хлѣбопашества.

Правительственной контроль тоже необходимъ для рыбной ловли, особенно если она производится въ большихъ размѣрахъ. Здѣсь постановленія и ограниченія этого контроля справедливо препятствуютъ жадности и корыстолюбію, стремящемуся преж-

двременно исчерпать или разрушить богатство природы, и защищают цѣну производительности отъ необходимаго упадка.

Такому же надзору подлежитъ охота. Постановленія объ охотѣ, издаваемые въ справедливой мѣрѣ, защищаютъ дичь, которая составляетъ немаловажную часть дохода, и съ которою происходили столь многія злоупотребленія въ прежнія времена. Можно полагать даже, что лѣсоводство произошло въ извѣстномъ отношеніи отъ охоты.

Кромѣ-того необходимы узаконенія касательно пушныхъ звѣрей; но полагаю, что онѣ могли бы не относиться къ пустыннымъ лѣсамъ Сѣверной Америки и Сибири. Впрочемъ, самая природа положила нѣкоторыя преграды корыстолюбію, заставляющему охотиться на пушныхъ звѣрей, потому что шкуры ихъ годны къ употребленію только зимою.

Въ прежнія времена добываніе мѣховъ составляло въ Россіи главный источникъ богатства; теперь же вездѣ число звѣрей уменьшилось, а добываніе мѣховъ по-необходимости ограничилось.

Впрочемъ рыбная ловля и охота принадлежать къ чистому богатству природы; поэтому требуютъ значительной степени труда извѣстнаго роду и составляютъ такимъ образомъ отрасль промысла.

О нѣкоторыхъ, менѣе важныхъ, предметахъ того же роду умалчиваемъ, а о горныхъ промыслахъ будемъ говорить ниже.

О способахъ обработыванія почвы.

Способъ примѣненія человѣческихъ силъ къ почвѣ по отношенію къ трудящимся имѣетъ важныя послѣдствія для народнаго хозяйства.

Собственное хозяйственное управленіе имѣніемъ представляетъ великія преимущества; однако же въ большихъ имѣніяхъ оно ограничивается по-необходимости общимъ надзоромъ.

Въ имѣніяхъ средней величины, хозяйство можетъ производиться подробно. На мызахъ и мелкопомѣстныхъ имѣніяхъ, владѣлецъ работаетъ лично, болѣе или менѣе. Безъ-сомнѣнія, всякое хозяйство зависитъ отъ личныхъ качествъ владѣльца, но вообще прибыль отъ него значительна.

Другой весьма хорошій способъ воздѣлыванія почвы представляется въ арендѣ. Арендаторъ находитъ свои собственные вы-

годы въ старательномъ хозяйствѣ; по касательно арендѣ нужно замѣтить слѣдующее:

Аренда на срокъ непродолжительный, на три, и иногда на одинъ годъ, всегда вредна, потому что ведетъ къ портѣ недвижимаго имѣнія, а еще болѣе потому, что арендаторъ принужденъ вести жизнь кочевую.

Слишкомъ великая и продолжительная аренда принуждаетъ къ мнимой арендѣ, доставляетъ арендатору двойныя прибыли со вредомъ владѣльцу и побуждаетъ къ угнетенію тѣхъ, которые берутъ часть земли въ наемъ отъ арендатора.

Аренда на срокъ средній, гдѣ арендаторъ, при помощи другихъ лицъ, можетъ самъ всею заниматься и за всею присматривать, предпочитается иногда собственному управленію владѣльца имѣніемъ; потому что арендаторъ можетъ быть лучшимъ хозяиномъ, а обязанность платежа арендныхъ денегъ подстрекаетъ его къ труду. Такимъ арендамъ свойственно доброе хозяйство, и смѣло можно утверждать, что болшую часть улучшеній въ воздѣлываніи почвы произвели арендаторы. Они обыкновенно соединяютъ въ себѣ необходимую ревность къ труду съ, такъ сказать, ручною практикою; владѣльцы же большихъ имѣній не обладаютъ но-крайней-мѣрѣ послѣднею.

Продолжительною арендою называемъ мы аренду по-крайней-мѣрѣ лѣтъ на двѣнадцать; арендаторъ втеченіи этого времени можетъ получить выгоды и вознаградить улучшенія, которыя самъ сдѣлалъ. Тамъ, гдѣ вѣтъ обыкновенія перемѣнять часто арендаторовъ, и шестилѣтняя аренда можетъ имѣть свои выгоды. Весьма продолжительная аренда, даже равняющаяся чело-вѣческой жизни, можетъ считаться самою выгодною, по причинѣ счастливыхъ случаевъ.

Наслѣдственная аренда ведетъ въ особенности къ улучшеніямъ: она доставляетъ арендатору право пользованія и условной собственности. Для видовъ правительства аренда эта полезна тамъ, гдѣ крестьянинъ не владѣетъ своею землею. Для владѣльца же оно не только вѣрное, но и чело-вѣколюбивое средство; однако жъ, даже при срочныхъ пересмотрахъ и возвышеніи платы, не всегда доставляетъ самыя большіе доходы. Во всякомъ случаѣ аренда эта весьма похвальная.

Аренда малыхъ мызъ и крестьянскихъ дворовъ на продолжительное время, даже болѣе чѣмъ на двѣнадцать лѣтъ, считается тоже хорошимъ средствомъ сельскаго хозяйства. Ей свойственна малая обработка и, надобно замѣтить, что крестьянское сословіе

никогда, или очень рѣдко само по себѣ предпринимаетъ значительныя улучшения: напротивъ, сначала крестьяне имъ сопротивляются, и только впослѣдствіи, при очевидныхъ выгодахъ, усваиваютъ то, что подходитъ подъ ихъ мелкое хозяйство. Часто сопротивление это простиралось и далѣе; такъ напримѣръ, чтобы уничтожить постепенно общія пастбища, нужно было прибѣгать къ принужденію.

Аренды еще болѣе мелкія, на срокъ продолжительный, нуждаются въ специальномъ, маломъ хозяйствѣ. Очень вредно раздроблять большія имѣнія на незначительныя участки; скопленіе значительнаго числа мелкихъ арендъ въ одномъ имѣніи, производитъ недостатокъ въ пропитаніи для народонаселенія и заставляетъ народъ удаляться въ города и фабрики.

Хозяйство при посредствѣ мызынковъ (*metayers*), или за часть дохода, считается довольно удобнымъ способомъ придавать вѣсть почвѣ, въ-особенности тогда, когда мызынку упрочено долгое пользованіе.

Въ Россіи когда-то духовныя имѣнія состояли на пятой части поземельнаго дохода изъ крестьянскихъ участковъ; теперь крестьяне этихъ имѣній платятъ положенный оброкъ.

Что касается барщинъ, то важнѣйшее уже было сказано выше; ихъ удержаніе можетъ быть прибыточно для владѣльца тамъ, гдѣ есть много людей, мало крестьянскихъ, и значительное количество господскихъ земель.

Барщинная работа нуждается въ строгомъ присмотрѣ, но во многихъ случаяхъ необходима. Предлагали давать крестьянамъ вмѣсто платы часть доходовъ натурою; но это неудобно, потому что случаются неурожаи, а замѣна продуктовъ на наличныя деньги представляетъ для крестьянъ большія трудности.

Не будемъ здѣсь распространяться о продуктивности колоніальной и вообще о сбыточномъ хозяйствѣ многихъ неевропейскихъ странъ, равно какъ и о работѣ невольниками, потому что это вышло бы изъ предѣловъ нашего сочиненія. Умолчимъ также, о преимуществѣ колоніальнаго хозяйства, доставляемомъ ему климатомъ, предъ нашимъ зерновомъ хозяйствомъ и предъ нашими виноградниками. Масляное дерево хотя и принадлежитъ Европѣ, но не доставляетъ такихъ большихъ доходовъ, какъ другіе важные плоды.

Кромѣ собственныхъ податей на землѣ лежатъ многочисленныя налоги, которые однако жъ во многихъ странахъ могутъ быть весьма удобно отмѣнены. Къ такимъ налогамъ принадле-

жать : постой, поставка зернового хлѣба за опредѣленную цѣну, подводы во время походовъ войска, исправленіе проселочныхъ дорогъ, повинности на большихъ дорогахъ, содержаніе служителей общинъ, содержаніе бѣдныхъ, подать на содержаніе первой и духовенства, и тому подобное, а въ-особенности десятина.

Надобно стараться возмозжну часть этихъ налоговъ возложить на государственную казну, остальные же замѣнить денежною платою, а удержать только такіе, которые необходимо должны быть доставляемы натурою, какъ напримѣръ, при большомъ движеніи войскъ.

Въ военное время случаются реквизиціи, пожары, потеря упряжей, и сверхъ-того грабежи, и часто общество не въ состояніи дать за все это полного удовлетворенія; поэтому необходимо довольствоваться малыми вознагражденіями. Все это производить то, что имѣнія находящіяся возлѣ театра войны весьма легко приходятъ въ крайнее разореніе.

Не должно тоже упускать изъ виду, что весьма часто замѣна денжными уплатами налоговъ натурою образовала бы огромныя суммы; поэтому замѣна эта неудобносполнима. Въ нѣкоторыхъ странахъ, какъ напримѣръ, на сѣверо-западѣ Европы, даже вовсе невозможно многихъ налоговъ перевести на деньги. Крестьянину всегда остается немного времени, чтобы отправлять ручную повинность, онъ можетъ доставить подводы, но платить за все это наличными деньгами не можетъ; въ такомъ случаѣ ему необходимо было бы имѣть и много продажныхъ предметовъ и легкія средства сбыта. Если бы, напримѣръ дороги, тамъ гдѣ нѣтъ шоссе, но гдѣ его предположили бы устроить, исправлялись за уплату, то для тѣхъ, которые, по причинѣ отдаленности или по другимъ обстоятельствамъ, не могли пользоваться этими дорогами, это было бы уже тяжело и несправедливо.

Церковь основала первоначальное свое содержаніе на десятинахъ, а въ дальнѣйшемъ развитіи искала своего благосостоянія въ поземельныхъ собственностиахъ. Такимъ образомъ она очень много способствовала къ развитію хозяйства.

Въ позднѣйшія времена многія десятины перешли въ руки правительства или лицъ частныхъ. Духовенство почти вездѣ, кромѣ Англій, Ирландіи и нѣкоторыхъ другихъ странъ, потеряло, болѣе или менѣе совершенно, свои имѣнія, а за то получаетъ жалованье и приличное содержаніе, и сверхъ-того имѣетъ отъ паствы умѣренныя приношенія, состоящія изъ плодовъ земли.

Вообще много перемѣнилось въ быту церковномъ: прежде церковь стремилась управлять государствами, послѣ же нуждалась въ помощи и защитѣ правительства. Нынѣ церковь желаетъ приобрести полную независимость и власть управленія въ своемъ собственномъ кругу.

Нѣтъ сомнѣній, что десятины—подати весьма несправедливыя: онѣ тяготятъ надъ каждымъ улучшеніемъ и можно даже сказать, наказываютъ за улучшение, не принимая въ соображеніе употребленныхъ на него трудовъ и издержекъ.

Тамъ, однако жъ, гдѣ десятины существуютъ, было бы несправедливо уничтожить ихъ однимъ разомъ: тамъ онѣ получаются изъ первобытной цѣнности почвы. Можно только уменьшить ихъ, или же замѣнить разъ навсегда, хотя бы не совсемъ справедливо, денежною платою. Въ Англии, а особенно въ Ирландіи, десятины были причиною страшныхъ потрясеній.

XV. О горномъ дѣлѣ.

Не подлежитъ сомнѣнію, что металлы не составляютъ первой потребности общества, потому что оно можетъ существовать и безъ желѣза; скажутъ, быть-можетъ, что это будетъ состояніе не полное, но не всё ли равно, если только общество счастливо.

Между-тѣмъ общество человѣческое необходимо идетъ впередъ, иногда незамѣтно, иногда скачками, часто — какъ нынѣ, весьма быстро и даже бурно, а иногда, какъ во времена Римлянъ, насильственнымъ образомъ. Все это произвело необходимость ископаемыхъ.

Естественно, что при такомъ ходѣ вещей горный промыселъ образуетъ главную отрасль производительности. Правда, что степень этой производительности различна въ различныхъ государствахъ: она изобильнѣе въ новыхъ краяхъ чѣмъ въ старинныхъ, въ которыхъ столь много уже было исчерпано; разъ уплачивается значительно, въ другой разъ скупѣе. Одно желѣзо только находится въ изобиліи почти во всѣхъ странахъ.

Нѣкогда ошибочно полагали, будто бы золото свойственно только жаркимъ поясамъ; теперь же количество золота увеличивается до неимоверной степени въ необитаемыхъ пустыняхъ Сибири.

Въ горнозаводствѣ необходимо отдѣлять доходъ металловъ отъ дохода минераловъ, который не столь значителенъ, но столько же необходимъ. Очень недавно, не болѣе одного столѣтія, начали дѣлать

тельно разрабатывать слои каменного угля и шикъ только открито много новыхъ слоевъ. Теперь это неизмѣримое и неудобопостижимое богатство природы не только удовлетворяетъ вседневной жизни народовъ какъ топливо, но еще сдѣлалось основаніемъ несмѣтнаго числа фабрикъ.

По отношенію къ производительности, металлы можно раздѣлить на три класса:

1) Благородные: золото, серебро, платина, не говоря уже о многихъ рѣдкихъ, какъ-то: палладіумъ, ирридіумъ и тому подобныхъ, которые не имѣютъ еще опредѣленнаго достоинства и обширнаго употребленія.

2) Средніе или цѣнные: мѣдь, ртуть, олово.

3) Простые: желѣзо, свинець, цинкъ.

Перваго класса металлы бываютъ самые рѣдкіе, а добываніе ихъ часто есть чисто азартная игра. На штольнѣ, положенной у границъ вѣчныхъ снѣговъ, въ нѣкогда богатыхъ, а теперь незначительныхъ золотыхъ рудникахъ, было когда-то написано: «Сотни тысячъ гульденовъ туда всыпано, а ни одного крейцера оттуда не добыто». Однако жъ промывальни золота составляютъ по большей части исключеніе.

Цѣнные металлы находятся чаще, а рудники ихъ изобильнѣе, поэтому при добываніи ихъ менѣе риску.

Простые металлы находятся очень часто и въ неизмѣримыхъ массахъ.

Въ такомъ же тройственномъ отношеніи является и производительность металловъ, если не по качеству, то по-крайней-мѣрѣ по количеству производительности; и поэтому желѣзное горнозаводство считается важнѣйшимъ.

Поэтому горное дѣло по-крайней-мѣрѣ принадлежитъ къ самымъ производительнымъ занятіямъ народа, но вмѣстѣ съ тѣмъ требуетъ высокихъ познаній и большой практики. Однако жъ не основательно было бы ставить горное дѣло выше земледѣлія.

Въ прежнія времена не-разъ утверждали, что благородные металлы не увеличиваютъ богатства и что Испанія, со времени открытія изобилующей металлами Америки, пришла въ упадокъ. Но это только предубѣжденіе: внутренняя промышленность Испаніи пришла въ разстройство не по причинѣ открытія Америки, а по совершенно другимъ причинамъ.

Прибыль отъ алмазовъ и другихъ благородныхъ и полублагородныхъ минераловъ должно считать особенною отраслью про-

цѣнности. Рѣдкости эти не имѣютъ никакого, или имѣютъ малое достоинство по отношенію собственно къ пользѣ.

Камнеоломный матеріалъ, полезные роды глинъ, сѣраго хрящу, жеску, равно какъ торфъ и многіе другіе того же роду ископаемыхъ, добываются частію горнымъ образомъ, а частію способомъ обыкновеннымъ. Они могутъ тоже приносить значительные доходы и быть главными отраслями промышленности въ нѣкоторыхъ странахъ, какъ напримѣръ, сѣра въ Сициліи, потому что имѣютъ значительное участіе въ массѣ производительности.

Касательно горнозаводства прежде были издаваемы отъ правительства обширныя постановленія, частію полицейскія, частію противъ промысла посредствомъ грабежа, частію насчетъ горныхъ заводовъ, которые допускались даже на чужой землѣ. Постановленія эти имѣютъ силу по нынѣшнее время, но значительно смягчены.

Въ Россіи каждый владѣтель полной собственности имѣетъ право добывать на своей землѣ всѣ роды минераловъ и металловъ, и это очень естественно; нѣтъ однако же недостатка въ постановленіяхъ о горнозаводствѣ, но онѣ предоставляютъ частной промышленности возможную свободу.

XVI. О ПРЕДПРИНИМАТЕЛЯХЪ И ТОВАРИЩЕСТВѢ.

Отдѣльный работникъ не можетъ предпринять ничего значительнаго; многіе простые работники не легко соединяютъ общія силы, потому что имъ недостаетъ капитала; поэтому они могутъ только дѣлать стачки для вынужденія большей платы.

Сознаемъ, что не считаемъ такія стачки предосудительными въ ихъ существѣ; но правительство должно запрещать ихъ, какъ запрещаетъ много позволительнаго; къ этому принуждаютъ высшія цѣли общества и недостатокъ дѣлъ человѣческихъ.

Правда, что семейство работниковъ представляетъ соединеніе силъ; въ немъ видны болѣе твердости въ трудѣ; но это имѣетъ мало важный разиѣръ.

Такимъ образомъ проистекаетъ необходимость въ предпринимателяхъ, то есть, въ лицахъ, обладающихъ капиталомъ и имѣніемъ, которые желали бы произвести что-нибудь великое и для этого нанимаютъ много работниковъ разнаго роду.

Въ нынѣшнемъ положеніи дѣлъ, предпріятіями товарищества могутъ быть: большія аренды, постройки, фабрики, мореходство,

кавалы и много тому подобныхъ дѣлъ, и даже, какъ въ Швейцаріи, постоянные дворы.

Несмотря на необходимость въ предпринимателяхъ, чтобы дать ходъ дѣламъ общественнымъ, они все же могутъ считаться угнетателями работниковъ, которыхъ принуждаютъ трудиться въ свою пользу: это всегда удобно исполнимо и такимъ образомъ слабые и убогіе по большей части дѣлаются жертвами сильныхъ и богатыхъ. Этотъ несчастный классъ природа вознаграждаетъ двумя качествами. Часто даже предпріятіе не приноситъ столько выгодъ, чтобы работникъ могъ получать болѣе возвышенную плату.

Товарищество составляетъ высокую степень предпріятій. Оно есть общественное соединеніе для большихъ предпріятій, сильно распространилось въ новѣйшее время, и упрочило свое существованіе акціями. Однако же блистательная эпоха товарищества уже прошла, за исключеніемъ желѣзныхъ дорогъ; энтузіазмъ товарищескій охлажденъ опытомъ.

Предприниматель есть исключительный хозяинъ своего дѣла; глазъ его блуделенъ для его же пользы; но несмотря на то, предприниматель можетъ не приобретать въ частности столько, сколько работникъ, трудящійся самъ по себѣ. Вредъ этотъ гораздо больше при значительномъ товариществѣ; здѣсь уже нѣтъ одного хозяина. Производство дѣла и охраненіе интересовъ общества должно быть предоставлено управляющимъ, хотя они тоже могутъ принимать участіе въ товариществѣ. Въ управителяхъ не всегда соединяется добрая воля со способностями, а чаще добрая воля съ неспособностью, но тоже нрѣдко способность съ злонамѣренностью. Поэтому-то столько предпріятій товарищескихъ, хотя и хорошо обдуманыхъ, при чемъ корыстолюбіе не рѣдко ошибается, повели къ потерямъ. По той же причинѣ предпріятія государственныя имѣютъ преимущество передъ частными и товарищескими, хотя и изобилуютъ недостатками другаго рода. Правительство можетъ крѣпче держать въ своихъ рукахъ употребляемыхъ имъ людей.

Все эти обстоятельства повредили хорошему мнѣнію, которымъ пользовалось товарищество, но оно поддерживается безумною страстью вѣка къ акціямъ.

Желѣзныя дороги составляютъ въ наше время самую огромную предпріятія, приводимыя въ исполненіе посредствомъ товарищества; мы принуждены высказать о нихъ наше мнѣніе.

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что желѣзныя дороги по-

гутъ быть устрояемы съ большою выгодною въ сильно населенныхъ государствахъ, или при особенныхъ обстоятельствахъ. Но, принимая въ соображеніе неизмѣримыя пространства, занятыя ими, не всегда должно ожидать прибыли, и тѣмъ многочисленнѣе сдѣлаются желѣзныя дороги, тѣмъ необходимо будутъ уменьшаться сообщенія по этимъ путямъ. Между прочимъ замѣтимъ еще слѣдующія обстоятельства:

1) Перевозка тяжестей и на большія дистанціи, не будетъ имѣть слишкомъ большаго употребленія на желѣзныхъ дорогахъ, въ-особенности когда она можетъ производиться водою: тѣмъ менѣе, что жатва бываетъ разъ въ продолженіи года и поэтому не требуетъ скорого подвоза. Далѣе, для легкихъ товаровъ необходимо во всякомъ случаѣ заводить повсемѣстные магазины. Принявъ все это въ соображеніе, видимъ, что скорая перевозка желательна только для отдѣльныхъ, чрезвычайныхъ случаевъ. Притомъ же цѣна за перевозъ не можетъ быть низка на желѣзной дорогѣ.

2) И такъ явственно, что главный доходъ съ желѣзныхъ дорогъ основывается единственно на перевозкѣ людей. Но ускоренная ѣзда во многихъ случаяхъ есть только потребность роскоши. Желѣзная дорога подстрекаетъ только къ частымъ путешествіямъ безъ всякой нужды и такимъ образомъ увеличиваетъ непостоянство духа нашей эпохи.

3) При желѣзныхъ дорогахъ, заманчивый блескъ ажіотажа, какъ извѣстно изъ опыта, будетъ отнимать капиталы и причинять этимъ большой вредъ земледѣлю. Весьма неестественно употреблять капиталы столь несоразмѣрно на одну изъ менѣе важныхъ отраслей производительности, то есть, на перевозку товаровъ и перемѣщеніе людей. Мелкіе города должны прійти въ упадокъ, а главные пункты желѣзныхъ дорогъ возвысятся еще болѣе.

4) Между-тѣмъ, если желѣзныя дороги по-необходимости должны быть введены, то весьма вредно предоставлять сооруженіе ихъ вполне или по-поламъ частнымъ лицамъ, а въ первомъ случаѣ еще обезпечивать проценты. Правительство не должно предавать публичку въ жертву корыстолюбію частныхъ обществъ, но само предпринять дѣло, чтобы держать его въ своихъ рукахъ, и въ случаѣ нужды, понижать цѣны, хотя бы съ ущербомъ: оно можетъ его перенести, а общество онъ убиваетъ. Если же правительство рѣшилось обезпечить проценты, то они должны быть гораздо ниже процентовъ отъ государственныхъ

капиталомъ; иначе когда акціонеры надѣется кромѣ обезпеченія еще и на барыши, тогда порождается раздражительный ажіотажъ, какъ мы недавно видѣли.

Многое еще можно бы сказать. Мы посмотримъ на умножающееся число желѣзныхъ дорогъ, какъ на истинный недугъ вѣка, однако же отъ нихъ происходитъ и польза: именно та, что немѣтные капиталы погибнуть, распадутся между низшими классами, а тамъ отчасти образуютъ новые капиталы. Такимъ образомъ человечество освободится отъ излишнихъ капиталовъ, а это необходимо, дабы уравновѣситъ великую несоразмѣрность богатства, о чемъ мы будемъ говорить ниже.

XVII. О ЧИСТОЙ ПРИБЫЛИ.

Мы уже замѣтили, что цѣль общества не можетъ состоять единственно въ возможномъ стараніи о приобрѣтеніи чистаго дохода; потому что тѣмъ менѣе потребили трудящіеся, то есть, тѣмъ болѣе бѣдствовали, тѣмъ болѣе будетъ количество чистой прибыли.

Чистая прибыль — *produit net* — для цѣлаго народа, состоитъ, по нашему мнѣнію, изъ того —+ продуктовъ, который народъ передаетъ за границу, не для удовлетворенія нуждамъ, а за наличныя деньги. Чистую прибыль частныхъ лицъ составляетъ то, что каждое изъ нихъ приобрѣтаетъ своими занятіями, и которой часть находится въ оборотѣ, часть же остается при капиталѣ и увеличиваетъ его.

Не умѣемъ лучше опредѣлить этого понятія, и считаемъ не нужнымъ входить въ дальнѣйшія подробности.

XVIII. О КАПИТАЛѢ.

Мы уже сказали, что сбереженіе отъ потребленія образуетъ капиталъ, — опредѣленіе будетъ точнѣе, когда будемъ разсматривать капиталъ какъ послѣдствіе производительности, превышающей потребительности; потому что люди всегда стремятся составлять запасы.

Мы видимъ также, что вещественный и денежный капиталы замѣняютъ другъ друга и имѣютъ одинаковые обороты, разумѣется, говоря вообще; въ частности же можетъ легко случиться недостатокъ въ вещахъ — въ зерновомъ хлѣбѣ, въ запасахъ для посѣва и тому подобномъ, которыхъ иногда трудно достать

на деньги въ надлежащее время и которыя земледѣльцы обыкновенно держатъ въ запасѣ натурою.

Вообще капиталъ раздѣляется на *лежащій* или привязанный къ почвѣ, строеніямъ, машинамъ, инструментамъ, а все это или никогда не истребляется, или только послѣ продолжительнаго времени; капиталъ бываетъ также и *движимый*.

Движимый капиталъ раздѣляется на слѣдующіе виды: 1) *дѣйствующій*, или находящійся въ употребленіи. Къ этому капиталу принадлежатъ все то, что непосредственно требуется для производительности, а именно, содержаніе силъ и всѣ другія потребности для той же цѣли; сѣмена, матеріалъ для работы, непрочныя орудія и все, что къ тому относится. Капиталъ этотъ вообще возобновляется при земледѣліи въ продолженіи года, при другихъ же отрасляхъ производительности раньше, или позже, или же очень поздно, — потому и проценты употребленнаго капитала должны быть причисляемы къ цѣнности продуктовъ; но на практикѣ обыкновенно случается, что каждый продуктъ имѣетъ свое время продажи и тогда проценты употребленнаго на него капитала заключаются въ продажной цѣнѣ продукта.

2) *Запасный* капиталъ состоитъ изъ вещей, которые въ средней величины продажное время не предназначаются къ употребленію. Такимъ образомъ государство должно имѣть запасъ зерноваго хлѣба, вина, табаку и разныхъ предметовъ болѣе какъ на одинъ годъ, иногда потому, что въ нѣкоторыхъ изъ нихъ можетъ случиться недостатокъ, иногда потому, что они должны лежать долгое время прежде употребленія, чтобы сдѣлаться лучшими. Естественно, что при продажѣ такихъ предметовъ причисляются къ цѣнѣ и проценты, но по обстоятельствамъ должно ихъ продавать и съ убыткомъ.

3) *Капиталъ находящійся въ оборотѣ*, какъ вещественный такъ и денежный, образуетъ массу годныхъ къ мѣнѣ вещей и знаковъ ихъ представляющихъ, которые для ежедневнаго употребленія продаются или покупаются. Дѣйствующій и запасный капиталы не принадлежатъ сюда, но если только поступаютъ въ продажу, то необходимо входятъ въ составъ капитала, находящагося въ оборотѣ. Чѣмъ скорѣе совершаются обороты такого капитала, тѣмъ онъ болѣе приноситъ прибыли: если одинъ талеръ дѣлаетъ въ годъ одинъ только оборотъ, то имѣетъ цѣну одного только талера; если же совершитъ его пять разъ, то значить пять талеровъ.

Иногда говорят: не видно денег; нѣтъ денег на рынкахъ. Это не означаетъ собственно недостатка въ деньгахъ, а только иногда недостатокъ въ продажныхъ вещахъ, застой въ продажѣ, или въ денежномъ оборотѣ, гдѣ ходъ его останавливается.

4) Кромѣ-того должно принимать *излишній* капиталъ, который образуется отъ вышепоказанныхъ капиталовъ изъ барышей отъ производительности, а употребляется для улучшеній, на увеличеніе лежащихъ капиталовъ, строеній и тому подобное, или же для усиленія массы капиталовъ вообще.

5) *Мертвый* капиталъ состоитъ изъ всего того, что не даетъ никакой прямой помощи производительности: большая часть предметовъ роскоши: картины, статуи, драгоценные камни, искусственныя вещи разнаго роду, великолѣпныя произведенія и тому подобное.

Однако жъ нельзя считать совершенно бесполезнымъ этотъ капиталъ роскоши; онъ отчасти споспѣшествуетъ образованности, отчасти же подстрекаетъ къ производительности. Вообще говоря, роскошь богачей не противится интересамъ бѣдныхъ: она возбуждаетъ производительности; но иногда отъ нея происходятъ вопіющія злоупотребленія. Сверхъ-того роскошь призываетъ богачей къ увеличенію доходовъ, а при высокой степени общественнаго развитія, это доставляетъ средство существованія милліонамъ людей.

6) *Безполезный* капиталъ состоитъ изъ вещей, которыя не могли быть проданы въ надлежащее время и изъ денегъ, которыя лежатъ въ кассахъ безъ всякаго употребленія. Въ зажиточныхъ обществахъ количество этого капитала довольно значительно; онъ терпитъ потери, но имѣетъ тоже и прибыли въ смыслѣ слѣдующаго, седьмаго пункта о временномъ уменьшеніи капиталовъ.

7) *Капиталъ истребляющійся*. Не скрываемъ, что всякій капиталъ, рано или поздно, не только истребится въ цѣлости или по-крайней-мѣрѣ въ большей своей части, но всякій капиталъ еще долженъ даже отчасти быть истребленъ для общественнаго блага.

Куда дѣвались капиталы древней Европы? Куда пропали капиталы уничтоженные вѣжливыми полубанкротствами многихъ новыхъ государствъ? Нѣтъ сомнѣнія, что капиталы должны быть постепенно уничтожаемы для положенія преграды слиш-

номъ великому и неравномѣрному ихъ накопленію, чтобы возбудить новую дѣятельность, чтобы возстановить нравственность противъ чрезмѣрныхъ богатствъ и дурныхъ отъ этого послѣдствій, чего ужасающій примѣръ представляютъ намъ Римляне въ послѣднія времена своего существованія.

Различныя причины производятъ истребленіе капиталовъ: войны, кораблекрушенія, пожары, наводненія, ошибочныя предпріятія, расточительность безъ цѣли, все это никому не приноситъ пользы, и еще многія причины. Чистая, даже безумная расточительность, не истребляетъ капитала вслучаѣ если онъ переходитъ въ другія руки.

Естественная необходимость, требующая постепеннаго истребленія капиталовъ, доказываетъ явственнымъ образомъ неосновательность системы накопленія процентовъ; почва, наконецъ, не будетъ въ состояніи уплатить ихъ, потому что и производительность имѣетъ тоже предѣлы.

Теперь можно спросить, какія должно положить границы скопленію капиталовъ; мы знаемъ уже, что ихъ чрезмѣрность сопровождается вредомъ для общества. По причинѣ отношеній мѣстныхъ и отношеній культуры, нельзя ничего сказать опредѣлительнаго а priori касательно этого предмета: границы достаточности и излишества капиталовъ узнаются только по различнымъ признакамъ. Когда отдають съ жадностью деньги за малые проценты въ заемъ правительствамъ, когда рѣшаются на самыя невѣрныя спекуляціи, когда охотно прибѣгаютъ къ дальновиднымъ и огромнымъ предпріятіямъ, когда иногда даже не-малочто употребить своего капитала, — это вѣрный признакъ, существующій нынѣ въ нѣкоторыхъ государствахъ, что граница накопленія капиталовъ уже достигнута; что капиталы весьма неравномѣрно распределены и сосредоточились въ рукахъ образованныхъ классовъ народа.

Составъ и развитіе общества производятъ вообще соразмѣрное распределеніе капиталовъ по отраслямъ производительности, по крайней-мѣрѣ приблизительно. Безъ-сомнѣнія, самое прибыльное употребленіе капитала составляетъ возбужденіе къ дѣятельности силъ физическихъ и духовныхъ; но это опять имѣетъ свои предѣлы.

Многіе полагають, что всякое государство вообще должно было бы употреблять свой капиталъ на предметы наибольшей необходимости. Но это положеніе справедливо только наполовину: народъ, желая быть независимымъ и самостоятельнымъ,

долженъ образоватъ нераздѣльное цѣлое, которое бы удовлетворяло само большей части своихъ нуждъ, сколько возможно, а это много; такая цѣль будетъ гораздо выше чѣмъ какиа-либо большія или меньшія выгоды производительности:

Однако жъ не должно слишкомъ далеко простиратъ этого желанія и произведеніе вещей, хотя бы не столь нужныхъ для народной независимости, не должно быть исключено; равномерно должно сберегать средства обмѣна, потому что безъ того торговля существовать не можетъ.

Я нашелъ гдѣ-то положеніе, что при употребленіи капитала должно восполнить его погашеніе. Это можетъ быть правиломъ для капиталовъ искусственныхъ, о которыхъ будемъ подробно говорить ниже, рассматривая знаки цѣнности. Дѣйствительный же капиталъ, сейчасъ послѣ продажи продукта, возвращается съ процентами и съ нѣкоторымъ барышомъ; но барышъ нельзя называть погашеніемъ, потому что капиталъ не удваивается правильно въ продолженіи даннаго времени.

Разсуждаютъ иногда о капиталѣ *человѣческомъ*, о *духовномъ* (интеллектуальномъ) капиталѣ народа, но названіе это неправильно. Это — масса количественная и качественная физическихъ и духовныхъ силъ и свойствъ характера, которою народъ пользуется въ большей или меньшей степени.

Мы уже разбирали, почему денежный капиталъ образуетъ прибыль въ процентахъ, а вещественный въ цѣнности вещей: теперь остается намъ только говорить о суммѣ этихъ процентовъ.

Величина процентовъ зависитъ отъ употребленія капитала, отъ его величины, а при займахъ и отъ риску. Могутъ случиться особенныя обстоятельства, когда при ограниченнѣхъ капиталахъ получаютъ еще малые проценты, потому что негдѣ выгодно употребить капитала. Случается тоже, что при избыткѣ капиталовъ существуютъ большіе проценты, потому что временныя обстоятельства угрожаютъ опасностью. Но это все исключенія; по правиламъ проценты бываютъ обыкновенно такіе, какіе мы опредѣлили выше.

Что касается свойства процентовъ, то они бываютъ: *опредѣленные закономъ*, *произвольные* и *мгновенные*.

Правила опредѣленія закономъ процентовъ, составились подъ вліяніемъ обстоятельствъ каждаго государства. Это обыкновенно означаетъ, что законная мѣра процентовъ не должна быть превышаема. Впрочемъ, это противно существу дѣла: рискъ при различныхъ займахъ можетъ быть весьма неравенъ, и поэтому спра-

ведливо было бы прибавлять къ обыкновеннымъ законнымъ процентамъ известную долю, принимая важность риска въ соображеніе. Даже правительства при собственныхъ займахъ сильно нарушали опредѣленную закономъ мѣру процентовъ, и только переимѣнили названіе вещи и выразились такъ: за годовой доходъ дается столько-то капитала. Въ послѣднее время однако жъ предметъ этотъ значительно улучшился.

Нельзя спорить, что по отношенію къ различнымъ видамъ, по крайней-мѣрѣ въ нѣкоторыхъ государствахъ, было бы справедливо оставить проценты произволу общества; а всего лучше было бы позволить взимать нѣкоторые проценты сверхъ законныхъ, въ случаяхъ не предвидимыхъ закономъ.

Различіе величины процентовъ, опредѣленныхъ законами, тоже кажется не безъ основанія въ той степени, въ какой они относятся къ различнымъ сословіямъ. Такъ напримѣръ, поземельныя собственности въ западной Европѣ даютъ почти два съ половиною процента; если бы теперь какой-нибудь землевладелецъ долженъ былъ удовлетворить по закону долгъ, происходящій отъ владѣнія имѣніемъ, напримѣръ за пользованіе доходами, и удовлетворить долгъ этотъ четырьмя процентами, это было бы слишкомъ несправедливо. Прибавляемъ здѣсь еще и то, что могутъ произойти сложности, которыя законовѣдцы считаютъ опасными.

Лихвою, по положительному праву, называется всякое нарушеніе мѣры законныхъ процентовъ; но лихва не должна подлежать наказанію по праву естественному, потому что основывается на обоюдномъ согласіи. Между-тѣмъ нравственность налагаетъ позоръ на тѣхъ, которые извлекаютъ пользы изъ крайности ближнихъ, взимая огромные проценты, обыкновенно впередъ; или, вмѣсто денегъ, давая чрезмѣрно оцѣненные товары, которые сами потомъ же откупаютъ за половину цѣны. Законъ можетъ вѣшаться въ это дѣло, такъ сказать, по праву опеки надъ обществомъ.

По корану, вообще не позволено брать процентовъ; но законъ можно обойти. Смѣшной законъ! Кто лучше не пожелаетъ оставить свои деньги у себя, нежели рисковать ими для интересовъ другаго? Мусульманамъ однако же позволено имѣть участіе въ подразумеваемыхъ барышахъ; это выходитъ то же, самое, что и взимать проценты.

Еще нужно замѣтить, что вмѣстѣ съ законными существуютъ тоже проценты *обычныя*, которые могутъ быть высокіе и низ-

кіе. Первоначально законные проценты должны были быть вычитываемы изъ обычныхъ, которые по большей части были весьма высоки, черезъ что и увеличились запрещенныя сдѣлки.

Обычные проценты образуются и подвергаются непрерывнымъ измѣненіямъ по причинѣ конкуренціи и мнѣнія народа о количествѣ возможнаго дохода съ капитала: все это однако жъ зависитъ отъ обстоятельствъ.

Банкирскіе и биржевые проценты обыкновенно ниже этихъ.

=

Б А Н К Ъ

НАРОДНАГО БЛАГОСОСТОЯНІЯ.

=

Покупка и перепродажа хлѣба, существующая нынѣ въ Россіи, составляетъ сама по себѣ родъ вредной монополіи, потому что торгаши, имѣющіе наличныя деньги, сбиваютъ цѣну главнаго произведенія 45,000,000 душъ, до такой степени, что эти 45,000,000 душъ, то есть, главная масса всего народонаселенія, далеко не выручаютъ необходимыхъ для своего содержанія денегъ; потомъ, чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ (при неурожаѣ) эти торгаши, не иначе уступаютъ тотъ же самый хлѣбъ, какъ цѣною въ десять, въ двѣнадцать разъ вышею противъ покупной цѣны.

Три четверти частныхъ имѣній состоятъ въ залогъ въ кредитныхъ учрежденіяхъ. Ежегодная съ этихъ имѣній уплата капитала и процентовъ опредѣлена однажды навсегда, разумѣтся невзирая на то, хорошій ли далъ доходъ владѣльцу заложенное имѣ-

нѣ или дурной. А какъ тягловыхъ крестьянъ, обыкновенно, бываетъ менѣе половины противъ наличнаго числа крестьянъ и по ревизскимъ сказкамъ тягловые состоятъ къ старикамъ и малолѣтнимъ, какъ 10 къ 13, то изъ этого слѣдуетъ, что десять тягловыхъ крестьянъ должны своею работою дать владѣльцу возможность уплачивать долгъ, сдѣланный имъ подѣ залогъ двадцати трехъ душъ, если не болѣе.

Въ губерніяхъ перваго разряда, 23 души могутъ быть заложены въ 6,440 рублей ассигнаціями, и съ нихъ слѣдуетъ уплаты ежегодно 386 рублей 40 копѣекъ; въ губерніяхъ втораго разряда въ 5,635 рублей, съ нихъ уплаты 338 рублей 10 копѣекъ; въ губерніяхъ третьяго разряда 4,830 рублей; уплаты 289 рублей 80 копѣекъ. Принимая за основаніе существующій въ Россіи, въ сложности, урожай съ одной десятины ржанаго поля, по сложности обрабатываемой однимъ тягловымъ крестьяниномъ въ разныхъ губерніяхъ, а именно *самъ-четверть*, выйдетъ, что за исключеніемъ семянъ и домашняго расхода, такой урожай даетъ владѣльцу возможность продать ржи съ одной десятины три четверти.

За проданныя три четверти, по цѣнѣ высшей, бывшей въ 1845 году въ *Москвѣ*, по 6-ти рублей за четверть, владѣлецъ получилъ 18 рублей ассигнаціями; а черезъ работу десяти тягловыхъ крестьянъ 180 рублей ассигнаціями; за три четверти, по средней бывшей въ Россіи цѣнѣ, 3 рубля 50 копѣекъ,—10 рублей 50 копѣекъ; а черезъ работу 10 тягловыхъ крестьянъ 105 рублей за три четверти по низшей бывшей цѣнѣ, по 1 рублю 40 копѣекъ, 5 рублей 20 копѣекъ; а черезъ работу 10 тягловыхъ крестьянъ 52 рубля.

Полагая, что десять десятинъ яроваго поля дадутъ столько же дохода, доходъ съ двухъ полей или доходъ, данный десятию тягловыми крестьянами, составитъ: по лучшимъ цѣнамъ,—360 рублей ассигнаціями; по среднимъ,—210; по низшимъ—104 рубля.

Слѣдовательно, при бывшей лучшей даже цѣнѣ, владѣльцы не только не могли имѣть дохода, но у нихъ для уплаты долга *Онекунскому Совѣту* съ 23 душъ, заложённыхъ по первому разряду, *недостаетъ* ежегодно 26 рублей 40 копѣекъ; при средней цѣнѣ, по второму разряду, 128 рублей 40 копѣекъ; при низшей цѣнѣ, по третьему разряду, 185 рублей 80 копѣекъ.

Въ нѣкоторыхъ губерніяхъ, состоящихъ въ первомъ разрядѣ производимыхъ изъ кредитныхъ заведеній ссудъ, какъ то: симбирской, саратовской, рязанской, тамбовской и многихъ другихъ, 23 души состоятъ въ залогѣ въ 6,440 рублямъ; а какъ цѣна на хлѣбъ состояла 3 рубля 50 копѣекъ, то доходъ владѣльцевъ съ 10 тягловыхъ крестьянъ заключался въ 210 рублямъ ассигнаціями, а владѣльцы должны платить долгу съ этихъ 23 душъ—386 рублей 40 копѣекъ, слѣдовательно, въ самыхъ хлѣбородныхъ губерніяхъ, при урожаѣ самъ-четверть, у владѣльцевъ ежегодно недостаетъ 176 рублей 40 копѣекъ, для уплаты Опекунскимъ Совѣтамъ долга съ 23 душъ. А по всемъ разсчетамъ убыли и прибыли, изъ 23 заложенныхъ душъ, тягловыхъ врядъ ли будетъ свыше 7 человекъ, а потому настоящій недостатокъ владѣльцевъ для уплаты долга Опекунскому Совѣту, при существующей хлѣбной торговлѣ, еще много превосходитъ выведенный здѣсь недостатокъ доходовъ.

И такъ ясно, что черезъ состоящія на хлѣбъ цѣны, частные владѣльцы поставлены въ невозможность уплачивать казнѣ слѣдующихъ ей платежей и потому имѣнія ихъ продаются съ публичнаго торгу и что тоже самое послѣдуетъ и съ новыми владѣльцами, которые покупали бы имѣнія, если причина этого недостаточнаго дохода, не будетъ пресѣчена совершеннымъ преобразованиемъ хлѣбной торговли.

Изъ этого разсчета ясно видно, что такое соотношеніе между правительствомъ и владѣльцами частныхъ имѣній, невыгодно для правительства и губительно для владѣльцевъ. Тогда какъ отъ улучшения хлѣбопашества и отъ постоянной цѣвы на хлѣбъ, примѣрно, въ худшихъ губерніяхъ по 2 рубля 50 копѣекъ серебромъ, въ среднихъ по 3 рубля 50 копѣекъ и въ лучшихъ, кромѣ столичныхъ, по 4 рубля 50 копѣекъ серебромъ за четверть, возродилось бы благосостояніе владѣльцевъ и хлѣбопашцевъ, и тогда долги правительству, подати и подушныя, были бы выплачиваемы вполне; и вмѣстѣ съ тѣмъ благосостояніе владѣльцевъ и хлѣбопашцевъ сдѣлалось бы въ четыре раза лучше противу теперешняго ихъ состоянія; слѣдовательно, масса 45,000,000 душъ и всѣ владѣльцы имѣній, то есть, именно тѣ люди, которые могутъ проживать денегъ гораздо болѣе, тогда въ состояніи будутъ поддерживать мануфактурную торговлю, которая нынѣ съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе упадаетъ; и тогда мануфактурныхъ издѣлій нашихъ будетъ въ продажѣ или несравненно болѣе, или по весьма выгоднѣйшей, для фабрикантовъ, цѣнѣ.

Безъ всякаго сомнѣнія отъ теперешняго положенія хлѣбной торговли происходятъ публикаціи, которыми наполнены всѣ вѣдомости о продаваемыхъ съ публичнаго торгу имѣніяхъ, объ объявленіи несостоятельности огромнаго множества купцовъ, торгующихъ мѣщанъ и крестьянъ, и откупщиковъ, а съ этими послѣдними и продажи ввѣренныхъ имъ залоговъ. Эта бѣда, столь сильно уже развившаяся, угрожаетъ всѣмъ неминуемо гибельнымъ и пенсправнымъ общимъ бѣдствіемъ, которое ничѣмъ другимъ и ничѣмъ скорѣе не можетъ быть отвращено, какъ осуществленіемъ проекта объ учрежденіи Хлѣбнаго Банка. Мысль эта, кажется, заключаетъ въ себѣ священную обязанность нашу, въ отношеніи къ нашимъ дѣтямъ и людямъ, ввѣреннымъ нашему о нихъ попеченію государственнымъ учрежденіямъ.

Въ этомъ духѣ и съ этою цѣлью, можно бы основать общество, на правахъ законами въ Сводѣ Законовъ утвержденныхъ. Правила общества должны быть таковы, чтобъ могли въ немъ участвовать всѣ тѣ лица и сословія, которыя наиболѣе заинтересованы переобразованиемъ хлѣбной промышленности, долженствующей обеспечивать благосостояніе всѣхъ и cadaго; а именно, всѣ въ государствѣ владѣльцы имѣній, то есть, почти все дворянство, всѣ земледѣльцы и капиталисты. Только такимъ образомъ учрежденное общество представить полное ручательство, что оно доставитъ именно тѣ огромныя взаимныя всѣхъ сословій выгоды, которыя могутъ возвести общественное благосостояніе въ государствѣ въ самое блестящее положеніе.

Вотъ правила этого предполагаемаго общества.

1. Обществу этому должно именоваться «Банкомъ народнаго благосостоянія». Онъ долженъ состоять на правахъ общества, главное управленіе должно находиться въ Санктпетербургѣ.
2. Цѣль банка заключается: а) въ установленіи въ Россіи настоящей цѣны на хлѣбъ; б) въ установленіи постоянности и неизмѣнности въ этой цѣнѣ; то есть, чрезъ покупку во всей Россіи хлѣба возвышенною цѣною, и чрезъ продажу его сдѣлать такъ, чтобы никогда не могла быть низкая, убивающая землепашца цѣна на хлѣбъ, и никогда не могла быть цѣна необъятная; в) чтобы установлена была такая цѣна, которая вполне, изобильно вознаграждала бы тяжкіе труды земледѣльцевъ, чтобы всѣмъ поселить въ нихъ любовь къ землѣ, привязанность къ

ней; г) такимъ образомъ уравновѣсить отличные и самые дурные урожаи, и тѣмъ исторгнуть земледѣльцевъ изъ того положенія, въ которое ввергнуты они при монополіи, существующей въ хлѣбной торговлѣ; д) таковыми мѣрами не допускать въ неурожайные годы того возвышенія цѣнъ, до котораго были доведены онѣ спекулянтами въ прошедшіе неурожайные годы; е) чрезъ это, всѣмъ прочимъ въ государствѣ промышленностямъ дать ходъ опредѣлительный, не подверженный измѣненіямъ, которыя внезапною своею подвергаютъ ихъ несостоятельности; ж) учредить такіе магазейны, которые дѣйствительно обезпечивали бы народъ отъ голоду, въ самые неурожайные года, не на одинъ или два мѣсяца, а на цѣлый годъ.

3. Обязанности Банка должны состоять въ слѣдующемъ: а) Во всей Россіи принимать отъ хлѣбопашцевъ хлѣбъ и выплачивать за него такія цѣны, которыя заранѣе будутъ утверждаемы на каждое десятилѣтіе, по предварительнымъ сношеніямъ со всѣми губерніями, и которыя по разсмотрѣніи специальными людьми, признаны будутъ необходимыми для возрожденія мѣстнаго въ каждой губерніи общественнаго благосостоянія. Цѣны эти должны быть несравненно выше нынѣ существующихъ, примѣрно, полагая отъ 2 рублей серебромъ до $4\frac{1}{2}$ рублей серебромъ за четверть ржи 9 пудоваго, а въ столичныхъ губерніяхъ отъ $5\frac{1}{2}$ рублей до $6\frac{1}{2}$ рублей серебромъ. Въ утвержденіи цѣнъ руководствоваться тѣми цѣнами, которыя существовали въ тѣ года, когда винные откупа шли наилучшимъ образомъ и наименѣе было недомокъ въ сборѣ податей. б) Продавать хлѣбъ не иначе какъ по тѣмъ цѣнамъ, по которымъ хлѣбъ будетъ купленъ, съ прибавленіемъ только процентовъ, о которыхъ будетъ сказано ниже. в) Изыскать лучшей способъ храненія хлѣба и хранить его, между покупкою и продажею; семянной хлѣбъ, нарочью для того собираемый, долженъ быть сохраняемъ особо, чтобы нуждающіеся въ хорошемъ сѣменномъ хлѣбѣ, могли получить его безостановочно, самой лучшей доброты и по той же цѣнѣ. г) Перевозить хлѣбъ изъ одной губерніи въ другую, гдѣ отъ неурожая могъ бы быть недостатокъ въ немъ. Правила объ этомъ на хозяйственномъ основаніи обсужденныя, должны быть составлены по разрѣшеніи Банка. д) Для храненія хлѣба во всѣхъ уѣздныхъ городахъ гдѣ нѣтъ магазинновъ, и на другихъ пунктахъ, гдѣ по мѣстнымъ потребностямъ будетъ въ нихъ надобность, Банкъ дол-

мень построить каменные магазины * и строенія для помѣщенія правленій своихъ, съ тѣмъ, чтобы при возведеніи этихъ строеній были придуманы всѣ необходимыя предосторожности отъ огня.

4. Условія прочнаго существованія банка. а) Какъ для полнаго развитія и успѣху этого предпріятія необходимо должно быть быстрое и постоянное движеніе капиталовъ, то Банкъ имѣеть нужду въ сберегательныхъ кассахъ, во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ будутъ учреждены магазины, чтобъ земледѣльцы могли отдавать на храненіе тѣ деньги, которыя для ихъ домашняго расхода не будутъ нужны; это распоряженіе отвратитъ существующій доселѣ между крестьянами весьма вредный для оборота денегъ въ государствѣ обычай, хранить лишнія деньги, зарытыми въ землѣ и навозѣ. Черезъ этотъ обычай многіе миллионы остаются вовсе безъ движенія; а происходитъ онъ оттого, что крестьяне боятся покражи у нихъ денегъ, и между-тѣмъ, не имѣють способа отдавать ихъ на храненіе вѣрно. б) Какъ во многихъ губерніяхъ Россіи не существуетъ необходимыхъ дорогъ и другихъ путей для перевозки хлѣба, и оттого не существуетъ способа для сбыта хлѣба, то банкъ долженъ имѣть право, на свой счетъ, устраивать тѣ сообщенія, которыя будутъ признаны необходимыми и полезнѣйшими, какъ то, желѣзныя дороги для коннаго подвоза, или исправленіе существующихъ рѣкъ или прорытіе каналовъ. На приобрѣтеніе нужныхъ для того частей земли, должны принадлежать Банку тѣ же права, которыя установлены законами для подобныхъ покупокъ, дѣлаемыхъ правительствомъ. Само собою разумѣется, что о каждомъ сооруженіи, Банкъ обязанъ предварительно представлять на благоусмотрѣніе правительства. По учрежденіи всякаго такового новаго пути, Банкъ долженъ пользоваться съ него сборомъ съ проѣзжающихъ. в) Послѣ десяти лѣтняго существованія на всѣхъ тѣхъ основаніяхъ, которыя будутъ утверждены при учрежденіи Банка и открытіи его дѣйствій, сдѣлать надлежащія улучшенія, которыя указаны будутъ опытомъ. г) Существующіе нынѣ магазины въ городахъ передать въ завѣдываніе Банка, съ тѣмъ, что онъ обязанъ поддерживать эти строенія и содержать ихъ въ настоящемъ порядкѣ.

5. Для этого Банка необходимы три капитала: во-первыхъ, для

* Или другіе, которые въ степныхъ губерніяхъ могутъ быть строгими.

покупки хлѣба; во-вторыхъ, для построения магазиновъ, учрежденія сберегательныхъ кассъ и на расходы для содержанія и опредѣленія наградъ; въ-третьихъ, для устройства новыхъ путей. Первый капиталъ составить посредствомъ акцій въ сто рублей серебромъ, со взносомъ всѣхъ денегъ вдругъ, всего триста пятьдесятъ тысячъ акцій, на сумму тридцать пять миллионъ рублей серебромъ. Этотъ капиталъ на первое время будетъ достаточенъ; но если Банкъ въ послѣдствіи найдетъ необходимымъ увеличить оборотный капиталъ, то предоставитъ ему на то право посредствомъ умноженія числа акцій.

Какъ установленіе высокой и постоянной цѣны на хлѣбъ предпринимается именно для возрожденія благосостоянія земледѣльцевъ и восстановленія хлѣбопашенныхъ имѣній въ настоящую ихъ цѣнность, то магазины для храненія хлѣба дѣлаются принадлежностью владѣльцевъ хлѣбопашенныхъ имѣній, земледѣльцевъ и хлѣбопашцевъ. А какъ чрезъ эти мѣры, доходы земледѣльцевъ значительно увеличатся, то на составленіе капитала для постройки магазиновъ и прочаго, Банку предоставитъ право удерживать премію по тридцати копѣекъ серебромъ съ каждой десятины земли, находящейся подъ рожью и пшеницею. При установленіи высокой и постоянной цѣны на хлѣбъ, премія эта будетъ платима съ радостью, а въ государствѣ устроятся повсемѣстно прочныя каменные магазины, безъ употребленія малѣйшаго на то отъ казны капитала. Изъ этого же капитала Банкъ будетъ производить необходимые расходы, которые штатомъ опредѣлятся на содержаніе, жалованье и награды.

Третій капиталъ, для устройства новыхъ путей, долженъ быть раздѣлиться на столько частей, сколько будетъ учреждаться таковыхъ путей, потому что по всей справедливости, участіе въ каждомъ сооруженіи, преимущественно будетъ принадлежать жителямъ тѣхъ губерній, въ которыхъ они будутъ учреждаемы, по расчету пространства, занимаемаго новымъ сообщеніемъ, тѣмъ болѣе, что они предприняты будутъ именно для доставленія пользы земледѣльцамъ тѣхъ губерній, которыя отъ несуществованія такихъ сообщеній, нынѣ находятся въ нищетѣ. За недостаткомъ средствъ между жителями тѣхъ губерній, допустить къ участію въ разборѣ акцій преимущественно жителей сосѣднихъ губерній. При учрежденіи новыхъ путей, крестьяне тѣхъ губерній, много выработаютъ въ свою очередь денегъ.

Каждый таковой капиталъ, будетъ составленъ особыми акціями, и именоваться акціями такой-то дороги, или *такого-то* канала или сплава по рѣкѣ *такой-то*. Если бы паче чаянія, въ первое время эти средства недостаточны были для составленія капиталовъ и Банкъ оборотнымъ главнымъ своимъ капиталомъ не будетъ еще имѣть возможности вполне покрывать расходы на устроеніе этихъ путей, тогда предоставить Банку право дѣлать займы у своихъ капиталистовъ или изъ чужихъ краевъ, и, въ случаѣ необходимости, обезпечить эти займы поручительствомъ правительства въ платежѣ четырехъ процентовъ.

6. Банкъ обязанъ: а) продавать хлѣбъ, потребителямъ на удовольствіе, на засѣяніе полей и винокурамъ (по отнюдь не спекуляторамъ), по той же самой цѣнѣ, по которой самъ купилъ, но съ прибавленіемъ не болѣе шести процентовъ на употребленный для покупки хлѣба капиталъ. Но какъ при храненіи хлѣба онъ можетъ слежаться и подвергнуться порчѣ, или же можетъ быть утрата отъ поврежденія кулей и отъ мышей, то сверхъ шести процентовъ, положить за храненіе еще шесть процентовъ, за цѣлый годъ. На хлѣбную торговлю и невозможно опредѣлить менѣе этихъ процентовъ. б) Какъ при покупкѣ и продажѣ хлѣба неизбѣжны два труда (пріемка и сдача хлѣба), которые всегда остаются одни и тѣ же, невзирая на то, малое ли или долгое время пролежитъ хлѣбъ въ магазинѣ; то проценты распределить помѣсячно, такъ чтобы не было слишкомъ много мелкихъ расчетовъ, а потому, полагая, что доставка хлѣба въ магазины начнется съ половины ноября, то до половины декабря хлѣбъ будетъ отпускаемъ въ продажу по одному проценту выше покупной цѣны; до половины января слѣдующаго года по два процента, до половины февраля по три процента, до половины марта четыре процента, до половины апрѣля пять; до половины мая шесть; до половины іюня семь; до половины іюля осемь; до половины августа девять; до половины сентября десять; до половины октября одиннадцать; до половины ноября двѣнадцать процентовъ. Такимъ образомъ, всякой покупатель будетъ заранее знать, сколько именно ему будетъ стоить хлѣбъ въ томъ или другомъ мѣсяцѣ. Это ограниченіе процентовъ не распространится на тотъ хлѣбъ, который Банкомъ будетъ отпускаемъ для отправленія въ чужіе края; но эти продажи оставить на волю Банка брать такой барышъ какой онъ сочтетъ нужнымъ. д) На капиталъ, употребляемый на постройку магазиновъ, никакихъ

процентовъ не полагать. е) Тѣмъ земледѣльцамъ, которые будутъ вносить деньги въ сберегательныя кассы, Банкъ будетъ выплачивать по пяти процентовъ въ годъ, то есть, наравнѣ съ Приказомъ Общественнаго Призрѣнія. ж) За капиталъ, заимствованный въ чужихъ краяхъ, Банкъ полагаетъ платить по четыре процента въ годъ.

7. Раздача дивиденда на акціи должна производиться ежегодно, на основаніяхъ, принятыхъ въ другихъ обществахъ.

8. Банкъ долженъ быть управляемъ предсѣдателемъ, директорами и совѣтомъ, избранными большинствомъ голосовъ тѣхъ лицъ, которыя по числу предъявленнаго ими своихъ акцій, составляютъ одну четвертую часть предложеннаго для закупки хлѣба капитала. Тогда должно опредѣлиться и число директоровъ и число членовъ, долженствующихъ составлять совѣтъ, и срокъ, на который они будутъ избираемы. Для сужденія и утвержденія плановъ и смѣтъ о сооруженіи новыхъ путей, — та губернія, для которой новый путь будетъ учреждаться, обязана присылать депутата, которому будетъ принадлежать право голоса въ правленіи, но только по тому исключительно дѣлу, для котораго онъ избранъ.

Какъ цѣль Банка есть возстановленіе цѣнности всѣхъ дворянскихъ имѣній и благосостояніе всѣхъ земледѣльцевъ и какъ въ немъ сосредоточится обезпеченіе народнаго продовольствія, то губернскіе и уѣздные предводители дворянства должны числиться членами Банка и быть мѣстными исполнителями всѣхъ предначертаній главнаго его управленія; впрочемъ дворянству не воспрещается избирать сверхъ-того и другія лица, если найдутъ достойнѣйшихъ.

9. Взаимныя выгоды всѣхъ владѣльцевъ и земледѣльцевъ, долженствующія имѣть благотворное дѣйствіе и на всѣ другія промышленности, слишкомъ очевидны, чтобы нужно было ихъ описывать. Достаточно указать, что кромѣ владѣльцевъ въ Россіи, словіе хлѣбопашцевъ заключаетъ въ себѣ десять милліоновъ семействъ, слѣдовательно до сорока-пяти милліоновъ душъ, которыхъ благосостояніе зависить отъ этого предпріятія, потому что эти сорокъ пять милліоновъ душъ и всѣ владѣльцы, вмѣсто-того чтобы получать по одному рублю серебромъ, по семидесяти-пяти копѣекъ серебромъ и по сорока копѣекъ за четверть хлѣба, бу-

дуть получать по четыре съ половиною, по три съ половиною и по два рубля серебромъ за четверть, слѣдовательно, нныя въ четыре съ половиною, другіе въ пять разъ болѣе дохода, чѣмъ теперь получаютъ. А благосостояніе сорока-пяти милліоновъ душъ, неминуемо должно возродить благосостояніе остальныхъ пятнадцати милліоновъ душъ въ государствѣ.

10. Какъ всякое учрежденіе въ государствѣ можетъ быть почитаемо дѣйствительно полезнымъ тогда только, когда оно равно полезно, не только для подданныхъ, но и для самаго правительства, то и настоящимъ учрежденіемъ, которымъ всѣмъ владѣльцамъ и земледѣльцамъ будетъ предоставляема такая огромная польза, должны быть предоставлены тоже огромныя пользы государству и правительству въ видѣ финансовомъ, нравственномъ и государственнаго благоустройства.

Выше, въ статьѣ четвертой, о составленіи втораго капитала, постановлено правиломъ удерживать премію по тридцати копѣекъ серебромъ съ каждой засѣваемой десятины ржанаго поля. Поэтому, Банку необходимо будетъ знать число засѣваемыхъ десятинь. Свѣдѣніе это также нужно будетъ для статистическаго исчисленія ежегодныхъ урожаевъ. Способъ собиранія столь необходимыхъ свѣдѣній, долженъ доставить правительству огромный доходъ. Въ Россіи засѣвается ежегодно до двадцати милліоновъ-осемисотъ-шестидесяти-тысячъ десятинь, въ томъ числѣ собственно помѣщичьихъ около пяти милліоновъ десятинь. Слѣдовательно, крестьяне *всѣ вообще* засѣваютъ пятнадцать милліоновъ осемьсотъ-шестидесятъ тысячъ десятинь. Всякой крестьянинъ хлѣбопашецъ долженъ имѣть ежегодно на гербовой бумагѣ тридцати копѣчнаго серебромъ достоинства, дозволеніе отъ своего начальства на занятіе земли домомъ, лугами и пашнею своею, съ показаніемъ числа душъ его семейства. Копія съ этого документа, на такой же гербовой бумагѣ, должна быть у того мѣста или владѣльца и на счетъ тѣхъ, кому принадлежитъ хлѣбопашецъ. Подробная объ этомъ постановленіи инструкция должна быть составлена, когда Банкъ будетъ учреждаться. Дозволенія эти и копія съ нихъ должны быть заявлены въ уѣздномъ управленіи Банка и равномерно предъявляемы крестьянами при продажѣ своего хлѣба, въ доказательство, что продаютъ собственный хлѣбъ; на этихъ дозволеніяхъ подписывать число купленнаго у cadaго крестьянина хлѣба. Слѣдовательно, этотъ листъ бумаги будетъ заключать

въ себѣ показаніе всего хозяйства крестьянъ: изъ него видно будетъ сколько уродилось хлѣба, сколько употреблено на продовольствіе, сколько продано и какой имѣлъ доходъ каждый крестьянинъ. Такимъ образомъ правительство будетъ получать ежегодно девять милліоновъ пять сотъ шестнадцать тысячъ рублей серебромъ или *тридцать три милліона триста шестъ тысячъ рублей ассигнаціями новаго, не бывалаго дохода*, который, при высокой и постоянной цѣнѣ на хлѣбъ, съ удовольствіемъ будетъ выплачиваемъ; потому что каждый владѣлецъ и каждое мѣстное управленіе крестьянами, будутъ имѣть отъ нихъ и отъ своей земли болѣе доходу, нежели теперь получаютъ, и хлѣбопашцы сами будутъ получать за каждую четверть хлѣба въ пять разъ болѣе, нежели теперь получаютъ. Въ моральномъ отношеніи, предпріятіе это, возстановивъ благосостояніе народное, поселитъ въ народѣ любовь къ землѣ, которая не только изобильно будетъ прокармливать и содержать семейства крестьянскія, но и дастъ имъ избытокъ; тогда крестьяне будутъ желать сохраненія того положенія, будутъ желать тишины и спокойствія въ государствѣ; тогда избытокъ возродитъ въ нихъ желаніе образованія, а образованіе поведетъ ихъ къ порядку, который нынѣ въ быту крестьянскомъ не вездѣ существуетъ. А порядокъ есть источникъ благоденствія народнаго. Тогда будутъ дѣйствительно существовать во всей Россіи хлѣбные магазины, вполне обезпечивающіе народъ отъ голоду въ самые неурожайные годы. Тогда можно упразднить всѣ числящіяся во всѣхъ имѣніяхъ магазины.

Такія постоянныя цѣны на хлѣбъ дадутъ опредѣлительный и неизмѣняемый ходъ всѣмъ мануфактурнымъ и фабричнымъ издѣліямъ. Устроеніе новыхъ желѣзныхъ дорогъ откроетъ новую промышленность, какъ при самой постройкѣ, такъ и по перевозкѣ конной. То же вліяніе будутъ онѣ имѣть на всѣ поставки и предпріятія, и на отправленія въ чужіе края нашихъ первоначальныхъ или сырыхъ произведеній, необходимыхъ для нихъ существованія. И теперь настало самое удобное къ тому время, потому что въ Англіи предположено совсѣмъ сложить пошлины на всѣ привозныя сырыя произведенія.

Правительство будетъ получать всѣ подати бездомочно. Откуна должны идти отлично. Тогда правительство можетъ имѣть новаго дохода: отъ винокуренія до 10,000,000 рублей ассигнаціями и отъ откуповъ приращенія ежегоднаго дохода, по край-

ней-мѣръ 40,000,000 рублей ассигнаціями, а всего, съ хлѣбною операціею, ежегоднаго дохода 83,306,000 рублей ассигнаціями болѣе нежели теперь получается. Хлѣбопашество и винныя откупа, какъ двѣ отрасли промышленности, тѣсно связанныя между собою, получивъ описанное развитіе, рѣшительно положить преграду тому огромному количеству банкротствъ, объявленіями о которыхъ наполнены вѣдомости и газеты, той общей несостоятельности, которая съ каждымъ годомъ сильнѣе обнаруживается и продажъ съ публичнаго торгу заложенныхъ недвижимыхъ имѣній; а нищета, болѣе и болѣе съ каждымъ годомъ нынѣ распространяющаяся между земледѣльцами и въ хлѣбопашенныхъ имѣніяхъ, прекратится и обратится въ блестящее общее благосостояніе. Слѣдовательно, предлагаемая мѣра, конечно, отважная, можно сказать исполнская, представляя величайшую пользу государству и всѣмъ владѣльцамъ, также направлена къ цѣли улучшенія благосостоянія нисшихъ и выработывающихъ свое достоиніе классовъ людей. Принятая въ Англіи мѣра къ увеличенію государственныхъ доходовъ свыше расходовъ (income tax) оправдалась уже блестящимъ событіемъ, хотя успѣхъ этотъ основанъ на лишеніи главныхъ владѣльцевъ значительной части ихъ доходовъ; тогда какъ мѣра, здѣсь представляемая, неминуемо должна произвести въ Россіи такое же увеличеніе доходовъ правительства, вмѣсто-того, чтобы отнять что либо у подданныхъ, увеличить доходы всѣхъ нисшихъ и высшихъ сословій; она слѣдается, такъ-сказать, душою всего государства.

Всѣмъ и каждому извѣстны послѣдствія отличныхъ урожаевъ и совершенныхъ неурожаевъ. При неурожаяхъ, люди подвергаются голоду, и болѣзнямъ чрезъ него получаемымъ. У землепашца тогда не только нѣтъ денегъ на уплату подушныхъ, но ему нѣчемъ жить; а умереть, такъ и похоронить нѣ-начто. При отличныхъ урожаяхъ, нѣтъ денегъ на уплату подушныхъ, ни на покупку необходимостей. При такихъ низкихъ цѣнахъ, которыя были въ прошедшую зиму и вообще при пониженіи цѣнности хлѣба съ послѣднихъ торговъ на винныя откупа, крестьяне, то есть 45,000,000 душъ, видятъ себя обреченными на вѣчную нищету. Изъ хлѣбородныхъ губерній тогда пишутъ «къ несчастію у насъ славный урожай.»—Сколько грусти въ этихъ словахъ!... Люди почитаютъ несчастіемъ, что Всемогущій Богъ даровалъ имъ главное обезпеченіе жизни!—При первомъ случаѣ, недавно еще, цѣна хлѣбу доходила до 13 рублей серебромъ за четверть. При

второй (как и теперь в некоторых губерниях), цена на хлеб состоит по 40 копеек серебром за четверть. При этих обоих случаях, промышленность и торговля упадают; все метривает! При средних урожаях цена была от 3 до 4 рублей серебром за четверть. При такой цене подати уплачивались бездомно, откупа шли хорошо, владельцы имели хорошие доходы, — торговля оживлялась! Все как-бы возрождалось! Не сама ли природа указывает источник, из которого в России неминуемо может произойти улучшение общего народного благосостояния и способ достижения этой цели? Природа указывает нам то, что должно делать и удостоверяет нас, что попечением несповедимаго Промысла, определенъ для каждого края способ къ основанію его благосостоянія. Слѣдую такому указанію Природы на источникъ внутренняго благоденствія въ Россіи, я назначилъ, *примерно*, цены на ржаной хлебъ отъ 2 до 4½ рублей серебромъ.

Мнѣніе, что Россія производитъ столько хлеба, что Банкъ будетъ обремененъ количествомъ его — несправедливо, потому что въ Россіи состоитъ мужскаго и женскаго пола 60,000,000 душъ; въ этомъ числѣ приблизительно крестьянъ:

Государственныхъ, мужскаго пола	7,105,857 душъ.
Удѣльныхъ	1,292,174 —
Вольныхъ хлѣбопашцевъ	268,063 —
Помѣщичьихъ	12,202,885 —

Всего 20,868,979 душъ.

Слѣдовательно, тягловыхъ и полутягловыхъ, по самому большому предположенію, можетъ находиться до 10,000,000 тяголъ. За исключеніемъ оброчныхъ, фабричныхъ, промышленниковъ, торгующихъ и дворовыхъ, всего до 2,000,000 душъ, остается настоящихъ хлѣбопашцевъ только 8,000,000 душъ, для прокормленія 60,000,000 душъ.

Обработывать могутъ они, въ ржаныхъ поляхъ:

Крестьяне Государственные	5,750,000 десятинъ.
— Удѣльные	900,000 —
— Вольные хлѣбопашцы	210,000 —
— Помѣщичья: господской пашни	5,000,000 —
— — крестьянской пашни	9,000,000 —

Всего . 20,860,000 десятинъ.

Что составить кругомъ слишкомъ по $2\frac{1}{2}$ и $\frac{1}{10}$ десятины на тягло въ ржаныхъ поляхъ, и въ ржаныхъ и яровыхъ поляхъ по $5\frac{1}{8}$ десятины на одно тягло. Ясно, что болѣе этого и быть не можетъ. А какъ урожай, въ сложности, бываютъ въ Россіи самъ-четверть, то въ сложности родится ржаного.

хлѣба 104,300,000 четвертей.

На ежегодную потребность хлѣба нужно для засѣва 20,860,000 десятинъ по $1\frac{1}{8}$

десятинъ 26,675,000 —

На пропитаніе 60,000,000 душъ по самой меньшей пропорціи 75,000,000 —

На винокурение 3,200,000 —

Итого . 104,275,000 четвертей.

Слѣдовательно, въ сложности, остается ржи для магазиновъ, только 25,000 четвертей. При первомъ взглядѣ, вѣроятно, скажутъ, « быть не можетъ », а оно точно весьма правдоподобно, потому что 8,000,000 земледѣльцевъ, едва могутъ произвести хлѣба для 60,000,000 душъ, потому что одно тягло не въ состояніи обрабатывать земли болѣе $5\frac{1}{8}$ десятинъ въ двухъ поляхъ. Оттого-то именно при дурномъ урожаѣ оказывается голодъ и страшное возвышеніе цѣны на хлѣбъ, какъ было назадъ тому въскольکو годовъ, когда хлѣбъ доходилъ до 45 рублей за четверть, тогда какъ теперь въ тѣхъ же губерніяхъ, хлѣбъ продается по 3 рубля 50 копѣекъ ассигнаціями. Изъ этого ясно, что въ теперешнемъ положеніи земледѣлія, хлѣба производится слишкомъ мало, въ сравненіи съ народонаселеніемъ, слѣдовательно, покупаемый Банкомъ хлѣбъ, долго не будетъ обременять его.

Вѣроятно, скажутъ, что когда магазины будутъ наполнены дотого, что въ нихъ будутъ находиться 35,000,000 четвертей (количество весьма достаточное для обезпеченія отъ голоду) по сложной цѣнѣ, на 250,000,000 рублей ассигнаціями, то хлѣбъ этотъ будетъ стоить Банку съ каждымъ годомъ дороже, и потому не можетъ быть продаваемъ по предположенной въ продажу цѣнѣ. Слѣдовательно, акціонеры или банкъ, будетъ въ потерѣ. На это возражаю, что какъ бы долго хлѣбъ ни лежалъ, все-таки Банкъ будетъ продавать его не дороже того, какъ

представлено въ проектѣ, то есть, въ декабрѣ по одному проценту сверхъ заплаченной цѣны, въ январѣ по два, и такъ даже, и Банкъ и акціонеры не только не будутъ въ потерѣ, но будутъ въ выигрышѣ, потому что постройка магазиновъ, конечно, будетъ кончена въ три года, а между-тѣмъ Банкъ будетъ продолжать получать премію по 30 копѣекъ серебромъ съ каждой десятины ржанаго поля. Эта премія будетъ составлять проценты на лежалый хлѣбъ. А когда накопятся будетъ болѣе, то Банкъ найдетъ средство продавать лишній хлѣбъ за границу и съ большою выгодною.

На это возразятъ, что проектомъ предположено собрать капиталъ въ 35,000,000 рублей серебромъ, что составляетъ 122,500,000 рублей ассигнаціями, а 25,000,000 четвертей будутъ стоить Банку 250,000,000 рублей ассигнаціями. На это отвѣчаю: прошу обратить вниманіе, во-первыхъ, на учрежденіе сберегательныхъ кассъ. Когда доходъ владѣльцевъ и крестьянъ учетверится, въ сберегательныя кассы будетъ поступать много денегъ. Много окажется желающихъ, чтобы вырученныя деньги не лежали безъ движенія и не оставались безъ прироста дохода; — такія лица съ вырученныхъ денегъ, оставивъ на прошитое то число, которое можетъ, по расчету ихъ, быть достаточнымъ, остальное количество денегъ будутъ вносить въ сберегательныя кассы. Эти деньги будутъ употреблены опять на покупку хлѣба, и такимъ образомъ одинъ и тотъ же капиталъ, будетъ три и четыре раза въ оборотѣ, на покупку и продажу хлѣба, и принесетъ еще пользу акціонерамъ или Банку. Это-то и есть движеніе капиталовъ въ государствѣ. Во-вторыхъ въ проектѣ сказано объ умноженіи числа акцій, если будетъ въ томъ надобность. Можетъ-быть скажутъ, что въ Россіи есть много губерній, въ которыхъ крестьяне производятъ ржанаго хлѣба только то количество, какое нужно для прокормленія своихъ семействъ, и даже прикупаютъ хлѣба; слѣдовательно имъ будетъ еще труднѣе при возвышеніи цѣнъ на ржаной хлѣбъ, потому что они живутъ промыслами. На это возражаю, что тогда и яровой хлѣбъ возвысится цѣною. слѣдовательно, доходы ихъ умножатся и такіе крестьяне будутъ получать задѣльную плату гораздо высшую противъ той, которую получаютъ при низкихъ цѣнахъ на хлѣбъ. Это доказывается не словами, а фактами и событіями, бывшими въ тѣхъ годахъ, когда цѣна на хлѣбъ стояла между 3 и

4½ рублями серебромъ за четверть. Но въ тѣхъ губерніяхъ гдѣ крестьяне прикупаютъ хлѣба, они платятъ тѣ же подушныя. Отчего же при такихъ среднихъ цѣнахъ на хлѣбъ, было несравненно менѣе недоимокъ въ уплатѣ подушныхъ? Если бы такія цѣны подавляли ихъ промысла, то они должны были бы имѣть менѣе средствъ къ уплатѣ подушныхъ. Событія же доказываютъ противное, потому что тотъ кто выработываетъ свой хлѣбъ, тотъ именно своимъ промысломъ выработаетъ несравненно болѣе денегъ при постоянномъ состояніи таковой средней цѣны на хлѣбъ, нежели при низкой.

Найдутся можетъ-быть люди, которые при первомъ прочтеніи проекта скажутъ, что это — *монополія*. На это опять возражаю, что монополія существуетъ теперь въ рукахъ нѣсколькихъ людей, захватившихъ въ Россіи торгъ хлѣбомъ; существующій теперь торгъ есть точно монополія, потому что этимъ торгомъ не только подавляется, но уничтожается благосостояніе 45,000,000 душъ, дотога, что они доходятъ до нищеты. Изрѣченіе — *монополія* выражаетъ дѣйствіе притѣснительное, ко вреду общаго благосостоянія служащее; а чрезъ предлагаемую мѣру, благосостояніе землевладцевъ увеличится въ четыре и пять разъ, а правительство получитъ огромное приращеніе государственнаго дохода; следовательно, предполагаемая мѣра есть совершенно *противоположная* монополіи, то есть, заключающая въ себѣ намѣреніе благотельное и полезное для всѣхъ сословій.

Можетъ-быть найдутъ, что учрежденіемъ такового Банка дастся большая власть частному заведенію. На это возражаю: во-первыхъ, что власть, постоянно платитъ землевладцамъ за хлѣбъ цѣну, вознаграждающую ихъ тяжкіе труды, бывъ ограничена при продажѣ хлѣба вниманіемъ утвержденныхъ процентовъ, есть власть не подавляющая, а возстановляющая народное благосостояніе; потому что ея уничтожится доселѣ существующая, самая неблагоприятная, ужасная власть спекуляторовъ по производству набавлять цѣну на хлѣбъ, купивши его за ничтъ; во-вторыхъ, власть, чрезъ которую государство покроеся желѣзными дорогами, по которымъ одинъ крестьянинъ вмѣсто-того (какъ нынѣ дѣлается) чтобы съ трудомъ везти на телегѣ въ одну лошадь 1½ четверти ржи, то есть около 13½ пудовъ и часто съ употребленіемъ на то двухъ сутокъ, — довезетъ на той же лошади 250 пудовъ, и

можетъ исполнить эту поѣздку и воротиться домой въ нѣсколь-
ко часовъ; такую власть, пельза считать опасною. Она будетъ
власть благословляемая; въ-третьихъ, проектъ объ учрежденіи
Банка Народнаго Благосостоянія, посредствомъ общества, пред-
ставленъ только на тотъ случай, если бы правительство встрѣ-
тило затрудненія само привести этотъ планъ въ исполненіе. Ка-
жется, безъ сомнѣнія можно полагать, что *мгновенное исполненіе и*
дѣйствіе въ уѣздахъ, будетъ гораздо удовлетворительнѣе, нежели
при приведеніи его въ исполненіе самимъ правительствомъ, по-
тому что за честнымъ и точнымъ исполненіемъ въ уѣздахъ бу-
детъ больше наблюдателей; — это, впрочемъ, доказано уже всѣми
существующими обществами по дѣламъ огромнымъ.

Можетъ-быть скажутъ, что это отворотитъ взносъ денегъ въ
другія кредитныя заведенія. На это отвѣчаю: что кредитныя
учрежденія существуютъ въ государствѣ, безъ-сомнѣнія, съ един-
ственною цѣлью облегчать обороты частныхъ людей, промыш-
ленности и торговли, а не только для приращенія доходовъ го-
сударственныхъ; слѣдовательно, такая цѣль правительства, еще
лучше будетъ достигнута чрезъ предлагаемое учрежденіе, потому
что крестьяне теперь вовсе не могутъ пользоваться кредитными
учрежденіями и даже теперь весьма затруднительно ѣхать въ
губернскій городъ, а крестьянину даже и невозможно ѣхать класть
свои деньги въ Приказъ Общественнаго Призрѣнія, и губернскимъ
правленіямъ нѣтъ возможности заняться столь мелкимъ, но весь-
ма частымъ, приемомъ денегъ, какой можетъ произойти при
умноженіи доходовъ огромнѣйшаго сословія въ государствѣ и
при томъ, бѣдные крестьяне не теряли бы проценты за шесть
мѣсяцевъ.

Скажутъ: Да это огромная операція! Отвѣчаю: точно огром-
ная, колоссальная! Да и Россія сама — колоссальна! Слѣдовательно
все ей принадлежащее или, лучше сказать, польза и величію ея
приличное, не можетъ не быть колоссальнымъ. Это ея натураль-
ный отпечатокъ. Спросятъ можетъ-быть: да сбыточное ли это дѣло?
На это отвѣчаю: когда Наполеону предложили построить паро-
ходъ, онъ это отвергъ, приписывая такое предложеніе сумасше-
ствію. Однако пароходы покрываютъ нынѣ всѣ моря, всѣ до-
роги на сушѣ. А предлагаемая мѣра гораздо простѣе парохода.
Скажутъ: Да тутъ будетъ тѣма работы, занятій и трудностей.

Да не въ томъ дѣло! а въ томъ, полезна ли эта мѣра, можетъ ли ею быть возстановлено общее и народное благосостояніе? а ежели оно такъ, то по чувствамъ христіанскимъ къ ближнему, въ исполненіе изрѣченій Святаго Евангелія, соединимся всѣ, и общими усиліями, съ самоотверженіемъ, съ непреоборимымъ терпѣніемъ, съ пылкимъ желаніемъ общаго блага, призвавъ благословеніе Божіе на доброе дѣло, дружно устремимся навстрѣчу трудовъ благородныхъ. Всѣ трудности будутъ побѣждены и желаемая цѣль — общее народное благосостояніе въ любезномъ отечествѣ, будетъ нами достигнута.

ГЕНЕРАЛЪ-МАІОРЪ АНДРЕЙ ПАШКОВЪ.

=

ОБРАБОТКА

ПЕНЬКИ, ЛЬНА И ДРУГИХЪ ВОЛОКНИСТЫХЪ РАСТЕНИЙ.

Въ Октябрьской книжкѣ нашего журнала мы помѣстили извѣщеніе о новомъ, прекрасно-придуманномъ способѣ выдѣлки пеньки и льна, способѣ, который долженъ сдѣлать важный переворотъ въ этой обширной отрасли русской промышленности, и за который мы будемъ обязаны нашему почтенному соотечественнику Николаю Ильичу Юдину. Открытіе это, какъ все полезное, возбудило множество толковъ, замѣчаній, и, къ несчастію, не въ пользу способа господина Юдина. Вотъ причина, почему мы не рѣшались говорить объ этомъ предметѣ, до тѣхъ поръ пока не получимъ неопровержимыхъ доказательствъ превосходства этого способа передъ другими. Вотъ оно :

СВИДѢТЕЛЬСТВО.

Отставной поручикъ Александръ Зиновьевъ, почетный гражданинъ санктпетербургскій 1-й гильдіи купецъ Лихачовъ и царскосельскій мѣщанинъ Николай Юдинъ, вслѣдствіе объявленнаго имъ приказанія господина министра внутреннихъ дѣлъ, обратился ко мнѣ съ просьбою о сообщеніи имъ отзыва моего въ министерство внутреннихъ дѣлъ по поводу произведенныхъ въ Земледѣльческомъ Училищѣ сравнительныхъ опытовъ выдѣлки пеньки и льна по способу, означенными лицами представленному. Въ упомянутомъ отзывѣ изъяснено, что этимъ способомъ изъ одного и того же вѣсу пеньки или льна, въ одно и то же время, легко вычесать жлики или волокна, годнаго для одинаково-хоро-

шей пряжи, изъ пеньки нѣсколько больше, а изъ льна—вчетверо больше противъ того количества, какое вычесывается обыкновеннымъ крестьянскимъ способомъ и что орудіе для этого придуманное, такъ же просто и дешево, какъ и крестьянами употребляемое. Результатъ опытовъ показанъ въ слѣдующей таблицѣ:

ВЫДѢЛКА ПЕНЬКИ:	В ы д ѣ л а н о :								Слѣдовательно, по этому расчету изъ пуда пеньки выйдетъ:							
	Жилин.		Охлопка.		Угери.		Число рабочихъ дней въ 12 часовъ		Жилин.		Охлопка.		Угери.		Число рабочихъ дней въ 12 часовъ	
	Фунт.	Зол.	Фунт.	Зол.	Фунт.	Зол.	Дни.	Часы.	Фунт.	Зол.	Фунт.	Зол.	Фунт.	Зол.	Дни.	Часы.
А. По способу, предложенному от министерства внутреннихъ дѣлъ.	Опытъ 1-й.															
Мѣшенинъ Юдинъ .	5	3 24	1 46	— 26	1 1 1/2	2	1 1/2	25	80	10	72	3 40	3 10			
Восниганники Агаповъ .	5	3 36	1 15	— 45	1 1 1/2	1	1 1/2									
Земледѣльцъ Бондыревъ	5	3 6	1 38	— 52	1 1 1/2	1	1 1/2									
Учл.	15	9 66	4 3	1 27	3 4 1/2											
Опытъ 2-й.																
Агаповъ .	5	3 39	— 37	— 66	1 1 1/2	1	1 1/2									
Бондыревъ	5	3 39	1 27	— 30	1 1 1/2	1	1 1/2									
Опытъ 3-й.																
Агаповъ и Бондыревъ	10	6 78	2 18	1 —	2 1 1/2			27	24	3 72	4 —	3 6				
Опытъ 4-й.																
Агаповъ и Бондыревъ	10	3 16	4 90	1 36	4 9 1/2			12	64	19 72	7 36	19 —				
Опытъ 5-й.																
Агаповъ и Бондыревъ по указанію Юдина	1	— 38	— 42	— 16	— 6	15	30	17	48	6 63	20 —					
Итого среднимъ обыкновеннымъ способомъ среднимъ	41	31 01	11 51	5 04	10 10	11	12	20	11 1/2	14 28 1/2	5 59 1/2	14 43 1/2				
	41	31 01	11 51	5 04	10 10	11	12	7 78	23 59 1/2	8 64	6 38					

ВЫДЫЛКА ЛЬНА:	ВЫДЫЛКА ЛЬНА.				ВЫДЫЛКА ЛЬНА:				Слѣдовательно, по этому рас- счету изъ пуда льна выйдетъ:									
	ВЫДЫЛКА ЛЬНА.				ВЫДЫЛКА ЛЬНА:				Слѣдовательно, по этому рас- счету изъ пуда льна выйдетъ:									
	Живки.	Охлопка.	Угери.	Число ра- бочихъ дней въ 12 часовъ.	Живки.	Охлопка.	Угери.	Число ра- бочихъ дней въ 12 часовъ.										
Фунт.	Фунт.	Зол.	Фунт.	Зол.	Фунт.	Зол.	Дни.	Часы.	Фунт.	Зол.	Фунт.	Зол.	Фунт.	Зол.	Дни.	Часы.		
Опытъ 1-й.																		
Агаповъ и Бовды- резъ по указанію Юдина	1	—	51	—	38	—	7	—	2½	21	24	15	80	2	88	7	9	
Опытъ 2-й.																		
Агаповъ и Бовды- резъ	5	2	18	—	2	45	—	33	1	2	17	48	19	72	2	72	9	4
Итого среднѣмъ чи- слѣмъ	6	2	69	—	40	—	40	—	3½	38	72	34	152	4	160	16	13	
В. Обыкновенныя способы:																		
Опытъ 1-й	1	—	9	—	63	—	24	—	2—10	3	72	26	24	10	—	7	2½	
Опытъ 2-й	1	—	12	—	66	—	18	—	2—20	5	—	27	48	7	48	11	1½	
Итого среднѣмъ чи- слѣмъ	2	—	21	—	129	—	42	—	4—30	8	72	53	72	17	48	18	2	

Для убѣжденія въ вѣрности этого результата, каждый можетъ во всякое время въ Земледѣльческомъ Училищѣ видѣть, съ письменнаго согласія лицъ, представившихъ этотъ способъ, повтореніе тѣхъ же опытовъ и тождественность результата оныхъ.

Въ удостовѣреніе чего и даю сіе за подписаніемъ и приложе-
ніемъ печати.

На подлинномъ подписанно: Директоръ Удѣльнаго Земле-
дѣльческаго Училища дѣйствительный статскій совѣтникъ
и кавалеръ

М. А. ВАЙКОВЪ.

=

V.

КРИТИКА.

=

СТОЛѢТІЕ РОССИИ СЪ 1745 ДО 1845 ГОДА, ИЛИ ИСТОРИЧЕСКАЯ КАРТИНА ДОСТОПАМЯТНЫХЪ СОБЫТІЙ ВЪ РОССИИ ЗА СТО ЛѢТЪ. Н. ПОЛЕВАГО. 1845 — 1846 ГОДА. ДВѢ ЧАСТИ.

Вотъ одно изъ предсмертныхъ твореній того смѣлаго, дѣятельнаго ума, который почти въ теченіи четверти столѣтія изумлялъ современниковъ обширностію и разнообразіемъ своихъ литературныхъ предпріятій и нерѣдко огорчалъ ихъ неисполненіемъ или полунисполненіемъ надеждъ, имъ же самимъ возбужденныхъ. По принятой нами на себя обязанности, намъ слѣдовало бы говорить о книгѣ; но, да простятъ намъ, если на этотъ разъ мы будемъ говорить только объ авторѣ. Его нѣтъ уже на свѣтъ и теперь дѣла его предстоятъ, нераздѣльно съ нимъ самимъ, передъ судомъ общества. Смерть есть великая изъяснительница человѣка; съ той минуты, какъ она желѣзною рукою схватываетъ нити его стремленій и страстей и затягиваетъ ихъ въ одинъ крѣпкій, таинственный узелъ, чтобы развязать его въ вѣчности, съ той самой минуты человѣкъ какъ-то становится сжатѣе и опредѣленнѣе; черты его характера приходятъ въ спокойное и неподвижное положеніе.

столь доступное наблюдению; все въ немъ видишь и понимаешь яснѣе. Впрочемъ, представляя вообще характеристику писателя, мы тѣмъ самымъ даемъ возможность судить правильно и о каждомъ изъ его произведеній. Если по плодамъ узнаютъ человѣка, то и плоды можно узнать по человѣку.

Мы просимъ, однакожь, читателей не ожидать здѣсь ни биографіи Н. А. Полеваго, ни полнаго разбора его сочиненій. Для первой нужно болѣе матеріаловъ чѣмъ сколько мы имѣемъ, для втораго больше времени. Мы постараемся только обозначить общій характеръ его литературной дѣятельности и главныя черты его трудовъ.

Неоспоримо, что Полевой принадлежалъ къ разряду людей необыкновенныхъ. Онъ былъ одаренъ одною изъ тѣхъ счастливыхъ, здоровыхъ, стремительныхъ и гибкихъ организацій души, которыя носятъ въ себѣ огромный запасъ силъ, годныхъ для самыхъ отважныхъ и мужественныхъ предпріятій и которыя не могутъ установиться ни на одномъ поприщѣ идей и дѣйствій, чтобъ не попробовать пройти по немъ или смѣлѣе, или далѣе другихъ. Знавшіе Полеваго съ первыхъ лѣтъ его жизни, вывѣяли ему въ особенную честь незначительность его общественного подоженія и причисляли его къ тѣмъ рѣдкимъ, могущественнымъ умамъ, которые не только созидаютъ сами свою будущность, но и созидаютъ ее на перекоръ обстоятельствамъ. Его сравнивали даже въ этомъ отношеніи съ Ломоносовымъ. Это несправедливо. Не этого роду нравственная заслуга была ему суждена. Онъ не вырывалъ изъ рукъ судьбы насильно своего призванія; онъ не завоеватель своего замѣчательнаго жребія и далеко не испыталъ тѣхъ трудностей въ достиженіи своей цѣли, какія пали на долю Ломоносова, не говоря уже о разности времени, въ которое жили они оба. Положеніе Полеваго было довольно благопріятно. Онъ родился въ сословіи почтенномъ, не только по мнѣнію философовъ, находящихся въ сословія одинаково почтенными, но и по правамъ, по своему общественному значенію. Воспитаніе его, конечно, небыло ни утонченное, ни методическое; однакожь у него былъ отецъ, человѣкъ умный, въ известной степени образованный, возвышавшійся надъ другими,

такъ же какъ въ послѣдствіи сынъ его, и понятіями своими и волею. Маленькому Полевому не препятствовали читать, сочинять, предаваться честолюбивымъ грезамъ о своемъ будущемъ величіи. Его никто не угнѣталъ, презиралъ ни за общественное его мѣсто, ни за идеи и чувства. Его даже снисходительно обошелъ, только *грозя перстомъ издалика*, одинъ изъ опаснѣйшихъ враговъ всякаго благороднаго порыва — нищета. Онъ въ юности, конечно, встрѣчалъ заботы, препятствія, непріятности; но въ нихъ не было ни чего исключительнаго, горькаго, наполняющаго сердце желчью и позоромъ, ничего искушающаго, и часто съ роковымъ успѣхомъ, рѣшимость на великое и довѣріе къ самому себѣ, служащее залогомъ его. Самое существенное неудобство въ положеніи Полеваго было — отсутствіе правильной системы ученія. Онъ это чувствовалъ и очень сожалѣлъ объ этомъ въ послѣдствіи. Намъ случалось, въ откровенной и дружеской бесѣдѣ, слышать отъ него неразъ, какъ много обстоятельство это повредило его успѣхамъ. Но если къ славѣ своей онъ не могъ присоединить чести упорнаго состязанія съ рокомъ, отъ того она не менѣе блистательна. Онъ самъ началъ и довершилъ свое образованіе. Безъ внѣшнихъ пособій, безъ заботливаго и умнаго руководства, съ однимъ непродолимымъ стремленіемъ къ возвышенной цѣли, одною силою личныхъ своихъ средствъ, онъ умѣлъ поставить себя, среди своихъ современниковъ, на такую высоту идей, знанія и образованности, которая бываетъ доступна только или даннымъ способамъ и дарованію, или дарованію вовсе безъ данныхъ способовъ. Дорога, по которой онъ шелъ, казалось, лежала въ глуши, далеко отъ предназначенной ему сферы и вела если не въ противоположную, то однако жъ со всѣмъ въ другую сторону. Надлежало повидимому своротить съ нее. Полевой не бросилъ ее, а умѣлъ воздѣлать и направить, куда былъ увлекаемъ своею звѣздою. Трудясь неусыпно и горячо въ пользу своего образованія, онъ въ то же время занимался основательно и благоразумно дѣлами торговаго и семейнаго своего быта.

Весьма любопытны подробности, рассказанныя самимъ Полевымъ въ описаніи юношескаго періода своей жизни. (Смотри

Очерки Русской Литтературы 1839 года Томъ 1. Здесь вы видите, какъ эта рьяная, дѣятельная, безпокойная душа, почувавъ въ себѣ призваніе жить и дѣйствовать для успѣховъ человѣческой мысли, воздвигаетъ вокругъ себя хаосъ разнообразныхъ умственныхъ нуждъ и стремленій и какъ она сама собственными усиліями старается распределить, направить его тревожныя стихіи и создать изъ нихъ міръ стройный и великолѣпный. Съ какою пылкостью бросается онъ на всякую приманку знанія или изящнаго впечатлѣнія! Съ какою алчностью спѣшитъ усвоить себѣ всякую новую идею и всякое средство умственнаго расширенія и дѣятельности! У него нѣтъ специальной задачи, опредѣленнаго вопроса, рѣшеніе котораго занимало бы его исключительно, или преимущественно, дѣйствовать умомъ и словомъ на аренѣ обширной, удостоиться почестей присвоенныхъ этого роду подвигамъ—вотъ тайная, завѣтная его дума. Онъ не смущается ни огромными размѣрами своего поприща, ни разнообразіемъ предметовъ, разсыянныхъ на немъ, ни недостаткомъ обычныхъ орудій и средствъ; съ юношескою и русскою отвагою въ сердцѣ онъ говоритъ самому себѣ: «Мнѣ ли не одолѣть всего этого?» и бросается впередъ, носясь по широкому пространству и въ тоже время скользя на поверхности вещей, которыя считаетъ въ своей власти единственно потому, что видитъ ихъ и надѣется на свою силу. Въ этой удивительной подвижности духа и самообразованіи заключается основаніе всей нравственной и умственной судьбы Полеваго, зародышь всѣхъ его успѣховъ, достоинствъ и недостатковъ.

Обвинять ли Полеваго за его безотчетную привязанность къ энциклопедизму, которая началась вмѣстѣ съ нимъ въ его гибкой, воспримчивой природѣ, укоренилась воспитаніемъ, лишеннымъ начала и системы и развилась на журнальномъ поприщѣ, куда занесъ онъ первый шагъ свой, какъ-бы именно для того, чтобы довершить въ себѣ эту соблазнительную, блестящую и опасную склонность? Не заключаются ли причины этого кромѣ собственныхъ природныхъ влеченій, также въ состояніи нашего общества? Наша умственная дѣятельность не возросла еще до степени системы правильной и

благоустроенной, гдѣ бы всякое стремленіе имѣло свою задачу, цѣль, свою сферу, заслугу и вѣнецъ. Интересы образованности въ нашемъ обществѣ движутся такъ несообразно, что одни едва начинаютъ возникать, когда другіе уже повелеваются страстями и предпріятіями. Многіе изъ нихъ столь не самостоятельны, что ихъ легко сбить съ пути первой встрѣтившейся выгодъ, или самому мелкому расчету житейскому. Наконецъ они такъ перемѣшаны между собою, что вы нерѣдко видите и не понимаете, какъ самыя противоположныя могутъ уживаться негольшо въ одномъ и томъ же сословіи, но въ одномъ и томъ же лицѣ. Въ области мысли и искусства у насъ всё-еще такъ юно, такъ ново — и мы продолжаемъ ласкать и лелѣять новое, какъ бы оно была истина, выросшая у нашего сердца изъ нашей крови и плоти, и носила на себѣ святое знаменіе преданій и историческаго смысла. Отъ того сколько вопросовъ, которые сегодня кажутся самыми неизбѣжными и существенными, а завтра будутъ уже анахронизмомъ! Сколько предпріятій, родившихся подъ вліяніемъ одного начала, и втеченіи немногаго времени, непримѣтно склоняющихся подъ иго другаго, которое, наконецъ, даетъ имъ направленіе неожиданное, вовсе не входившее въ первоначальныя соображенія. Многія изъ идей образованности, самыя возпюшія и самыя неотразимыя, еще случайныя шатки; онѣ поневолю прибѣгаютъ къ пособію силъ которыя могутъ служить имъ, но недостойны ихъ одолжать. Удивительно ли, что среди всѣхъ подобныхъ обстоятельствъ умъ, полный энергіи и дарованій, жаждущій не только успѣховъ, но и наслажденія ихъ плодами, не прилѣпляется постоянно ни къ чему спеціальному, а бросается на все, гдѣ только можетъ ожидать его сочувствіе, что онъ не имѣетъ времени проникнуться глубоко ни однимъ предметомъ и пробуетъ многіе, попеременно или разомъ, желая изъ всѣхъ ихъ извлечь одну достаточную сумму сладствій? Онъ боится остаться незамѣченнымъ и утонуть въ ничтожествѣ. Такъ, конечно, было и съ Полевымъ.

Между-тѣмъ несмотря на нашу общую удобопреклонность къ различнымъ и даже противорѣчающимъ предметамъ и цѣлямъ, Полевой сохранилъ отъ первыхъ лѣтъ юности до по-

слѣдней минуты, одно и то же стремленіе, одну и ту же любовь—стремленіе и любовь къ литературѣ. Въ ней было его настоящее, несомнѣнное призваніе, и хотя призваніе это вовсе не есть ручательство ни за спокойствіе, ни за благоденствіе, онъ однако жъ неизмѣняему ни въ какихъ превратностяхъ судьбы. Настоящая дѣятельность его на этомъ поприщѣ начинается съ 1825 годъ, съ появленія Московскаго Телеграфа. Вся, даже враги Полеваго, единогласно утверждаютъ, что время изданія этого журнала было самымъ блестящимъ періодомъ его литературной жизни. Чтобы оцѣнить его заслуги съ этой стороны, надобно взглянуть на состояніе русской журналистики при началѣ Московскаго Телеграфа. Журналовъ разнаго объема и содержанія у насъ было тогда довольно много; число ихъ простиралось до одиннадцати, кромѣ издававшихся отъ правительства. Изъ которыхъ нѣкоторые изъ нихъ отличались специальнымъ направленіемъ, напримѣръ Журналъ Изяшныхъ Искусствъ, Сѣверный Архивъ, Отечественныя Записки. Въ нихъ нерѣдко помѣщались статьи весьма любопытныя по предметамъ, составлявшимъ содержаніе ихъ программъ, чѣмъ особенно былъ замѣчателенъ Сѣверный Архивъ. Въ статьяхъ этихъ однако жъ рѣдко выражались самостоятельныя изслѣдованія, взгляды, или мнѣнія авторовъ и издателей; они были не иное что, какъ матеріалы для исторіи вообще, исторіи литературы, нравовъ, статистики и прочая, случайныя, отрывочныя замѣтки о всемъ, или о чемъ-нибудь. Статей подобныхъ напечатанной въ Сѣверномъ Архивѣ объ Исторіи Государства Россійскаго, высказывавшей дѣйствительно мнѣніе и при томъ основательно и умно, было не много. Вся тогдашнія журналы характеромъ своимъ или безхарактерностью были похожи на сборники, болѣе или менѣе удачно составленные, но не управляемые духомъ извѣстнаго литературнаго или общественнаго начала, не принадлежавшіе ни какой литературной идеѣ и школѣ. Многіе могутъ находить въ этомъ доказательство мирнаго и благоденственнаго состоянія литературы. Въ самомъ дѣлѣ, что можетъ быть, повидимому, пріятнѣе, какъ отсутствіе партій и различныхъ, или противоположныхъ убѣжденій въ области ума? Литературныя усто-

писты, души добрыя, смотрящія на жизнь какъ на идиллію, а на свѣтъ какъ на прекрасный дугъ, гдѣ должны круглый годъ пестрѣть цвѣты и блѣять бѣлорушныя овечки, такіе люди видятъ въ печатаніи добрыхъ, милыхъ, кроткихъ, овечьихъ стаетекъ, истинный золотой вѣкъ литературы и вздыхаютъ о немъ и молятъ боговъ о его низпосланіи на землю. Между-тѣмъ природа и судьба думаютъ вовсе не о золотомъ вѣкѣ, а о жизни, движеніи, развитіи и потому онѣ положили такой законъ, чтобы въ ихъ царствѣ во-первыхъ, существовало безконечное разнообразіе силъ и явленій, во вторыхъ, чтобы всѣ эти силы и явленія вырабатывали и развивали свой характеръ только посредствомъ взаимныхъ отношеній — слѣдовательно, то пріязни взаимной, то столкновеній и борьбы и чтобы наконецъ, въ-третьихъ, именно изъ этихъ различій и разногласій, бореній и состязаній всякаго рода, образующихъ и питающихъ жизнь, возникала и вѣчная гармонія цѣлаго и великіе результаты исторіи. По такимъ-то, какъ кажется, основательнымъ, причинамъ единообразіе, согласіе и спокойствіе литературныхъ мнѣній часто можетъ означать не золотой вѣкъ, а отсутствіе жизненныхъ началъ, стремящихся къ развитію, отсутствіе сильныхъ дѣятелей и совершенное равнодушіе къ вопросамъ, занимающимъ каждаго въ умственной области. Желаніе всѣхъ просвѣщенныхъ и твердыхъ умовъ въ этомъ отношеніи можетъ состоять въ одномъ — чтобы въ борьбѣ мнѣній были сохраняемы чувство законности, справедливости и уваженіе къ началамъ, чтобы слѣдовательно всякій порывъ личнаго эгоизма смирялся передъ важностію защищаемаго, или оспариваемаго вопроса. Если это не соблюдается, виноваты люди, но не законъ, повелѣвающій дѣло, а не злоупотребленіе. Журнальная литература наша въ первую четверть нынѣшняго столѣтія не представляетъ почти ничего похожего на духъ ученій и самостоятельное стремленіе сосредоточиться въ той или другой сторонѣ истины, которая всегда выказываетъ себя передъ людьми многими сторонами. Доставлять публикѣ пріятное чтеніе — въ этомъ, кажется, состояла главная ея забота. Все нами сказанное подтверждается болѣе всего отсутствіемъ въ ней критики — представительницы мнѣній и

началь. Легкихъ, болѣею частію шелочныхъ и желкихъ рецензій и замѣтокъ о вновь выходящихъ книгахъ, нельзя же назвать критикою. Разборы Мерзлякова были не иное что, какъ школьныя диссертациа на темы изъ Эшенбурговой эстетики и риторики, связанная съ именемъ какого-нибудь писателя или произведенія русской литературы. Эти сочиненія, написанныя высокопарнымъ слогомъ, притомъ лишенные интереса современности, могли быть полезны для учениковъ, поселяя въ нихъ высокое мнѣніе о литературныхъ занятіяхъ; но они не внесли ни въ литературу, ни въ общество обновляющихъ, свѣжихъ и руководящихъ понятій. Ихъ болѣе хвалили, чѣмъ читали. Мерзляковъ, неоспоримо, достопоочтенное лицо въ исторіи нашего образованія; но право на уваженіе и признательность приобрѣлъ онъ другими заслугами, а не критическими своими воззрѣніями и анализомъ.

Но уже совершался въ литературѣ переворотъ, который долженъ былъ увлечь и журналы и критику на другой путь. Исторія Государства Россійскаго, Жуковскій, Батюшковъ, Пушкинъ уже приводили умы въ сильное движеніе и возбуждали въ нихъ и новое, неиспытанное дотола ощущеніе жизни и новыя понятія объ искусствѣ. Теперь стали понимать, что мысль, въ истинѣ почерпнувшая свое могущество и слово живое и благоустроенное не суть только пріятное развлеченіе, *улада бытія*, а великія, дѣйствительныя силы народовъ, залогъ ихъ нравственныхъ успѣховъ и величія. И между-тѣмъ, какъ подобныя убѣжденія развиваемы были великими талантами, пепель Москвы, еще не охладѣвшій и затихающій, но несомлкнуій торжественный гулъ Двѣнадцатаго Года, отходившаго къ потомству, возбуждали, вмѣстѣ съ народною гордостью, новую умственную отвагу, новыя стремленія дѣйствовать въ мысли и словъ достойные славы народа, самостоятельныя, тверже. Вся подобныя обстоятельства, естественно, должны были вызвать въ литературѣ и покушенія, имъ соответствующія. Понятно, что они въ-состояніи были одушевить молодую, предприимчивую, свѣжую душу; непричастную прежнимъ литературнымъ понятіямъ и вѣрваніямъ, въ-состояніи были внушить ей перывъ къ осуду-

ствленію новыхъ идей тамъ, гдѣ было все довольно живо и старо — въ журнальной литературѣ. Разумвется, талантъ долженъ былъ обеспечивать успѣхъ. Полевой какъ-будто созданъ былъ для роли журнальнаго реформатора. Онъ въ высокой степенн обладалъ необходимыми для этого качествами — особенною какою-то способностью, которую можно назвать умомъ событій и обстоятельствъ, обладалъ умѣньемъ располагаться вездѣ и во всемъ кстатн, вѣрнымъ, шѣткимъ ударомъ мысли, попадающимъ всегда прямо на существенныя стороны вещей, который называютъ разными неопредѣленными именами — тактомъ, инстинктомъ, когда въ самомъ дѣлѣ это не иное что, какъ тотъ же умъ, только ясный, здравый, хорошій умъ, котораго логика проста и не запутана отвлеченностями, а намѣренія не омрачены системами. Онъ обладалъ быстротою плана и своевременною рѣшимостью воли и, наконецъ, изумительнымъ трудолюбіемъ. Притомъ онъ не былъ отягченъ школьною ученостію, хотя зналъ много такого, чего она не знаетъ. Нельзя вообразить себѣ, какая это выгода для человека, который славу дѣятельности полагаетъ въ успѣхахъ, въ результатѣ, а не въ составленіи теорій и утопій, годныхъ только на то, чтобы люди веселые и остроумные по нимъ могли осмѣивать темную сторону ума человеческого. Нѣтъ спору, что копотливая ученость — важная вещь; но она обременена столь многими величіями своего сана, истинными и мнимыми, такимъ множествомъ атрибутовъ и снарядовъ, что ей становится тяжело и неприлично идти самой въ міръ и дѣйствовать. И какъ ей выдраться изъ своей широкой докторской мантии, которая на каждомъ шагѣ спутываетъ ее то логическою искусно сшитою складкою, то длинными вдутымъ шлейфомъ отличнаго, высокаго слога и тому подобнымъ. А между-тѣмъ моментъ пресить дѣйствія — мысли, слова; онъ не ждетъ; онъ промчится — и тогда, если угодно, анализируйте бывшее какъ трупъ, но дѣло-то обошлось безъ васъ. Полевой понималъ это какъ-нельзя лучше, и оттого вступилъ на свое поприще, онъ болѣе радовался, чѣмъ сожалѣлъ не видя около себя, подобно Фаусту, закоп-тѣлыхъ стѣнъ, скалянокъ, блоковъ и подокъ, обремененныхъ

книгами и вылью. Московскій Телеграфъ первый началъ у насъ выполнять, какъ должно, идею журнала, несмотря на свои недостатки и ошибки. Редакторъ тотчасъ поставилъ его въ соприкосновеніе со всеми замѣчательными современными событіями и явленіями въ образованномъ мірѣ. Отъ этого, разумѣется, содержаніе его сдѣлалось весьма разнообразнымъ, въ чемъ напрасно Полеваго упрекали люди, готовые упрекать всякаго за дѣло, не ими самими начатое. Русская публика, посредствомъ Московскаго Телеграфа, почувствовала необходимость и пользу слѣдить непрерывно за ходомъ того, что дѣлается въ ученой и литературной Европѣ. Такимъ образомъ наши связи съ ней становились раціональнѣе и сообразнѣе съ достоинствомъ общества, которое хочетъ учиться у старшихъ не одному бритью бородъ и покрою платья. Все это, съ другой стороны, должно было возбуждать сильное соревнованіе въ умахъ обрѣкшихъ себя знанію и искусству, и питать въ нихъ стремленіе къ дѣятельности живой, и самостоятельной. Дѣйствуя послѣдовательно и логически въ этомъ духѣ, Полевой сообщилъ уже своему изданію направленіе, отличавшее его рѣзко отъ всѣхъ прочихъ современныхъ изданій подобнаго рода. Но это не все. Онъ есть творецъ истинной литературной критики въ Россіи — и вотъ въ чемъ состоитъ важнѣйшая и несомнѣнная его заслуга. Онъ поставилъ ее на степень определенной и самостоятельной силы, обязавъ преслѣдовать прагматически всякой замѣчательный фактъ и моментъ въ литературѣ. Это значило подвергнуть стремленіе и порывъ мысли суду ея же собственнаго строгаго и яснаго сознанія — важный шагъ впередъ на пути образованности. Онъ подчинилъ критику правильной методѣ, конечно, заимствованной въ зрѣлыхъ идеяхъ Европы, но тѣмъ не менѣе необходимой у насъ, какъ и вездѣ, гдѣ существуетъ литература. Задача истинной критики не только опредѣлять достоинство произведенія — его красоты и недостатки; но и показать путь, которымъ шелъ писатель къ своей цѣли и объяснить отношенія его или его твореній къ вѣку, народу, или обществу, среди которыхъ онъ жилъ и дѣйствовалъ. Это значитъ, что для образованія критики необходимо соединеніе

трехъ стихій — эстетической, психологической и исторической. Созданія мысли и слова не суть случайныя и произвольныя игры ума и фантази, они столько же неизбежныя и существенныя явленія въ развитіи человечества, какъ безконечная борьба его съ природою и судьбою, полная усилій, опасностей, зла, добра, и славы. Они тѣсно связаны не только съ закономъ разума, влекущаго насъ къ выполнению вѣчныхъ своихъ идей, но и съ положительнымъ жребіемъ народовъ; съ ними они составляютъ нераздѣльное цѣлое, какъ органическія части ихъ сила, возрастаютъ, питаются ихъ соками и кровію и въ свою очередь подвергаются своему могущественному вліянію ихъ бытѣ, образованіи, весь ходъ ихъ нравственной жизни. Тотъ только пойметъ смыслъ и значеніе литературныхъ явленій, кто будетъ разсматривать ихъ съ этой точки зрѣнія. Полевой первый началъ у насъ этотъ подвигъ и съ такимъ успѣхомъ, какимъ обыкновенно сопровождаются предпріятія, основанныя на потребностяхъ времени и одушевленные увѣренностію въ ихъ истинѣ и пользѣ. Его разборы Державина, Карамзина, Жуковского, Хемницера, Дмитріева и прочая, въ первый разъ освѣтили понятія публики объ этихъ лицахъ и ихъ времени, яснымъ свѣтомъ здраваго, критическаго ума. По самому духу новѣйшей критики нельзя уже было довольствоваться одними красивыми формами изложенія, плавнымъ слогомъ, искусно округленною рѣчью и тому подобнымъ. Полевой съ твердостію объявилъ себя противникомъ ложныхъ притязаній всякаго литературнаго формализма, какимъ бы вѣщимъ изяществомъ онъ ни украшался. На мѣсто этого, онъ сильно поддерживалъ и развивалъ въ нашей литературѣ *направленіе мыслительное и стремленіе къ естественности*, не отдѣляя изящества формы отъ содержанія. Если приходилось по этимъ началамъ развѣнчать какую-нибудь двусмысленную славу, или ощипать нѣсколько листьевъ съ лавровъ знаменитости, слишкомъ скоро и безусловно признанной, Полевой не колебался простереть руку для этой неприятной, но необходимой операціи — и она совершалась удачно, при угрожающихъ крикахъ язвущаго и одобрительнаго рукокле-

сканіи новаго общества, которое хотѣло идти впередъ и должно же было наконецъ отъ хвалебныхъ лирическихъ восхваленій даже истинной заслугъ, перейти къ справедливой и разумной оцѣнкѣ, достойной ее и себя. Полевой чрезвычайно много содѣйствовалъ къ уничтоженію въ нашихъ сужденіяхъ этого чуждаго намъ восточнаго гипперболизма, по которому всякій пріятный намъ человекъ или идея должны быть опредѣлены только однимъ образомъ—«приложеніемъ къ устамъ пальца удивленія и возложеніемъ на Аллаха своихъ унованій». Это милое, простодушное дѣтство понятій, было уже неприлично обществу, вышедшему изъ кровавой купели Двѣнадцатаго Года и украшенному почетными знаками доблестей, мужества, ума и просвѣщенія.

Признаемся, что въ сужденіяхъ о современныхъ текущихъ дѣлахъ литературы, приговоры Полеваго не всегда основывались на строгомъ безпристрастіи; его увлекали свои любимыя идеи, можетъ-быть и личныя отношенія; въ-особенности приговоры его иногда были слишкомъ рѣзки. Случалось также, что послѣдующія его понятія противорѣчили первымъ. Но въ немъ не было ни расположенія, ни цокушеній—критическое поприще превратить къ потѣхъ зрителей, въ поле битвы для грязныхъ и маленькихъ страстей, совершенно чуждыхъ литературѣ. Онъ могъ ошибаться, какъ человекъ и даже какъ человекъ пристрастный и предубѣжденный; но разбирая сочиненія хотя бы то нелюбимаго автора, осмысляя его сарказмами, онъ не доходилъ до той отвратительной наглости, по которой критикъ литературныхъ мнѣній и убѣжденій становится обвинителемъ нравовъ, хочетъ быть допросчикомъ и старается уловить въ сѣти лукавыя и хитро-слетенныя самыя чистыя, самыя благородныя намеренія, чтобы выпачкавъ ихъ въ грязь своихъ чувствъ, представить свѣту какъ позоръ чужаго имени, какъ пугалище. Такая безнравственность, избобличающая дурное сердце и мелкій умъ, неспособный къ возвышеннымъ убѣжденіямъ, была чужда Полевому. Онъ могъ уязвить, оскорбить своего собрата-литератора насмѣшкою или судомъ поверхностнымъ и неосновательнымъ, чего, конечно, также невинить нельзя;

но не имѣлъ желанія покушаться на его спокойствіе, на мирный кругъ его дѣятельности. Несогласіе чужихъ литературныхъ мнѣній и началъ совсѣмъ не казалось для него достаточною причиною соблазнительной вражды, готовой дойти до дреколій и кулаковъ. Полевой былъ человекъ образованный, хотя систематически и не учился свѣтской образованности. Счастливая, неиспорченная русская природа, безъ утонченныхъ пособій искусственнаго поведенія, своимъ естественнымъ добродушіемъ охраняла его отъ искушеній этого невѣжественнаго самолюбія, считающаго себя единственнымъ законодателемъ и судьей въ области ума и всѣ способы равными для достиженія какой-то будто бы высшей цѣли, для которой онъ вовсе ничѣмъ и никѣмъ не уполномочено. Онъ также не былъ причастенъ этому напыщенному и смѣшному педантизму — утѣхъ маленькихъ великихъ людей, который, почерпнувъ въ потокъ пролитаго имъ поту, нѣсколько убогихъ свѣдѣній, возносится ими, кичится и трескомъ надутаго школьнаго суетловія возбѣщаетъ свѣту о неслыханной своей учености и глубокомысліи. Ему дѣлаетъ честь и то, что онъ сохранилъ въ себѣ достоинство умнаго человека и нестараясь, во что бы то ни стало, *отличиться мнѣніемъ* ко вреду здраваго смысла, вкуса и въ посмѣяніе своему имени. Значить, онъ и не считалъ себя призваннымъ, посредствомъ какихъ-то нелѣпыхъ и чудовищныхъ ученій, пересозидать міры и обращать времена вспять; не былъ похожъ на донъ-Кихота, который сражаясь за несуществующія права, съ вѣтряными мельницами и волшебниками, забывалъ честно воздѣлывать свой огородъ и наследственное поле, заросшее репейниковъ и изрытое нечистыми животными. Жаль только, что Полевой не довольно имѣлъ уваженія къ самому себѣ и презрѣнія къ завистливымъ придиркамъ своихъ литературныхъ недоброжелателей. Онъ вступалъ съ ними въ пренія тогда, какъ въ чувствѣ, допускаемомъ и нравственностью и общественнымъ мнѣніемъ, онъ могъ пріобрѣсти полное право не отвѣчать имъ. Человекъ, дѣйствующій по высшимъ побужденіямъ, можетъ позволить себѣ нѣкоторую роскошь поступковъ — онъ можетъ совсѣмъ запереться отъ докучливыхъ

и нахальныхъ посѣтителей, приходившихъ надоѣдать ему сплетнями и умничаньемъ.

Между-тѣмъ какъ журналъ поглощалъ, повидимому, всю дѣятельность Полеваго, его смѣлый умъ устремился къ важнѣйшему подвигу. Въ 1829-мъ году узнала публика, что онъ написалъ исторію русскаго народа въ XII томахъ, отъ начала Россіи до заключенія Адрианопольскаго мира; что первые томы уже печатаются, а остальные будутъ изданы немедленно. Это громкое литературное событіе взволновало умы. Одни изумлялись отважности и быстротѣ труда столь обширнаго, другіе улыбались недоверчиво, именно по причинѣ его отважности, быстроты и обширности; нѣкоторые считали даже неслыханною и преступною дерзостью писать исторію послѣ Карамзина. Большая часть публики, разумѣется мыслящей, ожидала появленія новаго творенія съ нетерпѣніемъ любопытства, остальная съ нетерпѣніемъ надежды.

Въ предпріятіи Полеваго дѣйствительно было много такого, что могло возбуждать самыя разнообразныя чувства — и опасеніе друзей его и недоумѣніе людей благоразумныхъ. Писать исторію послѣ Карамзина, конечно, можно и должно, и подобная мысль могла казаться дерзостью только въ глазахъ тѣхъ мелкихъ и близорукихъ умовъ, которые не имѣли никакого понятія ни объ исторіи, ни о Карамзинѣ. И тогда уже люди просвѣщенные ясно видѣли, что трудъ безсмертнаго исторіографа былъ только началомъ и залогомъ будущей совершеннѣйшей и удовлетворительнѣйшей исторіи великаго нашего отечества. Во всякомъ самостоятельномъ, общенародномъ трудѣ весьма важны духъ, въ которомъ онъ совершается и основныя идеи, обозначающія объемъ и составъ его плана. Отъ нихъ зависятъ пространство его вліянія и предѣлы его будущности. Иныя произведенія человеческого ума въ этомъ отношеніи, столь окончательно выполняютъ свою задачу и такъ далеко простираютъ свою живую, вѣчно-юную силу, что для ихъ дѣйствія, для ихъ примѣняемости не существуетъ опредѣленнаго періода времени. Они будутъ принадлежать всѣмъ періодамъ и эпохамъ народнаго образованія, какъ приближише исти-

ны и несомнѣнныхъ убѣжденій. Другіе обнимаютъ великую цѣль не воплѣть, по идеямъ и отношеніямъ своего времени, и следовательно, дѣлаютъ къ ней только шагъ или нѣсколько шаговъ, но не достигаютъ ее. Есть время для созданій одного рода и есть время для созданій другаго. Провидѣніе такъ мудро распоряжается экономіей нравственнаго порядка вещей, что бремя предназначенное гиганту и падаетъ на плеча гиганта и что можетъ быть совершено обыкновенными, здоровыми силами, для того не позволить оно выйти на сцену могуществу высшаго сана. Въ первую четверть нынѣшняго столѣтія наше историческое самопознаніе не раскинулось еще въ такой широтѣ и не проникло такъ глубоко въ таинства народнаго быта, чтобы отъ него могли родиться требованія и идеи исторіи, сообразныя съ значеніемъ и судьбою націи. У насъ тогда не было археографической комиссіи; мы не дѣлали еще многихъ критическихъ изслѣдованій, нынѣ съ каждымъ годомъ возрастающихъ; у насъ не было ни этихъ различныхъ школъ, взглядовъ на матеріалы и обработку ихъ, ни этихъ недоумѣній, побуждающихъ къ спорамъ и рѣшеніямъ, изъ которыхъ наконецъ возникаютъ истинныя историческія убѣжденія; не было и этой теоріи, которую выработали и представили въ наше время вѣковыя усилія человѣческаго разума. Мы имѣли только Шлёцера и неразработанныя громады лѣтописей и государственныхъ актовъ, всё-еще не полныхъ; у насъ была только потребность знать въ прагматической связи наше минувшее, сколь возможно больше и легче и чувство народнаго достоинства, требовавшее ей удовлетворенія. Весьма естественно, что изъ этихъ, такъ-сказать, вещественныхъ стихій, предшествующихъ созданію всякаго ученія, могли образоваться идеи исторіи неполныя, несовершенныя, далеко не достигающія ея значенія. И однако жъ на нихъ, и только на нихъ можно было строить ея зданіе, потому что другихъ еще не существовало. Но кто исполнилъ бы это дѣло честно и благоразумно, тотъ приобрѣлъ бы полное право на благодарность націи; а кто умѣлъ бы исполнить его съ достоинствомъ дивнаго художника, одушевить имъ всѣ сердца, кто

положилъ бы прочное основаніе великимъ историческимъ работамъ и вызвалъ для нихъ дѣятелей, которые безъ него, можетъ-быть, долго бы еще не принесли имъ своихъ талантовъ и рвенія—тотъ, не бывъ гениемъ, заслужилъ бы посредъ своего народа безсмертіе, каковымъ вѣнчаются только перво-классные гени. Оно было суждено Карамзину.

Понятно, что такой умный человекъ, какъ Полевой, видѣлъ въ твореніи Карамзина трудъ, не возводившій исторію отечества до высоты, ей принадлежащей; что онъ видѣлъ въ немъ только совершеніе перваго цикла понятій, какія возникли изъ пройденнаго нами пути образованности и состоянія историческихъ матеріаловъ и критики. Но непонятно, какъ такой умный человекъ въ-состояніи былъ вообразить, во-первыхъ, что исторія Россіи могла уже быть написана въ его время по тѣмъ идеямъ, какія новая историческая школа распространила въ Европѣ, когда сущность этой школы именно требуетъ огромныхъ предварительныхъ работъ, самаго глубокаго изученія источниковъ и строжайшей осмотрительности въ заключеніяхъ; во-вторыхъ, что исторія эта можетъ быть доведена до адрианопольскаго мира. Увы! Переходъ отъ Карамзина до другаго историка не такъ коротокъ, какъ ему казалось, и путь развитія, ведущій къ нему, долженъ быть устланъ еще множествомъ матеріаловъ, критическихъ изысканій и выводовъ нашей народности. Надъ этимъ дѣломъ прійдется поработать еще многимъ труженикамъ, прежде чѣмъ должно и нужно будетъ приложить къ нему свою творческую руку гению, который, разумѣется, будетъ и выше Карамзина и сдѣлаетъ все лучше его. Очевидно, предпріятіе Полеваго принадлежало къ роду тѣхъ юношескихъ затѣй, которыя въ пылкой душѣ зачинаются вдругъ отъ прилива новыхъ понятій, принятыхъ въ душу, и неустановившихся въ ней, которыя теребятъ и влекутъ ее, не давъ опомниться отъ перваго упоенія, до-тѣхъ-поръ пока не отрезвить ее суровая, явная невозможность стремиться далѣе. Тутъ было все, чтобы предпринять колоссальное дѣло: широта умственнаго размаху съ коварными навѣтами высо-

кихъ идей, скромные, недовершенные труды предшественниковъ; въра въ умъ человѣческой вообще и свой въ-особенности, перо, которое мчалось чрезъ всѣ преграды русскаго языка, не заботясь, что все же онъ останутся позади, какъ знаки обойденныхъ, но непобѣжденныхъ трудностей, обаяніе первыхъ успѣховъ, соблазнъ издали улыбающейся славы — тутъ было все, чтобы заставить горячаго, даровитаго человѣка начать дѣло, кромѣ благоразумія, которое бы могло побудить не начинать его. Тощее и робкое дитя опыта, оно пришло къ Полевому позже чѣмъ бы слѣдовало. Послѣ шести томовъ онъ почувствовалъ, что надобно остановиться — онъ остановился, имѣя несчастіе отвсюду слышать ропотъ своихъ подписчиковъ, радостные клики враговъ, историческія, эстетическія и всякія увѣщанія литераторовъ — и грустные вздохи своихъ друзей.

И таково, однако жъ, преимущество человѣка умнаго и съ дарованіемъ, что и самое ошибочное дѣло не дѣлается у него безъ достоинства и пользы. На Исторію Русскаго Народа нападали съ ожесточеніемъ. Но тутъ больше дѣйствовали страсти и предубѣжденія, чѣмъ желаніе оцѣнить трудъ, хотя весьма несовершенный, однако жъ заслуживающій уваженіе уже по самой своей идее, по многимъ подробностямъ, вѣрнымъ соображеніямъ и взглядамъ. Главный недостатокъ этого творенія состоитъ въ томъ, что оно, какъ мы видѣли выше, не достигало и не могло достигнуть своей цѣли; не смотря на названіе *Исторіи русскаго народа*, оно не выставляетъ картины жизни и судьбы его во всей цѣлости и не оттеняетъ предметовъ, составляющихъ ея содержаніе. Авторъ видитъ задачи, предстоящія его рѣшенію; но онъ касается ихъ болѣе или менѣе слегка; онъ не рѣшить ихъ, потому что его мысли недостаетъ вещественныхъ точекъ опоры для нанесенія окончательнаго удара. Всамныя отношенія элементовъ, долженствующихъ образовать политическій составъ государства, юридическій бытъ, основанный не на однихъ скандинавскихъ

или византийскихъ началахъ, но и на преобладающемъ славянскомъ доврѣи къ суду общенароднаго здраваго смысла и совѣсти, котораго выраженіемъ служить несокрушимый обычай, умственное движеніе, подавляемое и останавливаемое въ своемъ развитіи бѣдствіями татарскаго гнета и, однако жъ, по временамъ прорывающееся то въ томъ, то въ другомъ порывѣ и прочая, и прочая— все это такіе вопросы, которыхъ важность Полевой очень хорошо понималъ, но на которые отвѣчать могутъ только десятилѣтія обширныхъ и глубокихъ изысканій. Поспѣшность, съ которою онъ приготовился къ своему сочиненію, оказывается и въ исполненіи; въ немъ видно больше соображеній, чѣмъ выводовъ, и въ выводахъ болѣе остроумія и блеску, чѣмъ простаго и убѣдительнаго свидѣтельства вещей. Карамзину онъ дѣлалъ упреки за пожертвованіе риторикѣ колоритомъ мѣстности и времени; а самъ однако жъ не придавалъ этого колорита своему повѣствованію, хотя и обшаривъ его. Правда, онъ не вдается въ риторикѣ, у него нѣтъ ни пышныхъ эпитетовъ, ни метафоръ, освѣщающихъ предметы яркимъ свѣтомъ, не дня, а разноцвѣтныхъ потѣшныхъ огней — зато онъ сухъ и изображенія его похожи болѣе на контуры, точками и линиями означенные, чѣмъ на картины. Несмотря на всѣ эти недостатки, трудъ Полеваго всё-таки весьма замѣчательное явленіе въ нашей исторической литературѣ. Обширные виды не были выполнены, но они были высказаны — и это заслуга и важная заслуга своего рода. Онъ первый началъ прилагать новую теорію исторіи къ исторіи русскаго народа, первый освѣтилъ здравыми, истинными понятіями ея значеніе, совлекъ съ нее пышные уборы велерѣчія и заставилъ показаться въ своей неподдѣльной, чистой красотѣ. Какъ бы строго ни судили сочиненіе Полеваго тѣ глубокоученные мужи, которые сіянію дня, озаряющему жизнь и движеніе вещей, предпочитаютъ свѣтъ лампы, созданной для буквъ и пыли, всё-таки нельзя отказать этому необыкновенному челоуку въ справедливости и вѣрности многихъ его взглядовъ и соображеній, изобличающихъ умъ догадли-

вый и критическій. Вообще Полевому и на историческомъ поприщѣ суждено было сдѣлать то же, что на журнальномъ—сообщить идеямъ новое направленіе, съ тою разницею, что на послѣднемъ онъ дѣйствовалъ классически, такъ сказать, какъ мастеръ, а на первомъ, просто, какъ зачинатель. Будь онъ скромнѣе въ своихъ притязаніяхъ, не назови своего сочиненія *Исторіей русскаго народа*, а историческими взглядами на исторію, опытомъ, идеями, или чѣмъ-нибудь въ этомъ родѣ; не думай быть художникомъ, зодчимъ, а только указателемъ новаго пути, возбуждателемъ новаго направленія—его подвигъ сталъ бы неизмѣримо выше въ глазахъ людей безпристрастныхъ и зажалъ бы ротъ недоброжелателямъ. Онъ забылъ великое правило житейской мудрости—общаться на столько, чтобъ всегда можно было сдѣлать болѣе общаннаго. Человѣкъ такой тонкій, какъ онъ долженъ былъ знать силу формъ и приличій надъ людьми.

Не надобно также забывать, что Полевому мы обязаны лучшею исторіей Россіи для первоначальнаго чтенія.

Съ переселеніемъ Полеваго въ Петербургъ начинается новый періодъ его литературной дѣятельности. Здѣсь его энциклопедическій духъ раскидывается во всей своей широтѣ и поглощаетъ, такъ сказать, все роды, наполняющіе нашу литературу. Въ Москвѣ онъ былъ журналистомъ, историкомъ, романистомъ; здѣсь дѣлается то редакторомъ, то сотрудникомъ разныхъ журналовъ; пишетъ не одну, но многія исторіи, сочиняетъ романы, сказки, надѣляетъ разными статьями книгопродавческіе и пріятельскіе сборники, переводитъ Шекспира—и вдругъ почти разомъ изъ нѣдръ своей неистощимой производительности выбрасываетъ такое множество драмъ, трагедій, комедій, водевилей, фарговъ народныхъ и всякихъ, что современная критика, не успѣвая слѣдовать за каждымъ изъ новыхъ его произведеній, въ отчаяніи махнула рукою и предоставила ихъ собственной судьбѣ. Не знаемъ, чему болѣе удивляться—массѣ ли, разнообразію его трудовъ, или скорости, съ какою онъ ихъ исполнялъ. Если бы подобный родъ дѣятельности не сопровождался даже никакими

особенно замѣчательными результатами, онъ всё представлялъ бы необыкновенное умственное явленіе. Но съ этимъ вмѣстѣ мы видимъ Полеваго постоянно въ числѣ первыхъ дѣятелей русской литературы. Его можно сравнить со сталью, которая въ огнѣ и подъ молотомъ не уничтожается, а напротивъ, можетъ явиться въ тысячѣ разнообразныхъ видахъ и вездѣ быть на что-нибудь годною. Сегодня она топоръ, подрубающій старыя сохнушія деревья, завтра будетъ бритвою для очищенія лица отъ звѣрообразной бороды, а потомъ, если нужно, тонкой иглою въ цѣбныхъ пальцахъ на мягкой ткани, и прочая. Среди наводненія послѣднихъ его литературныхъ занятій онъ съ рѣдкимъ постоянствомъ отличался ему одному свойственною находчивостію въ каждомъ новомъ родѣ труда и удивительною смѣтливостію, съ помощію которой быстро угадывалъ главныя его требованія. Но важнѣйшее изъ его качествъ, безъ котораго, конечно, невозможно было бы дѣлать ни такъ много, ни такъ скоро, была въ эту пору — власть надъ механизмомъ исполненія. Предпринималъ ли онъ писать исторію, драму, или издавать журналъ, въ его умѣ тотчасъ было готово все, что составляетъ сущность и планъ дѣла; лѣса строились мигомъ, части предполагаемаго зданія, отношенія ихъ, орнаменты, все было распределено безъ затрудненія и усилія. Чего не было додумано, то приходило само собою во время исполненія. Случалась ли ошибка и ее замѣчалъ строитель, она была закрыта, закрашена въ минуту, такъ сказать, на бѣгу, а работа не останавливалась, кипѣла, мчалась впередъ. Ошибки возможные, подозрѣваемые или невыказывавшіяся рѣзко, отдавались беззаботно и спокойно, какъ дань, великому закону человечества, по которому, какъ извѣстно, ни одно наше дѣло не бываетъ безъ недостатковъ. Въ нѣкоторыхъ работахъ, на примѣръ, журнальныхъ историческихъ, истиннымъ сокровищемъ для Полеваго была исполнская его память. Онъ имѣлъ рѣдкій даръ все узнанное удерживать въ своей головѣ навсегда или на долго, и притомъ въ совершенномъ порядкѣ. Гдѣ другому надобно было прибѣгать къ различнымъ справочнымъ источникамъ, тамъ

ему стоило только обратиться къ своей памяти, которая ~~слаб~~-жала его всѣмъ нужнымъ и для большихъ размѣровъ цѣлаго и для мелкихъ подробностей.

Что же наконецъ выиграла и литература и общество отъ этой необычайной плодовитости пера? Всѣмъ известная пошлая истина, что въ произведеніяхъ ума важно качество, а не количество. Разумѣется, чѣмъ меньше писалъ бы Полевой, тѣмъ писалъ бы лучше, то есть, планы его были бы болѣе обдуманы, содержаніе меньше страдало общими мѣстами, языкъ былъ бы обработаннѣе, словомъ, въ сочиненіяхъ его мы находили бы больше мыслей и художественной отдѣлки. Но могъ ли онъ писать иначе? Конечно могъ, судя по его уму и способностямъ. Отъ чего же онъ не дѣлалъ этого? У каждого изъ насъ есть известныя господствующія склонности, всегда готовые себя изобличать, ожидающія только толчка, чтобы ринуться въ свой путь и увлечь за собою все наше сердце, весь умъ. Бываютъ люди, надѣленные большими способностями, у которыхъ эти естественныя расположенія воздерживаются въ своихъ покушеніяхъ ихъ же собственнымъ мужественнымъ могуществомъ, воли, и въ ея крѣпкомъ обладаніи становятся только служебными силами въ исполненіи разумно предназначенныхъ дѣлъ. Но бываютъ и другіе люди, тоже съ большими способностями, которые непременно должны находиться подъ попечительствомъ благопріятныхъ обстоятельствъ, съ тѣмъ чтобы эти обстоятельства помогли имъ сладить съ самими собою, или чтобы по-крайней-мѣрѣ не подстрекали на предпріятія, и безъ того ихъ соблазняющія. Мы видѣли, что сперва воспитаніе, а потомъ самое общество нѣкоторымъ образомъ способствовали развитію въ Полевомъ природнаго стремленія къ многосторонней, неопредѣленной дѣятельности. Онъ не умѣлъ, къ сожалѣнію, противостоятъ этому двоякому влеченію—влеченію своей природы и влеченію жребія, тѣмъ болѣе, что пружины, приводившія его въ это раскидистое движеніе, были и основаніемъ его нравственнаго превосходства. Это было все-таки могуще-

ство, это было дарованіе, которое сознавало въ себѣ возможность обильныхъ успѣховъ и которому стоило только сосредоточиться въ одной идеѣ и въ одномъ направленіи, чтобы быть великимъ. Сперва въ юношеской свѣжести силъ, какъ ловкому атлету, ему пріятно было получать на ристалищѣ вѣнцы за подвиги многообразныя; но впоследствии горизонтъ его омрачился тучами, на него напали неожиданно житейскія обстоятельства съ самымъ страшнымъ оружіемъ — съ оружіемъ бѣдности и теперь ему пришлось свои опасныя средства употреблять для обороны, следовательно, усилить ихъ и изощрить до возможной степени. Вотъ объясненіе того изумительнаго множества и разнообразія произведеній, которыми особенно богата петербургская половина его жизни. Тутъ вы видите печальное зрѣлище, какъ нерѣдко этотъ человекъ, получившій отъ природы столько залоговъ высокой будущности, принужденъ, прикованный къ своему рабочему столу, употреблять свой умъ по заказу въ срокъ на работы неблагодарныя и недостойныя его нравственнаго сана. Нѣтъ! Несправедливо судили о немъ враги его, говоря, что онъ, какъ человекъ смѣтливый и изворотливый, дѣлаетъ изъ литературныхъ предпріятій спекуляціи, а изъ искусства ремесло; что онъ охотно и весело поддается искушенію дѣлать все, чтобы получить за то много. Нѣтъ, онъ глубоко чувствовалъ ложность и тяготу своего положенія. Мы лично и близко его знали и можемъ торжественно засвидѣтельствовать предъ будущимъ его біографомъ, что въ этомъ изможденномъ тѣлѣ, въ этой сдавленной зруди, которой теперь, безъ-сомнѣнія, легче подъ могильною насыпью, чѣмъ было ей подъ гнетомъ жизненныхъ заботъ, — что въ нихъ до послѣдняго выдоху билось сердце, полное благородныхъ стремленій и оочувствія ко всѣмъ великимъ нравственнымъ и умственнымъ интересамъ людей. Но его свѣтлый день уже проходилъ; приближался закатъ, одѣтый въ туманы, потрясаемый бурями. Что было посеяно, то уже сняли. Свѣтъ вновь можно было только для хлѣба масущаго — и для жатвы за гробомъ.... Нѣтъ, еще повторяемъ, это было суще-

ство, сложенное изъ стихій свѣта и огня, а не грязи. Но всему ли, что есть въ насъ прекраснаго, суждено расцвѣсти и дать плодъ свой? И неужели должно бросить на насъ камень за то, что мы не все могли сдѣлать, что было понято и рѣшено нами въ глубинѣ нашего сердца?

Если бѣ Полевой хотѣлъ заниматься литературою для видовъ спекуляціи, то при его литературной извѣстности, способностяхъ и дѣятельности, онъ не оставилъ бы семейство рыдающимъ не только о своей утратѣ, но и о будущности своей.

Даже посреди затруднительныхъ своихъ обстоятельствъ, Полевой не терялъ достоинства писателя, понимающаго долгъ свой. Многія произведенія онъ обрабатывалъ съ любовью и рвеніемъ — и безъ-сомнѣнія, теперь, при зрѣлости своего дарованія и указанія долговременнаго опыта, онъ могъ бы представить ихъ публикѣ гораздо въ совершеннѣйшемъ видѣ, если бы другіе труды, исполняемые по другимъ побужденіямъ, не развлекали его и не поглощали у него времени. Блестательный успѣхъ некоторыхъ его предпріятій въ эту эпоху, служить доказательствомъ неистощимости его энергій. Онъ, напримѣръ, принялъ на себя редакцію Сына Отечества, нынѣ безъ вѣсти пропавшаго или въ бѣгахъ находящагося, и занялся имъ съ такимъ усердіемъ, что успѣлъ не только удержать его на краю пропасти, надъ которою онъ висѣлъ, но и доставилъ ему снова почетное мѣсто въ кругу прочихъ періодическихъ изданій. Незадолго до своей смерти онъ взялся также завѣдывать Литературной Газетой, и едва коснулся перомъ своимъ этихъ увлѣкающихъ листовъ, они ожили, встрепенулись, начали приходить въ силу. Въ этихъ журнальныхъ предпріятіяхъ Полевой являлся старымъ полководцемъ, привыкшимъ къ битвамъ и побѣдамъ, котораго ни покоя, ни другія занятія не охладили къ подвигамъ его званія.

Драматическое свое поприще онъ началъ переводомъ Шекспирова «Гамлета». Если переводъ этотъ не въ-состояніи выдержать строгаго критическаго разбора въ-отношеніи къ вѣрности, чтобъ сравниться съ переводомъ М. П. Вронченки, то всё-таки онъ оказалъ важную услугу нашему театру, усвоивъ ему одно изъ величайшихъ созданій искусства. Можно сказать, что только съ появленіемъ Гамлета на сцену въ переводъ Полевого, публика, посѣщающая отечественный театръ, познакомилась съ Шекспиромъ. Нашъ гениальный Каратыгинъ ему также обязанъ способами раскрыть глубокую, внутреннюю сторону своего блистательнаго таланта. Въ собственныхъ своихъ драмахъ, Полевой, кажется, думалъ единственно о сценѣ, а не о литературномъ ихъ достоинствѣ. Что онъ однако жъ въ-состояніи былъ дать имъ больше художественнаго значенія, доказывается нѣкоторыми удачно созданными драматическими положеніями въ разныхъ его пьесахъ, вѣрно начатымъ развитіемъ нѣсколькихъ характеровъ и моментами страстей, не для эффекта сдѣланныхъ, а извлеченныхъ изъ сердца. Но все это не болѣе какъ покушеніе, или неудавшееся по трудности предмета, или брошенное самовольно изъ угожденія случайнымъ прихотямъ моды театральнѣй и другимъ, вѣроятно, выдуманымъ необходимостямъ. Къ чему онъ стремился въ этомъ отчасти умышленномъ пренебреженіи требованій искусства, которому могъ бы оказать существенныя услуги? Искалъ ли онъ рукоплесканія большинства зрителей? Но это скучно для человека даже и не съ такимъ умомъ, какимъ былъ одаренъ Полевой. Жаждалъ ли денегъ? Но было бы черною клеветою укорять его въ корыстолюбіи: оно не было его порокомъ. Скорѣе можно назвать въ немъ этимъ именемъ нѣкоторое пренебреженіе вещественныхъ выгодъ, если это порокъ. Мы знаемъ, что драматическія его пьесы доставляли ему гораздо менѣе, чѣмъ другіе труды: многія изъ нихъ онъ дарилъ бенефициантамъ. Что жъ увлекало его въ этотъ водоворотъ страшной драматической дѣятельности, гдѣ пьесы кипѣли какъ волны, какъ водяныя брызги и исчезали тутъ

же среди шума и рукоплесканія зрителей? Не понимаемъ. Кажется, онъ помышлялъ о созданіи народной драмы. И точно, если изъ современныхъ писателей могъ кто либо положить ей, по-крайней-мѣрѣ, основаніе, то это, конечно, Погодинъ. Народный русскій бытъ былъ его колыбелью; онъ изучалъ его не въ описаніяхъ, не на быстромъ скаку лихой тройки, не по предварительно составленному плану и школьничьи гаданія о будущности Россіи; онъ изучалъ его среди-младенческихъ игръ и первыхъ впечатлѣній юности, въ живомъ соприкосновеніи съ его радостями и страданіями, у самаго сердца народа, котораго способности и недостатки носилъ въ собственномъ сердцѣ. Онъ не пугался бороды, но и не былъ зараженъ смѣшнымъ старообрядчествомъ до того, чтобъ бороду считать какимъ-то охранительнымъ талисманомъ народности. Онъ зналъ, что подъ бородою таятся иногда ужасное невѣжество и плутни и что народность не только ничего не потеряла бы, но напротивъ, много выиграла, еслибъ эти татарскія качества были порядочно сбиты образованностью. Вообще Погодинъ былъ столько уменъ и просвѣщенъ, что не могъ считать для развитія народности слишкомъ важнымъ средствомъ потворство грубымъ привычкамъ, мохнатые зипуны, лишаящія свободы и легкости движенія, шапки особеннаго покроя, безобразящія умную и красивую русскую голову, и прочая. Онъ очень хорошо понималъ, что все это можетъ переѣниться, какъ и дѣйствительно переѣнилось, а народъ всё-таки останется народомъ добрымъ, преданнымъ вѣрѣ отцевъ своихъ, понимающимъ святость великихъ преданій, какія почіютъ подъ знаменемъ испытанныхъ имъ и преодолѣнныхъ бѣдствій и славы, способнымъ къ чрезвычайному умственному, нравственному и общественному развитію — словомъ, народомъ сильнымъ силою духа своего, а не апатическою прилѣпленностію къ формамъ, которыя время устанавливаетъ и время изглаживаетъ. При такихъ богатыхъ пособіяхъ знанія и вѣрномъ взглядѣ на вещи, Погодинъ дѣйствительно могъ считать себя какъ-бы уполномоченнымъ для созданія народной драмы. Но к чему тутъ

могло служить непопулярное число пьесъ — не поминать. А между-тѣмъ, истощая свои силы и время на это несчастное число, онъ не могъ уже разрабатывать основательно и глубоко материалы, бывшіе, такъ сказать, у него подъ рукою, чтобы извлечь оттуда духъ, жизнь, существенныя и стихійныя богатства народности. Подобно другимъ много-народнымъ писателямъ, онъ принужденъ былъ довольствоваться поверхностно, внѣшними чертами, корою жизни и нравовъ; прибѣгать къ крикамъ, возгласамъ, преувеличеніямъ, вмѣсто силы дѣла и истины; принужденъ былъ выставлять характеры изысканные и сложные, изъ которыхъ вмѣсто простыхъ, ясныхъ и опредѣленныхъ русскихъ типовъ, выглядывали какіе-то блѣдные, выдуманные идеалы, неловко и принужденно двигаясь на подмосткахъ общахъ мѣстъ. Разительное доказательство того, какъ опасно играть средствами искусства, не заботясь объ истинномъ и глубокомъ значеніи вещей и не предавая всего себя исключительно избранной идее!

Драматическія сочиненія Полеваго, несмотря на свои несовершенства, приносили однако жъ ту пользу, что наклоняли общество по-крайней-мѣрѣ къ предметамъ народнымъ въ литературѣ и приводили въ нѣкоторое движеніе послѣднюю въ ту несчастную эпоху, когда она страдала сильнѣйшимъ расположеніемъ къ безмятежному покою смерти и когда даже сомнѣвались уже — существуетъ ли она. Въ это бѣдственное время, исполненное невыразимаго отсутствія мысли и признаковъ литературнаго движенія, Полевой работалъ не только много, но и за многихъ. Подобно знаменитому Римлянину, онъ не отчаявался въ спасеніи погибающаго дѣла и продолжалъ дѣйствовать неутомимо, бодро на всѣхъ пунктахъ, откуда другіе бѣжали, или гдѣ въ прахъ видѣлись только слѣды и блѣдные остатки почившихъ твореній.

Изображая въ краткомъ очеркѣ литературную дѣятельность Полеваго, мы останавливались на однихъ, такъ сказать, высотахъ ея, чтобы по-возможности дать понятіе только

объ умственномъ направленіи и характеръ этого необыкновеннаго человека. Какъ бы ни судили его, какъ писателя, нельзя не признать въ немъ одного изъ замѣчательнѣйшихъ лицъ въ исторіи нашей образованности. Во всѣхъ его стремленіяхъ, во всѣхъ созданіяхъ его есть что-то недовершенное, отличное не въ строга, классически выработанныя формы; что-то еще ожидаемое, какъ-будто онъ спѣшилъ кончить начатое теперь, чтобъ сдѣлать другое исправитѣ и лучше. Но въ то же время вы невольно платите дань удивленія обширности его ума, свѣтлomu и возвышенному взгляду на вещи, быстротѣ, энергіи и легкости его соображеній и этой неистощимой многосторонности, которая вредила полнотѣ и изяществу его твореній, однако жъ изобличала необычайную гибкость и силу таланта. Въ каждомъ изъ его сочиненій при извѣстныхъ недостаткахъ, вы непременно найдете и какое-нибудь качество, доказывающее лучшія расположенія и возможность художественныхъ интересовъ, найдете мысль и теплоту сердца. Соединивъ въ своемъ умѣ все, чѣмъ былъ, что сдѣлалъ и что значилъ Полевой, вы въ состояніи подуматъ, что тутъ была какая-то блистательная ошибка природы. Она, повидимому, рѣшилась создать новаго, особеннаго роду генія для нашей литературы; уже все готово было для этой прекрасной цѣли, оставалось только привести различныя силы въ гармонію и дать имъ единство, какъ-вдругъ она раздумала, и сказала: рано и бесполезно. Ей, однако жъ, жаль было бросить драгоценныя матеріалы — изъ нихъ то, безъ окончательной отдѣлки природы, вышелъ человекъ съ гениальными средствами, безъ генія.

Что сказать о книгѣ, которой заглавіе мы выписали въ началѣ нашей статьи? Она отличается общими достоинствами и общими недостатками всѣхъ произведеній Полеваго. Мысль представить важнѣйшіе моменты важнѣйшаго періода изъ жизни русскаго народа послѣдняго столѣтія, — мысль прекрасная. Нѣкоторыя части плана обработаны легко, живо, умно; но другія слабо и неудовлетворительно, напримѣръ статья

о русской литературѣ, которую онъ впрочемъ такъ хорошо знаетъ и въ высшихъ сферахъ и въ самыхъ низменныхъ, темныхъ и грязныхъ путяхъ ея. Цѣлому творенію недостаетъ прагматическаго единства; слогъ неровенъ, но мѣстами одушевленъ истиннымъ краснорѣчіемъ сердца. Во всѣхъ отношеніяхъ книга эта не можетъ быть прочтана безъ глубокой скорби объ утратѣ, которую она напоминаетъ и свѣжіе слѣды которой мы посимъ еще на нашемъ сердцѣ.

А. НИКИТЕНКО.

БРЫНСКІЙ ЛѢСЪ. ЭПИЗОДЪ ИЗЪ ПЕРВЫХЪ ГОДОВЪ ЦАР-
СТВОВАНІЯ ПЕТРА ВЕЛИКАГО. СОЧИНЕНІЕ М. ЗАГОСКИНА.
2 ЧАСТИ. 1846.

Если бь у насъ спросили: въ чемъ преимущественно выражаются господствующіе интересы нашего времени? Мы отвѣчали бы: въ промышленности и романѣ. Какъ ни страннымъ покажется обличеніе такихъ, повидимому, разнородныхъ и несогласныхъ между собою явленій, оно существуетъ однако жь на дѣлѣ. Въкь облекъ ихъ могуществомъ, котораго прежде они не имѣли и заставивъ дѣйствовать на общество съ разныхъ сторонъ — одну со стороны вещественной, другую съ нравственной, — сливаетъ ихъ наконецъ въ одинъ центръ, въ одну силу, у которой и одна задача — обращеніе человѣческихъ способностей къ дѣйствительнымъ, положительнымъ вопросамъ жизни. Нѣтъ сомнѣнія, что общества въ новѣйшее время очень измѣнились и въ своихъ цѣляхъ и въ способахъ дѣятельности; развившись и созрѣвъ въ суровой школѣ историческаго опыта, они успѣли свои интересы поставить выше всѣхъ прочихъ; заставили самый разумъ отказаться

въ пользу ихъ отъ разныхъ выпрепниихъ отвлеченностей, которыя такъ долго и, такъ, повидимому, бесплодно его занимали. Человѣкъ современный потерялъ довѣріе къ идеямъ, лишенымъ способности перейти въ дѣла. Онъ захотѣлъ пересмотрѣть строго и внимательно архивъ старыхъ убѣжденій, чтобы рѣшить, какія изъ нихъ годны для употребленія по предмету усовершенствованія человѣческаго рода, и какія, за давностію, или по другимъ причинамъ, подлежатъ исключенію изъ дальнѣйшаго производства. Онъ потребовалъ у судьбы отчета въ столькихъ пролитыхъ потокахъ крови, въ столькихъ страданіяхъ, претерпѣнныхъ изъ уваженія къ попятіямъ неосновательнымъ и закоснѣлымъ, въ столькихъ жертвахъ, принесенныхъ во имя нуждъ, никогда имъ нечувствованныхъ, или неудовлетворяемыхъ. Открылось, что *существеннаго* выигрыша отъ всего этого на его долю досталось очень немного. Самая важная и едва-ли не единственная выгода состоитъ — въ урокъ. Онъ научился многому недоувѣрять, многое считать излишнимъ и удобозбѣсаемымъ, научился лучше и яснѣе понимать прошедшее, дорожить болѣе своимъ настоящимъ и съ болѣею расчетливостію и самопознаніемъ работать для будущаго. Человѣкъ строитель исторіи. Для выработанія великихъ ея результатовъ, конечно, нужно много снарядовъ, усилій и пожертвованій. Часто колоссальное событіе, драгоценный перлъ исторіи, покунается цѣною такихъ кровавыхъ скорбей, что за издержками, въ нихъ не видишь даже пріобрѣтенія. Человѣкъ, впрочемъ, не имѣетъ право отказать отъ средствъ, когда нужно достигать цѣлей. Но теперь онъ сдѣлалъ себѣ вопросъ: нельзя ли, неимѣя великихъ и всеобщихъ цѣлей, найти методу средствъ, упростить ихъ, сдѣлать не столь грубыми, не столь односторонними, пагубными и злоупотребляемыми? Исторія болѣе снисходительна, чѣмъ думаютъ; для нея все равно такъ, или иначе удовлетворяются ея требованія; но для людей это не все-равно. Ея главная забота, чтобы человечество жило и сегодня не дѣлало того, что дѣлало вчера. Нельзя-ли выполнить этихъ требованій съ меньшими жертвами и страданіями и съ болѣею славой для ума человѣческаго? Къ

удивленію всѣхъ оназдалось, что это не претивно законамъ вещей, что можно достигать величайшихъ результатовъ исторіи нравственныхъ могуществомъ, однимъ только употребленіемъ и развитіемъ умственныхъ силъ, завоеваніями кроткими и мирными, побѣдами не стоящими каналъ крови—побѣдами надъ грубымъ веществомъ и, наконецъ, возвышеніемъ въ людяхъ чувства ихъ достоинства и домыслена бытіемъ своимъ. Люди никогда не испытывали выгоды такого единодушнаго признанія своихъ нравственныхъ преимуществъ. Здѣсь дѣло идетъ уже не о мнимыхъ величіяхъ, которыя рисуетъ восторженная фантазія; не объ удовольствіи честолюбивымъ замысламъ, которыхъ одно слѣдствіе—нѣсколько блестящихъ именъ на страницахъ исторіи. Здѣсь думаютъ о самыхъ простыхъ общихъ и дѣйствительныхъ вещахъ — о плодотворнѣйшемъ взрытіи земли, о желѣзныхъ дорогахъ, проведеніи каналовъ, безпрепятственной мнѣ производеній земли и произведеній ума человеческого, о преодолѣніи могущества природы въ самыхъ роковыхъ и тяжкихъ покушеніяхъ ея противъ человека. Все это соединяется въ понятіи современной промышленности—и слово это на русскомъ языкѣ очень хорошо означаетъ мысль, не вверхъ восходящую или въ себя погруженную, но занятую тѣмъ, что принадлежитъ вліянію, власти и нуждамъ человека. Это путь бланшій надъ жребіемъ человека среди безконечнаго разнообразія существъ; это атрибуты его верховной власти надъ планетою, предназначенною Провидѣніемъ ему и въ настоящемъ и въ минулу и въ единственную ступень къ высшей будущности.

Такое дѣльное, основательное и умное направленіе общества не могло не увлечь за собою и литературы, которая всегда должна или идти по слѣдамъ ихъ, или отказаться отъ привабыти силою живою и дѣвствующею. Известно, что муза литературы въ законномъ бракѣ съ сердцемъ человеческимъ произвела на службу людямъ много прекрасныхъ дѣятелей, различныхъ физиономіями и свойствами. Но самое прекрасное дѣло литературы, самое умное, гибкое и человеческое и поэтическое повѣствованіе о людяхъ, а не массахъ людей—романъ. Онъ и родился подъ счастливейшимъ предначинаніемъ

ваніями: Барбара переродилась, сбросивъ съ себя ига кроваваго римскаго деспотизма; свѣжія, бодрія племена яли, одушевленные высокими предчувствіями, на встрѣчу новой судьбы, которую завѣщаль человечеству со креста его Божественный обновитель. Человѣкъ, впервые ощутивъ въ себѣ мощь безсмертнаго духа, началъ понимать свои нравственныя преимущества. Въ учрежденія общественныя, въ историческіе перевороты, проникнутые идеей этихъ преимуществъ, таинственно, постепенно и медленно, но вѣрно, вопреки даже близорукимъ расчетамъ людей, стали склоняться къ одной цѣли — къ уваженію человѣческихъ личностей и къ развитію въ нихъ всего, что Богъ положилъ въ нихъ залогомъ наслѣдованія своего царствія. На мѣсто односторонняго земнаго отношенія людей къ гражданскому обществу, образовалось между ними множество отношеній, которыхъ основаніемъ и скрѣпою стали служить единственно интересы мысли и сердца, взаимнаго усовершенствованія, взаимныхъ обще-человѣческихъ потребностей и стремленій. Женщина, дотола сжатая въ дикихъ объятіяхъ чувственнаго своего властителя — мужа, теперь развила свободно обаятельныя, чистыя прелести своей души и получила свою долю участія въ служеніи благороднѣйшимъ цвѣтамъ общества. Нравственный міръ такимъ образомъ долженъ былъ расцвѣсти въсвѣтъ разнообразіемъ семянъ, скрытыхъ въ его богатой почвѣ. Въ немъ вслѣдствіе и начала выработываться другая, небывалая и особенная, исторія, глубокая, внутренняя, исторія идей, чувствованій, вѣрованій всѣхъ возможныхъ видовъ и степеней, и въ то же время живая, многозначительная, имѣющая своихъ героевъ, законодателей, свои радости и скорби, свои судьбы. Этотъ то роскошный, неистощимый міръ долженъ былъ наконецъ достаться по наслѣдству въ собственность роману, замѣнявшему древнюю величавую, героическую, но одностороннюю эпопею. Разумѣется, обладаніе этимъ міромъ было суждено ему послѣ ряда великихъ общественныхъ и его собственныхъ измѣненій. Онъ родился въ такъ-называемой ночи среднихъ вѣковъ, хотя это была не ночь, а заря прекраснаго дня; какъ младенецъ, онъ питается сперва басня-

ми, легендами и сказками. Но приходя въ возрастъ и силу, онъ дѣлался степеннѣе, благоразумнѣе и положителнѣе; онъ чувствовалъ, что бытіемъ своимъ обязанъ духу новыхъ обществъ и потому мало-по-малу сроднялся съ нимъ, учился раздѣлять его интересы, — и едва общество, какъ мы сказали, успѣло дѣйствительность человѣческаго счастья и величія поставить выше всего мечтательнаго и фантастическаго, романъ тотчасъ устремился помогать ему всею силою своей поэзіи, всѣмъ своимъ эстетическимъ вліяніемъ. Всѣ другіе роды изящной литературы — оды, элегіи, эпопеи, должны были преклониться передъ нимъ, несмотря на свое старѣйшинство, и съ досады запрятались въ старыя риторики и піитики, гдѣ и суждено имъ умереть на персяхъ неутѣшныхъ педантовъ, отъ недостатка вниманія и рукоплесканій публики. Только драма избѣгла этого печальнаго жребія. Она вполне раздѣляетъ все почести и вліяніе съ романомъ, потому что такъ же, какъ и онъ, знаетъ нужды людей и умѣетъ послѣдовать призыву вѣка! — И такъ, господа, пишите драмы и романы, если хотите, чтобы общество не было къ вамъ равнодушно. Пишите особенно романы, потому что этотъ родъ снисходительнѣе въ своихъ требованіяхъ и менѣе обременяетъ условіями, хотя и ему, конечно, угодить не легко. Пишите романы всякіе — историческіе, сатирическіе, правоописательные, а главное, разумѣется, хорошіе. Бросьте свои личные *задушевные* порывы къ высокому, муки, восторги, свои поэтическія утопіи и философскія грезы о безконечно-великихъ и безконечно-отдаленныхъ предметахъ; изучайте жизнь, которая движется около васъ и которой вы не знаете, изучайте вещи въ ихъ естественномъ, свѣтломъ или мутномъ, теченіи, прислушивайтесь къ глухому стону окружающихъ васъ страданій, наблюдайте извилистые пути страстей, располагающихъ событіями, олицетворяйте все это въ образахъ простыхъ и непреувеличенныхъ, въ которыхъ бы можно было, какъ въ зеркалѣ, видѣть и обнять сердцемъ существенные вопросы человѣческаго быта и назначенія, — однимъ словомъ, повторяемъ, пишите романы. Люди, къ счастью, перестали играть въ чувстваванія, хотя и продолжаютъ

играть сильно въ карты; они заняты серьёзными и строгими размышленіями о своей судьбѣ, что, конечно, весьма позволительно и нужно. У каждаго движенія сердца, у каждаго восторга его они спрашиваютъ, подвигаютъ ли, и какъ далеко подвигаютъ они дѣла мірскія? Невинныхъ наслажденій фантазій, которыя такъ мило шекотали нравственную лѣнь нашихъ дѣдовъ, этихъ идиллическихъ, кроткихъ слезъ, воздыханій, улыбокъ, даже недавнихъ бѣснованій роскошнаго и пріятнаго ужаса—ничего этого нѣтъ, а есть непреодолимое желаніе собирать въ своемъ сердцѣ все, что думали и чувствовали наши предки, все что думаютъ и чувствуютъ современники всѣхъ степеней образованности и состоянія; есть стремленіе обнять весь пружины великаго общественнаго механизма, вырабатывающаго и перерабатывающаго насъ съ нашими страстями, желаніями, нравами и благами. Крестьянинъ, въ потѣ лица воздѣлывающій ниву; чиновникъ въ своемъ департаментѣ среди большихъ и малыхъ заботъ служебныхъ, ученый въ кабинетѣ, ремесленникъ съ иглой или топоромъ въ рукѣ, гораздо важнѣе для насъ какого-нибудь эпическаго или фантастическаго героя, совершающаго чудесные подвиги для прославленія своего имени. Тутъ все чрезвычайно занимательно, хотя не въ томъ смыслѣ, какой представлялся намъ прежде въ высокопарныхъ поэтическихъ идеологіяхъ; тутъ, если угодно, все проза, но проза, въ которой все дышетъ поэзіей истины, поэзіей вещей, событій и задачъ каждому доступныхъ и удобопонятныхъ.

Мы, Русскіе, очень полюбили романъ. Такъ и должно быть. Со времени Петра Великаго намъ нечуждо уже ни одно существенное движеніе человѣческаго ума. Изъ нашихъ умственныхъ и нравственныхъ нуждъ возникаютъ важные вопросы, которые необходимо надобно рѣшать, и рѣшать собственными силами. Это нашъ долгъ и этого требуетъ наша народная честь, потому что, наконецъ, мы уже носимъ и чувствуемъ въ своемъ сердцѣ мощь дѣятелей, а не одинъ страдательный сибаритскій позывъ къ умственной пошлости. У насъ есть наука и искусство, которыя мы обязаны развивать и нести отъ одной новой ступени къ другой, отъ истины къ исти-

жу. Весьма было бы любопытно обозреть весь ход романа у насъ, отъ какихъ-нибудь писемъ Эрнеста и Доравры Эмина до Мертвыхъ Душъ Гоголя включительно. Въ фактахъ этого романа литературы, болѣе чѣмъ въ другихъ, отражаются направленіе ея и отношеніе къ обществу. Но не здѣсь этому мѣсто. Мы спѣшимъ заняться новымъ произведеніемъ знаменитаго нашего романиста, составляющимъ, по нашему мнѣнію, одно изъ замѣчательнѣйшихъ его произведеній.

Будемъ откровенны и справедливы. Въ талантѣ М. Н. Загоскина нѣтъ этого особеннаго зрѣдательнаго могущества, которое разбѣяныя въ человѣчествѣ или обществѣ нравственныя стихіи умѣетъ покорять единству одной высшей идеи, умѣетъ осуществлять ихъ свободно и опредѣленно въ образахъ сосредоточенныхъ, сжатыхъ и въ то же время полныхъ истины, силы и жизни. Физиономіи его характеровъ, особенно главныхъ, или слишкомъ общи и потому не увлекаютъ читателя, не отпечатываются рѣзко и неизгладимо въ его памяти и воображеніи, или они сложены изъ такихъ психологическихъ и историческихъ элементовъ, которые во многомъ противорѣчатъ и психологіи и исторіи. Имъ недостаетъ ни силы и глубины внутренняго значенія, ни выразительности и декончанности рисунка. Зато М. Н. Загоскинъ вполне обладаетъ тремя важными средствами искусства — способностію развивать ткань повѣствованія чрезвычайно свободно, живо, просто и естественно, способностію ставить свои дѣйствующія лица въ интересныя драматическія положенія и, наконецъ, можетъ-быть ему одному свойственнымъ умѣемъ сообщать своимъ изображеніямъ настоящій мѣстный и народный колоритъ. Важнѣйшіе недостатки и достоинства нашего романиста особенно выказались въ разбираемомъ нами романѣ. Начнемъ хоть съ первыхъ. Не угодно ли вамъ пристальнѣе всмотрѣться въ характеръ главнаго дѣйствующаго лица — Лизавета? Что это, такое, какъ не приракъ, созданный воображеніемъ романиста, безъ всякихъ справокъ съ дѣйствительностію? А романъ нашего времени, какъ мы видѣли выше, именно за свое уваженіе къ дѣйствительности какой бы то ни было — исторической, или современной, и удостоенъ

почестей господствующаго рода въ литературу. Лёвшинъ въ художественномъ отношеніи лицо совершенно пустое, въ историческомъ ложное. Что онъ такое? влюбленный, сентиментальный юноша. Въ наше ли время дѣлать юношей изъ такихъ хрупкихъ и заплеснѣвшихъ матеріаловъ? Чье сочувствіе въ состояніи возбудить молодой человекъ, у котораго нѣтъ другаго призванія, какъ вздыхать по своей красавицѣ, котораго не занимаютъ, не потрясаютъ интересы по-выше пожатія бѣленькой и мягкой ручки? Правда, Лёвшинъ въ Москвѣ рѣшается на поступокъ, дѣлающій ему честь — это его смѣлое появленіе между раскольниками и стрѣльцами. Но кто же не видитъ, что это событіе придумано авторомъ по старинной романической теоріи, такъ, для облагороженія своего героя? Нельзя же ему быть безъ всякаго дѣла, въ особенности безъ храбраго дѣла. Что скавали бы милыя читательницы, если бы онъ въ нижномъ любовникѣ нашли человека безъ рыцарской отваги, безъ капли того, чѣмъ такъ восхищались наши бабушки, напримѣръ, въ прелестномъ и грозномъ Малекъ-Адель? Левшинъ храбровалъ въ Москвѣ безъ постояннаго направленія, безъ продолжительнаго напряженія воли, которое обыкновенно образуется изъ идеи, глубоко проникшей въ душу. Исполнивъ заданный урокъ по части хорошихъ поступковъ, какъ актеръ, прочитавшій на сценѣ монологъ наперсника, онъ уже во все продолженіе романа не перестаетъ предаваться голубинымъ воркованіямъ и сладостямъ медовыхъ чувствованій. Нѣтъ! романъ нашего времени долженъ уметь обойтись безъ этихъ подслащенныхъ приторныхъ восторговъ любви, безъ этихъ мизенькихъ, пустыхъ и вздорныхъ сплетней сердца, которыя въкъ повергаются къ подножію невымышленныхъ великихъ вопросовъ и великихъ нуждъ; мы ищемъ въ немъ не забавы, потому что мы научились уже мыслить, мы требуемъ отъ него пролавленія истинъ жизни и общества, требуемъ изображеній, которыя бы годились для юношей, способныхъ сдѣлаться мужчинами и для дѣвъ достойныхъ быть подругами мужей: любовь прекрасная вещь — кто въ этомъ сомневается? Но если ничего не слѣдуетъ, время шары крошечныхъ дѣтей,

которыхъ она безъ особій просвѣщеннаго и крѣпкаго ума даже воспитать не съумѣетъ, какъ должно, такъ что же она какъ не эгоизмъ, достойный не поэзи, а сатиры? Возведите, если угодно, любовь въ пружину великихъ дѣяній, сдѣлайте изъ нее нравственную силу, удобно сочетаваемую съ другими обязанностями человѣка, которыхъ у него довольно, на семь свѣтъ это будетъ естественно и хорошо, потому что это по-крайней-мѣрѣ, непротиворѣчатъ никакой эпохѣ и никакому состоянію образованности.

Намъ всегда казались большими несообразностями всѣ тѣ пьесы, гдѣ такъ-называемая завязка основана исключительно или хотъ преимущественно на любви, кромѣ развѣ романовъ, гдѣ изображается рыцарскій вѣкъ съ его младенческимъ героизмомъ и любовными похождениями. Но такимъ образомъ, возражать намъ, мы лишаемъ поэзію одной изъ драгоцѣннѣйшихъ ея стихій — и что будетъ значить женщина для искусства, если мы лишимъ ее этого обаянія любви, которымъ она украшаетъ міръ и царствуетъ въ немъ? Милостивые государи! у поэзи очень много матеріаловъ — вся природа и человѣчество съ безконечнымъ разнообразіемъ ихъ силъ и явленій. Притомъ же мы совсѣмъ не исключаемъ любви изъ круга ея предметовъ: Боже насъ сохрани отъ неуваженія къ такому милому, веселому, прелестному занятію, какъ любовь. Мы только ограничиваемъ ее тѣми предѣлами, какіе назначаютъ ей въ нашемъ сердцѣ другими, столь же неизбѣжными чувствами и вѣкомъ; мы думаемъ только, что умный романъ можетъ быть чрезвычайно занимателенъ съ маленькою долею хорошей, законной любви, какъ и съ огромнымъ количествомъ ея, наполняющимъ книгу отъ первой страницы до послѣдней. Не бойтесь этимъ оскорбить женщину; напротивъ, вы возвысите ее въ собственныхъ ея глазахъ, когда дадите ей знать, что отъ ея любви или отъ любви къ ней не теряютъ, какъ отъ одуряющихъ зелей, здраваго смысла и не перестаютъ быть людьми порядочными, дѣльными, людьми, годными не только для пощлуетъ, но и для того чтобы служить съ честью отечеству, трудиться, напрячься. Для успѣховъ науки, благодѣятельно продвигать идеи, словомъ или по-

ступкомъ. Милая и умная женщина всегда постарается скорее навести на умъ избраннаго ея сердца, а не свести съ него, потому что она должна уважать того, кого любить. Это верно. Неправда ли, милыя читательницы, вы столь благоразумныя, столь неидиллическія въ нашъ вѣкъ, столь способныя сочувствовать тому, что есть въ мужчинѣ высокаго, избличающаго мощь дѣятеля и строителя въ нравственномъ порядкѣ вещей? Вѣдь это совершенно справедливо, что женщина не можетъ быть равнодушною къ тому, что мужчина творитъ силою своей гордой и величавой души, что она должна карать презрѣніемъ своимъ волю малодушную и страсти мелкія, хотя бы онѣ состояли изъ угожденія ея прихотямъ и кокетству. Ничего не можетъ быть для нее сладостнѣе, какъ снять розу съ груди своей и влетая ея въ лавровый вѣнецъ мужа, сказать: голова, которую онъ украшаетъ, покоится у моего сердца. Вотъ это было бы и романтически и истинно — не такъ ли? Все это значить, что мы, люди нашего вѣка, смотримъ на жизнь какъ-то иначе, чѣмъ смотрѣли на нее наши предшественники, что соответственно тому должны измѣниться и нѣкоторые приемы искусства и что, наконецъ, авторъ прекраснаго романа: *Брынскій Лѣсъ*, сдѣлалъ, по нашему мнѣнію, важную ошибку, допустивъ въ немъ такое неумѣренное господство любви. Пусть бы еще эта любовь была исторически вѣрна, а то вотъ что говорить нашъ русскій современный описатель нра. овъ эпохи передъ-Петровской, въ которую происходитъ дѣйствіе романа: «Важно-разумный читатель! не удивляйся сему: истинная есть тому правда, что во всемъ свѣтѣ такого на дѣвки обманства нѣтъ, яко въ московскомъ государствѣ; а такого у нихъ обычая не повелось, какъ въ иныхъ государствахъ, смотреть и уговариватися временемъ съ невѣстою самому?» — (Смотри Кошкина. Глава XIII, стр. 121).»

Авторъ очень искусно сближаетъ своего героя съ его возлюбленною или суженою. (Замѣтимъ мимоходомъ, что слово *суженая*, очень хорошо выражало у насъ отсутствіе свободнаго выбора подруги, и доказывало наиболѣе фаталистическое начало въ понятіяхъ объ этомъ важномъ пред-

веть.) Авторъ, говоря, очень некусно обличаетъ героя съ его вселюбленною и вводитъ его въ разные любовныя положенія—это впрочемъ вещь уже обыкновенная въ такомъ талантѣ, какъ у М. Н. Загоскина. Но посудите сами, благоразумные читатели, въ духъ ли нравовъ нашихъ до-Петровскаго періода такіе, напримѣръ, помыслы и чувствованія, приписываемые авторомъ своему герою: «Господь помиловалъ его; онъ остался живъ и свободенъ; онъ опять ее увидитъ, услышитъ снова ея плѣнительный голосъ.... быть-можетъ.... о, нѣтъ сомнѣнія!... Она дозволитъ ему говорить съ нею (то есть, съ собою?)» — «О, какимъ земнымъ раемъ будетъ для него это привольное село на берегу Волги-матушки! Этотъ свѣтлый и красивый домъ на высокомъ холму, съ котораго вся Кострома, какъ на блюдечкѣ. Этотъ завѣтный лугъ, эта березовая роща, въ которой она станетъ гулять съ своимъ милымъ и ненагляднымъ другомъ....» — «Нѣтъ! страшно и подумать о такомъ счастьи! вѣдь такъ блаженствуютъ только на небесахъ. Такъ мечталъ Лѣвшинъ» и прочее. «И дотога ли ему было, чтобы смотреть по сторонамъ? въ пяти шагахъ отъ него, въ свѣтлицѣ, у раствореннаго окна, на томъ же самомъ мѣстѣ стояла она. Онъ видѣлъ этотъ взоръ, исполненный счастья и любви; онъ слышалъ это радостное восклицаніе, которое, при его появленіи вырвалось невольно изъ предестныхъ устъ незнакомки. Но вдругъ лицо ея покрылось смертною блѣдностью....» Не странно ли встрѣтить любовь съ такимъ сантиментальнымъ колоритомъ, достойнымъ Августа Лафонтена, въ обществѣ рвнительно недопускавшемъ никакого нравственнаго сближенія половъ, которое бы чувство любви могло развить и довести до подобныхъ утонченныхъ оборотовъ и пріемовъ? Что наши предки любили, въ этомъ мы не сомнѣваемся: это могли они дѣлать послѣ свадьбы по пословицѣ: *свыннется—слюбится*. Но влюблялись ли они?—это другой вопросъ. Какъ бы и гдѣ бы они это успѣли дѣлать? Желаніе выйти замужъ, или жениться, предпочтеніе удалаго добраго молодца старому хрычу или красной, то есть, краснощекой и дородной дѣвочки какой-нибудь урод-

ливой засидѣвшейся невѣстѣ, еще не доказываютъ того истиннаго, глубокаго нравственнаго и поэтическаго увлеченія, которое изъ любви дѣлаетъ замѣчательнѣйшій феноменъ человеческого сердца. Возлюбленная Лѣвшина, также какъ и онъ самъ, вся состоитъ изъ историческихъ невѣроятностей. Она тоже влюбляется скорѣе чѣмъ бы следовало, потому что влюбляется прежде свадьбы и такъ нежно, страстно и смѣшно, какъ-будто изъ рукъ ея не выходили предестынные романы госпожи Жанлисъ. Наконецъ, въ довершеніе истинно-романической страсти обоихъ воспламененныхъ сердецъ, состоялось и похищеніе: Лѣвшинъ увозитъ чувствительную и прекрасную Софью Андреевну изъ родительскаго, или какъ-бы родительскаго дому. Право, все это милыя выдумки достопочтеннаго романиста; тутъ, какъ вы видите, нѣтъ и тѣни истины.

Между-тѣмъ романъ заключаетъ въ себя много прекраснаго.

Намъ понравилась болѣе всего мысль автора — выставить до-Петровскую Русь въ такомъ видѣ, изъ котораго прямо и очевидно слѣдуетъ, что ей необходимо должно было преобразоваться и войти въ связи съ Европою. Известно, что у нашихъ доморожденныхъ литераторовъ и философовъ существуетъ два различныхъ мнѣнія объ исторической жизни Русскаго народа; одни полагаютъ, что ему не слѣдовало ничего принимать отъ Европы: даже устрицъ и шампанскаго, что онъ могъ собственными силами возродиться и открыть себѣ путь къ образованности, что въ переворотъ, перебросившемъ его въ кругъ европейской жизни онъ только утратилъ свою народность и что наконецъ все дурное въ нашемъ быту и правахъ привито намъ др. хлою, гпюющею Европою, а все хорошее можно найти единственно въ оныя блаженныя времена, когда Татары учили насъ гражданственности и всяческимъ доблестямъ. Другіе думаютъ совершенно иначе; они думаютъ, что Россіи для надлежащаго развитія великихъ силъ необходимо содѣйствіе Европы, что безъ ней она и до-сихъ-поръ косыла бы въ своихъ застарѣлыхъ предрассудкахъ и апатіи, въ толконѣ и цѣла только крѣ-

кіе напитки, что всѣмъ хорошимъ мы обязаны исключительно реформѣ Петра Великаго и до него у насъ не было ничего живаго, человѣческаго, прекраснаго и прочее и прочее. Разумѣется, что я тѣ и другіе ошибаются и потому есть еще третіе мнѣніе, которому слѣдуютъ люди, предпочитающіе здравый смыслъ всѣмъ литературнымъ и философскимъ теоріямъ, люди неувлекаемые духомъ смѣшныхъ предупрежденій и тщеславнымъ желаніемъ подчинить величія вещи своимъ маленькимъ школьнымъ идеямъ. Эти люди увѣрены, что какъ-бы ни была благоразумна и благородна цѣль какого-нибудь ученія, но оно разрушаетъ само себя и уничтожаетъ слѣдствія, если въ основаніи его нѣтъ истины, или истина искажается то съ умысломъ, то безъ умысла нелѣпыми преувеличеніями, возгласами, энтузіазмомъ, который намъ особенно нейдетъ, потому что мы должны еще многому учиться и многое понять. Дѣятельность наша со времени Петра есть дѣятельность великая, исполненная глубокаго значенія, не только для насъ самихъ, но и для человѣчества и всѣми успѣхами ея мы обязаны реформѣ этого величайшаго изъ дѣятелей исторіи. Сомнѣваться въ этомъ, ради какихъ-то теорій, было бы болѣе чѣмъ смѣшно, ежели есть въ теоріяхъ что-нибудь хуже смѣшнаго. Значитъ мы обязаны историческимъ движеніемъ нашимъ европейскому элементу, который привила намъ реформа Петра или, лучше сказать, мы обязаны нашему уму и способностямъ, начавшимъ дѣйствовать по человѣчески, по примѣру того, какъ дѣйствовали и дѣйствуютъ всѣ хорошіе люди на свѣтѣ. Могли ли мы возродиться и начать новый періодъ нашей, а можетъ-быть и всемірной исторіи, безъ Европы, или немогли — этотъ вопросъ похожъ на то, если бы мы вздумали спрашивать: что было бы съ нами, когда бы у насъ выросли крылья, или руки были бы не спереди, а сзади? Это немножко поздно, и воротаться назадъ незачѣмъ и нельзя. Здѣсь, кажется, у мѣста вспомнить прекрасные стихи Ломоносова изъ оды его къ Юву:

Обширную громаду свѣта,
 Когда устроить я хотѣлъ,
 Просилъ ли твоего совѣта

Для множества толпннхъ дѣлъ,
 Какъ персть я взялъ сначала вѣкъ,
 Дабы создати человекъ,
 Зачѣмъ тогда ты не сказалъ,
 Чтобъ видѣ тебѣ иной я далъ?

Дѣло состоялось не въ слѣдствіе славянофильскихъ или западныхъ ученыхъ понятій, а по волю міродержавнаго Промысла, который знаетъ, что дѣлаетъ. Надобно также согласиться, что Россія до-Петровская совсѣмъ не была чисто русскою или славянскою державою. Въ ея жилахъ и крови свирѣпствовалъ ядъ принятаго ею, совершенно чуждаго намъ татарскаго элемента. Оставаться въ этомъ болѣзненномъ, не естественномъ состояніи было невозможно. Не слѣдовало и сдѣлать то, что дѣлаютъ наши нынѣшніе больные — поѣхать за границу, принять хорошую ванну въ тамошнихъ спасительныхъ водахъ и возвратиться къ себѣ здоровыми, бодрыми и веселыми? — Надобно въ нашемъ старинномъ быту отличать нравы и обычаи отъ основныхъ народныхъ вѣрованій, понятій, преданій и учреждений, выработавшихся въ собственномъ умѣ и сердцѣ народа, независимо отъ вліянія постороннихъ, болѣе или менѣе печальныхъ обстоятельствъ. На эти священные и прекрасные стихіи и факты нашей народности, въ теченіи вѣковъ, налегли тяжелые слои и накипи случайныхъ, но самыхъ грубыхъ, темныхъ и грязныхъ веществъ, безъ которыхъ мы не только не можемъ, но должны обойтись. Искусный и умный изыскатель, роаясь въ хранилищахъ нашей старины, снимая пластъ коры за пластомъ, проникая глубже и глубже внутрь вещей и событій, легко отдѣлать чистое золото народности нашей отъ всякой примѣси, подавлявшей и искажавшей ее. Онъ наконецъ воскреситъ ее не въ гадавіяхъ и проричаніяхъ празднаго умозрѣнія, а въ трезвыхъ, простыхъ и точныхъ изображеніяхъ и выводахъ. Это не мечта уже, этимъ начинаютъ заниматься у насъ усердно добросовѣстно, благодаря нашимъ успѣхамъ и образованности и вѣку, отвергающему всякое умственное шатаніе по распутіямъ схоластики, несмотря ни на какую ея чопорность и благовидность и требующему при приѣмѣ всякой истины свидѣтельства анализа

о законномъ ея происхожденіи. Мы не можемъ не отдать полной справедливости некоторымъ изъ московскихъ ученыхъ, которые идутъ самымъ прекраснымъ путемъ на поприщѣ историческихъ изслѣдованій, подчиняя всѣ воззрѣнія свои самому строгому и отчетливому разбору матеріаловъ и занимаясь, каждый, болѣе или менѣе трудомъ специальнымъ. Одинъ Симбирскій Сборникъ съ изслѣдованіемъ о мѣстничествѣ есть уже такой подарокъ наукѣ о нашей народности, за который нельзя быть довольно благодарнымъ. Грустное чувство невольно проникаетъ въ душу при имени этой книги. Сколько прекрасныхъ, пышно разцвѣтающихъ надеждъ унесъ въ свою безвременную могилу одинъ изъ главныхъ ея виновниковъ, Валувевъ, этотъ бодрый, могущій юноша, который чистѣйшія, неустраченные силы свои напрягъ на борьбу съ такимъ огромнымъ и страшнымъ трудомъ. Это мужество во имя науки, и науки столь намъ драгоценной, есть мужество великое и утрата сердца, въ которомъ оно зрѣло, достойна слезъ.... не одного его семейства.

Что касается до старинныхъ нашихъ нравовъ и обычаевъ, то противъ нихъ взялъ мѣры М. Н. Загоскинъ въ своемъ романѣ. Авторъ не пишетъ сатиры; спокойно, безпристрастно, исторически вѣрно изображаетъ онъ ихъ въ пѣсколькихъ сценахъ, мастерски начертанныхъ и вы, прочитавъ ихъ, конечно уже ни за что въ мірѣ не захотите подвергнуться влиянію этихъ прекрасныхъ старинныхъ нравовъ и обычаевъ. Господинъ Загоскинъ васъ совершенно разочаровываетъ въ ихъ прелести, какъ истинный сынъ нашего вѣка и любитель Европейскаго просвѣщенія. Хотите ли видѣть, на примѣръ, какимъ образомъ расправлялись съ людьми, въ старину служители *земскаго прика* за? Ярычки подхватили какого-то мужика на улицѣ и привели въ приказъ. Поддьякъ обращается къ нему съ допросомъ:

— «Ты кто такой? колотыриникъ какой-нибудь!... бездомный бродяга!...

— Нѣтъ, батюшка! я живу при мѣстѣ, работниковъ на подворьѣ.

— А валешься пьяный по улицамъ.

— Отецъ родной, вскричалъ мужикъ, кланяясь въ ноги: прикажи слово вымолвить!

— Ну, что? Говори!

— Вотъ какъ дѣло было: стою я у стѣнки....

— У стѣнки, прервалъ Огнищанинъ: видно ноги-то не держать.

— Батюшка! да я хмѣльнаго въ ротъ не беру!.... Видитъ Богъ не беру!

— Добро, добро, сказалъ поддьякъ: ну, говори: стоишь ты у стѣнки....

— Вотъ они, батюшка, ко мнѣ и подошли, да ни съ того, ни съ другаго—и ну ко мнѣ придираются; что дикать ты тутъ стоишь? да такъ моля, стою!—«Ты дикать воръ: высматриваешь, какъ-бы что стянуть!....» Да и ну меня по скуламъ!.... сбили съ ногъ, вытащили мошну съ деньжонками.... и прочее. Часть I стр. 134 и 135.

А вотъ простодушная расправа, учиненная бояриномъ Куродавлевымъ съ крестьянами, пришедшими къ нему съ жалобою:

— Что вы, братцы? спросилъ Куродавлевъ.

— Пришли къ тебѣ, батюшка! сказалъ одинъ изъ нихъ вставая.

— Вижу, что пришли, да кто вы такіе?

— Бѣлопомѣстные крестьяне, батюшка, изъ Бобровской волости.

— А, сосѣди!.... Ну, что вы ребята?

— Челомъ бьемъ, государь Юрій Максимовичъ — разсуди насъ!

— Да что я вамъ за судья?.... У васъ есть своя управа. Коли вы суда просите, такъ шли бы къ земскому головѣ.

— Нѣтъ, кормилецъ! сказалъ другой крестьянинъ: куда намъ итти на судъ къ земскому головѣ: вѣдь къ нему безъ приноса и глазъ не кажи; либо свинку, либо барана, а ужъ съ поросенкомъ не ходи!.... Мы, батюшка, люди бѣдные, такъ — знаешь; этакъ подумали, подумали, да и стали на томъ, чтобъ итти къ тебѣ, Юрій Максимовичъ... Какъ ты, кормилецъ, насъ разсудишь, такъ тому и быть.

— Ну, хорошо!.... Только слушайте, братцы: коли вы пошли ко мнѣ на судъ, такъ чуръ послѣ не пенять!.... Ну, кто изъ васъ на кого жалуется?

— Я, батюшка! сказалъ первый мужикъ: вотъ мы съ Андриушкой ходили вдвоемъ на медвѣдя; уговоръ былъ шкуру пополамъ. А какъ у насъ дошло до дѣлежя, такъ онъ попыткась и шкуру-то беретъ на одного себя.

— Ну, всё ли ты сказалъ?

— Все, батюшка.

— Ладно!.... Теперь ты, Андриушка: былъ ли у васъ уговоръ шкуру пополамъ?

— Былъ, кормилецъ.

— Такъ зачѣмъ же ты пятишься?

— А вотъ изволь выслушать: на прошлой недѣлѣ Васька—сирѣчь онъ, батюшка—завернулъ ко мнѣ да и говоритъ: «Андриушка! я обошелъ медвѣжью берлогу, близехонько отсюда, въ Хотиславской засѣкъ. Хочь итти! — Изволь-на!... Мнѣ не впервые ходить на медвѣдя — пойдемъ! Вотъ мы взяли по рогатникъ, да по топору и пошли. Какъ стали мы подходить къ берлогѣ, слышимъ—реветъ косоланый. Кажись, мы пришли противъ вѣтру, а онъ всё-таки почуялъ, что до его шкуры добираются. Я глядь на Ваську — а на немъ и лица нѣтъ!.... «Что ты, братъ? молвилъ я: никакъ тебя страхъ беретъ?.... Эй, Васька, не робѣй!.... Вѣдь медвѣдь-то этого не любить.

— Нѣтъ-дискать, я не робѣю; а меня что-то знобитъ!.... — То-то знобитъ!... Смотри, Васюкъ, не выдай!... Вотъ слышимъ въ лѣсу-то захрустѣло, словно вихремъ деревья ломаетъ. «Чу! слышь, я, прямехонько идетъ на насъ!» Смотрю: Васька-то ужъ навадь поглядываетъ. «Ну! думаю, худо дѣло!.... выдастъ онъ меня!» — Такъ и есть!.... Лишь только Мишка-то насъ увидѣлъ да поднялся на дыбы, Васька бросилъ рогатину, да давай Богъ ноги!

— Ахъ, трусишка проклятый! променталъ бояринъ: Ну! а ты что?

— Я, батюшка, наждалъ на себя звѣря, перекрестился, да хватъ его рогатиной подъ лѣвую лопатку.

— Такъ, такъ!... Ну что, медвѣдь-то полезъ на рогатину?

— Сначала полезъ, батюшка; такъ и прѣтъ!

— А ты ратовище-то рогатины себѣ подъ ногу?

— Вѣстимо, кормилецъ!

— Такъ, такъ!... Ну что, медвѣдь началъ около тебя кружи давать?

— Да, батюшка!... ужъ онъ кружилъ, кружилъ!... и ратовище пытался сломить, да, слава тебѣ Господи, устояло!... а кровь-то

изъ него такъ и хлыщеть!... Какъ онъ далъ этакъ круговъ тридцать, да вовсе изъ силъ-то выбился, такъ вдругъ какъ зареветь въ восточный голосъ, и пошелъ прямо по рогатицѣ на меня, а я топоръ изъ-за пояса, хватъ его по мордѣ, вотъ онъ и повалился!

— Ну, Андрюха, сказалъ Куродавлевъ, глядя съ удовольствіемъ на крестьянина: ты, я вижу, человекъ бывалый!

— Какъ-же, Юрій Максимовичъ, на томъ стоимъ!... Вѣдь и батюшку-то моего медвѣдъ сломалъ, и дѣдушка умеръ колекою, а меня еще покамѣстъ Господь миловалъ!... Ну вотъ, кормилецъ, какъ я медвѣдя-то убилъ, да и думаю: за-что жъ я съ Васькой шодѣлюсь?... вѣдь онъ меня руками выдалъ.

— Эхъ, братъ! прервалъ второй крестьянинъ: съ кѣмъ грѣха ще бываетъ?... Что будешь дѣлать—сробѣлъ!... А вѣдь всё-таки уговоръ-то былъ пополамъ, и медвѣдя не ты сослѣдилъ, Андрюха, а я.

— Да ты полно, Васюкъ, нишни! Вотъ какъ его милость насъ разсудить.

Куродавлевъ призадумался.

— Ну! сказалъ онъ, помолчавъ нѣсколько времени: послушайте, ребята: у васъ не было выговорено, что тотъ, кто сробить не пойдетъ на медвѣдя, тому нѣтъ части въ шкурѣ?

— Нѣтъ, батюшка, лгать не хочу, сказалъ Андрей: объ этомъ и рѣчи не было.

— А коли не было рѣчи, да онъ-же тебя и на звѣря навелъ, такъ дѣлать-то, братъ, нѣчего, дѣлись!

— Вотъ слышишь, Андрюха? вскричалъ съ радостію Василій: я вѣдь говорилъ тебѣ, что моя правда!

— Слышу-ста! промолвилъ Андрей, почесывая затылокъ.

— Благодарствую тебѣ, государь Юрій Максимовичъ! продолжалъ Василій, повалился въ ноги: что ты, батюшка, изволилъ такъ разсудить!

— А вотъ посмотримъ, скажешь ли ты мнѣ спасибо, прервалъ Куродавлевъ. Эй, ребята! возьмите-ка этого гостя, да сведите на конюшню.

— На конюшню! повторилъ съ ужасомъ Василій. Зачѣмъ, батюшка?

— Затѣмъ, чтобъ отодрать тебя нещадно батогами.

— Помилуй, кормилецъ, за что? .

— За что?... Ахъ, ты мошенникъ этакой! еще спрашиваешь за

что?... Да коли ты самъ напросился итти вдвоемъ на медвѣдя, такъ какъ-же ты могъ выдать своего товарища?... Да знаешь ли ты, что въ нашемъ охотничьемъ быту за такое дѣло порятъ вашу братью до полусмерти?... Нѣтъ, любезный! пошелъ ко мнѣ на судъ, такъ не прогибъвайся.... задамъ я тебѣ зорю!.... Ведите его!

— Батюшка! завопилъ Василій, котораго двое слугъ схватили подъ-руки; отецъ родной, помилуй!... И отъ шкуры отступаюсь!

— А-га, голубчикъ! видно своей то жаль?... Да нѣтъ! что тебѣ слѣдуетъ берн, а ужъ дѣрку тебѣ зададутъ!... Кондратій! ступай съ ними, да при себѣ знаешь..., путемъ!

Въ литературной летописи «Библиотеки для Чтенія» въ четвертой книжкѣ помѣщена также любопытная выписка изъ романа, изображающая сцену мѣстничества.

Брынскій лѣсъ сдѣлался бы однимъ изъ лучшихъ историческихъ романовъ въ нашей литературѣ, если бы не помѣшала ему въ этомъ анти-историческая любовь. Но этотъ, впрочемъ важный недостатокъ, выкупается такими красотами созданія и разсказа, которыя свойственны голько перу господина Загоскина. Планъ романа соображенъ весьма искусно; части его развиваются такъ естественно и легко, какъ будто ими управляли сама судьба и жизнь. Въ немъ ничего нѣтъ лишняго, ничего затрудняющаго ходъ дѣйствія, которое течетъ какъ прекрасная рѣка свободными извилинами, сопровождаемая безпрестанно, до самаго конца, новыми заманчивыми видами. Даже тамъ, гдѣ проскальзываетъ у автора намѣреніе заняться отдѣльными характеристиками нравовъ, вмѣсто судьбы своихъ героевъ, онъ такъ ловко умѣлъ связать свои изображенія съ главнымъ интересомъ романа, что вы наконецъ совершенно забываете о какомъ бы то ни было намѣреніи, кромѣ намѣренія подарить вамъ прекрасное поэтическое созданіе. Въ нашей литературѣ не часто встрѣчаются столь художественно изображенныя и исполненныя произведенія. Но верхъ торжества автора это искусство изображать драматически подробности дѣйствія и отбывать каждую изъ нихъ красками живыми, естественными. Разговоры, русскія замашки, юморъ, простодушіе, удалство, все развивается въ дѣйствующихъ лицахъ неприужденно, живо и

гибко; и все носить на себѣ чистый народный цвѣтъ. Трудно указать на какую-нибудь лучшую сцену въ «Брянскомъ Лѣсу», каждая изъ нихъ отличается своимъ эстетическимъ интересомъ. — Романъ этотъ долженъ быть приятенъ всѣмъ любителямъ отечественной словесности и въ другомъ отношеніи; онъ показываетъ, что талантъ его творца не старѣется и что онъ въ состояніи подарить насъ еще, можетъ быть, многими занимательными и изящными произведениями.

А. НИКИТЕНКО.

VI.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

АПРѢЛЬ, 1846.

ЕРАЛАШЪ. *Каррикатурный альбомъ М. Неваховича. Двѣ тетради. Сп-бургъ, 1846.*

Гдѣ же стихи? гдѣ поэзія? цѣлый мѣсяцъ погибъ безъ стиховъ! и какъ не во-время! дѣло идетъ къ веснѣ; дѣва, луна и мечта такъ и ждутъ обычнаго весенняго привѣта отъ своихъ поклонниковъ и жалуется, что они съ нѣкоторыхъ поръ совсѣмъ охладѣли, что съ ними нечего больше дѣлать, хоть брось. Еще слава Богу, что господинъ Неваховичъ догадался прислать двѣ тетради своихъ умныхъ и милыхъ стихотвореній въ картинкахъ; безъ него мы бы совсѣмъ пропали. Правда, что у него своя особенная поэзія; дѣва, луна и мечта ему ни почемъ. Онъ занимается больше *современными вопросами*, — и отъ этого его поэзія принимаетъ иногда нѣсколько сатирическое направленіе. Онъ все видитъ, все замѣчаетъ, всѣмъ пользуется и его карандашъ безъ милосердія рисуетъ свои картинныя стихотворенія. Въ городѣ слякоть и грязь, проѣзду нѣтъ, экипажи ломаются; господинъ Неваховичъ воспѣваетъ и грязь и слякоть, вдохновляется дурными дорогами и скверными русскими экипажами. Начались маскарады — и онъ рассказываетъ своимъ веселымъ карандашомъ, что тамъ дѣлается и чего мы, безъ него, можетъ-быть, никогда бы не узнали. Вотъ одинъ изъ старыхъ посѣтителей маскарадовъ, который пріѣзжаетъ сюда поспать; а вотъ другой, который вы-

думалъ себѣ еще по-мудренѣе занятіе: это поэтъ — и онъ носится по маскарадамъ съ своими погребальными вдохновеніями: кругомъ и шумъ и хохотъ, все веселится и пищитъ, а ему и дѣла нѣтъ; на его лицѣ написано:

« Тяжело; не стало силъ;
Носитъ грудь моя.
Злое горе до могилы
Дотащу ли я!»

Но вотъ наступила Масляница — и господинъ Новаховичъ взялся за блины; вотъ и Святая Недѣля, и онъ рисуетъ праздничныя удовольствія дома, на улицѣ и даже въ Невѣ, между рыбами, которыя тоже очень обрадовались празднику, потому что для нихъ постъ самое разорительное время. Въ Петербургѣ пельзя пустить мыльнаго пузыря безъ того, чтобы господинъ Новаховичъ не перенесъ его на бумагу. Иногда онъ переходитъ къ другимъ, болѣе важнымъ, предметамъ, — онъ посвящаетъ нѣсколько стихотвореній по современному образованію; на которое онъ смотритъ съ практической точки зрѣнія; прочь теорія — она убиваетъ способности — возьмитесь за практическое примѣненіе правилъ; оно и легко и занимательно.

Признаюсь, мнѣ очень понравилась эта поэзія въ картинкахъ, умная, толковая поэзія, написанная чернымъ карандашомъ и бѣлыми стихами. Чтò передъ ней наша рюмованная проза, которая вѣзмъ падошля, такъ что даже дѣва, луна и мечта перестали ее читать? Неблагодарныя! для нихъ она существовала, эта сладкая, розовая, сахарная поэзія, — а онѣ теперь сами отъ нея отрекаются. Я съ ужасомъ вижу, чѣмъ все это кончится — дѣва, мечта и луна останутся наконецъ совѣтъ безъ стиховъ, — а поэты русскіе будутъ ходить въ школу къ господину Новаховичу, чтò, между нами будь сказано, было бы очень недурно.

НОВОСЕЛЬЕ. *С.-Петербургъ. Въ тѣл. Академіи Наукъ, 1846, съ-8, Часть третья, стр. 506.*

Было время, когда Александру Филипповичу Смирдину сдѣлалось тѣсно отъ русскаго ума и отъ русскіихъ книгъ: столько ихъ накопилось у него въ книжномъ магазинѣ у Сняго Мосту. Александръ Филипповичъ, какъ истинный русскій человекъ, любитъ просторъ и призывъ и потому онъ тамъ не долго ужился со своими книгами, а перѣхалъ на Невскій Проспектъ въ новый, богатый, омерзительный магазинъ. Хозяинъ пригласилъ на новоселье русскую литературу къ себѣ въ гости и русская литература

привѣхала съ хлѣбомъ и солью: каждый литераторъ привезъ по статейкѣ. Изъ этихъ статей составились два первые тома «Новоселье». Потомъ наступило другое печальное время; русскій умъ задремалъ; на русскія книги нашло повѣтріе; онѣ умирали еще до рожденія; журналы толстѣли, книги чахли; литература молчала. Въ огромномъ магазинѣ Смирдина было пусто и холодно; Александру Филипповичу сдѣлалось страшно въ этой пустынѣ и онъ по-скорѣе и по-тихоньку переѣхалъ на Михайловскую Площадь. Тутъ онъ жилъ, пока не соскучился, или пока не замѣтилъ, какъ опытный книгопродавецъ, нѣкоторыхъ признаковъ выздоровленія въ нашей больной литературѣ. Какъ бы то ни было, только Смирдинъ опять явился на Невскомъ Проспектѣ, въ новомъ магазинѣ, въ которомъ было именно столько простору, сколько того требовало нѣсколько сомнительное положеніе литературы. На этотъ разъ хозяинъ не совзвалъ гостей на новоселье; можетъ-быть ему грустно было, что многіе не откликнутся на его приглашеніе, что многіе и лучшіе гости его сами давно переѣхали на свое послѣднее, холодное новоселье, откуда нѣтъ дороги къ магазину Александра Филипповича. Но русскіе литераторы отпраздновали между собою переѣздъ Смирдина; каждый изъ нихъ привезъ гостинецъ, далъ по статьѣ; а изъ нихъ вышло третье «Новоселье».

Тутъ съ самаго начала графъ Владиміръ Солмогубъ даетъ читателямъ балъ. Графъ обѣдалъ у одного изъ своихъ пріятелей-гастрономовъ; обѣдъ былъ па-славу, по всѣмъ правиламъ философіи обѣдовъ. Послѣ послѣдней рюмки портвейна всѣ встали изъ-за стола и отправились въ кабинетъ. Но скоро гости разбрелись, кто къ ломберному столу, кто въ бильярдную. Авторъ остался одинъ, передъ каминномъ, въ мягкихъ креслахъ и мало-помалу погрузился въ сладкую и нѣжную мечтательность.

« На дворѣ было холодно; свѣгъ падалъ большими хлопьями; вѣтеръ заунывно вылъ и стучалъ отрывисто въ окно, а мнѣ было хорошо и уютно. Съ какой-то пріятной задумчивостью поглядывалъ я на голубой огонекъ, весело бѣгающій по багровымъ углямъ раскаленнаго камна... и, самъ не знаю почему, вспомнилъ я объ милой княжнѣ и началъ объ ней думать.

« Я не влюбленъ въ нее. Многіе года на Кавказѣ измечены меня отъ прежней, истинной любви моей, быть можетъ, даже отъ способности любить. Я знаю теперь, чего можно ожидать, чего можно требовать отъ свѣта; и если и бываю теперь иногда въ землѣ, то бываю, какъ въ театрѣ, гдѣ черезъ чуръ дорого запла-

« тилъ за кресло. Нѣтъ, я не влюбленъ въ княжну. Между нами
 « ничего общаго не будетъ и быть не можетъ. Она княжна дре-
 « вяно рода; мать ея штатсъ-дама.... вся петербургская знать ея
 « съ-родни; у нее такъ много брилльянтовъ; она такъ недоступно-
 « ведичава, такъ холодна и такъ богата.... Я ее помню еще ре-
 « бенкомъ, когда она ходила въ бархатномъ платьѣ съ своей гу-
 « вернанткой по Невскому Проспекту; за ней шелъ лакей въ бо-
 « гатой дивреѣ и ѣхала карета въ четыре лошади. Потомъ ее
 « сдѣлали фрейлиной, и при появленіи ея въ большой свѣтъ,
 « всѣ старики ея улыбались, всѣ женщины ее хвалили, всѣ мо-
 « лодые люди вздыхали глядя на нее. Какъ похорошѣла она съ-
 « тѣхъ поръ, какъ я видѣлъ ее ребенкомъ! Такого стана нѣтъ
 « другаго въ Петербургѣ, такого нѣжнаго облика я и во свѣ не
 « видывалъ, а объ глазахъ и подумать опасно. Не голубые, нѣж-
 « ные и томные, не черные, строгіе и блестящіе, а темно синіе
 « съ огненнымъ отливомъ, глубокіе, полные нѣги и страсти, синіе,
 « синіе какъ отраженіе неба Италіи на южномъ морѣ. И когда
 « она взглянетъ, счастье кажется возможнымъ, и жить захочется
 « и умереть не страшно. Нѣтъ.... нѣтъ.... Я не влюбленъ въ нее...
 « Я боюсь ее.... Я знаю свѣтскихъ женщинъ.

« Мы съ ней большіе пріатели. Къ-счастію, я не женихъ по
 « ней, и потому мы можемъ танцовать, не привлекая вниманія.
 « Мы и танцуемъ. Говоримъ, по обыкновенію, о пустякахъ. Да
 « объ чемъ прикажете говорить на балѣ? Отъ скуки, я слѣжу за
 « ней, за всѣми ея движеніями, за всѣми ея словами. До-сихъ-
 « поръ я до нее самой не добрался. Жизнь ея, мысли, чувства,
 « душа — все это загадка. Все, что она говоритъ, все, что она
 « дѣлаетъ, какъ-будто бы чуждо ея собственному произволу, а
 « исполняется какъ-то механически, потому что такъ быть дол-
 « жно, а иначе было бы противъ принятыхъ правилъ. На лицѣ
 « ея никогда никакое чувство не выражается яркимъ отпечаткомъ.
 « Я видѣлъ ее и на балѣ, и въ оперѣ, и на дачѣ, и утромъ и
 « вечеромъ. Никогда не замѣчалъ я въ ней ни невольной слезы,
 « ни веселаго задушевнаго смѣху, ни чувства гнѣву, ни ревности,
 « ни даже кокетства; никогда не видалъ ея увлеченною чѣмъ-ни-
 « будь. Каждое ея движеніе, каждый поклонъ, каждый поворотъ,
 « каждое восклицаніе всегда проникнуты самымъ тонкимъ зна-
 « ніемъ приличія. Иногда мнѣ становится досадно и на нее и на
 « себя, за то, что я могу принимать малѣйшее участіе въ судьбѣ
 « столь бездушнаго существа.

« Я стараюсь смѣяться надъ ней, хочу презирать ее и вѣру-

« мой взгляд встрѣтился съ ея взглядомъ, нѣжнымъ, умоляющимъ,
 « страстнымъ. Слова ея, какъ звуки безъ значенія, не долетаютъ
 « ужъ до моего слуху, и я гляжу на нее и съ восторгомъ, и съ
 « сожалѣниемъ. Мнѣ иногда кажется, что въ этой женщинѣ дол-
 « жно быть два существа: одно ангелъ, другое — кукла. Куклой
 « она, можетъ-статься, старается быть. Къ этому присудилъ ее
 « свѣтъ, котораго законы тяготѣютъ на ней, какъ цѣпи—съ самаго
 « ея дѣтства. Но кто знаетъ, найдется, можетъ-быть, человекъ,
 « для котораго она захочетъ быть ангеломъ, и тогда все, что
 « глаза ея обѣщаютъ, вдругъ исполнится. Душа, закованная, выр-
 « вется изъ своихъ кружевныхъ пеленокъ, страсть заговоритъ
 « языкомъ истины, любовь внушитъ невѣдомыя силы. И все это
 « принесется въ даръ одному блаженному смертному, и исчер-
 « паетъ онъ, счастливецъ, изъ сердца трепетной красавицы тѣ
 « чувства, которыхъ она не тратила по-пустому, а берегла отъ
 « свѣта, какъ святыню отъ богохульниковъ, и истощитъ онъ съ
 « нею все счастье, какое только доступно на землѣ.»

Приходъ хозяйина прервалъ эти мечтанія; онъ напомнилъ автору, что пора ему ѣхать на балъ. Дѣлать было нечего; авторъ повиновался, какъ школьникъ, пойманный въ шалости и черезъ нѣсколько времени карета его подъѣзжала уже къ иллюминированному подъѣзду великолѣпнаго дому; войдя, онъ разсѣянно прошелся по штофнымъ гостинымъ и, наконецъ, остановился въ углуку танцевальной залы: у колонны стояла княжна; она танцевала съ адъютантомъ, котораго свѣтская молва давно провозгласила ея женихомъ. Когда кадрили кончился, авторъ въ послѣдній разъ взглянулъ на красавицу и ясно замѣтилъ, что она зоветъ его, манитъ къ себѣ ласковымъ, обворожительнымъ взглядомъ. Онъ подошелъ и низко поклонился.

« — Я, кажется, сказала она едва внятно: танцую съ вами слѣдующую.

« — Если вы не забыли вашего обѣщанія, отвѣчалъ я, хотя
 « вовсе не думалъ ее ангажировать.

« Княжна вздохнула. На глазахъ у нее навернулись слезы.... Я
 « отгадалъ ея горе.... Музыка снова заиграла.... Мы стали на
 « мѣста.

« — И такъ, вы выходите за-мужъ? сказалъ я шопотомъ послѣ
 « первой фигуры.

« Она быстро обернулась.

« — Вы ужъ это знаете?

« — Нѣтъ, не знаю, а понять.

« — Вы поняли! сказала она съ упрекомъ : развѣ вы можете что-нибудь понять?...

« — И вы это говорите! прервалъ я съ досадою, вы....

« — Вамъ дѣлать «игуру! закричалъ мнѣ *vis-à-vis*.

« Разговоръ былъ прерванъ.

« — Вы знаете моего жениха? начала снова княжна : что вы объ немъ думаете?

« — Я думаю, что я убью его, отвѣчалъ я съ жаромъ : я не уступлю васъ ему.

« Княжна странно улыбулась.

« — Мы мало съ вами знакомы, продолжалъ я : но я готовъ съ радостью, цѣною жизни избавить васъ отъ вѣчнаго несчастія. Ваше притворное равнодушіе меня не обмануло : я знаю, чего просить ваша душа ; я знаю, что въ вашемъ сердцѣ таятся много прекраснаго ; я вѣрю, что вы рождены для святой поэзіи, для возвышенной любви.

« — Вы думаете? нѣжно отвѣчала княжна.

« Какъ обворожительно-хороша была она въ эту минуту! Въ чертахъ ея разливалась какая-то грустная нѣга, что-то страстное и жалкое; глаза ея горѣли. Я схватилъ ее за руку.

« Какіе вы разсѣянные! кричалъ несносный *vis-à-vis*... Вамъ опять начинать.

« И мы снова пустились шаркать по паркету. Она перешла на другую сторону.... я очень неловко окончилъ соло. Оглянулся.. « она говорить съ адъютантомъ.»

Новый кадрилъ оттолкнулъ его въ сторону. Въ залѣ княжны уже не было. Авторъ съ трудомъ добрался до первыхъ дверей и пошелъ бродить по гостиннымъ. Въ одной изъ послѣднихъ комнатъ сидѣло нѣсколько дамъ; около нихъ молодые люди; княжны нѣтъ; авторъ съ досадою бросился на кресла; чета, которая сидѣла подле него, отодвинулась съ неудовольстіемъ и громко заговорила о свадьбѣ княжны. Авторъ вскочилъ; эта болтовня становилась для него несносною. Не зная что дѣлать, онъ подошелъ къ какой-то картинѣ; желая разглядѣть имя живописца, онъ нагнулся къ рамкѣ, уперся рукою въ стѣну. Вдругъ обои раздвинулись; передъ нимъ потаенная дверь; она тихо отворилась и онъ вошелъ въ маленькую, слабо освѣщенную комнату. Въ углубленіи рисуется знакомая тѣнь, слышны рыданія. Передъ нимъ княжна. Она сюда пришла плакать, потому что тутъ не было свидѣтелей. А теперь она увлекается своимъ горькимъ чувствомъ и дѣлаетъ автора

повѣрившимъ всей своей бѣдной свѣтской жизни, въ которой все заготовлено, все определено заранѣе, и она обманяетъ себя; а между-тѣмъ въ ней было много хорошаго, она, кажется, могла бы сдѣлаться хорошей женщиной. Но ей слишкомъ рано и слишкомъ хорошо растолковали расчеты людскіе; она не вѣрнула никому, не знала что значитъ отвести душу съ кѣмъ-нибудь....

« — Я всегда жила одна среди людей. Мнѣ самой были ужасны « вѣчный холодъ, вѣчное равнодушіе моего сердца. Я уже отчая- « валась въ самой себѣ. Наконецъ я васъ встрѣтила....

« — Меня!... закричалъ я, и задрожалъ какъ въ лихорадкѣ.

« — Тебя!—сказала она. Я тебя полюбила, потому что я видѣла, « что и ты меня любишь. Тебѣ нѣтъ дѣла ни до моихъ денегъ, « ни до моихъ родныхъ.... я, я одна тебѣ нравилась. Повѣрь, « женщины умѣютъ это понимать. Ты не говорилъ мнѣ о любви, « но я повѣрила твоей любви, я почувствовала, что съ тобой я « могла бы найти счастье. О! для тебя я бы радостно обновила « душу новою жизнью; я бы вся переродилась, и съ восторгомъ « бы забыла все, чѣмъ жила до того времени.

« Возможно ли! прошепталъ я... Вы, княжна... Ты, мой свѣтлый « ангель... скалился надъ моею безотрадной участью.... ты хочешь.... « ты хочешь пріютить меня подъ своими крыльями....

« — Не говоря такъ, ради Бога, печально сказала княжна. Ты « самъ знаешь, что намъ должно разстаться, что мы вѣкъ будемъ « чужими: меня отдадутъ за человѣка, котораго я ненавижу.... Ма- « тушка, родные, свѣтъ, — всё, всё противъ насъ!

« — Все возможно! воскликнулъ я впамяно. Съ твоею любовью « нѣтъ невозможнаго. Скажи слово—и я заставлю всю вселенную « трепетать у твоихъ ногъ. Я скажу цѣлой вселенной. что ты « моя—и вся вселенная меня услышитъ. И пусть найдется чело- « вѣкъ, который осмѣлится сказать, что этого быть не можетъ: « я одной рукой искрошу его въ мелкую пыль.

« Княжна жадно на меня смотрѣла. Грудь ея сильно волно- « валась; жаркій румянецъ горѣлъ на щекахъ; глаза ея, подернутые « нѣгой, пылающіе страстью, огненно вливались мнѣ въ душу....

« — Нѣтъ, говорила она.... задыхаясь и какъ бы пнзмогаая отъ « внутренней борьбы.... Нѣтъ.... одинъ противъ ихъ всѣхъ!... ты « не можешь одолѣть.... ты погибнешь. Я не отдамъ тебя имъ.... « Нѣтъ.... знаешь.... лучше ужъ убѣжимъ... Убѣжимъ со мной на « край свѣта... по-дальше, по-дальше, чтобъ они не могли бѣжать « за нами въ погоню.... чтобъ и слѣда они не могли найти, а то, я « знаю, они насъ воротятъ и тогда они разорвутъ насъ на части.

« Пойдемъ скорѣй.... Умремъ, если надо.... но умремъ вмѣстѣ. У
 « этой комнаты есть тайный выходъ.... Мы еще успѣемъ спас-
 « тись. Скорѣй, скорѣй! Только.... Слышите ли.... шаги.... Они
 « идутъ.... идутъ.... идутъ!... И обезумѣвъ отъ страстнаго волне-
 « нія, судорожно обвила она руки свои около моей шеи, и по-
 « влекла меня за собой къ потаенной двери. Вдругъ дверь съ
 « трескомъ растворилась, и у входа показалась маленькая ста-
 « рушка, княгиня, въ токъ, съ перьями до потолка; за ней шелъ
 « адъютантъ на цыпочкахъ, и толпились всѣ родовые княжны,
 « всѣ балные гости.... Тутъ были всѣ, и дѣйствительные тайные,
 « и просто тайные совѣтники, и штатсъ-дамы, и камергеры и
 « камеръ-юнкеры, и полковники, и отставные, и генералъ, кото-
 « рому я наступилъ на ногу, и дама съ голубой прической, и
 « дама съ огненнымъ платьемъ, и влюбленные четы, и нахмурен-
 « ные дѣвушки, и официанты и ливрейные лакеи, всѣ, всѣ безъ
 « исключенія. Наконецъ послѣ всѣхъ, въ самомъ концѣ, шелъ
 « Лядовъ съ своимъ оркестромъ. Княжна вскрикнула и упала
 « въ обморокъ. Я остолбенѣлъ отъ ужасу; волосы мои стали
 « дыбомъ. Княгиня схватилась за носъ и начала смѣяться; за
 « ней послѣдовалъ адъютантъ и всѣ, всѣ прочіе.... Смѣхъ ихъ
 « гудѣлъ сперва какимъ-то глухимъ разговоромъ, потомъ всё уси-
 « ливался, всё становился громче.... и, наконецъ, сталъ такъ рѣзокъ,
 « такъ громокъ, такъ нестерпимъ, что я не вытерпѣлъ—и про-
 « спулся.... Кругомъ меня хохотали всѣ собесѣдники нашего холо-
 « стаго обѣда.... Преферансъ кончился.... Каминъ догоралъ. Я
 « лежалъ въ креслахъ, опрокинувшись на спинку и въ рукахъ
 « держалъ подушку.

« — Ну, братъ.... порядочно ты выспался! весело сказать мнѣ
 « проигравшійся хозяинъ.... Скоро одиннадцать часовъ. Мы всѣ
 « собираемся на балъ.... Не хочешь ли и ты съ нами?

« — На какой балъ? закричалъ я такъ дико, что всѣ мои
 « пріатели снова разсмѣялись.

« — Да проснись же, братецъ, отвѣчалъ хозяинъ: нынче балъ
 « у старушки княгини Р.... по случаю помолвки княжны, съ из-
 « вѣстнымъ всему міру адъютантомъ.

« — Говорятъ, подхватилъ кто-то изъ гостей: оба такъ сча-
 « стливы, что глядѣть на нихъ весело. И вообразите, какой
 « странный случай: никто не зналъ, что они нѣсколько лѣтъ
 « влюблены другъ въ друга.

« Я не отвѣчалъ ни слова, а только печально покачалъ голо-
 « вой. Всѣ разгѣхались. Не знаю отчего, но мнѣ какъ-то през-

« вычайно захотѣлось взглянуть въ этотъ вечеръ на княжну...
« Черезъ нѣсколько минутъ я былъ уже на балѣ.»

Но это былъ уже настоящій, тяжелый петербургскій балъ. Княжна едва кивнула головой на бальное привѣтствіе автора. Кругомъ толковали о богатой свадьбѣ, о драгоценныхъ подаркахъ, о счастіи княжны. Авторъ уѣхалъ домой и положилъ себѣ правиломъ никогда не спать послѣ обѣда. Тутъ нѣтъ особеннаго содержанія; это бездѣлка, сонъ, шутка; но это живая, милая, блистательная бездѣлка; но въ этой шуткѣ столько ума и столько острыхъ замѣтокъ, что она читается съ тѣмъ же удовольствіемъ, съ какимъ вы иногда слушаете яркій, живой и занимательный разговоръ умнаго человѣка.

За этимъ милымъ и граціознымъ разказомъ графа Соллогуба, слѣдуетъ *Старый хламъ* Н. В. Кукольника. Всѣмъ извѣстно, что у Нестора Васильевича дѣло безъ Петра Великаго не обходится. Онъ, пожалуй, начнетъ и съ Англіи, какъ напряміръ въ этой повѣсти, но это ничего не значитъ; черезъ двѣ страницы выходитъ, что и Петръ Великій на это время какъ нарочно случился въ Англіи — и Несторъ Васильевичъ выѣзжаетъ на знакомую дорогу. Главныя дѣйствующія лица въ этой повѣсти гениальный, полу-сзумасшедшій механикъ Макъ-Стѣфенсъ и Иванъ Семенычъ, посланный Петромъ въ Лондонъ, на ученье. Вотъ ихъ первое знакомство; Макъ-Стѣфенсъ шелъ по улицѣ....

« Въ приземистыхъ домикахъ предмѣстія рѣдкое окно было
« освѣщено; въ которомъ и былъ свѣтъ, то прозрачная занавѣсъ
« скрывала и жильцовъ и вечернія ихъ занятія; въ одномъ толь-
« ко не было занавѣски. У самаго окна сидѣло двое молодыхъ
« людей; при свѣтѣ лампы на большомъ столѣ они разсматрива-
« ли модель какой-то машины и не могли понять, какъ ею дѣй-
« ствовать....

« — Ну, эти господа не умѣе лондонскихъ профессоровъ и
« лордовъ! сказалъ Макъ-Стѣфенсъ; и какъ еще не было очень
« поздно, безъ затрудненія вошелъ въ компану. Молодые люди не
« на-шутку перепугались. Читатели знаютъ, почему. Макъ-Стѣ-
« фенсъ подошелъ къ столу, прикоснулся къ машинѣ и она давай
« дѣйствовать. Молодые люди посмотрѣли другъ на друга сомни-
« тельно.

« — Иванъ Семенычъ! сказалъ старшій по-русски: погляди-ка
« на аглецкаго Нѣмца.... кажись, онъ того....

« — Я тоже думаю, Андрей Лукитчъ! Тутъ что-то не ладъ...
Digitized by Google

« — Спроси-ка его по-ихнему....

« — Боюсь, Андрей Лукичъ! Можеть, онъ только нашей рѣчи добивается. Нусть онъ и человѣкъ, да всё-таки у нечистаго въ послугахъ.

« — Господа! началъ было Макъ-Стѣеенъ. Семенычь и Лукичъ поблѣднѣли.

« — Иванъ Семенычь! пристасть! Чтò намъ дѣлать....

« — Перекрестимся, а тамъ воля Господня!

« Перекрестились и ободрились. Макъ-Стѣеенъ глядѣть на нихъ въ недоумѣнн и не могъ понять, чтò съ ними происхо-
« дить....

« — Господа! опять началъ Макъ-Стѣеенъ.

« — Чтò онъ тамъ рассказываетъ, Иванъ Семенычь!

« — По ученому, Андрей Лукичъ, говорить, дескать, что эта
« машина хотя и новая, и большую силу имѣеть, да всё безъ ло-
« шадей, или безъ воды не обойдешься.... А онъ, дескать, знаетъ
« такую штуку, что ему ни вѣтру, ни воды, ни лошадей, ни на-
« вихъ звѣрей не надобно....

« — Иванъ Семенычь! Бога ради, не вѣрь! Увидишь, соблаз-
« нить....

« — Слышь, слышь, Андрей Лукичъ! Не приведи Богъ....

« — Чтò такое?

« — Говорятъ, что у него паръ за сколько хочешь лошадей и
« пойдетъ, и подыметъ, и повезетъ.... Зоветь къ себѣ, образецъ
« показать хочеть....

« — Съ нами крестная сила! вопрекнулъ Лукичъ и бросилъ
« бѣжать изъ дому. Примѣръ соблазнителенъ. Семенычь побѣжалъ
« за Лукичомъ и прямо къ адмиралтейству, въ домъ Эвелина. Но
« этотъ небольшой домикъ былъ пустъ. Московскіе гости уѣхали
« съ утра въ Оксфордъ; квартира царя Петра охранялась деж-
« щикомъ, арапченномъ и двумя отиѣнной величавы псами луч-
« шей англійской породы. На дворѣ уже Эвелина Лукичъ остано-
« вился и спросилъ у Семеныча:

« — А чтò, не гонится?

« — Помилувавъ Богъ! Изъ когтей выскочили!

Здѣсь ихъ надоумили, что это, можеть-быть совсѣмъ не чортъ,
а просто воръ или стѣмасшедшій, и Иванъ Семенычь съ Андре-
емъ Лукичомъ съ ужасомъ бросились домой, желая спасти свое
достояніе. Они по-прежнему застають у себя Макъ-Стѣеенса,
блѣднаго и внешнеженнаго; знакомятъ, узнають объ его заня-
тіяхъ и представляютъ его Петру Великому. А надобно замъ за-

мѣтить, что Макъ-Стѣеиъ трудился въ это время надъ изобрѣтеніемъ паровой машины, но, какъ Колумбъ, не нашелъ покровителя для своей великой мысли. Русскій царь оцѣнилъ его открытіе, указалъ на недостатки, далъ ему денегъ на опыты, а Ивана Семеныча на ученіе. Иванъ Семенычъ учился, а въ свободное время, отъ нечего дѣлать, влюбляется въ дочку Макъ-Стѣенса, въ прекрасную шалунью Лиллу. Опыты между тѣмъ подвигались впередъ и, наконецъ, увѣнчались полнымъ успѣхомъ; машина готова; Макъ-Стѣеиъ отправляетъ ее съ Иваномъ Семенычемъ въ Россію, а въ добавокъ выдаетъ за него и дочь свою. Но, признаюсь, это мнѣ совсѣмъ не понравилось отъ Макъ-Стѣенса; это было нечестно съ его стороны, не хорошо. Дочка его пошаливала съ молодыми Англичанами, и онъ это зналъ, а все-таки выдалъ ее за Русскаго. Ну, право, не хорошо; это не годится, Макъ-Стѣеиъ; видно, что вы нездоровы; хорошие люди такъ не дѣлаютъ. Судно, на которомъ плавала машина вмѣстѣ съ Иваномъ Семенычемъ и его супругой, разбило бурей о скалы Швеціи. Въ это время была война; Швеція, по своей странной привычкѣ дралась съ Россіей; машину вмѣстѣ со свитой взяли въ плѣнъ; коммандантъ влюбился въ Лиллу; посадилъ Ивана Семеныча въ яму и женился на его вѣтряной супругѣ. Когда наконецъ наступилъ миръ, Ивана Семеныча въ живыхъ не оказалось; остался одинъ только старый его слуга Онисимъ, который вытребовавъ ящики съ машиной Марка Степавыча, то есть, Макъ-Стѣенса, и послѣ долгихъ хлопотъ доставилъ ее благополучно въ Москву. Но времена переменялись; давно не стало Петра Великаго; вкусъ на механику прошелъ; о машинѣ никто не думалъ и ее поставили наконецъ въ пустой сарай за Москвой-рѣкой.

« Часовой ходилъ мимо сарая и смотрѣлъ на Кремль, да ничего не видѣлъ; только гулъ колоколовъ, да народное движеніе возбѣждали ему, что началась коронація Императрицы Анны Иоанновны....

« Часовой ходилъ и однимъ ухомъ слышалъ, какъ прохожіе хвалили Государыню Елисавету Петровну....

« Часовой подбѣжалъ къ дверямъ сарая и витавулся въ струнку, чтобы отдать честь Императрицѣ Екатериинѣ Алексѣевнѣ, когда она, въ торжественномъ экипажѣ, въ сопровожденіи двора и гвардіи, ѣхала въ Донской Монастырь....

« — Кто идетъ? — Свои! — Это ты, бойкій! Куда такъ поздно? — На домплашию. Говорятъ, Государь Павелъ Петровичъ въ

« Москву прибыть соизволилъ.... Жаль, что я на часахъ, пошелъ бы съ тобой. А что въ этомъ сараѣ? — Старый Хламъ....

« — Слава тебѣ Господи! Смѣна идетъ. Ноги отстоялъ. Часовой смѣнился и дорбгой шопотомъ спросилъ: — А что, прѣхаль? — Народъ ревѣлъ отъ радости. Ангелъ, не мужчина. Говорять, завтра Государь Александръ Павловичъ въ соборъ пойдетъ; жаль, что не удастся посмотреть. — А что? Да мнѣ завтра очередь на часы идти къ Старому Хламу, видишь, войскъ въ Москвѣ мало, а постовъ теперь стало вдесятеро....

« Солдатъ говорилъ правду. И главнокомандующій это замѣтилъ и приказалъ подать себѣ роспись всѣхъ постовъ, куда ставятся часовые. Читая роспись, онъ невольно остановился надъ словами: *У Старого Хлама* — 4.

« — Какой это хламъ?

« — Никто не могъ объяснить этого главнокомандующему. Необходимость уменьшить число часовыхъ на старыхъ постахъ заставила главнокомандующаго немедленно поѣхать къ Старому Хламу; но увидавъ севатскую огромную печать, онъ не рѣшился снять часоваго. Послѣ коронаціи уже наведены безполезныя справки; ничего не нашли, и главнокомандующій рѣшился раскрыть эту тайну. Сняли печать, нашли изгнившіе куски дерева, перержавѣвшія желѣзные колеса, поршни и шестерни. Уцѣлѣлъ только кусокъ пергамента, который покойно висѣлъ на огромномъ рычагѣ. Не безъ труда, и то не вполне, разобралъ, что Старый Хламъ есть паровая машина, сдѣланная въ Англіи по указу Петра, Царя Московскаго въ 177... » По слѣдняго числа разобрать нельзя было....

« Старый Хламъ, — а вся Европа гремѣла славою Уатта; вся Англія оглашалась стукомъ паровыхъ машинъ на безчисленныхъ фабрикахъ; Фультонъ на Сепѣ дѣлалъ опыты пароходовъ; но Наполеонъ и вся Франція не вѣрили Фультону; въ Англіи, близъ Лидса, подъ величайшей тайной, строили паровозъ и желѣзную дорогу, въ видѣ игрушки.... Давно ли это, а ужъ сколько пароходовъ и паровозовъ обратились въ старый хламъ! Даже самыя парамъ, какъ двигательной силѣ, угрожаетъ преждевременная старость.... »

Въ содержаніи третьяго тома *Новоселья*, очень много разнообразія. Тутъ все есть: повѣсти, стихотворенія, очерки, воспоминанія, путешествія и цѣлая драма, да еще какая драма! *Смерть Ляпунова*. Эта драма имѣла огромный успѣхъ на Александринскомъ Театрѣ и успѣхъ заслуженный. Въ ней много э-ектовъ,

много знанія сцены и даже много историческаго изученія. Мѣстамъ попадаются длинноты; видно, что авторъ не умѣлъ справиться съ богатствомъ своихъ матеріаловъ; но все это вознаграждается живой и вполне драматической развязкой; сцена смерти Ляпунова написана мастерски и господинъ Гедеоновъ съ перваго же разу занялъ почетное мѣсто между нашими драммописцами.

Въ *Рюриковомъ городищѣ* авторъ «Путешествія къ святымъ мѣстамъ», описалъ своимъ краснорѣчивымъ перомъ священныя окрестности новгородскія.

Попѣдка въ Грузино составляетъ отрывокъ изъ богатыхъ воспоминаній О. Б. Булгарина, замѣчательный по личнымъ отношеніямъ автора къ знаменитому сановнику. Въ статьѣ казака Луганскаго столько ума и столько правды, въ ней *Русскій мужикъ* очерченъ такимъ мастерскимъ перомъ и виѣстѣ съ тѣмъ такъ просто, такъ хорошо, что нельзя не выписать хоть маленькаго отрывка.

« Сидятъ во вторникъ на Святой Недѣлѣ крестьяне, съ бабами, « дѣвками, ребятами, на заваленкахъ; Святая была ранняя, только-что земля отошла; день тѣпленькой; всѣ въ нарядной одеждѣ, а праздновали Святую плохо, потому что едва дотянули « животы до весны; урожай былъ больно скуденъ; полдеревни « ѣли барскій хлѣбъ, да барскій картофель.

« — Эхъ-ма! братцы, сказалъ одинъ, подергивая плечами, на « которыя накинулъ сверху синій кафтанъ своей: — эхъ-ма! вотъ « когда бь сѣять — такъ сѣять!

« — Да, самая бы пора, подхватилъ другой, сочная земля стала, отошла вся!

« — Чтò жь дѣлать станешь — власть Господня!

« — Таки вотъ сердце радуется, какъ выйдешь за околицу: два « дождичка послалъ Господь — сверху припекло землю — рыхлая, мягкая — мокрота вся впиалась, внизъ ушла — такъ бы « вотъ, кажись, самъ легъ, да глыбой укрылся, выросъ бы, ей- « Богу выросъ!

« — Какъ быть, стало, такъ Богу угодно. Дастъ хлѣбца, такъ « дастъ, хоть и на той недѣлѣ посѣмъ; а не дастъ, такъ не « дастъ. Все во власти Господней.

« — Оно вѣстимо такъ; да вотъ, какъ не дастъ Богъ дождя-то, « опять не станетъ хлѣба, коли милости Господней не будетъ, да « солнышко пойдетъ тебѣ припекать пашню, да сушитъ во всю « недѣлю, да и на той недѣлѣ то же — такъ вотъ, братъ, тогда

« хлѣбъ, у кого есть, хоть не поспѣ въ овинѣ сушить, а въ зем-
 « лю пожалуй кнѣзь — все одпо, высохнуть, и ростка не дастъ
 « тебѣ ни одного.

« — Эка дура выросла на селѣ — право дура! — а еще мужикъ
 « называется! вотъ тебѣ бы для праздника веѣмъ міромъ память
 « затылокъ, какъ слѣдуетъ, такъ не сталъ бы впередъ молотъ,
 « чтò на языкъ ни попаю! Ну, чтò толковать пустяки, горло
 « драть, ровно на облавѣ? Чтò жъ, ты теперь чтò-ли пахать да
 « сѣять пойдешь, на Святой Недѣлѣ?

« — Пахать.... кто говоритъ пахать теперь.... про это нечего
 « говорить, чтò пахать.... я говорю, что вотъ, хоть на людей со-
 « шлюсь, объ этаку пору самая бы благодать, что земля, вишь,
 « а не то, чтобъ теперь пахать да сѣять; кто тебя зоветъ? Гос-
 « подь съ тобой, я тебя не звалъ пахать; извѣстное дѣло, кто жъ
 « пойдетъ о такую пору — чай не на то далъ Господь Святую
 « Недѣлю. Вотъ, чтò Богъ дастъ, развѣ на Ооминной....

« Такимъ образомъ крестьяне наши просидѣли на заваленкахъ
 « всю недѣлю, опоздали посѣвомъ, вспоминали круглый годъ, ка-
 « кая-де на Святой пора была для посѣва! эхъ, какая земля рых-
 « лая, да сочная была! тужили, что Господь Богъ опять не далъ
 « урожаю, почесали головы, похлопали руками о бока — и полѣзъ-
 « ли нѣ змѣ на печь, да на полати. »

Въ числѣ литераторовъ, которые участвовали въ составленіи
 третьяго тома *Новоселья*, встрѣчаются имена Корсакова, Хмѣль-
 ницкаго и Полеваго. Три имени, которыя сошли съ боеваго по-
 прища литературы, три владчика, которыхъ не стало посерединѣ
 насъ; и между ними одна недавняя, горькая потеря; между ни-
 ми имя Полеваго, имя человѣка, котораго вся жизнь была борь-
 ба и трудъ. И въ то время, когда онъ готовилъ свой послѣдній
 подарокъ на «Новоселье» Смирдина, смерть уже подстерегала его,
 уже звала за собой на послѣдній ночлегъ, на послѣднее Новоселье,
 откуда забота жизни не призоветъ уже назадъ своего усталаго
 работника.

Поэзія третьяго тома *Новоселья* составлена изъ стихотвореній
 Бенедиктова, Губера, Дурова, графини Ростопчиной, Слѣпушкина
 и Струговщикова, который, по обыкновенію, позаимствовалъ кое-
 чтò у Гёте. Стихотвореніе Владиміра Андреевича Бенедиктова
 поражаетъ своими смѣлыми метафорами, гигантскими сравненіи-
 ми. Пылокое воображеніе знаменитаго поэта; никогда еще не воз-
 вышалось до такого полету. Онъ забываетъ міръ и природу; во-
 ображеніе его увлекаетъ туда, гдѣ все безпредѣльно, предметы

растутъ, растутъ передъ нами, расширяются до безконечныхъ размѣровъ; посудите сами....

«Въ дни пылкой юности, въ разгулѣ бытія,

Я зналъ три гibel... очн... кудри....

... да перси.... и прочая —

Нѣтъ не судите здѣсь! Здѣсь не мѣсто. Чудное стихотвореніе это мы прочитаемъ съ вами тамъ, гдѣ пойдетъ дѣло о Владимірѣ Андреевичѣ, господинѣ Бурновковѣ, и о прочемъ. Это — дѣло важное; надо обсудить его обстоятельнѣе: дѣло — относящееся къ Первому апрѣля. Вы сейчасъ увидите.

ПЕРВОЕ АПРѢЛЯ. *Колическій иллюстрированный альманахъ. Сп-бургъ, 1846, въ тип. Крайя, въ 12, стр. 144.*

Книжка — такъ-себѣ ничего, пустячки, побасенки, вздорецъ — какъ выражаются сами издатели въ своемъ вступленіи; противорѣчить имъ въ этомъ случаѣ нѣтъ никакой надобности; да и зачѣмъ оспаривать мнѣніе этихъ господъ. Коли вздорецъ, такъ вздорецъ; тутъ и говорить печего. Книга сама за себя стоитъ; это и по заглавію видно. Всѣмъ извѣстно, что первое Апрѣля, на русскомъ языкѣ, значитъ собственно, — вотъ подождите я васъ немножко, того, — и издатели, которые повидимому, очень хорошо знаютъ русскій языкъ, дѣйствительно немножко, того. За это сердиться на нихъ нельзя; они поступили добросовѣстно; они сами сказали, что все это такъ-себѣ, ничего, сущій вздоръ. Но въ этой книгѣ есть еще и другія вещи, за которыя можно и должно сердиться — и объ этихъ вещахъ, я намѣренъ, о читателя, вести съ вами подробную бесѣду.

Мудрые читатели! Вы, которые все читаете, давно читаете, безпрерывно и неутомимо читаете, замѣтили ль вы, какой странный переворотъ совершился въ нашей литературѣ въ послѣднее пятнадцатилѣтіе? Вспомните хорошенько, какъ говорила, какъ вела себя русская литература лѣтъ пятнадцать тому. Она говорила важно, какъ начальникъ отдѣленія, расхаживала мѣрною поступью старшаго учителя гимназій; не иначе выгѣзжала въ люди, какъ въ благолѣпномъ чепцѣ риторикъ и, въ людяхъ, дулась превеликолѣпно, изъяснялась праздничными фразами и рѣдкими словами; по воскресеньямъ вела рѣчь *высокимъ слогомъ*, а въ будни *чистымъ слогомъ* и *правильнымъ слогомъ*, то есть, если я не ошибаюсь, *среднимъ слогомъ*, — всѣ эти названія, вы знаете, нынче порядочнымъ людямъ непопаты, — улыбнуться, пошутить, — упаси Господи! Этакого содому, азарту, русская литература никогда себѣ не позволяла — ругнуть бывало, — пожалуй! — Зачѣмъ же ругнуть своего брата, ради потѣхи читательской? — ругать она

всегда была готова, и при этой оккази — окказія такая имѣла тогда свою выѣску, на которой крупными литерами было написано: АНТИКРИТИКА — и при этой оккази случилось ей, русской литературѣ, сказать иногда *острое слово* — но и *острое слово* (родъ тупаго ножа который вышелъ теперь изъ употребленія, за ветхостью), даже и *острое слово* произносила она безъ улыбки, съ удивительной важностью, которая теперь совершенно потеряна: сказавъ *острое слово*, она краснѣла, извинялась и оговаривала его искусной своей фразой «*какъ говорится*». Отъ времени до времени я и теперь еще встрѣчаю эту искусную фразу у людей, которые говорить не умѣютъ. Такова была тогда русская литература, — чинно — важно — великолѣпно — на вытяжку — всѣ пуговицы застегнуты, до подбородка — и горе тому, кто засмѣется! Вдругъ, ни вѣсть какимъ образомъ, все это рушилось: пришелъ человекъ, съ улыбкой и шуткой, и нѣсколькими страницами опрокинулъ весь этотъ прекрасный порядокъ, начался, въ русской литературѣ, смѣхъ, хохотъ, шумъ, остроуміе — пошелъ градъ шутокъ — поднялась мятель потѣхи. Съ легкой руки барона Брамбеуса, для котораго, какъ доказано, все — шутка, въ пятнадцать лѣтъ перебивали у насъ всѣ роды остроумія — остроуміе русской литературы не было ничего на свѣтѣ, въ эти годы — просто *чортъ знаетъ* что за остроуміе! — да! *Чортъ его знаетъ*: мы изъ остроумія, и остроумія ради, дошли до *чортъ его знаетъ*! — и *пошла писать*! — и даже не прибавляемъ теперь: «*какъ говорится*». Чтѣ прикажете дѣлать, разострились! Одного только роду остроумія у насъ не было до нынѣ — и слава Богу! — чтѣ за странный родъ остроумія! Примѣрно сказать, вы, мы, онъ или я, скажемъ чтѣ-нибудь очень умное, мудрое, достойное удивленія: это вѣдь со всякимъ изъ насъ можетъ случиться! кто не грѣшенъ! Вдругъ, Петръ Ивановичъ такой-то, да Иванъ Петровичъ нѣкто, берутъ наше умное, мудрое, удивительное, выворачиваютъ вверхъ ногами, преуменьшаютъ въ одномъ мѣстѣ, преувеличиваютъ въ другомъ, и — пожалуйста сюда! — у насъ-де есть отличное остроуміе — не угодно ли посмѣяться? — смѣйтесь, ради Бога! — и всѣ смѣются. Словомъ сказать, разбой! Послѣ этого никакая литературная слава не можетъ быть въ безопасности; послѣ этого нельзя ничего писать, не стѣять имѣть ни языка, ни слогу — сейчасъ эти остроумные зловерные господа станутъ васъ передразнивать и передѣлывать по-свѣдому. Мирному гражданину нельзя выдумать ничего умнаго, чтѣ бы они, выворотивъ на изнанку и раздувъ до-вѣльза, не сдѣлали для себя изъ *онаго*

умнаго чого-нибудя остроумнаго. Чтѣ жь это за метода? Чужой умъ перегонять въ свое остроуміе! Дѣло по моему разумѣнію, совершенно невозможительное и требующее поступленія по всей строгости законовъ негодованія. Это называется «пародія». Дѣло тѣмъ ужастиѣ, что сказанные господа берутъ у васъ, безъ спросу, все удивительное, чтобы раздувать это въ огромные пузыри для всеобщаго увеселенія; а захотите отмстити имъ тѣмъ же? — взять у нихъ чтѣ-нибудя удивительное? — не тутъ-то было! голь! ничего вѣтъ! — дуйте въ нихъ, сколько угодно — ничего не выростетъ — и смѣяться не надъ чѣмъ! Разореніе, обида! не знаешь, куда дѣваться отъ остроумія! Вы помните, зтотъ мидельскій, уменьшительный таланткъ, который, для начала, сочинилъ вамъ романчикъ, подъ названіемъ «Бѣдные люди». Нѣкогда, тоже для начала, сочинилъ онъ еще кое-чтѣ, именуемое «Похожденія господина Голядкина». Посмотрите, какъ его бѣдный умъ наши пародисты передѣлали себѣ въ великолѣпное остроуміе.

« — Чтѣ жь? служилъ я не хуже другихъ, не хуже другихъ, сударь ты мой, въ штрахахъ и подъ судомъ не бывалъ, зложелатель, благодаря Всевышняго, не имѣю.... подалъ въ отставку.... ну, чтѣ жь? Вышелъ случай такой, съ кѣмъ не случается?... просто случай вышелъ такой.... Такъ вотъ оно хорошо было бы публиковать, что вотъ-де чиновникъ съ одобрительными аттестатами, титулярный совѣтникъ, — я думаю даже не худо будеть выставить: имѣющій такіе-то и такіе-то знаки отличія.... хорошій чиновникъ-дескать, благонадежный чиновникъ, ищетъ мѣста управляющаго имѣніемъ, преимущественно въ малороссійскихъ губерніяхъ, на выгодныхъ-дескать, для владѣльца условіяхъ.... Да! да! Въ малороссійскихъ губерніяхъ лучше — климатъ теплѣе, да и народъ-то по-проще.... народъ-то по-проще, вотъ оно чтѣ, главное дѣло, сударь ты мой, народъ-то по-проще, вотъ она штука-то какая! А поди-ка, сунься въ костромскую, въ ярославскую.... ухъ! шельма на шельмѣ! Всякій мужикъ туда же грамотъ знаетъ и на каждомъ синій армякъ.... на каждомъ на шельмецѣ-то синій армякъ, вотъ оно чтѣ, вотъ она штука-то какая, вотъ она какая штука-то! Избалованныя губерніи! Нѣтъ, вотъ бы гдѣ-нибудя въ малороссійскихъ, примѣрно въ полтавской; три, четыре тысячонки душъ, съ мельницами, съ фруктовыми садами, со всѣми угодыми, съ господскимъ строеніемъ; а баринъ-то себѣ гдѣ-нибудя за тридцать земель, въ Москвѣ, въ Петербургѣ, въ Парижѣ.... а баринъ-то

« себя въ Москвѣ, а баринъ-то въ Петербургѣ, а баринъ-то себя
 « въ Парижѣ, баринъ то себя за тридцать земель, какъ въ сказкѣ
 « говорится, какъ въ русской-то сказкѣ сказывается.... Ухъ! раз-
 « долъе-то! раздолъе....» Тутъ Петръ Ивановичъ потеръ руки отъ
 « удовольствія, потому что уже, въ самомъ дѣлѣ, почувствовалъ
 « себя управляющимъ такого нѣжня, — на что русскій человекъ
 « очень скоръ.... «Да, только та бѣда, продолжалъ онъ, вдругъ
 « опомнившись, и вновь совершенно опѣшавъ, какъ человекъ,
 « съѣвшій муку: Да, только та бѣда, что никто не возьметъ,
 « за фамилію ни кто не возьметъ.... Управляющій! ужъ въ одномъ
 « словѣ сейчасъ слышится Нѣмецъ, какой-нибудь Карлъ Ивановичъ
 « Бризенмейстеръ, или еще по мудренѣй, такъ, чтобы мужикъ и
 « подумать не смѣлъ выговорить, какъ слѣдуетъ, чтобы у него
 « языкъ поперегъ глотки сталъ. Вѣдь вотъ, будь нѣмецкая фа-
 « милія, хоть подобіе нѣмецкой фамиліи будь.... а то — Блиновъ!
 « на вотъ тебѣ въ самый ротъ — блиновъ! горячихъ блиновъ!
 « подавись!...» И здѣсь герой нашъ въ первый разъ въ жизни
 « пожалѣлъ, что у него русская фамилія, чему онъ сорокъ лѣтъ
 « слишкомъ постоянно былъ радъ, и даже благодарилъ Бога, что
 « и оканчивается она на *овъ*, а не на *скій*. «Да, опять и то,
 « продолжалъ размышлять нашъ герой: осанки такой не имѣю,
 « осанки, соответствующей званію управителя не имѣю, вотъ она,
 « какая бѣда, вотъ она бѣда-то какая надо мной горемычнымъ:
 « осанки, соответствующей званію, не имѣю, — не имѣю осанки
 « званію управителя соответствующей, совсѣмъ осанки такой не
 « имѣю. Нашъ братъ и смотреть-то, какъ-будто все чего-то
 « боится, и идетъ-то, какъ-будто просить прощенія у половниковъ,
 « которые недостойными ногами своими попираетъ, и въ лицѣ
 « такое подобострастіе, такое подобострастіе, что и сказать
 « нельзя, никакъ нельзя сказать, не достанетъ словъ, какъ гово-
 « рится въ хорошемъ слогѣ, на языкѣ человѣческомъ.... вотъ оно
 « что! вотъ оно какое дѣльцо-то! вотъ оно дѣльцо-то казусное
 « какое! Ну, ужъ извѣстно: по какой части пойдешь, съ тою и
 « степень значенія въ лицѣ своемъ соразмѣряешь.... степень-то
 « значенія съ положеніемъ своимъ въ свѣтѣ соразмѣряешь.... А
 « тутъ надобно, чтобы орломъ глядѣлъ человекъ; чтобы на лицѣ
 « было написано, что ему и чортъ не братъ, чтобы дѣйствовалъ
 « смѣло, рѣшительно, на открытую ногу дѣйствовалъ бы, и
 « умѣлъ бы такъ съ откровенностью, не лишеною благородства,
 « и слово-то крѣпкое кстати пригнуть, ну и тамъ что другое....
 « Вотъ оно что! Чтобы какъ выйти, да заговорить ломаннымъ

« своими языкомъ, такъ чтобы мужикъ на него и взглянуть не смѣлъ, а только бы кланялся въ поясъ, да говорилъ: «Слушаю батюшка, Карлъ Ивановичъ!»... Нѣтъ, гдѣ нашему брату!... Развѣ ужъ заняться хожденіемъ по дѣламъ....» Но и хожденіе по дѣламъ оказалось неудобнымъ. Думалъ, думалъ Петръ Ивановичъ, и покончилъ тѣмъ, что какъ ни вертись, службу оставить невыгодно, разорительно, словомъ, неблагоприятно во всѣхъ отношеніяхъ. И такъ, скрѣпя сердце, рѣшился онъ идти въ департаментъ. Будь, чтѣ будетъ! Можетъ и никакой бѣды нѣтъ, можетъ ему только такъ показалось, а въ-сущности ничего! Наконецъ онъ даже дошелъ до заключенія, что можетъ-быть оно даже и хорошо, что начальникъ его увидѣлъ на улицѣ, пожалуй, чѣмъ чортъ не шутить — примуть участіе, вспоможеніе одновременное дадутъ.»

Другіе мирные граждане, которые пишутъ стихи à la Heine, отлично умные люди, сдѣлались тоже жертвой такой же остроумной свирѣпости раздувателей чужаго ума для смѣху. — Стихи à la Heine? вы спрашиваете, чтѣ такое стихи à la Heine? — Какъ! вы этого не знаете? Да это самая удивительная вещь, самые умные стихи, какіе только существуютъ или существовать будутъ! Я васъ научу сейчасъ писать стихи à la Heine... Сущность поэзіи состоитъ здѣсь въ томъ, чтобы свести какіе-нибудь два предмета, между которыми нѣтъ никакого отношенія, ни внутренняго, ни внѣшняго, напримѣръ: Вы говорите по-французки? — Нѣтъ, не говорю; вотъ у меня есть пріятель, который очень не дурно играетъ на скрипкѣ. — Такова сущность Гейневой поэзіи, которая теперь у насъ въ большой модѣ въ стихотворномъ мірѣ. Переложите этотъ разговоръ въ стихи, будутъ à la Heine. У насъ есть нынче неподражаемые поэты въ этомъ родѣ. Называть ихъ по именамъ я не стану: имена всё знаменитыя, извѣстныя свѣту. Зачѣмъ и называть умныхъ людей, которыхъ всѣ знаютъ? Вообразите же теперь, какъ обидно поступаютъ съ ними пародисты! Я приведу вамъ только одно маленькое стихотвореніе, состряпанное ими à la Heine:—

« Съ цвѣткомъ въ рукѣ, блѣдна и одинока,
Облокотясь спиною о роуль,
Она сидѣла... Взоръ ея глубокой
Пронзительно вивался съ мракъ и даль,
И странная кака-то улыбка
Змѣилась по трепетнымъ устамъ.
И всюду тишь... лишь въ отдаленн тамъ,
Качался чолнъ на влагѣ мутно-зыбкой...»

Это безсовестно! А признаться, я самъ началъ было-уже писать стихи въ знаменитомъ родѣ Гейне. Эта поэзія мнѣ ужасно нравится: пиши что вздумается; содержанія не нужно; даже главное дѣло въ томъ, чтобъ его вовсе не было.... Вотъ стишонки, и, кажись, прензрядные, которые написалъ я недавно и только-что собирался напечатать:

«Она одна стояла у окошка,
Глаза ея смотрѣли такъ свѣтло;
По ветхой крышкѣ пробиралась кошка,
И солнышко по старому пекло;
Собака выла; пролетѣла мошка
И крылышкою ударила въ стекло —
А я глядѣлъ на Первое Апрѣля
И тихо думалъ: что за пустомедя!»

Но какъ теперъ печатать! Пожалуй какъ-разъ и мои стихи эти господа раздуютъ такъ, что всё станутъ кататься со смѣху. Чего добраго ждать мнѣ, когда они принялись и за — за кого вы думаете? — за Владиміра Андреевича Бенедиктова!!! Да въдь это — ужасъ! Нѣкто синьоръ Владиміръ Бурнооковъ принялся за него, и вотъ что сдѣлалъ:

РЕВНОСТЬ.

«Есть мгновенья думъ упорныхъ,
Разрушительно-тлетворныхъ,
Мрачныхъ, бурныхъ, адски-черныхъ,
Сихъ — опасныхъ какъ чума —
Расточительницъ несчастья
Вѣстницъ зла, воровокъ счастья
И гасительницъ ума!...

Вотъ въ неистовствѣ разбоя
Въ грудь влохмались, яро-воя —
Все вверхъ дномъ! И цѣлый адъ
Тамъ, гдѣ часъ тому назадъ
Яркимъ, радужнымъ алмазомъ
Пламенѣлъ твой свѣточъ, разумъ!
Гдѣ добро, любовь и миръ
Пировали честный пиръ!

Адъ сей... Въ комъ изъ земнородныхъ
Отъ степей и нивъ бесплодныхъ,
Сихъ отчаянныхъ краевъ,
Полныхъ хлада и сѣговъ —
Отъ Камчатки лдяно-реброй,
До береговъ отчизны доброй, —

Въ комъ онь бурно не кипѣлъ?
 Кто его — страстей изъятый,
 Безсердечіемъ богатый — —
 Не возчествовать посмѣлъ?...
 Адь сей... Ревностью онь кинутъ
 Въ душу смертнаго. Раздвинуть
 Для него широкій путь
 Въ человѣческую грудь!
 Онь гредеть съ огнемъ и трескомъ,
 Онь ласкательно язвѣтъ,
 Все нлымъ кровавымъ блескомъ
 Обольеть — и превратить
 Міръ — въ теньицу, радость — въ муку,
 Счастье — въ скорбь, веселье — въ скуку,
 Жизнь — въ кладбище, слезы — въ кровь,
 Въ ядъ и немаясть — любовь!

Полонъ чувствъ огненпалющихъ,
 Вопіющихъ и томящихъ,
 Проживаетъ человекъ
 Въ страшный мигъ тотъ — цѣлый вѣкъ!
 Вѣнчанъ терніемъ, не ширтомъ
 Молить смерти — смерть бы — рай!
 Но отчаянія спиртомъ
 Налить черепъ черезъ край.
 Рай душъ его смятенной —
 Разрушать и проклинать,
 И книжаловъ всей вселенной
 Мало ярость наплатить!...

Разбой! чистый разбой! Раздувають васъ такъ, что можно лопнуть отъ смѣху. Нѣтъ безопасности ни для какого ума, ни для чего бы то ни было великаго и удивительнаго. Чтѣ видя, Владиміръ Андреевичъ Бенедиктовъ принялъ свои мѣры. Я нахожу ихъ въ высшей степени благоразумными. Вы знаете, какъ удивительно Владиміръ Андреевичъ воспѣваетъ *кудри, перси, очи*. Никто, рѣшительно никто, не воспѣваетъ кудрей, персей и очей такъ очаровательно, какъ Владиміръ Андреевичъ. Изъ кудрей (со включеніемъ косы), онь создалъ особенную поэтическую науку, которую нынче въ его стихотвореніяхъ усердно изучаютъ рациональные парикмахеры: кудри — нечего сказать — онь описываетъ кудри такъ хорошо, какъ-будто самъ ихъ выдумалъ. Перси. — о персяхъ я и говорить не стану — извѣстно, что Владиміръ Андреевичъ первый открылъ перси, вещь чудесную, которой до него никто не видывалъ и которыя описалъ онь на тысячу сто

манеровъ, одинъ блистательнѣе другаго. Очи — ну, очи, вы знаете, какъ великолѣпны въ его стихахъ. Господа раздуватели вздумали вдругъ раздувать перси, кудри и очи Владиміра Андреевича, алмазы нашей поэзіи передѣлывать въ мыльные пузыри. Возможно ли это! позволительно ли это! Но Владиміръ Андреевичъ принялъ свои мѣры. Онъ огородилъ совершенно свои гимны въ честь кудрямъ, персямъ и очамъ отъ посягательства коварныхъ народистовъ: онъ написалъ такую штуку!... такую вещь.... ну, просто сказать, такую, чтобы дуя и во сто трубъ вдругъ, нельзя было раздуть ее ни на волосокъ больше. Вотъ какую штуку; она помещена въ «Новосельѣ» — штука-то называется — *Три искушенія*.

•Въ дни пылкой юности, въ разгулѣ бытія,
Я зналъ три гбелы, — зналъ три предмета я
Всесокружительныхъ: то очи огневыя,
Да кудри темныя, да перси наливныя,
Тѣ очи.... небо въ нихъ являлось; но оно
Въ двѣ черныхъ радуги бровей облечено,
Сокрывъ свою лазурь и яркій блескъ девницы
За облаками въждъ, за иглами рѣсницы,
Подъ сводомъ гордаго, лилейнаго чела —
Мрачилось, гнѣвное; таинственная мгла,
По прихоти, мгновенно покрывала,
Струила дождь и градъ, и молнія метала.

Тѣ кудри черныя.. ихъ страшно вспомнить!
Тѣ кудри.... цѣлый міръ въ нихъ могъ бы утонуть.
Когда бъ онѣ съ главы упали вдругъ разлиты
И бурей взвѣяны, — извиты, перевиты,
Какъ зѣти лютыя, онѣ вились, черны,
Какъ ковы зависти, какъ думы сатаны.
Та черная коса, тѣ локоны густые,
Ихъ волны, пряди ихъ и кольца смоляныя,
Когда бъ раскинуть ихъ, казалось бы, могли
Опутать, окружить, обвить весь шаръ земли,
И цѣлая земля явилась бы черницей,
Въ глубокомъ траурѣ, покрыта власяницей.

Тѣ перси юныя... о! то былъ дивный край,
Гдѣ жили свѣтъ и иракъ, смыкались адъ и рай;
То былъ мятежный край смуть, прихотей, коварства;
То было бурное, взволнованное царство,
Гдѣ не могли сдержать ни сила, ни законъ
Сомнительный вѣнецъ и зыблющійся тронъ;
То былъ подмытый брегъ надъ хлябью океана,

Опасно движимый дыханіемъ вулкана;
 Но жаръ тропическій, но климатъ золотой,
 Но свѣтлые холмы страны заповѣдной,
 Любви неопытной суля восторгъ и вѣгу,
 Манили юношу къ таинственному берегу.»

Каково?!?! Я нахожу это превосходной выдумкой. Иначе съ этими господами нельзя! Ну-ка, господа! попробуйте-ка пораздуть немножко вотъ это? преувеличить эту кашку? сдѣлать изъ этой вещицы пародію? Посмотримъ ваше искусство!

Отлично мудрая мѣра! Остро.... и для себя безопасно.

у с а ч ъ. *Повѣсть П. Фурманна. СПб.-бургъ, 1846, въ тип. Фишона, въ-12., стр. 247.*

Въ особенной комнатѣ у Излера, за столомъ, покрытымъ бутылками, сидѣли трое молодыхъ людей — Андрюша, Ваня и Мишель. Андрюша въ задумчивости чертилъ какой-то вензель на матовой поверхности серебряной вазы, наполненной льдомъ; между-тѣмъ какъ его товарищи говорили всякій вздоръ. Явный признакъ, что Андрюша влюбленъ въ жену своего директора, въ Варвару Петровну Нарокину. Дѣла повидимому идутъ дурно, но Андрюша, разгоряченный виномъ и шутками своихъ пріятелей, предлагаетъ имъ закладъ, что къ осени будетъ въ самыхъ короткихъ сношеніяхъ съ Варварой Петровной. Нѣсколько времени послѣ выхода изъ кандитерской, таинственный незнакомецъ съ рыжими усами подѣзжаетъ къ Андрею Сергѣевичу Быловскому и говоритъ ему хриплымъ басомъ: «Вы были съ объ закладъ — вы проиграете». Послѣ этихъ словъ онъ вскакиваетъ на дрожки и «пара горячихъ лошадей быстро помчалась по торцевой мосто-вой».

« На Думѣ пробило четыре часа.

« Горизонтъ окрасился ярко-желтымъ цвѣтомъ. »

Съ этихъ поръ Усачъ, какъ тѣнь, преслѣдуетъ Андрюшу. Варвара Петровна уѣзжаетъ на лѣто въ Ревель, Андрей Сергѣевичъ за ней, Усачъ за Андреемъ Сергѣевичемъ. Андрей Сергѣевичъ волочится, Усачъ ему мѣшаетъ. Андрей Сергѣевичъ съ балу уходитъ Варвару Петровну въ садъ и на берегу моря объясняется ей въ любви; Усачъ прерываетъ его на самомъ интересномъ мѣстѣ и хриплымъ голосомъ говоритъ Варварѣ Петровнѣ: «Тѣтушка васъ щеть».

Варвара Петровна ѣдетъ на недѣлю въ Гельсингфорсъ; Усачъ обьигрываетъ Андрея Сергѣевича въ-пухъ и въ-прахъ дядюго только, чтобъ онъ не поѣхалъ за ней. Эти безпрестанныя препят-

ствія мало-по-малу подстрекають бѣдную, невинную Варвару Петровну; она уже готова влюбиться, но дѣла Андрея Сергѣевича отъ этого не подвигаются впередъ. Чтò бы онъ ни задумалъ, вездѣ ему мѣшаетъ Усачъ; на каждомъ шагу онъ говоритъ ему хриплымъ басомъ: «Вы проиграете закладъ». Наконецъ Андриуша выходитъ совершенно изъ себя, съ негодованіемъ восклицаетъ: Тыфу ты, рыжіи, — и вызываетъ его на дуэль. Въ поединкѣ есть чтò-то такое, чего я не понялъ. Андриуша убилъ рыжаго; но потомъ рыжіи очень кстати является на сцену въ ту самую минуту, когда Варвара Петровна собирается открыть мужу, что она, по легкомыслію своему сдѣлалась виновницей смерти чловѣка.

« Въ эту самую минуту открываются двери....

« На порогѣ стоитъ Усачъ.

« — Павелъ! вскричалъ супругъ Варвары Петровны.

« — Братъ! вскричалъ почти въ то же время Усачъ.

Братья упали другъ другу въ объятія и дѣло кончается миролюбивымъ образомъ.

Повѣсть написана легкимъ и пріятнымъ языкомъ.

псовая охота. Сочиненіе. Н. Реутта. Сп-бургъ, въ тип. Крайя, 1846, въ-12. Дѣль части, стр. 219—214.

На Руси очень много собакъ, а никто про нихъ ничего не пишетъ; книгъ объ охотѣ очень мало и собачья литература началась у насъ всего съ 1810 года, или, какъ говоритъ авторъ этой книги, «въ 1810 году началось присоединеніе къ русскому «книгопечатанію изданія томовъ и брошюръ объ охотѣ или по-«леваніи.» Г. Реуттъ отзывается вообще съ крайнимъ презрѣніемъ о тѣхъ литераторахъ, которымъ на Руси бѣдныя собаки должны были предоставить составленіе своихъ біографій. Но на этотъ разъ онъ могутъ благодарить судьбу, которая послала имъ такого умнаго и ученаго біографа. У господина Реутта необыкновенная начитанность. Онъ знаетъ все, чтò написано о собакахъ, начиная отъ Аристотеля до Карманной книжки русскаго барина охотника. Онъ все прочиталъ, все разобралъ, все оцѣнилъ. Этого не довольно; онъ вооружился и практическимъ знаніемъ дѣла; онъ самъ воспоминаетъ «событія, какія совершались, когда «звонкая сталь гремѣла подъ копытомъ питомца аравійскихъ «степей; когда книжалъ оспаривалъ у лыхыхъ псовъ побѣду «надъ звѣремъ и, наконецъ, когда роковая пуля не даромъ вы-

« летамъ изъ ибнннго ружья, иныѣ уже заржавѣлаго, ощуща-
 « наго, вѣтхаго, какъ мечъ стараго воина, спокойно отдыхающаго
 « подъ домашнимъ кровомъ ». Кроме-того авторъ проникнуть
 самую пламенную любовью къ своему предмету; онъ посвящаетъ
 цѣлыя длинныя страницы панегирику собаки, приводитъ въ
 свидѣтельство въ Римъ и Грецію и среднїе вѣка, украшаетъ эти
 свидѣтельства приличными цитатами и, въ-добавокъ ко всему
 этому, обладаетъ слогомъ, вполне соответствующимъ предмету.

Книга его самая полная теорїя псовой охоты и потому дѣло
 идетъ собственно о борзой собакѣ, которую онъ разсматриваетъ
 во всей подробности. Авторъ прежде всего опредѣляетъ условїя
 собачьей красоты, потомъ онъ вычисляетъ всѣ признаки хоро-
 шаго, аристократическаго происхожденїя, такъ что по его книгѣ
 каждая порядочная собака безъ всякаго затрудненїя можетъ
 узнать всю свою генеалогїю и самыя интересныя подробности
 о своихъ тетушкахъ и бабушкахъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и свои права
 наибольшее или меньшее уваженїе въ свѣтѣ. Послѣ этого разсматри-
 ваются различныя характеры борзыхъ собакъ, ихъ страсти и
 темпераменты, ихъ любовь и волокитство, интриги и *непозволи-
 тельныя связи*, въ которыя иногда пускаются борзїя красавицы,
 за что въ Англїи обращаются съ ними самымъ неприличнымъ
 образомъ: вообразите, что тамъ, « на этотъ конецъ, мелко ис-
 « крашиваютъ четверть фунта стараго свинцу и приготавли-
 « ютъ съ говяжьейю четыре пшюля, которыя даются *à ses*
 « *dames* утромъ и вечеромъ по одной, втеченіи двухъ дней ». У
 автора есть еще и другое средство, но оно еще хуже, просто
 изъ рукъ вонъ; сейчасъ видно, что это татарское средство; а если
 ужъ Англичане обращаются такъ безсовѣстно съ добрыми соба-
 ками женскаго роду, такъ чего же и ждать отъ Татаръ? Отъ
 этихъ *непозвольтельныхъ связей*, авторъ переходитъ естествен-
 нымъ образомъ къ беременности борзыхъ красавиць, впродол-
 женїи, которой онѣ *требуютъ особенной заботливости и ласко-
 ваго обращенїа*. Описавъ разрѣшенїе отъ бремени, *событіе, со-
 вершившееся послѣ продолжительныхъ ожиданїй и исторгающее*
неподдѣльную радость, авторъ посвящаетъ нѣсколько краснорѣ-
 чивыхъ строкъ родильницѣ, и потомъ уже прямо обращается къ
 воспитанїю маленькихъ щенятъ, съ которыми онъ тоже совѣ-
 туетъ обращаться, какъ можно-ласковѣе. Окончивъ трактатъ о
 воспитанїи борзыхъ юношей, онъ занимается ихъ обѣдомъ, пред-
 лагаетъ правила для комфортабельнаго помѣшенїа, и, наконецъ,

медицинскія пособія для отвращенія различныхъ собачьихъ бѣлъзней.

Во второй части излагаются правила для выбора, воспитанія и выѣздки охотничьихъ лошадей; вслѣдъ за этимъ помѣщено подробное критическое изслѣдованіе о гончихъ собакахъ, а въ концѣ рассматривается травля зайцевъ, козъ, лисицъ и волковъ. Глава о травлѣ зайцевъ украшена эпитафюмъ изъ Шллера: «*S'il n'y avait pas de lièvres, il n'y aurait pas des grands seigneurs.*» Эпитафюмъ очень хорошъ и доказываетъ, что Шллеръ писалъ и по-французски. Вѣкъ живи, вѣкъ учись.

Домашняя жизнь дикихъ козъ даетъ господину Реутту поводъ къ поэтическому описанію:

« Иностранцы доказываютъ, что во Франціи и Германіи, гдѣ
« оленя совокупаются въ то же время какъ на Кавказѣ, за Кав-
« казомъ, въ Сибири и прочихъ мѣстахъ, козы будто парятся съ
« послѣднихъ чиселъ октября, въ ноябрѣ и декабрѣ. Мы не мо-
« жемъ увлечься ни какими посторонними убѣжденіями, зная, по
« достовѣрнѣйшимъ наблюденіямъ, дѣланнымъ въ юго-восточныхъ
« губерніяхъ и на Кавказѣ, что течка сервъ происходитъ рѣши-
« тельно въ августѣ и сентябрѣ. Напрасно думаютъ нѣкоторые,
« что будто только одніе молодые козки начинаютъ тогда ваду.
« Это, именно, есть развитіе жара у всѣхъ, когда самка избираетъ
« мѣсто и зоветъ къ себѣ самца. Вообще она избираетъ кустъ,
« вокругъ котораго бѣгаетъ съ приближеніемъ самца, какъ-бы
« желая уйти отъ него. Между-тѣмъ она манитъ, обольщаетъ
« его, то вертлявыми и быстрыми движеніями, то стройными и
« горделивыми позами; а бѣдный козелъ то промчится, какъ ура-
« ганъ, то остановясь передъ своею прелестницею, склоняетъ го-
« лову, увѣччанную вѣтвистыми рожками, то, наконецъ, подни-
« маясь на дыбки, распростираетъ жаркія объятія; но, увы! одно
« мгновеніе, самки ужъ нѣтъ, она на другой сторонѣ подросли.
« Козелъ опускаетъ пустыми объятіями и, въ знакъ неудоволь-
« ствія, покачиваетъ головою. Смотри на эту игру въ любовныхъ
« похожденіяхъ дикихъ козъ, неволью приходитъ на мысль, что
« не однихъ насъ водятъ за носъ на свѣтѣ. Видно, что по за-
« кону самой природы, носовая проводка нужна для страдательнаго
« сердца, какъ лучъ солнца для распускающагося цвѣтка. Юные
« сподвижники наши, вѣрьте этому правилу и не отчаливайте отъ
« вашихъ желаній въ случаяхъ носовой проводки. Взгляните на
« постоянство козла, онъ въ первыя ночи жертва ея, а потомъ,

« когда свыннется и слюбится, ему приладежить торжество « успѣха! »

Юные сведовики автора невременно воспользуются этимъ совѣтомъ.

Сочиненіе господина Реутта, не смотря на поэтическія отступленія почтеннаго автора, не смотря на слогу, черезъ-чуръ принароленный къ предмету, очень-занимательная книга, и всѣ охотники, безъ-сомнѣнія, *заатужаютъ* на автора, чтобы онъ *заложился* на продолженіе своихъ полезныхъ трудовъ.

ОПИСАНІЕ ШВЕДСКОЙ ПОЛЕВОЙ АРТИЛЛЕРІИ, сочиненіе г. Якоби, поручика прусской артиллеріи. Перевелъ съ нѣмецкаго К. Майдель. СП.-бургъ, въ тип. Артиллерійскаго Департамента, въ 8., стр. VII и 174.

Господинъ Якоби съ давнихъ поръ уже занимается описаніемъ состоянія полевой артиллеріи въ различныхъ государствахъ Европы. Сочиненія его отличаются яснымъ и систематическимъ изложеніемъ предмета. Въ составъ его обширнаго труда до-сихъ-поръ вошли изслѣдованія артиллеріи англійской, нидерландской французской, виртембергской, гессенъ-кассельской, пассауской, шведской, баварской и австрійской. Нѣкоторыя изъ этихъ книгъ уже переведены на русскій языкъ. Господинъ Майдель занялся переводомъ *Описанія шведской полевой артиллеріи*, которая вполне заслуживаетъ это предпочтеніе по самобытности своего характера. Главное отличіе этой артиллеріи заключается въ металлѣ, изъ котораго отливаются полевые орудія. У насъ употребляется для этого мѣдь, или такъ называемый артиллерійскій металлъ, который у Шведовъ замѣняется чугуномъ. Отъ этого шведская пушка тяжеле нашей, потому что хрупкость металла заставляетъ увеличивать толщину стѣны; впрочемъ и на это есть довольно основательная причина, которая заключается въ прекрасныхъ качествахъ шведскаго желѣза. Превжнія короткія гаубицы замѣнены у нихъ укороченными пушками для стрѣльбы гранатами; введено употребленіе лафетовъ съ двойными станинами; для измѣренія дистанціи при выстрѣлахъ употребляется особенный инструментъ, который у насъ извѣстенъ подъ именемъ дальномѣра; но мы прибѣгаемъ къ нему только при съемкѣ мѣстностей. Ко всему этому можно еще прибавить, что огнестрѣльные трубки въ шведской артиллеріи воспаляются посредствомъ особеннаго *фосфорическаго* состава, безъ помощи фитиля.

ЗАПИСКИ О РУЧНОМЪ ОГНЕСТРѢЛЬНОМЪ И ВОДНОМЪ ОРУЖІИ, составленныя прикомандированнымъ къ Павловскому Кадетскому Корпусу лейбъ-воардъи второй артиллерійской бригады поручикомъ Александровымъ. С.П.-бургъ, въ тип. Французской, 1846, въ-12., стр. VI и 196. (Съ чертежами.)

Книга раздѣлена на три части. Первая часть называется теоретическою. Въ ней, послѣ опредѣленія ручнаго огнестрѣльнаго оружія и его составныхъ частей, излагаются правила для расположенія различнаго роду оружія. Сюда входятъ: пѣхотное ружье, саперное, конно-гренадерское и драгунское; ручное огнестрѣльное оружіе для кавалеріи, конно-піонерное ружье, карабинъ, казачье ружье и пистолеть. Послѣ этого слѣдуютъ правила для расположенія составныхъ частей ручнаго; огнестрѣльнаго оружія, то есть, ствола, ложи, шомпола и штыка. Въ отдѣльной главѣ говорится о бѣломъ оружіи и различныхъ его подраздѣленіяхъ. Вторая, техническая часть, послѣ общаго взгляда на оружейные заводы, подробно разсматриваетъ приготовленіе ручнаго огнестрѣльнаго оружія. Нѣсколько отдѣльныхъ главъ посвящено осмотру, повѣркѣ и сбереженію оружія. Техническая часть заключается разсужденіемъ о приготовленіи патроновъ и капсулей. Вотъ любопытный отрывокъ изъ историческаго взгляда автора на оружейные заводы въ Россіи:

« Съ давнихъ временъ, крестьяне въ окрестностяхъ Тулы и
 « Устюжны занимались выдѣлкою желѣза въ малыхъ горнахъ
 « на подобіе кузнечныхъ. Эти крестьяне назывались промышлен-
 « никами; нѣкоторые изъ нихъ были казенные; и еще въ 1595
 « году получили разныя права и привилегіи указомъ царя Тео-
 « дора Іоанновича. Эти льготы подтверждались и увеличивались
 « указами царей Бориса Θεодоровича, Михаила Θεодоровича, Але-
 « ксея Михайловича и Петра-Великаго. Число мастеровъ посте-
 « пенно увеличивалось; они обязывались, цѣлымъ обществомъ,
 « снабжать казну оружіемъ и снарядами, въ извѣстномъ количе-
 « ствѣ и за извѣстную сумму; но этого оружія и снарядовъ было
 « недостаточно, и большое количество ихъ шло изъ-за границы,
 « но значительнымъ цѣнамъ; это поддало мысль иностраннымъ
 « мастерамъ, преимущественно Голландцамъ, устроить въ Россіи
 « чугунные и желѣзные заводы.

« Въ 1632 году Голландецъ Андрей Ваниусъ основалъ первое
 « чугунно-плавильный и водоудѣствующій желѣзо-ковательный за-
 « воды на рѣкѣ Тулицѣ; они назывались «городищенскими» заво-

«данн». Но примѣру ихъ, вскорѣ устроены были заводы въ губерніяхъ тульской, калужской, московской и олонецкой. Заводы эти дѣйствовали съ переменнымъ успѣхомъ, или по недостатку капиталовъ ихъ основателей, или по недостатку лѣса или руды; они, то поступали въ казну, то отдавались частнымъ лицамъ, съ условіемъ снабжать казну извѣстнымъ числомъ оружія, за извѣстную сумму. Несмотря на это, учрежденіе частныхъ заводовъ и выписка иностранныхъ мастеровъ имѣли благодѣтельное вѣдѣніе на улучшеніе отдѣлки желѣза казенными оружейниками, которые въ началѣ осьмнадцатаго столѣтія доставляли въ казну до двадцати-пяти тысячъ ружей въ годъ, остальное, недостающее количество оружія, частію получалось съ частныхъ заводовъ, частію выписывалось изъ-за границы.

«Столь ненадежные способы снабженія войскъ оружіемъ, обратили на себя всеобъемлющее вниманіе Петра-Великаго, и онъ возложилъ прочное основаніе оружейному искусству, учрежденіемъ тульского и сестрорѣцкаго оружейныхъ заводовъ. Въ 1703 году основанъ былъ Петромъ-Великимъ олонецко-петровский заводъ, при которомъ находилась и оружейная фабрика, которая впоследствии была уничтожена.

«Нынѣ въ Россіи находятся три оружейные завода: *тульскій*, *сестрорѣцкій* и *ижевскій*. Бѣлое оружіе готовится частію на *златоустовской фабрицѣ*, а частію на оружейныхъ заводахъ.

«Тульскій оружейный заводъ основанъ, по указу Петра-Великаго, 15 февраля 1715 года. Онъ находится въ городѣ Тульѣ, при слияніи рѣкъ Упы и Тулицы.

«Сестрорѣцкій оружейный заводъ находится въ Выборгской губерніи, на рѣкѣ Сестрѣ, въ двадцати-шести верстахъ отъ Санктпетербурга. Онъ основанъ, по приказанію Петра-Великаго, полковникомъ де-Гениномъ въ 1721 году. Въ это же время были уничтожены небольшіе олонецкіе заводы.

«Ижевскій оружейный заводъ основанъ въ царствованіе Императора Александра-Перваго, въ 1807 году. Онъ находится въ вятской губерніи, въ сарапульскомъ уѣздѣ, на рѣкѣ Ижѣ.

«Нынѣ оружейные заводы состоятъ въ вѣдѣніи генералъ-фельдцейхмейстера и артиллерійскаго департамента. Всѣми заводами завѣдуетъ инспекторъ оружейныхъ заводовъ; а каждый заводъ управляется командиромъ завода, какъ полнымъ хозяиномъ, которой предѣдательствуетъ въ заводскомъ правленіи.

«Оружіе готовится мастерами, которые раздѣлены на

« цѣхи, освобождены отъ всѣхъ повинностей, и получаютъ зарабо-
« чія деньги.

« Каждому заводу, судя по его величинѣ, назначено пригото-
« влять въ годъ, слѣдующее количество оружія :

« Тульскому, по штату 1823 года, отъ пятидесяти до семиде-
« сяти тысячъ ружей.

« Сестрорѣцкому, по штату 1829 года, отъ тридцати до сорока
« тысячъ ружей.

« Для Ижевскаго завода, штата издаво не было, и тамъ приго-
« товлялось до тридцати тысячъ ружей.

« Въ мирное время заводы приготовляли только часть назна-
« ченнаго имъ оружія, а въ замѣнъ остальнаго, приготовлялось
« бѣлое оружіе.

« По вновь составленному положенію для оружейныхъ заводовъ,
« предположено приготовить : тульскому, отъ семидесяти до ста
« тысячъ ружей; сестрорѣцкому отъ двадцати до тридцати тысячъ;
« ижевскому отъ сорока до пятидесяти тысячъ.

« Златоустовская фабрика основана по повелѣнію Императора
« Александра-Перваго, при златоустовскомъ заводѣ въ 1813 году,
« а въ 1819 году начала свои дѣйствія. Для образованія фабрики,
« поселены были въ ней нѣсколько иностранныхъ мастеровъ со-
« лингенской и клингентальской фабрикъ, которые въ 1814 году,
« изъявили на это свое желаніе. Златоустовская фабрика состоитъ
« въ вѣдѣніи златоустовскаго завода, подъ главнымъ управленіемъ
« горнаго начальства, и выдѣлываетъ въ годъ около тридцати-
« пяти тысячъ экземпляровъ бѣлаго оружія. »

Въ третьей, практической части заключается подробная теорія
выстрѣловъ. Здѣсь разсматриваются опредѣленіе полета и даль-
ности выстрѣла, силы, которыя дѣйствуютъ на полетъ пули, по-
ложеніе линіи полета, линія прицѣливанія и точка удара, уголъ
прицѣливанія, сравненіе дѣйствія оружія съ гладкимъ стволомъ
и съ нарѣзками, сила удара пули, отдача и боковое движеніе ору-
жія. Вторая глава посвящена стрѣльбѣ изъ ручнаго огнестрѣль-
наго оружія. Въ заключеніе книги помѣщены подробныя изслѣ-
дованія о дѣйствительности выстрѣловъ или о степени вреда, на-
носимаго непріятелю пальбою. *Записки объ огнестрѣльномъ и бѣ-
ломъ оружіи* составлены со всевозможною полнотою и отлича-
ются яснымъ и систематическимъ изложеніемъ.

И СВѢТЪ МІРУ: кто послѣдуетъ Мнѣ, тотъ будетъ имѣть
свѣтъ жизни. *Духовно-врачебное ученіе, собранное Иваномъ Арн-*

гольдтома, въ пользу сиротъ Ивана и Николая А. С.П.-буревъ, 1846, въ тип. Фишера, въ-8., стр. VI и 213.

Если судить книгу по благимъ намѣреніямъ автора, то это *духовно-врачебное ученіе* заслуживаютъ полнаго уваженія; но вѣчныя истины Священнаго Писанія сами-по-себѣ, въ своей божественной простотѣ, такъ доступны каждому, кто ищетъ въ нихъ утѣшенія, что ихъ, право, не слѣдуетъ разводить сухими разсужденіями.

Объяснять эти вѣчныя, благотворныя истины, указывать слѣпому и немощному человѣчеству, гдѣ оно должно искать своего спасенія, — святая, великая обязанность, которая достается на долю немногимъ избраннымъ, ополченнымъ силою духа и крѣпостью слова; авторъ этой книги не изъ ихъ числа; но его направленіе такъ прекрасно, его намѣренія такъ чисты, что онѣ извиняютъ слабость дарованія; всякій даетъ, что можетъ; и автору никто по-крайней-мѣрѣ не откажетъ въ искреннемъ желаніи добра.

НОВЫЯ ВРОШЮРЫ.

ИСТОРИЧЕСКОЕ ПОХВАЛЬНОЕ СЛОВО КАРАМЗИНУ, произнесенное при открытіи ему памятника, въ Симбирскѣ, августа 23, 1845 года, въ собраніи Симбирскаго Дворянства, Академикомъ М. Погодинымъ. Москва, въ тип. Августа Семена, 1846, въ-8., стр. 65.

Когда сограждане Карамзина воздвигнули ему памятникъ на самой родинѣ знаменитаго историографа, они пригласили господина Погодина, украсить это рѣдкое и замѣчательное торжество похвальнымъ словомъ въ память великому человѣку, который родился между ними. Ученый академикъ исполнилъ эту лестную обязанность съ тѣмъ краснорѣчіемъ и съ той плодовитостью, которыя отличаютъ его историческіе труды. Начавъ съ обзорѣнія русской литературы до Карамзина, авторъ разсматриваетъ во всей постепенности переворотъ, который онъ произвелъ своими трудами въ нашей прозѣ. Отдавъ полную справедливость языку Карамзина, почтенный панегиристъ переходитъ къ его литературнымъ трудамъ, которымъ посвящаетъ полный, отчетливый разборъ. По этому поводу авторъ разсматриваетъ не менѣе подробно *Московский Журналъ* и *Вѣстникъ Европы*, созданные Карамзинымъ. Изъ нихъ, по мнѣнію господина Погодина, *Вѣстникъ Европы*, «какъ былъ, такъ и остался навсегда образцовымъ русскимъ журналомъ, съ которымъ не сравнялся послѣ ни одинъ, хотя вслѣдствіе особыхъ обстоятельствъ, кон-сдѣлался му-

«древне, сложнѣе, — новыхъ требованій, которыя предъявить можно, а исполнить нельзя.»

Отсюда авторъ обращается наконецъ къ тому времени, когда Карамзинъ, «закрывъ глаза, ринулся стремительно въ бездну «русской исторіи»; описываетъ, въ какомъ состояніи находилась эта бездна, и что въ ней было сдѣлано. Вся остальная часть этого похвального слова посвящена историческимъ трудамъ Карамзина, которые авторъ разсматриваетъ *со стороны критики, искусства и науки*. Трудъ ученаго профессора заслуживаетъ всей нашей благодарности, по своей полнотѣ и по безпристрастію, съ которымъ онъ написанъ. Я рѣшаюсь сдѣлать только одно замѣчаніе, которое впрочемъ относится собственно къ тому времени, когда господинъ Погодинъ произносилъ свое похвальное слово въ собраніи симбирскаго дворянства. Тутъ эта прекрасная рѣчь, необходимо должна была потерять большую половину своего достоинства, именно по своей обширности, которая легко могла показаться нѣсколько утомительной почтеннымъ согражданамъ нашего знаменитаго историка.

Очеркъ Чернигова и его области *въ древнее и новое время*. Кіевъ, 1846. — Авторъ излагаетъ въ короткихъ словахъ исторію Чернигова. Онъ принадлежитъ къ самымъ древнимъ городамъ Россіи и основанъ Олегомъ въ 883 году. Во времена нашествія Монголовъ, Черниговъ раздѣлилъ общую участь всей русской земли и платилъ *татарщину* до XIV столѣтія, когда Гедыминъ присоединилъ къ Литовскому Княжеству лѣвый берегъ Днѣпра, а съ нимъ и Сѣверскую Землю. При Іоаннѣ-Третьемъ Черниговъ снова перешелъ къ Россіи, но Царь Михаилъ Феодоровичъ въ 1618 году, уступилъ его по деулинскому договору Польшѣ. Впослѣдствіи, во время Богдана Хмельницкаго, Черниговъ присоединился къ Малороссіи, и семнадцать лѣтъ спустя послѣ уничтоженія Гетманщины, онъ вошелъ, вмѣстѣ съ десятью другими городами, въ составъ черниговскаго намѣстничества. Въ этомъ положеніи онъ находился до 1802 года, когда при образованіи черниговской губерніи, онъ получилъ названіе губернскаго города. Въ заключеніе брошюры помѣщено описаніе Чернигова въ нынѣшнее время.

Чародѣйская понюшка или Сказка о Халифѣ Аустѣ. Въ пяти главахъ, переводъ съ нѣмецкаго, Николая Кривоногова. С.-П.-бургъ, 1846. — «Важно сидѣть на софѣ Багдадскій Халивъ «Казидъ послѣ сытнаго обѣда; онъ отдыхалъ, потому что былъ «шестой день, и послѣ отдыха находился въ хорошемъ рас-

«положеніи духа, ибо курить съ большимъ наслажденіемъ изъ огромной трубки розоваго дерева, прихлебывая по временамъ кофе, который наливалъ ему невольникъ, и когда кофе прихлѣдился ему по вкусу, то онъ съ наслажденіемъ поглаживалъ свою бороду. Въ это время онъ всегда былъ доступенъ, потому что былъ тихъ и великодушенъ и по сей причинѣ навѣщалъ его великій визирь Манзоръ, всегда именно въ это время; въ сей разъ онъ также не преминулъ прійти, — но съ видомъ задумчивымъ, — противъ своего обыкновенія.

«Халифъ отнялъ трубку отъ рта и спросилъ: — Что такъ задумчивъ, Визирь?

«Великій Визирь, сложивъ крестомъ руки, наклонился передъ повелителемъ и отвѣчалъ:

— «Повелитель! задумчиво ли мое лицо, — точно, не знаю; но внизу стоитъ торговецъ,» а я купилъ у него какую-то скверную книжонку, въ которой про насъ съ тобой чортъ знаетъ что написано.

И съ этимъ словомъ великій визирь Манзоръ поднесъ Халифу *Чародѣйскую понюшку или Сказку о Халифѣ Аистѣ*.

Что Нѣмцы пишутъ такую дрянъ, это еще не бѣда; а что Русскіе ее переводятъ, этого я понять не могу. Слава Богу еще, что этотъ переводъ сдѣланъ по-крайней-мѣрѣ на какомъ-то безграмотномъ языкѣ.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Въ Москвѣ вышелъ первый выпускъ *«Исторіи русской словесности»*, составляющей начало публичныхъ лекцій господина профессора Шевырева.

— *«Карманная Библіотека»* продолжается: на-дняхъ явились новыя двѣ части; въ нихъ помѣщена книга Марко-де-Сентъ-Илера: *«Наполеонъ на бивуакахъ, въ Тюильри и на островѣ Святой Елены»*.

— Въ Москвѣ вышла очень хорошая книга подъ заглавіемъ: *«Чтеніе для юношества»*, въ двухъ частяхъ, в господинъ Альбовъ издалъ переводъ *«Фармакогравіи новѣйшихъ лекарствъ, сочиненія Мажандѣ»*, книги чрезвычайно важной для практикующихъ врачей. Здѣсь въ Петербургѣ заслуженный профессоръ Императорской Санктпетербургской Медико-хирургической Акаде-

ми, господинъ академикъ Всеволодовъ издалъ первую часть своего большаго сочиненія, «*Анатомія домашнихъ животныхъ*», предназначаемого, равно и для ветеринарныхъ врачей и хозяевъ, старающихся объ улучшеніи породъ. Наконецъ ученый натуралистъ Императорской Академіи Наукъ, господинъ Менетриѣ, издалъ, вмѣстѣ съ господиномъ Лустонò, вторую часть известнаго учитателямъ нашимъ «Первоначальнаго курса естественной исторіи для дѣвицъ, воспитывающихся въ заведеніяхъ Ея Величества Государыни Императрицы», *Cours élémentaire d'histoire naturelle, à l'usage des établissements de Sa Majesté l'Impératrice*. Но самое любопытное, самое удивительное, самое невѣроятное извѣстіе — то, что, какъ утверждаютъ гдѣ-то, въ какомъ-то журналѣ, и именно русскомъ журналѣ, коротко и ясно, безъ разбору и дальнихъ околичностей, объявили, что господинъ Менетриѣ, сотрудникъ Бера и Брандта, известный Европѣ естествоиспытатель, которому Академія Наукъ поручаетъ свои музеумы и поручала свои важнѣйшія экспедиціи по части естественной исторіи, и который для пользы этой науки извѣздилъ Америку, Азію и Европу, что этотъ человекъ не знаетъ своего дѣла!... не знаетъ дѣла и пишетъ вздоръ! Это никѣмъ неожиданное открытіе — нечего сказать — приноситъ огромную честь тому, кто его сдѣлалъ. Мы поговоримъ обо всѣхъ этихъ книгахъ въ будущемъ мѣсяцѣ подробнѣе.

— «*Бесѣды русскаго купца о торговлѣ*», которыя знали мы прежде въ видѣ летучихъ брошюркъ, собраны въ одно цѣлое и составляютъ обширную и полезную книгу. Первая часть этого сочиненія вышла изъ печати.

=

М А Й 1946.

Боже мой! въ какомъ я горѣ! какая со мной въ прошломъ мѣсяцѣ случилась опечатка! Я вовсе не противникъ опечатокъ: не разъ хвалили мое остроуміе за то, что наборщикъ, не разобравъ моей руки, выставилъ на угадъ первое слово, которое пришло ему въ голову; и тогда какъ я сердился на него за ошибку, на корректора за допущеніе безсмыслицы, остроумные люди были въ восторгѣ именно отъ этой фразы, находили въ ней смыслъ удивительный, кричали: какъ это остро! какъ много! Но въ прошломъ мѣсяцѣ наборщики и корректоры рѣшительно меня зарѣзали: дѣло было важное, совѣмъ нешуточное. Помните ли эту косичку, которую такъ прелестно описалъ В. А. Бенедиктовъ:

Тѣ кудри черныя.... ихъ страшно вспомнать!
Тѣ кудри.... цѣлый міръ въ нихъ могъ бы утонуть.
Когда бъ онѣ съ главы упали вдругъ разлиты
И бурей завъяны,—извиты, перевиты,
Какъ змѣи лютыя. онѣ вилась черны,
Какъ ковы зависти, какъ думы сатаны;
Та черная коса, тѣ локоны густые,
Ихъ волны, приди ихъ и кольца смоляныя,
Когда бъ раскинуть ихъ, казалось бы могли
Опутать, окружить, обвить весь шаръ земли,
И цѣлая земля явилась бы черницей,
Въ глубокомъ траурѣ, покрыта власяницей.

Вы видите, что это косичка, премиленькая косичка! а вмѣсто косички напечатано было кашка. Каюсь, извиняюсь; впередъ славы моей не буду полагать на опечатки, и надѣюсь, что на этотъ разъ, говоря о стихотвореніяхъ, не опечатаюсь.

СТЯХОТВОРЕНІЯ Кольцова. Съ портретомъ автора, его факсимиле и статью о его жизни и сочиненіяхъ, писанною В. Бѣлинскимъ. СПб.-бургъ, 1846, въ тип. Военно-учебныхъ заведеній, въ-12., стр. LXXX, 101 и LXXXIII.

Въ 1838 году явился въ Петербургъ молодой человекъ, котораго возили изъ дома въ домъ, особенно

Тамъ, гдѣ словесность обитаетъ

и показывали какъ сибирскаго мамонта или какъ ученую блоху. Нѣкоторые съ чувствомъ собственнаго достоинства посматривали на его сивій длиннополый сюртукъ, другіе сънисходительной улыбкой разбирали его неуклюжую наружность. И въ самомъ дѣлѣ, онъ былъ очень некрасивъ собой, небольшого росту, мѣшковатъ и сутуловатъ, перазговорчивъ и пеловокъ въ движеніяхъ. Въ домахъ, куда его возили для рѣдкости, онъ былъ совсѣмъ не на своемъ мѣстѣ; бывало входитъ и пробирается въ уголъ, сидеть, и внимательно слушаетъ умныя рѣчи русскихъ литераторовъ, которые наперерывъ старались передъ нимъ выказывать свою ученость, вѣсъ и значеніе въ свѣтѣ, свои благородныя манеры, можетъ быть даже вліяніе на дѣла Европы—словомъ сказать все то, чѣмъ они были выше его и чего за нимъ не подозревали. А онъ въ это время смотритъ на нихъ изъ подлобья, слушаетъ смиренно и внимательно, безъ споровъ, безъ возраженія и только иногда, когда эти великолѣпные ораторы съ немалымъ удовольствіемъ воображали, что вотъ уже совсѣмъ подавили своимъ величіемъ ничтожнаго, полудикаго, заѣзжаго гостя, онъ броситъ на нихъ такой меткій, лукавый и проицательный взглядъ, что этотъ потокъ безконечнаго краснорѣчія вдругъ остановится, хоть на минуту, какъ будто одумываясь, не пора ли ему и честь знать. Этотъ странный молодой человекъ, для котораго русскіе литераторы тратили столько ума и столько величія, который одѣвался такъ дурно и держался такъ неловко, былъ—Кольцовъ, русскій поэтъ и воронежскій прасолъ.

Отецъ Кольцова торговалъ скотомъ и не готовилъ сына въ поэты. Съ самыхъ раннихъ лѣтъ его употребляли уже по *дѣламъ коммерціи*, лѣтомъ—пасты быковъ въ полѣ, зимой продавать ихъ на рынкѣ вмѣстѣ съ работниками. Стало-быть онъ не получилъ никакого воспитанія и только сильное, самостоятельное дарованіе его могло себѣ проложить дорогу чрезъ грязь скотныхъ дворовъ къ чистымъ наслажденіямъ поэтической жизни. Кольцовъ одолевъ все препятствія и проложилъ себѣ эту дорогу, потому что онъ былъ дѣйствительный поэтъ, по природѣ и по

призванію. Его поэзія была не привитое искусство, а необходимая потребность души; и вотъ почему эта поэзія открыла себѣ дорогу, и шла по ней прямо и твердо, не держась и не слушаясь школьнаго правила. Первыя поэтическія впечатлѣнія получилъ Кольцовъ въ степяхъ своей родины, когда онъ, верхомъ на конѣ, съ мѣста на мѣсто перегонялъ стада своего отца. Эта кочевая жизнь ему полюбилась и поэтическое раздолье степи отозвалось во многихъ его стихотвореніяхъ. Онъ всегда любилъ и помнилъ эту степь раздольную, которая

Далеко вокругъ,
Широко лежить,
Ковылемъ-травой
Разстиляется....

Онъ часто ей говоритъ:

Ахъ ты, степь моя,
Степь привольная,
Широко ты, степь,
Пораскинулась,
Къ Морю-Черному
Понадвинулась!

Но отъ этихъ поэтическихъ впечатлѣній до стиха и до поэзіи было далеко, а Кольцовъ учился на мѣдные деньги; онъ ничего не зналъ, ни даже самыхъ легкихъ, обыкновенныхъ правилъ. У него была одна только жажда, читать — и онъ все читалъ, что ему попадалось подъ-руки; на каждую лишнюю копейку онъ покупалъ себѣ книги. Впрочемъ изъ этого беспорядочнаго чтенія онъ не могъ извлечь для себя ничего хорошаго, и познанія Кольцова навсегда ограничились тѣснымъ кругомъ самыхъ обыкновенныхъ вещей. Онъ никогда не выучился грамматикѣ и до конца жизни не зналъ орфографіи. Въмѣсто *въ нихъ*, — онъ ставилъ *внихъ*; если нужно было написать *безтолковый*, онъ писалъ *блѣстолковый*, такъ пишутъ два шлтри изъ извѣстныхъ мѣ романистовъ, которыхъ я чрезвычайно уважаю. А между-тѣмъ его мучила эта вѣчная жажда познанія; пытливый умъ и поэтическая натура Кольцова требовали пищи и удовлетворенія; вѣчные, безотвѣтные вопросы толпились въ его душѣ:

За могилой
Рѣчь безмолвна;
Вѣчной тьмою
Даль одѣта....
Буду ль жить я

Въ безднѣ моря?
 Буду ль жить я
 Въ дальнемъ небѣ?
 Буду ль помнить:
 Гдѣ былъ прежде?
 Что я думалъ
 Человѣкомъ?...

Иль за гробомъ
 Все забуду,
 Смыслъ и память
 Потерю?..
 Что жъ со мною
 Тогда будетъ,
 Творецъ міра,
 Царь природы?...

И съ ужасомъ отступаясь отъ тысячи неразрѣшимыхъ вопро-
 совъ, онъ жарко и сильно молился передъ образомъ Спасителя,
 за дерзкія свои сомнѣнія....

Спаситель, Спаситель!
 Чиста моя вѣра,
 Какъ пламя молитвы!
 Но, Боже, и вѣрѣ
 Могила темна!
 Что слухъ мой замѣнить?
 Потухшія очи?
 Глубокое чувство
 Остывшаго сердца?
 Что будетъ жизнь духа
 Безъ этого сердца?

На крестъ, на могилу,
 На небо, на землю,
 На точку начала
 И цѣли твореній,
 Творецъ всемогущій
 Наклянулъ завѣсу,
 Наложилъ печать:
 Печать та на вѣки,
 Ее не расторгнуть
 Міры, разрушаясь,
 Огонь не растопить,
 Не смоетъ вода!...

Прости жъ мнѣ, Спаситель!
 Слезу моею грѣшной

Вечерней молитвы :
 Во тьмѣ она свѣтитъ
 Любовью къ Тебѣ....

Сначала Кольцовъ подражалъ тѣмъ образцамъ, которые ему попадались подъ-руку и держался, какъ умѣлъ, общаго нашего стихосложенія; но всѣ эти подражанія были неудачны; рима ему не далась; ямбы и хорен какъ-то не ловко ложились подъ его перомъ. Наконецъ Кольцовъ осмотрѣлся и понялъ свое призваніе; онъ страхнулъ эти немногія, сухія правила, которыя съ такимъ трудомъ приобрѣлъ, и заговорилъ своимъ поэтическимъ языкомъ, на ладъ народныхъ русскихъ пѣсенъ. Съ-тѣхъ-поръ онъ сдѣлался настоящимъ поэтомъ, создалъ себѣ громкій, оригинальный языкъ, нашелъ тысячу новыхъ, поэтическихъ оборотовъ. У насъ было нѣсколько стихотворцевъ изъ простолюдиновъ, но только одинъ поэтъ. Слѣпушкины и Алипановы писали тоже стихи и даже лучше Кольцова; по-крайней-мѣрѣ у нихъ гладкіе, правильные стихи съ богатыми римами. Въ этихъ стихахъ есть и Амуры и Венеры, только нѣтъ поэзіи. У одного Кольцова — это умѣнье писать стихи — было не пустое внѣшнее дарованіе, а глубокое, внутреннее призванье души. И потому одинъ Кольцовъ не пошелъ по обыкновенной, битой дорогѣ, не соблазнился ни римами, ни высокопарными фразами, а нашелъ въ самомъ себѣ богатый родникъ живой и звучной поэзіи; не зная грамматики, обогатилъ языкъ новыми, прекрасными оборотами и не думая о правилахъ, писалъ стихотворенія въ родѣ того, которое называется *Косарь*:

Не возьму я въ толкъ....

Не придумаю....

Отчего же такъ

Не возьму я въ толкъ?

Охъ, въ несчастный день,

Въ безталанный часъ,

Безъ сорочки я

Родился на свѣтъ.

У меня ль плечо

Шире дѣдова;

Грудь высокая —

Моей матушки.

На лицѣ носилъ

Кровь отцовская

Въ молокѣ зажгла

Зорю красную.

Кудри черныя
 Лежать скобкою;
 Что работаю —
 Все нив спорится!
 Да въ несчастный день,
 Въ безталанный часъ,
 Безъ сорочки я
 Родился на свѣтъ!

Прошлой осенью,
 Я за Грунюшку,
 Дочку старосты,
 Долго сватался;
 А овъ, старый хрѣнь,
 Заупрямился!
 За кого же овъ
 Выдастъ Грунюшку?
 Не возьму я въ толкъ,
 Не придумаю...
 Я ль затѣмъ гонось,
 Что отецъ ея
 Богачомъ слыветъ?
 Пускай дожь его —
 Чаша полная!
 Я ее хочу,
 Я по ней крушусь:
 Лицо бѣлое —
 Заря алая,
 Щеки полныя,
 Светли молодца
 Съ ума-разума...
 Ахъ, вчера по мѣѣ
 Ты какъ плакала!
 На отрѣзъ старикъ
 Отказалъ вчера...
 Охъ, не свыкнуться
 Съ этой горестью!...

Я куплю себѣ
 Косу новую;
 Отобью ее,
 Наточу ее, —
 И прости-прощай
 Село родное!
 Не плачь, Грунюшка,
 Косой острою

Не подрѣжусь я....
 Ты прости, село,
 Прости, староста:
 Въ края дальніе
 Пойдетъ молодець;
 Что внизъ по Дону,
 По набѣрежью,
 Хороши стоятъ
 Тамъ слободушки!
 Степь раздольная
 Далеко вокругъ,
 Широко лежитъ,
 Ковылемъ-травой
 Разстилается!...
 Ахъ ты, степь моя,
 Степь иривольная,
 Широко ты, степь,
 Пораскинулась,
 Къ Морю-Черному
 Понадвинулась!
 Въ гости я къ тебѣ
 Не одинъ пришелъ:
 Я пришелъ самъ-другъ
 Съ косою острою;
 Миѣ давно гулять
 По травѣ степной,
 Вдоль и поперекъ
 Съ ней хотѣлося....

Раззудись, плечо!
 Размахнись, рума!
 Ты пахни въ лицо,
 Вѣтеръ съ полудня!
 Освѣжи, заволнуй
 Степь просторную!
 Зажужжи, коса,
 Засверкай кругомъ!
 Зашуми, трава,
 Подкошоваля;
 Поклонись, цвѣты,
 Головой землѣ!
 На ряду съ травой
 Вы засохните,
 Какъ по Грунѣ я
 Сохну, молодець!
 Нагребу кощепъ,

Намечу сто́говъ ;
 Дастъ казачка мнѣ
 Денегъ пригоршни.
 Я зашью казну ,
 Сберегу казну ;
 Ворочусь въ село —
 Прямо къ старостѣ ;
 Не разжалобилъ
 Его бѣдностью , —
 Такъ разжалоблю
 Золотой казной!...

Простота и сила этихъ стиховъ бросаются въ глаза. А между-тѣмъ всѣ эти звучныя поэтическія выраженія , всѣ эти новыя, неожиданныя обороты вышли изъ-подъ пера человѣка безграмотнаго , который не умѣлъ написать двухъ строкъ безъ самыхъ грубыхъ ошибокъ. У меня есть письма Кольцова, въ которыхъ съ трудомъ доберешься до смысла ; кажется , будто онъ только въ поэтическомъ вдохновеніи находилъ этотъ живой и оригинальный языкъ, эти высокія мысли, полныя жизни и поэзіи. Когда Кольцовъ понялъ свое дарованіе, онъ пересталъ подражать и сдѣлался поэтомъ; все, что онъ съ-тѣхъ-поръ написалъ, принадлежитъ ему ; онъ ни у кого не занималъ ни мысли , ни языка , а между-тѣмъ много ли на Руси такихъ стихотвореній, какъ *Молодая Жница*, *Урожай*, *Не шуми ты, рожь*, *Два пѣсни Лихача Кудрявича*, *Что ты спишь, мужичокъ*, *Хуторокъ*, *Ночь* и *Лѣсъ*, посвященный Пушкину. Вотъ эти стихи, достойные памяти великаго поэта :

Что дремучій лѣсъ
 Призадумался ?
 Грустью темною
 Затуманился ?

Что Бова-силачь
 Заколдованный ,
 Съ непокрытою
 Головой въ бою , —

Ты стоишь-повникъ ,
 И не ратуешь
 Съ нимолетною
 Тучей-бурею.

Густолиственный
 Твой зеленый племъ

Буйный вихрь сорвалъ —
И развѣялъ въ прахъ.

Плащъ упалъ къ ногамъ
И рассыпался....
Ты стонешь, поникъ,
И не ратуешь.

Гдѣ жъ дѣвалась
Речь высокая,
Сила гордая
Доблесть царская?

У тебя ль — было —
Въ ночь безмолвную
Заливная пѣснь
Соловьиная....

У тебя ль — было —
Дни — роскошество,
Другъ и недругъ твой
Прохлаждаются....

У тебя ль — было —
Поздно вечеромъ
Грозно съ бурей
Разговоръ пойдетъ;

Распахнетъ она
Тучу черную,
Обойметъ тебя
Вѣтромъ-холодомъ.

И ты молвишь ей
Шумнымъ голосомъ:
«Вороти назадъ!
Держи около!»

Закружитъ она,
Разыграется....
Дрогнетъ грудь твоя,
Зашатаешься;
Встрепенувшись,
Разбушуешься:
Только свистъ кругомъ,
Голоса и гулъ....

Буря всплachtetся
Лѣнцемъ, вѣдьмою, --

И песеть свои
Тучи за-морь:

Гдѣ жь теперь твоя
Мочь зеленая?
Почернѣлъ ты весь,
Затуманился....

Одичалъ, замолокъ....
Только въ вѣногодъ,
Воешь жалобу
На безвременье....

Такъ-то, тѣнный лѣсъ.
Богатырь-Бова!
Ты всю жизнь свою
Маялъ битвами.

Не осилили
Тебя сильные,
Такъ дорѣзала
Осень черная.

Знать, во время сна,
Къ безоружному
Силы вражїя
Понахлынули.

Съ богатырскихъ плеть
Свяли голову —
Не большой герой,
А соломенкой....

Кольцовъ не многими годами пережилъ Пушкина, который не задолго до смерти своей такъ дружески прїивѣтствовалъ поэта-прасола. Онъ умеръ въ 1842 году, тридцати четырехъ лѣтъ отъ роду, въ самой сильной порѣ жизни, и кто знаетъ, сколько прекрасныхъ, недосказанныхъ пѣсенъ умерло вмѣстѣ съ нимъ?

Полное изданіе его стихотворенїй очень умно составлено; къ нему приложенъ снимокъ съ почерка Кольцова и его портретъ, довольно похожїй, но нѣсколько приглаженный.

ТРОИАНЪ И АНГЕЛИЦА. *Повѣсть, рассказанная Свѣтлой Девницей Ясному Мьсяцу.* А. Вальтманъ. Москва, 1846, въ тип. Степанова, въ 12., стр. 59.

Авторъ *Сердца и Думки*, одной изъ лучшихъ русскихъ повѣстей, какія я только знаю, въ послѣднее время дарилъ насъ толь-

ко своими прекрасными рассказами въ прозѣ, такъ что мы со-всѣмъ забыли объ его поэзіи; забыли, что Александръ Ивановичъ Вельтманъ съ такимъ же искусствомъ выдумываетъ прелестныя вещи и для стиховъ. Къ-счастію, онъ теперь самъ напомнилъ намъ о своемъ прекрасномъ талантѣ — и вотъ его новая, восхитительная выдумка въ стихахъ.

Ясный Мѣсяцъ, убираясь на покой, встрѣчается съ Свѣтлой Денницей и очень вѣжливо освѣдомляется, что она хорошенькаго подѣлываетъ и гдѣ прогуливалась. Свѣтлая Денница отвѣчаетъ ему, что была-таки кое-гдѣ и видѣла разные чудеса. Ясный Мѣсяцъ, который очень любопытенъ по характеру и любитъ побасенки, проситъ Денницу, рассказать ему что-нибудь до смѣвы съ дежурства. Свѣтлая Денница съ удовольствіемъ соглашается на его предложеніе и спрашиваетъ своего собесѣдника, не знакомъ ли онъ съ княземъ Монмиромъ? Озадаченный этимъ вопросомъ, Ясный Мѣсяцъ призадумался и, наконецъ, говоритъ: «Нѣтъ, кажись не знаю, а быть-можетъ слышалъ.... точно, что-то слышалъ.... именно про князя....» На это Свѣтлая Денница говоритъ ему, не безъ основанія, что онъ больше ничего, какъ соня, ходитъ-себѣ по-небу и ничего не видитъ, а что князь Монмиръ очень хорошій и умный человѣкъ, который въ цѣлую жизнь всего-то разъ сглуновалъ, а именно, женился противъ воли покойной матушки на дочери своего гуверниѣра Радуна, на прекрасной Николѣ. За это ослушаніе князь Монмиръ испыталъ всю несправедливость судьбы. И въ самомъ дѣлѣ, подумаешь, человѣкъ разъ сглуновалъ и за эту единственную глупость съ нимъ ужасъ что дѣлають. Вышелъ случай вотъ какого роду: черезъ девять мѣсяцевъ княгиня родила сына, прелестнаго мальчишку, по имени Трояна. Одна только бѣда, что ребенокъ, по стопосложенію Александра Ивановича, былъ очень «бѣлъ, бѣлѣе снѣга, въ лицѣ ни кровинки.» Эта бѣлизна дотого напугала почтенныхъ родителей, что они пригласили докторовъ на консультацію. Но дѣло извѣстное, чѣмъ больше докторовъ, тѣмъ меньше толку; такъ и здѣсь, — думали, думали и, наконецъ, рѣшили, что

«Рѣшить не смѣють, что здоровъ младенецъ.»

Дѣлать нечего, послали за Обро; а Обро — чудесникъ

«Знахарь подноготный, вѣдаетъ всѣ тайны,
Излучины жизни, здравья и болѣзней.»

Онъ жилъ въ лѣсу, разъ въ годъ выходилъ на солнце и ничего не ѣлъ; даже, когда бывало ему принесть чего-нибудь поку-

шать, онъ всегда говорить: «ѣште сами, я ужъ пообѣдалъ.» Этотъ Обро явился на приглашеніе князя, осмотрѣлъ маленькаго и сгоряча сознался, что отъ-роду не видывалъ этакой штуки; но потомъ спохватился и прибавилъ:

«Хоть видать не видѣлъ, а что знать такъ знаю:
 Это тебѣ, Княже, Божье наказанье!
 Народился чудень и душой и тѣломъ
 Сынъ твой, словно вылить изъ яраго воску,
 Воскомъ и растаетъ отъ яраго солнца!»

Чтобъ оградить мальчика отъ вліянія Солнца, Обро совѣтовалъ князю держать его въ потемкахъ до совершеннолѣтія, пока «не нальются жилки кипучею кровью.» На этомъ основаніи маленькаго Трояна, подъ присмотромъ дядьки Дубравца, заперли въ темное мѣсто.

«Межъ тѣмъ Богъ далъ князю новую радость:
 Наролилась дочка, не младенецъ — диво....»

по имени Ангелица; но и тутъ опять вышла бѣда; эта милая дѣвушка была тоже бѣла, только не какъ снѣгъ, а

«.....какъ пѣна,
 Въ лицѣ ни кровинки, облачное что-то,
 Точно свѣтлый призракъ среди темной ночи.»

На этотъ разъ Обро *скрестилъ руки и, подумавъ, молвилъ*:

«Наказанье Божье, новая забота!
 Вашей Ангелицѣ не опасно солнце,
 А огонь опасенъ, что живетъ внутри насъ,
 А опасна искра, что падетъ на сердце
 И сжигаетъ нѣдры — онъ ее растопить,
 Отъ него изсякнетъ ваша Ангелица!»
 Зарыдали горько князь и Николія.
 — Что жъ мы будемъ дѣлать? — вопрошаютъ старца.
 Дай совѣтъ намъ, старче, спасти Ангелицу!
 «— Мой совѣтъ таковъ вамъ: отвѣчаетъ Обро,
 «Скрыть кудель отъ искры до возраста дѣвы.»
 — Отъ какой же искры?

— «Отъ той самой искры,
 Что въ очахъ таятъ у юношей красныхъ;
 Горе, если встрѣтитъ ваша Ангелица
 До зрѣлости сердца юношескій образъ.
 Лучше пусть не знаетъ мужескаго лица,
 Лучше пусть не видитъ, ни отца, ни брата.»
 Наставленье Обро свято исполнялось.»

То есть, бѣдную Ангелицу отдали на руки женѣ Дубравца, на-

мушкѣ Кованѣ и заперли въ замокъ *Золотая Кула*, гдѣ она воз-
растала

«Мирно и сохраннымъ отъ мужскаго взора.»

Княгиня ее часто навѣщала, съ *коробомъ гостинцевъ*, и тѣшилась своимъ ребенкомъ. «Милая малютка (въ то время это называлось стихами,) будто понимала разницу горячей родительской ласки съ лаской чужаго, холоднаго сердца»:

«Только мама въ двери, вскрикнетъ : мама! мама!
И протянетъ ручки съ радостной улыбкой;
А какъ ѣхать мамѣ, она и заплачетъ
Горькими слезами, — ничѣмъ не утѣшишь,
Выплачетъ всѣ слезы, умается, смолкнетъ,
И во снѣ забудетъ, что у ней есть мама;
Но проснувшись, часто, твердить : тютю, мама!»

Между-тѣмъ время шло своимъ чередомъ; Ангелица перестала говорить : тютю, мама! и просилась на волю; ей хотѣлось хоть изъ-дали, хоть съ башни Золотой Кулы взглянуть на свѣтъ Божій, а если

«Днемъ нельзя. хоть ночью, при мѣсяцѣ ясномъ....»

Ясный Мѣсяцъ, который до этихъ поръ очень учтиво слушалъ Свѣтлую Денницу, не вытерпѣлъ и, наконецъ, спросилъ : какъ при мнѣ?

«— Да при комъ же; ты вѣдь озаряешь ночи.»
— Ну, вѣстимо, что-тутъ, безспорное дѣло,
Не звѣздамъ же тусклымъ эту честь повѣрить:
Много ихъ на небѣ, да въ нихъ толку мало.
Странно только то мнѣ, что я Ангелицы
Не видалъ на башнѣ.»

Тутъ Ясный Мѣсяцъ немножко приостановился; сказать, что онъ ее прозѣвалъ, нельзя, да и не ловко; Свѣтлая Денница, пожалуй, и на-смѣхъ подниметъ; лучше что-нибудь соврать, и Ясный Мѣсяцъ съ адскимъ хладнокровіемъ прибавилъ, что въ это время облака ходили надъ землею и скрыли отъ него Ангелицу; на это ему Свѣтлая Денница на-отрѣзъ объявила, что все это — пустяки! что облака тутъ ни въ чемъ не виноваты, а что онъ, просто, мерзкій лгунишка, да еще и соня. Мѣсяцъ сконфузился, а Денница продолжала свой разговоръ:

Молодой Троянъ, котораго днемъ укладывали спать, увидѣлъ разъ черезъ скважину, солнечный лучъ, отчего

«На стѣнкѣ зайка золотой играетъ.»

Онъ присталъ къ дядкѣ Дубравцу, показать ему солнце или по-

крайней-мѣрѣ, выпустить на воздухъ; послѣ долгихъ переговоровъ съ княземъ Моимиромъ, Троянъ получилъ позволеніе, верхомъ, по ночамъ, рыскать по окрестностямъ. Въ одну изъ этихъ прогулокъ онъ забѣжалъ слишкомъ далеко и увидѣлъ на стѣнахъ Золотой Кулы сестру Ангелицу, принявъ ее за плѣнную царевну и влюбился въ-уши. Здѣсь надобно замѣтить, что Дубравецъ приставилъ къ Ангелицѣ, въ видѣ компаньонки, свою дочь Злату, и потому онъ вообразилъ, когда Троянъ разсказалъ ему объ этомъ ночномъ приключеніи, что *княжичъ*, безъ дальнихъ околичностей, влюбился въ Злату; старикъ не зналъ, что Ангелица по ночамъ шатается на стѣнахъ Золотой Кулы. Поговоривъ съ женой, онъ подумалъ, зачѣмъ же ему упустить такого выгоднаго жениха и сталъ помогать Трояну въ его ночныхъ проказахъ. Послѣ перваго же свиданія Троянъ догадался, что это дѣло нечистое и принялся надувать своего гувернёра, прикинулся *влюбленнымъ*, а между-тѣмъ условился съ Ангелицей бѣжать. Въ назначенный часъ Троянъ явился; все было тихо,

« Будто все уснуло, замерло въ природѣ.

Вдругъ раздался шопотъ: — Здѣсь ли ты, Царевна?

Радость будто теплый вѣтерокъ обвѣялъ

Сердце Ангелицы. — Здѣсь! она вскричала.

— « Тише, тише, гдѣ ты? » — Здѣсь я, здѣсь, мой милый!

— « Тише! дай мнѣ руку! по-скорѣй отсюда! »

И рука съ рукою, юноша и дѣва

Выбѣжали въ поле. Вороной конь подалъ

Голосъ тихимъ ржаньемъ, сѣдока почувялъ.

Всѣхъ Троянъ на коня, »

Вспѣвъ на коня, онъ обхватилъ царевну и поскакалъ, куда глаза глядятъ. Но вдругъ на востокъ небо облилось свѣтомъ; солнце загорѣлось яркими лучами; Троянъ затрепеталъ; онъ увидѣлъ подъ собой раскаленную землю и началъ таять. Въ то же время и надъ Ангелицей сбывалось страшное предсказаніе старика *кудесника*; во взорахъ Трояна для нея *загорѣлась заря и зажгла ей душу*. Еще нѣсколько страшныхъ минутъ.... Ангелица сгорѣла, Троянъ растаялъ. Послѣ этого *они оба замолчали* и позабылись *сномъ непробуднымъ, сновидѣньемъ чуднымъ*. Конь бѣжить по волѣ и прямо примчался къ крыльцу князя Моимира. Князь и княгиня выбѣжали на встрѣчу.

« Всѣ бѣгутъ къ подѣзду,

Гостей съ честью встрѣтить, подъ руки принять ихъ,

Провожать съ почетомъ въ свѣтлыя палаты.

Подожли—»

Передъ ними два трупъ,

« Нѣтъ ни на Трояцѣ, ни на юной дѣвѣ,
Какъ на привидѣньяхъ, образа и лнка.»

Не мудрено; одна сгорѣла, другой растаялъ; не смотря на это

« Чуткое сердце матери узнало
Кровь свою родную въ юношѣ и дѣвѣ. »

Рассказавъ эту печальную исторію, Денница заплакала и, между прочимъ, ожидаетъ благодарности со стороны Яснаго Мѣсяца. Но Ясный Мѣсяцъ хоть бы слово сказалъ, молчитъ, да и только.

«— Чтожъ ни слова мѣсяцъ?» — думаетъ Денница, —

Глядь, а Ясный Мѣсяцъ передъ свѣтлымъ солнцемъ
Поблѣднѣлъ, растаялъ въ небесахъ лазурныхъ.

Вотъ содержанье повѣсти. Александръ Ивановичъ,

Какъ вы уже замѣтили

И вѣрно восхищались,

Рассказываетъ вамъ ее

Не то чтобы стихами, не то чтобы прозою,

А съ позволенія сказать, —

Стихопрозою,

Тѣмъ удивительнымъ размѣромъ,

Который ему уже составилъ славу

На русскомъ Олимпѣ.

Размѣръ удобенъ и не требуетъ насилія

Естественному ходу фразы.

Стихъ такъ ловко спрятанъ, что его не видно, —

А стихъ есть и чудный стихъ! —

Стихъ Александра Ивановича!

Съ перваго взгляду даже кажется,

Что все дѣло въ томъ, какъ напечатать,

То, что перо пишетъ не думая.

Напечатать такъ:

« Но вотъ озарилось мрачное ущелье; надъ скалою высокою
« показала Кула; бѣлыми плитами, какъ кружевомъ, стѣны вы-
« ложены хитро» —

Выходить прелестная проза.

А напечатать такъ:

Но вотъ озарилось

Мрачное ущелье; надъ скалою высокою

Показалась Кула; бѣлыми плитами,

Какъ кружевомъ, стѣны выложены хитро,...

Выходятъ — прелестные стихи;

И съ виду стихи, и прочесть стихи, даже смахиваетъ на гекзаметры.

Впрочемъ, писать такими стихами

Не такъ легко, какъ кажется.

Съ виду штука-то простая,
 А какъ попробуешь, такъ, пожалуй, и не напишешь;
 Но авторъ владѣть этимъ размѣромъ
 Съ особеннымъ искусствомъ; подъ его перомъ,
 При поэтическомъ его воображеннѣ,
 Онъ дѣлается гладокъ,
 Гибокъ и выразителенъ; я не стану
 Указывать на то или другое мѣсто;
 Довольно и тѣхъ выписокъ,
 Которыя я сдѣлалъ; онѣ
 Самы за себя говорятъ.

НИКОЛАЙ АЛЕКСЕЕВИЧЪ ПОЛЕВОЙ. *Сочиненіе В. Бѣлинскаго, СП.-бургъ, 1846, въ тип. Праца.*

Произведеніе носитъ на себѣ всѣ признаки прекраснаго юношескаго возрасту. Богатство общихъ мѣстъ, щегольство чудесными техническими выраженіями, разсыпанными щедрою дланью, впадать—а иногда и не впадать—куда ни попало, чудныя опредѣленія вещей давно извѣстныхъ, искусная ловля новыхъ идей и наивная радость надъ каждою мыслью, которую принимаютъ всегда за великое открытіе, вотъ милыя принадлежности этого завиднаго времени дѣтскихъ вѣрованій и ребяческихъ увлеченій. Составлять приговоры на первыя произведенія такихъ прекрасныхъ юношей, уничтожать ихъ милое очарованіе, ихъ пламенные убѣжденія, всегда пскрвенія и потому невинныя — и жалко и несправедливо; тѣмъ болѣе, если въ этихъ произведеніяхъ видны уже слѣды будущаго здороваго ума, который, современемъ, когда хорошенько поучится, можетъ разцѣрпуться и совершить много хорошаго. Чтò дурнаго, если книжка молодаго автора начинается фразой, въ родѣ слѣдующей: «Всякая сфера дѣятельности безконечно разнообразна и требуетъ различныхъ дѣятелей». Чтò за бѣда, если вы потомъ прочтаете, что «для чтенія нужны книги и журналы». Конечно, эти слова покажутся нѣсколько лишними, но онѣ не менѣе того справедливы. Чтò наконецъ, обиднаго для васъ, если авторъ увѣренъ, что «за Ломоносовымъ «потомство не безъ основанія утвердило имя основателя и отца «русской поэзіи и литературы?» Чтò тутъ обиднаго, я васъ спрашиваю. Не спорю, вы можете сказать, что давно это знаете; но за чтò же отнять у него, у прекраснаго юноши, право, не только знать, но и говорить то, чтò вы знаете? На то онъ—молодой человекъ, а у молодости свои права.

Въ началѣ вамъ говорятъ, что на русскую литературу въ три разныя эпохи ея существованія имѣли большое вліяніе три че-

ловѣка—Ломоносовъ, Карамзинъ и Полевой; а послѣ этого восклицаютъ: «Какъ многихъ оскорбить такое сближеніе именъ!..... « Въ настоящемъ случаѣ мы дѣлаемъ большой рискъ.... Что скажутъ тѣ и другіе?... Что скажутъ всѣ они?» И молодой писатель съ гордымъ увлеченіемъ прибавляетъ: «Пусть говорятъ, что хотятъ: страшнѣ сонъ, да милостивъ Богъ!..... Истина выше людей и не должна бояться ихъ....» Вотъ храбрый молодой человѣкъ! Не бойтесь, юный гевій, идите смѣлѣе впередъ! скромность въ ваши годы, конечно, похвальная черта, но тутъ рискъ еще не такъ великъ, преступленіе не уголовное; сближеніе этихъ именъ ничего не разсердитъ и жертва, которую вы принесли истинѣ, не поведетъ еще васъ на костеръ!

Послѣ этого смѣлаго и рѣшительнаго вступленія разсматривается характеръ и значеніе Ломоносова въ русской литературѣ; поэтому поводу приводится мнѣніе Пушкина о Ломоносовѣ, съ плѣнительной оговоркой, что въ словахъ Пушкина виднѣтъ взглядъ удивительно вѣрный, но тѣмъ не менѣе односторонній. Какъ жаль, что умеръ Пушкинъ! а какъ бы ему пріятно было сочувствіе юнаго поколѣнія Россіи! Затѣмъ еще разъ повторяютъ, не въ обиду вамъ, мои читатели, что «имя основателя и отца русской литературы и поэзіи по праву принадлежитъ этому великому человѣку, то есть, Ломоносову». Сказавъ эту несомнѣнную истину, молодой философъ дѣлаетъ важное открытіе, правду сказать, нѣсколько извѣстное, что Ломоносовъ не былъ поэтъ, а только превосходный стихотворецъ. Тутъ очень кстати и съ большимъ знаніемъ дѣла это слово переводится на латинскій языкъ. О, молодость, молодость! по одной этой чертѣ, я узнаю тебя, счастливое, завидное время нѣмецкой философіи и латинскихъ словъ! По поводу стиховъ Ломоносова, авторъ справедливо говоритъ: «нельзя не согласиться, что въ-отношеніи къ сти-ху, можно подумать, что Державинъ жилъ и писалъ прежде Ломоносова». И я говорю: нельзя не согласиться; это рѣшеное дѣло, извѣстное дѣло, оконченное дѣло; нельзя не согласиться, потому что все это давно уже доказали другіе.

Отъ Ломоносова талантливый юноша переходитъ къ эпохѣ Карамзина: тутъ вы увидите, что слогу Карамзина теперь блѣденъ и безцвѣтенъ; что онъ относится къ настоящему русскому слогу, какъ языкъ новѣйшихъ латинистовъ къ языку Горация и Тацита; это новое воспоминаніе о римской литературѣ очень простибельная слабость молодости. Потомъ авторъ угощаетъ васъ сдѣловскими обидными мѣстами, что Карамзинъ не изъ числа тѣхъ

писателей, которыхъ творенія не умираютъ; при этомъ дѣлается очень милая юношеская оговорка: «Нѣтъ, чему лицензировать!» И въ самомъ дѣлѣ, кто принуждаетъ? Противъ этого дурлага обыкновенія есть даже очень назидательныя дѣтскія прощисы, которыя, вѣроятно, еще не успѣли стереться изъ памяти этого благороднаго молодого человѣка. За этой оговоркой вы прочтаете опять нѣсколько общихъ мѣстъ, что «письма Фонъ-Визина «умѣе писемъ русскаго путешественника, что Карамзинъ увеличилъ число русскыхъ читателей заманчивостью своихъ сочиненій, что имя его всегда будетъ знаменито и почтенно, что стихи его учили наизусть, а повѣсти сводили съ ума всю публику, что нынче этого не дѣлаютъ, что движеніе сообщенное литературѣ Карамзинимъ, было сильно и что оно принесло плоды» и тому подобныя милыя вещи.

Наконецъ, освѣтивъ съ такой новой точки зрѣнія эпоху Карамзина, молодой человѣкъ приступаетъ къ нашему времени, начиная съ появленія Пушкина. Поэтому случаю онъ замѣчаетъ, что «тогда очень естественно многимъ могла прійти въ голову такая дилемма: если сочиненія Пушкина, писанныя вопреки «всѣмъ правиламъ, извлеченнымъ изъ твореній великихъ гениевъ и утвержденныхъ вѣками; если онъ — истинныя поэтскія произведенія, то произведенія нашихъ великихъ поэтовъ (Ломоносова, Сумарокова, Петрова, Державина, Богдановича) писанныя по вѣковымъ правиламъ, уже не истинныя поэтскія творенія». Упростивъ эту удивительную дилемму, выходитъ нижеслѣдующее: если Пушкинъ поэтъ — то Державинъ не поэтъ, или, что всё-равно, только въ другихъ размѣрахъ, если Байронъ поэтъ — то Шекспиръ не поэтъ, если Викторъ Гюгò поэтъ — то Корнель не поэтъ, если Гейнрихъ Гейне поэтъ — то Гёте не поэтъ, и тому подобное, потому что всё эти господа нѣмъ различныя и даже самыя противоположныя понятія объ искусствѣ и писали по различнымъ правиламъ. Поэтому я осмѣливаюсь думать, что такая дилемма естественнымъ образомъ никому не могла прійти въ голову, какъ развѣ только очень молодому человѣку, который еще забавляется составленіемъ дилеммъ.

Наконецъ рѣчь переходитъ къ Полевому: открывается, что онъ былъ отличный журналистъ и ратоборствовалъ въ пользу возникшаго романтизма. Тутъ опять представился прекрасный случай поопредѣлить романтическія школы въ Германіи, Франціи и Англіи, поговорить о Тикѣ и Шлегеляхъ. Если молодой биографъ-философъ знаетъ нѣмецкій языкъ, то ему можно порекомендовать

полезную книгу Мундта, которая составляет продолженіе исторіи литературы Фридриха Шлегеля; тамъ тоже самое говорится о романтическихъ школахъ, только не въ примѣръ подробнѣе и на такой ученый манеръ, что хоть кому можно пылъ въ глаза напустить. Эта книга еще въ Россіи очень мало извѣстна; пусть молодой философъ ее купитъ; можетъ-быть, она пригодится.

Подѣлившись своими познаніями о романтизмѣ, молодой философъ утверждаетъ, что «новѣйшее искусство скорѣе должно стремиться подойти къ древнему, нежели къ романтическому, оставаясь въ сущности ровно ни тѣмъ ни другимъ; что все это теперь ясно, какъ день, а что тогда вопросъ былъ многосложенъ и стоилъ споровъ,» и что Полевой принималъ сильное участіе въ этихъ спорахъ въ своемъ Московскомъ Телеграфѣ. Слѣдуетъ описаніе Московскаго Телеграфа; разсказъ о томъ какъ этотъ журналъ слѣдилъ за движеніемъ новыхъ идей, какъ неустрашимо Полевой сражался съ своими противниками, сколько онъ уничтожилъ авторитетовъ и разныя другія извѣстныя подробности. Тутъ молодой философъ отдаетъ полную справедливость дарованіямъ и неутомимому трудолюбію Полеваго, говоритъ, что въ послѣдніе годы онъ уже ослабѣвалъ, потому что его время прошло, и, наконецъ, сожалеетъ, что онъ «съ перваго же разу не понялъ Гомера - Гоголя и, по искреннему убѣжденію, навсегда остался при этомъ непониманіи.»

Въ заключеніе молодой философъ увѣряетъ, что «статья его ни памфлетъ, ни памфлетикъ, что онъ оцѣнилъ Полеваго *sine ira et studio*» — о молодость! опять латинская фраза! — «что явится много толковъ о Полевомъ, что едва-ли кто признаетъ его тѣмъ, чѣмъ онъ въ самомъ дѣлѣ былъ замѣчательнѣе и что такъ думаетъ онъ,» молодой философъ, который все знаетъ, даже Гомера и Тацита, и, въ-особенности «хорошо знаетъ современную литературу и ея дѣятелей.» Такъ и надобно было кончить; чѣмъ тутъ церемониться? Въ молодомъ философѣ маленькое самолюбіе очень извинительно; не мѣшаетъ даже похвалить себя немножко; все это въ натурѣ этихъ лѣтъ, этого счастливаго возраста.

Я рѣшительно утверждаю, что этотъ молодой философъ — съ головой, что изъ него выйдетъ толкъ, если онъ немножко поучится. Онъ написалъ очень хорошую книжечку; все это, хоть и не ново, но очень мило; попадаются вещицы, извинительныя въ такихъ лѣтахъ, но вездѣ видно много юношескаго жару, много

убѣжденія въ своей мудрости, много довѣря къ словамъ, много живности.

Милое простодушіе и трогательная искренность талантливаго отрока заставляютъ меня, на прощаніе, дать ему отъ добраго сердца маленькій совѣтъ. Онъ ужасно хлопочетъ о разныхъ ученыхъ выраженіяхъ и техническихъ словахъ. На каждой страницѣ попадаются — *эманципация, профанация, субъективная настроенность, публицизмъ, тенденція*, и даже какой-то *новиціантъ*, который — какъ я понимаю — долженъ быть новичекъ; надо отдать справедливость, молодые философы знаютъ нынче такія латинскія слова, о которыхъ Цицеронъ и Тацитъ никогда неслыхивали. Оно, конечно, заманчиво для молодого человѣка; слова все такія мудренныя; только это не хорошо, не красиво, портитъ языкъ; ктому же это старая, обветшавшая *тенденція*, которая теперь сохранилась только у нѣмецкихъ профессоровъ. Люди, дѣйствительно ученые, не прибѣгаютъ къ этимъ варварскимъ словамъ; зная идею науки, они не нуждаются въ ея мундирныхъ выраженіяхъ; *новиціанту* же молодому и неопытному не трудно обмолвиться; эта манера, выказывать свою букварную ученость, напоминаетъ ребенка, котораго послѣ латинскаго урока папашка спрашиваетъ: — Ну Ваня, скажи-ка мнѣ, какъ будетъ родительный падежъ отъ *Jupiter*? *Jupiteris*, что ли? — А умный мальчикъ, не безъ гордости отвѣчаетъ: какъ это можно, папаша? совѣтъ не *Jupiteris*, а *Jovis*. Вотъ этого-то и остерегайтесь, молодой мудрецъ; а то, пожалуй, еще гдѣ-нибудь обмолвитесь и вмѣсто *Jovis*, скажете какъ папаша, *Jupiteris*, вмѣсто *novitius* скажете *noviciantus* и такъ дѣлѣе, а вамъ никто не повѣритъ, что вы это нарочно сдѣлали, вы, который такъ хорошо знаете Гомера!

ГЕТМАНЪ ОСТРЕЯНИЦА, *историческій романъ XVII столѣтія* Василія Кореновскаго. Харьковъ, 1846, въ тип. университетской, съ-12., *дѣль части, стр. 215, 236 и XIX.*

Сухой рассказъ о занимательномъ предметѣ, который для бѣльшей важности названъ историческимъ романомъ. У автора должны быть очень странныя понятія о томъ, что такое историческій романъ, иначе онъ бы не окрестилъ этимъ именемъ своего произведенія. А между-тѣмъ, какаѣ эта выгодная эпоха для романа! Малороссія въ семнадцатомъ столѣтіи, время кровавыхъ смуть и дикихъ набѣговъ, рыцарская Польша и буйная Запорожская Сѣчь, святыни русскихъ церквей, отданная Жидамъ въ аренду, Унія, Езунты.... изъ этого кажется можно было сдѣлать что-

нибудь хорошее; но авторъ рѣшительно ничего не сдѣлалъ. Нѣсколько разъ вы думаете—вотъ начинается романъ, наконецъ зазываются проношества, авторъ серьезно принялся за дѣло — черезъ нѣсколько страницъ вы видите, что напрасно радовались, что авторъ и не думалъ начинать романа, а что сцена, надъ которой вы остановились, пришла тутъ случайно, безъ всякой надобности.

Такимъ образомъ вы прочтаете въ мнимыхъ ожиданіяхъ цѣлую первую часть, если у васъ достанетъ на это терпѣнія и принимаетесь за вторую, которая начинается такъ:

« На берегу Остра, въ березовой рошѣ, бѣлылся новенькій домикъ съ службами, огороженный частоколомъ. Черезъ рѣку, на противоположномъ берегу которой раскидано было нѣсколько мазанокъ и стояла небольшая деревянная церковь, — тянулась длинная плотина, обсаженная явами. Каскады воды, вырываясь изъ деревяннаго жолоба, вращали колеса ветхой мельницы. Мельникъ, Украинецъ, остриженный въ кружокъ, мурлыча заунывную пѣсенку, безопасно глядѣлъ на стан снядковъ, игравшихъ въ водѣ, восклицая по временамъ, когда маленькія рыбки тече-віемъ были уносимы подъ колеса мельницы.

« Ты зѣваешь на снядковъ, Харьку, сказалъ статный бѣлокурый казакъ, одѣтый въ зеленый саетовый кафтанъ, обложенный галунчикомъ. Есть ли кто въ мельницѣ?

« Въ мельницѣ, добродію, сидятъ Панасъ, отвѣчалъ мельникъ, почесывая затылокъ и кланяясь. »

Не правда ли, прочитавъ этотъ отрывокъ, вы думаете, что здѣсь начинается рассказъ, что авторъ не даромъ описалъ этотъ новенькій домикъ, огороженный частоколомъ, что мельникъ, остриженный въ кружокъ, непременно играетъ какую-нибудь занимательную роль въ этомъ романѣ, что статный бѣлокурый казакъ не безъ умыслу его спрашиваетъ, есть ли кто въ мельницѣ? васъ въ особенности подстрекаетъ отвѣтъ, который мельникъ даетъ казаку, кланяясь и почесывая затылокъ, и этотъ таинственный *Панасъ*, который находится въ мельницѣ. Увы! если вы все это думали, вы жестоко ошиблись; мельника этого, вмѣстѣ съ домикомъ, съ мельницей и съ таинственнымъ Панасомъ вы только и видали и больше не увидите.

« Приказавъ, что было нужно, касательно нѣкоторыхъ починокъ и поправокъ въ мельницѣ, казакъ-помѣщикъ пошелъ вдоль плотины къ усадьбѣ. Встрѣтивъ атамана села, онъ долго толковалъ съ нимъ о весеннихъ работахъ въ волѣ; потомъ, зашелъ на

« гумно, находившееся на высокомъ берегу рѣки, возлѣ дороги, противъ самыхъ оконъ дома; осмотрѣвъ одоны съ хлѣбомъ, заглянулъ въ ригу и тихими шагами побрелъ къ своему жилищу. Вдали, по дорогѣ показалась пыль. Казакъ остановился, поджидая всадника, подъѣзжавшаго къ нему. »

Тутъ вы опять обрадовались, вы видите еще возможность снасти романъ и оправдать заглавіе, вы основываете ваши послѣднія надежды на этомъ подъѣзжающемъ всадникѣ — и авторъ на этотъ разъ оправдываетъ ваши надежды: всадникъ дѣйствительно подъѣзжаетъ, говоритъ нѣсколько минутъ съ своимъ пріителемъ казакомъ, на приглашеніе его остаться къ обѣду, отказывается, но за то общается непременно завернуть на обратномъ пути. И больше ничего. Впрочемъ во второй части есть по-крайней-мѣрѣ что то похожее на послѣдовательный рассказъ и интересъ, если онъ существуетъ, сосредоточивается на одномъ лицѣ, на полковникѣ Острияницѣ, котораго въ концѣ этой части выбираютъ гетманомъ, послѣ чего онъ дерется съ Поляками и, наконецъ, погибаетъ на колесѣ. Этимъ трагическимъ происшествіемъ оканчивается такъ называемый историческій романъ господина Кореневского.

РИМСКІЯ ПИСЬМА. *С. П-бургъ, въ тип. III отд. собств. Е. Н. В. Канцеляріи, 1846, въ-12, двѣ части, стр. XII, 406, 392.*

Каждое новое произведеніе автора «Путешествія къ Святимъ Мѣстамъ» обращаетъ на себя общее вниманіе русскихъ читателей, потому что онъ посвятилъ всѣ труды свои краснорѣчивому служенію вѣры и умѣетъ это назидательное содержаніе облечь въ такую привлекательную форму, что всѣ сочиненія его сдѣлались настольными книгами для набожныхъ русскихъ читателей. *Письма изъ Рима* проникнуты тою же высокою мыслию, посвящены тому же прославленію восточной церкви. На колоссальныхъ развалинахъ Рима авторъ съ усердіемъ отыскиваетъ древніе слѣды христіанства и только мимоходомъ упоминаетъ о разрушенныхъ памятникахъ языческаго міра. Съ безпристрастіемъ описываетъ онъ впечатлѣнія, которыя произвело на него церковное служеніе папы въ продолженіи Страстной недѣли и въ первые два дня Свѣтлаго праздника. По окончаніи этихъ праздниковъ авторъ представлялся папѣ.

« Когда окончались дни пасхальныя, удостоился я наконецъ видѣть державнаго святителя, въ собственныхъ его палатахъ, и быть ему представленнымъ, чрезъ посредство нашего посла-

«ника, какъ обыкновенно представляются государямъ, но не такъ
 «какъ посѣщаютъ святителя, епископа или патріарха. Около
 «полудня, въ назначенный день, мы уже были на площади Свя-
 «таго Петра, и не взошли въ палаты по крыльцу Ватиканскому,
 «какъ я сего ожидалъ, но объѣхали кругомъ всей базилики, ко-
 «торая показалась мнѣ еще огромнѣе, и поднялись, по отлогой
 «террасѣ, къ собственному подъѣзду папскому, на вершину холма
 «ватиканскаго, равнаго выотою съ колоннадою площади. Тутъ
 «можно видѣть до какой степени обширенъ дворецъ первосвя-
 «щенниковъ, раздѣленный на многія части, внутренними дворами
 «и садами. Стража швейцарская стояла въ сѣняхъ; мы взошли
 «во второй ярусъ, гдѣ обитаетъ папа, и тамъ, въ первой залѣ,
 «встрѣтила насъ благородная гвардія римская. Пройдя еще нѣ-
 «сколько покоевъ, довольно обширныхъ, но не великолѣпныхъ,
 «взошли мы въ ту комнату, гдѣ находились дежурные всякаго
 «званія, какъ то военные, придворные и духовные чиновики, и
 «домашняя прислуга папы. Насъ ввели наконецъ въ пріемную
 «угловую комнату, передъ самый кабинетъ его, окнами на дворъ
 «ватиканскій, очень простую по своему убранству, и всѣ быв-
 «шіе вышли оттуда, кромѣ одного придворнаго, въ черномъ ве-
 «неціанскомъ платьѣ, который тамъ оставался до появленія
 «папы.

«Онъ вышелъ къ намъ просто, весь въ бѣломъ, отъ головы
 «до ногъ, какъ облакался прежде патріархи іерусалимскіе, пред-
 «почтительно одеждою сего цвѣта. Даже воротникъ поверхъ его
 «шерстяной рясы, который на выходахъ бываетъ всегда пур-
 «пурный, соответствовалъ прочей одеждѣ, и, если не ошибаюсь,
 «въ пасхальные дни и нѣсколько времени спустя, установлено
 «первосвященникамъ носить бѣлое одѣяніе; скуфья же сего папы
 «всегда бѣлая, потому что онъ принадлежалъ къ ордену Камаль-
 «дульскому. Григоріи Шестнадцатый, въ домашнемъ быту своемъ,
 «несмотря на свои восемьдесятъ лѣтъ, не показался мнѣ столь дрях-
 «лымъ, какъ на церемоніяхъ въ храмѣ, и едва можно бы было дать
 «семьдесятъ лѣтъ бодрому и свѣжему старцу, по его поступи и
 «живымъ разговорамъ.—Привѣтливо подходилъ онъ къ каждому изъ
 «насъ, начиная съ посланника, какъ это бываетъ обыкновенно на
 «представленіяхъ царскихъ; необычайнымъ было только то, что
 «мы всѣ, кланяясь, цѣловали руку у сего державнаго старца, не
 «такъ какъ у государя, но какъ у епископа первенствовавшей
 «нѣкогда каеэдры римской и патріарха всего Запада. Римляне
 «обыкновенно простираются ницъ передъ нимъ и цѣлуютъ крестъ

« на его туфлѣ; мы же воздали ему почесть святительскую, и въ
 « подобало его духовному высокому сану, и какъ воздаемъ обы-
 « кновенно нашимъ архіереямъ. Проста и радушна была беседа
 « первосвященника и въ ней выражалась доброта его характера,
 « которая приобрѣла ему общую любовь. Онъ разговаривалъ не-
 « италіянски, болѣе объ искусствахъ и древностяхъ, для коихъ
 « много сдѣлалъ въ Римѣ, о базиликѣ Павловой, столь близкой
 « его сердцу и которую пламенно желаетъ еще при себѣ окон-
 « чить; съ благодарностію упоминалъ о драгоценныхъ яшмахъ и
 « малахитахъ, присланныхъ Государемъ Императоромъ для обно-
 « вляемаго святилища; говорилъ и о великолѣпныхъ колоннахъ
 « желтаго алебастру, которыя получилъ изъ Египта. Приятно
 « было намъ слышать, изъ устъ святителя римскаго, похвалу
 « безкорыстію Русскихъ и уваженію нашему къ святымъ: услы-
 « шавъ отъ посланника, что одинъ изъ представляемыхъ ему
 « былъ правнукъ Суворова, онъ съ большою ласкостію раз-
 « сказалъ, какъ, во время славнаго италіянскаго похода, былъ
 « лично одолженъ нашимъ полководцемъ. Не задолго до прихода
 « Русскихъ, Французы взяли насильственно колокола изъ его Бо-
 « лонской Обители, и онъ послалъ выкупать ихъ въ ставъ рус-
 « ской, послѣ одержанной нами побѣды надъ непріятелемъ; но
 « Суворовъ возвратилъ ему безмездно отнятые колокола, говоря,
 « что Русскіе не торгуютъ святынею. Разсказъ сей дѣлалъ столько
 « же чести тому, кто такъ благородно поступилъ, сколько и тому,
 « кто, на разстояніи почти полувѣка, съ благодарностію вспоми-
 « налъ о томъ его соотечественникамъ.

« Когда кончилось представленіе, папа позвонилъ въ колоколь-
 « чикъ, чтобы позвать опять придворнаго, и привѣтливо подавъ
 « намъ знакъ рукою, самъ удалился въ свой кабинетъ. Мы вы-
 « шли тѣмъ же порядкомъ, какъ и вошли, и въ сосѣдней залѣ
 « нашли другое почетное общество англійское, которое ожидало
 « также представленія папѣ; я несколько подумалъ, какъ трудно
 « должно быть державному старцу, принимать безпрестанно та-
 « кого рода посѣщенія, и вступать въ разговоръ съ людьми, во-
 « все ему неизвѣстными и чуждыми по исповѣданію, что даже
 « иногда довольно затруднительно согласить съ его высочимъ
 « самомъ, царственнымъ вмѣстѣ и святительскимъ.»

Не съ пустымъ любопытствомъ, а подъ вліяніемъ одной и той же высокой мысли, посѣтилъ авторъ всѣ достопамятности Рима, — Ватиканъ и соборъ Святаго Петра, Капитолій, Базилику Латеранскую и гробъ Тасса. Съ благоговѣтельнымъ ужасомъ слушался

онъ въ томъ-же катаномбѣ, поклоняясь могиламъ великихъ мучениковъ Христіанства. Ученый езуитъ Марки былъ его руководителемъ въ священныхъ подземельяхъ Святой Агнесы. Изъ Рима авторъ на короткое время отправился въ Неаполь, восхищался его живописнымъ заливомъ, посѣтилъ Геркуланумъ и Помпею, побывалъ въ Соренто, на роднѣ Тасса и три недѣли спустя возвратился въ Римъ по палестринской дорогѣ. Я указалъ только на богатое разнообразіе этой книги, не входя въ занимательныя и живописныя подробности, которыя авторъ умѣлъ извлечь изъ этого содержанія. Онъ съ рѣдкимъ искусствомъ описываетъ самыя разнородныя предметы, — пышные обряды римскаго двора и римскаго богослуженія, праздники артистовъ, римскіе нравы, памятники классической древности и святыню христіанскихъ церквей. Говоря о кардиналахъ, авторъ описываетъ свое знакомство съ нѣкоторыми изъ этихъ князей западной церкви. Вышешемъ его свиданіе съ кардиналомъ Мецофанти.

« Два раза посѣщалъ я сего замѣчательнаго мужа, явленіе котораго доселѣ единственно, въ мірѣ ученомъ, и едва-ли когда-либо повторится, развѣ если опять изольется даръ языковъ, какъ въ первыя времена христіанства. Кардиналъ Мецофанти говорилъ при мнѣ свободно, на осьми разныхъ языкахъ, очень чисто и правильно выражался по-русски; но такъ какъ онъ привыкъ болѣе къ писанному нежели къ разговорному слогу, занимаясь преимущественно чтеніемъ, то съ нимъ должно употреблять также языкъ книжный, чтобы свободнѣе бесѣдовать. Страсть его къ языкованію столь велика, что и доселѣ, въ преклонныхъ лѣтахъ, продолжаетъ изучать новыя нарѣчія; недавно еще выучился по-китайски, и постоянно ѣздитъ въ пропаганду, чтобы тамъ пріобрѣтать дѣятельный навыкъ, въ бесѣдѣ съ разноплеменными ея питомцами. Я просилъ его дать мнѣ списокъ всѣхъ языковъ и нарѣчій, на которыхъ можетъ онъ выражаться, и онъ мнѣ прислалъ имя Божіе, написанное его рукою на пятидесяти шести языкахъ, изъ которыхъ тридцать европейскихъ, разумѣя въ томъ числѣ и ихъ подраздѣленія или нарѣчія, семнадцать азіатскихъ, уже безъ нарѣчій, пять африканскихъ и четыре американскихъ. Въ лицѣ его какъ будто нечаяно смѣшеніе языковъ, возникшее отъ столпотворенія вавилонскаго, и родъ человѣческой сдѣлался опять однимъ-ли устами, но высокому выраженію Священнаго Писанія. Увидѣть ли ипотомки наши нѣчто подобное? Мецофанти есть одна изъ замѣчательныхъ рѣдкостей Рима».

АНЕКДОТЫ ВСѢХЪ ВѢКОВЪ И НАРОДОВЪ, *собранные и издаваемые* К. С. Б. *СП.-бурскъ*, 1846, въ тип. Э. Враща, въ-12, стр. 454.

Не знаю, для какого рода читателей назначена эта огромная, толстая книга анекдотовъ; кто ее одолжитъ, кто ее прочтетъ? Издатель въ особенномъ предисловіи говоритъ, что онъ и самъ не можетъ опредѣлить число будущихъ томовъ такого же объема, но что втеченіи нынѣшняго году непременно выпуститъ еще такую же штуку; при этомъ онъ скромно общается, что каждая новая часть будетъ еще занимательнѣе предъидущей, а въ заключеніе прибавляетъ, « что если сборникъ этотъ не нравится, то проситъ винить не его, а цѣлый родъ человѣческій, « который впродолженіи семъ тысячъ лѣтъ не сдѣлалъ и не сказалъ ничего умнѣе и забавнѣе». Для доказательства же того, чего родъ человѣческій не сдѣлалъ и не сказалъ умнѣе втеченіи семи тысячъ лѣтъ, я приведу только одинъ маленькій образчикъ:

« Два носильщика, стоя на улицѣ, бранились на чемъ свѣтъ стоитъ. Третій, проходя мимо ихъ, сказалъ: — Послушайте, если бы у насъ не было запрещено мучить животныхъ, то я такъ исколотилъ бы васъ, что трактирщикъ могъ бы начинить вами пирожки безъ дальнѣйшаго приготовления».

Вотъ чего умнѣе не сказалъ родъ человѣческій впродолженіи семи тысячъ лѣтъ.

ПРОГУЛКИ ПО НЕВСКОМУ ПРОСПЕКТУ. *Изданіе* Егора Расторгуева. *СП.-бурскъ*, 1846, въ тип. Краля, въ 12, стр. 131.

Господинъ Егоръ Расторгуевъ гуляетъ по Невскому Проспекту, или, какъ онъ его иногда называетъ, *по невской проспективѣ*, для собственнаго удовольствія, а потомъ пишетъ объ этомъ книжки, тоже для собственнаго удовольствія. На читателей онъ, вѣроятно, не рассчитываетъ; по-крайней-мѣрѣ онъ принялъ всѣ мѣры, чтобъ ихъ не было. Кажется, изъ этихъ прогулокъ можно было сдѣлать что-нибудь занимательное, особенно для пріѣзжихъ, которые нуждаются въ хорошемъ указателѣ Невскаго Проспекта. Судя по оглавленіямъ этихъ прогулокъ, кажется, книга для того и написана. *Дома для пріѣзжающихъ, модные магазины, кафе-рестораны, сигары, фруктовые лавки, торговля винами, кофены, портные изъ Парижа, петербургскіе увеселенія, все что именно нужно для пріѣзжаго.* Но вотъ беда: вы ищете адресъ моднаго портнаго, а прочтете разсужденіе о томъ, что всѣ лучшія квар-

тиры на Невскомъ Проспектѣ заняты иностранными портными, изъ Парижа, что многіе изъ нихъ никогда и не были въ Парижѣ, что у этихъ портныхъ продаются готовые платья, которые очень скоро рвутся, и что отъ этого они наживаютъ много денегъ. Вы только-что прѣехали, вамъ нужна квартира, вы ищете дома для прѣезжающихъ, а вамъ говорятъ, что этихъ домовъ на Невскомъ Проспектѣ очень много, но что всѣ они немовѣрно дороги. Вамъ нуженъ фарфоръ или хрусталь, вы хотите купить себѣ духовъ, или бальное платье для вашей жены: чего же лучше, вотъ цѣлая глава о модныхъ магазинахъ. Увы! вы и тутъ ничего не узнаете; вамъ только говорятъ, что на Невскомъ Проспектѣ очень много прекрасныхъ, блистательныхъ магазиновъ, что французскія мадамы очень много одѣваютъ всякую особу, но что онѣ за это берутъ дорого. И больше ничего.

Всякій можетъ гулять по Невскому Проспекту, но не всякому слѣдовало бы писать объ этихъ прогулкахъ.

АНГЛІЙСКАЯ ИНДІЯ въ 1843 году. Сочиненіе графа Эдуарда Варрена. Издавъ Платонъ Голубковъ. Москва. 1846, въ тип. Селивановскаго, въ 12., т. и части, стр. XV, 473, 484, 523.

Читатели Библіотеки для Чтенія уже знакомы съ сочиненіемъ графа Варрена, по нѣсколькимъ отрывкамъ этой занимательной книги. Нынѣ господинъ Платонъ Голубковъ издавъ полный переводъ *Англійской Индіи*, въ которой столько любопытныхъ свѣдѣній изложено со всею занимательностію романа. Эти свѣдѣнія имѣютъ особенный интересъ для Россіи, которая, по географическому положенію своему, рано или поздно должна принять большое участіе въ торговыхъ сношеніяхъ съ Индіей. Кажется, сама природа указала Россіи важную роль торговой посредницы между Европой и этимъ краемъ, который до-сихъ-поръ оставался исключительнымъ достояніемъ англійской Остъ-индской Компаніи.

Сочиненіе графа Варрена состоитъ изъ двухъ отдѣленій. Первое отдѣленіе можетъ служить дополненіемъ журналу и перепискѣ Жакмона, въ которыхъ заключается превосходное описаніе президентства бенгалскаго и бомбейскаго. Эта умная и прекрасная книга, по смерти автора осталась неконченною. Графъ Варренъ дополнял ее подробнымъ описаніемъ мадрасскаго президентства, этой колыбели англійскаго могущества въ Индіи.

Второе отдѣленіе сочиненія графа Варрена заключаетъ въ себѣ соображенія и догадки автора о будущихъ судьбахъ этого края.

Десяти-лѣтнее пребываніе въ Индіи и личное участіе въ происшествіяхъ этого времени увлекли автора естественнымъ образомъ къ разрѣшенію политическихъ вопросовъ; въ разсужденіяхъ этого роду онъ иногда уступаетъ духу національности и мечты его о будущихъ судьбахъ Индіи, носятъ на себѣ явный отпечатокъ французскаго характера.

ЧТЕНІЕ ДЛЯ ЮНОШЕСТВА, въ пользу учебныхъ заведеній московскаго округа. Москва, 1846, въ тип. Н. Степанова, въ-12., двѣ части, стр. 308, 357.

Разнообразіе содержанія и ясное изложеніе даютъ этой книгѣ право на почетное мѣсто между сочиненіями этого роду. При выборѣ предметовъ авторъ не держался строгой послѣдовательности. Рядомъ съ теоріей свѣта стоитъ описаніе гранита и различныхъ его породъ; за разсужденіемъ о промышленности и мануфактурахъ слѣдуетъ разсказъ о Франклинѣ. А между-тѣмъ въ этой книгѣ больше толку, чѣмъ въ десяткѣ систематическихъ учебниковъ, потому что она, говоря почти обо всемъ, и говоря очень хорошо, очень ясно, никогда не даетъ времени соскучиться, не надѣдаетъ безконечнымъ, сухимъ однообразіемъ. Въ составъ этого сочиненія вошли самые разнообразныя предметы, самая многостороннія свѣдѣнія; тутъ вы увидите картину допотопнаго міра, постепенное образованіе различныхъ пластовъ, начало и развитіе органической жизни. Отсюда авторъ переходитъ къ описанію нашей земли, въ историческомъ, географическомъ и статистическомъ отношеніи. Послѣ этого слѣдуетъ одна изъ самыхъ занимательныхъ частей флоры, за ней нѣсколько любопытныхъ главъ изъ естественной исторіи и разныя полезныя свѣдѣнія по технологіи, промышленности и мануфактурамъ. Все это изложено просто и ясно, безъ притязаній, безъ запутанной и тяжелой учености. Въ концѣ этого сочиненія приложено нѣсколько занимательныхъ новѣтостей. Книга назначена для молодыхъ читателей, которые прочтутъ ее незамѣтно, съ пользою и съ удовольствіемъ.

ФАРМАКОГРАФІЯ НОВѢЙШИХЪ ЛЕКАРСТВЪ, открытыхъ въ последнее сорокалѣтіе. Сочиненіе Мазсанди. Перевелъ Ѳ. Альбовъ. Москва, въ тип. Университетской, 1846, въ-8., стр. 338.

Химія вообще, но преимущественно органическая химія, преобразовала, въ нынѣшнемъ столѣтіи, не только понятія врачей о силѣ и дѣйствіи лекарствъ, но большею частью и самыя лекарства и способъ ихъ употребленія. Одинъ примѣръ химы достаточно

показываетъ родъ и важность перевороту: противолихорадочное дѣйствіе этой коры давно было извѣстно въ медицинѣ: кору выписывали самую свѣжую, хранили съ большими предосторожностями, терли, и такимъ образомъ получали порошокъ, котораго никакъ нельзя было проглотить удобно. Чудесное свойство уничтожать перемежающуюся лихорадку приписывали *кору*. Но, во время континентальной системы, когда политическія сумасбродства новаго повелителя Французовъ прекратили, вмѣстѣ съ привозомъ сахару и кофе и привозъ драгоценной коры въ западныя и южныя гавани европейскаго материка, счастливое изслѣдованіе химиковъ обнаружало, что не кора хины, вся какъ она есть, дѣйствуетъ на эту жестокою болѣзнь, а только одно изъ многихъ веществъ, входящихъ въ составъ коры, именно, заключающаяся въ ней особеннаго роду щелочь, которую отдѣляли, очистили, и назвали *хиновой*. Щелочь эта свойственна не одной хинѣ: она находится и въ нѣкоторыхъ другихъ растеніяхъ, даже европейскихкихъ и можетъ быть получаемая изъ нихъ весьма удобно. Соединенная съ извѣстною пропорціей сѣрной кислоты, она составляетъ *сѣрно-кислую хинину*, и въ этомъ только видѣ болѣе всего полезна, какъ противо-лихорадочное лекарство. Множество другихъ фармакологическихъ снадобьевъ испытали точно такую же судьбу. Понятіа о лекарственной силѣ веществъ дотога измѣнились, что если бы нынче появилась такая болѣзнь, отъ которой, положимъ, нельзя было бы вылечить ничѣмъ болѣе какъ свѣжимъ яйцомъ крокодила, нынѣшняя медицина не обратилась бы къ египетскому пашѣ за драгоценными яйцами и не стала бы торговаться объ нихъ съ его таможенными: химія показала бы ей, что, если крокодиловое яйцо дѣйствуетъ въ этомъ случаѣ полезно, то оно дѣйствуетъ ничѣмъ болѣе какъ только тѣмъ, что заключаетъ въ себѣ гораздо большее противъ куриныхъ яицъ количество фосфористой и сѣрнистой солодковины, или глицеринцы, особеннаго щелочнаго вещества, содержащагося въ солодковомъ корнѣ, и что стоитъ только взять кусокъ этого корня, отдѣлать отъ него это вещество, смѣшать его съ извѣстнымъ количествомъ сѣры или фосфору и, взбивъ со свѣжимъ куринымъ яйцомъ, дать принять больному: дѣйствіе будетъ совершенно то же самое, какъ-будто египетскій паша прислать ему отличнѣйшее яйцо самаго знаменитаго нильскаго крокодила.

Въ нынѣшней фармакографіи извѣстно уже множество такихъ лекарствъ, дотога, что вмѣсто прежнихъ снадобьевъ въ ихъ натуральномъ видѣ, теперь болѣею частью употребляются хими-

честія извлеченія изъ нихъ. Болѣе всѣхъ европейскихъ врачей и физиологовъ, господинъ Мажанди занимался опытами надъ повѣрною дѣйствія этихъ новыхъ лекарствъ, и болѣе всѣхъ онъ способствовалъ къ распространенію ихъ славы въ медицинѣ. Это показываетъ, что сочиненіе, въ которомъ онъ описалъ и оцѣнилъ ихъ, весьма занимательно для врачей. На французскомъ языкѣ имѣло оно множество изданій. Московскій переводъ, одинъ изъ тѣхъ переводовъ, которые такъ удачно названы въ Москвѣ *сплошными*, учиненъ по девятому изданію. Девятое изданіе! Вы навѣрное думаете, подобно московскому *сплошному* переводчику, что это — большая похвала для ученой книги? И вы сплошь ошибаетесь! Это значитъ только, что книга стара, что ей уже за тридцать лѣтъ, что наука далеко опередила ее, и что переводить ее не стоило. Гораздо лучше было взять первое изданіе одной изъ послѣднихъ хорошихъ фармакографій, французскихъ или нѣмецкихъ, и перевести изъ него все что нынче извѣстно о лекарственныхъ веществахъ, добытыхъ химіей по настоящее время изъ натуральныхъ аптечныхъ снадобьевъ. Особенно же не годилось переводить съ девятаго изданія по московской методѣ *сплошныхъ* переводовъ: нрѣдко встрѣчаете вы здѣсь выраженія — *недавно* — *нѣсколько лѣтъ тому* — и тому подобныя, и добродушно думаете, вмѣстѣ съ переводчикомъ, что это въ самомъ дѣлѣ случилось недавно, нѣсколько лѣтъ тому: а между тѣмъ это случилось въ 1815 или 1820 году! Это будь сказано только о случаяхъ, про которые всѣ знаютъ, когда они случились, — потому что въ этомъ *сплошномъ* переводѣ, есть еще и такіе случаи, для которыхъ рѣшительно нѣтъ ни года ни мѣсяца въ календарѣ здраваго смысла. Скажите, напримѣръ, какъ *давно* ученые мужи, *латукъ*, растущій на огородѣ, стали называть *салатомъ*, и притомъ еще *обыкновеннымъ салатомъ*, который, какъ извѣстно, *обыкновенно* не можетъ существовать безъ соли, — отчего и нареченъ онъ *салатъ*, *insalata*, *salata*, *salada*, — не считая уксусу и прованскаго масла? Между тѣмъ, но *сплошной* химія *сплошнаго* московскаго переводу, лактуарій добывается *сплошь* изъ *обыкновеннаго салата*, изъ того, который *обыкновенно* подаютъ вамъ къ жаркому. Если *обыкновенно* салатъ вашъ состоитъ изъ соленыхъ огурцовъ, грибковъ или кориншоновъ, то по силѣ *сплошнаго* переводу *девятаго* изданія фармакографіи *новѣйшихъ* лекарствъ, вы можете добывать изъ нихъ лактуарій: что добудете, то — ваше.

АНАТОМІЯ ДОМАШНИХЪ ЖИВОТНЫХЪ, ПРЕИМУЩЕСТВЕННО МЛЕКОПИТАЮЩИХЪ. Сочиненіе Всеволода Всеволодова, статскаго совѣтника, Императорской Медико-хирургической Академіи академика и заслуженнаго профессора, члена Медицинскаго Совѣта, члена разныхъ ученыхъ обществъ, и разныхъ орденовъ кавалера. СПб.-бургъ, въ тип. Ш. О. К. Внутренней Стражи, 1846, въ-8., стр. IV и 264.

Начало обширнаго творенія, предпринятаго однимъ изъ учѣнѣйшихъ ветеринарныхъ врачей въ Россіи. Въ этой первой части почтенный профессоръ, изложивъ общія понятія объ анатоміи, разбираетъ кожу съ ея принадлежностями, покровы, оболочки, плевы, волосы, и прочая. Твореніе свое назначаетъ онъ для пользы не только ветеринарныхъ врачей, но и сельскихъ хозяевъ, особенно тѣхъ, которые занимаются улучшеніемъ породъ домашнихъ животныхъ. Ученый авторъ намѣренъ слѣдовать въ изложеніи особенной системѣ, которая, боятся онъ, можетъ-быть покажется необыкновенною врачамъ человѣческимъ и нечеловѣческимъ, но онъ вывелъ ее изъ своихъ понятій о животномъ организмѣ вообще, изъ зоологической лѣстницы животныхъ и изъ исторіи развитія организмовъ отъ зародыша до возмужалости. Эту необыкновенную систему почитаетъ онъ за самую полезную для учащихся. Въ пользу ея и всей этой книги для сельскихъ хозяевъ ученый авторъ не такъ твердо увѣренъ, и описанія технологическихъ употребленій разныхъ частей животнаго тѣла онъ допустилъ въ книгу только *для того, чтобы утѣриться: полезно ли основывать народную промышленность на анатоміи, или вредно?* По мнѣнію ученаго автора скотоводство должно необыкновенно усовершенствоваться отъ этого нововведенія.

Сочиненіе будетъ состоять изъ многихъ частей, и надежда почтеннаго профессора и заслуженнаго ученаго, что соотечественники примутъ этотъ новый трудъ его благосклонно, непременно осуществится полною ихъ благодарностью.

COURS ÉLÉMENTAIRE D'HISTOIRE NATURELLE à l'usage des établissements de Sa Majesté l'Impératrice, par E. Ménétriés, maître à l'Institut de Ste.-Catherine, et E. Lous-taunau, maître à l'Institut Patriotique. Ouvrage dédié à Sa Majesté l'Impératrice. Botanique et Minéralogie. St.-Petersbourg, chez Pratz, 1846, 8-vo., pp. XII et 162.

Авторская скромность нигуда не годится съ великими мудрецами, которые все знаютъ по вдохновенію, ничему не учившись,

и все рѣшаютъ по однимъ заглавіямъ. Одинъ изъ учейшихъ и извѣстѣйшихъ въ ученомъ мѣрѣ натуралистовъ Императорской Академіи Наукъ, избранный для преподаванія естественной исторіи юнымъ дѣвцамъ, получающимъ образованіе въ учебныхъ заведеніяхъ, то есть, для сообщенія имъ именно того количества свѣдѣній объ естественной исторіи, какое подобаешь юнымъ дѣвцамъ, сочинилъ для нихъ очень некусно вмѣстѣ съ своимъ сотрудникомъ, краткій курсъ этой науки, небольшое руководство къ зоологіи, ботаникѣ и минералогіи, и выставилъ на книгѣ, изъ скромности, вмѣсто всѣхъ своихъ ученыхъ титуловъ, только свое имя и слова: *maître à l'Institut de Ste.-Catherine*. Этимъ сблизъ онъ съ толку великихъ мудрецовъ. Имъ и въ голову не пришло, чтобы *maître à l'Institut* принадлежалъ къ первому ученому сословію въ Россіи, дѣлалъ труды академіи наукъ и пользовался извѣстностью въ Европѣ за услуги, оказанныя имъ наукѣ: они и рѣшили, что книжка написана *безъ знанія дѣла*, и прочая, и прочая. Въ самомъ дѣлѣ, зачѣмъ перемониться съ маленькими учителями? Зачѣмъ, взявшись быть великимъ мудрецомъ, не воспользоваться появленіемъ ихъ трудовъ, чтобы выдать себя передъ незнающимъ народомъ за глубоко-ученаго мужа, лучше ихъ понимающаго дѣло, съ которымъ не привелось встрѣтиться ни на школьной скамейкѣ, ни въ другомъ мѣстѣ? Урокъ вамъ, ученые! Впередъ выставляйте всѣ свои титулы. На одинъ имена свои, какъ бы они лестно извѣстны ни были въ ученомъ свѣтѣ, не полагайтесь. Великіе мудрецы съ извѣстными именами не знакомы. Ученой вѣжливости они не учились. Какъ-разъ смѣшуютъ васъ съ темнымъ училищнымъ народомъ и отдѣляютъ по-свойски, себя на славу.

О первой части этого первоначальнаго курса, въ которой содержалась зоологія, было здѣсь говорено; во второй, какъ показываетъ заглавіе, изложены ботаника и зоологія. Въ учебныхъ заведеніяхъ на всѣ эти три обширныя науки назначенъ только одинъ урокъ въ недѣлю: нужно было большое искусство, большое соображеніе, большое знаніе дѣла, чтобы сжать три науки въ семьдесятъ часовъ времени и дать юнымъ слушательницамъ достаточное объ нихъ понятіе, чтобы избрать изъ трехъ огромныхъ ученыхъ предметовъ самыя важныя ихъ черты и сообразить избранное съ потребностями дѣвухъ въ естественной исторіи и съ родомъ ихъ образованности. Ученые

сочинители первоначальнаго курса весьма основательно рѣшили, что здѣсь нельзя предпринять ничего болѣе какъ только — изложить будущимъ красавицамъ системы трехъ наукъ въ современномъ видѣ и познакомить ихъ съ языкомъ этихъ наукъ, съ техническими ихъ словами, русскими, французскими и нѣмецкими, то есть, дать дѣвушкамъ средство понимать впоследствии книги объ естественной исторіи, если когда-либо случится имъ читать такія книги, или, что еще полезнѣе и пріятнѣе для будущихъ красавицъ, понимать мудренныя слова по этой глубокомысленной части, когда они встрѣтятся въ романахъ Бальзака, самаго ученаго дамскаго естествоиспытателя. Всѣмъ этимъ условіямъ вполне удовлетворяетъ первоначальный курсъ господъ Менетріе и Лустонд. Системы трехъ наукъ, принятыя въ настоящее время, представлены въ той полнотѣ и точности, какія совместны съ числомъ часовъ и цѣлью преподаванія естественной исторіи въ дѣвичьихъ учебныхъ заведеніяхъ. Исчислены и коротко описаны всѣ предметы, съ названіями ихъ на трехъ языкахъ, представляющіе занимательность для русскихъ естествоиспытательницъ въ домашнемъ быту, въ сельскомъ хозяйствѣ, въ искусствахъ и ремеслахъ. Множество ложныхъ свѣдѣній, пущенныхъ въ оборотъ учебными книжками, исправлены и замѣнены болѣе согласными съ настоящею наукою. Небольшое сочиненіе это назначено, собственно, служить каковою для изустныхъ объясненій преподавателей, которые приносятъ въ классъ любопытнѣйшіе предметы естественной исторіи и, болѣе нагляднымъ образомъ нежели посредствомъ теорій, излагаютъ природу любознательнымъ любительницамъ куколъ; но особенное достоинство труда составляетъ множество и разнообразіе занимательныхъ свѣдѣній (notices), принадлежащихъ самимъ сочинителямъ, изъ которыхъ одинъ, именно Э. О. Менетріе имѣлъ полный случай, и въ свои многочисленныя путешествія по обширѣ полушарій для пользы науки, и по своему ученому положенію, собрать ихъ на-мѣстѣ или почерпнуть въ самыхъ достовѣрныхъ источникахъ.

НОВЫЯ ВРОШКОРЫ.

МАТЕРІАЛЫ для сравнительнаго русскаго словаря. Сочиненіе Самуила Богумила Линде. Варшава, 1846.— Несмотря на старость и болѣзнь, извѣстный польскій ученый Самуилъ Линде до сихъ поръ неутомимо занимается своими полезными трудами. Знаме-
Т. LXXVI. — Отд. VI.

нитый старецъ, который прославился въ Европѣ изданіемъ превосходнаго польскаго словаря, съ рѣдкимъ терпѣніемъ собираетъ матеріалы для Сравнительнаго Русскаго Словаря. Многіе изъ этихъ матеріаловъ приведены въ порядокъ; буквы Б, В, Г, Д, Е, Ж, З, уже составлены; для остальныхъ работа съ успѣхомъ подвигается впередъ. Господинъ П. М. издалъ первый выпускъ буквы К. Этотъ маленькій отрывокъ еще не можетъ дать полнаго понятія о громадныхъ трудахъ польскаго ученаго, но онъ служитъ доказательствомъ добросовѣстности его обширныхъ и многостороннихъ изслѣдованій, по тѣмъ, довольно ограниченнымъ и неудовлетворительнымъ матеріаламъ, которые были у него подъ рукою.

Крупу или перепончатая жаба у дѣтей и ея леченіе. Сочиненіе доктора медицины А. Никитина. СПб.-бургъ, 1846.—Крупу—самая обыкновенная вещь въ Петербургѣ, который своимъ прекраснымъ климатомъ, болотистымъ грунтомъ и низменнымъ положеніемъ принялъ кажется подъ свое особенное покровительство всѣ болѣзни этого роду. Къ-счастью всѣхъ петербургскихъ дѣтей, для которыхъ крупа самый страшный бичъ, самый опасный врагъ, одинъ изъ опытныхъ и лучшихъ нашихъ врачей, господинъ Никитинъ взялся остановить нѣсколько насильственные визиты этой болѣзни; онъ издалъ полное, ясное описаніе крупу, со всѣми ея примѣтами, то есть, составилъ ему самый подробный и отчетливый паспортъ, по которому теперь всякій его узнаетъ; да не только узнаетъ, но въ то же время и выпроводить, по принадлежности, потому что въ концѣ брошюры изложено ясно и подробно леченіе этой болѣзни.

О духовномъ образованіи земледѣльческаго класса въ Россіи, въ отношеніи къ ея благосостоянію. СПб.-бургъ, 1846.—Хотите ли улучшить благосостояніе крестьянъ?—учите ихъ грамотѣ; хотите ли уничтожить пьянство?—выучите всю Россію читать. Но какъ это сдѣлать?—начните съ дѣтей. Дѣти не любятъ учиться; это оттого, что вы ихъ учить не умѣете; надобно ихъ заохотить къ ученію, написать для нихъ хорошіе и занимательные буквари, а главное дѣло, достать отличныхъ учителей. Вотъ содержаніе этой брошюры. А какъ все это устроить, какъ привести въ исполненіе, объ этомъ ни слова; авторъ такими пустяками не занимается; онъ только говоритъ, что для улучшения благосостоянія крестьянъ, нужно имъ дать образованіе; онъ толь-

ко приглашаетъ содѣйствовать великой цѣли просвѣщенія въ нашемъ отечествѣ, но отъ этого приглашенія, какъ бы оно ни было любезно, еще дѣло, кажется, мало подвинется впередъ.

ЖЕНИХЪ ВЪ ОСТАВКѢ. *Шутка-комедія въ одномъ дѣйствіи, сочиненіе П. Татарина, СП.-бургъ, 1846.*

ПРОКАЗЫ ВЪ ЛЮБЛЕННАГО НА КОЗЬЕМЪ БОЛОТѢ. *Шутка-водевиль въ одномъ дѣйствіи. Сочиненіе П. Татарина. СП.-бургъ. 1846.*

Между этими двумя произведеніями того же автора состоитъ слѣдующая разница: одно изъ нихъ — шутка-комедія, а другое — шутка-водевиль; въ шуткѣ-комедіи нѣтъ куплетовъ, почему она и попала въ комедію, а въ шуткѣ-водевилѣ есть куплеты; шутка-комедія посвящена его высокоблагородію Терентію Ивановичу Тронину, а шутка-водевиль не удостоилась этой чести. Въ комедіи у любовника есть соперникъ, по прозвищу Кочерыжкинъ, а въ водевилѣ, по имени Пулькинъ. Въ шуткѣ-комедіи одураченнаго Кочерыжкина спрашиваютъ, не сердится ли онъ; Кочерыжкинъ отвѣчаетъ: — Ни сколько, а надобно спросить не сердится ли здѣсь? и при этомъ онъ показываетъ на публику. Тутъ ему всѣ дѣйствующія лица говорятъ: — На кого же? — а онъ очень тонко отвѣчаетъ: на автора!! Въ шуткѣ-водевилѣ этой тонкости нѣтъ, но зато есть финальный куплетъ, съ приличнымъ обращеніемъ къ публикѣ:

Когда же вмѣсто поощренья
Вы вдругъ ошिकाеае насъ. (.)
Тогда нашъ авторъ, безъ-сомнѣнья,
Предъ вами будетъ—просто пасъ.

Ну, ужъ это черезъ-чуръ скромно, зачѣмъ же ему быть просто пасъ; можно быть и—съ чѣмъ-нибудь пасъ.

Вообще въ шуткѣ-комедіи больше достоинства, зато шутка-водевиль по-остроумиѣе будетъ; одна очевидно написана для поднесенія какому-нибудь значительному лицу, а другая больше—такъ, для собственнаго удовольствія, или для славы.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

— Изданіе *Всемирной исторіи Беккера* продолжается; на-дняхъ явилась шестая часть, въ которой заключается средняя исторія отъ Рудольфа Габсбургскаго до открытія Америки.

— Въ Одессѣ переводятся *Энеида Виргилія*, которая выходитъ отдѣльными пѣснями; здѣсь получена четвертая пѣсня.

— Первое изданіе *Бесѣдъ о мнимомъ старообрядствѣ* все разошлось; на-дняхъ уже вышло второе.

— Милый и остроумный Абракадабра «обогадилъ» русскую литературу за прошедшій мѣсяць двумя новыми тетрадами своихъ *Юмористическихъ разсказовъ*, съ старыми политипажами изъ Иллюстраціи.

— На-дняхъ вышелъ Московскій Сборникъ, вторая часть «Петербургскихъ вершинъ» Буткова, «Вакфильдскій священникъ» прекрасный иллюстрированный романъ для юношества и кое-какіе вздоры московскаго рукодѣля. Объ нихъ поговоримъ въ слѣдующемъ мѣсяцѣ.

=

VII.

С М Ъ С Ь.

=

ЭЛЕКТРИЧЕСКІЕ ТОКИ, ПРОИЗВОДИМЫЕ ЗВУКОВЫМИ ВИБРАЦІЯМИ.
Опыты господь Эрманна и Сулливена. Каждый день болѣе и болѣе приближаетъ насъ къ той эпохѣ, когда названій электричества, гальванизма и магнита не станетъ въ языкѣ науки и они будутъ замѣнены простымъ и яснымъ выраженіемъ: *вибрація атомовъ*. Въ этомъ журналѣ давно и неоднократно, когда еще не думали о связи электричества со звукомъ, изъясляемо было мнѣніе, что электричество будетъ произведено звукомъ и наоборотъ, звукъ электричествомъ, что и въ звукъ и въ электричество дѣйствуетъ одна и та же сила, что въ природѣ нѣтъ отдѣльной силы или жидкости для произведенія явленій электричества, гальванизма или магнитности, и что, наконецъ, всѣ эти явленія, такъ же какъ и колебанія издающей звукъ струны, суть простое слѣдствіе *механическихъ толчковъ атомовъ, приведенныхъ въ вибрацію*, и совершаются по общимъ законамъ вибрацій, безъ всякаго особеннаго чуда. Человѣкъ знаетъ одну только *механическую силу* въ природѣ, которая въ состояніи *производитъ формы*: это — *вибрація атомовъ*, обнаруживающаяся для насъ *вибраціей поверхностей*, изъ чего между прочимъ возникаетъ звукъ. Чтобы поверхность тѣла могла *вибрировать* и *производитъ формы*, которыхъ весьма небольшая часть давно извѣстна подъ названіемъ «*фигуръ Хладни*» нужно непременно, чтобы всѣ атомы этого тѣла *вибрировали* и чтобы въ массѣ ихъ образовались точно такія же формы, какія показываетъ песокъ, разсыпанный по поверхности. И доселѣ еще не обращаютъ всего должнаго вниманія на это важное и

чудное, но между-тѣмъ совершенно простое, чисто-механическое свойство вибрирующихъ атомовъ *производитъ формы въ матеріи изъ матеріи же*, по своимъ неизбѣжнымъ, математически вѣрнымъ и постояннымъ законамъ. Между-тѣмъ сила, творящая формы, явственно должна быть основная, и общая единственная самобытная сила природы, которая только то и дѣлаетъ, что творить формы. Не удивительно ли, и не просто ли: стоитъ лишь дать толчокъ одному атому матеріи, чтобы всѣ атомы той же матеріи пришли мгновенно въ качательное движеніе посредствомъ сообщенія этого толчка другъ другу, и чтобы въ матеріи мгновенно образовалась изъ нея же форма, свойственная роду толчка и внутреннему расположенію атомовъ? Все въ природѣ толкается миллионами различныхъ образовъ, слѣдовательно, все вѣчно вибрируетъ миллионами различныхъ родовъ вибрацій, и все безпрестанно производитъ миллионы различныхъ формъ. Сцѣпленіе и раздѣненіе атомовъ, другими словами, сложеніе и разрушеніе формъ или такъ-называемое *химическое дѣйствіе*, не могутъ быть слѣдствіемъ ничего другаго, какъ только той же вибраціи атомовъ, точно такъ же какъ и другія явленія или предполагаемыя силы, электричества, гальванизмъ, магнитность, свѣтъ, теплота, и прочая. Здѣсь всегда тщательно были записываемы всѣ факты, болѣе или менѣе явственно подтверждающіе эту простую мысль, которой не должно смѣшивать съ давно предлагаемою мыслью о вибраціи зѣира: самый зѣиръ — предположеніе, а предположеній на предположеніе дѣлать не стоитъ. Мы говоримъ, просто, о вибраціи атомовъ земныхъ тѣлъ, о той вибраціи, которая, происходя внутри тѣлъ, чувствуемъ нашимъ обнаруживается на ихъ поверхности, сотрясающейся, колеблющейся и волнуемой. Можно напомнить — опытъ профессора Деларива, который замѣтилъ, что когда сильный электрическій токъ проходитъ по упругой проволоцѣ, эта проволока начинаетъ вибрировать, иногда примѣтно для глаза. Впослѣдствіи указано здѣсь было на недавнее открытіе, что магнитностью можно привести упругіе металлическіе пруты въ такую сильную вибрацію, что они издають явственный звукъ и, именно, ту же самую ноту, которую вы получите изъ нихъ посредствомъ грубаго механическаго толчка, или удара молоткомъ. Нынче, господа Эрманпъ и Sullivan, одинъ въ Европѣ, а другой въ Америкѣ, въ одно и то же время удостовѣрились, что звучащіе отъ простыхъ ударовъ металлическія струны и пруты обнаруживаютъ присутствіе электрическихъ токовъ во время продолженія звуку и дѣйствуютъ на магнитную

струнку точно такъ же, какъ гальваническіе приборы. Разумѣется, что отъ *невѣсомыхъ жидкостей* не скоро откажутся: трудно разстаться съ любимыми теоріями. Едва извѣстіе объ этихъ открытіяхъ распространилось, какъ уже многіе нытаются объяснять эти токи *теплотою*, возбужденною яко-бы въ струнахъ и прутьяхъ ударами и сотрясеніемъ, какъ-будто теплота не можетъ сама быть родомъ вибраціи атомовъ, доведенной до особеннаго напряженія. Вскорѣ еще окажется, и это неизбѣжно, что вибраціи можно изолировать, что имъ можно дать извѣстное направленіе, такъ чтобы онѣ образовали токъ, что ихъ можно нагнать въ тѣло такъ, что это тѣло съ приближеніемъ къ нему руки произведетъ *ударъ*, толчокъ, который будетъ не что иное какъ сумма всѣхъ толчковъ вибрирующихъ атомовъ, вдругъ остановленныхъ въ качаніи своемъ прикосновеніемъ руки къ одному или нѣсколькимъ изъ нихъ, и прочая, и прочая.

ТЕПЛОТА ЛУННАГО СВѢТУ. *Опыты господина Меллона.* Извѣстно, что на основаніи опытовъ прошедшаго столѣтія, физика совсѣмъ отказываетъ лунному свѣту въ теплотѣ. Господинъ Меллонъ, пожелавъ повторить эти опыты, удостовѣрился въ коренной ихъ невѣрности. Принявъ нужныя предосторожности, чтобы самыя инструменты, употребляемые при опытѣ, не отнимали у луннаго сіянія той теплоты, которая можетъ въ немъ заключаться, онъ получалъ, смотря по возрастамъ луны, отъ $\frac{1}{2}$ до 4 градусовъ Цельсія тепла, собственно принадлежащаго лучамъ ночнаго свѣтила.

ВЛИЯНІЕ ПОЧВЫ НА ЗДОРОВОЕ КАЧЕСТВО РАСТЕНІЙ. *употребляемыхъ въ пищу.* *Опыты господина Бушардъ.* Подробности этихъ опытовъ еще мало извѣстны, но вотъ общій ихъ результатъ: чѣмъ хуже и бѣднѣе почва, то есть, какъ говорятъ земледѣльцы, чѣмъ болѣе она *выпахалась*, тѣмъ болѣе плоды ея заключаютъ въ себѣ веществъ, вредныхъ для здоровья человека. Общее правило: почва должна быть хорошо удобряема не только для того, чтобы она производила большее количество и болѣе питательныхъ растеній, но и съ тою цѣлью, чтобы растенія эти производили менѣе болѣзней въ человѣкѣ.

РАСТИТЕЛЬНАЯ СЛОНОВАЯ КОСТЬ. Заглавіе это можетъ показаться страннымъ, между-тѣмъ оно уже употребительно въ торговлѣ: это переводъ англійскаго выраженія *vegetal ivory*. Весьма значительно число предметовъ, украшенныхъ слоновою костью и ввозимыхъ нынче къ намъ изъ Англіи, склеены или насажены престо скорлупою орѣха дерева *marba*. Снаружи, по объ-

имъ сторонамъ, скорлупа эта одѣта коричневыми кожицами, но внутри масса ея была и представляетъ во всей точности слонъ, ткань и видъ превосходнѣйшей слоновой кости. Орѣхъ этотъ бываетъ часто величиною съ куриное яйцо. Скорлупу его размягчаютъ и обрабатываютъ какъ обыкновенную слоновую кость. Но замѣчательнѣе всего то, что и химическій составъ ея тотъ же, какъ и животныхъ костей. Господинъ Soppel разлагалъ ее и нашелъ — фосфорно-кислую и сѣрно-кислую известь и магнезію въ преобладающемъ изобиліи, хлористый содѣй, угле-кислую известь, немножко кремнезему, творожину, бѣлковину, масло и камедь.

КАРТОНКА ПОДЪ ЛИТЕРОЮ Д. *Разсказъ Теодора Урліака.* Въ 1793 году, когда были учреждены революціонные трибуналы, имя мосьё Дюпортала, одно изъ первыхъ, было внесено въ списокъ лицъ подозрительныхъ, которыхъ предполагалось задержать и судить, если только можно назвать судомъ спѣшную расправу, отправлявшую свои жертвы изъ тюрьмы на эшафотъ.

Дюпорталь не могъ не подвергнуться опалѣ: онъ былъ богатъ, честныхъ правилъ откупщикъ, съ блистательными способностями; ктому жъ не болѣе трехъ лѣтъ какъ онъ былъ женатъ на женщинѣ, которую любилъ со всѣмъ пыломъ страсти, на Испанкѣ, которую вывезъ изъ Колоній и отъ которой имѣлъ двоихъ дѣтей. Красота, богатство, счастье, взаимная нѣжность, однимъ словомъ — всѣ блага міра обитали подъ ихъ кровомъ, — какъ-вдругъ разразилась революція.

Заблаговременно предупрежденный людьми принимавшими въ немъ участіе, Дюпорталь выбрался изъ своего дому, куда революціонные агенты явились вслѣдъ за нимъ. Онъ скрылся у одного стараго слуги своего отца, жившаго въ предмѣстіи.

Въ тотъ же день жена навѣстила его. Онъ воображалъ, что появленіе людей съ никами ее перепугаетъ; напротивъ, она была очень спокойна и твердымъ голосомъ сказала ему: — Надо бѣжать отсюда. Дорожный экипажъ пріѣдетъ за тобою. Я буду въ немъ съ дѣтьми. Мы отправимся къ нашимъ роднымъ въ Бордо, откуда, при малѣйшей опасности, намъ легко будетъ скрыться.

Эта мужественная женщина, впродолженіи дня собрала всѣ свои деньги и драгоценныя вещи, распорядилась нетерпѣвшими отлагательства дѣлами и все приготовила къ спѣшному бѣгству, которое весьма основательно считала единственнымъ средствомъ къ спасенію. Мосьё Дюпорталь обвиняетъ ее, изъявляетъ сожалѣніе, что такъ неожиданно долженъ оставить Парижъ; онъ

старается доказать, что, можетъ-быть, опасенія ихъ совершенно неосновательны; что онъ не чувствуетъ за собой никакой вины; что, сверхъ-того, эта гроза, вѣроятно, скоро пройдетъ. Жена прерываетъ его, молить, заклинаетъ именемъ дѣтей, и исторгаетъ у него обѣщаніе бѣжать съ нею на слѣдующее утро.

Вечеромъ, до москѣ Дюпортала дошли толки людей, жившихъ въ томъ же домѣ, будто всѣ экипажи, выѣзжающіе изъ Парижа, строго осматриваются на заставахъ и будто такимъ образомъ задержано много дворянъ, имѣвшихъ намѣреніе бѣжать за границу. Жена прислала ему два паспорта, но это его нисколько не успокоило. Всю ночь онъ думалъ о томъ, какъ быть съ женою; онъ видѣлъ разныя затрудненія и опасности; страшился, чтобъ изъ-за него не схватили ее, или, по-крайней мѣрѣ, не задержали бы его въ ея присутствіи; кому жъ этотъ осмотръ могъ возобновляться въ каждомъ городѣ; слѣдовательно, путешествіе ихъ будетъ только продолжительной пыткой. Дюпорталъ принялъ другое намѣреніе.

На слѣдующій день, въ условленный часъ, онъ бѣжитъ къ каретѣ, объясняетъ женѣ свои предположенія, и въ свою очередь, умоляетъ ее ѣхать одну, безъ всякаго опасенія на его счетъ. Чтò жъ касается до него, то, переодѣтый, онъ легко проберется пѣшкомъ черезъ заставу; затѣмъ возьметъ почтовыхъ лошадей и соединится съ нею въ Бордо или даже на дорогѣ.

Мадамъ Дюпорталъ, пораженная этою вѣстью, заливается слезами, беретъ съ мужа клятву, что онъ будетъ избѣгать малѣйшихъ опасностей, и уѣзжаетъ.

На заставѣ вдругъ останавливаютъ ея карету и отворяютъ обѣ дверцы. Страшныя лица въ красныхъ шапкахъ показываются съ обѣихъ сторонъ.

— Женщина! говорить одинъ.

— Кто вы? спрашиваетъ другой.

Мадамъ Дюпорталъ вынула свой паспортъ.

— Хорошо, поѣзжайте.

Карета покатила. На сердцѣ мадамъ Дюпорталъ стало нѣсколько легче. Эта первая удача была хорошимъ предзнаменованіемъ. Она надѣялась на ловкость своего мужа. Поминутно слышалось ей, какъ-будто кто-то скачетъ позади кареты; къ-счастію, сзади было продѣлано небольшое отверстіе; смотрѣть въ него и слышаться съ дѣтьми, вотъ единственное занятіе мадамъ Дюпорталъ во все продолженіе этого путешествія.

Въ Турѣ нѣтъ никакой вѣсти о мужѣ, въ Шательро также.

Огъ, вѣрно, опередилъ меня, думаетъ она. Въ Поатид она разспрашиваетъ трактирщика.

— Да, говоритъ огъ, проѣхалъ такой-то на лошади.

Мадамъ Дюпорталь садится въ карету и кричитъ кучеру:

— Въ Бордо! въ Бордо!

Наконецъ она пріѣзжаетъ, бѣжитъ къ отцу, который самъ скрывался; бросается къ нему съ распростертыми объятіями:

— Мужъ мой! мужъ мой!

— Твой мужъ! Бѣдняжка, развѣ ты ничего не знаешь? Онъ задержанъ!

— Задержанъ! Гдѣ?

— Въ Парижѣ, девятаго октября.

Это былъ день отъѣзда мадамъ Дюпорталь. Этотъ ударъ чуть не убилъ ее.... Но собравшись съ силами, она спрашивала:

— Скажите мнѣ все; огъ схваченъ, но еще.... живъ?

— О, да; но эти чудовища каждый день судятъ, приговариваютъ къ смертной казни....

— Не отпрягайте лошадей! вскричала мадамъ Дюпорталь: или лучше переѣните ихъ; я ѣду обратно! Надо спасти его и я спасу!

Родные удерживаютъ ее. Они стараются заставить ее отложить на нѣкоторое время это намѣреніе, совѣтуютъ собрать справки, подождать, обсудить это дѣло съ людьми, посторонними, равнодушными; но молодая женщина остается непреклонною. Впрочемъ, отецъ ея усиливаетъ убѣдить ее, дать ему время достать письмо къ одному изъ членовъ конвента, человѣку весьма важному и пріятелю Дантона, тогдашняго министра юстиціи.

Мадамъ Дюпорталь взяла письмо. Старикъ отецъ хочетъ ѣхать съ нею; она отвергаетъ это предложеніе, оставляетъ у него дѣтей своихъ и снова ѣдетъ по парижской дорогѣ.

Прошла цѣлая недѣля со дня ареста ея мужа: цѣлая вѣчность по тому времени! Пріѣхавши въ Парижъ, она осведомляется. Имя Дюпортала еще не являлось въ роковыхъ спискахъ, которые съ крикомъ разносятъ по улицамъ; оно еще не являлось въ процессахъ революціоннаго трибунала, слѣдовательно, мужъ ея живъ; но въ то же время она узнаетъ, что суды заняты множествомъ дѣлъ, и что орудіе казни едва успѣваетъ исполнять ихъ грозные, поспѣшные приговоры. Не теряя ни минуты, она бѣжитъ съ письмомъ къ жирондскому депутату. Письмо, которое она читала и перечитывала нѣсколько разъ, было самое убѣдительное. Оно было писано пріятелемъ и погущественнымъ депутатомъ, но-

торый заклиналъ его употребить всевозможныя мѣры, чтобъ склонить Дантона въ пользу задержаннаго гражданина.

Депутата не было дома: по-крайней-мѣрѣ таковъ былъ отвѣтъ мегеры, жившей въ кануркѣ, за воротами дома.

— Я подожду его, сказала мадамъ Дюпорталь.

— Какъ хочешь; гдѣ же ты будешь дожидаться?

— Здѣсь, отвѣчала молодая женщина, уstraшенная тономъ этой старухи и этимъ дикимъ ты, котораго еще не слыхала.

— На мостовой! Вѣрно, ты отчаянная аристократка: эти люди способны на все! У нашихъ депутатовъ не было бы ни одной свободной минуты, если бѣ пришлось выслушивать всѣхъ плаксъ, которыя таскаются съ утра до ночи.

Церберъ, въ видѣ женщины, обманутый въ своемъ намѣреніи отдѣлаться отъ аристократки, ворча сквозь зубы, вошелъ въ свою кануру.

Мадамъ Дюпорталь, дѣйствительно, находилась на мостовой узкаго двора, усѣяннаго лужами и подѣ частымъ дождемъ, шедшимъ цѣлое утро. Это положеніе женщины ея званія, ожидавшей даже не въ пріемной, а на дворѣ мужчину, незнакомаго человѣка, это положеніе, повторяю, повергло бы ее въ стыдъ, если бѣ ея взволнованныя чувства могли заниматься чѣмъ-нибудь другимъ, кромѣ предмета ея посѣщенія. Впрочемъ, она имѣла время бросить взглядъ на самое-себя; пробѣгавши цѣлое утро по грязнымъ улицамъ Парижа, она только теперь замѣтила, что башмаки ея и весь подолъ были выпачканы; на ней было еще дорожное платье, носившее слѣды величайшаго безпорядка; ктому жъ въ поспѣшности своего отъѣзда, она не взяла съ собой почти ничего. Она боялась, чтобъ ея наружный видъ не внушилъ ея покровителю одного чувства презрѣнія. Въ то время какъ она предавалась этой мысли, какой-то человѣкъ сошелъ съ крыльца на дворъ. Онъ былъ въ плащѣ, тщательно прикрытъ шляпой и подѣ мышкой несъ связку бумагъ.

— Вотъ и онъ! я ошиблась, закричала привратница, съ громкимъ смѣхомъ, изъ опасенія, чтобъ не подвергнуться выговору.

Мадамъ Дюпорталь въ ту же минуту догадалась, кто это, и подошла къ депутату, подавая ему письмо. Членъ конвента бросилъ взглядъ на адресъ и на лицо незнакомки; съ принужденнымъ видомъ, сдѣлавъ ей знакъ, чтобы она вошла съ нимъ на крыльцо, въ сѣняхъ развернулъ письмо и бѣгло пробѣжалъ его.

— Прощу васъ извинить меня; я иду въ засѣданіе и не имѣю

свободнаго времени. Это письмо объясняетъ мнѣ, кто вы, и заставляетъ меня сдѣлать для васъ все, что отъ меня зависитъ.

Онъ просилъ ее войти на лѣстницу. Они входятъ въ покои, въ которыхъ царствуетъ величайшій безпорядокъ, но которые тѣмъ не менѣе великолѣпны, и украшены предметами, изгнанными революціею. На рамкахъ картинъ виднѣются гербы; нѣкоторыя изъ нихъ представляютъ религіозные сюжеты, другія сраженія, подъ предводительствомъ королей и принцевъ. Все это — роскошь барскаго дому прежняго порядка вещей.

Депутатъ указываетъ ей на кресло, и самъ садится за бюро, заваленное бумагами, журналами и брошюрами всевозможныхъ форматовъ.

— Гражданинъ Дантѳнъ, кажется, за городомъ. Я вамъ дамъ къ нему письмо. Отдайте ему сами, когда онъ возвратится.

— Но.... это новая потеря времени....

— На нѣсколько дней.

— Но....

Она хотѣла прибавить, что эшафотъ не дожидался; но голосъ ея замеръ въ ея груди. Крупныя слезы покатались по щекамъ ея.

— Можетъ-быть, онъ воротится завтра, сказалъ депутатъ, пробуя перо на ногтѣ большого пальца. Затѣмъ онъ сталъ писать.

Мадамъ Дюпорталь слѣдила глазами за этимъ перомъ, со скрыпомъ бѣгавшимъ по бумагѣ; по временамъ она отирала свои слезы, удерживая рыданія, тѣснившія грудь ея.

— Готово! сказалъ депутатъ, бросая перо.

Затѣмъ, засыпавъ пескомъ свои строки и сложивъ письмо, прибавилъ:

— Мой пріятель, надѣюсь, будетъ мной доволенъ; я сдѣлалъ все, что могъ, какъ онъ просилъ....

Онъ повернулся съ важной улыбкой.

— Я считаю себя весьма счастливымъ, что могу оказать вамъ эту маленькую услугу.

Затѣмъ онъ поспѣшно схватилъ свою шляпу.

Мадамъ Дюпорталь встала, взяла письмо, потомъ сложивъ руки, задыхающимся голосомъ проговорила:

— Боже мой! какъ вы думаете, могу ли я ожидать отъ гражданина Дантѳна какого-нибудь участія?...
Digitized by Google

Депутатъ взглянулъ на нее, подумалъ и затѣмъ съ незамѣтной улыбкой отвѣчалъ:

— О, безъ-сомнѣнія....

Онъ сдѣлалъ шагъ и потомъ обернулся.

— Но не забудьте вручить ему это письмо сами.

Мадамъ Дюпорталь видѣла, что пора кончить бесѣду. Они сошли вмѣстѣ. На подъѣздѣ депутатъ отвѣсилъ ей низкій поклонъ и скорыми шагами пустился черезъ дворъ. Молодая женщина, какъ-бы въ безпамятствѣ, провожала его глазами. Тогда только странный взглядъ, какой этотъ человѣкъ на нее бросилъ, поразилъ ее ужасомъ; фраза: *Не забудьте вручить ему это письмо сами*, служила ему ужаснымъ дополненіемъ....

Она выбѣжала на улицу, не зная куда идетъ. Тутъ ее поразилъ голосъ человѣка въ рубищѣ, который кричалъ:

.... *Осуждены народнымъ судомъ нижепоименованные гнусные заговорщики, которые сегодня же будутъ....*

Мадамъ Дюпорталь знала этотъ крикъ: она дрожитъ, подбѣгаетъ къ этому человѣку, который за ничтожную плату даетъ ей одинъ изъ печатныхъ листовъ, и продолжаетъ путь, оглашая лицу своимъ зловѣщимъ завываніемъ.

Молодая женщина, оставаясь на томъ же мѣстѣ, съ вытянутыми руками, съ неподвижнымъ взоромъ, взглядываетъ наконецъ на лоскутъ гнусной печати. Это списокъ именъ, съ показаніемъ лѣтъ, званія и мнѣшаго преступленія несчастныхъ жертвъ. Ничего до самаго конца страницы; мадамъ Дюпорталь, дрожащею рукой, перевортываетъ листъ; имени ея мужа нѣтъ нигдѣ. На этотъ день, онъ еще живъ; но кто можетъ отвѣчать за слѣдующій?

Можно представить въ какомъ положеніи провела несчастная остатокъ дня. Она употребила его на собраніе разныхъ свидѣній, на разспросы о ходѣ суда и о средствахъ свиданія съ узниками. Ея мужъ находился въ домѣ Ораторіи.

На слѣдующій день, утромъ, она отправилась къ Дантону. Было еще слишкомъ рано; гражданнѣ-министръ изволилъ почивать. Привратники съ нахальнымъ смѣхомъ отказали ей. Она возвратилась спустя нѣсколько времени; гражданнѣ-министръ уже уѣхалъ. Куда? Въ Отѣль. Она хотѣла пуститься вслѣдъ за нимъ; надъ ней смѣются; и этотъ день такъ же проходитъ; казалось, этой мучительной пыткѣ не будетъ конца. Она еще разъ справляется съ публичными объявленіями; идетъ въ тюремный замокъ. Имени Дюпортала нѣтъ нигдѣ.

На другое утро мадамъ Дюпорталь одѣвается въ новое платье, чтобъ не быть узнавннй слугами. Тотъ же отвѣтъ или, по крайней мѣрѣ, тотъ же результатъ. Гражданинъ-министръ былъ занятъ дѣлами, и не велѣлъ никого принимать. Мадамъ Дюпорталь около четырехъ часовъ прождала въ питейномъ домѣ, содержательница котораго наконецъ замѣтила, что она скорѣе имѣетъ нужду въ пособіи, нежели въ ея питьяхъ. Ея красота, ея молодость пробудили участіе въ этой женщинѣ: со всѣми знаками уваженія она отвела ее въ свою комнату.

Начало смеркаться. Мадамъ Дюпорталь отправилась. Она благодаритъ хозяйку и снова идетъ къ дверямъ министерскаго дому. Слуги хотятъ снова остановить ее: она показываетъ имъ, съ мужествомъ отчаянія, свою бумагу.

— Это письмо гражданина Р., депутата Конвента. Оно очень нужное и я должна вручить его сама.

Ее пропускаютъ. Она на-удачу всходитъ на широкую лѣстницу, со стороны двора. Въ передней былъ ужасный шумъ. Слуги суетились и бѣгали взадъ и впередъ по лѣстницѣ. Пользуясь суматохой, мадамъ Дюпорталь взбирается на самый верхъ, проходитъ одну пріемную, потомъ другую. Здѣсь новые слуги; комната наполнена посудой, приготовлениями къ столу. Тутъ ее останавливаютъ.

— Куда вы идете? кто вы?

Молодая женщина, не отвѣчая, удвоиваетъ шаги, отворяетъ дверь и ея взору представляется огромный столъ, ослѣпительныя люстры, пропасть гостей. Этотъ видъ поражаетъ ее, она останавливается. Слуги окружаютъ ее, и отталкиваютъ съ словами:

— Это ни на что не похоже! развѣ вы не могли попросить доложить объ васъ? сказать, кто вы и чего хотите?

На этотъ шумъ, двери столовой растворяются совершенно, и является какой-то человекъ огромнаго росту, широкоплечій, съ включенными и какъ-будто стоящими дыбомъ волосами, и съ салеткой, продѣтой въ одну изъ петель камзола.

— Что тамъ такое? спрашиваетъ онъ.

— Гражданинъ-министръ, это женщина...

— Ну, такъ что же? Чего ты отъ нея добиваешься? Женщинѣ надо принимать по-вѣжливіе.

Этотъ человекъ, несмотря на свой грубый голосъ, стараясь принять тонъ добряка. Мадамъ Дюпорталь, потупивъ глаза, подава ему письмо. Онъ взялъ его и бѣгло пробѣжалъ.

— А, мадамъ Дюпорталь!.... да, да, мой товарищъ говорилъ уже мнѣ объ васъ.... Мы подумаемъ о вашемъ дѣлѣ....

— Вы знаете, что оно не терпитъ отлагательства..... сказала мадамъ Дюпорталь трещающимъ голосомъ.

— Да, да, знаю....

Дантѣнъ посматривалъ на нее своими полу-закрытыми глазами, какъ-будто терпящимися въ его огромномъ лицѣ.

— Мосѣ Дантѣнъ, одно слово вашей руки....

— Конечно; мы посмотримъ ; но я не потерплю чтобы вы оставались здѣсь.... У меня только самые короткіе пріатели; безъ церемоній, пожалуйста къ намъ. Прекрасная женщина нигдѣ не лишняя.

Онъ взялъ ее за руку. Туманное облако опустилось на глаза мадамъ Дюпорталь, при входѣ въ залу, гдѣ десять человѣкъ собесѣдниковъ обратили на нее свои взоры; но первыя слова придали ей надежду и мужество.

— Представляю вамъ, сказалъ Дантѣнъ, почтенныхъ друзей о которыхъ я говорилъ. Они будутъ чрезвычайно рады васъ видѣть.

Онъ подаль ей стулъ около себя. Мадамъ Дюпорталь отодвинула его къ стѣнѣ.

— Какъ! Неужели вы откажетесь, если бъ я осмѣлился просить васъ сдѣлать честь откушать съ нами?

Мадамъ Дюпорталь, движеніемъ головы выразила отказъ. Присутствіе ея связывало нѣкоторыхъ изъ собесѣдниковъ и они старались прикрыть свое неудовольствіе подъ личиною суроваго равнодушія; другіе бросали на нее насмѣшливыя взгляды, который переносили затѣмъ на хозяйна; наконецъ, все общество мало-по-малу принялось за разговоръ, относившійся къ современной политикѣ и изъ принужденнаго скоро обратившійся въ серьезный. Только, время-отъ-времени, Дантѣнъ прерывалъ его, чтобъ сказать сосѣдкѣ:

— Прошу у васъ извиненія. Я надѣялся, что вы удостоите откушать съ нами; не угодно ли вамъ чего-нибудь?

Говоря такимъ образомъ онъ наливалъ себѣ стаканъ за стаканомъ, вырывая бутылки изъ рукъ слуги. Напившись, онъ вдругъ вступилъ въ разговоръ съ своимъ громогласнымъ голосомъ, покрывавшимъ говоръ всего собранія. Одинъ изъ гостей, возражавшихъ ему, старался, напротивъ, выказать свое снобоуство, всю важность и торжественность въ изложеніи своего мнѣнія; несмотря на то, однако, дѣйствіе вина и споры до того

разгорячили всѣ головы, что шумъ возросъ до невѣроятной степени, глаза запылали и разговоръ принялъ видъ буйной несправедливости.

— Какъ бы то ни было, кричалъ одинъ изъ собесѣдниковъ, ударяя своимъ стаканомъ по столу, чтобъ возстановить молчаніе: какъ бы то ни было, а главное дѣло состоитъ теперь въ томъ, чтобъ чокаться нашими стаканами и слить наши объѣты, объѣты добрыхъ друзей и достойныхъ гражданъ, желающихъ одного — блага отечества!

— Я узнаю тебя, отъявленный членъ умѣренной партіи! возразилъ Дантѣнъ, съ громкимъ хохотомъ: ты припоминаешь мнѣ этого глупца Ламуретта; кажется, какъ говоритъ Молиѣръ, ты готовъ бы былъ женить Султана на Венеціанской Республикѣ. Но чокнемся, если хочешь: это прекрасное средство выпить лишній бокалъ.

Стаканы наполнились; всѣ встали.

— За здравіе Дантѣна! произнесъ пронзительный голосъ степеннаго спорщика, который, вставъ, явился человѣкомъ небольшого роста, причесаннымъ, приглаженнымъ и одѣтымъ во фракъ васильковаго цвѣту.

— За здравіе Дантѣна! вскричало все общество.

— Будемъ откровенны и безъ церемоній, дерзко прервалъ одинъ изъ гостей: выпьемъ за благоденствіе республики!

— Ты правъ, Левассѣръ, замѣтилъ Дантѣнъ: за благоденствіе республики!

При этомъ возгласѣ, стаканы чокнулись; маленькій, раздушенный человѣчекъ скрылъ за своимъ бокаломъ легкое судорожное движеніе, пробѣжавшее по блѣднымъ губамъ его; затѣмъ Дантѣнъ, съ увлеченіемъ пьянства, обратился къ мадамъ Дюпорталь:

— Милая гостыя, на этотъ разъ вамъ нельзя не соединить вашихъ объѣтовъ съ нашими; отвѣдайте этого легкаго испанскаго вина....

Всѣ взоры обратились на мадамъ Дюпорталь, которая готова была упасть въ обморокъ.

— Я подозреваю, замѣтилъ одинъ изъ гостей съ нахальной улыбкой: что гражданка испугалась не вина, а нашего тосту.

Это замѣчаніе повергло ее въ трепетъ и вмѣстѣ съ тѣмъ придало силы.

— Держу пари, что она не съ большой охотой выпьетъ за благоденствіе націй.

— Пристыдите этого невѣжу, сказалъ отрывисто Дантѣнъ: докажите, что вы добрая патриотка и достойны сидѣть за однимъ столомъ съ главными членами конвента.

— Почему жъ не такъ? Если дѣло идетъ о томъ, чтобъ выиграть за благоденствіе націи, я выпью.

Она схватила бокалъ и осушила его. Этотъ подвигъ былъ пріѣтствованъ безумными рукоплесканіями.

— А, господа, сказалъ затѣмъ молодой человѣкъ, съ намѣреніемъ положить конецъ этой сценѣ и прекратить бывшій передъ нею споръ: какъ вы полагаете, когда впрочемъ утромъ въскольکو сотенъ газетъ, побываешь въ засѣданіи, выслушаешь клубныхъ ораторовъ и напишешь, какъ я, штукъ съ двадцать статей о разныхъ происшествіяхъ, какъ вы полагаете: не довольно ли мы пожертвовали нашимъ днемъ въ пользу общественныхъ дѣлъ? Не можемъ ли мы сказать съ Архелаемъ, но съ большею основательностью чѣмъ онъ: важныя дѣла — до завтра! Среди этихъ заботъ жизнь проходитъ незамѣтно, а молодость не возвращается. Ктому жъ кто знаетъ, быть-можетъ, мы не должны терять золотого времени.... Будемъ же говорить о свѣтѣ, объ удовольствіяхъ, о театрахъ; вотъ что должно занимать насъ теперь. Я готовъ держать пари, что мы всѣ одного мнѣнія насчетъ того, какъ Мальяръ отличалась вчера въ оперѣ. Слышалъ ли ты ее, Дантѣнъ?

— Да, у меня волосы на головѣ стали дыбомъ; удивительно, какое вліяніе имѣетъ на меня музыка. Я люблю ее до безумія, и между-тѣмъ даже не знаю нотъ. Я однако пытался въ моей молодости. Всѣ находили, что съ моимъ голосомъ я буду главнымъ пѣвцомъ, но

Отъ гласу моего становалъ дремучій лѣсъ.

Между-тѣмъ какъ собесѣдники пріѣтствовали эту выходку громкимъ хохотомъ, онъ съ умильной улыбкой наклонился къ мадамъ Дюпорталь.

— Не правда ли, трудно повѣрить, чтобъ въ этомъ огромномъ тѣлѣ были такіе нѣжные нервы.... и, главное, прибавилъ онъ съ видомъ искренности, такое чувствительное сердце?... Вы поете?...

— Прежде пѣла, прошептала мадамъ Дюпорталь: по-крайней-мѣрѣ училась....

— Вы поете? вы поете! Но при этой восхитительной наружности вы должны обладать и голосомъ самымъ дивнымъ. Умоляю васъ, спойте что-нибудь. Ваша скромность убѣждаетъ меня

въ вашемъ талантѣ. Ктому жъ, оказалъ онъ обращенъ къ гостямъ: это избавить насъ отъ несносныхъ куплетовъ Левассёра, неизбежныхъ за десертомъ: если бъ вы знали какъ онъ невѣжливъ, какъ дурно воспитанъ! Эй, принесите арфу!

Левассёръ слушалъ и смѣялся. Напрасно мадамъ Дюпорталь хотѣла отдѣлаться. Она едва могла говорить, и голосъ Дантона гремѣлъ въ ухахъ ея какъ звукъ трубы. Блѣдная, осноробленная, она молила Небо, чтобъ земля разверзлась подъ ея ногами! Но она поклялась вынести изъ этого дому драгоценную бумагу, обеспечивавшую жизнь ея мужа.

Принесли арфу. Дантонъ возобновилъ свои настоянiя. Ему хотѣлось, увѣрялъ онъ, привести на память римскiя ширшества.

— Прошу васъ извинить меня, произнесла наконецъ молодая женщина.

— Вы не хотите?

— Я не могу....

— О, прибавилъ Дантонъ улыбаясь: берегитесь; это первая моя просьба....

Мадамъ Дюпорталь взяла арфу. Трепещущей рукой она сыграла прелюдию и голосомъ нетвердымъ, но прекраснымъ, начала цѣть одинъ изъ романсовъ того времени. Большая часть гостей не знали что дѣлать; Дантонъ аплодировалъ, зѣвалъ, поначивался на стулъ и повидимому былъ въ восторгѣ, тѣмъ-болѣе, что изрядно подпилъ и между каждымъ куплетомъ продолжалъ пить.

Собесѣдники, тоже пьяные, перестали также принуждать себя. Они аплодировали романсу, но это нѣмие подало, въ то же время, поводъ къ разнымъ низкимъ двусмысленностямъ, которыхъ сначала мадамъ Дюпорталь не могла понять. Разговоръ, настроенный на этотъ ладъ, оживлялся болѣе и болѣе, такъ, что наконецъ вышелъ изъ всѣхъ границъ.

Мадамъ Дюпорталь встала, подъ предлогомъ, что чувствуетъ нужду въ свѣжемъ воздухѣ:

— Хорошо! сказалъ Дантонъ, съ небрежнымъ видомъ, и не повернувшись къ ней: подождетъ меня въ сосѣдней комнатѣ.

Слуга вывелъ ее въ пространную, темную залу, гдѣ потоки слезъ нѣсколько облегчили грудь ея. Эта комната, сверху донизу была покрыта дубовыми полками, съ номерованными картонками; посрединѣ стоялъ огромный столъ, на которомъ лежали кнпы бумагъ. Это, повидимому, былъ кабинетъ гражданскаго министра; на столѣ видѣлись платокъ его и табакерка, и пол-

нога его тяжелой особы была отпечатана на подушках кресель. Мадамъ Дюпорталь подумала, что, вѣроятно, на этомъ столѣ онъ подписывалъ пронасть смертныхъ приговоровъ, и, быть-можетъ, эти картонки были наполнены проектами убійствъ, поражавшихъ столько семействъ. Съ неизъяснимымъ ужасомъ посмотрѣла она вокругъ себя. Вдругъ она затрепетала, не будучи въ состояніи совладать съ своими взволнованными чувствами. Ужасный шумъ раздался въ столовой: то были крики, вѣсели, громкій хохотъ или, скорѣе, завыванія, громъ отъ разбитыхъ бутылокъ и фарфору, довершавшій эту бурную оргію. Этотъ шумъ, продолжавшійся очень долго, мало-по-малу затихъ. Мадамъ Дюпорталь вынула изъ кармана свои четки и стала молиться.

Она находилась здѣсь около двухъ часовъ и съ ужасомъ видѣла, какъ свѣча, которую ей оставили, совершенно догорала, какъ-вдругъ вошелъ слуга съ двумя свѣчами. Мадамъ Дюпорталь встала:

— Министръ?...

— Да, онъ сейчасъ придетъ, отвѣчалъ слуга. Онъ поставилъ свѣчи на столъ и удался.

Въ то же время, въ другой двери, растворившейся отъ удара ноги, показалось, держась за обѣ половинки ея, огромное, черное, тучное тѣло, которое едва передвигало ноги. Мадамъ Дюпорталь не имѣла времени вскрикнуть. Она узнала гражданина-министра, который едва не споткнулся и повернулся на одной ногѣ. Онъ былъ безъ галстука, и кружева его рубашки, забрызганной виномъ, въ лирическомъ безпорядкѣ волновались на его широкой груди. Онъ зѣвнулъ, глухо откашлялся, вытянулъ руки и тяжело опустил ихъ.

— Ахъ, это ты, гражданка!

При этомъ новомъ воззваніи, ужасъ проникъ до костей мадамъ Дюпорталь. Она имѣла время подумать о словахъ бордоскаго депутата. Гражданинъ-министръ продолжалъ, на-силу пворачивая языкъ:

— Я умру отъ апоплексическаго удара, это вѣрно.... если только дадутъ мнѣ время.... Эти сытные ужины вовсе для меня не здоровы.... послѣ нихъ, утромъ не знаешь, какъ встать.... уф!

Но мадамъ Дюпорталь поразила другая мысль, только измѣнившая ея пытку: если онъ нашлся дотога, что не будетъ въ-состояніи взяться за перо!

Она поспѣшно подошла къ нему.

— Гражданинъ-министръ, вы, вѣрно, не забыли обѣщанія, которое мнѣ дали?

Онъ всей тяжестью уналь на диванъ, повернулся на бокъ и свѣсивши руки, остался въ такомъ положеніи.

— Гмъ! что ты говоришь?

— Письмо, которое вы хотѣли написать, милость, которую обѣщали оказать мнѣ, по рекомендаціи гражданина Р.... Жизнь! жизнь моего мужа!

— Ахъ, да.... Ну, хорошо! стѣдуетъ только вычеркнуть его изъ списка.... то есть, вынуть бумагу изъ связки....

— Изъ связки! повторила мадамъ Дюпорталь, находившаяся между жизнью и смертью: изъ связки! гдѣ же она?

— Я задыхаюсь.... чистаго воздуха....

Мадамъ Дюпорталь бросилась отворить окно. Она не смѣла приблизиться къ обезсмысленному чудовищу.

— Этотъ Робеспіеръ совершенный злодѣй!... онъ не пьетъ.... кровь, да.... Баптистъ, раздѣнь меня...

— Мосё Дантонъ! мосё Дантонъ! начала снова мадамъ Дюпорталь, со сложенными на груди руками: дайте мнѣ эту связку, эту бумагу!

Дантонъ, съ видомъ нетерпѣнія, повернулся на другую сторону и грубымъ голосомъ сказалъ ей:

— Чортъ побери! возьми ее сама.... Позови Фукиё.... онъ беретъ ихъ тамъ.

И поднявъ руку, онъ съ усиленіемъ указалъ ей на полку. Тутъ находилась груда бумагъ, въ которыхъ трудно было до чего-нибудь доискаться. Но молодая женщина подкатила уже къ полкамъ переносную лѣстницу, осторожно взобралась на нее и сказала, смягчивъ голосъ:

— Картонка подъ литерою А?

— Извини, моя милая, что ты меня видишь въ такомъ странномъ положеніи.... сердце нисколько тутъ не участвуетъ.... Впрочемъ, я весьма обязанъ Р.... за то, что онъ послалъ тебя ко мнѣ.... Онъ тоже Жирондистъ!... Ты чудно поешь и хороша, какъ ангелъ....

Мадамъ Дюпорталь, въ сильномъ волненіи, съ минуту хранила молчаніе; потомъ, видя, что гражданинъ-министръ снова погружается въ забывчивость, спросила:

— Картонка Б?...

— Какъ его имя?

— Дюпорталь.

— Дюпорталь? Картонка А, картонка Б! Посмотри въ картонку Д! Какая ты дура, моя милая.... Его имя Дюпорталь.... Ты сгнѣшила меня своей картонкой А.

Онъ издавъ родъ могильнаго хохоту, который приводилъ его грудь и заставилъ заскрипѣть диванъ.

Картонка Д. была раскрыта. Мадамъ Дюпорталь опустила въ нее руку; это была связка обвиненій, подобранныхъ по порядку, и въ надлежащей послѣдовательности передававшихся публичному обвинителю комитетами или министрами. Молодая женщина схватываетъ связку, устремляетъ взоръ на первый листъ, поднимаетъ его: *Дюпорталь!* Это имя стояло вторымъ, и ее мужъ долженъ былъ на слѣдующій день идти на эшафотъ.— Она беретъ эту бумагу, мнетъ въ своихъ рукахъ, прижимаетъ къ груди и съ высоты лѣстницы смотритъ на Дантона.

Онъ сидѣлъ неподвижно и не говорилъ ни слова. Она сходитъ со ступеней; собирается благодарить его, но видитъ, что онъ закрылъ глаза. По внушенію неба, она одумывается, съ трепетомъ подбѣгаетъ къ полурастворенной двери и исчезаетъ.

Дантонъ, оставшись одинъ, вздохнулъ; свѣжій воздухъ, проникавшій изъ отвореннаго окна, оживилъ его; онъ открываетъ глаза, вытягиваетъ руки.

— Гражданка! прелестное дитя!... Гмъ? ты молчишь?...

Онъ встаетъ:

— Гдѣ же ты?

Шатаясь, онъ дѣлаетъ по комнатѣ нѣсколько шаговъ.

— Ба? ея ужъ нѣтъ?... Баптистъ!

Баптистъ входитъ.

— Положи меня на кровать.

Слуга беретъ его понерегъ туловища, отводитъ въ спальню и укладываетъ на покой.

На другой день Дюпорталь выпустили безъ всякаго затрудненія. Оба супруга летятъ по бордоской дорогѣ; скоро они соединяются съ семействомъ. Ни мало не медля, они ѣдутъ оттуда въ колоніи, гдѣ и пробыли до царствованія Людовика-Осмынадацатаго. Мадамъ Дюпорталь, старушка семидесяти-трехъ лѣтъ, досихъ-поръ еще живетъ въ Блоа.

ЮМОРИСТЪ НА ВОСТОКѢ. Разговоръ путешественника съ папюю. Милая шутка. Женщины. Встрѣча двухъ Англичанъ въ пустынь.

— Одинъ путешественникъ, въ 1827 году, удивлялся до безконечности, встрѣтивши у подошвы Гизегской пирамиды розовый зон-

тикъ англійской леди. Съ того времени, подобное явленіе вовсе не рѣдкость: на востокѣ развелось столько англійскихъ туристовъ, что изъ описаній: ихъ путешествій можно бы составить другую Гизегскую пирамиду. Само собою разумѣется, что мы не читали не намѣрены читать всего этого; не беремъ даже прочесть путешествій на востокъ, изданныхъ Англичанами въ одномъ минувшемъ году, но укажемъ вамъ на одно изъ нихъ, довольно оригинальное, — на путешествіе Юмориста (не пугайтесь: англійскаго, а не русскаго), который издалъ свою книгу подъ страннымъ заглавіемъ: *Bothen*, что значитъ: «О восточныхъ стравахъ.» — Въ одинъ прекрасный день, авторъ окончательно увѣрилъ себя, что западъ надобѣл ему, цивилизація утомила, эти блѣдныя женщины, эти черныя мужчны, эта правильная дѣятельность Европы, рано или поздно сведуть его съ ума. «О дряхлая Европа! воскликнулъ онъ, ужъ какъ ты мнѣ наскучила! О, наша бѣдненькая старушка педантка! трудолюбивая и чванная хозяйшка, удивительная фабрикантша и неоцѣненная купчиха, твои пороки нестерпимѣ твоихъ добродѣтелей! Пушусь отыскивать страну, въ которой еще можно найти что-нибудь неожиданное, страну варварскую, безъ кофейныхъ домовъ и судовъ присяжныхъ, безъ паспортовъ и альдермановъ, гдѣ нѣтъ ни жандармовъ, ни желѣзныхъ дорогъ, ни журналовъ. Если меня тамъ повѣсятъ или посадятъ на колы, то ужъ, вѣрно, не за то, что буду уличенъ въ бродяжничество, а за то, что не слѣдую принятому всѣми обычаю и закону, то есть, не разбойничаю и не хожу безъ одежды. Я найду много новаго, буду чувствовать, что живу; кровь моя потечетъ быстрѣе и я выйду наконецъ изъ этого европейскаго оцѣпенѣнія, изъ этого однообразнаго движенія взадъ и впередъ, какъ настоящій часовой маятникъ.» Сказано — сдѣлано. Онъ ѣдетъ. Какъ онъ добрался до Землина, не извѣстно. Здѣсь онъ принимаетъ рѣшительное намѣреніе проникнуть во внутренность Палестины, черезъ Грецію, Египетъ и Пустыню. Съ добрымъ запасомъ молодости и веселаго расположенія, ему ни до чего нѣтъ пужды, его ничто не останавливаетъ; у него нѣтъ никакой политической цѣли, онъ гоняется только за новыми впечатлѣніями. Онъ не отыскиваетъ медалей, не заботится о памятникахъ древности, ни во что ставитъ классическія воспоминанія; прекрасное расположеніе духа и здоровье — вотъ его руководители и единственный дорожный завазъ его.

Первое лицо, какое встрѣчаетъ онъ на пути своемъ, — чума или,

лучше, призракъ чумы. Онъ не бѣжитъ отъ этого грознаго бича Востока, и впоследствии, сойдясь съ нимъ съ глазъ на глазъ въ Каиръ и Константинополь, играетъ съ нимъ, смиляется надъ нимъ, издвѣается и кончается тѣмъ, что рѣшительно не признаетъ его могущества. Съ полдюжины бандитовъ въ тюрбанахъ принимаютъ его, онъ пускается въ мрачный лабиринтъ первой мусульманской улицы, и, безъ малѣйшаго уваженія попираетъ пятю своей хлыля развалины этой древней почвы, образованной изъ праху классическихъ обломковъ; вездѣ безмолвіе, неподвижность, скука, нищета, и нищета, надо сказать, задрапированная въ рубище, которая хочетъ придать себѣ видъ таинственности. Но нашего путника не скоро обманешь. Первый паша, съ которымъ онъ разскаивается, не устрасилъ его; онъ видитъ, какъ ничтожны отношенія между Востокомъ и Европою; какъ онъ жалки и обманчивы, и въ какой страннѣйшій обманъ вдаются путешественники и публика. Въ путешествіи какого-нибудь достойнаго Англичанина, совершавшаго поѣздку на Востокъ, вы, вѣрно, читали торжественный разсказъ о свиданіи его съ какимъ-нибудь пашею? Вы, вѣрно, нашли тутъ огромное похвальное слово въ честь этого Тура, удивительно знакомаго со всѣмъ, что дѣлается въ Европѣ, знающаго всѣ отношенія европейскихъ государствъ и удивительные успѣхи нашей промышленности? Это свиданіе, дѣлю чрезвычайной важности, украшаетъ почти всѣ новѣйшія путешествія. Авторъ Eothen смотритъ на это иначе, и, низводя это великолѣпное свиданіе до пошлой дѣйствительности, клеймитъ его именемъ шутовства, даже фарса.

Вотъ Англичанинъ, въ сопровожденіи своего драгомана, представляется пашѣ, возсѣдающему съ неотлучной трубкой, въ белой залѣ, убранной, вмѣсто мебели, пятью коврами и дюжиной невольниковъ: — «Англичанинъ, важно говоритъ паша: рады тебя видѣть; да будетъ благословенъ часъ твоего прибытія». — Драгоманъ оборачивается къ путешественнику и говоритъ ему: — Паша васъ привѣтствуетъ. — Привѣтствуйте его и отъ меня, прерываетъ Англичанинъ: и скажите, что я чрезвычайно радъ чести его видѣть.» Тогда драгоманъ принимаетъ дипломатическую позу, и сложивъ руки на груди, начинаетъ слѣдующую длинную рацею, которую, съ нѣкоторыми варіаціями, повторяетъ и, Богъ вѣсть, сколько еще разъ повторитъ, при представленіи путешественниковъ: — «Его милость, этотъ Англичанинъ, обладатель Лондона, побѣдитель Франціи, покоритель Ирландіи, оставилъ свои владѣнія и далъ на минуту отдохнуть своимъ непри-

телямъ. Перенывъ черезъ пространныя моря, подъ самымъ строгимъ инкогнито, въ сопровожденіи нѣсколькихъ слугъ, въ небольшомъ числѣ, но на вѣчно ему преданныхъ, онъ пришелъ остановить свой взоръ на лѣпообразномъ челѣ одного изъ самыхъ блистательныхъ пашей, владѣтеля удивительнаго и баснословнаго пашалыка карагокугольдурскаго!» Эта тирада, сирійская, арабская или персидская, смотря по обстоятельствамъ, кажется путешественнику безконечной. Онъ бонся, не наскзалъ ли переводчикъ какихъ-нибудь глупостей и съ живостью обращается къ нему: — «Что за чертовщину говорите вы пашѣ, Что вы толкуете о Лондонѣ? Пожалуй, онъ еще сочтетъ меня за пѣтушинаго охотника. Я вамъ нѣсколько разъ твердилъ передать ему, что я дворянинъ изъ Йоркшейра, принадлежу къ одной изъ отраслей фамиліи Болеко, что я владѣлецъ парка и замка того же имени. Я имѣлъ намѣреніе поступить на мѣсто мирнаго судьи въ моемъ граствѣ и церъ Англии, лордъ Гретнрозъ обѣщалъ мнѣ свое покровительство, но не сдержалъ слова; наконецъ я присутствовалъ, въ качествѣ кандидата, на выборахъ въ Гольдборѣ, и мое избраніе было бы, конечно, ознаменовано блистательнымъ успѣхомъ, если бѣ мой противникъ не закупилъ всего граства. Понимаете ли вы? Когда говорите обо мнѣ, то прошу говорить дѣло!» Драгоманъ молчитъ. Паша спрашиваетъ: — «Что сказалъ нашъ другъ, восходящее солнце Лондона? Не могу ли я оказать ему какой нибудь милости въ пашалыкѣ карагокугольдурскомъ?» Недовольный драгоманъ отвѣчаетъ: — «Этотъ Англичанинъ, прибывшій изъ парка Болеко, членъ сказанной фамиліи, и который, если бѣ могъ, то былъ бы чѣмъ-нибудь въ своей странѣ, поручилъ мнѣ исчислить свои титулы и подвиги. — «Конецъ его почестей отдаленіе, чѣмъ предѣлы земли, восклицаетъ паша, поглаживая бороду: доблести его многочисленіе звѣздъ тверди небесной». — Что говорить паша? — «Паша васъ поздравляетъ». — Съ чѣмъ? Что я не попалъ въ члены общины? Но мнѣ хотѣлось бы знать мнѣніе пашки на счетъ Европы; его личныя наблюденія и мысли насчетъ Оттоманской Имперіи? Скажите ему, что наши парламенты уже сованы и что въ тронной рѣчи заключается торжественное обѣщаніе о сохраненіи неприкосновенности правъ султана. — «Ваше высокостепенство, говоритъ драгоманъ: этотъ Англичанинъ, который, если бѣ могъ, то былъ бы чѣмъ-нибудь въ своемъ государствѣ, предупреждаетъ ваше высокостепенство, что говорящія палаты и бархатный стулъ Англии поклонялись кра-

вать бессмертіе престола султана». — Удивительный бархатный стулъ! восклицаетъ паша: удивительныя палаты! (Подражая паровой машинѣ): только дымъ! Вицъ! вицъ! Только колеса, которыя вертятся! Брръ! брръ! Все такъ дѣлается въ Англии. Удивительный народъ! удивительныя машины! — «Послушайте! говоритъ англійскій путешественникъ драгоману: что это дѣлается съ пашою? что онъ такъ размахиваетъ руками и повторяетъ:—Вицъ! вицъ! брръ! брръ? Ужъ не думаетъ ли онъ, что наше правительство не сдержитъ своихъ обѣщаній?»—Нѣтъ, ваше превосходительство, паша говоритъ, что у васъ нѣтъ ничего, кромѣ колесъ, да дыму. — «Это преувеличено, начинаетъ важно путешественникъ, принадлежащій къ разряду людей положительныхъ. Мы, дѣйствительно, довели до совершенства отдѣлку машинъ; скажите это пашѣ, и прибавьте еще, что, съ помощію паровъ, мы двигаемъ своимъ войскомъ съ быстротою молніи». Драгоманъ, который любитъ все чудесное, попадаетъ въ свою стихію, и возвысивъ голосъ, говоритъ:—Англійскій вельможа даетъ знать вашему высокостепенству, что, стѣдить только сказать, въ какомъ бы то ни было мѣстѣ свѣта, неприятное слово для Англии, какъ она, ни мало не медля, опуститъ въ огромную яму, устроенную среди Лондона, безчисленныя полчища, и эти полчища, черезъ минуту, съ оружіемъ и запасами, явятся на другой оконечности міра. — «Знаю, знаю, говоритъ паша, не показывая ни малѣйшаго знака удивленія. Паровозы мнѣ хорошо извѣстны. Знаю, что англійская армія путешествуетъ на горящихъ угляхъ. Это удивительно! Вицъ! вицъ! брръ! брръ! Колеса и дымъ! Да, Англичане потопляютъ міръ океаномъ коленкору и снопами стальныхъ ножей. Все колеса! все дымъ!» — Паша, говоритъ драгоманъ: лестно отзывается объ англійскихъ ножевицнахъ и фабрикантахъ бумажныхъ матерій. — «Очень радъ, возражаетъ Англичанинъ. Скажите же пашѣ, что я благодарю за его гостепріимство, и что мнѣ пора ѣхать». Тогда паша, если считаетъ званіе гостя равнымъ себѣ, важно вѣстаетъ и говоритъ ему:— Горделивы должны быть жеребцы и надмѣины кобылицы, произведшіе на свѣтъ коней, которые понесутъ его превосходительство къ цѣли его благополучнаго странствія. Да будетъ сѣдю на которое онъ возсядетъ, также мягко, какъ ладыя пророка на третьей рѣкѣ рай! Да поконтятъ онъ своимъ праведника, въ кругу друзей своихъ! и да горятъ зрачки его во мракѣ, при встрѣчѣ съ врагами, какъ зрачки сорока разъяренныхъ тигровъ.» Дра-

гоманъ переводить это простыми словами: — «Папа желаетъ вамъ добраго пути.»

Таково, если вѣрить нашему путешественнику, обыкновенное вліяніе восточнаго драгомана на направленіе разговора. Источкователь, ничего не истолковывающій, невѣрный посредникъ, онъ служитъ только къ тому, чтобъ, среди просвѣщенія Европы и Азіятскаго варварства, бросить туманное облако своихъ напыщенныхъ періодовъ. Теперь обратимся къ другому предмету.

Нашъ путешественникъ въ Константинополь. Въ первый разъ какъ онъ встрѣчается лицомъ къ лицу съ восточной красавицей, въ городѣ царствуетъ моровая язва. Юмористъ не разстаетъ ось своей охотой къ наблюденіямъ; онъ очень хладнокровно принимаетъ страшную шутку, которою эта дама хотѣла испугать его. Съ совершеннымъ спокойствіемъ, какъ-будто дѣло вовсе до него не касается, рассказываетъ онъ третьему лицу свои шихожденія :

« Вы блуждаете, говоритъ онъ, по узкой, извилистой, мрачной аллеѣ, обставленной двойной оградой бѣлыхъ стѣнъ, и вдругъ встрѣчаете одну изъ тѣхъ грудъ кисеи и кашмиру, которыя имѣютъ честь представлять даму на прогулкѣ. По пятамъ ея слѣдуютъ невольницы. Надо большое искусство, чтобъ умѣть вынутаться изъ-подъ тяжести неудобной драпировки, совершенно ее подавляющей, и потому не удивительно, что она двигается медленно и неловко. Обутая въ толстые сапоги и сверхъ того, въ туфли, она въ своемъ шествіи, болѣе походитъ на погребальную колесницу, нежели на султаншу. Несмотря на то, женщина видна; какое-то сознаніе власти и красоты просвѣчиваетъ изъ-подъ этой смѣшной и тяжелой ноши; вы видите только кончики розовыхъ [пальцовъ и два блестящихъ, черныхъ зрачка, которые ослѣпляютъ васъ. Она смотритъ, обращивается, смотритъ опять, наблюдаетъ, соображаетъ, не подсматриваетъ ли за ней какой-нибудь мусульманинъ; потомъ вдругъ, приподнявши эту плотную юбку, покрывающую лицо ея, этотъ лжмакъ, она является во всемъ блескѣ, въ поражающей горделивости своихъ сжатыхъ губъ и бровей, дугообразныхъ и тонкихъ, какъ легкая дуга новаго мѣсяца. Вы поражены, удивлены, вы поблѣднѣли: все показываетъ ваше неспритворное волненіе. Она это видитъ и улыбается; ея розовые пальчики протягиваются къ вамъ; они прикасаются къ вашей груди и принимаютъ васъ трепетомъ до самыхъ костей. Вслѣдъ за тѣмъ, ея величественныя уста полураскрываются и она восклицаетъ :

« Юмурджакъ! Христіанинъ, я зачумлена! и тебя зачумила! » — Съ этими словами она удаляется, смѣясь и устремляя на васъ свои черные глаза: вы остаетесь неподвижнымъ, изумленнымъ. Если вы хоть немножко трусь или просто мнительны, вы пропали. Ударъ этой страшной выходки поразилъ ваше сердце; лихорадка овладѣваетъ вами, начинаетъ бить васъ, вы запираетесь въ уединенную комнату вашего дому, не хотите видѣться ни съ кѣмъ; докторъ приноситъ вамъ лекарство, уличный крикунъ поетъ подь вашими окномъ отходную, и черезъ недѣлю вы перебираетесь къ праотцамъ, до послѣдней минуты преслѣдуемая ругимъ окомъ мусульманки. Вотъ какинъ образомъ понимаетъ она шутку. Что до меня касается, то не имѣя ни малѣйшаго желанія такъ скоро распрощаться съ жизнью, я пустился хохотать изо всей силы, что привело милую даму въ нѣкоторое замѣшательство. Она, съ гнѣвнымъ видомъ, опустила свой *ихмакъ* и величественно продолжала свое шествіе, въ видѣ боковой и кшевой качки. Ея женщины, сначала хохотавшія надъ замысловатой шуткой госпожи своей, погрузились въ печальное безмолвіе. Опѣ крайне досадовали, что имъ не удалось одурачить христіанина.

Въ Греціи нашъ юмористъ встрѣчаетъ одного изъ своихъ пріятелей, Ирландца, и вмѣстѣ съ нимъ пускается наблюдать Смирніотокъ. Они разсматриваютъ ихъ профиль, черты ихъ, губы, дуги лба, гибкость ихъ тѣла, и это приводитъ ихъ къ довольно положительнымъ выводамъ. Нѣтъ ничего болѣе классическаго, говоритъ опѣ, какъ эти дѣвы древняго поколѣнія, приданое которыхъ украшаетъ ихъ головную прическу и такимъ образомъ представляетъ зоркому глазу обожателей всю цѣнность ихъ и достоинство. Это настоящія королевы. Нѣтъ ни одной Смирніотки, какъ бы она бѣдна ни была, которая, подь окномъ сельской хижины, не казалась бы настоящей Юноной; царица Юніи, Смирніотка, въ хорошую погоду непремѣнно сидитъ у окна, въ лучшемъ своемъ нарядѣ и убравши свою черную, какъ смоля, головную прическу, всѣмъ богатствомъ, какинъ обладаетъ: медалями, піастрами, червонцами. Это античное лицо, эти прямыя и строгія черты, это широкое, цвѣтущее здоровьемъ и грозное чело, эти глаза, сверкающіе въ глубинѣ своихъ широкихъ впадинъ, это цѣлое, столь важное и спокойное, обнаруживаетъ существо, увѣренное въ своей силѣ, ничего ни отъ кого не ожидающее и исполненное неподдѣльной энергіи. Ноздри, тонкія и широкія, дышутъ надменностью; узкія губы, граціозно очерченныя, полны

сладострастія; шея и плечи выказываютъ нѣгу и силу. Кокетство варварской кисти подкрасило рѣсницы этихъ большихъ, грозныхъ глазъ, и соединило двойную дугу этихъ повелительныхъ бровей. Царственная и дикая неподвижность дышетъ въ этой оживленной статуѣ, которая остается на одномъ мѣстѣ, пристально смотреть на васъ, и между-тѣмъ какъ конь вашъ уноситъ васъ съ одного конца улицы на другой, слѣдить за вами, какъ угроза. »

Юмористъ, посѣтивши Паосъ, который на мѣстѣ именуется Баффо, продолжаетъ свои наблюденія надъ женщинами и объявляетъ, что, изъ всѣхъ обитательницъ Греціи, пальма граціи остается за Кипріоткою. Въ ней есть что-то такое, что напоминаетъ Парижанку; она обладаетъ тою прелестью, которую Эллы, несмотря на гибкость ихъ богатаго варѣчія, никакъ не умѣютъ выразить; они называютъ ихъ самыми хитрыми политиками, *politikótatai*, царицами улыбокъ и прихотей. Гибкость легкаго стану, волнообразныя линіи шейки, граціозно округленной, рядный полу-классическій, полу-турецкій костюмъ, простота прически, спадающей роскошными кудрями на ихъ бѣлосвѣжныя плечи, все это возмущало или приковывало еще воображеніе нашего юмориста, какъ городъ Ларнекка скрылся изъ глазъ его, и корабль понесъ его къ Бейруту, прославившемуся въ послѣднее время. Въ Бейрутѣ онъ видится съ леди Стенгопъ. Глава, въ которой описывается это свиданіе, отличается тономъ какой-то серьезной важности, и потому скучна до чрезвычайности.

Въ Влолеемѣ, по милости неожиданной встрѣчи, юмористъ снова входитъ въ свой характеръ. Важность восточныхъ женщинъ, «которые двигаются, какъ погребальныя колесницы, закутанныя въ кисею», и у которыхъ видны «одни пожирающіе зрачки»; затѣмъ «отсутствіе всякой граціи» въ степныхъ Бедуинкахъ, «не слишкомъ вѣрныхъ», говоритъ онъ, первому долгу ихъ пола, который состоитъ въ томъ, чтобъ нравиться», долгое время приводили его въ отчаяніе. Наконецъ онъ въ Влолеемѣ. Что это за крики? Женщины смѣются! женщины поютъ! Жители Влолеема магометанскаго псевовѣданія возбудили гнѣвъ Ибрагима-Паши; его мстительный мечъ истребилъ мусульманское народонаселеніе города. Тотчасъ исчезла мрачная скромность, и строгая нравственность, какой магометане требуютъ отъ своихъ женъ. Это была настоящая революція. Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ безмолвія, христіанскія дѣвы Влолеема получили наконецъ право быть веселыми. Онъ воспользовался имъ какъ-нельзя лучше, и первый порывъ этого

женскаго освобожденія изъ-подъ ига приличій встрѣтилъ нашего путника. Пройхавъ столько городовъ, гдѣ отсутствіе женщинъ придаетъ всему видъ пустыни или темницы, онъ слышитъ тысячу женскихъ голосовъ и едва вѣритъ этому чуду. Сначала до него доносится неопредѣленный шумъ; затѣмъ этотъ шумъ приближается, растетъ, яснѣетъ и черезъ двѣ минуты, веселая и робкая толпа его окружаетъ. Штукъ двадцать дѣвъ Внолеема, загорѣлыхъ, живыхъ и стройныхъ, устремляютъ на него свои черные глаза, дотога неподвижные и жгучіе, что они проникаютъ до глубины его мозгу.

При первомъ движеніи пришлеца, прежде чѣмъ пришла ему на умъ мысль о чемъ-нибудь дурномъ, весь рой разлетается. Впрочемъ, онъ умѣетъ придать себѣ видъ, довольно степенный, и будучи, какъ говоритъ онъ самъ, довольно развратнымъ, чтобъ показаться сущю невинностью, онъ, съ помощію этой счастливой шаружности, успѣваетъ успокоить любопытныхъ дѣвъ, и онѣ, возвращаясь робко и мало-по-малу на прежнее мѣсто, снова окружаютъ его, и наконецъ подходятъ какъ-нельзя ближе къ этому неизвѣстному животному, пришедшему изъ далекныхъ странъ. Тогда самая храбрая, смѣясь надъ опасностію и презирая ее, овладѣваетъ фалдой его фрака, и разсматриваетъ его съ величайшимъ вниманіемъ. Ободренные ея примѣромъ, подруги ея сжимаютъ кругъ, отнимаютъ у Англичанина всѣ средства къ бѣгству и начинаютъ столь же рѣзкій, какъ бѣглый споръ, на счетъ удивительной формы того, что мы называемъ «шляпой», и необыкновенной ткани этой жалкой оболочки, которую величаемъ «фракомъ». Отъ этой матеріи, онѣ скоро переходятъ къ болѣе глубокимъ и не менѣе философскимъ разсужденіямъ: какимъ образомъ мужчина можетъ быть ростомъ въ пять футовъ шесть дюймовъ, имѣть каштановые, завитые, шелковистые волосы, какъ у женщины, и, наконецъ, розовыя щеки, изъ-подъ которыхъ пробивается пламень саксонской крови? Потомъ, увидѣвъ руки безъ перчатокъ, онѣ приходятъ въ новое изумленіе. Такія бѣлыя, такія европейскія руки, съ розовыми ногтями, которыя, въ сравненіи съ руками Сиріянковъ и даже съ ихъ лицами, припалеными солнцемъ, кажутся имъ настоящей загадкой; онѣ теряются въ возгласахъ удивленія; мысль о новомъ преступленіи заражается въ головѣ самой храброй: она въ безмолвіи и трепетѣ, беретъ англійскую руку, кладетъ ее между своими руками, щупаетъ и поворачиваетъ ее, какъ мы иногда дѣлаемъ съ лапой мпролюбиваго, огромнаго пса. Каждая, въ свою очередь, внима-

тельно рассматриваетъ цвѣтъ ея и образованіе, какъ будто дѣло идетъ о дамасской шелковой матеріи или кашмирской ткани. Что касается до Англичанина, которому этотъ обзоръ не нравится, онъ остается въ совершенномъ спокойствіи и благоразумной неподвижности; это еще болѣе ободряетъ ихъ шумъ и веселость, и одна объясняетъ другой, съ криками и продолжительнымъ хотомъ, что это вѣрно какое-нибудь ручное животное, которое не причиняетъ никакого зла, кабанъ безъ клыковъ, существо, котораго нечего бояться, левъ безъ когтей.

Каждая, въ свою очередь, беретъ эту снисходительную руку, щупаетъ ее и объясняетъ ея подробности; но за этой шумной толпой, блестятъ и скрываются два глаза, и эти два глаза — самые черные, самые обворожительные, самые нѣжные. Самая робкая и самая красивая дѣвушка не хочетъ быть замѣченной; она дѣлаетъ себѣ родъ покрывала изъ широкихъ кисейныхъ рукавовъ сестеръ своихъ; но послѣднимъ наконецъ надоѣдаетъ эта застѣнчивость. Онѣ вытаскиваютъ ее, увлекаютъ, дѣлаютъ участницей своихъ подвиговъ; принуждаютъ раздѣлить общую опасность, и этотъ маленькій, нѣжный и розовый кулакъ, который одна изъ самыхъ буйныхъ подругъ ея крѣпко сжала, и эти длинныя черныя рѣсницы, которыя опустылись, чтобъ скрыть ея ужасъ, безсильны для ея защиты. Въ трепетѣ, съ яркимъ румянцемъ стыдливости на щекахъ, она уступаетъ. Маленькую и загорѣлую ручку ея кладутъ въ руку Англичанина, предметъ столь продолжительнаго наблюденія. Бракъ совершенъ, вотъ она уже невѣста путешественника; кровь съ смлой скользитъ въ сердцѣ Виолемянки и Саксонца. Вдругъ эти черные, большіе глаза останавливаются на минуту на странномъ своемъ завоеваніи, затѣмъ потупляются и остаются скрытыми подъ длиннымъ кружевомъ своихъ темныхъ рѣсницъ, и всѣ христіянки молчатъ, какъ будто устрешенныя своей дерзостью. Тогда этотъ рой разлетается, возвращается въ другой разъ, и снова улетаетъ, какъ стая дикихъ птицъ, которыя были бы очень рады попасть въ неволю. Авторъ Esotien неподражаемъ въ подобныхъ эскизахъ, которые чертитъ съ удивительной легкостью и съ увлекательной провѣей.

Вырвавшись отъ Виолемянокъ, онъ пускается въ пустыню и тутъ-то представляется въ полномъ блескѣ славы. Вотъ онъ въ ставѣ, взгроможденный на цитадель своего верблюда, освѣщенный огнями своего ночнаго бивуака, съ багажомъ, разбросаннымъ по песку; вотъ миролюбивая гіенна выставляетъ свою морду изъ-

подъ полы его палатки, между тѣмъ какъ вѣ ед, Бедуины держатъ совѣтъ, какъ бы лучше его ограбить. Прочитавъ его книгу, вы постигаете огромное пространство, отдѣляющее азіатскую жизнь отъ нашей. Солнце припекаетъ его, песокъ засорлетъ глаза, но, по его мнѣнію, все къ лучшему. Его роль юмориста и англійскаго денді или человѣка *эксклюзивнаго*, не оставляетъ его ни на минуту, и его встрѣча съ однимъ изъ его соотечественниковъ, среди пустыни, служитъ лучшимъ тому доказательствомъ.

Этотъ другой Англичанинъ, прибывшій въ Палестину прямо изъ Калькутты, тянулся тою же песчаной степью по дорогѣ въ Ерусалимъ. Почти на серединѣ пути, путешественники встрѣчаются другъ съ другомъ, верхомъ на своихъ верблюдахъ. Нѣмцы, Французы, Италияицы тотчасъ подъѣхали бы другъ къ другу, чтобы познакомиться, и потолковать о своихъ приключеніяхъ; воспоминаніе отечества, родной языкъ, долгое время, проведенное среди этого дикаго племени или въ чужой землѣ, все заставило бы ихъ сойтись по-братски въ этой пустынѣ. Чтò же касается до нихъ, Англичанъ и людей свѣтскихъ, то они смотрятъ другъ на друга, оглядываютъ земляка съ головы до ногъ, разбираютъ по частямъ и преравнодушно отправляются своей дорогой. Въ самой пустынѣ, они думаютъ только объ одномъ: о сохраненіи интересовъ щепетливой гордости и приличія свѣтскихъ условій. «Я думалъ-было начать съ нимъ разговоръ, если бъ онъ подъѣхалъ ко мнѣ; но, конецъ концовъ, чтò бы я могъ сказать ему? Смѣшно начать разговаривать въ пескахъ аравійской степи, какъ-будто явился къ нему съ утреннимъ визитомъ въ Пикадилли. Я былъ тогда въ припадкѣ лѣниваго расположенія. Поэтому я продолжалъ свой путь, покачиваясь на верблюдѣ, безъ всякаго другаго наружнаго вниманія къ земляку, кромѣ легкаго наклоненія головы, которымъ и онъ отплатилъ мнѣ въ свою очередь, ни болѣе ни менѣе какъ-будто мы встрѣтились на прогулкѣ по парку». Другой такъ же поклонился и проѣхалъ мимо; зато слуги, не такъ хорошо воспитанные, и обольщенные удовольствіемъ поболтать въ пустынѣ, оставили господъ однихъ. Верблюды послѣднихъ, видя, что ихъ товарищи отстали, остановились. Эти животныя, болѣе общежительныя чѣмъ тѣ, которыхъ несли они, заставили оставленныхъ путниковъ обратиться назадъ и снова съѣхаться. Англичанинъ, прибывшій изъ Индіи, началъ разговоръ и сказалъ своему соотечественнику: — «Вы, вѣрно, по-

любопытствуете знать, какъ дѣйствуетъ въ Каирѣ чума? Эта находчивая выходка разрушила природу и разговоръ, къ обоюдному удовольствію путешественниковъ, завязался какъ слѣдуетъ.

ПТИЧКА ВЪ КЛѢТКѢ. *Разсказъ Леона Гозлана.* Давно уже, во всѣхъ гостиныхъ Парижа только и говорили о будущихъ дебютахъ одной молодой актрисы на сценѣ знаменитой тогда «Италіанской Комедіи». Это было около 1744. Разсказывали чудеса о способностяхъ молодой дебютантки: она должна была говорить, пѣть и танцовать въ одной и той же пьесѣ, а эта пьеса была нарочно для нея написана остроумнымъ Фаваромъ, вмѣстѣ съ музыкантомъ и балетмейстеромъ, любимыми публикою. За двѣ недѣли до этого привлекательнаго представленія всѣ билеты уже были распроданы по возвышеннымъ цѣнамъ и многія мѣста перепроданы на условіяхъ еще болѣе сумасбродныхъ. Король и весь дворъ обѣщали удостовѣтъ спектакль своимъ присутствіемъ: замѣчательная милость, рѣдкое снисхожденіе въ то время. По искусному разсчету, директоръ «Италіанской Комедіи», никому не показывалъ своего сокровища, исключая нѣсколькихъ надежныхъ людей, которые должны были присутствовать на пробахъ. Даже ни одна актриса не была посвящена въ эту тайну, почему онѣ и говорили, конечно, безъ всякаго дурпаго намѣренія, что у этой красавицы, вѣрно, есть какіе-нибудь недостатки въ станѣ, или какія нибудь другія важныя несовершенства, которыя со временемъ откроются. Поэты того времени обдумывали уже сравненія, чтобы поставить ее по-крайней-мѣрѣ выше звѣздъ; молодые маркизы спрашивали другъ друга безъ церемоній, кто изъ нихъ первый одержитъ эту прекрасную побѣду. Всего этого было слишкомъ довольно, чтобы въ 1744 году занять весь Парижъ. Парижъ же тогда, еще болѣе чѣмъ теперь, былъ вся Франція.

Однажды вечеромъ погода въ Парижѣ была очень хороша, какъ это случается тамъ иногда осенью. Косвенные лучи солнца при блестящемъ закатѣ не слишкомъ жарки и не слишкомъ холодны, не очень слабы и не очень ослѣпительны; когда всѣ памятники, кажется улыбаются вамъ; въ этотъ прекрасный вечеръ портшезы Сентъ-Жерменскаго Предмѣстья, Луврскаго Квартала и Марѣ направлялись, сталкиваясь и наполняя улицы Ферропріи, Сентъ-Эсташъ и Сентъ-Дені, къ близъ лежащей улицѣ Моковсель, гдѣ находилась «Италіанская Комедія». Наши новые экипажи — убійственное изобрѣтеніе въ сравненіи съ этими красивыми носилками, которые обивались внутри бѣлымъ атласомъ съ золотыми укра-

шеями, какою вишневаго цвѣту, персидскими матеріями, пестрою индійскою тканью, и через свои четыре разукрашенные, раззолоченныя окошечки, разливали упонтельное благоуханіе изящнаго туалета. Эти красивые подвижныя будоары были снаружи чудесно выдѣланы изъ дорогаго и рѣдкаго дерева. На четырехъ углахъ этихъ домиковъ красовалась графскія короны, окруженыя бѣлыми перьями, нагнутыми къ коронамъ; по сторонамъ были произведенія кисти лучшихъ живописцевъ того времени, мнѣологическія аллегоріи, пейзажи, сраженія и другія картины, заимствованныя изъ тогдашнихъ модныхъ романовъ; и между всѣми этими богатыми украшеніями качалась и улыбалась какая-нибудь молоденькая герцогиня, съ мушкою на вискѣ, наклонялась, чтобы посмотрѣть что-нибудь или скрыться въ волнахъ своихъ кружевъ и развѣвающихся лентъ; и бѣлая грудь ея тихо колыхалась, не слишкомъ скрытая корсетомъ, который только заставлялъ женщину держаться прямо, какъ на старинныхъ портретахъ.

Всѣ эти люди въ золотѣ, какъ уже вы вѣрно догадываетесь, отправлялись въ «Италинскую Комедію». Зала наполнялась съ большимъ волненіемъ, суетливимъ, но не шумнымъ. Какъ холодный свѣтъ фосфору блестяли кое-гдѣ галуны одеждъ принцевъ и командоровъ и алмазныя ожерелья знатныхъ дамъ, на краю еще темныхъ галерей залы, отличая огненными полосами мѣста, уже наполненныя, отъ тѣхъ, которыя были еще не заняты, но довольно быстро наполнялись. По шуму отодвигаемыхъ табуретовъ, шесту распускающихъ вѣровъ, по беспорядку производимому приходящею и усаживающеюся публикою, замѣтно было, что партеръ и всѣ другія мѣста ежеминутно наполнялись всё болѣе и болѣе. По-мѣрѣ-того, какъ зажигались вокругъ колоннъ свѣчи, предметы, казавшіеся передъ тѣмъ туманными, ясно обрисовывались; повсюду обитивались почтительными или важными поклонами. Знатныя фамиліи посылали другъ другу привѣтствія, и сыновья этихъ семействъ, собравшихся съ одною цѣлю, чтобы показать себя и посмотрѣть на новое зрѣлище, толпились по корридорамъ и рассыпались въ извиненіяхъ, освобождая свои маленькія шпаги, которыя безпрестанно запутывались въ длинныхъ дамскихъ платьяхъ, волочившихся по лѣстницѣ.

Наконецъ зала по-немногу совершенно освѣтилась, и не могла быть иначе, потому что за сто лѣтъ театральная зала не имѣла газу и была даже лишена большихъ люстръ, горящихъ съ помощію масла, котораго ламповщики, до знаменитыхъ братьевъ Кни-

кетъ, не умѣли еще собрать въ одинъ резервоаръ, чтобы распространить его по закону тяжести во все излучины огромнаго свѣтила. Хотя разливающійся свѣтъ и не былъ такъ силенъ и ровенъ, какъ въ театрахъ нашего времени, однако жъ онъ все-таки правился какимъ-то особеннымъ видомъ празднества, который дѣлалъ изъ спектакля не только удовольствіе, но и торжество. Удовольствіе это, такъ какъ и въ другомъ мѣстѣ, какъ вездѣ, имѣло возвышенный характеръ и театръ былъ не что иное, какъ мѣсто, гдѣ забавляется вся благородная Франція, какъ-бы въ семейномъ кругу и въ присутствіи короля.

Наконецъ вошелъ въ залу король, въ сопровожденіи всего двора, и завѣсъ медленно поднялся. Спектакль начался.

Предвидя справедливое петербѣнское публичное, Фаваръ началъ пьесу съ роли дебютантки. Она явилась въ первой сценѣ. При этомъ внезапномъ выходѣ, Фиделина показала публикѣ еще прелестнѣе, моложе и граціознѣе, чѣмъ какъ все себѣ воображали. Три раза привѣтствовали ее громкими рукоплесканіями, которыя были начаты самимъ королемъ. Она пришла въ замѣшательство и не могла произнести тотчасъ первыхъ словъ своей роли; она остановилась. Впродолженіи ея восхитительной неподвижности, публика подробно ее разсматривала съ рѣдкимъ, единодушнымъ удовольствіемъ. Молодые маркизы согласились, что въ «Италіанской Комедіи», богатой хорошенькими женщинами, нѣтъ ни одной, съ которою можно бы сравнить Фиделину. Она между тѣмъ собралась съ духомъ, и начала играть. Въ первомъ актѣ она должна была говорить и это было самое легкое изъ трехъ испытаній драматическаго искусства, по мнѣнію того времени; во второмъ актѣ пѣть, испытаніе труднѣйшее, а въ третьемъ танцовать испанскій танецъ, для нея составленный. Фиделинѣ рукоплескали самые строгіе цѣнители и судьи, самые закоренѣлые почитатели прекрасной дикціи и благородныхъ жестовъ.

Три молодыхъ маркиза, сидѣвшіе на бархатныхъ скамейкахъ, окружавшихъ, по обыкновенію того времени, сцену, съ восторгомъ удивлялись Фиделинѣ. Они все трое были молоды, очень богаты, красавцы изъ равно знаменитыхъ и знатныхъ семействъ. Предпочтеніе одного изъ нихъ въ женщинѣ не могло ипаче объясниться, какъ причудами любви и трудностью любить троихъ въ одно время. Когда маркизъ д'Аркъ говорилъ актрисѣ какой-нибудь комплиментъ, маркизъ де-Виллеріе спѣшилъ сказать ей какую-нибудь вѣжливость, а маркизъ де-Понтёйль уже высказывалъ ей свою

страстную любовь и уваженіе. Само-собою разумѣется, что всѣ эти похвалы, хотя довольно громко сказанныя, безпрепятственно долетали до ушей дебютантки, но слышны были только на сценѣ, а не въ залѣ, гдѣ сидѣли зрители. Въ концѣ перваго акта маркизь д'Аркъ, увлекаемый всё болѣе и болѣе возрастающимъ восторгомъ, вскричалъ: — « Если Фиделина захочетъ выслушать меня и не отвергнетъ моей любви, потому что я ее обожаю, то я предлагаю ей двѣ тысячи ливровъ въ мѣсяцъ! » Фиделина сдѣлала видъ будто ничего не слыхала или она дѣйствительно ничего не слыхала, потому что актриса, которой рукоплещутъ, не имѣетъ въ то время никакой связи съ свѣтомъ. Если бы отецъ ея возсталъ изъ гроба, она бы и ему не отвѣчала. Въ торжественную минуту успѣха, публика замѣляетъ ей отца, мать, друга и любовника. Маркизь повторилъ свои слова; но въ этотъ разъ оба друга взяли его за руки и сказали: — « Ты, кажется, съ ума сошелъ, или бредишь. Не забудь, что двѣ тысячи ливровъ въ мѣсяцъ — двадцать четыре тысячи въ годъ, то есть, больше половины того что отецъ даетъ тебѣ въ годъ на всѣ твои издержки. »

— Что сказано, то сказано: Фиделинѣ двѣ тысячи ливровъ въ мѣсяцъ. Только управитель мой могъ бы сдѣлать мнѣ замѣчаніе, которое я слышалъ отъ васъ; и если бъ онъ осмѣлился это сдѣлать, я бы его тотчасъ прогналъ.

Слишкомъ тѣсная дружба соединяла троицхъ молодыхъ людей и потому эти колкія слова несколько не охладили ихъ взаимной привязанности. Они замолчали и первый актъ кончился, какъ началось, то есть, блистательнымъ торжествомъ Фиделины.

Впрочемъ, даже тѣ, которые наиболѣе восхищались ею, опасались за дальнѣйшій успѣхъ. Неужели пѣвица достигнетъ до такой же высокой степени какъ актриса? Если бъ она меньше удивляла сначала, то могла бы ожидать болѣе снисходительности отъ публики, которая всегда постепенно возвышаетъ свои требованія. Для пѣвца одного ума не довольно; притомъ робость, неразлучная со всякимъ дебютомъ, пѣвцу вредитъ еще болѣе чѣмъ игрѣ.

При звукахъ музыки, выслушанной въ величайшемъ безмолвіи, завѣсь поднялся снова и Фиделина явилась въ восточномъ или, почти восточномъ, костюмѣ, потому что въ то время въ-отношеніи къ костюму были не слишкомъ строги; тюрбанъ не исключалъ анахоризма пудры въ мусульманскій полумѣсяцъ красовался въ соеѣдствѣ съ мушками. Пресоброзованіе, начатое Лекеномъ, всё-еще

боролось съ старинными привычками. Съ самыхъ первыхъ номеровъ, дебютантка уже совершенно успокоила своихъ почитателей; за опасеніями послѣдовало удовольствіе, за удовольствіемъ восторгъ, и этотъ восторгъ громко высказывался до послѣдней ноты лирическаго акта. Фиделина пѣла послѣднюю сцену такъ выразительно, такъ трогательно, что молодой маркизь де-Виллеріе не могъ удержаться, чтобы не воскликнуть еще громче чѣмъ маркизь д'Аркъ: — Если Фиделина согласится предпочесть меня другимъ, то я назначаю ей пожизненный пенсіонъ въ тридцать тысячъ ливровъ.

Въ то время, какъ маркизь обращался къ ней съ этими словами, прекрасная Фиделина нагибалась, чтобы подбирать обѣими руками вѣнки брошенные ей со всѣхъ сторонъ театральной галереи. Кого слушала она въ то время?

— Ты очень милъ, сказалъ маркизь д'Аркъ, обращаясь къ Виллеріе: ты называлъ меня съумасшедшемъ, когда я предлагалъ актрисѣ Фиделинѣ, двадцать четыре тысячи въ годъ, а теперь самъ предлагаешь пѣвицѣ Фиделинѣ, въ видѣ пожизненнаго пенсіона, сумму, которая превышаетъ одною пятою ту, которую предлагалъ я! Неужели съумасшедшій на одинъ годъ, съумасбродитѣ того, кто сдѣлается съумасшедшимъ на всю жизнь? Маркизь де-Виллеріе, я у тебя въ долгу.

Тонъ маркиза д'Аркъ былъ гораздо насмѣшливѣе, чѣмъ слова его замѣчанія.

Маркизь де-Виллеріе былъ очень раздосадованъ и безъ посредничества маркиза де-Понтёйля, вѣрно бы, разсердился, несмотря на свою терпѣливость въ дружбѣ. Де-Понтёйль имѣлъ полное право, какъ благоразумнѣйшій изъ троицхъ, сѣсть между обоими друзьями и доказать имъ, какъ неблагоприятно не имѣть снисхожденіе другъ къ другу. — Если вы соперничаете въ любви, то подождите, пока Фиделина познакомится съ вами и потомъ сдѣлаетъ выборъ. Если же выборъ сдѣланъ будетъ не сердцемъ, что, конечно, не удивитъ ни кого изъ насъ, а по предпочтенію, основанному на другихъ причинахъ, тогда одинъ изъ васъ долженъ рѣшиться сдѣлать это большое пожертвованіе, чтобы обладать ею, или перестать напрасно оспаривать побѣду!

Неизвѣстно, что предложилъ бы д'Аркъ и де-Виллеріе другъ другу, если бы не поднялся занавѣсъ въ третій разъ и не начался балетъ, въ которомъ участвовала Фиделина, превосходная, счастливая актриса и пѣвица, которой король прислалъ во время антракта свой портретъ, осыпанный брилліантами.

Ничто не приноситъ больше счастья какъ счастье, особенно

въ театрѣ, гдѣ все рѣшается разомъ, въ минуту. Все или ниче-го: или залетаешь на небо, или падаешь ниже земли; приобретаешь тотчасъ двадцать тысячъ ливровъ годового доходу или украдкой уходишь черезъ заднія двери; черезъ окно было бы слишкомъ медленно. Въ концѣ осемнадцатаго вѣка актрисамъ, конечно, не давали жалованья съ такою расточительностью какъ нынче; но утѣренность жалованья вознаграждалась другого рода условіями, которыя они заключали въ театрѣ и условія обыкновенно чрезвычайно выгодныя, если не для нравственности ихъ, то по крайней мѣрѣ для ихъ положенія въ обществѣ. Изъ этихъ правилъ было мало исключеній. Поэтому обычай объяснял откровенность, съ которою двое молодыхъ людей торговали актрису Фиделинну и то, почему они называли ее не мадмуазель Фиделиною, а просто — Фиделиною.

Послѣ втораго успѣху молодой актрисы, казалось невозможнымъ, чтобы въ залѣ могли еще рукоплескать ей при третьемъ зрѣищѣ. Но это сомнѣніе должно было скоро исчезнуть. Досихъ-поръ восхищались только умъ и изящный вкусъ: чувства не были еще пробуждены; но ихъ пробуждали теперь движенія, заученныя по сладострастнымъ фрескамъ Геркулана; улыбки, перешедшія съ статуи на статую, со времени Фидіа до Кусту и Жирардона; танцы, столь нѣжныя и пріятныя, что описать ихъ можно было бы только развѣ ножками той, которая ихъ исполнила. Всѣ зрители перегнулись черезъ свои ложи, а стояшіе сзади выдавались впередъ, чтобы лучше видѣть, не теряя ни одного движенія, ни одной позы, ни одного гармоническаго жеста Фиделины. Никто уже не сидѣлъ: самъ король всталъ, чтобы лучше слѣдовать изъ глубины своей бархатной ложи за этимъ удивительнымъ существомъ, которое было съ часъ назадъ соловьемъ, а теперь превратилось въ бабочку.

Между избранными зрителями, сидящими на скамьяхъ окружающихъ сцену, три молодые маркиза д'Аркъ, де-Виллеріе и де-Понтѣйль, отличались своимъ безумнымъ крикомъ и хлопаньемъ; они неистовствовали: ихъ душистая пудра разлеталась во всѣ стороны; жабо и кружева колыхались какъ-бы раздуваемыя вѣтромъ; галстухи распустились; шляпы и перчатки валялись въ ногахъ. Однимъ словомъ, они бѣсновались. Даже де-Понтѣйль такъ разгорячился, что вскричалъ еще громче, чѣмъ д'Аркъ и де-Виллеріе:

— Да, я обожаю Фиделинну и если она не отвергнетъ моего признанія, то я владу къ ея стопамъ мой титулъ маркиза де-

Понтёйль, всё мои настоящія и будущія владѣнія, словомъ, про шу руки ея.

— Помилуй, Понтёйль, да ты, кажется, хочешь на ней жениться? съ удивленіемъ вскричали д'Аркъ и де-Виллеріе: а ты еще недавно хотѣлъ отправить насъ въ домъ ума лишенныхъ зато, что мы предлагали ей нѣсколько сотъ тысячъ ливровъ, если она захочетъ быть любовницею котораго-нибудь изъ насъ! Твоя жена! Фиделина! Маркиза де-Понтёйль! Кто же изъ насъ теперь самый безумный?

— Тогда я еще не видалъ, какъ она танцуетъ!

Этимъ отвѣтомъ онъ и ограничился.

Въ тотъ же вечеръ всё знали, что маркизъ де-Понтёйль до того влюбился въ Фиделину, что просилъ руки ея въ письмѣ, написанномъ подъ влияніемъ спектакля, происходившаго въ присутствіи короля и всей парижской знати.

То время было истиннымъ философскимъ вѣкомъ; во Франціи никогда не было такой терпимости и снисходительности ко всемъ политическимъ и литературнымъ мнѣніямъ. Посланіе къ Уралиш и другія подобныя стихотворенія всякій зналъ наизусть; скорыми шагами приближались къ равенству; и вотъ почему маркизъ де-Понтёйль черезъ нѣсколько дней послѣ его предложенія Фиделинѣ, получилъ слѣдующія письма. Первое:

«Любезный племянникъ,

Если ты дорожишь моимъ уваженіемъ, то постарайся, чтобы о тебѣ не говорили худо: я слышалъ будто бы ты влюбился по уши въ одну молоденькую комедіантку, которая на дняхъ дебютировала, и влюбился до того, что.... Я не оканчиваю. Есть вещи, которыхъ не должно писать, даже для того, чтобы оцѣнить ихъ какъ слѣдуетъ.

Въ ожиданіи опроверженія этихъ слуховъ, остаюсь еще, пока, твоимъ дядей.

Баронъ де-Троуваль-.

Во второмъ письмѣ сказано было слѣдующее:

«Любезный племянникъ,

Чортъ возьми! можно любить какую-нибудь скакуню и приобрѣсть ее; я тоже былъ молодъ, и потому этого оуждать не могу; но жениться на Коломбинѣ можетъ только Пьерро, а не маркизъ де-Понтёйль. Братъ твоего отца надеется, что такой неглупости ты не сдѣлаешь.

Прощай, любезный племянникъ, и не дѣлай себя всеобщимъ насмѣшлицемъ.

Твой дядя, кавалеръ де-понтёйль.»

Вотъ еще другой примѣръ современной терпимости:

«Любимый кузенъ,

Ты удивительно оригиналенъ въ первыхъ своихъ интригахъ. Дать свое имя Цыганкѣ этого, конечно, ни родня ни друзья твои не ожидали. Я тоже изъ числа твоихъ родственниковъ и также называюсь де-Понтёйль. Если ты действительно намѣренъ исполнить свое намѣреніе жениться на боже-ствѣ итальянскаго театра, то я попросилъ бы тебя покорнѣе, передъ тѣмъ подражаться со мною на шпагахъ.

Преданный тебѣ двоюродный братъ,

«Луи де-Понтёйль».

Подъ другой печатью съ гербомъ, молодой человекъ еще про-читалъ:

«Маркизъ,

«Не намѣревался принимать вынѣшней зимой моихъ знакомыхъ, я имѣю честь предупредить васъ объ этомъ тягостномъ для меня рѣшеніи. Вы легко можете вознаграить, маркизъ, лишеніе, отъ котораго я одна по-страдаю.

Примите выраженіе моего глубочайшаго почтенія,

графиня де-Рилль».

Это значило, что графиня де-Рилль выгоняетъ маркиза де-Понтёйля изъ своей гостиной.

Между всѣми этими пріятными посланіями, маркизъ прочи-талъ еще слѣдующія, замѣчательныя своимъ лаконизмомъ:

«Проклинаю тебя.

Твой отецъ де-Понтёйль».

«Я прокляну тебя.

«Ваша мать, де-Понтёйль, урожденная де-Троуваль».

«Братъ,

Я прокляну тебя, если...

Твой братъ, де-Понтёйль».

Не осталось ни одного де-Понтёйля, большого или малаго, ближняго или дальняго, который бы лишилъ себя удовольствія проклясть въ своихъ посланіяхъ маркиза де-Понтёйля, своего сына, брата, племянника или кузена.

Прочитавъ все это, маркизъ позволилъ себѣ слѣдующее раз-мышленіе: «Двѣнадцать часовъ: пора къ Фиделинѣ.»

Кстати замѣтимъ, что де-Понтёйль еще ни разу не посѣщалъ прекрасную актрису «Итальянской Комедіи» до того времени какъ получилъ эти нѣжныя письма. Онъ въ первый разъ отправля-ся къ Фиделинѣ. Карету подали, и онъ уѣхалъ.

Если ужъ актриса понравилась Парижу, то нѣтъ глупости, которой бы онъ для нея не сдѣлалъ. Вдругъ являются щеголеватые, разодѣтые старики, которые разоряютъ своихъ наследниковъ, для того, чтобы послать ей благоразумные совѣты съ приложеніемъ муфты изъ русскаго мѣху, гобеленовыхъ ковровъ, фарфоровыхъ столовыхъ часовъ, богато переплетенныхъ сочиненій классиковъ, и съ изъявленіемъ сожалѣнія, что осуждены на одно бесплодное поклоненіе. Знатныя дамы посылаютъ ей браслеты, діадемы и ожерелья съ просьбою, чтобы она одѣлалась въ такой-то роли, которая имъ понравилась. Въѣздъ съ тѣмъ она получаетъ приглашенія на вечера. Не смѣютъ надѣяться видѣть хоть полчаса у себя великую артистку, которою восхищается весь Парижъ, но если ей угодно будетъ оказать предпочтеніе просящимъ, то ее будутъ ожидать знаменитый генералъ В***, знаменитый музыкантъ Д***, знаменитый поэтъ Р***, однимъ словомъ, вся жизнь ея — непрерывный праздникъ.

Такова была уже и жизнь Фиделины: де-Понтёйль убѣдился въ этомъ, вступивъ только на лѣстницу, которая уставлена была дорогими растеніями въ богатыхъ ящикахъ. Это были подарки безъ интереса, присланные неизвѣстно отъ кого. Въ передней Фиделины де-Понтёйль запутался въ фантастической мебели, которую умоляли знаменитую актрису принять. Растенія и мебель стоили большихъ денегъ и потому ихъ позволительно было съ одной стороны предлагать, съ другой принимать. Предложить серебряные часы въ тридцать франковъ, значило бы сдѣлать непростительную наглость, но часы въ пятьсотъ можно принять.

Де-Понтёйль не безъ труда дошелъ до будоара, гдѣ Фиделина одѣвалась или переодѣвалась. Лакей и горничная не пускали его; они уже учились лгать.

Актриса, дебутировавшая съ успѣхомъ, всегда начинала съ того, что для удовлетворенія своего тщеславія, навиваетъ лакея въ ливрѣ и горничную, хотя и не знаетъ еще какъ обходиться съ ними. Она «проситъ покорнѣйше» горничную, купить ей черныхъ булавокъ; съ лакеемъ она говоритъ какъ-будто съ отцомъ и не называетъ его иначе какъ «Monsieur».

Когда молодой маркизь былъ введенъ въ будоаръ, Фиделина принимала комплименты отъ трехъ или четырехъ стариковъ, присылающихъ муфты; ее окружала также толпа очень молодыхъ людей, молодыхъ мушекъ очень лакомыхъ до перваго меду, который разливаетъ актриса, музыкантша, артистка; молочные

херувимчики, которыхъ крылья еще не вылиняли. Эти молодые люди—и поэты, и журналисты, грумы, коммиссіонеры, обожатели и хлопальщики, и все на свѣтѣ.

Де-Понтёйль, не обращая на нихъ вниманія, подошелъ къ Фиделинѣ, чтобы привѣтствовать ее, можетъ-быть уже ранѣе заготовленными словами, но очень вѣжливыми и приличными: онъ однако жъ покраснѣлъ когда пересталъ говорить. Это замѣнительство произошло отъ сильнаго впечатлѣнія, которое онъ почувствовалъ когда поближе увидѣлъ восхитительную актрису, оттого, что она была прекраснѣе и свѣжѣе при дневномъ свѣтѣ, обыкновенно гибельномъ театральнымъ красотамъ, чѣмъ вечеромъ въ театрѣ. Въ ея лицѣ изображался талантъ; оно было, такъ-сказать, драгоценною оболочкою его; ея лобъ былъ образованъ какъ у величайшихъ лирическихъ талантовъ и взглядъ ея часто останавливался съ задумчивостью; она бы, наконецъ, казалась важною и ученою безъ ея совершенно парижскаго носика: притомъ она была слишкомъ бѣла и поэтому уже не могла показаться черезъ-чуръ серіозною.

Прекрасное, впрочемъ извѣстное, средство дать замѣтить другимъ, что они мѣшаютъ; состоитъ въ томъ, чтобы не принимать участія въ ихъ разговорѣ, какъ бы онъ интересенъ ни былъ; хотя бы они были веселы, болтливы, говорили съ жаромъ, вы всё-таки холоднымъ своимъ молчаніемъ произведете на нихъ то же дѣйствіе, какое производитъ соль на шампанское. Пѣна опадаетъ и эти люди становятся положими на вино, поставленное въ ледъ.

То же самое случилось и въ будоарѣ Фиделины: всѣ ушли, вромѣ де-Понтёйля.

Комплименты истощились. Де-Понтёйль спросилъ, получила ли она маленькую записку, посланную въ вечеръ перваго дебюта ея въ «Италянскою Комедію».

— Я маркизъ де-Понтёйль, прибавилъ онъ съ скромностію.

Въ глубинѣ сердца де-Понтёйль много рассчитывалъ на дѣйствіе, которое произведетъ, произнесъ свой титулъ, и почти ошибся. Фиделина была еще такъ молода, что лицо прекраснаго молодого человѣка предпочитала самымъ громкимъ титуламъ. Впрочемъ, она до-сихъ-поръ только и принимала бароновъ, графовъ и герцоговъ. Ее однако же тронуло, хотя не очень сильно, чистосердечіе, съ которымъ де-Понтёйль изъяснялъ ей свои чувстваванія. Въ его страданіяхъ не было ничего новаго: со времени Дагиса и Хлон и даже ранѣе того, сладостныя мученія любви всегда

одни и тѣ же: томность, грусть, отвращеніе отъ всего, отчаяніе, жажда смерти. Только страсть обновляетъ этотъ старый словарь и съ пользою употребляетъ его. Де-Понтёйль увѣрялъ, что ничто на свѣтѣ не удержитъ его, что онъ тотчасъ отправится въ Великую Индію, какъ называли встарину Америку, если Фиделина не согласится выйти за него замужъ. Онъ былъ восхищенъ ея юностью, красотою, умомъ, неподражаемымъ талантомъ, милою простотою; и въ величайшемъ почтеніи къ предмету своего обожанія, онъ не иначе хотѣлъ обладать имъ, какъ давъ ему священное званіе супруги. Это бѣгство, если Фиделина допустить его до того, причинитъ живѣйшую горестъ всему его семейству, и скорое отчаяніе, потому что онъ умретъ тамъ] отъ скуки, по-крайней-мѣрѣ надѣется умереть. Потомъ молодой маркизь сталъ на колѣни, схватилъ и покрылъ слезами руку Фиделины, разстроганной противъ воли такимъ внезапнымъ и пламеннымъ изъявленіемъ любви. Онъ снова съ умоляющимъ видомъ началъ увѣрять ее въ своемъ непоколебимомъ рѣшеніи освятить бракомъ любовь, которая недоступна человѣческимъ предразсудкамъ. Съ поникшею головою, блѣднымъ лицомъ, дрожащими губами и глазами, поднятыми къ небу, ожидалъ онъ отвѣта Фиделины.

Фиделина, какъ молоденькая дѣвушка, съ удовольствіемъ слушала искреннія слова, которыя льстили ея гордости, если и не пробуждали въ ней никакого чувства. Она стояла ильвою рукою играла широкими складками затканной серебромъ занавѣски, висѣвшей у дверей будоара. Молодой маркизь засталъ ее въ negligee: она была еще пеньюаръ, украшенномъ кружевами. Свѣжесть молодости, бѣлизна ея утренняго туалета, благоуханіе будоара, удовольствіе, которое доставляли ей вѣжныя рѣчи молодого человѣка, стоящаго передъ нею на колѣняхъ, все это придавало ей такую обворожительность, что самый холодный человѣкъ не могъ бы не поддаться обольщенію. Ея большіе голубые глаза увеличались еще болѣе, для того чтобы лучше понять все, потому что ей стыдно было сказать наивность, въ то время какъ съ нею говорили какъ съ взрослою особою. Къ этому хорошему расположенію недоставало только немного любви, любви, которая могла явиться, но еще не являлась.

Де-Понтёйль всё-еще ожидалъ отвѣта Фиделины.

Между тысячею отговорокъ, которыя женщина немного смысленная могла бы употребить, чтобы отдѣлаться отъ докучнаго обожателя или обнадежить, хотя и не слишкомъ ободрить его, Фиделина не нашла другой, кромѣ слѣдующей:

— У меня съ директоромъ театра контрактъ на три года. Встаньте, маркизь.

Неизвѣстно, что отвѣчалъ бы де-Понтёйль на эту фразу, по-видимому изъяскающую, а въ самомъ дѣлѣ очень простую и основательную, если бы Фиделину внезапно не позвала какая-то дама, повелительный голосъ которой выходилъ, по-видимому, изъ сосѣдней комнаты.

Фиделина подняла занавѣску и оставила де-Понтёйля въ будоарѣ одного.

Онъ не зналъ, уйти ли ему или оставаться; наконецъ рѣшился на то, на что рѣшаются влюбленные: онъ остался. Онъ сѣлъ въ кресла и началъ разбирать отвѣтъ Фиделины. «У меня съ директоромъ контрактъ на три года.» Что это значитъ?... Онъ въ десятый разъ повторялъ эту фразу, какъ-вдругъ ясно услышалъ въ сосѣдней комнатѣ разговоръ и замѣтилъ, что Фиделина, уходя, не отодвинула табурета стоящаго у дверей, такъ что занавѣска не совсѣмъ опустилась, и маркизь могъ видѣть съ своего мѣста, въ зеркалъ висящемъ напротивъ его въ другой комнатѣ, женщину, съ которою разговаривала Фиделина.

Онъ немножко видѣлъ и все слышалъ.

— Ну, моя милая, я думаю твое новое положеніе тебѣ очень нравится? Ты переходишь отъ триумфа къ триумфу, какъ римскіе императоры. Вчера тебя закидали вѣнками.

— Да, маменька, публика ко мнѣ очень снисходительна.

— Снисходительна! Просто, справедлива, ярочка ты моя. Это всё говорятъ. Не будь я твоей матерью и торговкой, если не правда, что куда бы я ни пришла, мнѣ вездѣ говорятъ: «Мадамъ Помлѣнь, давайте намъ все что у васъ есть лучшаго: мы сегодня ѣдемъ въ «Италянскую Комедию» смотрѣть дебютантку.» Ты теперь въ модѣ, мой барашекъ, какъ мантильи à la maréchale. Пользуйся этимъ, куй желѣзо пока горячо. Поговоримъ о твоей будущности. Тебя взяли на три года.

— И я буду имѣть два отпуска.

— Это очень хорошо. Ты теперь богата; будь всегда добродѣтельна. Твой отецъ всё-еще тамъ, знаешь. Да! будь всегда добродѣтельна, подражай своей матери. Я думаю, если тебѣ нужны будутъ тонкія кружева или что бы то ни было, то ты обратишь-ся къ мадамъ Помлѣнь, твоей матери.

— Вы говорите, что батюшка всё-еще въ тюрьмѣ, несчастный!

— Между нами будь сказано, виновникъ твоихъ дней и моихъ

несчастій — пустая бочка; забылъ осветить цѣлый кварталъ въ тотъ вечеръ когда король ѣхалъ въ театръ. Но ты теперь сильна: ты поговоришь о немъ министру, моя голубка, чтобы его оставили тамъ какъ-можно долѣе. О чемъ, баша, мы говорили?

— О батюшкѣ.

— Кстати, я скажу тебѣ, твой братъ чудовище: онъ хочетъ идти въ морскую службу, просить триста ливровъ, чтобы ѣхать въ Брестъ и, вообрази, что онъ мнѣ еще говоритъ: Если вы не дадите мнѣ ихъ, то я велю освистать мою сестру Фиделину; я самъ свищу ее.

— Извольте триста ливровъ, сказала Фиделина подходя къ своему бюро: — пусть онъ ѣдетъ.

— Кажется, подумалъ де-Понтэйль, что Фиделина не очень счастлива въ своемъ семействѣ.

— Что касается до твоей сестры, продолжала мадамъ Помпленъ, то вообрази себѣ, что эта дура думаетъ, съ своей талией какъ у башенъ церкви Парижской Богоматери и съ своимъ гадкимъ носомъ, дебютировать въ «Французской Комедии» и надѣется успѣть какъ ты, лучше чѣмъ ты. Черезъ нея и тебя осмѣютъ. Засади ее въ монастырь. У тебя есть теперь приятели, покровители, ты сама скоро будешь покровительствовать. Съ твоимъ лицомъ, твоими талантами, для тебя все возможно. Ты нравишься, ты восхищаешь, будь всегда добродѣтельна и мы обѣ будемъ счастливы.

— Моимъ величайшимъ счастьемъ, мамонька, будетъ заниматься своимъ искусствомъ, которое я всему предпочитаю, съ-тѣхъ-поръ какъ я успѣла въ немъ.

— Ты говоришь какъ мудрецъ. Вотъ, видишь ли, въ наше время есть много людей неблагонамѣренныхъ, которые нѣмнотъ дурные виды на хорошенькихъ актрисъ. Они насакажутъ тебѣ тысячу тысячь комплиментовъ, которые они очень хорошо умѣютъ говорить, даже засыплютъ тебя обещаніями.

— Они, кажется съ этого и начинаютъ, мамонька.

— Да, моя пташечка. Избѣгай, избѣгай этихъ обманщиковъ. О, Господи! не можже какъ вчера я забавлялась у Итальянца съ смотри изъ моего уголка, какъ красавицы маркизы похищали тебя глазами. Это былъ настоящій штурманъ, «онтемовское сраженіе». Правда, что ты была восхитительна. Не держи только грудь такъ высоко; отъ этого талия не мало теряетъ. Ты хороша, будь прекрасна! Лучше если тебѣ будутъ завидовать, чѣмъ осма-

лѣтъ о тебѣ и особенно возбуждай зависть своимъ цѣломудріемъ. Помни всегда прекрасное изрѣченіе: будь добродѣтельна!

— Да, маменька. Но меня ждуть, позвольте....

— Она думаетъ обо мнѣ, прошепталъ де-Понтёйль.

— Видно, мать уже вамъ надоѣла, что вы, сударыня, не можете пробыть съ нею и полчаса. Вы, кажется, начинаете гордиться; вы даете мнѣ понять, что я надоѣдаю. Да, Господи, помилуй меня грѣшную! кажется даже ваша горничная изволила посматривать на меня ѣскаса.

— Ахъ! маменька, вы ошибаетесь; я очень рада когда вижу васъ. И всё у меня должны уважать васъ.

— Ну, хорошо. Такъ дай мнѣ рюмочку ликеру, чтобы оправиться. Я продолжаю свой рассказъ. Между всѣми господами, которые вчера, не позже какъ вчера, пожирали тебя глазами, я въ-особенности печалино замѣтила одного.

Де-Понтёйль слушалъ съ удвоеннымъ вниманіемъ.

— Ты, вѣрно, тоже замѣтила его, потому что вѣдь не запрещено же смотрѣть на тѣхъ, которымъ нравишься. Будь добродѣтельна, но не слишкомъ строга: это девизъ умнаго.

— Если бы вы знали, какъ трудно замѣтить и узнать даже очень знакомое лицо, когда бываешь на сценѣ! Невозможно быть столь хладнокровною, чтобы заниматься чѣмъ-нибудь другимъ кромѣ своей роли.

— Ну! такъ я одна замѣтила важную особу, которая такъ восхищалась тобою.

— Такъ вы тотчасъ узнали, что это важная особа?

— Онъ еще очень не дурень. Впрочемъ, мнѣ нравится? всѣ тѣ, которые тобою восхищаются; а онъ самъ апплодировалъ; это очень милостиво съ его стороны. Я бы хотѣла ему сказать это.

— Это было бы очень оригинально, возразила Фиделина; вы, я думаю, шутите!

— Ты угадала, моя голубушка; до него слишкомъ высоко, а ты слишкомъ добродѣтельна; и потому это показалось бы неприличнымъ. Что это у тебя тамъ прицѣплено къ зеркалу? Покажи-на!

— Это портретъ его величества: король Людовикъ-Натвадцатый самъ прислалъ мнѣ его при первомъ моемъ дебютѣ.

Де-Понтёйль вконецъ съ своего мѣста, какъ будто по его ногамъ провели каленнымъ желѣзомъ: «Уже и король!» вскричалъ онъ сдвигая ручку шпана.

— Странно! вскричала мадамъ Помлѣнь, люблюсь медальономъ: гвеподняъ, о которомъ я говорила тебѣ, самъ король Людовикъ-Пятнадцатый. Твой талантъ илѣвилъ его. Гордись же его одобреніемъ; но послушайся меня: будь добродѣтельна, всегда добродѣтельна, ддятого чтобъ мы были счастливы. Честь выше всего на свѣтѣ. Ты знаешь, честь городъ на высокой скалѣ и безъ воротъ. Пусть король любитъ тебя молча: онъ тѣмъ болѣе будетъ уважать насъ. Не старайся избѣгать его взглядовъ: нето онъ подумаетъ,, что это хитрость. Показывай, будто онъ тебѣ правится и оставайся добродѣтельною. Прощай, моя малиновка. Я отложила для тебя вышитыя перчатки, мантилью и духи: тутъ всего-только на триста ливровъ. Я жертвую собою для тебя!

— Не слишкомъ ли это дорого, маменька?

— Ты обижаешь меня!

— Слишкомъ большія издержки истощать мое жалованье.

— Да я тебѣ, просто, дѣлаю материнскій подарокъ. Ты мнѣ заплатишь не прежде какъ черезъ недѣлю. Прощай, моя милая, прощай!

— Мнѣ пришла въ голову прекрасная мысль, сказалъ самъ-себѣ де-Понтѣйлъ, услышавъ послѣднія слова доброй мадамъ Помлѣнь.

Онъ проворно сбѣжалъ съ лѣстницы вслѣдъ за торговкою.

— Послушайте, сказалъ онъ ей, когда они отошли немножко отъ дому Фиделины: я побялся объ закладъ съ однимъ моимъ пріятелемъ, который тамъ на площади, что вы продали мадамъ-зель Фиделинѣ болѣе чѣмъ на двѣсти ливровъ туалетныхъ вещей.

— Я продала на триста ливровъ, отвѣчала мадамъ Помлѣнь. Прощайте!

— Въ такомъ случаѣ, такъ какъ я черезъ васъ выигрываю двѣ тысячи четыреста ливровъ, то сдѣлайте одолженіе, примите отъ меня триста ливровъ, которые вы должны бы были получить отъ Фиделины. Вы съ нею будете квиты. Надѣюсь, вы ничего не скажете ей о смѣлости этого пари между двумя дворянами, которые глубоко уважаютъ ея талантъ и васъ.

— Такъ это ты былъ въ будоарѣ моей дочери, сказала мадамъ Помлѣнь про-себя: и ты все слышалъ; но вы намъ не годитесь, любезный маркизъ. Однако жъ твой задатокъ всё-таки пропуллемъ.

Любовь къ другимъ женщинамъ начинается любовью; любовь къ актрисѣ ревностью. Прежде чѣмъ она васъ узнаетъ, вы иибете въ двѣнадцати и тринадцати тысячекъ зрителей сопер-

никовъ, которые приходятъ за деньги восхищаться ея руками, талиєю, плечами, и вы этому не можете противиться. Вы слышите жестокія критики и похвалы, которыя поражаютъ васъ еще болѣе чѣмъ эти критики. Не должно надѣяться лучшей участи съ того дня, какъ влюбилъ въ театральную красавицу. Прошу же бросить перчатку цѣлому свѣту! Вызвать на дуэль цѣлый народъ!

Прежде чѣмъ де-Понтёйль узналъ любить ли его Фиделина, онъ долженъ былъ перенести всѣ эти мученія. Влюбленный маркизь былъ бы еще очень счастливъ, если бы эта особенная ревность не заглушалась въ сердцѣ его другою ревностью, всеобщею. Послѣ разговора мадамъ Помпэнъ съ дочерью, онъ сталъ бояться, чтобы Фиделина не склонилась на предложенія, лестныя для ея гордости. Только сильная любовь можетъ заставить молодую женщину отказаться отъ обольщенія богатства. Чувствуетъ ли Фиделина ко мнѣ такую любовь? спрашивалъ себя де-Понтёйль, вспоминая всѣ движенія и слова ея. Дѣло запутанное! Вчерашняя благосклонность уничтожается сегодняшнимъ холоднымъ обращеніемъ, которое одно ласковое движеніе заставляетъ забыть навсегда. Навсегда, значить на нѣсколько часовъ, потому что это ласковое движеніе повторяется для другаго, и вы сожалѣете, что считали себя счастливымъ. И все такъ же, все то же.

Прошло нѣсколько дней съ перваго визита маркиза де-Понтёйль Фиделинѣ, которая очень просто объяснила истинный смыслъ отвѣта на предложеніе руки его. Въ своемъ простодушномъ невѣдѣніи она думала, что послѣ договора съ театромъ она не могла заключить другаго, болѣе серіознаго и продолжительнаго. Очастливленный ея согласіемъ, молодой маркизь, первый съ этимъ титуломъ осмѣлившійся просить руки актрисы, очень хорошо понималъ, что это препятствіе не важное. Успокоенный на этотъ счетъ, онъ наслаждался надеждою и любовью, отправляясь всякій вечеръ слушать Фиделину и принося ей всякое утро множество похвалъ. Онъ, по обыкновенію, готовился сдѣлать ей визитъ, когда оба его друга, д'Аркъ и де-Виллеріе, вошли въ его комнату и заставили его отсрочить на нѣкоторое время минуту своего счастья.

— Мы оба пришли къ тебѣ съ одною цѣлю, ты долженъ выслушать насъ. Садись.

Де-Понтёйль подавилъ свое нетерпѣніе и сѣлъ.

— Мы не имѣли случая видѣться, сказалъ де-Виллеріе, съ тор-

жертвеннаго добрата Фиделии на опрѣтъ «Итальянской Комедии».

— Я очень жалѣю объ этомъ, сказалъ де-Понтѣйль.

Д'Аркъ продолжалъ :

— Присутшимъ прямо къ дѣлу. Маркизь, намъ не нравится твое поведеніе.

— Господа, очень жалѣю, но обойдусь безъ вашего одобренія.

— Въ этомъ мы не сомнѣваемся, возразилъ д'Аркъ: но не мы одни его порицаемъ. Ты можешь жениться на комъ хочешь, это твое дѣло. Но ты не вправѣ отнять у насъ, по неслыханной прихоти, самую хорошенькую актрису «Итальянской Комедии». Это дѣло очень глупое, безумное, даже хуже деспотизма откупщика.

Де-Понтѣйль хладнокровно протянулъ руку къ колонбальчику и позвонилъ; въ полуоткрытыхъ дверяхъ явился лакей.

— Что прикажете?

— Приготовь двѣ шагаи. Продолжайте, сказалъ онъ обращаясь къ д'Аркъ, который такъ же хладнокровно продолжалъ говорить.

— Что мы станемъ дѣлать, если ты, маркизь, введешь въ моду отнимать актрисъ злоумышленіемъ женитьбы? Тогда въ Парижѣ не будетъ театра. Мы не допустимъ, чтобы это вошло въ обычай.

— Между-тѣмъ, милостивые государи, всякій властенъ въ царствованіе Людовика-Пятнадцатаго жениться на женщицѣ, которая ему нравится.

— Съ отнимъ-то мы и не согласны.

Де-Понтѣйль позвонилъ; явился тотъ же лакей съ покорнымъ выраженіемъ лица.

— Снеси шагаи въ желтую карету и вели заложить.

— Слушаю.

— Такъ вы, милостивые государи, сказалъ де-Понтѣйль: хотите помѣшать мнѣ жениться на Фиделии?

Де-Виллеріе отвѣчалъ :

— Нѣтъ, не совсѣмъ. Ты можешь сдѣлать ее маркизою, когда будешь имѣть ее.

— Какъ, когда я буду имѣть ее! Развы вы хотите оспоривать ее у меня?

— А если мы убьемъ тебя, возразилъ д'Аркъ съ величайшимъ хладнокровіемъ: какъ же ты тогда женишься?

— Правда.

— Если ты убьешь де-Виллеріе или меня, ты завоюешь Фи-

должна; но до-тѣхъ-порѣ мы будемъ оскаривать ея у тебя въ глазахъ всей молодой знати, такъ же какъ и мы, оскорбленной твоимъ нестыжкомъ!

— А если я только ранен одного изъ васъ?

— Такъ какъ поражение стѣитъ какого-нибудь пожертвованія, то раненый подпишется на твоимъ свадебнымъ договоръ. Ты можешь догадаться, что не многіе знатные станутъ добиваться этой чести.

— Хорошо, сказалъ де-Понтэйль, улыбаясь съ наглою учтивостью дерзостямъ своихъ пріятелей.

— Но если ты будешь раненъ, то три мѣсяца не имѣешь права жениться на Фиделинѣ, прибавилъ де-Виллерѣ.

— Хорошо! Согласенъ и на это, сказалъ де-Понтэйль, который могъ бы отказать отъ множества разныхъ разныхъ условій, если бъ это не была первая его дуэль. Но при первой дуэли надобно покориться. Отказаться отъ условій, значило бы отказаться отъ дуэли. Условія были приняты.

— Съ кѣмъ изъ васъ буду я имѣть честь драться?

— Со мною, отвѣчалъ маркизъ д'Аркъ: мнѣ двадцать лѣтъ и два мѣсяца, слѣдовательно, я четырьмя мѣсяцами старше нашего друга Виллерѣ, моего секунданта.

— Хорошо, сказалъ маркизъ де-Понтэйль: кстати, мы заѣдемъ къ Дюввиѣ; я возьму его въ секунданты. Онъ въ это время всегда дома. Согласны?

— Согласны.

— Въ паркъ Монсо! сказалъ де-Понтэйль своему кучеру, когда оба его друга, маркизъ д'Аркъ и де-Виллерѣ сѣли въ карету.

Часа черезъ два послѣ этой дуэли, которая происходила со всей важностью, обыкновенной между истинными дворянами, де-Понтэйль шелъ обыкновенно тихими шагами по лестницѣ дома Фиделины. На его блѣдномъ, улыбающемся лицѣ видно было усиліе побѣдить безпрерывныя страданія. Боль боролась въ немъ съ гордою радостью. Въ короткое время, впродолженіи котораго слуга оставилъ его одного въ пріемной залѣ, чтобы доложить о немъ, онъ вынулъ правую руку, до половины скрытую въ жилетъ, посмотрѣлъ на кисть, обернутую два раза вышитымъ платкомъ и отяжелѣвшую отъ боли, и это движеніе, хотя очень осторожное, заставило маркиза вскрикнуть. Чтобы заглушить крикъ, онъ съ шумомъ началъ прохаживаться и что-

бы избѣжать другихъ подобныхъ случаевъ и ихъ послѣдствій, сѣлъ въ большія кресла въ углубленіи окна. Тамъ онъ принялся мечтать о томъ, какимъ горестнымъ удивленіемъ поразить Фиделинну, когда расскажетъ ей объ опасностяхъ, которымъ подвергся изъ-за нее, о ранѣ полученной за нее—несомнѣннымъ доказательствомъ его любви къ ней. Онъ будетъ скромнѣе въ своемъ разсказѣ, справедливѣе къ своему противнику; онъ расклаточитъ равною откровенностью какія жестокія условія на него наложены. Фиделинна узнаетъ отъ него, что по странной обязанности онъ послѣ этой встрѣчи не можетъ соединиться съ нею ранѣе трехъ мѣсяцевъ. Отерочка, конечно, тягостная, ужасная; но тѣмъ лучше онъ употребитъ это время для того, чтобы доказать ей, какъ его рѣшеніе непоколебимо и какъ сильна любовь, которую онъ къ ней чувствуетъ, любовь, испытанная временемъ. Человѣкъ, ослабѣвшій отъ потери крови бываетъ какъ-бы въ опьяненіи, и это опьяненіе походитъ на обморокъ отъ голоду: тутъ бываетъ и бредъ и восторженность и лихорадка. Чѣмъ болѣе человѣкъ ослабѣваетъ, теряя тяжелую, нечистую влагу, тѣмъ болѣе онъ возвышается, тѣмъ далѣе возносится въ область мысли.

Лакей вошелъ и сказалъ:—Просить пожаловать.

Сильно опершись на лѣвую руку, де-Понтѣйль всталъ и направилъ свои шаги къ столовой, гдѣ Фиделинна дожидается своего завтраку.

— Вы позволите, маркизь, сказала Фиделинна, указывая на стулъ, стоящій противъ нее на другомъ концѣ маленькаго стола уставленнаго вкусными блюдами. Такъ какъ уже скоро часъ, то я не смѣю просить васъ позавтракать со мною. Я сегодня немножко подѣвилась. Спектакль кончился вчера такъ поздно. Я велѣла подать льду, прибавила она, обращаясь къ лакею.

«Она и не спрашиваетъ отчего я пришелъ къ ней сегодня такъ поздно», подумалъ де-Понтѣйль.

— Вы хорошо дѣлаете, что по-дольше отдыхаете, отвѣчалъ онъ Фиделиннѣ: это нужно для здоровья. Играть и поздно ложиться — это ужасно утомительно. Впрочемъ, слава за все вознаграждаетъ.

— Вы напомнили мнѣ, сказала Фиделинна, отплативъ маркизу за эту лесть прелестною улыбкою: что я ожидаю Gazette de France, гдѣ, какъ я слышала, пишутъ о моихъ дебютахъ, Gazette de la Cour и Mercure galant, которыя, какъ меня увѣрили, тоже занимаютъ мною. Посмотри, сказала она лакею: нѣтъ ли ихъ

въ ящикѣ. Впрочемъ, я не очень любопытствую прочесть ихъ. Фиделина, вѣроятно, забыла, если не лгала, что уже въ шестой разъ посылала за газетами.

« Она даже не замѣчаетъ моей блѣдности!» подумалъ де-Понтѣйль, который всё-таки отвѣчалъ:

— Если бъ я зналъ, что вамъ носить газеты такъ поздно, я бы купилъ по дорогѣ.

— Вы слишкомъ добры, это совсѣмъ не къ-спѣху. Маркизъ, налейте мнѣ пожалуйста чаю.

« Она даже не замѣтила, что я наливалъ ей лѣвою рукою и дрожа. О чемъ она думаетъ?»

Лакей положилъ на скатерть подлѣ руки Фиделины обѣ газеты и журналъ, которыхъ она ожидала.

— Хорошо. Мы прочтемъ ихъ послѣ завтрака или днемъ.

— Отчего же не теперь? спросилъ де-Понтѣйль.

— Это лишило бы меня удовольствія разговаривать съ вами, маркизъ.

— Нѣтъ, я такъ же интересуюсь какъ и вы, Фиделина, узнать что думаютъ о вашемъ талантѣ господа умники.

— Неужели вамъ тоже любопытно? сказала Фиделина, которая сгарала отъ нетерпѣнія прочесть газеты. Если вы непременно хотите...

Де-Понтѣйль почувствовалъ лихорадку.

Фиделина продолжала:

— Ну! такъ прочтите ихъ мнѣ. Я буду имѣть удовольствіе слушать васъ.

Такъ какъ де-Понтѣйлю невозможно было употребить при чтеніи обѣ руки, то онъ раскрылъ, опираясь на столъ, *Gazette de France* и разложивъ ее съ тягостною неловкостью, которую Фиделина въ своемъ нетерпѣливомъ ожиданіи не замѣтила, началъ читать:

« Его величество въ пятый разъ осчастливилъ своимъ присутствіемъ дебютъ мамзель Фиделины, актрисы, подающей большія надежды. Около половины спектакля король, восхищенный юнымъ талантомъ прелестной актрисы благоволилъ ободрить ее нѣсколькими милостивыми рукоплесканіями, которыя были счастливымъ сигналомъ громкихъ изъявленій восхищенія, раздавшихся во всемъ театрѣ. Полчаса спустя, передъ тѣмъ какъ опустили занавѣсъ, его величество оставилъ свою ложу и отправился въ Тюильри, гдѣ былъ балъ.»

— Очень учтиво, но холодно, сказала Фиделина: здѣсь чаще

говорится объ его величествѣ чѣмъ обо мнѣ. Впрочемъ мнѣ содѣтовали мало обращать вниманія на критики газетъ.

— О королѣ и о васъ объявляютъ вмѣстѣ: это уже большая честь! замѣтилъ де-Понтѣйль, дѣлавшій при чтеніи отъ боли гримасы, которыхъ Фиделина ни разу не замѣтила.

— Можетъ-быть, продолжалъ онъ, Gazette de France посвятила болѣе мѣста оцѣнки вашихъ талантовъ.

И онъ развернулъ вторую газету съ большою недовольною чѣмъ первую.

— А! вотъ, сказалъ онъ, ваше имя начертано большими буквами въ началѣ статьи. Прочтемъ:

« Не бывало примѣровъ такихъ прекрасныхъ дебютовъ въ «Италіанской Комедіи». Мадамозель Фиделина соединяетъ въ себѣ молодость, красоту, прелесть. Зато съ чѣмъ успѣхомъ можно сравнить ея успѣхи? Она умѣла присоединить для своей пользы къ похваламъ старыхъ любителей, похвалы молодой знати и почти всего двора. Въ памятные вечера, въ которыхъ она играетъ, энтузіазмъ такъ великъ, что почти забываютъ о присутствіи короля и саповниковъ, сопровождающихъ его. До чего достигнетъ талантъ, столь высокій и которому предстоитъ такое блестящее поприще!

— Боже мой, какъ я счастлива, что меня такъ прекрасно хвалятъ! невольно вскричала Фиделина, сердце которой открылось честолюбію.

« Какъ я страдаю! Я чувствую: кровь течетъ изъ моей раны » шепталъ де-Понтѣйль.

Фиделина позвонила.

— Лапровансъ, возьми эти столовые часы и снеси тотчасъ къ редактору Gazette de France; отдай привратнику. Не говори отъ кого они присланы. Не говори ничего. Возьми кого-нибудь съ собою. Ступай скорѣе.

— А что говорить гордый Mercure? спросила Фиделина.

Похвалы ее разлакомили. Похвалами можно вызвать со дна океана актрису, которая три года назадъ утонула.

— Сдѣлайте одолженіе, разрѣжьте листы вашимъ ножомъ, сказалъ де-Понтѣйль, протянувъ къ ней книжку лѣвою рукою.

Не спрашивая о причинѣ такой странной просьбы отъ дворянина съ весьма изысканными манерами, Фиделина поспѣшно разрѣзала листы столовымъ ножомъ.

— Вотъ статья, касающаяся до меня: «Италіанская Комедія.»

— Держите книгу открытою, Фиделина; я буду читать стоя подлѣ васъ. «Мнѣ бы никакъ не удержать книгу;» подумалъ де-Пон-

тѣйлъ, вставъ съ своего мѣста и помѣстившись за Фиделиною. Едва держась на ногахъ, онъ принялся читать.

«Всякій годъ «Италянская Комедія» считаетъ за обязанность, отъ которой мы охотно бы ее избавили, выпускать дебютантокъ, которыхъ задолго передъ тѣмъ расхваливаютъ. Что касается до насъ, то мы не понимаемъ необходимости прерывать правильное теченіе обыкновенныхъ представленій, чтобы открыть путь притязаніямъ, обыкновенно ни на чемъ не основаннымъ.»

— Какой дерзкій тонъ! громко сказала Фиделина.

Де-Понтѣйлъ уже не понималъ что читаетъ, и продолжалъ:

«Мамзель Фиделина не дурна собою, хотя слишкомъ жеманна; но она должна бы сперва поучиться на второстепенныхъ театрахъ, прежде чѣмъ вступить на сцену «Италянской Комедіи». У нее почти нѣтъ голоса; и эта малость вырывается терзающими звуками. Ея метода плоха, наперы безъ благородства. Мы видимъ въ ея дебютахъ дарованіе и живое и обманчивое, какъ для нее, такъ и для насъ.»

— Негодяй! вскричала Фиделина. Ахъ, если бъ кто поколотилъ его порядкомъ.

Де-Понтѣйлъ окончилъ, едва дыша, послѣднюю фразу:

Впрочемъ, мамзель Фиделина довольно хороша собою, чтобы имѣть успѣхъ въ «Италянской Комедіи» и безъ голоса.

— Это уже оскорбленіе! вскричала Фиделина; но я отищу за себя!

Когда она оглянулась, чтобы посмотрѣть раздѣляетъ ли маркизъ ея негодованіе, де-Понтѣйлъ упалъ, совершенно ослабѣвъ и истекая кровью.

Теперь только Фиделина узнала, что де-Понтѣйлъ равенъ.

Впрочемъ это была женщина предобрая.

Вѣкъ, въ которомъ происходила наша исторія, былъ золотымъ вѣкомъ актрисъ въ настоящемъ и переносномъ смыслѣ слова. Какой дворянинъ, не много уважающій себя, не жертвовалъ части своего имѣнія актрисѣ? Ватто передалъ намъ свидѣтельства легкомысленной расточительности этихъ милыхъ созданій, которыя заказывали ему свои портреты для его славы, для нашего назиданія. Его легкая кисть представляетъ ихъ намъ почти во всѣхъ дѣйствіяхъ ихъ беззаботной жизни: то онѣ спятъ на травѣ и держатъ въ своихъ маленькихъ ручкахъ длинные погалы Ан (такъ сначала называли шампанское); то качаются по воздуху на качеляхъ, предоставляя па волю зефиру свои легкія платья; то полулежатъ на софѣ, теряя въ искусномъ снѣ свои туфли и перчатки; то играютъ на мандолинѣ и позволяютъ брать

на своихъ плечахъ то, чего въ нотахъ совѣмъ нѣтъ; однимъ словомъ, Вагго передамъ намъ ихъ біографію и портреты, не заботясь о моральности своего труда.

Онъ забылъ только матерей этихъ актрисъ и нельзя не пожалѣть объ этомъ, потому что онѣ переводятся вмѣстѣ съ богами, то есть, съ тѣми, которыя дѣлали богини изъ дочерей актрисъ. Мадамъ Помленъ заключала въ себѣ ихъ всѣхъ. Съ самаго дѣтства дочери, она возлагала на нея всѣ свои надежды; при каждой прелести, которае открывалась въ ней, она говорила: «И это для «Италіанской Комедіи»; вотъ ножка, которая стѣбитъ по-крайней-мѣрѣ три тысячи ливровъ въ годъ; а эти волосы вдвое болѣе.» А когда узнавъ, что у Фиделины пріятный и вѣрный голосъ, она вскричала: «Теперь состояніе мое составлено. Полно жить на хлѣбахъ. Наймемъ квартиру и купимъ мебель.»

Надобно признаться, что мадамъ Помленъ ничего ни жалѣла для воспитанія своей дочери: каждая способность Фиделины была развита, образована и улучшена особенными учителями музыки или танцевъ, языковъ или рисованія, декламации или изящныхъ тѣлодвиженій. Этимъ можно объяснить себѣ дѣтельность, съ которою она смотрѣла за дочерью и гордость при первыхъ успѣхахъ ея въ «Италіанской Комедіи». На другой день послѣ перваго, рѣшительнаго испытанія, она наняла для своей дочери прекрасную квартиру въ одномъ небольшомъ, но великолѣпномъ домѣ; горничную и лакея; взяла на три мѣсяца карету. Эта роскошь была обдуманна логически; надобно было окончить начатое, но такъ какъ Фиделина не могла продолжать этой роскоши, какъ бы велико ея жалованье ни было, то мадамъ Помленъ нужно было, чтобы она тотчасъ успѣла, для того чтобы всѣ ея старанія, труды и заботы не пропали.

Изъ разговора мадамъ Помленъ съ дочерью, видно, до какого безумія доходила ея материнская гордость. Король апплодировалъ ея дочерн; король подарилъ Фиделинѣ свой портретъ, король желалъ добра всѣмъ молодымъ женщинамъ; это было очень извѣстно: значитъ, дочь ея понравилась королю. На этой мысли она строила всѣ свои воздушные замки. Она съ радостью дала бы написать на плечѣ своей дочери слова, которыя гравировать на англійскихъ пушкахъ: King's own (королевское добро).

Въ оправданіе мадамъ Помленъ надобно сказать, что въ ея время не было примѣровъ, чтобы актрисы соединялись съ человекомъ, который имъ нравился, иначе какъ сердцемъ. Не было даже ни одного чуда въ этомъ родѣ. Поэтому правы того времени объ-

ясняютъ, если не оправдываютъ, поступки мадамъ Помпёнъ, которая покорила безразсудной слабости искать короля вмѣсто мужа, котораго не могла предложить своей дочери. Если ужъ надобно искать чего-нибудь взаимнѣе лучшаго, то здравый разсудокъ велитъ искать самаго блестящаго, а у мадамъ Помпёнъ было много здраваго разсудка. По всѣмъ этимъ причинамъ она съ досадою смотрѣла на постоянныя искательства маркиза де-Понтёйлъ. Для нея это былъ волкъ въ овчарнѣ. Пообдумавъ все хорошенько, она вознамѣрилась поступить рѣшительно, чтобы зло не усилилось. Мадамъ Помпёнъ явилась къ маркизу де-Понтёйлъ. Совершенно оправившись отъ своей раны, онъ думалъ въ то время о подробностяхъ своего вечерняго туалета. Фиделина играла въ новой оперѣ, написанной Седеномъ; весь Парижъ хотѣлъ присутствовать на этомъ спектаклѣ, на которомъ она навсегда утвердитъ свой успѣхъ и приобрететъ славу, или оправдастъ слова тѣхъ, которые утверждали, что она нравится потому только, что молода и хороша. Маркизъ только и думалъ, что объ этомъ вечерѣ, до котораго оставалось нѣсколько часовъ. Онъ не могъ не принимать участія во всемъ, что касалось до Фиделины: мнѣнія публики о ея талантахъ, закулисныя сплетни, соперничество въ роляхъ, критики газетъ, все это его интересовало.

Замѣтимъ кстати, что редактора журнала *Mercur*, въ которомъ говорили о Фиделинѣ такъ дерзко, публично отколотили палками. Во Франціи ужъ начинали понимать пользу критики.

Де-Понтёйлъ побѣждалъ принять мадамъ Помпёнъ, которая не долго заставила его мучиться любопытствомъ.

— Вы меня не ожидали, маркизъ?

— Я всегда готовъ принимать любезныхъ женщинъ, мадамъ Помпёнъ.

— Вы меня успокоиваете. Ваши посѣщенія, маркизъ, дѣлаютъ намъ, съ дочерью, большую честь; но вмѣстѣ съ тѣмъ они причиняютъ намъ ужасный вредъ.

— Я не понимаю, какимъ образомъ мои посѣщенія могутъ вредить вамъ; но мнѣ кажется, что до-сихъ-поръ они не были противны мамзель Фиделинѣ.

— Дочь моя — дурочка; она дурно дѣлаетъ, что слушаетъ ваши любовныя розказни.

— Я люблю ее.

— Тѣмъ хуже!

— Она меня тоже любить.

— Тѣмъ хуже! тѣмъ хуже!

— Я восхищаюсь ея талантомъ.

— Вы насъ губите!

— Я уважаю ее.

— Вы разоряете насъ навсегда!

— Я ниѣю на нее самыя честныя виды.

— Вы сведете насъ въ богадѣльню!

— Но объясните же мнѣ, какимъ образомъ мои посѣщенія могутъ произвести всѣ эти ужасныя послѣдствія.

— Могутъ подумать, что вы ея любовникъ.

— Чтò же тутъ худаго?

— Хорошо, господинъ маркизъ, если ужъ вы принуждаете мать сказать всѣ свои мысли, то поговоримъ откровенно. Дочь моя должна или оставаться добродѣтельною или уступить оболъщени-ямъ, которыми она окружена. Сѣредины тутъ нѣтъ и, я желаю, чтобы она осталась чистою и цѣломудренною.

Мадамъ Помпёнъ чихнула: — Кажется у меня начинается на-сморкъ, сказала она.

Потомъ она продолжала :

— Но если она, къ-несчастью, забудетъ свои обязанности; я должна заботиться какъ-нибудь, чтобы ея судьба была какъ воз-можно счастливѣе, несмотря даже на ея недостатки.

— Я кажется понимаю васъ, мадамъ Помпёнъ.

— Такъ вы сожалѣете обо мнѣ.

— Напротивъ, я удивляюсь, сказалъ де-Понтёйль, пододвинувъ кресла къ своей собесѣдницѣ, чтобы лучше говорить шопотомъ, и прибавилъ :

— Мадамъ Помпёнъ, чтò если бы я послалъ васъ въ одно изъ моихъ помѣстій въ Нормандіи, гдѣ бы вы проводили цѣлый годъ тихую жизнь?

— Я очень люблю тихую жизнь, отвѣчала мадамъ Помпёнъ.

— А вашего мужа я бы сдѣлалъ моимъ лѣсничимъ въ Лор-ренъ.

— Противъ этого я то же не имѣю никакого возраженія, если мы будемъ такъ далеко другъ отъ друга, отвѣчала мадамъ По-мпёнъ.

— Вашей старшей дочери, сестрѣ Фиделины, я дамъ хорошее приданое, чтобы она скорѣе вышла замужъ.

« Этотъ молодой человекъ, я вижу, уважаетъ наше достоин-ство », подумала мадамъ Помпёнъ.

— Чтò касается до вашего сына....

— Это мой портретъ, прервала его мадамъ Помпёнъ.

— Чтò касается до вашего сына, онъ будетъ управлять плантациею моего дяди въ Калькуттѣ и получать двадцать лѣтъ содержаніе въ шесть тысячъ ливровъ.

— Но, я слышала, что въ этой нездоровой странѣ нельзя прожить болѣе пяти лѣтъ.

— Случается.

— Я дамъ вамъ завтра отвѣтъ, сказала мадамъ Помлѣнъ, вставая.

— А я завтра подпишу всѣ эти выгодныя условія, которыя я имѣлъ честь предложить вамъ, — если вы ихъ примете.

— И такъ до завтра, маркизъ.

— Мое почтеніе, мадамъ Помлѣнъ.

Мадамъ Помлѣнъ вышла.

— Благородная дѣвушка, вскричалъ маркизъ, цѣлуя портретъ Фиделины: я вырву тебя изъ этой грязи.

Дверь комнаты отворилась.

— Это я, господинъ маркизъ: не нужно ли вамъ нѣсколько дюжинъ самыхъ тонкихъ батистовыхъ платковъ?

— Я покупаю все, что вамъ угодно будетъ отдать моему камердинеру.

«Если бы этотъ человѣкъ былъ хоть только маршаломъ Франціи, шептала мадамъ Помлѣнъ, сходя съ лѣстницы, то, право, можно бы предпочесть его.»

По этимъ прекраснымъ мыслямъ мадамъ Помлѣнъ, можно догадаться, отчего она отложила до другаго дня условія, предложенныя маркизомъ де-Понтѣйль. Она хотѣла въ этотъ вечеръ въ послѣдній разъ попытать счастья. Вечеръ начинался.

Стеченіе публики, собравшейся въ «Италіянскую Комедію» слушать Фиделину въ новой роли, было еще значительнѣе, чѣмъ въ первый изъ ея счастливыхъ дебютовъ. Два графа, пришедшіе въ одво время къ рѣшеткѣ продавца билетовъ, заспорили между собою о томъ, кому изъ нихъ обладать единственнымъ оставшимся билетомъ второй галереи; они отошли въ сторону и обнажили шпаги. Младшій былъ раненъ; другой получилъ билетъ, можно сказать, купленный цѣною крови.

Желаніе слушать восхитительное пѣніе прекрасной актрисы было не единственною причиною этого стеченія. Умы недовольные или, если выразиться съ болѣею снисходительностію и состраданіемъ, люди съ несчастнымъ характеромъ, разговаривая въ кофейныхъ, насмѣшливыми статьями подвергли въ газетахъ сомнѣ-

нiю нѣкоторыя изъ музыкальныхъ способностей Фиделины и это довело до изступленiя восторгъ самыхъ разсудительныхъ ея почитателей. Къ ожидаемому удовольствию примѣшивался и нѣкоторыя опасенiя: боялись, чтобы недоброжелательство не выразилось какими-нибудь оскорбительными изъясненiями.

При нынѣшней нашей темной, однообразной одеждѣ, трудно представить какой блескъ придавало залѣ богатство тогдашнихъ нарядовъ. Все золото, всѣ брилiянты, переходящiе изъ рода въ родъ, до послѣднихъ потомковъ, блистали и свѣтлѣлись. Богатство служило бронею знатности, благородный металлъ облекалъ важный титулъ; вся Францiя была одною діадемою, въ которой король былъ самымъ большимъ перломъ.

Хотя при смерти, король всё-таки отправился въ театръ разсѣяться немного отъ своихъ страданiй; при его входѣ оркестръ началъ играть увертюру; и завѣсь готовъ былъ подняться, чтобы показать новую пиесу и актрису, столь желанную.

Въ это время также много толковали о маркизѣ де-Понтѣйлѣ, какъ и о Фиделинѣ: во всякой ложѣ говорили о его безразсудномъ намѣренiи, которое онъ такъ долго поддерживаетъ, о его ссорахъ съ семействомъ и со всѣми родственниками, о холодности его друзей, которые стыдятся такого неслыханнаго союза, о его дуэли съ маркизомъ д'Аркъ, великодушнымъ мстителемъ обиды, нанесенной однимъ всѣмъ. За исключенiемъ нѣкоторыхъ философовъ, воспитанныхъ въ школѣ Ж. Ж. Руссе и Дидро, никто не имѣлъ къ нему снисхожденiя. Единогласно рѣшено было, что всѣ двери будутъ для него закрыты и мы уже видѣли, что безразсудный маркизъ съ самаго начала своей страсти подвергся исполненiю этихъ угрозъ. Но онъ уже на все рѣшился: онъ былъ богатъ и могъ обойтись безъ помощи другихъ; онъ маркизъ, и никто не могъ запретить ему сдѣлать Фиделину маркизою, женившись на ней. И какая восхитительная маркиза будетъ она, съ своимъ очаровательнымъ манерами, съ своимъ талантомъ, красотой и прекраснымъ характеромъ! Въ первый разъ генiй соединился съ титуломъ. Это начинался переворотъ: маркизъ де-Понтѣйлъ подавалъ первый сигналъ.

Фиделина должна была явиться только въ концѣ перваго акта, и это было такъ сдѣлано для того, чтобы средства ея не истощились въ началѣ, и чтобы она приберегла всѣ свои средства для втораго и послѣдняго дѣйствiя оперы Седена.

Она являлась; зала задрожала отъ рукоплесканiй; дожидаться пока король начнетъ, на этотъ разъ было невозможно. Король

не разсердился на это и рукоплескалъ не менѣе другихъ. Всѣ замѣтили, что теперь молодая актриса соединяла съ своимъ талантомъ драгоценное пособіе опытности. То же обиліе, могущество средствъ; но болѣе искусства въ управленіи ими, въ распредѣленіи ихъ, чтобы ни одной нотки не оставить въ тѣни. При ея дебютѣ, она имѣла успѣхъ; теперь торжествовала.

Первый актъ кончился какъ побѣда.

Надобно сказать, что второй актъ былъ написанъ единственно для Фиделины; она почти весь этотъ актъ наполняла.

Она начала свою большую арію и всѣ слушали ее съ величайшимъ вниманіемъ, съ восхищеніемъ. Вдругъ въ этой глубокой тишинѣ раздался залпъ свистковъ. Фиделина зашаталась, погнѣдилась, упала. Пол-залы почувствовало этотъ ударъ. Всѣ молодые люди схватились за шпаги; дамы громко изъявляли свое негодованіе, король привсталъ въ гнѣвъ: осмѣлились свистать въ его присутствіи.

Де-Понтэйль подбѣгаетъ къ Фиделинѣ, поднимаетъ ее въ глазахъ двухъ тысячъ зрителей и несетъ въ фойѣ, гдѣ ей подають пособіе.

По всей залѣ повторяли съ негодованіемъ: «Это заговоръ! гнусный заговоръ! — Вотъ здѣсь свистали. — Нѣтъ, вонъ тамъ! — Нѣтъ, въ верху! — Негодаевъ схватили! — Нѣтъ, они убѣжали! — Нѣтъ, нѣтъ, задержаны!»

Впродолженіи этой бури, прелестная Фиделина, съ помощію докторовъ, призванныхъ де-Понтэйлемъ, пришла въ себя; съ возвращеніемъ сознанія, позоръ, которому она подверглась, огорчалъ ее еще болѣе. Если бы ей можно было выбирать, то она предпочла бы смерть воспоминаніямъ объ оскорбленіи, которое потерпѣла. Чего не говорилъ ей маркизь въ утѣшеніе! Онъ приводилъ имена всѣхъ великихъ артистовъ, которыхъ дебюты были ознаменованы такими же оскорбленіями; онъ говорилъ ей о негодованіи всѣхъ зрителей и прибавилъ наконецъ, цѣлуя ея руку: «Черезъ три дня кончится срокъ обязательству, которое несчастная дуэль привудила меня принять на себя, черезъ три дня вы будете моею женою, маркизою де-Понтэйль. Къ чему же плакать и отчаяваться, когда ваше счастье у вашихъ ногъ?»

Въ фойѣ явился пажъ Людовика-Пятнадцатаго и подойдя къ Фиделинѣ сказалъ ей: — Король приказалъ узнать о вашемъ здоровьѣ.

Эти слова, которыя немногія актрисы слышали отъ короля, ввухили Фиделинѣ слѣдующій отвѣтъ:

— Господинъ режиссёръ, велите поднять занавѣсъ: я буду играть или умру!

Энтузіазмъ публики разразился втрое громче прежняго, когда Фиделина, блѣдная, но мужественная, вышла на аванъ-сцену и начала пѣть. Она была трогательна, восхитительна, проникала въ сердца всѣми путями. Де-Понтёйль съ ума сходилъ отъ блаженства и опасенія: онъ боялся, что Фиделина не вынесетъ такого сильнаго волненія.

Занавѣсъ, къ общему сожалѣнію, опустился и прекратилъ такое прекрасное мщеніе.

Зала въ нѣсколько минутъ опустѣла; не осталось ни одного человѣка.

Виновать, я ошибся: какая-то женщина еще не выходила. Она отъ души смѣялась, поглядывая то на опустѣлыя мѣста зрителей, то на сцену.

Если бы кто могъ читать въ душѣ этой женщины, тотъ увидѣлъ бы слѣдующія слова:

«Если бы я не велѣла освистать Фиделину, то ее никогда бы не вызвали. Добро и зло удались мнѣ, и все хорошо. Король носылъ къ Фиделинѣ пажа въ то время, какъ она лежала въ обморокѣ въ фойѣ; завтра тотъ же пажъ придетъ, можетъ-быть, къ ней.»

Эта достопочтенная особа, эта женщина, была мадамъ Помленъ.

Ей мы обязаны обычаемъ вызывать актрисъ. Это изобрѣтеніе матери, улучшенное внослѣдствіи любовниками.

Но мадамъ Помленъ напрасно надѣялась: пажъ на другой день къ Фиделинѣ не приходилъ: ночью Людовикъ-Пятнадцатый скончался. Черезъ недѣлю Фиделина передъ алтаремъ получила титулъ маркизы де-Понтёйль. Парижская знать одѣлась въ трауръ: великое сумасбродство совершилось. Мадамъ Помленъ сказала на этотъ счетъ слѣдующія замѣчательныя слова:

— Замужство не бывалое; но мнѣ всё-равно: я женщина безъ предразсудковъ.

И такъ, птичка была въ клеткѣ: Фиделина называлась маркизою де-Понтёйль.

Измѣнивъ свои обычаи по своему новому положенію, Фиделина отправлялась на репетицію не иначе какъ въ портшезѣ, и

когда она возвращалась со сцены за кулисы, два лакея въ богатой ливреѣ накидывали на плеча ея шаль или подавали ей стаканъ сахарной воды. Въмѣсто бусъ, которыя она носила прежде, теперь у ней на рукахъ, на шеѣ и въ ушахъ блистали брилліанты, которыми всё ея подруги завидовали. Она сдѣлалась дотога осторожно въ обхожденіи съ другими актрисами, вчера еще ей равными, что тѣ были глубоко оскорблены ея вѣжливостью, и не стали говорить съ нею. По-немногу она совершенно отдѣлилась отъ общества, въ которомъ прежде жила. Но не Понтёйлъ отлучилъ Фиделинну отъ прежнихъ ея привычекъ; напротивъ, онъ почиталъ величайшимъ счастьемъ слушать, какъ ей аплодируютъ дѣтъ тысячи зрителей, восхищенныхъ ея голосомъ.

Онъ былъ счастливъ, какъ бываетъ всякій человѣкъ, желанія котораго исполнились послѣ побѣды надъ препятствіями; родственники избѣгали встрѣчи съ нимъ, но онъ это предвидѣлъ; за исключеніемъ д'Арка и де-Виллеріе никто изъ прежнихъ пріятелей не посѣщалъ его, но и этого онъ также ожидалъ. Неудовольствія явились съ той стороны, съ которой онъ ихъ всего менѣе ожидалъ: отъ родственниковъ его жены. Непостижимая вещь! Молодой Помдёнъ объявилъ, что онъ не намѣренъ покинуть Францію, чтобы умереть отъ желтой лихорадки въ Индіи; отецъ Фиделинны говорилъ, что для него унизительно быть мѣсничимъ, хотя онъ прежде былъ фонарщикомъ, а мадамъ Помдёнъ боялась соскучиться въ помѣстьѣ своего зятя, въ Нормандіи. Впрочемъ, ихъ усовѣстили, замлативъ имъ сколько они потребовали.

Де-Понтёйлъ скоро остался совершенно одинъ съ своею женою и она, конечно, замѣнила ему все. Съ нею и черезъ нея утѣшался онъ въ томъ, что терпѣлъ отъ презрѣнія и гнѣва знати. Не мудрено: онъ обладалъ сокровищемъ любви, красоты и славы! Что ему было за дѣло до другихъ!

— Мой другъ, сказала ему Фиделинна мѣсяца черезъ два послѣ свадьбы: мнѣ неприлично играть, какъ какой-нибудь провинціальной актрисѣ, въ трехъ разныхъ родахъ драматическаго искусства: комедіи, оперѣ и балетѣ. Серьезный талантъ не долженъ такъ измѣльчаться.

— Не забудь, съ пѣжностью возразилъ де-Понтёйлъ: что ты приобрѣла славу, доказавъ, что можешь успѣть во всѣхъ трехъ родахъ; если ты опустишься, на тебя перестанутъ смотрѣть, какъ на необыкновенное существо; потому что ограничиться хотя еще обширнымъ кругомъ дѣйствія, но всё таки меньшимъ противъ прежняго, значитъ — опуститься.

— Мое личное достоинство заставляет меня ограничиться нѣмъ: я хочу быть только пѣвицею; это долг, еще довольно видная. Не правда ли?

— Конечно, Фиделина. Но я всё-таки спрошу тебя: развѣ играть въ комедіяхъ ниже чѣмъ пѣть въ операхъ?

— А успѣвать въ обоихъ родахъ всё-таки ниже, чѣмъ въ одномъ которомъ-нибудь. Великіе таланты всегда исключительны. Притомъ комическая труппа такъ бѣдна, а балетная такъ развратна, что, право, мнѣ стыдно мѣшаться съ этими людьми. Притомъ я такъ хочу. Согласись, другъ мой, что этого довольно.

— Конечно, Фиделина. Если ты хочешь, то будешь только пѣть и не станешь ни говорить, ни танцовать на театрѣ. Только, повѣрь мнѣ, публика будетъ очень жалѣть объ этомъ, хотя и безмолвно.

— Мы усмиримъ по-немногу эту тигрицу, отвѣчала маркиза, и велѣла сказать носильщикамъ, чтобы они приготовили пертшезъ, потому что она отправляется на репетицію.

Де-Понтѣйлъ провожалъ ее, что онъ нерѣдко дѣлалъ послѣ своей женитьбы; это было дѣло обыкновенное; многие молодые люди этимъ только по утрамъ и занимались. Сидя въ креслахъ, онъ присутствовалъ при репетиціи, какъ-вдругъ вошелъ въ театръ молодой человекъ, щеголевато закутанный въ зеленый плащъ, работы знаменитаго Сильвандра, перваго портнаго того времени. Онъ подошелъ къ Фиделинѣ и фамиліарно ударилъ ее по плечу.

Эта вольность показалась де-Понтѣйлю очень странною.

— Я изъ Бордо, сказалъ вовопришедшій.

Фиделина, не отвѣчая, посмотрѣла на него съ головы до ногъ.

— Въ Бордо, я не безъ удовольствія, хотя и съ удивленіемъ, узналъ о твоихъ успѣхахъ.

Маркизу показалось, что онъ все это видитъ во снѣ; онъ покалъ глазами палки, чтобы поколотить наглеца.

— Нарцисъ и Флоримонъ, которые знали тебя когда ты была хористкою, просили меня тебѣ кланяться.

Фиделина съ досадою оборотилась спиною къ человеку, который такъ невѣжливо говорилъ съ нею, а тотъ подбѣжалъ къ ней и остановилъ ее, схвативъ за талію.

Въ то же время онъ получилъ ударъ, отъ котораго у него слетѣла шляпа, и съ гнѣвомъ оборотился.

— Это я тебя, сказалъ ему маркизъ де-Понтѣйлъ: грубиянъ, кто позволилъ тебѣ говорить такимъ тономъ съ маркизою? Люди! сюда!

— Всѣ въ театрѣ говорятъ другъ другу ты, возразилъ обиженный отдавая полученный имъ ударъ: и я думалъ, что первый любовникъ какъ я, имѣеть полное право говорить такимъ образомъ съ первою пѣвицею.

— Какой урокъ! ворчалъ про себя маркизъ де-Понтёйль. Да, всякій здѣсь съ перваго комедіанта до ламповщика можетъ говорить женѣ своей « ты ». Въ театрѣ такое обыкновеніе.

— Я извиняюсь передъ вами, милостивый государь, сказалъ онъ актеру въ зеленомъ плащѣ, я готовъ дать вамъ какое угодно удовлетвореніе.

Актеръ, человекъ умный, принялъ извиненіе и шепнулъ де-Понтёйлю на-ухо:

— Иногда, маркизъ, графини, восхищенные нашими талантами, награждаютъ насъ своею благосклонностью; но изъ-за этого мы не требуемъ, чтобы онѣ выходили за насъ замужъ.

Чтобы сдѣлаться мужемъ Фиделины, маркизъ де-Понтёйль поссорился съ барономъ де-Троаваль, своимъ дядею съ материнской стороны, съ кавалеромъ де-Понтёйль, дядею съ отцовской стороны, со всѣми своими двоюродными братьями безъ исключенія; онъ былъ отвергнутъ всѣми парижскими обществами и проклятъ отцомъ и матерью; получилъ рану на поединкѣ съ своимъ лучшимъ другомъ; былъ въ театрѣ въ тотъ вечеръ какъ Фиделина упала въ обморокъ; вступилъ въ родство съ Помпеланами, нравы которыхъ мы описали; и, наконецъ, долженъ былъ извиниться передъ актеромъ, который говорилъ женѣ его « ты ».

Всѣ эти неудовольствія и тысячи другихъ не повергли однако же Понтёйля въ уныніе. Величайшимъ для него наслажденіемъ было усѣсться въ уголку театра, когда Фиделина играетъ и сказать себѣ: «Всякій удивляется ей, всякій любитъ ее; вотъ этотъ молодой человекъ будетъ цѣлую ночь видѣть ее во снѣ; всѣ завидуютъ ей, а она—моя! она принадлежитъ мнѣ, она моя жена!»

Впрочемъ маркизъ не ошибся, говоря Фиделинѣ о неудовольствіи публики, когда узнають, что она отказывается отъ своего всеобъемлющаго амплуа, которымъ она прославилась. Когда она сдѣлалась только пѣвицею, отъ ея голосу стали требовать вознагражденія за удовольствіе, которое она нѣкогда доставляла публикѣ, играя въ комедіяхъ и танцуя въ балетахъ. Это ея бѣснло; она жаловалась на несправедливость публики, которая отъ лиры требовала разнообразныхъ и неистощимыхъ звуковъ цѣлаго оркестра. Она съ упорною гордостью противилась этимъ требова-

ніямъ; начались разногласія, досада, охлажденіе къ ней публики, которая еще восхищалась ея талантомъ, но уже не любила ее.

— Хорошо же, сказала однажды вечеромъ Фиделина, возвращаясь раздосадованная домой: если они такъ дорожатъ рукоплесканіями, ддятого, чтобы наказать меня за то что я уже не хочу быть болѣе скакуньею и субреткою «Итальянской Комедіи», я стану пѣть только разъ въ недѣлю, вмѣсто четырехъ, и они должны будутъ удовольствоваться этимъ. Это такъ же вѣрно какъ то, что я бросаю всё эти украшенія въ огонь. Я проучу ихъ, за то, что они не аплодируютъ мнѣ, когда я этого стою. Де-Понтёйля огорчало не то, что жена его бросила свои перчатки и мантилью въ огонь, но убѣжденіе въ горькой истинѣ, что Фиделина дѣлалась день-о-то-дня всё раздражительнѣе и сердитѣе, она, за годъ передъ тѣмъ такая добрая; переменна въ ея характерѣ сильно дѣйствовала и на красоту: она худѣла; румянецъ, покрывавшій ея бѣлизну, дѣлался темнѣе. Скоро она лишилась аппетита, сонъ ея сталъ безпокоенъ. Она уже перестала быть снисходительною къ своимъ товарищамъ; возненавидѣла своихъ соперницъ; прежде старалась только превзойти ихъ; теперь думала только о томъ, какъ бы ихъ унижить. Наконецъ она дошла до втораго періода жизни актрисы: Фиделина возненавидѣла публику.

Публика со своей стороны начала сердиться на Фиделину, когда узнала, что она будетъ играть только разъ въ недѣлю; публика сдѣлалась къ ней еще холоднѣе; даже показывала, какъ это часто бываетъ, повидимому, снисходительное удивленіе; не пропускала случая расточать свои ободренія самой мелкой актрисѣ, талантъ которой могъ нѣсколько поставить въ тѣнь талантъ гордой маркизы де-Понтёйль.

При такомъ гордомъ обращеніи съ публикою, Фиделинѣ почти нечего было дѣлать и она свободнѣе занялась управленіемъ своего дому, который де-Понтёйль, своею расточительностью и вкусомъ превратилъ въ настоящій дворецъ, но дворецъ уединенный. Актрисы туда не допускались, а немногія свѣтскія дамы рѣшались ѣздить къ актрисѣ. Это влекло за собою множество дурныхъ послѣдствій. Де-Понтёйль замѣтилъ наконецъ, что онъ любилъ только актрису, Фиделину, окруженную громкою славою, и что теперь у него была только жена, конечно хорошенькая, но только жена, по-мѣрѣ-того какъ Фиделина съ пренебреженіемъ всё болѣе отставала отъ сцены, благопріятнаго мѣста, гдѣ торжествовали во всемъ блескѣ ея достоинства.

Въ одинъ изъ этихъ дней скуки для молодыхъ супруговъ, явилась къ маркизѣ де-Понтэйль женщина, о которой уже довольно часто говорено въ нашемъ разсказѣ.

— Здравствуй, моя маркизочка; цѣлую тебя въ обѣ щеки. Отвѣчай мнѣ скорѣе: счастлива ли ты съ своимъ мужемъ? Даетъ ли онъ тебѣ все, что ты хочешь? Я поговорю съ нимъ, пожурую его, если онъ причиняетъ тебѣ несудовольствія. Ты уже не такая розовенькая какъ была при моемъ отъѣздѣ. Ты скрываешь отъ меня какое-нибудь огорченіе: твой мужъ измѣнилъ тебѣ? А! зятюшка, за то, что васъ предпочли, вы думаете, вамъ все и позволено! Но этотъ человѣкъ чудовище: это....

— Маменька, всѣ ваши предположенія ошибочны: съ чего вы это вздумали?

— Если ошибаюсь, то беру свои слова назадъ. Дѣло въ томъ, что о зятяхъ всегда можно говорить дурно заранее: рѣдко ошибешься. Знаешь ли, зачѣмъ твой мужъ посылалъ меня въ свое помѣстье въ Нормандіи? Чтобы сократить мою жизнь.

— Зачѣмъ же маркизу нужна ваша смерть? Онъ, кажется, никогда не надѣялся получить отъ васъ наслѣдства.

— Ты не знаешь, что это за люди, зятья! Во-первыхъ, въ его помѣстьи ничего нѣтъ кромѣ волковъ; правда, оно приноситъ тысячь пятнадцать ливровъ, но тамъ нѣтъ ни одного порядочнаго дому, гдѣ бы можно было потолковать о ближнихъ. Не будь деревенскаго священника, я бы умерла со скуки. Кстати, онъ возвратилъ меня въ лоно церкви. Я буду говѣть этотъ годъ. Ты удивляешься? Эхъ, моя милая, ничего не можетъ быть лучше, какъ вѣра нашихъ отцовъ. А ходитъ ли твой мужъ въ церковь? А ты? Я увѣрена, что вы живете какъ язычники.

— Вы знаете, маменька, что театръ и церковь....

— Ты должна думать о своемъ спасеніи и пожертвовать театромъ. Долго ли тебѣ еще оставаться подъ анаемой? Я прежде говорила тебѣ «будь добродѣтельна.» Теперь я говорю тебѣ — будь благочестива. Притомъ, это тебѣ будетъ полезно; ну, сама подумай. Съ того дня какъ ты оставишь театръ, всѣ тѣ, которые бросали въ тебя камнями, протянутъ тебѣ руки.

Слова матери возбудили вниманіе Фиделиппы.

— Ты маркиза и самъ король не отниметъ у тебя этого титула; но ко двору тебя не принимаютъ; родственники твоего мужа не имѣютъ къ тебѣ никакого уваженія; ты, я знаю, страдаешь отъ этого неуваженія и не умѣешь отстранить его; но я укажу тебѣ средство.

Фиделина придвинулась къ матери.

— Теперь скоро постъ. Воспользуйся этимъ случаемъ, показывайся чаще въ церкви Saint-Germain l'Auxerrois, въ фиолетовомъ платьѣ, въ чепчикѣ, съ пониженною головою; молись Богу, сколько можешь передъ пубанкою.

— Хорошо, маменька.

— Скоро во всемъ Парижѣ заговорять: Вы не знаете? Фиделина обратилась къ религіи, Фиделина всегда въ церкви. И ты увидишь, какъ къ тебѣ по-немногу будутъ приходить теща, девери, всѣ родственники, всѣ друзья маркиза, и за честь поставятъ принимать тебя къ себѣ въ домъ.

— Какой прекрасный совѣтъ вы мнѣ даете, маменька! Вы отгадали мои тайныя желанія. Наконецъ-то я услышу, какъ будутъ докладывать обо мнѣ въ гостиныхъ! И я буду при дворѣ въ большіе выходы!

— И чтобы достигнуть всего этого, я совѣтую тебѣ, сдѣлай свои платья по-длиннѣе, сними мушки, посѣщай церковь, постись, не позволяй мужу властвовать надъ собою, будь благотворительна, когда представится случай и твой трудъ принесетъ тебѣ пользу.

— Я послѣдую вашимъ совѣтамъ.

— Кстати, я скажу тебѣ новость о твоемъ отцѣ. Этотъ любезный человекъ умеръ отъ несваренія въ желудкѣ «азановъ», которыхъ объѣлся, будучи лѣсничимъ. Я не думала, чтобы онъ съумѣлъ такъ порядочно умереть.

Фиделина опустила голову, чтобы скрыть слезы.

— Вы пришли кстати, вскричала мадамъ Помдѣтъ, увидѣвъ своего зятя, маркиза де-Понтѣйя: мы съ вашей женой толкуемъ о маленькой печали, которую она открыла мнѣ.

— Печаль! что съ нею случилось? онажите мнѣ, пожалуйста, тотчасъ же; моя Фиделина груститъ?

— У насъ скоро будетъ наследникъ, любезный зятюшка. Мѣсяцевъ черезъ семь я надѣюсь быть бабушкою.

— Неужели это правда? Фиделина сдѣлаетъ меня отцомъ и вы боились сообщить мнѣ это пріятное извѣстіе!

— Нѣтъ, совсѣмъ не то. Ваша жена нездорова и принуждена была обѣщать доктору не пѣть во все время беременности. Поэтому она должна сойти съ театра.

Де-Понтѣйль не ожидалъ такого поразительнаго рѣшенія; онъ былъ внѣ себя отъ изумленія и не могъ вымолвить ни слова.

Актриса теряла свои крылья; зато у де-Понтёйля оставалась мать семейства.

То, что мадамъ Помпёнъ предсказала въ своемъ послѣднемъ разговорѣ, исполнилось въ точности. Весь Парижъ съѣзжался въ церковь Святаго Германа Оксерскаго, гдѣ Фиделинна говѣла; прѣѣзжали, когда еще церковь была заперта, чтобы только видѣть, какъ Фиделинна войдетъ; тѣснились у рѣшетки капеллы, гдѣ она выбрала себѣ мѣсто, чтобы предаваться своимъ благочестивымъ размышлениямъ; хотѣли слышать какъ прославляетъ Господа великолѣпный голосъ, который такъ часто пѣлъ любовь. Изъ церкви всѣ выходили прежде ея и становились у входу посмотрѣть на ея лицо, на которомъ не было болѣе румянъ, что доказывало ея раскаяніе. Едва вѣрили чуду, хотя были свидѣтелями его. «Она ли это?» спрашивали себя. — «Кто же эта набожная подруга сопровождающая ее? На лицѣ этой почтенной дамы напечатлѣно благочестіе! какая благопристойность въ одеждѣ! Это вѣрно какая-нибудь знатная дама, принадлежащая къ духовной конгрегаціи; и она, конечно, гордится своимъ прекраснымъ завоеваніемъ». Эта почтенная дама, эта благочестивая подруга, была, какъ вы, вѣрно, угадали мадамъ Помпёнъ, которая впрочемъ сибѣлась надъ злыми толками другихъ людей, плохо вѣрившихъ обращенію ея и Фиделинны, несмотря на все ихъ наружное благочестіе. Театръ былъ всегда злословенъ и тутъ онъ превзошелъ себя. Піерро, Арлекины, Коломбины и всѣ прочіи артисты обоего пола непрерывно распускали клеветы.

Маркизь де-Понтёйль ничего этого не зналъ, потому что мужья вообще мало знаютъ, и впрочемъ послѣ разрыва его жены съ театромъ онъ рѣшился, чтобы разсѣяться отъ скуки, посѣтитъ свои помѣстья. Его отсутствіе продолжалось два мѣсяца. Возвратившись онъ, наконецъ, узналъ по разнымъ улыбкамъ и намекамъ большую часть истины. Не худо замѣтить, что въ то время еще не было журналовъ, которые теперь рано утромъ приносятъ вамъ въ постель извѣстіе о позорѣ вашихъ друзей или вашемъ собственномъ.

Если бъ де-Понтёйль сталъ присматривать за женою, онъ бы узналъ то, чего никто не намѣревался сказать ему. Если бъ поведеніе Фиделинны было преступно, о, тогда всякой бы за долгъ поставилъ сообщить объ немъ мужу, а теперь надъ нимъ только сибѣлись.

Д'Аркъ и де-Виллеріе посовѣтовавшись между собою согласились, что пора предостеречь друга.

Внезапный гнѣвъ заставилъ де-Понтёйя выйти изъ себя; но это скоро прошло и онъ въ состояніи былъ выслушать разсказъ своихъ друзей о томъ, что дѣлали его жена и тѣна во время его отсутствія.

Печально разговаривая объ этомъ предметѣ, де-Понтёйль привелъ д'Арка и де-Виллеріе къ себѣ: «Вы присовѣтуете что мнѣ дѣлать.» Подойдя къ гостиниой, де-Понтёйль повернулъ ручку, и всѣ трое вошли вмѣстѣ.

Мадамъ Помлэнъ, Фиделина и двое старыхъ монаховъ разговаривали у камна.

— Мы васъ обезпокоили, mesdames, сказалъ маркизъ съ горькою улыбкою: вы, вѣрно, исповѣдывались.

По странному тону вопроса оба монаха поняли, что на нихъ смотреть съ неудовольствіемъ; они встали, поклонились и ушли.

— Вы, маркиза, не извѣщали меня въ своихъ письмахъ о нашемъ намѣреніи исповѣдываться, сказалъ де-Понтёйль обращаясь къ женѣ. Я уважаю вѣру, но всегда удивляюсь, когда вижу какъ люди дѣлаются богомольными въ назначенный день и часъ.

— Надобно же когда-нибудь начать, возразила мадамъ Помлэнъ одѣтая вся въ черномъ.

— Я лишаю себя въ эту минуту удовольствія говорить съ мадамъ Помлэнъ, отвѣчалъ маркизъ.

— Если вы меня упрекаете, маркизъ, сказала Фиделина: я должна сказать вамъ, что съ ранней молодости намѣревалась посвятить большую часть своей жизни Богу.

— Да, съ нѣжнѣйшей юности, примолвила мадамъ Помлэнъ, поддерживая слова своей дочери.

— Потому-то, вѣрно, вы, мадамъ Помлэнъ, и заставили свою дочь дебютировать въ «Итальянской Комедіи». Я упрекаю васъ, маркиза, только въ томъ, что вы не предупредили меня, что вы намѣревались быть два года актрисою для того, чтобы потомъ посвятить себя исключительно Богу.

— Вы хотите огорчать меня, я вижу это по вашимъ словамъ, по вашему насмѣшливому взгляду; вы стараетесь пристыдить меня при этихъ господахъ. Я хочу побережъ васъ, чтобы вы не сдѣлали несправедливости: я уйду.

На блѣдныхъ щекахъ Фиделины показались слезы.

— Признаться, я любилъ васъ столько же за ваше превосходство въ драматическомъ искусствѣ, какъ и за красоту. Я буду даже откровеннѣе: я женился на васъ только изъ-за вашего таланта. Вы прекрасны, никто противъ этого не спорить; но въ Парижѣ, во Франціи, есть женщины такія же молоденькія, свѣженькія и хорошенькія какъ вы. Но чего они не имѣютъ и не будутъ имѣть, это вашъ голосъ, душу вашего голоса. За эту прелесть любилъ васъ д'Аркъ, любилъ Виллеріе; и кто не любилъ васъ? За васъ я съ однимъ изъ нихъ дрался, со всѣми поссорился, возстановилъ противъ себя всѣхъ своихъ родныхъ. Отецъ и мать прокляли меня; изъ-за васъ надо мною смѣялись, сплетничали, меня ненавидѣли. Увѣрю васъ, это не огорчало меня, потому что я имѣлъ счастье жениться на самой даровитой женщинѣ нашего вѣка, которой болѣе всѣхъ рукоплескали, которая болѣе всѣхъ была извѣстна во Франціи, послѣ королевы. Назовите меня честолюбивымъ, да, я женился изъ честолюбія; но и вы отдали мнѣ свою руку потому только, что я былъ богатъ, назывался маркизомъ де-Понтѣйль, не правда ли? Кто же нарушаетъ теперь наше условіе? Вы. Условіе, гдѣ съ одной стороны требуется красота, прелесть, тысяча другихъ даровъ природы; съ другой стороны — титулъ, достоинство, истинная любовь, покорность всѣмъ вашимъ желаніямъ, глубочайшее самоотверженіе. И за все это вы теперь дѣлаете меня всеобщимъ посмѣшищемъ.

Фиделина, которая встала-было, чтобы уйти, опустила свою руку на руку мужа.

Мадамъ Помленъ боялась пораженія:

— Осчастливьте меня, явитесь опять на театрѣ, гдѣ васъ ожидаютъ благосклонность публики. Вашему обращенію не вѣрять; на васъ и на меня клеветуютъ. Заставьте же недоброжелателей замолчать и пусть Фиделина загладитъ неосторожность маркизы де-Понтѣйль.

Мадамъ Помленъ терла равновѣсіе, хотя сидѣла. Дѣло принимало дурной оборотъ.

— Не правда ли, Фиделина, вы возвратитесь къ вашему прежнему поприщу славы?

Фиделина улыбнулась, но еще не совсѣмъ соглашалась.

— Да, Фиделина, повѣрьте мнѣ, въ этомъ ваше единственное счастье, потому что все отъ васъ отказалось.

Фиделина посмотрѣла на свою мать; де-Понтѣйль тронулъ дурную струну.

— Такъ вы хотите заставить дочь мою погубить свою душу!

вскричала мадамъ Помпёнъ. Я вѣдь ея мать! Такъ на меня не смотреть, сказала она, махая вѣеромъ прямо подъ носомъ де-Валлеріе:— Мой зять, вѣрно, не допуститъ, чтобы меня обижали въ его домѣ.

— Я вамъ, кажется, ничего не сказалъ, возразилъ маркизъ де-Виллеріе. Онъ дѣйствительно ничего не сказалъ, но улыбулся, смотря на странное лицо мадамъ Помпёнъ въ ту минуту, какъ де-Понтёйль и жена его чуть-было не помирились.

— Нѣтъ! Моя дочь никогда не будетъ на театрѣ!

— Вы, кажется, не имѣете никакого права, возразилъ де-Понтёйль, осуждать поступки вашей дочери съ-тѣхъ-поръ какъ она сдѣлалась моею женою.

— А! вы теперь обижаете бѣдную мать! стараетесь уничтожить ее, вы выталкиваете меня за дверь, выгоняете изъ своего дому! Хорошо! я уйду. Пойдемъ, дочь моя! пойдемъ! Мы найдемъ защиту противъ тиранства этого человѣка. Намъ остаются еще Богъ и добрые люди.

Д'Аркъ и де-Виллеріе удержали маркиза де-Понтёйль, который хотѣлъ остановить Фиделину. Это было бы съ его стороны насильствомъ или слабостью; ни то ни другое не было прилично въ такую минуту. Прежнее положеніе маркиза де-Понтёйль, для своей чести и домашняго спокойствія, не могло быть болѣе восстановлено какъ посредничествомъ третьяго лица или, можетъ-быть, закона.

Не прошло и часу послѣ этой трогательной сцены, произведенной тѣшею, какъ де-Понтёйль получилъ слѣдующее письмо отъ своего дяди, барона де-Троавала, того самаго, который называлъ Фиделину молодою пласуньею, въ то время какъ его племянникъ собирался жениться на ней.

« Любезный племянникъ,

я журилъ васъ года два назадъ, когда вы хотѣли отдать своея наизель Помпёнъ; я не предвидѣлъ прекраснаго поведенія этой молодой особы. Мы теперь совершенно приняли ее у себя. Она своею набожностью отворила себѣ двери нашего дому и останется у насъ. Я пишу вамъ только длятого, чтобы сказать, какъ низко со стороны порядочнаго человѣка выгнать жену отъ себя. Ея набожность не преступленіе. Въ моемъ послѣднемъ письмѣ, два года назадъ, я изъявлялъ вамъ мое презрѣніе — нынче, принявъ вашу жену подъ свою защиту, я васъ лишаю наслѣдства.

« Вашъ дядя, баронъ де-Троаваль. »

— Это уже слишкомъ! вскричалъ маркизъ де-Понтёйль. Видно, мадамъ Помпёнъ хорошо объяснила моему дядѣ въ чемъ дѣло.

Она уводитъ Фиделину и говоритъ потомъ, что я прогналъ ее.

Черезъ два часа де-Понтёйлю подали другое письмо. Дошла очередь до дяди съ отцовой стороны. Онъ писалъ:

«Любезный племянникъ,

«Я скажу вамъ только два слова; но вы ихъ не забудете. Это никакъ выгнать отъ себя женщину, которую вы сдѣлали передъ лицомъ Бога маркизою. Я узналъ отъ почтенной ея матери, за что вы ее прогнали. Чортъ возьми! будьте безбожникомъ, еретникомъ, Арустомъ, я не могу помѣшать вамъ; но наказать, обезславить, прибить, гнать возвратившихся къ вѣрѣ, это дѣлаютъ только изверги. Содержание вашей жены я принимаю на себя. Ей остается только презирать васъ.»

«Вашъ дядя, кавалеръ де-Понтёйль.»

— А! мадамъ Помпёнъ! такъ-то вы представляете меня своимъ родственникамъ. Тѣща подшутила надо мною, ужасно подшутила, говорилъ де-Понтёйль, смявъ письмо своего дяди.

Это было еще не все; вечеромъ отецъ писалъ ему:

«Сынъ мой,

«Въ нашихъ величайшихъ огорченіяхъ Богъ, по милости своей, посылаетъ намъ утѣшенія. Я имѣю теперь дочь въ вашей жевѣ, маркизъ де-Понтёйль. Увы! мой сынъ, неужели вы всегда будете безбожникомъ, нечестивцемъ и вольнодумцемъ? Прогнать вашу жену за то, что она возвратилась къ вѣрѣ; отказаться отъ жены, за то, что она не хочетъ возвратиться въ убѣжище дежона, играть на театрѣ! Если бы я уже васъ не проклиналъ, то я бы сдѣлалъ это теперь. Мнѣ нечего вамъ больше сказать, кромя того, что ваша жена теперь, повторяю, сдѣлалась моею любимую дочерью. Ея почтенная мать рассказала мнѣ о вашихъ гнусныхъ поступкахъ.

Вашъ отецъ, де-Понтёйль.»

Маркизь де-Понтёйль еще лучше понималъ, что мадамъ Помпёнъ, достигла своей цѣли, когда прочиталъ въ газетахъ:

«Маркиза де-Понтёйль была представлена вчера, въ праздникъ Воскресенія Христова, королю во время аудіенціи. Баронъ де-Троаваль и графъ де-Понтёйль, несмотря на свои преклонныя лѣта, сопровождали маркизу, благородная и важная осанка которой очень понравилась всему двору. Въ разговорѣ о дурныхъ поступкахъ ея мужа.»

Труды мадамъ Помпёнъ увѣичались успѣхомъ.

Маркизь де-Понтёйль, убитый горемъ, раздраженный до крайности, удалился въ монастырь Трапистовъ. Такъ въ-старину стрѣлялись.

Съ фр. П. Оль-инъ.

ФРАНЦУЗСКІЙ ТЕАТРЪ ВЪ ПАРИЖѢ. Une Fille du Régent, Дочь Регента, драма въ пяти актахъ, въ прозѣ, Александра Дюма.

Дѣйствіе перваго акта происходитъ на берегу большой рѣч-

ки, которая омываетъ стѣны монастыря Урсулинокъ, въ Клессонѣ. Ночь. Окрестность покрыта снѣгомъ. Приходитъ челоуѣкъ въ широкомъ плащѣ, съ нахлобученною шляпой. Онъ перебирается по деревянному мостику черезъ одинъ изъ рукавовъ рѣчки. Два другихъ челоуѣка, тоже въ плащахъ, останавливаютъ его. Это не мошенники, не воры, — съ перваго взгляду видно. Это заговорщики, баронъ Монлуи и маркизь Понкалекъ. Они открываются встрѣчному и самого его называютъ по имени, шевалье Гастонъ де-Шанлѣ. Всѣ важнѣйшіе бретонскіе дворяне въ заговорѣ противъ регента Франціи. Гастону по жребію досталось быть исполнителемъ общей воли и, выѣхавъ изъ Нанта, ему слѣдовало отправиться прямо въ Парижъ. Какимъ образомъ онъ своротилъ съ дороги и очутился подъ стѣнами Клессона, гдѣ живетъ губернаторъ? — Вы измѣнникъ? спрашиваютъ его Понкалекъ и Монлуи. Молодой челоуѣкъ оскорбляется, что его смѣютъ подозрѣвать, однако жъ не хочетъ сказать куда идетъ: это тайна, которая не ему одному принадлежитъ. Между-тѣмъ, надобно или говорить или умереть. Понкалекъ уже взводитъ курокъ пистолета. Гастонъ не боится смерти, боится только безчестья. Чтобы пристыдить обвинителей, онъ рѣшается признаться, что отправляясь изъ Бретани, быть-можетъ, навсегда, хотѣлъ проститься съ дѣвушкою, которую любитъ и которая живетъ въ этомъ монастырѣ.

По предложенію Гастона, Монлуи и Понкалекъ прячутся за деревьями, чтобъ быть свидѣтелями свиданія. Гастонъ подходитъ къ монастырской стѣнѣ и подаетъ условленный сигналъ. Въ невысокомъ окнѣ является дѣвушка. Луна кстатн выглядываетъ изъ-за тучъ и освѣщаетъ эту поэтическую сцену разлуки. Но горе тутъ же превращается въ радость. Гастонъ узнаетъ отъ возлюбленной, что и она отправляется въ Парижъ, потому что неизвѣстные ей дотолѣ родители наконецъ хотятъ открыться.

Второй актъ происходитъ въ гостиницѣ, въ Рамбулѣ. Какой-то господинъ, который вѣроятно не хочетъ, чтобы видѣли какъ онъ войдетъ въ дверь, влѣзаетъ въ окно и начинаетъ осматривать мѣстность, отворяетъ комнаты и шкафы, шаритъ по угламъ и ощупываетъ стѣны, какъ какой-нибудь служитель инквизиціи или Совѣта-Десяти. Хозяйка гостиницы застаётъ его въ этомъ занятіи и готова закричать, но таинственный господинъ шепчетъ ей одно слово на-ухо и она почтительно кланяется. Этотъ таинственный господинъ ни больше ни меньше какъ первый министръ, кардиналъ Любоа. Его полиція провѣдала о бретонскомъ загово-

рѣ. Кардиналъ знаетъ также, кто эта дѣвушка и что ее зовутъ Еленой, и придумываетъ средства удалить ее. Покуда онъ придумываетъ, на дворъ вѣзжаетъ карета и выходитъ Регентъ, который инкогнито ѣдетъ встрѣчать пансіонерку. Дюбоа не намѣренъ мѣшать Регенту и хочетъ уйти. Тутъ еще ему услуживаетъ случай. Елена принимаетъ его за трактирнаго слугу и поручаетъ отнести записку къ ея возлюбленному. Черезъ мадмоазель Дерошъ Регентъ *видится* съ Еленою, въ темной комнатѣ, безъ свѣтъ, открываетъ ей тайну ея рожденія, не называетъ своего имени, однако жъ скоро дотога растрогивается, что Елена ясно понимаетъ, что говоритъ съ отцомъ. Регентъ боится совершенно поддаться родительскому чувству и спѣшитъ уйти, давъ обѣщаніе увидѣться съ Еленою въ Парижѣ.

Третій актъ переноситъ насъ въ Парижъ и, натурально, опять въ гостинницу, потому что мы слѣдуемъ за путешественниками. Гастона дожидается вѣкто Лажонкьеръ, который долженъ проводить его къ герцогу Оливаресу, тайному агенту заговора. Но до прибытія Гастона, кардиналъ Дюбоа тайно забирается въ гостинницу съ стражею, схватываетъ Лажонкьера, отправляетъ въ Бастилію и самъ потомъ вмѣсто его принимаетъ Гастона и обѣщаетъ прислать ему человѣка, который бы проводилъ его къ герцогу Оливаресу. Едва Дюбоа уходитъ, какъ прибѣгаетъ Елена и проситъ убѣжища и защиты у своего любезнаго, потому что домъ, гдѣ она остановилась съ мадмоазель Дерошъ, кажется ей подозрительнымъ. Гастонъ успокоиваетъ ее какъ можетъ и беретъ съ собою къ герцогу Оливаресу, чтобы онъ далъ ей убѣжище по-лучше трактира.

Является провожатый и ведетъ Гастона и Елену въ назначенный домъ. Но домъ этотъ принадлежитъ собственно не герцогу Оливаресу, а Регенту, герцогу Орлеанскому, который не вѣритъ въ существованіе заговора и котораго кардиналъ хочетъ очевидно убѣдить, показавъ заговорщика живьемъ. Гастонъ является и, воображая видѣть герцога Оливареса, развертываетъ весь планъ заговора, первую статью котораго составляетъ смерть Регента. И онъ, Гастонъ, долженъ исполнить эту кровавую задачу: онъ обязанъ клятвою. Положеніе очень драматическое. Герцогъ обѣщаетъ Гастону доставить случай видѣть Регента въ извѣстный часъ, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ самъ теперь сидитъ. Передъ уходомъ Гастонъ проситъ у мнѣаго Оливареса еще послѣдней милости, покровительства Еленѣ, которую онъ страстно любитъ. Герцогъ тронутъ. Онъ находитъ въ Гастонѣ много

Благороднаго и намѣревается поступить снисходительно съ заблудшимъ и увлеченнымъ молодымъ человѣкомъ. Но Любоа приноситъ приказъ объ арестованіи, требуетъ подписанія и совѣтуетъ не поощрять злоумышленниковъ неумѣстнымъ великодушіемъ. — Ты такъ хочешь? спрашиваетъ герцогъ. — «Да, ваше величество, я такъ хочу!» отвѣчаетъ Любоа, преклоняя колѣно и подавая приказъ. Герцогъ подписываетъ. Черезъ минуту Гастонъ возвращается съ Еленою. Его схватываютъ и уводятъ, несмотря на отчаянный крикъ его возлюбленной.

Пятый актъ очень быстро ведетъ къ развязкѣ. Любоа, опасаясь, вѣроятно, чтобы Регентъ не упрекнулъ его впоследствии за смерть Гастона, распоряжается такъ, чтобы молодой человѣкъ могъ бѣжать изъ Бастиліи, и надѣется, что безразсудный заговорщикъ успѣшитъ скрыться за границу. Но это значило составить расчетъ безъ бретонскаго упрямства. Только-что освободившись, Гастонъ бѣжитъ къ герцогу Орлеанскому, котораго все принимаетъ за Оливареса, и требуетъ, чтобы подставилъ ему Регента подъ княжалъ. — «Хорошо, отвѣчаетъ герцогъ: сейчасъ регентъ будетъ здѣсь. Приходи черезъ пять минутъ и порази его, если достанетъ духу». Промежутокъ до назначеннаго времени наполняетъ прекрасная сцена, въ которой регентъ открывается своей дочери. Потомъ является Гастонъ и видитъ сидящаго за письменнымъ столомъ регента.... Подходитъ, заноситъ княжалъ, но герцогъ оглядывается и у Гастона княжалъ выпадаетъ изъ рукъ, самъ Гастонъ падаетъ на колѣни. Прибѣгаетъ Елена и кричитъ: — «Мой отецъ!» Регентъ, разумѣется, прощаетъ.

Эта пьеса не имѣла полнаго успѣху. Публика мѣстами апплодировала при первомъ представленіи, но вообще была очень строга и взыскательна, потому что считаетъ себя вправѣ требовать много отъ Александра Дюма.

2. *Les Touristes, Туристы*, комедія въ трехъ актахъ, въ стихахъ, господина Serret.

Герцогъ Планетесь, разочарованный въ людяхъ вообще и въ любви и дружбѣ въ-особенности, сталъ мизантропомъ и странствуетъ по свѣту, какъ новый Вѣчный Жидъ, не оставаясь ни въ селѣ ни въ городѣ надолго, чтобы не подвергнуться опасности неизбежнаго знакомства съ двуногою породой, которую онъ ненавидитъ. Онъ пріѣхалъ въ Баденъ подъ чужимъ именемъ. Но несмотря на это инкогнито, гости на водахъ знаютъ, что онъ находится въ челѣ ихъ. Остается только узнать, который именно—онъ? По какимъ признакамъ узнать его? Брюнетъ онъ или блон-

динъ? Малъ или высокъ ростомъ? Вотъ вопросы, которые занимаютъ всѣхъ женщинъ въ Баденѣ. Любопытство еще тѣмъ болѣе распалено извѣстностью дикаго нрава герцога. Самъ герцогъ посвященъ въ заговоръ къ отысканію и изобличенію нелюдима. Дамы разспрашиваютъ его, совѣтуются съ нимъ и онъ имъ указываетъ то на того, то на другаго гостя. Изъ этого, разумѣется, выходятъ разныя недоразумѣнія, очень забавныя. Но въ этой игрѣ нелюдимъ мало-по-малу теряетъ свою медвѣжью натуру и свою независимость. Онъ влюбляется въ прелестную дѣвушку и именно въ ту, которая одна изъ всѣхъ ненавидитъ герцога Планетеса за его сходство съ Вѣчнымъ Жидомъ. Къ довершенію несчастія одна изъ дамъ нечаянно находитъ литографированный портретъ знаменитаго путешественника и съ торжествомъ приноситъ въ залу, въ полное собраніе! Герцогу приходится бѣжать.... Но можно ли уйти, не выразивъ своего сожалѣнія дѣвушкѣ, которая очаровала его своими прелестями? Можно ли не сказать, что за надежду остаться при ней онъ охотно покинулъ бы свою страсть къ путешествіямъ, которыя ему уже достаточно надобли? Нѣтъ, конечно, нѣтъ! И она, съ своей стороны, конечно, тоже не можетъ же не отдать ему своей руки, потому что.... много ли женщинъ, которыя не захотятъ быть герцогинями?

3. *Le Nouveau Juif Errant, Новый Вѣчный Жидъ*, комедія въ трехъ актахъ, съ куплетами, господина *Варнера*.

Героиня этой комедіи, какъ вы можете себѣ представить и какъ уже водится нынче въ бѣльшей части поэтическихъ произведеній, не страстная и несчастная красавица, надѣленная всѣми идеальными совершенствами и невообразимыми прелестями, и вопросъ не въ томъ, соединится или не соединится она съ избранникомъ своего сердца: героиня—извѣстная сумма, извѣстное число милліоновъ, имѣніе, наслѣдство, а вопросъ — кто будетъ наслѣдникъ, кто будетъ богачъ, и это, конечно, гораздо интереснѣе.

Нѣкто Дюранъ де-Конкарно, нажилъ въ Мадагаскарѣ три милліона. У него тѣмъ родни, которую онъ однако жъ имѣлъ счастье никогда не видывать и къ которой по этому не чувствуетъ никакого особеннаго влеченія. Однако жъ надобно же когда-нибудь умереть и оставить наслѣдство. Кому? вотъ вопросъ. Раздѣлить на всѣхъ, Дюранъ не хочетъ: это значило бы не обогатить никого, а создать только нѣсколько посредственности. Дюранъ терпѣть не можетъ ничего посредственнаго.... Если бы онъ

былъ живъ, онъ не пошелъ бы смотрѣть пьесу, въ которой его миллионы разыгрываютъ роль героини... Дюранъ отказываетъ все свое имущество одному и именно тому, у котораго при вскрытіи духовной не случится въ карманѣ ни мѣднаго гроша. Это условіе, разумѣется, неизвѣстно племени Дюрановъ. Всѣ они, къ несчастію своему, люди вовсе не беззребренные, потому что кровь уже у нихъ такая промышленная. Только у одного Оскара Дюрана, безпечнаго, веселаго малаго, карманы такіе сквозные и душа такая добрая, что онъ легко можетъ выполнить условіе завѣщателя. Сверхъ-того ему съ нѣкотораго времени рѣшительно ни въ чемъ удачи нѣтъ: какой-то тайный врагъ воздвигъ на него страшное гоненіе, преслѣдуетъ его немилосердо, гонитъ со всякаго мѣста и называетъ на несчастнаго, толпу кровожадныхъ кредиторовъ, такъ, что бѣдный уже нѣсколько разъ топился, но благодаря своему искусству въ плаваніи и любви къ жизни, всегда выплывалъ. Этотъ тайный врагъ Оскара — нотаріусъ Бертранъ, у котораго хранится завѣщаніе. Онъ гонитъ молодаго человѣка изъ любви. Въ назначенный день Дюраны со всѣхъ концовъ Франціи съѣзжаются къ нотаріусу, который пригласилъ ихъ подъ другимъ предлогомъ и, для испытанія, предлагаетъ участвовать въ вымышленной спекуляціи, которая должна дать огромные барыши. Всѣ наперерывъ вызываются подписаться, купить акцій, кто на сорокъ, кто на пятьдесятъ, кто на сто тысячъ франковъ. Одинъ Оскаръ ничего не покупаетъ. Тогда нотаріусъ читаетъ завѣщаніе и богачи въ отчаяніи: бѣдняку достаются всѣ три миллиона мадагаскарскаго дяюшки. Погодите! кричатъ одинъ изъ огорченныхъ: у Оскара должны быть деньги въ карманѣ! Я вчера одолжилъ ему полтора ста франковъ! — Я занялъ ихъ для того, чтобы помочь бѣдному артисту, отвѣчаетъ Оскаръ. И въ самомъ дѣлѣ, бѣдный артистъ приходитъ благодарить и подтвердить истину. Оскаръ получаетъ наслѣдство и, изъ уваженія къ классическимъ понятіямъ о комедіяхъ, женится на комъ слѣдуетъ.

Комедія, разумѣется, имѣла неистовый успѣхъ.

4. *Geneviève, ou La Jalousie paternelle, Женевьева, или Отеческая ревность*, водевилъ въ одномъ актѣ, господинна Скриба.

Мосѣ Клерамбуръ до безумія любитъ свою дочь, дотога любить, что никакъ не хочетъ выдать замужъ. Женевьева однако жъ находитъ такую любовь не слишкомъ удовлетворительною: она уже въ такомъ возрастѣ, что ей нужно по-больше отеческой любви. Мосѣ Клерамбуръ понимаетъ это и рѣшается наконецъ

выбрать дочкѣ мужа, но съ условіемъ, чтобы сказанный мужъ не былъ любимъ, чтобы онъ былъ, если возможно, ненавистенъ ей. Адріанъ, конторщикъ мосьё Клерамбура, влюбленный въ хозяйскую дочку, услышалъ общій разговоръ о замужствѣ и вдругъ, не объясняя причины, отказывается отъ своей должности. Причина та, что онъ не хочетъ и не можетъ видѣть своей возлюбленной въ объятіяхъ другаго, а самъ между-тѣмъ такъ сбѣденъ, что не смѣетъ стать на ряду жениховъ. Но мосьё Клерамбуръ такъ привязанъ къ Адріану, что не хочетъ отпустить его: напротивъ, предлагаетъ ему руку своей дочери.—Но она не любитъ меня! отвѣчаетъ Адріанъ. Этого-то папенькѣ и нужно. Но папенька жестоко ошибается. Онъ застаётъ молодыхъ людей на самой очевидной, самой непростительной нѣжности и разстроиваетъ свадьбу.—Несчастливая! ты любишь его? спрашиваетъ съ укоризною отецъ.—«Нѣтъ, папенька, вовсе не люблю!» отвѣчаетъ дочь.—Однако жъ, я видѣлъ..... — «Ахъ, Боже мой, папенька, какіе вы странные! Надобно же, чтобы мужъ думалъ, что я его люблю!.....» Словомъ, Женевьева, дѣвушка тонкая, умѣетъ устроить такъ, что и сама, и отецъ и мужъ остаются довольны.

Мосьё Скрибъ, — тоже человекъ тонкій, — устроилъ такъ, что публика осталась довольна.

5. *Un Mari qui se dérange*, Мужъ, который начинаетъ пошлывать, водевиль въ двухъ актахъ, господъ Granger и Cor-mon'a.

Мосьё Дюрозель недостойнымъ образомъ измѣняетъ своей женѣ и извначаетъ нѣкоей гризеткѣ свиданіе въ маскарадѣ — и находитъ условленное голубое домино, но только подъ этимъ домино не гризетка, а жена, которая ловитъ невѣрнаго на мѣстѣ преступленія. Между-тѣмъ къ мосьё Дюрозелю придирается какой-то господинъ за гризетку и вызываетъ его на дуэль. Чтобы отдѣлаться, Дюрозель говоритъ: — Вы ошибаетесь, сударь, это моя жена! Требуется доказательство. Голубое домино принуждено снять маску и мосьё Дюрозель попадаетъ изъ огня въ по-ломя.

5. *Mort civilement*, Гражданская смерть, водевиль въ одномъ актѣ, господъ Mélesville'я и Carmouche'a..

Мадамъ Ларденоа почитаетъ себя вдовою, но она далеко не неутѣшна. Мужъ не оставилъ ей ничего кромѣ дочери на рукахъ, да и по этой статьѣ у нея еще остаются нѣкоторыя сомнѣнія. Ктому же, прошло ужъ десять лѣтъ, какъ Ларденоа, заочно осужденный на смерть въ качествѣ агента Англичанъ, по-

кинулъ свою родину, бѣжалъ въ Индію и тамъ, какъ сказывали, погибъ. Въ десять лѣтъ какъ не утѣшиться! Мадамъ Ларденоа очень натурально располагаетъ выйти вторично замужъ и именно за одного молодого жандарма, который частенько навѣщаетъ ее. Жандармъ не прочь бы предпочесть вдовѣ дочку ея, мамзель Розу, но мадамъ Ларденоа успѣваетъ убѣдить его, что онъ собственно влюбленъ въ нее, а не въ дочку. Свадьба начинается и Роза, къ немалому отчаянію своему, приобретаетъ не мужа, а паненку. Къ-счастію, является Ларденоа, который не умеръ въ Индіи. Жена сначала не хочетъ признать его, потомъ однако жъ кидается на шею, тѣмъ болѣе, что Ларденоа пріѣхалъ получить хорошее наслѣдство. Ларденоа воротилъ всѣ свои домашнія права и въ качествѣ отца считаетъ первымъ долгомъ выдать дочку замужъ за жандарма. Но, о горе! одинъ пріятель прибѣгаетъ и совѣтуетъ спастись по-скорѣе, потому что полиція ищетъ возвратившагося изгнанника. — Ты гражданскою смертію уже умеръ, говоритъ пріятель: спасайся по-скорѣй, если не хочешь умереть физически! — Но я хотѣлъ бы выдать дочь замужъ. — Невозможно! въ глазахъ закона ты умеръ. — По-крайней-мѣрѣ дай сдѣлать завѣщаніе. — Говорятъ тебѣ, невозможно! Ты мертвъ, ты не существуешь! Ты не можешь подписать никакого законнаго акта!... Ларденоа, оставшись одинъ, съ уныніемъ видитъ свое положеніе и, чтобы не итти снова въ изгнаніе, предпочитаетъ гражданской смерти физическую, рѣшается утопиться. Для этого онъ отправляется на высокое мѣсто на берегу Роны и готовится нырнуть. Но въ эту самую минуту является жандармъ, посланный для задержанія гражданского мертвеца, съ которымъ хотѣлъ-было породниться. — «Стой! что ты хочешь дѣлать!» кричитъ жандармъ. — Топиться. — «Только смѣй! Если не сойдешь тотчасъ же сюда, ей Богу, пулю въ лобъ всажу!...» Струсилъ Ларденоа: чтобы не быть застрѣленнымъ, побоялся утопиться, слѣзъ со скалы и отдался жандарму. И къ-счастію, потому что его требовали только за тѣмъ, чтобы объявить уничтоженіе приговора и возвращеніе гражданскихъ правъ. Приговоръ былъ сдѣланъ по ошибкѣ. Изгнанникъ безнаказанно воскресаетъ и женить жандарма на мамзель Розѣ.

7. *Mademoiselle ma femme*, водевилъ въ одномъ актѣ, господъ *Lefranc'a* и *Labiche'a*.

Эдуардъ и Генриетта обвѣчаны безъ всякаго предварительнаго знакомства, по распоряженію императора и по страннымъ императору извѣстнымъ. Тотчасъ послѣ свадебнаго обряда Эдуардъ

отправился въ Египетъ въ качествѣ секретаря при посольствѣ. Черезъ два года онъ возвращается. Генриетта знаетъ это и ѣдетъ на встрѣчу подъ вымышленнымъ именемъ. Эдуардъ влюбляется въ незнакомку. Она поощряетъ эту страсть и не боится компрометировать себя свободнымъ обращеніемъ. Эдуардъ узнаетъ тайну черезъ пріятельницу Генриетты, задумываетъ проучить жену за отважность и объявляетъ, что занялъ имя, которое носить, и что настоящій Эдуардъ занимается политикой въ Александріи. Генриетта въ отчаяніи, и не даромъ. Потомъ, разумѣется, все улаживается.

8. *Le Roman Comique*, *Комическій романъ*, подражаніе (довольно жалкое) Скаррону. Произведеніе господь *Cormon*'а и *Romain*'а.

Три мушкетера, — тоже три мушкетера, — волочатся за тремя странствующими комедіантками и назначаютъ имъ свиданіе. Жены мушкетеровъ провѣдываютъ объ этомъ и для наказанія мужей, сами заступаютъ мѣсто комедіантокъ. Время и мѣсто свиданія темные. Между-тѣмъ трехъ мушкетеровъ начальство неожиданно отзываетъ и смѣняетъ тремя гренадерами. Жены мушкетеровъ сами попались.... и такъ далѣе, — какъ слѣдуетъ быть въ фарсѣ.

МУЗЫКАЛЬНЫЯ НОВОСТИ. Самый важный изъ *современныхъ вопросовъ* нынче — кто у насъ будетъ пѣть зимою? На сеньору Віардѣ-Гарсію рѣшительно нечего надѣяться: парижская опера сбиралась откупить у нея остатки голоса, еще не промотанные въ Петербургѣ, но, по послѣднимъ извѣстіямъ, и этихъ уже нѣтъ; прославленная примадонна, по случаю несчастія, приключившагося съ ея экипажемъ, принуждена была, гдѣ-то въ Германіи, идти до почтовой станціи нѣсколько верстъ пѣшкомъ, по грязи, въ дождь и холодъ, простудилась, заболѣла, и теперь уже вовсе пѣть не можетъ до неопредѣленнаго времени. Молва каждый день назначаетъ ей другую преемницу на доскахъ Каменнаго-Театра, и въ послѣднее время разнесся слухъ, будто—о, счастье! о, блаженство! — великая шведская сирена, несравненная Женни Линдъ, займетъ у насъ мѣсто Віардѣ-Гарсіи. Главнѣйшіе жрецы закулисныхъ таинствъ утверждаютъ, — если тодько не врутъ нарочно, — что *дѣло уже почти въ шляпѣ*.

— Віетанъ далѣ у насъ два концерта. Господинъ Віетанъ — безспорно, первоклассный скрипачъ; ното, чѣмъ восхищало публику до восторговъ въ удивительномъ юношѣ, показалось нѣсколько блѣднымъ и холоднымъ въ возмужаломъ артистѣ, въ которомъ

воображеніе слушателя предполагаетъ тотчасъ цѣлую огнедышащую гору страстей и чувствованій. Притомъ же господинъ Виѣтанъ, шествуя всё выше и выше въ чистотѣ, ровности и отчетливости игры, не пошелъ ни однимъ шагомъ ниже на своемъ инструментѣ: онъ остался на *квинтъ*, на которой смычокъ его прыгалъ такъ мило еще въ юности; скрипка, для него, какъ кажется, вся въ одной этой струнѣ, въ струнѣ *mi*, струнѣ чисто-оркестрной. Господинъ Виѣтанъ какъ-будто не помнитъ того, что онъ—солистъ, верховно и самовластно располагающій всеми четырьмя струнами, и какъ-будто и не догадывается, сколько страсти, сколько пѣвучести, сколько могучаго, сотрясающаго эффекта спрятано, со времени Паганини, въ четвертой струнѣ скрипки, въ этомъ волшебномъ крошечномъ баску. Но школа, къ которой принадлежитъ знаменитый виртуозъ, держится той теоріи, что скрипка должна *скрыптъ*, что она оттого и названа *скрыпкой*, и какъ изъ четырехъ струнъ ея лучше всего скрыпнуть первая, самая высокая, или квинта, то и школа, и ученикъ ея вмѣстѣ съ нею, почти и не сходятъ съ этой блаженной струны. Такова теорія: господинъ Виѣтанъ волею находитъ еѣ правильною, а мы вольны находить скучною. Ссориться не станемъ; тѣмъ болѣе, что господинъ Виѣтанъ оставляетъ насъ не надолго: онъ воротится сюда осенью; мы будемъ часто его слышать, и охотно станемъ восхищаться всею восхитительнымъ въ его первоклассной игрѣ: онъ получилъ при здѣшнихъ театрахъ мѣсто покойнаго Бема, званіе перваго скрипача-солиста, съ двумя тысячами рублей серебромъ жалованья.

— Верди умеръ, въ Венеціи. Извѣстіе это помѣщено въ лейпцигской *Allgemeine musicalische Zeitung*.

— Опера англійскаго композитора, Юлія Бенедикта, *Шейхъ Горцевъ*, «The Oldman of the Mountain» (*Le Vicux de la Montagne*) имѣетъ большой успѣхъ на бѣломъ свѣтѣ. Нѣмцы ставятъ ее на ряду съ операми Мейербергера и Шпора. Господинъ Бенедиктъ, какъ добрый Англичанинъ, прочитавъ эту похвалу, навѣрное повѣситъ съ отчаянія. Нѣмцы выдаютъ его за ученика Вебера. Это уже третье его произведение. Первое было большая опера «The Gipsy's warning», получившая необыкновенный успѣхъ въ Лондонѣ; вторая, «The Brides of Venice» (Венеціанская невѣста) доставила ему европейскую извѣстность; о послѣдней же говорятъ съ великими похвалами, предсказывая ей необыкновенный всемірный успѣхъ. Господинъ Бенедиктъ извѣ-

стенъ въ музыкальномъ мірѣ еще и какъ сочинитель многихъ пріятныхъ пѣснь для фортепiano.

— Новая опера Бальфа «L'Etoile de Seville» идетъ въ Парижѣ. Зато оперу Галеви, «Les Mousquetaires de la Reine» принимаютъ тамъ съ большимъ восторгомъ. Въ оперѣ этой болѣе всего нравятся парижской публикѣ интродукція, секстетъ и ночной маршъ въ первомъ дѣйствіи, квартетъ втораго дѣйствія, пѣснь капитана Роланда и дуэттъ его съ Мокеромъ. «Il matrimonio Segreto» старинная опера Чимарозы, составляетъ однако жъ первый предметъ для Парижанъ и приноситъ большіе сборы дирекціи. Это нынче любимая опера тамошней публики, у которой вдругъ, ни-вѣсть откуда, нашелся вкусъ къ простому и истинно прекрасному.

— Академія пѣнія въ Берлинѣ предложила премію въ сто талеровъ тому, кто напишетъ лучшей хоръ на мужскіе голоса. Въ объявленіи забавнѣе всего условіе: «die Dauer soll $\frac{3}{4}$ Stunde sein.»

— То же самое сужденіе, и почти тѣми же словами, какое мы произнесли здѣсь перваго апрѣля о знаменитой одѣ-симфоніи господина Давида, произнесено въ тотъ же самый день въ Revue de deux mondes въ Парижѣ: парижскій критикъ, подобно намъ, говорить, что по этому творенію не слѣдовало и нельзя заключать ничего о господинѣ Давидѣ какъ о композиторѣ: въ одѣ-симфоніи, составленной сплошь изъ восточныхъ мелодій, мотивовъ и отрывковъ мотивовъ, мило подобранныхъ и наизнанныхъ на одну нитку весьма искусно, онъ явился не творцомъ новаго, но просто редакторомъ стараго и чужаго. Тѣ, которые уже считали его за «Пустыню» Генделемъ и Бетговенемъ, жестоко ошиблись, равно какъ и самъ господинъ Давидъ: повѣривъ имъ, онъ пустился въ ораторію, и сотворилъ нѣчто прескучное, вялое, непонятное. Его «Моисей» учинилъ полное *фьяско* въ Парижѣ: даже и самые пылкіе энтузіасты великаго Давида отказались отъ его генія.

— Берліозова увертюра къ трагедіи Шекспира «Король Лиръ» получила въ Вѣнѣ огромный успѣхъ. Инструментировка этого сочиненія обратила на себя особенное вниманіе. Новая симфонія господина Берліоза, въ пяти частяхъ, имѣетъ заглавіемъ: «Episode de la vie d'un artiste.»

— Оле-Булль воротился изъ Америки въ Европу. Онъ теперь въ Парижѣ. Листъ оставилъ Вѣну и въ послѣднее время былъ на берегахъ Рейна.

— Въ Берлинѣ Англичане Дистинъ, отецъ съ четырьмя сыновьями, давали недавно концертъ на усовершенствованныхъ валторнахъ Сакса. Отецъ играетъ на сопранномъ рожкѣ, а сыновья держатъ альтъ, теноръ, бассъ, контр-бассъ. Этотъ квинтетъ чрезвычайно понравился и въ Парижѣ и въ Берлинѣ, и собирается будущею зимою очаровать петербургскія уши, которыхъ и самъ Вивьё не нашелъ уже на-мѣстѣ. Нѣмецкіе журналы отзываются съ величайшими похвалами о новомъ удивительномъ виолончелистѣ: его зовутъ Коссовскимъ; родомъ онъ, какъ кажется, изъ Галлиціи.

— Вальтеръ фонъ-Гёте, родственникъ великаго поэта, сочинилъ оперу «Der Gefangene von Vologna», въ трехъ дѣйствіяхъ.

— Мендельсонъ придѣлалъ музыку къ трагедіи Софокла «Эдипъ въ Колонѣ». Музыка понравилась, но не столько какъ музыка «Антигоны». Кстати: «Антигона» будетъ представлена и у насъ въ Петербургѣ; текстъ греческой трагедіи переведенъ съ подлинника ученымъ сыномъ извѣстнаго директора петербургскихъ и московскихъ Императорскихъ Театровъ, господиномъ Гедеоновымъ-Старшимъ; но еще не извѣстно, будетъ ли принята музыка Мендельсона, разумѣется, съ нужными измѣненіями, или сочинять у насъ новую, болѣе греческую. Въ Готѣ, на придворномъ герцогскомъ театрѣ, давали новую оперу въ четырехъ дѣйствіяхъ, «Заира»: сюжетъ изъ трагедіи Вольтера; музыка самого герцога. Журналы ничего не говорятъ о достоинствѣ этой музыки. — Въ Лондонѣ, Ирландецъ Мекфарренъ, извѣстный прежде какъ артистъ, написалъ комическую оперу «Донъ Кихотъ» которую, при представленіи приняли съ восторгомъ.

— Въ Лондонѣ умеръ извѣстный скрипачъ и композиторъ William Hawes, который первый познакомилъ Англичанъ съ операми Вебера и, такъ-называемою, *нѣмецкою музыкою*. Самъ онъ, въ 1824 году, поставилъ на дрюриленскую сцену «Фрейшюца».

— Тамбурины даетъ представленія въ Берлинѣ, на Königsstädtisches Theater. Его принимаютъ съ бѣшенымъ энтузіазмомъ, особенно въ «Цырюльникѣ», «Лучин», и оперѣ Чимарозы «Il Matrimonio Segreto», которую стоило бы показать и намъ, бѣшенымъ энтузіастамъ петербургскимъ.

— Изъ новѣйшихъ сочиненій для фортепіано (у Бернарда) заслуживаютъ вниманія любительницъ: Arabesque, par *Damecke*, op. 28 (ré mineur) — Souvenir de la Sirène, par *Kalkbrenner*, op. 180 (mi bemol) — Grand roudeau brillant, par *Kalkbrenner*, op. 174 (ut majeur) — Barcarolle dramatique pour mezzo-

Soprano, avec accompagnement de piano, par Victor Kazynski—«Le Pré aux Clercs», fantaisie de Thalberg, op. 57 (si-bémol) — Morceau de salon, par Schiller (si-bémol).

НОВЫЯ КНИГИ,

Въ книжномъ магазинѣ Гауэра и Ко Коммиссіонера Императорской Библиотеки на Невскомъ Проспектѣ, въ домѣ Петля, № 3.)

(Цѣны на серебро.)

Ouvrages nouveaux, arrivés par terre.

- ALBUM (l')**, revue des arts, des sciences et de la Littérature, illustrée de magnifiques dessins de Mabou, Lauters, Hendrickx, Billoin, Manche, Stroobant, Huard, Van Marcke. Bruxelles, 1845. 1 vol. in-4. 5 fr. 1 r. 25 c.
- ALBUM de petits soldats.** Paris, 1 vol. in 8 oblong. 2 r.
- ANNUAIRE pour l'an 1846**, présenté au Roi par le bureau des longitudes, augmenté de notices scientifiques par M. Arago. Paris, 1845. 1 vol. in-18. 50 c.
- BALZAC; Paris marié**, philosophie de la vie conjugale, commentée par Gavarni. Paris, 1845. 1 vol. in-12. 3 fr. 85 c.
- BERTHOUD**, la palette d'or. Paris 1845. 15 fr. 4 r. 25 c.
- BERTON (Mme)**, Aventures d'une poupée de Nuremberg, dessins par Henri Emy. Paris, 1 vol. in-8. 2 fr. 50 c. 75 c.
- les journées de Madeline, nouvelles pour l'enfance. Paris, 1 vol. in-18. 5 fr. 1 r. 25 c.
- BOCCACC.** Contes (le Décaméron), traduction nouvelle par Barbier, édition illustrée par Jehannot, Baron, Girardet, Nautenil, etc. Paris, 1845. 1 vol. gr. in-8. 15 fr. 4 r. 25 c.
- BOSSU.** Anthropologie ou étude des organes, fonctions et maladies de l'homme et de la femme comprenant l'Anatomie, la Physiologie, l'Hygiène la Pathologie et la Thérapeutique. Paris, 1846. 2 vol. in-12, avec un atlas de 20 planches d'anatomie. 5 fr. 4 r. 25 c.
- BRISSET.** Charmante Gabrielle. Paris, 1846. 2 vol. in-8. 15 fr. 4 r. 25 c.
- COOPER.** Sataustoé ou la famille Littlepage. Paris, 1846. 2 vol. in-8. 15 fr. 4 r. 25 c.

DESCRIPTIONS des machines et procédés, consignés dans les brevets d'inventions, de perfectionnement et d'importation, publiée par les ordres de Monsieur le Ministre du Commerce. Paris, 1845. Tomes 55, 56 et 57, chaque volume à 15 fr. 4 r. 25 c.

DUMAS, Comte de Monte-Christo. Bruxelles, 1845. 8 volumes in-18. 24 fr. 4 r. 80 c.

— Dame (la) de Monsoreau. Paris, 1846. Tomes 1 à 4. 12 francs. 9 r. 20 c.

— Vingt ans après. Bruxelles, 1845. 10 vol. in-18. 2 r. 50 c.

ESSARTS, Sous les ombrages, simples récits. Paris, 1846, 1 vol. in-8. 15 fr. 4 r. 25 c.

FAITS et événements pittoresques de l'histoire, album et récits à mes enfants. Paris, 1 vol. in-4. 8 fr. 2 r. 25 c.

FAURIEL. Histoire de la poésie provençale; cours fait à la faculté des lettres de Paris. Paris 1846. 3 vol. in-8. 24 fr. 6 r. 85 c.

FÉVAL, fontaine aux perles. Paris, 1846. 3 vol. in-8. 24 fr. 6 r. 85 c.

— le même ouvrage, édit de Bruxelles, 1846. 2 vol. in-18 6 francs. 1 r. 20 c.

FRANCE (la) au XIII siècle, illustrée dans ses monuments et ses plus beaux sites, dessinés, d'après nature par T^h Allom. avec un texte descriptif par Ch. J. Delille. Paris. Tomes 1 complet. 30 fr. cartonné. 8 r.

GAVARNI. Oeuvres choisies revues, corrigées et nouvellement classées par l'auteur. Paris, 1846. Tome 1 et 2 complets. 20 fr. 5 r. 70 c.

GRÈCE (la) tragique, chefs d'œuvre d'Eschyle, de Sophocle et d'Euripide, traduits en vers par Léon Halevy. Paris, 1846. 1 vol. in-8. 7 fr. 50 c. 2 r. 15 c.

GUÉRIN. Jours de bonheurs, contes moraux en prose destinés à la jeunesse. Paris, 1 vol. in-8 avec gravures coloriées. 4 r.

HARAS arabe fondé par le roi à St.-Cloud. Chevaux Nedjdi, offerts au Roi des Français par le Vice-Roi d'Egypte, dessinés d'après nature par V. Adam. Paris, livraisons 1 à 3; chaque livraison in-folio à 18 francs. 5 r. 15 c.

LA VILLE DE MIRMONT. Oeuvres dramatiques. Paris, 1846. 4 vol. in-8. 30 fr. 8 r. 55 c.

LAW et les chemins de fer. Paris, 1845. 1 vol. in-32. 50 c. 15 c.

LEROY. Traité de Stéréotomie comprenant les applications de la Géométrie descriptive. Liège, 1 vol. in-4. avec un atlas in-folio, composé de 74 planches. 40 fr. 9 r.

LOGES (les) DE RAPHAEL, collection complète de 52 tableaux peints à fresque, qui ornent les voutes du vatican et représentent des sujets de la Bible, dessinés à l'aquarelle et gravés en taille douce par Meuleme-

- ster, terminés sous la direction de Calamatta et accompagnés d'un texte par le baron Lucas, le collier de perles, caractères et portraits de femmes. Paris, 1 vol. in-8 cartonnés, avec tranche dorées. 5 r.
- MAGASIN** (le) pittoresque, 13 année, 1845. 1 vol. gr. in-8. 2 r. 25 c.
- MARRIAT**. le naufrage du vaisseau le Pacifique. Paris, 1846, 2 vol. in-18. 4 r. 25 c.
- le même ouvrage, édition de Bruxelles 1846. 2 vol. in-18. 6 fr. 1 r. 20 c.
- MASSON ET THOMAS**. Un mariage pour l'autre monde. Bruxelles, 1846, 2 vol. in-18. 6 fr. 1 r. 20 c.
- MAUROY**. Du commerce des peuples de l'Afrique septentrionale dans l'antiquité, le moyen-âge et les temps modernes, comparé au commerce des Arabes de nos jours. Paris 1845. 1 vol. in-8. 4 fr. 1 r. 15 c.

НОВЫЯ МУЗЫКАЛЬНЫЯ СОЧИНЕНІЯ.

(Въ магазинѣ М. Бернарда, на Невскомъ Проспектѣ, противъ Малой Морской, въ домѣ Паскаля, № 11.)

Танцы для оркестра.

- GUNGL**. Die Erlanger. Walzer, op. 32. (2 r. 58 c.). Hyazinthen-Polka, op. 33. Der fröhliche Uhlane, Mazurka, op. 34. (2 r. 58 c.). Mein Gruss an Berlin, Marsch, op. 35. Mai-Blümchen-Galop, op. 36. (1 r. 72 c.). Paulinen-Polka, op. 37. Steyrers Heimweh-Marsch, op. 38. (2 r. 58 c.). Mein erster Walzer in Berlin, op. 39. (2 r. 58 c.). Une fleur de danse, Galop, op. 40. Aurora-Festmarsch, op. 41. (1 r. 48 c.). Der fünfzehnte October, Festmarsch, op. 42. Gazellen-Polka, op. 43. (1 r. 43 c.). Die Industriellen, Walzer, op. 44. (2 r. 85 c.). Potsdamer Casino-Polka, op. 46. (2 r. 58 c.). Steirerischer Walzer, op. 48. (2 r. 58 c.). Willkommen im Grünen, Walzer, op. 49. (2 r. 85 c.).
- LABITZKY**. Kinder-Freuden, drei Polkas, op. 115. (2 r. 29 c.). Clementinen-Mazurka, op. 116. Russalka-Galop, op. 118. (2 r. 29 c.). Perlen-Walzer, op. 117. (2 r. 29 c.). Essex-Walzer, op. 119. (2 r. 29 c.). Eleonoren-Walzer, op. 120. (2 r. 43 c.).
- STRAUSS**. Faschings-Possea, Walzer, op. 175. (2 r. 85 c.). Geheimnisse aus der Wiener Tanzwelt, Walzer, op. 176. (3 r. 15 c.). Flugg-Quadrille, op. 177. (2 r. 85 c.). Stradella-Quadrille, op. 178. (2 r. 85 c.). Oesterreichische Jubelklänge, Walzer, op. 179. (3 r. 15 c.). Sommernachts-Träume, Walzer, op. 180. (3 r. 15 c.). Heitere Lebensbilder, Walzer, op. 181. (2 r. 85 c.). Die Landjunker. Walzer, op. 182. (3 r. 15 c.).

Пьесы для скрипки.

- ALARD.** Fantaisie sur Linda di Chamounix, pour Violon, avec orchestre, op. 12. (4 r. 58 c.). idem avec piano, op. 12. (2 rb. 29 c.).
- ARTOT.** Concerto pour violon avec orchestre, op. 18. (6 r. 85 c.). Grande fantaisie sur Robert le Diable, avec piano, op. 19. (2 r.). Romance de Field transcrit pour violon avec piano, op. 20. (85 c.).
- BERIOT.** Neuvième air varié pour violon avec orchestre, op. 52. (4 r. 29 c.). idem avec piano, op. 52. (2 r. 58 c.).
- DAVID.** Six caprices pour Violon avec piano, op. 20 liv. 1. 2. (4 $\frac{1}{2}$ rb.). Six caprices pour violon seul, op. 20. (2 r.). Introduction et Variations sur un air écossais avec orchestre, op. 21. (4 r. 29 c.). idem avec piano, op. 21. (2 r.).
- HAUMAN.** Grande fantaisie sur Guido et Ginevra pour Violon avec orchestre, op. 10. (3 r. 15 c.) idem avec piano, op. 10. (2 r. 29 c.). Grande scène sur l'air final de la Lucia di Lammermoor, avec orchestre, op. 11. (3 r. 43 c.). idem avec piano, op. 11. (1 r. 43 c.).
- HAUSER.** Chanson d'amour, chanson de berceau. Deux Chants sans paroles pour violon, avec piano, op. 11. (85 c.).
- JANSA.** Souvenir d'amitié. Adagio et Rondo pour violon, avec orchestre, op. 69. (3 r. 43 c.) idem, avec piano, op. 69. (1 r. 43 c.).
- KUFFERATH.** Réponse à l'élogie de H. W. Ernst, ♯ pour violon avec piano, op. 9. (1 r. 15 c.).
- MOESER.** La sérénade. Nocturne pour violon avec piano, op. 3. (1 r. 43 c.)
- VIEUXTEMPS.** Six études de concert pour violon avec piano, op. 16. (2 r. 58 c.). Yankee Doodle. Variations burlesques, avec quatuor, op. 17. (1 r. 72 c.) idem avec piano, op. 17. (1 r. 43 c.). Norma. Fantaisie pour violon sur la 4me corde avec orchestre, op. 18. (4 r. 29 c.) idem avec piano, op. 18. (1 r. 72 c.). Deuxième Concerto avec orchestre, op. 19. (7 r. 72 c.) idem avec piano, op. 19. (3 r. 43 c.).

Для одного фортепiano.

- BURGMUELLER.** Fantaisie et Valse sur Lambert Simnel, opéra de Mounpou, op. 86. (1 r. 15 c.). Valse dramatique sur Richard en Palestine d'Adam. (1 r.). Tyrolienne variée (72 c.). Fantaisie sur la Straniera de Bellini. (60 c.). Fantaisie sur la Niobe de Pacini. (60 cop.).
- BRUNNER.** Thème de l'opéra: Lucrezia Borgia, varié. (60 c.).
- CHOPIN.** Grande valse brillante, op. 18. (nouvelle édition. 86 c.). Grande valse mélancolique, op. 34. No. 2. (nouvelle édition. 86 c.).
- DOEBLER.** Douze romances sans paroles, op. 57. liv. 1. (1 r. 43 c.) liv. 2 (1 r. 58 c.) liv. 3. (1 r. 58 c.). liv. 4. (1 r. 72 c.). Trois valse brillantes, op. 58. (1 r. 72 c.). Соловей. Air russe favori d'Alabiéff varié, op. 60. (85 c.).
- GUNGL.** Die preussische Parade. Grosses militairisches Marsch-Potpourri, op. 47. (1 r. 43 c.).
- HENSELT.** Chanson de printemps, op. 15. (1 r.) Air de Balfe transcrit. (1 r.). Mazurka et Polka. (1 r.). Das ferne Land. Melodie. (43 c.).
- HERZ.** La foi, l'espérance et la charité. Trois chœurs de Rossini, transcrits et variés, op. 146. No 1 à 3, (каждый No 1 r.). Grande fantaisie brillante sur la Lucrezia Borgia, op. 147. (1 r. 72 c.). Arabesques musicales. Collection de six morceaux faciles sur des thèmes favoris, op. 148. No 1 à 6. (Каждый No 85 c.). Les fleurs italiennes, op. 149. No 1. Variations sur un thème de Ca-

rafa. No 2. Fantaisie sur un thème de Mercadante. (Каждый No 85 с.). Souvenirs de la Scala; op. 150. No 1. Caprice sur Maria Padilla de Donizetti. No 2. Variations sur Chiara di Rosenberg de Ricci. (Каждый No 1 r.).

HUENTEN. Fantaisie sur l'opéra: Roméo et Julietta de Bellini, op. 138 (1 r. 15 с.). Deux Rondos, op. 139. No 1. Hélène, mélodie grecque, No 2. Angiolina, canzonetta milanese. (Каждый No 1 r. 15 с.). Souvenirs de Bellini. Fantaisie, op. 140. (1 r. 15 с.).

KALKBRENNER. Grande Sonate brillante, op. 177, (2 r. 29 с.). Fantaisie sur le célèbre air: auld Robin Gray, op. 178. (1 r. 43 с.) Souvenirs de la Sirène. Fantaisie, op. 180. (1 r. 43 с.) Trois polkas originales. (86 с.).

LANGER. Chant bohémien «За Ураломъ» transcrit et varié, op. 13. (75 с.).

MAYER (Charles). Air Italien varié, op. 76. (1 r. 15 с.). Nocturne brillant, op. 81. (60 с.). La Gentille, Valse favorite. (50 с.)

THALBERG. Grande fantaisie sur le Barbier de Seville op. 63. (1 r. 72 с.).

(Выписывающіе воть на сумму не менѣе трехъ рублей серебромъ, получаютъ двадцать процентовъ уступки, а выписывающіе на пятнадцать рублей, кромѣ того ничего не прилагаютъ на пересылку. Выгодою этой пользуются только тѣ, которые обращаются съ требованіями непосредственно въ магазинъ Берварда. На тѣхъ же условіяхъ можно выписывать черезъ него всѣ музыкальныя сочиненія, кѣмъ бы они ни были изданы или объявлены.)

Въ томъ же магазинѣ вышла четвертая тетрадь «Нувелиста», которая содержитъ въ себѣ: Döhler. Соловей, air russe d'Alabiéff varié. — Liszt. La fleur fanée, mélodie de Schubert transcrite. — Schiller. Elégie (inérite.) — Schachner. Graciosa, mélodie sans paroles. — Klemensynski. La séduisante, grande valse brillante. — Burgmüller. Rondino sur un thème de Donizetti. — Herz. Les petites danseuses viennoises, pas des moissonneurs — Danske. Казачья колыбельная пѣсня. Mendelssohn — Bartholdy. La vallée d'amour, mélodie. — Музыкально-литературное прибавленіе. (Годовая цѣна подписки 10 рублей серебромъ, съ пересылкою 11 рублей 50 коп.).

Г. Г. желающіе подписаться на Нувелиста на 1846 годъ получаютъ сполна всѣ тетради этого журнала, вышедшія съ начала нынѣшняго года.

=

МОДЫ.

— Уже много разъ случалось намъ говорить, что нѣтъ ничего новаго; но теперь—теперь-то, или никогда, случай вскричать во всеуслышаніе:—Нѣтъ ничего новаго! Изобрѣтательность при безконечномъ разнообразіи модъ наконецъ должна необходимо истощиться; можно только возобновлять, измѣнять, повторяя и перемѣшивая уборы и украшенія оди съ другими, но новаго—чтò нынче можно создать новаго! Фасонъ шляпокъ не определенъ; нѣкоторыя остались при шляпкахъ à la Raméla, другія держатся середины и выбираютъ не совсѣмъ открытыя; нныя же предпочитаютъ англійскія шляпки или шляпки-капоты съ

чуть-отвернутыми полями у щекъ; подъ поля, вообще подкалываютъ банты изъ лентъ, о шести или осьми петляхъ; это имѣетъ видъ гирляндъ около лица. Соломенные, аграмантныхъ узоровъ или рѣшетчатые, на нынѣшнее лѣто будутъ первенствующими, и вполне достойны отличія по легкости, простотѣ и изяществу.

— О бурнусахъ и пальто сказано въ прошломъ мѣсяцѣ; сдѣлать-поръ не появилось ни новыхъ покрововъ, ни новыхъ матерій.

— Шарфы приняты единодушно и единогласно: очень хороши атласные съ затканными вокругъ бортами, и изъ пу-де-саа, полосатые въ тѣнь. Соединенія цвѣтовъ, довольно рѣзкихъ, въ цѣломъ не ярки, пріятны и нѣжны. Милы также шарфы шерстяные кашмировые, клѣтчатые и полосатые, очень опредѣленныхъ и сильныхъ красокъ, съ мелкими, рѣдко расположенными и яркими полосками.

— О платьяхъ можно сдѣлать одно замѣчаніе: до-сихъ-поръ въ двѣ юбки дѣлались платья изъ однѣхъ легкихъ тканей: теперь много дѣлаютъ и изъ шелковыхъ матерій, гро-де-напю, тафты и ну-де-саа.

==

ПРЕВЫШАНИЕ КИТАЙСКАГО ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОГО КОММИССАРА КИ-ИНА ВЪ ХОНКОНЪ, У АНГЛИЧАНЪ. Двадцатаго ноября прошедшаго года вечеромъ, пришелъ въ Хонконъ пароходъ *Дьва* (the Maiden), посыланный правленіемъ новой англійской колоніи въ Кантонъ. Хонконъ (Hongkong) — островъ и городъ, приобретенный Великобританіей отъ Китая и служащій теперь средоточіемъ ея военныхъ силъ и ея торговли въ той странѣ. На пароходѣ прибылъ китайскій правительственный комиссаръ и его свита, съ порученіемъ посѣтить англійскую контору. Только-что судно приблизилось къ плотнѣ, какъ раздалась китайская музыка, смѣсь пронзительныхъ и нестройныхъ звуковъ; потомъ когда ступилъ на берегъ благородный Ки-инъ, который ни болѣе ни менѣе какъ родной дядя государя богдыхана, Сына Неба и Блеску Закона, зажгли три гигантскія петарды, что, кажется, обыкновенный салютъ въ Китаѣ. Когда этотъ важный чиновникъ сѣлъ на носилки и одинъ изъ слугъ вычистилъ щеткою подошвы его огромныхъ башмаковъ, весь поѣздъ, состоявшій изъ Англичанъ, Китайцевъ и Индѣйцевъ, тронулся съ мѣста. Эта процессія представляла очень живописное зрѣлище. Въ главѣ поѣзда была многочисленная толпа китайскихъ музыкантовъ, которые производили довольно варварскіе звуки и, пользуясь своимъ положеніемъ, шумѣли какъ могли. За этой толпою шелъ отрядъ мальчиковъ съ маленькими разбѣгающимися знаменами; но мы не могли опредѣлить, для чего они махали этими знаменами, Digitized by Google для того ли, чтобы

сдѣлать намъ честь, или для того, чтобы показать намъ свое презрѣніе. За ними шли люди съ штандартами, похожими на тѣ, которые всякій можетъ видѣть въ Европѣ на китайскомъ фортѣ или лакированныхъ ящикахъ; между этими людьми нѣкоторые несли на плечахъ доски съ китайскими надписями, въ которыхъ, вѣроятно, означены были званіе и титулы высокаго комиссара. Что касается до того, что знаменосцы были въ лохмотьяхъ и безъ башмаковъ, то, вѣроятно, это сдѣлано было для контраста, чтобы показать народу, какаѣ различія между высокими сановниками и ихъ подчиненными. Слѣдовавшая за ними стража была, повидимому, только почетная стража, потому что оружіе этихъ воиновъ было самыхъ разнообразныхъ и странныхъ формъ, все деревянное, раскрашенное, а клинки только покрыты золотыми и оловянными листами. Но въ совокупности эта стража представляла фантастическое зрѣлище, тѣмъ болѣе, что на головахъ у этихъ парадныхъ солдатъ были или высокія шапки, покрытыя мишурою, или красныя шляпы съ перомъ, которое, по обычаю Китая, — гдѣ все дѣлается на-оборотъ, какъ въ другихъ государствахъ, — было прикрѣплено такъ, что висѣло и качалось на плечахъ, вмѣсто-того чтобы стоять прямо и неподвижно надъ головою. Палаты, присоединенныя къ этой толпѣ солдатъ, казалось, принадлежали къ стражѣ. Они были въ платьяхъ изъ темнаго плюша, въ сѣрыхъ шляпахъ, похожихъ на шляпы стражи; нѣкоторые изъ нихъ были вооружены кнутами, другіе разными иными орудіями казни, употребленными въ этой странѣ. Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ послѣднихъ или сзади (индѣйскіе солдаты), сопровождаемые музыкою; музыканты, казалось, были въ большомъ затрудненіи, потому что непосредственно за ними слѣдовали восемь китайскихъ музыкантовъ съ гонгами, цимбалами и дукowymi инструментами, и потому они тщетно старались согласовать свою музыку съ музыкою послѣднихъ. Впрочемъ, кажется, при важныхъ случаяхъ собираютъ всѣхъ имѣющихся на лицо музыкантовъ, и заставляютъ играть вмѣстѣ, что, разумѣется, производитъ самую странную и антигармоническую смѣсь звуковъ. Главный духовой инструментъ Китайцевъ походить на фляголетъ, къ концу котораго приделана маленькая дѣтская мѣдная труба: звуки, производимые этимъ инструментомъ, напоминаютъ звукъ волюльки, только безъ басовыхъ нотъ.

Тутъ же восемь человекъ кули (индѣйскихъ солдатъ) несли благороднаго Ки-ина, который сидѣлъ въ большихъ и покой-

ныхъ послышать; а охранялъ его отрядъ полицейскихъ офицеровъ. За нимъ слѣдовали высшіе чины правленія англійской колоніи, потомъ рядъ носилокъ, занятыхъ высшими мандаринами съ пуговкой и веромъ, отличительными знаками ихъ достоинства; за ними еще другіе мандарины низшей степени, и процессія оканчивалась толпою людей, приглашенныхъ присоединиться къ ней; они не отличались никакими знаками: важность ихъ показывало уже то, что они удостоились чести находиться въ такомъ благородномъ обществѣ. На другой день послѣ объѣда англійскій губернаторъ посѣтилъ Ки-ина съ своимъ начальникомъ штаба и всѣми офицерами. Послѣдній принималъ ихъ со всею обыкновенною привѣтливостію и вѣжливостію и обнялъ главныхъ изъ нихъ. Присутствіе генеральнаго прокурора въ длинной мантии и парикѣ сначала очень удивляло Китайцевъ; но благодаря, веселости этого почтеннаго и ученаго чиновника, удивленіе скоро превратилось въ смѣхъ и шутки. Такъ какъ это былъ визитъ дипломатическій, то Ки-инъ въ точности соблюдалъ всѣ церемоніи китайскаго этикету, и когда носѣтители встали, онъ проводилъ комманданта до вѣшнихъ дверей и церемонно простился съ нимъ. Въ тотъ же день въ четыре часа пополудни китайскій комиссаръ со всею ея-тою отдалъ губернатору визитъ, послѣ чего онъ отправился съ губернаторомъ къ мѣсту, гдѣ долженъ былъ производиться парадъ.

Вечеромъ Ки-инъ и самыя важныя лица его свиты объѣдали у губернатора, гдѣ были также главные начальники разныхъ вѣдомствъ и генералъ. Часовъ въ девять, въ одной залѣ собрались мужчины и дамы, и начались танцы. Одинъ изъ Китайцевъ, членъ императорской фамиліи, подавъ руку одной дамѣ, какъ-бы ангажировавъ ее и если бы она поняла его намѣреніе, то онъ бы, вѣрно, повелъ ее къ составлявшейся кадрили и танцовалъ бы съ нею; но видя, что дама не понимала, чего онъ хотѣлъ, Китаецъ взялъ подъ-руку одного англійскаго адъютанта, сталъ съ нимъ у кадрили, былъ тактъ головою, руками и ногами и лерировалъ дамъ самымъ забавнымъ образомъ.

На другой день императорскій комиссаръ принялъ приглашеніе генерала. Ки-инъ съ пятью высшими мандаринами и множествомъ нестро одѣтыхъ слугъ прибылъ къ генералу немного ранѣе семи часовъ.

При выходѣ изъ носилокъ его приняли со всѣми почестями

должными его достоинству; войско отдало ему честь, военная музыка заиграла английскую народную пѣсню.

По причинѣ малости комнатъ, можно было принять только шестнадцать гостей. Посреди стола развѣвалось китайское знамя подлѣ англійскаго. На всѣ двери были повѣшены китайскіе девизы, написанные на алой шелковой матеріи; эти девизы, приравленные къ настоящему случаю, выражали согласіе, царствующее между двумя державами; и такъ какъ это совершенно согласовалось съ китайскими обыкновеніями, то Китайцы были очень благодарны за такое вниманіе. Когда со стола сняли скатерть, генералъ предложилъ первый тостъ: «За здоровье англійской королевы и китайскаго императора! Чтобы дружескія сношенія обоихъ государствъ были полезны торговлѣ и благоденствію двухъ народовъ!» При второмъ тостѣ генералъ обратился къ Ки-иу и поблагодаривъ его за честь, которую онъ сдѣлалъ ему своимъ посѣщеніемъ, прибавилъ, что такъ какъ онъ родился солдатомъ, воспитанъ по-солдатски, такъ же какъ и благородный комиссаръ, то не намѣренъ утруждать долго присутствующихъ излишними комплиментами; но желалъ только доказать своему гостю, что угощаетъ его отъ искренняго сердца и надѣется, что благородный комиссаръ приметъ это съ радушіемъ и свободою обращенія, свойственнымъ военнымъ. Сказавъ потомъ нѣсколько словъ насчетъ дипломатическаго порученія комиссара и торговыхъ интересовъ обоихъ государствъ, генералъ кончилъ свою рѣчь предложеніемъ выпить за здоровье Ки-ина, «этого превосходнаго государственнаго человѣка, который своимъ безпристрастіемъ къ Китаю и Англій заставляеть насъ почитать его не только искуснымъ политикомъ, но также человѣкомъ ученымъ и просвѣщеннымъ.»

Ки-инъ съ большимъ вниманіемъ слушалъ эту маленькую рѣчь и, казалось, считалъ очень важнымъ, чтобы ему переводили ее слово въ слово, фразою за фразою.

Когда громъ рукоплесканій, возбужденныхъ этимъ тостомъ, пріутихъ, благородный Ки-инъ возразилъ съ такою же ловкостью, какъ и присутствіемъ духа: «что генералъ преувеличилъ его способности, но отдалъ справедливость его искренности и что онъ увѣряеть честью истаго татарскаго солдата, что пока онъ будетъ имѣть вліяніе на китайскія дѣла, миръ и благоденствіе обѣихъ державъ будутъ равно дороги его сердцу.» Произнеся эти слова, онъ съ жаромъ протянулъ руку губернатору и генералу, какъ-бы желая этимъ дѣйствіемъ увеличить силу сво-

ихъ словъ. Вообще трудно было бы выказать болѣе привѣтливости, болѣе любезной веселости, болѣе совершеннаго чувства приличія чѣмъ Ки-инъ въ этомъ собраніи. Впродолженіи всего обѣда онъ былъ веселъ, но безъ излишества; прежде чѣмъ встали изъ-за стола, онъ предложилъ спѣть татарскую пѣсню и исполнилъ это съ воинскою живостью. Въ залъ, въ которую скоро всѣ собрались послѣ обѣда, было общество дамъ и большая часть военныхъ офицеровъ и гражданскихъ чиновниковъ колоніи. Ки-инъ съ чрезвычайно привѣтливымъ вѣдомъ обошелъ залу, протягивалъ руку всѣмъ дамамъ и предложилъ двумъ изъ нихъ нѣсколько маленькихъ вещицъ бывшихъ при немъ: кошелѣкъ, чѣтки изъ семянъ, и тому подобное. Маленькая дѣвочка, лѣтъ шести или семи, приведенная своею матерью, казалось, очень заинтересовала его и трогательно было смотрѣть на выраженіе нѣжности и благосклонности, съ которою онъ посадилъ ее себѣ на колѣни, приласкалъ и надѣлъ ей на шею родъ ожерелья. Прекрасное лицо комиссара, его осанка, полная благородства, и наивная грація и нѣжная красота англійскаго ребенка, составляли маленькую картину, достойную вниманія живописца. Не много позже одиннадцати часовъ, Ки-инъ оставилъ общество, спросивъ сперва генерала, съ характеристическимъ простодушіемъ, не будетъ ли хозяинъ сердиться на него за то, что онъ такъ рано удаляется и прибавивъ потомъ, что онъ никакъ не хотѣлъ бы обмануть ожиданія хозяина и гостей, для которыхъ онъ былъ предметомъ почтенія и любопытства. Еще одна черта тонкой учтивости китайскаго чиновника заслуживаетъ быть замѣченною. Одна молодая замужня дама, сидѣвшая близъ него, обратила на себя его особенное вниманіе; посмотрѣвшись на нее, онъ приказалъ одному изъ своихъ слугъ принести шелковый платокъ и подалъ его молодой Англичанкѣ, прося ее принять его и дать ему въ замѣнъ свой платокъ. Дама немного смутилась и Ки-инъ, примѣтивъ это, сказалъ ей съ живостью, что онъ надѣется, что не нарушилъ законовъ англійскихъ обычаевъ и приличія.

На другой день была послѣдняя дипломатическая конференція между англійскими и китайскими уполномоченными, и въ тотъ же вечеръ Ки-инъ пригласилъ начальство колоніи, на великолѣпный китайскій обѣдъ. Въ пригласительныхъ билетахъ, составляющихъ любопытную рѣдкость, обѣдъ былъ назначенъ въ шесть часовъ; но всѣ гости собрались въ нижней залѣ нѣсколькими минутами раньше и церемонно сѣли въ кресла. Генералъ сидѣлъ въ серединѣ, а другіе по сторонамъ комнаты, у маленькихъ сто-

ловъ, изъ которыхъ каждый долженъ былъ служить двумъ гостямъ. Полчаса, предшествующіе обѣду, и обыкновенно очень скучные въ Европѣ, совсѣмъ не такъ скучны въ Китаѣ; благодаря заботливости, съ которою хозяева занимаютъ своихъ гостей и притомъ превосходному чаю, который подаютъ каждому поштити, о въ маленькихъ чашкахъ, съ блюдечками, положенными наверхъ, вмѣсто-того чтобъ быть внизу, и служащими чашкамъ крышкою, удерживающею въ нихъ жаръ и уладительный аромат напитка.

Скоро однако объявили, что обѣдъ готовъ и гостей повели въ верхній этажъ, при звукахъ музыки.

Посреди огромной залы былъ поставленъ большой столъ; Ки-ниъ сидѣлъ въ серединѣ, по лѣвую сторону его англійскій губернаторъ сэръ Джонъ Девисъ, а по правую генералъ д'Агиларъ.

Передъ каждымъ гостемъ была тарелка; съ одной стороны ея лежали квай-цы или палочки для кушанья, съ другой ложка, вилка и ножикъ. Англичаве вообще старались употреблять палочки и хотя не совсѣмъ ловко, однако жъ кое-какъ ѣли ими; мандарины, между-тѣмъ, вѣроятно изъ учтивости, употребляли вилки и ложки. Передъ каждою тарелкою стояло множество маленькихъ пирамидъ сухихъ конфетовъ, плодовъ въ укусѣ и разнаго вида семянъ; но скоро мы узнали по опыту, что все это было поставлено болѣе для украшенія чѣмъ для ѣды; на лѣвой сторонѣ каждого прибора была чашка, наполненная вареньемъ и кусочками соленого мяса, вѣроятно для возбужденія аппетита гостей; обѣдъ начиается этимъ блюдомъ и его запиваютъ виномъ. Послѣ этого вступленія начался настоящій обѣдъ. Въ залу вошла толпа слугъ и каждый изъ нихъ поставилъ передъ однимъ изъ гостей чашку, величиною съ кофейную, съ супомъ изъ птичьихъ гнѣздъ, блюдо очень похожее на хорошій супъ изъ вермишеля, но совсѣмъ не стоящее своей большой славы и непомерной цѣны. Послѣ супу изъ птичьихъ гнѣздъ, подали супъ или рагу изъ дичины и утиный рагу; потомъ несравненный рагу изъ плавательныхъ перьевъ акулы, похлебку изъ каштановъ, вареную свиинѣу, родъ маленькихъ пирожковъ съ овощами и сокомъ мяса, который подается особо; рагу изъ сухихъ оленьихъ жилъ, другой изъ кожи акулъ, уступающій во вкусѣ только рагу изъ плавательныхъ перьевъ тѣхъ же животныхъ, о которомъ мы сейчасъ упоминали; похлебку изъ трюфелей; родъ студея, въ которомъ, какъ намъ говорили, были мозги изъ оленьихъ роговъ, каштаны

и почтенные грибы; ветчину вареную въ какомъ-то сахарномъ соусѣ, душистые бамбуковыя вѣтви, печенку вареной рыбы; послѣднія блюда кушали съ горячимъ соусомъ; потомъ подали еще куски впрожнаго, только-что вынутаго изъ печи и вдутые блины, наполненные холоднымъ мармеладомъ. Кромѣ этихъ блюдъ посреди стола стояли большія миски, наполненныя разными рагу, димомъ которыхъ мы не знаемъ, но основу ихъ, казалось намъ, составляли голуби, яйца, разные овощи и въ-особенности свиная; эти кушанья доказываютъ впрочемъ, что китайскіе повара исполнѣ посвящены во всѣ тайны повареннаго искусства и знаютъ всѣ ученые соединенія, которыя могутъ служить для составленія рагу, салатовъ и соусовъ.

При этомъ множествѣ неизвѣстныхъ блюдъ, самый искусный европейскій гастрономъ пришелъ бы въ замѣшательство. Хозяева наши, повидимому понимали это и каждый разъ, когда подавали какое-нибудь отличное кушанье, они подчивали имъ своихъ сосѣдей. Ки-инъ самъ, съ утонченною учтивостью, обыкновенною въ Китаѣ, вѣсколько разъ бралъ со своей тарелки самыя лакомые куски и перекладывалъ ихъ палочками на тарелки своихъ сосѣдей. Впрочемъ, на случай если бы какой-нибудь прихотливый гость не удовольствовался этимъ множествомъ блюдъ разнаго роду, посреди стола стояли жареные павлины, фазаны и ветчина; кромѣ-того безпрестанно подавали чай, вѣрно, чтобы возбуждать аппетитъ и помогать пищеваренію. Одинъ случай заслуживаетъ быть здѣсь замѣченнымъ: впродолженіи всего этого великолѣпнаго обѣда на столъ не подавали ни одного зерна рису, ни въ смѣшеніи съ другими веществами, ни особо, хотя почти всѣ путешественники, писавшіе о Китаѣ, утверждаютъ, что тамъ не бываетъ обѣда, какъ бы онъ великолѣпенъ ни былъ, чтобы не подавали рису въ излишествѣ.

Что касается до винъ, ликеровъ разнаго роду, и китайскаго *самшю*; ихъ подавали безпрерывно впродолженіи всего обѣда; наши хозяева употребляли ихъ очень часто и приглашали насъ отвѣчать имъ, что было не легко, потому что они не довольствовались тѣмъ, что мы только подносили стаканы къ губамъ: надобно было выпить каждый разъ стаканъ до дна и перевернуть его, въ доказательство, что онъ пустъ. Это излишество крѣпкихъ напитковъ не произвело на Китайцовъ такого сильнаго дѣйствія, какъ мы ожидали. Противъ насъ сидѣлъ одинъ Татаринъ, съ дѣйствительно-грознымъ лицомъ. Этотъ человекъ выпилъ, кромѣ порядочнаго количества шампанскаго и другихъ винъ, три чет-

верти бутылки мараскину и съ полбутылки миндальной водки, поглаживая при каждомъ новомъ стаканѣ подбородокъ и испускающая радостное «о-го!»

Разные рагу подавали непрерывно, часа три сряду. Когда это кончилось, Ки-ниъ всталъ, чтобы посвятить чашу царицѣ небесъ. Между-тѣмъ какъ онъ исполнялъ этотъ долгъ, съ одного конца комнаты до другаго поставили маленькія, низенькія скамейки, покрытыя красною матеріею, и на нихъ множество блювъ съ жареною свининою, ветчиною, дворовыми птицами и другими питательными кушаньями: передъ всякою скамейкою былъ поварь или, скорѣе, мясникъ, потому что эти люди походили на мясниковъ. Поварь, вооруженный ножомъ, сидѣлъ на землѣ по-китайски и началъ тотчасъ же разрѣзывать мясо противъ всѣхъ правилъ, установленныхъ въ искусствѣ разрѣзыванія; онъ хваталъ иногда лѣвою рукою четверть баранины за ногу, чтобы лучше сдирать мясо, и потреблялъ свои длинные искривленные ногти, вмѣсто ножей и вилокъ. Эта церемонія имѣетъ двойную цѣль — сдѣлать угодное царицѣ небесъ въ благодарность за вкушаемое добро и показать гостямъ, что кромѣ-того, что съѣдено въ изобиліи, есть еще много блювъ. Мясо, такимъ образомъ разрѣзанное скоро поставили на столъ съ прибавкою холодной баранины и свинины; но никто этого не кушалъ и скоро явился десертъ, состоявшій изъ плодовъ, конфетовъ и большаго количества вина, крѣпительныхъ напитковъ и шамшю.

Обѣдъ, данный достойнымъ комиссаромъ, продолжался уже около четырехъ часовъ; питательныя мяса, составлявшія его, еще не исчезали, когда принесли десертъ, а тосты уже давно начались. Первый тостъ былъ за здоровье англійской королевы и китайскаго императора; этотъ тостъ былъ сопровождаемъ адскимъ шумомъ: Китайцы съ жаромъ рукоплескали, кричали и это напоминало намъ публичныя англійскія пиршества; между-тѣмъ изъ сосѣдней комнаты слышна была китайская музыка, вѣроятно, игравшая какую-нибудь пѣсню, приличную случаю. За этимъ тостомъ слѣдовали другіе въ такомъ же родѣ, особенно за французскаго и шведскаго короля, двухъ государей, представителями которыхъ были при этомъ обѣдѣ двое изъ ихъ подданныхъ; послѣ этого Ки-ниъ попросилъ губернатора спѣть пѣсню и общалъ самъ пѣть послѣ него, и дѣйствительно, онъ пѣлъ очень хорошо, съ большою веселостію и самъ вмѣстѣ съ другими себѣ апплодировалъ. Паиъ-и-цѣ-пинъ также спѣлъ намъ двѣ пѣсни; но зятъ императора отказался пѣть, по причинѣ сильной охриплости, ко-

тора динила его голосу, что очень не мудро — потому что этотъ принцъ кричалъ вовесь обѣдъ. Наконецъ одинъ татарскій придворный, происходящій, какъ намъ говорили, по прямой линіи отъ Чингисъ-хана, пропѣлъ какую-то жалобную пѣсню, немного дикая мелодія которой напоминала нѣкоторые изъ шотландскихъ и ирландскихъ народныхъ пѣсень.

Изъ английскихъ гостей, кромѣ сэра Джона Девиса, пѣли еще генераль-президентъ суда и мистеръ Шортредъ.

Китайцы, говорятъ, очень любятъ украшать свои празднества зрѣлищами и драматическими сценами; и большая часть путешественниковъ, писавшихъ о Китаѣ, представляютъ этотъ родъ дивертисментовъ, какъ обычай, неизмѣнный въ такомъ случаѣ. При описываемомъ обѣдѣ, впрочемъ, этого не было, вѣрно потому, что Китайцамъ никогда и въ голову не приходило, чтобы какой-нибудь ихъ важный сановникъ могъ быть у иностраннаго чиновника и потому труппа комедіантовъ не принадлежитъ къ обыкновенной свитѣ посланника. Какъ бы то ни было, зрѣлище замѣнено было игрою, описанія которой я никогда не видалъ. Ки-ину принесли двѣ георгины, онъ, повернувъ ихъ вокругъ головы, поднесъ къ носу, потомъ далъ одну губернатору, другую генералу, прося ихъ передать другимъ гостямъ, сидящимъ вокругъ стола. Между-тѣмъ въ сосѣдней комнатѣ били въ барабанъ, останавливаясь отъ времени-до-времени какъ попало; особа, имѣвшая цѣтокъ въ то время какъ переставали бить въ барабанъ, должна была тотчасъ выпить стаканъ вина, палтый до краевъ. Эта игра, которую Китайцы забавлялись съ большимъ увлеченіемъ, очень забавляла все общество; наши хозяева старались поймать своихъ гостей и заставить ихъ пить; впрочемъ они очень весело смѣялись, когда сами попадались. Между-тѣмъ вечеръ подходилъ къ концу; онъ былъ очень хорошо проведенъ всѣми и богу пьянства принесена была обильная дань. Или вино было отличнаго качества или количество рагу и блюдъ разнаго роду, изъ которыхъ былъ составленъ обѣдъ, противостояло дѣйствию напитковъ, но то вѣрно, что всѣ гости, туземцы и иностранцы, были не слишкомъ пьяны. Около одиннадцати часовъ общество разошлось: Ки-инъ и его друзья проводили своихъ английскихъ гостей до послѣднихъ ступеней лѣстницы и простались съ ними у дверей на улицѣ; послѣ чего каждый ушелъ во-свои, и всѣ были чрезвычайно довольны такимъ радушнымъ свиданіемъ.

На другой день въ половинѣ седьмаго утрома, императорскій министръ сѣлъ на пароходъ, чтобы возвратиться въ Кантонъ.

Само собою разумѣется, что на челоѣвка столь важнаго въ Китаѣ, столь знаменитаго въ Европѣ, смотрѣли со вниманіемъ во время его пребыванія въ Хонконгѣ; вотъ результатъ нашихъ наблюденій. Ки-ину лѣтъ пятьдесятъ; онъ высокъ ростомъ, видъ у него самый благородный и манеры отличаются какою-то особенною граціею и достоинствомъ. Во время пребыванія своего у насъ, онъ велъ себя какъ свѣтскій, самый образованный челоѣвкъ, такъ что, за исключеніемъ языка и платья, его можно было бы принять за стариннаго Англичанина самаго зватнаго роду. Такъ какъ мы его видѣли большею частью въ многочисленныхъ публичныхъ собраніяхъ, то насъ всего болѣе поразила любезная пріятельность его фізіономіи; но надобно сказать, что лицо у него чрезвычайно умное и часто озаряется живымъ, свѣтлымъ взглядомъ, который тутъ выражалъ добродушіе и искреннюю веселость, а при случаѣ, конечно, могъ бы блестять такою же провидательностію и тонкостію.

Съ французскаго п. оль-инъ.

ДВОРЪ МЕХМЕДА-АЛИ. *Паша наединѣ съ своимъ слугою. Приключеніе съ Клотъ-беемъ. Гаремъ пашы. Золотые розсыли.* Путешествуя по Средиземному-Морю, нерѣдко подвергаетесь заключеніямъ въ карантинныя чистилища. Чтѣ же прикажете дѣлать въ этихъ лазаретахъ, которые передъ каждымъ приморскимъ городомъ ждутъ васъ съ развертою пастью и поглощаютъ бѣднаго путешественника, на нѣсколько дней, какъ китъ Іону; чтѣ дѣлать? По-неволѣ приметесь рассказывать, или станешь отъ скуки слушать рассказы. Въ этомъ отношеніи подобныя насильственные стоянки не безвыгодны: эти дни отдыха, эти неизбежныя аресты даютъ вамъ столько досугу, что можете собраться съ мыслями, привести въ порядокъ свои воспоминанія; можете припоминать всѣ подробности своихъ странствованій; наконецъ самыя пробѣлы въ вашихъ замѣткахъ есть возможность пополнить тѣми свѣдѣніями, какія неизбежно почерпаете изъ рассказовъ товарищей по заточенію.

Турки нынче также усердно принялись устроить карантинны. Въ Дарданеллахъ, близъ древней Лампсаки путешественниковъ запрягаютъ въ лазаретъ Кулели. Тутъ вамъ представляется зрѣлище довольно пестрое: меккскіе поклонники, сирійскіе воины, туркеты, возвращающіеся отъ пирамидъ, монахи, пришедшіе изъ Ерусалима, представляютъ вамъ сущее вавилонское смѣшеніе языковъ, въ миниатюрѣ; тутъ найдутся образки почти всѣхъ словарей Азіи и Европы; особенно же языки, сближенные судьбою на восточномъ побережьи Средиземнаго Моря, хотя не нѣтъ

ни малѣйшаго сходства между собою, языки арабскій, греческій, италіанскій, турецкій имѣють въ карантинѣ своихъ представи-телей.

Въ 1842 году, говоритъ одинъ французскій путешественникъ, прибылъ я изъ Александріи въ Константинополь на небольшомъ пароходѣ. Это красивое судно, разукрашенное шелкомъ и золо-томъ, было подаркомъ Мехмеда-Али его величеству Абдуль-Мед-шиду. Въ Кулели мы всё-таки не избѣгнули карантиннаго чисти-лища. Я замѣтилъ тамъ одного молодого человѣка, родомъ Ва-лаха. Веселый, проворный, сговорчивый, тонкій, предупреди-тельный, онъ говорилъ не только на діалектахъ всѣхъ странъ, мимо которыхъ мы плыли, но и сверхъ-того изъяснялся по-рус-ски, по-англійски, по-французски, по-нѣмецки, и охотно при-нимался за ремесло толмача посреди разнообразнаго лепетанія об-щества, считаго на живую нитку.

Этотъ молодецъ былъ камердинеромъ у Мехмеда-Али. Жоржъ Семинеловичъ (George Seminelowitch, такъ называется его фран-цузскій путешественникъ), по всему было видно, пользовался большою довѣренностію и милостію вице-короля береговъ ниль-скихъ.

Вице-король часто обходился съ нимъ за-панібрата. Спальня Мехмеда-Али, по словамъ Жоржа, расположена слѣдующимъ об-разомъ. Довольно низенькій диванъ служить, по турецкому обы-чаю, вмѣсто кровати; отъ остальной части комнаты онъ отдѣ-ляется драпировкою изъ шалей: эти роскошныя ткани, испещ-ренныя букетами самыхъ яркихъ цвѣтовъ, рисунковъ самыхъ индѣйскихъ, ниспадають широкими складками и образуютъ со-бою альковъ, святилище паши. Снаружи при входѣ въ этотъ покой, ночью всегда спятъ два араба, представляя собою живой порогъ; а внутри покоя присутствуетъ нашъ Семинеловичъ, всегда готовый на всѣ услуги, какихъ бы ни потребовалъ господинъ его.

Въ одну ночь, мучимый бессонницею, утомленный размышле-ніями о тысячѣ препятствій, какими европейскіе кабинеты раз-рушаютъ его замыслы основать новую владѣтельную династію, и долго ворочавшись на своей постелѣ, сатрапъ вдругъ ударилъ въ ладоши.

Проснувшіеся арабы прибѣжали на зовъ.

— *Кензиръ, Хамаръ!* (Это родъ бранныхъ словъ, которыя у Турковъ въ будничномъ слогѣ въ большомъ употребленіи.) Я ле-васъ звалъ. Разбудить Жоржа.

Жоржа разбудили.

— Эфендина! жду вашихъ приказаній, сказалъ съ подобострастіемъ Валахъ, не преминувъ сдѣлать движеніе, будто хочетъ поцѣловать одѣяло, за невозможностію достать полы одежды своего господина.

— Жоржъ, мнѣ что-то не спится.

— Чѣмъ бы помочь вашему высочеству?

— Свари мнѣ кофе по-франкски. Мнѣ хочется франкскаго кофе.

Жоржъ тотчасъ зажигаетъ спиртъ въ кандоркѣ. Благоухающій моккскій напитокъ настоялся, потемнѣлъ и скоро поднесенъ былъ пашѣ въ маленькихъ филигранныхъ чашечкахъ, которыя на Востоку выдѣлываются особенно изящно.

— Возьми и себѣ чашку.

— Эфендина, не смѣю.

— Смѣй. Теперь ночь, насъ никто не видитъ. Я могу себѣ позволить маленькую фамилярность. Садись вотъ тутъ, противъ меня.

Жоржъ, проникнутый уваженіемъ, присѣлъ на кончики пятки.

Сатрапъ, желая на часокъ сложить съ себя бремя величія, не удовольствовался этимъ положеніемъ камердинера, которое похоже было на колѣнопреклоненіе, и такъ мало согласовалось съ дружественнымъ обращеніемъ паша.

— Садись на диванъ, говорятъ тебѣ. Теперь ночь, мы одни. Одинъ Аллахъ великъ! Самъ я былъ такимъ же слугою какъ и ты. Не вѣчно былъ я владѣтелемъ цѣлой страны. Въ Македоніи я началъ съ того, что служилъ кавасомъ при одномъ греческомъ монастырѣ.

— Возможно ли?

— Да, Жоржъ. Потомъ пробрался я въ Египетъ съ однимъ бибашею и уже не выходилъ отсюда.

— Но сколько подвиговъ надобно было совершить, сколько храбрости, сколько генія надо было имѣть, чтобъ дойти до высокаго положенія вашего высочества.

— И также сколько случайностей! Теперь меня уже ничѣмъ не испугаешь; сто разъ игралъ я на квить и на двойную ставку, и сто разъ едва-едва не проигрался, какъ и мой братъ Наполеонъ.

— Эфендина! Если уже вы такъ милостивы ко мнѣ, то осмѣ-

лишьюсь просить васъ, помогите мнѣ добыть сотню керіа. (Это почти девятьсотъ піастровъ; или двѣсти пятьдесятъ рублей.)

— Какимъ же образомъ?

— Вчера вечеромъ пришелъ ко мнѣ Петраки, слуга Клотъ-Бей.

— Клотъ-Бей въ Каирѣ.

— Онъ воротился. Вотъ Петраки и говоритъ мнѣ, что его госнодинъ хочетъ со мною видѣться. Я пошелъ. Въ нижнихъ залахъ дворца Клотъ-Бей общалъ мнѣ сотню керіа, если я доставлю ему какъ-можно скорѣе аудіенцію у вашего высочества.

— Ахъ ты *пезавенгъ! керата!* такъ ты этимъ ремесломъ занимаешься; милости мои продаешь? Такъ и быть; прощаю тебя. Налей-ка еще кофе. Чего же хочетъ Клотъ-Бей?

— Не могу знать. Только онъ былъ чтѣ-то очень встревоженъ.

— Ну, хорошо, я помогу тебѣ добыть эти деньги. Приму его въ пять часовъ. (У Франковъ одиннадцать часовъ.)

Мехмедъ-Али улегся снова, уже на зарѣ, и проспалъ до десяти часовъ.

Гаэтано-Бей, врачъ паша, явился первый. Уже онъ имѣлъ таинственный разговоръ съ Жоржемъ, забирал справки насчетъ того какъ паша провелъ ночь; изъ этихъ справокъ искусный медикъ умѣлъ извлекать большія выгоды, такъ что при дворѣ приписывали глубинѣ его знанія все то, чтѣ было простымъ результатомъ его предварительныхъ освѣдомленій.

Паша всталъ съ своего ложа. Онъ жаловался на тяжесть въ головѣ и нѣкоторое разстройство желудка.

— По-видимому, ваше высочество, страдаете бессонницею. Я убѣренъ, что эту ночь вы плохо почивали.

— Да, ты угадалъ.

— Я замѣчаю на лицѣ нѣкоторые признаки.... Ваше высочество, вѣрно, изволили пить кофе нынче ночью?

— И то правда! Этотъ человекъ все знаетъ!

— Позвольте вашъ пульсъ. Ваше высочество изволили выкушать двѣ чашки; много, ваше высочество, много, нездорово.

— Опять угадалъ! Необыкновенный человекъ! Именно двѣ чашки я и выпилъ. Вотъ пирамидальный гений!

— Прогулка въ каретѣ разгонитъ все.

— Что же пить, брать, не обыкновенно, веронь, а возмра-
титься въ каротъ?

— Очень хорошо, ваше высочество. Движеніе, вотъ все, что
вамъ надобно.

Подали завтракъ.

За завтракомъ вице-королю обыкновенно подаются три блюда;
за обѣдомъ—шесть блюдъ. Какъ за утренней трапезой, такъ и
за вечерней, старикъ выпиваетъ по бутылкѣ бордоскаго.
Иногда, впрочемъ рѣдко, онъ не отказываетъ себѣ за дессер-
томъ въ пол-бутылкѣ добраго шампанскаго.

Соображаясь съ восточными обычаями, Мехмедъ-Али не при-
несется ни къ одному блюду, не давъ предварительно отиѣдать
его своему камердинеру, онъ же и метръ-д'отель; Жоржу, и не-
томъ своему врачу Газтано, который, какъ предполагается, та-
кимъ образомъ наследуетъ — согласуются ли всѣ приправы въ
кушаньяхъ съ настоящимъ состояніемъ здоровья высоко-чтимаго
его паціента.

Отвѣдавъ всѣхъ трехъ кушаньевъ, паша вспомнилъ о просьбѣ
Клотъ-бей.

Клотъ-бей былъ уже предувѣдомленъ своимъ повѣреннымъ и
находился въ одной изъ смежныхъ залъ.

Здѣсь мы разставемся съ рассказомъ самого Жоржа.

Слова и поступки Клотъ-бей показались бы слишкомъ триви-
альными, если бъ мы придерживались буквально повѣствованію
валахонскаго Светенія.

Вотъ въ чемъ дѣло:

У Мехмеда-Али было семеро сыновей. Ибрагимъ — сынъ его
сомнительной законности. Онъ родился еще при жизни перваго
мужа женщины, на которой паша послѣ женился, и потому Ибра-
гимъ не можетъ похвалиться происхожденіемъ достаточно-яснымъ.
Кстати, если Мехмедъ-Али не назначитъ себѣ преемника, то по
кончаніи его въ Египтѣ начнется борьба партій, и каждый пре-
тендентъ найдетъ множество искателей приключеній, готовыхъ
его поддерживать.

Одинъ претендентъ уже есть на-лицо: Аббасъ паша.

Туссумъ, первородный сынъ Мехмеда въ законномъ бракѣ, по-
слѣ войнъ въ Аравіи, возвратился въ Каиръ, и умеръ тамъ
отъ излишняго употребленія опіуму и отъ разныхъ другихъ изли-
шествъ.

Онъ оставилъ сына, Аббаса-пашу, на котораго вице-король
перенесъ всю отеческую свою пѣжнность. Между-тѣмъ Аббасъ-

паша почти ни чѣмъ не заслуживаетъ ея: онъ жестокъ, грубъ дикъ, чуждъ всякихъ умственныхъ занятій.

Удивительно, что Мехмедъ-Али, который много заботился о воспитаніи своихъ дѣтей, доставилъ Сандъ-пашѣ, Искандеръ-Бейю, Мехмедъ-Али-бейю всѣ элементы образованности, не дѣлаетъ никакого различія между Аббасъ-пашою и остальными членами своего семейства.

Аббасъ-паша назначенъ губернаторомъ Каира и двухъ смежныхъ съ этимъ городомъ провинцій, Гиза и Менузіа.

Каирскій губернаторъ, чувствуя себя нездоровымъ, особенно отъ губительнаго вліянія египетскаго воздуха, отъ дѣйствія росы, которая столько Феллаховъ лишаетъ зрѣнія, и отъ которой народомъ одной ночи ржавѣютъ ружья, канджары, ножи, даже во внутренности закрытыхъ домовъ, — уведомилъ объ этомъ директора медицинскаго вѣдомства Клотъ-Бей.

Клотъ-бей, видя въ нервическихъ припадкахъ, на которые жаловался губернаторъ, слѣдствія ревматизма, посоветовалъ ему одѣться въ оланель.

Аббасъ-паша, съ свойственною себѣ грубостью, отвѣчалъ, что онъ не намѣренъ одѣваться какъ гауръ.

Клотъ-бей отвѣчалъ, что если султанъ прикажетъ, то Аббасу-пашѣ всё же придется одѣваться по-гаурски.

Турку это не понравилось, да и не могло понравиться въ то самое время, когда Мехмедъ-Али принужденъ былъ разстаться съ задушевною мечтою о своей династіи и проклясть верховную власть Абдуль-Меджида.

Аббасъ-паша возмнилъ, и почтенный Клотъ-Бей удостоверяетъ того же, чего отецъ Родрига удостоился отъ руки родителя Химены, однимъ словомъ, получалъ пощечину.

Клотъ-бей большой святоша; онъ служилъ мессы въ благодарность небу за сохраненіе дней Мехмеда-Али. Онъ удостоился благословенія и миропомазанія отъ Григорія XVI; но тутъ у него недостало христіанскаго смиренія и, вмѣсто-того чтобы подставить другую щеку, онъ побѣжалъ въ Булакъ, каирскій портъ на восточномъ берегу Нила, бросился въ джерму и пустился какъ-можно скорѣе въ Александрію. Тамъ онъ тотчасъ же сталъ искать случая повидаться съ вице-королемъ. Надобно было начать, по обычаю, съ камердинера; несмотря на то, что было уже одиннадцать часовъ вечера, онъ отправилъ къ Жоржу, своего слугу Петраки. Сотня верей въ перспективѣ расшевелила преданность Семисловича; и онъ воспользовался первою благоприятною мину-

тою и устроилъ это дѣло, хотя Мехмедъ-Али и называлъ его за то *пезавенгомъ*. Какъ бы то ни было, Клотъ-Бей добился аудиенціи. Онъ дожидался въ диванной залѣ, какъ мы уже говорили; черномазая фигура Негра выглянула въ дверь и сдѣлала рукою жестъ, похожій на движеніе, какое дѣлають суннальщики съвое граблею. Это на Востокѣ обычный знакъ зова.

Можете себѣ представить свиданіе вице-короля съ своимъ вѣрнымъ слугою. Вѣрноподданный, глубоко свѣдущій въ дѣлѣхъ туземныхъ привѣтствованій, подбѣжалъ, чтобы схватить край одежды пашы и напечатлѣть на ней поцѣлуй. Паша сидѣлъ на диванѣ въ восточной позатурѣ, съ четками въ рукѣ, и не допустилъ Клотъ-Бея до исполненія мусульманскаго обряда. Вообразите себѣ эти двѣ фигуры: одну спокойную, важную, убѣленную годами; другую тощую, улыбу, уничтоженную воспоминаніемъ еще не стертаго съ лица оскорбленія. Бесѣда была короткая. Клотъ-Бей рассказалъ о своей обидѣ; вице-король, несмотря на свою раздражительность, затаялъ въ душѣ всю горечь этого разсказа. Онъ приказалъ врачу своему успокоиться и удалиться. Потомъ позвалъ Артимъ-бея, и продиктовалъ приказъ на имя Аббасъ-пашы, чтобы тотъ сію же минуту явился въ Александрію.

Наступилъ часъ обычной прогулки Мехмеда-Али на одну изъ виллъ своихъ любимцевъ. Онъ сѣлъ на коня; человекъ десять или двѣнадцать его приближенныхъ, всѣ верхами, составляли его свиту.

Вокругъ Александріи фавориты пашы настрояли дачъ, и развели сады. Къ нимъ-то въ гости отправляется наша дѣлать своей аѳѣ. Комнаты тамъ убраны дорогими растеніями. Привозятъ подушки, тигровыя шкуры, диваны. Паша располагается на нихъ, курить кальянъ, бесѣдуетъ съ хозяиномъ дома. По привычкѣ ли изъ подозрѣнію, по обычаю ли восточному, или копируя константинопольскіе нравы, только паша не приметъ отъ хозяина ни стакана воды. Зато въ его конвоѣ всегда есть дромадеръ, навьюченный кофейниками, трубками, бутылками, съѣстными припасами, сосудами съ шербетомъ, конфектами, — однимъ словомъ, это цѣлый походный магазинъ для насыщенія и прохлажденія его высочества въ часы кейфа.

Назадъ онъ ѣдетъ обыкновенно въ каретѣ, согласно предписанію Гекимъ-баши Газтано.

По всей Александріи проведено очень хорошее шоссе; оно идетъ отъ воротъ Решиды или Розетты къ дворцу Раз-аль-Тинъ, потомъ между арсеналомъ и домами предвѣстья, которое вых-

желе во время чумы въ 1834 году. Лѣтъ десять тому здѣсь сдѣлана попытка помѣстить Арабовъ въ жилищахъ по-удобію прежняго; имъ построили дома съ дверями и окнами: роскошь, доселѣ невѣдомая Феллахамъ. Парижскіе журналы недавно говорили, что паша намѣревался построить три образцовыя деревни для помѣщенія своихъ вѣрноподданныхъ по-человѣчески. Этотъ опытъ давно произведенъ и удался вполне. Шоссе здѣшнее обсажено акаціями, отъ которыхъ современемъ ждутъ такой же тѣни, какую даютъ деревья на шоссе отъ Каира до Шубры; погонщики ословъ увѣряютъ, что послѣднія посажены самимъ Буанаберди (Бонапарть). Александрійское шоссе, въ направленіи по полуострову Раз-эль-Тимъ возвышается, и скоро передъ вами появляются стѣны серала, съ безчисленнымъ множествомъ печныхъ трубъ; кухни на Востокъ обыкновенно устраиваются въ нѣкоторомъ разстояніи отъ дворцовъ.

Ворота, охраняемыя отрядомъ солдатъ, ведутъ во внутренность ограды. Не удивляйтесь, если увидите часоваго, сидящаго въ своей будкѣ, если ружье его покоится въ двухъ шагахъ отъ хозяина, на песокѣ, а онъ прядетъ свой кудель, какъ Геркулесъ, только не у ногъ Омфалы. Не удивляйтесь, если при смѣнѣ караула, увидите ошцера передъ своимъ отрядомъ верхомъ на ослѣ. Туземцу, и знатному и мелкому, все это кажется весьма естественнымъ; дѣло въ томъ, что въ этихъ будто бы деспотическихъ странахъ во всемъ замѣтны величайшая небрежность и нерадѣніе.

Внутри ограды, на довольно обширномъ мѣстѣ, возвышаются нѣсколько гонаковъ или турецкихъ дворцовъ. Направо таинственные пріюты женщинъ, вмѣстѣ съ кухнями, отдалены отъ жилища пашы; налево — сераль его. Въ первомъ этажѣ этого зданія по правую руку — аудіенцъ-зала, гдѣ Мехмедъ-Али принимаетъ консуловъ, извѣстныхъ иностранцевъ, негоціантовъ. Налево дверь во внутренніе покои. Тамъ ему подають ужинъ, состоящій изъ шести блюдъ, съ прибавленіемъ бутылки добраго вина. Послѣ ужина, день вице-короля конченъ.

Но окончимъ нашъ рассказъ о траги-комическомъ приключеніи съ Клотъ-беємъ.

Аббасъ-паша, прискакавъ со всевозможною поспѣшностью изъ Каира въ Александрію, вслѣдствіе приказаній вице-короля, явился къ нему прямо съ дороги.

— Какъ ты смѣешь входить ко мнѣ, не испросивъ аудіенціи? сказалъ ему Мехмедъ-Али, нахмуривъ свои грозныя брови.

Этотъ необыкновенный пріемъ не предвѣщаетъ ничего добраго.

— Здѣсь господинъ — я! слышите ли? Извольте подождать тамъ, пока я позову.

Аббасъ-паша безпрекословно повиновался.

Прошло три смертельныхъ часа, пока не явился за нимъ ош-церъ.

— Какъ ты смѣлъ дать пощечину человѣку, котораго я произвелъ въ бей? Ужъ не считаешь ли ты себя повелителемъ Египта? Здѣсь одинъ господинъ — я. Чтѣ скажутъ Франки, когда узнаютъ объ этомъ? Пожалуй, они подумаютъ! что въ моемъ семействѣ одни неучи. Ступай къ Клотъ-бею и извинись предъ нимъ.

— Но, позвольте....

— Поди, и извинись, говорятъ тебѣ. Ступай.

Грубый Османлы, наслѣдникъ старинныхъ предубѣжденій противъ ягуровъ, не могъ постичь, какъ ему, пашѣ, унизиться передъ беємъ, да еще беємъ кіяфиромъ! Между-тѣмъ приказаніе не допускало отговорокъ: а эффендина иногда шутить не любить. Никто еще не забылъ, какъ онъ однажды велѣлъ отрубить голову Богосъ-бею, своему приближенному, своему любимцу; и голова Богосъ-бей уцѣлѣла на плечахъ его, только по милости хитраго Анастаси.

Кипя гнѣвомъ, терзаемый яростью и увлекаемый бѣшенымъ порывомъ африканской крови, Аббасъ-паша никакъ не могъ отправиться къ дому Клотъ-бей, которому съ такимъ истиннымъ наслажденіемъ снесъ бы, ударомъ сабли, голову.

Онъ проходилъ мимо дворца Могаремма-бей, своего дяди. Тутъ пришло ему на умъ излить свое горе въ грудь добраго Османлы, ветаго Турка, исполненнаго величайшаго презрѣнія ко всему, чтѣ носитъ имя христіанина; онъ былъ увѣренъ, что найдеть здѣсь сочувствіе и утѣшеніе.

На половинѣ дороги отъ Разъ-эль-Тима къ площади, на берегу моря возвышается красивое зданіе. Здѣсь жилъ Наполеонъ, но прибытію въ Египетъ; нынѣ здѣсь живетъ Могаремъ-бей, губернаторъ александрійскій, вдовецъ, который былъ женатъ на дочери вице-короля.

Могаремъ-Бей выслушалъ гнѣвные жалобы племянника. Онъ провелъ нѣсколько разъ рукой по бородѣ и сосредоточилъ небольшой запасъ своего соображенія на казусномъ случаѣ, предложенномъ на судъ его. Въ приказаніи, заставлявшемъ пашу,

члена царствующаго дому, являющагося передъ невѣрнымъ, онъ выходилъ несообразность, забвеніе вѣхъ приличій, и крайній позоръ.

Онъ хлопнулъ въ ладоши.

Слуги приближались. Магареминъ приказалъ осѣдлать коня и отправился.

Мехмедъ-Али находился еще въ своихъ покояхъ. Двое часовыхъ, вопреки принятому обыкновенію, оставили зятя его у входа. На вопросъ Магаремма, что это значитъ, ему отвѣчали, что таково приказаніе эфендины.

Онъ остался въ общей пріемной, ожидая позволенія войти.

Когда его ввели, онъ разсыпался передъ сатрапомъ въ краснорѣчивыхъ фразахъ, стараясь доказать, что посылать пашу съ извиненіями къ бею значило бы дѣйствовать вопреки вѣхъ понятіямъ о чинопочтаніи.

— Ну, сказалъ его высочество: такъ пусть Клотъ-бей идетъ къ Аббасу-пашѣ, съ условіемъ однако, чтобъ послѣдній вышелъ къ нему на встрѣчу и извинился передъ нимъ. Я этого непремѣнно требую.

Нечего дѣлать, Аббасъ-паша принужденъ былъ повиноваться этому приказанію. Комедія была разыграна согласно съ ролями, розданными заранее. Клотъ-бей пришелъ, Аббасъ принялъ его съ улыбкой на устахъ, какъ приказалъ эфендина, но съ гнѣвомъ въ глубинѣ души. Онъ взялъ его за руку, посадилъ подлѣ себя и приказалъ подать трубку и кофе.

По своему высокому безпристрастію, Мехмедъ-Али заставлялъ Аббаса-пашу сдѣлать это удовольствіе главному директору медицинской части; однако жъ по природной своей прозорливости онъ постигалъ, какъ дерзокъ и оскорбитель былъ отвѣтъ Клотъ-бея Аббасу-пашѣ. Въ ту минуту, какъ несчастный оборотъ дѣлъ заставлялъ Египетъ снова признать верховную власть блистательной Порты, съ его стороны было весьма неприлично, по случаю какого-нибудь фланелеваго жилета, говорить о приказаніяхъ султана. Мехмедъ-Али порядкомъ пожурилъ Клотъ-бея и строго запретилъ ему, подъ опасеніемъ палочнаго увѣщанія, мѣшаться въ политику.

— Но, сказалъ я Жоржу Семинеловичу: такъ какъ вы хорошо знакомы съ домашнею жизнью Мехмеда-Али, то расскажите-ка намъ сколько у него женъ?

— Двѣнадцать.

— Двѣнадцать!

— Съ лѣвой стороны дворца выходятъ на галерею двѣнадцать комнатъ. Эти двѣнадцать комнатъ назначены для жительства Самды, Мехмеды, Алины, Зюльмы, Намле, и другихъ.

— Зюльма, Намле... это имена одамыкъ? Вы ихъ знаете?

— По-неволѣ. Служа камердинеромъ пашы, который то и дѣло что путешествуетъ и беретъ съ собою всѣхъ женъ, невольно нѣтъ случай ихъ видѣть. Такимъ образомъ, въ 1839 году, когда его высочество отправился въ Сеннааръ, гдѣ, какъ носились слухи, были открыты золотыя россыпи, гаремъ сопровождалъ его.

— Дѣйствительно, въ этихъ пустынныхъ мѣстахъ общество его женъ....

— Какое тутъ общество? Онѣ ѣхали въ джермѣ одиѣ и часто въ большомъ разстояніи отъ пакетбота пашы. Ночь обыкновенно проводили мы на сухомъ пути, ставили налатки и такимъ образомъ при выходѣ изъ джермы и при сходѣ на рѣку, я нигдѣ случай видѣть этихъ красавицъ безъ покрывала.

— Которая же изъ нихъ любимица пашы?

— Теперь — Намле, Черкешенка, бѣлая какъ снѣгъ. Я нигдѣ удовольствіе вдоволь наглядѣться на нее. Вотъ какъ это было. Египетъ, въ періодъ времени отъ 1825 до 1835 года, считался обѣтованной землей искателей приключеній. Это десятилѣтіе было золотымъ вѣкомъ Александріи. Вице-король уносился въ мечтахъ своихъ за седьмое небо. Хлопчатая бумага, которую разводили въ огромномъ размѣрѣ, наполняла казну его таларисами. Съ большими денежными средствами и большими затѣями, онъ не пропускалъ ни одного нововведенія, ни одного изобрѣтенія, ни одного открытія. Его войска торжествовали, корабли его съ разноцвѣтными флагами пріятно покачивались подъ его глазами, разбросанные по александрійскому рейду; при такихъ элементахъ верховнаго могущества, ему недоставало только одного — титула короля. Каждый день являлись во дворецъ его люди съ пылкимъ воображеніемъ, обѣщавшіе ему золотыя горы.

И все это былъ вздоръ!

Но хитрецъ, которому удалось въ полномъ смыслѣ слова одурчить пашу, былъ одинъ Италіанецъ съ фамилією на и.

Отправляясь на востокъ, онъ запасся всевозможнымъ знаніемъ. Онъ могъ быть докторомъ, аптекаремъ, журналистомъ; но ему понравилось болѣе званіе инженера. Вступивъ на египетскій берегъ, онъ выдалъ себя вслѣдствіе того за инженера.

Но такъ какъ это ремесло не повезло ему, онъ рѣшился взя

ся за другое: за ремесло отрывателя древностей. Люди, какъ Пассакаля, Дровети, недурно устроили свою будущность съ помощію своихъ коллекцій мумій, папирусовъ, обломанныхъ вазъ, разбитыхъ черепицъ, языческихъ истукановъ безъ ушей и носовъ. Итальянцу на и вздумалось пойти по ихъ слѣдамъ. Но это было не такъ-то легко: для того, чтобъ рыться во внутренности земли, были необходимы Бедуины и Феллахи; а чтобъ имѣть Бедуиновъ и Феллаховъ, — деньги. Этого-то именно и недоставало Итальянцу на и.

За немѣнѣемъ коллекцій анубисовъ и фараоновъ, онъ пытался-было составить коллекцію живыхъ львовъ, шакаловъ и гіенъ. Съ этой цѣлью онъ пустился рыть въ пустынѣ ямы, но не поддѣлъ на нихъ ни одного звѣря; напротивъ того, чуть-было самъ не попался въ одну изъ этихъ ямъ.

— Такъ какъ, подумалъ онъ, я не могу подцѣпить ни одного изъ египетскихъ львовъ, то надо попытаться поддѣть вице-короля. Охота же мнѣ была тратить время на эти пустыни! Закинемъ-ка лучше наши тенета на самого Мехмеда-Али.

Онъ продалъ свои заступы и кирки, продалъ свои клѣтки, увы! пустыя; однимъ словомъ, всё принадлежности своей неудачной охоты. Все это принесло ему четыре или пять золотыхъ монетъ, которыми, съ геройскимъ самоотверженіемъ, онъ рѣшился пожертвовать.

Вооруженный подпилкомъ, онъ третъ ихъ, пилитъ, дотога, что въ рукахъ его не осталось ни тѣни этихъ полновѣсныхъ монетъ.

Тогда онъ наклоняется къ землѣ и беретъ шесть пригоршней песку.

Этотъ песокъ онъ перемѣшиваетъ съ золотыми опилками, и затѣмъ отправляется въ Александрію.

Какъ на бѣду, въ это самое время хлопчатое дерево измѣнило ожиданіямъ. Оно обѣщало золотыя горы, и дѣйствительно, первый сборъ хлопчатой бумаги былъ дотога обилень, что паша сварядилъ цѣлыя полчища, настроилъ огромныя суда, для развозу ея въ разныя стороны; и отъ всего этого надо было отказать! Сборъ шелъ плохо, между-тѣмъ жалованье морскимъ и сухопутнымъ войскамъ шло своимъ чередомъ: паша задолжалъ пропасть. Бюджетъ его, по полнотѣ своей, могъ назваться достойнымъ сыномъ французскаго бюджета. Положеніе было весьма затруднительное. Къ-счастію, до него дошло извѣстіе, что Итальянецъ на и явился къ нему на помощь.

Этотъ инженеръ, какъ было сказано въ прошеніи, занимавшійся въ Сеннаарѣ минералогическими наблюденіями, и подвергавшій подробному анализу песокъ горы..., вполне убѣдился, что его вещество обладаетъ Потозой; этотъ крикъ преисполненъ золотого песку до такой степени, что росыпи Перу и Сибири не могутъ идти съ нимъ въ сравненіе. Италіянецъ на и, въ заключеніе, просилъ пашу назначить особую комиссію изъ химиковъ, какъ для изслѣдованія песку, который принесъ онъ, такъ и для подтвержденія, что количество заключающагося въ немъ золота должно, за покрытіемъ всѣхъ расходовъ по разработкѣ, принести огромныя выгоды.

Произведенные опыты были удовлетворительны какъ-нельзя болѣе.

По стеченію обстоятельствъ, Мехмедъ-Али въ это же самое время, былъ крайне разгнѣванъ на Хозрева-пашу, своего стариннаго врага и визиря его величества султана Махмуда.

Мехмедъ-Али задумывалъ ни болѣе ни менѣе какъ двинуть къ Стамбулу сто-тысячную армію съ намѣреніемъ образумить Хозрева, и, при случаѣ, заставить султана признать независимость Египта.

Но ему недоставало бездѣлницы — денегъ.

И вотъ, вдругъ является къ нему Франкъ съ самымъ досто-вѣрнымъ извѣстіемъ, что въ его владѣніяхъ, въ его собственныхъ владѣніяхъ, золота тма-тмушая; что ему стѣнитъ только нагнуться, да подбирать слитки, съ помощію которыхъ будетъ чѣмъ содержать не одну армію, а десять. Какъ же наградить этого дорогаго, этого неоцѣненнаго человѣка? Ужъ нельзя менѣе, какъ назначивъ его директоромъ золотоносныхъ работокъ въ Дар-Фурѣ.

Такъ и сдѣлали.

И вотъ нашъ Италіянецъ на чудесномъ мѣстѣ, съ прекраснымъ содержаніемъ. Онъ отправляется въ Сеннааръ съ толпой рудокоповъ, инженеровъ, и, разумѣется, съ смѣлой, въ которой находятся жены, бордоское и шампанское, палатки, диваны, однимъ словомъ, все, что необходимо для услажденія жизни, даже хотя бы то было и въ пустынѣ, и для усѣянна розами.

И между-тѣмъ, съ какимъ нетерпѣніемъ ждетъ наша въ Александрію кораблей своихъ! Проходитъ полгода, годъ. Въ пустынѣ пируютъ и веселятся, а онъ предается самымъ сладостнымъ надеждамъ.

Но золотые слитки какъ-то долго не приводятъ со слѣдъ Дар-

«урскихъ», а между-тѣмъ онъ ждетъ ихъ, чтобъ отправить въ походъ многочисленныя полки свои или, скорѣе, чтобъ одѣть и вооружить ихъ. Гонцы каждую недѣлю, каждый день, несутся въ Картумъ, по близости котораго производились развѣдки; увъ! эти гонцы приносили одни только огромныя общанія и ни одной блестящяго золота.

Наконецъ, чтобъ выйти изъ мучительной неизвѣстности, и зная, что одно присутствіе властелина можетъ подвинуть дѣла, этотъ старикъ съ пламеннымъ воображеніемъ, въ исходѣ 1838 года, рѣшился лично взглянуть на положеніе своихъ розсыпей. Онъ отправился въ путь.

Сатрапъ рѣдко путешествуетъ безъ своего штата. Какъ я сказалъ уже, гаремъ Мехмеда-Али слѣдовалъ за нимъ на разстояніи однихъ сутокъ.

Много было говорено о водопадахъ ассуанскихъ, нѣкогда сіенскихъ. Греческіе писатели не упустили прекраснаго случая наглатъ, увѣряя, что народы, на цѣлую милю въ окружности, были не оглушены грохотомъ ихъ паденія, но глухи, рѣшительно глухи отъ него. Добрый Нилъ вовсе и не думаетъ тревожиться и шумѣть такимъ страшнымъ образомъ. Сжатый между скалъ, онъ течетъ здѣсь нѣсколько быстрѣе обыкновеннаго, что однако не помѣшало пашѣ изъявить желаніе пойти противъ теченія на веслахъ. Надобно было сдѣлать кое-какія приготовленія; между-тѣмъ джерма съ женами также подоспѣла.

По обыкновенію, отъ берега до ихъ палатки, поставленной на возвышеніи, протянули занавѣсъ.

Здѣсь-то я имѣлъ случай видѣть одалыкъ. Однажды утромъ, лежа между пожитками, я вдоволь насмотрѣлся, какъ онѣ гуляли, бѣгали.

Уйти отсюда, значило бы перепугать ихъ и надѣлать шуму. Принужденный силой обстоятельствъ, я оставался между узлами, косяками, тазами, но не закрывая глазъ, что доставило мнѣ возможность познакомиться съ Алиной, Мехмедой и особенно съ Ниле.

— А что случилось съ экспедиціей?

— Паша вступилъ въ рукопашный бой съ божествомъ Нила: онъ посадилъ на свою джерму какъ-можно болѣе гребцовъ; божество Нила взбѣло какъ-можно болѣе волнъ. Началась борьба, война на смерть; сатрапъ былъ брошенъ на скалу, за которую онъ, по счастью, ухватился и такимъ образомъ избѣжалъ гнѣва бурной стихій. Но онъ не призналъ себя побѣжденнымъ.

За нимъ явилась другая джерма; съ помощію многочисленныхъ рукъ онъ пробрался чрезъ это ущелье и побѣдѣлъ.

Чтобъ навсегда обуздать неукротимость Нила, онъ приказалъ господину Линану взорвать скалу, которая, сжимая русло рѣки, увеличивала напоръ воды. Линанъ находилъ въ этомъ большія затрудненія; паша, который, какъ Бонапарте, хотѣлъ бы исключить изъ лексикона слово: *невозможно*, разсердился на своего инженера и немедленно отставилъ его отъ службы.

Герцогъ Монпансье, въ свое путешествіе по Египту, выпросилъ ему прощеніе.

Наконецъ Мехмедъ-Али прибылъ въ Картумъ. Обманъ открылся. Онъ разогналъ всѣхъ и возвратился въ Александрію богѣе чѣмъ когда-нибудь проклинающая нововводителей, изобрѣтателей, лжецовъ, льстецовъ, прожектёровъ и всѣ ихъ заманчивые проекты.

ПИТОМЦЫ ГВАРДІИ. — Всѣ тѣ, кому случалось объяснять *Eritome historiae graecae*, безъ-сомнѣнія, помнятъ, что въ Лакедемонѣ существовали батальоны, составленные изъ дѣтей отъ десяти до двѣнадцатилѣтняго возраста; что эти дѣти, воспитанные въ военной дисциплинѣ, слѣдовали иногда за старыми воинами во время ихъ экспедицій, и подъ защитой «священнаго батальона», принимали участіе въ сраженіяхъ.

Корпусъ французскихъ питомцевъ, въ отношеніи своего устройства сходствовалъ съ батальонами молодыхъ солдатъ древней Спарты. Впрочемъ, мысль о образованіи «питомцевъ гвардіи» Наполеонъ заимствовалъ не изъ греческой исторіи, а у Голландіи, гдѣ съ давняго времени существовалъ корпусъ «Королевскихъ велитовъ».

Эти велиты были дѣти офицеровъ и унтеръ-офицеровъ, умершихъ на службѣ. Они были образованы на военную ногу; ихъ обучали и командовали ими офицеры королевско-голландской гвардіи, а содержались они на счетъ другихъ полковъ, которые участвовали въ этомъ въ извѣстной мѣрѣ.

Мысль сдѣлать армію участницей въ воспитаніи дѣтей вояновъ, павшихъ въ рядахъ арміи, была велика и благородна. Поэтому-то Наполеонъ, любившій все великое и прекрасное, поспѣшилъ образовать подобный корпусъ, который отдалъ на попеченіе солдатъ своей старой гвардіи.

Оттого и пришло названіе «Питомцы гвардіи».

Притомъ Наполеону необходимо было загладить многое! Несмотря на его блистательныя побѣды, о которыхъ нельзя чи-

тать безъ особеннаго энтузіазма, непріятельскіе штыки безпрерывно умножали число сиротъ. Слава имѣеть ту дурную сторону, что она пріобрѣтается не иначе, какъ цѣной крови и слезъ. Каждый разъ какъ бюллетени Большой Арміи возвѣщали Франціи, что французскіе солдаты расположились побѣднымъ лагеремъ въ Вѣнѣ, Берлинѣ, Мадридѣ, въ то же время пять или шесть тысячъ семействъ поражала вѣсть, что отецъ, братъ или сынъ ихъ служилъ жертвой этой великой побѣдѣ.

Тридцатаго марта 1811 года былъ обнародованъ декретъ объ учрежденіи корпуса «Питомцевъ». Король римскій только-что явился на свѣтъ, и Наполеонъ хотѣлъ, чтобъ этотъ сынъ, для котораго онъ приготовилъ такую могущественную будущность, и колыбель котораго служила короной Италиі, имѣлъ также почетную стражу, составленную изъ юныхъ солдатъ отъ десяти до двѣнадцати лѣтъ.

Франція въ эту эпоху не походила на ту, какую Карлъ Мартелль завѣщалъ своимъ наслѣдникамъ, съ природными границами Рейна, Альповъ и Пиренеевъ. Она простиралась тогда до Зюдеръ-Зее, давшего свое имя одному департаменту; проходила черезъ Рейнъ до Вислы, огибала Пиренеи и шла за Альпами до департамента Омброна, припаленнаго лучами жгучаго солнца и омывавшагося теплой волной Икарскаго Моря. Поэтому, когда сынъ Наполеона явился на свѣтъ, сто-двадцать милліоновъ подданныхъ привѣтствовали его рожденіе, и крикъ: *да здравствуетъ король римскій!* повторялся, съ одного конца этой громадной имперіи до другаго, на двадцати различныхъ языкахъ.

Императоръ присутствовалъ при разсужденіяхъ объ учрежденіи корпуса питомцевъ; съ вниманіемъ, можно сказать, съ родительской заботливостью занимался онъ малѣйшими подробностями устава о содержаніи, о службѣ, какую должны были нести эти маленькіе солдаты, о пищѣ и прочемъ, и когда программа была окончательно составлена, онъ просмотрѣлъ ее еще разъ и своей рукой прибавилъ:

«Надобно какъ-можно менѣе занимать экзерциціями этихъ молодыхъ людей: они еще не въ состояніи переносить трудовъ и ихъ надобно беречь.»

Сначала было учреждено девять батальоновъ питомцевъ, число которыхъ простиралось до шести тысячъ. Все это были сироты; многіе изъ нихъ поступили на службу изъ госпиталей.

Спустя нѣсколько мѣсяцовъ послѣ образованія этихъ батальоновъ, происходившаго въ Версали, Наполеонъ, желая видѣть

успѣха своихъ витонченствъ, приказалъ имъ явиться на большой парадъ, который былъ назначенъ на Карусельской Площади.

Парижане не безъ удивленія смотрѣли, какъ проходила этотъ миниатюрный полкъ. Въ рядахъ нѣкоторыхъ другихъ полковъ, собранныхъ на парадъ, не обошлось безъ остротъ. Усы задрожали! кричали одни. Гренадеры отмѣнены! говорили другіе, и прочее. Но вотъ является императоръ: шутки прекращаются, говоръ толпы умолкаетъ и настаетъ такая глубокая тишина, что на площади слышенъ одинъ только топотъ коней польскихъ егерей, удерживавшихъ толпу въ назначенныхъ ей предѣлахъ. Все было безмолвно и неподвижно, въ присутствіи этого человѣка. Ноги солдатъ, казалось, вросли въ землю: одна вътерокъ, играя въ высокихъ мѣховыхъ шапкахъ гренадеръ и султановъ солдатъ, свидѣтельствовалъ, что эти грозныя стѣны людей, что эти едшія сомкнутыя въ густыя колонны, линіи, были живы.

Наполеонъ, какъ всегда, былъ въ зеленомъ мундирѣ, форма котораго извѣстна всѣмъ изъ многочисленныхъ гравюръ: то былъ мундиръ егерей его гвардіи. На немъ были простыя полковничьи эполеты и ботфорты. На головѣ его видѣлась маленькая трехугольная шляпа, которую солдаты такъ хорошо узнавали во время битвы, и очарованіе которой было такъ могущественно.

Въ ту минуту какъ онъ сѣлъ на коня, барабаны ударили походъ, раздалась воинская музыка, знамена преклонились, солдаты сдѣлали на караулъ, вослышались въ разныхъ концахъ командныя слова и необъятный крикъ: да здравствуетъ императоръ! повторенный тысячами зрителей, огласилъ эхо Тюильри.

Что касается до него, онъ, спокойный среди этого движенія, этого восторгу, этихъ чувствованій, какія возбуждало его присутствіе, выдался на три шага отъ своего блистательнаго штаба, окинулъ взоромъ всѣ полки, затѣмъ обернулся къ великому маршалу, что-то тихимъ голосомъ сказалъ ему, сдѣлать движеніе рукой и манѣвры начались.

Полки императорской гвардіи, полки инфантерій, кавалерій и артиллерій, по окончаніи манѣвровъ, прошли однаъ послѣ другаго подъ аркой побѣды, украшающей входъ тюильрійской рѣшетки, и надъ которой, въ то время, возвышалась великолѣпная бронзовая колесница, везомая четырьмя конями, воспоминавше походъ Французовъ въ Венецію. Достопамятный трофей, похищенный у Константинополя дожемъ Георгомъ Дандало, который Австрійцы въ свою очередь отняли у Французовъ, когда война привела ихъ въ Парижъ.

Когда пришлось питомцамъ проходить мимо императора, они несколько не испугались, ни присутствія другихъ полковъ, ни присутствія Наполеона. Они исполнили всѣ манёвры и всѣ ружейные приемы съ удивительной точностью и увѣренностью старыхъ солдатъ; что неразъ заставляло улыбаться штабъ императора и самого Наполеона.

Затѣмъ императоръ проѣхалъ по рядамъ питомцевъ, тщательно осмотрѣлъ ихъ выправку и изъявилъ свое удовольствіе храбруму полковнику Бардену, предводительствовавшему ими, за быстрые успѣхи учениковъ его втеченіи нѣсколькихъ мѣсяцовъ. Онъ приказалъ, чтобъ они, съ этого же дня, начали свою службу при королѣ Римскомъ.

Офицеры, командовавшие питомцами, были храбрые офицеры гвардіи; унтеръ-офицеры и капралы были набраны изъ учебныхъ фонтеблѣскихъ батальоновъ.

Это объясняетъ, отъ чего дѣти-солдаты манёврировали съ такою увѣренностью и отчетливостью.

Когда они окончили свои экзерциціи, императоръ велѣлъ имъ построиться въ боевой порядокъ, лицомъ къ лицу со вторымъ полкомъ старой гвардіи. Всѣ солдаты этого полка имѣли нашивки, почти всѣ — отличія, одни на лицахъ, другіе на груди. Послѣднія были повѣшены собственною рукою императора; что жъ касается до первыхъ, то ихъ начертала непріятельская сабля.

Всѣ эти старые воины, покрытые сѣдинами, съ огромными усами, и этимъ рѣзкимъ характеристическимъ выраженіемъ, которое сохранилъ дивный карандашъ Шарле; всѣ эти старые воины, бывали, одни въ Амстердамѣ съ Пингрю, другіе въ Неерваденѣ съ Гошемъ, нѣкоторые въ Миланѣ съ Бонапарте, въ Неаполѣ съ Шампюниэ; многіе начертали свои имена на пирамидахъ, или съ Дездемиды на безмолвныхъ развалинахъ Оивъ. Наконецъ, многіе участвовали съ Массеной въ достославной битвѣ при Цюрихѣ, съ Первымъ Консуломъ при Маренго или съ Морò при Гохенлиденѣ. Всѣ видѣли восходящее солнце Аустерлица, бѣгство солдатъ Фридриха-Великаго при Іенѣ и Эйлау, Фриландѣ, Ваграмѣ и прочее.

Противоположность этихъ солдатъ, еще дѣтей, и этихъ старыхъ воиновъ съ посѣдышими усами, представляла картину, самую трогательную.

Черезъ нѣсколько минутъ императоръ, ставъ между двумя полками, сказалъ своимъ старымъ воинамъ:

« Солдаты моей гвардіи, это ваши дѣти! Отцы ихъ пали, сра-

жался въ вашихъ рядахъ; вы заступите имъ ихъ мѣсто. Они найдутъ въ васъ примѣръ и опору. Будьте ихъ опекунами: подражая вамъ, они будутъ храбры; слушаясь вашихъ совѣтовъ, будутъ хорошими воинами. Я поручаю имъ охраненіе моего сына, какъ вамъ поручилъ мое собственное; съ ними я не буду страшиться за него, какъ съ вами не боюсь за себя. Прошу у васъ для нихъ дружбы и покровительства».

Затѣмъ онъ обратился къ питомцамъ:

«А вы, мои дѣти, причисливъ васъ къ гвардіи, я налагаю на васъ тяжелую обязанность; но я надѣюсь на васъ и увѣренъ, что современемъ скажутъ: Эти дѣти были достойны своихъ отцовъ!»

И питомцы гвардіи, дѣйствительно, показали себя достойными ихъ, въ кампаніи 1813 года и на равнинахъ Шампань, въ 1814 году, послѣднемъ и блистательномъ отблескѣ генія Наполеона.

Наконецъ, когда судьбы имперіи свершились въ Фонтенблѣ, королевскимъ декретомъ всѣ эти юные воины, пережившіе трудности войны и уцѣлѣвшіе отъ пуль непріятельскихъ, были распущены.

ФРАНЦУЗСКІЙ ТЕАТРЪ ВЪ ПАРИЖѢ. 1. *Philippe II, roi d'Espagne, Филиппъ-Второй, король испанскій*, драма въ пяти актахъ, съ прологомъ, господь *Кормона* и *Шиллера*.

Какой-то неизвѣстный Нѣмецъ, изъ сочинителей, Шил.... Ширл.... Шиллеръ.... кажется, Шиллеръ.... когда-то скропалъ какую-то пьеску подъ заглавіемъ «Донъ-Карлосъ», пьеску, такъ-себѣ, ничто! Нѣкоторые находили ее даже довольно сносною. Но французской публикѣ бульварныхъ театровъ нельзя же было предложить ее въ томъ видѣ, какъ она вышла изъ рукъ темнаго, неопытнаго автора. Великій Кормонъ, одинъ изъ орловъ бульварныхъ театровъ, возымѣлъ гениальную мысль *арранжировать* эту пьеску для особеннаго наслажденія своей публики, и арранжировалъ удивительно, усовершенствовалъ такъ, что любо смотрѣть. Изъ посредственной пьески вышла.... Но посудите сами. Кому случилось читать, тотъ помнитъ, можетъ-быть, что въ сказанной пьескѣ есть нѣкое скучное лицо маркизь Поза. Гениальный великій Кормонъ однимъ махомъ пера выкинулъ эту скучную роль; потомъ прибавилъ свой прологъ; гдѣ нужно, исправилъ и обдѣлалъ нѣмецкое произведеніе. Само собою разумѣется, что вполне удовлетворительно исправить было невозможно: въ нѣкоторыхъ мѣстахъ всё-еще проглядываетъ Нѣмецъ Шиллеръ.

2. Une nuit au Louvre, *Ночь въ Луэврѣ*, драма въ трехъ актахъ, въ прозѣ, господина *Vanderbuch'a*.

Несмотря на то, что сюжетъ этой драмы заимствованъ оттуда же, откуда заимствованъ сюжетъ романа «Королева Маргò» Александра Дюма, она претерпѣла крушеніе на подмосткахъ театра французскаго и содержаніе ея не разсказывается по многимъ, весьма уважительнымъ, причинамъ.

3. Le Petit-Fils, *Внукъ*, водевиль въ одномъ актѣ, господь *Баэра* и *Варнера*.

У мадамъ д'Армантіеръ есть внукъ Веніаминъ, въ которомъ она души не слышитъ, и сынъ Теодоръ, которому она выражаетъ свою материнскую любовь одними наставленіями и нагонками. Сынъ этотъ доводится внуку дядюшкой и, слѣдовательно, по законамъ природы долженъ бы имѣть больше вѣсу, однако жъ имѣеть гораздо меньше и нерѣдко прибѣгаетъ къ покровительству своего племянника, когда встрѣчается надобность выпросить что-нибудь у матушки-бабушки, мадамъ д'Армантіеръ. Ему, напримѣръ, настоятъ надобность выпросить полторы тысячи франковъ, для уплаты нѣкотораго честнаго долга, и онъ проситъ племянника выпросить ихъ у бабушки. Но полторы тысячи франковъ не фунтъ конфетовъ: скупая бабушка не скоро согласится дать такую сумму даже ненаглядному внуку. Дядюшка совѣтуетъ племяннику, въ случаѣ отказа, погрозить, что застрѣлится. Сказано, сдѣлано. Чтобы милый внукъ не застрѣлился съ отчаянія, бабушка разстается съ полутора тысячами франковъ. Но у внучка у самого есть кое-какіе долгишки, которые трудно было уплатить, и дядюшка этихъ денегъ не увидитъ, какъ своихъ ушей. Вслѣдъ затѣмъ дядюшкѣ хочется жениться на воспитанницѣ матушки-бабушки и онъ въ этомъ дѣлѣ также прибѣгаетъ къ ходатайству племянника. Дѣло чуть-ли не труднѣе денежнаго. Какъ убѣдить? Разумѣется, — опять пистолетомъ. Бабушка не можетъ устоять противъ пистолетныхъ аргументовъ и опять соглашается.... женить внучка, потому что плутъ самъ имѣлъ нѣкоторые виды на воспитанницу и завладѣлъ невѣстой подъ носомъ у любезнаго дядюшки, которому служилъ покровителемъ. Водевиль очень правоучительный и глубоко-философскій, показывающій, какъ опасно нарушать законы природы.

4. Un Homme grave, *Солідный человекъ*, водевиль господина *Сувестра*.

Москѣ Дюпорталь государственный чиновникъ, судья, совѣтникъ палаты или что-то въ этомъ родѣ, и потому человекъ со-

лидный, холодный, важный, строгий. Онъ никогда не былъ молодъ и не хочетъ, чтобы другіе были молоды. Всякая улыбка ему подозрительна; всякій звонкій, поющій голосъ — досаденъ; все, что не носитъ чернаго фрака и бѣлаго галстука оскорбляетъ его глазъ. Послѣ этого можете себѣ представить, какъ онъ любитъ своего негодяя племянника, который таскается по баламъ и театрамъ и носитъ пестрые жилеты и желтыя перчатки! Можете также представить, согласенъ ли онъ женить его на вдовствующей мадамъ де-Каньи, на шеголихѣ, дилетанткѣ, музыкантшѣ, которая барабанить на фортепіано и поеть! Узнавъ объ оскорбительномъ отказѣ, молодая вдова принимаетъ мѣры къ отмщенію за кровавую обиду и отмщаетъ совершенно удовлетворительно. Она угадала, что старый пуританинъ не соведѣмъ такъ строгъ, какъ съ виду кажется, и въ нѣсколько мгновеній, то есть нѣсколько разъ мигнувши, повергаетъ ханжу къ своимъ ногамъ и везетъ съ собою въ маскарадъ въ костюмѣ, который въ Петербургѣ обыкновенно называютъ Леманомъ. Развязка очевидна.

5. *La Femme électrique, Магнитическая женщина*, водевилъ господъ Кордые и Клервилл.

Ученый москѣ Рондёръ хочетъ доказать Академіи Наукъ, что она напрасно сомнѣвается въ существованіи ясновидящихъ и людей, одаренныхъ чрезвычайнымъ количествомъ животнаго магнетизму. Москѣ Рондёръ нашелъ сюжетъ, но только сюжетъ мужскаго полу, а Академія требуетъ, чтобы была женщина. Впрочемъ, москѣ Рондёръ надѣется, что Академія не примѣтитъ такой маленькой разницы. Онъ нашелъ нѣкоторое расположеніе, откармливая молодаго человѣка морскими раками, трюфельми и всякими прясностями, чтобы начинить огнемъ и возвести на степень электрическаго феномена. Кокильо поддается всѣмъ этимъ продѣлкамъ вслѣдствіе магнитическаго вліянія, какое имѣетъ на него мадамозель Рондёръ, хорошенькая дочка ученаго магнетизёра, однако жъ опыты всё-еще не удовлетворяютъ всѣмъ требованіямъ Академіи. Москѣ Рондёръ ломаетъ голову, отыскивая новые способы къ усовершенствованію своего сюжета и вслѣдствіе такихъ занятій совершенно упускаетъ изъ виду жену, которая отъ скуки предалась магнитическому влеченію къ нѣкому москѣ Понтоазу. Однажды ученый москѣ Рондёръ застаётъ ихъ въ очень близкомъ другъ отъ друга положеніи и чуть-чуть не прокликаетъ магнетизмъ. Но оказывается, что приключилось это именно отъ электрической силы: москѣ Понтоазъ настоящая лейденская банка и магнетизму въ немъ столько, что онъ притягиваетъ все на себѣ

тъ. Рондѳръ въ восхищеніи схватываетъ Понтоаза въ объятія и увлекаетъ въ кабинетъ, чтобы подвергнуть опытамъ. — Ну, вотъ, притяните, говорить, эту чашку, чѣд тамъ стоитъ на столѣ.... И, о, чудо! чашка летитъ и разлетается въ дребезги у ногъ Понтоаза. — Хорошо. Теперь, притяните этотъ стулъ.... И стулъ съ шумомъ подъѣзжаетъ къ центру притяженія. Все это Понтоазъ притягиваетъ очень легко, потому что Кокильо изъ своихъ видовъ на руку надмоазель Рондѳръ, спрятавшись въ уголъ помогаетъ ему. — Чудо! чудо! прекрасно! кричитъ Рондѳръ: теперь притяните же и меня.... И помощью томъ въ нѣкоторое мѣсто, Рондѳръ летитъ въ объятія своего магнитическаго феномена. Послѣ этого, разумѣется, все устроивается какъ слѣдуетъ.

Вещь очень глупая, но достигаетъ своей цѣли, возбуждаетъ цѣлительный отъ многихъ болѣзней электро-магнитическій хохоть.

МУЗЫКАЛЬНЫЯ НОВОСТИ. Новостей нѣтъ. Какія же могутъ быть новости въ музыкѣ, кто думаетъ о нашей жалкой, ничтожной музыкѣ теперь, когда вся природа оживляется и тысячами разнообразныхъ голосовъ, внятныхъ только для слуха души, поетъ торжественный гимнъ Создателю! Человѣческая музыка глѣбомъ отдыхаетъ или готовится къ новымъ подвигамъ — зимою. Пѣвцы и пѣвицы пользуютъ теплымъ воздухомъ свои легкія, утомленные неистовыми криками, которые нынче называются пѣніемъ; инструментисты упражняютъ руки и губы и въ тишинѣ кабинета или на чистомъ воздухѣ готовятъ дивныя произведенія, которыми намѣреваются удивлять насъ зимою. Все молчать, отдыхаетъ или трудится про себя. Одинъ только нашъ даровитый композиторъ и капельмейстеръ В. М. Кажинскій, удивляетъ своихъ обычныхъ слушателей. Вы знаете, что иногда войска, которыя неохотно сходились съ непріателемъ, вдругъ начинаютъ бить его при каждой встрѣчѣ — потому только, что имъ командуетъ другой предводитель. Это не новость и не музыкальная, но она кстатѣ. То же самое случилось и съ оркестромъ Александринскаго театра. Бывало, въ антрактахъ, этотъ оркестръ сонливо наигрываетъ какія-то стародавнія симфоніи, въ твердой увѣренности, что его никто не слушаетъ. Теперь этотъ самый оркестръ, по мановенію маршальскаго — виноватъ, капельмейстерскаго, но волшебнаго жезла своего предводителя, съ дивной стройностію, съ жаромъ, съ увлеченіемъ исполняетъ превосходнѣйшія произведенія великихъ мастеровъ искусства, и публика, благодарная и внимательная, не расходится, сидитъ и слушаетъ, такъ что

буфетчикъ Александринскаго Театра горько жалуется, что Кажинскій отбилъ у него весь доходъ. Вотъ что значить душа — въ оркестрѣ, какъ и во всемъ! Кстати: этотъ оркестръ верѣдно исполняетъ и прекрасныя произведенія своего предводителя. Изъ нихъ между прочимъ, чрезвычайно нравится слушателямъ Римскій Маршъ (*La Souffrance de Lauriers*). Этотъ маршъ теперь намечатанъ и продается у Габлера, въ домѣ Энгельгардта; а у Криха, на углу Малой Морской, въ домѣ Косиковскаго, получено изъ Вѣны полное собраніе обворожительныхъ полекъ В. М. Кажинскаго, изданное въ одной, красивой тетради. Вотъ наконецъ новость, за которую вы, вѣрно, будете намъ благодарны.

=

НОВЫЯ КНИГИ,

(Въ книжномъ магазинѣ Гауэра и К^о, Коммисіонера Императорской Библіотеки на Невскомъ Проспектѣ, въ домѣ Петилья, № 3.)

(Цѣны на серебро.)

- MILITAIRIANA**, Scènes comiques de la vie militaire. 1 vol. in-4. figures noires. 3 r.
ditо colorіées. 5 r.
- MIRABELLE**. Les Recréations du Collège ou la Journée aux histoires; recits de tous les pays. Paris, 1 vol. in-4. 2 r.
- MOKE ET FÉTIS**. Les Splendeurs de l'Art en Belgique. Vignettes d'après Hendrickx et Stroobant. Bruxelles, 1844. Liv. 1 à 21. 2 r. 25 c.
- MORIN**. Cours et Etudes de Dessin :
- Etudes d'Animaux. 1 vol. in-8 oblong. 2 r.
 - Etudes de figures. 1 vol. in-8 oblong. 2 r.
 - Etudes de Paysages. 1 vol. in-8 oblong. 2 r.
 - Leçons variées de dessin figures, paysages animaux. 1 vol. in-8 oblong. 2 r.
- PLUS (le)** nouveau Livre d'Images composé par Beaume Lewis et. 1 vol. in-4. 2 r. 25 c.
- ROUSSEAU (J. J.)** Confessions édition illustrée par Johannot. Paris, 1848. 1 vol. gr. in-8. 16 fr. 4 r. 55 c.
- SALVAGE**. Alphabet mayen age orné de 12 jolies gravures. Paris, 1845. 1 vol. in-18. 3 fr. 50 c. 1 r.
- Aventures surprenantes du Célèbre Grand Gosier ornées de 12 gravures. 1 vol. in-18. 3 fr. 50 c. 1 r.
- SAVIGNAC**. Alphabet de la petite Gourmande. 1 vol. in-18 avec 12 gravures. 3 fr. 50 c. 1 r.
- Le Songe d'une petite fille. 1 vol. in-18, avec 12 gravures. 3 fr. 50 c. 1 r.
- SAINTEs**. Les Anges de la terre personnifiés par leurs vertus et leurs belles actions. Paris, 1846. 1 vol. in-8 cart. 21 fr. 6 r.
- SAND**. Teverino. Paris, 1846. 2 vol. in-8. 15 fr. 4 r. 25 c.
- SENSITIVES (les)** Album des salons par Dumas, Deschamps Souvestre.

- 1 vol. in-fol. avec 18 gravures anglaises. 50 fr. 14 r.
TABLE ALPHABÉTIQUE et méthodique du magasin pittoresque, suivie de la table des gravures 1833 à 1842. 1 vol. in-8. 7 fr. 2 r. 25 c.
TABLEAUX et Recits religieux, album illustré de dessins. 1 vol. in-4. 8 fr. 2 r. 25 c.
TALABOT (M.-e.) Alphabet pittoresque des Enfants Sages et obéissants. Paris, 1845. 1 vol. in-18. avec 24 gravures. 5 fr. 1 r. 50 c.
VIEL CASTEL. Archambaud de Comborn. Paris, 1845. 1 vol. in-8. 7 fr. 2 r.
VILLIERS du TERRACE. Résumé élémentaire des principales notions astronomiques. Paris, 1845. 1 vol. in-18. 2 fr. 55 c.
WENDEL. Voyages et aventures véritables de quatre Enfants d'Orient. Paris, 1 vol. in-4 orné de gravures. 7 fr. 2 r.

BIBLIOTHÈQUE - CAZIN.

à un franc le volume. 30 cop. d'argt.

- KARR.** Geneviève. 2 vol.
SANDEAU. Docteur Herbeau. 2 vol.
 ——— Marianna. 2 vol.
 ——— Vaillance et Richard. 1 vol.
SUE. Arthur. 4 vol.
 ——— Juif Errant. 10 vol.
 ——— Mystères de Paris. 10 vol.
 ——— Mathilde. 6 vol.

OMNIBUS LITTÉRAIRE.

à 40 cop. assig. le vol.

- DUMAS.** Louis XIV. 9 volumes.
SAND. Le Peché de Monsieur Antoine. 4 volumes.
SOULIÉ. La comtesse de Mourion. 4 volumes.

НОВЫЯ МУЗЫКАЛЬНЫЯ СОЧИНЕНИЯ.

(Въ магазинѣ М. Бернарда, на Невскомъ Проспектѣ, противъ Малой Морской, въ домѣ Паскаля, № 11.)

- AZAREVITSCH.** Fantaisie et Variations sur l'air bohémien: Koca (1 r.).
BENEDICT. Caprice, op. 33. (1 r. 29 c.). Divertissement sur Bon Pasquale, op. 34. (85 c.).
BERNARD. Chant du malheureux. Nocturne. (50 c.). Collection d'airs favoris de l'opéra italien, transcrits pour piano seul. No. 1 à 23. (9 r. 95 c.).
BERTINI. Fantaisie-valse, op. 154. (1 r. 43 c.). Les deux soeurs. Deux romances sans paroles, op. 158. No. 1. Louise. No. 2. Isabelle. (chaque à 1 r. 15 c.).
BEYER. Fantaisie de salon sur la part du diable d'Auber, op. 75. (1 r. 43 c.). Morceau de salon sur le quatuor de l'opéra: i Paritani, op. 76. (1 r. 15 c.). Trois amusemens sur les quatre fils Aymon, opéra de Balfe, op. 77. No. 1; 2; 3. (chaque à 1 r.). Deux morceaux de salon sur le désert de David, op. 78. No. 1, 2. (chaque à 85 c.). Petite fantaisie sur: Ozeur und Zimmerman, de T. LXXVI.—Отд. VII.

Lortzing, op. 36. No. 13. (72 c.). Six morceaux élégants sur des airs allemands favoris, op. 84. No. 1 à 6. (chaque à 72 c.).

BURGMUELLER. Galop en forme de Rondé sur la Barcarolle d'Auber, op. 90 (1 r.). Fantaisie brillante sur la Barcarolle d'Auber, op. 91. (1 r. 15 c.). Fantaisie brillante sur: Ernani de Verdi, op. 92. (1 r. 15 c.). Rondoletto sur un motif de la Sonnambula. (60 c.).

CHOPIN. Berceuse, op. 57. (85 c.). Grande Sonate, op. 58. (2 r. 58 c.). Trois mazurkas, op. 59. (1 r. 43 c.).

DOEHLER. Trois valses brillantes, op. 54. (1 r. 72 c.) Deux fantaisies sur i Lombardi de Verdi, op. 59. No. 1, 2 (chaque à 1 r. 43 c.). Mélodies russes variées, op. 60. No. 1. Trio de l'opéra: «Жизнь за Царя» de M. Glinka. No. 2. Cozoseï d'Alabiéff No. 3. Бы бызано de M. Vielhorsky. (chaque à 85 c.). Grand galop de bravoure, op. 61. (1 r. 15 c.). Trot des chevaliers gardes (60 c.)

HENSELT. Deux romances du Comte Vielhorsky, transcrites. (1 r.). Mazurka et Polka. (1 r.). Air de Balfé, transcrit (1 r.).

HERZ Grande fantaisie brillante sur l'opéra: Lucrezia Borgia, op. 147. (1 r. 72 c.). Arabesques musicales, op. 148 No. 1. Variations sur Nabucodonosor de Verdi. No. 2. Les danseuses. No. 3. Chanson normande variée. No. 4. Angelus et tarentelle. No. 5. Le pâtre d'Appenzell No. 6. Les bords du Mançanara (chaque à 85 c.). Les fleurs italiennes, op. 149 No. 1. Variations sur un thème de Carafa. No. 2. Fantaisie sur un thème de Mercadante. (chaque à 85 c.). Souvenirs de la Scala, op. 150. No. 1. Caprice sur Maria Padilla de Donizetti. No. 2. Variations sur Chiara di Rosenberg de Ricci (chaque à 1 r.). Valse sur le Ballet: le Diable à quatre. (85 c.) Mazurka sur le Diable à quatre, (avec vignette) (85 c.). Nouvelle tirolienne originale variée, op. 154. (1 r. 29 c.). Les entraînantes. Nouveau quadrille varié, op. 155 (1 r. 43 c.).

HUENTEN. Fantaisie sur Romeo et Juliette de Bellini, op. 134. (1 r. 15 c.). Deux rondos, op. 139. No. 1. Hélène, mélodie grecque. No. 2. Angiolina, esouzonetta milanaise. (chaque à 1 r. 15 c.). Souvenirs de Bellini. Fantaisie, op. 140. (1 r. 15 c.). Fantaisie brill. sur la Sonnambula de Bellini, op. 141. (1 r. 15 c.). Fantaisie brill. sur: i Puritani de Bellini, op. 142. (1 r. 15 c.).

KALKBRENNER. Fantaisie sur le célèbre air «Auld Robin Gray», op. 174. (1 r. 43 c.). Souvenirs de la Sirène. Fantaisie, op. 180. (1 r. 43 c.).

LISZT. Six mélodies de Schubert, transcrites. No. 1. Adieu. (72 c.). No. 2. Les plaintes de la jeune fille. (1 r.). No. 3. La cloche des agonisants. (1 r.). No. 4. La fleur fauée. (72 c.).-No. 5. Toute ma vie (85 c.). No. 6. La truite. (1 r. 15 c.).

MAYER. Air italien varié, op. 76 (1 r. 15 c.). Nocturne, op. 81. (60 c.). Mazurka, op. 82. (1 r. 15 c.). Troisième valse-étude, op. 83. (1 r. 15 c.). La Gentille. Valse (50 c.).

MENDELSSOHN BARTHOLDY. Antique des Sophokles, arr. par C. Horsley, op 55. (2 r.).

PRUDENT. Caprice-étude de concert sur la Sonnambula, op. 23. (1 r. 29 c.). Caprice-étude de concert sur: i Puritani, op. 24. (1 r. 43 c.).

ROSILLIN. Fantaisie brillante sur le Comte Ory de Rossini, op. 74. (1 r. 43 c.). Deux fantaisies sur deux romances d'Heurion, op. 79. No. 1, 2. (à 1 r.). Fantaisie brillante sur la Lucia di Lammermoor, op. 80. (2 r.). Souvenir d'Ernani. Fantaisie, op. 81. (1 r. 72 c.).

Polka sur le ballet: le Diable à quatre, (avec vignette): (72 c.).

La Tagliani. Polka (avec vig.). (58 c.).

SCHILLER. Élégie. (50 c.). Morceau fantastique (75 c.).

THALBERG. Marche funèbre variée (édition abrégée et facilitée), op. 59. (58 c.). Barcarolle, op. 60. (1 r. 43 c.). Grande fantasia sur des motifs de l'opéra: le Barbier de Seville, op. 63. (1 r. 72 c.).

VOSS. Sérénade, op. 61. (1 r. 29 c.). Grande mélodie célèbre des Huguenots de Meyerbeer, variée, op. 64 (1 r. 43 c.). Hommage aux grâces. Esmeralda, mélodie espagnole, op. 65 (45 c.).

WILLIERS. Grande mazurka, op. 44. (58 c.). Sextuor final de l'opéra: Lucia di Lammermoor de Donizetti, op. 45. (1 r. 15 c.).

(Выписывающіе нотъ на сумму не менѣе трехъ рублей серебромъ, получаютъ двадцать процентовъ уступки, а выписывающіе на пятнадцать рублей, кромѣ того ничего не прилагаютъ на пересылку. Выгодой этой пользуются только тѣ, которые обратятся съ требованіями непосредственно въ магазинъ Бернара. На тѣхъ же условіяхъ можно выписывать черезъ нихъ всѣ музыкальныя сочиненія, кѣмъ бы они ни были изданы или объявлены.)

Въ томъ же магазинѣ вышла 1-го Юля шестая тетрадь «Нувеллиста», которая содержитъ съ себя: Voss. Esmeralda. Mélodie espagnole. — Choulernikoff. Pensée fugitive. — Gungl. Kriegers-Lust. Festmarsch. — Prudent. La berceuse. — Mayer. 4me Valse - étude (inédite) — Wolff. Deuxième mazurka originale. — Grunier. Rondo sur un thème de Zampa de F. Herold. — Herz. Variations sur un thème de Sarcas. — Гурилевъ. Съ тоской на радость я глазу. Романсъ. — Henriot. Loïn de sa mère. Romance. — Музыкально-литературное прибавленіе (Годовая цѣна подписки 10 руб. сереб., съ пересылкою 11 руб. 50 коп.).

Г. г. желающіе подписаться на «Нувеллистъ» на 1846, получаютъ сполна всѣ тетради этого журнала, вышедшія съ начала нынѣшняго года.

МОДЫ.

Шляпки Pamela наконецъ приняты всѣми; по ихъ дѣлаютъ не такъ открытыми и не такими маленькими, какъ въ первое время; ихъ не убираютъ болѣе кокардами; кокарды слишкомъ приглядѣлись: онѣ остаются только на шляпкахъ, сдѣланныхъ еще въ прошломъ мѣсяцѣ, но на самыхъ новыхъ мы ихъ больше не увидимъ. Теперь лучшія шляпки уборы очень легко и просто: на верху немного лентъ, которыя или перевиты одна съ другой или положены совсѣмъ гладко въ два ряда; сзади непременно бантъ съ длинными концами, что чрезвычайно мило; подъ поля подкалываютъ цвѣты, перемѣшанные съ тюлемъ или нѣсколько петель лентъ одинаковыхъ съ наколотыми на шляпкѣ; чаще всего на верху свѣтлыя, гладкія, непременно съ бахромъ-

кой; а подъ полями или пестрыя или одинаковыя, яркихъ цвѣтовъ. Бѣлыя ленты для соломенныхъ шляпъ считаются лучшими, а пунцовыя съ желто-золотаго цвѣта бахромкой самыми роскошными и рѣдными.

Платья убираютъ слѣдующимъ образомъ. Легкія бѣлыя, — безчисленнымъ множествомъ мелкихъ складокъ; самая нижняя изъ нихъ шириною въ полтора вершка не болѣе, аверху эти складки постепенно уменьшаются и верхняя, отстоящая только вершка на два отъ самаго корсажа, ширины въ тоненькій дамскій пальчикъ. Цвѣтныя легкія платья убираютъ двумя оборками: первая, нижняя, почти въ аршинъ шириною; другая надъ ней, шириною въ полтора или много въ два вершка. Шелковыя легкія убираютъ тремя или четырьмя широкими прямыми складками. Корсажи дѣлаютъ безъ исключенія высокіе; рукава гладкіе, иныя разрѣзанные отъ локтя до кисти и соснурованные тонкимъ шнуркомъ или аграмантникомъ; тогда внизу должны быть рукава бѣлые, обшитые кружевомъ, спущеннымъ на кисть руки. Появились опять кофточки: ихъ дѣлаютъ съ гладкими спинками, не большими рукавчиками и съ наружными впереди кармашками; изъ всѣхъ чернаго и очень темныхъ бархатовъ кофочки нарядъ восхитительный!

==

10
11
12
13
14
15
16
17
18
19
20
21
22
23
24
25
26
27
28
29
30
31
32
33
34
35
36
37
38
39
40
41
42
43
44
45
46
47
48
49
50
51
52
53
54
55
56
57
58
59
60
61
62
63
64
65
66
67
68
69
70
71
72
73
74
75
76
77
78
79
80
81
82
83
84
85
86
87
88
89
90
91
92
93
94
95
96
97
98
99
100
101
102
103
104
105
106
107
108
109
110
111
112
113
114
115
116
117
118
119
120
121
122
123
124
125
126
127
128
129
130
131
132
133
134
135
136
137
138
139
140
141
142
143
144
145
146
147
148
149
150
151
152
153
154
155
156
157
158
159
160
161
162
163
164
165
166
167
168
169
170
171
172
173
174
175
176
177
178
179
180
181
182
183
184
185
186
187
188
189
190
191
192
193
194
195
196
197
198
199
200
201
202
203
204
205
206
207
208
209
210
211
212
213
214
215
216
217
218
219
220
221
222
223
224
225
226
227
228
229
230
231
232
233
234
235
236
237
238
239
240
241
242
243
244
245
246
247
248
249
250
251
252
253
254
255
256
257
258
259
260
261
262
263
264
265
266
267
268
269
270
271
272
273
274
275
276
277
278
279
280
281
282
283
284
285
286
287
288
289
290
291
292
293
294
295
296
297
298
299
300
301
302
303
304
305
306
307
308
309
310
311
312
313
314
315
316
317
318
319
320
321
322
323
324
325
326
327
328
329
330
331
332
333
334
335
336
337
338
339
340
341
342
343
344
345
346
347
348
349
350
351
352
353
354
355
356
357
358
359
360
361
362
363
364
365
366
367
368
369
370
371
372
373
374
375
376
377
378
379
380
381
382
383
384
385
386
387
388
389
390
391
392
393
394
395
396
397
398
399
400
401
402
403
404
405
406
407
408
409
410
411
412
413
414
415
416
417
418
419
420
421
422
423
424
425
426
427
428
429
430
431
432
433
434
435
436
437
438
439
440
441
442
443
444
445
446
447
448
449
450
451
452
453
454
455
456
457
458
459
460
461
462
463
464
465
466
467
468
469
470
471
472
473
474
475
476
477
478
479
480
481
482
483
484
485
486
487
488
489
490
491
492
493
494
495
496
497
498
499
500
501
502
503
504
505
506
507
508
509
510
511
512
513
514
515
516
517
518
519
520
521
522
523
524
525
526
527
528
529
530
531
532
533
534
535
536
537
538
539
540
541
542
543
544
545
546
547
548
549
550
551
552
553
554
555
556
557
558
559
560
561
562
563
564
565
566
567
568
569
570
571
572
573
574
575
576
577
578
579
580
581
582
583
584
585
586
587
588
589
590
591
592
593
594
595
596
597
598
599
600
601
602
603
604
605
606
607
608
609
610
611
612
613
614
615
616
617
618
619
620
621
622
623
624
625
626
627
628
629
630
631
632
633
634
635
636
637
638
639
640
641
642
643
644
645
646
647
648
649
650
651
652
653
654
655
656
657
658
659
660
661
662
663
664
665
666
667
668
669
670
671
672
673
674
675
676
677
678
679
680
681
682
683
684
685
686
687
688
689
690
691
692
693
694
695
696
697
698
699
700
701
702
703
704
705
706
707
708
709
710
711
712
713
714
715
716
717
718
719
720
721
722
723
724
725
726
727
728
729
730
731
732
733
734
735
736
737
738
739
740
741
742
743
744
745
746
747
748
749
750
751
752
753
754
755
756
757
758
759
760
761
762
763
764
765
766
767
768
769
770
771
772
773
774
775
776
777
778
779
780
781
782
783
784
785
786
787
788
789
790
791
792
793
794
795
796
797
798
799
800
801
802
803
804
805
806
807
808
809
810
811
812
813
814
815
816
817
818
819
820
821
822
823
824
825
826
827
828
829
830
831
832
833
834
835
836
837
838
839
840
841
842
843
844
845
846
847
848
849
850
851
852
853
854
855
856
857
858
859
860
861
862
863
864
865
866
867
868
869
870
871
872
873
874
875
876
877
878
879
880
881
882
883
884
885
886
887
888
889
890
891
892
893
894
895
896
897
898
899
900
901
902
903
904
905
906
907
908
909
910
911
912
913
914
915
916
917
918
919
920
921
922
923
924
925
926
927
928
929
930
931
932
933
934
935
936
937
938
939
940
941
942
943
944
945
946
947
948
949
950
951
952
953
954
955
956
957
958
959
960
961
962
963
964
965
966
967
968
969
970
971
972
973
974
975
976
977
978
979
980
981
982
983
984
985
986
987
988
989
990
991
992
993
994
995
996
997
998
999
1000

